

ВѢСТНИКЪ

ВРОПЫ

ДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ТОМЪ CDIII.—1/14 СЕНТЯБРЯ 1904.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1904

8071

„ПРИЗРАКИ“

как

ИСПОВѢДЬ ИВ. С. ТУРГЕНЕВА

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ 1863 году, Ив. С. Тургеневъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта. Ему было сорокъ-пять лѣтъ; онъ насчитывалъ двадцать лѣтъ литературной дѣятельности,—и какой дѣятельности! Къ этому времени имъ было создано уже все то, что̀ одно могло бы упрочить за нимъ славу первостепеннаго художника слова. Послѣдній въ то время его романъ „Отцы и Дѣти“ — капитальное произведеніе, вполнѣ сильное и зрѣлое, — затрогивалъ жгучій общественный вопросъ и тѣмъ глубоко волновалъ публику. Появленіе этого романа и впечатлѣніе, произведенное имъ на критику и читателей, совпали съ переломомъ въ душевной жизни писателя,—переломомъ, который отразился и на производительности его таланта, и на характерѣ творчества, и на настроеніяхъ его личной жизни. Въ этихъ настроеніяхъ, поскольку они выражаются въ перепискѣ его, начинаетъ дѣлаться замѣтною съ тѣхъ поръ какая-то усталость, какъ будто сомнѣніе въ своихъ силахъ и въ возможности создать еще что-нибудь крупное, значительное; жалобы эти по временамъ возвращаются до самаго конца жизни писателя, несмотря на то, что имъ написано было еще два большихъ романа на общественныя темы и немало повѣстей и разсказовъ, въ которыхъ упадка таланта никакъ нельзя было видѣть. Въ производительности его наступаетъ только нѣкоторый перерывъ,

что̀ и не удивительно, послѣ того подъема, которымъ отмѣчена эта производительность съ 1855-го по 1861 г. Тогда онъ въ шесть лѣтъ написалъ четыре такихъ романа, какъ „Рудинъ" (1855 г.), „Дворянское Гнѣздо" (1858), „Наканунѣ" (1859) и „Отцы и Дѣти" (1861), шесть большихъ повѣстей, какъ: „Переписка", „Як. Пасынковъ", „Фаустъ" (1855), „Поѣздка въ Полѣсье", „Ася" (1857) и „Первая Любовь" (1860), не считая мелкихъ статей, воспоминаній и т. п. (о Грановскомъ, о художникѣ Ивановѣ, „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ", Проектъ общества грамотности и т. п.). А затѣмъ, въ слѣдующія пять лѣтъ, онъ даетъ только три небольшіе этюда: „Призраки" (1863 г.), „Довольно" (1864 г.) и „Собака" (1866 г.). Здѣсь впервые выступаетъ въ творчествѣ Тургенева элементъ фантастики, который до сихъ поръ отсутствовалъ у этого, казалось бы, трезваго наблюдателя природы и общества. Впервые у него средствомъ поэтическаго воздѣйствія на читателя являются болѣзненныя настроенія его персонажей, необъяснимыя у нихъ видѣнія, сношенія съ загробнымъ міромъ и т. п. Къ фантастическому элементу поэзіи присоединяется еще и усиленная въ ней склонность къ пессимизму. Склонность эта всегда лежала въ основѣ Тургеневскаго таланта и сказывалась мягкимъ, элегическимъ тономъ повѣствованія. Но теперь творчество его отмѣчено особою грустью, такимъ скептицизмомъ и уныніемъ, какъ будто вся жизнь человѣчества повернулась къ поэту одной темной своею стороною. И именно этотъ мрачный взглядъ на жизнь онъ и хочетъ теперь изобразить намъ. Но сперва, въ „Призракахъ", онъ его какъ бы утаиваетъ подъ покровомъ фантастическихъ видѣній. Отъ проницательности и критическаго чутья его близкаго друга, П. В. Анненкова, субъективный и даже автобіографическій характеръ разсказа не скрылся; но Тургеневъ не счелъ нужнымъ открывать его другимъ пріятелямъ. Фету, напримѣръ, онъ обозвалъ „Призраки" чѣмъ-то не имѣющимъ человѣческаго смысла, произведеніемъ „очепушившейся" фантазіи! А между тѣмъ, оказывается, что чувства, внушившія это произведеніе, имѣли серьезный смыслъ и далеко не были выдуманными или поверхностными; напротивъ, они коренились въ авторѣ такъ глубоко, что дали потомъ содержаніе и слѣдующему произведенію, „Довольно". Въ этомъ „Довольно" тотъ же скептицизмъ теоретической мысли, и такая же мучительность этого скептицизма для живой души человѣка изливается въ ясно опредѣленной лирической формѣ; но въ „Призракахъ" поэтъ какъ бы только еще провѣряетъ себя и свои чувства на отдѣльныхъ картинахъ міровой жизни и жизни

человѣчества. Если мы ближе всмотримся въ эти картины и вдумаемся въ ихъ послѣдовательность, мы найдемъ и самую основу пессимизма у нашего поэта,—пессимизма, особенно обострившагося въ этотъ моментъ его жизни. И мы увидимъ тутъ не только картину личной души Тургенева, но и психологическій моментъ, переживаемый цѣлымъ поколѣніемъ и не въ одной только Россіи.

Тургеневъ назвалъ „Призраки“ фантазіей; такъ же названо у Фета и то красивое стихотвореніе, изъ котораго онъ заимствуетъ эпиграфъ: „Мигъ еще—и нѣтъ волшебной сказки... И душа опять полна возможнымъ“... Въ Тургеневской сказкѣ мы видимъ рядъ небольшихъ картинъ, удивительныхъ по своей яркости и по силѣ выразительности. Связаны эти картины внѣшнею фабулою, до сихъ поръ у Тургенева небывалою: это—необъяснимое появленіе безплотнаго существа, имѣющаго возможность, побѣждая пространство и время, дѣлать и человѣка участникомъ своихъ полетовъ и очевидцемъ различныхъ зрѣлищъ прошлаго и настоящаго. Оставимъ въ сторонѣ эту фантастическую фабулу съ ея загадочною Эллисъ, и попробуемъ установить внутреннюю связь картинъ,—символическихъ видѣній поэта. Назовемъ поэтомъ того анемичнаго помѣщика, отъ имени котораго ведется разсказъ, отчасти потому, что въ немъ дѣйствительно много свойствъ поэтической природы автора, а также и потому, что только поэтъ можетъ видѣть и изобразить то, что̀ ему показываетъ Эллисъ.

Отдавшись во власть Эллисъ, поэтъ поднимается на страшную высоту; но тамъ его охватываетъ ужасъ; онъ спѣшитъ опуститься къ землѣ и движется въ непосредственной близости отъ лѣса, отъ рѣки, съ интересомъ замѣчая всѣ особенности ночного пейзажа. Проносится онъ и надъ уѣзднымъ городомъ, гдѣ все отягчено сномъ, все безмолвно. Освоиваясь понемногу съ полетомъ, онъ хочетъ большихъ разстояній, большей отдаленности... Выборъ предоставленъ Эллисъ, и она приноситъ его къ утесу Блакгангъ—на о. Уайтъ, гдѣ разбиваются и гибнутъ корабли. Тутъ картина ужаса, смерти и разрушенія: разъяренное море, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны—этотъ произволъ враждебной человѣку стихіи—подавляетъ поэта своимъ безмѣрнымъ, космическимъ могуществомъ; душа его наполняется ужасомъ, онъ не выдерживаетъ этого зрѣлища: „прочь, прочь отсюда... домой, домой!“ И онъ очутился—какой контрастъ съ только-что покинутыми видѣніями хаоса, скрывающаго въ себѣ гибель человѣку!—на плотинѣ своего пруда... Первый слабый

отблескъ зари... первый вздохъ утра... очарованная тишина ранняго полусвѣта..; розовымъ призракомъ прелестной женщины исчезаетъ Эллисъ,—занимается заря, просыпаются птицы... И повседневность вступила въ свои права.

Ужасъ поэта передъ могуществомъ стихійной природы не разъ вдохновлялъ Тургенева въ тѣхъ его стихотвореніяхъ въ прозѣ, которыя не заключены только въ произведеніяхъ этого названія, но разсѣяны у него повсюду, начиная съ „Записокъ Охотника". Особенно ярко выражено это чувство въ „Поѣздкѣ въ Полѣсье". Вспомнимъ начало разсказа, гдѣ автору и лѣсъ, и море, даютъ одинаковое впечатлѣніе первобытной, нетронутой силы, широко и державно разстилающейся передъ лицомъ зрителя. „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, говоритъ природа человѣку, я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть". „Неизмѣнный мрачный боръ молчитъ или воетъ глухо; при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя леденымъ дыханіемъ стихіи; — нѣтъ, вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли, и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность, и съ торопливымъ тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ; здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу". Если сосновый боръ можетъ охватить душу леденымъ дыханіемъ стихіи и смутить ее взглядомъ Изиды, этимъ символомъ невѣдомой, непостижимой сущности вещей, то разъяренное море, такъ видимо враждебное человѣку, и подавно вѣетъ на поэта ужасомъ, и онъ бѣжитъ отъ смертоносной бездны „на плотину своего пруда".

А между тѣмъ въ немъ проснулась уже потребность подниматься надъ этимъ прудомъ, т.-е. надъ міромъ мелкихъ заботъ и трудовъ жизни, и созерцать жизнь съ высоты, направляя созерцаніе, при участіи таинственной женщины, по собственной инициативѣ. Эта потребность заставляетъ его опять и на слѣдующую ночь отдаться во власть Эллисъ. „Я даже не старался понять, что̀ со мною происходитъ,—говоритъ онъ,—мнѣ только хотѣлось полетать подальше, по любопытнымъ мѣстамъ".

Прежде всего его тянетъ туда, куда романтика всегда влекла сѣверныя натуры,—въ обѣтованную страну красоты и искусства, въ Италію. Тутъ, въ мягкомъ, тепломъ воздухѣ поэта охватываетъ чувство величавой унылости отъ заброшеннаго края Понтійскихъ болотъ. Стихійная сила разрушенія и здѣсь торжествуетъ надъ трудомъ и жизнью прежнихъ поколѣній; символомъ разрушенія и является—то у старинной латинской дороги буйволъ съ косматой, чудовищной головой, который косо поводитъ бѣлками безсмысленно злобныхъ глазъ; то надъ священной землей Кампаньи, на окраинѣ ночного неба чернѣющій, порванный мѣстами древній водопроводъ... Въ видѣніи поэта воскресаетъ античный Римъ; поэтъ вызываетъ тѣнь великаго римлянина, и передъ нимъ возстаетъ колоссальная сила цезаризма: „несмѣтная толпа легіоновъ ростетъ, надвигается, несказанное напряженіе, напряженіе достаточное для того, чтобы приподнять цѣлый міръ, чувствовалось въ ней; но ни одинъ образъ не выдавался ясно“... Обезличенная масса, готовая нести съ собою смерть и разрушеніе, сила человѣческая, но въ то же время и стихійная, сжимаетъ сердце поэта еще бо̀льшимъ ужасомъ, чѣмъ зловѣщая сила океана. „На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для выраженія того ужаса, который сжалъ мнѣ сердце“,—говоритъ поэтъ.—„Грубый, грозный Римъ!“—называетъ онъ его. Римъ пугаетъ его силою власти человѣка надъ человѣкомъ, отдѣльнаго лица надъ жизнью и волей цѣлой массы себѣ подобныхъ. И сила эта, дисциплинированная культурою, страшнѣе и ужаснѣе, чѣмъ слѣпая сила, которою стихійная природа губитъ человѣка.

Но Римъ создалъ не одну только силу власти, силу цезаризма. Если на почвѣ древней Италіи окрѣпла стройность государственныхъ и административныхъ формъ жизни, то впослѣдствіи здѣсь же проявились и выросли формы красоты, невѣдомой древнему міру; и душу поэта теперь влечетъ здѣсь къ себѣ красота музыки, а въ ней инструментъ, наиболѣе способный выразить силу душевныхъ чувствъ, а потому и наиболѣе насъ плѣняющій—голосъ человѣческій.—Вы помните эту романтическую картину (XIV): лазоревый блескъ ночи, зелень лавровъ и померанцевъ, мраморный дворецъ, въ который плещется волна зера, статуи, стройныя колонны, портики храмовъ и—сильные, истые звуки молодого женскаго голоса. Молодая женщина „пѣла тальянскую арію; она пѣла и улыбалась, и въ то же время черты ея выражали важность, даже строгость... признакъ полнаго наслажденія!“ „Очарованный звуками, красотой, блескомъ благовоніемъ ночи, потрясенный до глубины сердца зрѣлищемъ

этого молодого, спокойнаго, свѣтлаго счастья", поэтъ готовъ отдаться ему, готовъ все забыть, но Эллисъ бѣшено уноситъ его прочь; а голосъ пѣвицы, не переставая звенѣть, оборванный на высокой нотѣ, переходитъ въ иной напѣвъ, и „несомнѣнно русскій человѣкъ поетъ русскую пѣсню!" Поэтъ на родинѣ: необъятный просторъ; въ безконечность уходятъ луга, въ безконечность уходитъ и ровная гладь великой, многоводной рѣки. Но и здѣсь поэтъ испытываетъ ужасъ передъ стихійностью человѣческихъ силъ, болѣе страшныхъ, чѣмъ разъяренныя моря: въ Жигулевскихъ горахъ, крутыхъ, съ большими разсѣлинами, на пустынномъ одичаломъ берегу угрюмой рѣки чинятъ расправу разбойники шайки Стеньки Разина. Дикость и разнузданность злобныхъ, хищническихъ инстинктовъ въ толпѣ не менѣе ужасны, чѣмъ напряженная сила легіоновъ. Хаосъ звуковъ: „крики и визги, яростная ругань и хохотъ, хохотъ пуще всего, удары веселъ, трескъ, какъ отъ взлома дверей и сундуковъ, скрипъ снастей и колесъ, и лошадиное скаканье, и звонъ набата, и лязгъ цѣпей, гулъ и ревъ пожара, пьяныя пѣсни и скрежещущая скороговорка, неутѣшный плачъ, моленіе жалобное, отчаянное и—повелительныя восклицанія, предсмертное хрипѣніе и удалой посвистъ, гарканье и топотъ пляски... „Бей, вѣшай, топи, рѣжь,—любо, любо, такъ, не жалѣй!"

Какой контрастъ съ красотою свѣтлаго счастья и восторгомъ итальянской пѣвицы! Какой контрастъ и въ стройно дисциплинированныхъ формахъ власти, выработанныхъ культурою, съ кровожадной яростью, съ тѣмъ самовластіемъ мятежей и разбоя, которое было у насъ на Руси единственнымъ протестомъ противъ злоупотребленій власти...

Отъ ужасовъ прошлаго, отъ вида массовыхъ, стихійныхъ силъ, властвующихъ въ человѣческомъ обществѣ, поэтъ малодушно, и сознавая это малодушіе, стремится къ иному, — къ картинамъ спокойной, ясной любви, одухотворенной красотою искусства; и теперь уже не въ Италію, страну прошлаго, а въ столицу современнаго міра, — въ Парижъ. Но тутъ красоты онъ не находитъ: любовь приняла отвратительную форму, которая напоминаетъ о себѣ голосомъ уличной лоретки: „этотъ голосъ кольнулъ меня,—говоритъ поэтъ (XIX), — какъ жало гадины. Я тотчасъ представилъ себѣ каменное, скулистое, жадное, плоское, парижское лицо, ростовщичьи глаза, бѣлила, румяна, взбитые волосы и букетъ яркихъ поддѣльныхъ цвѣтовъ подъ остроконечной шляпой, выскребленные ногти въ родѣ когтей, безобразный кринолинъ... Я представилъ себѣ также и нашего брата степняка,

бѣгущаго дрянной припрыжкой за продажной куклой“. Такова красота любви; не лучше и красота цезаризма, сила власти, поддерживаемая только войскомъ; она внушаетъ не ужасъ, какъ въ древнемъ Римѣ, а такое же отвращеніе, какъ пародія любви. Тургеневъ даетъ тутъ нѣсколькими штрихами историческую картину второй имперіи во Франціи. Вотъ прежде всего Тюльерійскій дворецъ: желѣзныя рѣшотки, крѣпостной ровъ около дворца, звѣроподобные зуавы на часахъ, а затѣмъ и память о насиліи Наполеона I-го, о пролитіи французской крови Наполеономъ III, и при этомъ—нарядная толпа, раззолоченные кофейни и рестораны, все горитъ огнями, кипитъ и сіяетъ, все движется и живетъ. Но этотъ внѣшній блескъ не прельщаетъ поэта. Для такой жизни онъ не покинетъ ту чистую темную, воздушную высь, съ которой онъ созерцаетъ современность. Напротивъ, бѣжать, бѣжать отъ всего парижскаго! И Тургеневъ перечисляетъ все это парижское: „мабили“ и „мезонъ дорѐ“, вылощенныя казармы, игроки на биржѣ, мутный абсентъ, притупляющая игра въ домино по кофейнямъ, и т. д., и т. д. А изъ этого перечисленія и сопоставленія возникаетъ передъ нами картина разжирѣвшей, деморализованной буржуазіи, которой власть императора давала полную свободу богатѣть, веселиться и проявлять всю свою тупость и тщеславіе. Власть эта задавила въ народѣ всѣ лучшія проявленія общественности; она поддерживала свой престижъ „вылощенными казармами“, т.-е. блескомъ ненужныхъ побѣдъ и тріумфовъ; она могла поэтому опираться только на войско, а главное—на невѣжественность массъ. Отъ этой жизни Эллисъ уноситъ поэта въ Германію.

Что̀ говоритъ намъ Шветцингенскій паркъ съ его дворцомъ „рококо“ и незримо падающей струйкой воды, которая, кажется, твердитъ все одни и тѣ же слова: „Да, да, да, всегда да...“? Этотъ садъ, гдѣ въ аллеѣ между стѣнъ стриженой зелени мелькаютъ образы пудренныхъ жеманныхъ дамъ и ихъ изящныхъ кавалеровъ? Это—видѣніе Германіи, отсталой въ своей политической жизни,—раздѣленной на мелкія государства, гдѣ такъ много принцевъ имѣли свои маленькіе Версали и образовали отдѣльные центры. Но при этой политической разрозненности и при застоѣ государственной жизни, въ этихъ центрахъ создалась міровая литература, выросла глубокая отвлеченная мысль. Это—Германія поэтовъ и философовъ, страна идеализма и мечтательности. „Воздухъ струится мягко и легко. Мнѣ самому,—говоритъ поэтъ, — легко и какъ-то возвышенно спокойно и грустно“ (XX).... Съ любовью останавливается Тургеневъ надъ

живописнымъ ландшафтомъ лѣсистыхъ горъ, гдѣ такъ многое говоритъ о вѣкахъ, богатыхъ событіями, и о народной фантазіи, богатой поэзіею. Но—„впередъ, впередъ",—повторяетъ онъ за Эллисъ, и они направляются на родину, въ центръ ея государственной власти и новыхъ умственныхъ движеній—въ Петербургъ.

Какъ первый взглядъ на Парижъ—съ Тюльерійскимъ дворцомъ и церковью св. Роха, гдѣ Наполеонъ пролилъ французскую кровь,—говоритъ о силѣ императорской власти, такъ и въ Петербургѣ первый звукъ, поражающій поэта, — это оклики часовыхъ на Петропавловской крѣпости. А затѣмъ пейзажъ: „Сѣверная блѣдная ночь! Да и ночь ли это? Не блѣдный, не больной ли это день?" (XXII). Освѣщенію соотвѣтствуетъ и сѣрый, въ полутонахъ колоритъ улицъ и домовъ, и однообразіе ихъ архитектуры. Въ сильномъ, сжатомъ эскизѣ внѣшняго вида Петербурга, точно такъ же, какъ въ перечисленіи парижскихъ примѣтъ второй имперіи, вскрывается внутренняя жизнь города. „Этотъ запахъ пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменѣлые дворники въ тулупахъ у воротъ, эти скорченные мертвеннымъ сномъ извозчики на продавленныхъ дрожкахъ, —да, это она, наша сѣверная Пальмира". Такъ заключаетъ Тургеневъ свое описаніе, и вы уже получили впечатлѣніе внѣшней, показной величавости, скрывающей застой и бѣдность народной культуры. А мысль этого общества или спитъ, или судорожно рвется впередъ. Три характерныя для Петербурга встрѣчи даетъ тутъ поэтъ: молодые люди съ испитыми лицами толкуютъ о танцклассахъ; солдатъ, стоя на часахъ у пирамидки ржавыхъ ядеръ, что-то безсмысленно кричитъ спросонку; дѣвица, богато и небрежно одѣтая, съ папиросою во рту, благоговѣйно читаетъ книгу—одного изъ новѣйшихъ Ювеналовъ. Смыслъ этихъ сопоставленій очень краснорѣчивъ: молодежь или опошливается въ мелкомъ развратѣ и въ мелочности служебной рутины (охраняя ржавыя ядра), или, въ лучшемъ случаѣ, какъ дѣвица въ жемчужной сѣткѣ на волосахъ, благоговѣйно, т.-е. безъ критики и провѣрки, безпорядочно и урывками усвоиваетъ себѣ то новое и свободное, что̀ такъ крикливо пробивается въ литературѣ со всѣми крайностями, со всею уродливостью долго подавляемой мысли. Поэтъ спѣшитъ прочь: „больная ночь, больной день, больной городъ—все осталось позади".

Но куда уйти? Грустно смотрѣть на вещи съ той высоты, на которой находится поэтъ. „Весь земной шаръ съ его населеніемъ, мгновеннымъ, немощнымъ, подавленнымъ нуждою, горемъ, болѣзнями"...; „эти люди — мухи, въ тысячу разъ ничтожнѣе мухъ"...; „ихъ мелкая, однообразная возня, ихъ забавная борьба

съ неизмѣняемымъ и неизбѣжнымъ“ — все вызываетъ въ немъ отвращеніе къ жизни, отвращеніе и къ самому себѣ (XXIII). Такое созерцаніе является безплодной работой ума. Если мы смотримъ на человѣка въ ряду другихъ органическихъ существъ, какъ „существъ единаго дня“, слабыхъ, случайныхъ и мгновенныхъ, мы не находимъ отвѣта на вопросъ ни о причинахъ, ни о цѣли нашего существованія. Наука на эти вопросы не даетъ отвѣта. Научная мысль, задаваясь ими, не рѣшаетъ ихъ, а только оставляетъ тоску неразрѣшимаго, но и неустранимаго *сомнѣнія*, тяжелое чувство безцѣльности, безсмысленности, ненужности всего того, что есть... „Ступай домой!“—говоритъ поэтъ своей спутницѣ — „тѣмъ же голосомъ, какимъ я,—добавляетъ Тургеневъ,—говаривалъ эти слова моему кучеру, выходя въ четвертомъ часу ночи отъ московскихъ пріятелей, съ которыми съ самаго обѣда толковалъ о будущности Россіи и значеніи общины“. Нашъ идеализмъ сороковыхъ годовъ, на которомъ выросъ Тургеневъ, и который давалъ пищу безконечнымъ спорамъ славянофиловъ и западниковъ, такъ же мало удовлетворялъ Тургенева, какъ смѣнившія его научныя теоріи, констатирующія ничтожество человѣка передъ всесильнымъ могуществомъ природы. Всѣ эти теоріи оказались безплодны для жизни; онѣ породили скептицизмъ, уныніе, горечь обманутыхъ желаній и безвыходную тоску.

Видѣніе смерти, какъ неизмѣннаго и единственнаго результата существованія, заканчиваетъ фантазію. Ужасомъ искажаются черты Эллисъ отъ приближенія этой неотвратимой силы; и уже только потому, что ей подвластно и это безтѣлесное существо, поэтъ чувствуетъ, что такой власти не можетъ быть сопротивленія. Когда она надвигается, какъ нѣчто громадное, неизъяснимо ужасное, но и неизъяснимо противное, безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла—поэтъ не въ силахъ вынести: онъ лишается чувствъ.—Съ этой ночи таинственныя видѣнія прекратились.

Что же хотѣлъ ими сказать Тургеневъ? Но прежде: въ правѣ ли мы символически толковать эти видѣнія, если самъ авторъ не придавалъ имъ такого значенія? Несомнѣнно въ правѣ, потому что они связаны одною общею мыслью. А почему эта мысль приняла у поэта такую именно картинную, а не иную, болѣе логически-ясную форму,—кто скажетъ? Это вопросъ художническаго произвола или временныхъ настроеній фантазіи. Вѣроятно, мысль эта вытекала у него изъ тѣхъ мучительно-смутныхъ, самому ему не совсѣмъ ясныхъ ощущеній, отъ которыхъ онъ отдѣлывался этими образами, а дѣлиться которыми съ публикой или даже съ пріятелями ему было тяжело. „Я даже дрогнулъ,—пишетъ онъ Анненкову („В. Е.“, 1887, I, стр. 14),— прочтя

слово „автобіографія“ и невольно подумалъ, что когда у добраго лягаваго пса носъ чутокъ, то ни одинъ тетеревъ отъ него не укроется, въ какую бы онъ ни забился чащу. Тетеревъ, разумѣется, я“. Для чего ему надо было забиваться въ чащу, т.-е. скрывать свои настоящія мысли отъ читателей, — онъ не объяснилъ, какъ и всю повѣсть не объяснилъ иначе, чѣмъ „чепухой“, или безсмысленнымъ капризомъ фантазіи. А между тѣмъ, можно ли допустить такой капризъ у крупнаго художника при большомъ мыслящемъ умѣ? Можно ли допустить непродуманность и безцѣльность фантастическихъ образовъ у Тургенева, особенно если припомнить, какъ долго, съ длинными перерывами, работалъ онъ надъ этою вещью, и какъ тщательно выписалъ въ ней всѣ детали ландшафтовъ, городовъ, призраковъ, и т. п. Несомнѣнно, что за этими конкретными, такъ опредѣленно, рѣзко очерченными внѣшними фактами разсказа, надо видѣть отвлеченныя мысли и задачи автора. Это отчасти однимъ намекомъ подтверждаетъ и онъ самъ, указывая въ полетѣ журавлей — символъ высшихъ стремленій человѣка. На пути изъ Германіи въ Россію Эллисъ съ поэтомъ встрѣчаютъ запоздалыхъ журавлей. Немногими сильными, точными словами авторъ передаетъ ихъ крики, ихъ движенія, и прибавляетъ: „Чудно было видѣть на такой вышинѣ, въ такомъ удаленіи отъ всего живого, такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая побѣдоносно разсѣкать пространство, журавли изрѣдка перекликались съ передовымъ товарищемъ, съ вожакомъ, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоувѣренное въ этихъ громкихъ возгласахъ, въ этомъ подоблачномъ разговорѣ. „Мы долетимъ, небось, хоть и трудно“,—казалось, говорили они, ободряя другъ друга. И тутъ мнѣ пришло въ голову, что такихъ людей, каковы были эти птицы — въ Россіи — гдѣ въ Россіи, въ цѣломъ свѣтѣ немного“ (XXI). Если авторъ даетъ намъ тутъ яркое изображеніе журавлей не только какъ перелетныхъ птицъ, съ любовью наблюдаемыхъ художникомъ, а какъ нѣчто характерное, свойственное человѣческой жизни, то почему же намъ и къ другимъ предметамъ его встрѣчъ и видѣній не примѣнить того же взгляда, и за внѣшними формами изображаемыхъ явленій не поискать ихъ скрытаго значенія? Оно тѣмъ болѣе легко, что это значеніе выясняется уже изъ самой послѣдовательности явленій. Дѣйствительно, окинемъ ихъ однимъ общимъ бѣглымъ взглядомъ—и они дадутъ намъ цѣлую исповѣдь художника, они покажутъ намъ свойства и направленія его мысли. Не будемъ касаться загадочной Эллисъ: этотъ образъ могъ бы быть объясненъ или изъ біографическихъ данныхъ, доселѣ еще неизвѣстныхъ, или правильнѣе,

быть можетъ, изъ сопоставленія съ другими женскими образами Тургенева; а это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Свой полетъ, т.-е. свое созерцаніе, поэтъ устремляетъ сначала на ближайшія окружающія его мѣстности: такъ и въ первыхъ стихотвореніяхъ, обратившихъ на Тургенева вниманіе Бѣлинскаго, а потомъ и въ „Запискахъ Охотника“ его талантъ ростетъ на изученіи родной природы, родного быта. Но, какъ человѣкъ широкой любознательности и широкаго образованія, Тургеневъ не можетъ удовлетвориться только тѣмъ, что̀ даетъ ему непосредственное наблюденіе и изученіе природы и людей. Мысль его стремится къ болѣе обширному кругозору: проникаясь красотою природы, онъ вноситъ въ созерцаніе ея явленій свою пытливость, онъ ищетъ въ нихъ отвѣта на вѣчныя загадки бытія. Но сурово-безучастная стихія не знаетъ этихъ мучительныхъ вопросовъ, для нея человѣкъ—эфемерида; и ей ничего не стоитъ уничтожить это случайное, мгновенное существованіе. Таковъ единственный выводъ, къ которому приходитъ поэтъ въ своемъ созерцаніи человѣка передъ лицомъ вселенной. Оттого въ „Призракахъ“ его странствія по отдаленнымъ отъ повседневности областямъ начинаются и заканчиваются мрачными видѣніями смерти и разрушенія. Сперва невыразимый ужасъ испытываетъ онъ надъ мысомъ Блакгангъ, гдѣ морская бездна губитъ жизнь и силы людей. Ужасъ охватываетъ его до потери сознанія и въ послѣдней картинѣ, когда сама смерть преслѣдуетъ Эллисъ. Но жизнь человѣка не вся въ борьбѣ съ природой: ея стихійной силѣ онъ можетъ противопоставить свою силу, разумъ и волю человѣческую. Человѣкъ группируется въ общества и государства, а сила, которая объединяетъ и направляетъ эти группы, создаетъ въ нихъ новую особую стихію; но и эта стихія, это могущественное, безличное цѣлое, наводитъ страхъ на трепетное сердце поэта, является ли она въ видѣ легіоновъ Цезаря, или въ видѣ шайки Стеньки Разина. И тутъ, и тамъ его страшитъ насиліе, которое губитъ и обезличиваетъ отдѣльнаго человѣка. Государственная власть создаетъ это насиліе изъ строго-дисциплинированной, вооруженной массы людей; и это насиліе, какъ ни ужасно, когда оно тяготѣетъ надъ свободной душой и волей человѣка, какъ ни безпощадно, когда по одному слову повелителя несетъ гибель и смерть массѣ себѣ подобныхъ,—менѣе ужасно, однако, чѣмъ никакою властью не обуздываемые, разъяренные инстинкты людской толпы, устремленной на разгулъ и убійства. Это—два полюса стихійной силы въ человѣческомъ обществѣ, и они оба глубоко потрясаютъ душу Тургенева. Человѣкъ сильныхъ соціальныхъ инстинктовъ, онъ любилъ общественную жизнь, близко

наблюдалъ ее и даже видѣлъ ее однажды въ моментъ исключительной напряженности (революція 1848—49 г. въ Парижѣ). Но личное дѣятельное участіе въ политической жизни никогда не прельщало его. Властность была совершенно чужда характеру Тургенева. Напротивъ, проявленіе власти, насилія надъ личностью — внушали ему только страхъ. Оттого и потрясаютъ его такъ сильно призраки и Цезаря, повелителя легіоновъ, и разбойниковъ, вѣшающихъ бѣлоручекъ. Онъ чувствуетъ въ нихъ тѣ грозныя стихійныя силы, которыя губятъ индивидуальность, когда она имъ сопротивляется, и обезличиваютъ, когда подчиняютъ ее себѣ. А для свободной, развитой личности, для ея творческой души, всякое насиліе,—откуда бы оно ни исходило, отъ власти природы или отъ власти человѣка,—одинаково невыносимо. Въ виду этого насилія и содрогается такимъ ужасомъ душа поэта передъ призраками и государственной власти, и народнаго самовластія, не менѣе, чѣмъ передъ призраками смерти, которую несутъ въ себѣ морская бездна и всесильное нѣчто, преслѣдующее Эллисъ. Все, что̀ стираетъ, уничтожаетъ индивидуальность, или что̀ сокращаетъ силу и значеніе личности,—глубоко ненавистно чуткой натурѣ поэта, и наоборотъ, то, что̀ даетъ просторъ личнымъ чувствамъ, или равновѣсіе свободнымъ силамъ души, — все, что̀ возвышаетъ и усиливаетъ нашу жизнеспособность и жизнедѣятельность, — неотразимо привлекательно для него. Оттого красота природы и искусства и любовь женщины, одухотворенная высшими инстинктами, вмѣстѣ съ обаяніемъ художественнаго произведенія,—ароматная итальянская ночь, пѣвица, восторженно исполняющая пѣснь любви и счастья, — являются для Тургенева символомъ высшаго счастья на землѣ.

Таковы общіе взгляды Тургенева на жизнь и смерть, на власть и любовь. Какими же окажутся они въ частности, въ примѣненіи къ дѣйствительности даннаго историческаго момента? Тургеневу, какъ и всѣмъ русскимъ людямъ 40-хъ годовъ, всегда дорога была Франція высшими идеалами гражданственности, человѣчности, науки; отъ нея „ожидалось что-то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству“ — говоритъ Достоевскій (Соч. III, 384), передъ нею преклонялись „съ благоговѣніемъ, доходящимъ до странности“. И тѣмъ сильнѣе было разочарованіе, произведенное въ передовыхъ русскихъ людяхъ февральскою революціею и особенно іюньскими днями; тѣмъ ожесточеннѣе было ихъ презрѣніе къ торжеству и успѣхамъ бонапартизма. Центръ французской жизни, Парижъ, гдѣ всегда бился пульсъ и міровой жизни, доказывалъ теперь всѣмъ своимъ оживленіемъ и

блескомъ крушеніе тѣхъ идеаловъ разума и справедливости, на которыхъ воспитаны были лучшіе умы того времени.

Тургеневъ зналъ Францію 40-хъ годовъ; всѣ его друзья, какъ русскіе, жившіе тогда за границей, — Анненковъ, Герцены, Тучковъ, — такъ и иностранцы, съ которыми онъ сблизился въ семействѣ Віардо, — назовемъ хотя бы Ж.-Сандъ изъ крупныхъ именъ — были сторонниками тѣхъ идеаловъ свободы, равенства и братства, надъ которыми такъ жестоко насмѣялась судьба въ лицѣ сперва Наполеона I, а затѣмъ и Наполеона III-го. Францiя 60-хъ годовъ, гдѣ по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ Тургеневъ живалъ подолгу, была глубоко ненавистна ему всѣмъ строемъ своей жизни, и онъ не разъ выражалъ на нее свое негодованіе въ письмахъ къ друзьямъ; напр., въ 1859 г., онъ уѣхалъ сперва въ Виши, потомъ въ деревню Куртавенель, чтобы не видѣть торжествъ, которыя, на подобіе тріумфовъ древнихъ кесарей римской имперіи, Наполеонъ устроилъ для войскъ, участвовавшихъ въ итальянской кампаніи: „преторіански-цезарское празднество... Императоръ будетъ держать аллокуцію въ цезарско-римскомъ духѣ...; сотни поѣздовъ со всѣхъ концовъ Европы... мчатъ тысячи гостей въ центръ міра...; всякое военное торжество ist mir ein Greuel (возмущаетъ мою душу)“,—такъ жаловался онъ Анненкову, браня не только императора, но и буржуазію, и литературу („В. Е.“, III, 1885 г., стр. 29). „Сказать вамъ,—писалъ онъ Фету черезъ годъ (1865 г.) изъ Парижа,—до какой степени я ненавижу все французское, особенно парижское, превосходитъ мои силы: „Каждый мигъ минуты“, какъ говоритъ Гоголь, я чувствую, что я нахожусь въ этомъ противномъ городѣ, изъ котораго я не могу уѣхать“... (Фетъ, „Мои воспом.“, I, 354). Торжество грубаго насилія, побѣда матеріальныхъ, буржуазныхъ интересовъ надъ высшими задачами гражданственности, власть, мѣщанская пародія на римское могущество, воплощаемая военной силой,—не могутъ создать среду, благопріятную для свободнаго проявленія личности. Парижъ даетъ просторъ только низменнымъ ея инстинктамъ; своею внѣшнею красотою и роскошью онъ удовлетворяетъ мелкія и грубыя натуры: высшія, утонченныя—чувствуютъ только смрадъ и чадъ этой жизни; а между тѣмъ это—тотъ центръ, на который обращены глаза со всей Европы.

Не то въ Германіи, куда переселился Тургеневъ изъ Парижа. Не даромъ Эллисъ несетъ поэта къ Шварцвальду и къ лѣсистымъ горамъ, пограничнымъ съ нимъ: это тотъ Баденъ-Баденъ, въ красивыхъ лѣсахъ котораго такъ любилъ охотиться Иванъ Сергѣевичъ и гдѣ ему такъ привольно жилось и работалось. Въ

Германіи того времени, въ странѣ легендъ, поэзіи и философіи, созидается громадная военная сила, которая въ нѣсколько дней съумѣетъ уничтожить французскую игру въ цезаризмъ. Но эта сила зрѣетъ пока невидимо. Извнѣ Германія все еще живетъ традиціонными формами минувшаго вѣка. Не революціоннымъ движеніямъ 48-го года дано было всколыхнуть ея общественныя силы. Эти силы заключены еще въ тѣсныя рамки провинціальнаго быта, гдѣ господствуетъ мелочный формализмъ отжившаго рококо и глубоко-внѣдрившагося бюрократизма. Невидимо пока ростетъ и та сила научной мысли, которая не имѣетъ здѣсь блеска, свойственнаго французскому генію: мысль эта работаетъ незамѣтно въ тиши кабинетовъ и лабораторій, но эта работа подтачиваетъ основы идеализма и съ университетскихъ каѳедръ перевоспитываетъ человѣчество, создавая новое, позитивное міровоззрѣніе. А пока въ провинціальной Германіи идетъ работа этихъ подспудныхъ силъ, она плѣняетъ писателя мирною дѣйствительностью своей внѣшней жизни, красотою и поэзіею своего ландшафта. Въ ней ему живется спокойно и легко. Только живымъ запросамъ его духа, потребности общественныхъ интересовъ и любви къ широкой дѣятельности на пользу своего народа не можетъ удовлетворить Германія съ красивымъ Баденъ-Баденомъ. Красота эта проникнута для Тургенева памятью прошлаго; потому она и представляется поэту не только „возвышенной и спокойной“, но и „грустной“, какъ грустно все пережитое, уходящее въ прошлое и не отвѣчающее уже вновь возникшимъ требованіямъ живого народа. Впередъ, впередъ, въ Россію стремится Тургеневъ. На пути туда онъ и встрѣчаетъ стаю журавлей.

Какъ журавли въ удаленіи отъ всего живого несутъ на сѣверъ свою горячую, сильную жизнь и неуклонную волю, такъ и новыя идеи, родившіяся на Западѣ, приносятся въ Россію и заявляютъ тутъ о себѣ несокрушимо, самоувѣренно. Тургеневъ созданіемъ Базарова и своей симпатіей къ нему отдалъ справедливость этимъ стремленіямъ молодежи и отмѣтилъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ появленіе отрицанія, необходимаго для проведенія въ жизнь новыхъ началъ. Но теперь онъ видитъ всѣ препятствія, которыя ставятся въ ней дорогимъ для него началамъ культуры: праву личности, ея свободѣ и человѣческому достоинству. Препятствіе ставится какъ въ видѣ внѣшней силы государственной власти, такъ и въ видѣ внутренняго сопротивленія и неподготовленности самого общества. И это послѣднее внутреннее препятствіе въ данный моментъ было сильнѣе перваго, потому что правительство рѣшительно вступило на путь прогрессивныхъ реформъ, а въ обществѣ, какъ это особенно больно на себѣ

испыталъ Тургеневъ, проявлялось если не тупость и косность въ воспріятіи освободительныхъ началъ, то значительное злоупотребленіе ими. И этому злоупотребленію суждено было затормазить только-что начавшуюся прогрессивную дѣятельность власти. Послѣдняя черта въ картинѣ Петербурга—богато и небрежно одѣтая дѣвица, благоговѣйно читающая одного изъ новѣйшихъ Ювеналовъ,—и намекаетъ на это злоупотребленіе словомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Грубость обличенія, крайности въ проведеніи новыхъ началъ производятъ впечатлѣніе уродливаго, больного. „Больная ночь, больной день, больной городъ“,—говоритъ поэтъ, удаляясь отъ Петербурга. Тоска сжимаетъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сердце поэта, когда онъ смотритъ на Россію. Онъ бѣжитъ отъ центра ея умственной жизни, но куда? Тургеневъ хорошо знаетъ родину: живя, въ это время, то у себя въ деревнѣ, то за границей, онъ пристально изучаетъ ея настроенія, зорко слѣдитъ какъ за правительственными мѣропріятіями, такъ и за общественной мыслью. Но всѣ впечатлѣнія, получаемыя отъ родины, только будятъ вопросы, только наводятъ уныніе. „У насъ, при непочатой природѣ,—писалъ въ эту пору Герценъ въ 1862 г. (въ статьѣ „Концы и Начала“),—люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится,—все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропилы и вѣхи... водоворотъ, искупающій все неустройство свое пророчествующими радугами и великими образами, постоянно вырѣзывающимися изъ-за тумана, который постоянно не могутъ побѣдить“ (Герценъ, т. X, стр. 197—198). Тургеневъ по мѣрѣ силъ, какъ человѣкъ глубоко преданный прогрессивнымъ начинаніямъ, принималъ дѣятельное участіе въ этомъ водоворотѣ; но для него не существовало „пророчествующихъ радугъ, искупающихъ неустройство“ настоящаго. Отъ мечтательныхъ надеждъ на общину, на будущность Россіи, ему становилось только „скучно,—хуже, чѣмъ скучно“. И это чувство тоски, отвращенія къ жизни и къ себѣ самому смѣняется страхомъ передъ неизбѣжной и всесильной властью смерти. Ужасомъ этого видѣнія и заканчивается появленіе „Призраковъ“. Какой же общій смыслъ этихъ видѣній?

Поэтъ вызываетъ передъ нами призраки великихъ силъ, во власти которыхъ находится наше существованіе, и прежде всего и ярче всего призраки тѣхъ силъ, которыя угнетаютъ его личную жизнь и волю. Онъ показываетъ намъ, какъ безсильна личность и передъ стихійной властью природы, и передъ стихійными проявленіями человѣческаго общества, и эти проявленія, въ видѣ ли

массы, сплоченной, какъ войско, государственной необходимостью, въ видѣ ли толпы, объединенной общностью инстинктовъ, внушаютъ ужасъ тому, кто дороже всего цѣнитъ свободу личности. Въ защиту этой свободы личности человѣчество создало общественные идеалы, провозглашенные великой французской революціей, тѣ идеалы свободы, равенства и братства, на которыхъ и у насъ выросло поколѣніе передовыхъ людей, а въ ихъ числѣ и Тургеневъ. Но ко времени написанія „Призраковъ" вѣра въ эти идеалы уже сильно поколебалась: ей нанесенъ былъ жестокій ударъ революціей 48-го года, а затѣмъ сама Франція своей исторической судьбой вполнѣ опровергла ожиданія, которыя на нее возлагались, какъ на хранительницу высшихъ началъ гражданственности и человѣчности. Уже тогда, тотчасъ послѣ революціи, въ послѣдовавшую за ней реакцію, талантливѣйшій русскій писатель глубоко прочувствовалъ всю непримѣнимость къ жизни, всю практическую несостоятельность тѣхъ идеаловъ, передъ которыми онъ привыкъ преклоняться; въ письмахъ „Съ того берега" Герценъ высказалъ это разочарованіе съ проницательностью, свойственной крупному уму, со всею искренностью глубоко-убѣжденнаго человѣка и со всѣмъ блескомъ выдающагося литературнаго таланта. Позже, въ томъ же 1862-мъ году, когда писались и „Призраки", вызванный разговорами и спорами съ Тургеневымъ, Герценъ снова, въ статьѣ „Концы и Начала", высказалъ свои отрицательные взгляды на основныя начала европейской общественности. Тургеневъ защищалъ противъ него западную культуру, европейскія формы жизни и искусства, но отрицаніе общественныхъ началъ находило себѣ подтвержденіе и въ личномъ опытѣ Тургенева: недаромъ онъ съ такимъ отвращеніемъ бѣжалъ изъ Парижа, изъ міроваго центра, обманувшаго наши идеальныя ожиданія; и не даромъ писалъ въ слѣдующемъ за „Призраками" „Довольно", что идеалъ красоты, завѣщанный античнымъ искусствомъ, выше гражданскихъ идеаловъ, провозглашенныхъ французской революціей. „Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89-го года",—говоритъ онъ. Такое же отвращеніе къ Парижу второй имперіи и еще болѣе обоснованное сомнѣніе въ великихъ принципахъ революціи выражалъ въ томъ же году и другой великій нашъ писатель, Достоевскій, въ „Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ", напечатанныхъ въ 1863 г. Но Достоевскій, какъ и Герценъ, разочаровавшись въ идеалахъ западной общественности, создали себѣ новые идеалы, вѣру въ великое будущее Россіи и русскаго народа. А Тургеневъ, въ силу основныхъ свойствъ своей натуры, не былъ способенъ къ такой вѣрѣ...

Служа родинѣ всѣми дарованіями своими, онъ хорошо зналъ ея людей, ея бытъ, но трезво смотрѣлъ на нее и на ея исторію; онъ не вѣрилъ въ ея особую отъ Запада великую будущность; онъ не надѣялся ни на соціальное обновленіе Европы тѣми началами, какія заключены въ русской общинѣ,—какъ вѣрилъ Герценъ,—ни на нравственное ея обновленіе тѣми религіозными идеями, которыя Достоевскій видѣлъ въ нашемъ „народѣ-богоносцѣ“... Но въ такомъ случаѣ, оставаясь скептикомъ въ области какъ религіозныхъ вѣрованій, такъ и высшихъ общественно-политическихъ идеаловъ, что же могъ Тургеневъ противопоставить угнетающимъ личность стихійнымъ началамъ природы и общества? „Призраки“ даютъ на это отвѣтъ. Мы видѣли, что поэтъ отдыхаетъ душой на видѣніи женской любви, одухотворенной искусствомъ, и на созерцаніи красоты въ природѣ и въ жизни отдѣльныхъ исключительныхъ личностей. Итальянская пѣвица, ночь въ Германіи, журавли... Сила личнаго чувства, внушаемаго женщиной, и сила художественнаго наслажденія или творчества мирятъ до нѣкоторой степени съ тоской невѣрія и скептицизма. Но это—сила непроизвольнаго чувства, непроизвольныхъ очарованій. Устоятъ ли они противъ натиска разсудочной мысли съ ея сознаніемъ бренности всего человѣческаго, противъ страшныхъ видѣній неизбѣжнаго, неотразимаго уничтоженія? На это Тургеневъ отвѣтилъ произведеніемъ, написаннымъ тотчасъ послѣ „Призраковъ“: тамъ у художника „вся жизнь поблекла. Свѣтъ, который даетъ ея краскамъ и значеніе и силу,—тотъ свѣтъ, который исходитъ изъ сердца человѣка,—погасъ или едва тлѣетъ, безъ лучей и теплоты; тамъ этотъ слабый лучъ ненужнаго свѣта“ замѣнилъ собой высокій подъемъ сердечныхъ чувствъ и восторговъ;—а сознаніе преходящности всего существующаго, сознаніе безпощадности стихіи, заставляютъ художника спокойно отвернуться отъ всего, сказать: довольно! Къ счастью, мы знаемъ, что Тургеневъ послѣ этого „Довольно“ не скрестилъ, какъ совѣтовалъ его художникъ, „на пустой груди ненужныя руки“. Бездѣйствіе пессимизма было у него настроеніемъ временнымъ. Сила сердечнаго чувства и сила художественнаго дарованія восторжествовали надъ уныніемъ, порожденіемъ его разсудочнаго скептицизма: въ груди его не было пустоты,—тамъ оказался неистощимый запасъ любви къ людямъ и прежде всего къ русскимъ людямъ. И руки его не были ненужныя руки: его литературная дѣятельность оказалась нужна очень многимъ, и не только въ Россіи, но и въ остальной Европѣ. Года черезъ три-четыре послѣ „Призраковъ“, онъ вернулся къ общественнымъ темамъ въ романѣ и написалъ „Дымъ“. Онъ и

тутъ изображаетъ уродливыя, больныя формы, которыя приняло у насъ какъ новое прогрессивное направленіе мысли, такъ и старое, защищаемое „молодыми генералами". Тутъ мы находимъ и много озлобленныхъ выходокъ противъ поклоненія мужику, противъ увлеченія „будущностью Россіи" и пренебреженіемъ къ Западу. „Я—западникъ,—говоритъ Тургеневъ устами Потугина,—я преданъ Европѣ, т.-е., говоря точнѣе, я преданъ образованности, той самой образованности, надъ которою такъ мило у насъ теперь потѣшаются,—цивилизаціи—да, да, это слово еще лучше—и люблю ее всѣмъ сердцемъ, и вѣрю въ нее, и другой вѣры у меня нѣтъ и не будетъ. Это слово: ци... ви... ли... зація (Потугинъ отчетливо, съ удареніемъ произнесъ каждый слогъ) и понятно, и чисто, и свято, а другія всѣ,—народность тамъ, что-ли, слава,—кровью пахнутъ..."

Эта вѣра въ цивилизацію, въ ея чистоту и святость, вѣра въ силу и красоту человѣческой мысли,—вмѣстѣ съ дѣятельною любовью къ родному обществу, не дали пессимизму надолго овладѣть душою Тургенева. Вѣра въ „Европу" и любовь къ родинѣ помогли ему вынести борьбу съ тѣми стихійными началами, призраки которыхъ онъ съ такой силой вызываетъ передъ нами. Со времени этой исповѣди прошло четыре десятилѣтія; съ того психологическаго момента, который пережилъ тогда передовой русскій человѣкъ, многое измѣнилось въ настроеніи нашего общества; за это время могли обновиться взгляды на сущность и задачи цивилизаціи, могли намѣтиться новые идеалы въ соотвѣтствіи съ новыми ученіями о смыслѣ жизни. Но смѣна теоретическихъ построеній—доктринъ и идеаловъ—не разрушаетъ того, что̀ наиболѣе цѣнно въ художественномъ произведеніи. Красота поэзіи и любовь къ природѣ и къ человѣку переживаютъ у писателя его міровоззрѣніе. Все разсудочно-теоретическое подлежитъ превращенію, по мѣрѣ движенія впередъ человѣчества; но сила нравственной личности, которая сказалась у Тургенева непосредственнымъ, горячимъ участіемъ къ живымъ людямъ, къ ихъ судьбѣ и высшему благу, а вмѣстѣ съ нею и красота его творчества, изящество формы, богатство типовъ и о̀бразовъ—долго еще будутъ жить въ нашей литературѣ, какъ источникъ утѣшенія, надежды и радости для многихъ поколѣній.

А. Андреева.

НА ПЕПЕЛИЩѢ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

VII *).

Было рѣшено причастить въ воскресенье дѣтей. Анна Степановна повезла ихъ въ церковь, какъ только начали благовѣстить. Еликанида Константиновна еще не была готова и просила прислать за нею лошадей. День былъ пасмурный и время отъ времени накрапывалъ дождь. Со всѣхъ направленій къ церкви тянулись богомольцы, мѣстные и прихожане сосѣднихъ деревень. Шли порознь и группами, и всюду по дорогамъ пестрѣли яркія юбки и головные платки бабъ. Тѣ, которыя шли издалека, присаживались гдѣ-нибудь, не доходя до церкви, и надѣвали обувь, которую раньше несли въ рукахъ, чтобы меньше износить ее. У ограды стояли двѣ-три телѣжки въ одиночку и тройка Раисы Семеновны Суровой.

Церковь уже была полна, но передъ Анной Степановной толпа почтительно разступалась, и она легко прошла впередъ съ маленькимъ Андрюшей, а позади ея прошли бонна и нарядная кормилица въ высокомъ, шитомъ бусами и золотомъ кокошникѣ, въ голубомъ сарафанѣ, съ широкими кисейными рукавами рубашки. Она возбуждала общее любопытство и неподдѣльный восторгъ дѣвокъ и бабъ. Андрюша робѣлъ, поднималъ свои худенькія плечики и втягивалъ въ нихъ голову, но внимательные,

*) См. выше: августъ, стр. 499.

серьезные глазки съ любопытствомъ оглядывались кругомъ. Когда бабушка опустилась на колѣни, онъ сдѣлалъ то же, но постепенно перевернулся лицомъ къ молящимся, присѣлъ на пятки и сталъ разсматривать свою визави. Когда онъ, наконецъ, окончательно убѣдился, что бабушка непремѣнно хочетъ, чтобы онъ смотрѣлъ впередъ, гдѣ были только одни образа, ему стало скучно, и онъ сталъ придумывать себѣ развлеченія: надувалъ щеки, щелкалъ языкомъ, игралъ концами своего галстуха.

— Бабуся! точно ушки у зайчика!—забывшись, вдругъ радостно вскрикнулъ онъ.

Къ его счастью обѣдня шла быстро. Еликанида Константиновна подоспѣла только какъ разъ во̀-время, чтобы видѣть, какъ причащались ея дѣти. Когда приложились къ кресту, Сурова, съ шумомъ шолка и крахмаленныхъ юбокъ, подошла къ Аннѣ Степановнѣ и съ любезной улыбкой протянула ей обнизанную кольцами и браслетами руку.

— Поздравляю васъ!—заговорила она.—Какая вы счастливая бабушка! Какія прелестныя малютки! Ахъ, позвольте мнѣ ихъ расцѣловать!

Лили была польщена и тоже очень любезно пожала руку вдовѣ.

— Ахъ, ангельчики! — продолжала та. — Я и молиться не могла, все время любовалась ими.

Андрюша ёжился и отворачивался.

Пора было ѣхать, и къ выходу изъ церкви пошли всѣ вмѣстѣ. Сурова стала звать Важиныхъ къ себѣ.

— Поѣхали бы кататься, да и заѣхали бы выпить чайку. Право же... Не далекіе сосѣди.

Она жеманилась и много, безпричинно, смѣялась.

Анна Степановна и Лили поблагодарили и тоже пригласили ее „какъ-нибудь“ къ себѣ.

Ипатъ и Захаръ стояли рядомъ и разговаривали. При выходѣ господъ оба тронули одновременно, но Ипатъ оглянулся на Захара, и этого было достаточно, чтобы тотъ задержалъ свою тройку, предоставляя Важинской четвернѣ первой подкатить къ воротамъ ограды.

Дождь сѣялъ, какъ изъ сита, но было тихо и тепло.

Дома, въ комнатѣ Вощинина, Борисъ, полуодѣтый, валялся на неоправленной постели своего пріятеля и курилъ.

— Что̀ я могу сказать? и какъ я могу сказать?—спрашивалъ онъ съ выраженіемъ искренняго страданія на лицѣ.—Чортъ знаетъ, что̀ за положеніе! А выхода я не вижу. Не вижу!

Николай Владиміровичъ сидѣлъ на подоконникѣ, чистилъ ногти и хмурился. Дождь мягко зашумѣлъ по листвѣ деревьевъ, и въ открытое окно пахнуло влагой и отцвѣтающимъ липовымъ цвѣтомъ.

— Не знаю, братъ! Мудрено тутъ что-нибудь посовѣтовать.

— Пробовалъ я себя переломить. Нѣтъ, не могу! Надоѣло мнѣ все—до чорта! до чорта! До того дошло, что и дѣтей мнѣ иногда не жаль. На все бы рукой махнулъ, лишь бы освободиться, вздохнуть спокойно, перестать ломать какую-то комедію, которой никто уже и не вѣритъ. Да! мать не вѣритъ, Зина не вѣритъ и обѣ мучаются. Въ особенности мать! А та... жена... Я совершенно не понимаю этой женщины! Ну, вѣришь ли, у нея нѣтъ никакого опредѣленнаго сознанія, а такъ... какія-то минутныя впечатлѣнія.

Борисъ вскочилъ и сталъ среди комнаты.

— Ей все кажется, что она еще можетъ меня обворожить, привлечь своими ласками или ревностью. Она со мной кокетничаетъ... Ей прямо даже непонятно, что я не поддаюсь ей больше, что... кончено, кончено!

Борисъ подошелъ къ окну, выбросилъ окурокъ и взялся обѣими руками за голову.

— Мать молчитъ,—тихо сказалъ онъ,—но развѣ я не вижу? Съ каждымъ днемъ у нея все больше и больше дрожатъ руки и... что̀ это за лицо!..

— Поговори съ сестрой,—посовѣтовалъ Вощининъ.

— Я хотѣлъ. Тяжело!

— Мало ли что̀!

Важинъ вдругъ возмутился.

— Я всѣхъ жалѣю! — крикнулъ онъ.—Но мнѣ непонятно, отчего меня никто не жалѣетъ? Никто! Меня всѣ осуждаютъ, считаютъ виноватымъ. Да чѣмъ же я виноватъ? Еслибы я былъ счастливъ, то и я могъ бы быть прекраснымъ мужемъ и отцомъ. Чѣмъ я виноватъ, что я несчастливъ? что моя настоящая жизнь мнѣ невыносима? что я готовъ лучше камень на шею и въ воду... Я больше всѣхъ страдаю, а мнѣ говорятъ: „мало ли что̀"!

Вощининъ усмѣхнулся.

— На твоемъ мѣстѣ я не сталъ бы очень настаивать на состраданіи,—сказалъ онъ.

— Да почему? почему?

— Просто потому, что это было бы очень смѣшно. Человѣкъ самъ надѣлалъ глупостей: женился по любви, самъ не зная зачѣмъ, обзавелся семьей, а теперь вновь жаждетъ новизны и полной свободы.

— Подожди! Отъ меня это зависитъ—чувствовать такъ или иначе? отъ меня? И развѣ я не терпѣлъ? не ломалъ себя?

— Не знаю, какъ ты терпѣлъ, — пробормоталъ Вощининъ.

Борисъ обидѣлся.

— Что это я въ тебѣ самомъ монашескихъ наклонностей не замѣчалъ!—вскрикнулъ онъ.—Судить другихъ легко.

— Я не сужу, а ты не жалуйся,—серьезно замѣтилъ Николай Владиміровичъ. — Знаешь пословицу: пошелъ кувшинъ по воду ходить... Вотъ ты безъ толку пошелъ ходить, да и сломилъ себѣ голову. Передо мной нѣчего тебѣ притворяться казанской сиротой.

Но Борисъ не сдавался.

— И другіе такъ живутъ!—защищался онъ.—Я не исключеніе. И я любилъ жену. И если ужъ на то пошло, я тебѣ скажу, что я теперь считаю себя выше многихъ другихъ, которые умѣютъ все это совмѣстить. Ну, а я не могу! Не могу лгать, притворяться.

— И ты... женишься на той?—спокойно спросилъ Вощининъ.

— Я ничего не хочу рѣшать...

Послышался шумъ подъѣзжающаго рессорнаго экипажа. Вощининъ всталъ съ окна и отошелъ въ глубину комнаты, и сейчасъ же, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома, промелькнула Важинская коляска четверней, кокошникъ кормилицы и яркая шляпа Лили. Донеслось шиканье Ипата, которымъ онъ осаживалъ лошадей, и звонкій, веселый голосокъ Андрюши.

— Но я больше не могу!—рѣшительно заявилъ Борисъ.— Виноватъ я, или нѣтъ,—это все равно. У всякаго терпѣнія есть границы. Я не невольникъ! Я, наконецъ, не могу при такихъ условіяхъ уважать самого себя.

— Да, вотъ именно это для тебя особенно важно!—насмѣшливо подчеркнулъ Николай Владиміровичъ.

— Очень трудно съ тобой разговаривать!—морщась, заявилъ Борисъ. — Не хочешь ты меня понять, или, дѣйствительно, не понимаешь...

— Будь покоенъ! Отлично понимаю. Хоть и не трудись объяснять дальше.

Борисъ пошелъ къ двери, нажалъ ея ручку и остановился.

— Еслибы можно было удрать отсюда! удрать!—тоскливо сказалъ онъ.—Взять да и уѣхать безъ всякихъ объясненій. Въ сущности, не надо было и пріѣзжать. Мать настаивала!.. Писала, просила. А какія тамъ объясненія? Развѣ не проще сдѣлать все это письменно, безъ сценъ, безъ слезъ? Удрать?

— Поговори съ сестрой!—еще разъ посовѣтовалъ Николай Владиміровичъ.

Дождь разошелся и полилъ ровно и непрерывно.

Дѣти скучали въ домѣ, капризничали и ходили по всѣмъ комнатамъ, не зная, что съ собой дѣлать.

— Вотъ мы пришли къ бабушкѣ! — говорила кормилица, развлекая своего питомца.—Бѣда съ нимъ!—поясняла она Аннѣ Степановнѣ,—тянется, не сидитъ. Спать укладывала, пяти минуточекъ не вздремнулъ и опять на руки. Вотъ, носи его, да носи!

У бабушки нашли связку ключей и звенѣли ключами. Стучали въ закрытое окно мокрой собакѣ и звали ее нѣжнымъ голосомъ:

— Собачка, собачка! поди сюда! Поди къ нашему Бобику!

Увидали куръ и ихъ стали звать:

— Курочка! курочка! пестрая головка! поди къ Бобику, снеси ему яичко!

Бобикъ взглядывалъ и на собачонку, и на курочку, но, вѣроятно, мало вѣрилъ въ возможность ихъ появленія въ комнатѣ и нисколько не удивлялся ихъ непослушанію. Онъ нылъ и тянулся ручонкой къ двери.

Шли къ тетѣ Зинѣ, къ мамѣ...

Всюду стучали, шумѣли, и все-таки Бобикъ не переставалъ кукситься и ныть.

Маленькій Андрюша бродилъ самостоятельно, не взирая на мольбы бонны поиграть съ ней въ дѣтской. Словомъ, дѣти заняли весь домъ и не давали никому покоя.

— Бабушка! ты что дѣлаешь? ты вяжешь? Отчего ты вяжешь?

— Бобику одѣяльце тепленькое вяжу.

— Отчего одѣяльце?

— А надо же Бобику покрываться въ постелькѣ.

— Отчего надо?

— Да холодно, голубчикъ.

— А отчего, бабушка, холодно?

Андрюша пришелъ и къ отцу. Тотъ сидѣлъ въ креслѣ и читалъ.

— Папа! отчего дождь идетъ?

— Затвори дверь!—крикнулъ на него отецъ.

Андрюша затворилъ.

— Папа, отчего дождь?

— Отъ тучъ.

— А отчего тучи?

— Отъ вѣтра. Отвяжись!

— А туча мокрая?

— Мокрая.

— Отчего мокрая?

— Отъ дождя. Ты отвяжешься, наконецъ?

— Папа, я только тебя спрошу... Отчего отъ вѣтра тучи?

— Оттого... Да отвяжись же, тебѣ говорятъ! Уходи!

— Я тебѣ развѣ мѣшаю? Я сижу... здѣсь...

— Ты мнѣ читать мѣшаешь. „Отчего" да „отчего"!

— А отчего нельзя говорить „отчего"?

Борисъ вскочилъ и, распахнувъ дверь, громко позвалъ бонну.

— Я самъ уйду,—гордо сказалъ Андрюша и бросилъ отцу мимоходомъ взглядъ, полный обиды и упрека.

Лили лежала въ гостиной на диванѣ, Вощининъ сидѣлъ у Зины.

Но, вотъ, хлопнула балконная дверь, и въ комнату вошла молодая дѣвушка въ черной юбкѣ и ситцевой блузкѣ, перетянутой дешевенькимъ кушакомъ.

— А! Машенька! — привѣтствовала ее Лили. — Откуда вы взялись?

— Ничего, что я здѣсь прошла? На крыльцѣ собаки, и я побоялась. Какъ примутся меня рвать, тогда что̀? Ну, здравствуйте! Можно поцѣловать васъ? Я бы вотъ васъ зацѣловала! Точно, вотъ, какъ влюбленный какой.

Лили, смѣясь, позволила себя поцѣловать, но продолжала лежать.

— Я сегодня у обѣдни была, устала,—пояснила она.

— Еще бы не устать!—Я даже не понимаю, какъ можно на такихъ сахарныхъ ножкахъ ходить и стоять? Развѣ это сравнить съ нашей деревенской лапищей. Ахъ, наглядѣться на васъ, а потомъ на себя въ зеркало посмотрѣть стыдно.

— Ну, что̀ вы, Машенька! да вы очень недурны. И кофточка на васъ какая миленькая. Вы сами шили?

Машенька засмѣялась.

— А какія у насъ здѣсь портнихи? А вы ужъ и скажете: хорошенькая! Вы бы такую-то надѣли? Фасонъ я съ Зинаиды Андреевны взяла. Ахъ, ничего у насъ здѣсь хорошаго нѣтъ! Ничего, ничего! Такъ жизнь проживаешь въ грязи, да въ работѣ, да безъ всякой радости.

Она сѣла на край дивана и восхищенными глазами глядѣла на Еликаниду Константиновну.

— Замужъ выйдете, уѣдете отсюда,—сказала Лили.

Машенька покачала головой.

— Не выйду я замужъ. За милаго не отдадутъ, а за немилаго не пойду.

— Вотъ какъ! У васъ „милый“ есть! Да кто же такой? да отчего же не отдадутъ?

— Отдавать, такъ и денегъ надо дать, сколько онъ требуетъ. А поговорите-ка съ папашей! Шумитъ! Откуда, говоритъ, у меня деньги? На цѣлыхъ двѣ сотни у нихъ теперь несогласіе вышло. Такой сталъ упрямый, кряжистый дьяконъ, что ничѣмъ его не проберешь.

Лили заинтересовалась.

— Да вѣдь любитъ же васъ женихъ? Такъ скажите ему, чтобы онъ уступилъ, не торговался.

Машенька прижала руки къ груди.

— Не можетъ онъ уступить. Ему залогъ въ винополію вносить надо. Ему мѣсто выходитъ, а залога у него нѣтъ, такъ онъ хочетъ за невѣстой взять. За мной не дадутъ, такъ онъ сейчасъ же на одной лавочницѣ женится.

— А онъ вамъ очень нравится?

— Да не дуренъ. И ничего такого про него не слыхать. Папашѣ не по вкусу, что онъ не духовный, а что̀ тоже хорошаго въ духовныхъ женихахъ? Такъ мнѣ эта духовная жизнь надоѣла—бѣжала бы отъ нея! Въ монополіи, вишь, въ городъ перевести могутъ, если похлопотать, и жалованье вѣрное. А выйдешь за духовнаго, опять въ деревнѣ сиди, да ту же работу дѣлай: и въ домѣ, и въ полѣ... Да „матушкой“ тебя называть будутъ...

— Какъ же быть? — спросила Лили и лѣниво потянулась.

Машенька опять прижала руки къ груди.

— Теперь у насъ дома вотъ какой Содомъ и Гоморра!.. Я нервная. Какъ ударюсь въ слезы, меня ничѣмъ и не унять. Ужъ я сегодня кричала, кричала; папаша даже на огородъ убѣжалъ. Варя тоже плачетъ: я не выйду замужъ, такъ и ей ходу нѣтъ. Мамаша, на насъ глядючи, убивается. Всѣ шумятъ... А я ужасно какая нервная и со мной въ родѣ какъ припадки отъ огорченія и всякаго разстройства.

— Да развѣ вы думаете, что у отца-дьякона деньги, все-таки, есть?

— У него есть. Онъ не скрывается, а говоритъ, что тогда Варю не съ чѣмъ выдавать будетъ. Выскочилъ въ огородъ, да безъ шапки подъ дождемъ. А мамаша и его бранитъ, и насъ бранитъ, а сама плачетъ. Я взяла, да и убѣжала къ вамъ. Мо-

жетъ, думаю, вы мнѣ что̀ ни на есть посовѣтуете? Вы образованная, умная...

Лили снисходительно улыбнулась.

— Ужъ и не знаю, право... Денегъ у меня нѣтъ, а то бы я вамъ дала. И нельзя же тоже требовать, чтобы вашъ отецъ отдалъ приданое вашей сестры Вари.

Машенька закрыла лицо руками и заплакала.

— Проклятая наша жизнь!—говорила она.—Боже мой, Боже мой! развѣ такая жизнь бываетъ? Въ грязи, да въ работѣ и нѣтъ тебѣ ничего! Ни радости, ни удовольствія. Къ чему молодость? на что̀ она нужна? Только горе одно...

Лили приподнялась и гладила Машеньку рукой по рукаву.

— Не надо плакать, Машенька,—утѣшала она.—А можетъ быть, все и устроится. Можетъ быть, все даже къ лучшему. Будутъ и еще женихи, и какъ знать?—будетъ то, чего вы и не ждете...

Дѣвушка отерла глаза и улыбнулась, но улыбка вышла жалкая.

— Вотъ, я вамъ разскажу,—начала она.—Зимой... Занесетъ насъ снѣгомъ, взвоютъ кругомъ метели. Время идетъ, идетъ,— конца ему нѣтъ. Вотъ, сидишь дома и книжку читаешь. Начитаешься, и начнетъ тебѣ представляться. Встаешь утромъ и думаешь: а вотъ какъ „оно“ сегодня случится. А что̀ „оно“—и не знаешь. Какъ разъ, значитъ, такое, чего не ждешь. Каждое утро все думаешь, а ничего и не случается; развѣ что пьяный какой придетъ, да набуянитъ, либо чужая собака во дворъ забѣжитъ. Только и новостей! И думается мнѣ теперь: неправда это все, что̀ въ книгахъ пишутъ, будто, тамъ, бѣдная молодая дѣвушка сама себѣ можетъ дорогу пробить и жизнь устроить... И про всякія неожиданности... И про любовь настоящую... Неправда это все? Скажите мнѣ!

Лили очень хотѣлось утѣшить огорченную дѣвушку, и она думала о томъ, какъ бы это сдѣлать? Проще всего, конечно, было подарить что-нибудь. Но что̀?

— Несчастнѣе меня нѣтъ!—продолжала Машенька.—У другихъ знакомые, подруги, а не могу же я, дьяконская дочь, дружиться съ деревенскими и водить съ ними компанію? На мѣста въ городѣ я никуда не гожусь: ничему насъ не обучили, даже грамотѣ и то съ грѣхомъ пополамъ знаю. Какъ я сама себѣ могу жизнь устроить?

Лили спустила ножки и встала.

— Посидите здѣсь, Машенька, подождите.

Она ушла къ себѣ въ комнату и стала рыться въ ящикахъ. Борисъ оглянулся на нее и продолжалъ читать.

— Боря!—окликнула его Лили.—А, Боря!

— Ну что?

— Машенька дьяконская пришла и разсказываетъ...

Она передала неудачный романъ Машеньки.

— Такъ мнѣ ее жалко стало! Хочу я ей какой-нибудь галстучекъ подарить. Вотъ ищу.

— Хорошо утѣшеніе!—презрительно замѣтилъ Борисъ.

— И, конечно, утѣшеніе!—задорно сказала Лили.—Много ли ей нужно? Вѣдь и любовь у нихъ странная. Развѣ онѣ такъ любятъ, какъ мы?

Она захлопнула ящикъ и неожиданно очутилась на колѣняхъ мужа, обвивая его голову руками.

— Развѣ онѣ такъ любятъ, какъ мы? Если бы ты разлюбилъ меня, я не утѣшилась бы галстучкомъ. Но вѣдь ты не разлюбилъ? Боря! отчего ты все не въ духѣ? Отчего это у насъ теперь такъ... Ну, давай, помиримся! Я не буду больше кокетничать съ Вощининымъ. Мнѣ, Боря, кромѣ тебя, никого, никого не надо. Ты сердился? ты ревновалъ? да? Знай же: я нарочно злила тебя, мстила... А теперь кончено! Теперь я хочу, чтобы ты былъ веселъ...

Борисъ всталъ и, весь блѣдный, съ злымъ выраженіемъ лица, отстранилъ отъ себя жену.

— Я тебя просилъ... Ты знаешь, я не выношу этихъ манеръ... Или ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія?

Лили широко открыла глаза.

— Боря! да что же это, наконецъ? Боря!

Онъ понялъ, что она сейчасъ заплачетъ, и быстро вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Еликанида Константиновна бросилась на кровать и зарыдала. Она долго плакала, а потомъ лежала и о чемъ-то напряженно думала.

А въ гостиной сидѣла Машенька, глядѣла на заплаканное отъ дождя окно и ждала.

VIII.

Къ Сошникову пріѣхала жена!

Эта вѣсть быстро разнеслась по всѣмъ сосѣдямъ и сильно всѣхъ заинтересовала.

Да правда ли? Значитъ, жена дѣйствительно есть?

Какая она? зачѣмъ пріѣхала?

Случилось, что Ипатъ былъ въ этотъ день на станціи, бралъ въ буфетѣ лимоны, и какъ разъ при немъ пришелъ поѣздъ, съ которымъ она и пріѣхала. Онъ видѣлъ ее, но не зналъ—кто такая.

„Она и есть!"—догадывался онъ теперь и почему-то смѣялся и крутилъ головой.

— А какая она изъ себя, Андронычъ?—любопытствовала Саша.

— Да какъ вамъ сказать? Одѣньте мальчишку въ юбку—она и есть. Маленькая, вертлявенькая. Платьице на ней коротенькое... Прямо—смѣхъ!

— Молодая, значитъ?

— А развѣ разберешь? Машину съ собой привезла. Вотъ... колесо-то, на которомъ ѣздятъ... Ну, какъ его? Велосипедъ!—наконецъ, припомнилъ онъ.

— Встрѣчалъ ее Игнатій-то Никифоровичъ?

— Нѣтъ. Это она къ нему, должно, налетомъ. Обрадовать хочетъ: не ожидалъ-молъ, а я вотъ она! Да она не одна. Съ ней не то нѣмецъ, не то англичанинъ. Можетъ, тотъ-то и не къ Сошникову, а дальше укатилъ. Я поѣхалъ, поѣздъ еще стоялъ.

Всѣ поочередно разспрашивали Ипата о пріѣзжей, а его, видимо, очень забавляло одно воспоминаніе о ней и о томъ пріятномъ сюрпризѣ, который она сдѣлала Игнатію Никифоровичу.

— Теперь онъ съ праздникомъ!—предполагалъ онъ, иронически подмигивая.—Надо думать, повезетъ свою супругу знакомить къ г-жѣ Суровой. Вѣдь у нихъ теперь съ Суровой дружба. Вотъ оно кстати и вышло: какъ разъ женѣ пріятная компанія.

О „дружбѣ" Сошникова съ Суровой Ипатъ, очевидно, зналъ отъ Захара.

Но игривымъ шуткамъ и предположеніямъ открылся еще бо̀льшій просторъ, когда стало достовѣрно извѣстно, что нѣмецъ, или англичанинъ, тоже гоститъ у Сошникова въ усадьбѣ.

Лили забыла свое горе и хохотала.

— Зиночка! ты какъ думаешь: они пріѣдутъ къ намъ?

Анна Степановна убѣждала:

— Развѣ можно вѣрить тому, что̀ говорятъ? И охота вамъ слушать всѣ эти сплетни!

Даже Борисъ немного оживился и говорилъ, что долженъ Сошникову визитъ и непремѣнно поѣдетъ теперь же, чтобы застать всю идиллію. Онъ звалъ съ собой и Вощинина, но тотъ категорически отказывался.

— Отчего? Что̀ это за pruderie?

— Да чортъ съ ними! Я не охотникъ до неловкихъ положеній.

— Что же тутъ неловкаго—пріѣхать съ визитомъ? Сошниковъ былъ же у насъ. По моему, мы исполнимъ только долгъ вѣжливости. Тебя онъ звалъ, просилъ.

— А я не желаю!

— Ну, оставайся разводить философію съ дамами! Несносный ты сталъ господинъ!—обидѣлся Борисъ.

Вощининъ самъ чувствовалъ, что онъ сталъ несносный. Самое лучшее для него было бы уѣхать отъ Важиныхъ, но рѣшиться на это онъ какъ-то все не могъ. Уѣхать въ эти дни—это значило порвать какую-то связь, которая ему самому была дорога. Анна Степановна, когда онъ еще былъ мальчишкой, заботилась о немъ, какъ вторая мать. У нея онъ проводилъ воскресные и праздничные дни, когда его, пансіонера, пускали въ отпускъ. У нея его ласкали и баловали, искали случая доставить ему всѣ доступныя удовольствія. Мать Бориса, его товарища по классу, жалѣла мальчика, который принужденъ былъ жить далеко отъ родной матери, и всѣми силами старалась замѣнить ее ему. Впослѣдствіи ихъ дороги съ Борисомъ разошлись: они поступили въ разныя высшія учебныя заведенія и жили въ разныхъ городахъ. Но Вощинина всегда тянуло къ Важинымъ, и не столько къ старому товарищу Борису, съ которымъ у него осталось мало общаго, сколько именно въ ихъ семью, гдѣ онъ привыкъ считать себя близкимъ и роднымъ.

Теперь надъ этой семьей висѣла гроза. Какъ перенесетъ Анна Степановна рѣшеніе Бориса разойтись съ женой? Какъ самъ Борисъ справится съ своей сложной задачей? Что станется съ Лили, съ дѣтьми? Съ дѣтьми, которыхъ Анна Степановна прямо обожаетъ? Борисъ чуть не силой увезъ его съ собой въ деревню. Конечно, изъ эгоизма. Для того, чтобы никогда не оставаться съ своими съ глазу на глазъ. Онъ тогда многое скрылъ отъ него, и Вощининъ догадался о своей настоящей роли только нѣсколько дней спустя послѣ ихъ пріѣзда. Попросту,—Борисъ прятался за его спиной. Онъ всегда былъ безхарактеренъ и трусливъ, а теперь онъ возмущалъ Николая Владиміровича своимъ непомѣрнымъ себялюбіемъ и легкомысленнымъ отношеніемъ ко всѣмъ остальнымъ. Онъ такъ жалѣлъ себя, такъ щадилъ себя, что становилось просто противно. И, конечно, онъ способенъ былъ избрать для своего разрыва съ женой самый простой и удобный для себя способъ, лишь бы не разбираться въ запутанномъ положеніи и свалить все на другихъ. Вощинину хотѣлось

уѣхать, и надо было уѣхать изъ-за своего дѣла на заводѣ, а онъ чувствовалъ себя принужденнымъ оставаться и ждать событій. Все это его раздражало и безпокоило. Онъ не привыкъ быть неаккуратнымъ въ дѣлахъ и не могъ дать себѣ яснаго отчета, насколько его присутствіе у Важиныхъ необходимо. На Бориса, несмотря на его безхарактерность, влiять онъ не могъ: тотъ закусилъ удила и понесъ. Въ такихъ случаяхъ, именно благодаря своей безхарактерности, онъ ничего не хотѣлъ слышать и видѣть, точно опасаясь опять какъ-нибудь поддаться чужому вліянію и не достигнуть своей цѣли. Анна Степановна переживала свое горе молча, прятала его даже отъ Зины. Почему? Можетъ быть, ей больно было касаться наболѣвшаго вопроса. Можетъ быть, она еще надѣялась, и поэтому притворялась, что даже ничего не замѣчаетъ. Зина откровенно говорила съ Вощининымъ, но ихъ мнѣнія, часто тождественныя, въ этомъ случаѣ рѣзко расходились. Зина была пристрастна къ брату и явно несправедлива къ невѣсткѣ.

— Я понимаю, какъ она можетъ надоѣсть со всей своей красотой!—раздражительно восклицала она.

— Тутъ не въ этомъ дѣло,—убѣждалъ Вощининъ.—Если вамъ надоѣли ваши знакомые, вы съ легкимъ сердцемъ можете съ ними раззнакомиться. Я это понимаю. Но Борисъ женился и у него семья. Это уже обязательство.

— Въ какомъ отношеніи? Конечно, онъ долженъ ее обезпечить. Онъ это сдѣлаетъ.

— Но, Зина, вы забываете, что она его любитъ! Вы забываете, что она ничѣмъ не заслужила, чтобы ея жизнь была искалѣчена! Вы забываете о дѣтяхъ!

— О, Господи! А почему же вы забываете, что Борисъ ее не любитъ, что онъ не въ состояніи больше выносить ея птичьей болтовни, этого ничтожества... ничтожества, которое тѣмъ не менѣе требовательно по праву и такъ умѣетъ распространиться, занять собой такъ много мѣста... занять всю жизнь, заслонить весь свѣтъ!

— Хорошо. Но почему же онъ не думалъ объ этомъ раньше? Зачѣмъ онъ женился?

Зина удивленно взглядывала въ лицо своего собесѣдника.

— Знаете, я не узнаю васъ! Съ которыхъ поръ вы такой строгій моралистъ? Вы, вѣроятно, не дѣлали ошибокъ, за которыя вамъ пришлось бы каяться? А если бы вы сдѣлали такую ошибку, то, конечно, вы не задумались бы заплатить за нее цѣной жизни?

— Эхъ!—съ горечью продолжала она:—какъ у людей слова никогда не сходятся съ практикой жизни! „Расширить рамки, вырваться, освободиться, искать чего-то такого новаго, о чемъ намъ не можетъ подсказать даже наше воображеніе"... Не вы ли все это проповѣдывали? На практикѣ вы осуждаете человѣка за то, что онъ не хочетъ быть пришитымъ къ очень хорошенькой, но очень глупенькой юбочкѣ. Логика?

Вощининъ пытался объяснить, что побужденія Бориса далеко не могутъ быть названы идейными, что, по его мнѣнію, на него просто нашла блажь.

— Судите сами: явились ли у него какіе-нибудь новые запросы, новые вкусы, потребности? Вѣдь, нѣтъ. Ничего такого! Ему надоѣла жена: ея наружность, манеры... Такъ развѣ же это достаточная причина ломать семью, причинять столько безпокойства и горя? Я понимаю, что если бы онъ оказался неизмѣримо выше ея, если бы она не удовлетворяла его нравственно...

— Я не знала, что вы такого невысокаго мнѣнія о братѣ,— холодно замѣчала Зина.

Вощининъ приходилъ въ настоящее отчаяніе. Онъ видѣлъ, что Зина не была искренна, что она нарочно обижалась и сердилась, чтобы только не соглашаться съ нимъ, и это его удивляло и огорчало. Развѣ трудно было замѣтить, какъ она сама мучилась? Похоже было на то, что въ ней происходила тяжелая внутренняя борьба. Но изъ-за чего? Ея старый, испытанный другъ могъ только недоумѣвать и ставить себѣ все тотъ же неразрѣшимый вопросъ:

„Нуженъ ли я здѣсь кому-нибудь? Не тяготятся ли они моимъ присутствіемъ"?

Одинъ разъ онъ даже прямо сказалъ Зинѣ:

— А я завтра ѣду. Хорошенькаго понемножку.

Дѣвушка быстро повернулась къ нему, и въ лицѣ ея что-то болѣзненно дрогнуло.

— Намъ будетъ очень тяжело безъ васъ!—просто сказала она.—Если можете—останьтесь.

Онъ давно не слыхалъ отъ нея этого простого, сердечнаго тона, изъ-за котораго раньше онъ любилъ ее не меньше родной сестры, и этотъ отголосокъ прошлаго, неизвѣстно когда и какъ исчезнувшаго, тронулъ его до глубины души.

— Если даже невозможно, такъ и то останусь... чтобы вамъ было нетяжело,—искренно отвѣтилъ онъ.—Зина, зачѣмъ же вы дѣлаете видъ, что я только раздражаю васъ?

— Голубчикъ! А вы не вѣрьте. Мнѣ такъ легче...—прошептала дѣвушка.—Ну, да... легче.

Безъ Вощинина Борисъ къ Сошникову не поѣхалъ и все продолжалъ увѣрять пріятеля, что онъ заставляетъ его быть очень невѣжливымъ. Но дня черезъ два послѣ прибытія интересныхъ гостей все устроилось къ общему удовольствію.

Вощининъ по обыкновенію пошелъ на рѣку удить, а Борисъ, хотя и очень нéхотя, но все-таки сопровождалъ его, чтобы не оставаться безъ него дома. Лили стало скучно, и она упросила Зину идти съ ней и посмотрѣть, много ли наудили ихъ кавалеры. Она вѣрила разсказамъ Ипата, что они на обратномъ пути покупали рыбу у деревенскихъ ребятишекъ и потомъ съ тріумфомъ выдавали ее за собственную добычу.

— А мы ихъ поймаемъ!—радовалась Лили.—Мы ихъ подстережемъ.

Николай Владиміровичъ всегда удилъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, у изгиба рѣки, тамъ, гдѣ она образовала довольно большую и глубокую заводь. Въ другихъ мѣстахъ рыба не держалась, потому что воды было немного: въ сухое лѣто она сильно убавлялась, почти пересыхала. Идти до заводи надо было лугомъ и на довольно большое разстояніе, и обыкновенно удильщиковъ не было видно, такъ какъ они спускались внизъ и ихъ заслонялъ высокій берегъ. Но теперь Лили сразу замѣтила небольшую группу на лугу.

— Смотри! они даже не удятъ!—смѣясь, сказала она Зинѣ.—Да ихъ тамъ что-то много! Наши не одни.

Зина всматривалась, но никого не могла отличить издали.

— Вѣроятно, это даже не они,—предположила она.

Когда подошли ближе, Лили вдругъ остановилась и схватила Зину за руку.

— Знаешь, кто это? Это Сошниковъ. Видишь велосипедъ? Ну, видишь? Видишь, кто это ведетъ его. И вотъ поѣхалъ... Это Вощининъ насъ замѣтилъ и ѣдетъ на встрѣчу.

Дѣйствительно, Николай Владиміровичъ быстро катилъ по ровной луговой дорогѣ.

— Вотъ такъ происшествіе!—сказалъ онъ, поровнявшись съ дамами и спрыгивая съ своего коня.—Вы догадываетесь, съ кѣмъ мы сейчасъ познакомились? Мадамъ Сошникова и ея „англичанинъ“! Впрочемъ, „англичанинъ“—самый обыкновенный русскій нѣмецъ... Но это все равно. Она очень интересная особа, ей Богу.

— Вы уже успѣли влюбиться?—насмѣшливо спросила Лили.

— Не говори такихъ пошлостей!—рѣзко остановила ее Зина.—Чѣмъ же она интересна?

— Я вамъ совѣтую познакомиться,—серьезно продолжалъ Николай Владиміровичъ.—Съ ней и поговорить любопытно, и посмотрѣть на нее любопытно.

— Какая же она? молоденькая? хорошенькая?—освѣдомилась Еликанида, и по глазамъ ея было видно, что она уже завидуетъ незнакомой ей женщинѣ и уже готова невзлюбить ее.

— Не молода и не красива,—отвѣтилъ Вощининъ. Лѣтъ тридцати-пяти, а можетъ, и сорока. Но она прямо интересна. Увидала насъ и подъѣхала такъ просто, какъ будто мы сто лѣтъ знакомы. Этотъ-то съ ней пріѣхалъ изысканія дѣлать. Есть предположеніе, что какъ разъ въ этихъ мѣстахъ богатѣйшія залежи угля. Очень вѣроятно, что это предположеніе можетъ и оправдаться.

Лили, видимо, успокоилась.

— Такъ она такая ужъ немолодая?—какъ будто съ разочарованіемъ протянула она.

— А какъ ее зовутъ?—спросила Зина.

— Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна уже шла къ нимъ. Она была одѣта въ велосипедный костюмъ съ широкими шароварами и свѣтлой англійской рубашечкой съ крахмаленнымъ воротникомъ. Голову покрывалъ фланелевый картузикъ. Средняго роста, очень гибкая и стройная, она слегка покачивалась на ходу, и ея худощавое личико съ тонкими, правильными чертами, очень блѣдное, привѣтливо улыбалось новымъ знакомымъ.

— Я знаю васъ,—первая заговорила она,—и очень рада, что мы встрѣтились такъ случайно. Правда, это хорошо? Вѣдь такое знакомство ровно ни къ чему не обязываетъ.

Она засмѣялась.

— Поговоримъ и увидимъ, стоитъ ли намъ обмѣниваться визитами и, вообще, становиться оффиціально знакомыми. Эдди! Это—мой компаньонъ: Эдуардъ Эдуардовичъ Шёнваль. Это ужасно длинно и трудно—Эдуардъ Эдуардовичъ, и поэтому онъ просто Эдди.

Очень некрасивый, горбоносый, неопредѣленныхъ лѣтъ нѣмецъ церемонно раскланялся, извиняясь за свой костюмъ. Его велосипедъ лежалъ тутъ же, въ сторонѣ, и оправдывалъ его клѣтчатую рубашку, перетянутую въ таліи широкимъ поясомъ, короткіе штаны и чулки на длинныхъ, тощихъ ногахъ. Весь онъ былъ длиненъ, тощъ и нескладенъ.

Всѣмъ стало немного неловко. Всѣ стояли и смотрѣли другъ на друга. Зина спросила Ольгу Николаевну:

— Вы въ первый разъ въ этихъ краяхъ?—и сейчасъ же прибавила:— У насъ очень однообразная, скучная природа.

Сошникова сейчасъ же съ ней согласилась.

— Да, очень однообразная и скучная. Мы не сядемъ опять? нѣтъ?

— А не пойдемъ ли мы всѣ домой, пить чай?—предложилъ Борисъ.—Ольга Николаевна! вы, надѣюсь, не откажетесь?

— Конечно, пойдемте!—поддержала Зина.

Нѣмецъ опять обратилъ вниманіе на свой костюмъ и объявилъ, что считаетъ неловкимъ явиться въ первый разъ въ домъ въ такомъ видѣ. Но его успокоили, и вся компанія двинулась по направленію къ усадьбѣ.

Вощининъ и Шёнваль шли рядомъ, вели велосипеды и оживленно разговаривали. Лили попробовала прислушаться къ ихъ разговорамъ, но они оказались совершенно для нея неинтересными: говорили о какихъ-то копяхъ, пластахъ... Она замѣтила, что нѣмецъ правильно, но какъ-то слишкомъ старательно и отчетливо произноситъ слова, что глаза у него совершенно круглые, свѣтло-голубого цвѣта. Все это ей не понравилось и показалось скучнымъ и смѣшнымъ.

Ольга Николаевна ей тоже не нравилась. При ближайшемъ разсмотрѣніи, у нея оказалось много морщинокъ и не меньше сѣдыхъ волосъ. Картузикъ она сняла и помахивала имъ на ходу.

„Вѣрныхъ сорокъ!"—думала Лили и удивлялась:—„Что̀ въ ней понравилось Вощинину?"

— Я люблю движеніе, перемѣны, — говорила Ольга Николаевна:—никогда не привязывалась къ мѣсту и даже не понимаю желанія основаться гдѣ-нибудь прочно. Зачѣмъ? Къ какому-нибудь серьезному, послѣдовательному труду — я не способна. Всякій интересъ для меня очень быстро исчерпывается, и тогда я становлюсь равнодушной.

— Я это понимаю!—сочувственно отозвался Борисъ. — По моему, вся Россія скучаетъ. Скучаетъ отчаянно! Это оттого, что всѣ хотятъ казаться способными къ серьезному труду, и не только къ труду, а вообще ко всему серьезному: и къ чувствамъ, и къ мыслямъ. Словомъ, всѣ серьезничаютъ, связываютъ себя по рукамъ и ногамъ, а интересъ очень быстро исчерпывается. Остаются однѣ путы этого серьезничанья.

Ольга Николаевна пристально поглядѣла на него.

— Я не совсѣмъ то хотѣла сказать,—замѣтила она и вдругъ засмѣялась.

— „Путы серьезничанья“... — повторила она. — Понимаю! Вы, знаете, сейчасъ коснулись вопроса, который меня очень занимаетъ. Охъ, какъ я выразилась: „коснулись вопроса“!.. Еслибы вы знали, до чего я не люблю такихъ выраженій,—такъ и отдаетъ отъ нихъ излюбленнымъ русскимъ глубокомысліемъ. Ну, все равно... Меня занимаетъ: будетъ когда-нибудь время, когда люди сами себя освободятъ отъ рабства? Будетъ когда-нибудь такъ, что людей освободившихся будутъ считать не за бѣглыхъ каторжниковъ, которыхъ каждый обязанъ ловить и водворять?

Она оглянулась на Зину, и въ ея живыхъ черныхъ глазахъ появилось какое-то лукавое выраженіе.

— Мнѣ не совсѣмъ ясно...—сказала Зина.

— Значитъ, вы еще не пытались бѣжать,—смѣясь, заключила Сошникова. — Вашъ братъ сейчасъ пожаловался, что въ Россіи всѣ скучаютъ, потому что всѣ хотятъ быть слишкомъ серьезными. Да развѣ это не правда? Нѣтъ, вы замѣтьте: у русскаго человѣка замѣчательно развита претензія на глубину и содержательность. Онъ шагу не ступитъ безъ такъ называемой нравственной подоплёки. И чѣмъ меньше человѣкъ дѣлаетъ дѣла, тѣмъ больше онъ говоритъ и о своей глубинѣ, и о своей содержательности, и о своей подоплёкѣ. Это своего рода кладъ, глубоко скрытый и недосягаемый. И чтобы кто-нибудь не дорылся до него, его охраняетъ злая сила, разные темные духи, которые, между прочимъ, служатъ доказательствомъ существованія клада. Темные духи — это пьянство, картежъ, развратъ. Спросите у самихъ пьяницъ, картежниковъ и развратниковъ, что̀ довело ихъ до жизни такой?.. Спросите объ этомъ у сердцевѣдовъ-писателей? О, какіе трогательные разсказы вы услышите! И, конечно, на первомъ планѣ будетъ фигурировать „кладъ“: глубина, содержательность и вся пресловутая русская подоплёка. И, вообразите, лжи въ этихъ разсказахъ будетъ очень мало. И „герой дна“, и писатель прямо увѣрены въ существованіи клада и ужасно гордятся имъ и тѣмъ, что онъ такъ тяжелъ, что тянетъ „ко дну“. Ну, а вотъ мнѣ, еретичкѣ, совсѣмъ не вѣрится въ кладъ, и даже кажется, что не будь этого преданія, людямъ жилось бы легче. Была бы вѣрная расцѣнка. Всѣмъ отдавалось бы должное. Люди со дна не рисовались бы своимъ положеніемъ: чѣмъ, дескать, я ниже, тѣмъ, значитъ, больше во мнѣ вѣсу... Не позволяли бы себѣ презирать другихъ и, поэтому, не боялись бы

подняться сами. Ахъ, да что̀ и говорить! Будь у насъ меньше претензій на что-то таинственное и, въ сущности, никому не нужное, насколько бы мы стали свободнѣе, проще, веселѣе и откровеннѣе. Какъ же мы не рабы? И какъ же намъ не возвести въ культъ наше рабство, если мы не хотимъ и не смѣемъ освободиться отъ него? Мы такъ и рѣшили: кто не въ цѣпяхъ, тотъ бѣглый каторжникъ. Ловить его и водворять!

Борисъ неестественно расхохотался.

— Да, да,—повторилъ онъ.—Ловить и водворять!

— Но вы со мной несогласны?—спросила Сошникова Зину.

— Но мнѣ кажется, что съ такими вопросами надо обращаться очень осторожно,—тихо замѣтила дѣвушка. — Вы говорите, что мы не хотимъ и не смѣемъ освободиться... Но освобождаться надо съ разборомъ, не правда ли? И претензія на нравственную подоплёку, на серьезное отношеніе къ жизни не всегда тянетъ насъ ко дну, а даже чаще поднимаетъ человѣка.

Борисъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Я сама употребила модное слово „дно", — быстро заговорила Сошникова,—но я должна вамъ сознаться, что для меня нравственный міръ вовсе не представляется какой-то гористой мѣстностью, съ пропастями и вершинами. Всѣ эти пропасти и вершины созданы обычаями и существеннаго въ нихъ нѣтъ ничего. Ни одного камешка, на который съ увѣренностью можно было бы наступить. Люди бываютъ хуже или лучше, а не ниже или выше. Это—большая разница.

— Почему?..

— Очень просто. Вы всегда можете сдѣлаться лучше, если постараетесь никому не дѣлать зла. Сдѣлаться выше—это уже изъ области отвлеченностей... И зависитъ отъ взгляда, отъ пониманія, отъ времени,—словомъ, отъ многаго неяснаго, непрочнаго и мимолетнаго.

Она засмѣялась, тряхнула головой и прищурила глаза.

— Я держусь правила—дѣлать людямъ... и вообще дѣлать какъ можно меньше зла, и считаю это главнымъ правиломъ. На все остальное, что касается меня одной, у меня собственная, личная этика. Я ее никому не навязываю, но и ни отъ кого ничего не скрываю, если ею интересуются. Я держусь правила дѣлать какъ можно меньше зла, и поэтому думаю, что я лучше многихъ другихъ, у которыхъ нѣтъ этого правила. „Подоплёка" меня нисколько не мучаетъ. Если мое понятіе о нравственности или достоинствѣ не сходится съ буквой прописи, я рву пропись. Я думаю, что когда мы всѣ умремъ, я окажусь въ чистомъ вы-

игрышѣ. Но будемте теперь говорить о чемъ-нибудь другомъ, пожалуйста! Тѣмъ болѣе, что говорю все время одна я. И я считаю, что я достаточно вамъ зарекомендовалась. Почему-то я всегда увѣрена, что обо мнѣ думаютъ гораздо хуже, чѣмъ я заслуживаю; я стараюсь заявить впередъ, что это несправедливо, и поэтому говорю, говорю... Впрочемъ, это нужно только у насъ, въ Россіи, да и то далеко не всегда.

— А вы теперь откуда?.. изъ-за границы? — спросила Лили.

Когда дошли до дома и Борисъ сталъ искать Анну Степановну, чтобы предупредить ее о приходѣ гостей, Зина взяла руку Ольги Николаевны и крѣпко пожала ее.

— Я себя чувствовала все время ужасно глупо, — призналась она. — Я не знала, какъ себя держать, что̀ говорить. По правдѣ сказать, я даже просто не умѣю быть очень откровенной и довѣрчивой. Я боюсь, что вы примете мое молчаніе за... за протестъ, что-ли.

— Нѣтъ, теперь я такъ не приму! — съ радостнымъ и ласковымъ выраженіемъ въ лицѣ воскликнула Сошникова. — Я буду вѣрить, что и протестъ, и всякое несогласіе вы выразите мнѣ словами, а не прямо личной непріязнью и пренебреженіемъ. Да? Можно такъ вѣрить?

Лили съ удивленіемъ поглядѣла на нихъ.

„Недоставало бы, чтобы онѣ поцѣловались!“ — насмѣшливо подумала она и, очень разочарованная въ новыхъ знакомыхъ, пошла посмотрѣть, что̀ дѣлаютъ дѣти.

IX.

Священникъ ѣздилъ въ городъ и вернулся чрезвычайно встревоженный: архіерей передумалъ и рѣшилъ немедленно отправиться въ объѣздъ. Его надо было ждать со дня на день.

— Когда мы успѣемъ приготовиться? — съ отчаяніемъ говорилъ о. Иванъ, хватаясь за голову. — Что̀ будетъ? Боже мой, что будетъ? Храмъ въ запустѣніи, прихожане — пьяницы, бездѣльники и кляузники. Осрамятъ, обнесутъ, погубятъ. Развѣ имъ пастыря надо? Имъ жандарма надо! Развѣ они слова слушаютъ? Они только палку понимаютъ! О, жизнь!.. жизнь проклятая!

— Ваня! да что̀ съ тобой? — усовѣщивала его матушка. — Изъ-за чего ты мучишься? Что церковь стара — это не твоя вина; да и никакой вины за тобой нѣтъ!

— А нѣтъ, такъ выдумаютъ. Найдутъ — не безпокойся! Ты

что̀ думаешь? Вѣдь ужъ тамъ... тамъ извѣстно, что я отказался хоронить Пахома Зыбкина и, будто бы, сослался на болѣзнь; что я торговался и выздоровѣлъ только тогда, когда получилъ столько, сколько требовалъ. Ужъ это тамъ извѣстно! А развѣ они будутъ разсуждать, чѣмъ же я буду жить, если никто не будетъ платить мнѣ? И кто захочетъ волей заплатить мнѣ, если тѣ же деньги можно пропить въ кабакѣ? Пахомъ Зыбкинъ!.. И полѣзутъ эти Пахомы... О, скверные людишки! Развѣ я не знаю, что всѣ они ненавидятъ меня? Готовы потопить въ ложкѣ воды. А за что̀ ненавидятъ? За то, что я не хочу, какъ дьяконъ, подлаживаться къ нимъ, ходить на ихъ пирушки... панибратничать. Да, не хочу!

— Ваня!.. успокойся!

— Мнѣ всѣ люди здѣсь одинаково противны... Важины, которые почему-то смотрятъ на меня сверху внизъ... Я, видите ли, не обладаю кротостью, приличной моему сану... Я не вмѣщаю въ своемъ сердцѣ евангельской любви. Духовенство не на высотѣ... А еслибы я сталъ перечислять дворянскія доблести... ихъ, Важинскія доблести? Зинаида возмущается моимъ мнѣніемъ о мужикахъ. Она не говоритъ: „мужикъ“, а говоритъ: „крестьянинъ“. Ха! ха! Такъ деликатнѣе! У нихъ деликатности и сентименты. Они витаютъ въ мірѣ розовыхъ фантазій, думаютъ по книжкѣ, одѣваются въ ѳеирныя ткани, пока еще не вышли всѣ деньги, полученныя за залогъ и перезалогъ земель. Когда денегъ больше нѣтъ, они обращаются въ Сошниковыхъ и ничѣмъ не брезгаютъ. Духовенство не на высотѣ! Это говоритъ дворянство! Ха-ха!

— Ваня, выпей чайку!

Но Ваня отказался пить чай и послалъ свою единственную прислугу за дьякономъ.

— Ты захвораешь, Ваня!—безпокоилась матушка.

Тотъ все хватался за голову и перечислялъ, что̀ предстоитъ сдѣлать въ самое короткое время.

— Надо съѣздить къ Суровой. Пусть и она приготовляется. А вдругъ карету не успѣютъ привести въ порядокъ?! Гдѣ еще взять карету? Ночевать будутъ у нея. Съумѣетъ ли она все устроить?.. съумѣетъ ли она принять? Баба, глупая, старая баба! И вѣдь что̀ меня бѣситъ! Она воображаетъ, что если она сдѣлала пожертвованіе на церковь и подарила мнѣ плохонькую коровёнку, то она уже благодѣтельница. Она уже можетъ поднять передъ мною носъ, и я не смѣю передъ нею пикнуть. Куда теперь! А вотъ дай архіерею у нея переночевать,—она еще тону

избавитъ: выговоры мнѣ будетъ дѣлать, начальство разыгрывать. О, жизнь! проклятая жизнь!

На долю дьякона выпало тоже не мало труда и хлопотъ. Онъ покорно исполнялъ всѣ приказанія батюшки, что-то писалъ въ большихъ переплетенныхъ книгахъ, рылся въ какихъ-то бумагахъ, наблюдалъ за приборкой церкви, но и за всѣмъ этимъ спѣшнымъ и важнымъ дѣломъ не могъ забыть своей личной тревожной думы. Его преслѣдовалъ какой-то безотчетный страхъ. Сидитъ онъ надъ книгами, нанизавъ на носъ громадные очки въ толстой стальной оправѣ, неуклюже держитъ въ толстыхъ черныхъ пальцахъ перо, приготовляясь выводить имъ крючковатыя буквы. Лицо его сосредоточенно, даже глубокомысленно. И вдругъ его точно кольнетъ что-то: онъ весь встрепенется, раскроетъ ротъ, какъ отъ испуга, вытаращитъ глаза...

— Машенька!—крикнетъ онъ.—А, Машенька!

— Ты ее чего? Ея нѣтъ,—отвѣтитъ мать-дьяконица.

— Какъ нѣтъ? гдѣ же она? куда она ушла? Варя! гдѣ сестра? Найди сестру и приведи ко мнѣ!

И дьяконъ вскочитъ и ходитъ по комнатѣ большими, неровными шагами, пока Варя не найдетъ Машеньку и не приведетъ ее.

— Вы что̀, папаша? Опять пустяки какіе-нибудь?—спроситъ дѣвушка. А дьяконъ чему-то радъ, но старается скрыть свою радость. Ему хочется приласкать дочь, но онъ не смѣетъ, потому что личико ея выражаетъ явную непріязнь и досаду.

— Ты бы мнѣ помогла, Машенька,—робко проситъ онъ.

— Мало у меня своей работы! Сейчасъ скотину пригонятъ. Вы, что-ли, убирать ее будете?

— Я еще что-то хотѣлъ тебѣ сказать...

— Ахъ, не до вашихъ разговоровъ! Что̀ это, папаша, надоѣли вы мнѣ какъ! Только гоняете безъ толку.

Машенька уйдетъ, а дьяконъ, все-таки, радъ. Опять на нѣкоторое время онъ спокоенъ.

— Погрозила — и только и всего. Ничего больше и не будетъ,—обнадеживаетъ онъ самого себя.—Будто ужъ другихъ жениховъ и не будетъ! Небось, будутъ! А у меня и Варькѣ на приданое останется, и, чего Боже упаси, на всякій случай.

Наконецъ, сталъ извѣстенъ день, въ который надлежало пріѣхать архіерею. Въ воскресенье о грядущемъ событіи было объявлено народу и сдѣлано по этому же поводу надлежащее внушеніе. При первыхъ же звукахъ колокола прихожане должны были собраться около церкви. По пріѣздѣ преосвященнаго, не

толкаться, не лѣзть впередъ. На вопросы, если таковые будутъ предложены, отвѣчать вѣжливо и внятно. Подходя подъ благословеніе, лобзать благословляющую руку.

Сурова каталась въ каретѣ, каждый день навѣщала батюшку и вмѣстѣ съ нимъ проходила въ церковь. Тамъ она уже распоряжалась, какъ полная хозяйка.

Батюшка еще больше осунулся и поблѣднѣлъ, углы губъ у него болѣзненно подергивались, а въ глазахъ вспыхивали и потухали жесткіе огоньки.

Больше всего его теперь раздражала Сурова съ ея новымъ, внезапно усвоеннымъ ею тономъ властной, покровительствующей ему дамы, съ ея самоувѣренностью и безцеремонностью. Она сама ѣздила къ преосвященному приглашать его остановиться у нея, и, по ея словамъ, была принята съ такой любезностью и почетомъ, что, будто бы, архіерей „взялъ ее за подбородочекъ, погрозилъ пальцемъ и изволилъ сказать:—да какая же вы, однако, плутовка!“ Впрочемъ, Раиса Семеновна такъ часто и такъ разнообразно разсказывала подробности своего посѣщенія, что, даже при большомъ желаніи повѣрить хотя чему-нибудь, надо было долго выбирать наиболѣе вѣроятную версію. Во всякомъ случаѣ, вдова была очень счастлива и сразу пріобрѣла въ своихъ собственныхъ глазахъ много вѣса и значенія. Все стало ей казаться гораздо проще и доступнѣе, чѣмъ раньше.

Катаясь въ каретѣ, она величественно наклоняла голову въ отвѣтъ на поклоны мужиковъ, а проѣзжая мимо усадьбы Важиныхъ, почему-то презрительно улыбалась.

Одинъ день ей особенно посчастливилось: совершенно неожиданно, при яркомъ вечернемъ солнцѣ, на самой серединѣ неба скопилась сѣрая, низко нависшая тучка и изъ нея зашлепали по землѣ и по верху кареты тяжелыя, крупныя дождевыя капли. Тучка казалась очень маленькой, но капли сыпались, какъ градъ, и рѣдкій дождь перешелъ въ ливень. Раиса Семеновна только-что подумала о томъ, какъ хорошо въ такихъ случаяхъ сидѣть въ каретѣ,—какъ увидала Зину, которая быстро шла подъ дождемъ, закрываясь бѣлымъ, уже совсѣмъ промокшимъ зонтикомъ. Сурова забарабанила въ переднее окно, и Захаръ остановилъ лошадей.

— Зинаида Андреевна! садитесь! я васъ подвезу, подвезу!— закричала вдова.

Зина остановилась, раскланялась и, крикнувъ что-то, опять поспѣшно пошла къ усадьбѣ.

— Поворачивай!—приказала Сурова Захару.—Подъѣзжай къ барышнѣ!

Карета догнала Зину и остановилась.

— Дорогая моя! развѣ можно? развѣ можно?..—залепетала вдова, распахнула дверцу и протянула дѣвушкѣ обѣ руки. Зина принуждена была сѣсть.

— Развѣ можно?.. Платьице мокренькое, а ножки долго ли промочить? Ай-яй-яй, какъ мы себя не бережемъ! Ахъ, молодость, молодость! Когда я была такъ молода, какъ вы, мнѣ тоже все было ни почемъ. И тоже, вотъ этакъ, ножки въ легонькихъ туфелькахъ... А мама, глядишь, теперь безпокоится?

— Нѣтъ, мама не безпокоится,—сказала Зина и едва удержалась отъ смѣха, представляя себѣ ножки и легонькія туфельки Раисы въ молодости, когда она еще начинала свою служебную карьеру, закончившуюся мѣстомъ судомойки въ „генеральскомъ домѣ“.

— А мнѣ, милочка, теперь столько хлопотъ, столько хлопотъ!—жалобно запѣла вдова.—Вѣдь архіерей пожелалъ остановиться у меня. Могла ли я отказать? А принять такое лицо... Посудите сами: не кто-нибудь! Не нашъ братъ помѣщикъ. Все обдумать да обдумать надо. Я и въ церкви встрѣть, я—и дома.

— А зачѣмъ въ церкви?—спросила Зина.

— Все по его желанію. Вѣдь я была у него.

До Зины уже дошелъ разсказъ о „подбородочкѣ“ и „плутовкѣ“, и она боялась, что Сурова сейчасъ повторитъ его, а она не выдержитъ и расхохочется.

— Въ которомъ часу онъ долженъ быть здѣсь?—быстро спросила она.—Кажется, послѣ завтра утромъ?

— Я распорядилась, чтобы благовѣстили съ двѣнадцати часовъ. Пока народъ подойдетъ, пока чтò...

Карета подъѣзжала къ крыльцу.

— А вѣдь это Игнатій Никифоровичъ у васъ!—взволновалась Раиса, замѣтивъ на балконѣ фигуру Сошникова.—А жена его у васъ бываетъ? Знаете, милочка, по моему, она неприлична въ обществѣ. Въ штанахъ... Фи! И какъ неделикатно, что она привезла съ собой своего нѣмца. А еще говорятъ, что она изъ хорошей семьи и тонкаго воспитанія.

— Она очень образованная, милая, честная, но несчастная женщина,—твердо сказала Зина.

— Ахъ, дорогая моя! Вы, конечно, изъ доброты и по дѣвичьей неопытности...

Зина первая вышла изъ экипажа.

— Вѣдь вы зайдете къ намъ?—неохотно пригласила она Сурову.

— Мнѣ такъ хочется поцѣловать вашу маму...—оживленно заявила Раиса и выпорхнула вслѣдъ за дѣвушкой.

На балконѣ только-что подали чай и всѣ были въ сборѣ и сидѣли вокругъ стола.

— Сурчиха въ архіерейской колымагѣ!—удивленно доложилъ Сошниковъ.

Раиса Семеновна съ неподражаемой граціей выбѣжала изъ гостиной на балконъ, остановилась и сдѣлала реверансъ.

— Милая Анна Степановна, я привезла вамъ дочку! Вообразите, дождь... а она идетъ. У меня даже сердце ёкнуло. Долго ли простудиться? Силой втащила въ свою карету, и вотъ... привезла вамъ вашу птичку.

Она стала здороваться со всѣми присутствующими, потрясая и звеня браслетами.

— А я, знаете, такъ утомлена, такъ утомлена!—сказала она, усаживаясь и закатывая глаза. И опять посыпались жалобы на множество хлопотъ по поводу пріема почетнаго гостя.

— А вы, нехорошій, не захотѣли помочь мнѣ!—погрозила она пальцемъ Сошникову и сейчасъ же игриво засмѣялась.

— Хотите, я наряжусь во фракъ и буду у васъ при гостяхъ служить за столомъ?—серьезно предложилъ Игнатій Никифоровичъ.

— Ахъ, это вы шутите!—неувѣренно предположила вдова.

Сошниковъ вскочилъ и сталъ представлять, какъ онъ будетъ служить за столомъ. Лицо и манеры его сразу измѣнились и стали типично-лакейскими. Всѣ смѣялись.

— Нѣтъ, вы шутите! —болѣе увѣренно и разочарованно сказала Раиса.

Жена Сошникова встала и ушла въ домъ. Она постучала въ дверь Зининой комнаты.

— Къ вамъ можно?

— Ольга Николаевна? Войдите! войдите!

Зина только-что кончила переодѣваться.

— А вѣдь я не знала, что и вы здѣсь!—радостно сказала она.—Сидитъ тамъ еще... эта? Ужъ такъ ей хотѣлось втереться! Втерлась! Влѣзла! Не стоитъ она того, чтобы изъ-за нея раздражаться. Но теперь она такъ заважничала, что и смѣхъ разбираетъ, и зло беретъ. „Милочка“.... „Дорогая моя“...

Она искала поясъ и никакъ не могла найти. Ольга Николаевна сѣла въ кресло около окна.

— Вы чѣмъ-то разстроены?—съ безпокойствомъ спросила Зина.

Сошникова съ трудомъ удерживала слезы.

— Онъ не такой былъ!—вырвалось у нея.—Вѣрьте мнѣ, онъ не такой и теперь! Онъ растерялся... Его пришибъ цѣлый рядъ неудачъ. Игнатій... Онъ былъ такой гордый, смѣлый. Онъ былъ такой великодушный, открытый... щедрый. Какъ его любили всѣ: и товарищи, и подчиненные! Какіе у него были планы! О, я знаю, какъ про него плохо говорятъ. Но вѣдь проще прямо назвать человѣка подлецомъ, чѣмъ доискиваться правды, разбираться въ противорѣчіяхъ. Кто пойманъ, тотъ воръ. Но меня-то вѣдь никто не разубѣдитъ! Я любила его. Говорятъ: любовь слѣпа. Неправда! Самое справедливое—это судить человѣка любя. Все принимать въ разсчетъ, чувствовать, а не только разсуждать. Игнатій былъ хорошій человѣкъ! Заблуждающійся и легкомысленный, но, Боже!.. Клянусь вамъ, онъ былъ только очень легкомысленный. И онъ растерялся.

Она судорожно сжала руки, и изъ глазъ ея вдругъ покатились слезы.

— Не могу я его видѣть... такимъ! Жалко мнѣ и больно...

Зина сѣла рядомъ съ Ольгой Николаевной на подоконникъ и съ сердитымъ лицомъ глядѣла въ окно.

— Вы не вѣрите мнѣ!—съ отчаяніемъ замѣтила Сошникова.—Да, не вѣрите. Трудно вѣрить. Вы видите его въ роли шута, вы слышите о немъ такъ много грязнаго, ужаснаго... Да вѣдь и я... и я не буду васъ увѣрять, что все это неправда. Это была бы ложь. Я не хочу лгать, даже чтобы защитить его. Нѣтъ, это все правда! И даже... Сурова—правда!

— О! —невольно вырвалось у Зины, и она встала.

Ольга Николаевна схватила ее за руки.

— А кто смѣетъ бросить камень?—крикнула она.—Развѣ я для того говорю объ этомъ вамъ, чтобы вы еще глубже презирали его? Нѣтъ, я знаю: вы тоже способны пожалѣть и простить. Если я жалѣю и прощаю... Вы должны понять, что это не человѣкъ униженъ, опошленъ и покрытъ грязью, а загнанный, обезумѣвшій, раненый звѣрь. Человѣкъ остался тамъ, въ прошломъ... Какъ это вышло—я не понимаю. Сперва ему все удавалось, и его всѣ уважали, любили, окружали. Всѣ видѣли только его успѣхъ. А онъ былъ счастливъ и великодушенъ, помогалъ всѣмъ, кому могъ, давалъ совѣты, тащилъ за собой. И вдругъ что-то перевернулось: счастье измѣнило... Онъ не сталъ ни менѣе честнымъ, ни менѣе умнымъ и сообразительнымъ. Но счастье измѣнило, а онъ не вѣрилъ и сталъ еще больше рисковать. Посыпались неудачи, и не столько огорчали его, какъ злили. Сперва

онъ хотѣлъ только переупрямить это счастье, доказать, что онъ умѣетъ бороться. Потомъ онъ сталъ рисковать еще больше, чтобы поправить разстроенныя дѣла, вывернуться. Онъ зарвался, какъ игрокъ. Онъ уже плохо сознавалъ, что̀ дѣлалъ. Онъ всегда былъ легкомысленъ. А его друзья стали ему врагами, тѣ, кому онъ помогалъ и тащилъ за собой—всѣ отступились; чтобы спасти себя, стали топить его. Это была травля. Онъ былъ пойманъ, и онъ оказался воромъ. У меня много знакомыхъ, связей. Я хлопотала, молила, унижалась. Мнѣ удалось спасти только его свободу. И вотъ онъ уѣхалъ сюда, а я заболѣла и меня родные увезли за границу. Всѣ хотѣли одного—чтобы я разошлась съ нимъ. А я не могла. Я знала, какъ онъ несчастливъ. Прежде всего̀—несчастливъ! А онъ писалъ мнѣ, чтобы я подождала возвращаться, что онъ безъ меня все наладитъ, устроитъ, и тогда выпишетъ меня. Онъ присылалъ мнѣ денегъ... Я не знаю, на что̀ онъ надѣялся... А я вѣрила...

Ольга Николаевна закрыла лицо руками и долго молчала.

— Развѣ я знала, до чего онъ дошелъ!—прошептала она.— Я брала эти деньги и... и гордилась... Онъ всегда сообщалъ мнѣ что-нибудь утѣшительное: о томъ, что онъ получилъ мѣсто, что ему вернули старый долгъ, что въ виду у него еще лучшее мѣсто, а что дѣло, которое мы съ нимъ считали погибшимъ, начинаетъ вновь подавать блестящія надежды. Почти все это онъ выдумывалъ, а я вѣрила. И въ свой чередъ я хотѣла помочь ему. Случайно я встрѣтилась съ Шёнвалемъ. Онъ слыхалъ про моего мужа, зналъ многое и принялъ во мнѣ участіе. Ему и пришла эта мысль... объ углѣ... Онъ говорилъ такъ увѣренно и настойчиво. Найдетъ ли онъ что-нибудь—не знаю. А вотъ я... вернулась. И я теперь знаю... все! И мнѣ только одного хочется: вырвать его, увезти.

— Кто же вамъ все разсказалъ?—спросила Зина.

Ольга Николаевна вытерла мокрое отъ слезъ лицо и стала обмахивать его платкомъ.

— Самъ онъ мнѣ все разсказалъ. Я потребовала. Цѣлую ночь мы проговорили. И онъ плакалъ и цѣловалъ мои руки. И только эту одну ночь онъ былъ прежнимъ. И я была счастлива.

Она уронила руки на колѣни и задумалась.

Зина чувствовала, что она не можетъ понять эту женщину, не можетъ сочувствовать ея горю. Ея сердце сильно билось, но билось оно только негодованіемъ и презрѣніемъ. И она ничего не могла сказать,—такъ взбудоражена была ея душа, такъ обидно было ей за свою новую пріятельницу.

Ольга Николаевна, казалось, угадала ея чувство. Она вдругъ встала, и ея тоненькая фигурка приняла спокойную, горделивую осанку.

— Мое счастье,—твердо сказала она,—мое счастье, что я и теперь не стыжусь ни его, ни своей любви. Я увезу его и спасу. И когда онъ опять станетъ человѣкомъ, многіе поймутъ, что именно такъ и надо было... что въ любви къ человѣку, каковъ бы онъ ни былъ, больше правоты, чѣмъ въ самомъ изощренномъ самолюбіи. Любовь унизить не можетъ. Нѣтъ! Такая, какъ моя... съ жалостью, съ болью... Нѣтъ!

Теперь она возмущалась и защищалась.

Зина молча взяла ее за руки и привлекла къ себѣ.

— Милая! Вы не сердитесь на меня. Вѣроятно, я еще никого никогда не любила. И я не могу понять... Если вы все знаете, такъ какъ же?.. Какъ же васъ не оттолкнетъ, хотя бы противъ вашей воли, противъ убѣжденія, отъ всей этой... нечистоплотности? Какъ вы можете не оскорбиться до несправедливости? до того, чтобы въ васъ замолчали и жалость, и всѣ воспоминанія? Я не могу понять!

Ольга Николаевна неожиданно радостно улыбнулась.

— Я до этого дошла!—сказала она.—Я себя побѣдила. Я освободилась. Помните нашъ первый разговоръ, въ лугахъ? Я тогда призналась вамъ, что я не вѣрю въ благородство чувствъ, которое мѣшаетъ человѣку жить, мучитъ и озлобляетъ. Я сказала: я не вѣрю въ „кладъ". Всѣ считаютъ страшнымъ оскорбленіемъ, если убѣдятся въ измѣнѣ мужа или жены. Не оскорбиться—это выказать неблагородство чувствъ. А развѣ это чувство оскорбленія не мѣшаетъ жить, не дѣлаетъ несправедливымъ? И почему оно такъ благородно? Почему? Не создали ли его обычай, время, то, что можетъ пройти и измѣниться? Почему оно благородно, если оно застилаетъ вѣчное, никогда не преходящее, самое нужное для человѣка,—чувство любви и прощенія? Почему оно благородно, если оно касается той стороны жизни человѣка, которая ниже человѣка, которая, едва пройдетъ его молодость, уже не нужна ему? Всѣ оскорбляются, потому что считаютъ долгомъ оскорбиться. А сколько людей выше этого! И только сами не догадываются и безсознательно создаютъ драму изъ такой пошлости, мелкой дрянности, забывая, что этой пошлостью и дрянностью они губятъ самое прекрасное въ жизни: душу. Губятъ ее озлобленіемъ, несправедливостью, печалью. А за что? за что? Стоитъ ли „это" нашей печали? Если жена пойдетъ на каторгу за убійцей-мужемъ, ее поймутъ и не осудятъ.

Если жена просто и искренно проститъ измѣну—ее станутъ презирать и осмѣивать. Но это ложь. И отъ лжи передъ собственной совѣстью пора освободиться. И я до этого дошла. Я освободилась.

Она глядѣла въ окно на прояснившуюся лазурь неба, на свѣжую зелень деревьевъ, и въ эту минуту худенькое личико ея казалось такимъ одухотвореннымъ и безмятежнымъ, что Зинѣ вдругъ захотѣлось зарисовать его. Какая-то смутная мысль мелькнула въ ея головѣ, и она схватилась за нее. Не съ этой ли стороны надо искать выхода изъ душнаго, замкнутаго, тусклаго круга жизни? Не такими ли разсѣянными, равнодушными глазами надо глядѣть поверхъ всего житейскаго, чтобы увидѣть, откуда можетъ придти новый притокъ воздуха и свѣта?

Но чѣмъ она больше освоивалась съ мелькнувшей мыслью, тѣмъ та больше теряла своей новизны и неожиданности.

— Она любитъ и прощаетъ. Развѣ это ново?

И вдругъ ей представилось это же лицо въ другой обстановкѣ. Ей представилась та ночь, когда мужъ шепталъ своей женѣ свою длинную позорную исповѣдь. А та сидѣла и слушала и требовала, чтобы онъ говорилъ еще и еще. И въ эту ночь она была счастлива, потому что, въ своемъ раскаяніи, онъ для нея былъ „прежнимъ". „Онъ говорилъ и цѣловалъ мои руки"...

„Нѣтъ, она не просто любитъ и прощаетъ,—опять подумала Зина.—Она побѣдила себя. Она освободилась. Она ушла впередъ".

X.

Утромъ того дня, когда ждали архіерея, къ Аннѣ Степановнѣ пріѣхали Реповы. И Петръ Ивановичъ, и Наталья Алексѣевна непремѣнно пожелали участвовать во встрѣчѣ, и къ церкви былъ посланъ верховой, который долженъ былъ своевременно дать знать въ усадьбу о приближеніи желаннаго гостя. Благовѣстили почти безпрерывно, сзывая народъ, который по случаю страдной поры и будничнаго дня сходился въ очень небольшомъ количествѣ. Въ конюшнѣ Важиныхъ лошади стояли въ сбруѣ, чтобы можно было какъ можно скорѣе запречь, не теряя ни одной лишней минуты. Собирались ѣхать всѣ, а Лили подумывала даже взять дѣтей, чтобы и они могли принять благословеніе. Но Борисъ рѣшительно возсталъ противъ такого плана, а Лили уступила только тогда, когда Вощининъ выразилъ пред-

положеніе, что подъ благословеніе приведутъ много деревенскихъ дѣтей, и не только здоровыхъ, но и больныхъ, и больныхъ даже по преимуществу. Лили ничего такъ не боялась, какъ болѣзни и заразы. Она сейчасъ же испугалась и даже благодарила Николая Владиміровича.

Весь день прошелъ въ ожиданіи. Черезъ короткій промежутокъ времени слышался благовѣстъ, начинали волноваться и поджидать верхового, прислушивались къ каждому отдаленному топоту, посылали совѣтоваться съ Ипатомъ, не надо ли послать еще кого-нибудь для вѣрности. Ипатъ сидѣлъ съ Реповскимъ кучеромъ на галерейкѣ кухни и оба пили чай.

— Къ вечеру только ждутъ,—сообщалъ онъ только-что полученное имъ извѣстіе. — Въ Ляховѣ задержался. До насъ ему еще въ двухъ приходахъ побывать надо.

— А чего же благовѣстятъ?—удивлялась Саша, посланная за справками.

— Благовѣстятъ-то? А это Сурчихѣ скучно, вотъ она и забавляется. Сурчиха-то сегодня еще когда прикатила! Сидитъ въ церкви и батьку отъ себя не отпускаетъ. Съ утра тамъ и прохлаждаются. Какъ тутъ не зазвонить?

— А къ вечеру, все-таки, будетъ?

— Къ вечеру, говорятъ, будетъ. Да мы поспѣемъ! Какъ намъ не поспѣть? Пусть господа не безпокоятся. Какъ надо будетъ,—я и подамъ.

Анна Степановна сперва сидѣла съ Реповыми на балконѣ, но когда стало извѣстно, что времени до встрѣчи еще много, она увела своихъ гостей въ садъ.

— Скажи, Annette,—спросила Наталья Алексѣевна,—тебѣ удалось видѣть жену Игнатія Никифоровича? Я кое-что слышала о ней...

— Да они еще третьяго дня были у насъ. Бывали и раньше. Моя Зина что-то очень сошлась съ Ольгой Николаевной.

— Какъ ты говоришь? сошлась? Но, chérie, то, что о ней говорятъ... Я, конечно, не знаю. Но есть какіе-то намеки, и очень опредѣленные, насчетъ какого-то иностранца, который, будто, пріѣхалъ вмѣстѣ съ ней?.. Ты это знаешь?

— Шёнваль. Онъ тоже былъ у насъ. Нѣтъ, Nathalie, я не вѣрю этимъ опредѣленнымъ намекамъ.

— Chérie!—горячо вскрикнула генеральша:—развѣ я тебѣ говорю, что я вѣрю? Но мнѣ, знаешь, грустно, что эта Ольга Николаевна даетъ возможность говорить о ней такъ или иначе. Она не должна бы была давать такой возможности. И тогда

расположеніе твоей Зины къ ней только порадовало бы меня. Что-то мнѣ еще разсказывали, будто и костюмъ у нея не совсѣмъ обыкновенный...

Анна Степановна разсказала все, что знала о Сошниковой, и еще разъ повторила, что не вѣритъ всякимъ сплетнямъ о ней.

— Милая Nathalie!—грустно прибавила она.—Мы съ тобой уже многаго не понимаемъ, что дѣлается въ жизни. И, можетъ быть, многое изъ того, что дѣлается,—хорошо. Но намъ оно непривычно, странно. Я тебѣ откровенно скажу: наше съ тобой время прошло. Мы дожили какой-то періодъ, который тянулся долго, долго. Въ этотъ періодъ старики учили жить молодежь. И насъ съ тобой учили жить и понимать вещи старики, но съ нами этотъ періодъ отживаетъ, и намъ съ тобой некого учить. Мы родились въ одной жизни, а умираемъ въ другой. Все намъ чужое и всѣмъ мы чужіе.

Петръ Ивановичъ шелъ рядомъ съ дамами и стряхивалъ легкими щелчками пылинки съ своего сюртука.

— Нашъ долгъ—учить!—вдругъ строптиво сказалъ онъ.— Нашъ долгъ—оберегать наше сословіе отъ пагубныхъ новшествъ и направленій.

— Je vous demande pardon, cher ami!—ласково остановила его жена и улыбнулась ему такъ, какъ взрослые улыбаются умному ребенку. — Я хотѣла сказать, Annette... Ты говоришь, что кончился какой-то долгій періодъ и что теперь намъ уже некого учить. Мнѣ, дѣйствительно, учить некого. По волѣ Бога... Но я думаю, что еслибы у меня были дѣти, я бы не сказала такъ, какъ ты. Я бы стала бороться. Я считала бы своимъ долгомъ бороться за наши милыя традиціи, за весь укладъ нашей старо-дворянской жизни. Вспомни: мы были молоды. Развѣ и намъ тогда не хотѣлось немного больше свободы и самостоятельности? Развѣ и мы иногда не пробовали немножко побунтовать? Насъ умѣли заставить слушаться! И развѣ это было плохо? Отчего мы теперь не умѣемъ заставить слушаться? Chérie! я, можетъ быть, касаюсь больного мѣста твоей души. Я вижу тебя немножко растерянной, немножко грустной, и не могу отнестись къ этому равнодушно. Зачѣмъ такая покорность? Зачѣмъ ты терпишь въ своемъ домѣ людей и... отношенія, которыхъ ты одобрить не можешь?

Анна Степановна испуганно вскинула своими кроткими глазами на свою величественную подругу.

— Ты ошибаешься, Nathalie,—тихо сказала она.—Повто-

раю тебѣ: во мнѣ не покорность... И не одна безхарактерность... Я чувствую, что я отжила и что всѣ мои понятія отжили. Отъ власти надъ дѣтьми я отказалась не изъ баловства и не своей волей. Nathalie! жизнь сильнѣе насъ. Она куда-то двинулась и повлекла за собой все молодое и энергичное. Мы остались позади. Да поможетъ Богъ молодымъ! Можетъ быть, многое изъ того, что̀ теперь дѣлается—хорошо. Надо такъ вѣрить.

Наталья Алексѣевна откинула голову и прищурила глаза.

— Я вижу людей, которые пренебрегаютъ своей сословной гордостью,—которые безъ страха отрекаются отъ своей вѣры,—которые открыто попираютъ семейное начало и выбрасываютъ, какъ знамя, откровенный развратъ. Я вижу женщинъ, которыя уже не хотятъ быть матерями и считаютъ идеаломъ служить за деньги и перебиваться съ хлѣба на квасъ, тогда какъ онѣ могли бы быть хозяйками у своего домашняго очага. Я вижу молодыхъ дѣвушекъ, которыя забыли, что̀ такое дѣвичья скромность. Онѣ дружатъ съ мужчинами и открыто заявляютъ, что не собираются выходить замужъ, чтобы не терять свободы. Что̀ онѣ говорятъ! о чемъ онѣ разсуждаютъ! Вотъ что̀ я вижу. И я затрудняюсь найти во всемъ этомъ что-нибудь, что̀ я могла бы назвать хорошимъ.

Они дошли до уютнаго, тѣнистаго уголка, гдѣ стоялъ садовый столъ съ скамейками и стульями, и остановились.

— Сядемъ?—спросила Анна Степановна.

Петръ Ивановичъ быстро вынулъ платокъ и отряхнулъ имъ сидѣнья.

— Nathalie права,—замѣтилъ онъ, усаживаясь на платокъ.—Необходимо поддержать основы, пока онѣ не рухнули. Это—нашъ общій долгъ.

Анна Степановна растерянно развела своими дрожащими руками.

— Скажите мнѣ, какъ это сдѣлать? Я чувствую осужденіе въ вашихъ словахъ, но скажите мнѣ, что̀ можно сдѣлать? Когда мы съ Nathalie были молоды, у нашихъ родителей были хорошія средства. Воспитывались мы въ деревнѣ, ничего не видѣли, жизни не знали и въ двадцать лѣтъ еще готовы были играть въ куклы. Насъ привезли въ городъ и стали вывозить. Всѣ знали, что̀ это значитъ: надо было найти для насъ партіи. И эти партіи нашлись. Ихъ знали, гдѣ искать. Скажите мнѣ, гдѣ теперь дворянскія гнѣзда, дворянское благосостояніе? Могла ли я воспитывать своихъ дѣтей въ деревнѣ? Можетъ ли мой сынъ быть только помѣщикомъ? Есть ли еще балы, на которые моло-

дые люди ѣздятъ для того, чтобы высмотрѣть себѣ невѣсту? Есть ли молодые люди, которые хотѣли бы жениться не изъ-за одного приданаго? И скажите мнѣ, что̀ дѣлать нашимъ дѣвушкамъ въ разоренныхъ семьяхъ,—дѣвушкамъ образованнѣе насъ, развитѣе насъ? Весь укладъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ только-что развалился въ щепки. Какъ я дамъ дѣтямъ эти щепки и скажу: живите, какъ мы жили!? Поздно!

Наталья Алексѣевна съ состраданіемъ глядѣла на свою подругу.

— Не хотѣлось мнѣ разстраивать тебя!—съ искренней нѣжностью проговорила она.—Но я думала: ты могла не знать того, что̀ говорятъ о madame Сошниковой. Какъ компанія для твоей Зины, я бы считала ее даже опасной, такъ какъ твоя дочка и безъ того фантастическая и очень самостоятельная головка. Но, значитъ, и мое предупрежденіе пришло поздно. Все — поздно!

— Да. Все — поздно! — со слезами на глазахъ повторила Анна Степановна. — Nathalie, повѣрь мнѣ, я не жалуюсь на дѣтей. Я люблю ихъ, и, я знаю, они любятъ меня. Но я имъ не нужна. Я одна изъ старыхъ щепокъ... Къ жизни меня привязываютъ только внуки, потому что они еще малы и, поэтому, не принадлежатъ никакому времени. Съ ними мнѣ легко и радостно. Нѣтъ, Боже сохрани! Я не жалуюсь на дѣтей! Но помочь я имъ ни въ чемъ не могу. И откровенно скажу: мнѣ страшно за нихъ, и я была бы рада, еслибы Богъ захотѣлъ избавить меня видѣть все, что̀ будетъ дальше. Если мои слова похожи на укоръ моимъ дѣтямъ, пусть они простятъ мнѣ ихъ ради моей слабости и сознанія... что я отжила.

Архіерея прождали до самаго вечера, но онъ задержался еще гдѣ-то, и въ усадьбѣ рѣшили, что онъ уже не пріѣдетъ. Когда сѣли ужинать, была уже темная ночь. Небо заволокло черными тучами и кругомъ, по горизонту, поминутно вспыхивала яркая молнія. Борисъ жаловался на головную боль, Лили на кого-то дулась. Петръ Ивановичъ разсказывалъ Николаю Владиміровичу, какъ онъ когда-то знавалъ одного Вощинина, и старался разобраться, въ какой степени тотъ могъ приходиться родней его собесѣднику.

Вдругъ вошла Саша и доложила, что опять стали благовѣстить и что надо думать, что архіерей уже пріѣхалъ.

— Прикажете закладывать?—спросила она.

Всѣ всполошились. Зина отворила дверь на балконъ, и, вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра, въ комнату ворвался отчетливый колокольный звонъ.

— Конечно, закладывать!—весело вскрикнула Лили.—Вѣдь мы, все-таки, поѣдемъ? Да? Ночью это еще интереснѣе.

— Вы рискуете попасть подъ дождь!—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Можно вымокнуть. Я васъ предупреждаю.

Но, ко всеобщему изумленію, Наталья Алексѣевна тоже высказалась за то, чтобы ѣхать, а мужу посовѣтовала немедленно лечь спать. Глядя на нее, Анна Степановна тоже рѣшилась послѣдовать ея примѣру.

— Ты не слишкомъ утомишься, chérie? У тебя усталый видъ.

— Пожалуйста, не важничай!—пошутила Анна Степановна: —вѣдь я отлично помню, что ты только на годъ моложе меня. Я не хочу тебѣ уступать.

Подали долгушу тройкой, и когда отъѣхали отъ крыльца, то ночь оказалась до такой степени темной, что различить дорогу не было никакой возможности.

— А зачѣмъ намъ видѣть?—отзывался съ козелъ Ипатъ на тревожныя восклицанія своихъ сѣдоковъ.— Смотрѣть-то нечего. Лошади дойдутъ, куда надо. Намъ бы только народа по селу не подавить.

Лили боялась. Она крѣпко держалась за рукавъ Вощинина и старалась какъ можно шире раскрыть глаза. Ее раздражала Наталья Алексѣевна, которая затѣяла цѣлый разговоръ съ кучеромъ и говорила такъ спокойно, будто онъ не долженъ былъ править лошадьми, а былъ посаженъ на козлы только ради ея удовольствія.

— А это все Ипатъ?—громко и милостиво начала она.— Все Ипатъ?..

— Все я, ваше превосходительство!

— Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

— Пока служу—не тужу, ваше превосходительство.

— О чемъ тужить! Вѣдь тебѣ еще, поди, и лѣтъ не такъ много. Хоть и помню я тебя давненько. Шестьдесятъ-то тебѣ есть?

— А кто ихъ считалъ, ваше превосходительство? Ихъ считай, не считай—все одно. Вѣдь и смерть придетъ — не спроситъ...

— А ты покрикивай. Какъ бы, правда, кого не задавить, —вмѣшалась въ разговоръ Анна Степановна.

— Не извольте безпокоиться! Молнія частая, человѣка сразу на дорогѣ видно.

— Ипатъ, а мы на мостъ попадемъ?—чуть дыша, спросила Лили.

— Надо бы попасть...

По селу ѣхали шагомъ и все время покрикивали. Молнія на мигъ освѣщала улицу, идущія темныя фигуры, и сейчасъ же все погружалось опять въ непроглядный мракъ, и даже лошади, пораженныя внезапнымъ свѣтомъ и такимъ же внезапнымъ мракомъ,— останавливались и неохотно трогали съ мѣста. Благовѣстъ не прекращался. Высоко на колокольнѣ горѣлъ фонарь, а когда проѣхали мостъ и поднялись по узкой слободѣ, гдѣ огоньки въ избахъ прорѣзывали тьму и позволяли двигаться болѣе быстро, показалась вся церковь, ярко освѣщенная, вся бѣлая и праздничная. Около воротъ ограды горѣли два факела, и огонь безпокойно рвался и метался, и черный дымъ, плотный какъ черная ткань, метался вслѣдъ за пламенемъ. Судя по гулу, кругомъ церкви народу набралось довольно много. На шумъ подъѣхавшаго экипажа изъ-за ограды хлынула толпа. И сейчасъ же послышался смѣхъ. Вышла ошибка.

— Чего обманываете-то!—крикнулъ кто-то.—А мы ужъ думали—архіерей.

— А чѣмъ мы хуже?—спросилъ Ипатъ.

Опять смѣхъ, шутки. Пламя вдругъ повернется и освѣтитъ нѣсколько бѣлыхъ веселыхъ лицъ, то сразу махнетъ въ сторону и оставитъ ихъ въ темнотѣ.

— Хоть на Бориса Андреевича взглянуть,—говоритъ въ этой темнотѣ молодой женскій голосъ и потомъ долго хихикаетъ.

— А этотъ кто съ ними?.. долговязый?

А церковь стоитъ, какъ невѣста, ожидающая своего жениха: вся бѣлая, праздничная, радостная, среди окружающей тьмы и непогоды.

Важины поднялись на паперть. Вѣтеръ трепалъ ихъ одежду и волосы.

— Скоро ждутъ?—спросила кого-то Анна Степановна.

— Ѣдетъ. Уже теперь недалеко. Онъ съ огнями, такъ огни съ верху видно.

Компанія вошла въ церковь и увидала уже готовую двинуться къ встрѣчѣ процессію. Впереди всѣхъ стоялъ до крайности блѣдный и усталый батюшка съ крестомъ въ рукахъ, стоялъ большой старый дьяконъ со свѣчой, стояла Сурова, вся завѣшенная брошками, браслетами, золотыми цѣпями, въ шолковомъ платьѣ съ громаднымъ трэномъ и съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ. Среди этой группы высились хоругви, у всѣхъ въ рукахъ горѣли свѣчи. Важины стали здороваться.

— Говорятъ, видно... ѣдетъ...

— Устали, батюшка?.. Весь день ждали?

— Весь день. Такъ усталъ, что, вѣрите ли, не знаю, какъ стою.

Дьяконъ узналъ Репову.

— Ваше превосходительство! и вы изволили пожаловать?

Сурова поняла, кто эта высокая, величественная дама, и съ жадностью впилась въ нее глазами.

— А Игнатій Никифоровичъ обманулъ, не пріѣхалъ,—нарочно громко сказала она.—Я слышала, у него жена не совсѣмъ здорова.

Она почему-то засмѣялась и стыдливо потупилась.

— Ольга Николаевна нездорова? — тревожно переспросила Зина.

— Ахъ, ну, конечно, все пустяки!—сейчасъ же прибавила Раиса. — У нея нервы. А у кого нѣтъ нервъ? Я сама такая нервная, такая нервная!

— Ѣдетъ!—крикнулъ кто-то, борясь со входной дверью, которую упорно захлопывалъ вѣтеръ.

— Ѣдетъ! Встрѣчайте!

Батюшка вздрогнулъ и двинулся впередъ.

Важины отступили, но тоже вышли въ притворъ. Имъ было видно, какъ сразу потухли свѣчи, какъ вѣтеръ подхватилъ и заигралъ и волосами духовенства, и желтыми лентами, и лиловыми цвѣтами на шляпѣ Суровой. На колокольнѣ били точно въ набатъ.

— Chérie!—сказала Репова Аннѣ Степановнѣ:—я нахожу, что эти желтыя ленты здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Я нахожу, что было бы приличнѣе, еслибы ихъ совсѣмъ не было. Но это, должно быть, тоже знаменіе времени...

Кто-то дернулъ Лили сзади за платье. Она обернулась. Машенька улыбалась ей заискивающей, сладкой улыбкой, но губы ея какъ-то странно, судорожно подергивались.

— Вотъ я и посмотрѣла на васъ еще разокъ!

— Здравствуйте, Машенька!

— Вы не сердитесь, что я васъ дернула? Мнѣ хотѣлось поглядѣть еще разъ, какіе настоящіе люди бываютъ.

— Я не понимаю, Машенька.

— Чего тамъ? Меня, видите, понять нельзя, когда я говорю. Совсѣмъ я для всѣхъ непонятная. И для себя тоже. И сама не понимаю, чего я хочу. Вотъ вы вся настоящая. Если дама, то такая и должна быть, точь-въ-точь, какъ вы.

— А вы почему же не настоящая?—засмѣялась Лили.

Машенькѣ трудно было выразить словами свою мысль.

— Вы — дама, — повторила она,—а я что̀? У меня нѣтъ мѣста на свѣтѣ. Я—духовная, а духовныхъ не люблю. Свѣтской мнѣ не быть. Ничему не быть, чего я хочу! Въ книгахъ жизнь красивая и все можно. Но это для меня обманъ. Знаете, я хотѣла уйти изъ дома, но мнѣ и уйти некуда. Мнѣ только одна дорога—на тотъ свѣтъ.

Она продолжала улыбаться, но лицо ея поблѣднѣло.

— Глупости какія, Машенька!—равнодушно сказала Лили. —Почему на тотъ свѣтъ? Если не хотите выходить замужъ, то поищите какое-нибудь мѣсто. Будьте портнихой, или бѣлошвейкой, или шляпницей.

— Гдѣ же это? Здѣсь?

— Нѣтъ, въ городѣ.

— Такъ это учиться надо. А кто меня будетъ учить? На это деньги нужны. А развѣ папаша мнѣ денегъ дастъ? Братьевъ учили, и изъ нихъ ничего не вышло, а на насъ жалѣли... И теперь мы никуда не годны.

— Ну, женихи еще будутъ.

Машенька злобно засмѣялась.

— Да, ужъ есть! — сказала она, и хорошенькое личико ея исказило выраженіе ненависти.—Какъ же! Видите, вотъ этотъ... причетникъ-то нашъ лупоглазый... Вотъ онъ теперь мой женихъ. За него папаша съ руками и ногами... Только меня-то они еще не спросили! Я-то имъ еще своего согласія не дала!

Вощининъ вошелъ съ паперти въ притворъ и сталъ около Зины.

— Вообразите,—сказалъ онъ, смѣясь:—за селомъ на мосту привязали два фонаря, а съ колокольни ихъ все время принимали за огни архіерейской кареты. Думали, что это онъ ѣдетъ.

— А онъ и не ѣдетъ?—спросила Зина.

— Нѣтъ, теперь показались другіе огни, и тѣ, дѣйствительно, приближаются.

Наконецъ, послышался шумъ подъѣхавшаго экипажа, и духовенство, съ развѣвающимися волосами, и хоругви, и Сурова съ хлѣбомъ-солью двинулись въ темноту съ лѣстницы паперти. Толпа хлынула къ воротамъ. И сейчасъ же пронесся какой-то гулъ, говоръ, смѣхъ.

— Пустая Сурчихина карета!—громко крикнулъ кто-то изъ темноты. Духовенство остановилось.

— Не будетъ! мимо проѣхалъ! Въ Лебяжьемъ ночуетъ!—доносились голоса.

— Захаръ! ты?—крикнула Раиса. Вѣтеръ подхватилъ этотъ

слабый, надтреснутый отъ усталости и разочарованія крикъ и унесъ его куда-то въ сторону. Толпа продолжала гудѣть и смѣяться.

Къ батюшкѣ подбѣжалъ сторожъ и подтвердилъ, что ждать уже некого, что его преосвященство давно почиваетъ въ Лебяжьемъ. Тотъ молча повернулся и ушелъ въ церковь; за нимъ ушли дьяконъ и причетникъ. Сурова еще стояла съ хлѣбомъ-солью. Къ ея счастью, никто не могъ видѣть въ эту минуту ея лица.

XI.

По случаю ночёвки гостей, Зинѣ и Лили пришлось спать въ одной комнатѣ. Борисъ ушелъ къ Вощинину. И въ обѣихъ спальняхъ всю ночь шли тихіе, но возбужденные разговоры. И никто изъ молодыхъ не зналъ, что въ то же время Наталья Алексѣевна, въ нижней юбкѣ и ночной кофтѣ, сидитъ на кровати Анны Степановны, гладитъ ея руку своей длинной, сухой рукой, глядитъ, какъ она тихо, покорно плачетъ, и плачетъ сама. Разговоръ у нихъ безсвязный, странный.

— Бога ради, Nathalie, не думай, что я обвиняю своихъ дѣтей! Даже Андрюшу своего...

— Нѣтъ, Annette. Но я не понимаю, почему ты съ ними не откровенна? Почему ты скрываешь, какъ все это убиваетъ тебя?

— Я умѣю посовѣтовать имъ только терпѣть. Это рѣшительно все, чтò я сама умѣла. Они говорятъ, что теперь надо бороться. Они говорятъ, что мы слишкомъ долго терпѣли и что пора объявить кому-то войну. Самимъ погибать, но все переиначить, отстоять свободу, счастье. А вѣдь насъ, Nathalie, учили только терпѣть.

— Я все допускаю отъ такъ называемой идеи. „Идея“ въ наше время—это такая глупость сама по себѣ, что гдѣ только она замѣшается, тамъ уже здравый смыслъ ничего не разберетъ. C'est le cas d'André. Зина влюблена въ Вощинина, но способна отказать ему въ своей рукѣ, даже если онъ будетъ просить о ней. И въ этомъ я узнаю „идею“ съ ея логикой. Но, прости меня, chérie!—у твоего Бориса нѣтъ даже оправданія идеей, которая дѣлаетъ людей невмѣняемыми, какъ сумасшедшихъ. И онъ не безнадеженъ. Развѣ мы мало видали примѣровъ увлеченія женатыхъ разными такими особами? Ça ne tire pas à conséquence! Это всегда было и будетъ, но семейной жизни это

касаться не должно. Ты должна ему это сказать! Развѣ въ немъ нѣтъ идеи, онъ не безнадеженъ!

— Я понимаю такъ,—шептала Анна Степановна:—возникла, понимаешь, идея... Это—стремленіе къ свободѣ, или къ какой-то переоцѣнкѣ нравственности. Возникла... Вотъ одни и заражаются ею, понимаешь, борются, портятъ себѣ изъ-за нея жизнь. Но это одни. А другіе видятъ въ ней только выгодныя для себя стороны и хватаются за нихъ. Идеи они не понимаютъ, а выгоду понимаютъ, не хотятъ ее упустить. И сейчасъ считаютъ себя правыми, потому что и они, будто, на хвостѣ идеи и, будто, выше другихъ. Страдать они не хотятъ, а пользоваться хотятъ. Вотъ они-то и дѣлаютъ всю эту распущенность. И когда много идей, сейчасъ очень много распущенности. И все это перемѣшивается...

— Ну, а что̀ Лили?

— Лили о чемъ-то думаетъ. И когда думаетъ такая птичья головка, когда она сама добирается до какого-то рѣшенія... это жутко! Дѣти, Nathalie! Дѣти! Отниметъ она у меня моихъ дѣтей! Изъ мести, изъ досады отниметъ! А долго ли мнѣ осталось полюбоваться на нихъ!..

— Нѣтъ, chérie, ты вылечишь свои больные нервы и будешь жить.

— Зачѣмъ? И лечить мнѣ нечего. Развѣ я больна? Я отжила. Все рухнуло, и я рухнула. И нѣтъ у меня... желанія... Пойми! Je n'ai plus le courage d'endurer les peines de la vie,—этой чужой, совсѣмъ чужой и непонятной жизни.

Въ комнатѣ Лили темно. Свѣчи давно потушены.

— У меня есть самолюбіе!—дрожащимъ голосомъ говоритъ Лили.—Я долго молчала и терпѣла. Нѣтъ, ужъ пусть не прогнѣвается! Скажите, пожалуйста... Онъ воображаетъ, что я буду вымаливать его ласки! Что̀ я—старуха? уродъ? Вы всѣ считаете меня какой-то глупой, но не настолько я глупа, чтобы погубить свою жизнь въ мои годы. Я его очень любила, очень! Но у меня есть самолюбіе...

— И ты рѣшила?

— Я написала отцу. Конечно, онъ за мной пріѣдетъ. У отца очень весело. Лѣто доживу въ лагеряхъ. У меня и офицеровъ тамъ много знакомыхъ. Всѣ у насъ бываютъ, музыка, танцы... Я всегда хотѣла выйти за военнаго. Я люблю полковую жизнь.

— Лили! Значитъ, тебѣ это ужъ не такъ больно? да? Не больно?

Лили нѣкоторое время молчитъ и тяжело дышетъ.

— А ты думаешь, онъ не вернется? Еще какъ вернется! Въ ногахъ валяться будетъ и прощенія вымаливать. Но я еще посмотрю! И я его тогда помучаю!

— А дѣти?

— Что же дѣти? Дѣти, конечно, будутъ со мной. И я не позволю ему даже взглянуть на нихъ. Ни за что! Ни за что!

Долго не слышно больше ни одного слова.

— Лили! А если онъ будетъ просить развода?

Лили не откликается.

— Лили! Ты спишь?

— Я не дамъ развода!

— Отчего?

— Не хочу!

— Но вѣдь ты уже не любишь его?

— Не дамъ! Не хочу! На зло—не дамъ!

— Ну, такъ и надо было отъ тебя ожидать.

Опять молчаніе.

— А къ мамѣ ты дѣтей отпускать будешь?

Лили хохочетъ.

— Отчего ты смѣешься? О, Лили, какъ ты нехорошо смѣешься! Отчего ты не отвѣчаешь: будешь ты отпускать дѣтей?

— Конечно, смѣшно, что ты меня считаешь такой глупой! Нѣтъ, Зина, я дѣтей къ мамѣ не отпущу. Вѣдь имъ только дѣтей и надо. И мамѣ, и Борису. А дѣти—мои! И я ихъ возьму!

— Злая ты, мстительная! Но развѣ мама не была къ тебѣ добра?

— Очень. Я ей очень благодарна, — какимъ-то лѣнивымъ тономъ говоритъ Лили.

— И, все-таки... все-таки ты хочешь причинить ей такое горе?

— Какъ вамъ не нравится, когда вамъ причиняютъ горе!— насмѣшливо отзывается Лили.

— Безнадежно, безнадежно говорить съ тобой, заставить тебя что-нибудь понять, почувствовать!..

— Ну, и не говори. А я сдѣлаю, какъ хочу. Теперь во всемъ моя воля! Во всемъ!..

Онѣ долго молчатъ. Можно подумать, что обѣ давно заснули.

— Зина!—вдругъ окликаетъ Лили.—А знаешь, что я тебѣ скажу?

Слышно, что она встаетъ и усаживается на постели.

— Не притворяйся, пожалуйста,—я отлично знаю, что ты

не спишь. Вотъ что̀, Зина: если ты выйдешь замужъ за Вощинина, ты за нимъ смотри хорошенько. Вотъ я глупая и не съумѣла удержать мужа, но я могу тебя увѣрить, что умными рѣчами ты Вощинина тоже не удержишь. И этого, видишь ли, мало! Я глупая, а, все-таки, были минуты, когда у него пропадало всякое самообладаніе, и онъ, какъ трусъ, прямо убѣгалъ отъ меня. И ты думаешь—это въ немъ нравственность? По моему—трусость. Сказать словами или сказать глазами—не все ли равно? Главное—въ томъ, что есть о чемъ сказать. Понимаешь? И у него было. Значитъ, и онъ увлекающійся. Ты за нимъ смотри хорошенько! Впрочемъ, что̀ я тебѣ разсказываю! Ты сама все замѣчала и даже ревновала немножко. Но онъ мнѣ теперь не нуженъ, Зина. Можешь успокоиться.

Она сидитъ и ждетъ отвѣта. Но Зина молчитъ.

— А я знаю, что ты не спишь,—задорно говоритъ еще Лили и съ тихимъ смѣшкомъ протягивается на кровати.

У мужчинъ такъ накурено, что по этому одному можно сказать съ увѣренностью, что и они не спали всю ночь.

Борисъ хватался за голову, жаловался и нылъ.

Вощининъ бранилъ его и издѣвался надъ нимъ.

Еслибы они оба знали, что̀ Лили разсказывала въ это время Зинѣ, они поняли бы, что и жаловаться, и усовѣщивать поздно. То, чего такъ желалъ Борисъ—совершилось. Ему уже не надо было играть дѣятельную роль. Ему оставалось подчиниться готовому рѣшенію жены.

XII.

Откуда-то прибѣжала желтая, облѣзлая, больная собака, сѣла среди цвѣтника противъ дома и, точно вымаливая что-то, какъ нищая, стала глядѣть на окна. Ее гнали, травили, бросали въ нее камнями, но она опять возвращалась, усаживалась на прежнее мѣсто и жалобно подвизгивала и мела по песку хвостомъ.

Дворовыя собаки лаяли на нее, когда имъ приказывали, но сами по себѣ почему-то не обращали на нее вниманія. А она сидѣла и клянчила. Къ вечеру она пропала.

— Надо было ее накормить!—жалѣла Лили.—Она сбѣсится съ голоду, а дѣти уходятъ въ садъ, въ поле. Это можетъ быть опасно.

— Надо было ее пристрѣлить,—говорилъ Борисъ.—Надоѣла! И собака-то какая скверная—вся въ язвахъ!

Зина уѣхала навѣстить Ольгу Николаевну.

Ее встревожила вѣсть о ея болѣзни. Когда она уѣзжала, она тоже видѣла желтую собаку, и потомъ нѣсколько разъ съ непріятнымъ чувствомъ вспоминала о ней.

Ольга Николаевна не лежала, но была поразительно блѣдна. Никого, кромѣ нея, не было дома. Зинѣ показалось, что ея пріѣздъ нисколько не порадовалъ ее.

— Кто вамъ сказалъ, что я больна?—удивилась она.

— Сурова. Мы ѣздили встрѣчать архіерея...

Ольга Николаевна усмѣхнулась.

— Ей всегда все извѣстно, что̀ у насъ дѣлается. У нея здѣсь своя полиція.

Зинѣ стало неловко. Она велѣла распрягать своихъ лошадей, и теперь жалѣла объ этомъ.

— Хотите чаю?—стараясь быть радушной, предложила Сошникова.

— Нѣтъ, благодарю васъ!—быстро отвѣтила Зина.

Она старалась доказать себѣ, что Ольгѣ Николаевнѣ, вѣроятно, очень тяжело; что дѣлиться инымъ горемъ даже съ самыми близкими людьми иногда мучительно, и что, поэтому, въ натянутомъ пріемѣ ея новой пріятельницы нѣтъ ничего обиднаго для нея. Но эта обида, независимо отъ ея мыслей, все-таки, была, росла и мѣшала Зинѣ вполнѣ владѣть собой.

Сидя въ неуютной, болѣе чѣмъ некрасиво обставленной комнаткѣ хозяйки и стараясь не встрѣчаться съ ней глазами, она стала разсказывать послѣднія событія: про пріѣздъ Реповыхъ, про несостоявшуюся встрѣчу... про все внѣшнее и менѣе всего интересное. Разсказывая, она вдругъ сама поняла, какъ ей хотѣлось говорить совсѣмъ о другомъ, съ какой потребностью полной искренности и откровенности она ѣхала сюда. Она вполнѣ довѣряла Ольгѣ Николаевнѣ, и ей одной она призналась бы, какъ тяжело у нея на душѣ, сколько у нея сомнѣній, противорѣчій, недовольства собой! Ей одной она разсказала бы, что померкли и исчезли ея прежнія мечты, а то, что̀ замѣнило ихъ, такъ дорого, и такъ велико, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ обыкновенно, обидно и больно.

— Обидно и больно...—все время мысленно повторяла она.— Обидно и больно...

Въ первый разъ за долгое время ей стало страшно, что она не справится съ собой, и вдругъ совсѣмъ глупо и некстати расплачется.

Когда разсказывать было уже нечего, ей вспомнилась желтая собака. Она разсказала и о ней.

— Вѣроятно, ее согнали со двора, гдѣ она прежде была дома. Согнали какъ-нибудь жестоко, какъ это дѣлается... Обварили кипяткомъ или избили до полу-смерти. Если оставить ее у насъ, дворня непремѣнно тоже сживетъ ее такъ или иначе. Сколько въ людяхъ жестокости!

— Ну, я домой!—поспѣшно прибавила она и встала. Ольга Николаевна тоже встала.

— А я не увижу васъ больше,—тихо сказала она.—Я уѣду завтра.

— Одна?—невольно вскрикнула Зина.

— Нѣтъ. Эдди поѣдетъ со мной. Потомъ, позже, онъ вернется. Онъ здѣсь что-то затѣялъ по своей части... Но, видите, я слишкомъ расклеилась, чтобы ѣхать одной.

Она принужденно улыбнулась и пошла провожать свою гостью.

— Нѣтъ, пожалуйста!—церемонно попросила Зина, стараясь задержать ее.—Мы простимся здѣсь. Прощайте, Ольга Николаевна!

Но Ольга Николаевна вдругъ точно задохнулась, лицо ея передернулось и тонкіе пальцы впились въ плечи Зины.

— Желтая собака...—съ трудомъ прошептала она.—Желтая собака...

Зина подхватила ее и вмѣстѣ съ ней сѣла на кровать.

— Голубчикъ... Милая... Это я разстроила васъ! Простите меня, родная! Я знала, видѣла, какъ вамъ тяжело. Дорогая, милая!

Ольга Николаевна задыхалась и терла себѣ грудь обѣими руками.

— Все равно... Согнали со двора... согнали жестоко... — шептала она.—Я вернулась... когда поджили... раны. И опять... согнали! Это я... я... ваша желтая... собака. Я поѣду... и буду тамъ... молить... У меня нѣтъ угла! У меня теперь... ничего нѣтъ!

— Такъ куда же вы ѣдете, бѣдная, куда?

— У меня есть тетка... Когда я ѣхала сюда, она... сказала, чтобы я больше не возвращалась. Если... не приметъ... останется Эдди. Я не люблю его! Ну, да... Не такъ, какъ онъ... меня. И онъ знаетъ. Ну, все равно!

Она понемногу стала успокоиваться.

— Вотъ, я и не выдержала!—съ печальной улыбкой призналась она.—Создала драму. Не думайте, что я считаю себя правой. Я не выдержала! Но у меня нѣтъ озлобленія, ненависти.

Нѣтъ! Онъ опустился. Онъ такъ страшно, пошло опустился, а у меня нѣтъ физической силы... Жить здѣсь и видѣть все это, слышать—я не могу! У меня нѣтъ физической силы! Видите: я едва дышу. Но уѣзжаю я не съ ненавистью и озлобленіемъ, а только... съ горемъ. Съ горемъ...

Она опустила голову на плечо подруги и горько заплакала.

— О, какъ хорошо плакать!—сказала она.—Я не плачу ни при немъ, ни одна. Я рада... что все такъ вышло... И мы не простились, какъ чужія. А когда вы пріѣхали, я была не рада. Это потому, что я знаю, что вы не любите его, очень осуждаете, и я, иногда, не люблю и осуждаю васъ за это. Я знаю, что вы не можете меня понять. У васъ ложной гордости много, Зина. Такъ—по моему.

— Вы думаете?—тихо спросила дѣвушка.—Почему вы такъ думаете?

— Можно все говорить?

— Можно все. Вамъ—можно все!

— Вы любите Вощинина. Зачѣмъ у васъ съ нимъ такой холодный, обидчивый тонъ?

У Зины сразу похолодѣли руки.

— У меня нѣтъ съ нимъ никакого тона. Я сбиваюсь. Я сама не понимаю себя.

— Да. Но почему? Вы ревнуете его. И отталкиваете. Зина! Неужели и изъ васъ выйдетъ мелочная, придирчивая жена? Жена-самка, какъ ваша невѣстка, которая любитъ, если ее любятъ, и считаетъ своимъ долгомъ возненавидѣть, если оцарапаютъ ея женское самолюбіе? Какъ странно, Зина, что у насъ, женщинъ, у которыхъ на первомъ планѣ жизни любовь,—такое невѣрное и вредное понятіе о нашемъ собственномъ достоинствѣ въ любви! Мы начинаемъ стыдиться ея именно тогда, когда она больше всего нужна, когда она перестаетъ быть только украшеніемъ жизни и забавой, а можетъ стать поддержкой и даже спасеніемъ. Развѣ я не права, Зина, что у васъ ложная гордость? Развѣ не ясно, что вы должны дать понять Вощинину, что вы любите его?

Зина думала, и на душѣ ея вдругъ почему-то стало легко и радостно.

— Ольга! А я не хотѣла выходить замужъ. Я мечтала стать художницей, быть свободной, самостоятельной, искать какихъ-то новыхъ путей въ жизни.

Она говорила и уже не чувствовала обиды и боли за то, что ея мечта померкла и исчезла.

— Какихъ новыхъ путей?!—вдругъ вскрикнула Ольга Николаевна и порывисто приподнялась.—Зина! зачѣмъ всегда говорятъ объ этихъ новыхъ путяхъ? Какія это ненужныя, безсмысленныя слова! Скажите: новыя отношенія! И ихъ ищите. Ихъ! Болѣе справедливыхъ, болѣе гуманныхъ, болѣе разумныхъ... Это одно надо. Ужасно надо! Если это будетъ—вы не узнаете жизни. И начинать надо намъ, женщинамъ. И начинать не съ того, чтобы поднимать „женскіе вопросы", а начинать съ семьи, съ отношеній къ мужу, къ своему собственному достоинству. Выходите замужъ, Зина! И не думайте, что ваша жизнь сейчасъ же станетъ самой обыкновенной, заурядной, что вамъ уже нельзя будетъ искать вашихъ „новыхъ путей". Нѣтъ! ищите ихъ именно здѣсь, въ семьѣ, въ отношеніяхъ, которыя сдѣлали бы эту семью новой и прекрасной. Вѣрьте мнѣ: это нужно! Это—наше дѣло и дѣло трудное, за которое не жаль отдать свою жизнь. Сколько надо поработать надъ собой! А цѣль... цѣль такъ близка: очистить любовь, поднять ее на должную высоту, согрѣть ею жизнь.

Зина нагнулась, закрыла лицо руками. Ей хотѣлось скрыть выраженіе счастья на своемъ лицѣ.

„Глупая!—укоряла она самоё себя.—Отчего я такъ счастлива? Что̀ случилось"?

Но она не могла не сознаться, что что-то случилось. Не надо было больше притягивать за волосы какія-то смутныя надежды, что когда-нибудь она станетъ великой художницей, что творчество заполнитъ ея жизнь, сдѣлаетъ сладкимъ ея одиночество. Не надо было больше бояться, что время будетъ уходить, день за днемъ, годъ за годомъ, въ однѣхъ неудачныхъ попыткахъ найти какое-нибудь настоящее, живое дѣло, въ однихъ разочарованіяхъ, въ одной томительной, бездѣятельной тоскѣ. Не надо было притворяться передъ самой собой, коверкать свою душу во имя чего-то далекаго и неизвѣстнаго. Не надо было больше мучиться, лгать, насиловать себя. Нѣсколько искреннихъ, простыхъ словъ женщины, которую многіе презирали, точно сдернули завѣсу съ ея глазъ. Чего ей искать, если это настоящее, живое дѣло само собой шло ей на встрѣчу?

Ольга обняла ее и опять прилегла головой къ ея плечу.

— А теперь мы простимся,—шепнула она.—Я устала. Помни, Зина: я не выдержала только потому, что у меня не хватило физической силы. Съ своими обмороками, удушьями—я теперь ему не помогу. Я уѣзжаю, но я еще надѣюсь...

Еще далеко не доѣзжая до усадьбы, Зина увидала на дорогѣ Вощинина. Онъ шелъ, потомъ остановился съ краю дороги и глядѣлъ на экипажъ. Ипатъ остановилъ лошадей.

„Какъ странно!—подумала Зина.—Зачѣмъ онъ здѣсь теперь, именно, теперь“?

Ей было жутко глядѣть на него, но эта жуть была пріятная. Она думала, что онъ сядетъ въ коляску, но онъ продолжалъ стоять.

— Садитесь, баринъ, подвеземъ!—весело предложилъ Ипатъ.

— А не хотите ли вы лучше пройтись?—спросилъ Вощининъ Зину.

— Пройтись?—повторила она.

Онъ протянулъ ей руку, и тогда она сейчасъ же встала и, опираясь на эту руку, спрыгнула на дорогу.

— Только мнѣ всего и осталось?—шутливо спросилъ Ипатъ, посмѣиваясь себѣ въ бороду.

— Мы дойдемъ, Ипатъ. Ты ступай.

— Слушаю-съ!

Кучеръ тронулъ легкой рысцой.

— Послушайте... Дома ничего не случилось... необычайнаго?—съ внезапнымъ безпокойствомъ спросила Зина.

— Ничего.

— Я испугалась. Я думала, что вы сейчасъ начнете приготовлять меня къ чему-нибудь... У васъ какой-то странный видъ.

— Нѣтъ, Зина. Дома все совершенно благополучно. Я не знаю, почему, но мнѣ вдругъ захотѣлось видѣть васъ, и чтобы это случилось скорѣе, я пошелъ вамъ на встрѣчу.

„Какъ странно!“—опять подумала Зина.

Она взяла его подъ руку, и они долго шли молча, не глядя другъ на друга. Вощининъ не могъ не замѣтить, какъ волновалась Зина и какъ дрожала ея рука, которую онъ бережно несъ на своей, слегка прижимая ее къ себѣ. Онъ не могъ не замѣтить и, все-таки, не замѣчалъ, или не обращалъ на это никакого вниманія.

Вдругъ онъ пошелъ тише и повернулъ къ ней лицо. Она, не глядя, замѣтила, какъ это лицо было печально и взволнованно.

— Вы... вы махнули на меня рукой, Зина?—глухимъ голосомъ спросилъ онъ.—Да? Вы теперь... презираете меня?

И онъ не далъ ей времени отвѣтить.

— Христа ради, не утѣшайте! Вѣдь я чувствую... Что мнѣ дѣлать? Зина! что мнѣ дѣлать?!

Рука Зины задрожала еще сильнѣе. Онъ продолжалъ говорить:

— Какъ это все странно въ жизни! Будто ничего и не было... Ровно ничего! Разсказать нечего... А сдѣланъ какой-то поворотъ, въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ внутреннемъ убѣжденіи.

Все это основывается на какихъ-то мелочахъ, незамѣтныхъ, будто не имѣющихъ значенія. Слово, другое... Ахъ, не умѣю я говорить! Не могу!.. Нѣтъ фактовъ. Понимаете, фактовъ нѣтъ. Не о чемъ говорить. Есть чувство, что ты ушелъ куда-то въ сторону и что на прежній путь не попасть. Фу, чортъ! Ну, конечно же, меня невозможно понять!

Онъ остановился и закурилъ папиросу.

— Я вамъ разскажу одинъ разговоръ...—сильно волнуясь, предложила Зина, когда они двинулись опять.—Это было сегодня ночью. Быть можетъ, не надо было бы говорить, но сейчасъ мнѣ это необходимо. Лили мнѣ сказала, что она убѣждена, что вы увлеклись ею. Она мнѣ это сказала, но я знала... я сама знала раньше. Кока! я хочу, чтобы вы были правдивы. Это такъ? Кока! не лгите мнѣ! Я не на допросъ васъ требую,—мнѣ для себя, для себя надо знать...

— Поиздѣваться вамъ надо? Вотъ, молъ... захочетъ бабенка и заставитъ человѣка, хоть на мигъ, но заставитъ.. почувствовать себя свиньей.

— На мигъ? Это правда?

— О, да! Это правда. Но не все ли равно?

Онъ отшвырнулъ недокуренную папиросу.

— Одного вашего подозрѣнія было достаточно, чтобы вы окончательно измѣнились ко мнѣ, чтобы вы перестали быть искренней со мной, чтобы вы защищали брата, думая, что я защищаю ее. Одного подозрѣнія было достаточно, чтобы испортить нашу долгую, хорошую дружбу. Теперь вы заставляете меня признаваться. Чтò я вамъ скажу? Какъ я вамъ объясню?

— Такъ вы не говорите о ней... Говорите обо мнѣ,—чуть слышно попросила Зина.

Онъ не понялъ.

— Говорить вамъ о васъ? Чтò?

— То, чтò вы можете сказать. Все. Всю правду.

Онъ наклонился и встревоженно поглядѣлъ ей въ лицо.

— Зина! Смѣетесь вы надо мной? Вы знаете, какую правду я скажу вамъ. Развѣ она нужна вамъ? Развѣ я теперь смѣю?

Зина подняла глаза, встрѣтилась съ его возбужденнымъ взглядомъ, и ясная, ласковая улыбка озарила ея лицо.

— Ей вы больше не нужны, Кока; она мнѣ и это сказала. А я хочу сказать вамъ, что мнѣ вы нужны. Мнѣ...

Онъ порывисто схватилъ ее за руки.

— Вы понимаете, чтò вы дѣлаете? Вы понимаете, что нельзя такъ шутить?

— Это странно,—да? Это странно, что я откровенно признаюсь вамъ, что мнѣ вы нужны? Но, вѣроятно, я не сдѣлала бы этого, если бы я не была увѣрена, что и я вамъ нужна, какъ преданный другъ, какъ любящій другъ...

Онъ все еще не могъ придти въ себя.

— Это такая минута, Зина...—сказалъ онъ.—Это такая минута, которой я вамъ всю жизнь не забуду. Да неужели же?.. Значитъ, вѣрите вы мнѣ? И ничего не погибло? И мы... вмѣстѣ... всю жизнь? Зина! я боюсь, что я еще ошибаюсь. Именно теперь, когда я уже ни на что не надѣялся.

Зина засмѣялась.

— Какъ смѣшно, что мы стоимъ тутъ среди дороги...

Вощининъ вдругъ покраснѣлъ.

— А если я... поцѣлую васъ здѣсь, среди дороги? И если мы сейчасъ придемъ домой и скажемъ всѣмъ, что мы женихъ и невѣста? И если я захочу вѣнчаться сейчасъ же?

Зина все смѣялась.

— Ну, что же, Кока!—тихо отвѣтила она.—Пусть и будетъ все такъ, какъ вы хотите.

— Помните,—уже значительно позже говорила Зина,—помните нашъ первый разговоръ, когда вы пріѣхали сюда? Вы совѣтовали мнѣ не бояться неудачныхъ попытокъ, искать выхода изъ тѣсноты жизни, работать воображеніемъ. Вы говорили, что во всякомъ искусствѣ, во всякомъ положеніи даже есть дверь, которую еще не открыли, но которую можно открыть. Я тогда думала, что это одни только слова, но мнѣ, все-таки, было радостно. Кока! развѣ я сегодня немножко, немножко не толкнула эту дверь? И мы будемъ всегда искать ее, Кока. Да? Мы еще поступаемъ какъ и всѣ другіе, но жить мы уже будемъ немного иначе. И это ты говорилъ. И такъ будетъ! И наша жизнь не будетъ повтореніемъ многихъ и многихъ, потому что мы будемъ сильны и смѣлы, а сильнымъ и смѣлымъ незачѣмъ подражать. Вѣдь такъ, Кока?

Она смѣялась, потому что видѣла, что онъ такъ счастливъ, что не понимаетъ словъ, а только слышитъ звукъ ея голоса.

„Да, я толкнула дверь",—подумала она, и вдругъ ей представилось блѣдное, больное лицо Ольги, и она сразу перестала смѣяться. „Вотъ какія лица бываютъ у сильныхъ и смѣлыхъ людей"!

XIII.

Вѣтеръ гонитъ тучи по небу. Тучи бѣгутъ и едва успѣваютъ ронять на землю рѣдкія капли. Дорога—черная и взрытая, съ колеями, наполненными водой. Поля пустыя: гдѣ жнивьё, гдѣ голая пашня, гдѣ еще чуть замѣтныя красноватыя зеленя́. Важно расхаживаютъ по нимъ грачи и галки.

Важинскій садъ еще не облетѣлъ. Дубы и березы долго держатъ листву. Липа раньше всѣхъ подалась. Весь ея уборъ на землѣ, на дорожкахъ аллей.

Садъ еще не облетѣлъ, но онъ весь сталъ прозрачный, и теперь съ дороги можно видѣть барскій домъ. Всѣ двери и окна его закрыты. На дворѣ не видно ни одной души. Не мудрено: на дворѣ вѣтеръ и непогода.

Только недавно изъ воротъ выѣхала телѣжка. Отецъ Иванъ и старый дьяконъ служили у Анны Степановны молебенъ. Кромѣ нея, уже никого нѣтъ. Завтра и она уѣзжаетъ.

Послѣ молебна пили чай. Батюшка опять озабоченъ и взволнованъ: къ Престолу непремѣнно хотѣлъ быть архіерей. Теперь уже навѣрное. А всѣ ребятишки больны; матушка съ ними съ ногъ сбилась, да и сама не совсѣмъ-то здорова. На восьмомъ мѣсяцѣ какое здоровье! Какъ бы еще не повредила себѣ. Съ больными дѣтьми вѣдь какъ: ты его и подними, и поноси, и на рукахъ покачай. А она никому ни въ чемъ отказать не умѣетъ и своихъ трудовъ за труды не считаетъ.

— Ахъ,—скажетъ,—Ваня, своя ноша не тянетъ! Мнѣ ничего не тяжело.

И все улыбается. И улыбка такая кроткая, ясная. Батюшка даже меньше ворчать сталъ. Жалко ему свою попадью. Не во-время вздумалъ пріѣхать архіерей! Гдѣ бы женѣ немного помочь, а отцу Ивану все некогда. Опять зачастила Сурчиха въ своей каретѣ. Ѣздитъ и только мѣшаетъ людямъ, отбиваетъ ихъ отъ дѣла. Боже, до чего онъ ненавидитъ эту Раису! Но она вызвалась крестить у него и обѣщала „не забыть“ своего крестника, не „оставить“ его.

Сколько еще придется ему и матушкѣ вытерпѣть ради этого неоставленія! Лучше бы ужъ она ничего не обѣщала!

Сурова дождется архіерея, а потомъ, вскорѣ, уѣдетъ зимовать въ городъ. Съ Сошниковымъ у нея дружба врозь. Она такъ бранитъ его и разсказываетъ о немъ такія вещи, что духовному лицу слушать неумѣстно. Да у Сурчихи никогда ничего путемъ

не узнаешь. Она разсказываетъ десять разъ одно и то же, и всѣ десять разъ совсѣмъ другое. Что-то она скрываетъ и, поэтому, лжетъ. Ясно одно, — что Сошниковъ какъ-то ухитрился выманить у нея довольно крупную сумму.

Раиса разсказываетъ даже, что Игнатій Никифоровичъ дѣлалъ ей предложеніе и хотѣлъ развестись съ своей женой. Жена гдѣ-то за границей съ своимъ нѣмцемъ. А Зина-то, Зина-то воображала и увѣряла, что ея Ольга Николаевна—такая честная, благородная!

И сама Зина хороша! Уѣхала съ женихомъ невѣнчанная. Потомъ, говорятъ, прислали Аннѣ Степановнѣ телеграмму, что повѣнчались въ Москвѣ и даже церковь назвали. Да вѣдь телеграфировать все можно. Никто не запретитъ. Хотѣли бы вѣнчаться, такъ отчего бы не сдѣлать свадьбы у себя, дома? Такъ, видите ли, это было имъ непріятно: сбѣжалось бы все село, понаѣхали бы знакомые...

И Анна Степановна и это стерпѣла. Зовутъ ее теперь молодые къ себѣ, и она ѣдетъ.

И сама говоритъ:

— Умирать ѣду. Не вернусь.

Да и похоже на то. Подкосило ее это лѣто! Не успѣло забыться старое горе съ младшимъ сыномъ Андреемъ, какъ одолжилъ Борисъ Андреевичъ. Все село знаетъ, что его жена, Еликанида Константиновна, уѣхала отъ него. Пріѣзжалъ за ней отецъ, такой важный генералъ. Всего нѣсколько часовъ и пробылъ. Только для скандала и пріѣзжалъ, да Борисъ Андреевичъ догадался и раньше удралъ. Аннѣ Степановнѣ такія непріятности были, что она послѣ того слегла. Тутъ Репова пріѣзжала ее утѣшать. Добрая генеральша! Важная, а добрая. Цѣлый день такъ и просидѣла съ больной Анной Степановной, а какъ уѣзжала—все крестила ее, а Зинѣ и ея жениху даже руки не подала. Узнала, значитъ, что они вѣнчаться не хотятъ. Ну, тѣмъ все равно! Съ нихъ все какъ съ гусей вода!

Обо всемъ этомъ думалъ батюшка, когда только-что сидѣлъ у Анны Степановны и пилъ чай. Дьяконъ все теръ платкомъ глаза. Онъ увѣряетъ, что они у него болятъ. Слезятся, слезятся безъ конца. И это съ тѣхъ поръ, какъ онъ свезъ свою Машеньку въ земскую больницу. Машенька уже почти выздоровѣла, скоро вернется, но говорятъ, что у нея грудь будетъ слабая и она никогда не окрѣпнетъ. Съ дьякономъ о ней говорить нельзя. Онъ ни за что не разскажетъ. А всѣ знаютъ, что она травилась, да какъ выпила отраву, такъ сама испугалась, и всѣмъ въ ноги кланялась и все просила:

— Простите меня! спасите! я жить хочу! Папаша! голубчикъ золотой! только спасите, а я ужъ изъ вашей воли не выйду!

А какая теперь у папаши воля? Напугался онъ такъ, что самъ въ голосъ кричалъ. Любилъ онъ свою Машеньку больше всѣхъ. Не осталось у него теперь ни воли, ни бодрости, ни утѣшенія. Батюшка на него сердится, потому что онъ сталъ попивать. Батюшка сердится, а самъ дьяконъ стыдится.

Анна Степановна точно заглянула въ его душу. Стали они прощаться, а она батюшку впередъ пропустила, а дьякона за руку удержала.

— А помните, — говоритъ, — какъ я сюда еще молодой пріѣхала?

— Помню, помню...

— А жизнь-то ужъ и прошла!

Отецъ дьяконъ стоялъ и теръ платкомъ глаза. А она вдругъ взяла его сѣдую, лохматую голову въ обѣ руки, наклонила ее и поцѣловала въ лобъ.

— И стала жизнь другая. И стало время другое. И только мы, старики, доживать остались.—Не пей, отецъ дьяконъ! Смирись. Прости!

Какой-то звукъ, хриплый, грубый, вырвался изъ груди старика. Онъ еще больше нагнулся и припалъ губами къ ея рукѣ.

Всю дорогу сильно слезились его глаза. Батюшка презрительно косился на него и молчалъ.

Вѣтеръ гналъ тучи по небу. Тучи бѣжали, едва успѣвая ронять на землю рѣдкія, холодныя капли.

Л. Авилова.

ЗАКАСПІЙСКІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

1881—1885.

Довольно бурный періодъ политической переработки Закаспійскаго края, съ громкими, въ свое время, походами въ Хиву и на Ахалъ, завершился въ первые два года царствованія императора Александра III мирнымъ присоединеніемъ къ Россіи Мерва, Іолатана, Саракса и пораженіемъ авганцевъ на Кушкѣ, что̀ повело къ присоединенію и Пендинскаго района. Результатомъ этихъ пріобрѣтеній, составившихъ въ сложности около 175 тысячъ квадратныхъ верстъ, было расширеніе нашихъ предѣловъ до границъ Авганистана и нанесеніе весьма чувствительнаго удара престижу Англіи въ Средней Азіи. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошли ровно двадцать лѣтъ, упомянутыя событія, —за исключеніемъ Кушкинскаго боя, о которомъ было напечатано донесеніе генерала Комарова,—совершенно не освѣщены въ нашей литературѣ. Ихъ не коснулся въ печати ни одинъ изъ участниковъ, да и вообще обстоятельнаго ихъ изложенія не было вовсе. А двѣ-три мимолетныя газетныя замѣтки, „по наслышкѣ", способствовали только сгущенію тумана, который и безъ того царитъ въ обществѣ относительно названныхъ историческихъ фактовъ. Между тѣмъ, едва ли желательно грозящее имъ забвеніе, или, что̀ еще хуже, неминуемое ихъ извращеніе послѣ того, какъ не станетъ лицъ, на долю которыхъ выпало непосредственное въ нихъ участіе.

Ко мнѣ поэтому неоднократно обращались съ просьбами разсказать въ печати, какъ сложились эти дѣла. Склоняясь на эти просьбы, я рѣшился посвятить имъ предлагаемое описаніе, главнымъ образомъ потому, что, слава Богу, еще живы почти всѣ лица, принимавшія то или другое участіе въ названныхъ событіяхъ, а слѣдовательно и могущія, какъ подтвердить мои разсказы, такъ и указать на невольныя въ нихъ погрѣшности, еслибы таковыя оказались.

Къ этому остается прибавить, чтò въ своемъ изложеніи я воздерживался отъ всего, чтò могло бы походить на украшеніе событій и что нерѣдко составляетъ слабость ихъ участниковъ. Въ данномъ случаѣ, въ этомъ и не представлялось надобности: событія были достаточно красивы сами по себѣ...

М. А.-А.

Май 1904 г.
Гори.

I.

Первые русскіе въ Мервѣ.

Причину появленія русскихъ въ Закаспійскомъ краѣ и столкновенія съ воинственными текинцами наше министерство иностранныхъ дѣлъ объясняетъ такимъ образомъ въ своемъ оффиціальномъ изданіи [1]):

„Необходимость обезпечить безопасность и благоустройство средне-азіатскихъ окраинъ Россіи и открыть для русской торговли новые пути въ Среднюю Азію побуждала наше правительство заботиться объ упроченіи своего вліянія на востокѣ отъ Каспійскаго моря. Первый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ концѣ 1869 года занятіемъ Красноводска, не замедлившимъ поставить насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ однимъ изъ наиболѣе многочисленныхъ туркменскихъ племенъ — текинскимъ, издавна славившимся своими дерзкими набѣгами на сосѣднія страны и, въ особенности, на сѣверо-восточныя области Персіи. Старанія наши положить конецъ хищничеству текинцевъ путемъ нравственнаго на нихъ воздѣйствія не привели къ желаемому результату, и столь же мало успѣха имѣли и наши частныя военныя рекогносцировки, на-

---

1) „Переговоры между Россіей и Великобританіей 1872—1885 гг.“.

правленныя въ ахалъ-текинскій оазисъ. Способствуя укрѣпленію въ текинцахъ убѣжденія въ ихъ непобѣдимости, полумѣры эти лишь усугубляли ихъ дерзость, и, для водворенія въ степяхъ порядка и безопасности, мы очутились, наконецъ, въ необходимости прибѣгнуть къ единственному, возможному по отношенію къ средне-азіатскимъ разбойничьимъ населеніямъ, средству—окончательному занятію страны ихъ. Цѣль эта была достигнута въ январѣ 1881 года взятіемъ Геокъ-Тепе"...

Въ крѣпости подъ этимъ названіемъ заперся весь ахалъ-текинскій народъ съ женами, дѣтьми и имуществомъ, и, защищая свою свободу, достояніе и семью, бился съ вынужденнымъ героизмомъ безъисходнаго отчаянія, погибалъ тысячами...

Павшій оплотъ текинцевъ не пришлось занимать нашимъ войскамъ. Весь изрытый норами, въ которыхъ защитники и ихъ семейства укрывались отъ русскихъ снарядовъ, переполненный свѣжими могилами и массой неубранныхъ труповъ людей и животныхъ, валявшихся среди всякихъ отбросовъ, онъ представлялъ такую арену ужасающаго смрада и міазмовъ, что о какой бы то ни было дезинфекціи здѣсь не могло быть и рѣчи. Его пришлось бросить немедленно.

Войска наши, почти на плечахъ бѣгущихъ текинцевъ, продвинулись на востокъ еще верстъ на сорокъ-пять и расположились около аула Асхабадъ, среди садовъ, сулившихъ сравнительно лучшія гигіеническія условія. Сюда же стеклись, слѣдующіе за войсками подобно акуламъ, разные торговцы и искатели наживы. Тѣ и другіе принялись лихорадочно мастерить себѣ разныя укрытія въ видѣ землянокъ и шалашей, и такимъ образомъ началъ возникать зародышъ административнаго центра Закаспійской области, русскій Асхабадъ.

Время сглаживаетъ впечатлѣнія даже наиболѣе трудныхъ изъ походовъ, какимъ безспорно былъ, за послѣднія тридцать лѣтъ, хивинскій 1873 года. Но тотъ, кому пришлось жить въ Асхабадѣ въ первый годъ послѣ паденія Геокъ-Тепе, думаю, и въ гробъ съ собою унесетъ еще свѣжими подавляющія впечатлѣнія неприглядной обстановки, окружавшей тогда недавнихъ побѣдителей!.. Помню, какъ сейчасъ, подъ свинцовыми тучами поздней дождливой осени, на равнинѣ точно затопленной, среди невылазной грязи, едва выглядывали тамъ и сямъ изъ-за глинобитныхъ оградъ наскоро возведенныя сырцовыя сакли и верхушки грязныхъ палатокъ, по сторонамъ которыхъ дымились закопченныя и ободранныя кибитки наиболѣе счастливыхъ изъ отряда. Среди

всего этого какъ тѣни бродили, шлепая по грязи, наши военные всевозможныхъ ранговъ и положеній...

Таковъ былъ лагерь, въ центральной части котораго наемные туркмены и персы рыли глубокій ровъ только-что заложеннаго укрѣпленія. Нѣсколько въ сторонѣ отъ него ютилась едва возникшая торговая часть Асхабада, представляя собою также невообразимый хаосъ укрытій всякаго рода,—кибитокъ, палатокъ, землянокъ и простыхъ навѣсовъ, между которыми особенно характерны были балаганы, сколоченные изъ подручнаго и единственно-обильнаго матеріала, — изъ ящиковъ съ черными клеймами чуть не на каждой доскѣ: „Штритеръ", „Завода Смирнова" или „Вдовы Попова"... Людъ, сновавшій среди этого хаоса, былъ настолько разношерстъ, что едва ли и вавилонское столпотвореніе могло представить болѣе пеструю смѣсь „одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній". Безъ преувеличенія, тутъ фигурировали, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ видѣ простыхъ торгашей или сомнительныхъ дѣльцовъ и авантюристовъ, темные представители всѣхъ восточныхъ и западныхъ народовъ отъ береговъ Сены и до Инда.

Но особенно удручающее впечатлѣніе между всѣми производили текинцы. Потерявъ подъ Геокъ-Тепе весь свой скотъ, всѣ свои запасы и имущество, выбѣжавъ оттуда чуть не съ голыми дѣтьми на рукахъ и поздно вернувшись къ своимъ ауламъ изъ Мерва, Теджена и песчаныхъ пустынь, въ которыхъ скрывались первые мѣсяцы послѣ погрома, текинцы эти не успѣли засѣять своихъ полей и, лишенные поэтому какихъ бы то ни было жизненныхъ запасовъ, голодали буквально всѣмъ народомъ... Едва прикрытые невозможными лохмотьями, они шатались по Асхабаду цѣлыми толпами и, не различая офицеровъ отъ солдатъ, молча протягивали свои исхудалыя руки къ тѣмъ и другимъ.

Баронъ Аминовъ, временно остававшійся тогда за командующаго войсками, дѣлалъ все возможное для того, чтобы помочь бѣдному народу, — дарилъ свое, собиралъ пожертвованія, выдавалъ что̀ только было можно изъ казенныхъ складовъ на пищу и одежду,—но всего этого было все-таки недостаточно, и смерть начала жестоко опустошать текинскіе аулы, въ особенности когда вскорѣ къ голоду присоединилась зима, застигшая народъ почти безъ крова и топлива... Суровая, чисто-русская зима, со снѣжными вьюгами и трескучими морозами, наступившая уже въ концѣ ноября, была совершенною новостью въ этомъ краѣ. „Такую и старики наши не помнятъ. Ее, вѣроятно, принесли русскіе", — говорили туземцы. Войска также встрѣтили эту не-

званную сѣверную гостью почти подъ открытымъ небомъ,—если не считать кровомъ ободранную палатку, полусгнившую юломейку или недостроенный баракъ изъ сырой глины, безъ оконъ и дверей, —и она не замедлила, конечно, подлить горечи въ переполненную и безъ того чашу испытанія асхабадцевъ: пошли разныя болѣзни, и смерть начала похищать жертву за жертвой изъ гарнизона. Ежедневно, бывало, по нѣсколько разъ надрываютъ душу погребальные звуки горниста, открывающаго печальное шествіе на кладбище съ двумя-тремя некрашенными гробами... Чтобы избавить себя отъ этой музыки, кто только могъ—рвался съ разсвѣтомъ изъ постылаго жилья, и дни большинства проходили подъ навѣсами маркитантовъ, гдѣ съ нихъ драли за все невѣроятныя цѣны.

Не могу не упомянуть еще объ одномъ чрезвычайномъ обстоятельствѣ, отравившемъ наше существованіе въ тотъ злополучный годъ, — о „нашествіи полчищъ Тимучина", какъ называли офицеры невѣроятное количество полевыхъ крысъ, появившихся въ Асхабадѣ и въ окрестныхъ аулахъ. Это былъ врагъ просто непобѣдимый. Ихъ убивали тысячами, заливали кипяткомъ или затопляли норы, а число ихъ только росло. Они превратили въ рѣшето всю мѣстность, десятками взбирались по ночамъ на спящихъ, а къ утру оказывались перегрызанными—сегодня чемоданы или сапоги, завтра—околыши, воротники, погоны или переплеты книгъ. У офицеровъ и солдатъ почти не оставалось ничего цѣльнаго изъ этихъ предметовъ, и всѣ ходили со слѣдами работы крысъ...

Обстановка, словомъ, была ужасная. Какое впечатлѣніе она производила на самого Скобелева, видно изъ того, что передъ отъѣздомъ въ Россію, обозрѣвая въ послѣдній разъ съ асхабадскаго кургана зародышъ будущаго города, онъ, говорятъ, съ грустью произнесъ:

„О, сколько здѣсь людей сопьется,
И сколько съ толку ихъ собьется!.." [1])

Слова эти оказались пророчествомъ, по крайней мѣрѣ, относительно перваго года. Жизнь въ Асхабадѣ, да и вообще на всемъ Ахалѣ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо разумныхъ развлеченій, сложилась въ ту пору въ столь неприглядныя рамки,

---

[1]) По другимъ разсказамъ, Скобелевъ сказалъ:
„О, сколько здѣсь мужей сопьется,
И сколько женъ съ пути собьется!.."

представляла столько гнетущихъ невзгодъ и лишеній, что̀ вырваться изъ этой обстановки сдѣлалось мечтою каждаго и, быть можетъ, мысль о пулѣ приходила не одному изъ тѣхъ, которые считали свое положеніе безъисходнымъ. Я былъ въ иномъ положеніи, и о пулѣ не думалъ. Но, однако, жажда какой-либо разумной дѣятельности волновала меня настолько, что я радъ былъ бы промѣнять тоскливое фланированіе по грязному Асхабаду на самое даже рискованное предпріятіе. И случай подвернулся...

Въ концѣ января 1882 года торжественно хоронили въ Асхабадѣ молодого офицера гвардейской артиллеріи, Савельева, застрѣлившагося незадолго передъ тѣмъ въ Кизилъ-Арватѣ. На поминкахъ, бывшихъ послѣ этого у артиллеристовъ, меня отвелъ въ сторону баронъ Аминовъ.

— Я хочу вамъ предложить нѣчто весьма интересное,— началъ онъ.—Помню, вы какъ-то говорили, что охотно посѣтили бы Мервъ. Теперь, московскій богачъ Коншинъ хочетъ попытаться завязать торговыя сношенія съ Мервомъ и снаряжаетъ для этого караванъ, который вѣроятно не замедлитъ выступить отсюда съ его приказчикомъ Косыхомъ. Представляется прекрасный случай посѣтить эту страну, въ которой еще не былъ ни одинъ изъ русскихъ. Прошлое Мерва имѣетъ свою литературу. Но что̀ этотъ сосѣдъ нашъ представляетъ въ настоящее время, — намъ совершенно неизвѣстно. Является настоятельная необходимость его изслѣдованія. Васъ я считаю особенно подходящимъ для этого: вы знаете языкъ туркменъ и одной религіи съ ними, что̀, конечно, не мало облегчитъ дѣло сношенія съ народомъ. Сверхъ того, вы пишете и рисуете, а слѣдовательно, съумѣете воспользоваться представившимся матеріаломъ. По всему этому я рѣшился предложить вамъ, не хотите ли ѣхать въ Мервъ съ караваномъ Коншина? Предупреждаю, что это не приказаніе, и что вы должны приготовиться къ разнымъ случайностямъ, такъ какъ васъ могутъ принять... далеко не съ хлѣбомъ-солью.

— Безконечно вамъ благодаренъ, г. полковникъ!—отвѣчалъ я.—Я еще недавно читалъ „Исторію Трансоксаніи“ Вамбери, интересуюсь Мервомъ какъ нельзя болѣе и поѣду съ восторгомъ...

— Прекрасно. Я долженъ еще сказать вамъ,—продолжалъ баронъ,—что отправляться въ качествѣ офицера не удобно въ настоящее время. Вамъ придется переодѣться и замаскировать себя ролью хотя бы прикащика при караванѣ.

— Согласенъ и на это.

— Въ такомъ случаѣ, — заключилъ баронъ,—я сегодня же

протелеграфирую объ этомъ князю Дондукову. Разрѣшеніе вѣроятно не замедлитъ. Готовьтесь въ дорогу и храните пока все это въ тайнѣ... Да, съ вами, вѣроятно, отправится еще одинъ офицеръ, хорунжій Соколовъ. Вы знаете его?

— Знаю и очень радъ...

На этомъ мы разстались, и я поспѣшилъ домой, точно предстояло выѣхать черезъ нѣсколько минутъ... Недавно прочитанные разсказы Вамбери объ историческихъ судьбахъ Мерва пробудились въ моей памяти съ необыкновенною живостью. Воображеніе рисовало картины интересной terra incognita, пользовавшейся въ древности громкою извѣстностью, называемой „цвѣтущею" еще историкомъ Александра, а персидскими историками — не иначе, какъ „Шахъ-и-джаганъ" (царь вселенной). Мысленно я уже носился среди грандіозныхъ развалинъ древнихъ городовъ, видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ господство всевозможныхъ религіозныхъ культовъ, не исключая и христіанства, и въ которыхъ процвѣтаніе наукъ не разъ смѣнялось разрушеніемъ и ужасными кровопролитіями завоевателей востока. Я точно видѣлъ передъ собой гробницы разныхъ Алпъ-Арслановъ, наводившихъ ужасъ на самую Византію и уводившихъ въ плѣнъ ея императоровъ. Мнѣ почему-то казалось, наконецъ, что военная экспедиція въ Мервъ стоитъ на ближайшей очереди нашихъ предпріятій въ Средней Азіи, и это обстоятельство еще болѣе подстрекало мое возбужденное любопытство. Мысль о томъ, что я могу остаться при своемъ любопытствѣ и, въ придачу, лишиться головы, мнѣ не приходила. Я, словомъ, горѣлъ нетерпѣніемъ вскочить скорѣе на лошадь и мчаться къ Мерву...

Такъ прошло нѣсколько дней. Въ послѣднихъ числахъ января 1882 года было получено требуемое разрѣшеніе начальства, и дѣло снаряженія каравана пошло быстро. Товары затюкованы, верблюды наняты. Для сопровожденія каравана выбраны изъ служащихъ въ милиціи ахалъ-текинцевъ и мервцевъ 12 болѣе или менѣе надежныхъ джигитовъ; сдѣланы запасы, готова костюмировка.

Наканунѣ нашего выѣзда, Соколовъ и я были приглашены къ барону Аминову. Напутствовавъ насъ весьма дѣльными совѣтами относительно поведенія въ предстоявшемъ путешествіи, онъ прочелъ и передалъ намъ секретную инструкцію, которая начинается такъ:

„Разрѣшая вамъ, господа, ѣхать съ торговымъ караваномъ въ Мервъ, предоставляю вамъ честь быть первыми русскими изслѣдователями одной изъ незнакомыхъ намъ странъ. Руковод-

ствуясь при этомъ искреннимъ желаніемъ, чтобы увѣнчалось полнымъ успѣхомъ это интересное и славное дѣло, сопряженное съ опасностью, и потому налагающее на меня громадную нравственную отвѣтственность, — считаю себя въ правѣ напомнить вамъ, что только при единодушномъ дѣйствіи и дружескихъ отношеніяхъ вы можете добиться желанныхъ результатовъ. Вполнѣ разсчитывая и въ этомъ отношеніи на свой выборъ, я ограничусь указаніемъ цѣли и начертаніемъ общей программы дѣйствій, предоставляя вамъ самимъ выборъ средствъ и распредѣленіе занятій. Помните, господа, при выполненіи вашей задачи, что туркмены, несмотря на кажущуюся наивность, необыкновенно проницательны. Поэтому, въ интересахъ дѣла и во избѣжаніе какихъ бы то ни было осложненій, необходимо сохраненіе полнаго инкогнито. Не забывайте, что довѣренный г. Коншина, Северіанъ Косыхъ, долженъ быть въ глазахъ туркменъ начальникомъ каравана, а вы—его помощниками. Если, какъ я думаю, г. Косыхъ будетъ стѣсняться входить въ свою роль по отношенію къ вамъ,—напоминайте ему, способствуйте этому сами".

„Прежде всего обращаю ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство, — говорится въ первомъ пунктѣ инструкціи:—мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Мервѣ временъ Зороастра, Александра, Чингиса, Тамерлана и Надира. Затѣмъ знаемъ только одно, что, около столѣтія тому назадъ, страна эта захвачена туркменами и превращена въ обширное гнѣздо необузданныхъ разбойниковъ, куда воспрещенъ всякій доступъ христіанамъ. Желателенъ возможно обстоятельный отвѣтъ,—что̀ такое современный Мервъ, что̀ онъ представляетъ въ географическомъ и политическомъ отношеніяхъ, кто тамъ властвуетъ и къ кому надо обращаться въ нужныхъ случаяхъ?"

Далѣе на десяти страницахъ слѣдуетъ изложеніе по пунктамъ всего того, что̀ намъ предстояло выполнить. Въ двухъ словахъ, поставленныя задачи сводились къ подробному описанію пройденныхъ путей, ко всестороннему изслѣдованію Мервскаго оазиса, съ нанесеніемъ всего видѣннаго на карты, планы и маршруты, и, наконецъ,—къ собиранію разспросныхъ свѣдѣній обо всемъ, что̀ имѣетъ какое-либо соотношеніе къ Мерву и можетъ представить интересъ въ отношеніи научномъ или спеціально-военномъ.

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены, и 3-го февраля караванъ нашъ, состоявшій изъ 20-ти верблюдовъ, навьюченныхъ преимущественно краснымъ московскимъ товаромъ, съ 5-ю вожаками, выступилъ въ сторону Гяурса. Косыхъ же, Соколовъ

и я, сбрили свои головы, подстригли бороды на текинскій ладъ, нарядились во все текинское и выѣхали въ догонку за караваномъ только на другой день. На время путешествія мы перемѣнили и свои фамиліи: Косыхъ назвался Северинъ-баемъ, Соколовъ — Платонъ-агой, а я—Максутомъ, казанскимъ татариномъ. Несмотря, однако, на всю эту комедію, мы далеко не напоминали истыхъ номадовъ. Въ особенности наружность Косыха невольно переносила воображеніе въ кумачный рядъ нижегородской ярмарки...

Такъ или иначе, послѣ сердечныхъ проводовъ съ пѣснями и музыкой, мы сѣли на коней и втроемъ выѣхали изъ Асхабада, напутствуемые всякими пожеланіями собравшихся друзей и знакомыхъ. Постепенно удаляясь, мы видѣли еще нѣсколько минутъ, какъ подъ звуки „марша добровольцевъ“ поднимались платки и фуражки, и, вѣроятно, не у меня одного зашевелился въ это время жгучій вопросъ,—увидимся ли мы съ этими добрыми людьми?..

За асхабадскими садами къ намъ присоединились джигиты, высланные сюда заранѣе, чтобы слишкомъ шумные наши проводы не дали имъ возможности заподозрить въ насъ военныхъ. Эта предосторожность была необходима, такъ какъ нѣкоторые джигиты были уроженцы Мерва, а другіе провели тамъ нѣкоторое время въ бѣгствѣ послѣ геокъ-тепенскаго погрома; слѣдовательно, особенно полагаться на ихъ преданность не было основанія. Они знали одного Косыха и никогда не видѣли меня и Соколова. Теперь мы представились имъ въ качествѣ приказчиковъ, прибывшихъ въ Асхабадъ съ товаромъ только наканунѣ...

Начавшееся такимъ образомъ путешествіе наше, исполненное всевозможныхъ опасностей и приключеній, длилось два мѣсяца. Обстоятельства сложились въ началѣ крайне неблагопріятно; пришлось преодолѣть массу затрудненій. И наша жизнь, и судьба каравана въ такой степени висѣли иногда на волоскѣ, что теперь, по прошествіи 22-хъ лѣтъ, мнѣ самому кажется невѣроятнымъ, что мы возвратились цѣлыми... Тѣмъ не менѣе, намъ удалось не только проникнуть въ Мервъ и добиться разрѣшенія провести въ немъ три недѣли,—что было вполнѣ достаточно для достиженія главной нашей цѣли,—но даже войти въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ воротилъ... Описывать нашу поѣздку шагъ за шагомъ я не стану, такъ какъ это было бы ненужнымъ повтореніемъ: она разсказана въ цѣломъ рядѣ моихъ статей, появившихся, въ 1882 г., въ „Москов. Вѣд.“ подъ

заглавіемъ „Русскіе въ Мервѣ“ [1]), а результаты ея изложены въ моей книгѣ „Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему“, изданной въ томъ же году военно-ученымъ комитетомъ главнаго штаба. Лично для меня важнѣйшимъ результатомъ посѣщенія Мерва было то обстоятельство, что *въ головѣ моей гвоздемъ засѣла мысль о возможности мирнаго присоединенія къ Россіи этого края.* Эту увѣренность я выразилъ, между прочимъ, еще въ началѣ 1883 г., въ письмахъ къ генералъ-лейтенантамъ Фельдману и Стебницкому, и не прошло послѣ того и года, какъ уже послѣдовало блестящее ея осуществленіе...

Прежде чѣмъ, однако, перейти къ разсказу объ обстоятельствахъ присоединенія Мерва, для большей ихъ ясности, считаю необходимымъ посвятить слѣдующую главу бѣглому очерку того, что̀ представлялъ этотъ край въ послѣдніе годы его независимаго существованія.

II.

Нѣсколько словъ о прошломъ Мерва и послѣднихъ годахъ его независимости.

Мервъ, извѣстный у грековъ подъ именемъ Маргіаны, упоминается въ глубочайшей древности. Такъ, Зороастръ, — эпоху жизни и дѣятельности котораго одни историки относятъ за шесть, другіе за цѣлыхъ тринадцать вѣковъ до Р. Х., а классическіе писатели даже въ фантастическую древность, за пять тысячъ лѣтъ до троянской войны [2]),—въ своемъ „Вендидадѣ“, въ числѣ „раеподобныхъ странъ благодати и изобилія“, созданныхъ творческою силою Ормузда, упоминаетъ послѣ Айріаны и Сугда (Ирана и Бухары) „благословенный, крѣпкій и чистый Марвъ“.

Во второмъ, приблизительно, вѣкѣ до Р. Х. сюда вторгаются турки, разрушаютъ греко-бактрійское владычество и приносятъ съ собою изъ Тибета буддизмъ, который вытѣсняетъ ученіе Зороастра.

За буддизмомъ сюда проникаетъ христіанство несторіанъ, изгнанныхъ изъ Византіи. Въ 334 г. послѣ Р. Х. мы уже видимъ архіепископію въ Мервѣ, который въ 420 году былъ даже возведенъ на степень мѣстопребыванія митрополита. Христіанство

[1]) Статьи эти были также перепечатаны въ „Кавказѣ“ и, въ англійскомъ переводѣ, въ книгѣ Марвина „The Russians at Merv and Herat“, а походные наброски къ нимъ—во „Всемірной Иллюстраціи“.

[2]) Усларъ, стр. 105.

держится здѣсь до половины седьмого столѣтія, т.-е. до появленія арабовъ, а съ ними и исламизма.

Развалины древнѣйшаго Мерва, обнесенныя чудовищными валами и видѣвшія въ своихъ стѣнахъ магизмъ, буддизмъ и христіанство, лежатъ теперь въ тридцати верстахъ къ СВ. отъ нынѣшняго Мерва и носятъ названіе „Гяуръ-кала", т.-е. крѣпости невѣрныхъ. Рядомъ съ нимъ арабы возвели другой Мервъ, развалины котораго сохранились еще болѣе, — извѣстный теперь подъ именемъ „Султанъ-Санджаръ кала". Въ продолженіе многихъ вѣковъ онъ служилъ резиденціею хорасанскаго намѣстника багдадскихъ халифовъ и крупнымъ центромъ исторической жизни Средней Азіи. „Арабскія завоеванія,—говоритъ историкъ,—низвели весь Туркестанъ на степень составной части Хорасанской провинціи, и Бухара, и гордая столица на Заравшанѣ, богатый Бикендъ, и промышленная Фергана стали слушаться приказаній, раздававшихся изъ Мерва-шахъ-и-джаганъ, т.-е. Мерва-царя вселенной".

Изъ Мерва былъ нанесенъ смертельный ударъ ученію Зороастра. Онъ же послужилъ колыбелью ислама въ Средней Азіи и, между прочимъ, здѣсь же, въ 767 году, выступилъ съ своимъ ученіемъ извѣстный пророкъ Моканна, уроженецъ Мерва,—съ ученіемъ, поднявшимъ такой ураганъ, который грозилъ вырвать съ корнемъ ученіе арабскаго пророка. Моканна объявилъ себя, ни больше, ни меньше, какъ богомъ всѣхъ міровъ, владыкой власти, блеска и истины, и вызвалъ съ арабами борьбу, которая продолжалась болѣе пятнадцати лѣтъ и сопровождалась потрясеніемъ, оставившимъ слѣды на много вѣковъ. Онъ погибъ подъ Самаркандомъ въ 781 году, послѣ пораженія 50 тысячъ его послѣдователей. Преданіе о мервскомъ пророкѣ живетъ на его родинѣ и до настоящаго времени.

Цѣлое тысячелѣтіе еще послѣ смерти Моканны Мервъ продолжалъ представлять благословенную страну, хотя многократно бывалъ за это время ареною войнъ и междоусобій, и жестоко пострадалъ отъ сокрушительныхъ ураганов, вызванныхъ въ исторіи Азіи Чингисъ-ханомъ, Тамерланомъ и Надиромъ. Останавливаться надъ перипетіями этого періода значило бы слишкомъ удалиться отъ нашей цѣли. Ограничимся поэтому замѣткой, что въ дни послѣдняго изъ этихъ завоевателей, Надира, возникъ въ Мервѣ третій городъ, сравнительно свѣжія развалины котораго, лежащія по сосѣдству съ двумя предыдущими, носятъ названіе „Байрамъ-Али-кала".

Въ срединѣ XVII столѣтія территорія Мерва, равная поло-

винѣ нынѣшней Франціи, обнимала низовья двухъ смежныхъ рѣкъ Средней Азіи, Мургаба и Герируда, и представляла совершенно иную картину, чѣмъ бывшія составныя ея части, получившія во второй половинѣ прошлаго столѣтія названія отдѣльныхъ оазисовъ: Мервскаго, Іолатанскаго, Пендинскаго, Сараксскаго и Тедженскаго. Начиная съ границы Авганистана, около Меручака, и на протяженіи слишкомъ 300 верстъ, прибрежья Мургаба составляли сплошной культурный районъ съ искусственнымъ орошеніемъ, съ богатою растительностью, съ прекрасными постройками и съ осѣдлымъ иранскимъ населеніемъ. Такую же картину представляли земли, прилегающія къ Герируду, начиная отъ Зюльфугара и до самыхъ низовьевъ этой рѣки. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, помимо источниковъ персидскихъ, разбросанные по странѣ и болѣе или менѣе еще и теперь сохранившіеся остатки укрѣпленныхъ городовъ, цистернъ, гробницъ, мечетей, бань, каравансараевъ, мостовъ, акведуковъ и т. п.

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи упомянутый районъ, съ двумя главными городами, Мервомъ и Сараксомъ, служилъ аванпостомъ Ирана противъ Турана до 1784 года, когда на престолъ сосѣдней Бухары вступилъ эмиръ Маасумъ. Этотъ государь, называемый „дервишемъ на престолѣ", задумалъ истребленіе шіитовъ, и съ этою цѣлью предпринялъ на Мервъ рядъ набѣговъ, которые окончились въ 1788 году такими ужасными послѣдствіями для края, что даже восточный историкъ находитъ свое перо безсильнымъ для ихъ описанія. Городъ былъ разрушенъ до основанія, сады вырублены, весь оазисъ превращенъ въ пустыню. Часть населенія, оставшаяся послѣ безпощаднаго избіенія, была переселена за Аму-дарью, а другая разбѣжалась къ Герату и Мешеду, гдѣ потомки ихъ извѣстны до сего времени подъ именемъ „кюна-мара", или старомервцевъ. Чтобы воспрепятствовать и на будущее время возникновенію Мерва и воздѣлыванію почвы въ этой странѣ, узбеки разрушили даже старинную, существовавшую много вѣковъ, плотину „Бенди-Султанъ", направлявшую въ оазисъ воды Мургаба. Словомъ, „могучій и священный Мервъ" Зороастра, „Шахъ-и-джаганъ" восточныхъ историковъ, извѣстный своимъ цвѣтущимъ состояніемъ еще во времена похода въ Бактрію ассирійскаго царя Нинсвія, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ ударовъ бухарскаго благочестиваго вандала превратился въ такую пустыню, что „съ тѣхъ поръ,—говоритъ Вамбери,—отъ гордой въ древности Маргіаны поднимаются на монотонномъ степномъ ландшафтѣ только груды развалинъ, какъ свидѣтельницы прошлаго величія". Такъ кончилъ свое существованіе культурный

оазисъ, и въ сторонѣ отъ его развалинъ возникъ впослѣдствіи только разбойничій притонъ номадовъ, который кромѣ имени не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ Мервомъ...

Въ образовавшейся такимъ образомъ пустынѣ появились впослѣдствіи полудикіе туркмены, разныя племена которыхъ вытѣсняли отсюда другъ друга. Конечно, не этимъ хищникамъ суждено было воскресить древнюю физіономію доставшейся имъ страны. Будучи не въ силахъ, благодаря вѣчнымъ между собою раздорамъ, возстановить прежнія ирригаціонныя сооруженія, а слѣдовательно, и воспользоваться готовыми каналами на обширномъ районѣ, они ограничились тѣмъ, что на захваченныхъ земляхъ создали отдѣльные и сравнительно мелкіе оазисы. Громадныя же пространства между ними превратились въ дикія безводныя пустыни, въ которыхъ рыскали среди развалинъ только шайки аламановъ...

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ Мервъ занятымъ 10—15 тысячами кибитокъ (семействъ) туркменъ-сарыковъ, признавшихъ надъ собою господство Хивы. Въ то же время районъ Саракса занимали, въ числѣ около 40 тысячъ кибитокъ, текинцы, отдѣлившіеся отъ своихъ ахальскихъ соплеменниковъ и номинально признававшіе надъ собою власть Персіи.

Въ 1855 году хивинскій *Медеминъ-ханъ* задумалъ подчинить текинцевъ своей власти, и съ этою цѣлью двинулся въ Сараксъ, во главѣ, какъ разсказываютъ, 40 тысячъ конницы. Походъ былъ крайне неудачный. Хивинцы потерпѣли страшное пораженіе и бѣжали, оставивъ въ Сараксѣ, въ рукахъ непріятеля, своего убитаго хана, массу плѣнныхъ, оружіе и лошадей. Въ это время они покинули и Мервъ. Черезъ два года послѣ того, раздраженный злоупотребленіями персидскихъ властей, *Коушутъ-ханъ*, тогдашній глава текинцевъ, внезапно поднялъ свой народъ и перекочевалъ съ нимъ къ Мерву. Пользуясь безначаліемъ, господствовавшимъ въ это время въ Хивѣ, новые пришельцы безъ труда прогнали сарыковъ и заняли всѣ ихъ земли. Съ этихъ поръ текинцы господствовали надъ Мервскимъ оазисомъ, а нѣсколько южнѣе ихъ два оазиса на Мургабѣ, *Іолатанъ* и *Пенде*, занимали сарыки.

Въ 1860 году персы также сдѣлали крайне неудачную попытку наказать текинцевъ и вырвать Мервъ, это старинное достояніе ихъ государства, изъ рукъ полудикихъ номадовъ. Ихъ армія, выступивъ изъ Саракса подъ начальствомъ принца Султанъ-Мурадъ-мирзы, въ составѣ болѣе 20 тысячъ регулярной

пѣхоты, съ 32 орудіями и съ многочисленной иррегулярной конницей, подошла къ лѣвому берегу Мургаба и остановилась противъ существовавшей тогда крѣпости сарыковъ, Порсу-кала. Усиливъ этотъ пунктъ и оставивъ здѣсь подъ прикрытіемъ большую часть своихъ тяжестей, главныя силы персовъ двинулись далѣе по лѣвому берегу рѣки, къ мѣсту расположенія нынѣшней крѣпости Мервъ, или Коушутъ-ханъ-кала. Здѣсь въ то время существовала только кала сарыковъ, хотя и обширная, но крайне слабой профили; въ ней сосредоточились текинцы со всего оазиса, по обыкновенію съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Персы остановились противъ этой калы, на противоположномъ берегу Мургаба, и, окопавшись предварительно, открыли бомбардировку текинскаго оплота, гдѣ произвели среди обороняющихся страшныя опустошенія и почти панику. Боясь наступленія персовъ на правый берегъ, текинцы разрушили мостъ и окончательно ушли съ поля внутрь своей ограды. Но персы точно и не думали воспользоваться результатомъ бомбардировки и произведеннымъ впечатлѣніемъ. Продолжая окапываться, они и въ слѣдующіе дни ограничивались однимъ артиллерійскимъ огнемъ, который теперь уже не производилъ прежняго дѣйствія, такъ какъ текинцы успѣли вырыть почти безопасныя убѣжища для себя и своихъ семействъ. Такъ прошелъ почти мѣсяцъ. Ободренные явною нерѣшительностью своего противника, текинцы сами перешли, наконецъ, къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они вышли изъ калы подъ начальствомъ Коушутъ-хана, быстро навели мостъ черезъ рѣку, передъ самымъ носомъ персидскихъ войскъ, и энергически напали на нихъ среди бѣлаго дня. Результатъ былъ блестящій. Текинцы возвратились съ нѣсколькими персидскими орудіями, а ихъ противники съ своимъ „регулярнымъ“ войскомъ понесли громадныя потери и послѣ этого не смѣли выходить изъ-за окоповъ даже за водой къ Мургабу. Противники, такимъ образомъ, помѣнялись ролями, и о наступленіи персовъ уже не могло быть и рѣчи, такъ какъ текинцы, не ограничиваясь первымъ успѣхомъ, продолжали свои нападенія и наносили противникамъ пораженіе за пораженіемъ. Кончилось тѣмъ, что принцъ Султанъ-Мурадъ поднялъ свои войска и направился съ ними обратно въ Порсу. Текинцы только того и ждали. Они вышли изъ калы старъ и младъ, и обрушились на персовъ въ открытомъ полѣ. Пораженіе послѣднихъ было ужасное. Едва нѣсколько сотъ всадниковъ спаслись въ бѣтствѣ съ главнокомандовавшимъ; все остальное бѣжало, побросавъ оружіе и артиллерію, и было или перебито, или взято въ плѣнъ. Преслѣдуя жалкіе остатки пер-

сидскихъ воиновъ, текинская конница съ небольшимъ въ сутки достигла Саракса, гдѣ были сдѣланы громадныя заготовленія для арміи Султанъ-Мурада, и, что̀ называется, стерла этотъ пунктъ съ лица земли въ то самое время, когда пѣшіе собратья этихъ туркменъ чинили самый безпощадный разносъ съ войсками и запасами, остававшимися въ Порсу. Таковъ былъ конецъ этого злополучнаго нашествія персовъ. Въ Мервѣ сосредоточилась послѣ этого такая масса плѣнныхъ и оружія, что цѣна на невольника-перса спала съ 300 рублей на 5, а за ружье едва платили два-три крана.

Послѣ трехъ такихъ крупныхъ успѣховъ, какъ пораженіе хивинцевъ, завоеваніе Мервскаго оазиса и пораженіе персидской арміи, Коушутъ-ханъ, который былъ избранъ только предводителемъ во время этихъ событій, остался послѣ нихъ, и до самой смерти, фактическимъ ханомъ той половины текинскаго народа, которая поселилась на земляхъ сарыковъ.

Коушутъ-ханъ былъ далеко не дюжинный человѣкъ между туркменами. Отличаясь представительною внѣшностью и необыкновенной отвагой, онъ считался однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего племени и выказалъ замѣчательное умѣнье въ дѣлѣ организаціи и обузданія текинцевъ, которые до него никогда не признавали ни власти, ни порядка.

Вскорѣ послѣ пораженія персовъ, Коушутъ-ханъ сформировалъ въ странѣ полицейскую стражу, состоявшую изъ 2.000 преданныхъ ему нукеровъ, и, опираясь на нее, явился почти неограниченнымъ повелителемъ своего народа. Были случаи, когда онъ произносилъ даже смертные приговоры.

Населеніе Мерва обязано Коушутъ-хану своей ирригаціонной системой, такъ какъ, благодаря его заботливости, была воздвигнута на Мургабѣ громадная плотина. Онъ же началъ постройку нынѣшней, почти чудовищной крѣпости въ 1873 году, полагая, что русскіе пойдутъ изъ Хивы прямо на Мервъ. Оба эти сооруженія носятъ его имя и, по словамъ самихъ текинцевъ, могли возникнуть только благодаря значенію Коушутъ-хана, такъ какъ требовали безплатныхъ усилій многихъ десятковъ тысячъ отъявленныхъ грабителей, почти презирающихъ всякій трудъ. Завѣтная мечта Коушутъ-хана состояла въ томъ, чтобы переселить народъ къ старому Мерву и возобновить этотъ городъ. Онъ уже собирался приступить къ необходимому для этого возобновленію плотины Бенди-Султанъ, когда неожиданная смерть постигла его въ 1878 году.

Послѣ смерти Коушутъ-хана, въ Мервъ былъ приглашенъ

изъ Ахала (не всѣмъ, однако, народомъ) не менѣе его популярный, но далеко не столь энергичный старикъ Нуръ-Верды-ханъ. Стража при немъ была распущена, или, вѣрнѣе, разошлась сама. Власть, не опиравшаяся на силу, да еще надъ текинцами, естественно лишилась всякаго значенія при немъ, и онъ умеръ въ началѣ 1880 года.

Послѣ Нуръ-Верды-хана, въ Мервѣ возникли раздоры между разными родами, и званіе хана, но не власть, черезъ каждые нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовательно переходило къ Баба-хану, Каджаръ-хану, опять къ Баба-хану и, наконецъ, къ Халли-хану, который носилъ это званіе всего только 5 дней...

Ханы эти оказались одинъ безцвѣтнѣе другого и только способствовали водворенію въ странѣ полнаго хаоса, съ засадами на дорогахъ, съ тайными убійствами и съ явными вооруженными нападеніями цѣлыхъ партій другъ на друга, среди бѣлаго дня. Всякая торговля прекратилась. Караваны если изрѣдка осмѣливались проходить черезъ Мервъ, то только въ сопровожденіи значительнаго наемнаго конвоя, который, случалось, самъ нерѣдко расхищалъ эти караваны и затѣмъ безнаказанно расходился по ауламъ...

Таково было внутреннее положеніе Мерва въ теченіе почти пяти лѣтъ послѣ смерти Коушутъ-хана, и оно повело къ разнымъ попыткамъ извнѣ, для того, чтобы воспользоваться этимъ неустройствомъ края. Такъ, эмиссары изъ Авганистана шныряли по странѣ съ цѣлью подготовить народъ къ признанію власти своего эмира, но безуспѣшно, ибо не имѣли денегъ. Имъ отвѣчали обыкновенно:

„Мы знаемъ обѣщанія авганцевъ. Привезите сначала деньги и исполните хоть часть вашихъ посуловъ. Тогда поговоримъ“...

Не лишенный нѣкотораго значенія въ народѣ, сардаръ изъ колѣна Кара-ерма, Озбекъ-Батыръ, даже отправился въ Кабулъ съ предложеніемъ устроить подчиненіе Мерва Авганистану. Эмиръ Абдуррахманъ сначала обласкалъ его и осыпалъ подарками, а затѣмъ, когда Мервъ присоединился къ Россіи, приказалъ его повѣсить.

Персы прислали въ Мервъ, съ тою же цѣлью, брата дарагезскаго правителя, Сеидъ-Али-хана, миссія котораго также потерпѣла фіаско. За нимъ, впрочемъ, поѣхалъ въ Тегеранъ, для непосредственныхъ переговоровъ, извѣстный предводитель аламановъ, а впослѣдствіи глава рода Бахши, Сары-Батыръ-ханъ. Онъ обѣщалъ персамъ возвратить сорокъ отбитыхъ у нихъ въ 1860 году орудій и кучу другихъ вещей, получилъ тоже кучу

подарковъ, и, возвратившись въ Мервъ, только смѣялся надъ легковѣрностью персовъ.

Не безъ политическихъ замысловъ явился въ Мервъ въ 1880 году и ирландецъ О'Донованъ, отважный корреспондентъ „Daily-News“, позже убитый махдистами въ Египтѣ. Болѣе или менѣе неискренніе сторонники Англіи охотно сносились съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ сорилъ деньгами и подарками; его даже снабдили огромнымъ пергаментомъ съ массой печатей и подписей въ удостовѣреніе того, что мервцы приняли подданство королевы Викторіи. Но деньги и подарки О'Донована скоро истощились, и тогда, покинутый всѣми друзьями, онъ очутился подъ арестомъ у тогдашняго Каджаръ-хана, изъ котораго его выкупилъ за 500 рублей англійскій консулъ въ Мешедѣ.

Замѣчательно, что этотъ самый Каджаръ-ханъ, такъ низко поступившій съ единственнымъ англичаниномъ, появившимся въ Мервѣ, почти искренно сдѣлался вскорѣ сторонникомъ другой личности, появившейся тамъ же и весьма усердно работавшей въ пользу, какъ утверждали, тѣхъ же англичанъ. Я говорю о Сіяхъ-Пушѣ, темная личность котораго осталась, какъ для насъ, такъ и для туркменъ, почти неразгаданною, несмотря на то, что впослѣдствіи, при занятіи Мерва, онъ попалъ въ наши руки и былъ подвергнутъ всевозможнымъ допросамъ. Но рѣчь о немъ впереди еще...

Въ 1881 году мервцы уже не могли придти къ соглашенію относительно новыхъ претендентовъ на ханство всего народа, и кончилось тѣмъ, что каждый родъ его избралъ своего хана: *Векили*—Мехтемъ-Кули-хана, молодого человѣка двадцати-пяти лѣтъ, который, впрочемъ, переселился вскорѣ на Ахалъ и былъ замѣненъ своимъ шестнадцатилѣтнимъ братомъ, Юсуфъ-ханомъ. Большое значеніе среди Векилей имѣла мать послѣдняго, извѣстная *Гюль-джамалъ*, съ которою мы еще встрѣтимся въ нашемъ повѣствованіи. Затѣмъ, *Беки* избрали своимъ ханомъ Кара-Кули-сардара, *Бахши*—Сары-Батыра, а *Сичмазъ*—Майли-хана. Первый изъ этихъ трехъ былъ старый аламанъ, извѣстный своими жестокими грабежами на границахъ Персіи и Авганистана, человѣкъ жадный и ограниченный. Второй занимался тѣмъ же ремесломъ и въ теченіе многихъ лѣтъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ рыцарства. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка разсудительнаго, съ большимъ тактомъ и самообладаніемъ; впослѣдствіи онъ и оказался такимъ. Наконецъ, третій, Майли-ханъ, былъ молодой человѣкъ, изуродованный оспой, но скромный и неглупый. Особеннаго значенія, однако, эти люди не имѣли даже въ своемъ

районѣ, такъ какъ каждый текинецъ считалъ для себя болѣе или менѣе обязательнымъ только постановленіе общаго собранія представителей народа, такъ называемаго *генгеша*, о которомъ мнѣ еще придется говорить.

Мервскіе текинцы сильно преувеличивали свою численность, чтобы казаться сосѣдямъ народомъ сильнымъ. Они утверждали, что ихъ сто тысячъ кибитокъ. На самомъ же дѣлѣ районъ каждаго изъ четырехъ хановъ дѣлился на шесть старшинствъ, или кетхудъ, и въ каждомъ изъ нихъ полагалось до двухъ тысячъ кибитокъ, или во всемъ оазисѣ, приблизительно, до 200 тысячъ душъ [1]), которыя могли выставить, въ случаѣ нужды, около 30-ти тысячъ пѣшихъ и не менѣе 5-ти тысячъ конныхъ людей, способныхъ носить оружіе. Роды *Бекъ* и *Векиль*, составляя *тахтамышскую* половину народа, занимали своими аулами земли на правомъ берегу Мургаба, а *Бахши* и *Сичмазъ* или *отамышская* половина — на лѣвомъ. Тѣ и другіе подраздѣлялись на чомуръ и чарва, т.-е. на земледѣльцевъ и скотоводовъ. Но излюбленное ремесло главной массы населенія заключалось въ такъ называемомъ *калтаманствѣ* и *аламанствѣ*. Это два вида одного и того же порока, дѣлавшаго Мервскій оазисъ въ его тогдашнемъ видѣ буквально однимъ большимъ притономъ воровъ и разбойниковъ...

Калтаманомъ называли простого вора, промышляющаго своимъ ремесломъ ночью и днемъ, если представится удобный случай, но пѣшкомъ и безъ оружія. Помимо массы людей и даже организованныхъ шаекъ съ предводителями, жившихъ исключительно воровскимъ ремесломъ, калтаманами можно было назвать, нисколько не рискуя ошибиться, три четверти мервскаго населенія,—въ такой степени это зло всосалось въ плоть и кровь текинскаго племени.

Аламанство — степной разбой, предпринимаемый партіями отъ нѣсколькихъ десятковъ и до нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ всадниковъ. Въ этихъ набѣгахъ текинецъ, кромѣ болѣе или менѣе солидной наживы, пріобрѣталъ репутацію воина и званіе *батыря*, и самый промыселъ поэтому не только не порицался общественнымъ мнѣніемъ страны, напротивъ,—вѣками онъ возведенъ былъ здѣсь на степень рыцарства и поощрялся народными симпатіями, какъ ремесло, выработывающее лихость и молодечество. Аламанство создало среди мервскихъ текинцевъ массу

[1]) И эта численность значительно уменьшилась послѣ появленія въ странѣ русскихъ, такъ какъ водворившаяся кругомъ безопасность позволила части населенія переселиться въ плодородный районъ Теджена.

людей, отличавшихся поразительнымъ знаніемъ не только всѣхъ дорогъ, тропинокъ и колодцевъ во всѣхъ необъятныхъ пустыняхъ, окружающихъ ихъ оазисъ, но не менѣе того знакомыхъ и со всѣми окраинами сопредѣльныхъ странъ, какъ Персія, Бухара, Хива и Авганистанъ. Люди эти назывались *сардарами* и руководили обыкновенно партіями аламановъ, одновременно въ качествѣ предводителей и путеводителей. Имъ принадлежала иниціатива каждаго набѣга, они же вербовали участниковъ и избирали пунктъ нападенія. Собравшійся народъ и духовные торжественно напутствовали выступающую партію благословеніями и пожеланіями ей всякаго успѣха. Выйдя за предѣлы оазиса, всѣ аламаны, послѣ общей молитвы о помощи Аллаха, принимали по обычаю клятву въ томъ, что будутъ дѣйствовать единодушно и безпрекословно повиноваться сардару. Наткнувшись на караванъ или стада, или приблизившись къ заранѣе опредѣленной цѣли, преимущественно ночью или на разсвѣтѣ, они кидались, по знаку сардара, съ оглушительными криками на свою жертву. Въ случаѣ успѣха, аламаны дѣлились на двѣ половины: одна возила или угоняла добычу; другая, на лучшихъ лошадяхъ, составляла арріергардъ на случай погони. На первомъ же ночлегѣ послѣ этого происходилъ раздѣлъ добычи, причемъ сардаръ получалъ двѣ доли со всего награбленнаго и столько же выдѣлялось на мечеть и бѣднымъ; остальное дѣлилось поровну между всѣми аламанами. Если попались въ плѣнъ мужчины или женщины—ихъ продавали и такимъ же образомъ дѣлили вырученныя деньги. При такомъ исходѣ набѣга аламаны торжественно, среди бѣлаго дня, вступали въ оазисъ и расходились по своимъ ауламъ, гдѣ ихъ привѣтствовали какъ героевъ и побѣдителей. Вслѣдствіе навыка и осторожности, набѣги въ большинствѣ случаевъ сопровождались успѣхомъ, и аламаны въ каждую поѣздку обезпечивали свое существованіе на болѣе или менѣе продолжительное время. Бывали, конечно, неудачи и пораженія; тогда партія разсыпалась по степи и каждая группа всадниковъ отдѣльно пробиралась къ оазису и къ своему аулу,—преимущественно ночью, во избѣжаніе насмѣшекъ...

„Аламанство, какъ ремесло, наиболѣе соотвѣтствующее наклонностямъ текинцевъ,—писалъ я въ 1882 году въ своей книгѣ „Мервскій оазисъ", — составляло до послѣдняго времени одно изъ главныхъ средствъ существованія большей части мервскаго населенія. Паденіе Геокъ-Тепе и покореніе Ахала повліяли на это дѣло въ томъ смыслѣ, что арена грабежей значительно съузилась и они не предпринимаются уже въ тѣхъ грандіозныхъ

размѣрахъ, какъ было раньше. Хотя русское сосѣдство и служитъ такимъ образомъ нѣкоторой уздой этимъ любителямъ легкой наживы, тѣмъ не менѣе набѣги на сѣверъ и востокъ продолжаются, мелкія шайки работаютъ на Атекѣ, и дороги далеко небезопасны даже на границѣ нашихъ предѣловъ. Окончательно искоренить это зло, всосавшееся въ плоть и кровь народа, можетъ только внѣшнее давленіе. Всѣ обѣщанія такъ называемыхъ *хановъ* препятствовать набѣгамъ не могутъ имѣть практическаго значенія уже потому, что, по убѣжденіямъ и привычкамъ, они сами — аламаны прежде всего. Кромѣ того, вліяніе этихъ людей весьма ничтожное, чтобы не сказать нулевое; они терпимы, пока явно или тайно потворствуютъ народнымъ желаніямъ, и немедленно смѣщаются, какъ только пойдутъ противъ нихъ. Гораздо болѣе значенія имѣютъ здѣсь *ишаны*, или духовные, не рѣдко являющіеся настоящими двигателями народа. Званіе *ишана* пріобрѣтаетъ у туркменъ всякій болѣе или менѣе популярный ученый. Всѣ ишаны—фанатики и ханжи, а большинство—и продажны. Тѣмъ не менѣе, по неимѣнію какого бы то ни было судилища и въ силу привычки, къ нимъ добровольно прибѣгаетъ народъ во всѣхъ случаяхъ, когда нуженъ совѣтъ или третейское рѣшеніе. Они являются примирителями во всѣхъ распряхъ между отдѣльными лицами или цѣлыми партіями, и они же, помимо хановъ, весьма часто сзываютъ мервскій *генгешъ*. Хотя намъ приходилось слышать мнѣніе и наиболѣе разумныхъ людей Мервскаго оазиса, что повліять на аламанство могутъ только ишаны, но и они едва ли въ состояніи вырвать съ корнемъ это зло. Дѣло въ томъ, что произволъ, отсутствіе всякой организаціи и вѣчныя распри между отдѣльными родами въ такой степени вкоренились и господствуютъ среди этого народа, что безопасность какъ въ оазисѣ, такъ и въ окружающихъ его пустыняхъ, свободное движеніе каравановъ и правильныя торговыя сношенія—останутся въ области желаній до тѣхъ поръ, пока Мервъ не будетъ поставленъ на ногу Ахала, т.-е. присоединенъ къ Россіи"...

Таковы были, въ общихъ чертахъ, порядки, укоренившіеся въ Мервѣ, и особенности быта и нравовъ его населенія въ концѣ 1883 года, когда мнѣ представился случай вторично посѣтить эту страну.

III.

Занятіе Теджена и вторая поѣздка въ Мервъ.

Послѣ паденія Геокъ-Тепе и занятія Асхабада, Скобелевъ, съ небольшимъ отрядомъ, продвинулся на востокъ еще верстъ на восемьдесятъ за территорію Ахала и, расположившись лагеремъ въ хорасанской деревнѣ Лютфъ-абадъ, пробылъ въ немъ нѣсколько недѣль, пока не былъ отозванъ назадъ, вслѣдствіе протеста Персіи.

Это смѣлое вторженіе въ арену вѣчныхъ разбоевъ,—да къ тому же въ чужую землю,—имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что шайки мервскихъ аламановъ точно канули въ воду: о нихъ не было слышно въ теченіе добраго года.

Но Скобелевъ не долго оставался въ покоренной имъ странѣ, а послѣ его выѣзда въ Россію наши дѣла на Ахалѣ приняли довольно странный оборотъ, чтобы не сказать больше... Мы точно стали въ оборонительное положеніе. Въ Асхабадѣ, по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, поглощавшаго, конечно, не мало казенныхъ денегъ, начали возводить бруствера, обносить ихъ глубокими рвами, словомъ, строить *крѣпость*, мысль о которой могла возникнуть только въ связи съ предположеніемъ, что въ этой части Закаспія мы можемъ быть атакованы... кѣмъ же?.. шайкой голодныхъ аламановъ, которые никогда не выдержали бы добраго залпа даже полуроты. И это— послѣ геокъ-тепенскаго погрома, когда престижъ русскаго имени, поднятый въ глазахъ туркменъ какъ нельзя выше, давалъ намъ полную возможность держать себя съ гораздо бо́льшимъ достоинствомъ!.. Къ сожалѣнію, это была ошибка, которая, весьма естественно, повліяла ободряющимъ образомъ на нашихъ сосѣдей, мервцевъ. Уже въ 1882 году аламанство ожило, а въ слѣдующемъ — оно приняло размѣры просто небывалые. На грабежи Атека и Хорасана начали выѣзжать изъ Мерва партіи, иногда до тысячи и болѣе всадниковъ, и отъ нихъ не разъ доставалось и нашимъ съемочнымъ партіямъ, состоявшимъ обыкновенно изъ фотографа съ нѣсколькими казаками. Положеніе, словомъ, было такое, что инженеръ не рѣшался ѣхать по персидской территоріи до Саракса иначе, какъ въ сопровожденіи джигитовъ и цѣлаго взвода казаковъ подъ командой офицера...

Въ срединѣ 1883 года начальникомъ Закаспійской области

былъ назначенъ А. В. Комаровъ [1]). Съ его пріѣздомъ въ Асхабадъ, положеніе дѣлъ въ краѣ приняло другой характеръ. „Крѣпость“ была упразднена, большая часть войскъ расположилась внѣ бывшей ея ограды, а для водворенія безопасности въ нашихъ и сосѣднихъ предѣлахъ высылались усиленные разъѣзды, доходившіе до Душака и далѣе, т.-е. за сто слишкомъ верстъ отъ Гяурса, послѣдняго пункта, занятаго нами. Но демонстраціи эти уже оказывались недѣйствительными. Какъ только разъѣзды возвращались въ Асхабадъ, шайки мервцевъ вновь стремились на пограничныя селенія Хорасана. Россія между тѣмъ еще ранѣе взяла на себя обязательство заботиться о безопасности хорасанской окраины, почему шахское правительство и обратилось къ намъ съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ возвращенію плѣнныхъ, захваченныхъ мервцами во время послѣднихъ набѣговъ. Въ виду этого, въ концѣ 1883 года, была двинута къ берегамъ Теджена болѣе солидная демонстративная колонна, состоявшая изъ своднаго баталіона закаспійскихъ стрѣлковъ, двухъ сотенъ казаковъ таманскаго полка, взвода горныхъ орудій и команды туркменскихъ джигитовъ. Начальникомъ этого маленькаго отряда былъ назначенъ командиръ таманскаго полка, полковникъ Муратовъ; начальникомъ штаба—генеральнаго штаба подполковникъ Закржевскій [2]), и я — отряднымъ адъютантомъ. Къ намъ, по своему желанію, присоединился также текинецъ Мехтемъ-Кули-ханъ, весьма разумный молодой человѣкъ 27-ми лѣтъ, руководившій, вмѣстѣ съ Текме-сардаромъ, обороной Геокъ-Тепе, ѣздившій затѣмъ въ Москву, на коронацію императора Александра III, гдѣ ему былъ пожалованъ чинъ майора милиціи [3]). Отряду были

---

[1]) Нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Александровскаго комитета.

[2]) Нынѣ—генералъ-майоръ, нач. штаба 5-го корпуса.

[3]) Въ концѣ августа 1903 года мнѣ пришлось прочесть въ „Нов. Вр.“ такую замѣтку: „Въ „Русск. Турк.“ разсказывается недавняя исторія основанія Асхабада и присоединеніе Мерва со словъ лица, по своей службѣ *близкаго къ этимъ событіямъ*“. Надо полагать, что *лицо это*, такъ тщательно скрывающее, почему-то, свою *личность*, стояло очень *не близко* къ упомянутымъ событіямъ, потому что все его писаніе состоитъ изъ ряда курьезныхъ измышленій, подобныхъ слѣдующему:

„По взятіи Геокъ-Тепе, — говоритъ онъ, — *Махмутъ*-Кули-ханъ (хоть бы имя запомнилъ) самъ явился къ генералу Скобелеву. Генералу, *какъ онъ самъ говорилъ*, очень понравились его гордость и лицо, внушавшее симпатію. Ему возвратили недвижимое имущество и имѣвшееся движимое. Возвращая шашку, Скобелевъ сказалъ ему, что онъ будетъ представленъ къ производству въ майоры русской службы. Производство Махмутъ-Кули-хана въ скорости послѣдовало, и юный по лѣтамъ майоръ, во все время пребыванія генерала Скобелева, находился при немъ. По отозваніи генерала, Махмутъ-Кули-ханъ жилъ въ своемъ аулѣ, какъ-то незамѣчаемымъ“.

приданы еще саперный офицеръ Затеплинскій и переводчики Маргани и Пацо-Пліевъ [1]).

Отрядъ выступилъ изъ Асхабада въ концѣ ноября и, идя почти все время по страшной грязи, дотянулся черезъ двѣ недѣли до Теджена и расположился здѣсь, у плотины *Карры-бентъ*, служащей для орошенія Тедженскаго оазиса, обширнаго района, населеннаго выходцами изъ Мерва. Замѣтимъ кстати, что по мѣрѣ движенія нашего отряда, его на сотни верстъ опережалъ разнесшійся по странѣ слухъ, что идетъ авангардъ русскихъ войскъ, предназначенныхъ для покоренія Мерва. Слухъ этотъ проникъ, конечно, и въ Мервъ, и впослѣдствіи оказался небезполезнымъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, отряду „*ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалось переходить за Тедженъ*“... [2])

Дня черезъ два послѣ прибытія на Карры-бентъ, полковникъ Муратовъ снова поднялъ вопросъ, котораго мы не разъ касались и во время похода къ этому пункту. Дѣло въ томъ, что главная цѣль нашего отряда, какъ я уже говорилъ, была демонстративная, т.-е. своимъ движеніемъ и появленіемъ въ странѣ, гдѣ безнаказанно своевольничали шайки грабителей, способствовать водворенію безопасности. Затѣмъ, полковнику Муратову было предписано начальникомъ области: „По прибытіи отряда на Тедженъ, отправить въ Мервъ, съ нѣсколькими джигитами, переводчика, который долженъ предъявить тамошнимъ властямъ наше требованіе о прекращеніи аламанства и о выдачѣ 14 плѣнныхъ персовъ, захваченныхъ мервцами во время послѣдняго ихъ набѣга на Хорасанъ“.

Я доказывалъ полковнику безплодность въ данномъ случаѣ командированія переводчика.

— Въ Мервѣ полная анархія,—говорилъ я.—Номинальные ханы, еслибъ и желали, то безсильны повліять даже на уменьшеніе аламанства, уже не говоря о его прекращеніи... 14 плѣнныхъ составляютъ на мервскомъ базарѣ цѣнность отъ 4-хъ до

Предоставляю читателю судить, сколько правды во всемъ этомъ!.. Ближе ружейнаго выстрѣла Мехтемъ-Кули-ханъ ни разу въ жизни не видѣлъ генерала Скобелева, какъ и генералъ—его. Въ самый разгаръ штурма Мехтемъ Кули-ханъ выбѣжалъ изъ Геокъ-Тепе и удалился въ Мервъ, гдѣ прожилъ безвыѣздно болѣе двухъ лѣтъ. Весною 1883 года онъ вернулся на Ахалъ и былъ отправленъ на коронацію въ Москву, куда прибылъ *послѣ смерти* Скобелева и гдѣ былъ произведенъ въ майоры.

[1]) Первый изъ нихъ теперь—подполковникъ и командиръ, а другой—ротмистръ туркменскаго дивизіона.

[2]) „Переговоры между Россіей и Великобританіей. Оффиціальное изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ“, стр. 22.

5-ти тысячъ рублей. Шайки, захватившія этихъ людей, конечно, давно ихъ продали и раздѣлили между собою вырученныя деньги. Отъ кого же ихъ требовать?!.. Жадный мервецъ, не останавливающійся передъ убійствомъ даже изъ-за 10 крановъ, отдастъ ли добровольно свой товаръ, за который, въ видахъ барыша при перепродажѣ, онъ самъ заплатилъ не менѣе 300 рублей?!.. И наконецъ, еслибъ это и было возможно, что значитъ освобожденіе 14-ти плѣнныхъ, когда въ Мервѣ изнываетъ въ такомъ же плѣну и рабствѣ, по меньшей мѣрѣ, добрая тысяча разновременно захваченныхъ персовъ и персіяновъ?!.. -

Доказывая такимъ образомъ несостоятельность посылки переводчика, я просилъ полковника разрѣшить мнѣ поѣхать въ Мервъ, какъ человѣку, изучившему эту страну и уже знакомому со многими изъ мѣстныхъ воротилъ.

— Я бы не имѣлъ ничего противъ этого,—возражалъ полковникъ,—еслибъ на меня не падала отвѣтственность, что послалъ офицера, а не переводчика, какъ приказано;—если, не дай Богъ, васъ тамъ убьютъ...

— Вы мнѣ не приказываете ѣхать, а я напрашиваюсь на эту поѣздку,—отвѣчалъ я;—слѣдовательно объ отвѣтственности не можетъ быть и рѣчи... Откровенно говоря, изъ-за 14 персовъ я, быть можетъ, и не поѣхалъ бы въ Мервъ въ эту слякоть, да еще рискуя жизнью... Требовать прекращенія аламанства я также не намѣренъ, будучи убѣжденъ, что никто не въ силахъ сдѣлать это въ странѣ, гдѣ нѣтъ власти, гдѣ почти каждый изъ мужской половины двухсотъ-тысячнаго населенія—и аламанъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе живущій этимъ ремесломъ, и единственная власть надъ самимъ собою... Мною руководитъ иная цѣль, — предъявить мервскому народу, отъ имени нашего начальства, ультиматумъ: немедленно принять русское подданство или приготовиться къ повторенію въ Мервѣ геокъ-тепенскаго погрома... Я давно обдумываю этотъ шагъ, и давно у меня готовы доводы, которыми я думаю повліять на мервцевъ. Если осуществится моя надежда, — первыми ея результатами будутъ, конечно, безусловное прекращеніе аламанства, водвореніе въ странѣ порядка и освобожденіе—не 14-ти плѣнныхъ персовъ, а доброй тысячи этихъ несчастныхъ... И это еще не все. Покореніе Ахала, или, вѣрнѣе, одна только Скобелевская экспедиція, не считая походовъ сюда же 1872 и 1879 годовъ, стоила 37 милліоновъ рублей и цѣлыхъ рѣкъ крови. Мервъ въ пять разъ больше Ахала и по территоріи, и по численности населенія; доступы къ нему гораздо труднѣе, и Геокъ-Тепе—просто игрушка

въ сравненіи съ чудовищными валами мервской крѣпости. Во что же обойдется завоеваніе этой страны?!.. Подумайте, какое дѣло мы поднесемъ Россіи, если намъ удастся мирнымъ путемъ, безъ капли крови и безъ рубля расходовъ, пріобрѣсти этотъ край!..

Далѣе я не буду приводить всего, что еще говорилось за и противъ моего предложенія. Кончились наши дружескіе дебаты тѣмъ, что полковникъ Муратовъ, желавшій, конечно, чтобы результатомъ нашего движенія изъ Асхабада было что-либо болѣе существенное, чѣмъ военная прогулка на Теджен и обратно, не только согласился на мою поѣздку, но даже рискнулъ назначить со мною взводъ казаковъ, что я считалъ необходимымъ для представительности. Говорю: рискнулъ, потому что разрѣшено было отправить въ Мервъ съ переводчикомъ только нѣсколько джигитовъ, и на полковника, конечно, пала бы отвѣтственность, въ случаѣ какой-либо катастрофы съ его казаками...

Сборы наши были недолги. На слѣдующій день, 12 декабря, напутствуемый добрыми пожеланіями всего отряда, я выступилъ изъ Карры-бента въ сопровожденіи 20 казаковъ и 10 джигитовъ. Съ собою я взялъ еще Мехтемъ-Кули-хана, какъ человѣка, могущаго быть весьма полезнымъ среди своихъ соплеменниковъ, и юнкера изъ чеченцевъ, Пацо-Пліева, по своему веселому нраву незамѣнимаго спутника во время скучныхъ и утомительныхъ переѣздовъ по безводной пустынѣ, какую представляли тогда первыя 120 верстъ отъ Карры-бента до края Мервскаго оазиса.

Въ числѣ джигитовъ были трое изъ тѣхъ, которые сопровождали нашъ караванъ еще во время первой моей поѣздки въ Мервъ, и между ними—извѣстный Акъ-Мурадъ-сардаръ, старый мервскій аламанъ, называвшій себя „пріятелемъ“ Скобелева. Онъ былъ словоохотливъ до того, что каждый мелочной вопросъ служилъ для него какъ бы ключомъ, заводившимъ его, какъ говорильную машину, на добрый часъ.

— Ну, что, Акъ-Мурадъ, — спрашиваю его, когда Карры-бентъ уже скрылся изъ виду,—охотно ѣдешь въ Мервъ?

— Нѣтъ,—оскалился сардаръ.—Только за недѣлю передъ выѣздомъ изъ Асхабада я купилъ себѣ въ жены тринадцати-лѣтнюю дѣвушку...

— Не соскучился по аламанству?

Въ отвѣтъ на это, Акъ-Мурадъ выложилъ характерный автобіографическій разсказъ, настолько приложимый, съ нѣкоторыми варіаціями, къ жизни почти каждаго изъ тогдашнихъ текинцевъ,

что считаю нелишнимъ привести его здѣсь, вмѣсто описанія песковъ съ саксауломъ и голыхъ равнинъ, смѣняющихъ другъ друга по пути къ Мерву.

— Нѣтъ, я уже старъ сталъ,—началъ онъ.—На все—свое время. Аламанство—дѣло хорошее, но требуетъ молодости. Въ пустыняхъ между Хивой и Авганистаномъ, между Бухарой и Хорасаномъ нѣтъ тропки, не напоминающей мнѣ случая изъ моей жизни, нѣтъ колодца, изъ котораго я не утолилъ бы жажду... Сколько разъ я былъ раненъ, сколько разъ я былъ близокъ къ смерти то отъ голода, то отъ пули! Вся жизнь моя прошла въ скитаніяхъ, вся она полна приключеній... Въ дѣтствѣ, какъ и всѣ у насъ, я былъ отчаяннымъ калтаманомъ, а съ 18-ти лѣтъ и до встрѣчи со Скобелевымъ, въ продолженіе почти 30-ти лѣтъ, я существовалъ, по туркменскому обычаю, аламанствомъ. Сначала пѣшкомъ, потомъ на конѣ, а напослѣдокъ и въ качествѣ сардара, я грабилъ на границахъ Персіи, Бухары и Авганистана всѣхъ, кромѣ своихъ текинцевъ. У насъ нельзя иначе: я не прослылъ бы батыремъ, питался бы однѣми дынными корками и никогда не имѣлъ бы жены, еслибы ограничился однимъ земледѣліемъ. Скучное да и тяжелое дѣло въ нашихъ странахъ—хлѣбопашество. Туркменъ рожденъ для аламанства. Для этого именно, для наѣздовъ, говорятъ у насъ,— Аллахъ и снабдилъ насъ такими лошадьми, какихъ нѣтъ ни у кого изъ нашихъ сосѣдей... Бывало, сегодня голодаемъ, завтра сговорились 20—30 человѣкъ, свалились, какъ съ неба, на одинъ изъ поселковъ Хорасана,—и чудное дѣло выходитъ: трусливые персы разбѣгаются какъ бараны, а ты себѣ вяжешь преспокойно ихъ женъ, забираешь дѣтей, имущество. Продали все это,—и вся партія сыта и обезпечена на цѣлый годъ, если не болѣе... Но не всегда такъ кончалось.

Далѣе Акъ-Мурадъ началъ-было разсказывать, какъ онъ однажды, нарвавшись съ своей шайкой на засаду и будучи при этомъ раненъ, очутился въ плѣну у персовъ, которые въ теченіе цѣлаго года, до выкупа, подвергали его всевозможнымъ пыткамъ...

— Но объ этомъ ты мнѣ уже разсказывалъ еще въ первую нашу поѣздку въ Мервъ,—прервалъ я рѣчь сардара,—а вотъ я не слышалъ, какъ ты „подружился“ съ Бѣлымъ генераломъ.

— Я былъ на Тедженѣ,—продолжалъ онъ,—когда русскіе взяли Геокъ-Тепе. Въ нѣсколько дней послѣ паденія крѣпости, пустыня, отдѣляющая Тедженъ отъ Ахала, покрылась бѣглецами изъ Геокъ-Тепе. Побросавъ имущество и думая только о спасе-

нія жизни, все бѣжало и разсыпалось по степи, объятой страшнымъ холодомъ. Я видѣлъ, какъ умирали отъ этого холода и голода цѣлыя семейства, едва прикрытыя рубищами. Многіе были не въ силахъ не только добраться до Мерва, но даже дотянуть до Теджена. При такихъ обстоятельствахъ, текинцы послали меня къ Скобелеву просить помилованія и разрѣшенія вернуться. Я явился въ русскій лагерь подъ Лютфъ-абадомъ, и, признаюсь, первая мысль, которая мнѣ пришла здѣсь, была та, что дураки наши текинцы: русскихъ было такъ мало здѣсь, — нѣсколько сотъ человѣкъ,—что мы могли бы вырѣзать ихъ поголовно, еслибъ соединились и напали, вмѣсто того, чтобы погибать такъ глупо въ голодной пустынѣ...

— Эхъ, какой человѣкъ былъ *Скобулютъ*!—продолжалъ Акъ-Мурадъ послѣ нѣкоторой паузы, и всѣ черты его лица изобразили восторгъ. — Не то что сартибъ, но даже деревенскій старшина въ Персіи не подпускаетъ къ себѣ ближе пятнадцати шаговъ такого оборваннаго аламана, какимъ былъ я. Этотъ же генералъ позвалъ меня въ свою палатку вмѣстѣ съ переводчикомъ, выслушалъ просьбу, похлопалъ меня по плечу и выразилъ свое удовольствіе за то, что я взялся просить за своихъ собратьевъ. „Напрасно текинцы бѣжали,—говорилъ онъ далѣе.—Мы не преслѣдуемъ побѣжденныхъ. Пусть они вернутся къ своимъ мѣстамъ, — я имъ окажу помощь и покровительство"... Затѣмъ, узнавши, что я изъ Мерва, генералъ предложилъ мнѣ доставить туда его воззваніе. Я согласился. Вручая мнѣ на другой день письмо къ нашему народу, онъ выразился такъ: „Передай ты мервцамъ и на словахъ, что ихъ ожидаетъ участь ахалъ-текинцевъ, если во-время не образумятся. Я совѣтую имъ изъявить покорность и исполнять наши требованія. Если же они предпочтутъ борьбу,—я прошу ихъ объ одномъ: пусть они выдѣлятъ свои семейства; я ихъ не трону. Не достойно храбраго народа подставлять подъ наши пушки неповинныхъ женщинъ и дѣтей"... Получивъ послѣ этого въ подарокъ отъ генерала сто серебряныхъ рублей и револьверъ, я пустился въ дорогу.— Вѣсть о словахъ Скобелева быстро разнеслась по Теджену и большая часть бѣглецовъ потянулась обратно къ Ахалу... Въ Мервѣ со дня на день ожидали въ это время русскихъ и все населеніе было занято усиленіемъ крѣпости. Десятки тысячъ людей работали безпрерывно, даже ночью, при свѣтѣ огромныхъ костровъ. Воззваніе Скобелева, однако, не имѣло успѣха. Каджаръ-ханъ разорвалъ его письмо и пригрозилъ мнѣ, какъ измѣннику, смертью, если я буду привозить въ Мервъ подобныя

бумаги. Въ то же время въ Мервѣ получено было извѣстіе, что русскіе возвратились изъ Лютфъ-абада въ Асхабадъ. Въ виду этого народъ прекратилъ крѣпостныя работы и разошелся. Послѣ этого, тайно выѣхавъ изъ Мерва, я снова пробрался на Ахалъ и здѣсь сообщилъ обо всемъ Скобелеву, который наградилъ меня вторично и зачислилъ на службу. Съ тѣхъ поръ я ѣмъ русскій хлѣбъ и, слава Аллаху, совершенно счастливъ и безъ аламанства...

Въ тотъ же день, выславъ нѣсколько впередъ джигитовъ и оставшись вдвоемъ съ Мехтемъ-Кули-ханомъ,—который, стѣсняясь своихъ соплеменниковъ, выѣхалъ въ дорогу въ туркменскомъ халатѣ, безъ всякихъ офицерскихъ знаковъ,—я посвятилъ его въ дѣйствительную цѣль нашей поѣздки въ Мервъ.

— Ты самъ боролся съ русскими въ Геокъ-Тепе,—говорилъ я между прочимъ,—и видѣлъ всѣ ужасы, испытанные бѣдными ахальцами. Ты лучше кого бы то ни было знаешь, что, несмотря на всю храбрость и отчаянныя усилія этого народа, борьба повела только къ тому, что половина народа легла костьми, другая—обнищала въ конецъ. Скажи откровенно: не жалѣешь ты, что была эта напрасная бойня, и не благоразумнѣе ли поступили бы ахальцы, если бы добровольно подчинились тогда Россіи?

— Конечно,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ.—Теперь-то я вижу, что это было безуміе съ нашей стороны. Но развѣ мы могли думать, что насъ ожидаетъ подобный конецъ? Напротивъ, предшествовавшая неудача русскихъ (1879 года) такъ ободрила текинцевъ Ахала, что никто изъ насъ не сомнѣвался въ исходѣ борьбы. До послѣдняго дня мы были увѣрены, что истребимъ русскихъ, если они не уйдутъ такъ же, какъ ихъ предшественники. Мы даже собирались, съ этою цѣлью, на новую, черезъ нѣсколько дней, ночную вылазку всего народа, но русскіе предупредили насъ своимъ штурмомъ...

— Ты былъ въ Москвѣ,—продолжалъ я,—видѣлъ не всю, конечно, но хоть малую часть государства Бѣлаго царя; видѣлъ массу городовъ, массу войскъ,—слѣдовательно, имѣешь нѣкоторое понятіе о Россіи. Въ силахъ ли сопротивляться такому государству туркмены, если бы даже соединились всѣ ихъ племена?!..

— Конечно, нѣтъ... Но вѣдь до поѣздки въ Москву и я этого не зналъ, а мервцы и теперь не знаютъ. Когда намъ говорили, что Россія—большое государство, мы отвѣчали, обыкновенно, что и Персія не малое царство, однако мы столько били этихъ персовъ, что отбили у нихъ всякую охоту къ намъ по-

казываться... О томъ, что и между большими царствами бываетъ разница, никто изъ насъ не думалъ тогда. Поѣздка въ Москву раскрыла мнѣ глаза: а народъ нашъ, по прежнему, пребываетъ въ своей слѣпотѣ...

— Вотъ теперь нашъ долгъ и цѣль нашей поѣздки — постараться снять пелену съ глазъ мервскаго народа, и тѣмъ самымъ удержать его отъ повторенія ошибки, которая погубила ахальцевъ... Ты, какъ текинецъ и сынъ Нуръ-Верды-хана, оставившаго славную память въ народѣ, несомнѣнно желаешь добра своему племени и можешь оказать намъ огромную помощь въ этомъ дѣлѣ. Я и разсчитываю на тебя больше, чѣмъ на кого бы то ни было. Убѣждай мервцевъ, при всякомъ случаѣ, одуматься и принять русское подданство. Увѣряй всѣхъ, что въ противномъ случаѣ ихъ ожидаетъ гибель неизбѣжная отъ русскихъ войскъ, которыя не сегодня—завтра двинутся на Мервъ...

— Разсчитывая на меня, ты не ошибешься,—отвѣтилъ Мехтемъ-Кули-ханъ.—Я буду стараться днемъ и ночью. Но, откровенно говоря, я не очень разсчитываю на благоразуміе мервцевъ: это народъ слишкомъ темный, слишкомъ своевольный и, по преданію, никогда не признавалъ ничьей власти надъ собою...

— Постараемся, насколько хватитъ силъ,—заключилъ я,—чтобы совѣсть наша была чиста, что мы выполнили свой долгъ, какъ люди, желающіе добра народу. А тамъ — что̀ Богъ пошлетъ!..

Такимъ образомъ, первый изъ туркменъ и убѣжденный прозелитъ, такъ сказать, Мехтемъ-Кули-ханъ болѣе чѣмъ сомнѣвался въ окончательномъ успѣхѣ задуманной мною пропаганды среди мервцевъ. Но, какъ искренній сторонникъ, онъ, все-же, былъ хорошимъ пріобрѣтеніемъ для дѣла.

До Мерва мы имѣли три ночлега подъ открытымъ небомъ. На второмъ переходѣ, передъ вечеромъ, на равнинѣ передъ нами показалась толпа въ нѣсколько десятковъ туркменскихъ всадниковъ. Одинъ изъ нашихъ джигитовъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ извѣстіемъ, что ѣдутъ мервскіе ханы. Когда мы приблизились, мервцы остановились и встрѣтили насъ, выстроившись въ одну линію, передъ которою стояли ханы: благообразный, но совершенный еще мальчикъ, Юсуфъ-ханъ; точно отлитый изъ темной бронзы, но съ привѣтливымъ выраженіемъ лица, старый аламанъ Сары-Батыръ-ханъ, и, наконецъ, тщедушный и обезображенный оспой, опіофагъ, Майли-ханъ. Эти трое были представителями текинскихъ родовъ Векиль, Бахши и Сичмаѣъ. Недоставало только четвер-

таго хана, Каракули-сардара, не пожелавшаго присоединиться къ нимъ; его, въ качествѣ представителя рода Бекъ, замѣнялъ Мурадъ-бай, человѣкъ огромнаго роста и одинъ изъ наиболѣе состоятельныхъ людей Мерва.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и безконечныхъ, по туркменскому обычаю, перекрестныхъ разспросовъ о здоровьи, я обратился къ ханамъ съ вопросомъ:

— Куда путь держите, съ соизволенія Аллаха?

— Слышали мы,—отвѣчалъ Сары-Батыръ,—что русскіе на Теджен пришли. Народъ нашъ волнуется, теряясь въ догадкахъ по этому случаю... И вотъ, мы разсудили выѣхать къ вамъ, чтобы получить достовѣрныя свѣдѣнія о цѣли вашего появленія. „Слухъ, какъ и струя воды, — говорятъ у насъ, — мутится по мѣрѣ удаленія отъ источника. За чистой водой надо идти къ самому источнику“...

— Прекрасно сдѣлали,—отвѣчалъ я. Но, къ сожалѣнію, вы немного опоздали, и тѣмъ лишили русскихъ удовольствія оказать вамъ гостепріимство въ своемъ лагерѣ, такъ какъ теперь вы должны ѣхать со мною обратно въ Мервъ, гдѣ вы будете нужны мнѣ. Я отправляюсь туда, по приказанію моего начальства, именно съ тѣмъ, чтобы поставить вашъ народъ въ извѣстность о цѣли прихода русскихъ войскъ на Тедженъ. О томъ же я буду говорить съ вами въ пути и въ Мервѣ... А теперь двинемся, чтобы засвѣтло прибыть на ночлегъ къ Куланъ-рабату.

— У Кулана нѣтъ теперь ни воды, ни топлива,—заявилъ Сары-Батыръ,—придется немного дальше проѣхать.

Я зналъ, что̀ значитъ у степняковъ „немного“, но согласился, и мы тронулись. Впереди разсыпались мервцы, за ними—ханы со мною, и наконецъ—казаки. Вскорѣ стемнѣло, говоръ умолкъ, по степи раздается только глухой топотъ сотни коней... Мы уже давно проѣхали мимо развалинъ Куланъ-рабата, а мервцы, отдѣлившись далеко впередъ, то-и-дѣло погоняютъ своихъ коней... Во мнѣ уже начало-было зарождаться сомнѣніе,— не завлекаютъ ли насъ эти господа съ волчьими вожделѣніями?.. Но вдругъ мервцы остановились и послышалось: „Пріѣхали“!

Мы слѣзли съ коней среди тощаго саксауловаго лѣса и на берегу небольшого дождевого озера, въ обстановкѣ, слѣдовательно, представлявшей все, что̀ требуется для зимняго ночлега въ пустынѣ...

Немного погодя, запылали костры и освѣтили нашъ бивакъ съ характерными группами казаковъ и, въ особенности, вооу-

женныхъ съ головы до ногъ текинцевъ, по сторонамъ которыхъ виднѣлись не менѣе живописныя группы ихъ рослыхъ коней, сверкавшихъ при свѣтѣ огня своими серебряными уборами... Нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ живыхъ картинъ, такъ напрашивавшихся на полотно, и по сосѣдству съ огромнымъ костромъ, расположились со мною на разостланныхъ кошмахъ ханы съ нѣсколькими приближенными, и между ними Пацо-Пліевъ, уже успѣвшій подружиться съ нѣкоторыми и развлекавшій всѣхъ своими разсказами... За веселымъ ужиномъ, состоявшимъ изъ смѣси дорожныхъ запасовъ русскихъ и туркменскихъ, бесѣда наша тянулась здѣсь до поздней ночи...

Эта неожиданная встрѣча съ представителями Мерва была мнѣ на руку какъ нельзя болѣе. Она увеличила число ѣдущихъ со мною до сотни всадниковъ, что̀ было далеко не лишнее для представительности русскаго „посланца“ и для перваго впечатлѣнія при въѣздѣ въ Мервъ. А главное, — хановъ окружали ихъ ближайшіе совѣтники, друзья и лица, не лишенныя нѣкотораго значенія въ народѣ. Вразумить и привлечь ихъ на свою сторону было весьма важно. Я и занялся этимъ, бесѣдуя по цѣлымъ часамъ въ пути и на ночлегахъ то съ отдѣльными лицами, то съ цѣлыми группами. Что̀ таили въ душѣ эти темные мои слушатели, и всѣ ли убѣдились моими доводами,—я не знаю. Но, повидимому, угроза русскаго нашествія на Мервъ и возможныя его послѣдствія,—для обрисовки которыхъ я, конечно, не жалѣлъ красокъ,—производили впечатлѣніе, что̀ и требовалось... Во всякомъ случаѣ, наединѣ, еще по пути къ Мерву, меня многіе увѣряли въ своей солидарности со мною, а одинъ старикъ даже при всѣхъ и громко произнесъ, обращаясь ко мнѣ однажды на привалѣ, такую фразу:

— Тѣ, которые предпочтутъ гибель, пускай гибнутъ... Если ты пріѣхалъ на пользу Мерва,—да поможетъ тебѣ Богъ!.. Но помни нашу старинную поговорку: „Хорошій посредникъ соединяетъ племена, дурной—ихъ губитъ“... [1])

Несомнѣнный же результатъ моихъ путевыхъ стараній заключался въ томъ, что ханы и Мурадъ-бай, которымъ обѣщаны были значительно лучшія условія существованія подъ властью Россіи, въ свою очередь обѣщали мнѣ свое содѣйствіе вполнѣ искренно...

---

[1]) По-текински:

„Коу эльчи—эли бирларъ,
Яманъ эльчи—эли пузаръ“.

IV.

По Мервскому оазису.

Черезъ два дня послѣ встрѣчи съ ханами, мы подъѣхали къ первому аулу Мервскаго оазиса, Топазу, и расположились въ немъ для ночлега. Хозяинъ отведенной мнѣ кибитки, Абдалъ-сардаръ, бывшій предводитель аламановъ, сутуловатый, смотрѣвшій исподлобья старикъ, голова котораго напоминала стараго бизона, но оказавшійся впослѣдствіи весьма добродушнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, провелъ въ бесѣдѣ со мною цѣлый вечеръ.

— Ну, что у васъ хорошаго,—спрашиваю между прочимъ,—каковы слухи?

— Да что можетъ быть хорошаго въ Мервѣ,—отвѣтилъ сардаръ,—*туркменчиликъ* [1]), какого никогда не было: безначаліе, повальное воровство и раздоры... Всѣ желаютъ властвовать, но никто не хочетъ подчиняться, и грызутся, какъ собаки. Не даромъ у насъ говорятъ, что „туркмены — собачье отродье"... По ауламъ шатаются теперь и волнуютъ народъ авганскіе эмиссары: какой-то Искандеръ-ханъ и Сіяхъ-Пушъ; къ нимъ примкнулъ съ своими сторонниками глупый Каджаръ-ханъ. Такой же Каракули-ханъ привезъ изъ Хивы, въ качествѣ „правителя Мерва", какого-то Атаджана, чтобы властвовать его именемъ. И теперь оба возбуждаютъ народъ противъ русскихъ, говоря, что лучше умереть, чѣмъ пустить къ себѣ гяуровъ... Чѣмъ все это кончится — Аллахъ вѣдаетъ...

Извѣстія были крайне непріятныя, но... я и не думалъ, что мой путь по Мерву будетъ устланъ однѣми розами безъ шиповъ. Объяснивъ Абдалъ-сардару, чѣмъ „все это" должно кончиться, я перебрался на другой день къ Майли-хану, а остальные ханы разъѣхались по своимъ ауламъ. Уѣхалъ также и Мехтемъ-Кули-ханъ на противоположный конецъ оазиса, къ своей мачихѣ, обѣщая собрать свѣдѣнія о персахъ послѣдняго плѣна.

Проведя въ аулѣ Майли-хана два дня въ постоянныхъ переговорахъ съ выдающимися текинцами рода Сичмазъ, которые приглашались ханомъ, или являлись сами, и подготовляя такимъ образомъ почву для будущихъ дѣйствій, я переѣхалъ съ тою же цѣлью къ Сары-Батыръ-хану, въ районѣ рода Бахши. День здѣсь

---

[1]) Туркменщина.

прошелъ въ томъ же занятіи, но ночью случилось нѣчто неожиданное...

Послѣ ужина я, по обыкновенію, провелъ еще нѣкоторое время за своимъ дневникомъ и затѣмъ легъ, какъ всѣ эти дни, не раздѣваясь. Но не прошло и часа послѣ того, какъ вдругъ въ двери кибитки влетѣлъ, какъ бомба, Пацо-Пліевъ и произнесъ торопливо:

— Ротмистръ, вставайте! Нападеніе...

— Что?!.. Какое нападеніе?—спрашиваю, вскакивая на ноги и хватаясь за оружіе.

— Въ темнотѣ не видно,—отвѣчалъ взволнованный юнкеръ, съ трудомъ произнося слова,—но какое-то сборище идетъ сюда съ громкими криками...

Я бросился въ кибитку казаковъ; они также суетились, расталкивая другъ друга.

— Ребята, слышны какіе-то крики. Будьте, молодцы, готовы на всякій случай!—произнесъ я и вышелъ во дворъ, гдѣ среди джигитовъ и десятка текинцевъ слышался голосъ Сары-Батыра. Къ нему же продолжали сбѣгаться люди изъ кибитокъ сосѣдняго аула.

— Что̀ такое, ханъ?—спросилъ я, подходя къ нему.

— Туркменчилыкъ,—отвѣтилъ онъ,—съ ума сошли какіе-нибудь калтаманы...

Крики между тѣмъ быстро приближались. Тогда вышелъ впередъ Сары-Батыръ-ханъ, и его голосъ зазвучалъ какъ труба.

— Идите, безумные, если рѣшились!—кричалъ онъ.—Но знайте, что вы доберетесь до моихъ гостей только черезъ наши трупы!

Въ ту же минуту, по приказанію хана, нѣкоторые изъ окружающихъ побѣжали передать его слова нападающимъ. Вскорѣ послѣ этого крики смолкли, и толпа отхлынула съ угрозами, что дождутся болѣе удобнаго времени...

Разставивъ вокругъ часовыхъ джигитовъ, въ эту ночь мы просидѣли еще нѣсколько часовъ у огня кибитки. Не скрываю, я былъ взволнованъ, но не грозившею намъ опасностью, нѣтъ,—я видалъ не такіе виды!—а тою степенью рыцарскаго благородства, которую проявилъ Сары-Батыръ-ханъ, и которой я, конечно, не ожидалъ отъ стараго аламана. Поэтому, разставаясь съ нимъ передъ разсвѣтомъ, я сказалъ:

— Спасибо тебѣ, Сары-Батыръ, за эту ночь! Отнынѣ—мы съ тобою друзья. Къ сожалѣнію, я не имѣю съ собою ничего цѣннаго, и поэтому прошу принять отъ меня на память эту вещь.

И, вынувъ изъ кобуры, я вручилъ ему одинъ изъ моихъ револьверовъ.

На другой день разспросы Сары-Батыра выяснили, что на нападеніе подстрекнулъ своихъ сторонниковъ Каджаръ-ханъ, по совѣту, конечно, авганскихъ эмиссаровъ...

Переговоры съ представителями родовъ Бахши и Сичмазъ убѣдили меня въ томъ, что среди мервцевъ не мало благоразумныхъ людей, сознающихъ невозможность дальнѣйшаго существованія ихъ разбойничьяго гнѣзда въ сосѣдствѣ съ Россіею. Но эти люди скрывали свои убѣжденія въ виду настроенія большинства, привязаннаго къ своей независимости. Въ этомъ отношеніи, не удавшееся ночное нападеніе въ аулѣ Сары-Батыръ-хана имѣло свою хорошую сторону: среди бахшинцевъ произошелъ расколъ, и та горсть людей, которая, сбѣжавшись на зовъ хана, избавила насъ отъ кровопролитія, послужила ядромъ *явной русской партіи*, возраставшей затѣмъ съ каждымъ днемъ моего пребыванія въ Мервѣ...

Покинувъ районъ рода Бахши, мы перешли на правый берегъ Мургаба, въ землю Бековъ, и, проѣхавъ черезъ Коушатъ-ханъ-калу, прибыли въ аулъ Каракули-хана. Кибитки послѣдняго стояли нѣсколько въ сторонѣ отъ аула, и между ними красовалась яркая бухарская палатка, при входѣ въ которую, сохраняя свое достоинство, встрѣтили меня ханъ и „правитель Мерва“, Атаджанъ-бай.

— Узнаешь приказчика Сибиръ-ніязъ-бая? [1])—спросилъ я Каракули-хана послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ.

— Узнаю,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой.—Мы и въ первый твой пріѣздъ подозрѣвали, что не Сибиръ-ніязъ, а ты—гвоздь каравана, только выдающій себя за приказчика.

— Тогда это нужно было,—продолжалъ я.—Теперь мнѣ не зачѣмъ скрываться, такъ какъ имѣю весьма несложное порученіе отъ русскаго начальства... Но прежде я хотѣлъ бы узнать, кого изъ себя представляетъ твой почтенный гость, Атаджанъ-бай?

— Я *хакимъ* (правитель) Мерва,—отвѣчалъ самъ Атаджанъ,—назначенный хивинскимъ ханомъ и утвержденный русскими.

— Откуда же взялось у хивинскаго хана право назначать правителя въ Мервъ, и что̀ значитъ выраженіе: „утвержденный русскими“?

Въ отвѣтъ на это, хивинецъ досталъ изъ лежавшей неда-

---

[1]) Такъ прозвали текинцы Северина Косыха въ первый мой пріѣздъ въ Мервъ.

лекъ отъ него шкатулки бумагу, развернулъ ее и, передавая мнѣ, произнесъ лаконически: „Прочти".

Бумага эта меня поразила. На первой ея страницѣ было написано на джагатайскомъ языкѣ, что, „склоняясь на поступившую ко мнѣ просьбу всего мервскаго народа, и въ видахъ водворенія въ этой странѣ спокойствія и порядка, я, повелитель Хивы, Магомедъ-Рагимъ-ханъ, назначаю хакимомъ Мерва испытаннаго сановника моего, Атаджанъ-бая, въ увѣренности, что мервскій народъ послѣдуетъ его разумнымъ указаніямъ", и т. д. На слѣдующей страницѣ русскій текстъ, за печатью и подписью тогдашняго туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Черняева, гласилъ кратко: „Одобряю выборъ его свѣтлости, хивинскаго хана, и утверждаю Атаджанъ-бая правителемъ Мерва".

Для разъясненія этого и, кстати, для характеристики Каракули-хана, необходимо сдѣлать маленькое отступленіе.

Во время перваго нашего пріѣзда въ Мервъ, о Каракулиханѣ носилась плохая молва, и насъ предостерегали не довѣряться этому человѣку. Но онъ жилъ недалеко отъ насъ, заглядывалъ къ намъ, оставался обѣдать, и разъ позвалъ и къ себѣ на угощеніе, на которое мы отправились, скрѣпя сердце и скрывъ подъ халатами кинжалы и револьверы, такъ какъ были почти увѣрены, что за трапезой этого хищника насъ ожидаетъ катастрофа или отравленіе. Опасенія, однако, не оправдались. За этимъ обѣдомъ я заговорилъ между прочимъ и о томъ, что напрасно мервскіе ханы не стараются сблизиться съ русскими властями, что имъ слѣдовало бы заглядывать и въ Асхабадъ, гдѣ ихъ несомнѣнно ожидаетъ радушный пріемъ, *подарки* и т. п. Мысль эта, повидимому, понравилась Каракули-хану. По крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, онъ явился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ, въ Асхабадъ, гдѣ, однако, надеждамъ его не суждено было осуществиться. Вмѣсто радушія и чего-нибудь болѣе существеннаго, генералъ Рербергъ, на пріемѣ подъ открытымъ небомъ, подарилъ ему суконный халатъ. Скромность подарка такъ подѣйствовала на алчнаго аламана, что онъ довольно грубо обратился къ переводчику со словами:

— Пусть генералъ надѣнетъ халаты прежде на моихъ людей!..

Но эта фраза не имѣла послѣдствій, и ханъ, сдѣлавшій въ Асхабадъ и обратно 700 верстъ верхомъ, вернулся на родину съ двадцати-рублевымъ халатомъ, вызвавшимъ насмѣшки въ Мервѣ,

съ цѣлымъ адомъ злобы въ душѣ и съ твердымъ рѣшеніемъ прервать всякія сношенія съ русскими.

Вскорѣ послѣ этого энергичный ханъ, обуреваемый жаждой повелѣвать всѣмъ оазисомъ, отправился къ хивинскому хану и просилъ его, именемъ всего мервскаго народа, назначить въ правители Мерва одного изъ своихъ сановниковъ. При этомъ, какъ разсказывали мервцы, Каракули-ханъ, будучи самъ однимъ изъ безпокойнѣйшихъ людей своего народа, и не помышлялъ, конечно, о водвореніи въ немъ порядка, а руководился главнымъ образомъ мечтой—быть въ своей странѣ фактическимъ воротилой, прикрываясь именемъ хивинскаго ставленника, и, въ придачу, получить подарки отъ хивинскаго хана. Въ послѣднемъ, какъ говорятъ, онъ обманулся во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ въ Асхабадѣ, а первая—такъ и осталась мечтой. Правда, хивинскій ханъ назначилъ, а случившійся тогда въ Петро-Александровскѣ генералъ Черняевъ утвердилъ Атаджанъ-бая правителемъ Мерва. Но мервцы отнеслись болѣе чѣмъ индифферентно къ этой затѣѣ Каракулихана, а остальные ханы не сочли даже нужнымъ познакомиться съ Атаджаномъ. Тѣмъ не менѣе, первый шагъ этого хивинца, по прибытіи въ Мервъ, заключался въ проектѣ обложенія мѣстнаго населенія сборомъ на содержаніе стражи, который вызвалъ только глумленіе народа и не принесъ ни одного крана. Слѣдующія его попытки „управлять“ были столь же успѣшны. Затѣмъ прекратились всякія попытки, и въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ до моего пріѣзда хивинскій правитель пребывалъ въ Мервѣ въ совершенномъ забвеніи.

Вотъ краткія свѣдѣнія о двухъ моихъ собесѣдникахъ, съ которыми я встрѣтился въ пестрой бухарской палаткѣ.

— Теперь я вижу, что ты дѣйствительно утвержденъ „ярымъ-падишахомъ“ [1],—продолжалъ я, обращаясь къ Атаджану послѣ прочтенія надписи Черняева.—Но Каракули-хана, какъ я слышу со всѣхъ сторонъ, никто не уполномочивалъ просить о назначеніи сюда „хакима“; слѣдовательно, онъ обманулъ хивинскаго хана, и тѣмъ самымъ заставилъ твоего повелителя ввести въ заблужденіе ярымъ-падишаха. По пріѣздѣ въ Мервъ, истина раскрылась передъ тобою какъ нельзя болѣе: кромѣ Каракули и двухъ-трехъ десятковъ его близкихъ, никто здѣсь тебя и знать не хочетъ, потому именно, что ты явился сюда непрошеннымъ. Водворить какой-либо порядокъ въ странѣ тебѣ не удалось; на-

[1]) Т.-е. полу-государемъ. Такъ въ Средней Азіи величаютъ туземцы туркестанскаго генералъ-губернатора.

противъ, неурядица и аламанство приняли при тебѣ размѣры просто небывалые, чего русскіе не могутъ терпѣть въ своемъ сосѣдствѣ. Далѣе, не знаю, правда ли, но меня увѣряли здѣсь, что ты, человѣкъ, утвержденный русскими, распускаешь слухи крайне для нихъ неблагопріятные... Еслибы все это было извѣстно въ Хивѣ или въ Ташкентѣ, тебя бы давно отозвали. Поэтому я долженъ сказать въ заключеніе, что твое пребываніе въ Мервѣ безполезно и нежелательно русскимъ. Ты долженъ вернуться въ Хиву и добросовѣстно доложить своему хану объ ошибкѣ, въ которую вовлекли его и ярымъ-падишаха. Совѣтую сдѣлать это добровольно. Въ противномъ случаѣ я теперь же доведу обо всемъ этомъ до свѣдѣнія моего начальства, и тогда легко быть можетъ, что тебѣ придется покинуть Мервъ при худшихъ условіяхъ... Настаиваю на этомъ еще потому,—добавилъ я,—что не позже, какъ черезъ нѣсколько дней, Мервъ долженъ подчиниться Россіи, или же приготовиться испытать на себѣ, подобно Хивѣ и Ахалу, силу русскаго оружія; въ обоихъ случаяхъ тебѣ здѣсь нечего будетъ дѣлать...

Въ отвѣтъ на это, мнѣ пришлось выслушать со стороны видимо взволнованныхъ Каракули-хана и Атаджанъ-бая кучу безцвѣтныхъ возраженій и оправдательныхъ фразъ, приводить которыя не стоитъ. Конечный же результатъ былъ таковъ: мое письмо о встрѣчѣ съ Атаджаномъ и о необходимости его удаленія изъ края, хотя бы путемъ сношенія съ начальствомъ Туркестана, полковникъ Муратовъ переслалъ начальнику области. Затѣмъ, возникла ли по этому поводу переписка, и какая,—мнѣ неизвѣстно. Но еще недѣли за три до занятія нами Мерва, Атаджанъ покинулъ Мервъ, а вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Хиву и Каракули-ханъ...

Послѣ ночлега у этихъ господъ, я провелъ еще сутки въ аулѣ Мурадъ-бая и затѣмъ переѣхалъ въ районъ Векилей.

Объѣзжая такимъ образомъ оазисъ и останавливаясь у лицъ, пользующихся вліяніемъ, я старался въ пути и на ночлегахъ переговорить съ возможно бо́льшимъ числомъ людей, съ тѣмъ, конечно, чтобы перелить въ нихъ мое убѣжденіе, что Мервъ переживаетъ послѣдніе дни своего дикаго разгула, и что населеніе его, въ своихъ собственныхъ интересахъ, должно, путемъ добровольнаго принятія русскаго подданства, избѣгнуть неминуемаго, въ противномъ случаѣ, кровопролитія. Сущность моей аргументаціи я приведу ниже. Здѣсь же достаточно сказать, что проповѣдь моя далеко не была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, въ отдѣльности со мною соглашался почти каждый

текинецъ, и, за рѣдкими исключеніями, главари народа были уже солидарны со мною, когда я закончилъ свой объѣздъ въ районѣ рода Векиль.

Здѣсь, въ аулѣ Юсуфъ-хана и его матери Гюль-Джамалъ, гдѣ я засталъ и Мехтемъ-Кули-хана, мнѣ пришлось пробыть около десяти дней.

Въ самый день пріѣзда я узналъ, что въ числѣ гостей ханши находится авганскій эмиссаръ, капитанъ Искандеръ-ханъ, съ двумя товарищами. Я уже слышалъ ранѣе, что они разъѣзжаютъ по странѣ нѣсколько недѣль, и съ цѣлями, конечно, совершенно противоположными моимъ. Необходимо было устранить этихъ противниковъ, и судьба помогла мнѣ въ этомъ, пославъ неожиданную съ ними встрѣчу. Съ вечера я распорядился нанять въ аулѣ четырехъ надежныхъ туркменъ, для доставленія этихъ эмиссаровъ въ русскій отрядъ на Карры-бентъ, и когда это было сдѣлано, пригласилъ къ себѣ Искандеръ-хана. Явился рослый красавецъ, съ смуглымъ энергичнымъ лицомъ. Безъ дальнихъ околичностей, я объявилъ ему, чтобы онъ приготовился къ выѣзду изъ Мерва черезъ полчаса. Глаза авганца запылали при этомъ страшною яростью, но сопротивленіе было немыслимо, такъ какъ вслѣдъ за нимъ къ дверямъ подошли джигиты съ берданками.

— На какомъ основаніи, по какому праву ты арестуешь меня?!.. Я такой же офицеръ моего эмира, какъ ты своего Бѣлаго царя, — началъ было Искандеръ-ханъ, возвышая голосъ и сильно жестикулируя.

Объяснивъ ему въ двухъ словахъ, что мы находимся въ странѣ, гдѣ *сила* издавна составляетъ и право, и основаніе всякаго дѣйствія, я заключилъ словами, что *такъ нужно*, и что дальнѣйшіе разговоры ни къ чему доброму не поведутъ.

Авганцы выѣхали около полуночи. Этотъ поздній часъ былъ избранъ для того, чтобы враждебные намъ люди не отбили ихъ, что̀ могло случиться при отправленіи ихъ днемъ. А на другой день я извинился передъ ханшей, что нашелъ себя вынужденнымъ нарушить въ ея домѣ права гостепріимства.

Слухъ объ арестованіи и высылкѣ авганскихъ эмиссаровъ быстро разошелся по Мерву и принесъ свою пользу. Первымъ его послѣдствіемъ было немедленное бѣгство изъ Мерва въ Іолатанъ другого, еще болѣе мутившаго населеніе, эмиссара Сіяхъ-Пуша съ его нѣсколькими приверженцами.

V.

Пребываніе у ханши.—Генгешъ и ультиматумъ.

Въ аулѣ Юсуфъ-хана, послѣ бесѣдъ съ его матерью, родственниками и приближенными, окончилась моя предварительная работа, — такъ сказать, зондированія настроенія и подготовки почвы. Теперь предстоялъ послѣдній рѣшительный шагъ, безъ котораго вся затѣя могла кончиться ничѣмъ.

Дѣло въ томъ, что многіе въ Мервѣ были запуганы возможностью нашествія русскихъ, и искренно желали отклонить эту грозу. Одни безкорыстно, другіе въ надеждѣ на вознагражденіе впослѣдствіи ихъ услугъ, обѣщали мнѣ свою поддержку и содѣйствіе. Но фактически никто въ этой странѣ не имѣлъ и тѣни власти; она всецѣло принадлежала самому народу. По старинному туркменскому обычаю, для рѣшенія такихъ важныхъ вопросовъ, какимъ въ данномъ случаѣ являлось принятіе или отклоненіе русскаго подданства, было необходимо постановленіе *генгеша*, т.-е. общаго собранія представителей народа. Только оно могло дать тотъ или другой отвѣтъ, имѣющій значеніе и силу. Къ нему я и рѣшился обратиться. Въ старину, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, генгешъ собирался на назначенное мѣсто по приглашенію одного изъ главарей народа. Такъ Коушутъ-ханъ трижды собиралъ генгешъ, который рѣшалъ переселеніе народа изъ Саракса въ Мервъ, возведеніе здѣсь огромной плотины на Мургабѣ и сооруженіе крѣпости.

Но послѣднія лѣтъ десять, благодаря наступившей въ странѣ анархіи, генгешъ уже не собирался никѣмъ, и, въ виду этого, меня затрудняли вопросы: гдѣ и какимъ способомъ собрать этотъ первообразъ парламента, да еще туркменскій?.. Было еще обстоятельство: я зналъ, что на генгешъ собирается до трехсотъ представителей, и каждый изъ нихъ пріѣзжаетъ съ двумя-тремя провожатыми. Нужно было принять всю эту ораву, поставить кибитки для ея размѣщенія и прокормить ее и сотни лошадей, по крайней мѣрѣ, три дня. Говорили, что это удовольствіе обходится въ нѣсколько тысячъ крановъ, которыхъ у меня тоже не было. „Какъ тутъ быть?“—ломалъ я свою голову, и съ этимъ вопросомъ обратился къ ханшѣ *Гюль-Джамалъ*, о которой не лишнее сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Какъ мнѣ разсказывали въ Мервѣ, Гюль-Джамалъ считалась въ молодости одною изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ своего пле-

мени, и, по оригинальному обычаю туркменъ награждать заслуги своихъ выдающихся людей, была выдана въ жены Нурверды-хану, по приговору народа, вмѣстѣ съ значительнымъ райономъ земли и съ цѣлымъ оросительнымъ каналомъ. Но она оказалась обладательницею не только красоты, но еще и замѣчательнаго ума, такта, доброты и щедрости, и, благодаря этому, овладѣла вскорѣ и волею своего мужа, и симпатіями народа настолько, что нерѣдко вліяла на рѣшеніе даже весьма важныхъ общественныхъ вопросовъ. Словомъ, Гюль-Джамалъ была тогда, въ прямомъ и переносномъ значеніи, самою состоятельною личностью Мерва. Нечего и говорить, что я жаждалъ склонить на свою сторону столь популярную текинку, и, разсчитывая на нее, я не ошибся.

Выслушавъ меня, она проговорила безъ колебанія:

— Въ интересахъ нашего народа и моихъ сыновей, я не разъ приносила и не такія жертвы... Я созову генгешъ отъ твоего имени и охотно приму на себя всѣ хлопоты и издержки по пріему, если только ты надѣешься на успѣхъ...

— Я увѣренъ, что Мервъ или послѣдуетъ моему доброму совѣту, или сдѣлается жертвою русскихъ пушекъ,—отвѣчалъ я, и затѣмъ деликатно намекнулъ ей, что, во всякомъ случаѣ, ея издержки будутъ оцѣнены.

Это было 28-го декабря 1883 года. Ханша въ тотъ же день разослала гонцовъ по всѣмъ направленіямъ, съ приглашеніемъ на генгешъ, а въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней шли у нея горячія приготовленія къ пріему сотенъ гостей. Изъ сосѣднихъ ауловъ свозили на верблюдахъ кибитки и устанавливали ихъ на ближайшей полянѣ. Рѣзали массу барановъ. Десятки туркменокъ пекли хлѣбъ, варили рисъ и т. п. Всѣмъ этимъ непосредственно распоряжалась сама Гюль-Джамалъ. Вездѣ былъ ея глазъ, вездѣ слышался ея голосъ—спокойный, но повелительный.

30-го декабря начались съѣздъ и угощеніе. Отъ говора и криковъ, топота и ржанья коней, непрерывнаго лая собакъ и неразлучныхъ съ туркменскими сборищами гортанныхъ пѣсенъ съ монотоннымъ рокотомъ балалайки, съ утра до поздней ночи стоялъ непрерывный звонъ во всемъ аулѣ ханши. А я въ это время, растянувшись на коврѣ или расхаживая по двору, обдумывалъ ультиматумъ, для предъявленія его, въ возможно внушительной формѣ, представителямъ Мерва.

Около десяти часовъ утра 1-го января 1884 года всѣ съѣхавшіеся ханы, кетхуды, ахсакалы всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскихъ текинцевъ, въ числѣ около трехсотъ человѣкъ, усѣлись огромнымъ

кольцомъ, на равнинѣ, за ауломъ ханши. За ними сплошной стѣной тѣснились двѣ-три тысячи любопытныхъ, а въ срединѣ круга былъ разостланъ для меня небольшой коврикъ.

Когда дали знать, что генгешъ готовъ и ожидаетъ меня, я направился къ нему въ сопровожденіи Пацо-Пліева, который остался внѣ круга. Войдя въ средину одинъ, я произнесъ громко по-туркменски:

— Привѣтъ вамъ, уважаемые ханы и представители мервскаго народа!

Затѣмъ, опустившись на коверъ, я продолжалъ такъ:

„Вы, собравшіеся здѣсь, представляете совѣтъ лучшихъ умовъ мервскаго народа. Сегодня рѣшится его судьба. Она—въ вашихъ рукахъ, потому что будетъ зависѣть отъ степени вашего благоразумія и осмотрительности. Приглашаю васъ, поэтому, выслушать меня съ должнымъ вниманіемъ. Отъ сильнѣйшаго государства въ мірѣ я уполномоченъ предъявить вамъ нѣчто чрезвычайное... Слушайте!

„На мнѣ лежатъ сегодня двѣ обязанности: первая, служебная,—исполнить приказаніе высшаго русскаго начальства; вторая, нравственная,—по долгу человѣка, и къ тому же—мусульманина, вашего единовѣрца, — дать вамъ добрый совѣтъ лично отъ себя... Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ русскіе завоевали Ахалъ. Въ теченіе этого времени никто не посягалъ на вашу независимость и вамъ была дана полная возможность жить мирно, въ качествѣ добрыхъ сосѣдей. Это было сдѣлано между прочимъ и потому, что Мервъ самъ по себѣ не представляетъ особаго соблазна, и величайшему въ мірѣ русскому государству совершенно безразлично, принадлежитъ ему этотъ край или нѣтъ. Но русскіе убѣдились за тѣ же три года, что жить мирно—не въ вашихъ привычкахъ... Безначаліе, распущенность и повальные грабежи ваши сдѣлали то, что съ вами не только не мыслимы обыкновенныя, торговыя и вообще сосѣдскія отношенія, но нѣтъ даже проѣзда для мирныхъ людей какъ по странѣ вашей, такъ и по сосѣдству. Вы привыкли имѣть дѣло съ слабыми персами и, несмотря на свѣжій еще геокъ-тепенскій урокъ, забыли, къ сожалѣнію, что русскіе—не персы. Ни одно солидное государство не потерпѣло бы подъ бокомъ у себя вашего образа жизни. Россіи и подавно нечего съ вами церемониться!.. И вотъ, насталъ моментъ, когда она считаетъ, что вы должны немедленно и безпрекословно сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя, или же приготовиться встрѣтить черезъ двѣ недѣли русскія войска. Итакъ, выбирайте: благоденствіе мирной жизни, или—безпощадная война,

которая, смѣю васъ увѣрить, можетъ стереть съ лица земли не только васъ, но и самое имя Мерва!..

„Теперь я забуду на минуту, что я русскій офицеръ, и буду говорить съ вами частнымъ образомъ, въ качествѣ вашего единовѣрца.

„Обсудивъ спокойно русское требованіе, вы можете принять его—или рѣшиться на войну. Скажу вамъ откровенно, что я лично и всѣ подобные мнѣ русскіе офицеры будемъ рады войнѣ. Война съ вами, при вашей численности и вашемъ оружіи, была бы для насъ только забавой, которая, однако, принесетъ многимъ славу, чины, ордена, деньги, словомъ — все, о чемъ мечтаетъ каждый русскій военный. Но вы — не русскіе офицеры, ваше положеніе иное, и совершенно различныя послѣдствія ожидаютъ васъ, смотря по тому, на что̀ вы рѣшитесь... Подумайте объ этомъ...

„Знаете ли вы, кто привелъ русскихъ въ глубь страны вашихъ собратьевъ, въ Асхабадъ? Я думаю, что не знаете, и потому разскажу вамъ:

„Русскимъ принадлежитъ, между прочими, и море Хазарское (Каспій). Многія сотни судовъ плаваютъ по этому морю, поддерживая торговлю между различными странами. Туркменскіе пираты съ Гасанъ-кули и Челикена стѣсняли свободу этой торговли, и, чтобы обезопасить ее, пришлось, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, занять Чагадамъ (Красноводскъ) и Чекишляръ. Текинцы Ахала сдѣлались тогда сосѣдями русскихъ, и вмѣсто того, чтобы жить по-сосѣдски, несмотря на всѣ увѣщанія русскихъ, не прекращали своихъ набѣговъ даже на самый Чагадамъ. Это безразсудное поведеніе ахалъ-текинцевъ вынудило русскихъ на военное вторженіе въ ихъ страну, окончившееся геокъ-тепенскимъ погромомъ. Одна половина ахальскаго населенія легла костьми, другая — лишилась всего имущества и впала въ нищету, отъ которой едва оправляется въ настоящее время... Что̀ же выиграли ахалъ-текинцы и не они ли привели русскихъ въ Асхабадъ?!.

„Къ сожалѣнію, вы послѣдовали примѣру вашихъ неразумныхъ братій, — вы вывели русскихъ изъ терпѣнія вашимъ аламанствомъ, и васъ ожидаетъ такая же судьба, если не образумитесь и не примете благоразумное рѣшеніе, пока есть время!.. Бухара, Хива и Коканъ были значительно сильнѣе васъ. Они также вынудили русскихъ взяться за оружіе. Вспомните, чѣмъ же кончилась борьба?!..

„Если васъ обуреваетъ такая степень помраченія разсудка, что вы не жалѣете лично себя, то подумайте о судьбѣ вашихъ неповинныхъ женъ, дѣтей и стариковъ, кровь которыхъ также

польется ручьями, ибо пушки бьютъ, не различая правыхъ и виноватыхъ... Религія наша запрещаетъ непосильную борьбу, и Богъ не проститъ вамъ пролитія невинной крови, которая будетъ лежать на вашей совѣсти, на совѣсти представителей и руководителей народа, если не приложите всѣхъ усилій для того, чтобы спасти народъ отъ грозящаго ему не только бѣдствія, но просто—истребленія...

„Я знаю, люди несвѣдущіе, а можетъ быть и недобросовѣстные, вселили въ васъ убѣжденіе, что русскіе, какъ гяуры, не терпятъ мусульманъ и силою обратятъ васъ въ христіанство. Не вѣрьте этому!.. Мусульманскія царства Казанское и Астраханское присоединены къ Россіи нѣсколько столѣтій тому назадъ, Крымъ — болѣе ста лѣтъ въ подданствѣ Россіи, а многія провинціи Кавказа—десятки лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, жители этихъ странъ и сегодня—мусульмане, и почище васъ!.. Отецъ мой,—посѣтившій Мекку и Медину,—служилъ сорокъ лѣтъ и дослужился до чина генерала; я служу двадцать лѣтъ. Мы оба, слава Богу, мусульмане, а подобныхъ намъ—почти четырнадцать милліоновъ у Бѣлаго царя... Нѣтъ, русскіе не преслѣдуютъ мусульманъ, имъ нѣтъ дѣла до религіи, они требуютъ только вѣрнаго подданства и добраго поведенія. Скажу болѣе, строгое соблюденіе правилъ всякой вѣры внушаетъ русскимъ только уваженіе...

„Для окончательнаго уясненія вамъ истины, скажу два слова и объ англичанахъ, такъ какъ знаю, что между вами есть люди, болтающіе объ Англіи...

„Въ какую бы страну ни направились русскіе, имъ постоянно приходится слышать, что мѣстное населеніе подстрекалось къ сопротивленію какимъ-нибудь англійскимъ эмиссаромъ, вводившимъ народъ въ заблужденіе щедрыми обѣщаніями денегъ, оружія и даже войска. Не вѣрьте такимъ людямъ. Обѣщанія ихъ всегда оказывались пустыми словами и ни разу не помѣшали русскимъ придти и силою оружія привести въ исполненіе свою угрозу. Такъ было со многими народами, и съ ахальскими текинцами въ томъ числѣ; такъ будетъ и съ вами,—если дадитесь въ обманъ.

„Еще недавно вы дали бывшему здѣсь О'Доновану, за вашими печатями, огромную бумагу о томъ, что согласны быть подданными Англіи. Почему же послѣ этого англичане не пришли и не водворили порядка между вами? Потому что, имѣя на шеѣ такую обузу, какъ Индія, хотя и съ обабившимися индусами, они не въ силахъ это сдѣлать. Откуда они придутъ къ вамъ, когда васъ окружаютъ земли, не принадлежащія Англіи? А откуда придутъ русскіе—вы очень хорошо знаете. Въ ожиданіи

вашего отвѣта, въ трехъ переходахъ отсюда, на Карры-бентѣ, стоятъ передовыя ихъ войска, за которыми повалитъ къ вамъ столько тысячъ, сколько царской душѣ будетъ угодно... Знайте это!

„О томъ, что интересы ваши и вашего народа требуютъ безпрекословнаго исполненія моего совѣта; что въ результатѣ его васъ ожидаютъ несравненно лучшія условія существованія, чѣмъ тѣ, которыми вы пользуетесь; а равно и о томъ, что нечего опасаться посягательства на вашу религію и обычаи,—я могъ бы говорить еще очень долго. Но я увѣренъ, что вы меня поняли, и потому, не распространяясь болѣе, ограничусь пожеланіемъ, чтобы Богъ вразумилъ васъ на доброе рѣшеніе и избавилъ вашъ народъ отъ грозящаго ему бѣдствія...

„Итакъ, подданство или—война?.. Я увѣренъ, что вопросъ этотъ уже рѣшенъ въ головѣ каждаго изъ васъ, и потому, для совѣщанія и передачи мнѣ отвѣта, даю вамъ полчаса времени. Каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ, я оставлю Мервъ съ чистою совѣстью, что съ своей стороны сдѣлалъ все для того, чтобы отвратить отъ васъ бѣдствія неравной борьбы".

Пока я говорилъ, въ кругу царило молчаніе; въ серьезныхъ лицахъ представителей и окружавшей толпы можно было читать только напряженное вниманіе и нѣкоторое впечатлѣніе. Но когда, окончивъ рѣчь, я поднялся съ мѣста, вдругъ со всѣхъ сторонъ раздались громкія восклицанія:

— *Баракялла* (спасибо)!!.

Это было хорошее предзнаменованіе.

— Переговорить съ каждымъ изъ васъ въ отдѣльности я не могу и не нахожу нужнымъ. Пусть каждый родъ уполномочитъ одного для передачи мнѣ отвѣта, и когда онъ будетъ готовъ, пусть дадутъ мнѣ знать!—крикнулъ я въ заключеніе и, выйдя изъ круга, направился въ свою кибитку.

Минутъ черезъ двадцать, которыя я прождалъ не безъ нѣкотораго колебанія между надеждой и сомнѣніемъ, мнѣ дали знать, что отвѣтъ готовъ. Я снова вошелъ въ *генгешъ* и занялъ свое мѣсто.

— Ну, кого вы избрали для передачи мнѣ отвѣта?

— Мехтемъ-Кули-хана! — послышались голоса съ разныхъ сторонъ.

Онъ сидѣлъ въ кругу, между представителями рода Векиль.

— Мехтемъ-Кули-ханъ, — обратился я къ нему, — въ чемъ состоитъ отвѣтъ мервскаго народа?

— Представители Мерва,—произнесъ онъ среди всеобщаго молчанія,—единогласно постановили принять подданство Бѣлаго царя...

Послѣдовала нѣкоторая пауза. Отвѣтъ точно свалилъ гору съ моихъ плечъ. Но, быстро совладавъ съ охватившимъ меня невольнымъ порывомъ радости, я спокойно прервалъ молчаніе:

— Теперь я вижу съ удовольствіемъ, что имѣлъ дѣло съ умными людьми. Потомство благословитъ васъ за это разумное рѣшеніе. *Баракялла*!.. Въ виду такого оборота дѣла я останусь въ Мервѣ еще три дня. Въ теченіе этого времени вы должны написать о вашемъ постановленіи просьбу на имя Бѣлаго царя, за подписями или печатями всѣхъ представителей народа; а также избрать депутацію изъ четырехъ родовыхъ хановъ и двадцати-четырехъ старшинъ (по одному отъ каждаго канала или отъ каждыхъ двухъ тысячъ кибитокъ) для представленія просьбы русскому генералу въ Асхабадѣ. Депутація эта пусть приготовится ѣхать со мною.

Этимъ кончились всѣ разговоры. Я вернулся въ свою кибитку, и черезъ часъ два джигита уже полетѣли на Карры-бентъ съ письмомъ къ полковнику Муратову.

„Поздравляю васъ, г. полковникъ,—писалъ я,—съ новымъ годомъ и съ новымъ славнымъ дѣломъ! Сегодня, въ полдень, ханы, представители всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскаго народа, собравшись на совѣщаніе въ числѣ около 300 человѣкъ и выслушавъ энергично имъ представленный ультиматумъ, единогласно постановили принять русское подданство и вручить свою судьбу Бѣлому царю. Черезъ три дня выѣду въ обратный путь съ прошеніемъ народа на Высочайшее имя и съ депутаціею, которая съ ханами, старшинами, почетными лицами и сопровождающими ихъ будетъ простираться, вѣроятно, до полутораста всадниковъ. Надѣюсь, что на Карры-бентѣ имъ будетъ оказанъ должный пріемъ... Итакъ, до скораго свиданія“!

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, ко мнѣ явился письмоводитель Майли-хана, молла Клычъ-Ніязъ, съ огромнымъ листомъ навощенной бухарской бумаги, на первой страницѣ которой крупными буквами было написано по-туркменски:

„Прославленному, Великому Бѣлому Царю, Высочайшему повелителю русскихъ и иныхъ народовъ, — да продлится его благоденствіе и могущество, да не изсякнетъ его милость и благоволеніе, да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха!

„Мы, ханы, старшины и уполномоченные представители всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскаго народа, собравшись сегодня [1]) на генгешъ и выслушавъ присланнаго къ намъ штабсъ-ротмистра

---

[1]) 1 января 1884 года.

Алиханова, единогласно постановили добровольно принять русское подданство. Отдавая себя, свой народъ и свою страну подъ мощную Твою руку, Великій Царь, повергаемъ передъ твоимъ трономъ просьбу сравнять насъ со всѣми подвластными Тебѣ народами, назначить надъ нами правителей и водворить между нами порядокъ, для чего, по Твоему велѣнію, мы готовы выставить нужное число вооруженныхъ конниковъ.

„Для поднесенія сего постановленія народныхъ представителей, нами уполномочены 4 хана и 24 старшины, каждый отъ двухъ тысячъ кибитокъ".

Этотъ документъ, хранящійся въ настоящее время въ государственномъ архивѣ, до поздней ночи покрывался затѣмъ печатями или подписями собравшихся на генгешъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней число этихъ подписей и приложеній увеличилось еще нѣсколькими сотнями, такъ какъ во время обратнаго нашего слѣдованія черезъ аулы всѣ сколько-нибудь знающіе текинцы, наперерывъ другъ передъ другомъ, просили моего разрѣшенія пріобщить и свое имя къ представителямъ народа.

На слѣдующій день мнѣ сообщили, что наканунѣ у Каракули-хана и Атаджанъ-бая также происходилъ генгешъ, имѣвшій цѣль совершенно противоположную моимъ стремленіямъ. Но эти господа ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. На ихъ призывъ отозвалось только десятка три ихъ сторонниковъ, и результатъ ограничился нѣсколькими съѣденными баранами...

Въ тотъ же день нарочный привезъ мнѣ отвѣтъ полковника Муратова на мое письмо, въ которомъ я выражалъ мысль о необходимости отозвать изъ Мерва хивинскаго „правителя" и, если возможно, нѣсколько приблизить къ оазису хотя бы двѣ сотни казаковъ, что̀ могло произвести извѣстное давленіе на генгешъ. Въ отвѣтѣ этомъ заключается, между прочимъ, слѣдующее:

„Совершенно согласенъ съ вами, что мое прибытіе къ озеру Карыбата принесло бы пользу дѣлу. Но я связанъ инструкціею командующаго войсками, которая не разрѣшаетъ мнѣ посылать даже сотню къ сторонѣ Мерва, далѣе одного перехода. А до Карыбата добрыхъ сто верстъ... Генералъ пишетъ, чтобы на высылкѣ Атаджана изъ Мерва не особенно настаивать, но требовать выдачи персюковъ послѣдняго плѣна. Онъ прибавляетъ къ этому, что съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстій о вашихъ дѣйствіяхъ. Пишите, ради Бога, чаще: мы всѣ истомились здѣсь въ ожиданіи вѣстей отъ васъ. Берегите себя и своихъ людей. Собираемся встрѣтить новый годъ пальбой всего отряда. Будемъ пить за ваше здоровье и успѣхъ вашего лихого предпріятія...

Посылаю вамъ № „Кавказа“, въ которомъ найдете подробности о смерти вашего предшественника по Мерву, ирландца О'Донована“...

Письмо это мнѣ снова напомнило о злополучныхъ персахъ, къ освобожденію которыхъ пока ничего не было сдѣлано. Теперь я заговорилъ о нихъ съ Мехтемъ-Кули-ханомъ и привелъ такіе аргументы.

Когда мы взяли Хиву, первое требованіе русскихъ заключалось въ томъ, чтобы немедленно были освобождены и отправлены на родину всѣ плѣнные персы. Это и было исполнено. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, когда русскія войска займутъ Мервъ, здѣсь повторится то же самое.

— Не попытаешься ли ты, — сказалъ я въ заключеніе, — объяснить это хозяевамъ персовъ, захваченныхъ въ послѣднее время, и вразумить ихъ, чтобы они сдѣлали теперь добровольно то, что неминуемо принуждены будутъ исполнить черезъ нѣсколько недѣль?.. Если это удастся, — ты доставишь большое удовольствіе нашему генералу.

Попытка, которую охотно теперь принялъ на себя Мехтемъ-Кули-ханъ, была весьма успѣшна. Изъ числа плѣнныхъ трое оказались уже отправленными въ Бухару на продажу, а съ остальными одиннадцатью освобожденными женщинами, дѣтьми и стариками, Мехтемъ-Кули-ханъ, черезъ нѣсколько дней, догналъ меня въ аулѣ Топазъ.

VI.

Возвращеніе. — Свиданіе съ губернаторомъ Саракса. — Прибытіе въ Асхабадъ и присяга мервской депутаціи.

Мы выѣхали изъ аула Гюль-Джамалъ-бай утромъ 4 января. Въ теченіе этого и слѣдующаго дня къ намъ постепенно присоединялись изъ попутныхъ ауловъ назначенные въ депутацію ханы и старшины съ ихъ сопровождающими, такъ что къ прибытію на окраину оазиса, въ аулъ Топазъ, движеніе наше представляло большой и характерный туркменскій кортежъ, на превосходныхъ коняхъ, простиравшійся, вмѣстѣ съ нашими казаками и джигитами, до 200 всадниковъ.

Въ этомъ же аулѣ я получилъ съ нарочными второе письмо полковника Муратова, отъ 3 января, рисующее впечатлѣніе, произведенное въ Карры-бентѣ моимъ сообщеніемъ отъ 1 января. Вотъ оно дословно:

„Сегодня, въ пять часовъ пополудни, прискакали ваши посланные съ извѣстіемъ... просто ошеломляющимъ! Пробѣжавъ ваше письмо, я, не помня себя отъ радости, безъ шапки выскочилъ изъ кибитки и началъ кричать: „Сюда, сюда, господа!“... Черезъ нѣсколько секундъ, не только „господа“, но весь лагерь сбѣжался ко мнѣ, точно по тревогѣ. Едва я успѣлъ, потрясая въ рукѣ ваше письмо, крикнуть:—„Поздравляю, господа, поздравляю, братцы: Мервъ у ногъ государя!“—какъ вдругъ вся эта масса людей разразилась долго неумолкавшимъ, оглушительнымъ „ура!“ и въ воздухъ полетѣли всѣ шапки... Отрядъ, словомъ, въ неописуемомъ восторгѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой сцены, я отправилъ ваше письмо командующему войсками, прибавивъ съ своей стороны только одно: „Мервъ у ногъ Его Императорскаго Величества“. Джигитамъ, отправленнымъ съ письмомъ, приказалъ быть завтра вечеромъ въ Асхабадѣ, во что̀ бы то ни стало. Думаю, что самъ генералъ прискачетъ сюда... Что̀ же еще сказать вамъ? Я не нахожу словъ, которыя могли бы выразить мою искреннюю благодарность. Дай Богъ, чтобы и дальше все шло такъ же гигантски хорошо!.. Весь отрядъ вамъ кланяется, а я жажду обнять васъ и съ нетерпѣніемъ жду вашего возвращенія съ представителями Мерва. Мехтемъ-Кули-хану и Пацо-Пліеву шлю мой сердечный поклонъ, а вамъ—„вдовушку“ Редереръ. Весь вашъ, А. Муратовъ“.

Три дня на пути къ Карры-бенту прошли незамѣтно. Общее настроеніе было радужное; смѣхъ и говоръ не умолкали ни на минуту. Но на послѣднемъ ночлегѣ судьба вздумала посмѣяться надъ нами. Случилось нѣчто траги-комичное, которое, однако, было настолько близко отъ серьезной катастрофы, что, при нѣсколько иномъ исходѣ, могло потребовать, по меньшей мѣрѣ, новой поѣздки въ Мервъ, что̀ отдалило бы недѣли на двѣ наше прибытіе къ отряду. Случилось вотъ что̀.

Послѣдній ночлегъ, передъ Карры-бентомъ, мы имѣли около развалинъ Геокъ-Сююръ, въ открытой степи, кое-гдѣ поросшей мелкимъ кустарникомъ. Переходъ былъ большой въ этотъ день; къ ночлегу прибыли поздно, да еще предстояло выступленіе на разсвѣтѣ. Поэтому утомленные казаки быстро стреножили своихъ коней; туркмены, по обыкновенію, привязали своихъ къ желѣзнымъ кольямъ, вбитымъ въ землю; и тѣ, и другіе, разбившись на группы вокругъ костровъ, на̀скоро поужинали и повалились спать. То же самое сдѣлали и мы, оставивъ бодрствовать у костровъ только нѣсколько человѣкъ...

Прошелъ какой-нибудь часъ послѣ наступившаго на нашемъ

бивакѣ затишья, какъ вдругъ точно дрогнула и загудѣла земля. Вслѣдъ затѣмъ мгновенно раздались трескъ, ржанье коней и крики всполошившихся людей... Едва успѣлъ я вскочить на ноги и инстинктивно кинуться въ сторону, какъ, подобно сокрушительному урагану, пронеслась мимо, разметая костры, добрая сотня испуганныхъ коней... Съ четверть часа на бивакѣ царилъ адъ кромѣшный... Но, вотъ, многихъ лошадей переловили, за другими поскакали конные, люди начали успокоиваться.

— Что̀ случилось?!—обращаюсь въ недоумѣніи къ казакамъ и туркменамъ.

Изъ ихъ объясненій оказалось, что недалеко отъ лошадей внезапно раздалось какое-то грозное звѣриное рычаніе, какъ увѣряли туркмены, барса или тигра, которые довольно часто встрѣчаются въ густыхъ прибрежныхъ камышахъ Теджена. Это и было причиной паники лошадей, послѣдствія которой ограничились, къ счастью, пятью-шестью изрядно, однако, помятыми туркменами... Обойдя этихъ послѣднихъ и побывавъ у казаковъ, я вернулся къ своему истоптанному и разбросанному ложу съ сѣдломъ у изголовья, и тутъ только спохватился, что ни въ карманѣ пальто, ни около кошмы, на которой я лежалъ, нѣтъ моего дневника, а главное—прошенія мервцевъ на Высочайшее имя, почти съ тысячью печатей и подписей. „А что̀, думаю, если оно не отыщется или найдется въ изуродованномъ видѣ, что̀ легко могло случиться подъ ногами людей и лошадей во время общей суматохи“?.. Меня бросило въ жаръ. Цѣлые часы поисковъ, которыми занимались почти всѣ, такъ какъ было обѣщано 25 руб. нашедшему, оказывались тщетными. И только на разсвѣтѣ бумаги, наконецъ, были найдены и, къ моему восторгу, безъ всякихъ поврежденій...

Радушный пріемъ, ожидавшій насъ въ Карры-бентѣ, составилъ цѣлое празднество. Разспросамъ и разсказамъ не было конца.

— Знаете ли, какъ было встрѣчено въ Асхабадѣ мое донесеніе о принятіи мервцами русскаго подданства?—между прочимъ, спрашиваетъ меня полковникъ Муратовъ.

— Не знаю,—говорю,—но очень интересно...

— Командующій войсками не повѣрилъ!.. Какъ мнѣ пишутъ, онъ воскликнулъ: „Какое тамъ присоединеніе!.. Пускай выдадутъ сначала плѣнныхъ“... Тѣмъ лучше,—прибавилъ полковникъ,—значитъ, совершился фактъ, казавшійся настолько невозможнымъ, что и вѣрить не хотятъ... Теперь надо послать генералу болѣе или менѣе обстоятельное донесеніе, какъ все это случилось, и извѣстить его о прибытіи мервской депутаціи. Затѣмъ, до на-

шего выѣзда въ Асхабадъ, мнѣ хотѣлось бы выполнить и последнее, недавно полученное, приказаніе генерала. Но я не знаю, какъ быть съ этимъ... Онъ пишетъ, чтобы я командировалъ на рекогносцировку Саракса подполковника Закржевскаго, а онъ, бѣдный, боленъ...

— Составленіе и переписка обстоятельнаго донесенія потребуютъ нѣсколькихъ дней,—отвѣтилъ я.—Не лучше ли будетъ, вмѣсто этого, при донесеніи о прибытіи депутаціи, отправить мой дневникъ, въ которомъ все изложено шагъ за шагомъ?.. А эти нѣсколько дней я охотно употребилъ бы на интересную поѣздку въ Сараксъ, если, конечно, Закржевскій ничего не будетъ имѣть противъ этого.

— И прекрасно!—воскликнулъ Муратовъ.—Быть по сему!

„По сему“ мы и поступили. Дневникъ въ тотъ же день полетѣлъ съ нарочными въ Асхабадъ, а рано утромъ слѣдующаго дня, съ Мехтемъ-Кули-ханомъ, съ Пацо-Пліевымъ и двумя десятками казаковъ и джигитовъ, я выѣхалъ въ Сараксъ. Все 225-верстное разстояніе туда по лѣвому берегу Теджена, и обратно—по правому, мы проѣхали въ четыре дня, и большею частью подъ проливнымъ дождемъ; а одинъ день провели въ Сараксѣ въ гостяхъ у персидскаго губернатора, Али-Марданъ-хана, который принялъ насъ чрезвычайно любезно.

О результатѣ этой поѣздки, въ смыслѣ рекогносцировки, я поведу рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ, посвященныхъ занятію нами Саракса. Здѣсь же передамъ только разговоръ съ персидскимъ губернаторомъ, по поводу рѣшенія мервцевъ принять русское подданство.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и взаимныхъ разспросовъ о здоровьи, когда, опустившись на ковры, мы принялись за неизбѣжные въ Персіи кофе и кальяны, губернаторъ Саракса обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы тотъ самый Али-ханъ, который недавно ѣздилъ въ Мервъ?

Я, молча, кивнулъ головой.

— Я знаю, мервцы вамъ дали бумагу, что принимаютъ русское подданство. Но придаете ли вы серьезное значеніе этой бумагѣ?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ, я прочту вамъ то, чтò пишетъ мнѣ изъ Мерва одинъ изъ моихъ тайныхъ агентовъ.

Съ этими словами ханъ досталъ изъ-подъ тюфячка, на которомъ сидѣлъ, исписанный по-туркменски листъ бумаги и почти съ иронической улыбкой прочелъ изъ него слѣдующій отрывокъ:

„Сегодня выѣхалъ отсюда пріѣзжавшій изъ Асхабада и пробывшій здѣсь двѣ-три недѣли русскій „саибъ-мансабъ“ [1]) Алиханъ. Люди, чающіе что-либо получить за это, выдали ему бумагу, что нашъ народъ принимаетъ подданство Бѣлаго Царя. Народъ же, конечно, только смѣется надъ этимъ. Подобныя же бумаги мы не разъ давали пріѣзжавшимъ къ намъ изъ Ирана, Авганистана и даже Англіи, и готовы дать еще кому угодно“...

— Если подобныя бумаги, выданныя пріѣзжимъ изъ разныхъ странъ, — произнесъ я, подчеркивая каждое слово, — остались только *бумагами*, то, значитъ, повелители этихъ странъ были не въ силахъ ими воспользоваться. Русскій государь не таковъ. Онъ не позволитъ съ собою шутить!..

— Подождемъ, увидимъ, — отвѣтилъ ханъ.

— Могу васъ увѣрить, — заключилъ я, — что если не увидите, то услышите, что я правъ, и гораздо ранѣе, чѣмъ вы думаете...

Вернувшись черезъ два дня послѣ этого разговора въ Каррыбентъ, мы съ полковникомъ Муратовымъ и съ мервскою депутаціею выѣхали на слѣдующій день въ Асхабадъ, куда прибыли въ полдень 22 января.

О пріемѣ депутаціи въ Асхабадѣ и говорить нечего. Въ теченіе двадцатидневнаго пребыванія ее здѣсь чуть не на рукахъ носили...

Почти двѣ недѣли тянулись телеграфныя сношенія генерала Комарова съ Тифлисомъ и Петербургомъ. Въ первыхъ числахъ февраля были, наконецъ, получены разрѣшенія и приказы по разнымъ представленіямъ, а затѣмъ послѣдовалъ оффиціальный пріемъ депутаціи, происходившій въ домѣ начальника области.

Здѣсь, 6 февраля, въ большой залъ, гдѣ уже стояли въ парадныхъ мундирахъ всѣ мѣстныя военныя и гражданскія власти, были введены представители Мерва. Впереди нихъ сталъ почтенный сѣдобородый старикъ Дурды-Ніязъ, имѣя въ рукахъ обернутую въ золотую парчу просьбу на имя государя. Онъ вручилъ этотъ документъ вскорѣ вошедшему въ залъ генералу Комарову съ словами:

— Вотъ просьба, которую нашъ мервскій народъ повергаетъ къ стопамъ Бѣлаго Царя.

Генералъ развернулъ парчу и передалъ заключавшійся въ ней огромный бухарскій листъ переводчику, который громко

---

[1]) Чиновникъ, офицеръ.

прочелъ сперва туркменскій текстъ, а потомъ и русскій переводъ его.

— По Высочайшему повелѣнію Государя Императора я принимаю вашу просьбу, —отвѣтилъ генералъ по окончаніи чтенія.— Отнынѣ вы и вашъ народъ—подданные Бѣлаго Царя. Поздравляю васъ!

Затѣмъ, объяснивъ въ краткой рѣчи обязанности новыхъ подданныхъ и ихъ будущее устройство, генералъ высказалъ надежды и пожеланія, и въ заключеніе объявилъ, указывая на меня, что я назначенъ начальникомъ мервскаго округа, что ко мнѣ должны обращаться они по всѣмъ своимъ дѣламъ и безпрекословно исполнять мои приказанія.

Послѣ этого выступилъ впередъ туркменскій мулла съ кораномъ, и началась процедура приведенія къ присягѣ депутаціи, по окончаніи которой генералъ объявилъ о Высочайшемъ пожалованіи Сары-Батыръ-хану, Майли-хану, Мурадъ-хану и шестнадцатилѣтнему сыну Гюль-Джамалъ, Юсуфъ-хану, чиновъ капитана милиціи, а остальнымъ членамъ депутаціи—золотыя медали на шею и почетные халаты, которые тутъ же и были на нихъ возложены. Этимъ кончился пріемъ, и депутація удалилась. Меня же генералъ пригласилъ въ кабинетъ.

— Теперь намъ остается занять Мервъ войсками,—началъ онъ.—Какъ вы полагаете, какой отрядъ понадобится для этого?

— Ожидать какого-либо сопротивленія со стороны мервцевъ,—отвѣчалъ я,—не вижу никакого основанія. Тѣмъ не менѣе, въ виду триста-пятидесятиверстнаго разстоянія, отдѣляющаго Асхабадъ отъ Мерва, бросить туда какую-нибудь роту или сотню, значило бы представить соблазнъ для неспокойнаго элемента, который можетъ оказаться и въ Мервѣ. Поэтому каррыбентскій отрядъ, состоящій ихъ 4-хъ ротъ, 2-хъ сотенъ и 2-хъ орудій, я считаю не только достаточнымъ для расположенія въ Мервѣ, но еще и способнымъ удержать его населеніе отъ всякаго соблазна...

— Вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ,—продолжалъ генералъ.— Значитъ, мы сдѣлаемъ такъ: вы съ депутаціею выѣдете отсюда дня черезъ два-три и подождете въ Карры-бентѣ моего прибытія. Дальнѣйшее движеніе мы рѣшимъ тамъ, на мѣстѣ.

Такъ и было сдѣлано. 9-го февраля полковникъ Муратовъ выѣхалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о послѣднихъ событіяхъ, а я съ депутаціею—въ Карры-бентъ. Сюда же, черезъ три дня послѣ насъ, прибылъ командующій войсками. Онъ поздравилъ отрядъ съ предстоящимъ ему на дняхъ походомъ въ Мервъ, а

представителямъ теджснскаго населенія объявилъ о назначеніи ихъ начальникомъ маіора Мехтемъ-Кули-хана. Мнѣ въ тотъ же день вечеромъ генералъ сообщилъ слѣдующее:

— Я намѣренъ выступить отсюда съ отрядомъ 25-го февраля, значитъ—черезъ три дня. А вамъ нужно будетъ выѣхать съ депутаціею въ Мервъ, если можно, завтра же, съ тѣмъ, чтобы вы успѣли собрать наиболѣе почетныхъ людей страны и съ ними встрѣтить меня на одномъ переходѣ до вступленія въ оазисъ. Успѣете это устроить?

— Вѣроятно, не встрѣчу къ этому препятствія.

— Рано вы думаете выѣхать?

— По обыкновенію, съ разсвѣтомъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, покойной ночи и счастливаго пути!—пожелалъ генералъ, и мы разстались...

М. Алихановъ-Аварскій.

МАТЬ И ДОЧЬ

ПОВѢСТЬ.

— Няня, пожалуйста, не раскачивайте такъ сильно!—робко, просительнымъ тономъ сказала молодая барыня, сидя у стола за шитьемъ дѣтской кофточки и глядя, какъ пожилая толстая няня трясла крошечную дѣвочку, сопровождая это движеніе громкимъ шиканьемъ, которое все-таки не могло покрыть звонкаго, отчаяннаго плача ребенка.

— А что же я съ ней подѣлаю? Видите, какъ надрывается!—грубовато отвѣчала няня, не прекращая своихъ движеній.

Молодая мать бросила работу и подошла къ дѣвочкѣ. Выпучивъ глазки, раскрывъ ротикъ, она кричала такъ, что все личико ея побагровѣло отъ натуги. И это продолжалось уже цѣлый часъ почти безъ перерыва. Даже когда она на минуту стихала, въ ушахъ все еще звенѣлъ этотъ ужасный крикъ, надрывавшій сердце матери.

— Попробуйте, няня, дать ей бутылочку,—можетъ быть, она голодна?

— Да ужъ давала нѣсколько разъ,—и губъ не сжимаетъ... Видать, что внутрѣ болитъ... Этакъ мучить ребенка,—давно бы доктора надоть!—проворчала няня.

Молодая женщина покраснѣла такъ сильно, что слезы выступили у нея на глазахъ.

Ахъ, развѣ она сама не знаетъ, что надо бы позвать доктора! Но въ домѣ нѣтъ даже рубля, и все, что можно было заложить, — уже заложено. Остается одно — послать мамѣ записку,—попросить у нея денегъ, но... это самое, самое худшее...

Дѣвочка какъ разъ въ эту минуту затихла и чутко дремала, открывъ ротикъ...

Вдругъ въ передней рѣзко дернули звонокъ. Дѣвочка испуганно встрепенулась, сморщила личико и снова залилась обиженнымъ плачемъ.

— Экъ трезвонятъ!—съ сердцемъ сказала няня.—Ребенка только напугали!—и она зашикала еще громче, унося дѣвочку въ дальнюю комнату.

— Дома барыня? — спрашивалъ женскій голосъ.

Молодая женщина бросилась въ переднюю.

— Мамочка, это ты?—радостно воскликнула она.

— Да, я... Ты не идешь, такъ надо хоть мнѣ придти!—послышался натянутый, недовольный отвѣтъ.

Дочь ничего не возразила и, пропустивъ мать, прошла за нею въ маленькую гостиную.

Глядя на нихъ обѣихъ рядомъ, трудно было предположить, что это мать и дочь.

Мать была высокая, цвѣтущая на видъ женщина, темноволосая, съ крупными выразительными чертами лица. На ней было простое, но отлично сшитое коричневое платье изъ дорогой матеріи.

Рядомъ съ ней худощавая, хрупкая фигурка дочери казалась еще тоньше, еще воздушнѣе. Бѣлокурые густые волосы безпорядочными прядями выбивались изъ-подъ прически и свѣшивались на лобъ; глаза казались больше и темнѣе отъ черной тѣни, окаймлявшей ихъ, и все лицо, съ правильными, тонкими чертами, поражало своей нездоровой блѣдностью и печальнымъ выраженіемъ глазъ.

— Что это у васъ Аня-то какъ кричитъ?—спросила мать, направляясь на крикъ ребенка.—Няня, подите сюда!—позвала она властнымъ тономъ старой барыни.

Няня подошла, почтительно кланяясь. Опытной рукой бабушка провела по лицу и головкѣ ребенка, щупая, нѣтъ ли жара, потрогала животикъ и рѣшила безапелляціонно:

— Пустяки... Жару никакого... Просто колики!

— Ахъ, мама,—съ облегченіемъ вздохнула дочь.—А я вѣдь страшно испугалась... И няня тоже говорила, что надо доктора!..

— Ну, и послала бы для своего успокоенія... Я, бывало, всегда такъ считала: всякій визитъ доктора—урокъ матери... И никогда не жалѣла звать. Зато потомъ такъ напрактиковалась, что всегда первая опредѣляла ваши болѣзни... Слушайте, няня, вы поставьте-ка ей компресикъ,—съумѣете?

— Съумѣю, барыня, — съ готовностью отозвалась няня и, передавъ ребенка бабушкѣ, ушла въ дѣтскую приготовлять компрессъ.

Бабушка, осторожно приподнявъ дѣвочку торчкомъ и прижавъ грудкой къ своей груди, мѣрно заходила по комнатѣ, чуть-чуть раскачиваясь корпусомъ впередъ и назадъ.

Меньше чѣмъ черезъ десять минутъ ребенокъ затихъ, и она передала его вошедшей нянѣ.

— Держите вотъ такъ, въ этомъ положеніи ему легче при коликахъ; а если заснетъ, то и не тормошите,—сномъ и пройдетъ.

— Мамочка, да ты просто — волшебница! — съ благодарностью сказала дочь:—пришла, и все какъ рукой сняло... Ну, что же, ты напьешься со мной чайку—да?

— А мужъ гдѣ? — чуть нахмуривъ брови, спросила бабушка.

— Ушелъ сегодня на весь вечеръ... „Аиду" ставятъ съ перемѣннымъ составомъ... Ему надо послушать.

— А что же тебя-то не взялъ? Что-жъ, ты и будешь всю жизнь домъ сторожить?—съ внезапнымъ приливомъ раздраженія замѣтила мать.

— Ахъ, мама,—сдерживаясь, отвѣчала дочь:—да вѣдь у каждаго свое дѣло. Неужели я брошу больного ребенка и уйду въ театръ? Точно я не успѣю сходить еще сто разъ, когда только захочу...

Мать кивнула головой съ такимъ видомъ, точно хотѣла сказать:

— Жди, когда тебя еще возьмутъ!

Но дочь, поспѣшно переходя на нейтральную почву, сказала съ улыбкой одобренія, разглядывая мать:

— У тебя новое платье, мама?—Очень мило, съ большимъ вкусомъ... Иванова шила?

— Да,—нехотя отвѣтила мать и, въ упоръ глядя на дочь, сказала строго:

— А ты вотъ, я вижу, совсѣмъ распустилась! — Съ утра до вечера въ капотѣ, волосы растрепаны...

— Ужасъ какъ некогда, мама,—оправдывалась дочь.—Ну, право же, — переодѣться некогда, да и не къ чему... Сегодня няня цѣлый день стирала, я была одна съ дѣтьми... Санька капризничала невозможно,—просилась гулять, а не съ кѣмъ было Аню оставить...

— А мужъ?

— Его сегодня цѣлый день не было дома... Утромъ репе-

тиція, а потомъ у директора обѣдъ, всѣ артисты приглашены, оттуда опять въ театръ... Такъ ты, мамочка, не торопишься?— Я сейчасъ распоряжусь насчетъ самовара.

Оставшись одна, мать осмотрѣла неодобрительнымъ взглядомъ гостиную съ безпорядочно сдвинутою въ одну кучу мягкой мебелью и разбросанными по полу и по столамъ игрушками.

„У меня было четверо дѣтей,—однако, я никогда не помню у себя такого безпорядка, — подумала она.—Положимъ, у меня была кромѣ няни еще подняня... Да мужъ берегъ меня не такъ, какъ Игорь Вячеславовичъ—мою Соню",—и она глубоко вздохнула.

Соня поспѣшно вернулась въ гостиную.

— Я такъ рада, мамочка, что ты пришла, — сказала она, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ, садясь возлѣ матери.

Тронутая этимъ дружескимъ тономъ, мать притянула ее къ себѣ и крѣпко поцѣловала.

— Видишь ли, Сонечка, я потому пришла къ тебѣ сегодня, что завтра съ утра уѣзжаю въ Царское, къ Вѣрочкѣ; она меня уже давно звала на весь день къ себѣ на именины, такъ что мнѣ не придется поздравить тебя.

Съ этими словами она вынула изъ кармана небольшую вещицу, завернутую въ тонкую бумажку, и положила ее на столъ передъ дочерью.

— Вотъ это тебѣ отъ меня...

Соня, недоумѣвая, развернула бумажку, вынула футляръ и открыла его.

На синемъ бархатѣ красиво выдѣлялся массивный браслетъ матоваго золота съ крупнымъ жемчугомъ.

— Ахъ, какая прелесть!—вскрикнула она съ дѣтскимъ восторгомъ и потянулась къ матери, но та чуть-чуть отстранила ее.

— Только, Соня, обѣщай мнѣ, что ты ее никогда не заложишь,—выговорила она съ суровымъ и жесткимъ выраженіемъ лица.

Дочь покачала головой и отодвинула футляръ съ браслетомъ.

— Я не могу дать такого обѣщанія, — печально возразила она. — Неужели, когда намъ нечего будетъ ѣсть, и неоткуда будетъ взять денегъ, я буду сидѣть и любоваться этимъ браслетомъ?..

— А, вотъ какъ!..—съ возрастающимъ гнѣвомъ подхватила мать.—Бываютъ дни, когда вамъ нечего ѣсть? Но какъ же это такъ? Почему вы не разсчитываете? Вѣдь твой мужъ получаетъ 150 р., да я тебѣ постоянно даю то на то, то на другое...

— Я плохая хозяйка, мама; вѣдь никто меня не училъ этому,—съ горечью возразила дочь.—Другая на моемъ мѣстѣ съумѣла бы отлично устроиться, а у насъ не хватаетъ, и я въ этомъ невиновата,—мнѣ нужно всему учиться съ азбуки; а какъ я ни стараюсь выучиться—постоянно встрѣчаются такія вещи, о которыхъ я не имѣю понятія, и меня обманываютъ.

— Да вѣдь всѣ такъ...—начала-было мать и замолчала.

Сама она прошла эту трудную, быть можетъ, самую трудную для небогатой женщины науку устройства своего гнѣзда подъ руководствомъ своей матери, вдовы, жившей на небольшую пенсію отъ мужа и постоянно приходившей къ ней на помощь.

— Но вы тратите безъ толку!—заговорила она сердито.—Мужъ твой постоянно катается на извозчикахъ, а ты экономишь даже на конку и бѣгаешь во мнѣ пѣшкомъ! Я недавно дала тебѣ десять рублей на сапоги,—купила ты себѣ?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчала дочь.—У Игоря не было калошъ,—онъ промочилъ себѣ ноги; потомъ Санѣ купила сапожки; остальныя понадобились на хозяйство.

— Опять Игорь! Да вѣдь это пропасть какая-то! Хочешь тебѣ что-нибудь сдѣлать,—дѣлаешь Игорю, а ты вѣчно ходишь оборванная...

— Игорю нужнѣе; я дома, меня никто не видитъ,—возразила дочь.

— Но почему же ты дома, скажи на милость? Почему для тебя кончена вся жизнь и всѣ свѣтскія отношенія?

— Мама, пойми, что прежде всего надо Игорю выбиться на дорогу, тогда и намъ будетъ хорошо... Мое время не ушло... Я иногда и хотѣла бы уйти, да боюсь оставить дѣтей на прислугу; я ихъ не знаю, недавно обѣ живутъ... Къ вамъ я прихожу, когда Игорь—дома.

— Значитъ, пока твой Игорь выбьется изъ болота на дорогу, ты будешь бревномъ, по которому онъ пройдетъ черезъ трясину?

— Ахъ, мама!..

— Ну, что „мама"? Неправда, что-ли? Почему твоему Игорю надо выбиться изъ трясины, а тебѣ потонуть въ *ней*? Скажи— почему? Ну, погляди на себя! Такой ли я отдавала тебя замужъ? Правда, ты всегда была хрупкая, слабая, но мы тебя берегли, у тебя былъ свѣжій, здоровый видъ, а теперь...

Она взглянула на дочь, и вдругъ губы ея задрожали, по лицу прошла судорога, и съ тихимъ, горькимъ всхлипываніемъ она закрыла руками лицо.

— Мамочка!—съ крикомъ бросилась къ ней дочь, и, смѣшивая слезы, онѣ обнялись въ порывѣ глубокой нѣжности и жалости.

Мать оправилась первая.

— Вотъ и правъ былъ твой отецъ, когда не далъ тебѣ приданаго,—заговорила она снова. — Я знаю, что̀ бы ты съ нимъ сдѣлала... Ты повезла бы своего Игоря въ Италію, тамъ онъ прожилъ бы твои деньги, а потомъ—почему ты знаешь, что онъ не увлекся бы какой-нибудь актрисой, и не отправилъ бы тебя съ дѣтьми домой къ родителямъ?

— Мама, ты не знаешь Игоря, потому такъ и говоришь... Онъ хорошій, честный человѣкъ и любитъ насъ...

— Ты хорошая и честная женщина, за это я могу поручиться, потому что знаю тебя; но каковъ твой мужъ, я не знаю; вижу только, что у него на первомъ планѣ—онъ самъ, будущій геній Игорь Вячеславовичъ Свѣтловъ, а ты — его покорная слуга.

— Послушай, мама, неужели, когда ты вышла замужъ, ты думала прежде всего о себѣ, а не о мужѣ и дѣтяхъ?

— Нѣтъ, я думала о немъ, а онъ думалъ обо мнѣ... У васъ же какъ-то такъ выходитъ, что и ты думаешь только о немъ, и онъ—только о себѣ. Кто же подумаетъ о тебѣ?

Дочь молчала. Ей вспомнилась мать, какой она была до ея замужества. Была ли какая-нибудь жертва, которую она не принесла бы младшей, любимой своей дочери?

Вспомнилось дѣтство, ласки матери, ея заботы и баловство, и частыя болѣзни, когда мать превращалась въ безсмѣнную сестру милосердія, терпѣливо сносившую всѣ капризы слабой, невыносливой и избалованной дѣвочки...

— Какъ странно, мама!—сказала она задумчиво:—съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ, я какъ будто перестала быть вашей дочерью. Прежде ты меня просто любила и дѣлала для меня все, что̀ могла; теперь ты не сдѣлаешь шага безъ того, чтобы не посчитаться... Не лишнее ли это? А папа такъ просто и знать меня не хочетъ... Худо ли мнѣ, хорошо ли,—я во всемъ виновата, и ему нѣтъ до меня дѣла. Но, мама, справедливо ли это? Развѣ я сдѣлала дурное, выйдя замужъ за человѣка, котораго полюбила, не считаясь съ тѣмъ, какую онъ мнѣ дастъ жизнь? Развѣ я стала хуже съ тѣхъ поръ, какъ перестала считать себя центромъ всего міра и научилась думать о другомъ человѣкѣ? Ты постоянно говоришь о томъ, что ты мнѣ помогаешь... Но почему бы тебѣ и не помочь мнѣ? Вѣдь ты мнѣ даешь лишнее,

то, на что я всегда имѣла право, живя у васъ. Вспомни, сколько стóили мои платья, мои выѣзды, уроки музыки, пѣнія, рисованія?

— Но ты была у насъ, ты была наша! — съ волненіемъ перебила ее мать. — Теперь ты чужая. Ты насъ любила, ты намъ вѣрила; но пришелъ твой Игорь и сказалъ тебѣ, что мы дурные, и что жизнь наша глупая и дурная, — и ты повѣрила ему и пошла за нимъ. Развѣ я не чувствую перемѣны въ тебѣ?

— Неправда! — горячо возразила дочь. — Я васъ люблю попрежнему; но когда я ушла отъ васъ, я поняла, что вы любили меня *только для себя*. Когда же я перестала быть членомъ вашей семьи, вашего дома, я стала вамъ ненужна.

— Ты думаешь, что всему виной замужество, — но посмотри же, вотъ твоя сестра Вѣрочка...

— Ахъ, Вѣрочка, — протянула Соня, — это другое дѣло... Ея бракомъ вы гордитесь, она вамъ не доставляетъ никакихъ заботъ, — только удовольствіе. У нея такъ все красиво, богато, изящно... Но... развѣ любятъ только здоровыхъ дѣтей? Развѣ больныя не заслуживаютъ еще большей любви?

Мать не успѣла возразить на это, потому что вошла кухарка съ подносомъ и стала приготовлять чай.

Отъ зоркаго взгляда старшей женщины не укрылось отсутствіе щипчиковъ и замѣна серебряныхъ ложечекъ мельхіоровыми.

„Все, все идетъ въ эту пропасть! — съ тоской думала мать. — Ему цвѣты, успѣхи, аплодисменты, ей — возня съ хозяйствомъ, съ дѣтьми, съ прислугой, и вѣчная какая-то хроническая нужда... Кто заткнетъ эту дыру“?

На блюдечкѣ лежалъ кусочекъ лимона, въ сухарницѣ — нѣсколько булокъ. Кухарка принесла, очевидно, только-что купленное масло къ столу и дешеваго сыра.

„Ахъ, Соня, Соня! Была бы она теперь дома, наставила бы я ей полный столъ всякой всячины; навѣрное, она давно уже не ѣла ничего вкуснаго; Богъ знаетъ еще — питается ли досыта“?

И чѣмъ больше она жалѣла дочь, тѣмъ сильнѣе ненавидѣла того, кто взялъ отъ нихъ ихъ любимицу и баловницу, очевидно, разсчитывая на ея приданое, а когда разсчетъ не удался, — заставилъ ее служить себѣ, сдѣлалъ своей вѣрной рабой...

И мать не понимала, откуда въ гордой, своенравной, строптивой Сонѣ такое смиреніе, такая кротость и самоотреченіе. Ни разу она не пожаловалась на свою судьбу. Неужели все это сдѣлала любовь? Боже мой, но стóитъ ли онъ такой любви?!

Дочь легко и безшумно двигалась по комнатѣ, разставляя мебель, собирая игрушки.

— Да что же ты все сама? Позови прислугу!—возмутилась мать.

— Да не стоитъ, мама, вотъ ужъ и готово... Это, конечно, глупо, что я позволяю Санѣ переставлять всю мебель; я помню, ты намъ не позволяла, — но иногда нѣтъ никакой возможности справиться съ двумя сразу, вотъ я и дѣлаю себѣ облегченіе... Зато и убираю сама. Няня ужъ пожилая,—она устаетъ за день.

— Ну, а кухарка?

— У кухарки свое дѣло, довольно съ нея и того.

Мать съ недоумѣніемъ покачала головою.

Что жъ это такое? Не человѣкъ, подвижница какая-то... Въ святыя, что-ли, готовится? Странное что-то... Гдѣ же та Соня, которая, бывало, капризно говорила: — „Слышишь, мама, если платье не будетъ готово къ субботѣ, ни за что не поѣду къ Алексѣевымъ... такъ и знай... Я ужъ тамъ была въ розовомъ—это неловко“...

И та была ей гораздо ближе и понятнѣе.

— Ну, мамочка, теперь я схожу взглянуть на дѣтей, а потомъ будемъ пить чай.

Пока она ходила въ дѣтскую, мать прошла въ кухню, сунула неуклюжей и грязной кухаркѣ Марьѣ пять рублей и сказала шопотомъ:

— Сходи, пожалуйста, поскорѣе, принеси мнѣ фруктовъ и закусокъ, какія твоя барыня любитъ.

— Да какихъ же?—начала-было Марѳа.

Но она нетерпѣливо оборвала ее:

— Ну, сообрази сама, чтò ты уже покупала... Истрать всѣ деньги,—сдачи не надо.

И вернулась въ столовую къ дочери.

— Прости меня, мамочка, печѣмъ тебя угостить,—извиняясь, сказала дочь.

— Да мнѣ ничего и не надо, я вѣдь всегда пью одинъ чай, а вотъ тебѣ бы не мѣшало покушать,—у тебя, навѣрное, сильное малокровіе.

— Не знаю, право, кажется, что есть. Докторъ велѣлъ пить вино передъ обѣдомъ и завтракомъ; но... я его не люблю, —ты знаешь.

— Мало ли что не любишь, это—лекарство. Пришлю тебѣ завтра мадеры... А мужа не безпокоитъ твой видъ?

Соня подумала, и должна была сознаться, что мужъ вовсе не находилъ ее умирающей.

— Да ты, вѣрно, преувеличиваешь, мама,—сказала она, и въ голосѣ ея послышались прежнія капризныя нотки.—Я, просто, еще не оправилась послѣ Ани.

— Ну, дай Богъ, дай Богъ, да я вѣдь и не говорю ничего такого.

— Поѣдешь, мама, къ Вѣрочкѣ, — поздравь ее отъ меня... Что̀ она, все такъ же счастлива съ своимъ Юрикомъ?

— Ну, еще бы! Такой чу́дный человѣкъ! Ахъ, какъ онъ Вѣру балуетъ! Безъ нея никуда не идетъ! И вообще такой домосѣдъ... Вотъ ужъ примѣрный мужъ и отецъ!

Соня молчала. Всякая похвала мужу Вѣры казалась ей въ то же время упрекомъ ея собственному мужу, котораго никто изъ ея семьи не любилъ столько же за его профессію опернаго пѣвца, сколько и за характеръ,—самонадѣянный и рѣзкій.

Вошла Марья съ цѣлымъ ворохомъ свертковъ.

— Это что̀?—удивленно спросила Соня.

— Ну, посмотримъ, знаешь ли ты вкусъ своей барыни,—говорила мать, съ улыбкой принимая пакеты.

— Боже мой, смотри, Соня, какую она гадость принесла—этотъ вонючій сыръ, вѣдь ты же его никогда не любила? И омаръ! Развѣ ты ѣшь его теперь? Помнишь, вы разъ съ Вѣрочкой отравились омаромъ, и съ тѣхъ поръ ты не могла его видѣть.

— А баринъ завсегда посылаютъ за этимъ сыромъ и за „маромъ“,—оправдывалась кухарка.

Соня смѣялась.

— Это она на вкусъ Игоря принесла,—говорила она, лукаво поглядывая на мать.

— Эхъ, ты, Марья, какъ же ты не знаешь, что̀ любитъ твоя барыня? Я же тебѣ такъ и сказала...

— А Христосъ ихъ знаетъ, что̀ онѣ любятъ,—простодушно отозвалась Марья.—Онѣ все кушаютъ, не разбираютъ. Мы все больше о баринѣ стараемся, какъ бы на евоный вкусъ угодить,—конфиденціально сообщила она и даже дотронулась фамильярнымъ жестомъ до плеча старой барыни.

Та нахмурилась и вспылила.

— Напрасно!—сказала она сердито, не замѣчая улыбки дочери.—Баринъ самъ о себѣ позаботится, а вотъ барыня не любитъ о себѣ подумать, такъ ужъ вамъ съ няней и надо за ней поухаживать.

Соня развернула еще свертокъ и весело вскрикнула:

— Ахъ, какая прелесть! Виноградъ, груши!..

Но мать и тутъ была недовольна.

— И виноградъ ты прежде не любила, а больше всего хорошія яблоки,—помнишь, папа тебѣ всегда покупалъ? Ну, приходи ко мнѣ, я тебя угощу!

Но Соня была очень довольна. Она думала о томъ, какъ вечеромъ придетъ Игорь, и какъ весело будетъ угостить его.

— Ну, что Аня, успокоилась?—спросила мать, придвигая къ себѣ стаканъ чая, налитый дочерью.

— Заснула... Няня поставила ей компрессъ и сама легла... Устала бѣдная!..

— Да и ты, я думаю, не меньше устала: одна съ двумя ребятишками—цѣлый день! Я бы теперь, пожалуй, не вынесла этого.

— Ну, мама, а прежде какъ же? Вѣдь и у тебя были маленькія дѣти, и папа сначала не былъ богатъ.

— Да, но у меня была еще подняня... И бабушка приходила помогать,—она была свободна. Да и нужды я никогда не знала. Мы каждую копѣйку тратили вмѣстѣ съ общаго согласія. Твой отецъ всегда забывалъ себя. И позже, когда уже мы много получали, мы всегда жили скромно и копили вамъ приданое,—только для васъ ничего не жалѣли... И вотъ, Соня, пойми, каково было бы твоему отцу эти трудовыя, накопленныя деньги взять да отдать твоему мужу, который ни своихъ, ни чужихъ денегъ не привыкъ считать.

— Я понимаю, мама, но пойми и ты меня: выйди я замужъ за кого-нибудь другого, кто былъ бы вамъ болѣе по вкусу, вы бы отдали ему эти деньги, и я бы не чувствовала этой ужасной, полной зависимости отъ мужа, на которую вы меня обрекли. Я не знаю, какъ ты, но я изъ этихъ мужниныхъ денегъ не могу истратить даже двугривеннаго на себя. Я буду ходить въ дырявыхъ сапогахъ, въ старомъ платьѣ, пока онъ самъ не настоитъ, чтобы я купила. И въ то же время я знаю, что могла бы не только не зависѣть отъ мужа, но даже помочь ему пережить трудное время. Вѣдь отдали же вы эти деньги Вѣрѣ, хотя она въ нихъ совершенно не нуждается!

— Ахъ, Соня, какъ ты не понимаешь? Мы отдали приданое Вѣрѣ и знаемъ, что именно она и будетъ имъ распоряжаться, и если даже она отдастъ его своему мужу, то онъ-то отнесется къ нему совсѣмъ иначе, чѣмъ отнесся бы твой мужъ. Пойми эту разницу!

Соня молчала. Она вспомнила, какъ мужъ всегда возмущался жидоморствомъ ея стариковъ, какъ онъ иногда принимался на-

дѣяться, что они въ концѣ концовъ сдадутся, и строилъ веселые планы будущаго. Конечно, въ этихъ планахъ всегда стояла и она, Соня, рядомъ съ мужемъ, но хотя онъ и говорилъ: „твои деньги“,—онъ мысленно распоряжался ими, какъ полновластный хозяинъ, вполнѣ увѣренный, что жена будетъ во всемъ съ нимъ согласна.

Но она все-таки попробовала возразить.

— Видишь, мама,—сказала она,—вѣдь я же трачу на себя его деньги, и онъ никогда для меня ничего не жалѣетъ; поэтому онъ и къ моимъ деньгамъ отнесся бы просто... Все у насъ общее, и нечего тутъ считаться,—что̀ его, что̀ мое...

— Однако, ты считаешься,—подхватила мать,—ты сама сейчасъ сказала.

— Потому, мама, что денегъ мало и не хватаетъ на жизнь, и мнѣ тяжело, что я—такое бремя для мужа; безъ насъ вѣдь ему легче было жить...

— Ну, что̀ ты за глупости говоришь! А какъ же другія-то жены, у которыхъ нѣтъ приданаго? Нѣтъ, если мужъ дѣйствительно любитъ жену, то она никогда не почувствуетъ себя бременемъ. Развѣ ты не даешь ему счастье, не окружаешь его заботами и вниманіемъ, какихъ онъ никогда не зналъ? Да и много ли ты стоишь? Вѣдь ты же себя до minimum'а сократила. Развѣ другія жены похожи на тебя? Можетъ быть, съ евангельской точки зрѣнія, ты близка къ идеалу, но мнѣ непріятно и больно смотрѣть на тебя, Соня. Вѣдь для кого ты все это дѣлаешь? Для человѣка, который никогда тебя не оцѣнитъ, и чѣмъ больше ты будешь ему уступать, тѣмъ больше онъ будетъ требовать... Ты даже нась, родителей, не пожалѣла ради него: онъ не бываетъ у насъ, и ты приходишь къ намъ все рѣже и рѣже... И то, Соня, — не горько ли это, — бо̀льшею частью тогда, когда тебѣ нужны деньги...

— Мама! — съ глубокимъ волненіемъ выговорила дочь, и блѣдное лицо ея загорѣлось яркимъ румянцемъ. — А тебѣ не горько думать, что я — ваша дочь, виновная только тѣмъ, что выбрала себѣ мужа по своему, а не вашему вкусу,—прихожу къ вамъ за подачками, а деньги, которыя вы копили для обѣихъ дочерей, не получила только та, которая въ нихъ дѣйствительно нуждается?

— Соня, ты знаешь, я тутъ ни причемъ, такъ рѣшилъ твой отецъ, и онъ предупреждалъ тебя!

— Мама, и ты повторяешь это: „предупреждалъ“! Ты знаешь вѣдь,—мнѣ было двадцать лѣтъ, когда я вышла замужъ,—ты

помнишь, у меня было нѣсколько жениховъ до Игоря. Но я полюбила его перваго и... послѣдняго. Вы знали, что я не могла, какъ Вѣра, выйти замужъ за того, кто меня любитъ,—я должна была полюбить сама... Вы знали, что я не умѣю разлюбить... да? Ну, тогда скажи, что за комедія это ваше предупрежденіе?

Мать не выдержала прямого, горящаго взгляда дочери, и вдругъ ей показалось, что зданіе, которое они съ мужемъ съ такимъ трудомъ возвели для успокоенія своей совѣсти,—страшно колеблется и, вотъ-вотъ, рухнетъ въ пропасть.

— Вы, вотъ, жалѣете, что тѣ деньги, которыя ты мнѣ изъ милости даешь, я трачу и на мужа. Но развѣ не вы сдѣлали такъ, что въ мужѣ, только въ мужѣ вся моя надежда, все мое будущее? Вытянетъ онъ, не надорвется, получитъ хорошій окладъ, и мы заживемъ спокойно и безъ нужды. Мечта его—давать уроки пѣнія, но для этого надо самому пріобрѣсти опытъ на сценѣ и достаточно громкое имя. А надорвется онъ, и передо мной на всю жизнь—перебиванье изъ-за куска хлѣба...

— А ты думаешь, — съ иронической улыбкой заговорила мать,—что когда онъ выбьется, для тебя начнется другая жизнь? Э, повѣрь мнѣ, — все то же. Люди такого сорта никогда не умѣютъ довольствоваться тѣмъ, что есть. Будетъ вдвое больше получать—и втрое больше тратить. О себѣ возмнитъ еще больше... Ты говоришь, что онъ мечтаетъ объ урокахъ? Не вѣрю я этому. Не похоже на него. Артистическое самолюбіе ненасытно. Завоюетъ маленькое имя, будетъ добиваться большого, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ уходить въ болото. А вѣдь сцена топитъ не однѣхъ женщинъ. Много ли ты знаешь артистовъ, вѣрныхъ своимъ семьямъ? Ты не боишься этого? Ты вѣришь, что онъ и теперь идетъ именно туда, куда говоритъ?..

Но, произнеся эту фразу, она сейчасъ же пожалѣла о ней. Въ расширенныхъ зрачкахъ дочери отразился ужасъ, а губы ея дрожали, когда она выговорила:

— Ты что-нибудь знаешь, мама?

И какъ ни увѣряла мать, что это только ея предположеніе,—она уже не могла успокоиться.

Поднявшись съ мѣста, она подошла къ матери и сказала голосомъ, въ которомъ слышалась глубокая тоска:

— Ахъ, мама, мама, ну, зачѣмъ ты мнѣ это сказала?!

— Зачѣмъ?—повторила мать, и вдругъ голосъ ея зазвучалъ безпощадно и твердо:—Затѣмъ, чтобы ты видѣла въ мужѣ человѣка, а не бога; затѣмъ, чтобы ты знала, съ кѣмъ имѣешь дѣло,

и отстаивала свои права и свою личность, а не подчинялась, какъ раба.

Глаза дочери засверкали гнѣвомъ.

— Какъ можешь ты мнѣ это говорить? Ты, которая всю жизнь дѣлала только то, что одобрялъ папа!.. Когда я выходила замужъ, ты плакала и говорила мнѣ, что отецъ лишаетъ меня всякой помощи... Развѣ ты не могла его уговорить?

Мать перебила ее. Ея полное, моложавое лицо покрылось яркими пятнами, а въ глазахъ загорѣлся тотъ же враждебный огонь, которымъ пылали глаза дочери.

— Уговорить отдать свои трудовыя деньги этому... выскочкѣ, который только того и добивался?..

— Мама, замолчи! — съ силою выговорила дочь.—Не смѣй бранить человѣка, котораго я люблю, съ которымъ я прожила три года и ни разу не имѣла случая убѣдиться, что онъ негодяй и подлецъ, какъ ты хочешь меня увѣрить. Ты его не понимаешь, ты его судишь съ своей узкой точки зрѣнія...

— Ну, да, гдѣ же намъ его понять?—съ язвительнымъ смѣхомъ подхватила мать:—такой герой! такой необыкновенный человѣкъ!

— Ахъ, не въ томъ дѣло! Ты все хочешь его задѣть, оскорбить въ моихъ глазахъ! Но если бы ты когда-нибудь поняла, что это человѣкъ совсѣмъ другого склада, другого воспитанія, чѣмъ мы, и, благодаря тяжелымъ условіямъ своей жизни,—очень нервный, очень впечатлительный и подозрительный. Ты, вотъ, думаешь, что онъ только срываетъ въ жизни одни цвѣты наслажденія, но ты даже понять не можешь, что это такая же служба обществу, какъ наука, какъ литература, и чѣмъ человѣкъ требовательнѣе къ себѣ, тѣмъ больше онъ отдаетъ силъ и любви своему дѣлу.

— Да, это я понимаю,—нѣсколько успокоившись, сказала мать:—служить искусству, но служить жрецу искусства—это ужъ какая-то второстепенная и очень неблагодарная роль. Какъ ты можешь ею довольствоваться?

— Ты все о томъ же, мама?—съ усталой усмѣшкой возразила дочь.—Ты бы хотѣла, чтобы я была на первомъ планѣ, а мужъ стоялъ бы передо мной на колѣняхъ и не зналъ, какъ благодарить за то, что я согласилась его осчастливить и вышла за него замужъ?!.. Ахъ, мама, брось ты все это!.. Я уже не дѣвочка, и многое, многое поняла я только теперь, послѣ замужества. Да, мама, ты не сердись на меня, но вотъ, ты ненавидишь Игоря за то, что онъ, по твоему, мало

меня любитъ; а я, мама, думаю теперь, что и ты меня совсѣмъ мало любишь...

Она произнесла эти слова медленно, отчетливо и задумчиво, словно сама съ собой говорила. И на поблѣднѣвшемъ лицѣ ея лежало то же выраженіе глубокой печали, которое поразило мать въ первую минуту ихъ свиданія. Но прежде чѣмъ мать успѣла возразить, дочь заговорила снова тѣмъ же неторопливымъ и задумчивымъ тономъ:

— Вотъ, я часто думаю, какъ я буду относиться къ Анѣ и Сашѣ, когда онѣ выростутъ, и мнѣ кажется, я буду прежде всего думать о томъ, чтобы съ своей стороны сдѣлать для нихъ все, все, чтò отъ меня зависитъ, чтобы имъ было легче. Мнѣ все равно, какіе у нихъ будутъ мужья, но я помогу имъ жить и ладить съ этими мужьями, которыхъ онѣ сами выберутъ. Я помогу имъ возиться съ дѣтьми, какъ тебѣ помогала бабушка, и ни за что никогда я не заброшу первая въ ихъ душу ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія въ порядочности мужа...

Мать молча поднялась. Она тяжело дышала, губы ея дрожали, въ глазахъ стояли слезы.

— Стыдно, стыдно тебѣ такъ оскорблять мать!..—срывающимся голосомъ сказала она.

На лицѣ дочери отразилось искреннее удивленіе.

— Чтò ты, мама? Я не хотѣла тебя обижать... Я только говорила, чего сама не буду дѣлать!

— Ну, мы еще увидимъ, чтò будетъ... Когда-нибудь и ты поймешь меня,—не дай тебѣ этого Богъ!—съ глубокимъ волненіемъ выговорила мать и, не прощаясь съ дочерью, вышла въ переднюю.

Дочь медленно двинулась за нею. Тонкія брови ея сдвинулись, губы сжались. Она точно что-то обдумывала, точно хотѣла что-то сказать, сдѣлать,—и не могла заставить себя...

Мать молча одѣлась, и тутъ только въ первый разъ взглянула въ лицо дочери.

— Ну, прощай, Соня,—выговорила она, съ трудомъ овладѣвая собою.—Не жди меня къ себѣ. Обѣимъ намъ тяжело говорить. Будь счастлива, я первая за тебя порадуюсь...

Дочь не сказала ни слова въ отвѣтъ. Она молча открыла дверь, молча выпустила мать, тихонько сказала: „Прощай, мама!“ — и прикрыла дверь на задвижку.

Въ гостиной она сѣла, подобравъ ноги, на низенькую отоманку, прислонила голову къ подушкамъ и, закрывъ глаза, погрузилась въ тяжелое раздумье...

Звонокъ мужа заставилъ ее очнуться. Она прошла въ переднюю и открыла ему дверь. Онъ стоялъ передъ ней веселый, красивый, возбужденный.

— Полный провалъ!—говорилъ онъ, блистая глазами и сильно жестикулируя.—Такъ ему и надо, нахалу! Верхи апплодировали,—очевидно, клака,—партеръ—гробовое молчаніе. Вѣдь такіе пѣвцы прямо позорятъ искусство!—закончилъ онъ съ паѳосомъ, и вдругъ, сразу переходя въ свой обычный тонъ, спросилъ жену:

— Да ты чтò раскисла? Спала, что-ли?

— Нѣтъ, я такъ сидѣла, поджидала тебя...

— А самоваръ мнѣ будетъ? Батюшки, чтò это за царское угощеніе?—съ веселымъ юморомъ воскликнулъ онъ, повернувшись къ столу.

— Это мама купила.

— А, мама! Какъ это я раньше не догадался по твоему кислому виду! Опять допекла—старая ханжа?!..

— Игорь, сколько разъ я тебя просила!

— Ну, извини, пожалуйста, не буду, но скажи, по крайней мѣрѣ, есть ли какіе-нибудь существенные результаты ея посѣщенія? Раскошелилась она?

Соня брезгливо поморщилась. Послѣ разговора съ матерью она особенно взвѣшивала слова мужа, и цинизмъ, съ которымъ онъ говорилъ о деньгахъ ея матери, болѣзненно задѣвалъ ее.

— Она принесла мнѣ подарокъ—вотъ...—и Соня открыла футляръ съ браслетомъ.

— Фф-ью!—сдѣлалъ онъ съ видомъ знатока, оглядывая вещь.—Вещичка славная! Но вѣдь ты, Соня, не носишь браслетъ?

— Я буду носить на память отъ мамы,—вдругъ твердо сказала Соня.

Онъ засмѣялся и положилъ футляръ на столъ.

— Твое дѣло,—сказалъ онъ;—а по моему, браслетъ хорошъ только на сценѣ, на рукахъ Амнерисъ или Аиды.

Соня промолчала и, приготовляя мужу чай, подумала:

„Навѣрное, мужу Вѣры не пришло бы въ голову такъ отнестись къ подарку матери жены“.

И, сердясь на себя за то раздвоеніе, которое началось въ ней послѣ визита матери, она инстинктивно пошла за помощью къ мужу и начала прямо:

— Игорь, знаешь,—мы съ мамой, наконецъ, высказались откровенно, и мама такъ обидѣлась, что ушла отъ меня съ тѣмъ, чтобы никогда больше не приходить...

— Ну, и чортъ съ ней!—не выдержалъ Игорь.

— Теперь ужъ и мнѣ неловко будетъ просить у нея денегъ, даже когда очень нужно...—нерѣшительно прибавила Соня.

— И не надо... Не умремъ безъ нихъ... Да, Соня, кстати—у меня чудная новость: еще боюсь вѣрить, но, кажется, дѣло вѣрное... Слушай: выхожу я въ антрактѣ покурить, вдругъ меня догоняетъ какой-то офицеръ, рекомендуется: „графъ Скавронскій" и говоритъ: „Я къ вамъ, собственно съ просьбой, не возьметесь ли вы давать мнѣ уроки пѣнія,—мнѣ очень нравится ваша манера, а платой я не стѣсняюсь". Ну, вотъ, мы съ нимъ и столковались на семидесяти-пяти рубляхъ въ мѣсяцъ,—недурно для начала? Я ужъ о немъ раньше слышалъ,—голосина, говорятъ, громадный, его ужъ многіе учителя заманивали, но ему никто не нравился... Ну, Соня, ты все еще не вѣришь въ мое будущее?

Соня съ улыбкой смотрѣла на мужа.

Она чувствовала, какъ у нея съ сердца спадала страшная тяжесть.

— Теперь ужъ какъ хочешь, а ты должна сдѣлать себѣ платье... И знаешь, не перемѣнить ли намъ квартиру? Ты цѣлый день дома, а у насъ какъ-то темно, тѣсно. У тебя ужасно плохой видъ; я просто избѣгаю смотрѣть на тебя, такъ мнѣ тяжело и такъ я чувствую себя виноватымъ передъ тобой, моя родная, дорогая дѣвочка!

Онъ взялъ въ обѣ руки головку жены, и прекрасные темные глаза его смотрѣли на нее съ глубокимъ серьезнымъ чувствомъ и нѣжной заботой...

— Вѣрь мнѣ, Соня, только я одинъ и люблю тебя. Пока ты со мной, пока мы такъ дружны, мнѣ все легко, я—веселъ, бодръ и смѣло смотрю впередъ. Наши жизни неразрывно слиты, и если я теперь не могу помочь тебѣ, облегчить твою жизнь, то меня все-таки подкрѣпляетъ мысль, что я работаю для будущаго. Я считаю, что мое поступленіе на казенную сцену—уже большой шагъ впередъ, и вотъ только бы намъ протянуть еще годъ—до конца контракта, а тамъ уже—передъ нами широкая дорога. Я вижу теперь, какъ я имъ нуженъ... Я меньше трехъ тысячъ не возьму.

Онъ заложилъ руки за спину и, задумавшись, зашагалъ по комнатѣ.

Соня слѣдила за нимъ.

Каждое его слово дышало искренностью, и она вѣрила ему.

— А ребятишки какъ?—спросилъ онъ, останавливаясь передъ нею.—Цѣлый день ихъ не видалъ—соскучился. Няня спитъ?

— Ничего, можно пройти, она не проснется!—сказала Соня, и на цыпочкахъ прошла въ дѣтскую. Здѣсь былъ полумракъ. Колеблющійся свѣтъ лампадки освѣщалъ лицо няни, которая спала тяжелымъ сномъ усталаго человѣка, раскрывъ ротъ и слегка похрапывая. Подлѣ нея въ колясочкѣ виднѣлась головка младшей дѣвочки. Она чуть-чуть улыбалась во снѣ, причмокивая губками, и трудно было повѣрить, что это она еще недавно издавала такіе оглушительные звуки. Въ хорошенькой кроваткѣ, ближе къ дверямъ, разметалась крѣпенькая, румяная дѣвочка лѣтъ двухъ. Въ одной ручонкѣ она крѣпко сжимала маленькую фарфоровую собачку. Пока жена шопотомъ передавала ему о событіяхъ дня, онъ все стоялъ у постели старшей дѣвочки и смотрѣлъ на ребенка, весь охваченный чувствомъ громадной отвѣтственности передъ этой начавшейся жизнью. Такъ больно было ему думать, что его крошка была несчастна, и никто не пришелъ къ ней на помощь.

А рядомъ съ нимъ стояла его жена и думала, глядя на ребенка:

„Ахъ, мама, мама, вѣдь и ты стояла такъ же передъ нашими кроватками, и тебѣ казалось, что нѣтъ такой жертвы, которую ты не принесла бы своему ребенку... Гдѣ же эта всевыносящая, всепрощающая любовь?

„Неужели же любовь самки къ своему дѣтенышу, самая сильная любовь въ мірѣ, продолжается только до тѣхъ поръ, пока этотъ дѣтенышъ не встанетъ на свои ноги и не начнетъ жить своей жизнью?

„Но вѣдь человѣческій дѣтенышъ въ своей сложной духовной жизни нуждается въ любви и заботахъ матери еще долго послѣ того, какъ встанетъ на свои ноги, и часто эта любовь спасаетъ его отъ бездны отчаянія, когда личная жизнь оказывается исковерканною“...

И она чувствовала въ себѣ эту громадную дѣятельную любовь, которая въ будущемъ потребуетъ отъ нея всѣхъ силъ,—физическихъ и нравственныхъ,—и жалѣла мать, подчинившую личное чувство голосу предразсудка и предубѣжденія, воздвигавшаго между ней и любимой дочерью, какъ въ сказкѣ „Спящая красавица“, высокую изгородь изъ колючаго терновника...

В. Погодина.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

въ

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ

Едва ли кто изъ поживших людей затруднится найти въ запасѣ своей памяти въ числѣ умерших друзей—такихъ, которые, такъ сказать, навсегда вошли въ его душу, о которыхъ самое малѣйшее воспоминаніе пріятно и отрадно, а каждая касающаяся ихъ незначительная подробность кажется заслуживающей вниманія и любопытной. То же слѣдуетъ сказать и о любимыхъ писателяхъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь говоритъ: „Въ литературномъ мірѣ нѣтъ смерти", и, разумѣется, эти слова прежде всего справедливы въ примѣненіи къ нему самому. С. Т. Аксаковъ въ своемъ „письмѣ къ друзьямъ Гоголя" говоритъ: „Умереть Гоголю нельзя: духъ его вошелъ въ нашу жизнь" [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, въ произведеніяхъ Гоголя такъ ярко, полно и разносторонне отразилась русская жизнь; его мастерскія картины этой жизни такъ глубоко западаютъ въ память, а прочувствованныя думы такъ проникаютъ въ душу, что часто вольно и невольно припоминаются намъ, а иногда до извѣстной степени незамѣтно даютъ тонъ теченію нашихъ представленій и мыслей.

Вообще, едва ли къ кому съ такимъ несомнѣннымъ правомъ и въ такомъ глубокомъ значеніи могутъ быть отнесены прекрасныя, трогательныя слова: „вѣчная память", какъ къ великимъ писа-

[1]) „Русскій Архивъ", 1890, VIII, стр. 200.

телямъ и людямъ духа и идеаловъ, въ чьихъ незабвенныхъ строкахъ хотя отчасти отражается тотъ священный огонь, та божественная искра, которая жила въ ихъ груди, освѣщая и согрѣвая все, что̀ способно согрѣться, никогда притомъ не оскудѣвая и не угасая. Такая, въ истинномъ смыслѣ прекрасная, вѣчная память неотъемлемо принадлежитъ великому нашему идеалисту Бѣлинскому и величайшему идеалисту міра—Шиллеру. Свѣтлая, благодарная память и Гоголю за его чудныя, высоко художественныя созданія, и истинное, задушевное сочувствіе его горячему стремленію къ добру, какъ бы онъ его ни понималъ, и его великимъ душевнымъ страданіямъ.

I.

Личность Гоголя, безспорно, представляетъ множество любопытнѣйшихъ и поучительныхъ психологическихъ и разнообразныхъ иныхъ вопросовъ и загадокъ, нерѣдко далеко выходящихъ изъ тѣснаго круга спеціальнаго изслѣдованія біографическаго и даже литературнаго. Богатая исторія его внутренней жизни и исполненная потрясающаго трагизма душевная драма, завершившаяся роковымъ кризисомъ напряженнаго религіознаго экстаза, вызваннаго ужасомъ передъ необъятнымъ величіемъ тайны общей загробной будущности,—все это представляетъ захватывающій и далеко не частный, спеціальный интересъ.

Но изученіе Гоголя представляетъ и много особыхъ, трудно преодолимыхъ препятствій, почти невѣдомыхъ въ такой степени изслѣдователямъ другихъ великихъ писателей и вообще выдающихся дѣятелей,—причемъ главное значеніе имѣетъ, конечно, его преждевременная и въ нѣкоторомъ смыслѣ загадочная смерть.

Раннее окончаніе жизненнаго поприща всегда оставляетъ просторъ для разнообразныхъ предположеній, но особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она окутана непроницаемымъ мракомъ сильно дѣйствующей на воображеніе тайны, которую унесъ съ собой въ могилу рано отошедшій общественный дѣятель. Въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, неизбѣжны иногда очень рискованныя и смѣлыя догадки, которыхъ какъ защита, такъ и опроверженіе принадлежатъ въ значительной степени къ сферѣ безплодныхъ, а иногда и прямо ошибочныхъ, затемняющихъ дѣло гипотезъ.

Въ виду того, что мнѣ придется возражать противъ нѣкоторыхъ произвольныхъ гипотезъ, строгое фактическое опроверженіе

которыхъ не всегда возможно по неполнотѣ данныхъ, которыя, однако, будутъ въ мѣрѣ осуществимаго сгруппированы ниже, я долженъ въ подтвержденіе моихъ словъ привести заранѣе двa-три примѣра.

Г-нъ Н. Котляревскій, въ своей книгѣ о Лермонтовѣ высказываетъ предположеніе, что только смерть помѣшала поэту, отказавшись отъ безпринципнаго пессимизма, выработать положительныя и твердыя основы пессимизма, и что будто онъ былъ уже на пути къ тому. Такое мнѣніе возможно, но кто можетъ поручиться за его непреложность? [1]) Съ своей стороны г. Висковатовъ намекаетъ на возможность принципіальнаго сближенія Лермонтова съ кружкомъ славянофиловъ [2]). Возможно и это, но вѣдь всѣ подобныя предположенія до крайности гадательны и субъективны и часто слишкомъ подозрительно гармонируютъ съ задушевными симпатіями и даже явными пристрастіями самихъ біографовъ. Даже очень осторожные и опытные писатели легко впадаютъ въ ошибки и обмолвки такого рода, и особенно когда дѣло касается внезапно оборвавшейся жизни и дѣятельности.

Приведу примѣръ изъ одной статьи г. Венгерова о Гоголѣ, озаглавленной: „Писатель-гражданинъ". Г. Венгеровъ допускаетъ такую странную обмолвку: „Достаточно сравнить замѣчательную точность Гоголевскихъ опредѣленій съ самоопредѣленіями другихъ, не менѣе великихъ писателей-творцовъ, чтобы оцѣнить ихъ значеніе и точность и понять, почему они получили такую власть надъ критикою. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ хотя бы Пушкинскій „Памятникъ", *писанный къ тому же за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти*, когда все литературное поприще было *пройдено*, когда открывалась широкая перспектива на всю творческую жизнь" [3]). Въ этихъ строкахъ насъ поражаетъ явное недоразумѣніе, такъ какъ вѣдь смерть Пушкина была неожиданно застигшей его случайностью и притомъ еще въ расцвѣтѣ творчества, случайностью, обратившею „Памятникъ" въ такъ называемую лебединую пѣснь поэта, такъ что категорическое требованіе въ немъ вполнѣ удачныхъ поэтическихъ итоговъ въ виду якобы законченности его „творческой жизни" представляется, пожалуй, нѣсколько преувеличеннымъ. А вспомнимъ курьезныя гаданія Достоевскаго о томъ, что „Бѣлинскій, *можетъ быть* (!), кончилъ бы эмиграціей и скитался бы маленькимъ (?!) и восторженнымъ ста-

---

[1]) Н. Котляревскій, „Личность поэта и его произведенія". Спб. 1891, стр. 146 и 180.

[2]) Соч. Лермонтова, изд. Рихтера, т. VI, стр. 222—223.

[3]) „Русское Богатство", 1902, IV, 244.

ричкомъ съ прежней теплой вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній", и проч. [1]).

Позволю себѣ привести и еще примѣръ.

Какъ бы, кажется, заманчиво было разгадать, что̀ могъ бы въ дальнѣйшемъ развитіи представить даровитый юноша Писаревъ, если бы ему суждено было пережить блестящую, феерическую эпоху шестидесятыхъ годовъ и какимъ-нибудь чудомъ очутиться въ тусклой и сумрачной обстановкѣ послѣдующихъ десятилѣтій, среди которыхъ такъ дико, такъ неестественно было бы представить себѣ его, вся жизнь и дѣятельность котораго такъ плѣняетъ своеобразной красотой юношеской свѣжести и беззавѣтной отваги, избыткомъ кипучихъ жизненныхъ силъ. Но миновала колоритная эпоха шестидесятыхъ годовъ и настала скучная пора,—спрашивается, сохранилъ ли бы Писаревъ свое обаяніе и свой ошеломляющій престижъ въ иной, менѣе эффектной рамкѣ? И не былъ ли глубоко правъ Некрасовъ въ своихъ чудныхъ стихахъ:

„Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!"

Если бы Писаревъ прожилъ дольше, то память о немъ уже не слилась бы такъ красиво и такъ трогательно поэтически съ незабвенной эпохой, которой онъ явился типическимъ представителемъ. Но блестящимъ метеоромъ промелькнулъ онъ, и его полная энергіи и жизни рѣчь, внезапно оборвавшаяся, была какъ бы тѣмъ волшебнымъ аккордомъ, о которомъ поэтъ сказалъ въ знаменитомъ четверостишіи, что хотя уже сломана арфа, но она еще рыдаетъ.

Но могутъ ли указанныя и подобныя предположенія привести къ чему-нибудь положительному и не представляютъ ли они только игру ума и фантазіи?

II.

Мнѣ пришлось подробно развить мою мысль въ противовѣсъ бездоказательнымъ утвержденіямъ о непостижимомъ совершенствѣ второго и третьяго томовъ „Мертвыхъ Душъ", о мнимомъ созданіи Гоголемъ исторіи Малороссіи и проч. Для опроверженія подоб-

---

[1]) Соч. Достоевскаго, изд. посмертное (1883), т. X, „Дневникъ писателя" за 1873 г., стр. 9.

ныхъ гипотезъ мы надѣемся привести достаточно фактовъ, но кромѣ того необходимо вообще имѣть въ виду крайнюю легкость и соблазнительность предположеній о томъ, что̀ было бы, если бы...

Остается до сихъ поръ неопровергнутымъ и временами, хотя и рѣдко, высказывается предположеніе, будто послѣдніе недописанные томы „Мертвыхъ Душъ" должны были представить такое колоссальное и высоко-художественное созданіе, въ сравненіи съ которымъ поблѣднѣло бы все, что̀ когда-либо было написано Гоголемъ. Такое предположеніе опирается частью на неоднократно ясно высказанныя самимъ поэтомъ мечты и упованія, частью на отрывочные отзывы друзей, слышавшихъ въ чтеніи самого автора отдѣльныя главы изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ" и пришедшихъ отъ нихъ въ восторгъ. Въ виду этого инымъ уже a priori второй и даже третій томы „Мертвыхъ Душъ" представляются величайшимъ художественнымъ откровеніемъ, и защитники этого взгляда смѣло признаютъ всѣ мнѣнія объ упадкѣ таланта Гоголя, въ послѣднюю пору его жизни, въ связи съ усиленіемъ его болѣзненности, только жалкой басней, основанной на печальномъ и нелѣпомъ недоразумѣніи. Такое, въ сущности весьма парадоксальное, мнѣніе намъ случилось слышать отъ одного изъ пламенныхъ почитателей и большихъ знатоковъ Гоголя, отъ горячаго защитника „Переписки съ друзьями", къ сожалѣнію медлящаго обнародовать свои мнѣнія объ этомъ предметѣ въ печати [1]). Я говорю: „къ сожалѣнію", потому что и эти предположенія должны быть опровергнуты, а не отвергнуты голословно, и притомъ всего хуже, когда гипотезы распространяются безъ надлежащаго критическаго разбора, и мимоходомъ высказанное слово можетъ найти отголоски, а все это не способствуетъ приближенію къ истинѣ. Если же вопросъ будетъ разработанъ хотя и ошибочно, и съ крайнимъ увлеченіемъ, но добросовѣстно и съ любовью, то и это могло бы подвинуть его разъясненіе хотя бы въ отрицательномъ смыслѣ.

Противоположный взглядъ также нерѣдко высказывается [2]) и вызываетъ иногда весьма рѣзкое порицаніе. Такъ г. Венгеровъ говоритъ: „Особенно поражаетъ своею несостоятельностью весьма, однако, распространенное убѣжденіе, что Гоголь впалъ въ безвыходную тоску отъ сознанія своего творческаго безсилія" [3]). Опровергая это мнѣніе, г. Венгеровъ ошибочно ссылается на

[1]) Въ доказательство, что мнѣніе это не одиночное, укажу на брошюру г. Царевскаго: „Гоголь, какъ поэтъ и мыслитель-христіанинъ", стр. 62—68.

[2]) „Этюды и характеристики" А. Н. Веселовскаго, изд. 2-ое, стр. 607.

[3]) „Русское Богатство", 1902, II, 122.

„ничтожность промежутка, отдѣляющаго выходъ первой части „Мертвыхъ Душъ“ отъ „Переписки съ друзьями“, въ которой Гоголь возвѣстилъ объ уничтоженіи второго тома своей поэмы, и напоминаетъ, что первыя письма, вошедшія въ „Переписку“, были написаны уже въ 1843 г. Но вѣдь психическій процессъ подготовлялся постепенно, многими годами, и притомъ 1843 г. былъ выставленъ Гоголемъ только подъ статьями: „Чтенія русскихъ поэтовъ передъ публикою“ и подъ первыми тремя письмами по поводу „Мертвыхъ Душъ“. Н. С. Тихонравовъ полагалъ, что эти письма „относятся къ числу тѣхъ немногихъ статей по литературѣ, которыя были прибавлены къ „Перепискѣ съ друзьями“, и, не безъ основанія подвергая выставленную Гоголемъ дату сомнѣнію [1]), справедливо относитъ *„самую значительную часть писемъ*, вошедшихъ въ „Переписку“, къ 1846 году [2]). Кромѣ того, г. Венгеровъ, радикально расходясь съ защитниками „Переписки“, повидимому готовъ подать имъ руку въ переоцѣнкѣ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, находя, что „Уленька еще мало оцѣнена нашей критикой“, но что „она, несомнѣнно, является первымъ художественнымъ воплощеніемъ новой русской женщины, съ ея общественными стремленіями и негодованіемъ на неправду: она старшая сестра Тургеневской Елены“ [3]).

Гоголю во всякомъ случаѣ далеко не удалось выполнить задуманный грандіозный планъ, и онъ самъ былъ недоволенъ вторымъ томомъ, потому что между его величественнымъ планомъ и исполненіемъ была огромная пропасть. Для такого заключенія мы имѣемъ уже не предположенія, а твердо установленные факты. Мы знаемъ положительно, что въ предполагаемомъ продолженіи „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь желалъ и надѣялся потрясающимъ образомъ дѣйствовать на души читателей, ударяя по струнамъ сердца и облагораживая нравственно воспитывающими художественными образами, при помощи, какъ думалось ему, неистощимаго у него запаса лирической силы [4]). Гоголь стремился достигнуть, чтобы въ его поэмѣ были ярко выставлены „высшія свойства русской природы“ [5]) „и чтобы, по прочтеніи (его) сочиненія, предсталъ какъ бы невольно весь русскій чело-

---

[1]) См. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 520—521.

[2]) Тамъ же, стр. 474.

[3]) „Русское Богатство“, 1902, IV, стр. 261. Но проф. Чижъ справедливо говоритъ: „Уленька—это не образъ“ („Вопросы философіи“, 1903, книга 67, стр. 291).

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 250.

[5]) Тамъ же, стр. 251.

вѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами" [1]). Въ послѣднихъ томахъ онъ хотѣлъ придать лирическое теченіе своей поэмѣ и пророческимъ тономъ говорилъ: „далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почуютъ, въ священномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей" [2]). Очевидно, онъ возлагалъ обширныя надежды на волшебную силу лиризма, столько разъ оказывавшаго ему великія, неоцѣненныя услуги. Здѣсь невольно напрашивается вопросъ: почему же эта надежда его обманула? Вѣдь сколько разъ ему удавалось въ немногихъ строкахъ вдохновенно излить свои задушевныя чувства съ такой неотразимой силой, что сколько ни перечитывай ихъ, онѣ какимъ-то чудомъ передаютъ въ мертвыхъ печатныхъ строкахъ живой голосъ сердца и, погружая въ невыразимо пріятное глубокое раздумье, какъ неземная мелодія, чаруютъ и трогаютъ душу. А вѣдь такихъ мѣстъ у Гоголя много, кромѣ знаменитыхъ лирическихъ отступленій о пѣснѣ, о дорогѣ, о птицѣ-тройкѣ, о Руси, о Днѣпрѣ и проч. А его чудная, трогательная грусть о несовершенствахъ, о бѣдности нашей жизни, и грусть ускользающей жизни и радости въ концѣ „Сорочинской Ярмарки" и въ „повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", и даже въ несравненномъ предисловіи Рудого Панька ко второй части „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки": „Пройдетъ годъ, другой— и изъ васъ никто послѣ не вспомнитъ и не пожалѣетъ о старомъ пасѣчникѣ Рудомъ Панькѣ",—въ воспоминаніи о невозвратно промелькнувшемъ дѣтствѣ и въ описаніяхъ вообще внезапно налетающаго грустнаго раздумья, напр., по поводу встрѣчи Чичикова съ губернаторской дочкой, и наконецъ въ этихъ чудныхъ, невыразимо трогательныхъ строкахъ грустнаго раздумья по поводу полученнаго Остапомъ и Андріемъ отъ матери образа, ея благословенія: „Что-то пророчитъ и говоритъ имъ это благословеніе? Благословеніе ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 252.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 182. Справедливо говоритъ Г. З. Елисѣевъ, что едва ли существовалъ когда-нибудь авторъ, который имѣлъ бы такое колоссальное мнѣніе о предпринятой имъ работѣ („Русское Богатство", 1902, I, 42). Но ошибочно онъ относитъ первое сожженіе II тома „Мертвыхъ Душъ" къ 1845, а не къ 1843 г. (тамъ же, стр. 58) и невѣрно относитъ одно письмо къ М. П. Балабиной къ 1844 вмѣсто 1842 г. (стр. 46), и также невѣрно называетъ Анну Васильевну старшей сестрой Гоголя (стр. 44).

веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя времена бандуристамъ, или же... Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно передъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга: голубка—не видя ястреба, ястребъ—не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей погибели" [1]). Это ли не поэзія, стоющая многихъ томовъ сочиненій даже истинныхъ поэтовъ? Даже у Гоголя это одинъ изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ, на который непремѣнно обратилъ бы сочувственное вниманіе Бѣлинскій, если бы онъ успѣлъ осуществить свою мысль —написать обстоятельный разборъ сочиненій Гоголя. Почему же не трогаетъ такъ за душу хотя бы, несомнѣнно, глубоко прочувствованный и прямо вырвавшійся изъ души вопль Гоголя въ „Перепискѣ съ друзьями": „Соотечественники! Страшно! Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ же духовныхъ, высшихъ твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой" [2]), и проч.?

Несомнѣнно, что, „желая пропѣть гимнъ красотѣ небесной" [3]), Гоголь стремился придать неотразимую силу сердечной убѣдительности рѣчи генералъ-губернатора, какъ прежде онъ всю душу влагалъ въ рѣчь Тараса Бульбы къ войску, а также патетическимъ увѣщательнымъ рѣчамъ Муратова къ Чичикову и Хлобуеву; но въ былое время задушевныя, проникнутыя лиризмомъ, немногія строки, какъ молнія, сверкали передъ растроганнымъ до глубины души читателемъ, а теперь въ нихъ чувствуется что-то вялое, надуманное, замѣтно усиліе автора растрогать.

Очевидно, задавшись цѣлью пропитать неотразимой силой еще небывалаго пламеннаго вдохновенія цѣлые томы, Гоголь, за недостаткомъ вдохновеннаго экстаза, сталъ подогрѣвать въ себѣ искусственный жаръ, чтобы сообщить знойный пылъ вымученнымъ строкамъ, клещами изъ себя вытягиваемымъ, какъ онъ самъ признался Н. В. Бергу [4]).

Мы, конечно, слишкомъ мало имѣемъ данныхъ, чтобы ясно представить себѣ весь мучительный процессъ работы Гоголя

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 288.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 8.

[3]) Письма, т. IV, стр. 422.

[4]) „Русск. Старина", 1882, т. I, стр. 24.

надъ его излюбленнымъ созданіемъ (т.-е. его продолженіемъ [1]), но если мы обратимся къ положительно извѣстнымъ намъ даннымъ о творчествѣ его, то мы должны будемъ признать, что, создавая второй томъ „Мертвыхъ Душъ", Гоголь напрасно ждалъ годами потрясающаго лиризма, потому что всѣ захватывающія душу мѣста его поэзіи вырывались изъ его души непосредственно уже въ первыхъ черновыхъ набросках (о пѣснѣ, о Руси, о птицѣ-тройкѣ), хотя и подвергались потомъ переработкѣ. Напротивъ, натянутый, подогрѣтый лирическій паѳосъ мы находимъ въ тѣхъ главахъ исправленной редакціи „Тараса Бульбы", гдѣ изображается героическая смерть казаковъ на полѣ чести, и уже тамъ онъ не производитъ такого сильнаго, захватывающаго впечатлѣнія [2]) и до извѣстной степени отзывается эффектомъ и театральностью, хотя эти лирическія мѣста все еще не лишены большой красоты, обличающей въ авторѣ большого мастера-художника. Вотъ чего въ лучшемъ случаѣ могъ бы достигнуть Гоголь, выжавъ изъ своей души искусственный паѳосъ, да и это еще сомнительно. Не надо притомъ забывать, что хвалебные отзывы Аксакова и Смирновой, подчасъ противорѣчащіе другимъ ихъ же отзывамъ, отнюдь не относились къ этимъ именно потугамъ нравоучительнаго лиризма, который и былъ собственно цѣлью Гоголя, а это фактъ весьма краснорѣчивый и имѣющій огромное значеніе. Такимъ образомъ, ссылки на Смирнову и Аксаковыхъ въ лучшемъ случаѣ не достигаютъ цѣли; онѣ могутъ относиться только къ тѣмъ проблескамъ художественнаго творчества, которые, несомнѣнно, есть частью и во второмъ томѣ, но мы не имѣемъ рѣшительно *ни единаго* свидѣтельства въ пользу того, что Гоголь въ прочитанныхъ друзьямъ отрывкахъ изъ второго тома растрогалъ и потрясъ слушателей въ смыслѣ „sursum corda" и что онъ дѣйствительно воспѣлъ „гимнъ красотѣ небесной". Конечно, было бы въ высшей степени желательно, если бы у г. Дашкова нашлись затерянныя прекрасныя страницы объ обѣдѣ у Бетрищева, объ англичанкѣ-гувернанткѣ, о португальцѣ Экспантонѣ, о благословеніи Бетрищевымъ Уленьки и Тентетникова на бракъ и проч. [3]). Многое намъ неизвѣстно во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", но, напр., несомнѣнно, что

[1]) См. слова Н. С. Тихонравова: „Исторія второй части „Мертвыхъ Душъ" лишена тѣхъ пособій, которыя въ такомъ изобиліи и полнотѣ окружаютъ первую часть поэмы" (Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 535).

[2]) См. подробный разборъ исправленной редакціи „Тараса Бульбы" у проф. Чижа въ „Вопросахъ философіи и психологіи", 1903, книга 69, стр. 652—656.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 558—559.

въ изображеніи Хлобуева Гоголь былъ намѣренъ до глубины души растрогать читателей, изобразивъ въ яркихъ и трогательныхъ краскахъ его обращеніе отъ распущенности и лѣни на стезю труда и смиренія, на путь высоко-нравственной жизни. Такое же нравственное возрожденіе, хотя и въ иномъ видѣ и, можетъ быть, въ другой степени, должно было произойти также въ душѣ Чичикова, и Плюшкина; такъ послѣднему предстояло въ третьемъ томѣ сказать какія-то слова, долженствовавшія жечь сердца людей [1]. И вотъ эти люди, уже погибавшіе, но уразумѣвшіе тщету суетныхъ земныхъ соблазновъ и очнувшіеся отъ прежней низменной жизни, также какъ и руководители ихъ на пути обращенія къ истинѣ и добру, непремѣнно, по замыслу автора, должны были производить неотразимое, глубокое впечатлѣніе, а происходившіе съ ними перипетіи и духовные переломы должны были нарисоваться самыми яркими красками и много говорить сердцу читателя.

Вотъ что̀, какъ мы имѣемъ право думать, таилось въ мечтахъ Гоголя, когда онъ создавалъ продолженіе „Мертвыхъ Душъ", какъ онъ самъ это высказывалъ и какъ мы можемъ судить по тѣмъ блѣднымъ намекамъ на то, что̀ хотѣлъ выразить Гоголь, которые заключаются въ о̀бразахъ, уже нарисованныхъ имъ въ дошедшихъ главахъ второго тома „Мертвыхъ Душъ" и мѣстами въ „Перепискѣ съ друзьями".

Если даже оставимъ въ сторонѣ извѣстный фактъ, что во второмъ и третьемъ томахъ Гоголь думалъ въ живыхъ, художественныхъ о̀бразахъ передать тѣ взгляды и убѣжденія, которые составили содержаніе „Переписки съ друзьями", то нельзя не указать въ частности, напр., на то, что содержаніе письма къ Н. М. Языкову отъ 15 февраля 1844 г., несомнѣнно послужившее основой статьи „Значеніе болѣзней" (въ Перепискѣ") [2], имѣетъ тѣсную связь съ носившимся въ головѣ автора будущимъ изображеніемъ Хлобуева, о которомъ сказано, что онъ „въ горькія минуты читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій" [3]. Ср. въ названномъ письмѣ къ Языкову: „Есть средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданья душевныя или тѣлесныя бываютъ невыносимо мучительны... Если найдетъ такое состояніе, тогда бро-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 73. Ср. „Этюды и характеристики" Алексѣя Веселовскаго, 2 изд., стр. 594—595, 604.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 17—18.

[3]) Тамъ же, т. VII, стр. 595, и т. IV, стр. 369.

сайся въ плачъ и слезы“ [1]). Въ другихъ письмахъ къ Языкову Гоголь даетъ ему совѣты, какъ онъ долженъ употребить свой талантъ и какой чародѣйной силой прочувствованнаго слова ударять по сердцамъ людей. Что самъ Гоголь надѣялся достигнуть такихъ же результатовъ, это ясно уже само собой и доказывается непосредственнымъ указаніемъ его въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 2 декабря 1847 года, гдѣ онъ говоритъ: „Если нынѣшняя моя книга“ (т.-е. „Переписка съ друзьями“ [2]), „(по мнѣнію даже неглупыхъ людей и пріятелей моихъ) способна распространить *ложь* и *безнравственность* и имѣетъ свойство увлечь; то самъ посуди, во сколько разъ больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену съ моими живыми образами. Тутъ вѣдь я буду посильнѣе, чѣмъ въ „Перепискѣ“ [3]). Нечего прибавлять, что намѣреніемъ Гоголя было распространять истину и добрыя убѣжденія.

Замѣтимъ еще, что въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь и не могъ помышлять о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, онъ уже считалъ истиннымъ назначеніемъ писателя „сказать еще не сказанное свѣту“ [4]). Впослѣдствіи это желаніе въ значительной степени опредѣлило всю его будущность. „Въ этихъ словахъ, —говоритъ г. Венгеровъ, — весь Гоголь съ его литературнымъ страданіемъ, съ его страстнымъ стремленіемъ выразить всю полноту своей души, которое подъ конецъ жизни только приняло трагическіе размѣры, но глубоко сидѣло въ немъ съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ“ [5]).

III.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголь самъ не разъ признавался въ ослабленіи своей творческой способности, напр., въ слѣдующихъ строкахъ въ „Авторской Исповѣди“: „Виноватъ я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что̀ говорилъ или писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ

---

[1]) Письма, т. III, стр. 387.

[2]) Это мнѣніе высказывали С. Т. Аксаковъ („Русск. Арх.“ 1890, т. VIII, стр. 164) и К. С. Аксакова („Русск. Арх.“, 1890, т. VIII, стр. 182—183. Письма Гоголя, т. IV, стр. 193 и „Русск. Арх.“ 1890, т. II, стр. 157.

[3]) „Письма“, т. IV, стр. 103.

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 332.

[5]) „Русское Богатство“, 1902, т. III, стр. 239.

весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ!" [1]) Г. Чижъ, на основаніи изученія біографическихъ фактовъ и переписки Гоголя, высказываетъ слѣдующее заключеніе: „Неспособность къ художественному творчеству только иногда безпокоила Гоголя; вообще же онъ думалъ, что еще можетъ творить, принимался за „Мертвыя Души", писалъ очень мало и уничтожалъ написанное. Художественное творчество уже играетъ небольшую роль въ его жизни; онъ мало занимается „Мертвыми Душами" и даже мало огорчается тѣмъ, что, какъ самъ понимаетъ, дѣло не подвигается впередъ" [2]).

Здѣсь намъ необходимо остановиться на одномъ существенно важномъ недоразумѣніи. Покойный Н. С. Тихонравовъ склоненъ былъ думать, что второй томъ „Мертвыхъ Душъ" передъ сожженіемъ представлялъ „созданіе, уже вполнѣ оконченное, хотя не вездѣ получившее послѣдній ударъ кисти" [3]). Но онъ былъ введенъ въ заблужденіе слѣдующими строками письма Гоголя къ С. П. Шевыреву во второй половинѣ 1851 года: „Убѣдительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанномъ, ни даже называть мелкихъ сценъ и лицъ героевъ. Случились исторіи. Очень радъ, что *двѣ послѣднія главы*, кромѣ тебя, никому неизвѣстны" [4]). На это Шевыревъ отвѣтилъ такъ: „Успокойся: даже и женѣ я ни одного имени не назвалъ, не упомянулъ ни объ одномъ событіи. Только разъ при тебѣ же назвалъ штабсъ-капитана Ильина, но и только" [5]). Но дѣло въ томъ, что здѣсь выраженіе: „двѣ послѣднія главы" вовсе не означаетъ: двѣ „заключительныя" главы, а только послѣднія изъ написанныхъ, что̀ несомнѣнно изъ слѣдующихъ строкъ письма С. П. Шевырева къ двоюродной сестрѣ Гоголя, Марьѣ Николаевнѣ Синельниковой, писаннаго вскорѣ послѣ смерти нашего писателя, гдѣ онъ ясно и опредѣленно говоритъ: „Изъ второго тома онъ читалъ мнѣ лѣтомъ (1851), живучи у меня на дачѣ, около Москвы, семь главъ" [6]). Итакъ, Гоголь читалъ Шевыреву, несомнѣнно, *семь* главъ изъ второго тома, и притомъ эпизодическое упоминаніе штабсъ-капитана Ильина, вѣроятнѣе всего, промелькнуло *въ одной изъ промежуточныхъ главъ* второго тома, но

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 255. См. объ этомъ у г. Чижа „Вопросы философіи", 1903, книга 70, стр. 770 и слѣд.

[2]) „Вопросы философіи и психологіи", 1903, книга 70, стр. 771.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 535.

[4]) „Письма" т. IV, стр. 393.

[5]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 68.

[6]) „Русская Старина", 1902, III, 443.

едва ли оно было въ заключительной главѣ совершенно обработаннаго и приготовленнаго къ печати произведенія, да Шевыревъ и назвалъ Ильина женѣ, повидимому, только мимоходомъ, ничего о немъ не разсказывая; притомъ самъ Гоголь не встревожился бы такъ и не заботился бы такъ усиленно о сохраненіи тайны, такъ сказать, уже наканунѣ печатанія книги, да еще когда дѣло шло о такой, повидимому, *незначительной* подробности. Наконецъ, вѣдь Шевыревъ пережилъ Гоголя, такъ что трудно предположить, что, ознакомленный со вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" въ полномъ объемѣ, онъ и по смерти Гоголя не проронилъ бы о послѣднихъ главахъ его *ни единаго слова*, въ то время, когда вся читающая публика и литературный міръ были этимъ въ высшей степени заинтересованы. Притомъ С. Т. Аксаковъ однажды, уже *послѣ смерти Гоголя*, писалъ Шевыреву: „Въ самое послѣднее свиданіе съ моей женой Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать второго тома, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать" [1]). Кромѣ того, мы имѣемъ еще нѣсколько свидѣтельствъ С. Т. Аксакова о несовершенствѣ и неоконченности второго тома: „Правда, я предавался надеждѣ,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—услышавъ *первыя* главы „Мертвыхъ Душъ" второго тома, но съ какимъ-то страхомъ и даже *подшпаривая* себя. Притомъ вѣдь это было написано *прежде* и только воспроизведено или, можетъ быть, только повторено даже въ слабѣйшемъ видѣ". 16 января 1850 года Гоголь снова прочелъ Аксаковымъ первую главу „Мертвыхъ Душъ", которая на этотъ разъ еще больше понравилась имъ, и, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, Гоголь сказалъ: „Тогда надо напечатать, когда *всѣ* главы *будутъ* такъ отдѣланы", а вскорѣ прочелъ вторую, третью и четвертую главы; также нѣсколько главъ прочелъ Шевыреву и Смирновой, причемъ сказалъ, что многое вновь надо передѣлать. Любопытно, что С. Т. Аксаковъ, въ письмѣ къ Гоголю, еще отъ 27 августа 1842 г., прямо сознался ему, что замѣчалъ ослабленіе его творчества. „Тяжело было мнѣ смотрѣть на васъ, мнимаго страдальца, утратившаго плодотворную силу своего творчества, но не потерявшаго стремленія, необходимости творить". Въ письмѣ къ своему сыну Ивану Сергѣевичу, отъ 23 января 1847 г., С. Т. Аксаковъ говоритъ: „Мы сходимся въ одномъ съ Александрой Осиповной Смирновой, что Гоголь не въ состояніи кончить „Мертвыя Души". Но тотъ же С. Т. Аксаковъ пи-

[1]) „Русскій Архивъ, 1878, II, 54.

салъ въ некрологѣ Гоголя, что онъ „не досказалъ своего слова, что навсегда исчезли созданные имъ образы, выступавшіе во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ". И Уленька, и Тентетниковъ съ ихъ взаимной любовью, и генералъ Бетрищевъ, и Костанжогло, и братья Платоновы, и многіе другіе—всѣ погибли и навсегда" [1]). Тутъ же онъ *также* говоритъ, что „С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышали *семь* главъ". Но названныя С. Т. Аксаковымъ главы не совсѣмъ погибли, а погибли гувернантка Уленьки англичанка, португалецъ Экспантонъ, благословеніе Бетрищевымъ Уленьки на бракъ съ Тентетниковымъ и превосходное описаніе сада, гдѣ была „описана каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ" и всѣ насѣкомыя и проч., какъ мы знаемъ объ этомъ со словъ Арнольди [2]). Нельзя не выразить желанія, чтобы г. Дашковъ, у котораго, какъ говорятъ, имѣются данныя для возстановленія нѣкоторыхъ утраченныхъ страницъ изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ", поскорѣе подѣлился ими съ публикой; но многаго ждать, конечно, невозможно, потому что уже самый масштабъ разсказа въ сохранившихся отрывкахъ изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ" далеко не тотъ, какъ въ первомъ томѣ [3]).

IV.

Вопросъ о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", безъ сомнѣнія, является самымъ труднымъ и наименѣе разъясненнымъ въ литературѣ о Гоголѣ. Но понятно, что и кромѣ этого вопроса весьма многое въ жизни и дѣятельности Гоголя представляетъ такой разносторонній интересъ, который не могъ не отразиться въ недавнихъ юбилейныхъ трудахъ о немъ. Эта юбилейная литература вызываетъ на нѣкоторыя новыя соображенія, которыя мы и желали бы вкратцѣ высказать въ предлагаемой статьѣ.

Наиболѣе значительные труды гг. Овсянико-Куликовскаго, Котляревскаго, Венгерова и проф. Мандельштама уже вызвали довольно обстоятельную критическую оцѣнку, и мы ихъ почти не будемъ касаться; но нѣкоторыя второстепенныя изслѣдованія и

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1890, VIII„ стр. 166—207.

[2]) См. соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 557—559, и „Русскій Вѣстникъ", 1862, I, 62 - 63.

[3]) См. объ этомъ подробно въ „Матеріалахъ для біографіи", т. IV, стр. 889 и слѣд.

даже нѣсколько запоздавшіе къ юбилею крупные труды проф. Чижа, еще ждутъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія [1]).

Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить, что при внимательномъ обзорѣ юбилейныхъ статей замѣчается иногда недостатокъ объективности и даже крайнее пристрастіе къ предвзятымъ взглядамъ. Несмотря на то, что послѣ смерти Гоголя уже минуло полвѣка, иные касающіеся его вопросы, вызывая принципіальныя разногласія, и до сихъ поръ сохраняютъ свой острый характеръ, такъ что иногда въ юбилейной литературѣ вмѣсто спокойнаго обсужденія прорывалась раздражительная полемика.

По странному недоразумѣнію, нѣкоторымъ авторамъ духовнаго званія пришлись не по душѣ изслѣдованія спеціалистовъ-врачей о психической болѣзни Гоголя, а равно мнѣнія нѣкоторыхъ писателей о вредномъ вліяніи на Гоголя извѣстнаго отца Матвѣя Константиновскаго. Въ этомъ обстоятельствѣ по недоразумѣнію усматриваютъ почти посягательство на религію (!), забывая, что если допустить въ Гоголѣ извращенное религіозное настроеніе *подъ вліяніемъ болѣзни*, то это ничуть не можетъ быть распространено на всѣхъ религіозныхъ людей вообще, такъ какъ искони люди различали съ одной стороны истинное, нормальное религіозное чувство и разныя уклоненія его въ мистицизмъ, фанатизмъ и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что о. Матвѣй, будучи почтеннымъ и истинно благочестивымъ пастыремъ, въ то же время строгостью своихъ нетерпимыхъ аскетическихъ воззрѣній могъ весьма неблагопріятно вліять на проникнутую ужасомъ передъ грознымъ возмездіемъ на страшномъ судѣ душу Гоголя, въ высшей степени мнительнаго въ этомъ отношеніи человѣка. Не безъ причины Арнольди и Бѣлинскій замѣтили въ его извѣстной „Перепискѣ“ „страхъ чертей и ада“, и наконецъ достовѣрно извѣстно, что въ своей уединенной суровой бесѣдѣ о. Матвѣй однажды, незадолго до смерти Гоголя, такъ жестоко и неосторожно расшевелилъ въ Гоголѣ это чувство, что онъ не выдержалъ и, при всемъ безпредѣльномъ благоговѣніи, какое питалъ къ отцу Матвѣю, порывисто вскрикнулъ: „Перестаньте! слишкомъ страшно!“

Въ небольшой любопытной статейкѣ протоіерея Образцова, напечатанной въ № 5 „Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1902 г., подъ заглавіемъ: „Отецъ Матвѣй Константиновскій“,

[1]) О другихъ юбилейныхъ работахъ мы дали отчетъ въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія“, 1902 г., сентябрь.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“, 1862, I, 82. Барсуковъ, т. VIII, стр. 605.

[3]) „Матеріалы для біографіи“, IV, 851.

сообщено дѣйствительно нѣсколько любопытныхъ данныхъ о благочестіи о. Матвѣя и о широкой извѣстности его, какъ замѣчательнаго пастыря, какъ человѣка строгихъ и возвышенныхъ убѣжденій. „Онъ всю жизнь горѣлъ, какъ свѣча передъ Господомъ", —замѣчаетъ между прочимъ о. Образцовъ. Но все это указывалось и раньше въ печати [1]), и никѣмъ не оспаривалось, и все-таки о. Образцовъ не только не уничтожаетъ, но напротивъ, еще и самъ подтверждаетъ фактъ и неудачнаго вмѣшательства о. Матвѣя въ литературныя дѣла Гоголя и даже приводитъ лично имъ слышанныя непосредственно изъ устъ самого о. Матвѣя любопытныя слова: „Я совѣтовалъ ему написать что-нибудь (!!) о людяхъ добрыхъ, т.-е. изобразить людей положительныхъ типовъ, а не отрицательныхъ, которыхъ онъ талантливо изображалъ. Онъ взялся за это дѣло, но неудачно". Кромѣ того, положительно извѣстно, что о. Матвѣй сильно возставалъ противъ взглядовъ Гоголя на воспитательное значеніе театра и что Гоголь нѣкоторое время боролся противъ такого односторонняго на него вліянія [2]), и, наконецъ, о. Образцовъ подтверждаетъ молву о томъ, что о. Матвѣй требовалъ отъ Гоголя, чтобы онъ отрекся отъ Пушкина [3]). Такимъ образомъ, стараясь оправдать о. Матвѣя, онъ незамѣтно для себя подкрѣпляетъ обвиненіе противъ него. Что о. Матвѣй искренно желалъ блага для души Гоголя, въ этомъ, кажется, никто не сомнѣвался, но, конечно, по меньшей мѣрѣ ему слѣдовало бы воздержаться отъ совѣтовъ въ мало доступной ему чуждой области. Конечно, возможно, что иныя изъ недавнихъ статей объ о. Матвѣѣ, вызвавшія горячій протестъ со стороны о. Образцова, перешли должную мѣру [4]), но то же самое по справедливости слѣдуетъ сказать и объ его защитникахъ. Такъ, въ томъ же нумерѣ „Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", протоіерей о. Филипповъ, возражая г. Щеглову, говоритъ: „если винить о. Матвѣя въ *губительномъ*, по выраженію г. Щеглова, вліяніи на Гоголя, то удивительно, какъ могли ускользнуть отъ обличенія тѣ священники, которые въ разное время вліяли на него черезъ исповѣдь", и вслѣдъ затѣмъ приводитъ слѣдующія слова изъ одного письма Гоголя къ С. П. Шевыреву, въ кото-

[1]) См. статью Грешищева: „От. Матвѣй Константиновскій, ржевскій протоіерей", „Странникъ", 1860, № 12, стр. 245, и „Гражданинъ", 1874, № 4.

[2]) См. „Письма Гоголя", т. I, предисловіе, стр. IX—X.

[3]) „Новое Время", 11 дек. 1901, № 9528.

[4]) На это жалуется и г. Н. Розановъ въ своей брошюрѣ: „Гоголь, какъ вѣрный сынъ церкви", Москва, 1902, 19.

ромъ онъ проситъ отыскать одного изъ своихъ духовниковъ въ Москвѣ, у котораго „простое слово проникнуто душевнымъ чувствомъ“ [1]). Странное недоразумѣніе: справедливо или нѣтъ, въ о. Матвѣѣ осуждали его фанатизирующее и подавляющее вліяніе на Гоголя, но по какой же логикѣ такое обвиненіе должно быть распространено и на всѣхъ вообще священниковъ, которые бесѣдовали съ Гоголемъ на исповѣди и, вѣроятно, недолго? Намъ казалось бы, напротивъ, что иныя духовныя лица могли бы благотворно вліять на больного писателя, дѣйствуя на него мягко и успокоительно, подобно тому, какъ такое доброе, ободряющее вліяніе имѣла на него кроткая, благочестивая старушка Н. Н. Шереметева своими простыми, полными христіанской любви и кротости словами и письмами [2]). Также изъ немногихъ словъ доктора Тарасенкова въ его брошюрѣ: „Послѣдніе дни Гоголя“ о приходскомъ священникѣ церкви Симеона Столпника, А. И. Соколовѣ [3]), читатель выноситъ совершенно иное представленіе о вліяніи его на душу Гоголя, нежели объ отцѣ Матвѣѣ.

V.

Еще больше ожесточенныхъ нападеній вызвали со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ писателей изслѣдованія психіатровъ-спеціалистовъ о психической ненормальности Гоголя, причемъ этихъ изслѣдователей упрекали въ профессіональныхъ увлеченіяхъ.

Между тѣмъ, если искать въ юбилейной литературѣ не только новыхъ матеріаловъ, но и новаго, болѣе удачнаго и вѣрнаго освѣщенія неясныхъ пунктовъ въ біографіи Гоголя и его личности, то необходимо признать, что наиболѣе цѣнный вкладъ въ этомъ отношеніи представляютъ именно изслѣдованія психологическаго и психіатрическаго характера, вопреки мнѣнію г. Венгерова, полагающаго, что въ вопросѣ о Гоголѣ „психіатрическое объясненіе ровно ничего не объясняетъ“ [4]). Какъ бы ни были цѣнны и важны объясненія развитія Гоголевскаго творчества въ связи съ общимъ ходомъ литературнаго прогресса въ изслѣдованіи г. Н. Котляревскаго, какъ ни любопытны

[1]) „Письма“, т. III, стр. 285.

[2]) Моя статья о Н. Н. Шереметевой въ „Русской Старинѣ“, 1892, X.—О началѣ знакомства Гоголя съ Шереметевой см. любопытный разсказъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1904, I, стр. 307.

[3]) Ср. „Матеріалы для біографіи Гоголя“, IV, стр. 849 и 853.

[4]) „Русское Богатство“, 1902, II, 124.

детальныя наблюденія надъ языкомъ и стилистическими пріемами Гоголя въ работѣ г. Мандельштама, или новыя соображенія объ его національныхъ симпатіяхъ и пр.,—все это касается частностей, тогда какъ недавнія изслѣдованія г. Овсянико-Куликовскаго и врачей-психіатровъ представляютъ цѣнныя попытки подыскать ключъ къ загадочной душѣ Гоголя и обѣщаютъ, освѣтивъ многое доселѣ непонятное, пролить болѣе яркій свѣтъ на его личность, на весь ея психическій строй. Также нельзя не признать чрезвычайно мѣткими соображенія г. Венгерова о такъ называемомъ имъ „психологическомъ рисункѣ" Гоголя и о томъ, что онъ былъ „писатель-гражданинъ" [1]).

Эта сторона дѣла и требуетъ въ настоящее время наибольшаго къ себѣ вниманія, тогда какъ нѣкоторые иные вопросы, въ родѣ защиты или опроверженія взглядовъ, высказанныхъ имъ въ „Перепискѣ съ друзьями", до сихъ поръ приводятъ только къ безплодному словопренію и къ напрасной тратѣ времени и словъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Чижа, что „гдѣ замѣшаны политическія симпатіи, тамъ никакія доказательства не убѣдятъ противниковъ" [2]).

Съ своей стороны г. Чижъ избираетъ вѣрный путь, задавшись цѣлью дать по возможности новое освѣщеніе уже давно извѣстныхъ данныхъ и подыскать на почвѣ психологическаго изученія ключъ ко всему, что̀ остается до сихъ поръ темнымъ или недостаточно разъясненнымъ. То же слѣдуетъ сказать и о прекрасномъ трудѣ о Гоголѣ г. Овсянико-Куликовскаго. Поиски же затерянныхъ фактовъ и писемъ теперь уже немного обѣщаютъ новыхъ цѣнныхъ данныхъ.

VI.

Большую заслугу проф. Чижа мы видимъ, между прочимъ, въ его смѣломъ и рѣшительномъ утвержденіи, что Гоголь въ сущности мало унаслѣдовалъ качествъ отъ своихъ родителей. Въ самомъ дѣлѣ, традиціонное усердное отыскиваніе слѣдовъ вліянія на геніальную личность Гоголя со стороны расы и природы Украйны, условій наслѣдственности и проч., какъ въ томъ все болѣе убѣждаются лица, занимающіяся этимъ вопросомъ, при-

---

[1]) „Русское Богатство", 1902, II, 144. Особенно хороши у г. Венгерова тѣ страницы, гдѣ онъ говоритъ о панегиристахъ „Переписки съ друзьями" („Русское Богатство", 1902, IV, 247—263).

[2]) „Вопросы философіи и психологіи", 1903, книга 70, стр. 765 и 798, примѣчаніе 1-ое.

водятъ къ поразительно скуднымъ результатамъ и къ рискованнымъ заключеніямъ, въ сущности не столько разъясняющимъ, сколько затемняющимъ дѣло. Несомнѣнно вѣрный въ основѣ своей принципъ, выставленный Тэномъ, требуетъ особой осторожности въ примѣненіи. Даже помимо личныхъ индивидуальныхъ особенностей, играющихъ важную роль въ характерѣ каждаго человѣка, можно ли предполагать почти тождественный характеръ вліянія страны на ея сыновъ и не допускать въ данномъ случаѣ извѣстнаго и даже довольно значительнаго разнообразія, и не ведетъ ли на дѣлѣ погоня за примѣненіемъ метода Тэна въ началѣ біографическихъ очерковъ къ банальнымъ и сомнительнымъ характеристикамъ и общимъ мѣстамъ? [1]) Притомъ вопросъ этотъ настолько сложенъ, что браться за рѣшеніе его цѣлесообразно не раньше, чѣмъ послѣ обстоятельнаго разъясненія множества другихъ, связанныхъ съ нимъ вопросовъ, и только тогда изслѣдователь будетъ стоять уже на твердой почвѣ.

Въ такомъ же отчасти положеніи, хотя, разумѣется, въ несравненно меньшей степени, находится и вопросъ о наслѣдственности. Безъ сомнѣнія, это вопросъ капитальной важности и требующій трезваго воздержанія отъ легко являющихся здѣсь натяжекъ и гипотезъ.

Г. Чижъ остроумно и въ высшей степени цѣлесообразно измѣняетъ шаблонную постановку его и въ своемъ блестящемъ анализѣ подчеркиваетъ и выдвигаетъ, наоборотъ, черты *различія* въ душевномъ складѣ Гоголя и его родителей, что̀ избавляетъ его отъ скользкаго пути рискованныхъ домысловъ и позволяетъ ему остаться на надежной почвѣ положительныхъ фактовъ. Этотъ свободный отъ рутинныхъ привычекъ, удачный пріемъ приводитъ его къ цѣннымъ результатамъ, которые уже ни въ комъ не могутъ возбуждать сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, немногія черты сходства Гоголя съ родителями уже давно были подмѣчены и неоднократно указаны, но все это почти не давало существенныхъ результатовъ. Обыкновенно указывалось, что Гоголь унаслѣдовалъ отъ родителей преувеличенную, болѣзненную мнительность, крайне развитое и богатое воображеніе, нервность и, быть можетъ, нѣкоторую воспріимчивость къ галлюцинаціямъ. Но всего этого еще мало, а больше, кромѣ еще предполагаемаго до извѣстной степени унаслѣдованія отъ отца литературнаго таланта, нечего было и находить.

---

[1]) См. „Н. В. Гоголь“ Н. Котляревскаго, стр. 1—2, и „Дѣтство и юность Гоголя“ Н. Коробки („Журналъ мин. нар. просв.“, 1902, II, 240—241); „Н. В. Гоголь“. Рѣчи, посвященныя его памяти въ Академіи Наукъ“. Спб., 1902, стр. 4.

Напротивъ, г. Чижъ въ данномъ вопросѣ, какъ мы сказали, является рѣшительнымъ новаторомъ. До сихъ поръ изслѣдователи затрудняли себя натяжками и ухищреніями, чтобы получить болѣе яркую картину вліянія на Гоголя наслѣдственности, и даже дополняли разными ухищреніями недостающія свѣдѣнія объ отцѣ Гоголя, котораго даже портрета въ свое время не позаботились и не съумѣли сохранить въ его семьѣ, что вполнѣ объясняется всѣмъ складомъ старинной, патріархальной жизни, когда подобныя вещи были не въ обычаѣ и просто на умъ никому не приходили. Несмотря на то, что намъ еще удалось застать въ живыхъ и въ полной памяти нѣсколькихъ лицъ, прекрасно знавшихъ Василія Аѳанасьевича Гоголя, напр. Александру Ивановну Псіолъ, друга и сожительницу княжны Варвары Николаевны Репниной, нѣкогда дружной съ Ник. Вас. Гоголемъ, но воспоминанія всѣхъ этихъ лицъ давали лишь самую скудную, общую характеристику его, какъ человѣка крайне добраго и симпатичнаго, занимательнаго и чрезвычайно пріятнаго въ обществѣ, радушнаго, гостепріимнаго, хорошаго семьянина,—но и только; и уже послѣ напечатанія въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ статьи нашей „Родители Гоголя“ [1]), и по прочтеніи ея этимъ лицамъ для провѣрки и дополненій, какъ мы ни добивались разсказовъ о какихъ-нибудь отдѣльныхъ случаяхъ и фактахъ его жизни, не совсѣмъ общихъ штриховъ его характеристики, результаты получались такіе, какъ будто рѣчь касалась какой-то полумиѳической, легендарной личности, успѣвшей кануть во мракъ вѣковъ. Причина этого кроется, надо полагать, кромѣ слишкомъ давней смерти Василія Аѳанасьевича, главнымъ образомъ, въ монотонномъ, однообразномъ строѣ помѣщичьей жизни лѣтъ восемьдесятъ-девяносто тому назадъ, а также въ довольно позднемъ возрастѣ тѣхъ лицъ, которыя о немъ вспоминали и въ памяти которыхъ его личность и подробности его жизни значительно заслонились впечатлѣніями болѣе позднихъ временъ и радикально измѣнившагося строя жизни.

Покойный П. А. Кулишъ вскользь, но довольно рѣшительно высказался въ томъ смыслѣ, что Василій Аѳанасьевичъ имѣлъ большое вліяніе на сына, но, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, онъ только ставитъ рядъ вопросовъ, напр.: *„кто знаетъ*, не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Николай Васильевичъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя въ его повѣсти „Вій“. Если это и не такъ, то можно

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1889 г., т. I—II.

сказать *почти навѣрное* (?), что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Отъ него Николай Васильевичъ *могъ* заимствовать и остатки старинныхъ преданій, заключающихся въ „Тарасѣ Бульбѣ" и „Пропавшей грамотѣ" [1]).

Но эти предположенія, хотя и вѣроятныя, до сихъ поръ не получили ни малѣйшаго подтвержденія. Къ мнѣнію Кулиша присоединился покойный И. Н. Ждановъ въ своемъ литографированномъ курсѣ лекцій, читанныхъ въ 1896—1897 году въ петербургскомъ университетѣ; здѣсь же онъ возражаетъ противъ высказаннаго мною мнѣнія, что „вліяніе Василія Аѳанасьевича на сына едва ли, по причинѣ его ранней смерти, могло оставить болѣе или менѣе глубокіе слѣды", на томъ основаніи, что во время его кончины юному Гоголю было уже шестнадцать лѣтъ, и находитъ мое мнѣніе нѣсколько неопредѣленнымъ, такъ какъ въ то же время я признаю, что, „какъ авторъ нѣсколькихъ комедій изъ малороссійскаго быта, разыгранныхъ на домашней сценѣ его родственника Трощинскаго, онъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовалъ развитію въ мальчикѣ эстетическаго вкуса и наклонности къ юмору" [2]). Здѣсь есть, однако, кажется, нѣкоторое недоразумѣніе, такъ какъ, признавая, вмѣстѣ съ П. А. Кулишомъ, извѣстную долю вліянія на литературно-эстетическое образованіе Гоголя со стороны его отца, которое было весьма важно въ раннемъ впечатлительномъ возрастѣ, я остаюсь при сильномъ сомнѣніи въ томъ, чтобы вліяніе отца существенно отразилось въ цѣломъ складѣ его духовной личности, для чего мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Въ этомъ мнѣніи сходятся со мною и Н. Котляревскій, полагающій, что „особеннаго вліянія на сына Василій Аѳанасьевичъ не оказалъ, такъ какъ умеръ слишкомъ рано" [3]), и проф. Чижъ, который такъ говоритъ объ этомъ: „Можно, конечно, говорить, что В. А. Гоголь имѣлъ вліяніе на своего сына, какъ человѣкъ образованный и даже литературный". „Но вліяніе отца имѣло вліяніе лишь на внѣшнюю жизнь Н. В. Гоголя: еслибы онъ выросъ въ необразованной семьѣ, онъ могъ бы заглохнуть, его геній былъ бы намъ неизвѣстенъ, но все-таки Н. В. былъ бы геніальнымъ человѣкомъ". Вообще же, вліяніе Василія Аѳанасьевича на сына проф. Чижъ считаетъ „*ничтожнымъ*" [4]). Такое приблизительно можно составить себѣ представленіе о степени этого вліянія, какъ указано

[1]) „Записки о жизни Гоголя", т. I, стр. 10.

[2]) „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. I, стр. 31.

[3]) „Н. В. Гоголь" Н. Котляревскаго, стр. 2—3.

[4]) „Вопросы философіи", 1903, книга 67, стр. 275 и 278.

выше; болѣе обстоятельнаго и опредѣленнаго выясненія этого вопроса не позволяютъ сдѣлать имѣющіяся пока данныя. Точнѣе можно указать это вліяніе въ нѣкоторыхъ мелочахъ, напр. въ томъ, что къ Гоголю привились нѣкоторые мелкіе вкусы и наклонности отца, напр. его любовь къ саду и даже къ извѣстнымъ породамъ деревьевъ, любимыхъ какъ отцомъ, такъ и сыномъ; но десятилѣтнимъ ребенкомъ Гоголь былъ уже отданъ въ чужія руки и рѣдко видѣлся съ отцомъ,—только въ свои пріѣзды на побывку въ Васильевку въ лѣтніе мѣсяцы; отецъ почти вовсе не навѣщалъ его въ годы ученья, а на рождественскіе и другіе праздники Гоголя при жизни отца домой не брали. Въ письмѣ, писанномъ въ концѣ 1824 года, онъ положительно говоритъ родителямъ: „вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздникъ" (на Рождество), „или, лучше сказать, зимою, никогда не былъ дома" [1]). Остается, слѣдовательно, признать только одно,—что Василій Аѳанасьевичъ пріохотилъ сына къ чтенію и театру, и что его комедіи дали толчокъ первоначальному творчеству Николая Васильевича въ его „Вечерахъ на хуторѣ" и отчасти въ „Женитьбѣ" [2]).

Г. Чижъ допускаетъ вліяніе на Гоголя его отца въ смыслѣ физіологической наслѣдственности,—въ томъ, что послѣдній передалъ ему слабый организмъ. Таково же было мнѣніе и самого Гоголя, высказанное имъ въ одномъ изъ писемъ къ Н. М. Языкову: „Отецъ мой былъ также сложенья слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ, а не нападеньемъ какой-нибудь болѣзни" [3]). Эти слова Гоголя, кажется, могутъ служить подтвержденіемъ мнѣнія проф. Чижа о томъ, что В. А. Гоголь умеръ отъ чахотки, но, къ сожалѣнію, онъ пропустилъ ихъ безъ вниманія.

Итакъ, сходство между В. А. Гоголемъ и его сыномъ было не особенно значительное, а рѣзкая противоположность между ними мѣтко охарактеризована въ слѣдующихъ строкахъ г. Чижа: „Отецъ Гоголя... былъ человѣкъ обыкновенный; онъ не выдавался изъ среды, въ которой жилъ, не достигъ совершенства въ какомъ-либо родѣ дѣятельности; онъ не захотѣлъ закончить своего образованія, пробовалъ служить, но безъ успѣха, ревностно (?) занимался хозяйствомъ, но хозяиномъ былъ плохимъ. Онъ писалъ недурныя пьесы для театра Трощинскаго, но эти пьесы были очень далеки отъ совершенства и не обратили на себя вни-

---

[1]) „Письма", т. I, стр. 23.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 551.
[3]) „Письма", т. III, стр. 64.

манія". „Едва ли можно сомнѣваться",—продолжаетъ тотъ же авторъ,—„что В. А. Гоголь былъ мягкій, добрый, хорошій человѣкъ, любимый своею семьею и своими знакомыми; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отличался ни трудолюбіемъ, ни энергіей, ни настойчивостью, ни дѣловитостью" [1]).

„Геніальный сынъ всегда стремился впередъ, никогда не мирился съ дѣйствительностью; отецъ былъ доволенъ своею жизнью, вполнѣ мирился съ окружающей обстановкой. Отецъ наслаждался жизнью, какъ ни скромна была его доля счастья; сынъ могъ бы имѣть все въ жизни, и не наслаждался никогда жизнью, потому что по своему темпераменту не могъ наслаждаться жизнью. Отецъ провелъ жизнь какъ праздникъ; для геніальнаго сына жизнь была страданіе, прерываемое короткими моментами восторговъ, о которыхъ В. А. и мечтать не могъ". Но требуетъ подтвержденія мнѣніе г. Чижа о томъ, что Василій Аѳанасьевичъ не передалъ сыну литературнаго дарованія и таланта разсказчика; относительно утвержденія г. Чижа, что такого рода способности не передаются по наслѣдству, можно было бы, пожалуй, сказать, что въ данномъ случаѣ намъ не слѣдуетъ именно искать тождественнаго повторенія въ сынѣ индивидуальныхъ свойствъ даровитости отца; что ничто не мѣшаетъ допустить такую наслѣдственность въ болѣе общемъ смыслѣ. Затѣмъ, хотя литературный талантъ В. А. Гоголя проф. Чижъ, можетъ быть, не безъ основанія считаетъ только посредственнымъ, но, во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, о чемъ говоритъ и самъ авторъ, что Василій Аѳанасьевичъ Гоголь никогда и не помышлялъ о серьезной обработкѣ своего таланта, и въ сущности едва ли не забросилъ его, а во-вторыхъ, кажется, въ данномъ случаѣ нѣтъ достаточнаго основанія отрицать наслѣдственную преемственность единственно потому, что были неодинаковы размѣры и сила ихъ талантовъ.

Въ тонкой и вѣрной характеристикѣ наслѣдственности Гоголя со стороны матери г. Чижъ также свободенъ отъ крайностей и профессіональныхъ увлеченій, въ которыхъ его и другихъ психіатровъ иные склонны подозрѣвать. До сихъ поръ преимущественно указывали ея вліяніе на зарожденіе и развитіе въ сынѣ религіознаго чувства, затѣмъ сходство въ нервной, до

[1]) „Вопросы философіи и психологіи", 1903, книга 67, стр. 273. То же говоритъ и г. Коробка: „У В. А. Гоголя не хватило серьезнаго отношенія къ своему таланту" (Журналъ мин. нар. просв.", 1902, т. II, стр. 257), но, замѣчаетъ г. Ив. Ивановъ, „писательство Василія Аѳанасьевича было просто продолженіе застольнаго балагурства" („Научное Слово", 1903, т. III, стр. 78).

нѣкоторой степени патологической организаціи и чрезвычайной мнительности. Не отрицая всего этого, г. Чижъ и тутъ останавливается больше на указаніи различія въ характерахъ матери и сына. „Любопытно,—говоритъ онъ,—что Гоголь не унаслѣдовалъ отъ матери ни ея любвеобильности, ни ея кротости, ни ея непосредственнаго сердечнаго интереса къ жизни, ни ея покорности судьбѣ, ни ея практичности, ни ея душевной простоты и прекрасной наивности". Далѣе онъ отмѣчаетъ, что „Марьѣ Ивановнѣ Гоголь жилось гораздо легче, чѣмъ ея сыну; такъ же, какъ и ея мужъ, она обладала жизнерадостностью и умѣла довольствоваться немногимъ". Итакъ, дѣлаетъ общее заключеніе г. Чижъ,—„Н. В. Гоголь біологически ничего, кромѣ слабаго здоровья, не унаслѣдовалъ отъ отца, и очень мало унаслѣдовалъ отъ матери, что̀ доказывается и тѣмъ, что всѣ его сестры рѣшительно ни въ чемъ не походили на своего геніальнаго брата", такъ что геніальность автора „Мертвыхъ Душъ" не была унаслѣдована и ее остается объяснить болѣзнью, такъ какъ только болѣзнь можетъ намъ объяснить такое рѣзкое уклоненіе, такое существенное отличіе. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же иначе можно объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что Н. В. Гоголь и своими удивительными способностями, и своей организаціей отличался отъ всѣхъ членовъ своего семейства?" Мы съ своей стороны оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ.

VII.

Еще болѣе представляетъ затрудненій и является совершенно окутаннымъ густымъ мракомъ вопросъ о генеалогіи Гоголя, о ближайшихъ и тѣмъ болѣе объ отдаленныхъ его предкахъ, для которой почти единственнымъ источникомъ до сихъ поръ можетъ служить полу-апокрифическій документъ о дворянскомъ происхожденіи, представленный дѣдомъ Гоголя, полковымъ писаремъ, Аѳанасіемъ Гоголемъ-Яновскимъ, въ дворянское собраніе кіевскаго намѣстничества [1]), гдѣ мы находимъ указаніе, что „предки" (Гоголя) „были польской націи".

Недавно г. Коробка высказалъ предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фальсификаціей, довольно обычной въ тѣ времена среди малороссовъ, прибѣгавшихъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ и уловкамъ, чтобы доказать свое

[1]) См. „Записки о жизни Гоголя", т. II, стр. 271.

сомнительное дворянское происхожденіе; а такъ какъ въ Малороссіи многими отожествлялись понятія *ляхъ* и *шляхтичъ*, то люди, соблазнявшіеся претензіей на аристократизмъ, охотно выдавали себя за поляковъ по крови [1]).

Въ виду доказаннаго существованія многихъ подобныхъ случаевъ, нельзя, разумѣется, отрицать возможности такой аналогіи, но необходимо принять въ соображеніе и нѣкоторыя иныя данныя. Дѣйствительно, въ документѣ о дворянскомъ происхожденіи, представленномъ Аѳанасіемъ Гоголемъ, есть подозрительная подробность, отмѣченная еще Кулишомъ: тамъ говорится о полученіи Яномъ Гоголемъ, по королевской грамотѣ Яна-Казиміра, въ даръ помѣстья Ольховецъ въ 1674 году, тогда какъ Янъ-Казиміръ, какъ извѣстно, уже за шесть лѣтъ до того отказался отъ престола [2]). Вотъ поэтому-то г. Коробка и считаетъ нужнымъ подвергнуть сомнѣнію какъ польское, такъ и шляхетское происхожденіе рода Гоголей. Сомнѣніе его еще больше усиливается тѣмъ, что въ этой генеалогіи въ качествѣ родоначальника называется то Андрей, то Остапъ Гоголь, да и вообще во всемъ вопросѣ царитъ немалая путаница, какъ это и естественно при недостаточности и частью сомнительности имѣющихся данныхъ. Но въ 1902 г., къ юбилею Гоголя, въ печати были опубликованы отрывки изъ дневника дальняго родственника Н. В. Гоголя по другой линіи, священника миргородскаго уѣзда о. Владиміра Яновскаго. „Родъ Гоголей-Яновскихъ ведетъ свое начало отъ нѣкоего Ивана Яковлевича (=Яна Гоголя), *выходца изъ Польши*, который въ 1695 году былъ назначенъ въ Троицкой церкви города Лубенъ „викарнымъ священникомъ“; вскорѣ онъ былъ переведенъ во вновь уступленную Успенскую церковь села Кононовки того же уѣзда. Въ „ставленной грамотѣ“ фамилія Ивана Яковлевича не обозначена, а только прописано, что „Божіею милостію... посвященъ въ іерея Иванъ Яковлевичъ, мужъ благоговѣйный, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилежно испытанный“ [3]). Такимъ образомъ, и тутъ онъ также названъ „*выходцемъ изъ Польши*“, хотя православному священнику нынѣшняго времени и его ближайшимъ предкамъ не могло быть ни малѣйшаго ни разсчета, ни побужденія выдавать себя, вопреки истинѣ, за людей польскаго происхожденія.

Любопытно затѣмъ обратить вниманіе на сбивчивость въ

---

[1]) „Журналъ мин. нар. просв.“, 1902, III, 241—246.

[2]) „Записки о жизни Гоголя“, V, 3.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1902, IV, стр. 705.

имени полковника, родоначальника Гоголей, называемаго въ разныхъ источникахъ то Андреемъ, то Остапомъ, то, наконецъ, Яномъ. Дѣло, повидимому, объясняется тѣмъ, что такой предокъ настойчиво, но не совсѣмъ удачно припоминаемый, дѣйствительно существовалъ и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ чинъ полковничій,—обстоятельство, казавшееся его потомкамъ немаловажнымъ и потому сохранившееся въ смутныхъ семейныхъ преданіяхъ; но то была такая среда, по замѣчанію г. Коробки—„буржуазная" [1]), которой и на умъ не приходило интересоваться своимъ родословнымъ деревомъ—предразсудокъ совсѣмъ иного общественнаго круга, и генеалогія возстановлялась съ усиліями и едва ли не наобумъ, вслѣдствіе чего имя полу-легендарнаго полковника путали и переиначивали, смотря по тому, какъ кому подсказывала его память. Преднамѣренность здѣсь заподозрить трудно; напротивъ, надо думать, что умышленная фальсификація скорѣе должна была повести къ удержанію въ памяти того имени, на которомъ она должна была держаться, и потому намъ кажется не идущимъ къ дѣлу язвительное замѣчаніе г. Коробки: „Судьба въ данномъ случаѣ благопріятствовала, предпославъ однофамильца Остапа Гоголя, полковника подольскаго, и къ нему естественнѣе всего было возводить свой родъ".

Г. Коробка высказываетъ далѣе такое предположеніе: „Хотя Остапа Гоголя и Н. В. Гоголя раздѣляетъ болѣе ста лѣтъ, въ семьѣ *могли* сохраниться кое-какія воспоминанія". Но такое предположеніе безусловно невѣрно; по крайней мѣрѣ, покойная Анна Васильевна Гоголь на мой вопросъ объ этомъ прямо отвѣтила, что ни о какомъ Остапѣ Гоголѣ никогда въ семьѣ не было и помина, и что она о немъ и слыхомъ не слыхала, и даже выразила недовѣріе къ самому факту существованія такой личности, что̀ и было мною давно уже сообщено [2]). Конечно, если бы существовала обдуманная цѣль ухватиться для возвеличенія рода за полу-легендарнаго предка, то его запомнили бы твердо и уже не открещивались бы отъ него. Притомъ, все это только смутное предположеніе. Наконецъ, въ любопытномъ письмѣ Н. В. Гоголя къ матери, отъ 1851 года, читаемъ: „Если не докажется происхожденіе отъ полковника (sic) Яна Гоголя, то родъ будетъ записанъ въ восьмую книгу. Шестая книга, конечно, почетнѣе, но права почти тѣ же" [3]). Итакъ, здѣсь

[1]) Г. Коробка употребляетъ выраженія „казачья буржуазія" и „хозяйственные мужики".

[2]) „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. I, стр. 131.

[3]) „Письма", т. IV, стр. 368.

Н. В. Гоголь, путая когда-то давно слышанное, считаетъ полковникомъ уже Яна Гоголя, который на самомъ дѣлѣ былъ священникомъ и потомъ, послѣ переселенія въ Лубны, сталъ прозываться „Иваномъ Яковлевичемъ"; но все-таки о пресловутомъ предкѣ-полковникѣ и у него существовало какое-то очень смутное и слабое представленіе. Изъ того же письма Н. В. Гоголя къ матери узнаемъ, что о разъясненіи дворянскихъ правъ рода, по слѣдамъ отца, хлопоталъ и Василій Аѳанасьевичъ: „Отецъ мой досталъ также грамоты и документы". Но весь вопросъ представлялся настолько далекимъ и какъ бы отвлеченнымъ, что ни жена, ни дѣти его не знали хода дѣла и результатовъ поисковъ, и Николай Васильевичъ сообщаетъ объ этомъ матери, какъ о совершенно неизвѣстной ей новости, и самъ, въ свою очередь, ничего не можетъ сказать обстоятельно, потому что дѣло это, очевидно, было возбуждено во время его дѣтства. Такимъ образомъ, по старинному обычаю, дѣло тянулось и откладывалось за неимѣніемъ нужныхъ свѣдѣній, не говоря уже о ясныхъ доказательствахъ, и къ справкамъ и хлопотамъ приходилось возвращаться и, можетъ быть, неоднократно; потомъ наступало равнодушіе и утомленіе, и дѣло забрасывалось на многіе, многіе годы. Старый близкій знакомый семьи Гоголей, московскій губернаторъ, Иванъ Васильевичъ Капнистъ, человѣкъ опытный и знающій въ дѣлахъ, посовѣтовалъ Гоголю обратиться къ ветерану-служакѣ Любомірскому [2]), „который долго служилъ при (полтавскомъ) дворянскомъ собраніи", утверждая, что онъ могъ бы указать какіе-то пути и способы, чтобы разобраться въ запутанномъ вопросѣ.

Но довольно. Если въ серединѣ и даже началѣ прошлаго столѣтія лицамъ, близко заинтересованнымъ, нелегко было найти концы въ этомъ дѣлѣ, то, конечно, теперь на это плохая надежда, да и особенной важности этотъ вопросъ не представляетъ.

Но кто же, все-таки, былъ по національности Янъ (онъ же Иванъ Яковлевичъ) Гоголь? И что̀ побудило его, какъ сказано въ упомянутомъ документѣ, представленномъ Аѳанасіемъ Гоголемъ, „по умертвіи отца своего Прокопа" (здѣсь снова путаница: Иванъ *Яковлевичъ* оказывается сыномъ *Прокопа!*), „оставя въ Польшѣ свои имѣнія, перейти въ Россійскую сторону" [1])? Тамъ же Янъ и отецъ его Прокопъ снова названы „польскими шляхтичами". Одно несомнѣнно, что временное уклоненіе въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Русскій Архивъ", 1875, т. II, стр. 457.

полонизмъ находится въ связи съ упоминаемымъ въ томъ же документѣ полученіемъ въ даръ отъ польскаго короля (Яна-Казиміра?) имѣнія Ольховецъ. Но затѣмъ намъ рѣшительно неизвѣстно, что̀ побудило Яна обратно „выдти въ Россійскую сторону", какъ и вообще о немъ въ сущности ровно ничего положительнаго неизвѣстно, кромѣ того, что онъ былъ въ концѣ жизни въ Лубнахъ священникомъ. Общее впечатлѣніе получается такое, что почему-то Гоголи, коренные малороссы, становятся ненадолго поляками, а затѣмъ вскорѣ снова возвращаются къ прежней національности. Г. Коробка возстаетъ противъ этого нашего заключенія, высказаннаго еще въ „Матеріалахъ", но въ сущности онъ самъ повторяетъ его и почти въ тѣхъ же словахъ: „Семья Гоголя примкнула къ панству поздно и въ значительной долѣ случайно" [1]). О происхожденіи своей второй фамиліи Н. В. Гоголь, повидимому, также обстоятельно не зналъ и шутя говорилъ, что ее „поляки выдумали". Племянникъ Гоголя, нынѣ здравствующій, Николай Владиміровичъ Быковъ, въ статьѣ: „Еще о предкахъ Н. В. Гоголя", заявляетъ съ своей стороны, что „какъ по имѣющимся документамъ въ семейномъ архивѣ, такъ и по даннымъ въ депутатскомъ дворянскомъ собраніи, родъ Н. В. Гоголя вполнѣ установленъ и сходится со свѣдѣніями, имѣющимися въ біографіи Гоголя—П. А. Кулиша" [2]).

Намъ кажется, что нѣтъ основанія не довѣрять этому показанію, но при всемъ томъ весьма желательно, чтобы относящіеся сюда любопытные документы были оглашены въ печати...

Влад. Шенрокъ.

---

[1]) Тамъ же, 1902, II, 246.
[2]) „Полтавскія Вѣдомости", 1902, во второй половинѣ февраля.

СУПРУГА МИНИСТРА

— Gerolamo Rovetta, „La moglie di Sua Eccelenza“. Romanzo. Milano, 1904.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Окончаніе.

I *).

Ремигія д'Ореа полновластно царитъ въ Понтерено, окруженная блестящимъ дворомъ. Вилла ея всегда полна гостей; къ ней съѣзжается лучшее общество средней и южной Италіи. Мужчинъ она принимаетъ почти безъ разбора,—отъ нихъ требуются только изящныя манеры и безукоризненно сидящій фракъ. Къ женщинамъ она гораздо болѣе строга: у нихъ должна быть твердо установившаяся репутація добродѣтели; иначе онѣ не могутъ переступить порога ея дома,—въ особенности если онѣ молоды и красивы.

Изъ мужчинъ царица Понтерено отдаетъ предпочтеніе только двумъ категоріямъ: спортсмэнамъ и людямъ съ политическимъ вліяніемъ, — конечно, не оппозиціонной партіи. Ремигія—очень здоровая, сильная, несмотря на свою худощавость, нервная и жизнерадостная молодая женщина. Она нуждается въ непрерывныхъ развлеченіяхъ: верховой ѣздѣ, охотѣ, танцахъ до упада,—и потому ея двери открыты для свѣтскихъ людей, помогающихъ ей весело проводить время. Но Ремигія мечтаетъ также о министерскомъ портфелѣ для мужа,—и потому особенно любезна со

*) См. выше: августъ, стр. 623.

всѣми, кто по ея мнѣнію можетъ способствовать осуществленію ея мечты. Какъ знать?.. Великій день, быть можетъ, уже близокъ!

— Министерство не можетъ дольше держаться... дни его сочтены... оно падетъ при первомъ голосованіи!—таковъ послѣдній политическій бюллетень, повторяемый друзьями Ремигіи, которые, являясь къ ней, говорятъ каждый разъ:—Скоро, значитъ, вы поселитесь въ Римѣ?

Ремигія старается казаться спокойной, но умножаетъ визиты въ дома вліятельныхъ людей, расточаетъ всѣмъ любезныя улыбки—спортсмэны теперь отходятъ для нея на второй планъ—и часто ѣздитъ въ Болонью подъ предлогомъ исповѣди. Ея духовникъ, архіепископъ, на прощанье тоже говоритъ ей каждый разъ:

— Итакъ, многоуважаемая донна Ремигія, вы скоро будете жить въ столицѣ?

Адвокатъ Чиро Берлендисъ, членъ коммунальнаго и окружного совѣта, вліятельный избиратель, предпріимчивый издатель газетъ на чужія деньги, обѣдаетъ теперь въ Понтерено не только по воскресеньямъ, какъ прежде, но и по четвергамъ, по приглашенію Ремигіи.

— Въ іюнѣ навѣрное произойдетъ перемѣна министерства!—говоритъ онъ, отдуваясь отъ жары, прежде чѣмъ сѣсть за столъ.—И на этотъ разъ, герцогиня Ремигія, вы должны проявить энергію. Если вашъ мужъ будетъ упрямиться, приструньте его!

Графъ Нарцисъ Гамбара, вице-президентъ монархическаго клуба, влюбленный попеременно одинъ день въ хозяйку, другой въ ея dame de compagnie, и Марко Браготто, офицеръ и авторъ патріотическихъ стиховъ, томно шепчутъ, здороваясь съ хозяйкой и особенно крѣпко пожимая ей руку:

— Увы... мы, кажется, скоро лишимся вашего общества!

Даже старый отставной полковникъ Бальдассаре деи Таддеи, побѣдивъ свою ненависть къ разговорамъ о политикѣ,—ему кажется, что все въ Италіи идетъ къ худу съ тѣхъ поръ, какъ ему дали отставку подъ предлогомъ предѣльнаго возраста,—восклицаетъ, грозно поводя глазами:

— Пора положить этому конецъ! Пора очистить мѣсто!

Май въ этомъ году особенно жаркій и солнце весь день свѣтитъ съ безоблачнаго неба... Но на политическомъ горизонтѣ въ Римѣ сгущаются темныя тучи и готовится буря. Министерство, дѣйствительно, пошатнулось; оно ищетъ поддержки то въ той, то въ другой партіи, надѣется отстоять себя, но теряетъ равновѣсіе и падаетъ.

Ремигія узнаетъ объ этомъ первая, когда въ Болоньѣ еще никто этого не подозрѣваетъ, изъ телеграммы мужа:

„Министерство пало. По настоянію друзей долженъ остаться въ Римѣ. Предвидится долгій кризисъ. Цѣлую. Кланяюсь Мими. —Джіакомо“.

Ремигія получаетъ телеграмму въ то время, какъ собирается одѣваться къ обѣду. Она вскрикиваетъ отъ радости, призываетъ Закареллу и, сообщивъ ему радостную вѣсть, отправляетъ его въ Болонью за вечерними газетами и велитъ ему зайти къ адвокату Берлендису и графу Гамбара—сказать имъ, что она ихъ ждетъ сегодня. Затѣмъ она посылаетъ за Мими, но та видѣла изъ окна телеграмму, и идетъ къ Ремигіи, не дожидаясь зова.

— Хорошія вѣсти?—спрашиваетъ она.

— Чудесныя! Министерство пало. Прочти, вотъ телеграмма. Я сейчасъ же буду телеграфировать Джэку то, что̀ мнѣ сказалъ адвокатъ Берлендисъ: чтобы онъ на этотъ разъ не упрямился.

— Не телеграфируй этого, — говоритъ Мими, прочтя телеграмму и положивъ ее на туалетный столикъ.—Давать такіе совѣты синьору д'Ореа тебѣ не подобаетъ,—онъ можетъ разсердиться.

— Такъ что̀ же мнѣ ему отвѣтить? — Ремигія дѣлаетъ недовольную гримасу и подходитъ къ большому зеркалу. Она сняла платье съ помощью горничной и оглядываетъ себя въ зеркалѣ... какъ въ Билларѣ. И теперь она такая же, какъ тогда: волосы, много волосъ, дивные волосы,—но ничего больше.—Ah, mon Dieu, mon Dieu! — А за нею отражается пышная, высокая фигура Мими Карфо. Какъ это ей удается полнѣть съ каждымъ днемъ!.. Ну, да что̀ же дѣлать!—Такъ скажи мнѣ,—повторяетъ Ремигія съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—что̀ ему отвѣтить?

Мими отвѣчаетъ по-англійски, и разговоръ продолжается на этомъ языкѣ изъ-за присутствія горничной.

— Я бы телеграфировала: — „Огорчена отсрочкой твоего возвращенія. Считаю часы“...

— Хорошо.—„Считаю часы и минуты. Если долго промедлишь, пріѣду сама въ Римъ“. Уфъ!.. Не создана я для супружеской корреспонденціи. Пожалуйста, составь телеграмму въ такомъ родѣ и пошли ее послѣ обѣда. Не забудь въ концѣ написать: „Цѣлую.—Твоя“. А потомъ я ему напишу, что теперь глупо было бы упрямиться и играть въ руку крайней лѣвой, когда страна и король нуждаются въ такомъ человѣкѣ, какъ онъ.

— Пиши ему потомъ, что̀ хочешь,—отвѣчаетъ Мими серьезнымъ тономъ,—но посовѣтуйся раньше съ Берлендисомъ.

— Хорошо; онъ сегодня вечеромъ придетъ.—Ремигія продолжаетъ одѣваться, чуть не прыгая все время отъ радости.—

Помолись, чтобы его назначили министромъ иностранныхъ дѣлъ!—проситъ она свою подругу.—Сходи завтра для этого въ церковь!

Мими обѣщаетъ исполнить эту просьбу.

Адвокатъ Чиро Берлендисъ и графъ Нарцисъ Гамбара являются вдвоемъ сейчасъ же послѣ обѣда и застаютъ Ремигію и Мими въ саду за кофеемъ. Маленькій, толстый, круглолицый адвокатъ, суетливый, запыленный и запыхающійся отъ жары, представляетъ полный контрастъ съ изящнымъ, высокимъ и тонкимъ графомъ; на его сухомъ лицѣ выдѣляется огромныхъ размѣровъ орлиный носъ.

— Наконецъ-то!—восклицаетъ адвокатъ, входя и здороваясь съ дамами.

— Свершилось!—вторитъ ему графъ.

— Я только-что изъ редакціи „Vespertino",—продолжаетъ адвокатъ, обмахиваясь платкомъ и усаживаясь въ кресло.—Тамъ получены телеграммы изъ Рима: разгромъ полный. Изъ четырехъ-сотъ голосовъ только девяносто-восемь на сторонѣ министерства.

— Это Садова, донна Ремигія! Седанъ!—возбужденно восклицаетъ графъ.

Адвокатъ принимаетъ серьезный видъ и начинаетъ убѣждать Ремигію въ необходимости проявить энергію.

— Будьте настойчивы, донна Ремигія! — говоритъ онъ.— Убѣдите вашего мужа, что его друзья, страна и король нуждаются въ немъ; онъ теперь не принадлежитъ себѣ и не имѣетъ права колебаться; его талантъ, опытъ, умъ нужны отечеству.

— Теперь ему нельзя уклоняться подъ предлогомъ слабаго здоровья,—вторитъ графъ.

— Мой мужъ совершенно здоровъ, — быстро возражаетъ Ремигія.—Онъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ когда бы то ни было.

Начинается серьезное обсужденіе письма, которое Ремигія должна написать мужу, чтобы побѣдить его излишнюю совѣстливость и неуступчивость. Адвокатъ совѣтуетъ пустить въ ходъ женскую тактику, нѣжные уговоры, просьбы, обѣщанія. Графъ вторитъ ему, забывая о своей влюбленности въ Ремигію. Оба они на этотъ разъ очень краснорѣчивы и настойчивы, что̀ объясняется не только заботами о благѣ отечества. Берлендисъ надѣется, что ему легче будетъ достать деньги для основанной имъ газеты „Vespertino", когда д'Ореа будетъ министромъ, и что при помощи Ремигіи ему удастся завязать близкія отношенія съ министерствомъ и этимъ сильно поднять свою адвокатскую практику и вообще сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ Болоньѣ. Графъ Гамбара не сомнѣвается, что если Ремигія станетъ женой министра,

то онъ попадетъ на ближайшихъ выборахъ въ правительственные кандидаты своего округа. Онъ увѣренъ также, что займетъ, благодаря дружбѣ съ Ремигіей, видное положеніе въ политическомъ мірѣ и въ высшемъ свѣтѣ. Можетъ быть, пойдутъ сплетни... А можетъ быть—какъ знать?... Въ большомъ городѣ, вдали отъ глазъ понтеренскихъ жителей... У него просыпаются надежды.

„Какъ она обольстительна!.. Да и Мими Карфо тоже хороша! Но на ней пришлось бы жениться... А безъ приданаго“...

Письмо Ремигіи, написанное по указаніямъ друзей, отправлено. Но проходитъ нѣсколько дней, а никакого отвѣта изъ Рима нѣтъ. Адвокатъ и графъ объясняютъ это тѣмъ, что д'Ореа слишкомъ занятъ во время кризиса, но Мими безпокоится.

— Можетъ быть, онъ недоволенъ, что ты вздумала давать ему совѣты... — говоритъ она, оставшись наединѣ съ Ремигіей.

— Я свалю вину на адвоката. Скажу, что онъ почти насильно заставилъ меня написать все это.

II.

Ремигія занята исключительно мыслью о Римѣ и о министерствѣ. Это было и прежде ея скрытой мечтой, но теперь, когда всѣ газеты полны именами предполагаемыхъ кандидатовъ въ министры, когда всѣ привѣтствуютъ въ ней жену министра, она начинаетъ съ тревогой думать о томъ, что̀ будетъ, если Джіакомо не войдетъ въ составъ новаго министерства. Тогда конецъ ея престижу, ея царству въ Болоньѣ... Всѣ будутъ чувствовать къ ней только сожалѣніе. Какой ужасъ!

А Джіакомо продолжаетъ не отвѣчать, или же, въ отвѣтъ на ея многочисленныя, настойчивыя и нѣжныя письма, посылаетъ только привѣты и ничего точнаго не сообщаетъ: „все зависитъ отъ состава министерства,—пишетъ онъ,—а также отъ состоянія моего здоровья“.

Ремигія внутренно взбѣшена и, сдерживаясь передъ чужими, изливаетъ свою злобу наединѣ съ Мими: — Все это навѣрное козни милой сестрицы Маріи-Граціи, съ которой Джіакомо— она въ этомъ увѣрена — больше совѣтуется теперь, чѣмъ съ женой! Она-то, изъ зависти, и выдвигаетъ теперь вопросъ о здоровьи. Но скоро Ремигія забываетъ о сестрѣ. Хотя Джіакомо по прежнему не сообщаетъ ничего о своихъ намѣреніяхъ, но жена его знаетъ изъ газетъ, что онъ навѣрное будетъ министромъ,

что его призывали въ Квириналъ для совѣщанія о наилучшемъ способѣ разрѣшить кризисъ; всѣ газеты говорили, что „наступилъ моментъ, когда люди съ твердой волей обязаны проявить ее на пользу отечества“ и тому подобныя, въ сущности пустыя фразы. Вопросъ былъ теперь только въ выборѣ портфеля. —Лишь бы только не народнаго просвѣщенія!—молится Ремигія.—Возиться съ школьными учителями, съ профессорами, принимать ихъ женъ... какая тоска!

Наконецъ и этотъ вопросъ рѣшенъ. Появляется оффиціальное извѣстіе, что Джіакомо д'Ореа принялъ постъ министра *общественныхъ работъ*. Онъ долго колебался въ виду того, что министерство вышло безцвѣтнымъ,—вслѣдствіе стараній объединить въ немъ всѣ партіи. Кромѣ того, врачъ Джіакомо, докторъ Давосъ, сильно отговаривалъ его, предупреждая, что напряженная работа и волненія политической жизни могутъ пагубно отозваться на его здоровьи, но Джіакомо не обращаетъ на это вниманія. Не все ли равно? У него нѣтъ ни привязанности, ни вѣры въ людей... Къ чему беречь свою жизнь?

Радостную вѣсть о назначеніи д'Ореа приноситъ Ремигіи адвокатъ Берлендисъ, узнавшій ее въ редакціи „Vespertino“. Ремигія счастлива,—наконецъ, ея мечта осуществилась: она—жена министра! Ее охватываетъ приливъ внезапной нѣжности къ „дорогому Джэку“,—ей хочется сейчасъ же послать ему телеграмму. Всѣ одобряютъ ея мысль,—домъ ея, по обыкновенію, полонъ гостей, — и Берлендисъ диктуетъ ей текстъ телеграммы: „Нашъ другъ Берлендисъ только-что принесъ оффиціальное извѣщеніе изъ „Vespertino“... Всѣ въ городѣ очень обрадованы. Друзья ликуютъ“... Адвокатъ останавливается и смотритъ на Ремигію, которая продолжаетъ писать, произнося вслухъ написанное: ....„Взволнована, цѣлую, хочу скорѣе видѣть тебя. Завтра вечеромъ буду въ Римѣ.—Твоя“.

Всѣ шумно апплодируютъ этому рѣшенію. Лицо Ремигіи принимаетъ, однако, озабоченное выраженіе.

— А сундуки? Успѣю ли я уложить вещи такъ скоро?—говоритъ она, глядя на Мими.

— Объ этомъ ужъ я позабочусь,—быстро отвѣчаетъ вѣрная подруга, нѣжно обнимая Ремигію; ей тяжело при мысли о предстоящей разлукѣ.

Закарелла, вышедшій за нѣсколько минутъ до того изъ залы, возвращается въ сопровожденіи слугъ, которые несутъ бокалы съ шампанскимъ. Вечеръ заканчивается очень весело, среди тостовъ за новаго министра, за королевскую чету, за прекрасную

супругу его превосходительства, царицу Понтерено. Адвокатъ Берлендисъ очень доволенъ: всѣ присутствующіе видѣли, что донна Ремигія не дѣлаетъ ни шага, не посовѣтовавшись съ нимъ. Графъ Нарцисъ Гамбара, улучивъ минуту, шепчетъ Ремигіи, что онъ въ отчаяніи отъ ея предстоящаго отъѣзда, и упрекаетъ ее въ жестокости. Она утѣшаетъ его нѣжнымъ взглядомъ.

— Вы тоже переѣдете въ Римъ! — говоритъ она, и въ голосѣ ея звучатъ неопредѣленныя обѣщанія.

Она сіяетъ отъ счастья и, разыгрывая роль великодушной царицы, не скупится на обѣщанія: старику-полковнику деи-Таддеи она обѣщаетъ поговорить о несправедливости его отставки съ военнымъ министромъ и выхлопотать ему спокойное и доходное мѣсто; Берлендису обѣщаетъ субсидію для его газеты; епископу, тоже пришедшему поздравить ее, — богатый даръ для церкви. Она обворожительна со всѣми; разгоряченная нѣсколькими бокалами шампанскаго, она громко смѣется и шутитъ со всѣми, не забывая, однако, о серьезныхъ дѣлахъ. По временамъ она подходитъ къ Мими и озабоченно говоритъ ей:

— Не забудь уложить три большія шляпы съ перьями... Напомни Каролинѣ, чтобы она положила въ сундукъ бѣлый суконный костюмъ tailleur.

Прерывая бѣднаго поэта Марко Браготто, который читаетъ вслухъ посвященные ей стихи, она снова подбѣгаетъ къ Мими и говоритъ ей:

— Я думаю взять съ собою всѣ мои bijoux, а также вѣера и зонтики. Вѣдь все это можетъ понадобиться, не правда ли?

На слѣдующій день, около десяти часовъ утра, когда Ремигія еще спитъ и ей снится, что она даетъ въ Римѣ свой первый балъ, къ ней въ комнату входитъ Мими съ телеграммой въ рукахъ. Ремигія быстро садится въ постели, открываетъ телеграмму и читаетъ: „Совѣтую тебѣ оставаться пока въ Болоньѣ. Теперь дни серьезныхъ заботъ, а не радости. Надѣюсь еще, что послѣднія мои условія не будутъ приняты и я не войду въ составъ новаго министерства. Благодарю тебя. Привѣты.—Джіакомо".

— Этого недоставало! — восклицаетъ Ремигія, поблѣднѣвъ отъ гнѣва.—Онъ меня съ ума сведетъ своей нерѣшительностью! „Надѣюсь не войти въ составъ министерства"... Да вѣдь я стану въ такомъ случаѣ посмѣшищемъ всѣхъ моихъ „пріятельницъ" въ Болоньѣ! И чего онъ такъ ломается, точно ужъ онъ Богъ вѣсть какое сокровище. Вѣдь портфеля иностранныхъ дѣлъ ему все-таки не предложили, — не особенно имъ, значитъ, дорожатъ!.. А я все-таки поѣду въ Римъ, — прибавляетъ она рѣшительнымъ

тономъ.—Имѣю же я право видѣть моего мужа, когда желаю. Чего онъ меня заперъ въ этомъ противномъ, скучномъ Понтерено, а самъ сидитъ въ Римѣ!

Мими тщетно пытается успокоить Ремигію и требуетъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, предупредила мужа о своемъ пріѣздѣ, пославъ ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Ремигія соглашается и, подумавъ, составляетъ слѣдующую телеграмму: „Твердо надѣюсь, что мысль о благѣ нашей дорогой родины заставитъ тебя сдаться на убѣжденія и просьбы друзей. Очень соскучилась по тебѣ и хотѣла бы все-таки пріѣхать.—Твоя".

Черезъ два часа получается отвѣтъ Джіакомо: „Пріѣзжай завтра вечеромъ, но вмѣстѣ съ синьориной Мими. Я очень занятъ и не располагаю временемъ. Сердечный привѣтъ.—Джіакомо".

Ремигія счастлива и порывисто обнимаетъ Мими, прочтя ей телеграмму. У Мими слезы на глазахъ отъ радости, что она не должна разстаться съ подругой.

— Видишь, какой онъ добрый!—говоритъ она съ умиленіемъ.

— Очень, очень добрый!—восторженно вторитъ Ремигія.— Значитъ, я успѣю все сдѣлать,—мнѣ вѣдь еще нужно написать въ Миланъ, чтобы мнѣ выслали накидку изъ chinchilla и мѣховой боа. Въ виллѣ Боргезе и на Пинчіо бываетъ иногда свѣжо по вечерамъ.

III.

Отъѣздъ донны Ремигіи изъ Понтерено и изъ Болоньи совершается очень торжественно. Изъ Понтерено епископъ провожаетъ ее колокольнымъ звономъ, а синдикъ приводитъ на вокзалъ городской оркестръ, и она уѣзжаетъ подъ звуки музыки; въ Болоньѣ собираются на вокзалѣ городскія власти провожать супругу его превосходительства, министра общественныхъ работъ. Всѣ друзья Ремигіи, конечно, тоже въ полномъ сборѣ.

Графъ Гамбара наполнилъ вагонъ путешественницъ цвѣтами и конфетами, и стоитъ, вздыхая, подлѣ графини Мими Карфо у входа въ вагонъ; къ Ремигіи онъ не рѣшается подойти,—она слишкомъ занята другими. Адвокатъ Берлендисъ, отдувающійся отъ жары еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, усердно обмахивается платкомъ и представляетъ герцогинѣ д'Ореа Монкавалло желѣзнодорожное начальство, жандармскаго капитана и разныхъ лицъ, добивающихся этой чести. Донна Ремигія упоена своимъ тріумфомъ, жметъ всѣмъ руки и ни о комъ не забываетъ среди суеты.

Она даже успѣваетъ бросить нѣжный взглядъ графу Нарцису Гамбара, который, приблизившись къ ней, наконецъ, шепчетъ:

— Я непремѣнно пріѣду въ Римъ! Выхлопочите мнѣ хоть какое-нибудь мѣстечко въ министерствѣ... Непремѣнно! Хоть безъ жалованья—лишь бы быть подлѣ васъ!

Публика на вокзалѣ все прибываетъ. Является самъ префектъ засвидѣтельствовать свое почтеніе; множество постороннихъ людей толпится у вагона и разглядываетъ знатную путешественницу. Наконецъ, наступаетъ минута отъѣзда, и послѣ торопливыхъ послѣднихъ рукопожатій, при громкихъ пожеланіяхъ счастливаго пути, поѣздъ медленно отходитъ.

Ремигія, уставшая, возбужденная, опускается въ кресло.

— Что-то будетъ въ Римѣ!—восклицаетъ она.

— Что-то будетъ!—повторяетъ Мими, въ воображеніи которой рисуются необыкновенно торжественныя встрѣчи.

Ремигія проводитъ всю ночь въ креслѣ, боясь прилечь, чтобы не пріѣхать растрепанной въ Римъ; но, увы, въ Римѣ ее ждетъ большое разочарованіе. На вокзалѣ никого не оказывается; не только посторонція лица, но даже Джіакомо не пріѣхалъ встрѣчать ее. Ремигія внѣ себя; пока Закарелла и горничная Каролина хлопочутъ о вещахъ и нанимаютъ карету, она не выходитъ изъ вагона, надѣясь, что Джіакомо, можетъ быть, только опоздалъ къ поѣзду и сейчасъ явится. Но ея гнѣвъ достигаетъ апогея, когда вмѣсто мужа показывается Гауденціо, старикъ, прослужившій въ домѣ д'Ореа болѣе тридцати лѣтъ и ставшій теперь довѣреннымъ лицомъ Джіакомо, его фактотумомъ. Ремигія питаетъ къ нему особую антипатію — быть можетъ, за его беззавѣтную преданность ея мужу. Увидавъ его издали, медленно идущаго, опираясь на палку, она выскакиваетъ изъ вагона, даже не оправивъ вуаль на лицѣ. Стоило не спать ночь и заниматься туалетомъ цѣлый часъ до пріѣзда, чтобы застать на вокзалѣ одного только Гауденціо!

Она подбѣгаетъ къ старику и, не слушая его объясненій о томъ, что онъ ждалъ ея поѣзда сначала на другой платформѣ и потому опоздалъ, сердито спрашиваетъ его:

— Почему не пріѣхалъ его превосходительство?

— У синьора Джіакомо теперь нѣтъ времени ни ѣсть, ни спать, ни дышать. Онъ заѣдетъ въ отель повидать васъ, если сможетъ, но онъ проситъ не дожидаться его къ завтраку. И зачѣмъ только онъ согласился стать министромъ! При его здоровьи и его темпераментѣ, это—полное безразсудство, повѣрьте мнѣ, синьора Ремигія!

Ремигія убѣгаетъ впередъ, раздраженная его фамильярностью: „синьоръ Джіакомо“, „синьора Ремигія“... чтò за мѣщанство! Она заявляетъ Закареллѣ, что не желаетъ больше видѣть этого противнаго старика.

— Если мнѣ придется остаться надолго въ этомъ противномъ Римѣ, выпишите Джіованни изъ Понтерено!

По дорогѣ съ вокзала Ремигія все время ворчитъ, говоря, что Джіакомо ей на зло не пріѣхалъ на вокзалъ, запрещаетъ Мими защищать его и доводитъ бѣдную дѣвушку до слезъ, говоря, что она во всемъ виновата: зачѣмъ она не отговорила ѣхать такъ поспѣшно въ Римъ. Въ отелѣ Ремигія поднимаетъ бунтъ: ей не нравятся комнаты, заказанныя для нея мужемъ; она требуетъ, чтобы ей отвели большой салонъ съ балкономъ на Corso,— въ противномъ случаѣ она грозитъ переѣхать въ „Hôtel de Russie“. Ея желаніе исполняется, но она продолжаетъ быть недовольной, ругаетъ Римъ и вздыхаетъ о „милой Болоньѣ“, о „дорогихъ друзьяхъ“ въ Понтерено. Она успокоивается только садясь въ теплую, надушенную ванну и предаваясь пріятнымъ воспоминаніямъ о своемъ тріумфальномъ отъѣздѣ. Она улыбается, думая о влюбленномъ графѣ Гамбара:—Вотъ, если бы онъ былъ министромъ, или даже главой министерства, онъ бы бросилъ самыя важныя государственныя дѣла и пріѣхалъ на вокзалъ съ цвѣтами... устроилъ бы блестящую встрѣчу!.. Милый графъ! Сегодня же напишу ему длинное письмо. И вызову телеграммой маму и дядю Розали... и Тото. Всѣ они славные... такъ любятъ меня!

Послѣ ванны Ремигія одѣвается, пьетъ кофе и садится на балконъ, въ то время какъ Мими, Закарелла и отельная прислуга устроиваютъ салонъ по вкусу новой хозяйки. Черезъ нѣсколько времени на балконъ приходитъ Мими съ письмомъ. Ремигія открываетъ его: — Чтò это? Записка отъ Джіакомо и письмо отъ мамы? — Она читаетъ сначала коротенькую записку мужа:

„Прости, дорогая! Не могу быть и къ завтраку. Навѣрное буду къ обѣду и постараюсь провести съ тобой весь вечеръ. Пока посылаю привѣтъ—и только-что полученное мною милое письмо отъ твоей мамы.—Джіакомо“.

— Ah, mon Dieu! А вечеромъ онъ будетъ утомленъ и подъ предлогомъ мигрени никуда со мной не поѣдетъ,—придется въ десять часовъ уже лечь спать... И чего это мама такъ торопила меня выходить замужъ?! Веселая жизнь, нечего сказать!.. Посмотримъ, чтò она пишетъ?

Герцогиня Христина на четырехъ, мелко исписанныхъ стра-

ницахъ поздравляетъ своего „дорогого зятя“, „любимаго сына“, „гордость ея материнскаго сердца“; говоритъ, что счастлива за свою дочь, за „идола“, свою любимицу, „утѣшеніе ея сѣдинъ“, и т. д. Ремигія улыбается: до ея замужества ея мать писала тѣ же слова... Луціану. Онъ былъ ея гордостью, ея любимымъ сыномъ, а Марія-Грація—утѣшеніемъ ея сѣдинъ; Джіакомо ругали тогда торгашомъ, скрягой. Все измѣнилось съ того момента, какъ Джіакомо попросилъ ея руки. Бѣдный Луціанъ былъ тотчасъ же свергнутъ съ престола. Ремигія вспоминаетъ конецъ пребыванія въ Вилларѣ, безсильные протесты Луціана противъ ея брака, болѣзнь сестры,—вспоминаетъ все, что̀ происходило въ „Tête pointue“, влюбленнаго фараона и другихъ... Вдругъ раздается пыхтѣніе автомобиля, отвлекающее ее отъ ея воспоминаній. Она смотритъ внизъ съ балкона. Автомобиль остановился у отеля.

— Кто это?.. Да вѣдь это Луціанъ!.. Мими!—кричитъ Ремигія подругѣ съ балкона.—Пріѣхалъ Луціанъ!

Она очень рада этому сюрпризу. Теперь она не будетъ страдать отъ одиночества; въ сопровожденіи beau frère'а она можетъ ѣздить въ театръ, всюду бывать и веселиться. Отношенія между ними—самыя дружескія. Ремигіи нѣтъ дѣла до того, что Луціанъ тиранитъ свою жену,—она даже часто становится на его сторону, находя что Марія-Грація—сентиментальная фантазерка, а Луціану нравится элегантность Ремигіи, и онъ за ней слегка ухаживаетъ.

Ремигія, выбѣжавшая на встрѣчу Луціану, привѣтствуетъ его поцѣлуемъ, и они вмѣстѣ выходятъ на балконъ.—Посидимъ здѣсь, —говоритъ Ремигія.—Въ комнатахъ еще безпорядокъ.

— Почему ты не остановилась въ „Grand Hôtel“?

— Джэкъ всегда заѣзжаетъ въ „Roma“.

— Ну, да, конечно,—здѣсь дешевле!—Луціанъ дѣлаетъ презрительную гримасу.—Онъ все тотъ же: умѣренность въ политикѣ—и въ расходахъ... Такъ, значитъ, ты теперь „супруга его превосходительства“. Поздравляю!—Онъ галантно цѣлуетъ ей руку и прибавляетъ, съ улыбкой:—Для меня, впрочемъ, ты рангомъ выше,—царица, for ever!

Ремигія улыбается въ отвѣтъ на комплиментъ, велитъ вынести два кресла на балконъ, и они садятся.

— Какъ ты узналъ о моемъ пріѣздѣ?—спрашиваетъ она.

— Какъ я узналъ? — изъ газетъ. Ты вѣдь стала знаменитостью. Я прочелъ въ „Fracassa“.

— Неужели?—Ремигія вся покраснѣла отъ радости.

— Прочти сама,—я принесъ газету.—Луціанъ вынимаетъ изъ

кармана нумеръ „Fracassa“, и Ремигія читаетъ съ наслажденіемъ подробное описаніе торжественныхъ проводовъ супруги его превосходительства, министра общественныхъ работъ, которая отбыла въ Римъ, къ мужу... „Среди тяжкихъ государственныхъ трудовъ“, — писалъ далѣе корреспондентъ газеты,— „присутствіе любящей жены, вѣрной подруги и совѣтчицы, будетъ большой поддержкой для высокочтимаго министра. Все высшее общество Болоньи, собравшееся провожать герцогиню д'Ореа Монкавалло, жалѣетъ объ отъѣздѣ царицы изящества и ума, призванной теперь блистать въ политическомъ и дипломатическомъ мірѣ столицы“.—Мими, Мими!—зоветъ Ремигія, кончивъ чтеніе.

Вмѣсто Мими, у дверей балкона показывается Закарелла.

— Графиня Карфо пошла разбирать сундуки вмѣстѣ съ Каролиной,—докладываетъ онъ.—Позвать ее?

— Нѣтъ. Возьмите газету и снесите графинѣ. Скажите, чтобы она прочла вотъ эту телеграмму изъ Болоньи.

— Почему ты не пріѣхалъ встрѣчать меня на вокзалъ?— спрашиваетъ Ремигія Луціана послѣ ухода Закареллы.

— Да я только полчаса тому назадъ прочелъ газету. Да и что за охота быть въ толпѣ оффиціальныхъ лицъ министерскаго персонала и журналистовъ! Я этого терпѣть не могу.

Ремигія ничего не отвѣчаетъ. Зачѣмъ ей сообщать Луціану, что весь „оффиціальный и политическій міръ“ представленъ былъ на вокзалѣ... старикомъ Гауденціо!

— Джэкъ развѣ не сообщилъ тебѣ, что я пріѣду сегодня утромъ?—спрашиваетъ она.

— Мой братъ... я стараюсь видаться съ нимъ какъ можно рѣже. Это лучше для насъ обоихъ.

— Марія-Грація тоже здѣсь?

— Нѣтъ, слава Богу. Она въ Фіумичино, по сосѣдству съ тетей Джіокондой, съ которой очень дружна и которую, конечно возстановляетъ теперь противъ меня.

Ремигія омрачается на минуту. „Конечно,—думаетъ она,—эта сентиментальная притворщица старается теперь завоевать симпатіи тети Джіоконды — изъ любви къ Джіакомо... Ну, да не стоитъ объ этомъ думать!“ Ремигія отгоняетъ непріятныя мысли. Она пріѣхала въ Римъ веселиться—и вѣдь она, а не ея сестра— жена министра д'Ореа.

— Значитъ, ты пріѣхалъ сюда... изъ любви къ божественному дару пѣнія. Ну да, въ театрѣ Костанци идетъ „Манонъ,“— я все поняла. Ага, ты покраснѣлъ!.. Послушай, я на этотъ разъ хочу ее видѣть.

— Приходи на первое представленіе „Манонъ". Я оставлю тебѣ ложу, — нужно будетъ сегодня же заказать. Билеты ужъ почти всѣ распроданы.—Дѣйствительно, благодаря шумной рекламѣ, стоившей Луціану огромныхъ денегъ, Фанфанъ Тревёръ имѣетъ большой успѣхъ.

— А сегодня хочешь поѣхать завтракать со мной въ „Grand Hôtel",—у тебя еще здѣсь безпорядокъ,—предлагаетъ Луціанъ.— Я приглашу также маркизу Ганчіа,—ты вѣдь ее знаешь.

— Съ удовольствіемъ.

— Только нельзя ли... безъ синьорины Мими. Она такая скучная.

— Да ей и некогда,—она занята разборкой вещей.

— Отлично. А до того —проѣдемся въ автомобилѣ.—Ремигія соглашается, идетъ предупредить Мими о томъ, что уѣзжаетъ завтракать въ „Grand Hotel" съ Луціаномъ, и черезъ нѣсколько минутъ автомобиль Луціана увозитъ ее, сіяющую въ предвидѣніи всѣхъ развлеченій, предстоящихъ ей въ Римѣ въ ея новомъ блестящемъ положеніи—супруги его превосходительства министра общественныхъ работъ.

IV.

Джіакомо д'Ореа улучаетъ часъ времени до засѣданія парламента, чтобы зайти въ отель, повидать жену. Онъ дѣлаетъ это скорѣе изъ чувства долга, чѣмъ по внутреннему влеченію; когда Мими говоритъ ему, что Ремигіи нѣтъ дома, онъ даже чувствуетъ нѣкоторое облегченіе.

— Куда она ушла?— спрашиваетъ онъ.

— Пріѣхалъ донъ Луціанъ и увезъ ее завтракать въ „Grand Hôtel".

При имени брата Джіакомо хмурится, и Мими, замѣтивъ это, спѣшитъ оправдать подругу:

— Донъ Луціанъ такъ настаивалъ... а здѣсь еще все было въ такомъ безпорядкѣ... Ремигія долго не соглашалась... У нея одно только желаніе—поскорѣе увидѣть и обнять васъ, синьоръ д'Ореа.

Салонъ уже приведенъ въ полный порядокъ. Всѣ семейные портреты—герцогини Христины, князя Розалино, Маріи-Граціи— разставлены на каминѣ, и когда Джіакомо опускается въ кресло съ видомъ крайняго утомленія, глаза его невольно останавливаются на портретѣ Маріи.

Входитъ слуга и приноситъ кофе, заказанный Джіакомо,

прежде чѣмъ онъ поднялся наверхъ. Джіакомо жадно выпиваетъ двѣ чашки одну за другой.

— Вотъ видите, дорогая синьорина Мими,—я поддерживаю себя только кофеемъ и чаемъ. Докторъ Давосъ строго запрещаетъ мнѣ возбуждающіе напитки... но безъ этого я никуда не гожусь.

У Мими сжимается сердце при видѣ блѣднаго, исхудалаго и лихорадочно возбужденнаго лица Джіакомо. Онъ сталъ неузнаваемъ за короткое время и говоритъ такъ раздраженно, что Мими теряется,—она никогда не видала его такимъ.

— Пожалѣйте лучше меня, чѣмъ поздравлять!—говоритъ онъ въ отвѣтъ на ея искреннія и теплыя поздравленія.—Вѣдь я совершилъ величайшую глупость! Вы сами видите, въ какомъ я состояніи... Я разбитъ и физически, и нравственно, потерялъ силу воли. Развѣ бы иначе я согласился принять портфель при такихъ условіяхъ, работать съ людьми, которыхъ я презираю! Знаете, что я теперь такое?—Я человѣкъ, не умѣющій сказать „нѣтъ"... Я не былъ такимъ; я умѣлъ настоять на своемъ, былъ твердъ съ друзьями и врагами, былъ безпощаденъ къ негодяямъ. Вотъ тогда бы вы послушали меня, синьорина Мими, въ парламентѣ, въ совѣтѣ министровъ! Тогда у меня хватало смѣлости и силы скорѣе свалить министерство, чѣмъ пойти на уступки! А теперь... неврастенія, анемія, сердце плохо работаетъ... я полный инвалидъ.

— Это невѣрно. Вы слишкомъ мрачно смотрите на вещи. Успокойтесь, синьоръ д'Ореа, молю васъ!—говоритъ Мими и, взявъ руку Джіакомо, крѣпко жметъ ее.

— Дайте мнѣ высказаться,—мнѣ будетъ тогда легче!.. Вы не представляете себѣ, сколько горькихъ чашъ меня заставили испить въ эти дни подъ предлогомъ „блага родины"... Знаете, кого мнѣ навязали въ товарищи министра? — адвоката Леонида Стаффа, человѣка, добившагося почестей и богатства своимъ показнымъ республиканствомъ. Его демократическая непреклонность сказывается въ томъ, что онъ носитъ шляпу съ широкими полями и не надѣваетъ фрака... даже ко двору. Вотъ этого человѣка слѣдуетъ поздравить и звать „превосходительствомъ". Онъ этому радъ,—а я что? безвольный человѣкъ, не умѣющій говорить „нѣтъ"!

Джіакомо нервно смѣется, потомъ вдругъ, перемѣнивъ тонъ, говоритъ рѣшительно и серьезно, глядя въ упоръ на Мими:

— Скажите, зачѣмъ моя жена пріѣхала въ Римъ? Если она думаетъ разыгрывать роль вліятельной жены министра и вмѣ-

шиваться въ дѣла, то пусть броситъ эти затѣи... Вы искренно преданы моей женѣ, графиня Мими,—такъ объясните ей слѣдующее: я предоставляю ей полную свободу веселиться въ Римѣ, сколько ей угодно! Она можетъ ѣздить по театрамъ, бывать у кого ей угодно, кататься хоть по цѣлымъ днямъ въ автомобилѣ съ моимъ братомъ,—не задумываясь ни на минуту ни обо мнѣ, ни объ ея бѣдной сестрѣ,—но, ради Бога, пусть она забудетъ, что я, къ своему несчастью, министръ!

Мими, взволнованная и блѣдная, не можетъ выговорить ни слова, чтобы успокоить Джіакомо, и онъ продолжаетъ говорить угрожающимъ тономъ, причемъ губы его дрожатъ отъ гнѣва:

— Я знаю, что въ Понтерено она изображала изъ себя вліятельную особу... Но здѣсь чтобы этого не было. Ей разрѣшаются въ Римѣ всѣ забавы, кромѣ этой. Никакихъ просьбъ о протекціи, никакихъ рекомендацій я не принимаю. И пусть не попадаются мнѣ на глаза ни адвокатъ Берлендисъ, ни кто-либо другой изъ ея свиты. Иначе даю вамъ честное слово, что я съумѣю на этотъ разъ проявить силу характера и отправлю мою жену назадъ въ Понтерено — или еще дальше!..

Джіакомо прерываетъ свои угрозы: слышится хлопанье дверей, шуршанье юбокъ, и въ комнату шумно вбѣгаетъ Ремигія.

— Джіакомо! Дорогой мой! Какъ я рада... какъ я счастлива видѣть тебя!—восклицаетъ она, бросаясь ему на шею.

— Я тоже очень радъ,—отвѣчаетъ Джіакомо, нѣсколько удивленный необычной экспансивностью жены.—Прости,—продолжаетъ онъ,—что я не могъ быть на вокзалѣ. Но вѣдь я предупредилъ тебя, что очень занятъ.

— Я и не упрекала тебя,—не правда ли, Мими?—Я понимаю, что долгъ передъ отечествомъ... что тотъ, кто правитъ рулемъ государства...

Ремигіи хотѣлось бы произнести маленькую патріотическую рѣчь, но Джіакомо прерываетъ ее:

— Встрѣтила ты кого-нибудь изъ знакомыхъ въ „Grand Hôtel"?

— Да, тамъ было много нашихъ друзей.

Джіакомо смотритъ ей прямо въ глаза и говоритъ, качая головой:

— Когда говоришь о многихъ друзьяхъ, говори „мои", а не „наши". У меня друзей нѣтъ.

Мими видитъ, что Ремигія начинаетъ терять терпѣніе, и, чтобы сдержать ее, слегка касается ея локтя.

— Я завтракала вмѣстѣ съ Кванитой делла Ганчіа,—говоритъ Ремигія, дѣлая усиліе надъ собой.

— Статсъ-дамой королевы? А мужъ ея, приверженецъ Бурбоновъ, тоже былъ съ вами?

— Да. И мы условились поѣхать сегодня вмѣстѣ въ палату. Кванита, ради меня, будетъ сидѣть въ трибунѣ для дипломатическаго корпуса, а не въ королевской.

— А зачѣмъ тебѣ быть въ палатѣ?

— Какъ зачѣмъ? Чтобы слушать тебя!

— Я не буду говорить,—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ возражаетъ Джіакомо.

— Въ такомъ случаѣ, чтобы смотрѣть на тебя, когда ты будешь молчать!—Ремигія наконецъ теряетъ терпѣніе.—Да что̀ съ тобой? Почему ты преслѣдуешь меня и смотришь на меня такими злыми глазами? Тебѣ непріятно, что я поѣхала завтракать съ Луціаномъ? Скажи правду!

— Мнѣ это совершенно безразлично,—отвѣчаетъ Джіакомо, пожимая плечами.—Это касается тебя больше, чѣмъ меня. Луціанъ—мужъ твоей сестры, а всѣмъ извѣстно, изъ-за кого онъ теперь въ Римѣ. Ты тоже отлично знаешь, и тебѣ это безразлично. Луціанъ даже становится тебѣ болѣе симпатичнымъ... Что-жъ! Принимай его приглашенія, раздѣляй его увлеченіе автомобильнымъ спортомъ,—это твое дѣло.

Ремигія чуть не плачетъ отъ бѣшенства. Глаза ея сверкаютъ злобой, когда она ядовито возражаетъ мужу:

— Я такъ и знала, что у тебя на умѣ только моя сестра!.. Но нечего тебѣ тревожиться о ней,—она не одна. Она въ пріятномъ обществѣ дорогой тети Джіоконды, съ которой у нея самыя лучшія отношенія.

— Что̀ ты этимъ хочешь сказать? Что̀ въ этомъ дурного? Если твоя сестра внимательна къ старой тетѣ, то вмѣсто того, чтобы иронизировать, ты бы лучше послѣдовала ея примѣру.

— Ну, да, еще бы! Подражать образцу всѣхъ совершенствъ!.. Не всѣмъ же обладать ангельскими добродѣтелями и совершенствами твоего кумира...

— Послушай, Ремигія!—У Джіакомо дрожатъ губы отъ волненія, и онъ говоритъ упавшимъ голосомъ:—Мнѣ необходимъ отдыхъ хоть дома. Надѣюсь, что ты пріѣхала въ Римъ не для того, чтобы мучить меня. Это было бы слишкомъ!.. Ради Бога, избавь меня отъ сценъ и слезъ!—прибавляетъ онъ, видя, что Ремигія начинаетъ плакать отъ охватившей ее безсильной злобы.—Я всегда мало вѣрилъ твоимъ слезамъ, а теперь—еще менѣе, чѣмъ

когда-либо. Избавь меня отъ этого,—такъ будетъ лучше для насъ обоихъ. А теперь прощай; мнѣ пора въ палату.

Онъ беретъ шляпу, киваетъ головой Мими и направляется къ двери. Но у порога онъ останавливается и смущенно смотритъ на блѣдную, дрожащую отъ гнѣва Ремигію и рыдающую Мими. Онъ возвращается, медленно подходитъ къ женѣ и говоритъ:

— Прости меня, Ремигія. Я иногда самъ не знаю, что̀ говорю. У меня такъ расшатаны нервы отъ работы, которая мнѣ не по душѣ, и отъ постоянныхъ физическихъ страданій. Всякій пустякъ выводитъ меня изъ себя. Мнѣ иногда кажется, что я съ ума схожу. Попрошу доктора Давоса, чтобы онъ прописалъ мнѣ что-нибудь успокоительное на ночь. Подумай... подумайте,— повторяетъ онъ, обращаясь къ Мими,—я не сплю по цѣлымъ ночамъ. Ложусь въ постель утомленный, безъ силъ, а утромъ, послѣ безсонной ночи, встаю еще болѣе измученный. Нужно поговорить съ докторомъ,—очень ужъ мнѣ плохо.

Мими уже забыла о происшедшей сценѣ, о рѣзкости Джіакомо. Она испугана страдальческимъ тономъ его жалобъ и настаиваетъ на томъ, чтобы поскорѣе позвать доктора.

— Вотъ, вы увидите,—говоритъ она,—онъ вылечитъ васъ въ нѣсколько дней. Нужно только исполнять всѣ его предписанія, установить режимъ.

— Хорошо. Я все буду выполнять,—отвѣчаетъ Джіакомо съ грустной улыбкой. Потомъ онъ протягиваетъ руку женѣ и говоритъ мягкимъ, дружелюбнымъ тономъ:—Прости, дорогая! Вотъ увидишь, докторъ Давосъ найдетъ лекарство и противъ моей раздражительности.

Ремигія стоитъ въ нѣкоторой нерѣшительности, но, переглянувшись съ Мими, которая дѣлаетъ ей знаки, прося ее помириться, умиротворяется. У нея нѣтъ охоты портить себѣ день трагическими сценами и отказаться отъ развлеченій въ обществѣ Кваниты. Она осушаетъ слезы и цѣлуетъ мужа. Миръ заключенъ.

— Такъ могу я пріѣхать съ Кванитой въ палату?

— Пріѣзжай, если хочешь. Но не думай, что тебѣ тамъ будетъ интересно.

V.

— Ah, mon Dieu! mon Dieu! сколько лысыхъ головъ!

Таково первое замѣчаніе донны Ремигіи, когда, облокотившись на перила трибуны дипломатическаго корпуса, она оглядываетъ залу засѣданія.

— И какъ здѣсь некрасиво! Я представляла себѣ палату депутатовъ болѣе грандіозной и красивой... И какъ странно— депутаты даже не всѣ въ черныхъ сюртукахъ. Какое неуваженіе къ парламенту! Слѣдовало бы вмѣнить въ обязанность являться во фракѣ.

Маркизу Піо делла Ганчіа нравятся наивныя замѣчанія Ремигіи, и онъ пользуется случаемъ поворчать противъ ненавистныхъ ему демократовъ:

— Да развѣ эти разбойники крайней лѣвой признаютъ какія-нибудь обязанности? Говорятъ, что монашеская ряса еще не дѣлаетъ человѣка монахомъ,—но неряшливаго платья достаточно, чтобы прослыть демократомъ. Не правда ли, Кванита?

— Конечно!

Маркиза разсѣянна и чѣмъ-то, видимо, озабочена. Она обмѣнивается улыбками и поклонами съ дамами въ королевской трибунѣ и съ нѣкоторыми депутатами правой и центра, но все время оглядываетъ залу въ лорнетъ, какъ бы ища кого-то глазами. Наконецъ, лорнетъ ея устремляется на трибуну для прессы. Тамъ появляется красивый, стройный молодой человѣкъ съ рыжеватой бородкой, съ вызывающе-дерзкимъ видомъ. На немъ необычайно элегантный галстухъ и весь его костюмъ выдѣляется своимъ изяществомъ. Онъ тоже ищетъ глазами дипломатическую трибуну, обмѣнивается незамѣтнымъ поклономъ съ маркизой и идетъ искать себѣ мѣсто. Маркиза спокойно складываетъ лорнетъ, оборачивается съ улыбкой къ мужу и съ одобреніемъ слушаетъ его продолжающіяся филиппики противъ демократовъ.

Маркизъ делла Ганчіа, крестникъ Фердинанда II, страннымъ образомъ напоминаетъ его сына—ех-короля Франциска—и своимъ желтымъ лицомъ съ большимъ орлинымъ носомъ, и своимъ недалекимъ умомъ, также какъ и святошествомъ. Храня вѣрность Бурбонамъ, маркизъ мирится, однако, съ пьемонтскими монархами—изъ чувства самосохраненія и потому, что жалѣетъ ихъ; онъ увѣренъ, что они находятся въ Римѣ противъ воли и стремятся вернуться въ Туринъ и даже въ Сардинію. Онъ не протестовалъ противъ назначенія своей жены статсъ-дамой королевы,—удостовѣрившись только сначала черезъ родственника, близкаго къ Ватикану, что и тамъ на это посмотрятъ сквозь пальцы.

Ремигія снимаетъ одну перчатку и поправляетъ волосы своей прекрасной бѣлой рукой, унизанной сверкающими кольцами. Зала переполнена; въ трибунахъ множество дамъ въ нарядныхъ свѣтлыхъ туалетахъ, и Ремигіи хочется выдѣлиться среди всѣхъ,

произвести впечатлѣніе при первомъ же своемъ появленіи. Маркиза делла Ганчіа она уже покорила: ему нравятся нѣжныя, тонкія блондинки, какъ контрастъ его женѣ—жгучей, полной брюнеткѣ. Кромѣ того, онъ видитъ въ ней жертву революціоннаго духа времени, аристократку, вынужденную на бракъ съ плебеемъ д'Ореа, и это тоже увеличиваетъ его симпатіи къ ней. Наклонившись къ Ремигіи, онъ называетъ ей наиболѣе видныхъ членовъ палаты, дѣлая по поводу ихъ разныя замѣчанія. Но Ремигія разсѣянно слушаетъ его и, продолжая оправлять волосы прекрасной рукой, слѣдитъ за тѣмъ, смотрятъ ли на нее. Къ великому ея удовольствію, она замѣчаетъ, что и лысые депутаты правой, и даже „разбойники крайней лѣвой" указываютъ на нее другъ другу и, видимо, говорятъ о ней между собой. Дѣйствительно, она обращаетъ на себя вниманіе своей нѣжной красотой блондинки съ пышными волосами, еще болѣе выдѣляющейся рядомъ съ красотой противоположнаго типа—Кваниты делла Ганчіа—пышной женщины уже лѣтъ подъ сорокъ, съ блестящими черными волосами и рѣзко очерченными алыми губами. Обѣ онѣ чувствуютъ, что ими восхищаются, и слегка возбуждены. Маркиза улыбается, кланяется знакомымъ и все чаще обращаетъ въ сторону трибуны для прессы свое оживленное смуглое лицо съ сверкающими сѣрыми глазами. Тамъ сидитъ въ углу прекрасный юноша съ рыжеватой бородкой; никто изъ журналистовъ не знаетъ его, но всѣ обращаютъ вниманіе на его гордый, вызывающій видъ и необыкновенный галстухъ, дѣлая разныя предположенія о томъ, кто бы это могъ быть.

Въ залѣ, однако, начинаютъ находить, что министерство слишкомъ медлитъ своимъ появленіемъ. Лѣвая дѣлаетъ громкія насмѣшливыя замѣчанія. Слышатся крики, какъ въ театрѣ:

— Выходите! Музыку!

— Посмотрите, герцогиня,—говоритъ маркизъ, наклоняясь къ Ремигіи,—вотъ министръ народнаго просвѣщенія.

Онъ указываетъ на маленькаго бритаго толстаго человѣка, который приближается къ министерской скамьѣ, улыбаясь и пожимая руки направо и налѣво скорѣе съ заискивающимъ, чѣмъ начальническимъ видомъ. Онъ былъ монахомъ, и его выгнали изъ монастыря. Онъ и его жена отрицаютъ это, конечно, но есть люди, видѣвшіе его когда-то съ тонзурой.

Ремигія сдвигаетъ брови.

— Принять въ составъ министерства выгнаннаго монаха... какая неразборчивость!—Но она вспоминаетъ плебейское происхожденіе своего мужа и умолкаетъ.—Покажите мнѣ министра

иностранныхъ дѣлъ!—говоритъ она маркизу, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Такого министра нѣтъ. Предсѣдатель совѣта взялъ на себя interim этого министерства.

— Ахъ, да!—восклицаетъ Ремигія.—Я совершенно забыла объ этомъ.

Кванита смѣется.

— Жена министра, забывающая объ interim'ѣ предсѣдателя совѣта! Это недурно!

— И послѣ усердныхъ занятій политикой въ Понтерено... съ графомъ Гамбара!—прибавляетъ маркизъ ироническимъ тономъ, въ которомъ чувствуется оттѣнокъ ревности.

— Бѣдный Гамбара! Я и о немъ совершенно забыла, какъ объ interim'ѣ!

Донна Ремигія говоритъ это въ шутливомъ тонѣ, чтобы сдѣлать удовольствіе маркизу Піо, но возможно, что это правда.

— А военный министръ уже здѣсь?—спрашиваетъ Ремигія.

— Вотъ онъ какъ разъ входитъ—тамъ, съ правой стороны, вмѣстѣ съ морскимъ министромъ,—отвѣчаютъ вмѣстѣ Кванита и ея мужъ. Маркиза дружески киваетъ головой военному министру.

Графъ Мартино д'Энтракъ еще сравнительно молодъ для сенатора и министра. Высокій, стройный, онъ сохраняетъ осанку бывшаго кавалериста въ своемъ изящномъ черномъ сюртукѣ. У него красивое, выразительное лицо и густые волосы съ замѣтной сѣдиной. Войдя въ залу, онъ надѣваетъ монокль, поднимаетъ глаза къ дипломатической трибунѣ и раскланивается съ маркизой. Свѣтлые волосы и тонкое, живое лицо Ремигіи сейчасъ же останавливаютъ на себѣ его вниманіе, и онъ справляется о томъ, кто она. Узнавъ, что это—жена министра д'Ореа, онъ снова оглядываетъ ее въ монокль. Ремигія замѣчаетъ его пристальные взгляды и, кокетливо повернувъ голову въ профиль, поправляетъ золотистые завитки волосъ на затылкѣ.

А маркизъ и маркиза разсказываютъ ей тѣмъ временемъ всякія чудеса про генерала д'Энтрака, который уже второй разъ избранъ министромъ, и всякій разъ принимаетъ назначеніе, какъ военный приказъ,—не соображаясь съ политическимъ составомъ кабинета: „Мнѣ приказано занять постъ,—и я повинуюсь",—говоритъ онъ. Ремигіи предстоитъ въ этотъ же день познакомиться съ нимъ, такъ какъ онъ тоже приглашенъ къ обѣду къ Кванитѣ. Въ дополненіе свѣдѣній о д'Энтракѣ, маркиза указываетъ Ремигіи на сидящую въ сосѣдней съ ними трибунѣ красивую

полную американку, м-ссъ Бритонъ, пріятельницу генерала, любящую его, по словамъ Кваниты, до безумія.

Въ залѣ засѣданія происходитъ общее движеніе: входитъ предсѣдатель палаты въ сопровожденіи нѣсколькихъ депутатовъ, а за нимъ предсѣдатель совѣта съ остальными министрами и ихъ товарищами.

— Вотъ и Джэкъ!—восклицаетъ Ремигія и киваетъ мужу, бросая въ то же время быстрый взглядъ на военнаго министра.

— А вотъ и товарищъ министра общественныхъ работъ,— посмотрите на него!—шепчетъ маркизъ Піо на ухо Ремигіи и жметъ ей руку повыше локтя.—Онъ отчаянный радикалъ, носитъ шляпу съ широкими полями.

— Вотъ смѣшно! — восклицаетъ маркиза. — Вступленіе въ министерство заставило его удлинить свою жакетку... Теперь на немъ почти-что рединготъ!

— Тссъ!—раздается въ залѣ, и всѣ понемногу смолкаютъ.

Предсѣдатель палаты поднимается съ мѣста и произноситъ, стоя, нѣсколько словъ, которыя не доходятъ до трибунъ. Вслѣдъ за нимъ поднимается предсѣдатель совѣта министровъ и среди наступившаго общаго молчанія, придающаго внушительный видъ переполненной залѣ засѣданія, произноситъ яснымъ, спокойнымъ голосомъ вступительную рѣчь:

— Честь имѣю довести до свѣдѣнія палаты депутатовъ, что его величество король поручилъ мнѣ составить министерство, и что я смогъ исполнить его волю, благодаря содѣйствію моихъ почтенныхъ коллегъ, — тутъ онъ быстро и почти въ полголоса прочитываетъ списокъ именъ,—къ которымъ я обратился за совѣтомъ по важнѣйшимъ политическимъ и административнымъ вопросамъ.

Палата выслушиваетъ рѣчь предсѣдателя совѣта въ полномъ молчаніи: никто не аплодируетъ даже по окончаніи ея. Слѣдуютъ кое-какіе короткіе и незначительные комментаріи съ разныхъ сторонъ, потомъ начинается общій гулъ, несмолкающій несмотря на колокольчикъ предсѣдателя палаты, тщетно старающагося возстановить тишину. Наконецъ, среди протестующихъ криковъ однихъ и „браво!“ другихъ, поднимается одинъ изъ депутатовъ правой и предлагаетъ... „въ виду невозможности среди политическихъ осложненій данной минуты приступить къ обсужденію законодательныхъ проектовъ, которые... и т. д.,— распустить палату сейчасъ же до ноября“.

Предсѣдатель совѣта министровъ поднимается и заявляетъ, что присоединяется къ почтенному оратору. Въ отвѣтъ на это

раздаются насмѣшливыя восклицанія, громкій смѣхъ, но предложеніе все-таки принято и тотчасъ же приводится въ исполненіе. Всѣ поднимаются и направляются къ выходамъ, жестикулируя, шутя и смѣясь.

Наверху, въ дипломатической трибунѣ, маркиза делла Ганчіа тоже поднимается, чтобы уйти вмѣстѣ съ другими. Но она останавливается на минуту у самаго барьера, и еще разъ смотритъ на трибуну прессы; юноша съ рыжеватой бородкой стоитъ тамъ и внимательно смотритъ на нее. Она два раза раскрываетъ и закрываетъ вѣеръ и потомъ слегка ударяетъ по немъ рукой.

— Теперь еще рано!—говоритъ она, обращаясь къ Ремигіи и сходя съ лѣстницы рядомъ съ нею.—Мнѣ еще нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ,—она говоритъ это очень громко,—и заѣхать къ мамѣ; я завезу тебя домой, а потомъ заѣду за тобой,—ты вѣдь помнишь, что обѣдаешь у насъ.

— Да, но... я не знаю, какъ быть съ Джэкомъ! Онъ сказалъ, что проведетъ вечеръ со мной.

— Онъ и будетъ съ тобой—у насъ на обѣдѣ.

— Я ему объ этомъ ничего не говорила. Можетъ быть, онъ слишкомъ усталъ. Ты вѣдь знаешь, какой онъ!

— Поищемъ его, и я съ нимъ поговорю. Во всякомъ случаѣ я настою на томъ, чтобы ты у меня обѣдала... А... вотъ генералъ!.. Д'Энтракъ, д'Энтракъ!—громко зоветъ его маркиза.—Идите сюда! Д'Ореа съ вами?

— Нѣтъ, маркиза.

— Гдѣ же онъ? Мнѣ очень нужно его видѣть.—Она быстро оборачивается къ Ремигіи и говоритъ:—Представляю тебѣ графа Мартино д'Энтрака; онъ генералъ, сенаторъ, министръ, но съ дамами всегда остается очаровательнымъ кавалерійскимъ капитаномъ!

Д'Энтракъ улыбается и вздыхаетъ.

— Можетъ быть, я ошиблась? Хотите, чтобы я сказала лейтенантомъ?

— Не смѣйтесь надо мной, маркиза! Вы слишкомъ быстро повышаете меня изъ чина въ чинъ...

Обмѣниваясь шутками съ маркизой, генералъ незамѣтно разсматриваетъ Ремигію, которая краснѣетъ, чувствуя его взглядъ на себѣ. Странно, что молодой генералъ, у котораго есть такая красивая и влюбленная въ него пріятельница, явно желаетъ теперь одержать еще одну побѣду!

Д'Энтракъ вызывается проводить дамъ и маркиза Піо къ министру д'Ореа, который теперь навѣрное, по его словамъ, въ

читальной залѣ, и ведетъ ихъ по разнымъ коридорамъ и лѣстницамъ, причемъ все время идетъ рядомъ съ Ремигіей и наклоняется къ ней при разговорѣ. Она, слушая его, вытягивается и поднимаетъ къ нему раскраснѣвшееся отъ жары и возбужденія, нѣжное, тонкое лицо. Ей очень весело и легко на душѣ.

— Палата вамъ не понравилась, кажется? — спрашиваетъ генералъ и прибавляетъ:—Сегодня, впрочемъ, вы неудачно попали. Засѣданіе заключалось въ однѣхъ только формальностяхъ; не было битвъ между разными партіями. Всѣ стояли за одно— за объявленіе конца парламентской сессіи.

— Конечно, — соглашается Ремигія.—Но все-таки издали, по газетамъ, представляешь себѣ нѣчто другое, болѣе величественное!..—Она чувствуетъ, что генералу нравится ея манера говорить, ея голосъ, и это придаетъ ей смѣлость выражать свои мысли, говорить все, что̀ вздумается.

Въ эту минуту передъ ними появляется Джіакомо, выходящій изъ дверей читальной залы. У него блѣдное, изможденное лицо, и онъ еле двигаетъ ногами отъ усталости. Узнавъ, что̀ отъ него хочетъ маркиза, т.-е. услыхавъ, что Ремигія приглашена къ ней къ обѣду, онъ оживляется.

— Непремѣнно поѣзжай, дорогая. Я, къ сожалѣнію, не могу сопровождать тебя,—надѣюсь, что вы извините меня, маркиза. У меня два засѣданія сегодня вечеромъ, и я едва успѣю наскоро пообѣдать. Но ты непремѣнно поѣзжай,—я очень радъ, что тебѣ не придется сидѣть одной дома.

Ремигія очень довольна, что все устроилось именно такъ, какъ она хотѣла, но притворяется огорченной.

— Ты бы долженъ былъ подумать о своемъ здоровьи, дорогой!—говоритъ она.—Ты слишкомъ утомляешься,—и я такъ безпокоюсь о тебѣ!

VI.

Ремигія возвращается въ отель, пріятно возбужденная приглашеніемъ къ обѣду и побѣдой надъ д'Энтракомъ. Она едва замѣчаетъ, что Мими, работавшая цѣлый день, привела ея комнаты въ полный порядокъ и придала имъ уютный, домашній видъ. Разсѣянно поблагодаривъ ее и горничную—обѣихъ вмѣстѣ— за то, что у нея теперь все подъ рукой, какъ въ Понтерено, она быстро передаетъ Мими свои впечатлѣнія, преувеличивая ихъ въ дурную сторону.—Они всѣ такіе скучные, наши законо-

датели,—говоритъ она.—Хорошо, что ты не поѣхала со мной, дорогая,—ты бы страшно скучала!

Ремигія точно забываетъ, что Мими осталась дома разбирать ея вещи. О военномъ министрѣ она говоритъ пренебрежительно, какъ о сѣдомъ старикѣ, костлявомъ какъ Донъ-Кихотъ и нѣсколько смѣшномъ своей галантностью. Она сообщаетъ Мими, что должна сейчасъ же перемѣнить туалетъ и ѣхать обѣдать къ маркизѣ делла Ганчіа.—Она и тебя приглашала, но не достаточно настойчиво, и я сказала, что ты не можешь пріѣхать. Когда дѣло идетъ о тебѣ, я очень горда!—На самомъ дѣлѣ Ремигія отказалась привезти Мими, потому что ей пріятнѣе ѣхать одной. Но она сопровождаетъ свою ложь нѣжнымъ поцѣлуемъ, и Мими тронута этимъ новымъ доказательствомъ привязанности своей подруги.

Ремигія одѣвается съ помощью Мими и Каролины, и, оглядывая себя въ зеркалѣ, находитъ, что ея бѣлый туалетъ, à point d'Alençon, ей очень къ лицу. Въ ожиданіи Кваниты, которая обѣщала заѣхать за ней, она еще садится писать письмо матери. Ее безпокоитъ мысль, что герцогиня Христина и князь Розалино, быть можетъ, вздумаютъ сдѣлать ей сюрпризъ и пріѣдутъ навѣстить ее:—отъ Неаполя въ Римъ такъ близко. Чтобы предупредить эту опасность, она пишетъ матери нѣжное письмо, въ которомъ жалуется на неудобства жизни въ гостинницѣ, на раздражительность мужа, на скуку въ Римѣ и на тяжкую обязанность дѣлать безконечные визиты женамъ чиновниковъ—крупныхъ и мелкихъ. „Какъ только я отдѣлаюсь отъ всѣхъ моихъ тяжкихъ обязанностей,—пишетъ она въ концѣ,—я сейчасъ же выпишу тебя и дядю на нѣсколько дней сюда. Ты можешь себѣ представить, какъ я горю желаніемъ обнять мою дорогую маму. Твой идолъ вѣдь никого на свѣтѣ не любитъ, кромѣ своей мамы".

Маркиза делла Ганчіа не устроиваетъ въ Римѣ такихъ пышныхъ празднествъ, какъ въ Неаполѣ, въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ. Въ своемъ римскомъ pied-à-terre—очень красивомъ, но не особенно большомъ — она принимаетъ только близкихъ друзей, и то немногихъ сразу; за обѣдомъ никогда не бываетъ вмѣстѣ съ хозяевами болѣе восьми человѣкъ.

Въ этотъ вечеръ, кромѣ донны Ремигіи д'Ореа, приглашена только еще одна дама—княгиня Гвендолина Каподимаре, сестра маркиза Піо; она пріѣзжаетъ безъ мужа—онъ на дежурствѣ въ Ватиканѣ. Изъ мужчинъ приглашены графъ д'Энтракъ и кавалеръ Папаригопулосъ, толстый банкиръ, архимилліонеръ. Двое другихъ приглашенныхъ присылаютъ извиненія въ послѣднюю

минуту: донъ Луціанъ д'Ореа пишетъ, что онъ внезапно заболѣлъ (вѣроятно острымъ припадкомъ „манонлита", какъ говоритъ маркиза своимъ гостямъ, намекая на Фанфанъ Трекёръ, выступающую въ оперѣ „Манонъ Леско"), а графъ Чинчино д'Эрмоли, младшій братъ маркиза Піо, задержанъ дѣловымъ свиданіемъ съ директоромъ штутгартской фирмы Эдисонъ-Шмидтъ. Графъ Чинчино далеко не такъ богатъ, какъ его братъ маркизъ Піо, владѣтель маіората, получившій большое наслѣдство отъ своего дяди, но онъ тратитъ очень много, и потому всегда стѣсненъ въ деньгахъ. По настоянію семьи, онъ поступилъ въ политехническую школу въ Миланѣ, кончилъ курсъ съ дипломомъ электротехника и теперь занимается своей профессіей—довольно, впрочемъ, небрежно, такъ какъ все его время поглощено скачками, клубомъ, свѣтскими обязательствами.

— Онъ придетъ послѣ обѣда,—заявляетъ княгиня Каподимаре.—Онъ мнѣ сказалъ, что хочетъ непремѣнно познакомиться съ тобой, Ремигія.

Гвендолина Каподимаре и Ремигія подружились съ первой минуты. Оказалось, что онѣ знали другъ друга еще въ дѣтствѣ, и потому сейчасъ же перешли на „ты". Ремигію смущаетъ пышная красота Квантины, ея открытыя великолѣпныя плечи, и, войдя въ ея салонъ, она чувствуетъ себя приниженной со своей хрупкой фигуркой. Поэтому она особенно рада появленію Гвендолины, еще болѣе тонкой, чѣмъ Ремигія, почти прозрачной въ своемъ свѣтломъ платьѣ. Она идетъ ей на встрѣчу, радостно обнимаетъ ее и шепчетъ:—Милая, дорогая! Какая ты красавица!

Гвендолина, дѣйствительно, поражаетъ своей оригинальной внѣшностью: у нея свѣжій, нѣжный цвѣтъ лица, большіе темные, очень оживленные глаза—и совершенно бѣлые, точно напудренные волосы, хотя ей еще едва минуло тридцать лѣтъ. Эту особенность она унаслѣдовала отъ отца, тоже посѣдѣвшаго въ молодости. Но на Ремигію производитъ впечатлѣніе не оригинальная красота глазъ и волосъ Гвендолины, а смѣлость, съ которой она носитъ глубоко декольтированное платье, не стѣсняясь обнажать свою худощавость, замаскированную только шестью нитками изумительнаго жемчуга.

— Какая она красавица! — говоритъ Ремигія въ полголоса генералу д'Энтраку, съ которымъ сидитъ рядомъ за столомъ, указывая ему глазами на Гвендолину. — Воздушное видѣніе, мечта!

— Слишкомъ ужъ воздушна! — отвѣчаетъ д'Энтракъ, улыбаясь.

— Ахъ, да, я и забыла! — восклицаетъ Ремигія лукавымъ тономъ. — Вѣдь ваше превосходительство не поклонникъ прерафаэлитскаго типа красоты. Вы предпочитаете школу Рубенса... пышность формъ, яркость красокъ!.. Мнѣ вѣдь все извѣстно.

Генералъ отлично понимаетъ намекъ на м-ссъ Бритонъ, но, продолжая улыбаться, пристально глядитъ черезъ монокль на розовое, задорное личико Ремигіи.

— Хотите знать, какой родъ красоты мнѣ дѣйствительно больше всего нравится? Я вамъ скажу откровенно... вашъ, герцогиня!

— Вотъ не ожидала! Я вѣдь почти-что такъ же... воздушна, какъ Гвендолина.

— Но вы очаровательный, нѣжный цвѣтокъ... а она—длинный пустой колосъ!

Ремигія не можетъ удержаться отъ громкаго смѣха въ отвѣтъ на потѣшное сравненіе д'Энтрака. Онъ дѣлаетъ ей знакъ глазами, указывая на Папаригопулоса, сидящаго прямо противъ нихъ.

— Перемѣнимъ тему разговора,—говоритъ онъ ей въ полголоса.—Этотъ грекъ прислушивается къ вашимъ словамъ, потому что вы произнесли имя княгини Каподимаре. Онъ ея воздыхатель... влюбленъ до безумія, — но, конечно, не пользуется взаимностью: княгиня недоступна и непогрѣшимо добродѣтельна.

Такъ принято говорить въ избранномъ кругу княгинь и герцогинь изъ чувства солидарности, — хотя, быть можетъ, всякій думаетъ про себя иное. Пусть тѣ, кто стоитъ внѣ „избраннаго круга", выдумываютъ злыя клеветы, говорятъ, что Папаригопулосъ не только пользуется успѣхомъ у княгини Каподимаре, но къ тому же еще состоитъ ея банкиромъ, — и что ея ослѣпительный жемчугъ—не римскаго, а греческаго происхожденія... Кто обращаетъ вниманіе на слова этихъ людей, не принятыхъ въ аристократическихъ салонахъ!

Ремигія въ этотъ вечеръ особенно въ ударѣ. Она хочетъ покорить всѣ сердца, и это ей удается. Она дружески улыбается Кванитѣ, непрерывно восторгается Гвендолиной и говоритъ ей, что сразу ее полюбила, любезничаетъ съ д'Энтракомъ и глядитъ ему въ глаза, выпивая бокалъ шампанскаго „за здоровье правящихъ нами". Послѣ обѣда гости переходятъ пить кофе въ залу съ балкономъ, и за маленькими столиками разговоры становятся еще болѣе оживленными и экспансивными. Только бѣдный застѣнчивый Папаригопулосъ бродитъ одинъ, разглядывая отъ нечего дѣлать фарфоровыя статуэтки на каминѣ и картины на стѣнахъ; княгиня Каподимаре ни разу не заговариваетъ съ нимъ.

Онъ счастливъ, когда она, наконецъ, окликаетъ его и повелительнымъ тономъ требуетъ у него папиросъ для себя и для сидящей рядомъ съ нею Ремигіи.

— Вѣдь ты куришь, милая?—спрашиваетъ она свою новую пріятельницу.

Ремигія беретъ папиросу и кокетливо закуриваетъ ее, граціозно выпускаетъ дымъ колечками и смѣется, показывая ровные, бѣлые какъ жемчугъ зубы. Все это продѣлывается главнымъ образомъ для д'Энтрака, который не отходитъ отъ нея и смотритъ на нее восторженными глазами.

— Вотъ и Чинчино!—слышится съ балкона голосъ Кваниты.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ графъ д'Эрмоли съ сенсаціоннымъ извѣстіемъ, которое сразу уничтожаетъ благодушное и веселое настроеніе, царившее въ салонѣ.

— Полиція, — разсказываетъ онъ,—по приказу префекта и подъ обычнымъ предлогомъ общественнаго порядка, закрыла часовню Мадонны у моста Рипетто, потому что Мадонна, стоявшая прежде спокойно на алтарѣ, вдругъ стала вращать глазами, и народъ сталъ стекаться толпами созерцать чудо.

Всѣ возмущены насиліемъ гражданскихъ властей надъ религіозными чувствами страны. Особенно волнуется Гвендолина, яростно нападая на правительство, на враговъ католической церкви. Но среди присутствующихъ есть защитникъ правительства, военный министръ, который твердо и авторитетно заявляетъ графинѣ Каподимаре, что необходимо было принять мѣры противъ уличныхъ безпорядковъ, и что Римъ не только центръ католичества, но прежде всего столица Италіи. Споръ между ними обостряется, и они такъ громко кричатъ, что графъ Чинчино входитъ съ балкона и проситъ ихъ успокоиться, потому что ихъ слышно на улицѣ. Приходится замолчать и перемѣнить разговоръ и потому еще, что входятъ лакеи и вносятъ столики съ чашками чая и съ прохладительными напитками.

VII.

Чай и прохладительные напитки возстановляютъ спокойствіе. Маркиза Кванита, которая въ этотъ вечеръ особенно жалуется на жару, опять выходитъ на балконъ курить папиросу, и Чинчино слѣдуетъ за ней. Черезъ нѣсколько времени, завидя въ глубинѣ улицы изящный небольшой экипажъ, она посылаетъ Чинчино за своимъ платочкомъ въ залу. Экипажъ медленно

проѣзжаетъ мимо балкона, и при свѣтѣ фонаря въ немъ виднѣется фигура прекраснаго юноши съ рыжеватой бородой. Онъ смотритъ вверхъ, улыбается, но не кланяется.

— Merci, Чинчино!—Д'Эрмоли принесъ платокъ и остается на балконѣ любезничать съ красивой belle-soeur. Оставшіеся въ залѣ бесѣдуютъ попарно: княгиня Гвендолина съ грекомъ, Ремигія съ д'Энтракомъ. Только бѣдный маркизъ Піо сидитъ одинъ и съ горя берется читать газету.

Бесѣда между Гвендолиной и Папаригопулосомъ очень странная: слышатся громко произносимыя отдѣльныя слова, названіе какого-нибудь новаго романа, новой оперы или слова: „его святѣйшество", а затѣмъ слѣдуетъ долгій шопотъ.

Ремигія, разговаривая съ генераломъ, улыбается, вся раскраснѣвшись отъ возбужденія. Онъ, напротивъ того, все болѣе блѣднѣетъ и говоритъ все тише. Маркизъ начинаетъ положительно чувствовать ревность къ „этому старому сатиру", какъ онъ его внутренно называетъ.

„И чѣмъ онъ ей нравится?"—думаетъ онъ съ досадой.

А генералъ дѣйствительно нравится Ремигіи, и она продолжаетъ кокетничать съ нимъ,—считая къ тому же, что дружба съ военнымъ министромъ можетъ быть ей полезной. Она шутливо упрекаетъ его въ томъ, что онъ навѣрное много разъ видѣлъ ее раньше въ Римѣ—она часто пріѣзжала сюда изъ Болоньи,—но не обращалъ на нее вниманія, пока она не стала женой министра. Д'Энтракъ не знаетъ, какъ оправдаться, молчитъ, и Ремигія восклицаетъ съ торжествомъ:

— Вотъ видите... вамъ нечего возразить! Молчаніе—знакъ согласія.

— Вовсе нѣтъ. Я молчу, потому что не рѣшаюсь сказать то, что̀ думаю... Я боюсь...

— Храбрый генералъ—и боится!—Ремигія задорно смѣется. —Военный министръ, который знакомъ съ чувствомъ страха... Бѣдное отечество!

Маркиза Кванита и Чинчино д'Эрмоли входятъ въ залу съ балкона. Дамы составляютъ планы на слѣдующій день: рѣшено сойтись въ четыре часа къ чаю у Кваниты и тогда что-нибудь предпринять. Заходитъ рѣчь также о предстоящемъ первомъ представленіи „Манонъ", и Ремигія сознается въ своемъ—быть можетъ, преступномъ, говоритъ она—желаніи увидать наконецъ эту Фанфанъ. Гвендолина и Кванита предлагаютъ ей пойти съ ними и сидѣть въ глубинѣ ложи. Ремигія хочетъ, чтобы ее уговаривали, и потому повторяетъ, что боится дурно поступить. Но такъ

какъ сестры ея нѣтъ въ Римѣ и къ тому же теперь глухой сезонъ и ее не замѣтятъ въ театрѣ, то она сдается на убѣжденія пріятельницъ,—и вопросъ о премьерѣ „Манонъ“ рѣшенъ.

Ремигія наконецъ поднимается. Она устала и ссылается, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, на мужа.

— Мнѣ пора домой. Джэкъ, можетъ быть, уже легъ спать; а можетъ быть, напротивъ того, онъ не ложится, ожидая меня. Да, дорогой генералъ, вы не представляете себѣ, до чего трудно угадывать капризы вашего коллеги.

Гвендолина предлагаетъ Ремигіи завезти ее въ отель въ своей коляскѣ; она предупреждаетъ другихъ, что коляска ея двухмѣстная, и ни генералъ, ни Чинчино не могутъ поѣхать съ ними.

Папаригопулосъ уже раньше ушелъ. Онъ всегда приходитъ и уходитъ до княгини Каподимаре.

— У меня къ тебѣ большая просьба, дорогая,—говоритъ она.—Ты можешь оказать мнѣ большую услугу.

— Въ чемъ дѣло? Говори скорѣе; я все исполню,—отвѣчаетъ Ремигія и крѣпко жметъ ей руку.

— Слушай внимательно—дѣло очень сложное и серьезное,— Гвендолина говоритъ это съ улыбкой:—министерство общественныхъ работъ вмѣстѣ съ почтамтомъ и телеграфнымъ вѣдомствомъ рѣшило командировать въ Америку нѣсколькихъ электротехниковъ для изученія безпроволочнаго телеграфа Маркони и для заключенія договоровъ объ устройствѣ его у насъ. Мой братъ...

— Чинчино д'Эрмоли?

— Да, Чинчино очень хотѣлъ бы попасть въ число трехъ или четырехъ электротехниковъ, которыхъ изберетъ правительство для этой командировки. Такъ, вотъ, одно слово твоего мужа...

— Будь покойна. Я объ этомъ похлопочу.

— Чинчино хочетъ остепениться,—продолжаетъ Гвендолина умиленнымъ и грустнымъ голосомъ.—Но, оставаясь въ Римѣ, онъ не можетъ измѣнить образа жизни. Онъ въ отчаяніи, бѣдный мальчикъ!

— Я завтра же поговорю съ мужемъ — или даже сегодня. Это будетъ моя первая просьба съ тѣхъ поръ, какъ я вышла за него замужъ. Посмотримъ, посмѣетъ ли онъ отказать мнѣ!..— Въ глазахъ Ремигіи сверкаетъ угроза. Лошади останавливаются. —Какъ, уже пріѣхали!—восклицаетъ Ремигія.—Прощай, дорогая! Завтра въ четыре часа у Кваниты,—помни.

— Прощай! И не забудь о бѣдномъ Чинчино.

Джіакомо еще не легъ спать, противъ ожиданія Ремигіи. Она застаетъ его въ салонѣ въ обществѣ Мими.

— Какъ я рада, что ты ждалъ меня! — восклицаетъ она, крѣпко обнимая мужа.—Ты не представляешь себѣ, до чего я скучала! Я ужъ давно порывалась уйти, но пришлось ждать Гвендолину, которая вызвалась, довезти меня домой въ своей каретѣ.

— Кто это Гвендолина?

— Очаровательная женщина! Красавица, и такая добрая, умная!—отвѣчаетъ Ремигія, все время обращаясь къ Джіакомо и не удостоивая Мими ни однимъ взглядомъ.—Мы очень подружились съ ней.

— Сразу подружились! Да это настоящій coup de foudre.— Джіакомо говоритъ это съ добродушной улыбкой и гладитъ руку жены.—Какъ же я никогда не слышалъ даже имени этой замѣчательной особы?

— Мы съ нею даже въ родствѣ черезъ Кваниту делла Ганчіа, жену ея брата.

Джіакомо смѣется.—Значитъ, меня можно поздравить съ новой родственницей,—говоритъ онъ.

Ремигія рада, что мужъ въ хорошемъ расположеніи духа, и присаживается къ нему, гладитъ своими тонкими пальцами его бороду, поправляетъ галстухъ. Увидавъ на столѣ чай и закуску, она съ аппетитомъ съѣдаетъ бутербродъ, потомъ замѣчаетъ на подносѣ нѣсколько визитныхъ карточекъ, сложенныхъ по двѣ вмѣстѣ.

— А, значитъ, это относится и ко мнѣ. Посмотримъ!.. „Графъ Мартино д'Энтракъ",—читаетъ она, и равнодушно отбрасываетъ карточку.—Смѣшной онъ, этотъ военный министръ,—говоритъ она мужу. — Настоящій Донъ-Кихотъ съ виду: старикъ, а еще увлекается женщинами. Мнѣ Кванита показала его пріятельницу, американку.

— Увлекаться женщинами, конечно, неблагоразумно. Но говори осторожнѣе о его старости. Онъ—мой ровесникъ.

— Неужели? А съ виду онъ годится тебѣ въ отцы.—Она беретъ еще одну карточку и, отогнувъ загнутый уголъ ея, читаетъ: „Адвокатъ Леонидъ Стаффа, депутатъ, товарищъ министра общественныхъ работъ".—Это Леонидъ съ широкополой шляпой? Зачѣмъ онъ явился ко мнѣ съ визитомъ?

Джіакомо самому непріятенъ этотъ визитъ,—но Стаффа его ближайшій сослуживецъ, и нужно мириться съ его посѣщеніями.

— Онъ мнѣ говорилъ, что гдѣ-то за границей былъ пред-

ставленъ тебѣ и танцовалъ съ тобой; онъ хочетъ возобновить знакомство. У него теперь манія посѣщать дамъ высшаго общества. Онъ мнѣ, конечно, несимпатиченъ, но онъ мой сослуживецъ, и я не могу не принимать его. Прошу тебя тоже быть съ нимъ любезной—приходится мириться съ непріятными обязанностями.

— Хорошо, я согласна принимать твоего Леонида; обѣщаю тебѣ даже быть съ нимъ любезной, но зато обѣщай и ты исполнить мою просьбу,—я прошу этого какъ большой милости.

Джіакомо переглядывается съ Мими. — Я не могу обѣщать, не зная, въ чемъ дѣло,—говоритъ онъ женѣ.

— Дѣло идетъ объ одолженіи Гвендолинѣ, о томъ, чтобы ея братъ, Чинчино д'Эрмоли, остепенился.

— Да я-то тутъ при чемъ?

— Ты можешь совершить это чудо однимъ словомъ!—Ремигія болѣе или менѣе точно передаетъ мужу все, что ей сказала Гвендолина, и прибавляетъ:—Вѣдь это первая просьба, съ которой я обращаюсь къ тебѣ, и ты не можешь мнѣ отказать.

Бѣдная Мими краснѣетъ и блѣднѣетъ; она не знаетъ, какъ предупредить готовящуюся, какъ она въ этомъ увѣрена, бурю. Но Джіакомо рѣшилъ не раздражаться и говоритъ совершенно спокойно:

— Послушай, дорогая: я какъ разъ сегодня утромъ говорилъ Мими, что я ненавижу всякаго рода протекціи,—мнѣ онѣ кажутся верхомъ несправедливости. Кто онъ такой, твой д'Эрмоли, и чѣмъ онъ занимался до сихъ поръ?

— Онъ братъ Гвендолины, и хотѣлъ бы именно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы уѣхать изъ Рима и работать.

— Это очень похвально съ его стороны. Но ты сама знаешь, что пошлютъ всего пять-шесть человѣкъ—и, конечно, не юношей, которымъ нужно остепениться, а людей знающихъ, опытныхъ, извѣстныхъ своими трудами. Развѣ было бы справедливо, чтобы изъ-за твоего протеже лишились назначенія люди, гораздо болѣе пригодные для дѣла?

— Знаешь, какъ это можно устроить? — говоритъ Ремигія, подумавъ съ минуту.—Вмѣсто пятерыхъ пошлите—шестерыхъ. Чинчино будетъ шестымъ и, такимъ образомъ, никому не станетъ поперекъ дороги.

Джіакомо смотритъ на нее и думаетъ, что она, можетъ быть, просто капризный ребенокъ. Онъ и уступаетъ ей, какъ ребенку, т.-е. обѣщаетъ имѣть въ виду кандидатуру Чинчино д'Эрмоли и, если возможно, содѣйствовать его назначенію. Потомъ онъ цѣлуетъ

ее на прощаніе, пожимаетъ руку Мими и уходитъ спать, говоря, что онъ очень усталъ, а завтра долженъ съ самаго утра быть въ министерствѣ.

Послѣ его ухода, Ремигія стоитъ нѣсколько времени нахмурившись, и ея сердитое лицо кажется постарѣвшимъ лѣтъ на десять.

— Онъ навѣрное ничего не сдѣлаетъ для меня... я вѣдь не Марія-Грація! Противный! Отказываетъ въ первой же моей просьбѣ, и когда дѣло идетъ объ одолженіи моей лучшей подругѣ! Я его ненавижу, ненавижу!

Мими пробуетъ защитить Джіакомо, доказываетъ, что у него доброе, мягкое сердце, но говоритъ, что нужно имѣть въ виду строгость его принциповъ.—Молю тебя, дорогая,—проситъ она,—не обращайся къ нему никогда съ просьбами о протекціяхъ комулибо. Это его раздражаетъ, мучитъ! Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ сегодня и утромъ, и теперь, передъ твоимъ приходомъ.

Ремигія ходитъ, напѣвая, по комнатѣ, видимо обдумывая что-то. Вдругъ она весело смѣется, отряхиваетъ привычнымъ энергичнымъ жестомъ свои пышные золотистые волосы, останавливается передъ Мими и говоритъ ей торжествующимъ тономъ:

— Хорошо. Клянусь, что къ Джіакомо я больше не буду обращаться. Но знай, что и помимо его я смогу добиться всего, чтò захочу. Я сдѣлаюсь очень вліятельной особой въ Римѣ, — вотъ увидишь! И первымъ доказательствомъ этого будетъ то, что Чинчино д'Эрмоли все-таки получитъ командировку... Кабинетъ состоитъ изъ десяти министровъ, и среди нихъ есть и болѣе авторитетные, чѣмъ этотъ безвольный праведникъ... мой мужъ!

Ремигія, конечно, разсчитываетъ на д'Энтрака, но оказывается, что на этотъ разъ она добивается своей цѣли при помощи—кто бы этого ожидалъ!—бывшаго радикала Леонида Стаффы.

Черезъ нѣсколько дней, когда Ремигія вполнѣ убѣждается, что на Джіакомо разсчитывать нечего, она совѣтуется съ Гвендолиной о томъ, чье вліяніе нужно было бы пустить въ ходъ, и княгиня Каподимаре объясняетъ ей, что назначеніе Чинчино легко можетъ устроить—помимо Джіакомо—товарищъ министра.

Бесѣда двухъ подругъ происходитъ у Ремигіи, и прерывается появленіемъ слуги: онъ докладываетъ о приходѣ адвоката Леонида Стаффа. — Вотъ кстати!—восклицаетъ Ремигія, и проситъ Гвендолину тоже выйти къ гостю, который можетъ оказаться имъ полезнымъ. Онѣ очаровываютъ своей любезностью и искуснымъ кокетствомъ бывшаго радикала, помѣшаннаго теперь на аристократизмѣ и ухаживаніи за знатными дамами. Обѣ онѣ,

конечно, не упоминают ни однимъ словомъ о Чинчино д'Эрмоли, но какъ бы невзначай условливаются при гостѣ поѣхать вечеромъ въ театръ Костанци, слушать оперу „Ирисъ". Стаффа, обвороженный ласковымъ пріемомъ, тоже отправляется вечеромъ въ театръ, достаетъ себѣ кресло у самой ложи Ремигіи, и въ антрактѣ заходитъ въ ея ложу засвидѣтельствовать свое почтеніе.

Тогда, среди обмѣна любезностей, Ремигія обращается къ нему съ просьбой похлопотать о назначеніи Чинчино д'Эрмоли.

— Только сдѣлайте это помимо моего мужа. Онъ противъ кандидатуры моего протеже́... — Она объясняетъ ему взгляды Джіакомо.

Леонидъ Стаффа не раздѣляетъ взглядовъ министра. Онъ за то, чтобы оказывать содѣйствіе молодежи,—и обѣщаетъ добиться назначенія молодого графа д'Эрмоли.

VIII.

— Значитъ, это рѣшено!—восклицаетъ Ремигія, обнимая на прощаніе Кваниту.—Вы пріѣдете обѣдать ко мнѣ въ семь часовъ, а потомъ мы ѣдемъ слушать „Манонъ". Лишь бы опять не отложили представленія изъ-за нездоровья Фанфанъ. Это ужъ было бы въ четвертый разъ. Бѣдный Луціанъ въ отчаяніи. И сегодня я какъ разъ могу поѣхать слушать „Фанфанъ",—Джіакомо приглашенъ на какой-то политическій банкетъ. А если опять отложатъ на какой-нибудь вечеръ, когда мой мужъ будетъ свободенъ, я не смогу пріѣхать!

— Почему? Вѣдь твой мужъ не ревнивъ и предоставляетъ тебѣ полную свободу.

— Въ другихъ случаяхъ—да. Но вѣдь дѣло идетъ о Фанфанъ... и это касается моей сестры.

Кванитѣ хотѣлось бы подробнѣе разспросить Ремигію обо всемъ этомъ, и она ее удерживаетъ, но Ремигія торопится.

— Я какъ-нибудь въ другой разъ разскажу тебѣ,—теперь я тороплюсь. Меня ждутъ въ отелѣ двое друзей изъ Болоньи.

— Поклонники? Я разскажу объ этомъ его превосходительству!

— Моему мужу?

— Нѣтъ... д'Энтраку... Какъ ты покраснѣла! Вотъ видишь...

Ремигія громко смѣется, чтобы скрыть свое смущеніе, и, быстро обнявъ еще разъ Кваниту, спѣшитъ домой.

Адвокатъ Чиро Берлендисъ и графъ Нарцисъ Гамбара ждутъ

ее уже около часа. Графъ обиженъ ея невниманіемъ и жалуется Мими на то, что „царица Понтерено“ такъ скоро забыла своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Наконецъ Ремигія является, горячо пожимаетъ руки своимъ друзьямъ и проситъ извинить ее.

— Вы не представляете себѣ,—говоритъ она,—до чего я занята! Право, у меня больше дѣлъ, чѣмъ у Джэка. Все представительство выпадаетъ на мою долю. Джэкъ не трогается съ мѣста, и я должна вмѣсто него дѣлать всѣ визиты, посѣщать выставки, школы, пріюты, бывать на всѣхъ оффиціальныхъ пріемахъ... Все время уходитъ на это, и я какимъ-то чудомъ освободилась сегодня на часокъ для васъ. Но зато вы оба должны остаться къ обѣду и вечеръ мы тоже проведемъ вмѣстѣ.

Адвокатъ вполнѣ доволенъ этой перспективой, но графъ Гамбара глубоко разочарованъ. У него были совсѣмъ иныя надежды на Римъ... Онъ очень сердитъ, и, чтобы скрыть это, усиленно ухаживаетъ за Мими, цѣлуетъ ей руку и говоритъ ей въ полголоса, что она въ Римѣ стала еще красивѣе и очаровательнѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ, взглянувъ на себя въ зеркало, онъ вдругъ заявляетъ, что не можетъ остаться къ обѣду въ такомъ видѣ и долженъ поѣхать къ себѣ въ отель переодѣться. Конечно, это только предлогъ. Онъ хочетъ наказать своимъ внезапнымъ уходомъ Ремигію за ея невниманіе и жестокость. Отвѣсивъ холодный общій поклонъ, онъ уходитъ, ничего не отвѣчая Ремигіи, которая кричитъ ему вслѣдъ:—Такъ помните же... ровно къ семи часамъ, или даже раньше!

По дорогѣ въ отель графъ Гамбара рѣшаетъ уѣхать въ Болонью съ первымъ же поѣздомъ, пославъ сухую записку Ремигіи о томъ, что онъ не можетъ явиться къ обѣду... Но, можетъ быть, онъ ошибся; можетъ быть, холодность донны Ремигіи—она положительно еще похорошѣла въ Римѣ!—объясняется присутствіемъ Мими и Берлендиса?—Гамбара рѣшаетъ остаться, чтобы показать Ремигіи, что онъ къ ней совершенно равнодушенъ. Къ тому же всѣ его политическіе планы связаны съ пребываніемъ въ Римѣ.

Берлендисъ пользуется неожиданнымъ уходомъ графа Гамбара, чтобы поговорить съ Ремигіей о дѣлѣ, для котораго онъ пріѣхалъ въ Римъ. Ему нужно получить отъ министерства общественныхъ работъ концессію на пользованіе водой нѣсколькихъ озеръ въ Кадорѣ для производства электрической энергіи. Польза этого предпріятія для страны очевидная, но предприниматели придумали скрытую комбинацію, при которой имъ достанутся огромные барыши, а весь рискъ и всѣ издержки будетъ нести

казна. Чтобы заручиться согласіемъ министерства, прежде чѣмъ оно успѣетъ вникнуть въ суть дѣла, адвокатъ рѣшилъ воспользоваться содѣйствіемъ милой и любезной донны Ремигіи. Задуманная имъ афера очень крупная, — она можетъ дать ему и его компаньонамъ нѣсколько милліоновъ,—и потому онъ особенно краснорѣчивъ.

Онъ говоритъ, что пріѣхалъ предложить правительству великолѣпное дѣло; оно подниметъ благосостояніе страны и прославитъ министерство, которое его осуществитъ. Во главѣ предпріятія стоитъ группа дѣльцовъ, внесшихъ уже три милліона капитала. Одного изъ этихъ капиталистовъ онъ называетъ Ремигіи — это ея старинный поклонникъ, баронъ Марко Данова:

— Онъ и до сихъ поръ пылаетъ къ вамъ неизлечимой страстью,—и я его понимаю!—говоритъ адвокатъ, пуская въ ходъ орудіе галантности, всегда оказывающее должное дѣйствіе.—Я не прошу, конечно, никакой протекціи,—продолжаетъ онъ,—это не въ моихъ правилахъ. Но вы можете помочь мнѣ ускорить дѣло,—больше ничего не требуется.

— Вы не хотите, чтобы я сказала мужу...

— Вашему мужу? Министру? Нѣтъ, этого не требуется. Но вы, кажется, дружны съ товарищемъ министра, съ его превосходительствомъ Леонидомъ Стаффа?

„Какъ въ Болоньѣ, однако, все знаютъ!"—думаетъ Ремигія.

— Для моего дѣла достаточно товарища министра. Дайте мнѣ рекомендательное письмо къ нему,—и я скажу ему, что въ министерствѣ—въ такой-то секціи—получено наше предложеніе, которое, быть можетъ, еще даже не прочитано. Я ему объясню всѣ подробности предпріятія — и попрошу только внимательно разсмотрѣть нашъ проектъ. Больше ничего я не требую. Никакой протекціи я не желаю!

Адвокатъ начинаетъ горячиться, говоря о своей честности и прямотѣ, но его прерываетъ Закарелла, являющійся доложить доннѣ Ремигіи, что ее проситъ къ телефону Леонидъ Стаффа.

— Вы позволите?—спрашиваетъ она Берлендиса.—Я сейчасъ вернусь.

— Пожалуйста! пожалуйста!

— Мнѣ, значитъ, правду сказали,—говоритъ про себя адвокатъ въ ея отсутствіе.—Леонидъ Стаффа влюбленъ въ герцогиню д'Ореа. Это намъ очень на руку! Если удастся получить концессію безъ проволочекъ, то этотъ мошенникъ Данова можетъ поздравить себя—и я тоже!

Ремигія возвращается сіяющая, и разсказываетъ, что узнала

о назначеніи брата ея подруги, княгини Каподимаре, на мѣсто, котораго она добивалась для него.

— Я должна съѣздить сообщить сама радостную вѣсть княгинѣ! Вы извините меня? Я вернусь черезъ десять минутъ. Мнѣ сегодня нужно скорѣе одѣться,—мы обѣдаемъ ровно въ семь, потому что вечеромъ поѣдемъ всѣ вмѣстѣ въ театръ. Вотъ вы теперь сами видите, что у меня нѣтъ ни минуты свободной... А графъ Гамбара еще вздумалъ обижаться!

Ремигія спѣшитъ уйти, но адвокатъ ее останавливаетъ:

— А рекомендательное письмо къ Стаффа?.. Вы мнѣ его дадите?

— Отправляйтесь сейчасъ же въ министерство; Стаффа васъ ждетъ, я говорила и о васъ съ нимъ въ телефонъ. Онъ знаетъ, что вы мой другъ, и отнесется къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ.

— Но все-таки лучше, еслибы вы написали пару словъ.

Ремигія вынимаетъ визитную карточку изъ своего porte-cartes и пишетъ на ней карандашомъ: „Рекомендую вамъ, дорогой Стаффа, лучшаго изъ моихъ болонскихъ друзей, адвоката Берлендиса“.

— Передайте ему это, — говоритъ она, вручая карточку адвокату.

IX.

Обѣдъ у Ремигіи прекрасно и быстро сервируется подъ наблюденіемъ Закареллы. Ремигія очень весела, и ея гости тоже, за исключеніемъ генерала д'Энтрака и графа Гамбара, которые оглядываютъ другъ друга ревнивыми взглядами. Маркизъ Піо, потерпѣвшій неудачу въ своихъ попыткахъ ухаживанія за Ремигіей, старается разжечь, изъ злорадства, ревность генерала, и еще до обѣда говоритъ ему на ухо, указывая на молодого графа:

— Какой красивый юноша, не правда ли? Говорятъ, что онъ интимный другъ герцогини д'Ореа. Въ Понтерено, будто бы, ихъ заставали въ саду цѣлующимися.

— Какой вздоръ! Какъ можно повторять такія гнусныя сплетни!

Генералъ увѣренъ въ невиновности Ремигіи, но у него пропадаетъ всякій аппетитъ. Сидя на почетномъ мѣстѣ, между Ремигіей и маркизой, онъ ничего не ѣстъ и только пьетъ больше обыкновеннаго, и, притворяясь равнодушнымъ къ хозяйкѣ дома, усиленно любезничаетъ съ маркизой Кванитой и глядитъ съ восхищеніемъ на ея пышныя плечи. Ремигія понимаетъ, что онъ это

дѣлаетъ на зло ей, и очень польщена его ревностью. Чтобы разсѣять его мрачное настроеніе духа, она заговариваетъ съ нимъ и спрашиваетъ въ полголоса, почему всѣ его взгляды обращены только... на альпійскія высоты?

— Я полагалъ, что вы поглощены... болонскими друзьями, и не смѣлъ отвлекать вашего вниманія.

Ремигія смѣется.

— Какъ вамъ не стыдно ревновать меня къ этому дураку Гамбара! Ужъ лучше ревнуйте къ Леониду Стаффа, — это все-таки болѣе лестно для меня... Эти болонскіе гости навязаны мнѣ моимъ мужемъ; они—его избиратели и очень вліятельные. Они завтра же уѣзжаютъ; пріѣхали они за протекціей, и я ихъ сейчасъ же направила къ Стаффа. Вы рады, что и этотъ графъ Гамбара уѣдетъ? А вотъ Мими Карфо не будетъ рада... Какъ это вы выигрывали сраженія, генералъ, когда не видите, что̀ происходитъ у васъ же на глазахъ?

Д'Энтракъ вполнѣ удовлетворенъ объясненіями Ремигіи и улыбается ей съ повеселѣвшимъ лицомъ. Зато графъ Гамбара, наблюдающій издали за нимъ и Ремигіей, сидитъ за столомъ мрачный и блѣдный.

„Генералъ! сенаторъ!—думаетъ онъ про себя.—Какой позоръ! Еслибы у графини Карфо было хоть только приличное приданое, я бы сейчасъ же женился на ней“.

Ремигія наблюдаетъ за нимъ, видитъ, что онъ разстроенъ, и послѣ обѣда подзываетъ его къ себѣ, какъ бы для того, чтобы дать ему чашку кофе.

— Почему у васъ такой мрачный видъ?—спрашиваетъ она.

— Я уѣзжаю сегодня же, или завтра.

— Уѣзжайте завтра,—говоритъ Ремигія, глядя ему въ глаза, и прибавляетъ въ отвѣтъ на его удивленный взглядъ:—Мой мужъ заѣзжалъ домой переодѣться къ обѣду, и былъ очень недоволенъ, узнавъ, что вы здѣсь. Онъ не то что ревнуетъ, а боится сплетенъ, которыя могутъ повредить ему. Джэкъ не подозрителенъ, къ счастью для насъ, — слово „насъ“ воспламеняетъ надежды влюбленнаго графа,—но необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Скоро вѣдь я вернусь въ Понтерено на нѣсколько мѣсяцевъ, и тамъ мы опять можемъ свободно видаться. Уѣзжайте же завтра, а теперь подойдите къ Мими и поухаживайте за нею.

Бѣдный Гамбара не можетъ все-таки вполнѣ успокоиться. Его мучатъ сомнѣнія.

— Ну, а этотъ... генералъ? Почему онъ не отходитъ отъ васъ?

Ремигія качаетъ головой, жалѣя, повидимому, бѣднаго графа, который отъ ревности лишился разсудка.

— Д'Энтракъ? — говоритъ она. — Да вѣдь у него есть подруга сердца, м-ссъ Бритонъ. Я вамъ покажу ее сегодня въ театрѣ. Я терпѣть его не могу именно потому, что онъ слишкомъ галантенъ для своего почтеннаго возраста. Но онъ другъ Джэка, и я должна быть съ нимъ любезна. Когда я разъ сказала Джэку, что д'Энтракъ краситъ усы, онъ мнѣ чуть глаза не выцарапалъ... Послушайтесь меня: отойдите теперь отъ меня и полюбезничайте съ Мими. Въ театрѣ зайдите ко мнѣ въ ложу, только попозже.

Какъ только Гамбара отходитъ отъ Ремигіи, д'Энтракъ, наблюдавшій за нимъ и Ремигіей съ балкона, подходитъ къ Ремигіи съ мрачнымъ выраженіемъ лица и проситъ налить ему рюмочку коньяку.

Ремигіи сейчасъ же удается возстановить въ немъ хорошее расположеніе духа.

— Сколько мнѣ приходится трудиться, чтобы выдать замужъ Мими,—говоритъ она, наливая коньякъ,—но, кажется, на этотъ разъ я достигла цѣли, и такъ рада!—Потомъ она прибавляетъ, понизивъ голосъ: — Когда мы поѣдемъ въ театръ, садитесь со мной въ карету. Предоставимъ Кванитѣ занимать болонскихъ гостей!—Обращаясь къ остальнымъ гостямъ, она говоритъ громко: —Смотрите, какъ бы намъ не опоздать въ театръ. Я хочу пріѣхать къ самому началу, изъ любезности къ моему beau-frère'у.

Всѣ смѣются, но въ эту самую минуту слышно, какъ у дверей отеля останавливается карета, и въ салонъ вбѣгаетъ Закарелла, стоявшій у окна въ сосѣдней комнатѣ.

— Герцогиня! Это его превосходительство! Онъ пріѣхалъ въ каретѣ, и съ нимъ еще два господина.

Всѣ выбѣгаютъ на балконъ и смотрятъ внизъ. Это дѣйствительно д'Ореа. Два господина доводятъ его до дверей и садятся обратно въ карету, крича ему на прощаніе:

— Поберегите себя нѣсколько дней, ваше превосходительство!

Закарелла поспѣшно сбѣгаетъ внизъ, а Ремигія вбѣгаетъ въ салонъ и бросается къ Мими:

— Боже мой, Мими! Что̀ съ нимъ случилось? — говоритъ она, обнимая ее. — Если ему дурно, то не говори, ради Бога, что мы собирались ѣхать слушать „Манонъ".

Черезъ нѣсколько минутъ показывается на порогѣ и входитъ въ салонъ Джіакомо д'Ореа, опираясь на руку Закареллы. У него очень осунувшійся видъ, впавшіе глаза и весь онъ кажется

постарѣвшимъ. Онъ едва ходитъ, но старается улыбаться, чтобы успокоить жену и Мими, подбѣгающихъ къ нему съ испуганнымъ видомъ.

— Ничего особеннаго не случилось!—говоритъ онъ, потомъ любезно здоровается съ гостями, садится въ кресло и, въ отвѣтъ на общіе вопросы, разсказываетъ, что въ министерствѣ, когда онъ какъ разъ собирался ѣхать на банкетъ, онъ почувствовалъ головокруженіе и потерялъ сознаніе. Обморокъ длился четверть часа, потомъ все прошло.

— Это отъ переутомленія! Вамъ необходимо хорошенько отдохнуть!—говорятъ со всѣхъ сторонъ гости Ремигіи.

— Конечно, конечно! — подтверждаетъ онъ усталымъ голосомъ.—Въ общемъ пустяки, и безпокоиться нечего. Я отдохну. На банкетъ я не поѣхалъ, и теперь сейчасъ пойду лечь,—слушаясь и вашихъ совѣтовъ,—прибавляетъ онъ съ слегка иронической улыбкой.—А ты не безпокойся,—говоритъ онъ, обращаясь къ женѣ,—не мѣняй своихъ плановъ на вечеръ.

— Мы собирались всѣ вмѣстѣ къ Гвендолинѣ.

— Отлично! Поѣзжай и ты.— Онъ какъ будто оживляется, узнавъ, что жена не остается дома.—И передай ей кстати пріятную новость,—вамъ, маркизъ, она тоже будетъ пріятна! Вашъ братъ причисленъ къ коммиссіи, которую отправляютъ въ...— Джіакомо вдругъ становится трудно пріискивать слова, но онъ сейчасъ же оправляется: — въ Америку. Не благодарите меня. Онъ обязанъ своимъ назначеніемъ только своимъ заслугамъ. Я особенно строго отнесся къ нему именно потому, что моя жена хотѣла оказать ему протекцію. Я это ненавижу, и пока буду министромъ, никогда не буду никого выдвигать по протекціи... А теперь, господа, прощайте! Будь спокойна, Ремигія. Мое нездоровье уже прошло... Не нужно придавать ему значенія,—я не хочу, чтобы завтра газеты подняли тревогу.

Послѣ ухода Джіакомо, Ремигія заявляетъ, что не поѣдетъ въ театръ, но всѣ ее убѣждаютъ, что безпокоиться нечего, и что ей именно слѣдуетъ быть въ театрѣ для предупрежденія газетныхъ слуховъ о болѣзни министра. Ея появленіе въ театрѣ будетъ доказательствомъ, что нездоровье ея мужа не серьезно.

Когда Ремигія уже сходитъ съ лѣстницы, ее нагоняетъ Закарелла и сообщаетъ, что его превосходительство приказалъ призвать доктора, но велѣлъ никому объ этомъ не говорить,— въ особенности женѣ.

— Развѣ ему хуже?

— Нѣтъ... его превосходительство хочетъ только изъ предосторожности посовѣтоваться съ докторомъ.

— Почему же вы сообщили мнѣ это такимъ зловѣщимъ тономъ? Зачѣмъ вы меня пугаете?

Закарелла извиняется и говоритъ:

— Мнѣ сказали по телефону, что доктора нѣтъ дома. Онъ пріѣдетъ сюда только около одиннадцати. Прикажете попросить его подождать вашего пріѣзда послѣ консультаціи?

— Зачѣмъ?

— Можетъ быть, вы хотите узнать его мнѣніе...

— Конечно, конечно! Но скажите доктору, чтобы онъ не пугалъ меня напрасно. Я и такъ очень встревожена.

X.

Ремигія устроиваетъ такъ, чтобы д'Энтракъ очутился съ нею вдвоемъ въ каретѣ, отправляясь въ театръ. Но едва лошади трогаются, какъ она восклицаетъ съ ужасомъ:

— Боже мой! Кванита все поняла!

— Она, можетъ быть, поняла что-нибудь... относительно меня,—отвѣчаетъ генералъ со вздохомъ:—поняла, что я влюб... Но относительно васъ она могла только понять, что вы для развлеченія кружите голову молодымъ людямъ... и старикамъ. Боже, какой я безумецъ!

— Почему безумецъ!

— Да развѣ не безуміе любить безъ надежды и терзаться ревностью!

Ремигія опускаетъ голову и прикладываетъ руку къ глазамъ.

— Что̀ это... вы плачете?

— Вы меня глубоко огорчили!—говоритъ Ремигія нѣжнымъ, грустнымъ голосомъ:—вы разбили мою мечту! Я такъ надѣялась найти въ васъ настоящаго друга, которому я могла бы довѣрять всѣ мои печали, всѣ мысли,—добраго и нѣжнаго друга, который руководилъ бы мною, служилъ бы мнѣ опорой — иногда даже противъ моихъ собственныхъ безразсудствъ! Я вѣдь такъ одинока... Вы сами могли видѣть, какъ мало я значу для моего мужа; съ сестрой я не лажу—по разнымъ причинамъ; мама и дядя Розалино меня, конечно, очень любятъ... обожаютъ... но они меня не понимаютъ!.. А къ вамъ я съ первой встрѣчи почувствовала душевную близость...—Она поднимаетъ глаза и нѣжно глядитъ на д'Энтрака. — Вы казались мнѣ такимъ возвышен-

нымъ... я видѣла въ васъ друга, защитника! Неужели все это только мечта?

Карета уже приближается къ театру, и д'Энтракъ шепчетъ глухимъ взволнованнымъ голосомъ:—Забудьте мои безумныя слова... Я буду вамъ вѣрнымъ другомъ и защитникомъ на всю жизнь... Я излечусь отъ своей страсти, я буду тѣмъ, чѣмъ вы хотите... вашей опорой. Вы довольны?

Ремигія продолжаетъ, однако, вздыхать и говорить сквозь слезы:—Какъ тяжела и грустна жизнь!

Они пріѣхали. Генералъ, блѣдный, взволнованный, доводитъ Ремигію до ея ложи и самъ спѣшитъ къ м-ссъ Бритонъ, сидящей vis-a-vis... Опять придется лгать ей, объяснять свое опозданіе важными министерскими дѣлами!

Фанфанъ—на сценѣ; идетъ конецъ второго акта. Ремигія, прячась въ глубинѣ ложи, внимательно разсматриваетъ ее въ бинокль и говоритъ маркизѣ: — Какая она красавица! И какъ хорошо поетъ!

Маркиза Кванита не смотритъ на сцену; лорнетъ ея устремленъ на партеръ, и ея безпокойный взглядъ проясняется только тогда, когда въ театръ входитъ и садится въ одинъ изъ первыхъ рядовъ молодой человѣкъ съ рыжеватой бородой и необыкновеннымъ галстухомъ палеваго цвѣта. Гвендолина тоже слушаетъ разсѣянно; у нея усталый, томный видъ, и она вдыхаетъ отъ времени до времени запахъ цвѣтовъ, принесенныхъ ея неизмѣннымъ кавалеромъ Папаригопулосомъ, который сидитъ за ея кресломъ. Одна Ремигія оживленно разговариваетъ съ входящими въ ложу посѣтителями, хвалитъ всѣмъ красоту и голосъ Фанфанъ; когда къ ней входитъ Гамбара—уже въ первомъ антрактѣ,—она съ нимъ особенно любезна,—потому что видитъ въ эту минуту, что въ ложѣ en face д'Энтракъ наклонился къ пышной американкѣ и шепчетъ ей что-то на ухо. Ремигія показываетъ графу Гамбара м-ссъ Бритонъ и пользуется этимъ, чтобы пристально разглядѣть въ бинокль подругу генерала.

Черезъ нѣсколько минутъ въ ложу Ремигіи входитъ Луціанъ, и она горячо поздравляетъ его съ успѣхомъ Фанфанъ. Дѣйствительно, въ концѣ второго акта, ее безъ конца вызывали: красота изящной парижанки покорила публику, и ей прощали недостатки очень посредственнаго голоса; но главнымъ образомъ ею интересовались изъ-за Луціана д'Ореа, друзья котораго и создали ей шумный успѣхъ.

— Она очаровательна! И какіе брилліанты!.. Какой туалетъ!—говоритъ Ремигія, восторгаясь свыше мѣры, чтобы доста-

вить удовольствіе Луціану. Онъ уходитъ, обрадованный комплиментами Ремигіи, къ которой присоединяется и остальное общество въ ложѣ, хваля и голосъ, и красоту пѣвицы. Ремигія, возбужденная театральной атмосферой, кричитъ ему вслѣдъ:

— Поздравь отъ моего имени прелестную Манонъ!

Луціанъ спѣшитъ за кулисы и сообщаетъ Фанфанъ, что дамы высшаго римскаго общества, въ томъ числѣ и его belle-soeur, въ восторгѣ отъ нея. Фанфанъ очень обрадована и, подбѣгая къ отверстію въ занавѣси, откуда видна зала, проситъ Луціана показать ей Ремигію.

— Elle est pétillante, la petite blonde!—говоритъ она.—А кто этотъ высокій господинъ, который вошелъ къ ней въ ложу?

— Военный министръ, графъ д'Энтракъ.

— Son amant? Такъ всѣ говорятъ.

— Едва ли!—отвѣчаетъ Луціанъ, равнодушно пожимая плечами.—И даже если это правда, то это навѣрное съ ея стороны разсчетъ, а не страсть. Она неспособна увлекаться!

XI.

Мими Карфо съ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія Ремигіи, потому что доктору Давосу некогда долго ждать, а ему необходимо поговорить съ нею. Правда, онъ не особенно вѣритъ въ пользу такого разговора, такъ какъ уже успѣлъ понять Ремигію, но уступаетъ просьбамъ Мими и остается.

Наконецъ Ремигія пріѣзжаетъ и при видѣ доктора быстро направляется къ нему:—Ну что,—спрашиваетъ она,—мужу моему лучше?

— Теперь онъ заснулъ. Но я не могу вамъ сказать ничего утѣшительнаго о его здоровьи.

— Ради Бога, докторъ, не преувеличивайте! Я и такъ очень встревожена!—Она опускается въ кресло съ убитымъ видомъ. Докторъ тоже садится и говоритъ холоднымъ, сухимъ тономъ:

— Я не преувеличиваю, но долженъ сказать вамъ правду. Состояніе вашего мужа внушаетъ самыя серьезныя опасенія. Если припадокъ повторится—это былъ ударъ,—онъ можетъ имѣть самый печальный... смертельный исходъ. Если вы хотите спасти вашего мужа, убѣдите его завтра же подать въ отставку и уѣзжайте съ нимъ сейчасъ же изъ Рима. Каждый день промедленія увеличиваетъ опасность.

— Подать въ отставку... а министерство?

— Министерство можно пополнить. Ему легче устоять, чѣмъ больному человѣку. И мнѣ кажется, что вашъ мужъ теперь находится въ бо́льшей опасности, чѣмъ отечество, которому онъ служитъ.

— Но подумайте, докторъ, вѣдь мысль о томъ, что онъ нарушаетъ долгъ, возложенный на него королемъ и націей, будетъ мучить моего мужа... и можетъ ухудшить состояніе его здоровья. Нельзя сразу все обрывать... это покажется бѣгствомъ, и мужъ мой не перенесетъ такого позора!

— Покажется бѣгствомъ?—повторяетъ докторъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Да это дѣйствительно бѣгство... для спасенія жизни... Я вамъ ясно высказалъ все, что̀ думаю, считая это своимъ долгомъ. Что̀ бы ни случилось — у меня не будетъ угрызеній совѣсти. Постарайтесь дѣйствовать такъ, чтобы и у васъ ихъ не было!

Докторъ сухо откланивается и уходитъ. Оставшись съ Мими и Закареллой, который тоже присутствовалъ при разговорѣ съ докторомъ и поддерживалъ доводы своей госпожи, Ремигія даетъ волю своему гнѣву.

— Противный, невоспитанный человѣкъ! Онъ соціалистъ... въ этомъ все дѣло! Соціалисты рады были бы министерскому кризису, поэтому онъ и преувеличиваетъ! Вѣдь съ выходомъ Джіакомо министерство распадется... и какъ разъ теперь, когда предстоитъ торжественный пріемъ персидскаго шаха въ Неаполѣ, открытіе выставки кружевъ въ Венеціи, празднества въ Спеціи!.. А мнѣ-то каково будетъ!..

Ремигія не въ силахъ сдерживать себя. Она истерически рыдаетъ.

Слезы успокоиваютъ волненіе Ремигіи, и она хорошо спитъ ночью. Ей не снится ни противный докторъ-соціалистъ, ни больной мужъ,—ей снится „Манонъ“ и м-ссъ Бритонъ, устроивающая сцену ревности д'Энтраку.

Но утромъ, проснувшись въ десять часовъ, она вспоминаетъ всѣ непріятности, случившіяся наканунѣ, и сразу приходитъ въ дурное настроеніе. Она призываетъ Мими и посылаетъ ее справиться о здоровьи Джіакомо. Мими приходитъ съ отвѣтомъ отъ слуги синьора д'Ореа, Гауденціо, по словамъ котораго больной провелъ спокойную ночь. Ремигія успокоивается, рѣшивъ, что вся болѣзнь Джіакомо произошла отъ разстройства пищеваренія. Мими приноситъ ей кофе; она съ аппетитомъ принимается пить его, и проситъ позвать Закареллу. Онъ является, и Ремигія говоритъ ему съ усталымъ, озабоченнымъ видомъ:

— Я не спала всю ночь отъ тревоги, и вотъ что̀ придумала. Слѣдуетъ призвать другого доктора... болѣе безпристрастнаго, не имѣющаго въ виду политическихъ соображеній. Только такому доктору я могу довѣрить здоровье моего мужа.

— Я съ вами совершенно согласенъ,—отвѣчаетъ Закарелла.— Въ Римѣ теперь какъ разъ находится проѣздомъ докторъ Долдеръ изъ Цюриха,—спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ. Призовемъ его.

— Отлично! Надѣюсь, мы сможемъ убѣдить моего мужа посовѣтоваться съ нимъ.

— Конечно!—Сказавъ это, Закарелла не уходитъ. Ему повидимому нужно сообщить еще что-то; онъ глядитъ Ремигіи въ лицо и указываетъ ей глазами на Мими.

— Мими, дорогая,—говоритъ Ремигія,—сходи, пожалуйста, къ Каролинѣ и скажи, чтобы она приготовила мнѣ красное фуляровое платье... или нѣтъ, лучше бѣлое; сегодня, кажется, очень жарко.

Какъ только Мими выходитъ изъ комнаты, Закарелла подходитъ къ Ремигіи и передаетъ ей нумеръ газеты. — Прочтите,—говоритъ онъ, указывая столбецъ на третьей страницѣ.

Ремигія читаетъ и въ ужасѣ восклицаетъ нѣсколько разъ:— Боже мой, Боже мой!—Въ газетѣ подробно описано первое представленіе „Манонъ", фуроръ, который произвела Фанфанъ Трекёръ, красота и талантъ которой вызвали нескончаемые восторги у многочисленной избранной публики. Среди дамъ высшаго свѣта, усиленно апплодировавшихъ очаровательной пѣвицѣ, въ газетѣ названа герцогиня д'Ореа Монкавалло, жена министра общественныхъ работъ: „Донна Ремигія д'Ореа была такъ мила, что послѣ второго акта послала поздравить синьорину Фанфанъ Трекёръ съ успѣхомъ и выразить ей свое преклоненіе передъ ея талантомъ".

— Какая гадость!—восклицаетъ Ремигія, кончивъ читать.— Все это выдумки Луціана... Онъ хотѣлъ сдѣлать непріятность брату... Но какъ быть? Не дай Богъ, чтобы это дошло до Джіакомо!.. Придумайте что-нибудь, постарайтесь, чтобы этотъ нумеръ не попался въ руки моего мужа!..

— Это не трудно устроить. „Corriere Romano" я ему сегодня не подамъ. Но нужно постараться, чтобы другія газеты не подхватили эту... выдумку. Вотъ что̀ я сдѣлаю: я сейчасъ же пойду къ его превосходительству Леониду Стаффа, и отъ вашего имени попрошу его дать мнѣ рекомендательное письмо, съ которымъ отправлюсь во всѣ редакціи, объясню, что нелѣпая за-

мѣтка въ „Corriere Romano“ причинила большія непріятности семьѣ его превосходительства, и попрошу не упоминать болѣе вашего имени въ связи съ успѣхами Фанфанъ Тревёръ. Всѣ газеты навѣрное примутъ это во вниманіе,—и его превосходительство ничего не узнаетъ.

— Благодарю васъ!.. Какъ вы это хорошо придумали! Какой вы добрый!—Ремигія крѣпко жметъ руку Закареллѣ и проясняется. Опасность миновала. Никто изъ ея друзей не выдастъ ее,—и ей нечего бояться. Отпустивъ Закареллу, она прочитываетъ съ облегченнымъ сердцемъ письмо отъ матери, которое онъ ей принесъ вмѣстѣ съ газетой. Извѣстія самыя хорошія: герцогиня Христина и дядя Розали здоровы и бодры духомъ,—только, вотъ, бѣдный Тото все болѣетъ,—доктора посылаютъ его теперь къ морю.

— Бѣдняга!—говоритъ Ремигія, обращаясь къ Мими и разсказывая ей о болѣзни Тото.—Все это отъ его англоманіи, отъ злоупотребленія спортомъ и куренія трубки! Трубка его положительно погубитъ!

Мими ничего не отвѣчаетъ. Она увѣрена, что трубка и спортъ тутъ ни причемъ. Тото боленъ со времени свадьбы Ремигіи. Онъ не можетъ излечиться отъ своей любви и видимо умираетъ. Но Мими не высказываетъ своихъ мыслей, чтобы не огорчить подругу.

Джіакомо д'Ореа, оправившись отъ нездоровья, продолжаетъ вести прежній образъ жизни, ходитъ въ министерство, очень милъ съ женой. Но вдругъ съ нимъ происходитъ какая-то перемѣна. Онъ становится мраченъ, проводитъ все время въ министерствѣ и почти совершенно не показывается въ отелѣ, избѣгая даже встрѣчъ съ Мими. Что же произошло?

Нумеръ „Corriere Romano“ съ замѣткой о премьерѣ „Манонъ“ все-таки попалъ ему въ руки,—но съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Газету прислала ему изъ Фіумичино тетя Джіоконда при слѣдующемъ письмѣ: „Дорогой Джіакомино! Посылаю тебѣ нумеръ газеты, присланный изъ Рима Маріи. Дѣлаю это безъ ея вѣдома. Постарайся внушить твоей женѣ, чтобы она вела себя тактичнѣе. Нужно щадить теперь Марію,—здоровье ея очень плохо. Благословляю тебя именемъ твоей матери... Какъ это у одной матери могутъ быть два такихъ разныхъ сына! Грустно дожить до восьмидесяти лѣтъ, чтобы быть свидѣтельницей такихъ уродливыхъ, безсердечныхъ поступковъ! Но, можетъ быть, Господь продлилъ мою жизнь для того, чтобы я еще могла быть поддержкой для тѣхъ, кто мнѣ дорогъ,—я поэтому не ропщу!—Любящая тебя тетя *Джіоконда*“.

Прочтя письмо, Джіакомо забываетъ о газетѣ и даже не сразу читаетъ ее. Вся душа его полна Маріей, мыслью о ея болѣзни.

— Марія! Марія! Марія!

Онъ пишетъ тетѣ Джіокондѣ письмо, котораго она не показываетъ Маріи. Въ немъ онъ открываетъ ей всю правду о своей разбитой жизни, о своей горестной любви и изливаетъ накипѣвшій въ немъ гнѣвъ противъ жены.

XII.

Мими Карфо очень безпокоится о Джіакомо, находя, что у него съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе больной видъ. Ремигія, занятая ухаживаніями д'Энтрака и развлеченіями въ обществѣ своихъ ближайшихъ друзей, этого не замѣчаетъ и вообще мало думаетъ о мужѣ. Когда Мими говоритъ ей о своихъ наблюденіяхъ, она отвѣчаетъ, что по ея мнѣнію Джіакомо чувствуетъ себя лучше.

— Скоро мы поѣдемъ въ Неаполь, въ Венецію,—тогда отъ перемѣны воздуха онъ совершенно оправится,—говоритъ она.— Конечно, лучше всего на него подѣйствовалъ бы воздухъ Фіумичино, но...

Ремигія не успѣваетъ докончить фразы. Въ коридорѣ раздается громкій шумъ шаговъ, и черезъ минуту дверь въ салонъ раскрывается и входитъ д'Энтракъ, блѣдный и видимо разстроенный.

— Простите, донна Ремигія,—говоритъ онъ.—Теперь девять часовъ вечера, и это не время для визитовъ. Но мнѣ нужно немедленно поговорить съ вами о крайне важномъ дѣлѣ... Простите, синьорина,—добавляетъ онъ, обращаясь къ Мими,—мнѣ нужно переговорить съ донной Ремигіей нѣсколько минутъ наединѣ.

Мими пристально смотритъ на д'Энтрака и на Ремигію, но не рѣшается спросить, въ чемъ дѣло, и выходитъ изъ комнаты, взволнованная предчувствіемъ какого-то невѣдомаго несчастья.

— Что̀ вы надѣлали!—взволнованно говоритъ д'Энтракъ Ремигіи, какъ только Мими выходитъ за дверь.—Что̀ вы надѣлали сообща съ вашимъ Гамбара, Стаффа и Гвендолиной?

Ремигія облегченно вздыхаетъ: это всего только сцена ревности!

— Какъ, опять сначала?—отвѣчаетъ она.—Вы опять ревнуете? Вѣдь вы обѣщали вѣрить мнѣ.

— При чемъ это тутъ? Вы погубили себя... тѣмъ, что не совѣтовались со мной, скрывали все отъ меня... своего дѣйствительнаго друга. Теперь дѣло дошло до открытаго скандала, который можетъ погубить вашего мужа и свалить министерство!

-- Въ чемъ дѣло? Объясните скорѣе... Вы убиваете меня!

— Почему вы мнѣ ничего не сказали о назначеніи Чинчино д'Эрмоли?

— Въ этомъ виновата Гвендолина. Она потребовала, чтобы я именно вамъ не говорила.

— Вы ей, значитъ, больше довѣряли, чѣмъ мнѣ?.. Ну, а темныя аферы Берлендиса и графа Гамбара? Тутъ ужъ ни при чемъ ваша Гвендолина.

— Я ни о какихъ темныхъ аферахъ не знаю.

— А подписанныя вами сто лиръ на подарокъ папѣ... это ужъ вы сдѣлали, зная, въ чемъ дѣло.

— Гвендолина мнѣ сказала, что эта подписка устроена католиками—съ чисто религіозными цѣлями... Меня увѣрили, что я этими деньгами покупаю много индульгенцій.

— Да вѣдь это демонстрація противъ правительства, закрывшаго часовню съ чудотворной Мадонной! И вы, жена министра, приняли въ этомъ участіе!

— Боже мой! Скройте это, ради Бога, отъ моего мужа!—Въ голосѣ Ремигіи слышатся слезы.

— Какъ это скрыть? Завтра объ этомъ узнаетъ вся Италія, весь свѣтъ! Я только-что видѣлъ въ министерствѣ присланную туда копію статьи, которая завтра появится въ соціалистической газетѣ „Allarme". Статья носитъ заглавіе „Ministresse nouveau jeu", и въ ней говорится, что не вашъ мужъ, а вы управляете министерствомъ. Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы устроиваете выгодныя назначенія... слишкомъ молодымъ людямъ, что вы выхлопотали концессію—крайне разорительную для казны—какимъ-то проходимцамъ и мошенникамъ.

— Боже мой, Боже мой!—стонетъ Ремигія.—Джіакомо убьетъ меня, если это узнаетъ! Нельзя ли конфисковать „Allarme"?

— Теперь уже поздно. Газета, вѣроятно, вышла, и завтра подниметси буря во всей прессѣ. Министерство падетъ съ величайшимъ скандаломъ, и на насъ всѣхъ будутъ указывать пальцами, какъ на негодяевъ!—Д'Энтракъ внѣ себя и топаетъ ногой отъ отчаянія. Тогда Ремигія бросается на диванъ и начинаетъ громко рыдать.

Эти слезы сразу все мѣняютъ. Генералъ забываетъ о томъ, чтò ему грозитъ, забываетъ о томъ, что онъ министръ, сенаторъ. Онъ только хочетъ утѣшить молодую женщину, завладѣвшую его сердцемъ, подходитъ къ ней, проситъ прощенія въ томъ, что такъ огорчилъ ее, обѣщаетъ все устроить, спасти ее, лишь бы она перестала рыдать.

Ремигія приподнимается и, обезумѣвъ отъ страха и отчаянія, обнимаетъ д'Энтрака и крѣпко прижимается къ нему. Онъ вздрагиваетъ, порывисто цѣлуетъ ея пышные, надушенные волосы и отходитъ отъ нея блѣдный, взволнованный.

— Боже мой! Чтò будетъ съ Джіакомо?—повторяетъ она въ отчаяніи.

— Что-жъ дѣлать,—онъ покричитъ и успокоится. Слушайтесь теперь меня, и я все устрою.

— Спасите меня! Вы—мой единственный другъ. Я чувствую, какъ вся душа моя принадлежитъ вамъ. Я вѣрю, что мы отнынѣ связаны на всю жизнь нѣжной духовной связью! Я буду слушаться васъ во всемъ. Скажите, чтò мнѣ теперь дѣлать!

Генералъ усаживаетъ Ремигію на диванъ, садится противъ нея въ низкое кресло и говоритъ, держа обѣ ея руки въ своихъ:

— Слушайте внимательно. Не сознавайтесь ни въ чемъ ни мужу, ни другимъ. Отрицайте всѣ обвиненія,—сваливайте вину на другихъ, на княгиню Каподимаре, на кого хотите.

— Хорошо, я такъ и сдѣлаю.

— А мы уже справимся съ „Allarme“ въ нашихъ газетахъ. Напишемъ, что посланъ въ командировку извѣстный туринскій профессоръ Джіованни д'Эрмоли, а не молодой графъ Чинчино д'Эрмоли. Мы вышутимъ „невѣжественныхъ соціалистовъ“, не знающихъ такого извѣстнаго ученаго и спутавшихъ его съ кѣмъ-то другимъ. Остальныя обвиненія мы тоже съумѣемъ какъ-нибудь отклонить отъ себя, и надѣюсь, что выпутаемся на этотъ разъ.

— Вы истинный другъ!—Ремигія глядитъ на д'Энтрака съ нѣжной, дѣтски-невинной улыбкой.—Отнынѣ я не сдѣлаю ни шага, не посовѣтовавшись съ вами. Я чувствую себя связанной съ вами невидимой нитью!

Въ эту минуту открывается дверь и входитъ Мими.

— Тебя зоветъ синьоръ д'Ореа,—говоритъ она.—Онъ у себя наверху.

Ремигія блѣднѣетъ, но генералъ ободряетъ ее.—Идите сейчасъ же къ нему,—говоритъ онъ,—и помните, чтò я вамъ сказалъ.

Когда Ремигія входитъ къ Джіакомо, она застаетъ его стоящимъ у письменнаго стола. Она смотритъ ему въ лицо и чувствуетъ приближеніе бури. Но она не теряетъ присутствія духа и спрашиваетъ спокойно:

— Ты меня звалъ, дорогой?

Д'Ореа вздрагиваетъ отъ ея ласковаго тона. Его исхудавшее, блѣдное лицо выражаетъ глубокую ненависть.

— Ты завтра же утромъ уѣдешь въ Понтерено и останешься тамъ навсегда.

— Это почему?—спрашиваетъ Ремигія, и глаза ея тоже сверкаютъ ненавистью.

— Потому что ты—фальщивая, безсердечная женщина; у тебя нѣтъ чувства собственнаго достоинства. Я ненавижу тебя!.. Уходи скорѣе,—я не отвѣчаю за себя... я боюсь, что убью тебя!

Ремигія подходитъ къ нему ближе и говоритъ, сдерживая себя:

— А я ничего не боюсь. Я знаю, что ты меня ненавидишь... Я на этотъ разъ виновата въ легкомысліи... въ неосторожныхъ поступкахъ по довѣрчивости, незнанію людей. Но ты самъ отчасти виноватъ,—я вѣдь никогда не рѣшалась обращаться къ тебѣ за совѣтомъ, за указаніями. Я знаю о статьѣ въ „Allarme". Нашъ другъ д'Энтракъ пришелъ предупредить меня. Все это—ложь и клевета. Ты, конечно, готовъ вѣрить всѣмъ этимъ выдумкамъ—такъ сильна твоя ненависть ко мнѣ.

— А другая статья—въ другой газетѣ?..—Джіакомо никакъ не можетъ выговорить названіе газеты.—Ты участвовала... въ оваціяхъ этой женщинѣ... въ ея тріумфѣ, устроенномъ за деньги... Это, по твоему, честно относительно твоей сестры?

Ремигія возвышаетъ голосъ и смѣется съ торжествующимъ видомъ.

— Вотъ оно что! Дѣло въ моей сестрѣ,—въ томъ, что ея супружеская ревность задѣта мною — совершенно нечаянно; я вѣдь не хотѣла ѣхать тогда въ театръ,—меня потащили противъ воли. Моя вина не въ томъ, что я своимъ легкомысліемъ причинила непріятности министерству, а въ томъ, что я дѣйствовала противъ интересовъ моей сестры. Теперь я понимаю! Клевета, взведенная на меня „Corriere", важнѣе выдумокъ „Allarme". Всегда и во всемъ на первомъ планѣ моя сестра!

Ремигія пожимаетъ плечами и со смѣхомъ направляется къ двери.

Но Джіакомо бросается за нею съ совершенно искажен-

нымъ лицомъ; схвативъ за руку, онъ останавливаетъ ее и поворачиваетъ лицомъ къ себѣ.

— Да, — говоритъ онъ, — всегда и во всемъ твоя сестра! Теперь, какъ и прежде!

— Джіакомо, Джіакомо! — въ ужасѣ восклицаетъ Ремигія, но онъ продолжаетъ крѣпко держать ее и говоритъ прерывающимся голосомъ:

— Я люблю твою сестру,—говорю это теперь открыто. Я только ее люблю, только о ней и думаю,—и все другое на свѣтѣ,—семья, политика, здоровье, друзья,—для меня не имѣетъ цѣны. Ты права, — я бы тебѣ простилъ все, о чемъ написано въ „Allarme“, но другое — твое поведеніе въ театрѣ—я тебѣ никогда не прощу... Я люблю твою сестру, жену моего брата... въ этомъ мое преступленіе! Оно кажется чудовищнымъ тебѣ, играющей въ любовь съ д'Энтракомъ, твоимъ пріятельницамъ—маркизѣ делла Ганчіа, заводящей любовныя интриги съ кѣмъ попало, княгинѣ Каподимаре, отдающей предпочтеніе богатымъ банкирамъ! Я виновенъ, но моя сильная, способная на всѣ жертвы страсть выше твоей добродѣтели, мирящейся съ ложью, съ притворствомъ! Ты вѣдь никого не любишь, и потому только добродѣтельна. У тебя злое, жестокое сердце: зачѣмъ ты мучишь теперь бѣднаго д'Энтрака? Зачѣмъ разбила жизнь его долголѣтней вѣрной подруги, м-ссъ Бритонъ? Ты видишь, я все знаю, все вижу... Я ненавижу тебя за твое безсердечіе... за твое ков...— Джіакомо не можетъ договорить. Онъ дѣлаетъ усиліе надъ собой, пытается повторить слово, но тщетно, шатается и падаетъ на полъ безъ чувствъ.

— Мими! Мими!

Ремигія выбѣгаетъ изъ комнаты, бѣжитъ по коридору и кричитъ, обезумѣвъ отъ ужаса:

— Мими! Мими! Мими!

XIII.

На этотъ разъ Джіакомо д'Ореа не можетъ оправиться. У него отнялась лѣвая рука, и онъ съ трудомъ говоритъ. Докторъ уложилъ его въ постель, и къ нему никого не пускаютъ. Ремигія старается скрыть серьезность его болѣзни, посылаетъ успокоительныя замѣтки въ газеты, всюду ѣздитъ, бываетъ на оффиціальныхъ пріемахъ и увѣряетъ всѣхъ, что ея мужъ... дорогой Джэкъ... уже поправляется, занимается въ кабинетѣ со своими

секретарями и только по ея настоянію еще не выходитъ. Салонъ Ремигіи въ „Hôtel de Rome“ дѣлается какъ бы канцеляріей министерства общественныхъ работъ. Закарелла принимаетъ посѣтителей, отвѣчаетъ на запросы о здоровьи министра—всегда успокоительно, составляетъ для Ремигіи отвѣтную телеграмму королю, пославшему министру д'Ореа пожеланія скорѣйшаго выздоровленія. Въ этой телеграммѣ супруга его превосходительства благодаритъ его величество, выражаетъ свою преданность и сообщаетъ о значительномъ улучшеніи здоровья мужа. Матери своей Ремигія тоже телеграфируетъ и пишетъ, что Джіакомо лучше и проситъ ее не вѣрить пессимистическимъ предсказаніямъ оппозиціонныхъ газетъ. Но герцогиня Христина не довѣряетъ ея сообщеніямъ и черезъ нѣсколько дней, не предупредивъ Ремигію, пріѣзжаетъ въ Римъ вмѣстѣ съ братомъ. Ремигія недовольна ея пріѣздомъ—ей не до родственныхъ изліяній,—но не показываетъ этого. Она по обыкновенію очень нѣжна съ матерью и дядей Розалино и увѣряетъ ихъ, что болѣзнь Джіакомо сущіе пустяки, — разстройство пищеваренія. Послѣ семейнаго завтрака Ремигія предлагаетъ поѣхать прокатиться и уѣзжаетъ съ старой герцогиней и ея братомъ. Имъ не удалось еще повидать Джіакомо,—онъ работаетъ со своими секретарями въ кабинетѣ,—но они удовлетворяются успокоительными свѣдѣніями, которыя имъ передаетъ Ремигія, и вполнѣ счастливы. Ремигія очень оживлена,—она хочетъ показать всѣмъ знакомымъ, до чего она обрадована пріѣздомъ матери. Но вдругъ лицо ея омрачается.

— Не смотрите влѣво, — говоритъ она. — Тамъ ѣдетъ въ автомобилѣ Луціанъ. Я не хочу здороваться съ нимъ. Онъ надѣлалъ намъ столько непріятностей своими выдумками,—Джіакомо заболѣлъ изъ-за него!..—Ремигія даже говоритъ сочувственно о сестрѣ:—Бѣдная Марія! Несчастная жертва негодяя мужа!

Герцогиня Христина и князь Розалино согласны съ ней:—Низкій человѣкъ! Чудовище!—говорятъ они хоромъ.

Около пяти часовъ, Ремигія предлагаетъ заѣхать на часокъ къ Гвендолинѣ Каподимаре.

— Мы застанемъ у нея всего нѣсколько человѣкъ,—и всѣ они такіе милые!

Интимный кружокъ, собравшійся у Гвендолины въ этотъ день, состоитъ изъ Кваниты, д'Энтрака и Папаригопулоса. Ремигія знакомитъ со всѣми мать и дядю, и говоритъ, конечно, о томъ, до чего ее обрадовалъ ихъ пріѣздъ. Завязывается оживленная общая бесѣда, подъ шумъ которой Ремигія съ д'Энтра-

комъ переходятъ въ кабинетъ. Тамъ Ремигія совершенно мѣняетъ тонъ.

— Джіакомо хуже,—говоритъ она.—Сознаніе у него еще ясное, но онъ не можетъ двигать рукой и съ трудомъ говоритъ. Докторъ боится второго удара: тогда—конецъ!—Ремигія глубоко вздыхаетъ и понижаетъ голосъ:—Мой мужъ,—продолжаетъ она,—былъ всегда несправедливъ и жестокъ ко мнѣ, но теперь я ему все простила и жалѣю его!

Она смотритъ въ лицо д'Энтраку глазами, полными слезъ, и говоритъ шопотомъ:

— Мнѣ страшно! Я предвижу, до чего я буду одинока и несчастна!

Д'Энтракъ крѣпко жметъ ей руку и долго глядитъ ей въ глаза.

— Поймите сами,—говоритъ онъ,—то, что̀ я сегодня не хочу, не могу сказать! Не смѣю думать, что вы будете счастливы... но одинокой вы не будете. Я буду вамъ другомъ, или... все зависитъ только отъ вашей воли. Я вамъ принадлежу — всецѣло.

Молодая женщина глядитъ на него, потомъ качаетъ грустно головой.

— Нѣтъ... не всецѣло.

Д'Энтракъ, поблѣднѣвъ, отвѣчаетъ глухимъ голосомъ:

— Она уѣхала навсегда!

Вернувшись въ отель, Ремигія узнаетъ неожиданную новость: Закарелла сообщаетъ ей о пріѣздѣ донны Маріи-Граціи и синьоры Джіоконды д'Ореа. Очевидно, ихъ вызвалъ телеграммой Джіакомо. Ремигія въ первую минуту чувствуетъ себя оскорбленной, но, повидавшись съ сестрой, успокоивается: Марія-Грація такъ постарѣла и измѣнилась, что отъ ея прежней красоты не осталось и слѣда. Это доставляетъ Ремигіи внутреннее удовлетвореніе. Она обмѣнивается съ сестрой нѣсколькими словами о больномъ, потомъ идетъ вмѣстѣ съ Мими въ комнату Джіакомо. На порогѣ ее встрѣчаетъ тетя Джіоконда и, сухо поздоровавшись съ ней, проситъ не утомлять Джіакомо,—ему нуженъ абсолютный покой.

Ремигія сдерживаетъ свое раздраженіе противъ старухи, которая сразу выказываетъ свой властный характеръ, и подходитъ къ постели мужа.

— Какъ ты себя чувствуешь сегодня? Лучше?—спрашиваетъ она.

— Гораздо лучше! Я уже могу двигать рукой.—Говоря это, онъ едва приподнимаетъ руку, безжизненно лежащую на одѣялѣ.

Онъ не смотритъ на жену и ищетъ глазами тетю Джіоконду. Увидавъ Мими, онъ улыбается ей и тоже увѣряетъ ее, что ему лучше. Ремигія остается въ комнатѣ мужа всего нѣсколько минутъ, и послѣ ея ухода Джіакомо подзываетъ тетю Джіоконду:

— Прошу тебя... пусть она какъ можно рѣже... заходитъ сюда. Такъ будетъ лучше... для насъ обоихъ!

Онъ съ трудомъ произноситъ эти слова и въ изнеможеніи закрываетъ глаза. Но въ комнату входитъ Марія, и лицо его проясняется, взглядъ оживляется.

Марія садится у постели, и они долго молча глядятъ другъ другу въ глаза. Марія кладетъ обѣ руки на парализованную руку Джіакомо.

— И я,—говоритъ она,—очень больна. Я рада этому... рада, что навѣрное не могу выздоровѣть.—Ея черные нѣжные глаза смотрятъ на него съ безграничной любовью.

Уходъ за больнымъ съ этого дня всецѣло берутъ на себя тетя Джіоконда и Марія. Ремигія почти не заходитъ къ мужу; она занята весь день дѣлами и визитами, приготовленіями къ отъѣзду въ Неаполь—рѣшено, что она будетъ замѣщать на предстоящихъ торжествахъ мужа, отсутствующаго по болѣзни. Д'Энтракъ почти не выходитъ отъ Ремигіи, помогаетъ ей во всемъ, и Закарелла уже привыкъ обращаться къ нему за распоряженіями.

Ремигіи не приходится, однако, ѣхать въ Неаполь. Въ самый разгаръ приготовленій происходитъ давно подготовлявшаяся катастрофа. Второй ударъ, предвидѣнный докторомъ Давосомъ, имѣетъ смертельный исходъ. Джіакомо умираетъ, не приходя въ сознаніе. Похороны министра происходятъ съ большой торжественностью, и всѣ газеты описываютъ мужество убитой горемъ молодой вдовы, которая выполняетъ съ необыкновенной выдержанностью всѣ печальныя обязанности, сама отвѣчаетъ на всѣ безчисленныя телеграммы, даетъ нужныя распоряженія, говоритъ о дѣлахъ и т. д. Ея единственная опора—д'Энтракъ, который не отходитъ отъ нея и только шепчетъ ей отъ времени до времени:

— Отдохните! Подумайте о себѣ... о своемъ здоровьи!

Она смотритъ на него, подноситъ платокъ къ глазамъ и говоритъ, вздыхая:

— Бѣдный Джіакомо!

Поѣздъ быстро мчится по безотрадной въ знойную лѣтнюю ночь римской Кампаньѣ. Двѣ женщины, тетя Джіоконда и Марія, сидятъ однѣ въ купé, другъ противъ друга, но старательно избѣгаютъ встрѣчаться глазами. Почувствовавъ на себѣ взглядъ Маріи, старуха дѣлаетъ усиліе, чтобы улыбнуться, потомъ поворачивается къ окну и смотритъ на убѣгающій пейзажъ, озаренный луной. Обернувшись опять къ Маріи, она смотритъ на ея блѣдное, прозрачное лицо, на вздрагивающія отъ сдерживаемыхъ рыданій плечи и, взявъ въ свои морщинистыя, дрожащія руки руку Маріи, спрашиваетъ тихимъ голосомъ:

— Какъ ты себя чувствуешь?

Марія не смотритъ на нее,—глаза ея устремлены въ пустоту, и она отвѣчаетъ едва слышно:

— Очень плохо...

Съ итальян. З. В.

ОДИНЪ

из

„СЕМИДЕСЯТНИКОВЪ“

ОЧЕРКЪ.

I.

Въ Вильнѣ, 8-го марта, скончался 63-хъ лѣтъ Александръ Капитоновичъ Маликовъ, извѣстный не столько своими литературными трудами: „Край безъ будущаго“ и „На задворкахъ фабрики“, сколько значительнымъ вліяніемъ, которое онъ оказывалъ въ семидесятыхъ годахъ на молодежь, являясь съ своимъ кружкомъ предтечей Л. Н. Толстого въ ученіи о непротивленіи злу силой и о борьбѣ съ нимъ исключительно христіанскими мѣрами. Какъ бы ни смотрѣть на подневольную жизнь Маликова въ шестидесятыхъ годахъ и на ея переломъ къ семидесятымъ годамъ въ сторону христіанской жизни,—несомнѣнно, что „маликовцы“ представляютъ собою любопытный эпизодъ въ исторіи умственныхъ теченій среди русскаго общества семидесятыхъ годовъ и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Многіе считали ихъ людьми ненормальными, витающими въ области для нихъ самихъ неясныхъ умозрѣній, воображающими себя въ силахъ пересоздать жизнь и людей посредствомъ туманныхъ фразъ. Но, въ концѣ концовъ, они остались одинокими и, убѣдившись въ нелѣпости своихъ мечтаній, начали обращаться

къ нормальному порядку вещей: поступаютъ служить на желѣзную дорогу, и т. под. Хорошіе, но нелѣпые люди... Добродушный некрологъ—вотъ все, что они заслуживаютъ. Возводить же ихъ въ герои было бы странно и даже забавно.

Если это и такъ,—замѣтимъ мы,—то все же это настоящія страницы изъ исторіи интеллигентнаго русскаго общества... Развѣ не полезно сказать ему горькую о немъ правду? Дѣйствительно, оказывается, что, несмотря на многочисленность у насъ радикальныхъ ученій, представители ихъ не отличались обоснованностью своихъ убѣжденій и вѣрностью имъ. Достаточно какой-нибудь красиво построенной теоріи Маликова о всемірномъ братствѣ, чтобы къ ней примкнули даже представители крайняго направленія (Чайковскій). Русскіе радикалы уѣзжаютъ въ Америку, обращаются въ фермеровъ, и то плохонькихъ... А послѣ неудачныхъ опытовъ съ собою на живомъ дѣлѣ, эти „русскіе интеллигенты" возвращаются на старыя, проторенныя дороги и нерѣдко ренегатствуютъ съ такимъ же азартомъ, съ какимъ прежде новаторствовали. Все это весьма справедливо, но тѣмъ не менѣе эта исторія изъ жизни безхарактернаго русскаго интеллигента должна быть изучена такъ же тщательно, какъ изученъ и расколъ темныхъ русскихъ массъ. И то, и другое вытекало изъ умственныхъ движеній русской націи, въ связи съ ея воспитаніемъ и государственными порядками. Эти „отщепенцы" такъ же нормальны и характерны для исторіи, какъ и торжествующіе практики, никогда не воображающіе „пересоздавать" людей, но отлично умѣющіе пользоваться ихъ безправіемъ для своихъ частныхъ интересовъ. Если русскіе общинники не могли устроиться на американской почвѣ, предварительно пройдя у себя на родинѣ всѣ стадіи нигилизма и перерождаясь подъ вліяніемъ его крайностей въ сторонниковъ мира, то исторія о нихъ—цѣлый историческій романъ. Онъ не менѣе интересенъ для пониманія умственной жизни русскаго общества, чѣмъ многіе, обращающіеся на книжныхъ рынкахъ, романы. Пусть русскіе люди не доросли до практическаго осуществленія возвышенныхъ истинъ о христіанской жизни, но хорошо и то, что среди нихъ были люди, завѣщавшіе интересы нравственнаго совершенствованія болѣе подготовленнымъ къ нему будущимъ поколѣніямъ.

Молодежь семидесятыхъ годовъ отличалась большимъ ригоризмомъ и пуританствомъ. Мысль о разрывѣ съ привилегированнымъ положеніемъ, о сліяніи съ народомъ—преобладала надъ всѣми прочими задачами. Къ воспринятію и осуществленію этихъ задачъ русская молодежь, конечно, была подготовлена значительно

ранѣе и болѣе близкими ей, бытовыми фактами. Часть этой молодежи выродилась въ „маликовцевъ" и интеллигентныхъ пахарей у А. Н. Энгельгардта (см. его „Письма изъ деревни"). Гораздо позднѣе появились „толстовцы".

Я, въ то время еще очень молодой человѣкъ, былъ также солидаренъ со своимъ поколѣніемъ. Посѣщая различныя мѣстности съ запасомъ популярныхъ книгъ, я завернулъ, въ 1873 году, въ г. Орелъ и тамъ познакомился съ Александромъ Капитоновичемъ Маликовымъ, извѣстнымъ мнѣ ранѣе за человѣка радикальнаго образа мыслей.

Біографія его чрезвычайно интересна для характеристики культурныхъ теченій въ русскомъ обществѣ. Маликовъ происходилъ изъ крестьянской среды и кончилъ курсъ образованія въ московскомъ университетѣ, благополучно переживъ въ шестидесятыхъ годахъ такъ называемыя „студенческія волненія". Изъ его устныхъ воспоминаній объ этомъ времени, мнѣ помнится разсказанный имъ случай, когда студенты окружили одного своего талантливаго профессора, занимавшаго впослѣдствіи высокій государственный постъ, и требовали отъ него объясненій: почему г.г. профессора не оказываютъ студентамъ нравственной поддержки въ ихъ „исторіяхъ"?

Посмотрѣвъ на взволнованныя лица слушателей, профессоръ откровенно сказалъ имъ:

— Вы придали своимъ желаніямъ такую форму, которая не можетъ встрѣтить среди насъ сочувствія. Мы, люди съ положеніемъ и семейные, не можемъ бѣгать на сходки и имѣть столкновенія съ полиціей. Въ этомъ направленіи, повѣрьте, люди науки не пойдутъ за вами, и не мы, а вы виноваты въ томъ, что вы остались безъ поддержки со стороны своего ближайшаго начальства. Вы придали своимъ ходатайствамъ характеръ, при которомъ вамъ придется имѣть дѣло съ полиціей, а не съ профессорами.

Нѣкоторыхъ студентовъ, въ томъ числѣ и Маликова, эта рѣчь заставила подумать о неравномѣрности борьбы, и они благополучно окончили курсъ наукъ въ стѣнахъ университета. Маликовъ поѣхалъ служить судебнымъ слѣдователемъ въ жиздринскій уѣздъ, калужской губерніи,—исполненный надеждъ, что близость его къ мальцевскому району, съ заводскимъ населеніемъ, дастъ ему возможность близко ознакомиться съ мѣстными нуждами и быть полезнымъ населенію въ его бытовыхъ и уголовныхъ дѣлахъ. Молодой слѣдователь, воодушевленный самыми лучшими и законными намѣреніями, однако, возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ изли-

шнемъ сочувствіи къ рабочему населенію, особенно когда возникло у него столкновеніе съ однимъ изъ мѣстныхъ тузовъ. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ Маликова для объясненій, но послѣдній считалъ себя въ вѣдѣніи министерства юстиціи, а не внутреннихъ дѣлъ, и, кромѣ того, не имѣлъ права по закону оставлять свой участокъ, не передавъ дѣла своему замѣстителю. Онъ не поѣхалъ къ губернатору. Понимая, однако, неровность борьбы съ администраціей, онъ вспомнилъ московскаго профессора, который ранѣе произвелъ на него глубокое впечатлѣніе своей искренностью и правдивымъ отношеніемъ къ студентамъ. Маликовъ написалъ ему письмо, съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ своего дѣла, замѣчая въ письмѣ, что „связь студентовъ съ своимъ профессоромъ продолжается не только въ стѣнахъ университета, но должна длиться на всю жизнь, если они соединены между собою именемъ науки и истины". На это онъ вскорѣ получилъ отвѣтъ, въ которомъ было сказано: „Зло не въ Мальцевыхъ и Спасскихъ, а его вездѣ много. Всюду можно быть полезнымъ, и потому слѣдуетъ оставить вамъ ваше мѣсто и бѣжать оттуда"... Маликовъ былъ въ то время самоувѣреннымъ молодымъ человѣкомъ и, на совѣтъ профессора, отвѣчалъ рѣзко: „Если зло во всей Россіи, то куда же я побѣгу? Зачѣмъ вы меня хотите обратить въ зайца? Я ждалъ отъ васъ поддержки въ борьбѣ со зломъ, а не въ бѣгствѣ отъ него. Я предпочитаю оставаться на своемъ посту, какъ солдатъ на службѣ, чѣмъ послѣдовать вашему совѣту". Въ этомъ духѣ была переписка молодого человѣка съ заслуженнымъ профессоромъ. Послѣдній ему, конечно, ничего не отвѣчалъ, а Маликовъ тѣмъ временемъ былъ уволенъ со службы по III-му пункту. Вотъ тутъ-то московскій профессоръ, забывая заносчивый тонъ послѣдняго письма Маликова, выказалъ къ нему искреннее участіе и вызвалъ его къ себѣ для переговоровъ. Послѣ долгихъ хлопотъ, благодаря большимъ связямъ профессора въ правящихъ сферахъ, Маликову были возвращены всѣ его права, и онъ вновь поступилъ на службу судебнымъ слѣдователемъ въ холмскій уѣздъ, псковской губерніи. Здѣсь онъ женился на дѣвушкѣ крестьянскаго сословія и, своей заботливостью о ней, съумѣлъ повысить ея пониманіе жизни; но вскорѣ Маликовъ былъ арестованъ по другому „политическому" дѣлу, судимъ и осужденъ въ ссылку въ Холмогоры. Пребывая на дальнемъ сѣверѣ и вращаясь исключительно среди единомышленниковъ, онъ еще болѣе укрѣплялся мыслью въ вѣрности пути, которымъ шелъ ранѣе и дошелъ до Холмогоръ, гдѣ уже не было никакихъ „путей" и оставалось только ежедневно являться въ

участокъ на повѣрку. Въ то же время знакомый ему московскій профессоръ переѣхалъ въ Петербургъ и занялъ значительный постъ въ служебной іерархіи. Онъ не забылъ объ идеалистѣ-юношѣ, и участіе ученаго сановника выразилось въ томъ, что Маликовъ однажды получилъ отъ него заказное письмо. Оно было весьма дружественное, съ разспросами о томъ, какъ и чѣмъ теперь Маликовъ занимается; вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано, что новый губернаторъ будетъ проѣзжать Холмогоры, къ нему Маликовъ можетъ обратиться съ просьбой объ облегченіи своей судьбы или о переводѣ его въ центральныя губерніи. Въ письмѣ было предупредительно вложено ровно двадцать марокъ на дальнѣйшую съ нимъ переписку. Маликовъ былъ очень тронутъ и этой подробностью, и всѣмъ содержаніемъ письма. Онъ отвѣтилъ на письмо горячей признательностью и подробно описалъ свою жизнь въ ссылкѣ, упомянувъ, между прочимъ, что онъ занятъ теперь переводомъ одной нѣмецкой книги. Въ свою очередь Маликовъ получилъ также вскорѣ отвѣтъ—съ совѣтомъ, между прочимъ, бросить переводъ книги, о которой было упомянуто въ письмѣ. Эта приписка разсердила Маликова, и онъ вновь пишетъ письмо, оканчивая его крайне неучтиво: „Вѣдь я вамъ не совѣтую, что̀ вамъ читать и чѣмъ заниматься въ Петербургѣ; предоставьте же и мнѣ здѣсь такую свободу"... Несмотря на такого рода письмо, Маликовъ, по ходатайству губернатора, былъ переведенъ въ Орелъ. Изъ Орла онъ самъ просилъ своего петербургскаго корреспондента походатайствовать о переводѣ съ сѣвера въ Воронежъ извѣстнаго писателя Шашкова. Вотъ какія были отношенія Маликова, со студенческихъ временъ, къ человѣку, котораго онъ уважалъ на каѳедрѣ и который игралъ значительную роль въ его личной жизни.

Въ Орлѣ я коротко познакомился съ Маликовымъ. Его жена уже училась въ Петербургѣ на фельдшерскихъ курсахъ, а самъ онъ жилъ съ дѣтьми и занималъ хорошее мѣсто въ управленіи желѣзнодорожника Голубева. Конецъ 1873 года я провелъ въ горячихъ бесѣдахъ съ Маликовымъ объ „отдаленномъ будущемъ", и эти бесѣды были въ духѣ моего собственнаго въ то время направленія. Но въ февралѣ или мартѣ 1874 года, вернувшись однажды изъ экскурсіи по деревнямъ и селамъ, я засталъ Маликова въ страшно возбужденномъ состояніи. Онъ встрѣтилъ меня громкими восклицаніями:

— Несчастный вы человѣкъ! Свѣтъ Божій скрытъ отъ васъ! Вы гдѣ были? Чего вы хотите достигнуть?

Я сталъ ему говорить объ удивительныхъ субъектахъ, встрѣ-

чаемыхъ мною среди крестьянъ, о сочувствіи ихъ моимъ идеямъ и т. д.

— Эти идеи,—перебилъ онъ,—представляются мечтаніями даже на Западѣ, а вы, въ качествѣ рабочаго, возвращающагося на родину изъ-за границы, выдавали мечты какъ совершившійся повсемѣстно фактъ. Этой ложью вы хотите воспитать въ народѣ идеалы, за которые бы онъ боролся. Честно ли такъ обманывать его?

— Врачъ такъ же поступаетъ съ паціентомъ.

— А, вотъ какъ!.. Народъ—паціентъ! Но кто же, какъ не вы, говорили, что народъ, живущій общиной и мірской сходкой, нравственнѣе интеллигенціи, погрязшей въ индивидуальной жизни? Кто говорилъ, что народъ, по своему положенію, гораздо глубже понимаетъ несовершенство существующей жизни, чѣмъ интеллигентное меньшинство? А теперь вы говорите о немъ, какъ о паціентѣ, которому можно толковать о несуществующемъ нигдѣ идеальномъ бытѣ. И чѣмъ вы ослѣплены? Народнымъ вниманіемъ къ вашимъ бесѣдамъ? Но вѣдь народъ не менѣе жадно слушаетъ каликъ перехожихъ и убогихъ странницъ о святой землѣ и бѣсовскихъ видѣніяхъ, одолѣвающихъ богомольцевъ по дорогѣ къ святымъ мѣстамъ. А вы это стремленіе къ обмѣну мыслей приписываете исключительно себѣ и своимъ радикальнымъ идеямъ. Бѣдный, заблуждающійся юноша!

Вся рѣчь Маликова состояла изъ однихъ восклицаній, произнесенныхъ негодующимъ и страстнымъ голосомъ. Я былъ подавленъ его пламенною рѣчью и всей ея декоративной стороной. Взволнованный и совершенно забывая свои собственныя убѣжденія, жадно слѣдилъ я за новымъ словомъ, готовымъ сорваться съ его устъ.

— Но вѣдь нѣсколько дней тому назадъ вы говорили иначе?—замѣтилъ я.

Возбужденное лицо Маликова мгновенно успокоилось, и счастливая улыбка показалась на его устахъ. Весь сіяя, онъ отвѣтилъ торжественно:

— Я все думалъ послѣдніе дни о томъ, какъ поступить мнѣ съ моими дѣтьми. Вы этому удивляетесь, а между тѣмъ это такъ просто: съ дѣтьми я не могу всецѣло посвятить себя дѣлу, а долженъ жить для дѣтей и воспитывать ихъ. Съ вашимъ дѣломъ я не могу связать частные мои интересы, а теперь я нашелъ общее дѣло, изъ-за котораго мнѣ не надо бросать дѣтей на произволъ судьбы.

— Объяснитесь, Александръ Капитоновичъ... Вы такъ взволнованы.

— О, да! Я едва владѣю собой... Видите, я уже рыдаю и не могу остановить слезъ отъ радости... Въ ваше отсутствіе я пересталъ быть „ветхимъ“ человѣкомъ. Послушайте, — сказалъ онъ, съ сильнымъ порывомъ участія ко мнѣ:—вскройте и вы въ себѣ „божественную душу“. Сдѣлайтесь христіаниномъ. Откажитесь отъ мысли—насиліемъ уничтожить насиліе, огонь залить огнемъ. Въ нашъ вѣкъ борьба со зломъ имѣетъ совсѣмъ иную физіономію, чѣмъ прежде. Милитаризмъ такъ силенъ, что даже на Западѣ баррикады перестали играть роль въ исторіи, уступая мѣсто мирной избирательной борьбѣ... Эта борьба должна идти исключительно на нравственныхъ и умственныхъ началахъ. Противъ насилія пойдемте съ любовью. Это даже безопаснѣе, чѣмъ идти съ топоромъ или дубиной. Пугачевъ немыслимъ при новѣйшей организаціи военнаго дѣла... Опомнитесь. Дайте мнѣ руку, и я васъ выведу на путь истины и добра—къ религіозному возрождѣнію человѣчества. Не въ наукѣ и не въ политической организаціи наше спасеніе, а въ союзѣ человѣка съ человѣкомъ во имя Христа. Вы же остаетесь носителемъ вражды, а не примиренія и единенія. Что̀ сдѣлало ваше ученіе о Каинѣ и Авелѣ? Революціи смѣнялись реакціями, реакціи опять революціями съ тѣми же послѣдствіями. Добрыя и гуманныя начала даются намъ христіанствомъ, которое существуетъ при любомъ порядкѣ вещей. О, какое счастье и какой свѣтъ я ощущаю въ душѣ своей съ тѣхъ поръ, какъ открылъ въ себѣ божественную душу!

Онъ схватилъ на руки двухъ своихъ маленькихъ дѣтей и счастливымъ голосомъ произнесъ:

— Какъ я счастливъ, имѣя этихъ малютокъ! А давно ли, дѣти мои, я ужасался вашей будущности, догадываясь, что изъ васъ должны выростн люди со враждою къ человѣчеству. Кто готовъ во имя своихъ идеаловъ творить расправу съ противниками и дѣйствовать насиліемъ, тотъ долженъ быть готовъ къ такому же воздѣйствію. Бѣдный ветхій человѣкъ! И какъ я страдалъ, не умѣя предотвратить эту чашу! Но Богъ вдохнулъ въ меня свою душу, и мнѣ стало ясно назначеніе человѣка. Вотъ третьи сутки я почти не сплю и не ѣмъ... Я говорю моимъ дѣтямъ: любите человѣка на всѣхъ ступеняхъ его развитія, такъ какъ онъ есть часть великаго божества, и, оскорбляя одного изъ нихъ, вы оскорбляете все богочеловѣчество.

„Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ“...

— Всѣ мы миротворцы... И нищій, и капиталистъ, и судья, и подсудимый—всѣ богочеловѣки... Всѣ одинаково олицетворяютъ загадку и силу Творца. Кто возлюбитъ человѣчество, тому не трудно перенести отъ него обиду и простить его. Любите ближнихъ, и вы устраните вражду. Работать для нихъ—станетъ блаженствомъ, а не рабствомъ. Забудьте на своемъ языкѣ слова: врагъ, непріятель, война, подлость и прочія наименованія языческаго міра. Будьте въ этихъ случаяхъ какъ дѣти, и исчезнутъ со свѣта непріятели. Останутся наши ближніе, которые, заботясь и любя другъ друга, „творятъ волю пославшаго Небеснаго Отца". Небеса со всѣми тайнами и Творцомъ вселенной останутся въ томъ же величіи и недоступности, въ которой пребываютъ до сихъ поръ для человѣка, но мы поймемъ свои обязанности здѣсь, на землѣ. Каждый сборщикъ податей—вашъ братъ, созданный по образу и подобію Бога. Всѣмъ намъ одинаково Онъ вдохнулъ свою душу и сдѣлалъ насъ богочеловѣками. Мы можемъ вразумлять другъ друга и указывать на грѣхи, не забывая наше божественное происхожденіе и родство со всѣми. Если у васъ берутъ послѣднюю корову на дурное дѣло—не молчите объ этомъ и не помогайте имъ дѣлать дурное дѣло; но не будьте врагомъ, если ваша мольба не тронула ихъ. Это та же боль въ вашей собственной головѣ: если она не прошла по рецепту врача, то нельзя снять съ плечъ силой самую голову. Протестуйте пассивно и, какъ Христосъ, приказывайте вложить мечъ въ ножны. А вы въ какой степени слѣдуете этому примѣру?

Продолжая въ томъ же духѣ говорить, Маликовъ указалъ рукою на старуху прислугу, возившуюся въ кухнѣ.

— Слышите шумъ работы моего домашняго раба,—сказалъ онъ.—До сихъ поръ между нами не было никогда христіанской связи. Я не дорожилъ пребываніемъ ея въ моемъ домѣ, а она—ничтожной платой, получаемой за трудъ. Теперь она—членъ моего семейства и равный мнѣ человѣкъ; она и я суть атомы общаго намъ Бога въ человѣчествѣ. Мы связаны божественнымъ равенствомъ, любовью и заботливостью другъ о другѣ. Это ученіе примиряетъ народъ со всѣми сословіями... Картина совсѣмъ иная, чѣмъ была нѣсколько дней тому назадъ.

На глазахъ Маликова отъ умиленія показались опять слезы. Успокоившись, онъ продолжалъ свою проповѣдь.

— Мое ученіе покоряетъ сердца, но оно не чуждо уму и образованію. Вамъ не безъизвѣстна Гегелевская тріада: теза, антитеза и возвратъ къ тезѣ съ бо̀льшимъ содержаніемъ,—по которой совершается развитіе каждаго историческаго явленія. Въ

настоящее время религіозное чувство человѣка возвращается къ первоначальной тезѣ. Слѣпое поклоненіе передъ неодушевленными предметами на землѣ (фетишизмъ) переродилось въ идею о Богѣ на небѣ. Но вслѣдъ затѣмъ Небесный Отецъ послалъ на землю вочеловѣчившагося Сына съ апостолами и простыми праведниками. Религіозное чувство совершило свой циклъ и вернулось опять на землю. Но только грубые фетиши замѣнились людьми. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ одно религіозное чувство совершило полный путь по Гегелевской тріадѣ, и только оно достигло высшаго своего развитія. Любовь къ ближнимъ—безъ раздѣленія на добрыхъ и злыхъ—создаетъ новый культъ божества. Порокъ исправляется пассивнымъ протестомъ, т.-е. словеснымъ неодобреніемъ извѣстнаго рода поступковъ, безъ угрозъ и насилія. Больную руку нельзя ненавидѣть, такъ какъ она—часть общаго тѣла. Тоже и дурной человѣкъ въ современномъ обществѣ.

Развивая свою мысль, Маликовъ не замѣтилъ, какъ мы просидѣли съ нимъ всю ночь и какъ наступило утро. Новый день также прошелъ за разговорами о „пассивномъ протестѣ" и божественной душѣ.

— Христіанинъ,—говорилъ Маликовъ,—относится даже къ дурному человѣку какъ бы къ недостаткамъ своего собственнаго тѣла, понимая, что они оба — части одного человѣчества, что всѣ люди суть атомы соціальнаго организма, боготворимаго нынѣ мною. Я убѣжденъ, что многіе русскіе революціонеры переродятся, если увидятъ и поговорятъ со мною!—воскликнулъ онъ. — Вонъ, на дняхъ, Николай Васильевичъ Чайковскій получаетъ маленькія деньги, и это будетъ фондомъ для нашего братства.

— Но,—усомнился я,—Чайковскій—это совсѣмъ другого толка человѣкъ... Едва ли онъ сочувственно отнесется къ проповѣди о развитіи пассивныхъ сторонъ у людей въ борьбѣ со зломъ и безразличной любви, одинаковой и къ камчадаламъ, и къ европейцамъ, и къ Каткову, и къ Чернышевскому.

— Увидите, — перебилъ Маликовъ. — Чайковскій на дняхъ пріѣдетъ ко мнѣ. Я увѣренъ въ немъ заочно. Это чуткій и свободный умъ, не порабощенный человѣконенавистничествомъ во имя передѣлки политическихъ формъ. Даю вамъ слово, что заодно со мною будутъ и другіе нигилисты. Они не могутъ быть глухи къ столь наглядному превосходству божественнаго ученія передъ идеями Бакунина и Лаврова.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, я засталъ у Маликова нѣсколько пріѣзжихъ лицъ изъ Петербурга, извѣстныхъ мнѣ своимъ

„крайнимъ направленіемъ“. Нѣкоторые изъ нихъ лежали на диванахъ съ компрессами на головѣ, другіе жаловались на лихорадку, у третьихъ глаза были заплаканы, но на всѣхъ лицахъ сіяло счастье и блаженство раскаявшихся и прощенныхъ грѣшниковъ. Маликовъ сидѣлъ за круглымъ столомъ, только-что кончивши свою проповѣдь, усталый, но торжествующій и счастливый. Въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ ходилъ изъ угла въ уголъ Чайковскій.

— Видите,—указалъ на него Маликовъ рукой:—я говорилъ вамъ...

— Чтò же?

— Въ немъ пробуждается божественная душа. Въ ней происходитъ борьба между ветхимъ и обновленнымъ человѣкомъ.

Въ это время къ намъ подошелъ Чайковскій и, показывая на одну изъ главъ Евангелія, сталъ приводить изъ нея цитаты...

— Ну да, ну да! — радостно воскликнулъ Маликовъ:—вы приводите эти мѣста въ защиту моего ученія. Это явный признакъ, что новый человѣкъ побѣдилъ въ васъ ветхаго. Вы нашъ! Нашъ!

Чайковскій рылся по всей Библіи, и я постоянно слышалъ восклицанія: „Богъ—это любовь; должно поклоняться Богу другъ въ другѣ; то, чтò сотворишь твоему ближнему, то сотворилъ ты Мнѣ“, и т. д. Наконецъ, Чайковскій сказалъ:

— Когда я слышу стройное міровоззрѣніе, то я тотчасъ же плѣняюсь логическими построеніями и художественностью рѣчи, забывая свои собственные аргументы и свой собственный идеалъ. Если меня накрыть въ эту минуту на мѣстѣ, я ничего не найду въ защиту своей собственной программы. Но вы не пользуйтесь этой слабостью. Дайте мнѣ день или два на размышленіе. Я сообщу вамъ изъ Москвы мое рѣшеніе.

Чайковскій, прощаясь, былъ очень взволнованъ. Я видѣлъ его въ первый и въ послѣдній разъ. Впослѣдствіи его именемъ, за предъидущую его дѣятельность, окрестили цѣлый кружокъ молодыхъ людей („чайковцы“); но уже въ 1874 году Чайковскій присталъ къ Маликову, отрицая вражду и насильственныя мѣры. Къ Маликову пристало тогда много лицъ, бывшихъ ранѣе иного образа мыслей. Я видѣлъ ихъ впослѣдствіи, и всѣ они производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Одинъ изъ эмигрантовъ, впослѣдствіи амнистированный О. И. Каблицъ- Юзовъ, признавался мнѣ, что иногда ему казалось, будто бы онъ, встрѣтясь съ нимъ въ Лондонѣ, имѣлъ съ нимъ болѣе солидарности и нравственной близости, чѣмъ со многими своими едино-

мышленниками. Слѣдуетъ сказать, что Маликовъ въ томъ же 1874 году былъ арестованъ и, находясь въ тюрьмѣ, съумѣлъ дать знать о своемъ положеніи въ Петербургъ своему бывшему профессору, который тотчасъ повліялъ на ускореніе судебнаго производства надъ нимъ и, конечно, главнымъ образомъ, своимъ вліяніемъ на слѣдственную коммиссію содѣйствовалъ освобожденію Маликова изъ тюрьмы. Въ коммиссіи Жихарево-Слезкинской по дѣлу о пропагандѣ въ 36-ти губерніяхъ (процессъ 193-хъ) жандармскій майоръ Ч. говорилъ мнѣ:

— Мы арестовали Маликова и привезли его въ Москву. На допросѣ его собрались: прокуроръ Жихаревъ, генералъ-майоръ Слезкинъ и другіе члены нашей коммиссіи. Всѣ мы были въ высшей степени заинтересованы личностью арестованнаго. Когда его ввели къ намъ, онъ заговорилъ о Богѣ, о соціальномъ организмѣ, которому и великіе, и малые люди одинаково нужны, какъ каждому изъ насъ нуженъ не только головной мозгъ, но и любой палецъ руки... Мы встали съ своихъ мѣстъ и протянули Маликову руки. Онъ тотчасъ же былъ освобожденъ. Но,—продолжалъ майоръ,—провожая его съ полнымъ уваженіемъ къ нему лично, мы не могли ему разрѣшить право проповѣди... Молодежь не съумѣетъ найти должной границы въ этой новой религіи и, вслѣдствіе увлеченія, непремѣнно извратитъ ее. Мы ему запретили пропаганду.

Вслѣдствіе этого запрещенія, Маликовъ и его послѣдователи эмигрировали въ Америку, для устройства тамъ коммунистической общины. Читая обвинительный актъ по процессу 193-хъ, я встрѣтилъ тамъ слѣдующую фразу: „Тепловъ съ Аитовымъ (артиллерійскіе офицеры) поѣхали въ Орелъ къ Маликову, основателю „богочеловѣческой религіи“. Въ Муромѣ Тепловъ былъ арестованъ, причемъ у него отобраны были выписки изъ Св. Писанія“ (стр. 183). У базельскаго профессора Туна о Россіи мы читаемъ: „Вокругъ Маликова, Клячко и Свитскаго группировался десятокъ-другой единомышленниковъ, которые утверждаютъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть хорошія качества: любовь къ ближнему, готовность всѣмъ пожертвовать для счастія другихъ. Эта „божья искра“ замѣчается и въ простомъ человѣкѣ, и лежитъ въ основѣ равенства и братства. Согласно своимъ убѣжденіямъ, Маликовъ пытался, будучи арестованъ, раздуть въ прокурорѣ эту искру въ пламя любви къ ближнему. Въ этомъ онъ достигъ нѣкотораго успѣха: прокуроръ призналъ его сумасшедшимъ и не препятствовалъ маликовцамъ перебраться въ Америку. Всѣ попытки основать тамъ земледѣльческія коммунистическія колоніи

не удались. Спустя два-три года, претерпѣвъ большую нужду, они возвратились въ Европу". Въ газетѣ „Новое Время" отъ 20 августа 1903 года, за № 9866, я прочелъ слѣдующее: „И. Тургеневу указали на одного русскаго уроженца, бывшаго когда-то въ Америкѣ съ Фреемъ, а въ то время, къ которому относятся настоящія строчки (1879 г.), жившаго въ Парижѣ. Русскій, о которомъ идетъ рѣчь (человѣкъ лѣтъ 35-ти), принадлежитъ къ числу предвѣстниковъ „толстовства", къ сторонникамъ земледѣльческаго труда и личнаго самоусовершенствованія. Тургеневъ очень цѣнилъ и уважалъ „американца"".

II.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Маликовымъ и, по обстоятельствамъ моей личной жизни, не надѣялся болѣе встрѣтиться съ нимъ. Однако, въ 1878 или 1879 году, лѣтомъ, я узналъ о его возвращеніи изъ Америки и, въ день отъѣзда его изъ Москвы въ Пермь, на службу въ правленіе желѣзной дороги, встрѣтился съ нимъ на вокзалѣ. Радости моей не было конца... Вѣдь онъ былъ одинъ изъ тѣхъ мучениковъ отвлеченныхъ идей, которымъ и я обязанъ лучшими чувствами въ моей жизни. Онъ былъ съ молодой женой (Клавдія Степановна Пругавина, сестра извѣстнаго писателя) и цѣлой кучей дѣтей. Нѣкоторыя изъ нихъ родились въ Америкѣ, а другія были моими маленькими знакомыми по Орлу отъ первой жены Маликова. Я могъ только обнять его, но не имѣлъ времени спросить его о пережитыхъ испытаніяхъ и будущихъ намѣреніяхъ. Дѣтей надо было усаживать въ вагонъ, и поѣздъ уже готовился тронуться. Прошло много лѣтъ, и вмѣстѣ съ ними—моя молодость...

Я вновь встрѣтился съ Маликовымъ уже старикомъ. Я жилъ въ Петербургѣ, счастливый и своими воспоминаніями, и тѣмъ, что могъ жить у себя на родинѣ, а не скитаться на чужбинѣ или медленно умирать въ Якутскѣ. Трудно передать волненіе, охватившее меня при новой встрѣчѣ съ Маликовымъ у меня на квартирѣ.

Разговорамъ не было конца...

— Точно опять въ Орлѣ... Помните, на берегу Оки, наши всенощныя бдѣнія о богочеловѣчествѣ, о соціальномъ организмѣ, въ которомъ не можетъ быть враговъ и обвинителей... Какъ все это еще близко!.. Точно ничто не измѣнилось съ тѣхъ поръ.

— А зачѣмъ мѣняться? — мягко спросилъ Маликовъ.—Настроеніемъ человѣкъ не долженъ мѣняться... Скорбной душой любить ближнихъ онъ можетъ и въ ранней молодости, и въ старости.

Онъ продолжалъ говорить, и въ то же время каждый изъ насъ невольно наблюдалъ другъ друга. Маликову было уже лѣтъ пятьдесятъ-шесть, и сѣдина покрывала его голову. Взглядъ сѣрыхъ глазъ подъ густыми нависшими бровями не былъ, однако, старческимъ и усталымъ; въ минуты воодушевленія голосъ его звучалъ такъ же твердо и увѣренно, какъ и въ ранніе годы. Одѣтъ онъ былъ весьма скромно и пріѣздъ свой въ Петербургъ объяснилъ желаніемъ найти себѣ мѣсто въ министерствѣ земледѣлія.

— Можетъ быть, дадутъ гдѣ-нибудь въ провинціи управлять земледѣльческой фермой. То самое лицо, которое уже не разъ извлекало меня изъ тюремъ и ссылокъ, и теперь снабдило меня карточкой къ директору департамента земледѣлія.

Разговоръ нашъ очень скоро перешелъ къ тѣмъ днямъ въ Орлѣ, когда мы познакомились и затѣмъ разошлись по разнымъ дорогамъ.

— Чтò-жъ потомъ было съ вами? — спросилъ я. — Послѣ того, какъ вы уѣхали въ Америку? Я знаю только въ общихъ чертахъ.

— Подробности я долженъ разсказать по порядку,—отвѣтилъ онъ.—Трудно, однако, передать словами наши страданія... Мы пріѣхали въ Нью-Іоркъ цѣлой компаніей, гдѣ насъ уже ждалъ Чайковскій. Онъ отправился въ Америку ранѣе насъ и вступилъ въ переговоры съ „Прогрессивной коммуной" Вилльяма Фрея въ Канзасѣ.

— Это съ Николаемъ Константиновичемъ Гейнсомъ?—спросилъ я?

— Да. Это его настоящая фамилія. Онъ родился въ Россіи въ 1839 году и получилъ въ ней воспитаніе. Но, увлекшись идеями Роберта Оуэна, онъ уѣхалъ въ 1866 году изъ Россіи въ Америку съ цѣлью обновить человѣчество христіанскими общинами. Брошюра г. Рейнгардта („Необыкновенная личность") сильно идеализируетъ Фрея, какъ практическаго дѣятеля и мыслителя. Изъ моего пересказа о немъ вы во многомъ разочаруетесь въ этомъ мученикѣ отвлеченной системы, но въ то же время вы будете и удивляться ему. Въ Америкѣ онъ жилъ нѣкоторое время у „библейскихъ коммунистовъ" („перфекціонисты" отца Нойэса по ручью Онеиды). Затѣмъ онъ

переѣхалъ въ Миссури, въ общину „Union“, гдѣ встрѣтился съ докторомъ Brick's'омъ, посвятившимъ его въ вегетаріанство. Послѣ распаденія „Union“, Фрей вмѣстѣ съ Бриксомъ основали въ Канзасѣ „прогрессивную коммуну“ („La progressive“) на собственной землѣ, съ типографіей и газетой. Его исповѣданіе позитивизма, какъ религіи, было очень близко къ нашимъ воззрѣніямъ, и наше сближеніе было такъ естественно.

Я досталъ изъ своей библіотеки брошюру Н. Рейнгардта: „Необыкновенная личность“, въ которой прочелъ слѣдующее: „Онъ (Гейнсъ)—говоритъ другъ его E. S. Beesly—былъ преисполненъ въ то время тѣмъ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, который влечетъ иногда многихъ русскихъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, отказаться отъ выгодъ и удобствъ своего положенія, чтобы раздѣлить судьбу бѣдныхъ людей. Только въ среднихъ вѣкахъ и можно найти подобные случаи, когда люди обезпеченные бѣжали въ монастыри, чтобы жить среди труда, лишеній и подвижничества, но эти люди дѣйствовали ради спасенія души своей... Русскіе энтузіасты одушевлены совсѣмъ инымъ чувствомъ: они одушевлены горячимъ желаніемъ улучшить положеніе бѣдныхъ, обездоленныхъ классовъ. Что̀ бы ни думали о принципахъ этихъ людей, но нельзя не удивляться ихъ искренности и энтузіазму. Они обуздали нѣкоторые изъ самыхъ могучихъ эгоистическихъ инстинктовъ человѣческой природы, хотя и не извлекли изъ своей побѣды ничего существеннаго“.

— Сначала, — продолжалъ Маликовъ, — мы отправили къ Фрею трехъ депутатовъ, въ числѣ которыхъ находился и я. Осень 1875 года была холодная и вѣтряная. Приближаясь къ пустынной мѣстности Канзаса, къ поселку Фрея, я ожидалъ встрѣтить рядъ хижинъ, обработанныя поля и счастливыя лица новыхъ христіанъ. Между тѣмъ мѣстность была дикая, и стоявшій передъ нами домъ сквозилъ щелями, и за нѣсколько шаговъ до него мы уже видѣли въ эти щели его обитателей и что̀ они дѣлали. Они всѣ защищались отъ холода, кто чѣмъ могъ. Самъ Фрей вышелъ къ намъ на встрѣчу въ солдатской шинели и больнымъ лихорадкой. Въ такой же шинели была и его жена (сестра Славинскаго, писавшаго объ Америкѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“), съ грустнымъ и унылымъ, отрѣшившимся отъ всего земного, выраженіемъ лица. Оно было исполнено страданія и какъ бы затаеннаго страха передъ будущимъ. Одни дѣти смотрѣли на насъ во всѣ глаза съ любопытствомъ, свойственнымъ ихъ возрасту. Солдатскія шинели въ большомъ количествѣ были пріобрѣтены Фреемъ во время ихъ распродажи по дешевымъ

цѣнамъ, послѣ прекращенія войны за освобожденіе. Домъ его, просторный, но выстроенный неумѣло, былъ крытъ крышей, безъ потолка. Сѣрое небо виднѣлось черезъ эту крышу и еще болѣе свидѣтельствовало о неумѣніи поселенцевъ строить удобныя жилища. Впослѣдствіи, на другомъ уже мѣстѣ, наше строительное неумѣніе повлекло къ тому, что изъ дома балка упала сверху на г-жу Фрей и сильно изуродовала ей лицо. Это жалкое состояніе колоніи произвело на меня удручающее впечатлѣніе и, кажется, сообщилось моимъ спутникамъ. Мы не ждали цвѣтущихъ фермъ, но не хотѣли видѣть безнадежныхъ монашескихъ лицъ „альтруистовъ". Какъ это не вязалось съ моимъ идеаломъ!.. Я былъ радостенъ и возрожденъ къ трудовой жизни новымъ ученіемъ любви, а здѣсь одни терніи изъ-за идеи... Такое впечатлѣніе производила „прогрессивная коммуна" внѣшнимъ видомъ жилищъ и обывателей. Мы, русскіе, начитавшіеся Фурье, Сенъ-Симона, Оуэна и евангелистовъ, ожидали въ новыхъ людяхъ Америки встрѣтить не только новыхъ людей, но и культуртрегеровъ, а въ дѣйствительности предъ нами были нищіе, мнящіе облагодѣтельствовать міръ своимъ „совершенствомъ". Это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось въ насъ, когда мы пожили нѣсколько дней въ коммунѣ и ближе познакомились съ послѣдователями Фрея. Мы замѣтили тотчасъ не только матеріальную бѣдность „прогрессивной" коммуны, но и умственную бѣдность нѣкоторыхъ ея обывателей. Самъ Фрей былъ энтузіастъ и болѣе очаровалъ насъ нравственной цѣльностью, чѣмъ всестороннимъ образованіемъ и діалектикой. Мы пріѣхали изъ Россіи въ Америку съ послѣднимъ словомъ науки: мы знакомы были не только съ сочиненіями міровыхъ ученыхъ, но на нашихъ глазахъ развивалось превращеніе англійскаго пролетаріата (рочдэльскіе піонеры) черезъ производительныя ассоціаціи въ буржуа-предпринимателя и акціонера, и т. д. Мы знали многое, но не знали главнаго: самихъ себя. Мы считали себя „совершенствомъ", значительно лучше ветхаго міра, и не замѣчали, какъ мы мало подготовлены къ тому строю жизни, который исповѣдывали; какъ мы слабы и ничтожны даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенные смертные отлично справляются. Столкновеніе съ Фреемъ, Бриксомъ, Трюманомъ и другими „прогрессивными коммунистами" открыло намъ ихъ слабыя стороны, а не наши собственныя. За исключеніемъ Фрея, они были менѣе образованны, чѣмъ мы, обладавшіе университетскимъ образованіемъ и энциклопедической начитанностью. Они придавали значеніе такимъ мелочамъ, которыя насъ не занимали, и нужна была энергія и идеализація Фрея, чтобы эти пустяки

казались принципіальными. Мы присутствовали на ихъ общемъ собраніи при чтеніи отчетовъ и были поражены бѣдностью инвентаря и числомъ, въ размѣрѣ трехъ-четырехъ, подписчиковъ на газету Фрея.

— Очевидно, они не имѣютъ никакого значенія среди американцевъ,—замѣчали мы, и удивлялись, какъ сами они этого не замѣчаютъ. Они всѣ тотчасъ же выростали въ своихъ глазахъ, когда рѣчь заходила о прогрессивной коммунѣ. Только нашъ европейскій, непривычный еще къ бѣдности, глазъ замѣчалъ всю тяжесть и страданія, которыя они несли по обязанности, импонируемые Фреемъ и возбуждаемые имъ искренно и сильно.

— Какая это „прогрессивная коммуна", — сказали мы, когда вернулись къ товарищамъ: — это смѣшно даже... Они пускай къ намъ идутъ, а не мы къ нимъ... Что же морочить-то себя! Вотъ мы устроимся и покажемъ имъ, какъ надо жить и чего можно достигнуть въ общежитіи съ богочеловѣками.

Мы купили, независимо отъ Фрея, землю и предложили ему переселиться къ намъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Наступилъ моментъ и намъ, русскимъ мечтателямъ семидесятыхъ годовъ, показать себя на дѣлѣ: насколько мы лучше своихъ соотечественниковъ въ ихъ „прогрессивной коммунѣ".

Лицо Маликова стало еще грустнѣе.

— Еслибъ можно было всего этого не вспоминать,—воскликнулъ онъ...—Ахъ, какъ много ушло жизни безъ пользы для людей, и съ какимъ стыдомъ вспоминаешь многіе моменты этой жизни! Нечего скрывать отъ самого себя горькую истину. Достаточно безъ толку ухлопано силъ по тюрьмамъ и ссылкамъ, да не меньше ихъ ушло и на философствованіе въ Америкѣ о богочеловѣкахъ, при ничтожности поступковъ со стороны послѣднихъ. Это пора уже сказать на поученіе будущимъ мученикамъ отвлеченныхъ системъ.

— Хорошо,—перебилъ я.—Теперь скажите мнѣ о внутренней жизни коммуны и о вашемъ бѣгствѣ оттуда обратно въ Россію.

— Огромное несчастье нашей коммуны заключалось, между прочимъ, и въ томъ, что Фрей подавлялъ насъ всѣхъ своимъ столпничествомъ и лишилъ на первыхъ порахъ всякой критики по отношенію къ живой дѣйствительности. Отрицатель искус-ственной цивилизаціи, онъ устроилъ въ коммунѣ самую искусственную жизнь, которая измучила насъ всѣхъ и въ концѣ концовъ разогнала въ разныя стороны. Критицизмъ и исповѣдь ничему не помогли...

— Вотъ интересно это прослѣдить...

— Конечно, — продолжалъ Маликовъ: — главная причина все-таки въ томъ, что мы сами были плохими работниками на землѣ, а пользоваться другими источниками жизни мы не хотѣли. Постройки наши были холодныя, жалкія, со щелями въ стѣнахъ и крышахъ; коровъ выдаивать до конца никто не умѣлъ, и многихъ изъ нихъ мы перепортили на первыхъ порахъ; одежда, которую мы шили сами, сидѣла мѣшкомъ; пищу приготовляли невкусно; провизіи не умѣли сохранять и портили ее... Словомъ, непрактичность во всемъ поражающая. Дѣловому человѣку было бы гадко смотрѣть на этихъ работниковъ, ковыряющихъ землю, вмѣсто глубокой вспашки; скашивающихъ траву съ опасеніемъ подрѣзать косой ноги передовыхъ; колющихъ дрова съ опасеніемъ тесануть топоромъ себя самого по рукѣ или ногѣ и т. д. Все въ этомъ родѣ. Вотъ на живомъ-то дѣлѣ мы и показали себя, наше... совершенство. Невольно вспоминается Щедринскій мужикъ, прокормившій двухъ генераловъ, и котораго намъ здѣсь недоставало. Но это между прочимъ. Вѣдь мы потому и покинули Россію, что хотѣли обойтись безъ мужика и воображали себя къ тому подготовленными книжками да восторженными о томъ разговорами. Обѣднѣніе внѣдрялось все болѣе и болѣе въ нашу ферму...

— Необходимо установить для человѣческаго организма минимумъ жизненныхъ потребностей,—повторялъ Фрей мысль Флеровскаго изъ „Азбуки соціальныхъ наукъ“, когда мы отчаявались устроиться хозяйственнымъ способомъ.

Вотъ мы и принялись выработывать этотъ „минимумъ“, и ломали себѣ головы, спорили и мирились изъ-за каждаго лишняго куска сахара и стакана чая. Мы стали всѣ мучениками не только идей, возникавшихъ въ нашей средѣ, но и простой нужды. Самъ Фрей въ послѣдовательности доходилъ всегда до абсурда. Находя въ прогрессѣ много ложныхъ потребностей, онъ искалъ исключительно природнаго и необходимаго.

Квашенаго тѣста онъ не признавалъ, и дѣлалъ изъ простой муки съ водой длинную палку, и запекалъ ее. Эту гигіеническую „шишку Фрея“, какъ мы ее звали, онъ ѣлъ по кусочкамъ и избѣгалъ другой пищи.

— Но вѣдь и зерно, — говорили ему, — нужно выбить изъ колоса. Зеленымъ его прямо съ колосомъ вы не ѣдите, а обрабатываете...

— Все равно. Оно само упало бы изъ колоса, когда бы созрѣло,—отвѣчалъ Фрей.

— Ну, а чтобы размолоть зерно — нужны жернова... Тоже искусство.

— Это механическое приспособленіе. Въ природѣ механическія силы существуютъ, и я ихъ не отрицаю.

Соль и сахаръ, по Фрею, были искусственными, въ природѣ несуществующими продуктами, и потому онъ отрицалъ ихъ.

— Безъ соли въ пищи погибаетъ и человѣкъ, и животное,— замѣчали ему.

— Это мы такъ извратились цивилизаціей и вмѣстѣ развратили своихъ животныхъ, что гибнемъ безъ соли, а природа не нуждается въ ней, и въ природѣ мы не найдемъ себѣ соли и сахару.

— Но мы найдемъ сахаръ въ плодахъ, а соль—въ другихъ продуктахъ... Не все ли равно: въ натуральномъ видѣ мы ѣдимъ ее, или искусственно добываемъ ее?

— Не все равно!—отвѣчалъ упрямо Фрей.—Если въ природѣ она существуетъ, то она здорова; а въ искусственномъ видѣ—она вредна, но только человѣкъ пріучилъ себя къ ней.

— А въ Сибири охотники бьютъ дикихъ козъ, заманивая ихъ на соль... Совсѣмъ не цивилизованныхъ... Настоящихъ дикихъ козъ! Обыкновенно посыпаютъ солью луга, и козы приходятъ лизать ее.

— Не слышалъ...

— Мало ли, мистеръ Фрей, чего вы не слыхали. Прочтите объ этомъ въ „Запискахъ“ Черкасова.

— И читать не хочу. Я знаю, что все искусственное удаляетъ человѣка отъ природы, а природа лучше насъ знаетъ, что̀ хорошо, что̀ дурно. Вотъ, мы придумали себѣ бѣлое бѣлье, да еще крахмаленное. Бѣлое — оно грязнится, и его постоянно стирать надо, и кому-нибудь крахмалить для насъ... Всѣ эти наряды, украшенія, архитектура и т. д. заставляютъ другихъ работать на насъ; а заставлять массы людей работать за васъ, портить свои вкусы для васъ и убивать свои силы для удовлетворенія вашихъ вкусовъ—не хорошо и вредно.

— Но вѣдь, развивая вашу идею, придется людямъ ходить голыми, по бывшему примѣру у васъ въ коммунѣ. Вѣдь безъ искусства нельзя сшить ни сапогъ, ни пальто.

— А я ничего не имѣю противъ уничтоженія европейскаго костюма,—храбро заявилъ Фрей.—Мистеръ Трюманъ ходилъ у насъ въ „прогрессивной коммунѣ“ голымъ и работалъ въ полѣ голымъ, но американцы по сосѣдству воспротивились, а мы позволяли и привыкали къ нему. Сосѣднія фермы заявили, что

не хотятъ встрѣчать его оголеннымъ. Это все ихъ искусственная цивилизація. Она вся извращена и мила только меньшинству. Русскія крестьянки съ голыми ногами и высоко подобранными юбками не смущаютъ собой мужиковъ,—это я понимаю и это свидѣтельствуетъ чистоту ихъ нравовъ. А познакомьте эту бабу съ искусствомъ прикрывать свои ноги—она испортится... И гдѣ больше искусства, тамъ и порчи больше. Мясо, напр., требуетъ большого искусства приготовить его вкусно къ столу, и посмотрите: еслибы всѣ ѣли его, то его не хватило бы даже больнымъ. Сама природа вещей требуетъ, чтобы люди отказались даже отъ искусственной пищи и чтобы каждый былъ вегетаріанцемъ.

Вопросъ о вегетаріанцахъ разработанъ былъ Фреемъ болѣе тщательно, и онъ легко овладѣвалъ вниманіемъ слушателей, когда касался его. Извѣстно, что въ послѣднюю поѣздку 1886 года въ Россію онъ былъ у Л. Н. Толстого и обратилъ его въ вегетаріанство. Авторъ „Необыкновенной личности“ старается смягчить аскетическую натуру Фрея чисто отвлеченными и произвольными представленіями объ аскетическомъ типѣ человѣка. Въ брошюрѣ о немъ Рейнгардта сказано слѣдующее:

„Несмотря на крайнее воздержаніе Гейнса и его компаніоновъ, — ихъ нельзя назвать аскетами. Аскетъ съ презрѣніемъ относится къ тѣлу, старается умертвить всѣ физическія потребности. Но вслѣдствіе насильственнаго умерщвленія послѣднихъ у аскета развивается мрачный, злобный характеръ, съ придаткомъ еще необыкновеннаго самомнѣнія; злоба его очень часто проявляется въ строгомъ отношеніи къ людскимъ слабостямъ, а самомнѣніе—въ стремленіи къ возвеличенію собственной личности, въ презрительномъ отношеніи къ людямъ, отношеніи, скрываемомъ подъ маскою смиренія. Гейнсъ ничѣмъ не походилъ на подобныхъ лицъ; онъ не думалъ объ умерщвленіи физическихъ потребностей, но считалъ необходимымъ ограничить ихъ въ той нормѣ, которая достаточна только для поддержанія и сохраненія организма. Онъ полагалъ, что такой режимъ, содѣйствуя поддержанію физическихъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ развитію нравственныхъ качествъ. Кромѣ того, Гейнсъ всегда отличался веселымъ расположеніемъ духа; строгій къ себѣ, онъ былъ необыкновенно снисходителенъ къ другимъ“.

— По моему,—продолжалъ Маликовъ,—Фрей на живомъ дѣлѣ доказалъ свой собственный аскетизмъ, достаточно краснорѣчивый... Его маленькая дочка Белла тоже не ѣла мяса и не употребляла соли. Какъ-то я нечаянно разсыпалъ соль по столу, и, вижу, Белла собираетъ ее пальчикомъ и облизываетъ его...—Что ты,

Беллочка, дѣлаешь?—восклицаю я, и пододвигаю къ ней солонку:—возьми, сколько хочешь.

— Нѣтъ, мистеръ Маликовъ, это я такъ... Я не буду. Я шалила,—произнесла она, сконфузившись.

Такъ мнѣ было ее жаль,—но нарушить отцовскія права Фрея надъ ней я не могъ.

Маликовъ продолжалъ:

— Измучилъ всѣхъ насъ Фрей своей системой... Иногда онъ мнѣ казался совершенно сумасшедшимъ человѣкомъ. Любопытны были его уроки съ дочерью. Онъ задавалъ ей слѣдующія задачи: двадцать пять билліоновъ, двѣсти миллiоновъ и сто-двадцать-восемь тысячъ-триста-пятьдесятъ-три единицы помножить на тысячу двѣсти-сорокъ-три билліона, три милліона, сорокъ-девять единицъ... Я не шучу. Все такія числа. Другихъ задачъ не было. Это, видите ли, ближе къ природѣ: нужно вниманіе и терпѣніе, чтобы вѣрно рѣшить такую задачу; а прочія задачи—искусственныя и не развиваютъ въ человѣкѣ его лучшихъ способностей. Плачетъ дѣвочка, слышимъ, а отецъ ходитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ и повторяетъ:

— Пиши же, Белла: ты знаешь таблицу умноженія, и только не хватаетъ у тебя вниманія и аккуратности. Развивай въ себѣ эти стороны и не будь неряхой въ работѣ. Теперь ты невнимательна къ правиламъ умноженія и дѣлаешь ошибки; выростешь большая—будешь по привычкѣ невнимательна къ правиламъ жизни и совершать пороки. Теперь ты пачкаешь тетрадь чернилами, а потомъ будешь пачкать душу свою и поганить ее.

Слышно, дѣвочка еще болѣе рюмитъ отъ этихъ словъ и всхлипываетъ горькими слезами.

— Белла,—замѣчаетъ Фрей сдержаннымъ голосомъ:—перестань и рѣшай задачу. Право, иначе, я вылью на тебя ведро воды.

Белла громко рыдаетъ, и вдругъ мы слышимъ какой-то плескъ и тотчасъ же раздирающій крикъ дѣвочки. Влетаемъ въ комнату и застаемъ Фрея съ пустымъ ведромъ въ рукахъ.

— Вы, мистеръ Фрей, идіотъ! Вы идіотъ!

— Господа,—оправдывался онъ:—долженъ же я былъ сдержать свое слово. Иначе, что̀ же ребенокъ подумаетъ обо мнѣ? Я пригрозилъ облить ее водой и—сдержалъ слово.

— Вы мученикъ ложной системы, мистеръ Фрей, и замучили ею свою жену и дѣвочку.

— Это ужъ позвольте... Это—мое убѣжденіе. Въ среду мы займемся на митингѣ критицизмомъ, и тогда публично обвиняйте меня, а я буду защищаться.

Онъ начиналъ обижаться, но утѣшался по средамъ „критицизмомъ". На митингѣ каждый имѣлъ право критиковать другъ друга и обличать его недостатки.

III.

Наша идея публичной критики и публичнаго осужденія доходила у насъ до смѣшного. Критика вращалась на томъ, что такой-то или такая-то на дежурствѣ плохо вымыла сковородку, много времени идетъ на отдыхъ и т. д. Мелочи эти раздражали насъ, и тѣмъ не менѣе, послѣ критицизма, наступала очередь публичной исповѣди. Кто-нибудь самъ добровольно каялся въ своихъ грѣхахъ передъ коммуной: то онъ гнѣвался на товарища за его придирчивость, и теперь считаетъ нужнымъ просить у него прощенія; то онъ дурно отзывался о другомъ товарищѣ, и тоже считаетъ себя виноватымъ, и т. д.

— Чадимъ мы! Чадимъ!—восклицалъ я съ омерзѣніемъ.— Вмѣсто божьяго дѣла, мы чадимъ, какъ догорѣвшая лампадка.

— Что же дѣлать?—восклицалъ Чайковскій.

— Бѣжать!—въ отчаяніи отвѣчалъ я.—Бѣжать изъ этого добровольнаго ада.

На замѣчаніе о бѣгствѣ изъ коммуны, Фрей упрямо замѣчалъ:

— Такой-то выходъ, мистеръ Маликовъ, всякій укажетъ. Бѣжать! Нѣтъ, не бѣжать, а „сломаться надо". Сломать въ себѣ ветхаго человѣка, чтобы онъ былъ годенъ для коммуны. Сломать сепаратиста въ себѣ и сдѣлать общинника... Коммуна—послѣднее слово жизни, но мы не годны къ ней.

— Что же дѣлать, чтобы вырости до нея?

— Открыться другъ другу во всемъ...

— Мистеръ Фрей!.. Чтобы человѣкъ былъ открытой книгой для другого, надо заслужить его любовь и чтобы онъ чувствовалъ потребность открыть свою душу всѣмъ. По заказу этого нельзя дѣлать.

— Пусть чаще исповѣдуется передъ нами публично, и не обижается на критицизмъ...

— Ахъ, мистеръ Фрей, оставьте судить насъ Христу на небѣ! Онъ—любовь, а всѣ мы жестоки и засудимъ другъ друга.

— Мистеръ Маликовъ! Мы тоже будемъ милосердны, если живемъ во Христѣ и не лжемъ, что исповѣдуемъ его ученіе. Я хочу предложить коммунѣ обсудить еще новые вопросы и оживить нашу духовную жизнь. Зачѣмъ, напримѣръ, шепчутся мужъ

съ женой?—Значитъ, между ними есть интересы выше общественныхъ.

— Разумѣется...

— То-есть, какъ же это такъ?

— Очень просто: я люблю жену больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ.

— Этого не должно быть. Не должно. Вѣдь когда мужъ съ женой идутъ парочкой куда-то отдѣльно отъ прочихъ,—значитъ, они навѣрное перемываютъ бока намъ, и мы должны ихъ исправить „критицизмомъ", или они сами должны исповѣдываться передъ нами всякій разъ, когда они были индивидуалистически настроены.

— О, ужасъ, мистеръ Фрей! Вы по-сектантски разсуждаете, а мы, простые и русскіе люди, такой жизни не вынесемъ. Чтобы мужу съ женой нельзя было имѣть своихъ личныхъ интересовъ и разговоровъ—да это хуже католическаго монастыря!

— Нетерпѣніе, мистеръ Маликовъ. Нетерпѣніе у васъ. Надо дождаться плодовъ коммуны. Подождите и вы увидите, чѣмъ мы станемъ.

— Зачадимъ другъ друга, мистеръ Фрей, и ничего не выйдетъ хорошаго изъ этого преслѣдованія другъ друга съ цѣлью самосовершенствованія.

— Что вы говорите!—запальчиво восклицалъ онъ.—Какъ ничего хорошаго не выйдетъ? Я по себѣ чувствую, что сталъ другимъ. Я былъ офицеромъ генеральнаго штаба въ Россіи и напыщеннымъ молодымъ человѣкомъ, а теперь развѣ я такой?

— Этого можно было бы достигнуть и не въ Америкѣ...

— Да гдѣ же, гдѣ? Гдѣ можно было бы достигнуть той степени совершенства, какая есть въ насъ? У себя на родинѣ я могъ сдѣлаться революціонеромъ или приказнымъ, но никогда послѣдователемъ ученія Конта объ обоготвореніи человѣчества.

Энтузіазмъ Фрея заражалъ и насъ, и мы опять начинали вѣрить въ то, что мы призваны возродить человѣчество и удивить его христіанскимъ образомъ нашей жизни. Безъ Фрея, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, мы бы скорѣе поняли, что разговорами нельзя совершенствоваться, а дѣлъ за нами никакихъ еще не было: не только городовъ, но и собственнаго хутора мы не выстроили себѣ, какъ слѣдуетъ, а внутреннія между нами отношенія то-и-дѣло требовали „критицизма" и „исповѣди"...

— Вы хуже монаха III-го вѣка, мистеръ Фрей!—восклицалъ я, и не зналъ, что предпринять.

— Терпѣніе! терпѣніе!—твердилъ Фрей, утоляя свой голодъ „гигіенической шишкой", ломая ее по кусочкамъ и снова пряча въ карманъ.—Плоды коммунальной жизни потомъ будутъ... Это—послѣднее слово жизни: коммуна.

Онъ дѣйствительно вѣрилъ въ нее и показывалъ намъ собою примѣръ высокаго самоотверженія для общины рядомъ съ мученичествомъ изъ-за крайней послѣдовательности отвлеченной системы. Помню зимнюю ночь съ рѣзкимъ вѣтромъ. Мы всѣ были дома, но и здѣсь холодъ давалъ себя чувствовать намъ. Плохо проконопаченный домъ и неважная одежонка не защищали насъ отъ сквозняковъ, и всѣ мы грѣлись у печи.

— Дрова всѣ!—въ отчаяніи произнесъ Чайковскій.

— Yes!—воскликнули мы, и стали съ полу подбирать щепки и бросать ихъ въ печь.

Огонь быстро поглотилъ тощій и сухой матеріалъ.

— Плохо безъ дровъ... Придется подрогнуть ночью. До завтра погода не перемѣнится... А ѣхать въ лѣсъ за дровами—жутко... Лучше здѣсь позябнуть до утра.

— Господа!—воскликнулъ Фрей:—пустите меня за дровами. Я поѣду.

— Ну, что вы!

— Да, да, пустите...

— Въ такой холодъ-то? Да лошадь не пойдетъ. Вѣдь не замерзнемъ до завтра... Утромъ и дровъ достанемъ.

— Ай, нѣтъ. До утра еще долго, и что за охота зябнуть! Я поѣду. Позвольте мнѣ.

Онъ такъ умолялъ пустить его, что мы наконецъ всѣ согласились.

— Это онъ примѣръ показываетъ коммунѣ,—замѣтила моя жена.—Вотъ, всѣ мы боялись мороза и вѣтра, а онъ, подвязавъ платочекъ, вмѣсто шапки на голову, и въ своей голубой, солдатской шинели ѣдетъ въ лѣсъ за дровами для насъ. Это все на пользу коммуны. Примѣръ людямъ.

Одно время мы всѣ ухватились за Фрея, какъ за якорь спасенія.

— Онъ спасетъ коммуну своей преданностью и вѣрностью идеямъ о самосовершенствованіи,—думали мы;—но ко всѣмъ предыдущимъ невзгодамъ скоро присоединился къ намъ еще „женскій вопросъ", тоже не мало надломившій наши силы. За всѣмъ тѣмъ мы были вполнѣ семейными людьми. Американцы пріѣзжали къ намъ и деликатно освѣдомлялись: не „фри-ловеры" ли мы (послѣдователи свободной любви)? Тонко спрашиваютъ:—

Эта лэди кто же такая?—Жена мистера Чайковскаго, —говоримъ. —А эта лэди?—Жена Фрея.—А эта?—Жена Маликова.—А эти дѣти?—Такого-то,—отвѣчаемъ, и т. д. Разузнавъ, что каждый здѣсь имѣетъ свою жену и дѣтей, насъ оставили въ покоѣ. Американцы въ религіозномъ и семейномъ отношеніяхъ—строгій народъ. Нигдѣ такъ не поставлены высоко религія и семья, какъ здѣсь. Безбожниковъ и развратниковъ никто не потерпитъ по сосѣдству съ собой. Вѣрь во что̀ хочешь, но только не говори, что у тебя нѣтъ никакой религіи; а половая распущенность немыслима даже у Бриггама Юнга или Ноэсса (см. о нихъ „Новая Америка“ Диксона). Едва уладили мы нѣкоторыя затрудненія въ сердечныхъ своихъ дѣлахъ, какъ вдругъ напала на насъ тоска по родинѣ и потребность служить ей... А милая родина продолжала стоять передъ нашими духовными очами съ каждымъ днемъ все отчетливѣе и отчетливѣе. По ночамъ стали бредить ею... То русскую гармонію слышишь, то пѣсни деревенскія, то чудятся наши нивы, покосы, да ширь поднебесная съ жаворонками и ласточками... Въ слезахъ просыпаешься и зовешь жену:—На родинѣ былъ, говорю, и слышу—она плачетъ...·Дѣти встанутъ и заберутся къ намъ на кровати, а мы боимся слово произнесть, сознавая, что оставляемъ дѣтей безъ отечества, ничѣмъ не плѣняя ихъ на чужбинѣ. Лихорадки стали одолѣвать насъ; безсонница напала. Глаза болѣть начали отъ слезъ и нервныхъ страданій... Доктора пригласить хотѣли нѣкоторые изъ насъ. Фрей на дыбы: ни за что. „Это ваши грѣхи и заблужденія перешли въ болѣзнь; освободитесь отъ перваго—и будете здоровы. Оставайтесь въ коммунѣ и забудьте Россію“. Не помню, что̀ тамъ уже онъ развивалъ въ пользу леченія болѣзней духовно, но только хининъ въ то время былъ бы для насъ необходимѣе.

— Однако, по поводу *духовнаго леченія* и Л. Н. Толстой держится того мнѣнія, что, „живя въ заблужденіи, надо знать, что живешь въ болѣзни, которая если еще не появилась, то неизбѣжно появится. Важно еще то, что всякій человѣкъ, подвергаясь болѣзнямъ, несетъ отвѣтственность за заблужденія другихъ, и предковъ, и современниковъ, и что каждый, живя въ заблужденіи, вноситъ болѣзнь и страданія въ другихъ, въ потомковъ и современниковъ. И что каждый, живя безболѣзненно, обязанъ этимъ добрымъ людямъ; и что каждый, освобождаясь отъ заблужденій, излечиваетъ не одного себя, а и потомство, и современниковъ“ (изъ частной переписки Л. Н. Толстого).

— Ну, вотъ это самое!—воскликнулъ Маликовъ, когда я процитировалъ приведенныя строки изъ письма Л. Н. Толстого

къ одному изъ его пріятелей.—Вѣдь Левъ Николаевичъ, по моему, „нигилистъ заднимъ числомъ". Когда я у него былъ и услышалъ его рѣчи о непротивленіи злу силой и т. д., то все это было ранѣе его говорено и мною, и Фреемъ, и другими... Но, разумѣется, онъ—геній, и послѣднее слово осталось за нимъ. Мы его предтечи, но только теперь я такъ рѣзко разошелся съ нимъ во взглядахъ на жизнь... Я вѣдь теперь строго-православный человѣкъ... Весьма далекъ отъ Гегеля и Конта, чтобы выводить изъ ихъ сочиненій христіанскія правила...

IV.

— Сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, что надо изъ Америки бѣжать обратно въ Россію. Разочаровались мы въ самихъ себѣ и всѣ свои силы растратили на критицизмъ и исповѣди, а созданіе нравственной колоніи не подвинулось впередъ. Можетъ быть, мы прожили бы въ Америкѣ долѣе, если бы не питали незамѣтно для самихъ себя нѣжной привязанности къ отдаленной родинѣ. Мы не предчувствовали самихъ себя на чужбинѣ, а между тѣмъ психологическій элементъ въ исторіи нашей колоніи играетъ немаловажную роль. Онъ былъ заключительнымъ въ ней актомъ.

Какъ только мы поняли, что болтать по-англійски—еще не значитъ чувствовать по-англійски, такъ и выяснилось намъ наше отчужденное положеніе въ Америкѣ.

— Мы никогда не сольемся съ этой страной,—первымъ воскликнулъ я.—Американцы терпятъ насъ, потому что мы, изъ-за отрицанія искусственной цивилизаціи, все-таки не ходимъ въ городахъ голыми и у себя въ частной жизни не фри-лоферы... Они съ нами вѣжливы и любезны, но чортъ ихъ знаетъ, что̀ они тамъ, между своими, думаютъ о насъ и что̀ у каждаго у нихъ на душѣ. Въ Россіи я бы узналъ по лицу человѣка и по тону голоса, врагъ онъ мнѣ или другъ; а по лицу американца я никогда не научусь читать, жуликъ онъ, или онъ считаетъ меня самого жуликомъ? Это убійственно—жить въ такой средѣ.

— Да,—поддержалъ меня Чайковскій:—въ Россіи я издали по физіономіи узнаю чиновника, по платью—купца и мужика, а здѣсь намъ долго не привыкнуть различать людей и чувствовать себя своимъ человѣкомъ среди нихъ.

— Мы почву теряемъ,—соглашались и прочіе колонисты.—Вотъ онъ, вашъ космополитизмъ, мистеръ Фрей.

Помню, въ одну изъ такихъ минутъ, моя жена, со слезами на глазахъ, прочла стихотвореніе Лермонтова: „Люблю отчизну я, но странною любовью...“ Что сдѣлалось съ нами, когда она закончила стихотвореніе!.. Даже дѣти были блѣдны и испуганы тѣмъ, что мы зарыдали и бѣжали изъ дому. Каждый хотѣлъ остаться наединѣ, и затѣмъ, сойдясь вновь, мы уже боялись напоминать другъ другу о Россіи, точно это была глубокая сердечная рана, которую всѣ знаютъ и не говорятъ о ней. Такъ мы тосковали по родинѣ. Такъ ненавидѣли мы подъ конецъ космополитизмъ. „Гдѣ родился, тамъ и пригодился“,— говоритъ русскій мужикъ, и мы это почувствовали на себѣ, какъ только испытали разлуку съ родиной и жизнь среди иностранцевъ. Въ голову не приходило намъ ранѣе, что тоска по родинѣ можетъ развиться въ болѣзнь, и тогда откажешься на чужбинѣ отъ всѣхъ „послѣднихъ словъ науки“, чтобы только не разлучаться съ отчизной. Чаще и чаще возникали среди насъ разговоры о возвращеніи въ Россію.

— Мы здѣсь только чадимъ догорѣвшимъ въ лампадкѣ масломъ,—восклицалъ и Чайковскій.—Вы, мистеръ Фрей, иногда мнѣ кажетесь умнымъ человѣкомъ, а иногда—хуже византійскаго попа. Это „послѣднее слово жизни—коммуна“ не дается намъ.

Во мнѣ онъ находилъ горячее сочувствіе своему отчаянію.

— На живомъ дѣлѣ,—замѣчалъ я во всеуслышаніе,—мы оказались совсѣмъ не „совершенствомъ“, а такими же жалкими и слабыми людьми, какъ и прочіе. Мы не только не показали имъ примѣръ того, какъ надо работать, но и настроеніемъ своимъ въ сношеніяхъ между собой мы не можемъ похвастаться. Мы истязали себя подвижничествомъ, и никто ему не будетъ слѣдовать; а истязали себя потому, что негодны безъ государства для новой, на своихъ собственныхъ ногахъ, жизни. Мы всѣ воспитались подъ опекой организованнаго порядка и на его счетъ питались и выросли; поздно уже становиться на свои ноги, какъ это обнаруживается теперь на живомъ дѣлѣ. Мы—дѣти стараго міра, и должны вернуться туда же.

Фрей истощилъ всѣ свои силы, чтобы удержать насъ въ коммунѣ. Онъ поступился даже нѣсколькими принципами. Было время, когда онъ раздѣлялъ мой взглядъ о „пассивномъ протестѣ“ и необходимости бороться со зломъ любовью, великодушіемъ и собственной мукой за него. Когда же меня осѣнила мысль о томъ, что человѣкъ, кромѣ души, имѣетъ еще грѣшное тѣло, и что послѣднее убѣждается и направленной противъ него

силой, то Фрей создалъ „пассивное насиліе", о которомъ и писалъ Толстому въ слѣдующихъ словахъ...

Маликовъ развернулъ брошюру Рейнгардта и прочелъ въ ней извлеченіе изъ упомянутаго письма: „Безусловно отрицая активное насиліе, направленное противъ кого-либо во имя исправленія отъ зла, мы въ то же время признаемъ необходимость *пассивнаго насилія,* когда сильный человѣкъ становится между лицомъ, наносящимъ вредъ, и слабымъ существомъ, чтобы защитить послѣднее. Даже если человѣкъ убѣжденъ, что всякое физическое противодѣйствіе злому дѣйствію есть зло, даже и тогда онъ долженъ всѣми зависящими отъ него средствами защищать слабаго, потому что безучастное отношеніе къ насилію, совершаемому надъ слабымъ, есть еще большее зло. Поставленный въ необходимость допустить насиліе надъ злымъ, онъ долженъ изъ двухъ золъ выбрать меньшее, такъ какъ насиліе надъ злымъ, даже погибель его, будетъ менѣе вредна для человѣчества, чѣмъ страданія или погибель слабаго существа, нуждающагося въ защитѣ".

— Разумѣется,—сказалъ Маликовъ, положивъ брошюру на прежнее ея мѣсто:—это было уже совершенно мірское ученіе о борьбѣ со зломъ силой, но только подъ именемъ „меньшаго зла". Въ мечтательный періодъ моей проповѣди о богочеловѣкахъ, я не допускалъ мысли о выборѣ изъ двухъ какого-либо зла, а прямо указывалъ на любовь къ людямъ во всѣхъ случаяхъ. Фрей удерживалъ насъ всѣми силами въ Америкѣ, но эти силы имѣли уже минутную власть надъ нами. Къ духовному леченію насъ онъ придумалъ частыя бани тоже на философско-христіанской подкладкѣ. Постоянная чистота тѣла должна была вліять на остроту и воспріимчивость чувствъ, необходимыхъ для исправленія жизни. Но и бани наши были устроены по-фреевски: чтобы не было въ нихъ ничего искусственнаго, мы наливали бочки водой и накаливали въ печи камни до-красна. Затѣмъ опускали ихъ въ бочку съ водой и сами туда садились. Такъ мы умягчали свою душу,—горько усмѣхнувшись, замѣтилъ Маликовъ.—Этой же баней мы лечили себя и отъ грѣховъ, и отъ лихорадки, пока, однажды, Чайковскій не выскочилъ изъ бочки и не закричалъ:—Хинину мнѣ! хинину давайте!

Мелочность нашихъ дѣлъ становилась все очевиднѣе для коммуны. Наконецъ, разговоры перестали занимать насъ и смолкли. Ни критицизмъ, ни добровольная исповѣдь, ни гимны къ восходящему солнцу, ни духовное леченіе въ банныхъ бочкахъ—не заглушали уже сознанія о томъ, что мы всѣмъ этимъ только тѣшимъ самихъ себя, какъ и современные толстовцы, вообра-

жающіе отъучить человѣка отъ пороковъ резиновыми калошами и травяной пищей...

Наконецъ и Фрей сказалъ намъ:

— Уѣзжайте!.. А я буду хранить ключи отъ хозяйства здѣсь и ждать обратно васъ къ себѣ. Я останусь ключникомъ здѣсь, и вѣрю, что выше коммуны ничего не можетъ быть на свѣтѣ, и что, по минованіи острой боли на первыхъ порахъ разлуки съ родиной, вы опять пріѣдете сюда. Я—ключникъ, и хозяйство ждетъ васъ.

— Бѣдный мечтатель! Такъ и не дождался онъ насъ. Я уѣхалъ съ семьей въ Россію и поступилъ въ Пермь на желѣзнодорожную службу; Чайковскій оставался нѣкоторое время еще въ Америкѣ, переходя изъ одного штата въ другой, и, наконецъ, переѣхалъ въ Лондонъ, примкнувъ къ общеевропейскимъ движеніямъ. Не легко было ему разставаться съ идеями о христіанской коммунѣ, и еще труднѣе было примкнуть къ интересамъ европейскаго пролетаріата и отказаться отъ работы въ Россіи надъ ея историческими задачами. Не легко было ему осилить себя, и какъ бы онъ былъ счастливъ промѣнять тогда свое положеніе въ Лондонѣ на самое скромное гдѣ-нибудь въ уголкѣ Россіи... Удивительное это дѣло: величайшими патріотами мы чувствуемъ себя на чужбинѣ!

Чайковскій, по словамъ Маликова, чрезвычайно страдалъ тоской по родинѣ, въ особенности когда коммуна въ Америкѣ распалась и онъ навсегда поселился въ Лондонѣ.

— Его письма ко мнѣ,—сказалъ Маликовъ,—были ужасны. Онъ нигдѣ прямо не просилъ меня хлопотать о возвращеніи его въ Россію, потому что не надѣялся на возможность вернуться домой. Но я читалъ его письма о томъ, какъ онъ боленъ, какъ сейчасъ жена подняла его съ полу въ обморочномъ состояніи, и т. д.,—и понималъ причину его нездоровья. Онъ и самъ говорилъ, что еслибы ему удалось взглянуть еще разъ на родину, то онъ былъ бы и здоровъ, и счастливъ. Одно изъ его писемъ такъ было трогательно, что я послалъ его въ Петербургъ, къ тому самому лицу, къ которому всегда обращался въ самыя трудныя минуты своей жизни. Я получилъ отвѣтъ, общій смыслъ котораго я помню приблизительно. „Вижу,—писалъ онъ:—вашъ пріятель боленъ, да и всѣ вы больны... Лечить васъ нужно, но лечить умѣло. Я все думаю, что̀ бы сдѣлать для вашего пріятеля. Вы пишете, что онъ хочетъ переѣхать изъ Лондона въ Парижъ. Вотъ я и направлю тогда къ нему довѣренное лицо, живущее въ Парижѣ. Онъ сообщитъ мнѣ о Чайковскомъ необ-

ходимыя свѣдѣнія, и сообща что-нибудь придумаемъ для его возвращенія на родину". Къ несчастію,—прибавилъ Маликовъ,— Чайковскій въ Парижъ не поѣхалъ, а понесла его нелегкая, кажется, въ Италію, затѣмъ обратно въ Лондонъ, гдѣ и до сихъ поръ онъ проживаетъ, грустно разговаривая съ своей дочкой: „Мы, Варюшка, съ тобой революціонеры, да безрогіе"...

Что касается Фрея, то и онъ вскорѣ переѣхалъ въ Лондонъ. Въ брошюрѣ г. Рейнгардта мы читаемъ объ этомъ слѣдующее:

„Гейнсъ съ своей семьей и съ своими учениками, которые слѣдовали за нимъ изъ Америки, помѣстился въ самой отдаленной части Лондона: всѣ они наняли общую квартиру и стали жить на братскихъ началахъ. Все, что̀ каждый имѣлъ или зарабатывалъ, обращалось въ общую кассу. Каждый обязанъ былъ работать сообразно своимъ силамъ и участвовалъ въ общемъ имуществѣ сообразно своимъ потребностямъ, которыя, однакоже, были очень ограниченны. Эта скромная община завела небольшую типографію, на которую Фрей возлагалъ большія надежды относительно того, что она доставитъ для всѣхъ членовъ общины средства къ существованію, но эти надежды были напрасны, потому что типографія, находясь въ отдаленной и бѣдной части Лондона, большой работы не находила. Чтобы увеличить свой доходъ, община занялась еще и приготовленіемъ особеннаго хлѣба, который находилъ сбытъ между вегетаріанцами Лондона; но успѣшности сбыта препятствовала опять-таки отдаленность пекарни. Начиная съ Гейнса, всѣ члены этой общины отличались необыкновенной простотой жизни и умѣренностью въ своихъ потребностяхъ. Они употребляли два раза въ день самую скудную пищу, не допуская при этомъ никогда мяса, чая, кофе и алкоголя во всевозможныхъ видахъ. Содержаніе человѣка не превышало въ общинѣ Гейнса восьми су, а во времена особенно критическія, при плохихъ доходахъ отъ типографіи и пекарни, доходило даже до шести. Но и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Гейнсъ находилъ возможнымъ удѣлять кое-что въ пользу благотворительности и принимать участіе во взносахъ въ кассу позитивистскаго общества, считая это своей нравственной обязанностью. Такая жизнь, какую вели Фрей съ своей семьей и съ своими компаніонами, возбуждала удивленіе даже англійскихъ рабочихъ, которые видѣли около себя, да и сами испытали крайнюю бѣдность. Но не всѣ компаніоны вынесли подобную жизнь: одни уѣхали въ Америку, а другіе захворали".

У самого Фрея къ болѣзни сердца присоединилась болѣзнь легкихъ, и 5 ноября 1888 года его не стало.

Въ Англіи смерть Фрея почтили члены многихъ ученыхъ обществъ теплымъ словомъ, а у насъ о немъ почти ничего неизвѣстно въ образованномъ обществѣ. Между тѣмъ, Фрей являетъ собою типичнаго и благороднѣйшаго представителя отвлеченной системы: „vivre pour autrui“. Умеръ онъ, какъ сказано, въ страшной бѣдности, а дочка его, Белла, вскорѣ стала ярой католичкой... Въ Америкѣ она ничего не слышала о религіи, а все только о коммунѣ; а въ Англіи она увидѣла католицизмъ и плѣнилась его торжественностью и могуществомъ надъ народами. То же самое случилось, говорятъ, и съ дочерью Герцена, когда она уже взрослой въ первый разъ пришла въ храмъ и упала въ обморокъ отъ волненія охватившихъ ее чувствъ.

V.

— Теперь, Александръ Капитоновичъ,—сказалъ я,—мнѣ становится яснымъ процессъ, который привелъ васъ на старый путь къ православію, и вы нашли здѣсь спасительный портъ для своего корабля въ буряхъ житейскаго моря.

— Да,—увѣренно и радостно воскликнулъ Маликовъ:—я вошелъ въ портъ. Конецъ мыканью. „Отче нашъ“ и „Символъ православной вѣры“—вотъ чего недоставало для жаждущихъ познать Бога-Отца, Сына-Христа и Духа Святого, а черезъ нихъ—наши обязанности къ людямъ. Я подробно скажу вамъ о себѣ, какъ я былъ спасенъ отъ сумасшествія или преступленія. Это было въ 1881 году... Тяжело мнѣ давалась истина. Ахъ, какъ тяжело! Послѣ того, какъ тріада Гегеля и христіанство Конта не научили меня христіанству, я былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Я не зналъ, что̀ думать о какомъ-либо вопросѣ или событіи. Съ нигилистической точки зрѣнія я уже отвыкъ обсуждать жизнь, а научную мы провѣряли въ Америкѣ съ Фреемъ, и ничего изъ нея не вышло. Довольствоваться скептицизмомъ я не могъ уже въ силу страстности моей натуры. Мнѣ нужно было твердое основаніе для жизни, а не скептицизмъ. Ученіе Л. Н. Толстого было повтореніемъ мое гопрошлаго и дальнѣйшимъ его развитіемъ въ болѣе талантливой формѣ. Я искалъ новой точки опоры и, наконецъ, нашелъ ее въ православіи. Я перепугалъ всѣхъ своихъ домашнихъ восторгомъ и радостью, когда вдругъ громко провозгласилъ молитву святого Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не дажди ми. Духъ же

цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему". Едва я произнесъ эти святыя слова, мнѣ вдругъ стало ясно, чего собственно не хватало намъ въ американской коммунѣ и чего недостаетъ мнѣ самому въ настоящее время. Я вдругъ нашелъ себѣ опять цѣль жизни и мгновенно сталъ счастливымъ. Я былъ ранѣе празднословъ, мечтателенъ и унылъ, жизнелюбъ, а теперь я понялъ, что въ цѣломудріи съ женщиной, смиренномудріи передъ каждымъ смертнымъ, въ терпѣніи и любви заключается наша побѣда надъ собою, и что мы всѣ были до сихъ поръ очень далеки отъ этого. Мы сдѣлали сами себя совершенствомъ, поклонялись человѣку и молились ему, а онъ—червь, какъ былъ, такъ и остался. „Владыкѣ живота моего"—вознеси молитвы о цѣломудріи, смиренномудріи и любви! Такъ немного нужно для истиннаго прогресса!—воскликнулъ Маликовъ, воодушевляясь.—Нѣсколько словъ... Какъ словъ!.. Ни одна наука не говорила такія слова, а они формулируютъ собою всѣ науки вмѣстѣ. Какъ только я почуялъ, что мудрость сокрыта въ священномъ преданіи и писаніи, такъ тотчасъ же православіе овладѣло моей душой съ неодолимой силой. Нѣтъ науки выше его; нѣтъ искусства, которое бы сравнилось съ художественностью и выразительностью священнаго текста; нѣтъ выше обязанности на землѣ, чѣмъ обязанность православнаго священника, замѣстителя Христа...

На этотъ разъ увлеченіе Маликова православіемъ заинтересовало меня болѣе, чѣмъ весь его предыдущій разсказъ о себѣ. Я сталъ дѣлать ему возраженія и вопросы.

Онъ энергично продолжалъ:

— Я вѣрю въ Бога Отца, Вседержителя; въ Іисуса Христа Сына Божія, нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшагося; въ Духа Святаго, Господа Животворящаго и въ Соборную, Апостольскую Церковь. Вотъ мое православіе. Очеловѣченіе Христа—не исключаетъ Его божественности... Въ православномъ ученіи о Богѣ такъ все ясно и убѣдительно для тѣхъ, кто ищетъ Бога и любитъ Его. Но прежде нужно полюбить Его, а потомъ вы и увѣруете въ Него... Точно такъ, какъ въ личной жизни: мы вѣримъ въ женщину только тогда, когда полюбимъ ее всѣми силами души. Полюбите же Бога-Отца, Сына и Святаго Духа. Богъ реализировался трояко, и здѣсь чуда столько же, сколько всюду его и въ нашемъ собственномъ бытіи на землѣ, и въ исчезновеніи съ нея. На землѣ все чудо, и троичность Бога—такое чудо, котораго нельзя не любить. А полюбите—будете вѣрить и молиться Ему. Но

вы и полюбите Его. Все человѣчество полюбитъ православнаго Бога... Если теперь исламъ или буддійское исповѣданіе числитъ за собою болѣе адептовъ, чѣмъ православіе, то будущее принадлежитъ все-таки православію. Вы еще не чувствуете, какъ все въ православной вѣрѣ нужно человѣку... Вы не до конца испытали опасность потерять ясность ума, а я знаю это горе... Только православіе спасетъ меня и успокоитъ и умъ мой, и душу, но не люди. Они жестоки, и не ихъ боготворить слѣдуетъ, но то, что̀ выше ихъ, безсмертнѣе и человѣчнѣе человѣка... На землѣ мы только въ гостинницѣ. Проживемъ мы здѣсь два-три дня, и стоитъ ли для нихъ такъ устроиваться, и такъ дорожить авторитетами науки, мнѣніями друзей и т. д.?

— О чемъ же тогда заботиться, Александръ Капитоновичъ?

— О душѣ, другъ мой. Не поганьте ее этими заботами объ „общихъ условіяхъ жизни" и перенесите центръ тяжести въ душу свою. Многое, что̀ теперь творится для „общихъ условій жизни", покажется тогда и гнуснымъ, и безчеловѣчнымъ.

— Вы говорите какъ Толстой...

— Во многомъ да, во многомъ—нѣтъ... Толстовцемъ я былъ тогда, когда и самъ Толстой имъ не былъ. Тогда, въ семидесятыхъ годахъ, я изъ христіанства создалъ какое-то сентиментальное ученіе о непротивленіи и любви ко всѣмъ; а теперь, съ переходомъ въ православіе, я вижу, что ученіе Христа мощно не только духомъ, но и тѣломъ. Государство также нуждается въ Богѣ, а Л. Толстой не нуждается въ государствѣ. Организовать добро принудительно—онъ не допуститъ въ своей философіи. А между тѣмъ Христосъ противъ зла ополчается, какъ настоящій воинъ: торгашей изгоняетъ силой изъ храма, безплодную смоковницу приказываетъ сжечь, зерна ссыпать въ амбары, а солому спалить... Вотъ и преподобный Сергій благословилъ именемъ Христа Дмитрія Донского на татаръ, а они двѣсти лѣтъ были нашимъ законнымъ правительствомъ. Значитъ, этому праведнику не запрещало ученіе Христа обнажать мечъ тамъ, гдѣ это было нужно... „Лежитъ сей на паденіе и возстаніе многихъ", сказалъ Симеонъ Богопріимецъ, а мы какое-то непротивленіе проповѣдуемъ. Христіанство превратили въ сентиментализмъ, тогда какъ оно животворитъ и личность, и государство.

— Но въ государствѣ нужны и суды, и тюрьмы, и наказанія...

— Что̀ же изъ этого? Въ человѣкѣ гуляетъ не только доброе, но и злое. Вотъ и бей его палкой и тюрьмой... Чего же это церемониться съ плотью-то, когда она манитъ меня на грѣхъ и

преступленіе. Мстить ей не надо и вымещать на ней свою злобу, а укротить ее и подчинить разуму—необходимо. Сочиненное Толстымъ христіанство этого не позволяетъ, а въ православіи строго различается христіанинъ отъ преступника, добродѣтельный человѣкъ отъ порочнаго. Послѣдній не имѣетъ права на потаканье ему. Пусть онъ почувствуетъ на себѣ всю силу гнѣва людей на его порокъ, и пусть онъ исправится. Непротивленіемъ мы его развратимъ еще болѣе и убьемъ совсѣмъ его пониманіе о дозволенномъ и недозволенномъ. Принудить его надо не нарушать интересы всѣхъ, если онъ самъ не догадывается. Для того и существуетъ государство, и православіе не противится принужденію человѣка къ добру силой.

— Въ этомъ духѣ,—сказалъ я,—проповѣдуетъ православіе въ русской журналистикѣ и Левъ Тихомировъ.

При упоминаніи о немъ, Маликову стало какъ-то не по себѣ.

— Вы какъ на него смотрите?—продолжалъ я.—Вѣрите ли вы въ его раскаяніе и преданность православію?

— Представьте, что не вѣрю,—грустно отвѣтилъ Маликовъ. — Говорятъ, что Тихомировъ подвергаетъ себя аскетизму, и все-таки я не вѣрю въ его православіе. Въ книгѣ „Почему я пересталъ быть революціонеромъ"—онъ признается, что по существу онъ не могъ быть измѣнникомъ въ революціонной партіи, такъ какъ никогда не раздѣлялъ всецѣло ея ученія, и потому переходъ его къ охранителямъ вполнѣ естественъ. Но онъ предлагаетъ прежде увѣровать въ попа, а потомъ въ Бога...

— Ваше ученіе о смыслѣ жизни тоже очень земное, Александръ Капитоновичъ. Оно и судитъ, и наказываетъ преступника...

Маликовъ сердито сверкнулъ на меня глазами, но, сдержавшись, отвѣтилъ:

— Православіе—не сентиментализмъ Л. Н. Толстого. Оно должно побѣдить міръ...

— На чемъ же вы основываете такое предсказаніе?—спросилъ я.

— На природѣ православія. Оно вмѣщаетъ въ себѣ всякую философію, и въ ней найдутъ себѣ удовлетвореніе и фетишистъ, и магометанинъ, и аскетъ. Человѣкъ вѣдь въ одно время и фетишистъ, и магометанинъ, и христіанинъ-постникъ. Все это есть въ православіи: фетишистъ найдетъ богатую символистику, которой онъ и поклонится; магометанинъ встрѣтитъ благословеніе въ любви къ женщинѣ и право обнажить мечъ въ защиту своихъ интересовъ, но безъ мести врагу; аскетъ-постникъ встрѣтитъ идею человѣколюбія и воздержанія. Нѣтъ такой философіи, ко-

торую бы православіе не вмѣщало; нѣтъ людей, которыхъ бы оно не удовлетворяло, со всѣми своими формальностями... Вы ихъ не чувствуете еще... А вотъ къ моимъ годамъ, послѣ того, какъ жизнь помнетъ васъ и самую смерть будешь ждать съ любовью, вы почувствуете, что человѣку нужно все въ православіи: и духъ его, и формы. Такъ-то,—закончилъ Маликовъ свою бесѣду:—долго я блуждалъ вокругъ и около Бога, пока вдругъ не наткнулся прямо лицомъ къ лицу съ Нимъ. Со всякимъ это случается „вдругъ"... Самая встрѣча-то. Но чтобы почувствовать и полюбить Его при встрѣчѣ, нужны годы страданій и неослабленная потребность кого-нибудь любить, кому-нибудь вѣрить и чему-нибудь въ своей жизни молиться. Православіе—все даетъ человѣку и, въ свою очередь, беретъ его всего, съ наукою, съ государствомъ и безсмертной душой...

Я не сомнѣвался въ искренности Маликова и, главное, въ томъ, что онъ достигъ душевнаго порта и былъ счастливъ. Я зналъ, что по тѣмъ же путямъ, по которымъ онъ ходилъ всю жизнь, идетъ множество интеллигентныхъ людей. Православіе дѣтскихъ лѣтъ вытѣснялось у нихъ нигилизмомъ; нигилистическое направленіе перерождалось въ революціонное; послѣднее—въ метафизическое христіанство; а затѣмъ измученный человѣкъ сознательно переходилъ въ православіе, внося въ него всю силу неудовлетворенной жизни предыдущихъ лѣтъ, по народному замѣчанію, „что въ колыбелькѣ—то и въ могилку"... Этотъ типъ людей, ищущихъ всю жизнь правды, полагаю, не безъинтересенъ для характеристики нѣкоторой части русскаго общества за послѣдніе годы.

Смерть А. К. Маликова 8-го марта текущаго года вызвала въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" отъ 12-го марта слѣдующія сочувственныя строки:

„По отзывамъ лицъ, знавшихъ покойнаго, онъ былъ человѣкъ рѣдкихъ нравственныхъ достоинствъ и высокихъ душевныхъ качествъ. Отличаясь цѣльнымъ характеромъ, онъ до конца жизни сохранилъ неприкосновенными лучшія черты юношескаго идеализма. Послѣднее время покойный служилъ при постройкѣ полоцкъ-сѣдлецкой линіи, въ качествѣ агента по отчужденію имуществъ, и пользовался не только любовью своихъ сослуживцевъ, но и большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго крестьянскаго населенія, съ которымъ ему много приходилось сталкиваться по дѣламъ службы и къ нуждамъ котораго онъ относился всегда внимательно. Умеръ А. К. Маликовъ отъ сыпного тифа, заразившись, двѣ недѣли назадъ, при служебныхъ разъѣздахъ по де-

ревнямъ виленской губерніи. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ интересныхъ и характерныхъ участниковъ и свидѣтелей провинціальнаго оживленія и подъема духа, охватившихъ русское общество въ семидесятыхъ годахъ. Послѣ покойнаго осталась большая семья, въ томъ числѣ трое малолѣтнихъ дѣтей, безъ всякихъ средствъ существованія".

Въ заключеніе нашихъ воспоминаній о „семидесятникахъ", въ лицѣ „маликовцевъ", не безъинтересно будетъ привести о нихъ мнѣніе гр. Л. Н. Толстого, предшественниками котораго они несомнѣнно были и съ которымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ мнѣ пришлось разговориться о нихъ. Его мнѣніе о нихъ я помѣстилъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ, вскорѣ послѣ смерти А. К. Маликова, и теперь повторю изъ того некролога нижеслѣдующія слова гр. Л. Н. Толстого:

„Все, что отвращаетъ человѣка отъ насилій и отъ свободы страстей къ дисциплинѣ надъ собственной природой,—имѣетъ непосредственную связь. За Маликовымъ всегда останется заслуга въ томъ, что онъ почувствовалъ всю мерзость прежней жизни, и его потянуло къ христіанской, вопреки господствующимъ въ то время мнѣніямъ о прогрессѣ... Такіе люди мнѣ милы. Но Маликовъ не остановился на этомъ, и какъ въ Америкѣ, такъ и въ Россіи, его послѣдователи приравняли божественное ученіе къ земному; предметъ вѣры обратился у нихъ въ средство для достиженія временныхъ и житейскихъ цѣлей: въ Америкѣ—для устройства коммунистической колоніи, а совершенствованіе духа ушло куда-то въ сторону... Въ семидесятыхъ годахъ очень злоупотребляли Евангеліемъ для общественныхъ цѣлей: то для бунта, то для мирной коммуны. Забывалось, что евангелизмъ—долженъ быть дѣломъ личнаго для каждаго человѣка совершенствованія... Восходитъ эта потребность возрожденія къ человѣку таинственно; онъ начинаетъ стремиться къ нравственной чистотѣ и удаленію отъ участія въ худыхъ дѣлахъ... Вотъ тутъ Евангеліе ему и нужно. Въ семидесятыхъ годахъ эту святую книгу превратили во внѣшнее условіе нашей жизни, а для души ничего не оставили. Я часто думалъ,—оживленно воскликнулъ Толстой:—отчего это христіанское движеніе семидесятыхъ годовъ сошло на нѣтъ? „Маликовцы" уѣхали въ Америку и потомъ вернулись въ Россію совершенно обезличенными людьми... Не стоило ѣздить такъ далеко, чтобы исповѣдывать то, чѣмъ они теперь, на старости лѣтъ, „утѣшаются". Когда всѣ люди станутъ христіанами, то и всѣ общественныя цѣли—„для другихъ людей"—осуществятся сами собою; но люди достигнутъ этого только тогда, когда увле-

ченіе евангельскимъ ученіемъ будетъ нужно имъ само по себѣ, а не только ради соціальныхъ цѣлей. Послѣднія могутъ и не осуществиться, но евангельское ученіе должно остаться для человѣка на всю жизнь. Въ средѣ „маликовцевъ“ смотрѣли, насколько мнѣ извѣстно, иначе на возрожденіе человѣка. Когда они не могли устроиться въ Америкѣ, по недостатку умѣнья трудиться въ коммунѣ и жить въ мирѣ между собой, они вернулись въ Россію безъ Евангелія. Разстроилась коммуна—и все дѣло ихъ разстроилось... Вотъ какъ мнѣ представляется это дѣло Маликова, умолкшее въ русскомъ обществѣ такъ быстро и безъ преемственности. Еслибы эти люди ставили евангельское самосовершенствованіе дѣломъ личнымъ и обязательнымъ для каждаго человѣка, чтобы его вѣрованіе не шло въ разрѣзъ съ его образомъ жизни, то такое дѣло не могло бы имѣть конца и жило бы въ нихъ самихъ и по возвращеніи на родину, привлекая на свой свѣтъ множество другихъ людей. Но эти люди были отъ міра сего и, по возвращеніи въ Россію, слились въ немъ во всемъ“...

А. Фаресовъ.

СИБАРИТЪ

РАЗСКАЗЪ.

— John Henry Mackay. Der Sybarit. Berlin, 1903.

Когда я вспоминаю эту осень, эту чудную, мягкую, спокойную осень, полную такой неизъяснимой красоты, меня невольно охватываетъ чувство глубокой и спокойной радости. И я вновь переживаю тѣ дни, когда сердце мое билось такъ неспокойно, душа исполнена была печали, и я тѣмъ не менѣе не могъ не сознавать торжественной красоты медленно умиравшей вокругъ меня природы...

Это было въ Женевѣ, городѣ, такъ величественно раскинувшемся по берегу одного изъ красивѣйшихъ озеръ міра,—гдѣ чувствуется уже первое дуновеніе южнаго веселья и задора.

Никогда, казалось мнѣ, не видѣлъ я ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ это синее небо, глубокія темно-зеленыя воды этого обширнаго бассейна и ослѣпительно бѣлыя, блестящія ледяныя поля Монблана, казавшагося столь близкимъ, въ дѣйствительности же столь далекаго.

Но отъ всего этого великолѣпія вѣяло уже первымъ дыханіемъ грусти, когда я познакомился съ нимъ, — быть можетъ даже неинтереснымъ и навѣрное незначительнымъ, но безъ сомнѣнія счастливѣйшимъ, вѣрнѣе сказать—сознательно-счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать.

Еще теперь на мнѣ сказывается его вліяніе, и уже сейчасъ, нанося на бумагу первыя строки моихъ воспоминаній о

немъ, я чувствую, что слова мои становятся спокойнѣе, что біеніе моего сердца становится менѣе торопливымъ и болѣе ровнымъ.

Эта маленькая работа будетъ для меня источникомъ большой радости. Я чувствую это. Ибо я записываю это и для себя,— быть можетъ, главнымъ образомъ для себя...

Какъ я познакомился съ нимъ?—Уже въ этомъ первомъ знакомствѣ было не мало страннаго.

Я стоялъ въ одномъ французскомъ книжномъ магазинѣ и говорилъ съ владѣльцемъ фирмы объ одной нѣмецкой книгѣ. Прислонившись къ одному изъ боковыхъ столиковъ, стоялъ спиной ко мнѣ какой-то пожилой человѣкъ. Я замѣтилъ, какъ, спустя нѣкоторое время, одинъ изъ приказчиковъ, знавшій меня, подошелъ къ нему и, указывая на меня, что-то сказалъ; незнакомецъ бросилъ книгу, которую онъ перелистывалъ, и направился ко мнѣ.

Мнѣ сразу бросилось въ глаза его удивительно интересное лицо, худое, безбородое, съ рѣзко обозначеннымъ подбородкомъ и носомъ и высокимъ лбомъ; изъ-подъ нависшихъ бровей на меня смотрѣли глаза, исполненные такого всепроникающаго спокойствія и такого глубокаго внутренняго счастья, какихъ я никогда не видѣлъ. И подавая мнѣ обѣ свои руки,—это были большія, широкія и мягкія руки,—онъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ два раза повторилъ, сперва по-французски, потомъ по-нѣмецки:

— Что за радость! Что за радость!

Я вопросительно взглянулъ на владѣльца магазина.

— Господинъ Германнъ!—сказалъ онъ.

Между нами завязался разговоръ.

Я плохо помню, о чемъ мы говорили.

Онъ читалъ мои книги, онъ читаетъ теперь такъ много— что за грустныя книги!—Какъ красива Женева, не правда ли?— не подарю ли я ему немного времени?—и не соглашусь ли поужинать съ нимъ?

Я молча согласился съ его сужденіями и принялъ его приглашеніе. Я уже чувствовалъ себя подъ его обаяніемъ и уже отдавался ему.

Мы отправились.

Выйдя на улицу, онъ остановился передо мной и испытующе посмотрѣлъ на меня; я невольно усмѣхнулся.

— Наконецъ-то я вспомнилъ,—сказалъ онъ:—я знаю васъ. Я уже васъ разъ видѣлъ.

Онъ назвалъ мѣсто и день, когда, по его словамъ, произошла наша первая встрѣча; это было возможно.

Но не онъ одинъ наблюдалъ за мной; и я, идя рядомъ съ нимъ, присматривался къ нему.

Въ его костюмѣ прежде всего бросались въ глаза удивительныя простота и удобство его: свободные башмаки и панталоны, широкій черный кушакъ, красная шолковая рубашка (безъ крахмаленнаго воротника и безъ жилета), перевязанная длиннымъ англійскимъ галстухомъ, удобная куртка, мягкая войлочная шляпа и легкая палка—таковъ былъ его внѣшній видъ.

Рядомъ съ простотой костюма сразу обращали на себя вниманіе спокойная плавность и непринужденность всѣхъ его движеній: ни малѣйшей поспѣшности, ничего угловатаго, нервнаго. Онъ шелъ медленнымъ шагомъ, но это была медленность намѣренная, сознательная, не имѣющая ничего общаго съ вялостью... Это была походка человѣка, которому незачѣмъ спѣшить, котораго ничто не безпокоитъ, человѣка, который въ себѣ самомъ носитъ источникъ великой радости и не хочетъ испортить себѣ наслажденія этой радостью излишней поспѣшностью...

Я долженъ былъ умѣрить свои обыкновенно торопливые шаги, и сдѣлалъ это не неохотно..

Мы перешли черезъ большой мостъ, и свѣтлые, широко открытые, радостные глаза моего спутника замѣчали повидимому все, и озеро, и людей, и не разъ останавливался онъ на мѣстѣ, словно не могъ достаточно налюбоваться разбросанными вокругъ насъ красотами природы.

Въ то же время мы продолжали непринужденно болтать.

Онъ повелъ меня въ „Taverne anglaise“, этотъ простой, но удивительно уютный маленькій ресторанъ съ его оригинальной кухней: его англійскими гренками, нѣмецкими овощами и французскими винами.

Я терпѣть не могу большихъ пансіоновъ, гдѣ въ комнатахъ вѣчно стоитъ запахъ жира и посѣтители за общимъ столомъ толкаютъ другъ друга локтями, и поэтому я уже въ теченіе шести недѣль обѣдалъ въ пивныхъ и ресторанахъ, и дорого платилъ за плохую ѣду.

Итакъ, я прежде всего благодаренъ и даже очень благодаренъ ему за эту таверну, такъ какъ за все время пребыванія моего въ Женевѣ я уже никогда не обѣдалъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

Въ этотъ вечеръ мы взяли общій обѣдъ, но вмѣсто обычнаго столоваго краснаго вина спросили себѣ другого, лучшаго.

Прислуга въ этой тавернѣ относилась къ моему собесѣднику съ явнымъ предпочтеніемъ, и если это предпочтеніе относилось къ его манерѣ ѣсть и пить, то оно было вполнѣ заслуженно. Ибо онъ ѣлъ съ видимымъ наслажденіемъ, не все, что подавалось, но во всякомъ случаѣ довольно много, и продолжая спокойно болтать съ нимъ обо всемъ и ни о чемъ, я не безъ ироніи долженъ былъ сказать себѣ самому: „Что за удивительная способность радоваться у этого стараго чудака! Сперва онъ радуется книгѣ, потомъ знакомству со мной, потомъ озеру (въ этомъ онъ по крайней мѣрѣ правъ) и, наконецъ, этому бифштексу. Интересно, что̀ еще будетъ дальше“!..

— Когда я видѣлъ васъ въ первый разъ, вы какъ разъ ѣли,— началъ онъ въ эту минуту, словно угадывая мои мысли.—Вы ѣли, словно исполняя какую-то обязанность. А между тѣмъ ѣда должна была бы служить для насъ источникомъ наслажденія. Вы ѣли торопливо. Но что̀ васъ заставляетъ такъ спѣшить? У меня мало мыслей, у васъ ихъ, наоборотъ, много, и все-таки я знаю, что духъ мой радуется, когда тѣло мое отвѣдаетъ плодовъ земли,—почему же такъ?

Я промолчалъ,—такъ велико было мое смущеніе. Мнѣ показалось, что у него, а не у меня, было много хорошихъ мыслей. Это, по крайней мѣрѣ, никогда не приходило мнѣ въ голову.

И видя, что я молчу, онъ продолжалъ своимъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, звучавшимъ какъ-то особенно убѣдительно отъ того, что онъ, казалось, говорилъ только съ самимъ собой.

— И повѣрьте мнѣ, такъ лучше.

Онъ сказалъ это такъ просто, такъ не навязчиво, почти равнодушно роняя слова, что я не могъ на него сердиться. Къ тому же онъ былъ правъ. Я долгое время смотрѣлъ на ѣду лишь какъ на средство поддерживать свой организмъ, и часто возвращался къ этой старой привычкѣ...

Онъ положилъ мнѣ на тарелку кусокъ филея.

— Возьмите еще кусочекъ этой курицы. Она недурна, хотя слегка пережарена.

Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, и все-таки я не могъ удержаться отъ замѣчанія.

— Удивительно, какъ велика у нѣкоторыхъ людей способность воспринимать даже незначительныя радости жизни!

— О,—сказалъ онъ,—вы находите? Мнѣ даже какъ-то не вѣрится, чтобы вы такъ думали. Я, наоборотъ, того мнѣнія, что эта способность удивительно мало развита. Гораздо значительнѣе у насъ способность сердиться. Вы, напримѣръ, безъ всякой причины сердитесь теперь на то, что я радуюсь.

Я невольно засмѣялся, и онъ засмѣялся вмѣстѣ со мной.

Мы вновь взялись за стаканы; я, по обыкновенію, пилъ быстро, онъ, наоборотъ, медленно, словно обдумывая каждый глотокъ.

Какъ хорошо онъ мнѣ только-что отвѣтилъ! Я чуть-было вновь не разсердился,—такъ хорошъ былъ этотъ отвѣтъ.

Намъ подали кофе, и мы закурили. Онъ пилъ небольшими глотками, слегка затягиваясь сигарой и тщательно соразмѣряя свои движенія. Сигара его была превосходная. Онъ удобно откинулся на спинку кресла и, не отводя глазъ, смотрѣлъ на меня своимъ спокойнымъ, увѣреннымъ взглядомъ.

Меня охватило страстное желаніе узнать его поближе, и въ эту минуту онъ вдругъ заговорилъ. — Какъ бы это сдѣлать?— сказалъ онъ. — Сумерки еще не спустились. Я живу на разстояніи часа ходьбы отъ Женевы. Но мы можемъ сѣсть и на пароходъ. Не согласитесь ли вы провести сегодняшній вечеръ у меня?

Видя, что я колеблюсь, ибо всякое поползновеніе на свободу моей личности вызываетъ во мнѣ какое-то инстинктивное подозрѣніе, онъ прибавилъ:

— Кто знаетъ, встрѣтимся ли мы еще когда-нибудь! А меня бы это такъ порадовало, такъ порадовало...

Онъ сказалъ это такъ серьезно, что я охотно поддался своему тайному желанію.

Поднявшись съ мѣста, онъ обмѣнялся еще нѣсколькими шутливыми замѣчаніями съ радостно покраснѣвшей хозяйкой, молоденькой француженкой, погладилъ лежавшую на полу прекрасную собаку и обмѣнялся рукопожатіемъ съ счастливымъ обладателемъ ея, молодымъ человѣкомъ, котораго онъ называлъ Astruc cadet и котораго представилъ мнѣ. Какъ могъ я подозрѣвать тогда, что когда-нибудь напишу исторію ихъ обоихъ! Ибо я намѣренъ со временемъ описать и Astruc cadet, этого маленькаго шалопая, котораго мой новый другъ въ тотъ же вечеръ успѣлъ еще назвать „сибаритомъ свободы и полнѣйшимъ анархистомъ“...

Начинало вечерѣть, и яркія краски дня мало-по малу блѣднѣли передъ надвигавшимися сумерками.

Мы вновь перешли величественный мостъ, подъ которымъ, грозно бушуя, бѣшено мчала свои воды Рона, и, перерѣзавъ красивый садъ, расположенный на берегу озера, всту-

пили въ ту часть города, которая носитъ прелестное названіе „Живыхъ водъ"; этимъ именемъ она обязана величественному фонтану, могучая сила котораго уже не разъ вызывала мое восхищеніе въ праздничные дни, когда сильные порывы вѣтра вступали въ борьбу съ бьющей вверхъ струей, и далеко разносились по воздуху блестящія водяныя искры... Но въ этотъ день мы не видали этого единственнаго въ своемъ родѣ зрѣлища.

Мы пошли дальше. Озеро, окутанное теперь какой-то таинственной серебристо-сѣрой дымкой, осталось въ сторонѣ; мы вступили въ тихую, спокойную долину; свѣтлая линія дороги то прорѣзала обширныя луговыя пространства, то медленно поднималась въ гору среди поросшихъ лѣсомъ холмовъ, на вершинахъ которыхъ ютились небольшія деревушки.

И глубокимъ миромъ вѣяло отъ всей этой вечерней прогулки. Не знаю, отвѣчали ли слова моего спутника этому осеннему спокойствію, или оно исходило изъ самыхъ этихъ словъ, падавшихъ, казалось, такъ же спокойно, какъ желтые листья съ придорожныхъ кустовъ?

Я уже не помню, о чемъ онъ говорилъ во время этой прогулки, но я хорошо помню, какъ пріятно мнѣ было слышать звукъ его низкаго голоса.

Дорога наша шла черезъ холмы и долины: то разстилались вокругъ насъ тихіе луга и темныя обширныя поля, то стѣной окружалъ насъ росшій по обѣ стороны дороги высокій и густой кустарникъ.

Мы поднялись на возвышенность, и вновь увидѣли озеро. Казалось, оно было уже окутано ночной дремотой, но холодный вечерній вѣтеръ все еще гналъ его волны, словно вздрагивавшія порой отъ ночного холода...

Мы шли уже навѣрное цѣлый часъ, и я готовъ былъ идти такъ весь вечеръ, до самой ночи, на встрѣчу утру.

Мы подошли къ постоялому двору, лежавшему у самой дороги, при входѣ въ новую деревню. Веселая и шумная толпа сидѣла за деревянными столами, распивая виноградное сусло, эту сѣроватую, густую, терпкую жидкость; всѣ лица выражали веселье и радость по поводу хорошаго урожая.

Мой спутникъ поклонился всему обществу, и ему отвѣчали криками и привѣтствіями. Но мы не остановились.

— Вы здѣсь хорошо знакомы?—спросилъ я.

— Я ихъ не знаю. Но они веселы, и я веселъ, и мы замѣтили нашу обоюдную радость и привѣтствовали другъ друга.

Въ концѣ мѣстечка передъ нами вдругъ выросъ рядъ к-

выхъ виллъ: это были чудныя бѣлыя постройки, высокія и обширныя какъ замки, и, словно бѣлыя розы изъ темныхъ аллей, сверкали изъ темноты мраморъ и гранитъ. Среди нихъ виднѣлись тамъ и сямъ старые, почернѣвшіе отъ времени, простые домики, окруженные садами, казалось, безпредѣльно раскинувшимися во всѣ стороны. И въ такомъ саду стоялъ домъ, въ который онъ повелъ меня.

Это былъ старый загородный домъ, покинутый на лѣто своими обитателями; онъ нанималъ тутъ двѣ пустыя комнаты...

На встрѣчу намъ вышелъ старый слуга. Мой спутникъ поздоровался съ нимъ, какъ со старымъ другомъ.

Этотъ слуга повелъ меня въ комнату; я уже снизу замѣтилъ ея ярко освѣщенныя окна.

Никогда ни одна комната не производила на меня такого страннаго впечатлѣнія. Это было что-то совсѣмъ новое. И въ то же время такая простота, такая удивительная простота!...

Я долженъ точно описать ее.

Тяжелый темно-красный коверъ покрывалъ весь полъ; у стѣнъ, крестъ-на-крестъ другъ къ другу, стояли четыре-пять низкихъ дивановъ—я не могу назвать ихъ иначе, какъ матрацами,—матрацами необыкновенной ширины и мягкости, покрытыми всевозможными тканями и мѣхами, которыхъ я не зналъ даже наименованій, и высоко взбитыми подушками и валиками. Кромѣ этого во всей комнатѣ не было ничего, если не считать еще двухъ-трехъ совсѣмъ низенькихъ столиковъ, нѣсколькихъ разбросанныхъ тамъ и сямъ томиковъ книгъ и висѣвшихъ на стѣнахъ двухъ-трехъ картинъ: гравюръ съ пейзажей, принадлежавшихъ кисти французскихъ художниковъ, какъ мнѣ показалось. И надъ каждой изъ этихъ своеобразныхъ постелей, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону, свѣшивались съ потолка низко спускавшіеся изящные фонари разнообразнѣйшей формы и различной художественной цѣнности... Больше ничего, положительно ничего. Ни стульевъ, ни столовъ, ни шкафовъ, ни какой бы то ни было утвари... И вся комната удивительно выигрывала отъ того, что всѣ предметы въ ней были низенькіе, не выше колѣнъ; это давало какой-то обманчивый просторъ глазу, и на первый взглядъ производило впечатлѣніе чего-то необыкновенно утонченнаго...

Но въ сущности все это было слишкомъ просто, — нѣтъ, я не могъ еще составить себѣ сужденія: я былъ озадаченъ и до извѣстной степени смущенъ,—смущенъ, главнымъ образомъ, потому, что никогда и не подозрѣвалъ возможности такого простого

и, казалось, само собой напрашивавшагося комфорта. Я не могъ двинуться съ мѣста. Я все еще безмолвно стоялъ среди надвигавшихся сумерекъ, когда въ комнату вошелъ Германнъ.

Онъ перемѣнилъ только обувь и сюртукъ и ни однимъ словомъ не спросилъ меня, какъ мнѣ нравится его помѣщеніе. Но мнѣ не трудно было замѣтить, какъ пріятно ему было вновь чувствовать себя дома.

Онъ бросился на одинъ изъ дивановъ и спокойнымъ движеніемъ руки пригласилъ меня послѣдовать его примѣру.

Мы все еще молчали, когда въ комнату вновь вошелъ старый слуга. Онъ несъ подносъ и бережно, какъ святыню, поставилъ его на одинъ изъ маленькихъ четырехугольныхъ столиковъ, которые были такъ низки, что до нихъ удобно можно было достать рукой, сохраняя лежачее положеніе.

Изъ широкаго желѣзнаго кувшина съ узкимъ горлышкомъ, обтянутаго мѣдными обручами, медленно полилось въ высокіе венеціанскіе бокалы янтарно-желтое вино—бѣлый бордо, какъ я слышалъ.

Прежде чѣмъ взяться за стаканъ, Германнъ пожелалъ своему старому слугѣ покойной ночи, и въ голосѣ его зазвучали при этомъ ноты нѣжности и благодарности.

Мы остались одни, и сквозь открытую балконную дверь, казалось, врывалось къ намъ какое-то особое настроеніе: я рѣдко испытывалъ такое непосредственное ощущеніе счастья.

Проникало ли оно къ намъ вмѣстѣ съ испареніями съ поверхности озера, съ благоуханіемъ запоздалыхъ осеннихъ розъ и серебристымъ мерцающимъ сіяніемъ мѣсяца?

Не знаю;—но среди облаковъ дыма отъ лучшаго англійскаго табака, слегка опьяненный прекраснѣйшимъ виномъ, прислушиваясь къ дышавшимъ счастьемъ словамъ и благозвучному голосу моего хозяина, наслаждаясь тишиной и спокойствіемъ вечера и улыбкой мудрости на устахъ этого удивительнаго человѣка, я пережилъ вечеръ — не поддающійся описанію, неизъяснимый и незабвенный.

Онъ лежалъ на одномъ диванѣ, я—на другомъ,—и мягкій свѣтъ фонарей спокойно разливался по всей комнатѣ. Каждый изъ насъ имѣлъ подлѣ себя графинъ, стаканъ, словомъ—все, что было нужно.

Такъ говорили мы другъ съ другомъ, лицомъ къ лицу.

И, внутренно волнуясь, я попросилъ его разсказать мнѣ исторію этой счастливой жизни.

— Мнѣ было уже почти пятьдесятъ лѣтъ, когда бродившее въ моей душѣ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ недовольство прорвалось наружу.

Я уже давно чувствовалъ, что моей жизни недоставало самаго лучшаго. Я еще не зналъ, въ чемъ заключалось это лучшее,— не зналъ, удастся ли мнѣ его найти. Но одно мнѣ было ясно: я чувствовалъ, что не могу жить дальше такъ, какъ жилъ до сихъ поръ, что не могу умереть, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ попытки найти то, чего мнѣ недоставало...

Я никому не сказалъ о своемъ намѣреніи. Мнѣ предстояло свести большіе счеты, и, чтобы имѣть возможность не спѣша и безпрепятственно подвести итогъ, я на нѣсколько недѣль уѣхалъ въ уединенное и красиво расположенное мѣсто, конечно совершенно одинъ. Въ эти недѣли я думалъ исключительно о своей жизни: о томъ, какъ она сложилась и во что могла бы еще вылиться въ будущемъ; и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль я принялъ непоколебимое рѣшеніе.

Въ первое время на меня напала неизъяснимая грусть. Выводы мои были безутѣшны. Юность свою я прожилъ бурно, изведавъ всѣ ея такъ называемыя радости. Но это не было сознательное наслажденіе жизнью, и эти радости могли бы быть гораздо больше. Я не былъ счастливъ. Кромѣ того, я всю свою жизнь работалъ. Говорятъ, что работа и есть счастье. Я въ этомъ сомнѣваюсь, по крайней мѣрѣ для меня она не была счастьемъ. И что это можетъ быть за счастье,—по цѣлымъ днямъ корпѣть надъ цифрами и сидѣть за конторкой, когда въ окно свѣтитъ яркое солнце?

У меня была жена, изъ-за которой я не зналъ покоя, и дѣти, которыя заставляли меня проводить долгія, долгія ночи въ мучительныхъ заботахъ о нихъ. Все это не было счастьемъ, ибо временное счастье—не счастье. Что мнѣ сказать еще о своей жизни?—Это была обычная жизнь людей: вѣчная суета, вѣчное стремленіе къ чему-то. Но это не было наслажденіе жизнью.

И такъ думалъ я дни и ночи, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что жизнь, которою я жилъ до сихъ поръ, не стоила того, чтобы быть прожитой.

Придя къ такому выводу, я долженъ былъ выбрать одно изъ двухъ: или покончить съ жизнью, или начать новую жизнь.

Мнѣ предстояло теперь рѣшить второй вопросъ: было ли у меня еще достаточно силъ, чтобы начать эту новую жизнь, стоило ли еще тратить на это силы, не было ли уже слишкомъ поздно начинать жизнь сначала.

Мнѣ еще не было пятидесяти лѣтъ. Я подвергъ испытанію свое тѣло, и нашелъ, что оно было здорово; я подвергъ испытанію свой духъ, и увидѣлъ, что, несмотря на всю свою неповоротливость и неопытность, онъ способенъ былъ воспринять многое и былъ исполненъ ненасытной жажды.

Только медленно пробуждалось во мнѣ сознаніе великой радости, согрѣвающей нынѣ все мое существо и ростущей со дня на день по мѣрѣ того, какъ я все больше и больше понимаю ее...

Я могъ прожить еще десять, еще двадцать лѣтъ, т.-е. еще много дней и безконечно много часовъ,—и надежды мои перешли въ увѣренность.

Тогда я уѣхалъ. Ничто на свѣтѣ не могло бы удержать меня отъ того, что̀ я теперь сдѣлалъ.

Я раздѣлилъ свое состояніе, добытое трудами рукъ моихъ, на три части. Одну часть я отдалъ женѣ, другую—сыну. Дочь моя была замужемъ, и мужъ ея былъ такъ богатъ, что я считалъ бы безсмыслицей еще увеличивать ея безполезное богатство, —теперь я считалъ его въ ея рукахъ безполезнымъ.

Послѣ этого я бросилъ жену, которая не такъ нуждалась во мнѣ, какъ я въ радости. Сперва она разсердилась и обозвала меня старымъ дуракомъ. Она была права; я теперь только хотѣлъ обратиться въ юнаго мудреца. Потомъ она стала грустной и сказала, что я ея больше не люблю. И въ этомъ она была права. По крайней мѣрѣ, я не любилъ ея настолько, чтобы продолжать жертвовать собой ради нея.

Дѣтямъ своимъ я не отвѣтилъ.

Это было первое испытаніе, которое я выдержалъ. Важнѣе всего я считалъ теперь не тратить больше времени на старую жизнь. Поэтому я рѣшилъ пожертвовать не болѣе трехъ часовъ моей жизни, а все это взяло у меня пять... Я еще сегодня жалѣю о двухъ изъ нихъ, насколько я вообще могу о чемъ-нибудь жалѣть...

Никому мягкая постель не доставляетъ такого удовольствія, какъ тому, кто спалъ и на жесткой.

Я замѣчалъ это теперь въ такой степени, какой никогда и не подозрѣвалъ.

Радость, радость — таковъ былъ лозунгъ моей новой жизни: безоблачная радость, вчера, сегодня и завтра, ежедневно, ежечасно.

Я приближался къ ней, какъ влюбленный къ возлюбленной, полный страстнаго ожиданія.

И какъ она приняла меня!

Словно счастливая тѣмъ, что я, наконецъ, понялъ ее, она мало-по-малу открывала мнѣ всѣ свои прелести, заставляя меня искать и находить то, что̀ я только смутно подозрѣвалъ...

О, радость, радость, ты сама жизнь, ты моя жизнь!

Германнъ кончилъ свой разсказъ.

Я не могъ вымолвить ни слова. Въ первую минуту я чуть-было не разразился громкимъ хохотомъ. Но потомъ — было ли то дѣйствіе вина, ночи, всей окружающей обстановки?—во мнѣ поднялось какое-то странное чувство, медленно подкрадывавшееся ко мнѣ, какъ я теперь почувствовалъ, въ теченіе всѣхъ послѣднихъ часовъ, съ той минуты, какъ я увидѣлъ этого человѣка. Тяжелымъ камнемъ легло оно мнѣ на душу...

Я вскочилъ съ дивана и два раза прошелся по комнатѣ; мягкій коверъ заглушалъ звуки голоса и шумъ шаговъ.

Не обращая на меня вниманія, онъ словно про себя прибавилъ:

— Я не знаю, гдѣ я умру, не знаю, когда умру; но я знаю, что въ послѣднюю минуту буду имѣть право сказать себѣ: ты потерялъ пятьдесятъ лѣтъ, но ты выигралъ семь, десять, двѣнадцать, двадцать...

Онъ усмѣхнулся.

— Я даже склоненъ думать, что двадцать... ибо радость вновь возвращаетъ мнѣ молодость; вы даже не повѣрите, какъ она освѣжаетъ и оживляетъ... О, радость!

И онъ медленно поднялъ свой бокалъ, взглянулъ на меня, медленно выпилъ глотокъ вина и вновь откинулся на подушку...

Но у меня на душѣ далеко не было такъ спокойно. Одно изъ двухъ: или то, что̀ онъ говорилъ, было разумнѣе всего, что̀ мнѣ когда-либо приходилось слышать,—и тогда я самъ былъ очень далекъ отъ разума; или же передъ мной стоялъ полупомѣшанный, впавшій въ дѣтство, старикъ, вообразившій себѣ, что земля—небо, и что онъ находится на небѣ...

Я началъ ставить ему вопросы, одинъ за другимъ, торопливо и возбужденно. Но онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, не такъ!.. не такъ!.. Спрашивайте меня, и я охотно отвѣчу вамъ, но не нарушайте гармоніи этихъ чудныхъ мгновеній, подкравшихся къ намъ на крыльяхъ ночи и молящихъ насъ только объ одномъ: чтобы мы не спугивали ихъ дневной суетой... Нѣтъ, не такъ!..

Я остановился и взглянулъ на него. Я готовъ былъ кинуться

на него, чтобы какъ-нибудь вывести его изъ этого равнодушія, но въ то же время мнѣ хотѣлось броситься на одинъ изъ дивановъ, съ головой зарыться въ подушки и плакать и кричать, кричать и плакать о томъ, чего жаждалъ и я... но напрасно!..

Я вновь бросился на диванъ — и пилъ, и курилъ, и думалъ о томъ, что̀ только-что слышалъ.

Онъ же взялъ одну изъ лежавшихъ на столикахъ книжекъ, на мгновеніе съ любовью остановилъ глаза на выгравированномъ золотыми буквами заглавіи и сталъ читать вслухъ своимъ глубокимъ, спокойнымъ, благозвучнымъ голосомъ; онъ прочелъ одно стихотвореніе, потомъ другое, третье... Я зналъ ихъ. Это были стихотворенія Свинбёрна. Онъ читалъ безъ особеннаго умѣнья, но съ какой-то особенной любовью, углубляясь въ каждое слово, и не могло быть сомнѣнія, что стихи эти уже много, много разъ исходили изъ его устъ. И эти стихи, которые я зналъ и которыхъ не читалъ уже много лѣтъ, вызвали во мнѣ чувство глубокой, безмѣрной тоски, и я вспомнилъ о томъ времени, когда передо мной еще не стояли грознымъ призракомъ ежедневный гнетъ и житейская борьба...

Онъ пересталъ читать.

Наконецъ, между нами вновь завязался разговоръ, и онъ своими отвѣтами почти предупреждалъ мои вопросы.

— Такъ, теперь спрашивайте меня!

Когда я спросилъ его, живетъ ли онъ здѣсь безвыѣздно со времени принятаго имъ рѣшенія, онъ улыбнулся.

Мы стояли на балконѣ, и передъ нами разстилался громадный садъ, весь охваченный таинственной тишиной.

И среди этого глубокаго молчанія ночи тихо прозвучалъ его отвѣтъ.

— Надо сказать правду, я веду настоящую кочующую жизнь. Но существуетъ развѣ что-нибудь болѣе прекрасное, чѣмъ это вольное скитаніе по свѣту, когда вы имѣете возможность вездѣ и всюду наслаждаться чуднымъ ликомъ земли! Впрочемъ, я уже не совсѣмъ лишенъ родины. Въ настоящую минуту моя родина даже въ трехъ мѣстахъ. Все, что̀ вы видите здѣсь, я привезъ себѣ этой весной изъ Брюсселя. Красивый городъ Брюссель!— задумчиво прибавилъ онъ.—Все это пустяки—нѣсколько ковровъ, нѣсколько картинъ, нѣсколько книгъ... У меня и повсюду немногимъ больше. Недѣли черезъ двѣ я уѣду въ Парижъ, и тогда все это будетъ запаковано и гдѣ-нибудь поставлено, пока я вновь не пріѣду сюда будущей осенью. Ибо я хочу вновь вернуться къ тебѣ, моя прекрасная, гордая Женева!—и онъ протянулъ

руку по направленію въ городу, надъ которымъ уже ложились первыя грустныя тѣни осенняго вечера...

— Но въ Парижѣ... тамъ, въ сущности, была до сихъ поръ моя настоящая родина: двѣ восхитительныя комнаты въ улицѣ Риволи, высоко, высоко, надъ Тюльерійскими садами; всюду подо мной шумѣли верхушки ихъ деревьевъ, такъ близко, такъ близко!.. Мнѣ пришлось передать ихъ, но я найду другія.—Парижъ! Это ли не городъ красоты? Что за жизнь, что за грація, что за воспоминанія! О, нигдѣ не живется лучше, чѣмъ въ Парижѣ; — туда я отправился впервые три года тому назадъ, тамъ началъ я понимать, что такое жизнь,—такъ пусть же эта жизнь тамъ же подаритъ меня своими послѣдними дарами!

— И вы вполнѣ увѣрены, что будете такъ счастливы до... до самаго конца?

— Если человѣкъ имѣетъ три вещи: спокойствіе досуга, освобождающаго его отъ всякой принудительной работы, возможность добровольнаго уединенія и не подточенное преждевременно здоровье, то и въ наше время всеобщей суеты и торопливости онъ можетъ удержать свою жизнь въ границахъ красоты и радости, отстраняя отъ себя мудрой и твердой рукой пустые отголоски потерянныхъ дней.

Онъ замѣтилъ на моемъ лицѣ горькую улыбку сомнѣнія.

— Но вкусъ, вкусъ,—вотъ чего недостаетъ людямъ,—ревностно продолжалъ онъ.—Вмѣсто того, чтобы выплыть въ открытое море радости и, смѣло нырнувъ, вынести со дна его все наиболѣе цѣнное, они остаются на берегу и роются въ пескѣ, въ поискахъ за сломанными раковинами и завядшими водорослями. Важнѣе всего для нихъ то, что непосредственно лежитъ у нихъ передъ глазами; все вѣчное, непреходящее—имъ чуждо. Бѣдные рабы своей жизни, несчастные слуги своего времени и его требованій!

— Скажите, неужели ничто не нарушаетъ вашей гармоніи? Какъ можете вы жить по своему желанію среди требованій нашихъ дней, которыя должны доходить до васъ даже... въ этой гавани?

— Потому что я этого хочу! Вотъ и все. Вамъ нужны примѣры? Хорошо, я вамъ дамъ ихъ. Занимается утро,—я просыпаюсь. Передо мной лежитъ день со всѣми его дарами; когда я провожу зиму не на югѣ, утро часто бываетъ пасмурное, сѣрое, предвѣщающее дождь, но и сквозь эту невзрачную пелену я угадываю его красоту; большей же частью оно лежитъ передо мной во всей своей чарующей прелести, блестящее, залитое

яркимъ сіяніемъ солнца, словно „только-что рожденное“; и вся эта красота находитъ отзвукъ въ моей душѣ, и я волей-неволей долженъ радоваться. Но теперь я этого хочу, я этого хочу... Прежде я, бывало, просыпался и былъ такъ грубъ и неблагодаренъ, что оставлялъ безъ отвѣта его нѣмое и милое привѣтствіе, расточая свою любезность всевозможнымъ людямъ, которые ея не заслуживали. Я бросался на газеты, потому что мнѣ надо же было знать, что̀ „случилось“: что та или другая биржевая спекуляція удалась; что у того или другого монарха насморкъ; что предвидится новая война; что какая-нибудь мать перерѣзала горло своимъ троимъ ребятамъ, и еще многое другое,—всѣ эти ужасныя безотрадныя новости, которыми наполняются безконечные столбцы газетъ и которыя меня въ сущности нисколько не касаются; теперь я никогда не прикасаюсь къ этой вѣчно сырой, скопляющейся цѣлыми массами, бумагѣ, представляющей и съ чисто внѣшней стороны столько же неудобствъ, какъ въ силу своего внутренняго содержанія; она возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе, и я всегда отворачиваюсь, когда случайно увижу газетный листокъ...

Теперь я беру какое-нибудь стихотвореніе: одно изъ тѣхъ стихотвореній, которыя по красотѣ и изяществу кажутся мнѣ порожденіемъ этого чуднаго утра... Но пойдемъ дальше. Прежде я съ самаго утра получалъ уже письма, цѣлыя кучи писемъ непріятнаго, будничнаго содержанія; это были или дѣловыя записки, или письма отъ добрыхъ друзей и родственниковъ, которые изливали свои чувства и досаждали мнѣ перечисленіемъ всѣхъ событій своей неинтересной жизни, а вдобавокъ еще ожидали отвѣта; теперь я, не распечатывая, складываю въ одну большую кучу все, что̀ получаю, и только когда я чувствую себя въ такомъ хорошемъ настроеніи, что ничто, положительно ничто не можетъ мнѣ его испортить, я просматриваю и затѣмъ выбрасываю всѣ эти накопившіяся письма; впрочемъ, ничто не приходитъ къ такому быстрому и желанному концу, какъ переписка, поддерживаемая лишь съ одной стороны. Прежде я посѣщалъ шумные и грязные рестораны съ закоптѣлыми потолками и желтыми стѣнами, пилъ пиво—пиво! какъ можно вообще пить пиво!—изъ большихъ и неуклюжихъ стакановъ и, сидя среди надменныхъ и самодовольныхъ филистеровъ, болталъ съ ними о политикѣ. Я содрогаюсь, когда вспоминаю объ этомъ теперь!—Теперь, куда бы я ни пошелъ, я всюду ищу выдающихся людей, и нахожу ихъ, и безконечно радуюсь знакомству съ ними, и они съ своей стороны немного радуются знакомству со мной. Суще-

ствуетъ развѣ что-нибудь болѣе прекрасное, чѣмъ выдающіеся люди?

Я усмѣхнулся, но онъ, не обращая на меня вниманія, продолжалъ:

— Если же я не встрѣчаю людей выдающихся, то довольствуюсь тѣмъ, что̀ нахожу. Въ каждомъ человѣкѣ есть своя хорошая и интересная сторона,—нужно только умѣть найти ее. И какъ охотно выказываютъ себя люди съ этой именно стороны, какъ только замѣтятъ, что она признана и понята! — Вамъ нужны еще примѣры тому, какимъ образомъ мнѣ удается держаться вдали отъ людскихъ треволненій?—Я вызываю улыбку на лицѣ ребенка — нѣтъ ничего легче этого; я просматриваю свои рисунки; я въ тысячный разъ погружаюсь въ созерцаніе красотъ какого-нибудь скульптурнаго произведенія, которое принадлежитъ мнѣ; я любуюсь игрой солнечнаго свѣта и наблюдаю за чудеснымъ пробужденіемъ, созрѣваніемъ и умираніемъ природы; я фланирую по бульварамъ и слѣжу за всѣмъ, что̀ молодо, изящно, горделиво и прекрасно: за красивыми женщинами, за отважными мужчинами, за чудесными лошадьми; я заказываю себѣ рѣдкое блюдо и медленно съѣдаю его; я размышляю о преимуществахъ того или другого табака и сравниваю ихъ между собой; я ѣзжу верхомъ, плаваю, фехтую; я читаю книги, полныя блеска и глубины мыслей; я... я... ахъ, что̀ вамъ еще нужно?.. я радуюсь цѣлый день и половину ночи, и всегда нахожу, чему радоваться, хотя я очень люблю разнообразіе...

— Вы сибаритъ?..

— Да, я сибаритъ. Но почему бы мнѣ не быть сибаритомъ? Развѣ не лучше и не труднѣе имѣть вкусъ, чѣмъ не имѣть его? И не честнѣе, и не правдивѣе ли сознаться самому себѣ въ томъ, что любишь жизнь, чѣмъ увѣрять себя, что не особенно цѣнишь или даже совсѣмъ презираешь ея радости?

— И вы никогда не чувствуете усталости, скуки, даже отвращенія отъ этого однообразія радости?

— Никогда. Ибо я соблюдаю мѣру въ своихъ наслажденіяхъ. Я никогда не пью и не ѣмъ больше того, чѣмъ то требуется для утоленія жажды и голода. Я не люблю излишества, ибо оно нарушаетъ гармонію между тѣломъ и духомъ. Я уже сказалъ, что люблю разнообразіе. И каждый день, и каждая ночь являются для меня источникомъ новыхъ наслажденій. Я не обладаю властью и не стремлюсь къ ней, потому что я не зналъ бы, что̀ съ ней дѣлать; я не великій художникъ, даже не заурядный художникъ,

и я и не мечтаю о тѣхъ дарованіяхъ, которыя заставляютъ человѣка работать въ потѣ лица; я только старый человѣкъ, цѣною долголѣтней глупости купившій себѣ право стать наконецъ умнѣе, мало учившійся и познавшій наконецъ только одно: что жизнь—драгоцѣнное, очень драгоцѣнное благо, съ которымъ нельзя играть, какъ съ мячомъ; старый человѣкъ, занимающійся хозяйствомъ, по своему радующійся остающимся днямъ своей жизни, любящій смѣхъ, дѣтей, сіяніе солнца, вино, красоту, наслажденіе и тысячи другихъ даровъ жизни; старый человѣкъ, для котораго начали наконецъ цвѣсти цвѣты и который изъ каждаго цвѣтка пытается извлечь его послѣднее благоуханіе... который счастливъ, такъ счастливъ, что никогда и не думалъ, что для него еще возможно такое счастье...

— А если ему напомнятъ о томъ, что никто не можетъ себя назвать счастливымъ до смерти?

— Тогда онъ улыбается, какъ улыбаюсь теперь я, ибо онъ будетъ счастливъ до самой смерти. Если же онъ увидитъ—и это вы и хотѣли сказать своимъ вопросомъ, мой озлобленный другъ,—если же онъ увидитъ, что темныя стороны жизни вновь начинаютъ бросать свои тѣни, что ему вновь грозятъ болѣзнь, нищета или что-нибудь въ этомъ родѣ, тогда онъ добровольно покинетъ этотъ міръ,—Германнъ многозначительно и почти торжественно взглянулъ на меня,—предварительно позаботившись о томъ, чтобы этотъ часъ разлуки былъ лучшимъ и чудеснѣйшимъ часомъ его жизни. Повѣрьте мнѣ, что это будетъ такъ!

Наступило долгое молчаніе. Я угрюмо смотрѣлъ внизъ, въ садъ; онъ съ выраженіемъ блаженства на лицѣ устремилъ глаза на небо, на которомъ, словно въ подтвержденіе его словъ, ярко блестѣли звѣзды.

— Отшельничество...—тихо сказалъ я наконецъ.

— Отшельничество?—изумленно переспросилъ онъ.—Но не я же бѣгу отъ міра? Вы, *вы* уходите отъ него, отъ его великолѣпія, его гармоніи, всего его блаженства, и слѣпо погружаетесь въ вами же самими созданныя мученія, о которыхъ міръ ничего не знаетъ. Я? — Я живу имъ, этимъ яркимъ міромъ, со всѣми его радостями и наслажденіями; онъ даетъ мнѣ то, чего я никогда не зналъ,—а вы говорите, что я бѣгу отъ него?

Неужели этотъ человѣкъ всегда былъ правъ? И во всемъ долженъ былъ оставаться правымъ?

Но я рѣшилъ высказать ему свое мнѣніе и коснуться того пункта, въ которомъ и онъ, должно быть, былъ уязвимъ. Я хотѣлъ заставить его спуститься съ небесъ на землю. И я началъ:

— Все, что вы говорите, очень поверхностно: это хорошо въ теоріи. Но что прикажете дѣлать людямъ, у которыхъ нѣтъ такого состоянія, чтобы третьей части его хватило имъ на десять или даже на двадцать лѣтъ?

Онъ усмѣхнулся, не надменной, не обиженной улыбкой, но съ выраженіемъ глубокаго блаженства на лицѣ.

— Какъ же поверхностенъ я былъ, когда жилъ еще практической жизнью! Я видѣлъ лишь внѣшнюю сторону радости и не видѣлъ ничего того, что лежитъ за нею. Но я постарался вникнуть въ нее и съ восхищеніемъ понялъ, какъ глубока, какъ неизмѣримо глубока она! Ежедневно вникаю я въ нее все глубже, и ежечасно нахожу ее все болѣе прекрасной, болѣе желанной, болѣе чарующей...

— Вы всему находите оправданіе!

— Радость не нуждается въ оправданіи. Но еслибы это было даже такъ, я могъ бы сказать: мнѣ такъ много нужно нагнать,— вы должны предоставить мнѣ для этого остатокъ моей жизни и должны понять меня! — И вы понимаете меня, потому что вы поэтъ.

Я пожалъ плечами.

— Вы не знаете страданій?

— Нѣтъ, я знаю страданія,—серьезно, почти торжественно отвѣтилъ онъ,—и именно потому, что я ихъ такъ хорошо знаю, я и ненавижу ихъ, поскольку ненависть не нарушаетъ моей радости.

— Но вы не одинъ на свѣтѣ. Другія жизни связаны съ вашей жизнью, и ваша свобода опирается на рабство другихъ. Этотъ старикъ, который заходилъ сюда, развѣ онъ не рабъ вашъ?—Или у васъ нѣтъ слуги?

Лишь на одну секунду онъ слегка наморщилъ лобъ.

— Это старый другъ, который мнѣ помогаетъ. Онъ очень счастливъ у меня, какъ онъ самъ говоритъ, и горе тому, кто не былъ бы счастливъ у меня!—смѣясь, прибавилъ онъ и взглянулъ на меня съ выраженіемъ легкой ироніи и съ такой очаровательной улыбкой, что я не могъ не полюбить его въ эту минуту.

— Зайдемте лучше. Становится прохладно.—И мы вновь вошли въ комнату.

Я не могъ и не хотѣлъ противорѣчить ему больше. Мои собственныя возраженія казались мнѣ мелкими и ничтожными по сравненію съ этой совершенной, увѣренной въ себѣ гармоніей. Что я могъ еще сказать?—Я замолчалъ.

И только спустя нѣкоторое время, я замѣтилъ, что этотъ человѣкъ и эта комната совсѣмъ не созданы были для споровъ и словопреній. Нѣтъ, ими можно было наслаждаться, что я и дѣлалъ теперь, растянувшись во всю длину на мягкихъ пестрыхъ подушкахъ, предоставивъ своимъ мыслямъ полную свободу уноситься, куда ихъ влекло, и останавливая глаза то на этихъ фонаряхъ, медленно качавшихся изъ стороны въ сторону, словно въ ночной дремотѣ, то на этомъ прекрасномъ, спокойномъ лицѣ, одинъ видъ котораго доставлялъ столько радости...

И я не говорилъ и не спрашивалъ ничего больше, медленно выпускалъ изо рта струи табачнаго дыма, пилъ вино, словно огнемъ пробѣгавшее по жиламъ, и мечталъ, мечталъ о томъ, что только-что слышалъ, и уносился въ другую жизнь, не похожую на ту, которую я велъ, въ другія отдаленныя времена; и лежа, и мечтая, я началъ мало-по-малу понимать своего хозяина... и словно издали донесся до меня вдругъ его голосъ: „И почему это люди думаютъ, что они обязаны говорить, лишь только сойдутся вмѣстѣ? Если бы они больше молчали, у нихъ было бы больше времени думать...“

Не знаю, долго ли мы лежали такъ, молча.

— Который часъ?—спросилъ я его наконецъ.

Онъ наполовину поднялся.

— Который часъ? —Я смотрю на часы только когда путешествую. Я ложусь спать, когда чувствую себя усталымъ, сажусь за столъ, когда чувствую голодъ... Вы хотите уже уйти?— Какъ хотите. Я еще не скоро лягу... Но я еще немного пройдусь съ вами. Не хотите ли выпить еще разъ?

— Охотно, — отвѣтилъ я, ибо чувствовалъ сильную жажду.

Мы чокнулись, и по комнатѣ, словно быстрое чириканье лѣсной пташки, пронесся дрожащій звонъ бокаловъ.

Мы встали. Я вопросительно взглянулъ на него.

— Все останется въ такомъ видѣ,—сказалъ Германнъ.— Когда я вернусь, я опять лягу здѣсь на диванъ, буду читать, пока не устану, потомъ засну и буду спать, пока меня не разбудятъ своимъ призывомъ утро и озеро.

— Вы еще купаетесь?

— Каждый день. Пока возможно. О, это плаваніе въ чистой водѣ доставляетъ мнѣ совсѣмъ особое удовольствіе.

Онъ пошелъ впередъ, а я на прощаніе еще разъ окинулъ взглядомъ эту странную комнату, по полу которой, устланному мягкимъ тяжелымъ ковромъ, стлались теперь бѣлыя облака табачнаго дыма.

Держа въ рукахъ канделябръ, Германнъ освѣщалъ мнѣ дорогу; мы спустились по широкой лѣстницѣ и сошли въ садъ. Онъ не позволилъ мнѣ нести подсвѣчникъ. У калитки сада онъ поставилъ его на землю.

— Никто не погаситъ его; я найду его на томъ же мѣстѣ... Пусть горитъ, пока я не вернусь.

И теперь, какъ прежде, мы вышли на большую дорогу и дошли до ближайшей возвышенности. Но мы не говорили.

Тамъ, наверху, онъ остановился.

— Луна освѣщаетъ вамъ дорогу домой. Прощайте, другъ мой!

Я съ минуту смотрѣлъ въ его спокойные глаза.

— Благодарю васъ.—Больше я ничего не могъ сказать. Я слышалъ, какъ глухо прозвучалъ мой голосъ, словно съ трудомъ выходившій изъ груди.

Онъ тихо положилъ свою руку ко мнѣ на плечо.

— Дорогой мой другъ,—мягко, съ любовью произнесъ онъ,— какъ коротка въ концѣ концовъ человѣческая жизнь! И какъ мы сами себѣ ее портимъ! Заботы, страданія и горе, правда, часто приходятъ извнѣ, но какъ неизмѣримо много красоты, спокойствія и счастья можемъ мы сами внести въ эту нашу жизнь, если только хорошенько захотимъ этого!—И вы, вы, поэтъ, какъ вы богаты, а между тѣмъ увѣряете себя, что сами вы бѣдны, а міръ пустъ!

Я ничего не отвѣтилъ и только спросилъ его, увидимся ли мы еще когда-нибудь.

— Конечно, увидимся. Но когда и гдѣ, объ этомъ лучше не будемъ говорить. Предварительныя условія—это глупѣйшія изъ оковъ, которыя мы одѣваемъ себѣ на ноги. Развѣ знаю я, гдѣ я буду завтра?—Чтò буду дѣлать?—Нѣтъ, не будемъ условливаться!

— Прощайте, мой другъ, — прибавилъ онъ еще, — живите счастливо, мой поэтъ,—смотрите, этотъ міръ, который принадлежитъ вамъ, привѣтствуетъ васъ...

. Онъ подалъ мнѣ обѣ руки и повернулъ обратно; я посмотрѣлъ ему вслѣдъ: выпрямившись и высоко держа голову, удалялся въ темноту ночи этотъ вѣчно юный старецъ.

Я остался одинъ; дрожащими, невѣрными шагами пошелъ я на встрѣчу холодной ночи. Я шелъ все прямо, все прямо.

Я былъ озадаченъ; въ головѣ моей роились тысячи мыслей. Было ли то, чтò я только-что видѣлъ, дѣйствительностью? Или то былъ лишь сонъ?..

Долго ломалъ я себѣ голову, лишь съ трудомъ освобождаясь отъ чуждыхъ мнѣ воззрѣній и возвращаясь къ обычному, свойственному мнѣ пониманію жизни. Найдя себя самого, я сталъ спокойнѣе, ибо мнѣ вновь стало ясно то, что̀ остается несомнѣннымъ для меня и по сегодняшній день: что *моя* жизнь заключается въ работѣ, что я буду мучиться ею до самой своей смерти и что въ этихъ мукахъ—мое счастье, мое единственное счастье...

Когда я подходилъ къ Женевѣ, позади меня медленно всходило солнце.

Только одинъ разъ пришлось мнѣ еще видѣть этого человѣка. Не въ тавернѣ, куда онъ, правда, заходилъ раза два на слѣдующей недѣлѣ, но все въ такое время, когда меня тамъ не было (онъ никогда не ѣлъ въ опредѣленные часы), а на улицѣ. Онъ проѣхалъ мимо меня въ коляскѣ, не замѣтивъ меня. Ибо рядомъ съ нимъ сидѣла одна изъ молоденькихъ и хорошенькихъ второстепенныхъ артистокъ, и когда она—какъ разъ въ ту минуту, когда коляска поровнялась со мной—поднявъ голову, отвѣтила на его взглядъ, въ ея игривыхъ глазахъ мелькнуло не одно только выраженіе благодарности.

Я твердо увѣренъ, что когда-нибудь еще встрѣчусь съ нимъ. И правду сказать—я уже заранѣе радуюсь этой встрѣчѣ.

Я часто еще вспоминалъ о немъ, но никогда больше не спрашивалъ, былъ ли онъ правъ.

Какъ могъ онъ быть неправъ?

Его жизнь доказывала его правоту.

Съ нѣм. Ел. Б.

АРГУНЬ И ПРІАРГУНЬЕ

Путевыя замѣтки и очерки.

I.

Рѣка Аргунь, длиною около 900 верстъ, выйдя изъ китайской территоріи, отдѣляетъ ее отъ нашей Забайкальской области; изъ ея сліянія съ рѣкой Шилкой образуется рѣка Амуръ. До 1897 года рѣка Аргунь считалась весьма мало судоходной; хотя на ней значительныхъ перекатовъ не было, но непреодолимымъ препятствіемъ для пароходовъ и даже плотовъ служили „Араканскіе", „Ораинскіе", „Лубенскіе бойцы" [1]) и многочисленные камни въ другихъ мѣстахъ. Эти препятствія пугали сплавщиковъ лѣса и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Несмотря на барыши, которые сулила операція, въ виду колоссальной разницы цѣнъ, въ опасный путь пускались немногіе. Глубокая рѣка, загроможденная огромными камнями, бѣшено бурлила, какъ кипятокъ въ котлѣ. Самыя названія: „бойцы" „чортовы ворота"—указываютъ трудность перехода между камнями. Въ 1901 году, послѣ уборки значительнаго числа камней, началось, хотя еще слабое, движеніе коммерческихъ пароходовъ. Теперь эти мѣста вполнѣ безопасны. Къ уборкѣ было намѣчено еще 400 камней; они представляютъ несорванныя основанія бывшихъ скалъ и сами по себѣ не опасны; но вода, „взмыри-

[1]) Скопленіе камней на фарватерѣ рѣки, о которые бьетъ вода.

вая" [1]) на нихъ, можетъ испугать неопытнаго, не знакомаго съ мѣстомъ капитана, и пароходъ, кинувшись въ сторону отъ предполагаемой опасности, рискуетъ попасть на дѣйствительно опасное мѣсто.

По характеру строенія своихъ береговъ, образу жизни и нравамъ прибрежныхъ жителей, Аргунь можетъ быть раздѣлена на три рѣзко-различныя части: 1) низовья рѣки Аргуни отъ устья до впаденія рѣки Быстрой (выше Усть-Урова); 2) отъ устья Быстрой до впаденія рѣкъ Гана и Дербула (между Новымъ и Старымъ Цурухайтуемъ), и 3) верховья Аргуни.

Мѣстность въ нижнемъ теченіи Аргуни дивно хороша въ своемъ суровомъ величіи. Высокія горы, живописныя ущелья, темныя „пади". Красавица Аргунь мѣстами бѣшено рвется, будто хочетъ разорвать сурово сжавшія ее цѣпи горъ, мѣстами течетъ тихо, какъ бы въ нѣжной истомѣ, и въ глубокихъ водахъ своихъ отражаетъ могучіе утесы, покрытые лѣсомъ, которые подъ вліяніемъ времени и погоды приняли порой фантастическій видъ. Особенно хорошъ въ низовьяхъ такъ называемый „Кирпичный утесъ". Камни расположены такъ, что кажутся остатками древняго зàмка, развалиной громадной постройки.

Для судоходства низовья Аргуни никакихъ препятствій не представляютъ. Благодаря крутымъ утесамъ, покрытымъ лѣсомъ, иного сообщенія, какъ по рѣкѣ, нѣтъ. Въ рѣдко разбросанныхъ селеніяхъ живутъ казаки, которые отличаются крайней суровостью, грубостью нравовъ, а подъ-часъ и жестокостью. Занимаются здѣсь главнымъ образомъ сплавомъ лѣса, рыбной ловлей и охотой; хлѣбопашество и скотоводство развиты мало. Дикихъ звѣрей много, но большинство населенія является не только охотниками за животными, но и за пріискателемъ, будь это русскій или китаецъ—все равно. Крутыя пади съ вьющейся по обрыву тропою, гдѣ путникъ спускается, цѣлый часъ двигаясь взадъ и впередъ подъ прицѣломъ суроваго „промышленаго" [2]), хранятъ мрачныя тайны многихъ преступленій. Далеко несется недобрая слава про низовья Аргуни, и, зная это, „пріискатели" [3]) стараются ходить большими артелями. Для характеристики низовскихъ нравовъ приведу два разсказа старика казака, сплавлявшаго меня внизъ осенью 1900 г.

„Шли мы съ товарищемъ. Я остался ночевать, а онъ одинъ

[1]) Мырь—всплескиваніе воды надъ подводными камнями.

[2]) „Промышленый"—по-сибирски охотникъ.

[3]) Работающіе на золотыхъ промыслахъ (пріискахъ) или самостоятельно ищущіе золото.

ушелъ впередъ—торопился. На другой день спускаюсь я по средней пади, „винтовальнѣ“, смотрю—подъ хворостомъ лежитъ кто-то. Я узналъ товарища по однорядкѣ; только лежалъ онъ—убитый. Ну, я—ходу! Пронесъ Господь!“ — Что же, вы заявили въ ближайшемъ поселкѣ? — спросилъ я.—„Что вы! какъ можно! Затаскаютъ, а толку, все равно, не будетъ! А вотъ въ деревнѣ у насъ забавный случай былъ. Къ одному старику китаецъ-пріискатель ночевать попросился. Старикъ впустилъ, а ночью зарѣзалъ, да и спустилъ трупъ въ подполье. Время жаркое было: стала тварь киснуть. Старуха-то и говоритъ старику:—Убери его, однако, старина! — Тотъ китайца ночью въ батъ (долбленая лодка) снесъ и вышелъ на середину рѣки. Ночь была лунная; старуха изъ окна все видитъ. Сталъ старикъ китайца въ рѣку спущать, да обробѣлъ (прозѣвалъ), а батъ-то и опрокинулся. Старикъ, съ перепугу, вмѣсто бата за китайца схватился — и потонулъ. На утро ихъ обоихъ къ берегу прибило. Атаманъ хотѣлъ составить протоколъ, а старуха говоритъ:—Молчи, китайца-то мой старикъ убилъ.—Ну, и зарыли ихъ обоихъ. Да. Забавные случаи бываютъ“,—наивно закончилъ свой разсказъ забайкальскій казакъ.

11-го іюня 1900 года, при объявленіи мобилизаціи, казаки безжалостно истребляли китайцевъ, встрѣтясь съ ними въ глухомъ мѣстѣ. Совершались и открытыя убійства, для потѣхи. Противъ Жегдочинскаго поселка на китайской сторонѣ сидѣлъ китаецъ-лавочникъ съ своей японкой. На русскомъ берегу между казаками шелъ споръ о томъ, далеко ли несетъ пулю винтовка. „Однако, я изъ моей винтовки сниму купца“,—говоритъ атаманъ. Выноситъ винтовку и убиваетъ мирнаго сосѣда-китайца съ единственною цѣлью испытать дальнобойность ружья. Японка жаловалась губернатору; приставъ ѣздилъ производить слѣдствіе, но, конечно, ничего не добился. Пощажу читателя отъ дальнѣйшихъ разсказовъ о подвигахъ „удальцовъ-забайкальцевъ“. Но кто знакомъ съ культурнымъ положеніемъ края, тотъ едва ли станетъ удивляться нравамъ жителей. Школъ почти-что нѣтъ; учителей нѣтъ вовсе. Духовенство тамошнее само мало-культурно и не имѣетъ никакого вліянія на паству...

Живя въ глуши, народъ не имѣетъ почти никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, а „пріѣзжее начальство“, подлаживаясь къ суровымъ охотникамъ, иногда само толкаетъ ихъ на преступленія. Полу-идіотъ, атаманъ отдѣла, проѣзжая какъ-то во время мобилизаціи, въ 1900 г., по Аргуни, говорилъ низовскимъ казакамъ: „Вы охотитесь на звѣря?—Охотьтесь лучше на китай-

цевъ". Подобныя наставленія приносятъ свои плоды. Осенью 1901 по Аргуни проѣзжало опять начальство. Казаки Усть-Уровской и Аргунской станицъ жаловались, что у нихъ угнали коней. „У васъ есть шашки и винтовки—ищите своихъ коней", отвѣчали имъ, и они этимъ отлично воспользовались.

Собравшись, казаки поѣхали на верховья рѣки Гана; между ними былъ одинъ черкесъ — страстный охотникъ. На встрѣчу имъ попалось семь китайцевъ на тринадцати лошадяхъ. Желая завладѣть лошадьми, казаки хотѣли тотчасъ же перебить китайцевъ; но, по просьбѣ черкеса, не сдѣлали этого, а, связавъ, увели съ собою. Китайцы объяснили, что у именитаго купца Лапушки угнали триста коней; они, т.-е. сынъ купца и шесть рабочихъ, ѣдутъ ихъ искать, а за ними, на помощь имъ, ѣдетъ отрядъ охранной стражи. На бѣду, черкесъ замѣтилъ козій слѣдъ и бросился за козой. Возвращаясь уже поздно вечеромъ, онъ замѣтилъ, что въ травѣ что-то скачетъ на подобіе дикаго пѣтуха (дрохвы). Подъѣхавъ ближе, онъ увидалъ корчащагося въ конвульсіяхъ китайца съ отрубленными конечностями; тутъ же валялись трупы его истерзанныхъ, уже мертвыхъ товарищей. Одного же китайца изъ семерыхъ казаки оставили въ живыхъ, въ качествѣ проводника. Когда возмущенный черкесъ сталъ обвинять казаковъ въ жестокости, они отвѣчали: „Молчи, а то тебѣ тоже будетъ". Оставшійся въ живыхъ китаецъ бѣжалъ при помощи черкеса и сообщилъ о звѣрскомъ преступленіи несчастному отцу. Лапушка все поднялъ на ноги; началось слѣдствіе. Привлеченные къ отвѣту, казаки говорили: „Мы думали, намъ ничего не будетъ". Я же и сейчасъ въ этомъ увѣренъ, потому что не только казаки, но и ихъ ближайшее начальство смотритъ на китайцевъ какъ на низшую породу, какъ на тварей.

Такое отношеніе пограничныхъ жителей къ китайцамъ и монголамъ для меня необъяснимая загадка. Исконные сосѣди монголовъ и китайцевъ, казаки, въ большинствѣ случаевъ, безвозмездно пользуются лѣсомъ, сѣномъ и выгономъ на китайской сторонѣ,—безъ чего существованіе ихъ было бы невозможно,—и ни обиды, ни притѣсненія отъ китайцевъ никогда не видали. Мнѣ приходилось много говорить съ ними по этому поводу. Они обыкновенно соглашались со всѣми предварительными доводами, но на замѣчаніе, что китайцы—такіе же люди, и ненависть къ нимъ ни на чемъ не основана,—они неизмѣнно отвѣчали: „А почто его, тварь, не бить?"

Верховскіе казаки, впрочемъ, лучше относятся къ инородцамъ. Позже мнѣ придется еще вернуться къ характеристикѣ

инородцевъ и отношенію къ нимъ европейцевъ. Скажу пока, что изъ всѣхъ сношеній съ китайцами и монгольскими ламами я вынесъ впечатлѣніе скорѣе ихъ культурности, гуманности, необыкновенной кротости характера. Единственное исключеніе составляютъ кочующіе въ Монголіи наши буряты, которые такъ же грубы, жадны, какъ и удальцы-забайкальцы.

Среднее теченіе Аргуни, отъ р. Быстрой до Гана, затруднительнѣе для судоходства, вслѣдствіе значительнаго числа островъ, протокъ, большихъ разбоевъ [1]) и перекатовъ.

Крутыя горы и лѣса почти прекращаются верстъ девяносто выше Усть-Урова. Отсюда вверхъ до Булдуруйскаго караула населеніе занимается преимущественно земледѣліемъ. Деревни часты и населеніе значительно гуще. Несмотря на замѣчательное плодородіе земли, а можетъ быть и благодаря этому, обработка—самая первобытная, и, истощая землю, извлекаютъ изъ нея ничтожную часть того, что̀ она могла бы дать. Земля находится въ исключительномъ пользованіи казаковъ, и веденіе хозяйства для лицъ другого сословія, которые могли бы ввести улучшенную культуру, невозможно, такъ какъ за пашню общества требуютъ посаженной платы, какъ за усадебную землю, т.-е. 24—32 р. за десятину.

Благодаря полному отсутствію ухода, овцы почти вывелись; скотъ такъ же, какъ и кони, мелокъ. Особенно бросается это въ глаза при сравненіи стараго хозяйства съ слабымъ, неокрѣпшимъ хозяйствомъ новоселовъ-хохловъ. Новоселы-малороссы первымъ долгомъ заводили полносильнаго стаднаго „пороза“ (быка). У казаковъ же быкъ является производителемъ только пока не придетъ въ возрастъ; тогда онъ холостится; лучшіе быки холостятся еще ранѣе для работы или на убой. Понятно, что при такихъ условіяхъ скотъ годъ отъ году мельчаетъ. Та же ранняя случка, дурное питаніе и отсутствіе ухода вліяютъ на мельчаніе и вырожденіе коней. Станичные, заводскіе жеребцы, не давая во многихъ станицахъ никакого приплода, являются обыкновенно только источникомъ лишняго обложенія населенія. Нѣкоторые жители пробовали доставать крупную породу свиней; но и тѣ скоро вырождались и мельчали, благодаря тому, что свиньи обыкновенно поросятся къ первому году, а то и ранѣе; о правильной же выкормкѣ населеніе не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. Лѣсомъ и покосомъ казаки пользуются на манчжурской сторонѣ. Прежде за это платили китайцамъ овсомъ; съ 1900-го г.

---

[1]) Развѣтвленіе рѣки на протоки.

ничего никому не платятъ, но съ землею обходятся какъ со своею собственностью. Травы идутъ на огонь [1]). Постороннее лицо коситъ и въ Манчжуріи не можетъ безъ спеціальнаго каждый разъ разрѣшенія общества, что̀ обходится значительно дороже самаго сѣна.

Не отличаясь особою смѣлостью, пріаргунскіе казаки поражаютъ своею жестокостью и грубостью. Грамотныхъ почти нѣтъ, что̀ вполнѣ понятно, такъ какъ учителемъ зачастую назначается безграмотное лицо, получившее необходимыя удостовѣренія въ грамотности при помощи рекомендацій. Да и кто пойдетъ въ учителя при жалованьи 16 — 25 рублей въ мѣсяцъ тамъ, гдѣ дѣльнаго рабочаго, даже сторожа, трудно нанять за 35—45 руб. Школьное дѣло на Аргуни ждетъ еще почина.

Въ малую воду перекаты средняго теченія Аргуни дѣлаютъ судоходство невозможнымъ. Подобный перерывъ навигаціи по наблюденіямъ 1898—1901 года тянется, въ среднемъ, 24½ дня (на Шилкѣ около 52 дней).

II.

Въ средней полосѣ Аргуни расположены три большихъ станицы: Усть-Уровская, Аргунская, Олочинская и много поселковъ. Въ двадцати верстахъ отъ Олочинской станицы лежитъ большое село Нерчинскій-Заводъ, не уступающее мелкимъ сибирскимъ городамъ. Весь этотъ районъ занимается почти исключительно земледѣліемъ, отправляя продукты въ Амуръ и на многочисленные кабинетскіе пріиски. Хлѣбъ, особенно пшеница, замѣчательно вкусны; лучшая пшеница—чалбучинская и горбуновская. Жители отличаются отъ низовскихъ трудолюбіемъ, гостепріимствомъ и, если только можно къ нимъ примѣнить это слово, культурностью. Среди казацкихъ поселковъ разбросано нѣсколько крестьянскихъ деревень; нравы и обычаи напоминаютъ крестьянъ Забайкалья; поэтому воспользуюсь случаемъ, чтобы сказать два слова о впечатлѣніи, произведенномъ на меня этими послѣдними. Я прожилъ болѣе пяти лѣтъ въ тѣсномъ общеніи съ крестьянами Александровской волости и года три среди шилкинскихъ и аргунскихъ казаковъ и крестьянъ, такъ что времени для наблюденій было довольно.

Восточное Забайкалье (съ остальной Сибирью я знакомъ

---

[1]) Ранней весною принято выжигать старую траву.

только поверхностно)—это русская Америка; сибирякъ въ значительной степени носитъ черты янки, и не столько въ смыслѣ предпріимчивости, сколько по складу характера. Сибирякъ (повторяю,—въ районѣ моихъ наблюденій)—матеріалистъ до мозга костей; „проклятые вопросы", занимающіе россійскаго крестьянина и породившіе столько сектъ, не существуютъ для сибиряка. Онъ неизмѣримо интеллигентнѣе, смѣлѣе россіянина; нѣтъ въ немъ ни раболѣпства, ни страха передъ кокардой; онъ знаетъ себѣ цѣну; знаетъ свои права и при случаѣ умѣетъ отстоять ихъ. Суровая природа научила его надѣяться только на самого себя, выработала находчивость и самоувѣренность. Скептикъ въ душѣ, онъ пунктуально исполняетъ всѣ обрядности, но на духовенство, равно какъ и на администрацію, смотритъ со скрытымъ презрѣніемъ.

Подчиняясь по неволѣ, онъ всегда готовъ протестовать и мстить: за обиду „поломать въ тѣсномъ мѣстѣ ребра начальству, а то и всадить пулю" [1]). На моихъ глазахъ старикъ-крестьянинъ, державшій „земскую (отводную) квартиру", обидѣвшись на замѣчаніе пристава, выгналъ его вонъ; когда же тотъ замахнулся, то принялъ такую позу, что начальство предпочло убраться по добру, по здорову, и велѣло нанять другую квартиру. Въ Нерчинскомъ-Заводѣ чуть ли не ежедневно „учатъ" разныхъ чиновниковъ, а слишкомъ рьянаго пристава, побивъ нѣсколько разъ, отъучили разгонять вечёрки. Нравы довольно свободны; женщина сильна и смѣла. Браки совершаются преимущественно „убѣгомъ", т.-е. дѣвушка убѣгаетъ тайкомъ съ женихомъ и иногда долго живетъ съ нимъ до вѣнчанія. Дѣти до брака не служатъ позоромъ для дѣвушки. Повторяю, сибирякъ уменъ и разсудителенъ. Но при своемъ умѣ и скептицизмѣ онъ не избѣжалъ все-таки нѣкоторой суевѣрности: вѣритъ въ заговоръ, порчу („надѣвать хомутъ") [2]); это—такая темная область, гдѣ приходится сплошь да рядомъ наталкиваться на явленія, вѣрить которымъ нельзя, но и отрицать невозможно. Я не берусь судить о поразительныхъ фактахъ заговора змѣй, крови, „залома червей", вліянія злой воли на здоровье человѣка, и предоставляю читателю отрицать ихъ или искать научнаго объясненія.

Трудъ сибиряка крайне интенсивенъ; рабочій же день почти вдвое короче, чѣмъ въ Россіи, и только благодаря напряженности

---

[1]) Этимъ объясняется большой процентъ офицеровъ, убитыхъ въ китайскую войну. Говорю со словъ казаковъ и солдатъ.

[2]) Въ Восточномъ Забайкальѣ, если предполагаютъ, что человѣка или скотину „сглазили", напустили порчу, то говорятъ: „на него (или нее) надѣли хомутъ".

труда, онъ достигаетъ лучшихъ результатовъ. Значительную роль въ этомъ играетъ, конечно, и несравненно лучшее питаніе (безъ мяса сибирякъ не станетъ работать). Очень распространена работа „помочами“, т.-е. въ праздники, за угощеніе или за вечёрку, сосѣди помогаютъ односельчанину управиться со спѣшной работой.

Вечёрки устроиваются обыкновенно въ избѣ какой-либо бобылки. Убираются столы и вся ненужная мебель, кромѣ скамеекъ. Парни бѣгаютъ подъ окнами, приглашая дѣвушекъ на вечёрку. Собирается публика и музыкантъ. Кому не хватаетъ мѣста, садится на колѣни, причемъ дѣвицы садятся „завсяко просто“ на колѣни къ парнямъ, а парень, садясь, долженъ изъ вѣжливости буркнуть: „позвольте сясть“ [1]).

Пляшутъ общіе танцы, а въ деревняхъ зачастую и мѣстные: „закабланъ“—замысловатый танецъ со смѣлыми фигурами, „минимасу“, напоминающую, кажется, четвертую фигуру кадрили.

Щелкаютъ орѣхи и жуютъ „сѣру“—обычай, сильно распространенный въ Сибири [2]).

Все проходитъ чинно; дракъ почти не бываетъ, хотя парни на улицѣ прохлаждаются водкой. Иной разъ слышны негодующіе возгласы: „Да чо (что) они, заразы, тамъ цѣлуются?!.. Дунча, язвила бы тебя черная немочь! Камуха (лихорадка) трясучая“! „Да что ты, Ванча, сдурѣлъ, что-ли, язви тебя въ шары! Чо, зараза, шары-то (глаза) выпучилъ“! Но въ общемъ вечёрки, которыхъ бываетъ особенно много осенью, послѣ страды, проходятъ тихо и вполнѣ прилично.

Въ большіе праздники сибирякъ ничего не жалѣетъ для устройства хорошаго стола. И дѣйствительно, на Рождество, Новый годъ и Пасху „столу“ сибиряка-крестьянина или ка́зака можетъ позавидовать зажиточный россіянинъ. Да и во всякое время, хотя бы вы обошли по дѣлу всю деревню, васъ рѣдко гдѣ отпустятъ безъ чаю съ неизбѣжнымъ печеньемъ.

Кстати, нельзя не отдать справедливости крайней опрятности большинства сибирячекъ; чистота въ домахъ поразительная; да

---

[1]) Сибирякъ говоритъ: *взясть*, *сясть* вмѣсто взять, сѣсть; „промялся“ вмѣсто голоденъ, „ревѣть“ вмѣсто кричать; „кто“ вмѣсто „что“ (напр.: „кого будешь ѣсть“) и т. д.

[2]) „Сѣра“—лиственичная и сосновая смола, переваренная въ водѣ, отчего она теряетъ значительную степень липкости, становится связной и упругой. Прекрасно очищаетъ зубы и уничтожаетъ изжогу. Но это постоянное жеваніе, сопровождаемое чавканьемъ, раздражаетъ непривычнаго россіянина. А обычай передавать жвачку другъ другу едва ли можно одобрить съ гигіенической точки зрѣнія.

и дома, особенно новые, строятъ высокіе, прочные, съ большими и многочисленными окнами.

Въ праздники ходятъ „по гостямъ“. Обыкновенно гость, посидѣвъ, поднимается со словами: „къ намъ гуляйте“; ему отвѣчаютъ: „ваши гости“, и идутъ къ нему; отъ него—къ третьему, и т. д., до безконечности. Молодежь гуляетъ съ гармониками, убранными лентами скрипками и съ пѣснями; подвыпившіе старики носятся по деревнѣ безъ шапокъ, верхомъ на коняхъ [1]). На Рождество и Новый годъ „визитируютъ“ три дня; первый день—мужчины, во второй—женщины, а въ третій—дѣвушки.

Въ общемъ сибирякъ очень гостепріименъ, но, думаю, не по чувству, а болѣе по разсчету, потому что, проводя полжизни въ дорогѣ, онъ нуждается въ чужомъ гостепріимствѣ и старается имѣть всюду знакомство и родство (которое высчитывается въ невообразимыхъ для россіянина степеняхъ); безъ этого въ Сибири, при отсутствіи постоялыхъ дворовъ, обойтись невозможно.

Корыстная подкладка сибирскаго гостепріимства сказывается во взаимной поспѣшности отгостить и отпотчивать, которую можно наблюдать въ праздникъ во время хожденія изъ дома въ домъ.

Повторяю, сибирякъ—утилитаристъ до мозга костей; сентиментальности, мечтательности, идеализма и увлеченій въ немъ не ищите, если не относить сюда общую страсть къ конямъ и бѣгамъ да сильно распространенное картежничество. Романическихъ исторій я не наблюдалъ ни разу.

Какъ уже было указано выше, способы веденія хозяйства и обработки земли—вполнѣ первобытные. Впрочемъ, въ послѣднее время жители средней полосы, по примѣру караульныхъ казаковъ верховьевъ Аргуни, начинаютъ заводить понемногу вѣялки, сѣнокосилки, конныя грабли, и т. п. Пашутъ по прежнему шабаномъ [2]), находя, что плугъ не выдерживаетъ (заворачивается на тяжелыхъ земляхъ). Это справедливо, но всецѣло относится къ низкому качеству бывшихъ въ испытаніи плуговъ. Въ заключеніе отмѣчу сильно распространенную среди женщинъ, особенно пожилыхъ, болѣзненную пугливость, называемую „олгенджи“. Болѣзнь выражается въ томъ, что почтенная особа, подъ вліяніемъ испуга, вызваннаго самымъ легкимъ, неожиданнымъ шумомъ, окрикомъ, звономъ во время церковной службы, — начинаетъ ругаться самой грубой бранью и часто вцѣпляется въ во-

[1]) Для подгулявшаго сибиряка, да и для нашего брата, натурализованнаго, гулянье безъ коня теряетъ всякую прелесть; чѣмъ горячѣе конь, тѣмъ веселѣе, хотя, конечно, бываютъ и печальные результаты подобной страсти.

[2]) Шабанъ—сабанъ въ родѣ массивнаго плуга съ деревяннымъ корпусомъ.

лосы своему ближайшему сосѣду. Любители комическихъ положеній шутятъ злыя шутки съ олгенджи.

Съ верховьями Аргуни я ознакомился во время изслѣдованій этой мѣстности, которыя продолжались отъ 1900 по 1902 г. Зимою 1900—1901 года изслѣдованіе это пришлось прекратить, за недостаткомъ продовольствія и побѣговъ служащихъ и рабочихъ. Поэтому, когда въ 1901—1902 году были назначены еще болѣе трудныя работы по изысканію верховьевъ р. Аргуни и я предполагалъ, что будетъ разрѣшено также изслѣдованіе озера Далай-Норъ съ бассейномъ, то, во избѣжаніе всякихъ затрудненій, рѣшилъ назначить для всѣхъ общее продовольствіе, большинство служащихъ взялъ съ дѣломъ вовсе незнакомыхъ, а рабочихъ выбиралъ по возможности молодыхъ и надежныхъ. Такъ какъ работать предстояло въ степной, по большей части, пустынной мѣстности, то все, начиная съ продовольствія и лѣсныхъ матеріаловъ и кончая инструментами и кузницей, приходилось брать съ собой. Партія, хорошо вооруженная, въ составѣ около 45-ти человѣкъ и 13-ти лошадей, выступила, какъ только установился ледъ. Съ началомъ службы мнѣ приходилось разрѣшить трудную задачу: установить простыя, дружескія отношенія со служащими и рабочими, но съ тѣмъ, однако, чтобы во время работъ не нарушалась дисциплина и не страдало дѣло. Думаю, что эту задачу мнѣ удалось вполнѣ разрѣшить, и этому я, главнымъ образомъ, обязанъ успѣхомъ экспедиціи, какъ будетъ видно ниже. Когда работа была вполнѣ организована, всѣ усвоили вполнѣ технику, дѣло пошло съ желательной быстротой; я безъ риска могъ передать руководство своему помощнику. Воспользовавшись такимъ положеніемъ дѣлъ, я отправился въ рекогносцировку на озеро Далай-Норъ и устье рѣки Уршуна, чтобы составить предварительный планъ предстоящихъ работъ; оттуда я проѣхалъ до г. Хайлара и, вернувшись, встрѣтилъ партію и повелъ ее въ глубь Манчжуріи.

Рекогносцировка, стоившая около восьмидесяти-пяти рублей, дала возможность болѣе или менѣе сознательно отнестись къ предстоящей работѣ; но несмотря на это, при отправленіи на озеро, невозможно было взять съ собою достаточно провіанта, и партія работала и шла около двухъ недѣль безъ хлѣба и соли; голодала и все-таки шла, исключительно благодаря товарищескому чувству, которое мнѣ удалось внушить и служащимъ, и рабочимъ. Мою честь и личные интересы они считали своими и работали не за страхъ, а за совѣсть.

III.

Верховья Аргуни, выше впаденія обильныхъ рыбою рѣкъ Гана и Дербула, никакихъ препятствій для судоходства не представляютъ, если не считать весьма крутыхъ поворотовъ. Рѣка глубока (не менѣе 5-ти фут.); островов, банокъ (мелей), камней почти нѣтъ; дно и берега мягкіе, глинистые. Значительно съузившаяся, она извилисто и медленно течетъ среди низменныхъ степныхъ береговъ.

Масса озеръ по берегамъ, остатокъ половодья, очень богаты утками, гусями и лебедями. Рѣзкихъ колебаній уровня воды не замѣчается. Огромная равнина, по которой причудливо извивается рѣка, представляетъ резервуаръ, поддерживающій постоянно воду низовій. Мнѣ кажется, что вся эта обширная долина, по которой на триста слишкомъ верстъ протекаетъ рѣка, была нѣкогда озеромъ, на мѣстѣ котораго осталась степь, покрытая многочисленными озерками и поросшая богатѣйшими пыреями, среди которыхъ змѣей вьется рѣка. Провѣрить мои предположенія можно было только почвенными изслѣдованіями, на что я ни времени, ни необходимыхъ средствъ не имѣлъ. Населеніе верховьевъ рѣдко. Жители выше Булдуруйскаго караула живутъ почти исключительно скотоводствомъ и коневодствомъ. До послѣднихъ лѣтъ, они даже сѣна не косили, держа скотъ круглый годъ на подножномъ корму. Теперь большинство заводитъ конныя сѣнокосилки и грабли; ставится масса сѣна, но при огромномъ количествѣ головъ считается благополучіемъ, если приходится 5 копенъ сѣна на голову (т.-е. около 25 пуд.) [1]). Понятно поэтому, что благосостояніе жителей верховьевъ находится въ полной и исключительной зависимости отъ климатическихъ условій. Ранній или глубокій снѣгъ лишаетъ животныхъ корма; весенніе бураны губятъ тысячи головъ ослабѣвшаго отъ безкормицы скота и овецъ. Въ значительномъ количествѣ держатъ „тымеповъ“—двугорбыхъ верблюдовъ.

Далеко въ округѣ славятся (совершенно незаслуженно) кони Хилковскаго (между Дураемъ и Калуссайтуемъ)—высокая, смѣшанная степная порода, и Бакшеева (въ Зорголѣ). Но нужно признаться—коневодство поставлено какъ нельзя болѣе худо:

[1]) Въ земледѣльческомъ районѣ, при соломѣ, охвостняхъ и прочихъ продуктахъ земледѣлія, ставятъ отъ 25 до 35 копенъ сѣна на голову, т.-е. въ 5—7 разъ больше.

ни ухода, ни наблюденія, ни подбора почти нѣтъ; все ведется, по обыкновенію, въ надеждѣ на небось, авось и какъ-нибудь.

Матки, достигающія полнаго развитія въ восемь лѣтъ, жеребятся на третьемъ-четвертомъ году. Въ погонѣ за ростомъ губится качество коней. Въ табунахъ—масса хромыхъ лошадей, чтò объясняется сыростью пастбищъ; жеребятъ давятъ и уродуютъ волки. Таково отношеніе къ конямъ, которые составляютъ почти общую и исключительную страсть вообще забайкальцевъ, а въ частности караульскаго жителя. Чтò же можно сказать о скотѣ и овцахъ? Скотъ мелокъ и мельчаетъ; племенныхъ „порозовъ" (быковъ) нѣтъ и въ поминѣ. Будучи спеціально мяснымъ, скотъ такъ же, какъ и овцы, до смѣшного мелокъ въ сравненіи съ монгольскимъ. Говоря о коняхъ, считаю нужнымъ сказать два слова объ уходѣ („ладѣ") за ними. Несмотря на сильные морозы (до 45°С.) при сѣверныхъ вѣтрахъ („хіузахъ"), конь всю зиму проводитъ или въ степи, или на открытомъ дворѣ. Чтобы онъ не потѣлъ, былъ гладокъ, не паршивѣлъ, его съ осени „потятъ", затѣмъ совершенно потнаго поятъ водой, обливаютъ и „ставятъ на выстойку" на всю ночь. Такъ поступаютъ ночей двѣнадцать. Зимою, если кормятъ овсомъ, то такъ же часто морозятъ коня, а потнаго всегда держатъ долго на выстойкѣ,—иначе конь начинаетъ хромать („овесъ въ ноги бросается"), отчего помогаетъ только правильная выстойка. Вначалѣ я не признавалъ этого, но послѣ горькаго опыта пришлось убѣдиться, что иначе съ мѣстной породой ничего нельзя подѣлать. Разумѣется, я не прибѣгалъ къ жестокостямъ сибиряка, т.-е. не поилъ и не обливалъ потнаго коня; потнаго держалъ, пока „подберется", т.-е. высохнетъ, а на выстойку ставилъ совершенно сытаго коня. Особенно вреденъ коню обильный въ овсѣ „рыжикъ"—сѣмена въ родѣ сурѣпицы. Что касается „тымена" (верблюда), то это по работоспособности, кротости и „маловытности" (т.-е. ограниченной потребности въ кормѣ) наиболѣе цѣнное животное. Опасенъ „бýронъ" (самецъ) въ мартѣ, во время гонки,—вообще же это въ высшей степени кроткое животное, совершенно беззащитное при своей силѣ. Волкъ, напримѣръ, заживо ѣстъ верблюда, а тотъ лежитъ и только кричитъ, не пытаясь даже защищаться.

Можетъ быть, не всѣмъ читателямъ извѣстно, что при первомъ теленіи самка верблюда не подпускаетъ къ себѣ теленка („не любитъ его"); тогда пастухъ беретъ скрипку и начинаетъ наигрывать заунывную, однообразную мелодію. Внимательно слушаетъ самка музыку, затѣмъ начинаютъ у нея течь крупныя слезы, и она подпускаетъ къ себѣ своего дѣтеныша, котораго до

того гнала. Къ подобному же пріему прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ съ суровыми коровами.

Истиннымъ бичомъ скотоводства является волкъ, съ которымъ степной житель безпрекословно дѣлится своими стадами, ничего не предпринимая для истребленія хищника.

Подъ вліяніемъ, можетъ быть, крупныхъ поборовъ, дошедшихъ до 27 коп. съ головы, жители стали переходить къ земледѣлію. Только въ Абагайтуѣ я не видалъ пашенъ; всюду же въ остальныхъ караулахъ годъ отъ году увеличиваются ничтожныя пока запашки. Жители лѣнивы, какъ всѣ племена, занимающіяся скотоводствомъ, и теперь только начинаютъ пріучаться къ работѣ.

Уходъ за скотомъ, т.-е. пастьба его, лежитъ на монголахъ („чипчинахъ“); хозяинъ же по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ стадъ.

Нарѣзка земли должна тяжело отразиться на верховскихъ казакахъ и вызвать тяжелый хозяйственный кризисъ, особенно если правый берегъ Аргуни, гдѣ пасутся на манджурской сторонѣ кони и скотъ, отойдетъ въ казну или кабинетъ. Вести степное хозяйство съ пятнадцатью десятинами—нечего и думать!

Переѣзжая изъ поселка въ поселокъ вверхъ, можно наблюдать все большую независимость и развязность, даже беззастѣнчивость жителей. Гостепріимствомъ верховскіе похвастать не могутъ,—съ проѣзжающихъ они, въ буквальномъ смыслѣ, дерутъ шкуру. Впрочемъ говорятъ, что это ихъ испортило „манчжурское инженерство“, квартировавшее въ тѣхъ краяхъ и сорившее дешевыми деньгами. Мнѣ и самому часто приходилось наблюдать послѣдствія деморализующаго вліянія пьяныхъ разсказовъ „инженерства“ о „выводахъ“ денегъ, „мертвыхъ душахъ“ и тому подобныхъ фокусахъ, которые необходимы на практикѣ подъ давленіемъ контроля, и зачастую ими пользуются не по необходимости, для вывода истиннаго расхода, а для наживы. Въ верхнихъ караулахъ попадается „цивилизація“ въ видѣ корсетовъ, модныхъ кофтъ и шляпокъ, а въ Абагайтусѣ (12 верстъ отъ линіи) дѣвушки производятъ впечатлѣніе европейскихъ горожанокъ.

На караулахъ говоръ у жителей нечистый, такъ называемый „ясашный“ (т.-е. ясашныхъ тунгусовъ), который состоитъ въ произнесеніи „ж“ вмѣсто „з“, и „ш“ вмѣсто „с“. Примѣсь манчжурской крови придала красоты невзрачнымъ въ низовьяхъ женщинамъ; сплошь и рядомъ встрѣчаются греческіе носы и черные, замѣчательно глубокіе глаза („такъ съ браднями и утонешь“, какъ говорятъ сибиряки); но вмѣстѣ съ красотой лица перешла отъ манчжуровъ и плоская грудь, или, вѣрнѣе, полное

отсутствіе груди у женщинъ. Манчжуры, сосѣди верховскихъ казаковъ, довольно красивы. Мужчины, особенно старики, напоминаютъ лучшія изображенія усатыхъ и чубатыхъ запорожцевъ; среди женщинъ масса красавицъ съ тонкимъ, чуть-чуть горбатымъ носомъ, чудными черными глазами и смуглымъ румянцемъ на щекахъ; но главная прелесть состоитъ въ чисто царственной, гордой, смѣлой походкѣ и граціи, которыя бросаются въ глаза, несмотря на неудобный и безобразный, съ нашей точки зрѣнія, костюмъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ долинѣ верховьевъ Аргуни, замѣчу, что всюду должны существовать довольно богатыя залежи угля, старательно скрываемыя жителями, которые боятся потерять пастбища, если залежи будутъ открыты и приступятъ къ ихъ обработкѣ. Взятыя мною съ собой для работъ пробы въ Горбуновѣ и между Кайласутаемъ и Дуроемъ весьма удовлетворительны, хотя мѣстами и содержатъ сѣру.

Приведу кстати названія поселковъ верховьевъ Аргуни и переводъ съ монгольскаго, данный мнѣ жителями: Цурухайтуй—щучья падь, Абагайтуй—бабья падь, и Кайласутай—падь четвертованнаго; по поводу послѣдняго названія разсказываютъ слѣдующую легенду. Нѣкогда монгольскій князь женился во второй разъ и взялъ себѣ молодую жену. Она воспылала страстью къ своему пасынку; послѣдній, избѣгая ея любви, бѣжалъ; она наклеветала на него. Тогда его догнали, казнили и части тѣла разослали по разнымъ странамъ,—откуда и ведетъ свое начало самое названіе Кайласутай.

Какъ было указано выше, организовавъ работу, я уѣхалъ впередъ, чтобы, проникнувъ, если возможно, на Далай-Норъ, составить приблизительный планъ предстоящихъ работъ. Въ Абагайтуѣ, послѣднемъ караулѣ, расположенномъ въ 12-ти верст. отъ ст. Мутной и въ 27-ми отъ пограничной ст. Манчжурія, я употребилъ всѣ старанія, чтобы собрать какъ можно больше свѣдѣній объ озерѣ и окрестностяхъ. Показанія старожиловъ были самыя разнообразныя и маловѣроятныя. Остановлюсь на томъ, что̀ было общаго въ этихъ свѣдѣніяхъ.

До озера верстъ 45—50. Ближайшая окраина, насколько можно проникнуть, сплошь заросла густымъ камышомъ (колосуномъ) верстъ на 15. Весною и лѣтомъ тамъ настолько мелко, что казаки собираютъ яйца дикихъ утокъ, а лѣтомъ бьютъ крупную рыбу, свободно бродя въ камышахъ. Камышъ настолько густъ, что выбраться изъ него не легко. Говорятъ, что одинъ казакъ, заблудившись, набрелъ на островъ, гдѣ видѣлъ въ водѣ самоцвѣтные

камни. Предполагаютъ, что островъ этотъ лежитъ противъ устья рѣки Уршуна. Лѣтомъ рыбы набирается такое множество, что куда ни ткнешь острогою, обязательно попадетъ одинъ или пара сазановъ, а во время весенняго хода рыба поднимаетъ воду на перекатахъ, двигаясь изъ озера Буюръ-Далая въ Далай-Норъ.

Въ Далай-Норѣ должна быть неизмѣримая глубина; да и никто не проникалъ на самое озеро, потому что кони не идутъ на ледъ, а кованныхъ коней никто не имѣетъ. Около Кайласутая мнѣ показывали валъ Чингисхана. Это—едва замѣтная теперь гряда, пересѣкающая долину Аргуни между Дуроемъ и Кайласутаемъ, образуя въ одномъ мѣстѣ на днѣ рѣки небольшой каменный порогъ. Жители утверждаютъ, что валъ идетъ въ средне-азіатскія владѣнія и устроенъ былъ по слѣдующему поводу: монгольскій князь посваталъ какую-то принцессу изъ среднеазіатскихъ владѣній. Когда стали гадать о судьбѣ невѣсты, то знахари сказали, что она будетъ счастлива, если во время пути на нее не падетъ ни одинъ лучъ солнца. Тогда былъ устроенъ валъ и юную принцессу несли въ паланкинѣ по утрамъ и вечерамъ, когда солнце низко, въ тѣни этого вала. Никакихъ болѣе правдоподобныхъ свѣдѣній я получить не могъ. Говорили также, что этимъ валомъ, какъ указателемъ, пользовались бродяги, пробираясь изъ Забайкалья въ Туркестанъ. Мнѣ даже называли фамилію одного, который впослѣдствіи велъ крупную торговлю по карауламъ и исторія котораго и до сихъ поръ тревожитъ алчные инстинкты казаковъ. Бѣглый каторжникъ, онъ пробирался вдоль вала, гдѣ ему посчастливилось найти нѣсколько камешковъ. Схваченный китайскими властями, онъ былъ выданъ русскимъ, но камешки съумѣлъ скрыть въ онучахъ. Продавъ одинъ, онъ откупился отъ стражи и добылъ паспортъ, а на остальные завелъ крупную торговлю. Говорятъ, что бывшій кайласутаевскій попъ, прельщенный этими разсказами, долго производилъ единоличные розыски въ Далай-Норскихъ горахъ и нашелъ также кое-какіе камни. За одинъ изъ нихъ онъ получилъ, будто бы, изъ Питера 1.500 руб. Моя экспедиція живо заинтересовала казаковъ, такъ какъ они надѣялись, что я выясню вопросъ о драгоцѣнныхъ камняхъ, хотя я имъ категорически заявилъ, что это вовсе не входитъ въ мои задачи. И дѣйствительно, за время работъ, я не имѣлъ времени оторваться на 1—2 часа, чтобы хотя поверхностно осмотрѣть строеніе прилегающихъ къ озеру горъ. Служащими же на отмеляхъ рѣки Курулюна ничего заслуживающаго вниманія, кромѣ сердолика, найдено не было.

Съ большимъ трудомъ нашелъ я себѣ проводника съ двумя

некованными конями. Мнѣ осѣдлали охотничьимъ, казацкимъ сѣдломъ скакуна, а проводникъ ѣхалъ въ легкихъ розвальняхъ. Взявъ съ собою немного ржаныхъ сухарей, чаю и сахару, по пачкѣ патроновъ, и забросивъ за плечи заряженныя винтовки, мы выѣхали изъ Абагайтуя, рѣшивъ во чтò бы то ни стало добраться до устья Уршуна. Переѣхавъ Аргунь, большой островъ Баянъ-Наралъ (богатый островъ), миновавъ станцію Мутную, мы углубились въ степь, придерживаясь направленія къ Кара-Кушуну (чернымъ горамъ). Верстахъ въ трехъ отъ Мутной мы выѣхали на Уланъ-Гангу̀ (красный яръ), возвышающійся надъ Мутной Протокой, которая всюду, гдѣ я могъ ее видѣть, была покрыта льдомъ. Въ двухъ верстахъ отъ Уланъ-Ганги мы наткнулись на полуобнаженный трупъ монгола „ламы̀", лежавшій вправо отъ дороги; сапоги отброшены въ сторону, одежда полу-содрана, рядомъ валяется деревянная чашка и раскрытый небольшой бумажникъ съ записной книжкой; на бритой головѣ (отличіе „ламы̀", остальные носятъ чубъ и косу)—огромная рана, нанесенная очевидно шашкой; возлѣ головы—лужа крови; на тѣлѣ ссадины—слѣды долгой борьбы. Я съ сѣдла поднялъ бумажникъ съ книжкой; въ бумажникѣ оказалась шолковая лента—одинъ изъ аттрибутовъ службы, въ книжкѣ на одной страницѣ въ двухъ косыхъ строкахъ надпись: „Лама Дажи 10800"; дальше—монгольскій текстъ. Такъ какъ мы не умѣли читать по-монгольски, то я положилъ все на прежнее мѣсто, и мы двинулись дальше.

„Это дѣло рукъ охранной стражи!"—съ убѣжденіемъ замѣтилъ проводникъ. — „Ламишка скотъ на станцію Манчжурскую гонялъ; видно, разсчетъ получилъ,—вотъ, его казаки и выслѣдили; ни одного съ деньгами не пропустятъ".

Мутная протока осталась у насъ вправо. Вдали за нею виднѣлись черныя горы Кара-Кушунъ, ограничивающія озеро Далай-Норъ съ запада. Мы углублялись въ степь, придерживаясь юговосточнаго направленія; прямо передъ нами виднѣлись песчаные холмы—„булдуруи". Изрѣдка попадались группы юртъ, стада овецъ, скота и „тыменовъ" (верблюдовъ).

— „Минду, минду, зей минду"!—добродушно привѣтствовали насъ чубатые монгольскіе буряты; съ любопытствомъ поглядывали на насъ женщины и ребятишки, а большія злыя собаки съ остервенѣніемъ кидались на нашихъ коней. Замѣтивъ на одной изъ юртъ бѣлый флагъ, я спросилъ проводника, чтò это значитъ. Это оказался обычай празднованія рожденія перваго сына. Въ каждой семьѣ старшій сынъ посвящается Богу, т.-е. дѣлается „ламòй" (священникомъ). Когда ребенку исполняется пять лѣтъ его

отвозятъ въ „дацанъ“ (церковь—монастырь), гдѣ онъ и обучается. Лама брѣетъ голову и косы не носитъ; онъ даетъ обѣтъ безбрачія и не смѣетъ участвовать въ лишеніи жизни живого существа, не смѣетъ ѣсть съ кѣмъ-либо изъ одной чашки и т. п. Службу и требы лама исполняетъ даромъ; не требуетъ и не получаетъ ни копѣйки. Хозяева юрты предлагаютъ ему только „канонъ“ (угощеніе).

Иногда попадались монголки, везущія камышъ на высокихъ двухколесныхъ арбахъ, запряженныхъ волами или верблюдами.

Къ ночи, снова наткнувшись на юрты, мы рѣшили переночевать. Въ первую же юрту насъ пустили безъ всякихъ разговоровъ, какъ только узнали, что мы не желѣзнодорожники и не охранная стража, которой монголы боятся...

IV.

Не многимъ читателямъ извѣстно устройство и обстановка юртъ, а потому скажу въ нѣсколькихъ словахъ объ этой постройкѣ, какъ мнѣ приходилось самому много разъ устанавливать ее.

Остовъ юрты составляютъ, смотря по величинѣ ея, 6—8—10 пряселъ, сдѣланныхъ изъ тальниковыхъ прочныхъ плановъ, около $2^1/_2$ аршинъ длиною. Планки эти, какъ на винтахъ, соединяются ремешками въ видѣ косой рѣшетки, такъ что ихъ можно совершенно сложить и раздвигать болѣе или менѣе, въ зависимости отъ чего юрта будетъ ўже и выше или ниже и шире. Рѣшетка устанавливается кругомъ такимъ образомъ, чтобы концы планокъ двухъ смежныхъ пряселъ совпадали, послѣ чего рѣшетки связываются ремешками, обхватывающими по двѣ планки. Одно изъ пряселъ состоитъ изъ легкой рамы съ деревянной дверью, или пологомъ изъ кошмы. Дверь устанавливается, понятно, съ подвѣтренной стороны. Когда прясла установлены и связаны ремешками, ихъ обхватываютъ кругомъ волосяной веревкой, чтобы придать прочность всему сооруженію. Затѣмъ одинъ, стоя въ серединѣ круга, держитъ широкое деревянное кольцо со множествомъ боковыхъ дырокъ, а другой беретъ длинныя палки, заостренныя съ одного конца и снабженныя ременными петлями съ другого. Петли одѣваются на верхніе концы планокъ боковой рѣшетки, а заостренные концы втыкаются въ дыры средняго кольца. Когда всѣ палки, въ числѣ 20—30, прилажены, то юрта получаетъ видъ низкаго цилиндра съ усѣчен-

нымъ конусомъ. Готовый остовъ покрывается кошмами [1]), кромѣ отверстія верхняго кольца, которое покрывается только на ночь. Въ центрѣ юрты помѣщается желѣзный таганъ, на который ставится огромная двухведерная чугунная чашка—„желобга“, гдѣ приготовляется чай и пища, о чемъ я скажу впослѣдствіи. Около двери стоятъ деревянныя кадушки съ толстыми желѣзными обручами, — иногда шкафчикъ; лежитъ запасъ „аргалу“ (коровьяго сухого навоза), служащаго вмѣсто топлива. Противъ двери, немного влѣво, за очагомъ стоитъ нѣчто въ родѣ комода, гдѣ помѣщаются сосуды, служащіе для религіозныхъ цѣлей, и курительныя палочки. У баргутовъ-шаманистовъ висятъ тутъ же ихъ „бурханы“ [2]). У братскихъ монголовъ никакихъ изображеній не видно. Противъ двери помѣщается на низкихъ ножкахъ въ одинъ или полтора вершка деревянный помостъ, гдѣ свалены постилки, шкуры, шубы, — это представляетъ хозяйскую постель. Налѣво отъ двери помѣщаются на ночь молодыя животныя. Таковъ обычный видъ монгольской юрты, какъ я ее видѣлъ у бурятъ, баргутовъ, солоновъ и другихъ племенъ. Какъ только мы заходили въ юрту, просясь ночевать, хозяинъ набивалъ табакомъ „гамзу“— китайскую трубку—и, раскуривъ ее, передавалъ съ поклономъ гостямъ.

Гамза имѣетъ видъ плоской мѣдной или польскаго серебра чашечки, соединенной изогнутой трубкой съ деревяннымъ длиннымъ чубукомъ, съ шестиграннымъ наконечникомъ изъ прозрачнаго камня сѣровато-коричневаго оттѣнка. Когда хозяинъ и гости угостили другъ друга трубкой, хозяинъ достаетъ изящный плоскій флаконъ съ нюхательнымъ табакомъ, въ пробку котораго вдѣлана костяная лопаточка, и передаетъ для понюшки гостямъ. Хозяйка готовитъ чай. Но сперва два слова о костюмѣ монголовъ Женщины у монгольскихъ бурятъ носятъ своеобразный головной уборъ: серебряный обручъ, съ боковъ котораго на распущенные волосы спускаются шесть расходящихся деревянныхъ пластинокъ, убранныхъ серебромъ въ одинъ вершокъ ширины и 1/4 вершка толщины; такъ какъ этотъ тяжелый и неудобный уборъ снять на

[1]) Кошма—сбитая въ большіе куски овечья шерсть (волна); отличается отъ потниковаго войлока тѣмъ, что значительно больше, толще (до 1/2 вершка) и не такъ туго сбита и скатана.

[2]) У баргутовъ-шаманистовъ бурханы—идолы—сдѣланы изъ сухихъ, цѣликомъ снятыхъ овечьихъ шкурокъ (мерлушекъ) съ бѣлымъ пятномъ напереди, на подобіе лица. Русскіе зовутъ ихъ бурхановъ „мохнашками“. Эта сухая шкурка отдаленно напоминаетъ фигуру закутаннаго человѣка.

ночь невозможно, то подушку замѣняетъ обитая кошмой и матеріей подставка подъ шею.

Костюмъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, составляетъ „тырлыкъ“—шуба съ низкимъ стоячимъ воротникомъ, застегивающаяся подъ мышкой (какъ кучерская поддёвка), съ широкими рукавами, перетянутыми у кисти, причемъ широкій опускной обшлагъ защищаетъ руки отъ холода; шуба подпоясывается кушакомъ; на ногахъ кожаные штаны и унты — мягкіе кожаные чулки съ войлочной, простеганной жилами, подошвой. На головѣ обыкновенно поярковая, съ ушами и налобникомъ, шапка.

Но возвращаюсь къ монгольской стряпнѣ. Выметя вѣникомъ чашку—„желобгу“—и подсунувъ подъ таганъ пучокъ камыша, монголка принесла льду въ полѣ своего тырлыка и бросила въ чашку. Когда вода закипѣла, она бросила туда горсть кирпичнаго чая и, прокипятивъ, слила его въ деревянную кадушку. Снова выметя чашку, она накрошила туда бараньяго сала и муки. Въ поджаренную въ салѣ муку вылила приготовленный ранѣе чай и, прокипятивъ снова всю эту смѣсь, разлила ее въ плоскія деревянныя чашки для питья. Это „чай съ затураномъ“, очень любимый большинствомъ русскихъ въ Забайкальѣ, которые приписываютъ ему особыя питательныя и цѣлебныя свойства. Хлѣба у монголовъ я не видалъ. Напившись чаю съ затураномъ, они въ той же чашкѣ варятъ крошенное мясо. Сидятъ и хозяинъ, и гости на полу на кошмахъ, а вмѣсто стола служатъ имъ скамейки на ножкахъ вершка въ три.

Послѣ чаю, хозяева спросили моего переводчика о моей должности. Тотъ назвалъ меня начальникомъ аргунскаго пароходства. Хозяинъ понялъ по-своему, заявивъ, что это значитъ начальникъ надъ сушей и водою, очень большой „найонъ“. Ни усилія переводчика разубѣдить, ни его смѣхъ не могли поколебать этого убѣжденія, потому что Аргунью ограничиваются понятія этихъ бѣдныхъ пастуховъ. Накормивъ коней овсомъ, мы ихъ стреножили и пустили въ степь, а сами, завернувшись въ свои тырлыки, улеглись спать. Утромъ чуть свѣтъ мы снова двинулись въ путь и къ полудню въѣхали въ царство камышей съ пробитыми дорогами, по которымъ кочевники возятъ себѣ топливо. Камышъ достигаетъ $1^1/_2$ саженъ вышины, толщиною съ мизинецъ, и настолько густъ, что стоитъ по обѣ стороны дороги сплошною стѣной. Невдалекѣ отъ устья рѣки Уршуна, мы заѣхали въ стойбище племени баргутовъ.

Баргуты не носятъ косъ, а жены ихъ—украшеній. Это племя обязано отбывать въ Китаѣ военную службу, какъ у насъ казаки.

Но ни въ одной юртѣ я не замѣтилъ и признаковъ какого бы то ни было оружія. Напившись чаю въ одной изъ юртъ, мы пѣшкомъ отправились на Уршунъ и озеро. Среди безконечныхъ камышей и рѣдкихъ тальниковъ широко разлился Уршунъ, впадая въ Далай-Норъ безчисленными рукавами. Въ это время года (было начало февраля) все промерзло насквозь. Дно рѣки, какъ серебряной чешуей, было покрыто мелкой замерзшей рыбой; мѣстами виднѣлись крупные сазаны. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ледъ осѣлъ, и показавшаяся въ ямахъ вода издавала отвратительный запахъ гнилой рыбы. Не имѣя возможности пробиться сквозь камыши, мы вернулись назадъ на стойбище. Въ юртѣ мы нашли довольно большое общество и между прочими баргутскаго купца. Завязался черезъ переводчика оживленный разговоръ. Монголы предполагали, что озеро имѣетъ 60 верстъ длины и 30 верстъ ширины. Мѣстами оно должно быть очень глубоко. 200—500 верстъ вверхъ по Уршуну лежитъ другое озеро—Буюръ-Далай, которое хотя и меньше Далай-Нора, но очень глубоко и изобилуетъ рыбою, которая весною въ огромномъ количествѣ идетъ по Уршуну въ Далай-Норъ метать икру. Въ озеро Буюръ впадаетъ однимъ рукавомъ быстрая рѣка Халка; другой же ея рукавъ, подъ именемъ Сараджи, минуя озеро, впадаетъ въ Уршунъ.

Исторію обмелѣнія Далай-Нора передаютъ такъ: у Буюра жило податное племя халканцевъ; по Уршуну кочевали, какъ и теперь кочуютъ, баргуты (военное племя), солоны и монгольскіе буряты. Враждуя съ баргутами, халканскій князь, чтобы лишить ихъ воды, завалилъ истокъ Уршуна мѣшками съ пескомъ, что и вызвало обмелѣніе Уршуна и самаго Далая. Долго тянулась тяжба враждующихъ племенъ. Наконецъ баргуты оттѣснили халканцевъ; пекинскій чиновникъ нашелъ завалъ рѣки незаконнымъ и претензіи баргутовъ справедливыми, но прорыть плотину баргуты не могутъ, и дѣло остается въ прежнемъ положеніи, хотя Уршунъ и стремится разрушить преграду. Ламы увѣряютъ, что настанетъ время, когда священный Далай наполнится (въ ущербъ Буюру) и приметъ прежній грозный видъ, т.-е. изъ ничтожнаго болота обратится вновь въ озеро-море.

О рыбныхъ богатствахъ можно судить потому, что когда рыба идетъ изъ Буюра по рѣкѣ Уршуну въ Далай-Норъ метать икру, то она поднимаетъ воду на себѣ на перекатахъ, и „куда ни ткнешь острогою, на ней сазанъ, а то и пара“.

И казаки, и желѣзнодорожные рабочіе на многихъ подводахъ ѣздятъ на Уршунъ, а большинство—на далай-норскіе камыши, гдѣ, бродя по колѣно въ водѣ, бьютъ мечущую икру рыбу въ

неимовѣрномъ количествѣ. Въ камышахъ же возами собираютъ яйца дикихъ утокъ и гусей. Эти хищническіе промыслы указываютъ на неистощимость естественныхъ богатствъ.

Разговоръ перешелъ къ недавнимъ событіямъ.

Среди присутствующихъ оказалось нѣсколько бѣжавшихъ съ поля битвы и одинъ бывшій военноплѣнный. Несмотря на мои просьбы, послѣдній ничего не хотѣлъ разсказать о своемъ положеніи въ плѣну. „Стѣсняется, не хочетъ гостя обидѣть",—пояснилъ переводчикъ:—„очень ужъ мучили наши; да и плѣнныхъ у насъ только вначалѣ брали, а послѣ всѣхъ прикалывали да пристрѣливали".

Баргуты очень интересовались тѣмъ, скоро ли пріѣдетъ къ нимъ начальство; они уже около двухъ лѣтъ не платили податей. На всѣ мои вопросы о томъ, какая имъ польза отъ начальства,—отвѣчали, что все-таки безъ начальства неудобно.

Вскорѣ пріѣхалъ лама и началъ службу. Онъ зажегъ курительныя палочки и сталъ нараспѣвъ читать по продолговатымъ листкамъ, которые были старательно завернуты въ платокъ. Хозяинъ, сидя съ нимъ рядомъ, изрѣдка сочувственно покачивалъ головой, дѣлая видъ, что слушаетъ, и принимая живое участіе въ бесѣдѣ моего переводчика съ хозяйкой, которая приготовляла „канонъ".

Она накрошила въ желобгу мяса, навалила снѣгу и подложила огонь. Затѣмъ, сбросивъ тырлыкъ, обнажилась до пояса и снова одѣла его, оставивъ свободной правую руку. Приготовившись такимъ образомъ, она стала изъ бѣлой крупчатной муки мѣсить тѣсто на небольшой деревянной доскѣ; тѣсто постепенно темнѣло и подъ конецъ приняло цвѣтъ ржаного хлѣба (зато руки хозяйки значительно побѣлѣли). Изъ приготовленнаго тѣста она нарѣзала лапши и опустила ее въ кипящую похлёбку. Лама̀, окончивъ службу, налилъ изъ небольшого мѣднаго сосуда въ крохотную чашечку крѣпкой ханшины (китайской водки) и, побрызгавъ нѣсколько капель въ честь боговъ, протягивалъ ее по очереди хозяевамъ и гостямъ, которые выпивали съ поклономъ. Когда принялись за „канонъ", я съ благодарностью отказался отъ угощенія. Лама̀ вскорѣ уѣхалъ, а мы, переночевавъ, утромъ двинулись въ путь и къ вечеру были уже въ Абагайтуѣ.

V.

У меня оказалось тогда въ распоряженіи нѣсколько свободныхъ дней, и, рѣшивъ воспользоваться ими, я сталъ искать переводчика для поѣздки въ Хайларъ. Къ вечеру переводчикъ былъ найденъ, а ночью мы уже прибыли на станцію Хайларъ и направились къ городу, отстоящему отъ вокзала на $1^1/_2$ версты. Дорога шла по песчаной равнинѣ, на которой изрѣдка попадались группы мелкорослой сосны. Влѣво отъ дороги виднѣлись полузаброшенныя многочисленныя постройки купца Лапушки, а близъ города—покинутый дацанъ (китайскій монастырь). Самъ городъ обнесенъ стѣной, которая, какъ оказалось, представляла не что̀ иное, какъ внѣшнія стѣны жалкихъ „фанзъ“ (домовъ), сдѣланныхъ изъ плетня и обмазанныхъ глиной. Какой она могла служить защитой — мнѣ непонятно. Самый въѣздъ въ городъ также защищенъ стѣною, шириною саженей въ пять. Близъ нея мы увидали нѣсколько нашихъ солдатъ охранной стражи и, хорошо зная ихъ нравы, поправили ножи и демонстративно взвели на боевой взводъ курки револьверовъ.

Глядя на эти жалкіе плетни, я невольно вспоминалъ позорной памяти подвиги „удальцевъ-забайкальцевъ“, о которыхъ они же сами разсказывали. Войдя въ покинутый Хайларъ, гдѣ не было уже никого, ни женщинъ, ни дѣтей, они, чтобы показать свою удаль, убили нѣсколькихъ безоружныхъ стариковъ-сторожей. Къ городу былъ приставленъ караулъ, который, впрочемъ, за 3—5 рубл. съ подводы, пропускалъ пріѣзжавшихъ забайкальцевъ грузить подводы городскимъ добромъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, отъ Хайлара до Цурухайтуя прямикомъ степью—два станка, т.-е. около 100 верстъ. Послѣ, по всѣмъ станицамъ и поселкамъ восточнаго Забайкалья можно было видѣть это охранявшееся въ Хайларѣ добро: китайскіе дорогіе мѣховые халаты, мебель, шитые золотомъ ковры-картины, ружья Маузера, по нѣскольку швейныхъ машинъ въ избѣ, гдѣ подчасъ ими не умѣли еще пользоваться, массивное столовое серебро и т. п.

Но, впрочемъ, все это была, такъ сказать, заслуженная плата за тѣ уроки гуманности и цивилизаціи, которые мы дали желтолицымъ варварамъ!

Пройдя ворота, мы очутились на улицѣ, составлявшей весь городъ,—но напрасно стучались подрядъ въ нѣсколько домовъ, гдѣ жили русскіе—знакомые моего переводчика: насъ нигдѣ не пускали.

— Придется, однако, къ китайцамъ проситься!—смущенно сказалъ мой спутникъ.

— Да вѣдь они не пустятъ, — возразилъ я;—переночуемъ какъ-нибудь и на дворѣ.

— Что вы! да всякій изъ нихъ безъ словъ пуститъ; они вѣдь, оборони Богъ, хорошіе! Только я такъ думалъ, что вы у „тварей“ останавливаться не захотите. У нихъ въ любой домъ стукни—пустятъ. Я одинъ никогда къ своимъ не иду.

И дѣйствительно, лишь только онъ постучалъ въ первую дверь и перекинулся нѣсколькими словами, какъ насъ тотчасъ же впустили и провели въ большую комнату, гдѣ всѣ уже, повидимому, спали, но теперь были разбужены нашимъ стукомъ.

Одна стѣна комнаты состояла изъ деревянной рѣшетки, заклеенной бумагой, сквозь которую проникалъ свѣтъ. Часть рѣшетчатой стѣны, выходящей во дворъ, и вся противоположная глухая стѣна, обыкновенно составляющая фасадъ дома, были заняты лежанкой съ поставленными на ней на низкихъ, вершковыхъ ножкахъ деревянными нарами, покрытыми потниками. Это —постели китайцевъ. Около наръ, на треножникѣ помѣщалась огромная чугунная чаша съ красными углями, на рѣшеткѣ которой стоялъ мѣдный чайникъ въ формѣ кувшина и лежали щипцы, чтобы брать угли для закуриванія. Одинъ уголъ комнаты былъ занятъ шкафами и комодомъ съ курительными свѣчами, бурханомъ и священными сосудами; тутъ же стояла конторка съ чернилами и кисточками вмѣсто перьевъ.

Для насъ тотчасъ же очистили мѣсто рядомъ съ хозяиномъ. Черезъ переводчика я поблагодарилъ за гостепріимство и просилъ никого не безпокоить. Но мой спутникъ сказалъ, чтобы я думать забылъ объ этомъ, что у нихъ уже готовятъ угощеніе и отказъ будетъ для нихъ горькой обидой.

Хозяинъ набилъ гамзу, закурилъ и подалъ мнѣ. Затянувшись нѣсколько разъ, я съ поклономъ возвратилъ ее, послѣ чего она перешла къ переводчику; послѣдній, покуривъ, набилъ своимъ табакомъ и съ поклономъ передалъ хозяину.

Пока мы курили и говорили о послѣднихъ политическихъ новостяхъ, передъ нами на нарахъ появился низенькій столикъ, на который поставили чай, китайскій тростниковый сахаръ-леденецъ и зелень, въ родѣ нашей зори, которая, къ моему изумленію, оказалась лукомъ. Едва мы успѣли покончить съ чаемъ, какъ передъ нами поставили пельмени съ отваромъ изъ мелкой, какъ вермишель, вязиги. Мы достали костяныя палочки, которыя помѣщались въ ножнахъ, вмѣстѣ съ нашими ножами, и я на-

чалъ не легкую охоту на пельмени, которыя, надо отдать справедливость, были великолѣпно приготовлены. Но ловля пельменей двумя палочками, которыя держишь одну между указательнымъ и среднимъ, а другую, между среднимъ и безъимяннымъ пальцами, и дѣйствуешь, какъ пинцетомъ, — задача настолько серьезная и трудная, что требуетъ немалаго навыка.

Послѣ ужина мы улеглись спать, и я замѣтилъ, что меня снизу сильно подогрѣваетъ. Оказалось, что подо всѣми нарами проходитъ топка, благодаря чему спать тепло, хотя вся стѣна въ головахъ—бумажная, полу-прозрачная.

Утромъ, напившись чаю, мы пошли осматривать городъ, который, къ моему изумленію, оказался состоящимъ изъ одной короткой улицы, куда дома выходили глухими стѣнами. Всѣ китайскія лавки были закрыты, потому что купцы боялись грабежа со стороны охранной стражи; зато русскіе бойки торговали японскими товарами, большинство которыхъ меня, видавшаго виды, вгоняло въ краску.

Взявъ извозчика, мы съѣздили на рѣки Еминъ (притокъ Хайлара) и Хайларъ, для промѣра глубины ихъ, которая оказалась вполнѣ достаточной для судоходства. Когда, прощаясь, я хотѣлъ уплатить хозяевамъ за ночлегъ и харчи, они обидѣлись и сказали, что въ ихъ странѣ не торгуютъ гостепріимствомъ.

Вечеромъ я уѣхалъ назадъ на станцію Мутную или Далай-Норъ, а къ ночи слѣдующаго дня на Аргуни присоединился къ своей партіи, оставленной на пять дней.

Безъ всякихъ приключеній дошли мы до Мутной протоки и Абагайтуя, откуда должна была начаться самая трудная часть нашей экспедиціи. Я далъ отдыхъ всей партіи, заказалъ баню и устроилъ вечёрку.

Со служащими и наиболѣе опытными изъ рабочихъ мы долго обсуждали вопросъ: идти ли всѣмъ вмѣстѣ одной партіей на Далай, или разбиться на двѣ партіи такъ, чтобы одна шла рѣкою Хайларомъ до Хархантэ, подъ руководствомъ моего помощника, а другая, главная, со мной шла на Далай-Норъ. Меня соблазняла мысль расширить при тѣхъ же расходахъ размѣръ изысканій, ибо я предвидѣлъ, что, вернувшись съ Далая, мы уже не будемъ годны ни на какую работу. Но послѣ здраваго размышленія мы рѣшили, что дробить силы, въ виду рискованности предпріятія, неблагоразумно, и что это можетъ окончиться полною неудачею. Народъ въ партіи подобрался хорошій; большинство было лично ко мнѣ расположено. Передъ выступленіемъ я объяснилъ всю трудность предстоящей намъ задачи;

указалъ на то, что на Далаѣ мы съумѣемъ достать только мяса, а провіанту я принужденъ брать въ ограниченномъ количествѣ, не зная, насколько можетъ затянуться работа; я сказалъ, что вижу единственное спасеніе отряда въ самой строгой дисциплинѣ, что особенно важно послѣ перехода за границу; кто не хочетъ—пусть не идетъ, а кто пойдетъ—пусть знаетъ заранѣе, что при малѣйшемъ отступленіи отъ тѣхъ требованій, которыя я считаю необходимыми, я размозжу виновному голову, потому что благо всего отряда для меня дороже жизни одного человѣка. Взявъ переводчика, сформировавъ обозъ и осмотрѣвъ оружіе, мы выступили изъ Абагайтуя на Мутную протоку, гдѣ были прекращены работы.

На Мутной выдержали сильный двухдневный буранъ, который засыпалъ насъ снѣгомъ. Ни развести огонь, ни вылѣзти изъ палатки не было никакой возможности, и мы рисковали лишиться обоза, такъ какъ коней нельзя было пустить въ степь и они стояли голодные. Когда буранъ прошелъ, мы двинулись въ путь и черезъ четыре дня вступили въ область сплошныхъ камышей.

Необыкновенно густые, камыши („колосуны") достигающіе $1^1/_2$ саж. вышины и въ мизинецъ толщиною, окружали озеро кольцомъ отъ пяти до пятнадцати верстъ шириною. Юго-западная сторона озера, лишенная камыша, ограничена горами Кара-Кушунъ.

Среди камышей разбросаны стойбища манчжуровъ, да кое-гдѣ пролегаютъ дороги, протореннныя ихъ арбами. Малѣйшая неосторожность съ огнемъ могла бы поджечь всю эту массу камышей, среди которыхъ погибло бы нѣсколько племенъ. Зная характеръ своей партіи, которая не прочь „подшутить" надъ „тварью", я объявилъ, что всажу зарядъ въ голову первому, кто осмѣлится пустить палъ (подожжетъ камышъ).

Разбившаяся на многочисленные рукава, Мутная протока исчезала въ камышахъ. Она почти сплошь промерзла; только въ немногихъ ямахъ мы нашли подо льдомъ гнилую воду. Нивеллировка Мутной дала сначала подъемъ, а затѣмъ непрерывное паденіе къ Далай-Нору, въ общемъ немного превосходящее 3 саж. (3,159 саж.).

Позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы въ двухъ словахъ описать общій характеръ мѣстности.

Въ настоящее время р. Хайларъ, въ которую близъ г. Хайлара впадаетъ притокъ Эминъ, течетъ въ 45 верстахъ отъ озера Далай-Норъ и, начиная отъ Мутной протоки, носитъ названіе

Аргуни. Паденіе Аргуни, Мутной и Хайлара очень ничтожно, менѣе 0,006 на версту. На востокъ отъ Мутной жители указываютъ чуть замѣтную падь, носящую названіе „русло стараго Хайлара".

Можно предполагать, что мнѣніе первыхъ путешественниковъ о томъ, что истокомъ Аргуни служитъ Курулюнъ, не лишено основанія. Хайларъ вѣроятно впадалъ въ озеро Далай-Норъ по „руслу стараго Хайлара", а Аргунь по Мутной протокѣ вытекала изъ озера. Когда, по изложеннымъ выше причинамъ, озеро стало мелѣть и съ юга начало заносить по льду пескомъ и Мутную, и русло Хайлара, тогда послѣдній пробилъ себѣ новое русло прямо въ Аргунь и процессъ занесенія протоки Мутной и стараго русла Хайлара продолжается. Подобная же картина, по словамъ манчжуровъ, наблюдается въ настоящее время около озера Буюръ-Далая, какъ сказано выше.

Около Буюръ-Далая рѣка Халка дѣлится на два рукава, изъ которыхъ одинъ непосредственно впадаетъ въ озеро, а другой, подъ именемъ Сараджи, минуя Буюръ, впадаетъ въ рѣку Уршунъ, вытекающую изъ озера. Можно предположить, что современемъ Халка перестанетъ впадать въ Буюръ и, подобно р. Хайлару, станетъ течь мимо. Возможно, что подобная аналогія не случайна, и изученіе современнаго процесса способно пролить свѣтъ на минувшія событія.

Озеро Далай-Норъ, считая и камыши,—длиною $67^1/_2$ верстъ и шириною 26 верстъ. Западный берегъ揭 гористъ, но предѣлъ тонкаго слоя льда кончается верстахъ въ $1^1/_2$—2 отъ горъ. На горахъ Кара-Кушунъ, на высотѣ болѣе сажени замѣтны слѣды бывшаго прибоя; трава же на берегу указываетъ на то, что нынѣ вода версты на $1^1/_2$ не доходитъ даже до подошвы тѣхъ горъ, которыя нѣкогда размывала. Остальные берега пологи, но на разстояніи отъ 3 до 15 верстъ отъ предѣла льда тянутся высокія дюны, указывающія бывшій предѣлъ озера. Мутная протока течетъ почти на сѣверъ, Уршунъ впадаетъ съ востока, а Курулюнъ—съ юго-юго-востока.

Подойдя къ Мутной по камышамъ, я направился на юго-востокъ, чтобы главной магистралью выйти приблизительно къ устью Уршуна. Разбивъ рабочихъ на смѣны, по пяти въ каждой,—приступили къ прокосу саженной просѣки въ камышахъ. Работа шла убійственно медленно, такъ что мы въ три дня съ большими усиліями прокосили девятиверстную просѣку и наконецъ вышли на открытое мѣсто. Все время подъ тончайшимъ слоемъ льда въ 1—4 вершка была земля. Когда мы вышли изъ области камы-

шей, передъ нами открылось необозримое ледяное пространство, пересѣченное, повидимому, не то черными островами, не то грядами горъ и нагроможденными льдами. Оказалось, что это былъ лишь оптическій обманъ, потому что, подходя ближе къ воображаемымъ горамъ, мы убѣждались, что эти черноТины—почва, не покрытая льдомъ, или ничтожныя скопленія льдинъ, не превышающія полуаршина.

Направивъ партію и обозъ на юго-востокъ, я съ одной подводой, инструментами и бойкими рабочими направился на западъ и промѣрилъ 9½ верстъ. Тонкій слой льда нигдѣ не превышалъ четырехъ вершковъ. На обратномъ пути поднялся легкій буранъ, сталъ сносить сани и заносить слѣды; мы поняли, какъ трудно найти партію, ставшую лагеремъ среди этой необозримой равнины, гдѣ все такъ изумительно быстро исчезаетъ изъ виду. Мы стали искать большихъ флаговъ, которые партія, ушедшая на юго-востокъ, должна была ставить на своемъ пути; но долго поиски наши были тщетны. Наступила ночь; буранъ усиливался, а у насъ не было ни сѣна, ни пищи, ни одежды. Каждый про себя думалъ о томъ глупомъ положеніи, въ которое мы всѣ попали; мы пошли наугадъ, потерявъ уже надежду найти партію, какъ вдругъ громкое ржаніе коня прервало наши невеселыя мысли. Оказалось, что онъ замѣтилъ сброшенный вѣтромъ и почти занесенный снѣгомъ флагъ, на вѣшкѣ съ желѣзнымъ наконечникомъ. Мы принялись за розыски слѣдующаго знака, съ большимъ трудомъ отыскали его, опредѣлили направленіе, котораго слѣдовало держаться, и поздно ночью нашли своихъ. Буранъ усиливался, а потому пришлось всѣми имѣющимися средствами укрѣпить лагерь.

Къ утру буранъ стихъ, мы двинулись дальше и къ ночи были уже у устья Уршуна.

Рѣка Уршунъ, изслѣдованная на пятнадцать верстъ, впадаетъ въ озеро многими рукавами; наибольшая глубина льда съ осадкою доходила до 1½ саженей, а глубина воды въ ямахъ—до 0,7—0,8 сажени. Все дно рѣки было, буквально, устлано мелкой рыбой, а во льду попадались даже крупные экземпляры.

Вечеромъ, когда мы стали лагеремъ въ камышахъ, къ намъ донесся волчій вой, который сталъ приближаться; наконецъ появились и волки и, окруживъ насъ тѣснымъ кольцомъ, выли въ теченіе всей ночи. Такого обилія волковъ, какъ въ ту ночь, мы до той поры не встрѣчали.

Ко мнѣ на таборъ пріѣзжали знакомые баргуты и торговецъ, привезшій мнѣ коробку китайскихъ конфектъ и бутылку ханшины

20*

(китайскаго спирта). Отдаривъ его, я просилъ достать мнѣ проводника съ верблюдомъ до озера Буюръ-Далая, которое я хотѣлъ изслѣдовать, отправивъ остальную партію къ Курулюну. Но мнѣ категорически заявили, что никто не согласится на подобное предложеніе во время безкормицы, что это значитъ идти на вѣрную гибель, потому что подобную поѣздку можно совершить только по кормамъ, т.-е. только лѣтомъ. Мнѣ по неволѣ пришлось отказаться отъ своихъ плановъ.

VI.

Отъ Уршуна мы двинулись на югъ и, пройдя двадцать-одну версту сто саженей, очутились на серединѣ озера и произвели подробные промѣры къ обоимъ берегамъ, но нигдѣ ничего, кромѣ тонкаго слоя льда, найдено не было. Еще черезъ тридцать верстъ пути мы вышли къ устью Курулюна.

Уже около Уршуна наши запасы стали приходить къ концу; тогда я распорядился, увеличивъ количество мяса, сократить порцію сухарей. Отвѣтомъ на мое распоряженіе былъ ропотъ. Рѣзко оборвавъ посланныхъ ко мнѣ для переговоровъ выборныхъ, послѣ чего ропотъ смолкъ, я на утро велѣлъ рабочимъ выбрать двухъ довѣренныхъ, которымъ обозный по моему распоряженію и выдалъ всѣ припасы. Объяснивъ партіи, что припасы идутъ къ концу, я при помощи выборныхъ раздѣлилъ сухари, соль и водку самымъ добросовѣстнымъ образомъ между служащими и рабочими. На каждаго пришлось по нѣскольку сухарей и по щепоткѣ соли. Послѣ этого въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, когда всѣмъ пришлось питаться однимъ мясомъ, часто сырымъ, я не слыхалъ ни ропота, ни упрековъ. Съ самаго начала рабочіе заподозрили, что имъ сократили выдачу хлѣба въ то время, когда служащіе имѣютъ вволю. Увидавъ же, что для меня всѣ равны, и что я даже отдаю въ вопросѣ продовольствія предпочтеніе рабочимъ, они были спокойны и просто удивляли и трогали меня своимъ поведеніемъ.

И такъ уже съ середины озера мы шли безъ провіанта. Надежда на обиліе рыбы такъ же обманула насъ, потому что увѣренность жителей, что на озерѣ Далай-Норъ должны быть глубокія мѣста, гдѣ зимуетъ рыба, безусловно неосновательна. Рыба, идущая изъ озера Буюра весной по Уршуну въ Далай метать икру, возвращается вся назадъ. Въ Буюръ же спасается и вся „молодь“ (молодая рыба), кромѣ той, которая, запоздавъ,

гибнетъ въ Уршунѣ и устилаетъ дно рѣки серебрянымъ ковромъ.

Названіе „озеро-море“ (Далай-Норъ) едва ли было законно когда бы то ни было. Судя по знакамъ прибоя на горной цѣпи Кара-Кушунъ, наибольшая глубина озера достигала 2 саженей, ширина 42 верстъ, длина—76 верстъ. Но когда первые путешественники видѣли озеро Далай-Норъ, то оно могло быть развѣ только на нѣсколько вершковъ глубже, чѣмъ теперь, потому что они ѣхали по западному берегу подъ хребтами Кара-Кушуна, а слѣдовательно вода уже не размывала горъ и озеро имѣло, приблизительно, такой же видъ, какъ и въ настоящее время.

Пройдя Курулюнскіе камыши, я направилъ партію вверхъ по рѣкѣ, а самъ съ проводникомъ поѣхалъ купить скота и барановъ, потому что сдѣланный на Уршунѣ запасъ мяса подходилъ къ концу. Вдали мы увидали китайскаго типа постройки, окруженныя стѣною, къ которой, послѣ многихъ извилинъ, подходилъ Курулюнъ. Мы пустились напрямикъ, степью, и, подъѣхавъ, увидали большой „дацанъ“ (церковь-монастырь) со многими, изящной архитектуры, часовнями. Всѣ постройки украшены мѣдными главами, драконами и живописными изразцами. Тутъ же въ оградѣ было много богатыхъ юртъ. Мы вошли въ первую изъ нихъ, поклонились и, набивъ гамзы, предложили хозяевамъ-ламамъ (священникамъ). Насъ пригласили къ очагу, и началась бесѣда съ обычнымъ чаепитіемъ. Узнавъ, кто мы, ламы сообщили, что слыхали о нашихъ работахъ, и поразились той быстротѣ, съ которой провели прямую дорогу черезъ камыши. Спросили о цѣли работъ и очень интересовались результатами изысканій, потому что до насъ никто на самомъ озерѣ не былъ, не имѣя кованныхъ лошадей, безъ которыхъ предпріятіе немыслимо.

Разговаривая съ этими ламами, я чувствовалъ себя среди вполнѣ культурныхъ, воспитанныхъ и интеллигентныхъ людей. Они охотно согласились на нашу просьбу показать намъ дацанъ, и одинъ изъ нихъ пошелъ насъ проводить.

Пройдя колоннаду, окружающую главное зданіе, мы поднялись по лѣстницѣ и вошли черезъ главную дверь. Большое зданіе держалось на многочисленныхъ стройныхъ колоннахъ; сверху спускались безчисленныя шолковыя хоругви, а вдали среди другихъ фигуръ виднѣлось большое бронзовое изваяніе сидящаго Будды.

На длинныхъ, мягкихъ и низкихъ скамьяхъ, поджавъ ноги, сидѣло до сотни дѣтей, начиная, отъ четырехлѣтнихъ и кончая юношами; всѣ они были одѣты въ свѣтло-желтыя мантіи, многочисленными складками спускающіяся съ плечъ. Они въ голосъ повторяли священныя пѣсни и тексты вслѣдъ за своимъ учите-

лемъ ламой, который помѣщался въ серединѣ на каѳедрѣ; у учителя, кромѣ мантіи, на головѣ была желтая шапка съ высокимъ гребнемъ, въ родѣ стариннаго шлема. Не желая мѣшать занятіямъ, мы ушли.

Только къ вечеру намъ съ большимъ трудомъ и по очень высокой цѣнѣ удалось закупить скотъ, но соли мы нигдѣ не могли достать. Вся партія работала изо всѣхъ силъ, зная, что дѣло близится къ концу. Когда мы изслѣдовали 17 верстъ вверхъ по Курулюну, я объявилъ, что завтра мы двинемся назадъ. Становилось тепло; а потому надо было торопиться.

Глубина льда на Курулюнѣ доходитъ до 1$^1/_2$ саженей; глубина воды въ ямахъ—до 0,8 сажени; дно также устлано мелкой рыбою. На отмеляхъ попадались мелкіе камни сердолика, но цѣнныхъ камней мы нигдѣ не видали. Теченіе на Курулюнѣ довольно быстрое, и паденіе его въ четыре раза превышаетъ паденіе на верховьяхъ Аргуни.

Хотя было только начало марта, когда у насъ въ Забайкальѣ еще морозы и пурги, здѣсь на озерѣ уже становилось тепло. Уже 20-го февраля на Уршунѣ въ воздухѣ звенѣли жаворонки, а въ началѣ марта, послѣ двухъ-трехъ теплыхъ дней, озеро покрылось водою вершка на два-три; второго марта мы видали стаи утокъ, а четвертаго—и перваго лебедя.

Зная, что каждый день промедленія можетъ гибельно отозваться на измученной и изголодавшейся партіи, я рѣшилъ употребить все стараніе, чтобы выйти большими переходами. Подобравъ себѣ самыхъ бойкихъ ходоковъ, я пошелъ впередъ, и на третій день, растянувшаяся, чуть живая отъ голоду и усталости, партія стала собираться близъ станціи Мутной (Далай-Норъ).

Съ любопытствомъ и удивленіемъ глядѣла на насъ станціонная публика: въ своихъ жалкихъ лохмотьяхъ мы были похожи на выходцевъ съ того свѣта.

Но, вотъ, наставили палатки, наварили щей, вышли; публика еще болѣе изумилась, увидавъ безшабашную пляску тѣхъ, которые еще такъ недавно чуть не ползкомъ добрели до станціи.

Послѣ отдыха, партія вернулась въ Нерчинскій заводъ, гдѣ насъ, послѣ теплой манджурской весны, встрѣтили пурги и морозы.

В. Александровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1904.

— Рожденіе и крещеніе Государя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.— Высочайшій манифестъ 11-го августа.—Вновь обнародованные законы: о порядкѣ производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, о дополненіяхъ къ положенію 12-го іюля 1889-го года, о Совѣтѣ по дѣламъ горнопромышленности, о пятидесятиверстной пограничной полосѣ.—Новыя теченія въ судебномъ мірѣ.—Нѣсколько словъ о губернскихъ совѣщаніяхъ.—Мнѣніе генералъ-губернатора о земскихъ учрежденіяхъ.

30-го іюля всю Россію облетѣла вѣсть о рожденіи Наслѣдника Цесаревича. Это важное событіе подало поводъ къ двумъ Высочайшимъ манифестамъ. Первый изъ нихъ, состоявшійся того же 30-го іюля, гласитъ такъ:

„Въ 30-й день сего іюля любезнѣйшая супруга Наша, Государыня Императрица Александра Өеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ сына, нареченнаго Алексѣемъ.

„Пріемля сіе радостное событіе, какъ знаменованіе благодати Божіей, на Насъ и имперію Нашу изливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего первороднаго сына, призываемаго быть наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ державы и великаго Нашего служенія.

„Манифестомъ отъ 28-го іюня 1899 года призвали мы любезнѣйшаго брата Нашего Великаго Князя Михаила Александровича къ наслѣдованію Намъ до рожденія у Насъ сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ государственныхъ законовъ имперіи, сыну Нашему Алексѣю принадлежитъ высокое званіе и титулъ Наслѣдника Цесаревича, со всѣми сопряженными съ нимъ правами“.

Два дня спустя, 1-го августа, подписанъ второй Высочайшій манифестъ, слѣдующаго содержанія:

„Въ неуклонномъ попеченіи объ охраненіи и утвержденіи спокойствія и благоденствія государства, Всевышнимъ Промысломъ Намъ ввѣреннаго, слѣдуя примѣру незабвенныхъ предшественниковъ Нашихъ, блаженныя памяти Императоровъ Николая I, Александра II и Александра III, признали Мы священною обязанностію Нашею озаботиться предуказаніемъ мѣръ, имѣющихъ быть принятыми въ случаяхъ необыкновенныхъ. Въ виду сего и принявъ въ уваженіе малолѣтство Наслѣдника Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, Мы положили, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и учрежденія объ императорской фамиліи, постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее:

„1-е. На случай кончины Нашей прежде достиженія любезнѣйшимъ сыномъ и наслѣдникомъ Нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія императоровъ, Правителемъ государства и нераздѣльныхъ съ онымъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, до совершеннолѣтія Его, назначается Нами Любезнѣйшій братъ Нашъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

„2-е. Въ указанномъ случаѣ опека надъ первороднымъ сыномъ и надъ прочими дѣтьми Нашими, до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, во всей той силѣ и пространствѣ, кои опредѣлены закономъ, должна принадлежать любезнѣйшей супругѣ Нашей, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

„Постановленіемъ и обнародованіемъ таковой воли Нашей относительно управленія государствомъ во время малолѣтства Наслѣдника Нашего, Мы, въ благоговѣйномъ уваженіи къ законамъ Нашего отечества, устраняя заранѣе всякое по сему предмету сомнѣніе, молимъ Всевышняго, да благословитъ Насъ въ непрестанномъ попеченіи Нашемъ о вящшемъ благоустройствѣ, могуществѣ и счастіи державы, отъ Бога Намъ врученной".

11-го августа торжественно совершено въ Петергофѣ св. крещеніе Наслѣдника Цесаревича. Здоровье Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Высокаго Новорожденнаго не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Рожденіе Наслѣдника Цесаревича ознаменовано не только актами снисхожденія къ страждущимъ и нуждающимся, составляющими, обыкновенно, предметъ милостивыхъ манифестовъ, но и важными государственными мѣропріятіями, имѣющими высокое значеніе для всего рус-

скаго народа. Вотъ текстъ относящейся сюда части Высочайшаго манифеста 11-го августа:

„Воздавъ благодареніе Всевышнему, устрояющему судьбы Царствъ и благословившему Домъ Нашъ дарованіемъ Намъ первороднаго сына, Мы, въ радостный день святого крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, слѣдуя постоянному влеченію сердца, обращаемся мыслью къ ввѣренной Намъ Промысломъ великой семьѣ русскаго народа.

„Переживаемая нынѣ година испытаній вызвала напряженіе силъ народныхъ, но и явила предъ лицомъ всего міра высокіе примѣры непоколебимой доблести и беззавѣтной любви къ родинѣ. Въ такое время Намъ особенно отрадно пріити на помощь вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ облегченіемъ ихъ неотложныхъ нуждъ, независимо притомъ отъ мѣръ государственнаго благоустроенія, предуказанныхъ въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 года и пріемлемыхъ въ общемъ порядкѣ управленія.

„Прежде всего обратили Мы вниманіе на сохранившееся въ сельскомъ быту примѣненіе крестьянскими и нѣкоторыми инородческими учрежденіями тѣлеснаго наказанія. Издавна принятыя въ Нашемъ законодательствѣ наказанія этого рода постепенно, изволеніемъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ, исключены были изъ числа общихъ карательныхъ мѣръ. Нынѣ, въ довершеніе намѣреній незабвенныхъ Дѣда и Родителя Нашихъ, Мы признаемъ за благо повелѣть отмѣнить и для сельскихъ обывателей и инородцевъ примѣняемыя къ нимъ по закону волостными судами и инородческими управленіями тѣлесныя наказанія. Да послужитъ сіе къ вящшему укрѣпленію въ средѣ народной добрыхъ нравовъ и уваженія къ законнымъ правамъ каждаго.

„Принявъ такое рѣшеніе, Мы равномѣрно считаемъ необходимымъ прекратить впредь наложеніе тѣлеснаго наказанія въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ. Увѣренные, что такая отмѣна послужитъ къ поддержанію въ нихъ чувства воинской чести, Мы утвердили обнародуемыя нынѣ особыя по этому предмету постановленія.

„Посему Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

„1) Тѣлесныя наказанія, установленныя по закону за проступки для сельскихъ обывателей, инородцевъ, а также другихъ лицъ, не изъятыхъ отъ сихъ наказаній по правамъ состоянія или особымъ узаконеніямъ, отмѣнить и ихъ впредь такимъ наказаніямъ не подвергать, замѣняя оныя въ потребныхъ случаяхъ другими взысканіями на основаніяхъ, указанныхъ въ подлежащихъ узаконеніяхъ.

„2) Постановленія, изложенныя въ статьяхъ 1261 и 1377 свод. зак. т. XV, улож. о наказ., изд. 1885 г., а также статьяхъ 281 и 282 свод. зак. т. XI, ч. II, уст. торг., изд. 1903 г., относительно тѣлесныхъ наказаній отмѣнить“.

Меньшее принципіальное значеніе, но очень большую практическую важность имѣетъ сложеніе всѣхъ накопившихся на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ недоимокъ въ выкупныхъ, земскихъ и другихъ окладныхъ сборахъ. О значительности этой льготы можно судить по тому, что недоимки однихъ выкупныхъ платежей доходили, по словамъ „Новаго Времени", до 127 милліоновъ рублей.

Между законодательными актами, обнародованными въ лѣтніе мѣсяцы, болѣе всѣхъ другихъ обращаетъ на себя вниманіе Высочайше утвержденное 7-го іюня мнѣніе Государственнаго Совѣта „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ нимъ постановленій новаго уголовнаго уложенія". Вмѣстѣ съ нерѣдкими въ послѣдніе два года случаями судебнаго разсмотрѣнія политическихъ процессовъ, новый законъ знаменуетъ собою, повидимому, конецъ порядка, при дѣйствіи котораго дѣла о государственныхъ преступленіяхъ разрѣшались, въ громадномъ большинствѣ случаевъ [1]), безъ суда, административною властью. Основаніемъ, но не оправданіемъ такого порядка, служила ст. 1035[11] уст. угол. судопр., предоставлявшая министру юстиціи, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, или распорядиться производствомъ предварительнаго слѣдствія, или испросить Высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства, съ оставленіемъ, въ послѣднемъ случаѣ, дѣла безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или же съ разрѣшеніемъ его въ административномъ порядкѣ. Разбирая, слишкомъ восемь лѣтъ тому назадъ [2]), значеніе этой статьи, мы старались показать, что разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ дѣла о политическомъ преступленіи допускается ею только тогда, когда производство признано подлежащимъ прекращенію, т.-е. обвиненіе — не подтвердившимся. Между тѣмъ, въ административномъ порядкѣ нерѣдко принимались мѣры, несомнѣнно и очевидно имѣющія характеръ *наказанія* — напр. заключеніе въ тюрьму на нѣсколько лѣтъ, ссылка въ такія мѣстности, какъ якутская область. Это не оправдывалось и примѣчаніемъ 1-мъ къ ст. 1-ой устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, на которое была сдѣлана ссылка въ ст. 1035[11]. За силою этого примѣчанія, „къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленій относятся отдача подъ надзоръ полиціи, воспрещеніе жительства въ сто-

---

[1]) По словамъ „Новаго Времени", съ 1894 по 1901 гг. *ни одно* политическое дѣло не было направлено къ судебному разсмотрѣнію, а число дѣлъ, разрѣшенныхъ въ административномъ порядкѣ, постоянно возрастало: въ 1894 г. ихъ было 56, въ 1901 г.—250 (въ 1902 и 1903 гг., по видимому, еще больше).

[2]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1896 г., стр. 371—2.

лицахъ или иныхъ мѣстахъ, а также высылка иностранцевъ за границу; мѣры сіи могутъ быть опредѣляемы, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, порядкомъ для сего установленнымъ безъ формальнаго производства суда". Ни о ссылкѣ, ни о заключеніи въ тюрьму здѣсь не сказано ни слова. О заключеніи въ тюрьму на продолжительные сроки не говорится и въ положеніи 14 августа 1881 г. объ усиленной и чрезвычайной охранѣ; оно знаетъ только кратковременный арестъ, допускаемый лишь въ видѣ мѣры предосторожности, а не въ видѣ наказанія, и заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости на время не свыше трехъ мѣсяцевъ, но только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи *чрезвычайной* охраны, и только за нарушеніе обязательныхъ постановленій главноначальствующаго или за проступки, объ изъятіи которыхъ изъ вѣдѣнія судовъ заранѣе объявлено. Итакъ, заключеніемъ въ тюрьму или ссылкою въ отдаленныя мѣстности на продолжительные сроки, разрѣшались въ административномъ порядкѣ дѣла, по закону подвѣдомственныя единственно суду—и разрѣшались безъ тѣхъ гарантій, которыя предоставляются обвиняемому всякимъ, даже экстраординарнымъ судебнымъ производствомъ. Шагомъ впередъ — таковъ былъ тогда нашъ заключительный выводъ — было бы даже простое соблюденіе дѣйствующаго закона. Законъ 7-го іюня даетъ нѣчто большее, совершенно отмѣняя ст. 1035[11] и предоставляя исключительно суду разрѣшеніе *всѣхъ* дѣлъ о государственныхъ (и смежныхъ съ государственными) преступленіяхъ. Другое, также немаловажное нововведеніе заключается въ томъ, что къ этимъ дѣламъ примѣняются теперь же постановленія новаго уголовнаго уложенія, не ожидая введенія его въ дѣйствіе въ полномъ его объемѣ. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значеніе совершившейся перемѣны: чтобы правильно оцѣнить ее, необходимо присмотрѣться поближе къ процессуальнымъ правиламъ, установляемымъ—или сохраняемымъ — для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, а затѣмъ припомнить общій характеръ тѣхъ статей новаго уложенія, которыя нынѣ же вступаютъ въ силу на основаніи закона 7-го іюня.

Къ разряду „преступныхъ дѣяній государственныхъ" законъ 7-го іюня относитъ не одни только государственныя преступленія въ обычномъ смыслѣ этого слова, предусмотрѣнныя въ третьей главѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ и выдѣленныя въ особую процессуальную группу при самомъ изданіи устава уголовнаго судопроизводства. *Безусловно*, во всякомъ случаѣ, подъ дѣйствіе закона 7-го іюня подходятъ преступленія, объединенныя въ главахъ третьей и четвертой новаго уложенія подъ именемъ бунта, преступныхъ дѣяній противъ священной особы императора и членовъ императорскаго дома и государственной измѣны, а также важнѣйшіе виды смуты, соста-

вляющей предметъ главы пятой уложенія; *условно* къ нимъ присоединены бо́льшая часть остальныхъ видовъ смуты, поддѣлка или передѣлка Высочайшаго повелѣнія, поддѣлка императорской печати и нѣкоторыя формы попустительства, укрывательства, недонесенія и бездѣйствія власти. Для того, чтобы дѣянія второй категоріи могли быть разсмотрѣны не въ особомъ порядкѣ, опредѣленномъ закономъ 7-го іюня, а по общимъ правиламъ устава, необходимо установить отсутствіе всякой связи между ними и дѣяніями первой категоріи или полное отсутствіе политическихъ побужденій. Нетрудно замѣтить, что дѣла, *условно* подходящія подъ дѣйствіе закона 7-го іюня, распадаются на двѣ части: одни (попустительство, укрывательство, недонесеніе, если ихъ предметомъ служатъ государственныя преступленія) и до сихъ поръ подлежали бы производству въ особомъ порядкѣ; другія (напр. менѣе серьезные виды смуты), при дѣйствіи прежнихъ правилъ, производились бы въ общемъ порядкѣ или съ меньшими отступленіями отъ него, чѣмъ опредѣляемыя закономъ 7-го іюня. По отношенію къ этимъ послѣднимъ дѣламъ законъ 7-го іюня является, такимъ образомъ, несомнѣннымъ шагомъ назадъ: въ области уголовнаго процесса изъятія изъ общаго порядка у насъ всегда знаменуютъ собою перемѣну не къ лучшему, а къ худшему. Условіе, отъ котораго зависитъ способъ производства дѣла, не принадлежитъ, притомъ, къ числу тѣхъ, которыя могутъ быть установлены при самомъ приступѣ къ процессу. Удостовѣриться, напримѣръ, въ томъ, что обвиняемый въ смутѣ дѣйствовалъ не по политическимъ побужденіямъ, можно, очевидно, лишь по приведеніи въ ясность всѣхъ обстоятельствъ дѣла, т.-е., во всякомъ случаѣ не раньше, какъ по окончаніи дознанія. Отсюда ясно, что для *всѣхъ* дѣлъ, условно подходящихъ подъ дѣйствіе закона 7-го іюня, *первая*, въ высшей степени важная стадія процесса будетъ регулируема именно этимъ закономъ, къ явной невыгодѣ для обвиняемыхъ. Эта первая стадія есть *дознаніе*, производство котораго законъ 7-го іюня оставляетъ въ рукахъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, разрѣшая министру внутреннихъ дѣлъ замѣнять ихъ, въ случаѣ надобности, чиновниками особыхъ порученій при департаментѣ полиціи. Наблюдаетъ за дознаніемъ прокуроръ окружного суда, подъ руководствомъ прокурора судебной палаты. Лицу, производящему дознаніе, предоставляется, въ отступленіе отъ общаго правила, заключать подъ стражу обвиняемыхъ и въ такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя влекутъ за собою наказаніе ниже исправительнаго дома, если эта мѣра необходима для предупрежденія сношеній обвиняемыхъ между собою или сокрытія слѣдовъ преступленія. До сихъ поръ такая мѣра могла быть принята лишь по письменному предложенію прокурора судебной палаты; теперь иниціатива ея переходитъ къ производящему дознаніе, а лицу прокурорскаго

надзора, наблюдающему за дознаніемъ, дается право предложить, письменно, объ отмѣнѣ этой мѣры, если она, по его мнѣнію, не вызывается необходимостью. Обязательно ли такое предложеніе для лица производящаго дознаніе? „Русскія Вѣдомости" (№ 191) отвѣчають на этотъ вопросъ отрицательно, основываясь, вѣроятно, на той статьѣ закона, по которой возникающія при дознаніи затрудненія, какъ по вопросу объ избраніи мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, такъ и по другимъ поводамъ, разрѣшаются прокуроромъ судебной палаты, при чемъ, впредь до разрѣшенія затрудненія, распоряженіе о личномъ задержаніи обвиняемаго остается въ силѣ. Намъ кажется, что *разномысліе* между лицомъ производящимъ дознаніе и лицомъ прокурорскаго надзора не равносильно *затрудненію*, о которомъ говорится въ вышеприведенной статьѣ. Представить вопросъ объ освобожденіи обвиняемаго на разрѣшеніе прокурора палаты и отложить, до полученія отъ него отвѣта, исполненіе требованія прокурора окружного суда, производитель дознанія можетъ, по нашему мнѣнію, только въ такомъ случаѣ, если для того существуетъ достаточный поводъ въ видѣ вновь возникшаго, заранѣе не предусмотрѣннаго *затрудненія*. Насъ приводитъ къ этому заключенію редакція ст. 1035[14], прямо, безъ всякой оговорки предоставляющая прокурору окружного суда требовать *отмѣны* мѣры, принятой производителемъ дознанія. Впрочемъ, и при такомъ толкованіи закона устанавливаемый имъ порядокъ гораздо менѣе благопріятенъ для обвиняемыхъ, чѣмъ дѣйствовавшій до сихъ поръ: между распоряженіемъ о взятіи подъ стражу и его отмѣной по требованію прокурора можетъ пройти немало времени, въ особенности если дознаніе производится не въ мѣстѣ нахожденія окружного суда и не въ присутствіи прокурора.

Что дознаніе, производимое лицомъ не-судебнаго вѣдомства, представляетъ гораздо менѣе гарантій для обвиняемаго, нежели предварительное слѣдствіе, отвѣчающее всѣмъ требованіямъ устава — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Между тѣмъ, законъ 7-го іюня ставитъ дознаніе на одинъ уровень съ предварительнымъ слѣдствіемъ, всецѣло предоставляя производство или непроизводство послѣдняго усмотрѣнію прокурорскаго надзора. Съ одной стороны, прокуроръ окружного суда имѣетъ право возбудить предварительное слѣдствіе, съ разрѣшенія прокурора судебной палаты, *при всякомъ положеніи дѣла* — слѣдовательно и въ самомъ началѣ дознанія; но съ другой стороны къ судебному производству *по всѣмъ дѣламъ*, подходящимъ подъ дѣйствіе закона 7-го іюня, можетъ быть приступлено и безъ предварительнаго слѣдствія, если прокуроръ палаты, по доказательствамъ, установленнымъ дознаніемъ, признаетъ возможнымъ предложить палатѣ обвини-

тельный актъ. Для насъ неясно, почему изъ этого послѣдняго правила не сдѣлано исключенія по меньшей мѣрѣ для наиболѣе важныхъ дѣлъ —напримѣръ для дѣлъ, могущихъ повлечь за собою присужденіе къ каторжной работѣ или хотя бы къ заключенію въ исправительномъ домѣ. Еслибы дѣла этого рода, вслѣдъ за ихъ возникновеніемъ, направлялись къ предварительному слѣдствію, а въ порядкѣ дознанія совершались бы лишь дѣйствія, не терпящія отлагательства, то никакого замедленія въ движеніи дѣлъ отсюда бы не происходило, и судъ могъ бы приступать къ ихъ разсмотрѣнію съ бо̀льшею увѣренностью въ полной и всесторонней ихъ подготовкѣ. Правда, законъ 7-го іюня обязываетъ предъявлять обвиняемому, въ случаѣ его о томъ просьбы, всѣ добытыя дознаніемъ данныя и подвергать дальнѣйшему разслѣдованію указанія его на новыя обстоятельства, если они будутъ признаны имѣющими значеніе для дѣла; но, говоря вообще, отъ лицъ, производящихъ дознаніе, нельзя ожидать такого вниманія къ заявленіямъ обвиняемаго, какое было бы имъ удѣлено со стороны судебнаго слѣдователя. Шансы неполноты и неудовлетворительности дознаній увеличиваются тѣмъ порядкомъ, какой установленъ закономъ 7-го іюня для ихъ прекращенія. По ст. 1035[16] и 1035[17], въ случаяхъ отсутствія въ изслѣдуемомъ событіи признаковъ преступнаго дѣянія, а также за необнаруженіемъ виновнаго, или въ виду *совершенной* [1]) недостаточности собранныхъ противъ него уликъ, дознаніе, по предложенію прокурора окружного суда, представляется въ губернское совѣщаніе, образуемое, подъ личнымъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ прокурора окружного суда и начальника губернскаго жандармскаго управленія. Совѣщаніе или прекращаетъ дознаніе, или признаетъ его неподлежащимъ прекращенію и передаетъ его прокурору окружного суда для дальнѣйшаго направленія. Это направленіе — если совѣщаніемъ не указано вопросовъ, требующихъ болѣе подробнаго выясненія,—можетъ быть только одно: возбужденіе предварительнаго слѣдствія, прекратить которое будетъ зависѣть уже не отъ губернскаго совѣщанія, а отъ судебной палаты. Получается, такимъ образомъ, явная несообразность: обращеніе къ болѣе сложному орудію изслѣдованія именно тогда, когда менѣе сложное привело обвинительную власть къ убѣжденію въ невозможности обвиненія. А между тѣмъ, составъ губернскаго совѣщанія, въ которомъ судебное вѣдомство имѣетъ только одного представителя, а администрація—двухъ, заставляетъ думать, что случаи непринятія совѣщаніемъ мнѣнія прокурора о прекращеніи дознанія

[1]) А если улики *просто* недостаточны, т.-е. обстоятельства, говорящія противъ обвиняемаго, перевѣшиваются тѣмъ, что̀ говоритъ въ его пользу? Неужели въ такихъ случаяхъ нельзя представить о прекращеніи дознанія?

будутъ далеко не рѣдки. Правда, порядокъ прекращенія дознаній, установляемый закономъ 7-го іюня, лучше дѣйствовавшаго до сихъ поръ, по которому однажды начатое дознаніе могло быть прекращено не иначе какъ соглашеніемъ двухъ министровъ; но если законъ допускаетъ, въ области государственныхъ преступленій, прекращеніе судебною властью *слѣдствій*, то почему же нельзя было бы предоставить ей—напримѣръ въ лицѣ окружного суда—и прекращеніе *дознаній?*

Собственно судъ по дѣламъ политическимъ остается прежній: ихъ рѣшаетъ судебная палата, а въ случаѣ воспослѣдованія о томъ Высочайшаго повелѣнія или указа—особое присутствіе правительствующаго сената или верховный уголовный судъ. Если за преступное дѣяніе, составляющее предметъ дѣла, опредѣлено наказаніе не ниже исправительнаго дома, къ присутствію палаты или сената присоединяются сословные представители. Намъ приходится повторить по этому поводу сказанное нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ [1]) при разборѣ работъ „коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части". Единогласно признавъ институтъ сословныхъ представителей неудавшимся и не удовлетворяющимъ своему назначенію, коммиссія предположила, однако, сохранить его для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Единственный доводъ, приведенный ею въ пользу такого рѣшенія, заключается въ томъ, что „при незначительномъ числѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, безъ всякихъ практическихъ затрудненій можетъ быть осуществлена мысль составителей судебныхъ уставовъ, создавшихъ для этихъ дѣлъ такое устройство суда, при которомъ высокое общественное положеніе судей служило бы ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи всякаго злоумышленія противъ верховной власти и установленнаго государственными законами образа правленія". На самомъ дѣлѣ, однако, изъ числа сословныхъ представителей, призываемыхъ въ составъ присутствія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, *высокое* общественное положеніе имѣетъ развѣ одинъ губернскій предводитель дворянства; къ уѣздному предводителю этотъ эпитетъ можетъ быть примѣненъ только съ большой натяжкой, а къ городскому головѣ и, тѣмъ болѣе, къ волостному старшинѣ онъ вовсе не подходитъ. Малочисленность дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ (если ихъ въ настоящее время можно назвать малочисленными) имѣла бы значеніе въ такомъ лишь случаѣ, еслибы все неудобство суда съ сословными представителями сводилось къ обремененію должностныхъ лицъ экстраординарной работой, не имѣющей ничего общаго съ ихъ прямыми служебными обязанно-

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1900 г.

стями; но это неудобство—только одно изъ многихъ, гораздо болѣе серьезныхъ. Мы находили тогда и продолжаемъ находить теперь, что въ дѣлахъ политическихъ, какъ и въ другихъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія общаго суда присяжныхъ, сословные представители съ большою пользой могли бы быть замѣнены присяжными особаго состава, проектированными коммиссіею [1]). Насколько форма суда съ присяжными особаго состава уступаетъ *настоящему* суду присяжныхъ, настолько она превосходитъ судъ съ сословными представителями. Присяжные особаго состава призывались бы къ исполненію судейскихъ обязанностей не какъ должностныя лица, а какъ простые граждане; они вносились бы, подобно присяжнымъ общаго состава, въ общіе и очередные списки, т.-е. провѣрялась бы, въ установленномъ порядкѣ, какъ формальная, такъ и дѣйствительная ихъ компетентность къ исполненію возлагаемой на нихъ обязанности; затѣмъ вступалъ бы въ свои права жребій, которымъ опредѣлялся бы какъ составъ сессіоннаго списка, такъ и составъ присутствія по каждому отдѣльному дѣлу. Все это—такія гарантіи безпристрастія, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ сословнымъ представителямъ. Будемъ надѣяться, что къ замѣнѣ сословныхъ представителей присяжными особаго состава законъ 7-го іюня не приступилъ только въ виду приближающагося къ концу общаго пересмотра судебныхъ уставовъ. Если новая форма суда присяжныхъ будетъ окончательно усвоена нашимъ законодательствомъ, ничто, по всей вѣроятности, не помѣшаетъ распространенію ея круга дѣйствій на дѣла о государственныхъ преступленіяхъ.

Въ порядокъ судебнаго производства дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ законъ 7-го іюня вноситъ новое, существенное ограниченіе гласности, безъ того уже сильно урѣзанной новеллою 1887-го года. По дѣламъ, производимымъ при закрытыхъ дверяхъ, допускалось до сихъ поръ присутствіе въ залѣ засѣданія родственниковъ или знакомыхъ подсудимаго и потерпѣвшаго, но не болѣе какъ въ числѣ *трехъ* съ каждой стороны. Законъ 7-го іюня уменьшаетъ это число до *одного* и предоставляетъ право присутствія въ засѣданіи только супругу и родственникамъ по прямой линіи, восходящимъ и нисходящимъ. Устраняются, такимъ образомъ, не только *знакомые* подсудимаго [2]), но и всѣ *родственники его по боковой линіи*, не исключая

[1]) Отъ обыкновенныхъ присяжныхъ присяжные особаго состава отличаются какъ повышеннымъ цензомъ (образовательнымъ—или служебнымъ—и имущественнымъ), такъ и соединеніемъ ихъ въ одну коллегію съ коронными судьями.

[2]) Въ коммиссіи, пересматривавшей судебные уставы, предложеніе исключить знакомыхъ подсудимаго изъ числа лицъ, допускаемыхъ въ закрытое засѣданіе, было отклонено громаднымъ большинствомъ голосовъ.

родныхъ сестеръ и братьевъ. Подсудимый, неженатый и не имѣющій родителей, безусловно лишенъ, такимъ образомъ, утѣшенія видѣть въ залѣ засѣданія хотя бы одно близкое ему лицо... По дѣйствующему закону предсѣдательствующій на судѣ имѣетъ право допустить въ закрытое засѣданіе лицъ принадлежащихъ къ судебному вѣдомству и присяжныхъ повѣренныхъ. Законъ 7-го іюня не даетъ ему такого права, но разрѣшаетъ присутствіе лицъ, „служебныя обязанности которыхъ представляютъ надлежащее къ тому основаніе". Это открываетъ доступъ въ закрытое засѣданіе именно для тѣхъ, чье присутствіе можетъ повредить правдивости и полнотѣ свидѣтельскихъ показаній (таковы, напримѣръ, чиновники полиціи, общей и спеціальной).— Менѣе важно, но все-же неблагопріятно для подсудимыхъ допущеніе къ защитѣ по политическимъ дѣламъ однихъ только присяжныхъ повѣренныхъ. Есть случаи, когда даже опытный и искусный профессіональный защитникъ (какіе не всегда имѣются на лицо въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи) не можетъ замѣнить человѣка близкаго къ подсудимому, знающаго всю его прошлую жизнь и способнаго внести въ защиту всю горячность и убѣдительность личнаго чувства. Кто слѣдилъ за политическими процессами конца семидесятыхъ годовъ, тотъ, вѣроятно, не забылъ блестящую рѣчь, произнесенную, въ такъ называемомъ „дѣлѣ ста-девяносто-пяти", свойственникомъ и другомъ одного изъ подсудимыхъ, широко образованнымъ и даровитымъ юристомъ, не принадлежавшимъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ и достигшимъ впослѣдствіи одного изъ самыхъ высокихъ положеній въ судебномъ мірѣ. Зачѣмъ устранять отъ защиты людей, соединяющихъ въ себѣ, быть можетъ, всѣ условія для правильнаго ея веденія? Почему, по крайней мѣрѣ, не сдѣлать исключенія для помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и для родственниковъ или свойственниковъ подсудимаго? Неужели дисциплинарная власть предсѣдателя суда, которой одинаково подчинены всѣ участвующіе въ процессѣ, недостаточно велика для охраненія порядка, отъ кого бы ни исходило его нарушеніе?

Итакъ, обстановка, при которой, на основаніи закона 7-го іюня, будутъ производиться дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, далека отъ условій нормальной процедуры, представляющей одинаковыя гарантіи какъ для государства, такъ и для подсудимаго. Несвободно отъ существенныхъ недостатковъ и матеріальное право, которое отнынѣ будетъ примѣняемо къ политическимъ преступленіямъ. Говоря, около года тому назадъ [1]), о тѣхъ постановленіяхъ новаго уголовнаго уложенія, которыя вводятся въ силу закономъ 7-го іюня, мы старались

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

показать, что шагомъ впередъ, сравнительно съ уложеніемъ о наказаніяхъ, можно признать только немногія изъ нихъ. Главная перемѣна къ лучшему заключается въ томъ, что перестаетъ, въ большинствѣ случаевъ, быть наказуемымъ преступный умыселъ, не перешедшій въ приготовленіе, и уменьшается отвѣтственность какъ пособниковъ, содѣйствіе которыхъ не имѣло существеннаго значенія, такъ и попустителей, укрывателей и недоносителей, которыхъ дѣйствовавшій до сихъ поръ законъ приравнивалъ, въ дѣлахъ политическихъ, къ сообщникамъ преступленія. Уголовныя кары остаются, въ большинствѣ случаевъ, весьма тяжкими. Слишкомъ большую роль играетъ заключеніе въ исправительномъ домѣ, самими составителями новаго уложенія признанное не соотвѣтствующимъ характеру политическихъ преступленій. При томъ просторѣ, который новое уложеніе предоставляетъ суду въ опредѣленіи мѣры наказанія, многое, конечно, будетъ зависѣть отъ практики, которая установится по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ—другими словами, отъ настроенія судей, отъ способа пониманія ими нелегкой задачи, возлагаемой на нихъ закономъ 7-го іюня. Есть, къ несчастію, основаніе думать, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ она окажется непосильной. „Намъ извѣстенъ"—читаемъ мы въ статьѣ, посвященной „Правомъ" (№ 28) закону 7-го іюня,—„такой случай, когда одинъ извѣстный сенаторъ-ученый, признавая отсутствіе состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 269¹ улож. о наказ., высказался, однако, за утвержденіе обвинительнаго приговора судебной палаты, несмотря на то, что при дѣлѣ находилось особое мнѣніе трехъ коронныхъ судей, разсматривавшихъ вопросъ по существу. Здѣсь нѣтъ, конечно, состава ст. 269¹—громко говорилъ сенаторъ,—но что подумаютъ въ краѣ, узнавъ объ отмѣнѣ сенатомъ приговора судебной палаты?... И такія соображенія положены были въ основаніе руководящаго рѣшенія, на которое неизмѣнно съ тѣхъ поръ опираются судьи при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ дѣлъ". Мы припоминаемъ, по этому поводу, что распространительное толкованіе дано сенатомъ, въ послѣднее время, и статьѣ 252-ой уложенія о наказаніяхъ, въ противность взгляду, высказанному редакціонною коммиссіею при составленіи новаго уложенія [1]). Неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ кажется намъ также недавнее рѣшеніе сената по дѣлу бывшаго приватъ-доцента Аничкова и дворянки Борманъ. С.-петербургская судебная палата признала ихъ виновными въ привозѣ, съ цѣлью распространенія, значительнаго числа экземпляровъ издаваемаго за границей журнала „Освобожденіе", въ много-

[1]) Нѣкоторые изъ самыхъ авторитетныхъ членовъ этой коммиссіи засѣдаютъ, въ настоящее время, въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената.

численныхъ статьяхъ котораго подвергается сомнѣнію неприкосновенность правъ верховной власти и дерзостно порицается установленный образъ правленія. Кассаціонныя жалобы на это рѣшеніе были построены, между прочимъ, на томъ, что палата не объяснила, въ какихъ именно статьяхъ журнала ею усмотрѣнъ составъ преступленія. По справедливому замѣчанію одного изъ защитниковъ (прис. повѣр. М. Л. Мандельштама), простое указаніе на *многочисленныя* статьи, безъ ихъ наименованія, безъ приведенія инкриминированныхъ мѣстъ, не можетъ считаться *мотивировкой* рѣшенія; между тѣмъ, отсутствіе или недостаточность мотивовъ всегда разсматривается сенатомъ какъ поводъ къ кассаціи [1]). „Я понимаю"—воскликнулъ защитникъ—„учителя грамматики, ставящаго двойку ученику за *многочисленныя* ошибки, но чего я никакъ не могу понять—какимъ образомъ судебный приговоръ можетъ отдѣлываться подобными неопредѣленными выраженіями... Утвердите приговоръ палаты—и тогда мы, юристы, начнемъ предъявлять обвиненія въ многочисленныхъ кражахъ, въ многочисленныхъ подлогахъ и пр. А судебные приговоры будутъ отправлять людей въ тюрьмы и арестантскія роты, ссылаясь на виновность ихъ въ многочисленныхъ преступленіяхъ, безъ всякой попытки указать на какое-либо индивидуальное дѣяніе". Все это—безспорныя юридическія истины; тѣмъ не менѣе жалобы подсудимыхъ были оставлены безъ послѣдствій [2]). Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что принести сколько-нибудь цѣнные плоды законъ 7-го іюня можетъ только подъ условіемъ возвращенія судебнаго вѣдомства къ традиціямъ первыхъ временъ судебной реформы?

Заканчивая разборъ закона 7-го іюня, выразимъ надежды, которыя онъ намъ внушаетъ. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что съ его введеніемъ сдѣлается излишней передача болѣе важныхъ политическихъ дѣлъ на разсмотрѣніе военнаго суда, дѣйствующаго по законамъ военнаго времени. Объясненіемъ такой передачи могло служить, въ послѣдніе годы, фактическое прекращеніе судебныхъ преслѣдованій за политическія преступленія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда самая строгая изъ вошедшихъ въ употребленіе административныхъ

---

[1]) Рѣчь г. Мандельштама приведена in extenso въ № 27 „Права".

[2]) Кромѣ отсутствія мотивировки, въ жалобахъ были приведены еще другіе, очень вѣскіе кассаціонные поводы (доказывалось, напримѣръ, что ввозъ противозаконныхъ сочиненій составляетъ, самъ по себѣ, не покушеніе, а лишь приготовленіе къ преступленію, и что черновой набросокъ, найденный, при обыскѣ, *въ корзинѣ для ненужныхъ бумагъ*, не можетъ считаться *сочиненіемъ*, предусмотрѣннымъ въ ч. 3 ст. 252 улож. о наказ.)—но мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ и подчеркиваемъ лишь то, что̀ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Отмѣна приговора, какъ недостаточно мотивированнаго, представлялась, въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе возможной, что ею не предрѣшался бы окончательный исходъ дѣла.

каръ казалась недостаточно суровой для даннаго преступнаго дѣянія, а направленіе дѣла въ общемъ судебномъ порядкѣ—не соотвѣтствующимъ установившемуся обычаю, простѣйшимъ выходомъ изъ затрудненія представлялось обращеніе къ военному суду. Теперь это должно измѣниться: законъ 7-го іюня знаменуетъ собою возстановленіе опредѣленной подсудности по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Другая характерная его черта—отказъ отъ административныхъ каръ, равносильныхъ уголовнымъ наказаніямъ. Очень сходны съ наказаніями, однако, и тѣ административныя мѣры, которыя принимаются на основаніи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и дополняющихъ его положеній 14 августа 1881 года (объ усиленной и чрезвычайной охранѣ) и 12 марта 1882 г. (о полицейскомъ надзорѣ). Логично ли оставлять ихъ въ силѣ, разъ что существуетъ доказанное закономъ 7-го іюня стремленіе къ нѣсколько бо̀льшему огражденію личныхъ правъ и личной свободы? Справедливо ли избирать для административной высылки такія мѣстности, вынужденное пребываніе въ которыхъ, въ связи съ ограниченіями, вытекающими изъ нынѣшней организаціи полицейскаго надзора, безъ преувеличенія можно назвать тяжкой карой? Цѣлесообразенъ ли самый порядокъ, въ которомъ теперь принимаются вышеупомянутыя мѣры? „Не слѣдовало ли бы"—спрашивали мы еще восемь лѣтъ тому назадъ—„измѣнить составъ совѣщанія, обсуждающаго административную высылку, въ смыслѣ бо̀льшаго огражденія правъ частныхъ лицъ? Выслушаніе личныхъ объясненій, теперь зависящее отъ усмотрѣнія совѣщаній, не слѣдовало ли бы возвести въ общее правило, т.-е. предоставить каждому *право* опровергать, въ присутствіи совѣщанія, взводимыя на него подозрѣнія (изъ чего вытекало бы само собою предъявленіе заподозрѣнному всѣхъ имѣющихся противъ него данныхъ)"? Всѣ эти вопросы съ особенною силою напрашиваются на вниманіе именно теперь, послѣ изданія закона 7-го іюня.

Въ концѣ іюня обнародовано Высочайше утвержденное 19-го апрѣля мнѣніе государственнаго совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Одна изъ вводимыхъ имъ перемѣнъ заключается въ пониженіи требованій, которыми обусловливается занятіе должности земскаго начальника: уменьшенъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ имущественный, такъ и возрастный цензъ, сокращена продолжительность службы, дающей право на занатіе должности, внесена значительная неопредѣленность въ самое понятіе объ этой службѣ (земскими начальниками могутъ быть назначаемы, между прочимъ, лица, достигшія на государ-

ственной службѣ такого положенія, которое „свидѣтельствуетъ о достаточной ихъ подготовкѣ для исполненія обязанностей земскаго начальника"). Все это указываетъ на затрудненія, встрѣчаемыя при назначеніи земскихъ начальниковъ, и, конечно, не можетъ способствовать повышенію умственнаго и нравственнаго уровня этихъ должностныхъ лицъ. Едва ли поможетъ дѣлу и учрежденіе кандидатовъ на должность земскаго начальника, такъ какъ для опредѣленія въ кандидаты установлены столь же снисходительныя условія, какъ и для опредѣленія въ земскіе начальники, а минимальный срокъ исполненія кандидатскихъ обязанностей — годовой — слишкомъ кратокъ для пріобрѣтенія серьезныхъ свѣдѣній или хотя бы достаточнаго практическаго навыка. Другія постановленія закона 19-го апрѣля имѣютъ цѣлью привлечь возможно большее число лицъ къ занятію должностей въ мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. Земскимъ начальникамъ, за усердную и полезную службу, могутъ быть присвоиваемы дополнительные оклады содержанія, въ размѣрѣ шестисотъ рублей; такихъ окладовъ будетъ установлено восемьсотъ-пятьдесятъ, но внести ихъ въ смѣту предполагается лишь тогда, когда это окажется возможнымъ по состоянію средствъ государственнаго казначейства (т.-е., по всей вѣроятности, когда окончится война и нѣсколько изгладится ея вліяніе на государственные финансы). Должности вице-губернаторовъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій по земскимъ и городскимъ дѣламъ и по воинской повинности законъ 19-го апрѣля предписываетъ замѣщать *преимущественно* лицами, прослужившими не менѣе трехъ лѣтъ въ должностяхъ, не ниже VI-го класса, по мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ или въ должности предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы, предсѣдателя губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства или совѣтника губернскаго правленія. Должности непремѣнныхъ членовъ губернскихъ или губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, а также предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ, должны быть замѣщаемы *исключительно* лицами, перечисленными выше. Трудно предположить, чтобы всѣ эти привилегіи существенно увеличили число лицъ, готовыхъ посвятить себя мѣстной судебно-административной службѣ. Дополнительныхъ окладовъ придется на губернію, въ среднемъ, около 15, между тѣмъ какъ среднее число земскихъ начальниковъ едва ли менѣе 75; назначеніе этихъ окладовъ не пріурочено, притомъ, къ извѣстному сроку службы и, слѣдовательно, поставлено въ зависимость отъ начальственнаго усмотрѣнія, заранѣе разсчитывать на которое съ увѣренностью никто не можетъ. Правило о замѣщеніи нѣкоторыхъ должностей *преимущественно* изъ среды извѣстныхъ служебныхъ категорій ни для кого не имѣетъ обязательной силы и никому не даетъ опредѣленнаго

права; всего меньше оно можетъ оказаться благопріятнымъ для земскихъ начальниковъ, такъ какъ рядомъ съ ними поставлены должностныя лица съ гораздо бо̀льшими, de facto, шансами на повышеніе по службѣ (предводители дворянства). Нѣсколько болѣе серьезной гарантіей представляется *исключительное* право на занятіе извѣстныхъ должностей — но и оно не имѣетъ существенной цѣнности, въ виду крайне незначительнаго числа самыхъ должностей. Непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія обыкновенно только два, а особые предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ имѣются только тамъ, гдѣ нѣтъ предводителей дворянства... Послѣднею статьею новаго закона предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, „въ развитіе и поясненіе подлежащихъ постановленій закона, издать, въ руководство земскимъ начальникамъ, наказъ, подробно опредѣливъ въ немъ порядокъ исполненія названными должностными лицами обязанностей ихъ по административнымъ дѣламъ и преподавъ имъ въ томъ же наказѣ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, надлежащія правила относительно внутренняго распорядка и дѣлопроизводства по отнесеннымъ къ ихъ вѣдомству судебнымъ дѣламъ". „Русскія Вѣдомости" напоминаютъ, по этому поводу, что уже слишкомъ пять лѣтъ тому назадъ (когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ И. Л. Горемыкинъ) въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было предпринято, но затѣмъ пріостановлено составленіе подобнаго наказа. „Что̀ побуждаетъ руководящія сферы" — спрашиваетъ газета — „снова возвращаться къ мысли о подробномъ разъясненіи земскимъ начальникамъ ихъ обязанностей, спустя много лѣтъ по введеніи въ дѣйствіе положенія 12-го іюля 1889 года? Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ могли бы пролить соображенія, на основаніи которыхъ государственный совѣтъ далъ новое порученіе министру внутреннихъ дѣлъ. И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, приходится пожалѣть, что законъ 19-го апрѣля не изданъ, подобно недавнему закону о праздникахъ, съ изложеніемъ его мотивовъ". Раздѣляя сожалѣніе „Русскихъ Вѣдомостей", мы думаемъ, что никакой наказъ не устранитъ противорѣчій, коренящихся въ самой постановкѣ учрежденія земскихъ начальниковъ. Удачно разрѣшить вопросъ о совмѣщеніи дискреціонной власти—съ попечительствомъ, сословности—съ безпристрастіемъ, подчиненности — съ самостоятельностью, судейскихъ функцій—съ административными, столь же трудно, какъ и найти квадратуру круга... Отмѣтимъ, мимоходомъ, увѣреніе „Московскихъ Вѣдомостей", что „въ послѣднее время предубѣжденіе противъ самой идеи назначенія земскихъ начальниковъ стало постепенно исчезать, и лица съ высшимъ образованіемъ охотно заявляютъ желаніе идти на эти должности". Если это такъ, то почему же законъ 19-го апрѣля столь широко открываетъ доступъ въ земскіе начальники лицамъ, по-

лучившимъ только среднее образованіе или даже обладающимъ лишь служебнымъ цензомъ, не особенно высокимъ?

Къ числу совѣщательныхъ учрежденій смѣшаннаго состава прибавилось еще одно: 7-го іюля Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ образованіи при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ совѣта по горнопромышленнымъ дѣламъ. Въ составъ этого совѣта входятъ двѣнадцать членовъ отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ (считая министра и двухъ его товарищей), десять членовъ отъ другихъ министерствъ и восемь уполномоченныхъ отъ съѣздовъ горнопромышленниковъ и металлозаводчиковъ (по одному отъ каждаго съѣзда). Если сравнить новый совѣтъ съ сельскохозяйственнымъ, учрежденнымъ, при томъ же министерствѣ, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, то на сторонѣ перваго окажется одно преимущество: представители горной промышленности избираются товарищами ихъ по профессіи, между тѣмъ какъ представители сельскохозяйственной промышленности приглашаются министерствомъ. На практикѣ, однако, существеннаго различія между обоими совѣтами ожидать нельзя: дѣятельность совѣщательныхъ учрежденій этого типа слишкомъ рѣдко бываетъ плодотворной. Сельскохозяйственный совѣтъ—это признаютъ даже сторонники легкой смѣси общественныхъ и административныхъ элементовъ—за все время своего существованія принесъ очень мало пользы сельскому хозяйству. Наша горная и металлургическая промышленность привыкла, притомъ, разсчитывать на государственное покровительство, мало соображаясь съ дѣйствительными нуждами населенія. Соглашаясь въ данномъ случаѣ, par extraordinaire, съ „Московскими Вѣдомостями“, мы думаемъ, что въ совѣтѣ по дѣламъ горной промышленности защитниками интересовъ народа явятся скорѣе представители министерствъ, чѣмъ представители промышленниковъ.

Не имѣетъ особенно большого практическаго значенія, но весьма важенъ какъ нѣкоторое уменьшеніе ничѣмъ не оправдываемыхъ стѣсненій, законъ 7-го іюня 1904-го года, отмѣняющій исключительныя правила о такъ называемой пятидесятиверстной (отъ нашей западной границы) полосѣ и подчиняющій жительствующихъ и поселяющихся тамъ евреевъ общимъ узаконеніямъ, дѣйствующимъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Не приводя къ цѣли (нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ запретной полосѣ насчитывалось до ста тысячъ евреевъ), эти правила служили всегда открытымъ источникомъ несправедливостей и

притѣсненій и съ особенною рельефностью подчеркивали ненормальное положеніе евреевъ, какъ объектовъ огульнаго подозрѣнія, предвзятой недовѣрчивости. „Легкость, съ которою возникаютъ и распространяются еврейскіе погромы",—говорили мы еще въ 1883 г.,—„зависитъ отчасти отъ того, что русскій человѣкъ привыкъ видѣть въ евреѣ чужака, парію, только терпимаго въ Россіи". Подтвержденіемъ этой мысли служили всѣ послѣдующіе погромы, вплоть до прошлогодняго (кишиневскаго), самаго ужаснаго изъ всѣхъ. Будемъ надѣяться, что законъ 7-го іюня знаменуетъ собою вступленіе на единственный путь, ведущій къ разрѣшенію наболѣвшаго вопроса. Подтвержденіемъ этой надежды служатъ какъ слухи о предстоящемъ принятіи цѣлаго ряда мѣръ, облегчающихъ положеніе евреевъ, такъ и распоряженія министра юстиціи, допустившія, въ первый разъ со времени изданія ограничительныхъ правилъ 8-го ноября 1889-го года, вступленіе нѣсколькихъ евреевъ-помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Въ „Правѣ" такихъ лицъ (по одному с.-петербургскому округу) названо восемь; по словамъ „Руси", нѣсколько евреевъ принято въ присяжные повѣренные и въ московскомъ судебномъ округѣ. Нельзя не порадоваться возстановленію справедливости если и не по отношенію къ цѣлой группѣ людей, единственная вина которыхъ—ихъ происхожденіе, то хотя бы по отношенію къ нѣкоторымъ ея членамъ. Чтобы судить о значеніи мѣры, принятой министромъ юстиціи, достаточно назвать двухъ изъ числа новыхъ присяжныхъ повѣренныхъ: М. И. Кулишера, давно пользующагося заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ, и М. М. Винавера, выдающагося цивилиста, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выбраннаго товарищемъ предсѣдателя гражданскаго отдѣленія юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ.

Правила 8-го ноября 1889-го года, въ примѣненіи которыхъ произошелъ, наконецъ, поворотъ къ лучшему, представляютъ собою не единственное отступленіе отъ организаціи, данной присяжной адвокатурѣ судебными уставами императора Александра II-го. 5-го декабря 1874-го года состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго пріостановлено открытіе новыхъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти тридцать лѣтъ—а совѣтовъ, по прежнему, только три: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ. Ихъ нѣтъ ни въ Тифлисѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Казани, гдѣ въ 1874 г. уже существовали судебныя палаты, ни въ другихъ городахъ, гдѣ онѣ были впослѣдствіи открыты. 21-го минувшаго іюля Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, Высочайше повелѣлъ предоставить вновь учрежденной новочеркасской судебной палатѣ, послѣ ея открытія (имѣющаго состояться въ первыхъ числахъ сентября), сдѣ-

лать распоряженіе объ образованіи при ней совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, въ порядкѣ, опредѣленномъ ст. 358—365 учр. суд. устан. Само собою разумѣется, что если существованіе совѣта признано возможнымъ и цѣлесообразнымъ въ Новочеркасскѣ, то нѣтъ никакихъ причинъ откладывать открытіе совѣтовъ въ остальныхъ судебныхъ округахъ, гдѣ присяжные повѣренные лишены до сихъ поръ корпоративной организаціи, обезпеченной за ними судебными уставами. Распоряженіе 21-го іюля предвѣщаетъ, поэтому, совершенную отмѣну Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1874-го года. Будущему историку русскаго по-реформеннаго суда нелегко будетъ объяснить, почему порядокъ, установленный закономъ и непрерывно, съ несомнѣнной пользой для дѣла, дѣйствовавшій въ трехъ судебныхъ округахъ, такъ долго оставался безъ примѣненія ко всѣмъ другимъ, даже при полномъ тождествѣ обстановки и условій.

Въ дѣятельности губернскихъ совѣщаній, созванныхъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го января, наступилъ перерывъ; коммиссіи, образованныя ими для предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, едва ли окончатъ свою работу раньше поздней осени, и только тогда возобновятся засѣданія совѣщаній въ полномъ ихъ составѣ. Свѣдѣнія, проникшія въ печать о результатѣ лѣтней сессіи совѣщаній, страдаютъ, притомъ, большою отрывочностью и неполнотою. Слишкомъ торопливыми, поэтому, оказываются тѣ газеты, которыя уже теперь пытаются дать общую картину и оцѣнку совѣщаній. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", „труды совѣщаній носили весьма серьезный, дѣловой характеръ, за исключеніемъ лишь очень немногихъ; между прочимъ, какъ и слѣдуетъ лидеру либерализма, отличилось петербургское совѣщаніе, которое, несмотря на ясно-выраженное въ правительственномъ законопроектѣ сохраненіе сословности, высказалось за введеніе всесословной волости. Вслѣдъ за Петербургомъ раздавались изрѣдка отдѣльные голоса о сліяніи крестьянства съ другими сословіями, то-есть, въ сущности, объ образованіи того типа *гражданина*, который такъ любезенъ сердцу нашихъ либераловъ. Но это были жалкіе одиночные голоса, заглушаемые благоразумнымъ большинствомъ... Въ общемъ, теперешнія губернскія совѣщанія отличаются отъ печальной памяти комитетовъ по сельскому хозяйству тѣмъ, что здѣсь говорятъ дѣло, высказываются взгляды, соотвѣтствующіе жизни, а тамъ, въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, не имѣвшихъ точно формулованныхъ программъ, проводились самыя утопичныя теоріи и предлагались реформы, совершенно не отвѣчавшія требованіямъ времени. Слава Богу, что эта болтовня осталась безъ послѣдствій". Ни-

кому не возбраняется, конечно, отдавать предпочтеніе мнѣніямъ губернскихъ совѣщаній передъ мнѣніями сельско-хозяйственныхъ комитетовъ,—но едва ли позволительно забывать громадное различіе между совѣщаніями и комитетами, какъ съ точки зрѣнія состава, такъ и съ точки зрѣнія условій, при которыхъ имъ приходилось и приходится дѣйствовать. Во многихъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ—особенно въ комитетахъ уѣздныхъ—преобладалъ элементъ земскій, неслужебный, обывательскій; въ совѣщаніяхъ, при гораздо бо̀льшемъ однообразіи состава, численный перевѣсъ принадлежитъ должностнымъ лицамъ, и притомъ должностнымъ лицамъ именно того вѣдомства, отъ котораго идетъ иниціатива дѣла [1]). Комитеты хотя и имѣли „формулованную программу", но не были безусловно связаны ею, и потому могли, съ бо̀льшей или мѐньшей свободой, касаться коренныхъ вопросовъ народной жизни; совѣщанія имѣютъ передъ собою задачу болѣе ограниченную, болѣе узкую, и выходить за ея предѣлы имъ трудно или невозможно. Оберегателямъ „тиши и глади" это можетъ казаться преимуществомъ—но „тишь и гладь", при искусственной охранѣ, сплошь и рядомъ оказывается средой, не пропускающей свѣта. Въ совѣщаніяхъ, въ добавокъ, еще больше чѣмъ въ комитетахъ направленіе и исходъ преній зависѣли отъ предсѣдателя—и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что существенно разойтись со взглядами редакціонной коммиссіи могли только тѣ совѣщанія, предсѣдатели которыхъ желали *всесторонняго* обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ и, сообразно съ этимъ, безъ предвзятой мысли пользовались своею властью какъ при самомъ образованіи совѣщанія [2]), такъ и во время его засѣданій. Много ли было такихъ предсѣдателей—это узна̀ютъ съ достовѣрностью только наши потомки; исторія губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ заставляетъ думать, что немного. Что предсѣдателю совѣщанія нетрудно было съузить рамки преній—это видно, между прочимъ, изъ аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей", признающихъ всесословную волость несовмѣстимою съ ясно выраженнымъ въ правительственномъ законопроектѣ сохраненіемъ сословности. Стоило только предсѣдателю совѣщанія опереться на этотъ шаблонъ, чтобы вопросъ о всесословной волости оказался изъятымъ изъ обсужденія совѣщанія.

Остановимся, въ заключеніе, на двухъ курьёзахъ, замѣченныхъ

[1]) Въ составъ совѣщаній вовсе, напримѣръ, не введены уѣздные члены окружныхъ судовъ, лучше чѣмъ кто-либо знакомые со многими сторонами крестьянской жизни.

[2]) Припомнимъ, что отъ предсѣдателя совѣщанія—т.-е. губернатора—зависѣлъ какъ призывъ земскихъ гласныхъ, по одному отъ уѣзда, такъ и выборъ лицъ, присоединяемыхъ къ составу совѣщанія помимо заранѣе установленныхъ категорій.

нами въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Газета называетъ петербургское губернское совѣщаніе *лидеромъ либерализма*.—На какомъ основаніи? Потому ли, что оно собиралось въ Петербургѣ? Но вѣдь въ Петербургѣ либерализмъ обрѣтается отнюдь не въ бо̀льшемъ авантажѣ, чѣмъ въ другихъ крупныхъ центрахъ. Потому ли, что особеннымъ либерализмомъ отличается петербургское дворянство или петербургское земство? Ни о томъ, ни о другомъ этого сказать нельзя. Стремленіе газеты дать a bad name учрежденію, дерзнувшему высказаться за... всесословную волость, было, очевидно, такъ сильно, что заставило забыть о дѣйствительности... Не слишкомъ ли рано, затѣмъ, „Московскія Вѣдомости“ благодарятъ Бога за то, что мнѣнія, высказанныя сельско-хозяйственными комитетами, остались безъ послѣдствій? Значеніе такихъ событій, какъ выраженіе, въ самыхъ различныхъ концахъ Россіи, однѣхъ и тѣхъ же надеждъ, однихъ и тѣхъ же пожеланій, нельзя опредѣлять по ихъ ближайшимъ результатамъ. Пускай называютъ *болтовней* заявленія лучшей части сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, пускай, наоборотъ, превозносятъ *благоразуміе* большинства совѣщаній, заглушающее *жалкіе, одинокіе голоса* „несогласно мыслящихъ“: рано или поздно сама жизнь покажетъ, на чьей сторонѣ было болѣе правильное пониманіе народныхъ нуждъ.

Въ виду постоянно повторяющихся нападокъ на земскія учрежденія, намъ кажется неизлишнимъ привести мнѣніе о нихъ такого лица, котораго никто не заподозритъ въ тенденціозномъ пристрастіи къ земству или къ самоуправленію. Вотъ что̀ мы читаемъ въ циркулярѣ, съ которымъ кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ обратился къ мѣстнымъ губернаторамъ по поводу введенія въ юго-западномъ краѣ положенія 2-го апрѣля 1903 г. объ управленіи земскимъ хозяйствомъ. „Въ центральныхъ губерніяхъ земскія учрежденія имѣютъ за собою сорокалѣтній опытъ. Исторія ихъ дѣятельности поучительна. На долю первыхъ земскихъ учрежденій выпала крупная созидательная работа. Первому земству приходилось создавать заново учрежденія, вѣдающія благоустройство и благосостояніе ввѣренныхъ ему мѣстностей, и первые дѣятели земства, памятуя указанія своего Верховнаго Вождя, создали огромную работу общественно-административнаго характера. Путемъ вдумчивой и обоснованной на точномъ знаніи мѣстныхъ условій дѣятельности имъ удалось создать соотвѣтствующую организацію земской медицинской помощи населенію, народнаго образованія, народнаго продовольствія, страхового дѣла, ветеринарнаго, дорожнаго и т. д. Въ дальнѣйшемъ, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, почти всѣ земства приступили къ статистико-эконо-

мическому обслѣдованію губерній, для выясненія состоянія промышленной дѣятельности населенія таковыхъ. Эта работа земства указала на неотложность мѣропріятій, направленныхъ къ широкому и всестороннему развитію промышленной дѣятельности. Правильность такого вывода особенно подтвердилась послѣ девятидесятыхъ годовъ, когда значительный недородъ хлѣбовъ въ большинствѣ губерній обнаружилъ экономическую безпомощность населенія въ самостоятельной борьбѣ съ постигшимъ бѣдствіемъ и потребовалъ отъ правительства чрезвычайныхъ затратъ на продовольственныя нужды. Въ настоящее время многія земства уже успѣли создать организацію въ цѣляхъ развитія промышленной дѣятельности населенія, при чемъ таковая главнымъ образомъ направлена на развитіе основного промысла—сельскохозяйственнаго—со всѣми его разнообразными отраслями и подсобнымъ къ нему кустарнымъ промысломъ... Такимъ образомъ для дѣятелей вновь возникшаго управленія земскимъ хозяйствомъ имѣется для руководства и направленія его дѣятельности матеріалъ въ видѣ многолѣтней исторіи дѣятельности земства и трудовъ указанныхъ коммиссій". Это облегчаетъ задачу новаго управленія: ему „не предстоитъ той огромной первоначальной работы, которая выпала на долю земскихъ учрежденій въ земскихъ губерніяхъ". Замѣтимъ, что многое изъ вышесказаннаго относится преимущественно или исключительно къ *губернскому* земству: именно ему принадлежитъ большая часть сдѣланнаго въ области статистическихъ изслѣдованій и въ области содѣйствія сельско-хозяйственной промышленности. Дальше генералъ-адъютантъ Клейгельсъ, опять-таки ссылаясь на опытъ земскихъ учрежденій, признаетъ весьма желательною и цѣлесообразною организацію при губернскихъ и уѣздныхъ управахъ по дѣламъ земскаго хозяйства „агрономическихъ совѣтовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, при участіи опытныхъ агрономовъ". Такіе совѣты будутъ очень похожи на тѣ смѣшанныя учрежденія, которымъ, въ земскихъ губерніяхъ, ставится въ вину чрезмѣрное развитіе „третьяго элемента".

МОСКОВСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЗЕМСТВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕВИЗІЯ.

Давно уже носившіеся слухи о возможномъ упраздненіи губернскаго земства или такомъ ограниченіи его функцій, которое приближается къ упраздненію, приняли, въ послѣднее время, болѣе опредѣленную форму. Мѣсяца два тому назадъ въ „Вѣстникѣ Права" оглашено содержаніе законопроекта по этому предмету, составленнаго, будто бы, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Губернское земство вводится проектомъ въ весьма тѣсныя рамки. Въ его компетенцію должны входить исключительно дѣла, имѣющія общегубернское значеніе. Всѣ тѣ дѣла, которыя вѣдаются нынѣ и уѣздными, и губернскими земскими учрежденіями, по проекту точно распредѣляются между ними, причемъ руководящее значеніе губернскаго земства должно исчезнуть. Все, что̀ устроивается для уѣзда, вѣдаетъ уѣздное земство, губернское же земство завѣдываетъ учрежденіями, удовлетворяющими потребности *всей* губерніи. Такъ напримѣръ, все дѣло народнаго образованія (устройство школъ, выработка школьной сѣти, и т. д.) должно быть, согласно этому принципу, сосредоточено въ уѣздномъ земствѣ; губернское же будетъ имѣть право только пещись объ образовательныхъ учрежденіяхъ, предназначенныхъ для всей губерніи, напримѣръ о губернскихъ учительскихъ семинаріяхъ, сельско-хозяйственныхъ школахъ, и т. п. Точно также въ области земской медицины за губернскимъ земствомъ останется право устроивать такъ называемыя губернскія больницы и учрежденія для призрѣнія умалишенныхъ. Сообразно этому и распредѣленіе земскихъ доходовъ будетъ реформировано на новомъ началѣ: бюджетъ губернскаго земства будетъ фиксированъ въ видѣ опредѣленнаго процента съ уѣздныхъ бюджетовъ для каждой губерніи, при чемъ фиксація будетъ производиться главнымъ управленіемъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

Отъ слуховъ, хотя бы и опредѣленныхъ, еще далеко, конечно, до дѣла. Нельзя отрицать, однако, что въ данномъ случаѣ они представляются довольно правдоподобными. Особенное значеніе имѣетъ, съ этой точки зрѣнія, оглашенный недавно во всеобщее свѣдѣніе всеподданнѣйшій рапортъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Зиновьева, о результатахъ ревизіи земскихъ учрежденій московской губерніи. Фактической стороны рапорта мы теперь касаться не будемъ,

какъ потому, что въ немъ не отдѣлено съ полною точностью относящееся къ губернскому земству отъ относящагося къ земствамъ уѣзднымъ [1]), такъ и потому, что неизвѣстны еще доводы, которые, вѣроятно, представятъ въ свою защиту земскія управы московской губерніи. Остановимся, пока, только на общихъ вопросахъ, возбуждаемыхъ рапортомъ г. товарища министра.

Ревизію земскихъ учрежденій Н. А. Зиновьевъ признаетъ задачей болѣе сложной и трудной, чѣмъ ревизію городского общественнаго управленія. Еслибы такой выводъ былъ основанъ на обширности пространства, обнимаемаго, въ каждой губерніи, дѣятельностью земства, и на раздѣленіи этой дѣятельности между двумя категоріями органовъ (губернскихъ и уѣздныхъ),—противъ него нельзя было бы сказать ни слова; но мотивировка его въ рапортѣ совершенно иная. „Въ вѣдѣніи городского управленія"—говоритъ Н. А. Зиновьевъ—„сосредоточено сравнительно небольшое число крупныхъ хозяйственныхъ операцій, дурные и хорошіе результаты коихъ на виду у всѣхъ горожанъ. Въ то же время управленіе это лишь косвенно приходитъ въ сношеніе съ массою населенія, а послѣднее, въ свою очередь, не представляетъ въ городахъ однороднаго цѣлаго, на которое легко было бы въ томъ или въ иномъ смыслѣ оказать вліяніе. Дѣятельность земства, наоборотъ, проникаетъ всю жизнь мѣстнаго населенія и непосредственно воздѣйствуетъ не только на матеріальный, но и на нравственный его строй, такъ какъ земства входятъ на каждомъ шагу въ ближайшее соприкосновеніе съ отдѣльными жителями, представляющими внѣ городовъ, въ большинствѣ, однородное цѣлое. Посему, чтобы уяснить себѣ дѣятельность земства, недостаточно познакомиться съ внѣшними ея проявленіями, а необходимо прослѣдить нелегко уловимое и не всегда наглядно выражающееся направленіе этой дѣятельности. То обстоятельство, что она направлена преимущественно на заботы о сельскомъ населеніи, даетъ ей нерѣдко извѣстную политическую окраску, особенно въ тѣхъ учрежденіяхъ земства, которыя стоятъ вдали отъ народа и считаютъ себя призванными давать дѣятельности земства только общее направленіе. Далѣе, среда такъ называемыхъ земскихъ дѣятелей сравнительно малочисленна и состоитъ

---

[1]) Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 194) приведены примѣры возникающихъ отсюда недоразумѣній. Сказанное въ рапортѣ о мытищенской лечебницѣ обращается печатью въ орудіе противъ губернскаго земства, между тѣмъ какъ эта лечебница принадлежитъ къ числу уѣздныхъ. Неповинно губернское земство и въ плохомъ содержаніи грунтовыхъ дорогъ, которыя почти всѣ находятся въ завѣдываніи уѣздныхъ земствъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", чрезвычайно желательно обнародованіе полностью „подробнаго ревизіоннаго отчета", извлеченіемъ изъ котораго является всеподданнѣйшій рапортъ Н. А. Зиновьева.

преимущественно изъ людей близкихъ другъ другу не только по условіямъ жизни, но и по привязанности ихъ къ мѣсту; слѣдовательно, въ этой средѣ легко образуются партіи, которыя, не интересуясь кажущейся имъ мелкою, повседневной дѣятельностью, нерѣдко группируются на политической почвѣ, если во главѣ ихъ стоятъ опытные руководители". Съ такою параллелью между земствомъ и городомъ согласиться трудно. Такъ ли велика, во-первыхъ, разница въ количествѣ „хозяйственныхъ операцій", производимыхъ обѣими единицами самоуправленія? И тамъ, и тутъ на первомъ планѣ стоитъ попеченіе о народномъ (начальномъ) образованіи и о народномъ здоровьѣ; и тамъ, и тутъ существуютъ различныя формы общественнаго призрѣнія; и тамъ, и тутъ издаются обязательныя постановленія и устанавливается надзоръ за ихъ исполненіемъ; и тамъ, и тутъ принимаются мѣры къ предупрежденію пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій. Земской заботѣ о дорогахъ соотвѣтствуетъ городская забота объ улицахъ, площадяхъ, рѣкахъ, каналахъ и т. п. Земства стараются внести улучшенія въ мѣстную сельско-хозяйственную промышленность; города, не забывая и объ этой области, если значительная часть населенія живетъ земледѣліемъ, обращаютъ или должны обращать вниманіе на развитіе другихъ видовъ промышленности и торговли. Съ другой стороны, у земствъ, по общему правилу, мало собственныхъ имуществъ, еще меньше собственныхъ предпріятій; въ городскомъ хозяйствѣ и тѣ, и другія играютъ видную и постоянно растущую роль (достаточно назвать рынки, бойни, водопроводы, телефоны, трамваи). О „сравнительно небольшомъ числѣ операцій" можно, слѣдовательно, говорить скорѣе по отношенію къ земству, чѣмъ къ городу. Рѣзкой черты между управленіями городскимъ и земскимъ нельзя провести и съ точки зрѣнія наглядности, общедоступности достигаемыхъ ими результатовъ. „На виду у всѣхъ горожанъ" находится внѣшнее благоустройство города, но о положеніи городскихъ школъ, больницъ, пріютовъ и т. п. многіе городскіе жители имѣютъ столь же смутныя свѣдѣнія, какъ и большинство крестьянъ—о соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ въ деревнѣ. Насколько, впрочемъ, городское общественное управленіе дѣйствуетъ „на виду у всѣхъ", настолько оно и приходитъ въ „прямое сношеніе" съ массою городского населенія. Одно завѣдываніе трамваями и водопроводами создаетъ для городской управы такое множество точекъ соприкосновенія съ обывателями, о какомъ не можетъ быть и рѣчи въ уѣздѣ. Непосредственно съ „отдѣльными" деревенскими жителями земское управленіе имѣетъ дѣло сравнительно рѣдко уже потому, что не въ его рукахъ находится значительная часть деревенскаго благоустройства, въ гораздо бòльшей степени зависящаго отъ сельскихъ и волостныхъ властей, съ земскимъ началь-

никомъ во главѣ, чѣмъ отъ земской управы, не имѣющей органовъ на мѣстѣ. Не усиливаетъ вліянія земскихъ учрежденій и сравнительная однородность сельскаго населенія, такъ какъ она не исключаетъ замкнутости составныхъ его частей. Общность интересовъ только тогда ведетъ къ общности настроенія и солидарности стремленій, когда она усвоена сознаніемъ—а до этого еще далеко въ современной деревнѣ. Какими путями, затѣмъ, земство можетъ воздѣйствовать на „нравственный строй" сельскаго населенія? Исключительно—путемъ школы и разныхъ формъ внѣ-школьнаго образованія (читальни, библіотеки, народныя чтенія, и т. п.); но здѣсь оно стѣснено и регламентаціей, и надзоромъ, далеко не пользуясь свободой даже въ выборѣ учащихъ и завѣдующихъ. Въ этой области, притомъ, положеніе земства ничѣмъ не отличается отъ положенія городского общественнаго управленія.

Что земская дѣятельность чаще и легче, чѣмъ городская, принимаетъ „политическую окраску"—этого мы отрицать не станемъ; нужно только установить точнѣе значеніе этого понятія. Изъ того, что въ рапортѣ Н. А. Зиновьева политическая окраска ставится въ связь съ заботами земства о *сельскомъ* населеніи, слѣдуетъ заключить, что она усматривается въ стремленіи поднять уровень крестьянства, уменьшивъ, тѣмъ самымъ, пропасть между нимъ и другими сословіями. Можно ли, однако, считать такое стремленіе „политическимъ" въ настоящемъ смыслѣ слова? Оно совмѣстимо съ весьма различными взглядами на государственное управленіе, потому что обусловливается, сплошь и рядомъ, не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ улучшить благосостояніе народной массы. Болѣе ясно и опредѣленно политическая окраска отражается иногда въ земскихъ ходатайствахъ,—но этой стороной своей дѣятельности земство соприкасается не столько съ населеніемъ, сколько съ правительственными сферами, и соприкасается, притомъ, совершенно прямо и открыто. Контроль надъ нею не вызываетъ затрудненій; ничего „неуловимаго" она не представляетъ, да и не въ ней коренится, обыкновенно, раздѣленіе гласныхъ на партіи. Почвой образованія земскихъ „партій"—если признать этотъ терминъ не слишкомъ громкимъ для группъ, объединяемыхъ только общностью настроенія,—служитъ, въ большинствѣ случаевъ, противоположность въ пониманіи главныхъ задачъ земства, не всегда предполагающая такую же противоположность въ политическихъ убѣжденіяхъ... Для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ „привязанность къ мѣсту", признаваемая въ рапортѣ—и совершенно справедливо—однимъ изъ отличительныхъ свойствъ земской среды, можетъ идти рука объ руку съ отсутствіемъ интереса къ „повседневной, кажущейся мелкою дѣятельности". Казалось бы, наоборотъ, что эта привязанность выра-

жается именно въ принятіи къ сердцу всѣхъ сторонъ мѣстной жизни, какъ бы онѣ ни были незначительны для посторонняго глаза. И дѣйствительно, нѣтъ такого земскаго дѣла, которое не привлекало бы къ себѣ вниманія лучшихъ земскихъ дѣятелей, хотя бы они и принадлежали къ числу тѣхъ, которымъ тѣсна нынѣшняя земская сфера. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только припомнить сказанное нами недавно о земскихъ рѣчахъ В. Д. Кузьмина-Караваева.

Отъ указанія на общія, характерныя черты земской организаціи Н. А. Зиновьевъ переходитъ къ особенности, свойственной московскому земству. „Московская губернія"—читаемъ мы въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ,—„занимая по общей площади и по количеству населенія, если не считать *столицы, состоящей при земствѣ лишь въ качествѣ оброчной статьи*, едва ли не послѣднее мѣсто въ средѣ земскихъ губерній, по размѣрамъ земскаго бюджета уступаетъ только такимъ громаднымъ губерніямъ, какъ вятская и пермская, по размѣрамъ же губернскаго земскаго бюджета, превышавшаго по смѣтѣ на 1903-ій годъ 2.000.000 р., она занимаетъ первое мѣсто. Такимъ сравнительно блестящимъ матеріальнымъ положеніемъ земство обязано исключительно столицѣ, уплачивающей четверть общаго земскаго бюджета и болѣе половины губернскаго, но *взамѣнъ этого отъ земства почти ничего не получающей*". Этими словами затрогивается старый вопросъ, часто возникавшій и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, особенно въ с.-петербургскомъ и московскомъ. Много лѣтъ тому назадъ, въ 1882 г., одинъ изъ представителей города Петербурга въ с.-петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи выразилъ мысль, что расходы, производимые губернскимъ земствомъ, почти вовсе не касаются *столичной территоріи* и, слѣдовательно, должны быть признаны безполезными для столицы. „Послѣдовательное примѣненіе такого взгляда"—замѣтили мы тогда же въ одномъ изъ нашихъ внутреннихъ обозрѣній [1]—„сдѣлало бы невозможнымъ существованіе всякой сколько-нибудь крупной земской единицы. Трудно представить себѣ губернскій или уѣздный расходъ, *одинаково* касающійся всѣхъ частей губерніи или уѣзда. Дорóгою, принимаемою на земскій счетъ, ближайшее населеніе пользуется больше, чѣмъ отдаленное; въ земскую больницу идутъ преимущественно жители той мѣстности, въ которой она открыта; въ земской школѣ учатся преимущественно дѣти сосѣднихъ жителей. Никому, однако, не приходитъ въ голову утверждать, что земство не имѣетъ права тратить деньги на школы, больницы, дороги, что принципъ *территоріальности* требуетъ возложенія всѣхъ расходовъ по этому предмету на средства отдѣльной волости

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1882 г., стр. 361.

или отдѣльнаго сельскаго общества. Чтобы убѣдиться въ томъ, что расходы, прямо не затрогивающіе столичной территоріи, могутъ быть для нея въ высшей степени производительными,—не нужно глубокихъ и сложныхъ соображеній: стóитъ только подняться на одну ступень выше той черезъ-чуръ *мѣстной* точки зрѣнія, на которой остановились иные столичные гласные—стоитъ только вспомнить, напримѣръ, что отъ исправности дорогъ зависитъ удобство подвоза къ столицѣ потребляемыхъ ею продуктовъ, отъ предупрежденія эпидемій и эпизоотій въ уѣздахъ—здоровье и благосостояніе столичнаго населенія". Четырнадцать лѣтъ спустя, возвращаясь къ той же темѣ по поводу преній, происходившихъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи [1]), мы остановились, въ видѣ примѣра, на поддержкѣ, оказываемой со стороны губернскаго земства сельскимъ начальнымъ школамъ. „Въ Москву постоянно приходятъ, на жительство или для временной работы, уроженцы сосѣднихъ уѣздовъ. Для московскаго населенія, очевидно, не безразлично умственное и нравственное ихъ развитіе, обусловливающее, въ значительной степени, и качество ихъ труда, и отношеніе ихъ къ требованіямъ общежитія. Чѣмъ выше процентъ неграмотныхъ, темныхъ людей, вливающихся въ столичную толпу, тѣмъ больше шансовъ нарушенія общественнаго порядка (особенно во время эпидемій и другихъ общенародныхъ бѣдствій), тѣмъ больше опасность такихъ массовыхъ преступленій, какое, напримѣръ, чуть было не совершилось въ Москвѣ, осенью 1895 г., надъ мнимой колдуньей, *сглазившей* ребенка, и ея мужественнымъ защитникомъ". Мы указывали, дальше, что сторонникамъ территоріальности, въ узкомъ смыслѣ этого слова, надлежало бы, во имя послѣдовательности, предложить выдѣленіе изъ губернскаго земства не только столицъ, не только другихъ крупныхъ центровъ, но и всѣхъ вообще городовъ, а изъ уѣзднаго земства—какъ городовъ, такъ и волостей, т.-е., другими словами, полнѣйшее упраздненіе земства, полнѣйшее торжество принципа: „chacun chez soi, chacun pour soi". Когда къ числу защитниковъ города Москвы отъ мнимой обиды, наносимой ему губернскимъ земствомъ, присоединился покойный Б. Н. Чичеринъ, возставая противъ „платежа однихъ въ пользу другихъ", мы указали еще разъ [2]), что такой платежъ совершенно неизбѣженъ, какъ только объектомъ налога служитъ сколько-нибудь крупная территоріальная единица. Такъ напримѣръ, дороги, содержимыя губернскимъ земствомъ, часто проходятъ не по всѣмъ уѣздамъ—и слѣдовательно одни уѣзды „платятъ въ пользу другихъ". Нужно ли объяснять, что принципъ расходованія налоговъ,

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1896 г., стр. 354—5.

[2]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1897 г., стр. 357.

взятыхъ съ извѣстной группы плательщиковъ, исключительно въ пользу этой группы, совершенно непримѣнимъ въ области государственныхъ финансовъ?... Взглядъ на столицу, какъ на земскую „оброчную статью", „почти ничего не получающую отъ земства", болѣе чѣмъ когда-либо требуетъ повѣрки именно теперь, въ виду возникающей въ разныхъ концахъ Россіи тенденціи городовъ, большихъ и малыхъ (напр. Казани и Зарайска), къ выдѣленію изъ среды уѣздныхъ земствъ. Торжество этого взгляда было бы тяжкимъ ударомъ для земскаго хозяйства и рѣшительнымъ шагомъ назадъ въ пониманіи земской дѣятельности.

Давно уже не сходитъ съ очереди и слѣдующій вопросъ, на которомъ останавливается Н. А. Зиновьевъ—вопросъ объ отношеніяхъ между земствами уѣздными и губернскимъ. Не повторяя того, что̀ было сказано нами, въ разное время, по этому вопросу [1]), ограничимся немногими замѣчаніями. „Создавая земскія учрежденія"—читаемъ мы въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ,—„законодатель руководился той мыслью, что дѣла мѣстнаго хозяйства должны вѣдаться мѣстными же людьми, для которыхъ интересы данной среды представляются, такъ сказать, родными. Съ этой цѣлью главныя заботы объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ предоставлены закономъ уѣзднымъ земствамъ... Всякое лицо, которому дороги интересы земства, обязано помнить, что на первомъ мѣстѣ должна стоять самостоятельная дѣятельность уѣзднаго земства и всякое приниженіе ея будетъ имѣть конечнымъ результатомъ уничтоженіе мѣстнаго самоуправленія, на смѣну котораго явится господство лицъ, прочно съ земствомъ не связанныхъ". Перечисливъ разные виды участія московскаго губернскаго земства въ уѣздной земской жизни (учрежденіе больницъ и школъ — назначеніе въ уѣзды санитарныхъ врачей—сосредоточеніе въ рукахъ губернскаго земства ветеринарной и страховой части—учрежденіе санитарныхъ и экономическихъ совѣтовъ, въ которыхъ рядомъ съ выборными земства засѣдаютъ лица служащія въ губернскомъ и уѣздныхъ земствахъ по назначенію—выдача уѣзднымъ земствомъ пособій и ссудъ, при условіи подчиненія указаніямъ губернскаго земства—устроенное не только безъ санкціи закона, но и безъ санкціи губернскаго собранія совѣщаніе предсѣдателей управъ), Н. А. Зиновьевъ приходитъ къ заключенію, что „руководительство губернскимъ земствомъ уѣздныхъ, съ сохраненіемъ за послѣдними лишь значенія исполнительныхъ органовъ, идетъ въ разрѣзъ съ указаніемъ закона, обезпечившаго какъ губернскому, такъ и уѣзднымъ земствамъ полную самостоятельность въ кругѣ ихъ дѣй-

[1]) См. „Внутреннія Обозрѣнія" въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1894 г., № 7 за 1895 г., № 3 за 1897 г., № 6 за 1899 г.; „Общественную Хронику" въ № 2 за 1900 г. „Обозрѣніе" въ № 6 1899-го посвящено возраженіямъ на мнѣніе Б. Н. Чичерина, раздѣляемое Н. А. Зиновьевымъ.

ствій". Что уѣздныя земства не должны быть низводимы на степень исполнительныхъ органовъ губернскаго земства—это безспорно; но ничего подобнаго мы и не видимъ въ московской губерніи. Не только больницы и школы, учреждаемыя исключительно на счетъ уѣздныхъ земствъ, но и больницы и школы, субсидируемыя губернскимъ земствомъ, остаются въ непосредственномъ завѣдываніи уѣздныхъ земствъ, внѣ всякой зависимости отъ губернскаго. Если, при полученіи субсидіи, уѣздное земство обязывается соблюсти извѣстныя условія, гарантирующія правильный ходъ дѣла (напр. назначить учителю достаточное содержаніе, построить школу согласно съ требованіями гигіены), то это договорное соглашеніе, свободно принимаемое обѣими сторонами, не можетъ считаться подчиненіемъ одной изъ нихъ другой. Если нѣкоторыми частями земскаго дѣла руководитъ губернское земство, то это отчасти прямо установлено закономъ—знающимъ, напримѣръ, только *губернское* взаимное страхованіе, только *губернскій* дорожный капиталъ,—отчасти вытекаетъ изъ того простого факта, что иниціатива работъ въ данной области принадлежала всецѣло губернскому земству. Задумавъ, напримѣръ, изученіе, по общему плану, санитарнаго положенія губерніи, губернское земство не могло не послать въ уѣзды спеціалистовъ по этому дѣлу, рядомъ съ которыми ничто не мѣшало и не мѣшаетъ уѣзднымъ земствамъ имѣть своихъ санитарныхъ врачей. Тамъ, гдѣ не было такой надобности въ объединеніи работы, починъ губернскаго земства не шелъ дальше поощренія и примѣра: уѣздные агрономы, напримѣръ, назначаются въ московской губерніи уѣздными земствами, а губернское земство принимаетъ на себя только часть вызываемыхъ этимъ расходовъ. Санитарные и экономическіе совѣты, съ участіемъ спеціалистовъ, учреждаются, въ послѣднее время, почти повсемѣстно, не подъ давленіемъ губернскаго земства, а просто потому, что этого требуетъ усложнившаяся земская жизнь. Нельзя усмотрѣть давленія и въ устройствѣ совѣщанія предсѣдателей управъ [1]), *мнѣнія* котораго ни для кого не обязательны. Доказательство этому можно найти въ самомъ рапортѣ Н. А. Зиновьева. „Въ одномъ изъ послѣднихъ передъ ревизіей засѣданій совѣщанія"—читаемъ мы здѣсь—„было, между прочимъ, преподано уѣзднымъ земствамъ образованіе въ средѣ ихъ особыхъ школьныхъ совѣтовъ, въ которые, наряду съ выборными отъ земства, входили бы по выбору и представители народныхъ учителей. Предложеніе это, хотя и принятое большинствомъ совѣщанія, прошло, впрочемъ, лишь въ немногихъ уѣздныхъ собраніяхъ, постановленія которыхъ по этому предмету были опротестованы губер-

[1]) Такъ какъ это совѣщаніе ничего не рѣшаетъ, ничего не постановляетъ, ограничиваясь обмѣномъ мыслей и работой подготовительнаго свойства, то для него едва ли была нужна чья-либо предварительная санкція.

наторомъ". Итакъ, бо́льшая часть уѣздныхъ земскихъ собраній не постѣснилась отклонить предложеніе совѣщанія, которое, очевидно, и не было *преподано* уѣзднымъ земствамъ къ непремѣнному руководству, а только сообщено на ихъ свободное обсужденіе. Одинъ этотъ фактъ бросаетъ достаточно яркій свѣтъ на настоящій характеръ отношеній, установившихся въ московской губерніи между земствами уѣздными и губернскимъ. Уѣздныя земства всегда могутъ дать отпоръ попыткамъ губернскаго земства перешагнуть черту, отдѣляющую соглашеніе отъ понужденія. Съ другой стороны, развѣ губернское земство, по своему составу, чуждо уѣзднымъ? Развѣ для губернскаго гласнаго, избраннаго въ это званіе, на короткій срокъ, уѣзднымъ собраніемъ, перестаютъ быть *родными* интересы его уѣзда? Развѣ въ самомъ московскомъ губернскомъ собраніи не было случаевъ противодѣйствія губернской управѣ, когда стремленія ея признавались черезчуръ централизаціонными? Примѣръ такого противодѣйствія приведенъ въ рапортѣ Н. А. Зиновьева—и онъ былъ далеко не единственнымъ. Въ свободномъ теченіи земской жизни заключается, такимъ образомъ, лучшая гарантія противъ возможныхъ уклоненій. Если самостоятельности уѣздныхъ земствъ грозитъ опасность, то ужъ конечно не со стороны коренящагося въ нихъ губернскаго земства.

„Стремленіе взять подъ свою опеку уѣздныя земства"—говорится, дальше, въ рапортѣ Н. А. Зиновьева—„явилось отчасти послѣдствіемъ, а можетъ быть и создалось подъ вліяніемъ укоренившагося уже въ московскомъ губернскомъ земствѣ другого вреднаго спутника централизаціи, именно усилившагося участія пришлаго элемента, который со временемъ можетъ вполнѣ подавить мѣстную самодѣятельность. При искусственномъ расширеніи круга вѣдѣнія губернскаго земства, губернская управа не могла уже непосредственно завѣдывать обширнымъ хозяйствомъ, разбросаннымъ къ тому же на пространствѣ всей губерніи. Вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ помощи уѣздныхъ земствъ, что̀, разумѣется, усиливало бы въ нихъ сочувствіе къ дѣлу, губернская управа предпочла ввѣрить земское дѣло лицамъ служащимъ по найму, поставивъ ихъ къ тому же внѣ всякой зависимости отъ земскихъ управъ, въ районѣ уѣздовъ которыхъ лица эти должны дѣйствовать". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ расширеніемъ и усложненіемъ земскаго хозяйства значительно возросло число представителей „пришлаго" (или „третьяго") элемента; но почему? Потому что этотъ элементъ даетъ земству необходимыхъ для него *спеціалистовъ*—учителей, врачей, ветеринаровъ, техниковъ, агрономовъ. „Мѣстные люди"—за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые обладаютъ спеціальными свѣдѣніями,—не могутъ же взять на себя непо-

средственное завѣдываніе больницами, амбулаторіями, опытными полями, искусственными дорожными сооруженіями. Всѣхъ подобныхъ дѣлъ, притомъ, такъ много, что для уѣздной земской управы посильно лишь общее руководство или общій надъ ними контроль. Еслибы губернское земство никого прямо отъ себя въ уѣзды не назначало, а предоставляло замѣщеніе созданныхъ и оплачиваемыхъ имъ должностей усмотрѣнію уѣздныхъ земствъ, „пришлый элементъ" отъ этого бы не уменьшился, потому что къ нему по необходимости должны были бы прибѣгать и уѣздныя земскія управы. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, возможно ли, желательно ли подчиненіе уѣздному земству всѣхъ „служащихъ по найму" въ предѣлахъ уѣзда? Мы думаемъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣламъ земскаго хозяйства это прямо невозможно: нельзя же требовать отъ губернскаго земства, отвѣчающаго, по закону, за правильное веденіе страхового дѣла, чтобы оно отказалось отъ всякаго участія въ выборѣ живущихъ на мѣстахъ страховыхъ агентовъ, въ надзорѣ за ними и въ установленіи руководящихъ началъ для ихъ дѣятельности. По отношенію къ предпріятіямъ, не обязательнымъ для губернскаго земства, такой отказъ возможенъ, но едва ли цѣлесообразенъ, въ особенности при новизнѣ дѣла и при необходимости одинаковыхъ способовъ его веденія. Всего менѣе практична была бы *двойственная* зависимость служащихъ—и отъ губернскаго, и отъ уѣзднаго земства; она открывала бы широкій просторъ для недоразумѣній и пререканій. Если санитарный врачъ, назначенный въ уѣздъ губернскимъ земствомъ, имѣетъ точно опредѣленный кругъ дѣйствій, не вторгающійся въ область уѣздной земской медицины, то для столкновеній между нимъ и уѣзднымъ земствомъ нѣтъ рѣшительно никакихъ поводовъ. Правда, врачи, назначенные губернскимъ земствомъ, засѣдаютъ, вмѣстѣ съ уѣздными земскими врачами, въ уѣздныхъ санитарныхъ совѣтахъ и здѣсь, по словамъ всеподданнѣйшаго рапорта, ведутъ иногда „открытую борьбу" съ уѣздными земскими управами: но вѣдь послѣднее слово въ этой борьбѣ, насколько она касается уѣздныхъ дѣлъ, принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, не губернскому земству. Какъ бы велико ни было вліяніе губернскихъ врачей на своихъ уѣздныхъ коллегъ, „захватить въ свои руки чуть ли не полное завѣдываніе врачебной частью въ уѣздѣ" уѣздный санитарный совѣтъ можетъ только съ согласія *уѣзднаго* земскаго собранія... Изъ нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ въ рапортѣ, можно заключить, что главнымъ предметомъ усилій врачебнаго персонала, руководимаго губернскими врачами, является участіе въ назначеніи и увольненіи врачей, т.-е. огражденіе ихъ отъ произвола управы. Аналогичныя стремленія замѣчаются и среди фельдше-

ровъ и акушерокъ. И что же? Мы узнаемъ изъ рапорта, что нѣкоторыя уѣздныя управы не только не противились этимъ стремленіямъ, но сами устроивали, для ихъ обсужденія, собранія лицъ низшаго медицинскаго персонала. Отсюда ясно, что подобные вопросы возникали бы и помимо усиленія „третьяго элемента", помимо увеличенія круга дѣйствій губернскаго земства. Благопріятной для нихъ является вообще земская почва, въ которой начàла чиночитанія и дисциплины пустили далеко не столь глубокіе корни, какъ въ почвѣ общеслужебной. Совѣщаніе низшихъ служащихъ о способахъ улучшенія ихъ быта, немыслимое и небывалое въ административныхъ учрежденіяхъ, не представляетъ ничего страннаго въ земскомъ мірѣ, съ самаго начала своего существованія вступившемъ, въ этомъ отношеніи, на новый путь, во многомъ своеобразный. Въ рапортѣ подчеркивается, какъ нѣчто ненормальное, участіе агронома—въ обсужденіи вопроса о составѣ школьнаго совѣта, участіе ветеринара—въ обсужденіи вопроса о правахъ врачей-ассистентовъ. Въ земскомъ мірѣ ни то, ни другое не могло встрѣтить особыхъ препятствій: свобода *мнѣній* среди земскихъ служащихъ ограждена гораздо больше, чѣмъ среди состоящихъ на государственной службѣ—а участіе въ *обсужденіи* вопроса не равносильно участію въ его *разрѣшеніи*.

Земское дѣло, по словамъ всеподданнѣйшаго рапорта, „уходитъ, въ московской губерніи, изъ рукъ земства; при дальнѣйшемъ развитіи такого направленія отъ участія въ этомъ дѣлѣ могутъ устраниться лучшіе представители земства". На какихъ фактахъ построено послѣднее предположеніе—мы не знаемъ. Насколько можно судить по общеизвѣстнымъ даннымъ, земства московской губерніи—какъ уѣздныя, такъ и губернское—отнюдь не оскудѣваютъ людьми, способными и готовыми потрудиться на пользу населенія. Нѣкоторыя уѣздныя собранія—напр. московское—обращаютъ на себя общее вниманіе оживленностью и интересомъ преній. Уѣзды вовсе не похожи другъ на друга; многіе изъ нихъ имѣютъ свои особенности, ставящія ихъ впереди или позади другихъ. Въ уѣздахъ клинскомъ и волоколамскомъ, напримѣръ, очень много сдѣлано для распространенія среди крестьянъ усовершенствованныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства; въ звенигородскомъ уѣздѣ предметомъ большой земской заботы являются кустарные промыслы. Сессія московскаго губернскаго земскаго собранія по прежнему является событіемъ не только въ московской, но и въ общерусской жизни. Если въ рядахъ „лучшихъ представителей земства" начнется „устраненіе отъ земской дѣятельности", то причина этому едва ли будетъ та, которая указана въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ. Ограниченіе функцій губернскаго земства, обусловливаемое фиксаціею

оскудѣніе земскихъ средствъ, недовѣріе къ земству и его избранникамъ, ничѣмъ не смягчаемые недостатки земской избирательной системы, культъ административнаго всевластія—вотъ что̀ грозитъ опасностью земскимъ учрежденіямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ. Здоровое, бодрое, самостоятельное, прогрессирующее земство не стушуется и не спасуетъ передъ „третьимъ элементомъ", а вмѣстѣ съ нимъ расширитъ рамки и улучшитъ результаты земской работы.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1904.

Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Крейсерство и его результаты.—Событія на морѣ и на сушѣ.—Толки о будущемъ мирѣ.—Отношенія иностранныхъ націй къ Россіи.—Британская экспедиція въ Тибетъ.

Первый періодъ кампаніи на Дальнемъ Востокѣ окончился на морѣ сраженіями 28 іюля и 1 августа, а на сушѣ—битвами 13—20 августа подъ Лаояномъ. Нашъ тихоокеанскій флотъ, потерпѣвъ цѣлый рядъ неудачъ и несчастій, пересталъ пока существовать, какъ активная боевая сила, и безспорное фактическое господство на морѣ можетъ быть отнято у непріятеля только по прибытіи къ Портъ-Артуру нашей балтійской эскадры. Недолго продолжались успѣшные набѣги владивостокскихъ крейсеровъ, разстроившіе почти всю внѣшнюю торговлю Японіи; о послѣдней и наиболѣе удачной экскурсіи въ этомъ родѣ сообщалось въ оффиціальной телеграммѣ адмирала Скрыдлова, отъ 19 іюля:

„Контръ-адмиралъ Іессенъ, посланный мною къ восточнымъ берегамъ Японіи съ отрядомъ въ составѣ крейсеровъ „Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“, донесъ: выйдя изъ Сангарскаго пролива въ океанъ 7-го іюля, отрядъ встрѣтилъ небольшой японскій пароходъ „Окасимамару“, который, по съѣздѣ съ него людей, былъ потопленъ; люди на шлюпкахъ направились къ берегамъ. Въ то же время былъ остановленъ и опрошенъ британскій пароходъ „Камара“, шедшій за углемъ въ Марoранъ; хотя и явилось основаніе предполагать, что пароходъ занимается перевозкой контрабанды, но отсутствіе грузовъ и прямыхъ уликъ заставило его отпустить. Вскорѣ затѣмъ былъ встрѣченъ прибрежный японскій пароходъ „Кіодуніу-мару“ съ 50-ю пассажирами, въ числѣ которыхъ бо́льшая часть были женщины; это обстоятельство вынудило отпустить пароходъ.

„Спускаясь на югъ, были встрѣчены одна за другою двѣ японскія шхуны, обѣ съ грузами рыбныхъ продуктовъ и соли; шхуны, по снятіи людей, уничтожены. 9-го іюля въ 100 миляхъ отъ Іокогамы задержанъ германскій пароходъ „Арабія“, со значительнымъ грузомъ контрабанды, состоящей изъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ и муки для японскихъ портовъ; пароходъ „Арабія“ направленъ во Владивостокъ. Утромъ 10-го іюля былъ встрѣченъ большой пароходъ, остановившійся только послѣ четвертаго по нему выстрѣла; по осмотрѣ пароходъ ока-

зался британскимъ грузовымъ пароходомъ „Найтъ-Командеръ", шедшимъ изъ Нью-Іорка черезъ Европу въ Іокогаму и Кобе. По имѣвшимся у шкипера неоффиціальнымъ и неполнымъ копіямъ документовъ и по его словамъ выяснено, что пароходъ везъ въ Японію отъ трехъ съ половиною до четырехъ тысячъ тоннъ желѣзнодорожнаго груза, составляющаго значительную часть всего его груза. Признавъ пароходъ „Найтъ-Командеръ" несомнѣнно занимающимся доставкой контрабанды воюющей сторонѣ, а потому законнымъ призомъ, и не имѣя возможности, за недостаткомъ на пароходѣ угля, доставить его въ ближайшій русскій портъ, безъ явной опасности для отряда, „Найтъ-Командеръ" уничтожили, по снятіи съ него всѣхъ людей и документовъ.

„Около полудня, по встрѣчѣ и по снятіи команды, уничтожены еще двѣ японскія шхуны съ полнымъ грузомъ соли. Въ то же время усмотрѣнъ и остановленъ британскій пароходъ „Шинанъ", шедшій изъ Австраліи въ Іокогаму съ нейтральнымъ грузомъ и пассажирами; по осмотрѣ грузовъ и документовъ, пароходъ, какъ не имѣвшій контрабанды, отпущенъ. Утромъ 11-го іюля усмотрѣнъ и остановленъ германскій пароходъ „Thea", шедшій изъ Америки въ Іокогаму съ полнымъ грузомъ рыбныхъ продуктовъ, признанный законнымъ призомъ; „Thea", по снятіи съ него людей, былъ потопленъ, за невозможностью доставить его въ русскій портъ. 17-го іюля, около полудня, отрядъ направился въ Сангарскій проливъ. Около 3-хъ часовъ подъ сѣвернымъ берегомъ опознали японскій крейсеръ 3-го класса, повидимому „Такао" съ 3-мя миноносцами, а за ними рангоутное судно типа „Конго" съ 4-мя миноносцами. Суда шли однимъ курсомъ съ отрядомъ. Одновременно съ лѣвой стороны пролива показался броненосецъ береговой обороны типа „Сайенъ". Всѣ эти суда сильно отставали и въ 5 часовъ повернули обратно. Крейсеры совершили этотъ продолжительный походъ безъ потерь въ людяхъ или аваріи, а равно и безъ одной человѣческой жертвы на уничтоженныхъ или взятыхъ призахъ".

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ крейсерскихъ дѣлъ послужили поводомъ къ протестамъ иностранной дипломатіи и возбудили горячіе споры между спеціалистами международнаго права; особенно возражали англичане противъ потопленія нейтральныхъ кораблей, относительно которыхъ не состоялось еще приговора надлежащаго призоваго суда,—какъ это было съ пароходомъ „Knight-Commander". Если англичане, можетъ быть, и правы съ формальной точки зрѣнія, то въ данномъ случаѣ вопросъ не имѣлъ практическаго значенія, такъ какъ при разбирательствѣ дѣла въ призовомъ судѣ контрабандный характеръ груза подтвердился документально, и законность приза никѣмъ не могла быть серьезно оспариваема; а для потерпѣвшихъ со-

вершенно безразлично, какъ поступлено будетъ съ пароходомъ, объявленнымъ законной добычей противника. Болѣе существенныя принципіальныя разногласія возбуждаются причисленіемъ къ военной контрабандѣ такихъ товаровъ и продуктовъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ потребностямъ непріятельской арміи; напримѣръ, грузъ рыбныхъ продуктовъ на пароходѣ „Thea" признанъ контрабандою только потому, что къ послѣдней отнесены нашимъ правительствомъ и съѣстные припасы; но для правильности такого опредѣленія необходимо было бы установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что припасы предназначены для войска, а не для мирныхъ жителей. Предназначались ли рыбные продукты съ парохода „Thea" для японской арміи—мы не знаемъ, а между тѣмъ отъ этого обстоятельства зависитъ правильность или неправильность захвата, согласно господствующимъ мнѣніямъ о военной контрабандѣ. Война ведется не противъ мирнаго населенія Японіи, а противъ ея вооруженныхъ силъ и располагающаго ими правительства; на сушѣ давно уже соблюдается принципъ неприкосновенности частной собственности непріятеля, и только на морѣ принято захватывать или уничтожать частные коммерческіе пароходы и товары враждебной страны. Что касается нейтральныхъ судовъ, то право осмотра и задержки ихъ, съ перспективой конфискаціи въ случаѣ признанія перевозимыхъ товаровъ контрабандными, представляетъ собою обоюдоострое оружіе, отъ котораго непосредственно страдаютъ матеріальные интересы постороннихъ націй, находящихся съ нами въ мирныхъ или даже дружественныхъ отношеніяхъ. Погоня за контрабандою вдали отъ китайскихъ и японскихъ водъ,—напримѣръ въ Красномъ морѣ или близъ Капской колоніи—направлена была бы въ сущности только противъ британской или нѣмецкой торговли, отражаясь лишь косвенно на интересахъ Японіи, и неизбѣжно вызывала бы противъ насъ враждебныя чувства народовъ и государствъ, съ которыми мы не имѣемъ никакого разсчета ссориться; поэтому организація крейсерства въ этомъ направленіи—особенно при широкомъ и отвергаемомъ за границей толкованіи понятія контрабанды—могла бы оказаться политической ошибкою, какъ мы замѣтили уже въ прошломъ обозрѣніи, вопреки обычнымъ взглядамъ нашихъ газетныхъ патріотовъ. Самыя энергичныя дѣйствія нашихъ крейсеровъ въ борьбѣ съ иностранными поставщиками Японіи нисколько не повліяютъ на общій ходъ войны, а между тѣмъ приводятъ къ нежелательному дробленію нашихъ морскихъ силъ, что уже имѣло достаточно печальныя для насъ послѣдствія.

Портъ-артурская эскадра, давно исправившая всѣ свои поврежденія и находившаяся безъ пользы въ гавани осажденной крѣпости, рѣшилась въ концѣ іюля вырваться на просторъ въ открытое море и

идти въ Владивостокъ. 29-го іюля получена была въ Петербургѣ краткая депеша намѣстника, генералъ-адъютанта Алексѣева, извѣщавшая, что наканунѣ эскадра вышла въ море: „пароходъ „Монголія“ слѣдуетъ за эскадрой; на горизонтѣ были японскіе три крейсера перваго ранга, восемь малыхъ крейсеровъ и семнадцать миноносцевъ“. Нѣсколько дней держалась въ публикѣ надежда на успѣхъ предпринятой смѣлой попытки, тѣмъ болѣе, что первыя сообщенія адмирала Того о боѣ съ нашей эскадрой были крайне неясны и неопредѣленны. Утѣшительная вѣсть о прорывѣ нашихъ броненосцевъ и крейсеровъ сквозь окружавшія ихъ морскія силы японцевъ обсуждалась уже газетами, какъ совершившійся фактъ, давая матеріалъ для предположеній о рѣзкомъ поворотѣ въ ходѣ войны. Къ прискорбію, этимъ надеждамъ и предположеніямъ не суждено было сбыться: вскорѣ пришло извѣстіе о гибели адмирала Витгефта и о разстройствѣ его эскадры послѣ тяжкаго боя съ сосредоточеннымъ японскимъ флотомъ. Подбитый и сильно поврежденный броненосецъ „Цесаревичъ“ добрался кое-какъ до нейтральнаго германскаго порта Цзинтау, близъ Кіао-Чао, на Шантунгскомъ полуостровѣ, гдѣ долженъ былъ подвергнуться разоруженію; крейсеръ „Аскольдъ“, также едва державшійся на водѣ, появился въ нейтральной гавани Шанхая, подъ зоркимъ наблюденіемъ японскихъ миноносцевъ; болѣе счастливая „Діана“ избѣгла преслѣдованій и могла остановиться для починки у Сайгона, во французскомъ Индо-Китаѣ, внѣ района японскаго контроля,—послѣ чего удалилась въ установленный срокъ; остальная, наиболѣе сильная часть эскадры вынуждена была идти обратно къ Портъ-Артуру. Подробности этого грустнаго дѣла приведены были въ слѣдующемъ донесеніи контръ-адмирала Матусевича: „Уже 28-го іюля, съ разсвѣтомъ, наша эскадра начала выходить въ море и въ девять часовъ утра оставила Портъ-Артуръ въ составѣ шести броненосцевъ, крейсеровъ „Аскольдъ“, „Діана“, „Паллада“, „Новикъ“ и восьми миноносцевъ. Японцы сосредоточили противъ насъ шесть броненосцевъ, одиннадцать крейсеровъ и около тридцати миноносцевъ. Наша эскадра маневрировала такъ, чтобы прорваться сквозь линію непріятельскихъ судовъ. Въ это время японскіе миноносцы по пути эскадры бросали плавающія мины, чѣмъ очень затрудняли маневрированіе. Въ часъ дня, послѣ сорокаминутнаго боя, эскадрѣ удалось прорваться и взять курсъ къ Шантунгу. Непріятель всѣми силами слѣдовалъ и, медленно догоняя, въ пять часовъ опять завязалъ бой. Бой длился съ равнымъ успѣхомъ нѣсколько часовъ. Во время боя былъ убитъ начальникъ эскадры и раненъ съ потерею сознанія командиръ броненосца „Цесаревичъ“. Почти одновременно были повреждены машина и руль броненосца. „Цесаревичъ“ на сорокъ минутъ остановился, вслѣдствіе чего и другія суда прину-

ждены были маневрировать вокругъ него. Командованіе эскадрою перешло къ князю Ухтомскому, а броненосецъ „Цесаревичъ"—къ старшему офицеру. Съ наступленіемъ темноты, броненосецъ „Цесаревичъ", не будучи въ состояніи слѣдовать за эскадрой, теряя ее изъ виду, повернулъ на югъ, чтобъ попытаться идти во Владивостокъ самостоятельно. Ночью подвергся миннымъ атакамъ, а съ разсвѣтомъ былъ у Шантунга. Командиръ принялъ командованіе въ полночь. Осмотрѣвъ поврежденія броненосца и опредѣливъ степень ихъ, командиръ рѣшилъ, что до Владивостока броненосецъ дойти не можетъ. Разрѣшилъ командиру идти въ Кіау-Чіау для ремонта. Въ девять часовъ вечера прибылъ въ Кіау-Чіау, засталъ тамъ крейсеръ „Новикъ" и миноносецъ „Безшумный".

Эти свѣдѣнія были затѣмъ дополнены депешею князя Ухтомскаго, изъ Портъ-Артура, отъ 11-го августа. Покинувъ гавань „для прорыва во Владивостокъ" и „пройдя благополучно черезъ минное загражденіе, въ 20-ти миляхъ встрѣтили японскую эскадру, съ которой и вступили въ бой. Бой продолжался полтора часа безъ особыхъ поврежденій съ нашей стороны. Въ пятомъ часу, придя на траверсъ нашей эскадры, на разстояніи 36 кабельтововъ, непріятель началъ снова бой, продолжавшійся до семи часовъ тридцати минутъ. Въ концѣ боя „Цесаревичъ", имѣя, вѣроятно, поврежденіе въ рулѣ, вышелъ изъ строя, держа сигналъ: „Адмиралъ передаетъ начальство". Имѣя на броненосцѣ „Пересвѣтъ" сбитыми обѣ стеньги и всѣ средства для сигналопроизводства, какъ дневного, такъ и ночного, привязалъ къ поручнямъ мостика сигналъ: „Слѣдовать за мной". Полагаю, что не всѣ суда могли его прочитать. Имѣя много убитыхъ и раненыхъ и серьезныя поврежденія по артиллеріи, корпусу и электрическихъ приспособленій, рѣшилъ вернуться въ Портъ-Артуръ. Со мной пошли броненосцы: „Ретвизанъ", „Побѣда", „Полтава", „Севастополь", „Цесаревичъ" и крейсеръ „Паллада". Броненосецъ „Цесаревичъ" концевымъ. Шелъ среднимъ ходомъ, но за темнотой и непрерывными минными атаками, для отраженія которыхъ приходилось временно мѣнять курсъ, въ темнотѣ суда разошлись, и къ разсвѣту у Портъ-Артура оказались броненосцы: „Ретвизанъ", „Севастополь", „Пересвѣтъ", „Побѣда", „Полтава" и крейсеръ „Паллада" и три миноносца. Корабли исправляются судовыми и портовыми средствами. Участвовали въ бою японскіе: четыре броненосца перваго ранга и одинъ второго, четыре броненосныхъ крейсера, четыре палубныхъ крейсера, пять легкихъ крейсеровъ и 50 миноносцевъ. Я, за отсутствіемъ контръ-адмирала Витгефта, принялъ командованіе портъ-артурской эскадрой".

Извѣстный своею ловкостью „Новикъ" трагически окончилъ на этотъ разъ свое существованіе. „28-го іюля—сообщаетъ въ своемъ

рапортѣ командиръ—по окончаніи боя, въ которомъ крейсеръ получилъ три надводныхъ пробоины и прорвался сквозь непріятельскія суда вмѣстѣ съ крейсеромъ „Аскольдъ",—потерялъ послѣдній изъ виду вслѣдствіе тумана и исправленія машины и 29-го іюля зашелъ за углемъ въ Кіао-Чао. 30-го іюля вышелъ вокругъ Японіи во Владивостокъ и 7-го августа пришелъ въ Корсаковскій постъ. Погрузилъ уголь и въ 4 часа пополудни того же 7-го августа усмотрѣлъ приближающійся непріятельскій крейсеръ типа „Ніитака"; снялся съ якоря и въ 5 час. 15 мин. вступилъ съ нимъ въ бой, въ которомъ черезъ сорокъ-пять минутъ „Новикъ" получилъ три подводныхъ пробоины и двѣ у ватеръ-линіи, причемъ было затоплено рулевое отдѣленіе. Подбитый непріятельскій крейсеръ уклонился отъ дальнѣйшаго боя и все время телеграфировалъ. Имѣя къ концу боя только шесть исправныхъ котловъ и поврежденіе въ рулѣ, былъ вынужденъ вернуться въ Корсаковскій постъ, осмотрѣться съ намѣреніемъ ночью выйти въ море. По невозможности исправить поврежденія руля и въ виду присутствія нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ, на что указывали телеграфированіе и свѣтъ нѣсколькихъ прожекторовъ, рѣшился затопить крейсеръ на мелководьи. Офицеры, команда и имущество свезены на берегъ. Восьмого августа крейсеръ типа „Сума" разстрѣливалъ видимую надъ водою часть крейсера".

Почти одновременно съ неудачей, постигшей нашу портъ-артурскую эскадру, пострадали и владивостокскіе крейсеры, которые съ своей стороны отправились въ Корейскій проливъ на встрѣчу эскадрѣ. Крейсеры „Россія", „Громобой", „Рюрикъ", подъ начальствомъ контръ-адмирала Іессена, встрѣтили, однако, не русскую эскадру, а японскую, которая давно уже искала случая столкнуться съ ними въ открытомъ морѣ. Адміралъ Камимура загородилъ имъ дорогу своими четырьмя броненосными крейсерами, къ которымъ вскорѣ присоединились еще два крейсера второго ранга; съ ранняго утра 1-го августа начался безпощадный бой, продолжавшійся около пяти часовъ, причемъ „Рюрикъ" получилъ сильныя поврежденія и потерялъ способность двигаться; оба другіе крейсера тщетно пытались защитить его отъ нападеній японцевъ, нѣсколько разъ возвращались къ нему, но наконецъ должны были спасаться сами, такъ какъ многочисленныя пробоины грозили ихъ собственному существованію. „Россія" и „Громобой", сильно израненные, успѣли вернуться во Владивостокъ, оставивъ злополучный „Рюрикъ" на мѣстѣ битвы. „Въ результатѣ,—говорится въ обстоятельной телеграммѣ „Новаго Времени",—наши крейсера блестящимъ образомъ выдержали неравный пятичасовой бой съ превосходившимъ ихъ втрое по силѣ противникомъ, и если потерянъ самый слабый изъ нихъ, „Рюрикъ", то цѣль, для которой были посланы

крейсера, вполнѣ достигнута: эскадра Камимуры настолько ослаблена, что Корейскій проливъ является вполнѣ проходимымъ". Къ сожалѣнію, некому уже воспользоваться этой „проходимостью", если послѣдняя дѣйствительно обезпечена неравнымъ боемъ трехъ крейсеровъ противъ шести; но краснорѣчивые корреспонденты и газетные обозрѣватели имѣютъ вообще наклонность усматривать блестящій успѣхъ и благополучіе даже тамъ, гдѣ обыкновенная публика видитъ только прискорбныя потери. Остатки нашего тихоокеанскаго флота распредѣлились по разнымъ мѣстамъ, подстерегаемые настойчивымъ и безцеремоннымъ непріятелемъ, которому до сихъ поръ удивительно везетъ. Правда, счастье дается на войнѣ не даромъ: оно пріобрѣтается умѣньемъ и сопутствуетъ ему, согласно извѣстному изреченію Суворова. Японцы не стѣсняются теперь въ своихъ дѣйствіяхъ на морѣ, сознавая себя настоящими хозяевами не только въ японскихъ, но и въ китайскихъ водахъ, и это свое положеніе „побѣдителей" они даютъ осязательно чувствовать иностранцамъ.

Крайне тягостный инцидентъ произошелъ съ однимъ изъ нашихъ миноносцевъ, искавшихъ убѣжища въ китайскомъ портѣ Чифу. Въ ночь на 30-е іюля „два японскихъ миноносца вошли внутрь порта и около 3-хъ часовъ утра произвели вооруженное нападеніе на миноносецъ „Рѣшительный", который наканунѣ, по соглашенію командира съ китайскими властями, былъ разоруженъ, о чемъ японцамъ было извѣстно. Миноносецъ взорванъ по приказанію командира, но не утонулъ и выведенъ японцами изъ порта. Командиръ лейтенантъ Рощаковскій, офицеры и большая часть команды спаслись вплавь. По ихъ показаніямъ, японцы стрѣляли по нашимъ спасавшимся".

Какъ видно изъ донесеній консула въ Чифу, „пока консулъ велъ переговоры съ даотаемъ о временномъ пребываніи миноносца „Рѣшительный" въ Чифу для исправленія машины, командиръ миноносца вступилъ въ соглашеніе съ китайскимъ адмираломъ о разоруженіи миноносца, передалъ ему замки пушекъ и ружья, ударники минъ и спустилъ флагъ и вымпелъ",—и слѣдовательно, разоруженіе могло уже считаться состоявшимся. Самъ командиръ слѣдующимъ образомъ описываетъ это характерное дѣло: „29-го іюля съ ввѣреннымъ мнѣ миноносцемъ „Рѣшительнымъ" прибылъ въ Чифу изъ Портъ-Артура съ важными депешами, прорвавъ двѣ линіи непріятельской блокады. Согласно съ предписаніемъ адмирала Григоровича разоружился и спустилъ военный флагъ. Всѣ формальности были выполнены. Въ ночь на 30-е, находясь внутри порта, подвергся разбойническому нападенію японцевъ, подошедшихъ въ составѣ двухъ эскадренныхъ миноносцевъ и одного крейсера и приславшихъ десантъ съ офицеромъ, какъ бы для переговоровъ. Не имѣя оружія для сопротивленія, при-

казалъ приготовить миноносецъ „Рѣшительный" къ взрыву. Когда японцы начали поднимать свой флагъ, я оскорбилъ японскаго офицера ударомъ по лицу и, сбросивъ его въ воду, приказалъ командѣ выбрасывать непріятеля. Наше сопротивленіе не могло быть дѣйствительнымъ, и японцы завладѣли миноносцемъ. Взрывы носового патроннаго погреба въ машинномъ отдѣленіи произошли; миноносецъ „Рѣшительный" не затонулъ, но, сильно погруженный носомъ, былъ выведенъ изъ порта японцами. Надѣюсь, что они не доведутъ его до своего порта".

Это грубое нарушеніе международнаго права не встрѣтило прямого протеста со стороны представителей нейтральныхъ государствъ и командировъ иностранныхъ судовъ, находившихся въ Чифу; сами японцы оправдывали свой поступокъ тѣмъ, что Китай не въ состояніи ограждать свой нейтралитетъ отъ возможныхъ нарушеній и что нельзя было ручаться за будущее поведеніе русскаго миноносца послѣ исправленія его машины въ китайскомъ портѣ. Уже тотъ фактъ, что захватъ нашего миноносца японцами совершился на глазахъ китайскаго адмирала, доказываетъ, что дѣйствительно китайскій нейтралитетъ есть только условная временная фикція, которой трудно придавать серьезное значеніе. Да и примѣнимы ли вообще понятія о правѣ къ жестокимъ военнымъ насиліямъ? Многіе иностранные публицисты, особенно англійскіе и американскіе, находили дѣйствія японцевъ вполнѣ цѣлесообразными,—подобно тому, какъ раньше восхваляли ихъ первую внезапную атаку на наши броненосцы въ Портъ-Артурѣ и „блестящую побѣду" въ Чемульпо. Безполезно ссылаться на международное право, когда данъ просторъ стихійному господству силы,—ибо сама война есть не что иное, какъ отрицаніе всякаго права. Кровавыя событія на Дальнемъ Востокѣ какъ нельзя яснѣе подтверждаютъ ту истину, что война несовмѣстима не только съ требованіями человѣчности, но и съ общими культурными условіями и понятіями современнаго міра.

Если на морѣ торжествуютъ пока японцы, то этого нельзя еще сказать относительно положенія дѣлъ на сушѣ. Подъ стѣнами Портъ-Артура непріятель потерпѣлъ рѣшительную неудачу въ своихъ попыткахъ овладѣть крѣпостью штурмомъ; всѣ отчаянныя атаки, стоившія огромныхъ жертвъ, оказались до сихъ поръ напрасными, и, по-видимому, японцы должны были отказаться отъ надежды достигнуть цѣли силою, безъ правильной и долговременной осады. Въ Манчжуріи, послѣ временного затишья, вызваннаго отчасти сосредоточеніемъ японскихъ усилій около Портъ-Артура, замѣчается опять оживленіе наступательной энергіи японцевъ въ окрестностяхъ главнаго центра русской арміи—Лаояна. Отдѣльные отряды нашихъ войскъ, подъ на-

поромъ противника, постепенно очищали свои передовыя позиціи и переходили съ нихъ на главную. Сообщая объ этихъ отступленіяхъ, генералъ Куропаткинъ въ телеграммѣ отъ 19 іюля прибавляетъ многозначительныя слова: „Надѣюсь, что на главной позиціи войска съ успѣхомъ выдержать бой даже съ превосходнымъ противникомъ". Въ другихъ оффиціальныхъ депешахъ упоминалось объ ожиданіи предстоящаго „рѣшительнаго боя". Изъ этихъ словъ и намековъ можно было заключить, что отъ Лаояна наши войска уже не отступятъ и что на этой главной, старательно укрѣпленной за послѣдніе мѣсяцы позиціи будетъ дано генеральное сраженіе, которое должно рѣшить судьбу кампаніи—по крайней мѣрѣ на время, до прибытія дальнѣйшихъ войскъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ заранѣе указывалось на вѣроятность численнаго перевѣса противника даже при столкновеніи со всей манчжурской арміей, причемъ предвидѣлась лишь возможность „съ успѣхомъ выдержать бой", но не одержать рѣшительную побѣду или нанести непріятелю такое пораженіе, которымъ было бы уже обезпечено благополучное окончаніе войны. Если вѣрить заграничнымъ телеграфнымъ сообщеніямъ, въ битвахъ подъ Лаояномъ съ 16 августа участвовало съ обѣихъ сторонъ до полумилліона человѣкъ съ 1.300 орудіями, и японскихъ войскъ больше, чѣмъ нашихъ, будто бы, на шестьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ. При такихъ условіяхъ, грандіозный, крайне упорный и кровопролитный бой—или, вѣрнѣе, рядъ непрерывныхъ ежедневныхъ битвъ,—не разрѣшитъ вопроса и не ускоритъ заключенія мира, хотя бы исходъ былъ для насъ благопріятенъ. Нашъ противникъ, къ несчастью,—не такого рода, чтобы можно было ограничиться однимъ успѣшнымъ отраженіемъ его натиска; потребуются еще колоссальныя и продолжительныя усилія, чтобы справиться съ нимъ. Отступленіе къ Мукдену, начатое генераломъ Куропаткинымъ 21-го августа, заканчиваетъ собою крупный и важный періодъ сухопутной войны и, быть можетъ, знаменуетъ ея наиболѣе критическій моментъ, —и ничто не обѣщаетъ еще скораго избавленія отъ этого страшнаго и мучительнаго кошмара, столь неожиданно обрушившагося на Россію.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что иностранныя газеты отъ времени до времени поднимаютъ вопросъ о мирномъ посредничествѣ для прекращенія кровавыхъ ужасовъ на Дальнемъ Востокѣ,—несмотря на категорическое заявленіе съ нашей стороны о недопущеніи посторонняго дипломатическаго вмѣшательства. Послѣднее препятствіе обходится очень просто: роль посредниковъ приписывается обыкновенно нашимъ друзьямъ и союзникамъ, которые дѣйствуютъ, будто бы, по нашему собственному, не выраженному прямо желанію и имѣютъ,

будто бы, въ виду оказать намъ услугу безъ ущерба для нашихъ интересовъ и для нашего національнаго самолюбія. Мысль о возстановленіи мира невольно овладѣваетъ умами при постоянныхъ извѣстіяхъ о неслыханной и безплодной бойнѣ подъ стѣнами Портъ-Артура и въ окрестностяхъ Лаояна; но самые толки о мирѣ тоже совершенно безплодны, такъ какъ миръ зависитъ, къ сожалѣнію, не отъ тѣхъ, которые къ нему стремятся. Если бы ходъ событій опредѣлялся только желаніями Россіи, то, конечно, никакой войны не было бы: намъ ничего не нужно отъ Японіи, мы отъ нея ничего не требовали и намъ нечего взять съ нея даже въ случаѣ окончательной надъ нею побѣды; мы воюемъ только по необходимости, защищаясь отъ врага, напавшаго на насъ съ опредѣленными завоевательными цѣлями. Быть можетъ, мы расплачиваемся теперь за крупныя ошибки и увлеченія по отношенію къ китайской территоріи, за неразсчетливость и небрежность въ сношеніяхъ съ Японіею, за незнакомство съ національными стремленіями, военными силами и культурными средствами этой новой азіатской державы; но во всякомъ случаѣ война была намъ навязана, и не въ нашей власти—прекратить ее. Поэтому обычные совѣты миролюбія и дружескія предложенія посредничества должны быть обращены не къ намъ, а къ противнику, поставившему себѣ задачей отобрать у насъ Портъ-Артуръ и имѣющему также виды на Сахалинъ и Камчатку. Допустимъ, что японцы убѣдились въ невозможности одолѣть насъ силою и отстоять свои нынѣшнія пріобрѣтенія въ будущемъ; тогда они могли бы подумать о соглашеніи путемъ обоюдныхъ уступокъ, и почва для мира была бы найдена,—ибо для насъ война была съ самаго начала безцѣльною.

Совершенно иначе разсуждаютъ, однако, нѣкоторые изъ нашихъ популярныхъ газетныхъ публицистовъ. Они находятъ, что мы должны во что бы то ни стало разгромить Японію, не жалѣя никакихъ человѣческихъ жертвъ, съ единственною цѣлью—поддержать нашъ престижъ въ Азіи и Европѣ; мы, будто бы, должны кому-то доказать, что „мы дѣйствительно великая держава, не даромъ стремившаяся въ Азію для своихъ культурныхъ цѣлей, не даромъ тратившая силы и деньги своего народа, разсчитывая на его развитіе и власть русскаго разума“, и если мы этого не докажемъ, то люди подумаютъ, что „все это (т.-е. наше культурное движеніе въ Азію и проч.) было какое-то глубоко-трагическое недоразумѣніе, а во мнѣніи цивилизованнаго міра—трагико-комическій фатумъ (?), достойный смѣха“. И публицистъ серьезно восклицаетъ: „Вотъ передъ нами какая роковая задача!“ Конечно, эта „роковая задача“ есть только плодъ мнимо-трагическаго недоразумѣнія, и если бы государство когда-нибудь задавалось мыслью доказывать глупымъ людямъ свои культурныя стремленія и

заслуги посредствомъ ненужной и тяжелой войны, то подобная политика дѣйствительно представляла бы собою „трагико-комическій фатумъ, достойный смѣха". Публицистъ увѣряетъ далѣе, что полная побѣда намъ гораздо нужнѣе теперь, чѣмъ въ прежнихъ нашихъ войнахъ: Россія „могла не побѣдить подъ твердынями Севастополя, могла бы не побѣдить Турцію въ 1878 году. Все это было тяжело и могло быть тяжело. Но тамъ мы не ставили на карту все наше значеніе, какъ великой и образованной державы. А теперь мы (?) его ставимъ". Кто это „мы", которые подъ Севастополемъ и на Балканахъ, на парижскомъ и берлинскомъ конгрессахъ, не ставили на карту всего того, что̀ именно и ставилось тогда оффиціально и обсуждалось предъ лицомъ всего міра? Неужели же теперь только, подъ Лаояномъ и Портъ-Артуромъ, должно выясниться „все наше значеніе, какъ великой и образованной державы"? „Или мы побѣдимъ,—продолжаетъ тотъ же публицистъ,—и побѣдимъ тогда не Японію только, но окончательно побѣдимъ и всѣ страны, пріобрѣтенныя нами въ теченіе двухъ вѣковъ, побѣдимъ предразсудки Европы относительно Россіи, или мы будемъ побѣждены, и тогда мы будемъ побѣждены для всего міра, для Турціи, для Кавказа, для нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, для вліяній на Балканскомъ полуостровѣ, для всего славянства, которое чуетъ въ Россіи старшую и сильную сестру,—для всѣхъ другихъ враговъ, наконецъ. Вотъ какъ это будетъ... Или наше бытіе, или ужасъ униженія" („Новое Время", отъ 19 августа, „Маленькія письма"). Выходитъ, что даже для Турціи, для Кавказа, для Балканскаго полуострова и всего славянства наше пораженіе въ послѣдней турецкой войнѣ—еслибы оно случилось—имѣло бы меньше значенія, чѣмъ неудача на Дальнемъ Востокѣ! Очевидно, газета просто играетъ словами, ставя такую дилемму: „или мы побѣдимъ, или мы будемъ побѣждены", „или наше бытіе, или ужасъ униженія". Кажется, сами японцы имѣютъ въ виду нѣчто среднее—взять Портъ-Артуръ послѣ многихъ штурмовъ и трудной осады и вытѣснить наши войска изъ Манчжуріи, пользуясь ихъ сравнительною малочисленностью и отдаленностью отъ коренной Россіи; побѣдить же Россію, заставить ее признать себя побѣжденною и почувствовать „ужасъ униженія"—не надѣются, вѣроятно, даже самые ярые изъ японскихъ патріотовъ. Зачѣмъ употреблять страшныя и жалкія слова, ставить на карту все значеніе Россіи, какъ великой и образованной державы,—когда дѣло идетъ о судьбѣ крѣпости, уступленной намъ Китаемъ только въ 1898 году, и когда самая война ведется изъ-за территоріи, занятой нами только четыре года тому назадъ? Россія была великой державой, когда еще не имѣла Портъ-Артура, и осталась бы великой державой, еслибы нашла нужнымъ отдать его обратно китайцамъ.

Что же касается званія „образованной державы", то оно, разумѣется, всего менѣе зависитъ отъ военныхъ успѣховъ въ Манчжуріи. „Неужели—спрашиваетъ „Новое Время"—только требовалось доказать, что мы храбры, что мы умѣемъ сражаться и умирать, и что наши средства истощены въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ? Неужели на смарку все то, что мы сдѣлали въ Сибири, на смарку великій сибирскій путь, на смарку выходъ въ Великій океанъ, который мы стали искать послѣ того, какъ не удалось намъ найти выходъ изъ Чернаго моря...? Ресурсы Россіи огромны, и слово „миръ" можетъ быть произнесено только японцами". Притомъ надо считаться и съ „народнымъ самолюбіемъ, которое теперь, когда такое множество людей читаютъ и соображаютъ,—совсѣмъ не звукъ пустой". Конечно, не такого рода аргументы лежатъ въ основѣ нашей рѣшимости довести войну до благополучнаго конца. Ни культурное наше призваніе въ Сибири, ни великій сибирскій путь, ни выходъ въ Великій океанъ, гдѣ мы имѣемъ отличный портъ въ Владивостокѣ,—не подвергаются опасности отъ потери Портъ-Артура, доказавшаго на дѣлѣ свою непригодность для надежной охраны интересовъ нашего тихоокеанскаго флота. Не слѣдуетъ также примѣшивать вопросы національнаго самолюбія къ великимъ и труднымъ практическимъ задачамъ, выдвинутымъ настоящею войною; народъ, читающій газеты и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящій за событіями, не высказываетъ своихъ мнѣній, и нѣтъ основанія приписывать ему тѣ или другіе взгляды; но въ огромномъ своемъ большинствѣ онъ едва ли ставитъ вопросы такъ, какъ предполагаетъ „Новое Время". Война раскрыла предъ нами неожиданное для всего міра военно-культурное могущество Японіи, которую фельетонистъ названной газеты, г. Меньшиковъ, еще теперь называетъ „жалкою и ничтожною"; японскій фанатическій патріотизмъ, какъ справедливо замѣчено въ той же газетѣ, „очень мало бы значилъ, еслибы онъ не владѣлъ всѣмъ тѣмъ, что изобрѣла и приготовила Европа и чѣмъ онъ пользуется съ умѣньемъ, энергіей и выдумкою". Японцы обнаружили такія національныя силы и средства, такія качества и способности, какихъ мы у нихъ и не подозрѣвали; недавно еще казавшаяся незначительною страна „Восходящаго солнца" внезапно проявила себя первоклассною, отлично организованною державою, располагающею превосходнымъ флотомъ и образцовою, необыкновенно сильною сухопутною арміею. Это неожиданное для всѣхъ открытіе можетъ считаться крайне непріятнымъ и тяжелымъ для насъ, такъ какъ оно должно было извѣстнымъ образомъ отразиться на ходѣ военныхъ дѣйствій; мы нечаянно столкнулись съ соперникомъ, который, по выраженію нашего главнокомандующаго въ Манчжуріи, оказался „достойнымъ противникомъ",—но въ чемъ же тутъ обида для нашего національнаго самолюбія? Развѣ

тотъ фактъ, что японцамъ ближе и легче было доставить огромную армію въ Манчжурію, чѣмъ намъ, и что они успѣли поэтому въ короткое время собрать подъ Лаояномъ гораздо больше войскъ, чѣмъ мы въ нѣсколько мѣсяцевъ,—развѣ этотъ фактъ затрогиваетъ національную честь Россіи, или умаляетъ значеніе ея, какъ „великой, образованной державы"? Или политическая репутація наша страдаетъ отъ того, что японцы чувствуютъ себя дома на Дальнемъ Востокѣ и могутъ тамъ дѣйствовать съ несравненно большею свободою, чѣмъ мы?

Общественное мнѣніе значительной части Европы и Америки относится къ намъ неблагопріятно по разнымъ причинамъ, не имѣющимъ никакой связи съ нашими успѣхами или неудачами во внѣшнихъ дѣлахъ. Намъ даже не совсѣмъ понятно предположеніе „Новаго Времени", что побѣдою надъ Японіею мы, будто бы, „побѣдимъ предразсудки Европы относительно Россіи". Всякій знаетъ, что эти распространенные за границею „предразсудки" касаются нашихъ внутреннихъ дѣлъ и порядковъ;—какимъ же образомъ уничтожатся или ослабѣютъ эти предразсудки въ случаѣ торжества нашего оружія надъ японцами? Еслибы наши газетные патріоты дѣйствительно дорожили мнѣніемъ о насъ „цивилизованнаго міра", они прежде всего должны были бы подвергнуть сознательной критической провѣркѣ свои собственныя шаблонныя понятія о патріотизмѣ; они должны были бы отнестись болѣе трезво и разумно къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя ставятся намъ въ вину на Западѣ. Легковѣсное и самодовольное мнимопатріотическое фразерство не возвыситъ и не поддержитъ нашей репутаціи въ цивилизованномъ мірѣ; предубѣжденіе и недовѣріе иностранной публики не устранятся отъ повышеннаго тона нашихъ публицистовъ, разсуждающихъ о культурности и справедливости во внѣшней политикѣ и въ то же время неустанно проповѣдующихъ узкія идеи племенной вражды и нетерпимости въ дѣлахъ внутреннихъ. Вообще, вопросъ о причинахъ непріязненнаго къ намъ отношенія иностранной печати далеко не такъ простъ, какъ представляется онъ „Новому Времени", и онъ давно уже заслуживалъ бы болѣе внимательной и безпристрастной практической оцѣнки, хотя бы въ виду несомнѣнно крупной роли, какую всегда играетъ эта непріязнь въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ и конфликтахъ.

Въ началѣ августа (нов. ст.) прибыла въ столицу Тибета британская военно-дипломатическая экспедиція, подъ предводительствомъ генерала Макдональда и полковника Юнгхесбанда, послѣ опаснаго и продолжительнаго путешествія. Экспедиція выдержала нѣсколько вооруженныхъ столкновеній съ тибетцами при вступленіи въ ихъ страну,

но легко справилась съ наивными и неумѣлыми пастухами, которымъ пришлось испытать на себѣ дѣйствіе небольшихъ усовершенствованныхъ англійскихъ пушекъ. Цѣль экспедиціи—заставить правительство далай-ламы соблюдать англо-тибетскій договоръ 1890 года, добиться устройства правильныхъ торговыхъ отношеній между Тибетомъ и Индіею, положить конецъ иностраннымъ вліяніямъ въ Лхассѣ и наказать тибетцевъ за дерзкій отказъ отъ пріема оффиціальныхъ посланій самого вице-короля Индіи, лорда Керзона. Мотивы для взаимныхъ неудовольствій существовали уже давно: споры начались изъ-за обладанія богатыми пограничными тибетскими лугами, которые присвоивались жителями индійской области Сиккимъ; тибетцы отвергали эти притязанія и не обращали вниманія на требованія англичанъ; тогда послѣдніе насильно завладѣли спорною территоріею, что̀ принято было далай-ламой за враждебное дѣйствіе и привело къ прекращенію всякихъ отношеній съ Индіею. Англійскія попытки возобновить торговыя связи отклонялись неоднократно; письма отъ индійскаго правительства возвращались нераспечатанными. Лондонскія газеты не скрываютъ, что и англичане были во многомъ виноваты; такъ, нѣкоторые джентльмены, въ отвѣтъ на мнимое оскорбленіе одной англійской лэди, погрузили виновнаго тибетца въ воду, а этотъ тибетскій обыватель сдѣлался потомъ вліятельнымъ совѣтникомъ и чуть ли не „первымъ министромъ“ далай-ламы. Но главною причиною энергическаго вмѣшательства Англіи въ дѣла Тибета слѣдуетъ считать стремленіе тибетскихъ властей завязать дружественныя связи съ Россіею, при посредствѣ виднаго бурятскаго дѣятеля, г. Доржьева, проведшаго много лѣтъ въ Лхассѣ и впервые посѣтившаго наше отечество въ 1898 году. Объ этомъ Доржьевѣ и его „руссофильскихъ интригахъ“ говорилось очень много въ англійской печати, и именно для предупрежденія успѣха этихъ „интригъ“ была предпринята, будто бы, экспедиція Юнгхесбанда. Достигнетъ ли эта экспедиція какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ,—пока еще сказать трудно.

ЗАМѢТКА.

Японскій ученый о „правѣ силы“.

Десять лѣтъ тому назадъ, вышло въ свѣтъ въ Берлинѣ сочиненіе японскаго ученаго юриста, г. Гируки Като, подъ заглавіемъ: „Der Kampf um's Recht des Stärkeren und seine Entwickelung“ (борьба за право сильнѣйшаго и его развитіе).

Гируки Като былъ тогда ректоромъ университета въ Токіо; затѣмъ онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а теперь находится въ Кореѣ, занимая видный постъ. Трудъ Г. Като не отличается какою-нибудь оригинальностью, но онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что, до извѣстной степени, является отголоскомъ современнаго направленія науки права въ юной еще по цивилизаціи Японіи.

Не ранѣе, какъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, едва полвѣка тому назадъ, японцы обновили свою политическую, общественную и даже частную жизнь, вступивъ въ общій оборотъ со всѣми культурными народами.

Радикальному перевороту подверглись почти всѣ стороны японской жизни. Политическій строй, финансовый порядокъ, экономическій бытъ, организація промышленности, домашняя обстановка, наука, искусство, и т. д. существенно преобразились подъ вліяніемъ культурныхъ народовъ.

У японца, принадлежащаго къ высшимъ состоятельнымъ классамъ, измѣнился даже столъ, на европейскій вкусъ. Муку японецъ получаетъ изъ Америки; масло (какъ это ни странно!)—изъ Даніи (почему-то не изъ Сибири); прованское масло—прямо изъ Прованса; овощи—изъ Бордо; баранину—изъ Китая; яблоки—изъ Калифорніи; лукъ—изъ Санъ-Франциско; перецъ—изъ Индіи; вино—изъ Франціи; молочные консервы—изъ Швейцаріи и т. д.

И въ наукѣ японцы находятся подъ вліяніемъ культурныхъ народовъ. Вліяніе американской, англійской, нѣмецкой, французской науки отразилось весьма сильно на той или другой вѣтви японскаго знанія. Стòитъ только обратиться къ университетскимъ „Запискамъ“ въ Токіо (University Magazine), и мы найдемъ въ нихъ наглядное доказательство безспорно замѣтныхъ слѣдовъ вліянія западной науки на японцевъ.

Послѣ освобожденія Японіи отъ стараго режима, японское избранное юношество было отправлено въ университеты Америки, Англіи, Германіи, Франціи, Россіи. Каждый японецъ, возвращаясь домой, стано-

вится, такъ сказать, руководителемъ своего общества, въ томъ или другомъ отношеніи, и знакомитъ соотечественниковъ съ результатами европейской науки.

Книга Като вся основана на изслѣдованіяхъ нѣмецкихъ юристовъ и, по заявленію автора, самая рукопись его труда была прочитана и одобрена нѣмецкимъ ученымъ *Гельвальдомъ*, авторомъ извѣстной книги: „Culturgeschichte". Кромѣ того, Като пользовался трудами Іеринга, Лиліенфельда, Гумпловича и другихъ. Авторъ имѣлъ цѣлью сдѣлать попытку—представить происхожденіе и развитіе права „изъ права сильнаго, какъ единственнаго источника права".

Авторъ, повидимому, хорошо усвоилъ одно изъ господствовавшихъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, направленій нѣмецкой науки права, которое можно назвать натуралистическимъ. Пользуясь почти только одними нѣмецкими ученіями, Като приписываетъ имъ идею о происхожденія права изъ силы, посредствомъ борьбы.

Вотъ эти-то данныя нѣмецкой науки, взятыя нѣмцами на сторонѣ, и составили канву сочиненія Като. Постараюсь познакомить читателей вкратцѣ съ содержаніемъ этой книги, которая представляетъ особенный интересъ въ наше время, какъ показатель того, какія идея распространились въ японскомъ обществѣ.

Вездѣ,—говоритъ Като,—идетъ борьба, и именно, борьба за существованіе: въ природѣ, между отдѣльными людьми, между семьями, обществами, партіями, сословіями, классами, племенами, расами и государствами. Въ этой борьбѣ всегда беретъ верхъ *лучшій* надъ худшимъ, *сильный* надъ слабымъ, при чемъ лучшій и сильный существуетъ и развивается, благодаря эксплоатаціи низшаго и худшаго. Побѣдитель всегда живетъ и усиливается на счетъ побѣжденнаго.

Культура и богатство современныхъ народовъ покоятся на порабощеніи ими нецивилизованныхъ народовъ (слабыхъ). Еслибы европейцы жили только у себя, то они до сихъ поръ довольствовались бы средневѣковой культурой. Современную цивилизацію образовала не христіанская любовь ко всѣмъ, не безусловное требованіе международной морали и естественнаго юридическаго равенства народовъ; нѣтъ,—цивилизація есть всецѣло продуктъ борьбы сильнаго съ слабымъ. Жизнь сильнаго на счетъ слабаго—основа современной цивилизаціи.

Подобно органическому міру, въ человѣческомъ обществѣ можно подмѣтить два вида борьбы: борьбу *внѣшнюю* и борьбу *внутреннюю* т.-е. борьбу между народами и государствами (соціальными организмами), и борьбу, происходящую въ нѣдрахъ народной и государственной жизни—борьбу между индивидами, семействами, сословіями, классами и другими соціальными группами (клѣтками и органами соціальнаго организма).

Кромѣ того, борьба бываетъ насильственная и мирная. Та и другая происходитъ сознательно и безсознательно.

Мирно и безсознательно мы боремся чаще, чѣмъ открыто и сознательно. Мы ежедневно боремся за власть, за свободу, за честь, имущество, вѣру, за принципъ, словомъ—*за нашъ собственный интересъ* (посредственный или непосредственный, матеріальный или духовный).

Борьба, какъ результатъ стремленія удовлетворить человѣческимъ потребностямъ, есть главное условіе общественнаго и человѣческаго развитія. Но борьба за превосходство, за власть, являющаяся и причиной, и слѣдствіемъ удовлетворенія многихъ потребностей, наиболѣе распространена. Въ этой борьбѣ право сильнаго всегда беретъ перевѣсъ. Но такъ какъ это право есть сила или могущество, то борьба за могущество есть борьба за право сильнаго.

Свобода и право европейскихъ народовъ—заключаетъ японскій авторъ—не есть результатъ развитія справедливости и нравственности, а плодъ этой борьбы, которая постепенно только облагораживалась.

По мнѣнію Като, прирожденныхъ правъ человѣка не было и нѣтъ. Очевидно, японскій ученый не послѣдовалъ традиціямъ школы естественнаго права. Идея о прирожденныхъ правахъ или мечта объ идеальномъ правѣ могла бы дѣйствительно найти приверженцевъ въ Японіи, недавно обновившейся и не выработавшей еще прочныхъ началъ и въ жизни, и въ знаніи. А между тѣмъ, вышло не то. Японскій ученый не послѣдовалъ теоріи, по которой каждый человѣкъ и народъ долженъ пройти метафизическую дорогу. Като прямо всталъ на положительную, реальную почву.

Хотя жизнь и прирождена человѣку,—продолжаетъ Като,—тѣмъ не менѣе она не можетъ быть основаніемъ какого-нибудь прирожденнаго права на жизнь, которое было бы всегда вѣчно и свято. У природы нѣтъ юридическаго различія между человѣкомъ и животнымъ, и она не даетъ человѣку, какъ и животному, иного *права*, кромѣ права сильнаго,—но это не есть *право*, а сила. Такъ называемое право „на существованіе“ не получено человѣкомъ отъ природы, а всецѣло пріобрѣтено въ государствѣ, которое признаетъ право на жизнь и защищаетъ его.

Точно также, по мнѣнію Като, право „на признаніе человѣческаго достоинства“, право „на свободу дѣйствій“, право „на самосохраненіе“ и т. д.—тоже права не прирожденныя, а права пріобрѣтенныя, какъ и право на существованіе. Прирожденныя права суть мечта человѣка, который произвольно приписалъ ихъ себѣ. Чтобы сдѣлать прирожденное право неотъемлемою принадлежностью человѣка и лишить этого права животное, люди признали человѣка образомъ и подобіемъ божества,

признали человѣка высшимъ, нравственно-разумнымъ существомъ, не имѣющимъ, по своимъ качествамъ, съ животнымъ ничего общаго.

Такое самовозвышеніе человѣкомъ самого себя Като старается опровергнуть фактами изъ дѣйствительной жизни. Каннибализмъ дикарей,—говоритъ онъ,—нельзя разсматривать какъ обычай разумно-нравственнаго существа. Точно также убійство дѣтей и родителей, встрѣчаемое у дикихъ народовъ и не признаваемое ими за безнравственное дѣяніе, также нельзя признать дѣйствіемъ разумнаго нравственнаго существа. Ужели,—спрашиваетъ Като,—слѣдуетъ считать разумно-нравственнымъ существомъ человѣка, который можетъ сосчитать только до пяти, который незнакомъ ни съ земледѣліемъ, ни съ скотоводствомъ? Но нельзя назвать такого человѣка и животнымъ.

Быть можетъ, прирожденное право основывается на *природѣ* человѣка, отличающагося, къ какой бы расѣ онъ ни принадлежалъ, общими съ другими людьми тѣлесными и духовными свойствами, при томъ высшими и благороднѣйшими, сравнительно съ свойствами животныхъ. Эти свойства и составляютъ *человѣческую природу*.

Но человѣкъ, имѣя общія съ другими людьми свойства, имѣетъ также общія свойства съ млекопитающими животными, вообще съ царствомъ животныхъ, съ растеніями, со всѣми видами органическаго міра. Почему же,—спрашиваетъ Като,—не хотятъ признать „прирожденнаго права“ за млекопитающими, позвоночными животными и, вообще, за организмами? Въ силу чего прирожденное право ставятъ въ неразрывную связь съ членораздѣльною рѣчью и прямою походкою, какъ съ отличительными свойствами человѣка въ отличіе его отъ животнаго? Почему прирожденное право не пріурочиваютъ къ питанію грудью, какъ къ существенной особенности млекопитающихъ животныхъ, отличающей млекопитающихъ отъ позвоночныхъ?

На вышеозначенные вопросы можно было бы,—по мнѣнію Като,—отвѣтить такимъ образомъ. Царство млекопитающихъ и позвоночныхъ животныхъ обнимаетъ, кромѣ человѣка, массу низшихъ ихъ видовъ, которые не могутъ обладать равнымъ прирожденнымъ правомъ съ человѣкомъ, хотя ихъ главныя свойства, конечно, имѣютъ общій характеръ. Но и человѣческій родъ, рядомъ съ высшими расами, содержитъ въ себѣ немало низшихъ, стоящихъ по духовнымъ своимъ качествамъ ближе къ животнымъ, чѣмъ къ высокоразвитымъ человѣческимъ расамъ.

Такимъ образомъ,—продолжаетъ японскій авторъ,—въ дѣйствительности нигдѣ нѣтъ прирожденныхъ правъ, признающихъ за всѣми людьми одинаковое равенство, или, лучше сказать, равную силу. Всюду царитъ неравенство... Въ человѣческомъ обществѣ господствуетъ только одно право — сильнаго; но это не право въ истинномъ смыслѣ, а только сила.

Прирожденное право—призракъ, мечта людей. Оно уступаетъ мѣсто праву сильнаго, какъ рѣшающему фактору дѣйствительной жизни.

Право сильнаго въ человѣческомъ обществѣ имѣетъ значеніе естественнаго закона [1]). Это право у дикарей проявляется въ формѣ грубой и жестокой физической силы, въ то время какъ у культурныхъ народовъ, напротивъ, означенное право имѣетъ видъ этической, облагороженной, гуманной силы и превосходства. Различіе между правомъ дикарей и культурныхъ народовъ—не качественное, а количественное.

Конституціонная власть короля по отношенію къ народу, закономѣрное привилегированное положеніе дворянства сравнительно съ горожанами, власть мужа надъ женой, отца надъ дѣтьми, у цивилизованныхъ народовъ,—должны быть разсматриваемы какъ права сильнаго, точно также какъ деспотическая власть надъ безправными подданными —какъ несправедливое право высшей касты надъ низшей и т. д.

Имѣющіе облагороженную и умѣренную власть должны быть такъ же сильны, какъ и тѣ, у которыхъ въ рукахъ грубая, деспотическая власть.

Между этической, конституціонной и грубой, деспотической властью —по мнѣнію Като—нѣтъ рѣзкаго различія. Даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, такъ называемую, конституціонную власть можно разсматривать также какъ власть деспотическую, ибо власть требуетъ безусловнаго себѣ подчиненія; она—власть необходимо принудительная.

Что касается элементовъ, составляющихъ право сильнаго, то въ примитивномъ обществѣ такимъ элементомъ можетъ быть только физическая сила или возрастъ, потому что право сильнаго здѣсь, по большей части, воплощается въ физической силѣ. На болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія человѣчества, элементомъ права сильнаго является высшее интеллектуальное развитіе, богатство, военныя доблести, рожденіе и т. д. Такъ что, жрецъ, землевладѣлецъ, рабовладѣлецъ, военачальникъ, знатные по происхожденію роды пользуются правомъ сильнаго и руководятъ народомъ. У современныхъ цивилизованныхъ народовъ, дѣйствительно, высшее интеллектуальное развитіе, богатство и рожденіе суть важнѣйшіе элементы права сильнаго. Только тѣ, кто располагаетъ этими элементами, образуютъ вліятельные классы и пользуются правомъ сильнаго. Такимъ образомъ, право сильнаго проявляется не только въ формѣ грубой, физической силы, но и силы этической, культурной.

Свобода и право,—говоритъ Като,—не противоположны другъ другу.

Выраженія: могущество, сила, власть, свобода и право сильнаго—значатъ одно и то же. Поэтому авторъ утверждаетъ, что свобода гра-

---

[1]) Авторъ въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на Плутарха, китайскаго философа Hûan Tui Chih; на Спинозу, Лиліенфельда, Шеффле, Іеринга, Гумпловича, Гельвальда и др.

жданъ тождественна съ правомъ сильнаго. Благодаря своему интеллектуальному и хозяйственному развитію, народъ требуетъ и расширяетъ свою свободу, которая есть опять не иное что̀, какъ право сильнаго.

Деспотическая власть дагомейскаго короля надъ жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ есть также пра̀во, такъ какъ эта власть признана, узаконена и не отрицается подданными, какъ и власть конституціоннаго монарха. Насколько сила признается — она превращается въ право, а насколько признается право—оно преобразуется въ силу.

Соціальныя воззрѣнія, нравы, традиціи, религія, идеи нравственныя и правовыя, духъ времени, общественное мнѣніе и т. д., всегда и рѣшительно госпо̀дствуютъ надъ индивидомъ. А такъ какъ эти великія силы, по большей части, исходятъ и образуются въ выдающихся и сильныхъ общественныхъ группахъ (въ правящихъ высшихъ классахъ), то данныя группы въ состояніи наложить оковы не только на индивида, но и на противоположныя слабыя группы (низшій классъ, женщины и т. д.).

Можно различать пять главнѣйшихъ видовъ борьбы за право въ человѣчествѣ: 1) борьба за право сильнаго между правящими и подчиненными, 2) между высшими и низшими классами, 3) между свободными и несвободными, 4) между мужчинами и женщинами и 5) между расами, народами и государствами.

Во всемъ развитіи власти замѣчается постепенное укрѣпленіе могущества правителя и потеря народнаго равенства и свободы. Въ патріархальныхъ и теократическихъ государствахъ власть достигаетъ высшей степени своего развитія. Деспотизмъ власти въ государствѣ полезенъ. Нѣтъ государства, которое стало бы великимъ безъ деспотизма, кромѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Деспотизмъ принуждаетъ людей посредствомъ закона къ послушанію. (Деспотизмъ и абсолютизмъ—беззаконная и закономѣрная форма правленія — употребляется авторомъ въ одномъ и томъ же значеніи).

Что касается высшихъ и низшихъ классовъ, то различіе между классами сперва обусловливается древностью родовъ, потомъ высшимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, богатствомъ, расовыми особенностями и т. д. Эти факторы и образовали различіе между высшимъ и низшимъ классами. Въ борьбѣ за право сильнаго брала верхъ сильная общественная группа надъ слабою, и такимъ образомъ возникло различіе между высшей и низшей кастой, въ которыхъ извѣстныя особенныя призванія были наслѣдственными. (По мнѣнію Като, кастовое устройство встрѣчается у всѣхъ народовъ, только въ разныхъ формахъ).

Высшая каста считала себя призванной, по большей части, къ религіи, наукѣ, искусству, законодательству, исторіи, къ управленію,

государственной службѣ и т. д.,; низшая же каста—къ торговлѣ, къ ремесламъ, земледѣлію и другимъ низшимъ родамъ дѣятельности.

У цивилизованныхъ народовъ на мѣсто кастъ вступаютъ сословія или классы, учрежденія уже не божественныя, а чисто человѣческія. Между сословіями, или классами, и кастами нѣтъ существеннаго различія. Современныя сословія, или классы, являются только особыми формами одной и той же сущности, потому что и теперь, и всегда есть и будутъ единственными причинами различія сословій—или рожденіе, или богатство, или высшее интеллектуальное развитіе, словомъ, превосходство, сила.

По естественному закону сословныя отношенія не могутъ быть неизмѣнными. Уже теперь дворянство перестаетъ быть монополистомъ всѣхъ властей и правъ.

Горожане, благодаря, преимущественно, своему экономическому развитію, становятся новымъ сильнымъ сословіемъ, оспаривающимъ преимущество, силу у дворянъ. Богатство горожанъ уже покоится не на недвижимыхъ только имуществахъ, но, главнымъ образомъ, на движимости и на пріобрѣтеніи самостоятельнымъ трудомъ опытности. Если въ прежнее время землевладѣніе было единственнымъ основаніемъ богатства, то въ позднѣйшее время важнѣйшими основами его сдѣлались промышленность и торговля. Старое условіе богатства исчерпаемо, а новое—нѣтъ.

Столкновеніе и уравненіе двухъ сильныхъ общественныхъ группъ —дворянства и горожанъ—имѣютъ своимъ послѣдствіемъ, что всѣ или многія изъ привилегій дворянъ уничтожаются и превращаются въ справедливое право. Это новое право гражданина (его индивидуальныя и гражданскія права) современемъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ.

Въ виду того обстоятельства, что прежняя сильная партія (дворянство) уже не въ состояніи болѣе оспаривать право (силу) новой сильной партіи (горожанъ), получается *признаніе* и *узаконеніе* права послѣдней.

Хотя современная цивилизація и дѣлаетъ силу и свободу достояніемъ всѣхъ классовъ народа, тѣмъ не менѣе полнаго уравненія правъ *всѣхъ* классовъ въ Европѣ нѣтъ. Если свобода дворянства и средняго сословія до извѣстной степени уравнены, то четвертое сословіе вообще и пролетаріатъ въ особенности никогда не могутъ по своей свободѣ стоять наравнѣ съ третьимъ сословіемъ или среднимъ классомъ, несмотря на то, что законъ и принципъ права вооружаются противъ такого различія и теоретически устанавливаютъ основное положеніе равенства. Законъ и принципъ права приписываютъ четвертому сословію равную свободу съ третьимъ сословіемъ. Но общественныя отношенія, возникающія, преимущественно, изъ различія богатства и

интеллектуальнаго развитія обоихъ сословій, обыкновенно, подчиняютъ первыхъ подъ власть послѣднихъ. Эти отношенія подчиненія будутъ существовать всегда.

„Бѣдный, низшій, слабый и глупый вездѣ и всегда—рабъ богатаго, высшаго, сильнаго и умнаго" (Hellwald). Можно сказать безошибочно, что человѣческое общество, по всей вѣроятности, вѣчно будетъ находиться подъ господствомъ аристократіи, т.-е. сильнаго. Хотя поклонники свободы надѣются, что всѣ подданные государства безъ различія ихъ богатства и интеллектуальнаго развитія будутъ, по возможности, равны въ правахъ и свободѣ, но эта надежда не естественна въ двухъ отношеніяхъ: 1) сохраненіе и развитіе общества и государства находятся въ рукахъ богатыхъ и интеллектуально развитыхъ, и 2) тѣмъ, которые сохраняютъ и развиваютъ общество и государство, естественно слѣдуетъ приписать больше права и свободы, чѣмъ остальнымъ, ничего не сдѣлавшимъ для совмѣстной жизни.

Рабство и крѣпостничество—повсемѣстны, но рабство въ древнія времена было мягче, чѣмъ въ позднѣйшія, и положеніе раба тяжелѣе у цивилизованныхъ господъ, чѣмъ у грубыхъ народовъ. Причина этого обстоятельства лежитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что рабочая сила и время у культурныхъ народовъ цѣнятся выше, чѣмъ у некультурныхъ (Вайцъ).

Бѣлые господа Сѣверной Америки вовсе не усматривали въ черныхъ людяхъ своихъ братьевъ, какъ требовало того христіанство. Они любили негра нисколько не больше животнаго. Это обстоятельство доказываетъ только истину того положенія, что любовь къ другимъ, или альтруизмъ, есть только видоизмѣненная форма самолюбія или эгоизма.

Нельзя любить другихъ, если эта любовь не служитъ, въ концѣ концовъ, нашей собственной пользѣ (матеріальной и духовной). Англійская гуманность относительно негровъ имѣетъ хозяйственное и политическое основаніе. Изъ разсмотрѣнія рабства у разныхъ народовъ, въ особенности въ Америкѣ, можно убѣдиться въ истинѣ слѣдующаго положенія: хотя право можетъ быть дано или даровано кому-либо, но если оно даровано такимъ, у которыхъ недостаетъ права сильнаго, то дарованное право, по большей части, является безсодержательнымъ и безцѣннымъ (доказательствомъ служитъ освобожденіе негровъ). Дарованіе права есть только форма признанія и узаконенія права *сильнаго*, котораго кто-либо уже самъ достигъ.

Благодаря рабству, у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ воздвигались необычайно грандіозныя постройки. Рабство негровъ было весьма полезно для американцевъ, такъ какъ при колонизаціи Новаго Свѣта бѣлые были не пригодны для работъ, красные же туземцы оказыва-

лись неспособными къ обработкѣ земли. Оставались только выносливые негры. Америка никогда не достигла бы своей современной цивилизаціи, еслибы имѣла въ своемъ распоряженіи только свободныхъ работниковъ. Американская цивилизація въ самыхъ существенныхъ своихъ сторонахъ есть плодъ пота и крови негровъ-рабовъ. Сѣмя грязное, а плодъ все-таки прекрасный! Да и вся цивилизація вообще — произведеніе грязнаго сѣмени, такъ какъ *всякая цивилизація возникаетъ болѣе изъ эгоизма и борьбы, нежели изъ альтруизма и мира.*

Рабство негровъ и торговля неграми въ цивилизованныхъ государствахъ и ихъ колоніяхъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, запрещены, но вполнѣ рабство еще не уничтожилось. На мѣсто стараго рабства вступило новое. Новые рабы называются *кули.* Правда, это слово означаетъ рабочій, но судьба этого рабочаго нисколько не лучше судьбы прежнихъ рабовъ-негровъ.

Въ то время, какъ европейская цивилизація старается уничтожить негроторговлю, одновременно она не можетъ обойтись въ другихъ частяхъ своей внѣевропейской территоріи безъ возмѣщенія за уничтоженное рабство.

Вскорѣ послѣ уничтоженія рабства въ 1837 году, англичане начали вводить восточно-индійскихъ рабочихъ, т. е. „кули". Съ тѣхъ поръ развилась торговля „кули" въ такой же степени, въ какой ранѣе совершалась торговля рабами-неграми.

Въ политическомъ отношеніи кули, само собой, понятно,—ничто. Въ соціальномъ отношеніи онъ имѣетъ меньше значенія, чѣмъ крѣпостной. У него нѣтъ свободы труда и отдыха: словомъ, онъ — рабъ. Торговлю людьми нельзя уничтожить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать высшія и низшія расы.

Борьба за право сильнаго,—говоритъ Като,—происходитъ и у мужчинъ съ женщинами. Желательно,—по словамъ автора,—чтобы мужчины посвящали себя болѣе публичной жизни, а женщины, главнымъ образомъ, домашней, причемъ оба пола должны помогать другъ другу сообразно со своей природой.

Международное право, какъ и всякое другое право, есть продуктъ также права сильнаго. Собственный интересъ есть главная цѣль, а международное право служитъ только средствомъ къ достиженію ея. Цѣль общественныхъ организмовъ, какъ и всѣхъ организмовъ въ мірѣ вообще, есть самосохраненіе и саморазвитіе. Европейскіе и цивилизованные народы,—по мнѣнію Като,—являются самыми жестокими и хищными народами. А между тѣмъ эти самые жестокіе народы состоятъ изъ вполнѣ разумно-нравственныхъ существъ. Но естественный законъ управляетъ всѣми организмами, въ томъ числѣ и общественными. Всѣ соціальные организмы, подобно другимъ организмамъ, стре-

мятся къ самосохраненію и саморазвитію. Мораль и право суть только средства для общественнаго самосохраненія и саморазвитія. Отношенія между государствами ни нравственны, ни безнравственны, ни правомѣрны, ни неправомѣрны, а просто естественны. Совершенно ошибочно,—полагаетъ Като,—судить о международныхъ отношеніяхъ по масштабу индивидуальныхъ и гражданскихъ отношеній въ обществѣ и государствѣ.

Будущее всемірное государство можетъ образоваться не чрезъ завоеваніе, но путемъ общности и взаимности интересовъ и уравновѣшенія силы между государствами. Современные граждане европейскихъ государствъ имѣютъ болѣе общихъ интересовъ между собою, чѣмъ государства, потому что торговля, промышленность, религія, наука, искусство и т. д., обусловливающія, главнымъ образомъ, общеніе и взаимодѣйствіе, суть предметы болѣе частные, чѣмъ публичные. Поэтому граждане разныхъ государствъ—въ нѣкоторомъ отношеніи не чужіе другъ для друга, но собратья. Всемірныя государства могутъ образовать только цивилизованные народы, т.-е. европейскіе, американскіе и нѣкоторые азіатскіе (Японія, Китай) народы во имя ихъ общихъ интересовъ. Нецивилизованные народы постепенно должны вымереть и чрезъ борьбу за существованіе съ культурными народами потеряютъ всякую способность къ существованію. Ихъ землю заберутъ культурные народы и превратятъ въ свои колоніи. Хотя первобытные народы и получатъ гражданскія права, но они будутъ играть подчиненную роль, потому что у нихъ не будетъ доставать права сильнаго, т.-е. равнаго права съ культурными людьми. Здѣсь мы снова приходимъ къ выводу, что дарованное и сообщенное слабому право вполнѣ безсодержательно и безцѣнно.

Все изслѣдованіе профессора Гируки Като сводится къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ:

Право человѣка возникаетъ и развивается въ обществѣ единственно чрезъ борьбу за право сильнаго. Но это не право, а сила. Поэтому ошибаются тѣ, которые принимаютъ для права и силы обыкновенно двѣ различныя основы происхожденія. Но какимъ образомъ возникаетъ и развивается право человѣка чрезъ борьбу, изъ права сильнаго? Только чрезъ признаніе и узаконеніе права сильнаго, что всегда является результатомъ борьбы.

Если высшая и сильная борющаяся сторона въ обществѣ (высшій классъ, напр.) побѣдила низшую и слабую (напр. низшій классъ, несвободныхъ), т.-е., если право сильнаго (силы) первыхъ уже не оспаривается послѣдними, то сила первыхъ необходимо признается и легитимируется послѣдними, и чрезъ это она становится правомъ

въ истинномъ смыслѣ. Такое одностороннее развитіе права сильнаго мы находимъ обыкновенно въ еще неразвитомъ обществѣ.

Если позднѣйшія ступени развитія общества укрѣпятъ силу низшей борющейся стороны, и, слѣдовательно, обѣ борющіяся стороны сдѣлаются одинаково сильными, такъ что ни одна сторона не можетъ взять перевѣсъ надъ другой, то, за столкновеніемъ между ними, наступаетъ равенство силъ. Въ результатѣ являются взаимное признаніе и легитимація силъ, а чрезъ то силы превращаются въ права въ истинномъ смыслѣ слова. Дарованное право, не имѣющее признаковъ права сильнаго, по большей части есть сила неживая, не имѣющая никакого содержанія и цѣны. Право, въ истинномъ смыслѣ слова, можетъ быть или физически грубымъ и жестокимъ, или же этическимъ, согласнымъ съ человѣческимъ достоинствомъ, существо же права остается однимъ и тѣмъ же.

Нерѣдко случается, что на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія суровое право высшей и сильной борющейся стороны бываетъ даже необходимо и полезно, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему общественному и государственному развитію, въ то время какъ гуманное право здѣсь неумѣстно и даже вредно.

Таково, въ немногихъ словахъ, воззрѣніе современнаго японскаго ученаго на право. Взглядъ Като на право не новъ; онъ встрѣчаетъ и находитъ въ настоящее время не мало послѣдователей. Есть ли право *сила, признанная и узаконенная при извѣстныхъ обстоятельствахъ*—это вопросъ, заслуживающій болѣе подробнаго спеціальнаго разсмотрѣнія.

Н. Чижовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1904.

— А. С. Пругавинъ. Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка. Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола. М. 1904.

Новая книга о расколѣ г. Пругавина опять чрезвычайно интересна. Эта книга составлена также изъ газетныхъ и журнальныхъ статей, старыхъ и новыхъ: наиболѣе ранняя статья относится къ 1883 году, новѣйшая—къ 1903 году. „Думаемъ,—говоритъ авторъ въ предисловіи, —что подобное изданіе будетъ не безполезнымъ матеріаломъ въ рукахъ людей, слѣдящихъ за духовной, религіозно-этической жизнью русскаго народа, тѣмъ болѣе, что почти всѣ статьи, вошедшія въ этотъ сборникъ, составлены по даннымъ, извлеченнымъ авторомъ изъ мѣстныхъ и притомъ очень мало доступныхъ архивовъ". Въ этомъ значеніи сборника нѣтъ сомнѣнія: въ журналахъ и газетахъ, по минованіи минуты, подобныя работы очень часто совсѣмъ выходятъ изъ обращенія, и уже только въ сборникахъ онѣ пріобрѣтаютъ настоящую жизненность, т.-е. литературное вліяніе.

Въ данномъ случаѣ спасти ихъ отъ забвенія было особенно желательно. Предыдущая книга г. Пругавина заключала главнымъ образомъ изслѣдованія и наблюденія автора по отдѣльнымъ вопросамъ и историческимъ случаямъ въ новѣйшей жизни старообрядчества или сектантства; въ настоящемъ изданіи собраны статьи, гдѣ, кромѣ подобныхъ отдѣльныхъ разсказовъ историческаго или анекдотическаго свойства, между прочимъ затронуты и общіе вопросы о положеніи старообрядчества и раскола въ цѣломъ составѣ общества и государства.

Таковы, напр., статьи: „Два милліона или же двадцать милліоновъ?" должны считаться настоящей численностью нашего раскола; въ статьяхъ объ уральскомъ старообрядчествѣ — важные вопросы: „единовѣрцы по неволѣ", „фиктивное православіе", „расколъ растетъ". Этому послѣднему предмету авторъ посвятилъ особое разсужденіе, гдѣ

привелъ двѣ очень любопытныя оффиціальныя „записки“: одна принадлежитъ князю С. П. Гагарину, бывшему нѣкогда архангельскимъ губернаторомъ, другая—Б. В. Струве, бывшему губернатору пермскому. Далѣе, множество любопытныхъ частностей собрано въ статьѣ: „Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ“, а именно: порывы къ свѣту, право на образованіе, гуслицкія школы, преграды и тормозы, типографіи, книжное дѣло въ расколѣ, раскольническая литература, газеты, братства. Всѣ эти темы чрезвычайно любопытны, и авторъ дѣйствительно даетъ много свѣдѣній о внутренней жизни раскола, большей частью совершенно новыхъ для нашего общества.

На первомъ планѣ онъ ставитъ весьма фатальный вопросъ: два милліона или же двадцать милліоновъ? Понятно, что рѣчь идетъ о численности раскола. При всемъ томъ, что на расколъ издавна обращено было пристальное вниманіе духовнаго вѣдомства и свѣтской администраціи, что противъ него принимались самыя строгія мѣры, оказывалось, что прежнимъ канцелярскимъ, ограничительнымъ и карательнымъ способомъ дѣйствій оба вѣдомства долгое время не были въ состояніи опредѣлить даже численности раскола. Даже въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ, по свѣдѣніямъ духовнаго вѣдомства, число всѣхъ старообрядцевъ и сектантовъ опредѣлялось только въ *одинъ милліонъ* на всю Россію. Между тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ, еще съ 1850-хъ годовъ, обративши вниманіе на этотъ вопросъ, предприняло съ своей стороны изслѣдованіе и приходило къ совсѣмъ инымъ результатамъ. Напримѣръ, въ Ярославской губерніи оффиціально считалось всего 7.454 раскольника. По изслѣдованію статистической экспедиціи министерства внутреннихъ дѣлъ найдено было раскольниковъ 278.417 человѣкъ, т.-е. въ *тридцать семь разъ* больше! Одинъ изъ этихъ статистиковъ министерства, Иванъ Аксаковъ, утверждалъ, что „православныхъ — только *четвертая часть* народонаселенія Ярославской губерніи“! Въ 1860-хъ годахъ министерство внутреннихъ дѣлъ вычисляло цифру раскольничьяго населенія выше *восьми милліоновъ*. Позднѣе, специальные изслѣдователи повышали эту цифру сначала до 11-ти, потомъ до 14-ти, 15-ти милліоновъ; теперь г. Пругавинъ полагаетъ, что едва-ли не вѣрнѣе довести ее до 20 милліоновъ. Затѣмъ, однако, мы встрѣчаемся опять съ неожиданными цифрами: въ новѣйшее время, по цифрамъ послѣдней народной переписи число старообрядцевъ и сектантовъ опредѣляется всего въ *два* (съ небольшимъ) *милліона* человѣкъ! Въ печати, по этому поводу, высказывались сожалѣнія и недоумѣнія, что „всеобщая перепись, на осуществленіе которой государствомъ отпущены милліоны“, совсѣмъ не оправдала надеждъ, дала результаты, которыми почти невозможно пользоваться, и

въ частности „вмѣсто того, чтобы раскрыть дѣйствительное число старообрядцевъ и сектантовъ, она только ихъ *прикрыла*"...

Г. Пругавинъ вообще не беретъ на себя защиту дѣятельности центральнаго статистическаго вѣдомства, въ которой, по его мнѣнію, во многихъ случаяхъ, есть слишкомъ явные слѣды рутины, — но въ данномъ случаѣ онъ извѣстнымъ образомъ защищаетъ дѣло переписи; а именно находитъ, что самыя ожиданія, что перепись можетъ дать точную цифру нашихъ религіозныхъ отщепенцевъ, эти ожиданія — „рѣшительно ни на чемъ не основаны и несомнѣнно обнаруживаютъ въ лицахъ, питавшихъ такія надежды, не малую *дозу наивности:* подобныя ожиданія могли питать только лица, совершенно не знакомыя съ *дѣломъ*, незнакомыя съ характеромъ нашего раскола, не имѣющія никакого представленія объ общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ течетъ жизнь послѣдователей большей части нашихъ сектъ".

„Дѣло", о которомъ говоритъ г. Пругавинъ, очень просто. „*Кому неизвѣстно*,—замѣчаетъ онъ тутъ же рядомъ,—что наша статистика раскола и сектантства, говоря безъ всякаго преувеличенія, всегда была въ самомъ жалкомъ состояніи?"

А именно, съ давнихъ поръ существуетъ фактъ, что вслѣдствіе церковныхъ и административныхъ стѣсненій, которымъ подвергался расколъ съ XVII вѣка и до нашихъ временъ, онъ отдалялся все больше отъ церковно-православной жизни и общества, проникался недовѣріемъ къ нему и нетерпимостью, которая только отвѣчала нетерпимости оффиціальной. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно развивалось желаніе имѣть сколько можно меньше отношеній къ администраціи, все равно—церковной или гражданской, отъ которой привыкли ждать только притѣсненія, и наконецъ, сколько возможно, скрывать даже свою принадлежность къ расколу. Съ теченіемъ времени, создался для раскола особый modus vivendi, давно уже привычный: расколъ откупался взятками, чтобы избѣгать нѣкоторыхъ практическихъ стѣсненій и числиться, на бумагѣ, въ церковныхъ спискахъ. Очень просто онъ не попадалъ, въ истинномъ составѣ, и въ списки послѣдней всеобщей переписи...

Понятно, что это было великое зло въ разныхъ отношеніяхъ. Какъ всякая ложь въ государственномъ дѣлѣ, скрываніе дѣйствительнаго положенія вещей есть подрывъ истиннаго государственнаго интереса и въ сущности предательство, такъ и въ частности это скрываніе правды должно было мѣшать высшей власти найти правильное отношеніе къ расколу. Самая практика этого скрыванія дѣйствительнаго числа раскольниковъ состояла въ простомъ взяточничествѣ, въ подкупѣ мелкихъ (а затѣмъ и крупныхъ) чиновъ свѣтскихъ и членовъ

духовенства, и этотъ подкупъ, развращавшій конечно обѣ стороны, очевидно былъ великимъ зломъ въ народной жизни.

Эти и подобныя неустройства были давно извѣстны въ житейской практикѣ, но по давнему складу нашей общественности продолжали спокойно существовать: снаружи, на бумагѣ, все „обстояло благополучно".

Любопытнѣйшія данныя по этому предмету сообщаетъ г. Пругавинъ въ главѣ своей книги, подъ названіемъ: „Отчего растетъ расколъ? оффиціальное рѣшеніе вопроса".

„Вотъ вопросъ, — говоритъ г. Пругавинъ, — который съ давнихъ поръ занималъ и до сихъ поръ не перестаетъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе нашихъ государственныхъ дѣятелей и представителей разныхъ правительственныхъ сферъ, издавна привыкшихъ видѣть въ расколѣ *опаснаго врага* не только господствующей *церкви*, но *и государства*. Варіируемый на всевозможные лады, вопросъ этотъ множество разъ ставился и разрѣшался вкривь и вкось въ разнаго рода запросахъ, докладахъ и запискахъ оффиціальнаго и оффиціознаго характера. Къ сожалѣнію, всѣ подобнаго рода попытки, въ силу давнишней неискоренимой привычки нашей и страсти къ „секретамъ", облекались обыкновенно въ строгую, непроницаемую тайну.

„Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ возможность познакомить читателей съ одной изъ такихъ попытокъ, предпринятой съ цѣлью разрѣшить этотъ давно назрѣвшій вопросъ, который почему-то и до сихъ поръ принято считать однимъ изъ самыхъ *щекотливыхъ* вопросовъ нашей жизни. Попытка эта возникла въ административныхъ сферахъ въ царствованіе императора Александра II и пріурочивается къ концу шестидесятыхъ годовъ".

Вслѣдъ за этимъ г. Пругавинъ замѣчаетъ: „Въ послѣдніе годы вопросъ о расколѣ или сектантствѣ пользовался, можно сказать, особеннымъ вниманіемъ русскаго общества. Смѣемъ думать, что въ видахъ всесторонняго выясненія этого сложнаго явленія русской соціальной жизни будетъ не безполезно ознакомиться со взглядами, еще такъ недавно существовавшими на этотъ вопросъ въ средѣ представителей гражданской и духовной власти".

Но если въ обществѣ,—т.-е. въ литературѣ, которая была единственнымъ выраженіемъ общества,—было „особенное вниманіе" къ расколу, то, значитъ, не было въ этомъ обществѣ „неискоренимой привычки и страсти къ секретамъ",—напротивъ, было большое желаніе разъяснить, сколько было только возможно, смыслъ раскола, его прошедшее и его настоящее состояніе. Очевидно, что „привычка" и „страсть" принадлежали вовсе не обществу, а только бюрократіи, а послѣдняя руководилась давнимъ пріемомъ стѣсненія гласности, т.-е.

нежеланіемъ допускать какое-либо вмѣшательство общества въ дѣла, подлежавшія правительственному „вѣдѣнію“. Въ періодъ подготовленія „великихъ реформъ“, однимъ изъ предметовъ, очень волновавшихъ общественное мнѣніе, былъ именно вопросъ о сколько возможномъ развитіи гласности. Извѣстно, что въ реформахъ она дѣйствительно получила извѣстное право, а именно въ судѣ. Возникавшая въ то же время публицистика усиленно стремилась опять къ расширенію гласности, какъ первому условію самаго существованія публицистики. Этому расширенію гласности противодѣйствовала цензура, но съ того же времени измѣнилось до значительной степени и положеніе цензуры. Замѣтимъ, что именно съ этого времени впервые возникаетъ литература о расколѣ не съ прежней исключительно обличительной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія объективной исторической критики; впервые являются въ печати произведенія раскольничьей литературы,—хотя онѣ и являлись главнымъ образомъ въ смыслѣ историческихъ памятниковъ, но незадолго передъ тѣмъ и эти памятники не имѣли мѣста въ печати. Это было уже не малое пріобрѣтеніе для спокойнаго сужденія о расколѣ. Съ исторической точки зрѣнія являлся новый взглядъ на расколъ какъ на бытовое явленіе народной жизни, которое имѣло свои причины и содержаніе котораго представляло собой народныя понятія религіозныя и бытовыя, и эти понятія, какъ примѣръ чисто народнаго мышленія, заслуживали серьезнаго вниманія, какъ черты „народной психологіи“. Это новое направленіе въ объясненіяхъ раскола отразилось наконецъ и въ правительственной сферѣ. Чрезвычайно любопытно, какъ указываетъ г. Пругавинъ, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генерала Тимашева, „было признано необходимымъ имѣть въ министерствѣ свѣдѣнія касательно современнаго состоянія раскола въ имперіи“. Съ этой цѣлью ко всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ циркуляръ, гдѣ имъ поручалось собрать эти свѣдѣнія. Въ отвѣтъ на министерскій циркуляръ всѣми губернаторами были доставлены болѣе или менѣе подробныя записки по этому предмету по ихъ губерніямъ, и въ запискахъ давались объясненія о причинахъ, поддерживающихъ расколъ, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы ослабить расколъ. Правда, по старому обычаю, вопросъ поставленъ былъ „совершенно секретно“ и способъ объясненія дѣла принятъ былъ чисто бюрократическій, непригодность котораго бывала уже не разъ доказана на практикѣ; но это новое собираніе свѣдѣній повидимому не должно было остаться безъ своего результата. Г. Пругавинъ имѣлъ возможность воспользоваться въ своей книгѣ двумя губернаторскими записками, сообщенными тогда въ министерство: одна была доставлена тогдашнимъ пермскимъ губерна-

ромъ Б. В. Струве, другая—архангельскимъ губернаторомъ, княземъ С. П. Гагаринымъ. Эти записки замѣчательны. Г. Пругавинъ находитъ ихъ не совсѣмъ удовлетворительными: онѣ даютъ, по его мнѣнію, одностороннее объясненіе дѣла, именно, напр., записка кн. Гагарина успѣхъ раскола приписываетъ только одной причинѣ—крайней неудовлетворительности сельскаго духовенства (тогда какъ на дѣлѣ были и другія, не менѣе существенныя), но важно было уже то, что въ оффиціальной запискѣ были указаны бытовыя явленія, которыхъ прежде оффиціальная литература никакъ не желала признавать; а по настоящему кн. Гагаринъ былъ и правъ въ своемъ указаніи. Въ самомъ дѣлѣ, какія бы ни были другія причины распространенія раскола, предполагаемыя нашимъ авторомъ, нѣтъ сомнѣнія, что безобразныя явленія въ жизни духовенства, указанныя кн. Гагаринымъ, должны были имѣть самое фатальное вліяніе на духовную жизнь народа: духовенство и есть прямой и главнѣйшій представитель этой жизни, а расколъ—рѣшительное его отрицаніе; вся дѣятельность раскола и направлена въ область именно духовныхъ интересовъ народа. Если эти интересы такъ дурно, даже превратно представлены духовенствомъ,—какъ это изображалось въ запискѣ архангельскаго губернатора, — очевидно, духовенство, въ его тогдашнемъ положеніи, и должно быть признано едва ли не самымъ важнымъ факторомъ въ развитіи раскола. Думаютъ нерѣдко,—что̀, видимо, и думалъ г. Пругавинъ,—что расколъ предполагаетъ и другія стороны протеста; но во всякомъ случаѣ этотъ протестъ принимаетъ форму того или другого религіознаго недовольства и отрицанія, и первое средство воздержать этотъ протестъ должно бы быть дѣломъ именно духовенства (если бы оно было для этого достаточно образовано и порядочно). Когда появляется „лжеученіе", ближайшимъ совѣтникомъ и разъяснителемъ можетъ, и долженъ, быть именно церковный пастырь, а не кто иной, и если этотъ пастырь, вмѣсто того, пишетъ доносъ и призываетъ полицію, онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свою непригодность и въ средѣ пасомыхъ теряетъ довѣріе; его перестаютъ и слушать, и уважать. Для сектантства самъ собою является выводъ, что представившійся вопросъ надо рѣшать самимъ, своимъ умомъ. Запрещенія и полицейскія преслѣдованія обыкновенно только подливаютъ масла въ огонь.

Въ губернаторскихъ запискахъ, судя по крайней мѣрѣ по запискамъ кн. Гагарина и Струве, вѣроятно заключались и другія указанія, полезныя для установленія здраваго сужденія о расколѣ. Важно было уже то, что въ запискахъ несомнѣнно отражалась новая точка зрѣнія на расколъ, какъ явленіе бытовое, точка зрѣнія, которая тѣмъ временемъ выработывалась въ литературѣ. Къ сожалѣнію, рутина была еще слишкомъ сильна, и въ административную практику очень

мало проникали, или совсѣмъ не проникали, взгляды на расколъ, какіе уже въ значительной степени установлялись въ историко-критической литературѣ.

Въ послѣднее время литература публицистическая какъ будто нѣсколько охладѣла къ этимъ вопросамъ. Но безъ сомнѣнія надо желать, чтобы работы по этому предмету продолжались и общественное мнѣніе увидѣло важность вопроса о томъ, какъ можетъ быть опредѣлено практическое и нравственное положеніе „22 милліоновъ". Въ литературѣ накопилось уже достаточно фактическаго матеріала, чтобы по крайней мѣрѣ этому матеріалу подвести итоги и намѣтить выводы объ историческихъ источникахъ раскола, объ его настоящемъ положеніи, объ его современныхъ исканіяхъ и идеалахъ. Быть можетъ, общими усиліями просвѣщенной власти и общества будутъ найдены, рано или поздно, здравыя условія быта для „22 милліоновъ": иначе, въ современныхъ условіяхъ полицейскаго преслѣдованія извнѣ и— бездоннаго невѣжества, настоящей „власти тьмы", внутри, этимъ „22 милліонамъ" предстоитъ крайне ненормальное, часто дикое и нелѣпое существованіе, которое не можетъ обойтись безъ великаго ущерба нравственно-національнаго.—А. П.

II.

— Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Изданіе С. Дороватовскаго и Чарушникова. Спб. 1904.

Въ нѣкоторой части нашего общества наступило то, что̀ на военномъ языкѣ называется перевооруженіемъ. Въ арміи перевооруженія дѣлаются по большей части по западному образцу: французъ или нѣмецъ придумаетъ ружье или пушку, которыя превосходятъ по силѣ своей истребительности существовавшіе до него образцы, и во всѣхъ арміяхъ поднимается своего рода суета, — добрые сосѣди другъ передъ другомъ стараются воспользоваться изобрѣтеніемъ и выработать новые техническіе навыки въ обращеніи съ нимъ. „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія"—книга боевая; она вооружена по западному образцу, но призвана служить орудіемъ русской мысли въ защиту положительныхъ идеаловъ русской общественности въ борьбѣ за прогрессивное движеніе, во имя идей положительной науки и осуществимой личной и гражданственной свободы.

Европейскіе инструкторы, системой которыхъ воспользовались авторы статей сборника для своего боевого вооруженія,—Махъ, Авенаріусъ, Марксъ (въ чистомъ видѣ)—говорятъ сами за себя и опредѣ-

ляютъ тотъ кругъ идей, который служитъ исходнымъ пунктомъ ихъ убѣжденій и склада научныхъ понятій. Ниже мы перечислимъ статьи, составившія этотъ сборникъ, но говорить о каждой изъ нихъ въ журнальной замѣткѣ не считаемъ умѣстнымъ, предпочитая ограничиться указаніемъ на общій характеръ книги. Если спеціальный разборъ и обнаружитъ, можетъ быть, нѣкоторую теоретическую односторонность сужденій по отдѣльнымъ вопросамъ, то она вполнѣ окупится тѣмъ общественнымъ значеніемъ коллективнаго цѣльнаго и стойкаго міросозерцанія, раскрываемаго здѣсь, которое особенно необходимо въ моменты высшаго напряженія борющихся стремленій, когда не должно быть ни сомнѣвающихся, ни усталыхъ. Подрывая въ корнѣ тотъ строй убѣжденій и понятій, который менѣе всего согласуется съ выводами ясной и положительной научной и общественной мысли, коллективный реалистъ вноситъ въ психическую среду особое *настроеніе*, враждебное всему, что̀ мѣшаетъ видѣть жизнь такою, какъ она есть, и чуждое какому бы то ни было возвышающему обману, хотя бы онъ сіялъ всѣми радужными цвѣтами въ блескѣ обожествленнаго абсолюта. Изъ этого слѣдуетъ, что реалистическое міросозерцаніе противопоставляется въ данномъ случаѣ не только умственнымъ теченіямъ, которыя враждебны научно-обоснованнымъ теоріямъ общественнаго прогресса, но и такимъ, которыя не поддаются положительному учету, выражаясь въ построеніяхъ метафизическаго свойства. Въ этой борьбѣ на два фронта нетрудно замѣтить, въ чью сторону въ послѣднемъ случаѣ направлены полемическія стрѣлы „реалистовъ",—и соотношеніе съ „проблемами идеализма" возникаетъ само собою. Споръ ведется, главнымъ образомъ, изъ-за практическаго значенія различныхъ доктринъ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, направленныхъ къ улучшенію соціально-общественныхъ условій жизни, и въ этомъ отношеніи общее направленіе „Очерковъ реалистическаго міровоззрѣнія" можно только привѣтствовать.

Посмотримъ, въ какомъ смыслѣ авторы статей сборника считаютъ себя реалистами. Это тѣмъ болѣе важно, что терминъ „реализмъ" (какъ и „идеализмъ") употреблялся и продолжаетъ употребляться для выраженія самыхъ разнообразныхъ понятій, иногда даже противоположныхъ (вспомнимъ „вѣчную реальность общихъ идей" средневѣковой схоластики). Наши реалисты отказываются прежде всего дать стройное и цѣльное построеніе, подобное тѣмъ, какія создаются представителями метафизическаго идеализма. „Реализмъ не есть законченная познавательная система,—этими словами открывается введеніе къ „Очеркамъ",—но опредѣленный путь къ систематическому познанію всего, что̀ даетъ опытъ. И прежде всего, это путь трудовой: для реализма познаніе есть живая, непосредственная борьба съ природой за

ея тайны, борьба, въ которой дѣло идетъ о дѣйствительномъ господствѣ человѣка надъ міромъ. Реализмъ не вѣритъ въ прирожденное право человѣческаго разума давать свои законы природѣ,—онъ признаетъ только право *пріобрѣтенное*, только право, завоеванное борьбой. Но реальная борьба сурова—въ познаніи, какъ и въ жизни; врагъ грозенъ въ своемъ стихійномъ величіи, онъ не знаетъ пощады. *Слабый* уклоняется отъ прямой встрѣчи съ нимъ, пытается создать себѣ иную, болѣе удобную арену для борьбы, иного, болѣе уступчиваго и мягкаго врага—врага лишь „по видимости", но не „по сущности": такъ возникаетъ міръ познавательныхъ грезъ, природа отдавшагося фантазіи мышленія. Это было естественно и неизбѣжно во время дѣйствительной слабости познанія. Но въ наши дни реализмъ не можетъ съ этимъ мириться; и всякое обращеніе къ призрачному міру метафизики, къ фальсифицированной ею природѣ онъ клеймитъ, какъ постыдное бѣгство съ поля битвы, какъ слабость, не заслуживающую сожалѣнія.

„Временами такая слабость развивается до размѣровъ своего рода эпидеміи въ литературѣ. Тотъ общественный классъ, къ которому принадлежитъ большинство людей теоріи и печатнаго слова—профессіональная интеллигенція—есть классъ несамостоятельный по своему положенію среди общества, нервный и впечатлительный по своей организаціи. Жизненныя бури и грозы производятъ на интеллигенцію тяжелое, угнетающее дѣйствіе; и если при этомъ она сразу не находитъ себѣ твердой опоры въ окружающей средѣ, или прежняя опора оказывается неподходящей къ ея стремленіямъ и интересамъ, то бѣгство отъ жизни—въ практикѣ и въ познаніи—становится среди интеллигенціи общимъ явленіемъ. Тогда наступаетъ время увлеченія метафизикой, съ ея воздушными замками, съ тѣми фиктивными опорами, которыя предлагаетъ она для живой жизни, съ ея идолами, замѣняющими идеалы. Все это разыгрывалось и на нашихъ глазахъ, за послѣдніе годы, и не закончилось еще до сихъ поръ".

При такомъ положеніи дѣла реалисты признаютъ себя призванными остановить развитіе процесса, въ которомъ они видятъ признаки идейнаго разслабленія, умственной деморализаціи, способное расшатать интеллектуальное здоровье трудовой интеллигенціи. Знакомые мотивы изъ исторіи наиболѣе знаменательныхъ моментовъ нашей общественной жизни слышатся въ этихъ смѣло заявленныхъ credo современнаго реализма. Представители его не закрываютъ глазъ на трудность предстоящей борьбы, но необходимость ея именно теперь представляется несомнѣнной. „Задача эта становится особенно важной въ такомъ культурно-юномъ обществѣ, какъ наше, которое не имѣетъ за собой глубокихъ традицій серьезной умственной работы многихъ

поколѣній, которое не можетъ болѣзнямъ мысли противопоставить большой силы наслѣдственнаго сопротивленія. Реализмъ долженъ показать, что идейное возвращеніе къ типу предковъ есть только вырожденіе, болѣзнь, не болѣе, долженъ выяснить происхожденіе этой болѣзни и отмѣчать всѣ ея проявленія. Противъ спутанности и произвола метафизически-больного мышленія реализмъ долженъ выставить отчетливость и строгость своей точки зрѣнія".

Извѣстный стихъ Мюссе,—„malgré nous, vers le ciel il faut lever les yeux"—менѣе всего можетъ быть примѣненъ къ реалистамъ. Въ сферѣ познанія они не допускаютъ вмѣшательства никакого иного чувства, никакой иной воли, кромѣ той воли и того чувства, которыя обусловливаются познаніемъ. „Исторія показываетъ, что въ познаніи и практикѣ—тамъ, гдѣ выступали на сцену великія антагонистическія силы, истина никогда не была въ золотой срединѣ"—между ними: ни въ борьбѣ язычества и христіанства, ни въ борьбѣ католицизма и реформаціи, ни во всякой иной борьбѣ неподвижности и прогресса. Истинная сила не измѣняетъ себѣ, и до конца проводитъ свою тенденцію. Неуклонная послѣдовательность въ познаніи и неуклонная послѣдовательность въ жизни—это два проявленія одного и того же принципа. Теоретическій реализмъ, какъ выраженіе этого принципа въ сферѣ познанія, и практическій идеализмъ, какъ выраженіе его въ сферѣ жизни,—родные братья по духу".

Современный реализмъ, признающій единое и стройное познаніе („истина монистична"), враждебенъ эклектизму, считая его своего рода профессіональной болѣзнью интеллигенціи и видя въ немъ выраженіе жалкой, дисгармоничной жизни. Выдвигая на первый планъ монистическій идеалъ познанія, реализмъ беретъ на себя одну изъ задачъ покончить съ эклектизмомъ въ его еще жизненныхъ соціологическихъ формахъ, показавши его несостоятельность на фактахъ реальной жизни и при посредствѣ точныхъ методовъ науки.

Основные принципы реалистическаго міропониманія не исключаютъ различныхъ оттѣнковъ и пріемовъ мышленія въ отдѣльныхъ статьяхъ сборника. Послѣдній распадается на три части: въ первой читатель находитъ прежде всего статью г. Суворова „Основы философіи жизни" („Общія отношенія объективной (органической) жизни, концентрированныя въ нервно-мозговыхъ процессахъ, опредѣленнымъ образомъ отражаются въ явленіяхъ психической жизни"; отношеніе жизни къ ея условіямъ въ сферѣ психическаго самочувствія выступаетъ, какъ рядъ потребностей: органическаго питанія и сбереженія жизненнаго фонда, иначе—органическаго самосохраненія отъ разрушительныхъ вліяній среды, родового воспроизведенія жизни и потребности въ жизненной тратѣ, правильной работѣ всѣхъ органовъ, все-

сторонней и полной жизнедѣятельности). Потребность въ тратѣ силъ приводитъ въ своемъ развитіи къ разнообразнымъ формамъ жизненной дѣятельности—къ работѣ мысли, къ художественному творчеству, ко всему, что составляетъ интересъ и смыслъ жизни. Разнообразіе и полнота жизненной дѣятельности вызываютъ стремленіе къ свободѣ и, въ постоянной смѣнѣ жизненной траты и удовлетворенія, заставляютъ насъ испытывать *удовольствіе*. Авторъ является, такимъ образомъ, сторонникомъ гедонизма, ближайшимъ образомъ примыкая къ ученію Спинозы, который устанавливалъ соотношенія между совершенствомъ—удовольствіемъ и несовершенствомъ—неудовольствіемъ въ ихъ различныхъ степеняхъ.

Затѣмъ идетъ обширная статья г. Луначарскаго—„Основы позитивной эстетики". „Мы знаемъ,—говоритъ здѣсь, между прочимъ, г. Луначарскій,—что наука, искусство (а также философія и религія) развиваются въ опредѣленномъ обществѣ и тѣсно связаны съ развитіемъ его структуры, а слѣдовательно съ развитіемъ того общественно-біологическаго, или *хозяйственнаго* базиса, который лежитъ въ основѣ общества. Возникая на той же почвѣ, что и хозяйство, т.-е. на почвѣ приспособленія организмомъ среды къ своимъ потребностямъ, искусство, какъ стремящееся къ удовлетворенію не нуждъ, грозящихъ смертью, а лишь свободныхъ своихъ запросовъ, дарующихъ радость, можетъ расцвѣсть лишь тогда, когда первоначальныя потребности удовлетворены, хотя бы временно. Развитіе искусства самымъ непосредственнымъ образомъ связано съ развитіемъ техники, что ясно само собою. Появленіе класса богатыхъ и праздныхъ сопровождается появленіемъ спеціалистовъ-художниковъ. Будучи даже вполнѣ матеріально независимыми, спеціалисты-художники невольно отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ идеалы, думы и страсти, которыми волнуется классъ наиболѣе имъ близкій; еще чаще художникъ работаетъ для представителей господствующихъ классовъ, и тогда вынужденъ приноравливаться къ ихъ требованіямъ. Каждый классъ, имѣя свои представленія о жизни и свои идеалы, налагаетъ свою собственную печать на искусство, придавая ему тѣ или иныя формы, то или иное значеніе; связь искусства съ религіей, а религіи съ дѣйствительностью, опредѣляющей тотъ или иной характеръ идеала, никогда не отрицалась. Выростая вмѣстѣ съ опредѣленной культурой, наукой и классомъ, искусство вмѣстѣ съ нимъ и падаетъ". Выразителемъ аморальнаго гедонизма явился г. Базаровъ въ своей ярк[illegible] полемической статьѣ, озаглавленной: „Авторитарная метафизика и автономная личность". Второй отдѣлъ посвященъ статьямъ экономическаго характера гг. Богданова, Финна, Маслова и Румянцева. Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ статьи: гг. Корсака („Общество правово[illegible]

и общество трудовое“), Шулятикова („Возстановленіе разрушенной эстетики“—о современныхъ идеалистическихъ теченіяхъ въ русской литературѣ), Фриче („Соціально-психологическія основы натуралистическаго импрессіонизма“). Въ своей интересной работѣ г. Шулятиковъ настаиваетъ, въ цѣляхъ реалистической критики, на необходимости предварительнаго изученія „соціальнаго строенія интеллигентныхъ ячеекъ, въ нѣдрахъ которыхъ развивается то или другое литературное вѣяніе“. Мысль не новая, но она обставлена у автора рядомъ удачно взятыхъ примѣровъ и мѣткихъ сужденій.

Что касается „идеалистовъ“, то они приняли вызовъ, брошенный имъ представителями реалистическаго міросозерцанія: въ іюньской книжкѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ появилась по поводу отмѣчаемаго нами сборника статья г. Булгакова, гдѣ, опредѣляя научно-общественное значеніе новѣйшаго идеализма, авторъ протестуетъ противъ подразумѣваемой у реалистовъ невѣрной, по его выраженію, характеристики, и говоритъ: „Относительно молодого и недостаточно опредѣлившагося въ литературѣ міровоззрѣнія легко возникаютъ всевозможныя недоразумѣнія. Однимъ изъ самыхъ досадныхъ недоразумѣній, которое я стремился разсѣять въ этой замѣткѣ, является то, будто бы идеализмъ враждебенъ или противоположенъ реализму, между тѣмъ какъ идеалистическое міровоззрѣніе во всѣхъ отношеніяхъ является принципіально и глубоко реалистическимъ. Высшую задачу этого реалистическаго міровоззрѣнія геніальный реалистъ Достоевскій формулировалъ такъ: „*при полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человѣка*“.

Во всякомъ случаѣ—этотъ споръ двухъ направленій — явленіе въ высокой степени знаменательное въ нашей общественной жизни, тѣмъ болѣе, что онъ совпалъ съ моментомъ глубокаго разочарованія въ идеалахъ прошлаго и безнадежностью, уныніемъ и мелочностью общественныхъ стремленій. Быть можетъ, этому спору, и, въ частности, жизнедѣятельному настроенію группы людей, проникнутыхъ реалистическимъ направленіемъ, суждено оживить дремлющія силы и многихъ привлечь къ участію въ идейномъ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ личнаго и общественнаго существованія.

III.

— Паульсенъ, Фр., проф. Берлинскаго университета.—Германскіе университеты.— Переводъ съ нѣмецкаго Г. Гроссмана. Спб. 1904.

Книга профессора Паульсена представляетъ интересъ для русскаго читателя во многихъ отношеніяхъ. Вопросъ о положеніи университет-

ской науки въ странѣ, о достоинствѣ ея представителей—всегда занималъ наше общество, какъ вопросъ жгучій, вызывавшій ожесточенную борьбу противоположныхъ направленій, наконецъ, какъ вопросъ, съ которымъ связывались наиболѣе существенные интересы культурнаго процвѣтанія нашей родины. Отраженіе цѣлаго ряда внѣшнихъ условій, большею частью неблагопріятныхъ для независимости и свободы университетскаго преподаванія, сдѣлало, кромѣ того, этотъ вопросъ больнымъ вопросомъ русской жизни и невольно заставляло обращаться для сравненія къ заграничнымъ университетамъ, исторія которыхъ давала убѣдительный показатель того, какое высокое значеніе имѣли университеты въ культурномъ развитіи страны. Подобнаго рода сравненіе нерѣдко побуждало русскихъ молодыхъ людей искать высшаго образованія за границей,—что̀, конечно, представляетъ собой печальное явленіе. Вотъ почему книга о германскихъ университетахъ, поучительная сама по себѣ, достойна самаго пристальнаго вниманія. Она написана дѣловито и сжато; уже одинъ обзоръ ея содержанія можетъ дать понятіе о кругѣ трактуемыхъ вопросовъ. Дѣлится она на пять частей; изъ нихъ первая посвящена исторіи германскихъ университетовъ, отъ ихъ возникновенія до послѣдняго времени; вторая характеризуетъ устройство университета и его положеніе въ общественной жизни; въ третьей разсматривается вопросъ объ университетскихъ преподавателяхъ и университетскомъ преподаваніи вообще; четвертая изображаетъ ту нравственную и образовательную обстановку, въ которой проходятъ студенческіе годы; пятая посвящена обзору факультетскаго преподаванія въ разныхъ областяхъ науки.

Читая подобную книгу, невольно думаешь о томъ, какое отрадное чувство долженъ былъ испытывать дѣятель просвѣщенія, который могъ сказать объ одномъ изъ родныхъ университетовъ хотя бы слѣдующее: „новый берлинскій университетъ былъ совершенно сознательно организованъ на началахъ, вполнѣ противоположныхъ съ высшими школами военнаго диктатора (рѣчь идетъ о Наполеонѣ I и его „université impériale“); принципами, положенными въ основаніе новаго университета, были не единство и не подчиненіе, а свобода и самостоятельность; его профессора были не чиновники государства, завѣдующіе обученіемъ и экзаменами, а самостоятельные ученые; преподаваніе не было связано напередъ предписаннымъ планомъ занятій, а основано на свободѣ ученія и обученія; цѣлью его являлось не снабженіе энциклопедическими познаніями, а собственно научное образованіе; студенты не были будущими чиновниками, готовящимися лишь къ государственной службѣ, но молодыми людьми, которые съ помощью свободнаго изученія науки пріучаются къ самостоятельному мышленію, къ духовной и нравственной свободѣ; именно поэтому экзамены на для-

жность были отдѣлены отъ университета, и рядомъ съ университетскими испытаніями для полученія степени были организованы особые государственные экзамены".

Императоръ Вильгельмъ II, просвѣщеннѣйшій европейскій монархъ, въ привѣтствіи, обращенномъ лѣтъ десять назадъ къ университету въ Галле, по случаю его двухсотлѣтняго юбилея, сказалъ между прочимъ: „Незабвеннымъ останется тотъ фактъ, что вы первые ясно сознали существенную зависимость и плодотворное взаимодѣйствіе между университетскимъ преподаваніемъ и свободнымъ изслѣдованіемъ и тѣмъ самымъ установили тотъ основной принципъ, который сдѣлался неприкосновеннымъ общимъ достояніемъ нѣмецкихъ университетовъ и который въ значительной степени опредѣляетъ свойственный имъ въ настоящее время характеръ". Въ этихъ словахъ выразилось глубокое пониманіе тѣхъ необходимыхъ для науки и просвѣщенія условій, благодаря которымъ германскій народъ могъ дать міру цѣлый рядъ замѣчательныхъ мыслителей и ученыхъ и явить доказательство той мысли, что истинное могущество зиждется на успѣхахъ культуры.

Мысль о двоякости стремленій, руководившихъ университетскими дѣятелями на всемъ протяженіи исторіи университетовъ, получаетъ особую наглядность въ изложеніи проф. Паульсена. Онъ характеризуетъ внутреннюю сущность нѣмецкаго университета тѣмъ, что онъ служитъ въ одно и то же время, какъ „мастерской для научнаго изслѣдованія", такъ и учрежденіемъ для высшаго научнаго преподаванія,—общенаучнаго наравнѣ со спеціальнымъ и профессіональнымъ. По нѣмецкимъ понятіямъ профессоръ университета—въ одно и то же время учитель и ученый изслѣдователь, при чемъ послѣдняя функція его прежде всего опредѣляетъ научный характеръ его преподаванія: на первомъ планѣ стоитъ не подготовка къ практической профессіи, а ближайшее ознакомленіе съ научнымъ познаніемъ и изслѣдованіемъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ особенностяхъ исторіи и современнаго положенія германскихъ университетовъ въ томъ освѣщеніи, какое придаетъ имъ проф. Паульсенъ. Онъ отмѣчаетъ два признака, развившіеся въ нихъ въ девятнадцатомъ столѣтіи: первый — необыкновенное расширеніе дѣятельности государства по отношенію къ университетамъ и увеличеніе его расходовъ на нихъ; другой — ростъ внутренней самостоятельности университетовъ и ихъ свободы. Что касается послѣдняго признака, то его образованіе тѣсно связано съ дѣятельностью цѣлаго ряда замѣчательныхъ государственныхъ людей, въ особенности знаменитаго В. фонъ-Гумбольдта. Свободное развитіе наукъ было поставлено девизомъ. Этому прежде всего обязано то обстоятельство, что стремленіе преподавателей къ научному изслѣдованію удалило постепенно университеты отъ типа школы для госу-

дарственныхъ чиновниковъ и тѣмъ самымъ отъ типа бюрократически управляемыхъ учебныхъ заведеній. Германія создала изъ своихъ университетовъ носителей самостоятельной научной жизни въ полной увѣренности, что свободное служеніе наукѣ не только не противорѣчитъ государственнымъ интересамъ, но даже неразрывнымъ образомъ связано съ ними. „Правда,—говоритъ Паульсенъ,—эта увѣренность подвергалась по временамъ колебаніямъ. Въ особенности памятно въ этомъ отношеніи время несчастныхъ преслѣдованій демагоговъ, преслѣдованій, внушенныхъ жалкими подстрекателями, которые грознымъ призракомъ революціи запугивали правителей, не увѣренныхъ въ своей безопасности, и съумѣли-таки побудить ихъ къ учрежденію полицейскаго надзора за университетами и даже къ принятію насильственныхъ мѣръ противъ отдѣльныхъ личностей. Несмотря на это, въ цѣломъ, отношеніе государства къ университету развилось на основѣ довѣрія къ свободѣ. Принципъ свободы науки и ея ученія, формулированный въ § 20-мъ прусской конституціи, долженъ быть дѣйствительно названъ однимъ изъ основныхъ принциповъ нашего государственнаго права. Принципъ этотъ тѣмъ безпристрастнѣе признавался правителями, чѣмъ увѣреннѣе они были въ своемъ собственномъ пути: свобода университетовъ есть мѣрило увѣренности правительства въ самомъ себѣ". Авторъ вспоминаетъ, что въ девятнадцатомъ столѣтіи развитіе университетскаго дѣла шло въ общемъ тѣмъ самымъ путемъ, который былъ предначертанъ Шлейермахеромъ въ его „Gelegentliche Gedanken über Universitäten". Шлейермахеръ указывалъ, насколько страдали школы и университеты отъ того, что государство разсматриваетъ ихъ, какъ заведенія, въ которыхъ науки разрабатываются не для своихъ собственныхъ цѣлей, а въ интересахъ государства, которое не желаетъ этого понять и ставитъ препятствія ихъ естественному стремленію развиваться сообразно законамъ, требуемымъ наукой. „Опека государства,—писалъ Шлейермахеръ,—которая, можетъ быть, и была нужна въ прежнее время, должна когда-нибудь прекратиться, какъ и всякая другая опека; государство должно предоставить науки самимъ себѣ, всѣ внутреннія дѣла университетовъ передать всецѣло въ руки ученыхъ и сохранить за собой только хозяйственное управленіе, полицейскій надзоръ и наблюденіе за непосредственнымъ вліяніемъ этихъ заведеній на государственную службу".

Въ главѣ о современномъ устройствѣ Паульсенъ изображаетъ правовое положеніе германскихъ университетовъ, созданное двумя направленными къ общей пользѣ и гармонично сочетавшимися принципами: университетъ—государственное учрежденіе, содержимое и управляемое государственною властью, и университетъ—свободная, ученая корпорація. Авторъ приводитъ неоднократно высказывавшееся мнѣніе

о желательности подчинить университеты вѣдѣнію имперскаго правительства, чтобы достигнуть этимъ путемъ большей однородности и объединенія въ дѣлѣ назначенія преподавателей. „Я не думаю,—говоритъ Паульсенъ,—чтобы это желаніе нашло себѣ сочувствіе со стороны болѣе предусмотрительныхъ людей, такъ какъ, если гдѣ-либо возможна и нужна децентрализація, такъ это именно въ области государственнаго попеченія о народномъ просвѣщеніи. Самостоятельность отдѣльныхъ государствъ въ данномъ случаѣ поддерживаетъ живой духъ соперничества, проявившій себя до сихъ поръ, какъ благодѣтельное возбуждающее средство. Не менѣе благопріятнымъ образомъ это отразилось и на внутренней свободѣ университетовъ: каждый ученый, отвергнутый какимъ-нибудь университетомъ, можетъ вновь найти себѣ каѳедру за предѣлами даннаго государства; достаточно напомнить о семи геттингенцахъ или же о профессорахъ, изгнанныхъ послѣ 1850-го года изъ Лейпцига. Еще въ настоящее время независимость университетскаго преподавателя въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что, выжитый изъ какого-либо университета, онъ можетъ взяться за посохъ и въ предѣлахъ другого государства найти себѣ новую сферу дѣятельности".

Мы не останавливаемся на многихъ чисто практическихъ, но имѣющихъ важное значеніе для жизни университетовъ сторонахъ ихъ организаціи. Высказывая свои соображенія по различнымъ вопросамъ, авторъ и въ этой, чисто дѣловой, сферѣ является сторонникомъ развитія возможно большей внутренней самодѣятельности университетской жизни, гдѣ положеніе профессора опредѣлялось бы не внѣшними бюрократическими рамками, но степенью его вліянія на развитіе науки и успѣхомъ его лекцій. Поэтому Паульсенъ стоитъ, напримѣръ, за систему частныхъ гонораровъ, оставляющей за профессурой значеніе свободной профессіи и академическую свободу студентовъ нетронутой. Преподаваніе, ведущееся подъ правительственнымъ контролемъ лицами, состоящими на государственной службѣ, естественно должно приводить къ контролю надъ посѣщеніемъ лекцій. Свободное посѣщеніе лекцій разсматривается какъ частное дѣло, при чемъ плата гонорара, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, предполагается достаточнымъ побужденіемъ къ посѣщенію лекцій, за которыя уплачены деньги. Въ связи съ этимъ мнѣніемъ о системѣ гонораровъ находится и взглядъ Паульсена на титулы и ордена, столь щедро, по его словамъ, раздающіеся университетскимъ дѣятелямъ, что они подвергаются опасности потерять силу отличій. Для университета не было бы потерею,—думаетъ авторъ,—еслибы эти отличія ограничились своимъ первоначальнымъ кругомъ примѣненія. „Въ дипломатическомъ, политическомъ и военномъ мірѣ они имѣютъ свой смыслъ; цѣль ихъ за-

ключается въ томъ, чтобы если и не непосредственно вознаградить за особыя услуги государству или правительственной политикѣ, то во всякомъ случаѣ, пользуясь системой постепенныхъ наградъ, отличить лицъ, оказавшихъ эти услуги. Въ ученомъ мірѣ,—то же можно, пожалуй, сказать и о церкви, и о судебной дѣятельности,—нѣтъ въ наличности условій для подобныхъ заслугъ, и къ заслугамъ на этихъ поприщахъ врядъ ли подходитъ такая форма признанія ихъ или, иначе говоря, врядъ ли здѣсь умѣстенъ такой способъ награжденія. Услугъ государству, услугъ политическихъ или военныхъ здѣсь не оказывается. Здѣсь работаютъ надъ сохраненіемъ и увеличеніемъ духовнаго богатства, которое, правда, также имѣетъ большое значеніе для блага и чести націи; но это—заслуга не передъ государствомъ, какъ заслуга не передъ государствомъ—творчество въ области искусства и поэзіи. Если же,—продолжаетъ авторъ,—такія отличія должны побуждать также и профессоровъ оказывать политическія услуги, тогда возникаетъ естественное убѣжденіе въ томъ, что такія побочныя услуги не совмѣстимы съ званіемъ профессора, такъ какъ задача профессора исчерпывается совершенно свободнымъ и безпристрастнымъ познаніемъ истины и руководствомъ трудами учащихся, направленными къ достиженію этой цѣли".

Уже изъ этого видно, на какую высоту поднимаетъ Паульсенъ значеніе дѣятельности университетскаго преподавателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую нравственную обязанность онъ возлагаетъ на лицо, облеченное этимъ званіемъ.

IV.

— Венгеровъ, С. А., редакторъ. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Т. VII. Спб. 1904.

— Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (историко-литературный сборникъ). Т. VI. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ шести томамъ. 1897—1904.

Предпринятое г. Венгеровымъ изданіе сочиненій Бѣлинскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и полнѣйшаго сочувствія. О первыхъ томахъ этого изданія уже была рѣчь на страницахъ „Вѣстника Европы", гдѣ былъ указанъ общій характеръ въ связи съ основнымъ взглядомъ на редакцію и планъ. Это изданіе даетъ не только полный и критически провѣренный текстъ сочиненій Бѣлинскаго, извлеченный изъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ; оно съ успѣхомъ замѣняетъ устарѣвшее и, кажется, уже разошедшееся собраніе сочиненій Бѣлинскаго, въ изданіи Солдатенкова, а также позднѣйшія

неполныя, собранія, и въ обширныхъ примѣчаніяхъ сообщаетъ обстоятельный комментарій, вноситъ принципы критическаго освѣщенія различныхъ сторонъ творчества Бѣлинскаго и этимъ, не говоря о тщательномъ подборѣ библіографическихъ и историко-біографическихъ справокъ, значительно облегчаетъ работу будущему изслѣдователю. Если послѣдній и не всегда согласится съ той или иной оцѣнкой литературныхъ фактовъ, входящихъ въ кругъ изученія творчества Бѣлинскаго, — онъ тѣмъ не менѣе будетъ поставленъ въ необходимость считаться съ точкой зрѣнія редактора, выражавшаго свои взгляды во всеоружіи глубокаго изученія предмета и всей предшествовавшей литературы о немъ. Въ этомъ отношеніи примѣчанія представляютъ въ высшей степени цѣнный и, если такъ можно выразиться, жизненный матеріалъ. Настоящій томъ содержитъ въ себѣ почти исключительно статьи и замѣтки, помѣщенныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1842 года, относящіяся, какъ извѣстно, къ первымъ годамъ второго, важнѣйшаго въ жизни Бѣлинскаго періода. Статьи, появляющіяся въ настоящемъ изданіи, но не входившія въ прежнія собранія сочиненій Бѣлинскаго или же входившія съ сокращеніями, занимаютъ видное положеніе въ количественномъ отношеніи и вносятъ немало дополнительныхъ чертъ въ характеристику Бѣлинскаго, какъ критика и журналиста; въ нихъ много глубокихъ и тонкихъ замѣчаній, мимоходомъ, вскользь высказанныхъ сужденій, характерныхъ или для извѣстнаго момента въ міросозерцаніи Бѣлинскаго, или же для литературныхъ взглядовъ и вкусовъ его времени. Съ другой стороны, въ нихъ новѣйшій читатель встрѣтитъ и такія, не включавшіяся въ прежнія изданія статьи, въ которыхъ выразились слабыя стороны критика и нерѣдко грубыя заблужденія. Такова, напримѣръ, статья Бѣлинскаго о „Гайдамакахъ“ Шевченка, стоявшая въ связи съ его враждебнымъ отношеніемъ къ малорусской литературѣ вообще. Критикъ совѣтовалъ Шевченку, отъ поэмъ, изобилующихъ вульгарными выраженіями и лишенныхъ простоты вымысла и разсказа, перейти къ творчеству, болѣе понятному народу: „отбросивъ всякое притязаніе на титулъ поэта, разсказывать народу простымъ, понятнымъ ему языкомъ о разныхъ полезныхъ предметахъ гражданскаго и семейнаго быта“, по примѣру Основьяненко. Изъ нихъ нѣкоторыя нельзя будетъ обойти даже въ общихъ характеристикахъ дѣятельности Бѣлинскаго.

Но главная редакторская работа выразилась въ примѣчаніяхъ. Какъ уже сказано выше, это не только примѣчанія историко-литературныя въ широкомъ смыслѣ, но и критическія; въ однихъ случаяхъ редакторъ сопоставляетъ взгляды Бѣлинскаго и дѣлаетъ на основаніи этого сопоставленія заключенія; въ другихъ—касается современныхъ намъ литературныхъ теченій и высказываетъ болѣе или менѣе субъ-

ективные взгляды. Такова, напримѣръ, любопытная замѣтка о характеристикѣ, данной Бѣлинскимъ романтизму. „Съ великимъ изумленіемъ,—говоритъ г. Венгеровъ,—прочитываетъ современный читатель эту блестящую страничку о романтизмѣ. Неужели рѣчь идетъ о литературномъ теченіи, которому теперь уже сто лѣтъ? Пользуясь опредѣленіями самихъ же романтиковъ, Бѣлинскій характеризуетъ романтизмъ, какъ „міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ"; „таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личной человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія". Но вѣдь это, однако, буквально тѣ же формулы,—говоритъ г. Венгеровъ,—которыя мы слышимъ отъ провозвѣстниковъ символизма! А между тѣмъ эти провозвѣстники убѣждены, что они говорятъ какое-то новое слово и прокладываютъ какіе-то новые пути въ искусствѣ. При такомъ случаѣ литературнаго атавизма, удивительно ли, что и возраженія Бѣлинскаго получаютъ современный интересъ. Все то, что̀ Бѣлинскій говоритъ объ опасностяхъ, которыя ведетъ за собою извращеніе законныхъ, нормальныхъ и плодотворныхъ элементовъ романтизма, все это вполнѣ примѣнимо и къ символизму, который многіе прямо и называютъ нео-романтизмомъ. И въ символизмѣ всего менѣе подлежитъ оспариванію то стремленіе ввысь, безъ котораго человѣкъ погрязаетъ въ тинѣ обыденности. Но бѣда, когда люди, „погружаясь въ пучину внутренняго созерцанія", дѣлаются „мистическими сомнамбулами", „живыми тѣнями въ чуждомъ и странномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности". А всего печальнѣе, конечно, когда, подъ предлогомъ стремленія ввысь, люди якобы новыхъ литературныхъ теченій просто убѣгаютъ отъ обязанностей гражданина и человѣколюбца и погружаются въ тину плохо прикрытаго громкими формулами эгоизма и индифферентизма". Мѣткое замѣчаніе сдѣлано г. Венгеровымъ и въ объясненіе приверженности Бѣлинскаго къ классицизму. Теперь въ подобной роли Бѣлинскій былъ бы немыслимъ. „Въ то время защитниками включенія греческаго и латинскаго языковъ въ гимназическія программы выступили люди прогрессивныхъ стремленій, а противниками ихъ люди охранительнаго направленія. Отношеніе партій въ вопросѣ о классицизмѣ особенно ярко опредѣлилось въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ, послѣ революціи 1848 года. Въ это время представители охранительнаго направленія видятъ главное достоинство классицизма въ томъ, что, сосредоточивая умъ юноши на лексическихъ занятіяхъ, онъ отвлекаетъ его отъ современныхъ идей и предохраняетъ, такимъ образомъ, отъ революціонныхъ стремленій...

Существенныя замѣчанія сдѣланы по поводу роли Бѣлинскаго въ исторіи литературной карьеры Полежаева, Баратынскаго и др.

Остается пожелать только, чтобы полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго подъ редакціей С. А. Венгерова доведено было до конца въ возможно непродолжительномъ времени и читатели могли бы получить въ свое распоряженіе духовное наслѣдство, оставленное знаменитымъ критикомъ сполна и въ этой умѣлой обработкѣ.

Почти одновременно съ седьмымъ томомъ Бѣлинскаго вышелъ шестой томъ „Критико-біографическаго словаря писателей и ученыхъ", изданія прекрасно задуманнаго и уже въ вышедшихъ томахъ давшаго много цѣнныхъ матеріаловъ.

Нельзя не удивляться огромному трудолюбію и энергіи одного лица, начинающаго на свой страхъ цѣлый рядъ обширнѣйшихъ трудовъ, выполненіе которыхъ было бы по плечу развѣ цѣлой ученой коллегіи. За подобными трудами, хотя бы только начатыми, сохраняется то значеніе, что когда польза и необходимость подобныхъ трудовъ глубже проникнутъ въ общественное самосознаніе, продолжатели явятся сами собою, и за иниціаторомъ дѣла останется честь первой попытки выразить народившуюся потребность въ изданіяхъ широкаго объединяющаго свойства. Настоящій, шестой, томъ представляетъ, по обыкновенію, въ высшей степени полезную книгу для всѣхъ занимающихся исторіей русской литературы. Первые четыре тома словаря заключали въ себѣ, какъ извѣстно, статьи и замѣтки о писателяхъ въ алфавитномъ порядкѣ (Ааронъ—Введенскій). Съ пятаго тома словарь превратился въ историко-литературный сборникъ, дающій внѣ алфавитнаго порядка статьи и матеріалы о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. Матеріалы эти подчасъ состоятъ изъ указаній въ нѣсколько строкъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ (пока немногихъ) въ нихъ дается и исчерпывающее изслѣдованіе. По содержанію шестой томъ разбивается на три отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ статьи о различныхъ писателяхъ, изъ которыхъ назовемъ крупнѣйшія: К. А. Поссе о В. Л. Чебышевѣ (знаменитомъ математикѣ); А. С. Архангельскаго о Нилѣ Сорскомъ; Л. З. Слонимскаго объ И. И. Янжулѣ; Н. И. Карѣева о П. Г. Виноградовѣ: В. Ѳ. Боцяновскаго о Н. П. Брусиловѣ; М. Н. Мазаева и С. А. Венгерова объ А. Е. Измайловѣ; Н. М. Меліоранскаго о Н. Ѳ. Катановѣ; С. А. Венгерова о Ѳ. М. Рѣшетниковѣ и др. Какой-либо объективности и равномѣрности въ оцѣнкахъ, конечно, трудно было достигнуть въ сборникѣ такого рода, и неудивительно, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ, касающихся жизни и дѣятельности современниковъ, кое-гдѣ чувствуется явно субъективный элементъ. Въ этомъ, конечно, большой бѣды нѣтъ, такъ какъ исторія впослѣдствіи сгладитъ неровности. Въ будущемъ редакторъ приложитъ, вѣроятно,

заботу о томъ, чтобы въ его изданіи было побольше матеріаловъ о выдающихся литературныхъ дѣятеляхъ,—въ настоящемъ томѣ слишкомъ ужъ много мѣста отведено величинамъ второстепеннымъ и третьестепеннымъ, а иногда и прямо ничтожнымъ. Во второмъ отдѣлѣ находятся дополненія и поправки къ предыдущимъ томамъ; третій отдѣлъ посвященъ „автобіографическому архиву словаря". Въ основу этого архива положена слѣдующая мысль: „вполнѣ точно схватить и формулировать чужую мысль очень трудно, и сплошь да рядомъ ученые претендуютъ на „извращеніе" своихъ мыслей даже со стороны лицъ, въ добросовѣстности которыхъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. И вотъ, во избѣжаніе этого, мы и просимъ дать намъ то, что у нѣмцевъ называется и широко примѣняется во всѣхъ научныхъ изданіяхъ—Selbstanzeige и Selbstanalysis, т.-е. сжатое изложеніе сущности изслѣдованія". Въ этой книжкѣ сборника даны автобіографическія свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ о сорока-шести лицахъ (Абрагамсонъ—Березовскій). Не подлежитъ сомнѣнію, что продолженіе подобнаго архива весьма желательно, и что значеніе его для будущихъ историковъ литературы будетъ все увеличиваться съ теченіемъ времени.—Евг. Л.

V.

—К. Г. Воблый. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія. (Опытъ статистико-экономическаго изслѣдованія). Варшава. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Заголовокъ и предисловіе въ рассматриваемомъ нами трудѣ обѣщаютъ гораздо больше, чѣмъ даетъ его содержаніе. Согласно намѣренію автора, его трудъ есть опытъ статистико-*экономическаго* изслѣдованія о современномъ состояніи заатлантической эмиграціи изъ Европы, о ея причинахъ и слѣдствіяхъ. Для выполненія этой задачи, г. Воблому пришлось, по его словамъ, не только преодолѣть „серьезное затрудненіе", по собранію статистическаго матеріала, но и „всесторонне изучить положеніе народнаго хозяйства въ современныхъ государствахъ. Аграрный строй, земледѣліе, развитіе промышленности, положеніе рабочихъ классовъ—все это нужно было разсмотрѣть въ примѣненіи къ добытому матеріалу" (стр. 11). Обращаясь къ той главѣ, гдѣ яснѣе всего долженъ былъ выразиться экономическій характеръ изслѣдованій и найти приложеніе принципъ „всесторонняго изученія положенія народнаго хозяйства въ современныхъ государствахъ",—главѣ объ экономическихъ причинахъ эмиграціи,—мы не найдемъ въ ней выполненія обѣщаннаго, да и съ трудомъ можемъ себѣ представить, чтобы на 17 страничкахъ довольно разгонистой печати можно было изслѣдоват›

экономическія причины столь сложнаго явленія, какъ эмиграція. Эта глава заключаетъ лишь указаніе на общеизвѣстныя условія и причины эмиграціи, въ родѣ перенаселенія, промышленныхъ кризисовъ, аграрнаго строя, различія высоты заработной платы, при чемъ приводятся кое-какія, въ большинствѣ случаевъ отрывочныя свѣдѣнія, служащія для иллюстраціи этихъ положеній. Еще бѣднѣе отдѣлъ о соціальныхъ и политическихъ причинахъ эмиграціи; и хотя новѣйшая исторія Россіи представляетъ достаточно интереснаго матеріала для иллюстраціи дѣйствія этихъ причинъ, г. Воблый ограничивается о ней двумя-тремя фразами: „реформы послѣдняго времени въ Финляндіи“ усилили,—говоритъ онъ,—эмиграціонное движеніе; „въ составѣ русской эмиграціи немало выходцевъ-евреевъ“, бѣгущихъ отъ воинской повинности (стр. 89). Какъ велико это „немало“ и не существуетъ ли другихъ болѣе важныхъ политическихъ причинъ бѣгства евреевъ изъ Россіи, — г. Воблый ничего не сообщаетъ ни въ этой главѣ, ни въ отдѣлѣ статистическихъ данныхъ объ эмиграціи изъ Россіи, въ которой говорится лишь, что „съ 80-хъ годовъ начинается „исходъ“ евреевъ въ Англію, съ каждымъ годомъ принимающій все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры“, и что „подобное явленіе встревожило общественное мнѣніе въ Англіи“ (стр. 48).

Наибольшій интересъ для русскаго читателя въ трудѣ г. Воблаго представляютъ главы, посвященныя эмиграціонной и иммиграціонной политикѣ и статистикѣ эмиграціи, какъ дающія обновленныя свѣдѣнія по соотвѣтствующимъ вопросамъ. Но послѣдняя глава возбуждаетъ недоразумѣніе по причинѣ опечатокъ (неисправленныхъ) и несогласованности цифръ. Такъ, на стр. 29 приводятся свѣдѣнія о приростѣ населенія въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи; во всѣхъ этихъ областяхъ значится въ таблицѣ положительный прирость, а въ текстѣ говорится, что въ Ирландіи „замѣчается убыль населенія, обусловленная въ извѣстной степени массовой эмиграціей“. Это противорѣчіе между заключеніемъ и его основаніями объясняется тѣмъ, что при цифрахъ прироста населенія въ Ирландіи не поставлено знака (—). Изъ таблицы стр. 59 видно, что выходцы изъ Германіи и Ирландіи участвуютъ въ наибольшей степени въ приростѣ населенія Соединенныхъ Штатовъ иностраннаго происхожденія: нѣмцамъ принадлежитъ 25,8% прироста иностраннаго населенія въ теченіе десяти лѣтъ, раздѣляющаго два послѣднихъ ценза, а ирландцамъ—15,6%. Въ таблицѣ же на стр. 60 значится, что численность нѣмцевъ и ирландцевъ, а также англичанъ и шотландцевъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ этотъ промежутокъ времени сократилась. („Особенно значительный процентъ пониженія наблюдается среди ирландцевъ“,— поясняетъ авторъ, — между тѣмъ какъ цифры таблицы показываютъ,

что численность ирландцевъ сократилась меньше, нежели нѣмцевъ, англичанъ и уэльсцевъ).

Изъ таблицы на стр. 62 видно, что изъ общаго числа вновь поселившихся въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе 1891—1900 гг. итальянцамъ принадлежитъ 17,7%, русскимъ и австрійцамъ по 16%; остальныя національности дали Штатамъ меньшій процентъ иммигрантовъ. Абсолютныя числа иммигрантовъ, приведенныя на стр. 61, для Италіи и Австро-Венгріи соотвѣтствуютъ этимъ процентнымъ отношеніямъ: изъ Италіи прибыло 652 тыс., изъ Австро-Венгріи 593 тыс.; для Россіи же указано всего 102 тыс. переселенцевъ, что̀ составляетъ не 16, а лишь 3% общаго числа (3.867 тыс.) иммигрантовъ. Правда, подсчетъ цифръ данной (и предшествующей) графы показываетъ, что здѣсь есть опечатка; но послѣдняя, судя по другому подсчету, не касается Россіи (число переселенцевъ изъ Россіи за время съ 1821 по 1900 г. показано въ соотвѣтствующей графѣ въ 427 тыс.; то же число получается и путемъ подсчета переселившихся въ теченіе каждаго десятилѣтія). Съ другой стороны, число 102 тыс. русскихъ переселенцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ теченіе истекшаго десятилѣтія, потому уже не можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, что въ одномъ 1900 году въ эту страну прибыло изъ Россіи 91 тыс. человѣкъ. Всѣ вышеуказанныя цифры г. Воблый заимствовалъ изъ американскихъ оффиціальныхъ источниковъ. Не имѣя подъ руками послѣднихъ, мы не можемъ сказать, дѣйствительно ли эти грубыя ошибки принадлежатъ американской статистикѣ. Но всякій, конечно, согласится съ тѣмъ, что изслѣдователь не можетъ ограничиваться механическимъ заимствованіемъ, а долженъ входить въ разсмотрѣніе тѣхъ матеріаловъ, которыми пользуется, и исправлять видимыя ошибки и несообразности. У г. Воблаго встрѣчаются примѣры совершенно обратнаго. На стр. 106 его труда не только неправильно изложена заимствованная у Филипповича таблица, показывающая вліяніе эмиграціи на приростъ продуктивныхъ возрастныхъ группъ, но изъ факта пониженій *процента* этихъ возрастныхъ группъ (названныхъ имъ почему-то „рабочими") въ составѣ всего населенія Германіи—вопреки даннымъ таблицы (въ статьѣ Филипповича) о наличности прироста *абсолютнаго* числа лицъ, составляющихъ эти группы—выводится заключеніе о „сокращеніи рабочаго класса въ Германіи, между тѣмъ какъ спросъ на трудъ значительно возросъ тамъ, въ виду быстраго промышленнаго развитія страны".

Въ виду компилятивнаго характера работы г. Воблаго, мы считаемъ излишнимъ останавливаться на высказанныхъ въ ней взглядахъ.

VI.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1901 г. Спб. 1904 г.

Какъ извѣстно, до 1900 г. департаментъ окладныхъ сборовъ ежегодно издавалъ отчетъ о выкупной операціи только бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Изданіе, названное въ заголовкѣ нашей замѣтки, явившееся на смѣну упомянутаго отчета, обнимаетъ уже не однихъ помѣщичьихъ, а всѣ разряды крестьянъ и даетъ, поэтому, полную картину современнаго состоянія выкупного дѣла. Кромѣ текущихъ свѣдѣній—о поступленіи выкупныхъ платежей въ отчетномъ году (сгруппированныхъ по уѣздамъ),—разсматриваемое изданіе заключаетъ рядъ таблицъ (погубернскихъ итоговъ) основного, такъ сказать, характера, и въ силу этого обстоятельства оно служитъ источникомъ весьма важныхъ матеріаловъ по крестьянскому вопросу. Изъ этого изданія мы почерпаемъ, напр., свѣдѣнія о количествѣ земли, выкупаемой крестьянами на основаніи всѣхъ законоположеній по данному предмету (имперскіе итоги для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, къ сожалѣнію, не расчленены соотвѣтственно этимъ законоположеніямъ), о землѣ, выкупленной особыми взносами, о выкупной ссудѣ и окладѣ выкупныхъ платежей; о выкупной ссудѣ, сложенной за досрочными погашеніями, пониженіями платежей въ силу Высочайшихъ манифестовъ и т. п., объ отсроченныхъ и разсроченныхъ платежахъ, и, наконецъ, разсчеты того, сколько падаетъ на десятину земли въ каждой губерніи и по каждому разряду крестьянъ выкупного долга (первоначальнаго и окладного) и выкупного платежа.

Согласно этимъ свѣдѣніямъ, къ 1 января 1902 г., у всѣхъ разрядовъ крестьянъ Европейской Россіи, выкупающихъ свои земли, по выкупнымъ документамъ, значилось 103 милл. десятинъ земли, въ томъ числѣ выкупленной особыми взносами 1¼ милл. десятинъ. Первоначальный долгъ крестьянъ казнѣ за эту землю исчисленъ въ два милліарда рублей; въ настоящее время, вслѣдствіе погашенія его особыми взносами (соотвѣтствующими капиталу въ 33 милл. руб.), пониженія въ 80-хъ годахъ выкупныхъ платежей (соотвѣтствующаго капиталу въ 185 милл. руб.) и произведенныхъ отсрочекъ, выкупной долгъ крестьянъ понизился до 1.674 милл. руб. Первоначальный выкупной платежъ (кромѣ пермской и астраханской губ.) исчисленъ былъ въ 107 милл. руб.; вслѣдствіе досрочныхъ погашеній и сложеній по Высочайшимъ манифестамъ онъ уменьшился до 94 милл. руб., а вслѣдствіе пересрочки, отсрочки послѣднихъ сложеній долга, до 89 милл. руб.

Первоначальный выкупной долгъ падалъ на десятину въ размѣрѣ 20 руб. 14 коп.; въ настоящее время, вслѣдствіе пониженія и отсрочекъ, онъ уменьшился до 17 руб. 6 коп. Годовой окладъ на десятину съ 1 руб. 11 коп. понизился до 93 коп. Эти среднія цифры представляютъ, однако, большія колебанія по губерніямъ. Въ олонецкой губ., напримѣръ, выкупной долгъ составляетъ менѣе 2 руб., а выкупной платежъ —9 к. на десятину; а у государственныхъ крестьянъ орловской губ. на десятину падаетъ 78 руб. долга и 3 руб. 96 коп. ежегоднаго платежа.

Мы привыкли слышать о крупныхъ недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ; въ разсматриваемомъ же изданіи таковыя показаны всего въ $11^{1}/_{2}$ милл. руб. Это почти полное исчезновеніе недоимокъ обязано, однако, не уплатѣ ихъ крестьянами, а тому обстоятельству, что по законамъ 1896 и 1899 гг. произведена была пересрочка и отсрочка обременительныхъ для крестьянъ платежей. Къ 1902 г. пересрочено и отсрочено окладовъ на сумму 110 милл. руб. Это собственно и составляетъ недоимку по выкупнымъ платежамъ.

VII.

— Проф. И. Х. Озеровъ. Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. Сборникъ статей. Выпускъ II. Москва, 1904 г. Ц. 1 руб. 75 коп.

Книга г. Озерова составлена изъ статей, помѣщенныхъ въ нашихъ журналахъ—преимущественно „Русской Мысли" и „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи". Выпускъ отдѣльнымъ изданіемъ журнальныхъ статей составляетъ у насъ довольно распространенное явленіе, но— если не говорить объ особенно популярныхъ писателяхъ—отдѣльно издаются у насъ преимущественно статьи, составляющія цѣльное произведеніе. По причинѣ слабаго спроса на книгу, многія цѣнныя изслѣдованія только потому и могли явиться у насъ въ свѣтъ, что трудъ авторовъ былъ предварительно оплаченъ помѣщеніемъ ихъ въ журналахъ. Журнальныя статьи проф. Озерова не составляютъ цѣльнаго изслѣдованія, а написаны на разныя темы. Отдѣльное изданіе этихъ статей, тѣмъ не менѣе, находитъ объясненіе уже въ томъ, что, будучи близко знакомъ съ иностранной экономической литературой, авторъ имѣетъ сообщить читателю много интереснаго и поучительнаго. Спеціальность И. Х. Озерова—сфера финансовъ—открываетъ ему, между прочимъ, возможность быть полезнымъ русскому читателю статьями о явленіяхъ теоріи и практики финансовъ западно-европейскихъ государствъ—предмета, мало, вообще говоря, останавливающаго на себѣ

вниманіе нашихъ журналовъ, между тѣмъ какъ отсталость системы нашего обложенія давно поставила на очередь вопросъ о радикальномъ ея измѣненіи, образцомъ котораго въ большей или меньшей степени будутъ, конечно, служить болѣе совершенныя финансовыя системы другихъ цивилизованныхъ государствъ. Статьи по иностраннымъ финансамъ, занимающія около третьей части книги, составляютъ наиболѣе интересную часть изданія г. Озерова. Въ этихъ статьяхъ авторъ разсматриваетъ организацію подоходнаго обложенія въ Англіи, прусскую податную реформу 1893 г. и современныя теченія въ сферѣ прямого обложенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь же имѣется и мало обоснованная статья „О развитіи финансоваго хозяйства въ XIX в.", спеціально посвященная излюбленной идеѣ автора о зависимости измѣненія въ области обложенія отъ распредѣленія и перераспредѣленія общественно-политическихъ силъ.

Другой рядъ статей посвященъ винной монополіи въ Швейцаріи и, особенно, въ Россіи, причемъ авторъ особенно останавливается на вопросѣ о борьбѣ съ алкоголизмомъ. Въ противность, кажется, большей части писателей о русской монополіи, г. Озеровъ сочувственно относится къ этому учрежденію, но находитъ, что для успѣшной борьбы съ алкоголизмомъ—помимо ослабленія многочисленныхъ преградъ культурному воздѣйствію на простой народъ—необходимо еще, чтобы наше финансовое вѣдомство не ограничивалось тѣми денежными крохами, которыя оно отпускаетъ попечительствамъ о народной трезвости; по примѣру Швейцаріи, на этотъ предметъ слѣдовало бы отчислять 10% чистаго дохода отъ винной монополіи, что̀ составитъ 30—40 милл. руб. въ годъ.

Помимо указанныхъ статей, можно еще назвать интересныя статьи о муниципальныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ въ англійскихъ городахъ, объ универсальныхъ магазинахъ и относительно системъ обложенія въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Остальныя статьи сборника могли бы и не появляться въ отдѣльномъ изданіи. Три статьи, напр., о всеподданнѣйшихъ докладахъ министра финансовъ за 1901—1903 гг. принадлежатъ къ числу обыкновенныхъ отзывовъ періодической печати на явленія текущей жизни и, представляя интересъ въ моментъ происхожденія этихъ явленій, не настолько обработаны, чтобы претендовать на вниманіе читателя сами по себѣ.

Въ сборникѣ г. Озерова имѣется, между прочимъ, статья, представляющая сводъ отвѣтовъ московскихъ рабочихъ механическаго производства на вопросы о томъ, какъ проводятъ они праздники и кануны праздничныхъ дней, почему проводятъ они ихъ такъ, а не иначе, и какъ желали бы они проводить праздничное время. Въ 40 отвѣтахъ на 14 поставленныхъ имъ вопросовъ находятся прежде

всего жалобы на продолжительность рабочаго дня. „По окончаніи работъ свободнаго времени у насъ такъ мало, что его хватаетъ только на то, чтобы сходить въ баню и послѣ нея исполнить свои житейскія потребности“—это обычное начало отвѣтовъ. „Не работая въ праздники и кончая ранѣе въ будни, рабочій могъ бы удѣлить время для развитія своихъ умственныхъ способностей, и въ этомъ отношеніи онъ не отсталъ бы отъ своихъ товарищей на Западѣ и съумѣлъ бы провести свое свободное время“, поясняетъ одинъ рабочій: „Представьте себѣ 11-ти-часовой день въ большинствѣ случаевъ тяжелой и грязной и вредной чѣмъ-либо работы. Я не знаю, какой сильный и здоровый человѣкъ останется послѣ сего дня не измученнымъ физически и умственно и годнымъ на что-нибудь, кромѣ какъ спать и запасаться силой на будущій такой же день“, сообщаетъ другой. На вопросъ о жилищныхъ условіяхъ рабочіе дали крайне мрачные отзывы. „Рабочій цѣлый день на работѣ, приходитъ домой—его окружаетъ нищета, сырыя стѣны, и эти стѣны поѣдаютъ дороговизной все его состояніе—только и живи, что въ квартиру и харчи. Бьется, бьется, да и выпьетъ съ горя“. „Въ лѣтнее время рабочій, утомленный дневнымъ трудомъ, тщетно ищетъ ночью успокоенія и отдыха... Его осаждаютъ цѣлые легіоны насѣкомыхъ, которыя огнемъ жгутъ его измученное тѣло, ни на минуту не давая забыться сладкими грезами; подъ утро уже несчастный забывается, но тутъ на него налетаетъ цѣлый рой мухъ, которыя своей назойливостью прогоняютъ послѣдній остатокъ сна. Воздухъ въ большинствѣ случаевъ испорченъ испареніями отъ ретирада и другихъ источниковъ зловонія, отъ которыхъ въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ зеленѣетъ мѣдная посуда. Зимою квартиры рабочихъ напоминаютъ сѣверный полюсъ“. „Въ квартирѣ за 17 руб. надо сидѣть въ шубѣ; посмотришь въ уголъ—тамъ сосульки наросли; а на стѣны взглянешь—тамъ грибы наросли“. „Скоро ли настанетъ время, когда рабочій будетъ жить почеловѣчески?“

Плохо въ квартирахъ; но мало чѣмъ лучше и въ другихъ помѣщеніяхъ, гдѣ бы рабочій могъ провести свободные часы. „Чайныя у насъ очень грязныя и насъ не удовлетворяютъ; желательно, чтобы при чайныхъ были всѣ журналы и газеты, а также словари иностранныхъ словъ“. „Въ виду неимѣнія въ Москвѣ чистыхъ чаенъ, мы бываемъ вынуждены идти, хотя и въ болѣе чистый, но все-же грязный трактиръ, чтобы побесѣдовать и обсудить какія-либо дѣла. Приходя въ трактиръ, мы вовсе не имѣемъ въ виду напиться, но за чаемъ сидѣть намъ долго не даютъ, и мы вынуждены покупать водку при всемъ нежеланіи ее пить“. „Я представляю себѣ такую чайную, куда мнѣ не стыдно было бы привести жену и дѣтей... Тамъ я встрѣчу товарищей, съ которыми можно поговорить, сыграть въ кегли и другія

упражненія, а жена встрѣтитъ тамъ подругъ, у которыхъ тоже найдутся и разговоры, и развлеченія; и для дѣтей были бы игры, карусель, гимнастическія упражненія". Мало доступны рабочимъ театры и библіотеки. „Если не больше, то ²/з изъ насъ театровъ не посѣщаютъ. Кромѣ поздняго окончанія спектаклей и дальности разстоянія, посѣщеніе послѣднихъ является рѣдкимъ за недоступностью мѣста. Дешевыхъ мѣстъ мало, и тѣ разбираются досужими людьми". Существующія библіотеки мало посѣщаются вслѣдствіе дальности расположенія: „Картинныя галереи и музеи плохо посѣщаются, потому что мы мало понимаемъ. Еслибы человѣкъ былъ съ нами свѣдущій и могъ бы растолковать, тогда бы эти посѣщенія были очень полезны для насъ". „Однажды я былъ въ историческомъ музеѣ подъ руководствомъ учителя воскресной школы; лучшаго пожелать нельзя; еслибы я одинъ ходилъ и 10 разъ, и то того бы не узналъ, что̀ съ руководителемъ въ одинъ разъ". „Хорошо, еслибы можно было устроить библіотеку для самообразованія, чтобы по желаемому предмету давали указанія, гдѣ и что̀ читать, и послѣ чтенія дѣлали бы вопросы устно и письменно". Читаютъ рабочіе „Русск. Листокъ", „Русск. Слово", нѣкоторые—„Курьеръ", „Русск. Вѣдомости", „Журналъ для всѣхъ". Они жалуются, что въ пивныхъ нѣтъ теперь „Русск. Вѣдомостей" и „Курьера". Одинъ рабочій—подписчикъ „Русск. Вѣдомостей"—хвалитъ газету за ширину взглядовъ, отсутствіе узкаго патріотизма и хорошо написанныя статьи. Другой хвалитъ „Курьеръ" за то, что онъ указываетъ общественные недостатки и средства ихъ исправленія.

Таковы пожеланія московскихъ рабочихъ относительно условій ихъ быта и праздничнаго времяпрепровожденія. Думаемъ, что десятипроцентному отчисленію отъ дохода винной монополіи нашлось бы вполнѣ производительное употребленіе по исправленію недостатковъ, указанныхъ въ цитированныхъ сообщеніяхъ.—В. В.

Въ августѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Балталонъ, Ц. — Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Изд. 5-е, дополн. М. 904. Стр. 201. Ц. 70 к.

Браунсъ, д-ръ Р. Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсторожденія и значеніе ихъ для промышленности. Драгоцѣнные камни. Перев. съ нѣм. В. Н. Лемана, съ дополненіями относительно Россіи А. П. Не-

чаева и П. П. Сущинскаго. Подъ редакц. заслуженнаго проф. Спб. унив. д-ра А. А. Иностранцева. Со многими политипажами въ текстѣ, 75 табл. въ краскахъ и 18 фототипіями. Спб. 1904. Изданіе А. Ф. Девріена. Подп. цѣна въ 10 выпускахъ 25 руб.

Вермишевъ, X. А.—Матеріалы для исторіи грузино-армянскихъ отношеній. Отвѣтъ на книжку кн. И. Чавчавадзе: „Армянскіе ученые и вопіющіе камни". Спб. 904. Стр. 223. Ц. 1 р.

Гельдъ, Г.—Помпея. Рѣчь, читанная на актѣ въ Ревельской Александр. гимназіи. Ревель. 904. Стр. 28, in 16°. Ц. 15 к.

——— Памятники древней скульптуры въ музеяхъ Рима и Флоренціи. Ревель. 904. Стр. 31, in 16°. Ц. 15 к.

Герцль, Теодоръ.—Обновленная земля. Романъ. Перев. А. Даманской. Изд. ред. „Образованія". Спб. 904. Стр. 268. Ц. 1 р.

Гессе-Вартегъ, Эрнестъ фонъ. Японія и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японіи. Перев. съ 2-го нѣм. изд. М. А. Шрейдеръ, подъ ред. и съ прим. Д. И. Шрейдера. Съ 28 отд. гравюрами, 106 рис. и картой Японской имперіи. 2-е изд. Стр. 322. Спб. 904. Изд. А. Ф. Девріена.

Гуляевъ, А. М., проф. — Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ. Кіевъ. 904. (Оттискъ изъ „Кіевлянина" за 1904 г.). Стр. 274. Ц. 1 р. 50 к.

Даммеръ, О.—Доступные опыты по химіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ дополненіями А. П. Нечаева. Съ 122 рисунками. (Образовательная библіотека, Серія VI, № 1—2). Спб. 904. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 250. Ц. 1 р.

Кашкадамовъ, В. А. Основы и будущее біологической очистки стоковъ. (Отд. оттискъ изъ „Сборника работъ, посвященныхъ С. М. Лукьянову по случаю 25-лѣтія его научной дѣятельности). Спб. 904. Стр. 9. Ц. 2 р. 75 к.

Крымскій, А. Е.—Филологія и Погодинская гипотеза. Даетъ ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ? I—IV. Стр. 113. (Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"). Кіевъ. 904.

Максимовъ, А. Г.—Журналы И. И. Мартынова: „Сѣв. Вѣстникъ" 1804—1805 гг. и „Лицей" 1806 года. Историко-библіогр. изслѣдованіе. (Оттискъ изъ „Литер. Вѣстника"). Спб. 904. Стр. 23. Ц. 30 к.

Мечниковъ, И. И.—Этюды о природѣ человѣка. Съ портретомъ автора и 20 рисунками. Изд. ред. журн. „Научное Слово". М. 904. Стр. 218. Ц. 2 р. 50 к.

Паульсенъ, Фр., проф. Берлинскаго унив.—Германскіе университеты. Пер. съ нѣм. Г. Гроссмана. Спб. 904. Стр. 413. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, М. Н., проф. — Изъ всемірной исторіи. Съ портретомъ автора, факсимиле и 12 рисунками. Изд. 4-е. Спб. 904. Стр. 508. Ц. 2 р. 25 к.

Рафаловичъ, Алексѣй. — Промышленные синдикаты за границей и въ Россіи. Ихъ экономич. и соціальное значеніе. Спб. 904. Стр. 67. Ц. 1 р.

Снегиревъ, Л. Ѳ.—Дѣло харьковскихъ банковъ. М. 904. Стр. VII+387.

Стоюнинъ, В. Я.—О преподаваніи русской литературы. 6-ое изд. Спб. 904. Стр. 469+IV. Ц. 1 р. 75 к.

Уоллесъ, Альфредъ Р. — Мѣсто человѣка во вселенной. Перев. съ англ. Л. Лакіера. Спб. 904. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.

Эллисъ.—Иммортели. Вып. I. Ш. Бодлэръ. Стр. 133+III. Вып. II. Верлэнъ, Роденбахъ, Метерлинкъ и др. иностр. поэты. Стр. 162. Съ двумя портретами. Ц. 1 р. 50 к.

Якшевичъ, В. С.—Плоды разврата. Спб. 904. Стр. 22. Ц. 30 к.

—— Гваяцетинъ. Средство противъ болѣзней легкихъ, легочнаго катарра, инфильтрація верхушки легкаго и развивающейся бугорчатки. Спб. 903. Стр. 29. Ц. 40 к.

— Врачебная хроника Харьковской губерніи. 1904 годъ. Годъ восьмой. Изд. Харьковской губернской земской управы. Харьковъ. 904. Стр. 319—380 и 129—168.

— Врачебно-санитарный листокъ симбирской губ. (прилож. къ „Вѣстнику симбирскаго земства"). Годъ IX. №№ 13—14. Симбирскъ. 904. Стр. 209—250. Съ двумя отдѣльными приложеніями (стр. 68 и 20).

— Докучаевъ. Сборникъ статей о жизни и трудахъ В. В. Докучаева (статья г.г. П. Отоцкаго, А. Ферхмина, Н. Богословскаго, А. Ярилова, А. Павлова, Г. Морозова, Г. Танфильева, И. Мещерскаго и Н. Криштофовича). Изд. журн. „Почвовѣдѣніе". Съ портретомъ. Спб. 904. Стр. 123. Ц. 1 р. 50 к.

— Журналы засѣданій черниговскаго губ. земскаго собранія 39-й очередной сессіи 1903 г. (26 ноября—10 дек.). Черниговъ. 904. Стр. V+22+38+502.

— Каталогъ газетъ и журналовъ на 1904 г. Изд. конторы объявленій „Герольдъ". Спб. 904. Стр. XI+98—35.

— Книга для чтенія по русской исторіи, составл. при участіи профессоровъ и преподавателей, подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. М. 904. Стр. VII+638. Съ картой. Ц. 3 р.

— На вічну память Котляревському. Литературный сборникъ на украинскомъ языкѣ. Книгоиздательство „Викъ". Съ портретомъ, иллюстраціями и рисунками. Кіевъ. 904. Стр. 510+X. Ц. 3 р. 50 к.

— Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имуществъ за десятый годъ его существованія (30 марта 1903 г.—30 марта 1904 г.). Спб. 904. Стр. XV+343+4.

— Обзоръ податного состоянія Курской губ. за 1901—1902 годы. Составл. по отчетамъ податныхъ инспекторовъ. Курскъ. 904. Стр. V+146. Съ таблицами.

— Отчетъ госуд. дворянскаго земельнаго банка за 1902 г. Спб. 904. Стр. VII+100+65+203+45.

— Отчетъ госуд. дворянскаго земельнаго банка по ликвидаціи саратовско-симбирскаго земельнаго банка за 1902 годъ. Спб. 904. Стр. IV+21.

— Отчетъ крестьянскаго позем. банка за 1902 годъ. Спб. 904. Стр. VI+94+6+505.

— Отчетъ Особаго отдѣла госуд. дворянскаго земельнаго банка за 1902 г. Спб. 903. Стр. IV+77.

— Очеркъ дѣятельности мышкинскаго земства по народному образованію. 1865—1900 г.г. Сост. К. Е. Ливановъ. Изд. Яросл. губ. земства. Ярославль. 904. Стр. 117.

— Сборникъ матеріаловъ объ экономич. положеніи евреевъ въ Россіи. Изд. еврейскаго колонизаціоннаго общества. Т. I. Стр. XLVI+410. Т. II. Стр. 390. Съ прилож. картъ, таблицъ и діаграммъ. Спб. 904. Ц. за оба тома 6 р.

— Сборник стихотвореній и отрывков прозы из всемірной литературы. „Человѣческая трагикомедія". В трех частях. Часть третья. Составил дом. учит. М. С. Ломшаков. Спб. 904. Стр. 294+IV+15. Ц. 1 р.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 годъ. Спб. 904. Стр. XXVIII+200.

— Сводъ статистич. данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности. Изд.

редакціи „Вѣстника Финансовъ". Вып. I. Январь 1904 г. Спб. 904. Стр. 23. Цѣна 1 руб. in f°.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1903 годъ. Съ прилож. таблицы фрахтовъ и страховыхъ премій на хлѣбные грузы. (Матеріалы для торгово-промышленной статистики). Изд. мин. финансовъ. Спб. 904. 4°. Стр. VII+93.

— Статистика по казенной продажѣ питей. 1902 г. Вып. III. Изд. Главнаго управл. неокладныхъ сборовъ и каз. продажи питей, по статистич. отдѣленію. Спб. 904. Стр. IV+93+231.

— Текущая сельско-хозяйственная статистика Олонецкой губ. Вып. VIII. Сельско-хозяйственный обзоръ за 1903 г. Петрозаводскъ, 904. Изд. статистич. бюро Олонецкаго губ. земства. Стр. 60+208+105.

— Третій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. 1903 — 1904. (Имп. русское техническое общество). Секція IV. Коммерческое образованіе. Изд. подъ ред. предсѣд. секціи А. Н. Глаголева. М. 904. Ч. I. Стр. IX+445. Ч. II. Стр. 449—763 и приложенія.

— Тридцать-девятое очередное Нижегородское уѣздное земское собраніе (29 сент.—7 окт. 1903 г.) и экстренныя земскія собранія (7 мая 1903 г. и 17 марта 1904 г.). Журналы, доклады и отчеты. Нижній-Новгородъ. 904. Стр. XLI+365+133+21+19+14+60+170+54+35+29.

— Труды съѣзда судоходныхъ дѣятелей, созваннаго въ г. Н.-Новгородѣ Имп. Обществомъ судоходства 8—15 декабря 1903 г. Спб. 904. Стр. VIII+168+454. Съ таблицами. Изд. Имп. Общества судоходства.

— 1903 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб. 904. Стр. VIII+319.

— Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ. Т. III. Ч. I. (Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи). Подъ руков. нач. штаба Кавк. военнаго округа ген.-лейт. Н. Н. Бѣлявскаго. Составленъ въ военно-историч. отдѣлѣ подъ ред. ген.-маіора Потто. Тифлисъ. 904. Стр. XI+527+XLIII, in 4°. Съ портретами, рисунками и картами.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСПАНСКІЕ РОМАНИСТЫ.

В. Бляско Иваньесъ.

I.

Болѣе другихъ романскихъ странъ Испанія сохранила въ проявленіяхъ національной жизни яркія черты провинціальной обособленности. Политическое единство Испаніи, за исключеніемъ Каталоніи, нигдѣ не нарушается, но Мадридъ не составляетъ сердца страны. Провинція сохранила въ Испаніи нетронутыми характерныя черты быта древности, этнографическія особенности, а интеллектуальная жизнь въ ней во многихъ отношеніяхъ не уступаетъ столичной. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ изящной словесности и искусства провинція положительно превосходитъ Мадридъ. Можно назвать рядъ громкихъ въ литературѣ и искусствѣ именъ, которыя обязаны и матеріалами своихъ наблюденій, и своей извѣстностью—жизни въ провинціи, и которыя воплощаютъ типичныя особенности душевнаго склада жителей своей родины. Достаточно упомянуть имя Переды (Кантабрія) и Ибаньеса (Валенсія).

Этотъ подъемъ испанской провинціи въ наше время не можетъ насъ удивлять. Единство Испаніи ограничивается религіозной и политической сферами. Особенности нравовъ, быта, вѣрованій, привычекъ настолько сохранились въ неприкосновенности въ странахъ, вошедшихъ въ составъ испанской монархіи, что дѣлаютъ невозможнымъ даже въ отдаленномъ будущемъ сліяніе въ одну массу жителей Астуріи, Леона, Кастиліи, Андалузіи, Гвипускоа и др. Языкъ и народная пѣсня до сихъ поръ сохранили въ отдѣльныхъ провинціяхъ Испаніи свою непосредственную свѣжесть. Равнымъ образомъ въ характерѣ жителей составныхъ частей испанскаго королевства вы найдете много архаичныхъ чертъ и рѣзкія, отличающіяся другъ отъ друга особенности народной психологіи. Неудивительно, что испанская провинціальная жизнь составила благодарную почву для образованія и роста крупныхъ литературныхъ талантовъ, въ родѣ Переды и Бляско Ибаньеса.

Чтобы сдѣлать понятнымъ положеніе испанскаго романа въ моментъ появленія на литературной аренѣ послѣдняго романиста, и наглядными особенности его дарованія, необходимо, хотя въ немногихъ словахъ, познакомиться съ тремя наиболѣе крупными талантами въ

области беллетристики, до самаго послѣдняго времени показателями національнаго самосознанія въ области романа и бывшими учителями и наставниками младшаго поколѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ трехъ наиболѣе яркихъ направленій романа: психологическаго, соціальнаго и историческаго и провинціальнаго, по преимуществу народнаго. Представителемъ перваго слѣдуетъ считать Хуана *Валеру*, второго—*Переса Гальдоса* и третьяго—*Переду*. Съ ихъ дѣятельностью мы познакомимся прежде чѣмъ приступить къ нашему молодому современнику, Бляско Ибаньесу.

Дипломатъ, поэтъ, литературный критикъ и романистъ, Хуанъ Валера и въ настоящее время продолжаетъ обогащать испанскую литературу плодами своего замѣчательнаго таланта. Солидность образованія, философскій элементъ, которымъ проникнуты почти всѣ произведенія Хуана Валеры, его начитанность и разносторонность—все это даетъ намъ нѣкоторое право сопоставить этого испанскаго писателя съ Гёте, особенно имъ любимымъ. Оригинальность мысли и тонкость анализа проявляются въ критическихъ работахъ Валеры. Укажемъ для примѣра на статьи о „Донъ-Кихотѣ" и „Фаустѣ". Но эти и аналогичные опыты, предназначенные для избранной интеллигентной публики, не могутъ претендовать на видное мѣсто въ исторіи литературы, какъ проявленія самосознанія Испаніи за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій. На эту роль могутъ претендовать лишь его романы.

Вдумываясь въ характеръ и особенности этихъ романовъ, мы не можемъ подмѣтить въ нихъ рѣзкихъ фазисовъ развитія. Обстоятельства сложились для развитія таланта романиста довольно своеобразно. Валеру нельзя считать романистомъ, тѣсно связаннымъ со своимъ обществомъ и переживающимъ его радости и печали, раздѣляющимъ его умственные интересы, какъ Толстой или Достоевскій. Судьба довольно рано оторвала Валеру отъ родной почвы. Это не значитъ, что Валера не знаетъ или не понимаетъ своей среды. Это лишь значитъ, что его творчество утратило въ значительной степени конкретный характеръ, что фонъ его романовъ чуждъ той яркости мѣстнаго колорита, какъ, напр., у Переды и Переса Гальдоса, что чѣмъ дальше развивается талантъ Валеры, тѣмъ болѣе онъ спеціализируется въ *психологическомъ* романѣ. Въ этомъ—сила и слава Валеры: онъ не умѣетъ такъ тѣсно связать личность съ окружающимъ, какъ Переда, но зато онъ заглядываетъ такъ глубоко въ человѣческую душу, какъ рѣдкій изъ современныхъ романистовъ, оттѣняетъ въ ней общечеловѣческій элементъ и заставляетъ читателя интересоваться тонкимъ и умѣлымъ анализомъ. Валеру можно сопоставить съ Бурже, которато онъ превосходитъ художественностью изложенія и поэтичностью образовъ. Романы Валеры довольно многочисленны и разнообразны по с-

держанію. Начавъ съ психологіи любви (Пепита Хименесъ) и семейной драмы (Комендадоръ Мендоса), Валера не совсѣмъ удачно вступилъ на путь философскаго романа, стремясь къ подражанію Гёте („Фаусту") и пытаясь представить художественное обобщеніе психологіи молодого поколѣнія (Фаустины); неудовлетворенный этой попыткой, романистъ вновь обращается къ психологическому роману и даетъ намъ анализъ прекрасной женской души въ „Доньѣ Лусъ". Попытку провинціальнаго романа, но съ преобладаніемъ психологическаго элемента мы видимъ въ „Juanita la Larga" и „Pasarse por listo" (послѣдній—изъ мадридской жизни). Полнаго совершенства достигаетъ Валера въ прекрасной повѣсти „Genio y figura...", гдѣ изображена душа женщины, всю жизнь любящей и любимой, страдающей и неудовлетворенной въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ, вынужденной, послѣ крушенія всего на землѣ, покончить съ собой ядомъ [1]).

Второй маститый представитель современнаго испанскаго романа—Пересъ Гальдосъ.

Гальдосъ—писатель чрезвычайно плодовитый, почти не уступающій въ этомъ отношеніи Зола̀. Но гибкостью и разносторонностью дарованія Гальдосъ превосходитъ французскаго романиста. Его историческіе романы столь же хороши, какъ и соціальные. Позитивно-натуралистическая тенденція многихъ романовъ Гальдоса вредитъ ихъ художественности. Съ другой стороны, она же придаетъ его произведеніямъ жизненный интересъ. Гальдосъ старается уловить главнѣйшія теченія эволюціи мысли передовыхъ слоевъ своего общества и представить комбинацію, способствующую разрѣшенію сложныхъ проблемъ современной намъ жизни. Такіе романы въ свое время имѣли большой успѣхъ и значеніе и вызывали страстную полемику. Особенное движеніе и страстный обмѣнъ мнѣній вызвалъ романъ „Gloria", гдѣ католическому фанатизму противопоставляется іудейскій, и гдѣ рѣшеніе—жертва убѣжденіями одной стороны для другой—приводитъ лишь къ отрицательнымъ результатамъ. Другіе романы Гальдоса, менѣе яркіе и страстные, возбуждали, конечно, и менѣе пылкую полемику. Отчасти подражая Зола̀, отчасти руководствуясь собственными соображеніями, Гальдосъ въ серіи романовъ даетъ намъ „естественную" исторію семьи въ различные періоды политической жизни Испаніи. Но съ серіей „Ругонъ-Маккаровъ" эти романы могутъ быть сопоставляемы, но не сравниваемы; и талантъ Гальдоса существенно отличается отъ дарованія Зола̀, и матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло обоимъ романистамъ, представляетъ мало общаго. Талантъ

[1]) См. статью о Валерѣ въ моей книгѣ: „Наши современники". Спб. 1899. Послѣдній романъ Валеры „Mors amor" полонъ мистицизма.

Гальдоса по силѣ и яркости приближается къ Бальзаку, а испанское общество и въ настоящее время представляетъ рядъ такихъ оригинальныхъ разновидностей, которыя немыслимы во Франціи.

Историческіе романы Гальдоса („Національные эпизоды") представляютъ рядъ интересныхъ, неравнаго достоинства, эпизодическихъ описаній различныхъ періодовъ исторіи Испаніи новаго времени. Нѣкоторые персонажи безподобно обрисованы Гальдосомъ. Авторъ вездѣ стремится къ объективному и безпристрастному изложенію событій, пытается оттѣнить наиболѣе правдоподобные мотивы главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Громадная по объему и содержанію сумма беллетристическихъ произведеній Гальдоса, если исключить изъ обозрѣнія „Національные эпизоды", распадается на три періода или группы.

Первый періодъ и группа романовъ Гальдоса опредѣляются преобладаніемъ *идеализма* въ направленіи романовъ. Гальдосъ стремится къ проведенію и доказательству опредѣленнаго тезиса, имѣющаго почти всегда первостепенное соціальное или религіозное значеніе. Кромѣ „Gloria", въ этой серіи особенно замѣчательны „La Familia de Leoñ Roch" и „Doña Perfecta", а равно и глубоко въ психологическомъ отношеніи задуманные „Amigo Manso" и „Marianela".

Второй фазисъ дѣятельности Гальдоса, какъ романиста, начинается въ восьмидесятыхъ годахъ романомъ „La Desheredada" и достигаетъ высшей точки развитія въ „Fortunata y Jacinta"—одинъ изъ лучшихъ романовъ Гальдоса и нашего времени. Въ нихъ французскій натурализмъ нашелъ оригинальное и своеобразное примѣненіе. Во всякомъ случаѣ, физіологическіе процессы въ ихъ отношеніи къ психологическимъ привлекаютъ въ этомъ періодѣ бóльшее вниманіе романиста, нежели въ предыдущемъ. Большинство романовъ этой группы посвящено явленіямъ мадридской жизни, которую Гальдосъ наблюдалъ долго и внимательно. Эти романы окажутъ, безъ сомнѣнія, будущему соціальному историку Испаніи громадную услугу, такъ какъ заключаютъ весьма цѣнный матеріалъ быта и нравовъ, собранный добросовѣстно, умѣло и безпристрастно. Слѣдуетъ признать, что въ этой группѣ есть немало романовъ, страдающихъ накопленіемъ деталей и слабой обработкой цѣлаго. Лучшій романъ этой группы, какъ замѣчено выше, „Fortunata y Jacinta".

Послѣдній и лучшій періодъ своей литературной дѣятельности Гальдосъ переживаетъ въ настоящее время. Горизонтъ романиста значительно расширился. Онъ углубляетъ свои наблюденія и расширяетъ ихъ сферу. Мистицизмъ дѣлается ему понятнымъ. Онъ считается съ элементами міросозерцанія старой Испаніи, живучими и въ настоящее время въ душѣ испанца; онъ начинаетъ понимать св-

образныя красоты лучшихъ памятниковъ творчества Испаніи въ средніе вѣка и эпоху Возрожденія; онъ чувствуетъ красоту настоящаго и прошлаго и идетъ на встрѣчу высокимъ идеаламъ нашего времени, подчиняясь, незамѣтно для себя, вліянію Толстого и Ибсена. Гальдосъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Одно изъ новѣйшихъ его произведеній, драма „Электра", полно свѣжихъ мотивовъ и своеобразной красоты, не чуждой символизма. Выводя на сцену дѣвушку, полную жизни, которую среда противъ ея желанія толкаетъ въ монастырь, Гальдосъ задѣлъ больное мѣсто испанскаго общества и вызвалъ порывы энтузіазма и жестокаго порицанія по своему адресу. Въ пьесѣ „Дѣдушка" Гальдосъ даетъ намъ образецъ драмы-романа и прокладываетъ новые пути техники драмы.

Меньшею извѣстностью, нежели Валера и Гальдосъ, но не меньшими славой и уваженіемъ критики пользуется третій современный намъ писатель, принадлежащій къ одному поколѣнію съ Гальдосомъ—*Переда*. Въ его лицѣ мы имѣемъ талантливаго, если не геніальнаго, представителя областного романа, избравшаго ареной наблюденій и творчества небольшую приморскую и гористую область сѣверной Испаніи (Кантабрія).

Обозрѣвая литературную дѣятельность Переды, критикъ прежде всего обращаетъ вниманіе на цѣльность и прямолинейность не только міросозерцанія, но и художественнаго таланта писателя. Воспитанный въ средѣ религіозной, безусловно преданный монархическимъ карлистскимъ принципамъ, Переда представляетъ собою въ религіозномъ отношеніи убѣжденнаго католика, въ политическомъ—преданнаго послѣдователя донъ-Карлоса. Какъ художникъ, Переда прежде всего—поэтъ моря и родныхъ горъ.

Описанія природы у Переды—безподобны. Онъ съумѣлъ сжиться, слиться съ окружающимъ, притомъ не какъ философъ-пантеистъ, а какъ существо, сознающее свою солидарность и нераздѣльность съ природою-матерью. Медленно вырабатывались популярность и слава Переды. Въ началѣ его дѣятельности критика относилась пренебрежительно къ провинціальному писателю, стоявшему внѣ современныхъ теченій мысли и упорно воспроизводящему въ своихъ очеркахъ и разсказахъ красоты природы моря и горъ, сокровенные уголки души скромнаго горца и моряка своей родины. Но, разъ достигнувъ успѣха, Переда укрѣпилъ навсегда его за собою. Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ („Excenas Montanesas", „El Bucy suelto", „De tal polo, tal actilla" и „Don Gonzalo de Gonzalez") Переда проявляетъ всѣ яркія особенности своего таланта, но не достигаетъ еще высшей точки своего художественнаго развитія. Повидимому, онъ не вполнѣ еще понимаетъ самого себя. Романисту, напр., представляется заманчивымъ изображеніе мадридской жизни, круговъ общества, которые онъ

въ состояніи наблюдать поверхностно. Впадая нерѣдко въ тонъ односторонняго, сатирическаго изложенія, Переда являлся вполнѣ совершеннымъ лишь тогда, когда имѣлъ дѣло съ чувствами или пейзажами своей родины.

Къ счастью для себя и для отечественной литературы, Переда во-время остановился на этомъ опасномъ пути. Вернувшись изъ столицы на родину, онъ продолжалъ въ привычной обстановкѣ творить и развиваться. Море и горы — вотъ его вдохновители. Чтобы понять все совершенство Переды, какъ знатока морскихъ красотъ, необходимо прочесть его „Sotileza"; чтобы видѣть, какъ знаетъ онъ свои горы, необходимо прочитать „Peñas arriba". Просто, величественно-эпически описана у Переды природа; столь же эпически изображены типы горцевъ и моряковъ.

„La Puchera", „El sabor de la tierruca" — принадлежатъ къ столь же совершеннымъ, какъ вышеназванныя, произведеніямъ Переды. Онъ знаетъ свои горы и свое море такъ, какъ Гоголь знаетъ степь. Съ Гоголемъ и Сервантесомъ сближаютъ Переду объективный характеръ творчества, тонкая иронія, всюду разлитая, и глубокое знаніе человѣческой души. Но Переда равенъ Гоголю, какъ описатель природы, а Сервантесу — по цѣльности и уравновѣшенности міросозерцанія. Серьезная и глубокая иронія сближаетъ Переду съ авторами „Мертвыхъ Душъ" и „Донъ Кихота".

Таковыми представляются намъ непосредственные учителя и современники испанскаго романиста, котораго, судя по началу его дѣятельности, ожидаетъ блестящее будущее. Я говорю о Бляско Ибаньесѣ, съ произведеніями котораго мы познакомимся.

II.

Висенте Бляско Ибаньесъ — еще молодой писатель, уроженецъ Валенсіи, республиканскій депутатъ. Наши сужденія о немъ окажутся, по всему вѣроятію „предварительными", такъ какъ романистъ не прошелъ еще половины своей литературной карьеры. Тѣмъ не менѣе, талантъ Ибаньеса настолько ярко опредѣлился, что мы можемъ считаться съ нимъ какъ съ писателемъ, уже высказавшимъ свои задушевныя художественныя стремленія.

Минуя мелкіе разсказы и путевые очерки, мы остановимся на четырехъ крупныхъ романахъ, напечатанныхъ Ибаньесомъ за три послѣдніе года: „Entre Naranjos", „La Barraca", „Sonnica la Cortesana" и „La Catedral" (1900—1903) [1]. Эти романы раскрываютъ

---

[1] На русскій языкъ переведенъ „La Barraca" подъ заглавіемъ „Проклятый хуторъ" В. Кошевичъ („Образованіе", 1902).

намъ съ достаточной полнотой яркія особенности таланта Ибаньеса и свидѣтельствуютъ о его многосторонности и оригинальности. Познакомимся съ ними ближе.

„Entre Naranjos"—романъ бытовый и любовный, на фонѣ сельской жизни Валенсіи (провинція). Фабула романа состоитъ изъ двухъ, почти независимыхъ другъ отъ друга элементовъ. Но съ одной стороны исторія любви заурядного потомка вліятельнаго помѣщичьяго рода, стоявшаго во главѣ мѣстныхъ консерваторовъ, и прекрасной примадонны, много испытавшей, любившей и многократно любимой, случайно пріѣхавшей на родину; съ другой стороны — мы имѣемъ чрезвычайно живую и правдивую картину общественныхъ отношеній данной провинціи, мѣткую характеристику основныхъ типовъ и искусное изображеніе отношеній къ молодому человѣку его семьи и партіи. Такимъ образомъ Ибаньесъ могъ проявить себя съ двухъ сторонъ: какъ психологъ и какъ бытописатель; онъ оказался весьма сильнымъ въ обоихъ отношеніяхъ.

Характеръ молодой артистки задуманъ и проведенъ романистомъ съ большимъ совершенствомъ. Леонора весьма рано ступила на путь увлеченій. Отдаваясь нѣкоторымъ изъ нихъ беззавѣтно, испытавъ немало разочарованій, растративъ лучшія силы чувства, Леонора прибыла на родину, чтобы отдохнуть въ полномъ уединеніи. Случайныя встрѣчи съ молодымъ аристократомъ Рафаэлемъ, который унаслѣдовалъ отъ отца главенство надъ консервативной партіей, сначала вели за собою лишь невинный флёртъ, казавшійся крайне предосудительнымъ матери молодого человѣка и его партизанамъ. Но съ теченіемъ времени Рафаэль увлекся артисткой со всѣмъ пыломъ перваго юношескаго чувства, а въ Леонорѣ проснулась давно дремавшая страсть, такъ что красавица искренно полюбила—и едва ли не впервые—застѣнчиваго провинціала.

Медовый мѣсяцъ влюбленныхъ продолжался недолго. Нападки „общественнаго" мнѣнія заставили артистку покинуть родной уголъ; любовникъ послѣдовалъ за нею въ Валенсію, гдѣ она его ожидала. Отъѣздъ Рафаэля возбудилъ цѣлую бурю негодованія среди его приверженцевъ и отчаяніе матери. Вслѣдъ за нимъ отправился вѣрный другъ, слуга и соратникъ его отца, настигъ его въ Валенсіи и умѣло повліялъ на юношу, рисуя ему перспективу карьеры и долгъ семейныхъ преданій. Рафаэль послѣдовалъ его убѣжденіямъ и, простившись съ Леонорой пошлымъ письмомъ, вернулся на родину, гдѣ его ожидали сбереженія матери, богатая женитьба и перспектива политической карьеры. Но любовникамъ суждено было еще разъ встрѣтиться.

Прошло восемь лѣтъ. Рафаэль былъ депутатомъ, выдающимся

своимъ краснорѣчіемъ, однимъ изъ оплотовъ „партіи"; впереди его ждала высокая административная дѣятельность. Что касается до Леоноры, то она пожинала артистическіе лавры въ качествѣ исполнительницы заглавныхъ ролей оперъ Вагнера въ лучшихъ европейскихъ театрахъ. Проѣздомъ черезъ Мадридъ, артистка, узнавъ изъ газетъ, что въ парламентѣ будетъ въ этотъ день произносить рѣчь ея прежній любовникъ, отправилась послушать его. Рафаэлю пришлось отвѣчать республиканскому оратору, старому парламентскому бойцу, рѣзко осуждавшему непроизводительные и непосильные расходы на содержаніе двора и духовенства. Рѣчь была подкрѣплена убѣдительными цифрами. Рафаэль, представитель правительственной коммиссіи, приготовилъ длинную реплику. Въ ней ораторъ всячески пытался доказать, что католицизмъ спасаетъ Испанію отъ политическаго крушенія, что въ немъ—залогъ національнаго могущества, свободы и преуспѣянія; что только религія и монархія въ состояніи гарантировать чистоту нравственныхъ и семейныхъ началъ. Словомъ, это была одна изъ тѣхъ безсодержательныхъ, но патетическихъ рѣчей, которыя ежегодно произносятся въ стѣнахъ кортесовъ представителями консервативной партіи. Среди единомышленниковъ оратора рѣчь вызвала энтузіазмъ. При выходѣ изъ парламента, Рафаэль столкнулся съ Леонорой. Артистка предложила ему мѣсто въ своемъ экипажѣ. Воспоминанія прошлаго волной хлынули на депутата, и онъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ прежней, не потерявшей своей обаятельности, любовницѣ. Послышались оправданія и объясненія въ любви. Но молодая женщина осталась непреклонной. Равнодушно и насмѣшливо отнеслась она къ рѣчамъ Рафаэля; иронически подчеркнула она пошлость его поступковъ и мишуру дѣятельности и, глухая къ просьбамъ прежняго кумира, заявила ему, что для нихъ нѣтъ возврата, что между ними находится любовь, когда-то безжалостно имъ убитая. Покинутый Леонорой, Рафаэль впервые почувствовалъ горечь и пустоту своей жизни.

Такова фабула романа „Между апельсинами". Къ особеннымъ его достоинствамъ я отношу чрезвычайно тонкую характеристику двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Рядомъ съ лучезарнымъ силуэтомъ артистки, которой талантъ и красота придаютъ необыкновенное обаяніе, вы видите тусклый обликъ еще неопредѣлившагося юноши - провинціала, которому хватаетъ крыльевъ, чтобы подняться на минуту на высоту полета артистки, но нѣтъ силъ удержаться на этой высотѣ. Типичный буржуа, Рафаэль разъ въ жизни позналъ высокую чувственную любовь, и тѣмъ печальнѣе воспоминанія о ней среди однообразной и сѣрой будничной обстановки.

Характеристикой четы влюбленныхъ, столь мало имѣющихъ общаго между собою, не исчерпываются достоинства романа Ибаньеса. Его описанія быта, нравовъ, учрежденій небольшого и живописнаго уголка Испаніи правдивы и блестящи. Вы знакомитесь со всѣми общественными слоями въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, съ эксплоатаціей низшаго класса, съ ханжескимъ хищничествомъ высшаго сословія. Передъ вами проходитъ рядъ фигуръ, поражающихъ своей жизненностью, и рядъ картинъ природы, полныхъ блеска южнаго солнца, сіянія лунныхъ ночей, запаха цвѣтущихъ апельсиновъ, дыханія моря, прохлады весенняго вѣтра... Романистъ посвящаетъ своего читателя въ эти незнакомыя ему красоты такъ же легко и просто, какъ въ борьбу партій, парламентскія интриги и вѣчную слабость государственной организаціи даровитой и симпатичной націи.

„La Barraca“ во всѣхъ отношеніяхъ не уступаетъ „Entre Naranjos“. Этотъ романъ свидѣтельствуетъ о постоянномъ самосовершенствованіи Ибаньеса. Авторъ взялъ тему простую, но весьма благодарную. Онъ представилъ намъ картину упорной борьбы мужика-арендатора съ природою, владѣльцемъ, предразсудками и косностью окружающихъ. Онъ придалъ фабулѣ трагическій, почти стихійный характеръ. Сюжетъ „La Barraca“—весьма несложный. Доведенный скупымъ и жестокимъ владѣльцемъ до отчаянія, тихій и скромный арендаторъ дядя Барретъ убиваетъ изверга-помѣщика. Семья распадается и мало-помалу гибнетъ. Но послѣ ухода Баррета его участокъ приходитъ въ запустѣніе, такъ какъ надъ нимъ тяготѣетъ какое-то проклятіе, дѣлающее пребываніе на немъ невыносимымъ. Окрестные арендаторы молчаливо мстятъ скареднымъ владѣльцамъ, не допуская эксплоатаціи плодороднѣйшаго по природѣ участка.

Однако и на „проклятый хуторъ“ нашелся охотникъ. Крестьянинъ-неудачникъ, неоднократно мѣнявшій свои профессіи, Батисте, рѣшилъ попытать счастья на арендѣ заброшеннаго, но десять лѣтъ тому славившагося своимъ плодородіемъ участка. Не долго думая, онъ снялъ его у владѣльцевъ и потащился къ новому жилью съ убогимъ домашнимъ скарбомъ и многочисленной рабочей семьей. Прибытіемъ Батисте и начинается дѣйствіе романа.

Вся фабула въ сущности сводится къ борьбѣ упрямаго и настойчиваго труженика не только съ природой, но и съ окружающей средой. Природа вскорѣ вознаградила трудъ трезваго и трудолюбиваго бѣдняка, но среда оказалась неумолимой. Невѣжественнымъ крестьянамъ, сосѣдямъ Батисте, мирное пребываніе пришлой семьи казалось кощунственнымъ. На этомъ „проклятомъ“ участкѣ никто не долженъ жить и трудиться. Такова была философія сосѣдей Батисте. Общее непримиримое настроеніе поощрялъ и раздувалъ бездѣльникъ Пи-

менто, жившій трудами своей жены и проводившій вечера въ трактирѣ за игрой и виномъ. Авторитетъ Піменто былъ весьма великъ, и, сдѣлавшись съ перваго дня появленія Батисте его заклятымъ врагомъ, онъ сталъ преслѣдовать пришельца на всякомъ шагу съ упорствомъ и настойчивостью маніака.

Началась безпримѣрная травля одного человѣка всей деревней, носившая безсмысленный, почти стихійный характеръ. Бѣднаго труженика стали таскать по судамъ, надъ мальчиками его издѣвались въ школѣ, пока не доконали наиболѣе слабаго. Кормильца семьи, прекрасную лошадь, Пименто убилъ выстрѣломъ; пожаръ, зажженный другою преступной рукой, уничтожилъ остатки убогаго имущества. Долго терпѣвшій все Батисте, въ порывѣ ярости, отмстилъ Пименто, покончивъ однимъ ударомъ съ этимъ гнуснымъ человѣкомъ, оставшись нищимъ, съ семьей на рукахъ, съ сознаніемъ совершоннаго преступленія, исключительно потому, что считалъ трудъ позволительнымъ и законнымъ, вопреки суевѣрію, тяготѣвшему надъ прекраснымъ, но заброшеннымъ клочкомъ земли.

Простой сюжетъ несомнѣнно заимствованъ авторомъ изъ дѣйствительности. Но и всякая страница его книги говоритъ о всестороннихъ и глубокихъ его наблюденіяхъ. Несложная, но интересная жизнь деревни проходитъ передъ нашими глазами; разнообразные типичные представители сельскаго общества въ данной мѣстности дѣлаются намъ близкими и понятными. Дядя Барретъ, Пименто, Розаріо, Батисте и его семья, ветеранъ-пастухъ, донъ Сальвадоръ, судьи, великолѣпно обрисованный сельскій учитель—кажутся намъ старыми знакомыми. Безпощадной ироніей звучатъ сцены въ судѣ, гдѣ неграмотные судьи произносятъ безсмысленный приговоръ, и въ школѣ, гдѣ еле-грамотный учитель толкуетъ школьникамъ о своемъ высокомъ призваніи. Эпизодическихъ фигуръ весьма мало въ романѣ Ибаньеса, и всѣ онѣ обрисованы рѣзко и смѣло. Авторъ вездѣ хранитъ безпристрастіе художника, но излагаемый имъ ходъ событій, столь простой и обыденный, представляется вопіющимъ нарушеніемъ элементарныхъ принциповъ справедливости и нравственности. Въ ужасныхъ событіяхъ, слѣдующихъ другъ за другомъ съ быстротой и неожиданностью катастрофы, чувствуется власть слѣпого рока, тяготѣющаго надъ обездоленнымъ экономически народомъ, и суевѣрія, требующаго себѣ все новыхъ и новыхъ жертвъ.

Искусный художникъ въ описаніяхъ народныхъ типовъ и изображеніяхъ ихъ психологіи, Ибаньесъ является въ „La Barraca“ тонкимъ цѣнителемъ и знатокомъ природы. Онъ прекрасно наблюдаетъ окружающее и при посредствѣ немногихъ и несложныхъ пріемовъ стиля воспроизводитъ свои впечатлѣнія. Для примѣра приведу нѣсколько строкъ его описаній.

„Уэрта [1]) продолжала сіять и шумѣть, полная свѣта и шороховъ, сладко нѣжась въ лучахъ золотого утренняго солнца. Но вдали поднимались крики и жалобы; вѣсть передавалась въ смущенныхъ восклицаніяхъ изъ поля въ поле; трепетъ изумленія, тревоги, негодованія охватывалъ всю равнину, точно много лѣтъ тому назадъ, когда покажется, бывало, алжирская галера, несущаяся къ берегу за грузомъ бѣлаго мяса.

„Участокъ дяди Баррета или, говоря точнѣе, этого ненавистнаго дона Сальвадора и его проклятыхъ наслѣдниковъ, является жалкимъ и печальнымъ исключеніемъ въ плодородной, прекрасно обработанной „уэртѣ“, по краснымъ бороздамъ которой рядами зеленѣли овощи и деревца съ листвою прозрачною, отъ дѣйствія осени, точно карамель. Тутъ же почва стала твердою; изъ ея безплодныхъ нѣдръ вылѣзли всѣ чужеядныя растенія, всѣ сорныя травы, которыя Господь создалъ на муку земледѣльцу. Миніатюрный лѣсъ плевеловъ, перепутанныхъ, ужасныхъ, покрывалъ весь участокъ странными оттѣнками своей зелени, мѣстами испещренной таинственными и рѣдкими цвѣтами изъ тѣхъ, что ростутъ лишь среди развалинъ или на кладбищахъ. Въ этой глуши, ободренныя безопасностью, ютились и множились всевозможныя нечистыя твари, распространявшіяся потомъ по окрестнымъ полямъ: зеленыя ящерицы съ корявыми спинами, громадные жуки съ металлическимъ отливомъ подкрылій, пауки на короткихъ и мохнатыхъ лапахъ, ехидны, расползавшіяся вдоль каналовъ. Все это жило здѣсь, не привлекая ничьего вниманія, образуя какъ бы отдѣльное царство и пожирая другъ друга“.

Сравните еще описаніе первыхъ минутъ солнечнаго восхода.

„Необозримая равнина пробуждалась при блѣдноватыхъ лучахъ солнца, которое широкимъ, свѣтозарнымъ кругомъ выходило изъ моря. Послѣдніе изъ соловьевъ, своимъ пѣніемъ придававшихъ плѣнительность этой осенней ночи, теплой, точно весенней, прерывали свои заключительныя рулады, точно усиливающійся свѣтъ поражалъ ихъ на смерть своими стальными лучами. Воробьи стаями вылетали изъ-подъ соломенныхъ крышъ и вершины деревьевъ содрогались отъ первыхъ движеній этой воздушной дѣтворы, которая со всѣхъ сторонъ колебала листву, задѣвая ее крыльями“.

Въ романѣ Ибаньеса можно подыскать много столь же хорошихъ и даже лучшихъ мѣстъ, но и приведеннаго достаточно, чтобы получить представленіе объ описательной манерѣ художника. Обращаемся къ слѣдующему роману Ибаньеса, историческому по сюжету и исполненію: „Sonnica la cortesana“. Авторъ не сошелъ съ родной терри-

[1]) Плодородная и прекрасно воздѣланная равнина по берегамъ Туріи.

торіи и въ этомъ романѣ, и взялся за весьма благодарную и почти неисчерпанную тему: изображеніе трагической борьбы и гибели вѣрнаго союзника римлянъ—Сагунта, богатой колоніи, расположенной на мѣстѣ нынѣшняго Мурвіедро, городка неподалеку отъ Валенсіи. Сюжетъ требовалъ отъ романиста значительной исторической подготовки и художественнаго чутья. На нашъ взглядъ, Ибаньесъ прекрасно справился съ этой задачей. Поясняемъ это заключеніе.

Сагунтъ былъ, какъ извѣстно, колонизованъ греками, составлявшими самую богатую и вліятельную часть населенія. Изъ своей отдаленной родины греки принесли высокую культуру, художественный вкусъ, прекрасныхъ боговъ и ясное міросозерцаніе, стремящееся къ наслажденіямъ земнымъ счастьемъ. За оружіе греки брались неохотно, подъ вліяніемъ роковой необходимости. Рядомъ съ греческимъ населеніемъ въ Сагунтѣ было много кельтиберовъ—варваровъ, спустившихся съ родныхъ горъ въ погонѣ за наживой. Кромѣ того, въ этомъ приморскомъ портѣ было множество иностранцевъ, торговаго люда, отовсюду стекавшагося. Богатство и утонченность культуры сдѣлали сагунтинцевъ весьма изнѣженными и лишенными той суровой энергіи и предпріимчивости, которыя отличали римлянъ и карѳагенянъ съ Ганнибаломъ во главѣ. Такимъ образомъ, Ибаньесъ, взявшись за прекрасную, почти неиспользованную тему, которая могла быть сюжетомъ и исторической трагедіи, имѣлъ предъ собою тройную задачу: изображеніе греческаго общества въ Сагунтѣ и той части туземцевъ, которые успѣли въ той или иной степени грецизироваться; изображеніе быта и нравовъ первобытныхъ жителей страны, засѣвшихъ въ горахъ кельтиберовъ, и описаніе отношеній Сагунта къ Риму,—что̀ въ свою очередь вело за собой необходимость познакомиться съ міровой столицей, ея жителями и партіями въ разсматриваемый періодъ. Ганнибалъ и его дикое войско не представляли техническихъ затрудненій для романиста, такъ какъ укладывались въ любыя рамки описанія первобытнаго войска.

Чрезвычайно искусно задуманная и проведенная интрига романа облегчила автору надлежащее выполненіе сложной задачи. Связующей нитью является грекъ Актеонъ, красавецъ собою, одаренный эстетическимъ вкусомъ передовыхъ жителей своей родины. Актеонъ сближается и дѣлается любовникомъ богатѣйшей красавицы, греческой куртизанки Сонники, и благодаря ей получаетъ значительное вліяніе въ Сагунтѣ. Полюбивъ гостепріимный городъ, Актеонъ отправляется во главѣ посольства въ Римъ, требуя защиты изнемогающему отъ голода и оружія Ганнибала Сагунту. Получивъ уклончивый отвѣтъ, Актеонъ гибнетъ вмѣстѣ съ Сонникой и тысячами сагунтинцевъ, предпочевшихъ смерть рабству.

По нашему мнѣнію, Ибаньесъ обнаружилъ въ романѣ прекрасное знакомство съ ходомъ историческихъ событій, съ духомъ и особенностями спеціально греческой культуры, и оказался знатокомъ первобытной археологіи и соціологіи въ изображеніи быта горцевъ. Равнымъ образомъ, какъ истый художникъ, Ибаньесъ воспроизводитъ въ наиболѣе характерныхъ чертахъ міросозерцаніе древнихъ римлянъ, а описаніе „Вѣчнаго Города" свидѣтельствуетъ объ основательныхъ экскурсіяхъ автора въ область исторіи и археологіи. Всѣ симпатіи романиста лежатъ на сторонѣ греческаго міросозерцанія, культа красоты и наслажденій, свѣта и музыки, господства эроса. Рядомъ съ романомъ Актеона и Сонники, онъ выводитъ идиллію двухъ подростковъ, предающихся любовнымъ чувствамъ на лонѣ южной, ласкающей природы. Даже гибель этихъ эстетиковъ полна какой-то своеобразной красоты и величава въ своемъ сознательномъ мученичествѣ.

Я не могу упрекнуть Ибаньеса въ анахронизмахъ, почти неизбѣжныхъ въ историческихъ романахъ. Мнѣ думается, что чувство изящнаго, преобладающее въ психологіи выводимыхъ или дѣйствующихъ лицъ—вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что̀ намъ извѣстно о греческомъ мірѣ. Сгладивъ и приведя къ одному уровню выводимые имъ персонажи, Ибаньесъ оказался вполнѣ близкимъ къ исторіи. То же наблюденіе можно сдѣлать и относительно всѣхъ безъ исключенія лицъ, появляющихся въ романѣ. Особенно удачны, кромѣ вышеназванныхъ, характеристики Ганнибала, Катона и предводителя кельтиберовъ.

Романъ читается съ увлеченіемъ. Авторъ прекрасно изучилъ арену дѣйствія, и его описанія имѣютъ точность плановъ. Равнымъ образомъ, природа родного края прекрасно извѣстна Ибаньесу, а она осталась неизмѣнной со времени разрушенія Сагунта (219 г.) до настоящаго времени. „Sonnica la cortesana" заслуженно можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ историческихъ романовъ нашего времени, и переводъ его на русскій языкъ представляется весьма желательнымъ. Можетъ быть, не всѣ останутся довольны міросозерцаніемъ автора, воспроизводящимъ духъ древней прекрасной Греціи.

Въ послѣднемъ своемъ романѣ „La Catedral" Ибаньесъ заглянулъ въ совершенно новую для него область, притомъ такую, куда, сколько мнѣ извѣстно, еще не заглядывалъ ни одинъ романистъ. Ибаньесъ знакомитъ насъ съ жизнью толедскаго каѳедральнаго собора, „La Catedral", какъ его и теперь называютъ въ Толедо. Этотъ громадный соборъ, величайшій въ Испаніи и одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ, сыгралъ, какъ извѣстно, видную роль въ исторіи цивилизаціи Испаніи. Самъ соборъ имѣетъ свою длинную исторію, запечатлѣнную въ рядѣ произведеній искусства. Подъ сѣнью собора пріютился цѣлый мірокъ духовенства и прислужниковъ, живущій вполнѣ изолированно и никому

неизвѣстный. Съ этимъ своеобразнымъ обществомъ людей, въ его отношеніяхъ къ любопытнѣйшему памятнику испанскаго религіозно-художественнаго творчества, и знакомитъ насъ талантливый писатель.

Каѳедральная церковь въ Толедо должна быть признана однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ искусства. Впечатлѣніе, производимое внутреннимъ видомъ собора, какъ я могъ лично убѣдиться, побывавъ въ немъ въ одинъ изъ декабрьскихъ дней прошлаго года, не поддается описанію. Здѣсь—полная побѣда готическаго стиля, выдержаннаго, несмотря на столѣтія, въ теченіе которыхъ создавался соборъ, строго и послѣдовательно; присутствіе нѣкоторыхъ другихъ стилей (барокко, мавританскаго и др.) не налагаетъ сколько-нибудь рѣзкихъ чертъ на общій характеръ зданія. Лѣсъ колоннъ поддерживаетъ смѣло выведенные своды, освѣщаемые громадными, безподобно расписанными окнами. Двѣ часовни, посреди собора, сами по себѣ составляющія чудо искусства, умаляютъ величавость громаднаго собора. Онѣ не вяжутся съ цѣлымъ, и внутренность собора много выиграла бы, если бы ихъ не было. Въ церкви болѣе двадцати довольно большихъ часовенъ, но всѣ онѣ теряются въ громадномъ пространствѣ собора.

Для осмотра ризницы и сокровищницы выдаются особые билеты. Здѣсь вы найдете драгоцѣнности, которымъ можетъ позавидовать любой мильярдеръ. Драгоцѣнные камни и жемчугъ поражаютъ красотой и размѣрами. Издѣлія изъ золота и серебра (XV, XVI, XVII вѣковъ), носятъ печать лучшихъ преданій готики. Вамъ покажутъ чудеса рукодѣльнаго искусства, чудеса благочестиваго долготерпѣнія королевъ и инфантъ, собственноручно исполнявшихъ самыя затѣйливыя работы. Здѣсь вамъ покажутъ такія историческія реликвіи, какъ шатеръ католическихъ королей. Вездѣ золото, серебро, самоцвѣты, жемчугъ. Особое помѣщеніе отведено громадной коллекціи мощей.

Въ солнечный день, во время заката, внутренность собора представляетъ чрезвычайно эффектное зрѣлище. Лучи солнца проникаютъ черезъ громадныя расписныя стекла и наполняютъ храмъ разноцвѣтными сіяніями. Преломляясь и отражаясь на колоннахъ, позолотѣ, мозаикѣ и живописи, эти лучи даютъ необыкновенную игру тоновъ. Въ это время раздаются мощные звуки органа, теряющіеся подъ необъятными сводами собора. Вся поэзія южнаго католичества становится понятной въ этотъ моментъ. Таковы мои личныя воспоминанія о посѣщеніи собора. Мы не будемъ излагать длинной и интереснѣйшей исторіи толедскаго храма, не будемъ описывать сотни сокровищъ, здѣсь хранящихся. Этому назначенію удовлетворяютъ многочисленныя описанія этого каѳедральнаго собора на всѣхъ языкахъ. Мы лишь отмѣтимъ, что впервые всестороннее описаніе человѣческаго міра, ютящагося много столѣтій въ соборѣ, характеристика его историч-

ской роли, въ связи съ всесторонней ея критикой, было предложено Ибаньесомъ.

На этотъ разъ самъ авторъ говоритъ устами своего героя и высказываетъ свои задушевныя историческія и религіозныя вѣрованія. Ему пришла счастливая мысль ввести въ среду, архаичную по складу жизни, мыслей и убѣжденій, совершенно свѣжаго человѣка, выходца за много лѣтъ до разсказываемыхъ событій, изъ этой же среды, но овладѣвшаго, благодаря полной приключеній жизни и природной любознательности, послѣднимъ словомъ прогрессивныхъ идей западно-европейскаго общества. Анархистъ по имени, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ,—Габріэль Луна чуждъ всякихъ террористическихъ идей, признаетъ права собственности и относится съ глубокимъ уваженіемъ къ личности. Больной и разбитый прибылъ Габріэль въ родное гнѣздо, убогій, но обладающій большимъ запасомъ познаній. Соборъ, какъ и во дни юности, далъ ему гостепріимный пріютъ, а родной братъ, занимавшій наслѣдственное мѣсто, принялъ его съ горячею любовью. Теперь и соборъ, и его жители, и вся Испанія представляются Габріэлю въ иномъ освѣщеніи. Прекрасно знакомый съ исторіей своего отечества, много вдумывавшійся въ смыслъ историческихъ событій, Луна подвергаетъ все окружающее безстрастной, но суровой критикѣ. Съ фактами въ рукахъ, онъ разбиваетъ своихъ оппонентовъ. Между жителями собора, бѣдными ремесленниками, отъ него зависящими, Луна находитъ приверженцевъ, своеобразно усвоивающихъ его идеи и мало-по-малу преобразующихся въ опасныхъ анархистовъ. Благородный и честный Луна слишкомъ поздно сознаетъ свою ошибку. За отказъ участвовать въ ограбленіи церкви онъ поплатился жизнью.

Романистъ необыкновенно вѣрно и правдиво описываетъ соборъ и его исторію, отношенія того небольшого мірка, который въ теченіе вѣковъ ютится въ его стѣнахъ, выводитъ на сцену типичныхъ представителей духовенства, отъ архіепископа до пономаря, отмѣчая съ широкой и гуманной человѣчностью ихъ слабыя и сильныя стороны. Передъ очарованнымъ читателемъ раскрываетъ свои тайны этотъ своеобразный міръ, гдѣ прошлое переплелось съ настоящимъ.

Но авторъ является въ этомъ романѣ и философомъ. Онъ задумывается надъ причинами упадка своего отечества, видитъ его, главнымъ образомъ, въ преобладаніи клерикализма и касается умѣлой рукой и положенія католицизма Испаніи. Книга преисполнена чрезвычайно мѣткихъ историческихъ и философскихъ разсужденій, превосходныхъ описаній, и заключаетъ вереницу съ натуры списанныхъ представителей общества. Нѣкоторыя страницы поражаютъ своей глубиной и новизной; прочитайте, напр., разсужденія священника,

знатока музыки, о положеніи церковной музыки въ Испаніи; оказывается, что испанцы опередили во многихъ отношеніяхъ итальянцевъ, но не съумѣли сдѣлаться извѣстными Европѣ. Разсужденія Ибаньеса о роли католицизма въ Италіи, основаны на существенныхъ историческихъ данныхъ.

Я не распространяюсь о романѣ „La Catedral“, гдѣ всякая страница дѣлаетъ честь перу писателя, обаяніе котораго и значеніе для образованнаго читателя могутъ быть понятными лишь при посредствѣ хорошаго перевода. Романическая фабула, которую вводитъ Ибаньесъ, весьма оригинальна: Габріэль любитъ несчастную свою племянницу, извлеченную имъ изъ тины разврата. Бывшій анархистъ и публичная женщина любятъ другъ друга платонически, чистой и возвышенной любовью.

Сказанное мною объ Ибаньесѣ даетъ полное право считаться съ нимъ, какъ съ вполнѣ сформировавшимся художникомъ, образованнымъ и ученымъ. Въ послѣднемъ его романѣ, слишкомъ, можетъ быть, много разсужденій, но не слѣдуетъ забывать, что идеи, пропагандируемыя Ибаньесомъ, являются новыми для испанской публики: такой смѣлой и рѣшительной проповѣди прогресса она давно не читала въ романѣ. Ибаньесъ серьезно штудируетъ исторію: подъ его редакціей переведена „Исторія французской революціи“ Мишле; онъ прекрасно знакомъ съ современной музыкой, и напечаталъ замѣчательный о ней трактатъ. Его любимцемъ въ музыкѣ является Вагнеръ. Не задумываясь, мы признаемъ за литературной дѣятельностью Ибаньеса большое общественное и художественное значеніе и отводимъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ испанскихъ беллетристовъ.

Л. Шепелевичъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Paul Ernst. Henrik Ibsen. (Серія „Die Dichtung", изд. Paul Remer). Berlin, Schuster u. Löffler, 1904.

Небольшая книжка объ Ибсенѣ въ серіи литературныхъ монографій „Die Dichtung" написана талантливымъ молодымъ нѣмецкимъ критикомъ и беллетристомъ Паулемъ Эрнстомъ. Въ обширной литературѣ объ Ибсенѣ книжка Эрнста выдѣляется оригинальностью пониманія норвежскаго драматурга. Критикъ не останавливается на детальномъ изученіи каждой драмы въ отдѣльности, а пытается опредѣлить общую идею творчества Ибсена. Онъ ставитъ принципіальные вопросы о цѣляхъ и законахъ драмы, объясняя слабыя стороны Ибсеновскихъ драмъ отступленіемъ отъ нихъ. Но силу Ибсена, его высокое литературное значеніе онъ вполнѣ признаетъ, считая его прежде всего великимъ мастеромъ сцены, какъ бы гипнотизирующимъ художественностью и своеобразностью своей манеры—настолько, что иногда трудно понять ихъ внутренніе большіе недостатки.

Книга Эрнста имѣетъ въ значительной степени теоретическій характеръ. Нельзя согласиться со всѣми его принципіальными требованіями отъ драмы, но его мысли объ идеѣ и построеніи драмъ Ибсена приводятъ къ интереснымъ обобщеніямъ и даютъ оригинальное освѣщеніе творчеству норвежскаго драматурга. Поль Эрнстъ далеко не безусловный поклонникъ Ибсена. Онъ относится отрицательно къ идейной сторонѣ его драмъ и болѣе рѣзко нападаетъ на недостатки Ибсена, чѣмъ кто-либо изъ прежнихъ критиковъ. Но онъ оговаривается тѣмъ, что къ такому крупному художнику нужно примѣнять наиболѣе высокую мѣрку; кромѣ того онъ отдаетъ должное огромному таланту автора „Призраковъ" и „Искателей трона"—двухъ драмъ, которыя онъ считаетъ не только лучшими произведеніями Ибсена, но величайшими созданіями современной литературы. Точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о жизни Ибсена, также какъ исчерпывающихъ историко-литературныхъ данныхъ о немъ—нѣтъ въ книгѣ Эрнста. Но все это въ достаточной степени изучено и изложено въ многочисленныхъ книгахъ и статьяхъ объ Ибсенѣ, и критическій этюдъ Эрнста только выигрываетъ отъ сжатости изложенія фактовъ.

Рѣзко-критическое отношеніе Эрнста къ Ибсену чувствуется въ

классификаціи драмъ, которыя критикъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: національныя пьесы ранняго періода и позднѣйшія драмы, которыми Ибсенъ примыкаетъ къ общеевропейской литературѣ. Въ противоположность общепринятому мнѣнію Эрнстъ считаетъ драмы второй категоріи—наиболѣе прославленныя — гораздо менѣе значительными, чѣмъ первыя чисто національныя произведенія Ибсена. Критикъ доказываетъ эстетическую несостоятельность общественныхъ драмъ Ибсена, посвященныхъ вопросамъ, временно волнующимъ общество. Когда вопросы эти утратятъ свою „злободневность“ и замѣнятся иными, многія драмы Ибсена покажутся наивными, лишенными внутренняго трагизма. Въ нихъ отсутствуютъ вѣчные мотивы жизненнаго трагизма, и значеніе ихъ только временное. Отсюда Эрнстъ выводитъ свое основное сужденіе объ Ибсенѣ—очень строгое, но съ которымъ по существу нельзя не согласиться: по свойствамъ своего таланта, по своему темпераменту Ибсенъ призванъ писать трагедіи,—но сюжеты, которые онъ разработываетъ, противоположны духу трагедіи, и поэтому получается какое-то внутреннее противорѣчіе, подтачивающее въ корнѣ драматизмъ его пьесъ: столкновенія, опредѣляющія фабулу, кажутся мелкими, трагическіе герои близки къ комическому донъ-кихотству, ихъ страсть къ самоанализу и самобичеванію лишаетъ ихъ всякой активности, и трагедія ихъ жизни кажется придуманной, случайной, а не вытекающей съ полной необходимостью изъ столкновенія индивидуальной воли съ незыблемыми законами жизни,—какъ въ греческихъ трагедіяхъ или въ Шекспировскихъ драмахъ.

Объясняя этимъ органическую слабость драмъ Ибсена, Эрнстъ выясняетъ главнымъ образомъ анти-трагичность его сюжетовъ, противорѣчащихъ природной склонности норвежскаго драматурга къ трагической разработкѣ тэмъ. Разсужденія Эрнста имѣютъ такимъ образомъ, помимо оцѣнки Ибсена, чисто теоретическій интересъ. Ибсенъ,—говоритъ онъ,—создаетъ въ своихъ общественныхъ драмахъ обще-европейскіе типы безъ всякой національной окраски, и дѣйствіе его пьесъ можетъ быть перенесено въ Англію, Германію,—въ какую угодно страну западной Европы, потому что вопросы, которые онъ ставитъ, черпая ихъ изъ глубины своего сознанія, совпадаютъ съ жизненными вопросами всего современнаго культурнаго міра. Основа современной цивилизаціи заключается въ общественности, въ томъ, что человѣкъ прежде всего часть общаго организма, колесо въ машинѣ; ни одно колесо не можетъ двигаться само по себѣ, не сообразуясь съ надобностями и задачами цѣлаго, и самое важное въ общественномъ смыслѣ—не исполненіе внутренняго долга передъ собой, а отношеніе къ тому, что̀ связываетъ отдѣльнаго человѣка съ его функціей въ обществѣ. Такъ какъ художникъ, изучающій современную культурную

жизнь, имѣетъ передъ собой только людей, соединяющихъ индивидуальную психологію съ участіемъ въ общихъ интересахъ,—то драматическій элементъ современности выливается для него въ форму борьбы между индивидуальностью и обществомъ. Такова дѣйствительно основная тэма всѣхъ знаменитыхъ драмъ Ибсена,—и слабость ея Эрнстъ усматриваетъ въ томъ, что „борьба личности съ общественностью" не трагична, а скорѣе траги-комична: ополчаясь противъ общественности, человѣкъ, при современной демократической организаціи жизни, ополчается противъ того, что̀ составляетъ условіе его собственнаго существованія; онъ какъ бы стремится вырвать себя самого изъ гряды вонъ, по выраженію Эрнста. Въ такомъ положеніи находятся почти всѣ герои Ибсена, обреченные на донъ-кихотство, которое не допускаетъ трагическаго разрѣшенія и приводитъ къ безплодному бездѣйственному психологическому самоанализу,—къ чрезмѣрному преобладанію интеллектуальности, противорѣчащей трагической необходимости событій и дѣйствій. Среди разныхъ видовъ борьбы личности съ обществомъ Эрнстъ усматриваетъ, однако, нѣкоторые, въ которыхъ, отстаивая себя, отдѣльный человѣкъ тѣмъ самымъ участвуетъ и въ общемъ развитіи общественнаго организма. Одна изъ этихъ формъ—современное устройство семьи, положеніе женщины: стремленіе ея къ самостоятельности является живымъ протестомъ противъ переживаній устарѣвшей морали и не идетъ въ разрѣзъ съ интересами общества. Ибсенъ разработываетъ этотъ сюжетъ въ самой знаменитой своей драмѣ „Нора". Но критикъ ясно представляетъ себѣ время, когда для общества, покончившаго съ вопросомъ о женской эмансипаціи, признавшимъ женщину вполнѣ свободнымъ и равноправнымъ членомъ общества, терзанія Норы перестанутъ казаться трагичными, и тогда живой человѣческій интересъ драмы исчезнетъ.

Теоретическія разсужденія Эрнста направлены противъ идейнаго содержанія пьесъ Ибсена. Въ нихъ чувствуется въ значительной степени педантизмъ нѣмецкаго эстетика, не признающаго свободнаго художественнаго творчества внѣ установленныхъ законовъ. Едва ли можно сказать, что современная жизнь не даетъ матеріала для трагедіи только потому, что личность утратила свое цѣльное общественное значеніе съ переходомъ отъ аристократической организаціи древности и средневѣковья къ демократическому строю. Столкновенія между идеаломъ культурности, жаждой обладанія благами, жаждой власти—и идеаломъ отреченія, стремленіемъ къ святости—составляютъ въ условіяхъ современности такой же вѣчный трагическій мотивъ, какъ въ классической трагедіи и романтической драмѣ. Но основной недостатокъ Ибсеновскихъ драмъ вѣрно опредѣленъ Эрнстомъ: ихъ идейность часто переходитъ въ тенденціозность, и онѣ возсоздаютъ

не внутреннюю трагедію современнаго человѣка, а столкновенія съ слишкомъ мелкими житейскими тормазами; отъ нихъ герои Ибсена легко могли бы освободиться, еслибы не предпочитали донкихотство въ мелко-буржуазной средѣ активному переходу въ высшую сферу жизни. Докторъ Штокманъ, „врагъ народа“, дѣйствительно нѣсколько комиченъ тѣмъ, что упорствуетъ въ желаніи вести кампанію противъ отравленныхъ цѣлебныхъ водъ именно въ мѣстной газетѣ, принадлежащей акціонерамъ предпріятія. Стоило бы ему написать обличительную статью въ незаинтересованной столичной печати, чтобы цѣль его была достигнута, публика предупреждена и зло предотвращено. Конечно, за внѣшнимъ столкновеніемъ скрывается символизація коренного антагонизма между ложью, составляющей основу общественности по убѣжденію Ибсена, и разрушительной истиной, представленной отдѣльными врагами общества. Но столкновенія эти не убѣдительны и не трагичны въ виду отсутствія неизбѣжности и рокового характера борьбы. Герои Ибсеновскихъ драмъ отстаиваютъ не себя, а только внѣ ихъ стоящій жизненный принципъ; ихъ торжество обратилось бы противъ нихъ, какъ членовъ разрушаемаго ими организма, и борьба ихъ поэтому совершенно безъисходна. Они обречены на психологическія томленія, которыя Ибсенъ облекаетъ въ форму трагедіи, согласно своему міросозерцанію и особенности своего художественнаго темперамента, влекущаго его къ трагедіи. Но противорѣчіе узко-общественныхъ сюжетовъ, имѣющихъ лишь временный, преходящій интересъ, и трагической разработки ихъ—составляетъ основной недостатокъ драмъ Ибсена, лишь отчасти искупающійся высокимъ художественнымъ дарованіемъ драматурга. Идейное значеніе его драмъ казалось огромнымъ, когда впервые раздались его дерзкія обличенія лжи и лицемѣрія современнаго культурнаго общества, но теперь все болѣе выясняется тенденціозность многихъ его произведеній, и лишь тѣ, въ которыхъ Ибсенъ свободнѣе отъ соціальныхъ замысловъ, сохраняютъ и сохранятъ навсегда высокое литературное значеніе.

Изъ національныхъ драмъ Ибсена Эрнстъ выше всего ставитъ „Сѣверныхъ богатырей“ (Die Helden auf Helgeland) и „Искателей престола“ (Kronprätendenten). Въ первой изъ этихъ пьесъ разработанъ сюжетъ „Нибелунговъ“, перенесенный въ атмосферу скандинавской старины, причемъ, какъ доказываетъ Эрнстъ, трагическій элементъ германскаго эпоса замѣненъ болѣе слабымъ психологическимъ. Вражда двухъ женщинъ, ведущая къ раскрытію тайны, создаетъ положеніе, которое можетъ разрѣшиться только смертью Зигфрида. Въ „Нибелунгахъ“ его убиваетъ не Брунгильда и не Гунтеръ, а вѣрный слуга послѣдняго Гагенъ,—такъ что убійство смягчается долгомъ вассала, геройскимъ мотивомъ, придающимъ всему происходящему трагическій

характеръ неизбѣжности. Въ драмѣ Ибсена—Гагена нѣтъ, убійство совершаетъ Брунгильда, чѣмъ опредѣляется характеръ ея и ея мужа Гунтера. Она—дикая валькирія, онъ—безвольный, слабый человѣкъ; то же соотношеніе получается и въ драмахъ Ибсена изъ современной жизни: дикой, властной Геддѣ Габлеръ противопоставленъ ея безхарактерный мужъ Іергенъ Тесманъ и т. д. Роковыя событія „Нибелунговъ", управляемыя желѣзнымъ закономъ необходимости, столкновеніемъ одинаково сильныхъ, но противорѣчащихъ одинъ другому этическихъ мотивовъ, замѣнены у Ибсена сплетеніемъ психологическихъ мотивовъ, возможностей, опасеній, настроеній. Дѣйствіе перестаетъ, тѣмъ самымъ, быть трагичнымъ, такъ какъ исходъ не вытекаетъ изъ данныхъ самаго положенія, а опредѣляется субъективными сужденіями автора. Единственной истинной трагедіей Ибсена Эрнстъ считаетъ „Искателей престола", въ основѣ которой лежитъ роковое столкновеніе, не ослабленное преходящими интересами общественнаго характера. Соперникъ новоизбраннаго норвежскаго короля Гакона, Ярлъ Скуле—настоящій трагическій герой: отъ него навсегда скрыто, законный ли король Гаконъ, или подмѣненный въ младенчествѣ узурпаторъ. Рѣшеніе этого вопроса должно опредѣлить его образъ дѣйствія, и невозможность быть твердымъ въ слѣдованіи по одному пути, сомнѣніе въ своей правотѣ, дѣлаетъ судьбу Ярла Скуле трагичной, причемъ его внѣшняя судьба полностью отражаетъ его внутренній міръ, его нерѣшительный, склонный къ сомнѣніямъ, къ двойственности характеръ. Эрнстъ настаиваетъ на томъ, что силу и значеніе этой трагедіи составляетъ именно ея сюжетъ, заключающій въ себѣ роковое столкновеніе двухъ противорѣчивыхъ истинъ; оно должно разрѣшиться трагически, потому что психологическое предпочтеніе того или другого рѣшенія здѣсь недопустимо. Такіе характеры, какъ сомнѣвающійся въ себѣ и въ своей правотѣ Ярлъ Скуле, встрѣчаются и въ позднѣйшихъ драмахъ; у Ибсена довольно ограниченное число типовъ, и противникъ короля Гакона повторяется въ Росмерѣ („Росмерсгольмъ") и отчасти въ Гіальмарѣ Экдалѣ („Дикая утка"). Но судьба этихъ людей, парализованныхъ сплетеніемъ общественныхъ предразсудковъ и условныхъ понятій о чести, не кажется героической, возвышающей человѣка, въ то время какъ трагическая борьба Ярла, для котораго его истинный долгъ—тайна и который стремится быть правымъ и сознаетъ свою роковую вину передъ скрытымъ высшимъ долгомъ,—потрясаетъ своей внутренней неизбѣжностью.

„Бранта" и „Пэръ Гинта" Эрнстъ ставитъ ниже остальныхъ національныхъ драмъ. Ибсена „Пэръ Гинтъ" не драматиченъ,—въ драмѣ изображено развитіе человѣческаго характера, а не активное дѣйствіе. Герой драмы живетъ для себя внутренними переживаніями, а не

проявляетъ характеръ въ поступкахъ. „Брантъ"—типичный Ибсеновскій герой донкихотовскаго типа. Возставая противъ общества, увлекая толпу, онъ дѣйствуетъ противъ себя же. У него нѣтъ противника, противъ котораго направлена была бы его воля, и въ своемъ увлеченіи онъ жестокъ противъ себя,—что обрекаетъ его на безсиліе и безплодность дѣйствія. Такой замыселъ невозможенъ для трагедіи, и „Брантъ" Ибсена производитъ впечатлѣніе психологической раздвоенности, лишенной истиннаго драматизма.

Отсутствіе противника въ борьбѣ, опредѣляющей судьбу героя, составляетъ недостатокъ другой исторической драмы Ибсена—„Императоръ и Галилеянинъ", рисующей судьбу Юліана-Отступника. Эрнстъ считаетъ сюжетъ не трагическимъ, главнымъ образомъ, потому что борьба поднята на ту высоту, гдѣ нѣтъ драматическаго конфликта. Принципъ, противъ котораго борется Юліанъ, не воплощенъ въ осязательномъ образѣ, и внутренній разладъ не можетъ проявиться во внѣшнемъ дѣйствіи. У Ибсена этотъ сюжетъ приближается къ общему типу его общественныхъ драмъ, т.-е. къ противопоставленію индивидуальности обществу—съ оттѣнкомъ романтизма, сказывающагося въ стремленіи къ неосуществимой побѣдѣ.

Всѣ эти возраженія Эрнста направлены, какъ мы уже говорили, противъ сюжетовъ Ибсеновскихъ драмъ, а подходя къ нимъ какъ къ чисто художественнымъ произведеніямъ, онъ отмѣчаетъ своеобразную силу образовъ Ибсена, особенную духовную атмосферу, царящую въ драмахъ и составляющую ихъ обаяніе.

Разбирая общественныя драмы Ибсена, Эрнстъ показываетъ на отдѣльныхъ примѣрахъ „Столповъ Общества", „Дикой Утки" и др., какъ конфликтъ антисоціальныхъ стремленій съ интересами общественности создаетъ положенія, въ которыхъ Ибсенъ обнаруживаетъ большое психологическое мастерство, но изъ которыхъ ему не удается создать трагедій, отражающихъ паѳосъ современной жизни. Столкновенія—слишкомъ мелкія въ этихъ драмахъ, герои—слишкомъ интеллектуальные, слишкомъ поглощены самоанализомъ, чтобы проявить активность и воплотить въ себѣ трагическое начало жизни; въ основѣ всѣхъ этихъ драмъ лежитъ доктринерскій идеализмъ, не укладывающійся въ драматическую форму.

Стихійный элементъ, отсутствующій въ Ибсеновскихъ герояхъ, воплощенъ въ его женскихъ типахъ, и потому пьесы, посвященныя борьбѣ женщинъ за свою духовную свободу, гораздо драматичнѣе и въ художественномъ отношеніи, чѣмъ чисто соціальныя пьесы. Во главѣ „женскихъ драмъ" Ибсена стоитъ, конечно, „Нора", которую Ибсенъ считаетъ истинно трагичной по замыслу. Сама Нора—дѣйствительная героиня, и ея судьба возвышается надъ чисто соціальнымъ

конфликтомъ; Нора доказываетъ сущностью своей натуры свое право на свободу и борется за достиженіе ея,—этотъ мотивъ глубоко драматиченъ, и если все-таки „Нора" приближается къ типу тенденціозныхъ пьесъ, то только потому, что Ибсенъ облекъ трагическій замыселъ въ неподходящую форму борьбы за эмансипацію, т.-е. связалъ глубокую внутреннюю драму съ общественнымъ вопросомъ, имѣющимъ лишь временный интересъ. Гораздо выше „Норы" Эрнстъ ставитъ „Призраки"—истинную трагедію мученичества матери, присутствующей при роковой гибели любимаго сына. Въ этой трагедіи нѣтъ ничего случайнаго, ничего зависящаго отъ психологическихъ мотивовъ, настроеній, а все съ полной необходимостью вытекаетъ изъ основныхъ положеній фабулы.

Остальныя драмы Ибсена Эрнстъ разсматриваетъ въ томъ же освѣщеніи, т.-е. разбирая большій или меньшій драматизмъ ихъ замысловъ. Такого рода критическій анализъ выясняетъ многое въ творчествѣ Ибсена, вѣрно опредѣляетъ слабыя стороны идейнаго содержанія драмъ и показываетъ въ то же время величіе Ибсена какъ художника. Мы видѣли, что недостатокъ книги Эрнста—въ ея чрезмѣрной теоретичности, но она содержитъ новые и оригинальные взгляды на творчество Ибсена, и тѣмъ самымъ заслуживаетъ полнаго вниманія.—З. В.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО.

Замѣтка.

Въ своемъ изслѣдованіи непрерывнаго ряда причинъ и слѣдствій наука проникаетъ все далѣе и далѣе въ глубь прошедшаго. Еще не такъ давно Библія признавалась древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ о родѣ человѣческомъ. Въ настоящее же время въ развалинахъ Египта, Ассиріи и Вавилона открыты болѣе древніе письменные памятники. Изъ нихъ оказывается, что еврейскія древности съ начала до конца связаны съ ассирійскими и вавилонскими. Такъ, по изслѣдованію г. Ф. Делича, библейское сказаніе о потопѣ до мельчайшихъ подробностей совпадаетъ съ вавилонскимъ сказаніемъ о твореніи, а законы Моисея, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, представляютъ буквальное сходство съ законами вавилонскаго царя Хаммураби, бывшаго современникомъ Авраама.

Недавно сдѣлано весьма важное открытіе въ томъ же направленіи библіотекаремъ Королевской библіотеки въ Копенгагенѣ, Х. О. Ланге [1]), о чемъ былъ сдѣланъ докладъ въ засѣданіи философско-историческаго отдѣленія Прусской Королевской Академіи Наукъ 14-го мая истекшаго 1903-го года. Это открытіе касается папируса, хранящагося въ Лейденскомъ музеѣ, I, 344. Папирусъ этотъ состоитъ изъ 17 страницъ, но, къ сожалѣнію, весьма плохо сохранившихся; такъ, на нѣкоторыхъ страницахъ осталось всего по 2 строки.

Г. Т. Гольбергомъ издано факсимиле этого папируса [2]). Покойный Лаутъ издалъ переводъ болѣе сохранившихся страницъ его и опытъ разбора остальныхъ мѣстъ [3]). Лаутъ признаетъ, что этотъ папирусъ представляетъ собою сборникъ нравоучительныхъ изреченій и житейскихъ правилъ. На этотъ папирусъ ссылается также въ своемъ словарѣ Генрихъ Бругшъ, который признаетъ его сборникомъ древнеегипетскихъ загадокъ. Г. Ланге въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ зани-

[1]) Г. Ланге ранѣе напечаталъ нѣсколько статей въ „Zeitschrift für egyptische Sprache und Alterthumskunde", былъ сотрудникомъ нѣмецкаго египтолога Эрмана въ изданіи египетскихъ рукописей, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ египетскимъ правительствомъ былъ приглашенъ въ Каиръ для составленія вмѣстѣ съ нѣмецкимъ египтологомъ Шеферомъ каталога египетскаго собранія въ Каирскомъ музеѣ.

[2]) Leemans, Monumenten II Taf. 105—113.

[3]) Altägyptische Lehrsprüche (Sitzungsber. d. Bayer. Akad. 1872. S. 347—40 Sitzungsber. d. Bayer. Akad. 1872. S. 80—88; Leemans, Monumenten II. 1. Te S. 68—69.

мался разборомъ текста этого папируса, ознакомился съ нимъ и въ подлинникѣ и пришелъ къ совершенно иному заключенію относительно его содержанія; оказывается, что онъ содержитъ въ себѣ пророчество.

Въ своемъ докладѣ г. Ланге сообщаетъ переводъ лишь нѣкоторыхъ, окончательно разобранныхъ имъ, мѣстъ папируса, но выражаетъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ обнародуетъ болѣе обстоятельное изслѣдованіе о немъ съ переводомъ всего текста [1]).

Текстъ папируса относится ко времени около 2000 лѣтъ до Рождества Христова, къ тому періоду, который сами египтяне, кажется, признавали классическимъ періодомъ своей литературы. Но составить болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о содержаніи и направленіи произведеній этого періода въ настоящее время едва-ли возможно. Извѣстно, между прочимъ, что въ древнемъ Египтѣ было распространено множество сочиненій о миѳическомъ существѣ—змѣѣ, изъ которыхъ до нашего времени не сохранилось ни одного. Написанъ же папирусъ лѣтъ на 700 позднѣе, т.-е. лѣтъ за 1300 до Рождества Христова [2]).

Содержаніе текста представляетъ собою рѣчь лица по имени Ипу, или Ипууръ (Ipw Ipwwr), произнесенную имъ предъ „всемогущимъ". Это слово, хотя и служило у египтянъ для обозначенія великихъ боговъ, но въ настоящемъ случаѣ, безъ сомнѣнія, обозначаетъ царя.

Сохранившаяся часть рѣчи начинается слѣдующимъ предсказаніемъ разнаго рода несчастій:

„Человѣкъ на сына своего смотритъ, какъ на своего врага. Нилъ разливается, но поле все-таки обрабатывается безъ его помощи; каждый человѣкъ говоритъ:—мы знаемъ, что̀ происходитъ въ странѣ. Женщины безплодны; Хнумъ не трудится [3]), вслѣдствіе положенія страны. Ничтожные будутъ обладателями богатствъ; тотъ, кто былъ не въ состояніи сдѣлать себѣ сандалій, будетъ обладателемъ грудъ зерна. Въ странѣ господствуетъ чума, повсюду кровь... Многіе мертвецы погребаются въ рѣкѣ, волна служитъ гробомъ... (Могущественные) жалуются; ничтожные радуются; каждый городъ говоритъ:—изгонимъ сильныхъ изъ насъ! Въ странѣ смѣшеніе, какъ будто она на станкѣ горшечника; разбойникъ будетъ обладателемъ грудъ зерна; (богатый) будетъ заключенъ въ тюрьмѣ. Рѣка превратится въ кровь; пьютъ изъ нея...; жаждутъ воды. Въ странѣ чужестранцы. Золото, лазурный камень,

[1]) Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Sitzung der philosophisch-historischen Classe vom 14 Mai. Prophezeiungen eines ägyptischen Weisen aus dem Papyrus I, 344 in Leiden. Vorläufige Mitteilung. Von H. O. Lange in Kopenhagen.—Въ настоящей замѣткѣ мы предлагаемъ переводъ, съ нѣмецкаго, всего того, что̀ на нѣмецкій языкъ перевелъ здѣсь г. Ланге изъ текста папируса.

[2]) А. Вейсъ-Ульменридъ. „Ein altegyptischer Prophet" въ журналѣ „Die Gegenwart" за 1903-ій годъ, № 36, стр. 154.

[3]) Какъ творецъ людей.

серебро, малахитъ возложены на шеи рабынь; знатныя женщины разсѣиваются по странѣ, замужнія говорятъ: — О, еслибы намъ чего поѣсть!"

Далѣе говорится о расхищеніи государственной казны: „Къ чему служитъ сокровищница, не знающая своихъ податей? Нѣтъ предпочтенія сыну мужа (какъ кажется, здѣсь разумѣется сынъ законнорожденный, у котораго отецъ извѣстенъ) предъ тѣмъ, кто его (отца) не имѣетъ. Сердце всѣхъ звѣрей плачетъ, скотъ кричитъ, вслѣдствіе положенія (страны). Человѣкъ бьетъ брата своей матери. Пути находятся подъ стражею (?); сидятъ въ кустарникѣ до наступленія вечера... чтобы взять свой грузъ; что̀ есть на немъ, грабится... О, еслибы прекратился родъ человѣческій безъ зачатія и рожденія! О, еслибы земля успокоилась отъ шума безъ... Священныя книги растаскиваются; таинственныя мѣста раскрываются. Раскрываются волхвованія... открывается... растаскиваются... Горе мнѣ отъ злыхъ людей этого времени!

„Вотъ огонь поднимается, его пламя выступаетъ противъ враговъ страны. Вотъ совершающій это недалеко. Царь утаскивается нищими... Вотъ немногіе люди, не знающіе порядка, приближаются, чтобы отнять у страны царство (?). Вотъ змѣй утаскивается изъ своего логова, тайны царей Верхняго и Нижняго Египта раскрываются. Дворецъ въ страхѣ, вслѣдствіе недостатка... Вотъ обладатели великолѣпныхъ... выгоняются на улицу; тотъ, кто не могъ сдѣлать себѣ гроба, находится въ сокровищницѣ. Вотъ что̀ происходитъ съ людьми! Тотъ, кто былъ не въ состояніи построить себѣ хижины, будетъ обладателемъ... Чиновники страны разгоняются по ней; (знатные) изгоняются изъ царскихъ домовъ... Тотъ, кто не могъ спать на... будетъ обладателемъ постели. Вотъ богатый спитъ, жаждая; тотъ, кто выпрашивалъ своихъ дрожжей (?), будетъ обладателемъ... Вотъ обладатель великолѣпныхъ одеждъ кутается въ тряпки; тотъ, кто не ткалъ, будетъ обладателемъ виссона. Вотъ тотъ, кто былъ не въ состояніи построить себѣ корабля, будетъ обладателемъ грудъ зерна; обладатель ихъ смотритъ на него (на корабль),—онъ не принадлежитъ ему. Вотъ не имѣвшій огурца будетъ обладателемъ огурцовъ; обладатели огурцовъ опорожняютъ только воздухъ (?). Вотъ тотъ, который, вслѣдствіе недостатка, спалъ одинъ (т.-е. былъ неженатымъ), находитъ богатства... Вотъ бѣднякъ будетъ обладателемъ грудъ зерна, великій славитъ его [1]. Вотъ ничтожные люди страны будутъ...; богатый будетъ бѣднымъ... Тотъ, кто былъ на посылкахъ, можетъ посылать другого. Вотъ тотъ, кто не имѣлъ хлѣба, будетъ владѣльцемъ житницы; его амбаръ снабженъ вещами другого. Вотъ плѣшивый, не имѣвшій масла, будетъ

[1]) Какъ паразитъ, по замѣчанію Эрмана.

владѣльцемъ горшковъ съ сладкими миррами... Та, которая смотрѣлась въ воду, будетъ владѣлицею зеркала".

Послѣ этого Ипу прерываетъ свои мрачныя предсказанія и высказываетъ нѣсколько сентенцій нравоучительнаго характера: „Вотъ,—говоритъ онъ,—хорошъ человѣкъ, когда онъ ѣстъ свой собственный хлѣбъ; наслаждайся своими вещами въ радости сердца; чего не имѣешь, отъ того отвращайся (не желай того ?). Прекрасно, когда человѣкъ ѣстъ свой собственный хлѣбъ; Богъ даетъ это тому, кто Его славитъ".

Затѣмъ Ипу возвращается къ предсказанію бѣдствій. „Мясники,—говоритъ онъ,— убиваютъ изъ скота бѣднаго... Вотъ тотъ, кто не убивалъ, убиваетъ быковъ... Вотъ мясники убиваютъ гусей, которые приносятся богамъ вмѣсто быковъ... Знатныя женщины бѣгутъ... пораженныя страхомъ передъ смертью... Владѣльцы постелей спятъ на землѣ... Вотъ знатныя женщины близки къ голоду; мясники насыщаются тѣмъ, что̀ было имъ (женщинамъ) приготовлено. Вотъ каждое вѣдомство не на своемъ мѣстѣ, какъ бы блуждающее стадо безъ пастуха. Вотъ быки убѣгаютъ,—и нѣтъ никого, кто бы ловилъ ихъ, каждый человѣкъ беретъ изъ нихъ себѣ то, что̀ запечатлѣно его именемъ. Вотъ человѣка убиваютъ рядомъ съ его братомъ... Вотъ тотъ, кто не имѣлъ упряжки, будетъ владѣльцемъ стада; тотъ, кто не могъ найти себѣ вола для плуга, будетъ владѣльцемъ житницы; тотъ, кто долженъ былъ приносить себѣ..., будетъ тѣмъ, который разрѣшаетъ отпускъ этого (т.-е. распредѣляетъ это). Вотъ тотъ, который не имѣлъ сосѣда, будетъ господиномъ прислуги; тотъ, который имѣлъ ее, самъ долженъ ходить на посылкахъ.

„Плачь ты, сѣверная страна, ты, житница царя... Весь царскій домъ не знаетъ (т.-е. не получаетъ) своихъ податей; ему принадлежатъ зерна, птицы, рыбы, виссонъ и т. д.".

Потомъ слѣдуетъ нѣсколько не вполнѣ понятныхъ увѣщаній касательно богослуженія и церемоній. „Не обличаетъ ли,—замѣчаетъ г. Ланге,—здѣсь пророкъ обрядность церемоній и не указываетъ ли на безполезность ихъ во время грядущихъ бѣдствій?"

Такимъ образомъ, Ипу предсказываетъ горе египетскому народу. По глубинѣ чувства и способу выраженія предсказанія Ипу напоминаютъ пророчества Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Осіи и др. еврейскихъ пророковъ и уже по одному этому должны быть причислены къ интереснѣйшимъ памятникамъ древности. Но наиболѣе интересныя мѣста въ предсказаніяхъ Ипу—это тѣ, въ которыхъ говорится о спасителѣ. Эти мѣста, къ сожалѣнію, сохранились не вполнѣ, и переводъ ихъ представляется затруднительнымъ; „но что̀ понятно, — говоритъ г. Ланге,—то по формѣ и подбору выраженій имѣетъ „мессіанскій" колоритъ".

Вотъ пророчество Ипу о спасителѣ.

„Онъ приноситъ охлажденіе на горящее. Говорятъ: онъ пастырь для всѣхъ людей; нѣтъ зла въ его сердцѣ. Когда его стадо заблуждается (?), тогда онъ проводитъ день въ томъ, чтобы собрать его. Сердца горятъ: о, еслибы онъ ихъ благо... исполнилъ. Истинно онъ убиваетъ грѣхи, онъ простираетъ руку противъ нихъ... Боги въ сердцахъ (людей), (совершается возрожденіе). На дорогѣ нѣтъ такого, который бы убивалъ... Гдѣ онъ сегодня (?). Не спитъ ли онъ, можетъ быть, среди насъ?"

Нельзя предполагать, что въ этихъ словахъ предсказывается о будущемъ могущественномъ фараонѣ или какомъ-либо другомъ героѣ въ политическомъ смыслѣ. О подобныхъ лицахъ не было бы сказано: „Не спитъ ли онъ сегодня между нами?" Скорѣе было бы сказано, что предъ нимъ все отъ страха трепещетъ, что пѣхоты, всадниковъ и вообще войска у него много, какъ песка морского, и т. п. Тотъ, о которомъ говорится: „Это пастырь для всѣхъ людей; нѣтъ зла въ его сердцѣ; когда стадо его заблуждается, то онъ идетъ искать его"—тотъ, о которомъ это говорится, не политическій герой, не воинъ, но Мессія, воплощенная любовь, спаситель міра.

Вслѣдъ за приведеннымъ пророчествомъ о спасителѣ находится рядъ неясныхъ отрывковъ, въ которыхъ, между прочимъ, рѣчь, повидимому, о всеобщемъ беззаконіи въ странѣ, когда не исполняются повелѣнія царя и господствуетъ кулачное право: „По истинѣ ты уже вкушаешь немного отъ грядущаго несчастія".

Затѣмъ идетъ рѣчь, кажется, о радости и счастіи [1]) и перечисляются народы сосѣдніе съ Египтомъ [2]). Наконецъ Ипу, говоритъ о грабителяхъ, опустошавшихъ гробницы, сожигавшихъ или инымъ способомъ уничтожавшихъ трупы и похищавшихъ драгоцѣнности съ нихъ [3]).

Таково содержаніе текста папируса.

При этомъ оказывается, что не только одинъ еврейскій народъ былъ носителемъ идеи о грядущемъ Мессіи. Конечно, идея о спасителѣ, или освободителѣ въ смыслѣ политическомъ, могла быть у каждаго народа. Но этотъ спаситель являлся только національнымъ героемъ, приносящимъ вмѣстѣ съ побѣдою смерть и разрушеніе. Только

[1]) „Можетъ быть, здѣсь излагается отвѣтъ Ипу царя, который указываетъ ему, что не все такъ мрачно, какъ онъ изображаетъ. Едва ли здѣсь рисуется счастіе которое имѣетъ принести спаситель; для этого выраженія, приводимыя Х. О. Ланге изъ текста, слишкомъ прозаичны" (Г. А. Вейсъ-Ульменридъ въ замѣткѣ „Ein al egyptischer Prophet", стр. 155).

[2]) Г. Ланге предполагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о политическомъ могуществ Египта.

[3]) „Не излагается ли здѣсь,—говоритъ г. Ланге,—исполненіе пророчества в историческомъ повѣствованіи?"

у евреевъ до послѣдняго времени находили представленіе о грядущемъ Мессіи, какъ утѣшителѣ несчастныхъ и угнетенныхъ, который побѣдитъ грѣхъ и зло не насиліемъ, но кротостью и благостью и истиною своего ученія. Да и изъ евреевъ не многіе ожидали такого идеальнаго Мессію; большинство имѣли представленіе о Мессіи, какъ возстановителѣ политическаго величія царства Давида.—Изъ разсматриваемаго же папируса оказывается, что у египтянъ, задолго до выступленія евреевъ въ исторію, уже существовала идея о Мессіи идеальномъ, а не политическомъ. Насколько широко была распространена она среди египтянъ—рѣшить трудно. Въ открытыхъ во множествѣ древне-египетскихъ молитвахъ и религіозныхъ гимнахъ не находится слѣдовъ ея. Но нашъ папирусъ доказываетъ, что за 2000 лѣтъ до Рождества Христова эта идея жила, даже черезъ 700 лѣтъ она не была забыта и возбуждала къ себѣ интересъ: черезъ 700 лѣтъ предпринимается трудъ переписки пророчества Ипу о Мессіи.

Такимъ образомъ, то, что̀ до послѣдняго времени разсматривалось какъ отличительная особенность еврейской религіи, неожиданно находится у другого народа, съ которымъ евреи съ древнѣйшихъ временъ стояли въ весьма близкихъ отношеніяхъ. Въ виду этого возникаетъ даже вопросъ: не изъ Египта ли перешла къ евреямъ мессіанская идея?

Съ другой стороны, содержаніе разсматриваемаго папируса, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ поставить въ связь съ распространенными, особенно въ средніе вѣка, извѣстіями о существованіи у язычниковъ пророчествъ о Мессіи. „Стремленіе,—говоритъ г. П. Е. Щеголевъ,—доказать истину своего ученія искусственнымъ подборомъ чужихъ мнѣній и отыскать въ книгахъ враждебныхъ учителей свидѣтельства въ пользу христіанства возникло очень рано... Вѣнецъ этихъ стремленій—державшаяся въ средніе вѣка вѣра въ Виргилія, какъ пророка. Психическія основы этого чувства понятны.—Это же чувство заставляло христіанъ надѣлять болѣе или менѣе знаменитыхъ философовъ языческаго міра пророчествами о Христѣ. Разсѣянныя изреченія собирались потомъ въ статьи. Въ греческихъ рукописяхъ мы найдемъ не мало такихъ статей. Компаретти, напримѣръ, сообщаетъ о томъ, что въ рукописномъ сборникѣ вѣнской библіотеки есть отрывокъ съ слѣдующимъ заглавіемъ: Veterum quorundam scriptorum Graecorum ethnicorum praedictiones et testimonia de Christo et christiana religione. Статью съ подобнымъ же содержаніемъ указываетъ Фотій въ своей библіотекѣ. Мы можетъ отмѣтить такую же статью въ библіотекѣ Тишендорфа“ [1]). „По средневѣковымъ понятіямъ,—говоритъ

[1]) Очерки исторіи отреченной литературы въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ 1899 г. т. IV, кн. 4-ая. Спб. 1900 г., стр. 1340—1341.

Ѳ. И. Буслаевъ — сивиллы были для язычниковъ тѣмъ же, чѣмъ для іудеевъ пророки"[1]). Въ рукописныхъ русскихъ сборникахъ XVII—XVIII вѣка содержатся сказанія о сивиллахъ, „сирѣчь о пророчицахъ, иже пророчествовали о Христѣ до воплощенія Его въ различныя времена; аще и невѣрныя быша, но чистаго ради житія ихъ открыся имъ отъ Бога и глаголаша впереди будущая"[2]). Въ церквахъ на Аѳонѣ, въ Новгородѣ, Москвѣ и др. мѣстахъ находятся изображенія сивиллъ и древнихъ философовъ и поэтовъ съ свитками въ рукахъ, содержащими пророчества объ Іисусѣ Христѣ[3]); въ Сборныхъ же подлинникахъ (т.-е. древнихъ руководствахъ къ иконописи) описаніе языческихъ философовъ, будто бы предсказывавшихъ о Мессіи, и сивиллъ занимаетъ видное мѣсто"[4]). Среди сивиллъ, происходившихъ, по сказаніямъ о нихъ, изъ разныхъ странъ,—напримѣръ: „отъ страны Перскія, Африкійскія, Волоскія" и др.,—указывается и „Египтіанина"[5]).

Къ извѣстіямъ о существованіи у язычниковъ пророчествъ о Мессіи ученые изслѣдователи, какъ отчасти видно изъ приведенныхъ выдержекъ, относятся съ большимъ сомнѣніемъ. Но тотъ папирусъ, заключая въ себѣ древне-египетское пророчество о Мессіи, служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ этихъ извѣстій. Въ виду того, что идеалы и сказанія различныхъ, даже отдаленныхъ одинъ отъ другого, народовъ въ большинствѣ случаевъ заключаютъ въ себѣ въ сущности много общаго, нельзя не признать возможности существованія мессіанскихъ чаяній у языческихъ народовъ, на ряду съ еврейскимъ. При существованіи въ языческомъ мірѣ этихъ чаяній въ значительной степени объясняется быстрое распространеніе христіанства среди язычниковъ.

М. И. Успенскій.

[1]) Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. II, Спб. 1861 г., стр. 361.

[2]) А. И. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Спб. 1903 г., стр. 219.

[3]) Пѣшеходца Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Альбова Путешествіе къ святымъ мѣстамъ. Спб. 1800 г., ч. 2-ая, стр. 559; Архимандрита Макарія Археологическое Описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, 1860 г., ч. 2, стр. 41; И. М. Снѣгирева—Памятники Московской Древности. Москва 1842—1845 г, стр. 30 и 86.

[4]) Ѳ. И. Буслаевъ. Ibid.

[5]) Тамъ же, стр. 364.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1904.

— Новѣйшія варіаціи на темы: „слово и дѣло“, „подпольные и надпольные“.—Проповѣдь „усиленной репрессіи“, уголовной и всякой другой.—Разногласіе между органами реакціонной прессы.—Вопросъ о „кабинетѣ“.—Отношеніе печати къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.—Психологія особаго рода.—Отвѣтъ „Русскому Богатству“.

Когда формула: „слово и дѣло“, сыгравшая такую видную роль въ XVIII в., оказалась слишкомъ простой и слишкомъ грубой для усложнившейся обстановки и для смягченныхъ, по крайней мѣрѣ наружно, нравовъ, ее смѣнили новыя выраженія, новыя формы рѣчи, но старая ея подкладка измѣнилась сравнительно мало. По прежнему обвиненія шли не только изъ сферъ, спеціально призванныхъ къ бдительности, но и отъ добровольцевъ, дѣйствовавшихъ на собственный рискъ и страхъ; по прежнему обвинители грѣшили избыткомъ усердія, торжествовавшаго не только надъ добросовѣстностью, но и надъ самою элементарною осмотрительностью. Привычка, воспитанная продолжительнымъ умственнымъ рабствомъ, уцѣлѣла и при первыхъ проблескахъ свободы и свила себѣ прочное гнѣздо въ печати, какъ только для послѣдней перестала быть абсолютно недоступной политическая почва. Отсюда, четверть вѣка тому назадъ, было пущено въ ходъ крылатое слово о *надпольныхъ радѣтеляхъ*, солидарныхъ съ *подпольными благодѣтелями*, о *надпольной прессѣ*, ничѣмъ, въ сущности, не отличающейся отъ *подпольной*. Изобрѣтенное покойнымъ „Берегомъ“ [1]), оно было подхвачено „Московскими Вѣдомостями“, сохранено въ ихъ архивѣ и теперь вновь извлечено изъ него, съ прибавленіемъ варіацій, идущихъ еще дальше первоначальной темы. Въ передовой статьѣ, озаглавленной: „Подпольные и надпольные“ („Московскія Вѣдомости“ № 200) и въ цѣломъ рядѣ предшествующихъ ей и слѣдующихъ за нею упорно проводится мысль, что въ убійствѣ В. К. Плеве виновны обширные слои русскаго общества. „*Либералы* и *постепеновцы* несомнѣнно были заодно съ динамитчиками въ систематической враждѣ къ В. К. Плеве и въ сочувствіи если не организаціи катастрофы, то ея результату“: таковъ общій тезисъ, поясняемый прямыми указаніями на нѣкоторыя группы лицъ и нѣкоторые органы печати. А вотъ и попытка доказать его: „наши *либералы* съ начала текущаго года упорно твердили, что осенью у насъ начнется политическая весна, съ земскимъ парламен-

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

томъ, свободой печати, свободой сходокъ и прочими прелестями революціоннаго катихизиса. Мы недоумѣвали предъ этими смѣлыми пророчествами, такъ какъ отлично знали, что В. К. Плеве никогда на такой возмутительный вздоръ не согласится. На наши категорическія опроверженія этихъ нелѣпыхъ предсказаній намъ отвѣчали двусмысленными улыбками и простымъ повтореніемъ сказаннаго. Теперь всякія недоумѣнія исчезли. Основной смыслъ зловѣщихъ пророчествъ сталъ совершенно ясенъ: государственный переворотъ въ Россіи, очевидно, долженъ былъ произойти осенью не при содѣйствіи В. К. Плеве, а безъ него, по насильственномъ прекращеніи его дѣятельности"... Чтобы оцѣнить по достоинству это „извѣщеніе", достаточно припомнить, что о „политической веснѣ", безъ всякихъ заимствованій изъ „революціоннаго катихизиса", говорила только одна газета, не имѣющая ничего общаго ни съ либералами, ни съ либерализмомъ. Еслибы, впрочемъ, надежды на „политическую весну" выражались и въ болѣе широкихъ сферахъ, предчувствіемъ—или предвѣдѣніемъ—катастрофы это могло бы показаться лишь тѣмъ, кто руководствуется инквизиторскимъ принципомъ: „дайте мнѣ написанную кѣмъ-либо строчку—и я отыщу въ ней основаніе для смертнаго надъ нимъ приговора".

Обвиненія такого калибра и такой доказательной силы не заслуживали бы ни опроверженія, ни даже упоминанія, еслибы за ними не скрывалась цѣлая система, грозящая неисчислимыми бѣдствіями. „Неужели"—читаемъ мы въ той же „извѣщающей" газетѣ,—„неужели *надпольные* революціонеры должны остаться безнаказанными? Это противорѣчило бы здравому смыслу. Однако, по самому существу дѣла, борьба съ подпольными и надпольными революціонерами должна вестись различно. Дѣятельность первыхъ сказывается въ ясно-опредѣленной формѣ, ихъ можно ловить, предавать суду, отдавать подъ надзоръ полиціи. Вина надпольнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обыкновенно неуловима, но вся ихъ дѣятельность въ совокупности носитъ вредный характеръ. Тутъ уже нужна не столько борьба съ лицами, сколько съ проявленіями этого направленія. Если этимъ проявленіямъ вреднаго направленія не останется мѣсто ни въ школѣ, ни въ печати, ни въ самоуправленіяхъ, ни въ другихъ мѣстахъ, если всякая попытка будетъ быстро и неукоснительно пресѣкаться, то надпольные революціонеры скоро смирятся. Тогда и ихъ подпольные товарищи потеряютъ почву подъ ногами". Что̀ это такое, какъ не призывъ къ движенію назадъ во всѣхъ сферахъ государственной жизни—къ движенію назад, когда въ этомъ направленіи давно уже идти некуда, когда все, н оборотъ, указываетъ въ противоположную сторону? Надзоръ надъ ш лой достигъ высокой степени напряженія, печать подчинена дискр ціонной власти, самоуправленіе поставлено въ зависимость отъ ад нистраціи. Чего же хотятъ непрошенные совѣтники, разжигающіе

дозрѣнія? Ограниченія числа студентовъ, какъ въ 1849-мъ году? Увольненія всѣхъ „несогласно мыслящихъ“ профессоровъ? Низведенія начальныхъ училищъ на уровень школъ грамоты? Сохраненія однихъ только „благонамѣренныхъ“ газетъ и журналовъ? Отдачи всей періодической и не-періодической печати подъ предварительную цензуру? Уничтоженія губернскаго земства и окончательнаго торжества принципа чиновничьей опеки надъ принципомъ самоуправленія? Все это вмѣстѣ взятое не погрузило бы русское общество въ умственную дремоту, изъ которой оно вышло полвѣка тому назадъ, не возвратило бы русскій народъ въ состояніе безразличной, инертной, пассивной массы. Задержать естественный ходъ событій—не значитъ еще измѣнить его теченіе.

Другой выводъ изъ предпосылокъ, отстаиваемыхъ реакціонною прессой—обостреніе наказаній за государственныя преступленія. „Простой здравый смыслъ и государственый опытъ“ учатъ, будто бы,—въ противоположность старомоднымъ, псевдонаучнымъ теоріямъ, — что „единственнымъ отвѣтомъ на возростаніе извѣстной категоріи преступленій можетъ быть только соотвѣтственное усиленіе уголовной репрессіи“. Да, указанія опыта въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣнны—но доказываютъ они совсѣмъ другое. Не заглядывая въ далекое прошлое—напр. въ ту эпоху англійской исторіи, когда карались смертью самые заурядные проступки,—достаточно припомнить конецъ семидесятыхъ годовъ у насъ въ Россіи: никогда, кажется, не было произнесено стольких смертныхъ приговоровъ—и никогда не совершалось столькихъ тяжкихъ политическихъ посягательствъ. И какое же время выбираетъ реакціонная печать для проповѣди суровыхъ каръ? Полтора года тому назадъ утверждено новое уголовное уложеніе, сохранившее смертную казнь, но безъ расширенія ея предѣловъ, и смягчившее, хотя и весьма немного, строгость наказаній за государственныя преступленія. Относящіяся сюда постановленія уложенія введены въ силу закономъ 7-го іюня нынѣшняго года [1]), не ожидая осуществленія его въ полномъ объемѣ. И вотъ, эти новые законодательные акты, еще не испытанные на практикѣ, должны быть подвергнуты пересмотру! Только-что принятая система — принятая послѣ долгаго, внимательнаго, всесторонняго обсужденія,—должна быть отброшена въ сторону, какъ не соотвѣтствующая какому-то мнимому опыту и чьему-то здравому смыслу!.. Не разсчитывая, вѣроятно, на оффиціальное вниманіе къ этому требованію, реакціонная печать спѣшитъ присоединить къ нему намекъ на возможность самосуда. Возлагая на „интеллигентовъ“ отвѣтственность за убійство В. К. Плеве,

[1]) См. выше, „Внутреннее Обозрѣніе“.

она грозитъ обществу, въ составъ котораго входятъ интеллигенты, народной расправой: „народъ пойметъ, опомнится, не дастъ свою страну позорить—и горе, пытки, стоны общества будутъ во сто кратъ ужаснѣе этого убійства"... [1]) Тѣмъ газетамъ, для которыхъ уже давно перестало быть обязательнымъ правиломъ: „со словомъ должно обращаться честно", не мѣшало бы замѣнить его другимъ, болѣе скромнымъ: „со словомъ слѣдуетъ обращаться осторожно".

Совершенно инымъ путемъ шелъ въ эти послѣднія, тяжелыя недѣли обычный единомышленникъ „Московскихъ Вѣдомостей"—с.-петербургскій „Гражданинъ". Ничего не забывая изъ прошедшаго кн. Мещерскаго, отнюдь не восторгаясь его внезапнымъ—и, по всей вѣроятности, весьма непрочнымъ—поворотомъ въ сторону самоуправленія, не придавая никакого значенія его ссылкамъ на бесѣды, происходившія, по его словамъ, между нимъ и покойнымъ министромъ, мы не можемъ не вмѣнить ему въ заслугу сдержанное отношеніе его къ злобѣ дня, отсутствіе усилій подлить масла въ огонь, эксплоатировать событія во вредъ враждебнымъ направленіямъ или группамъ. Скажемъ болѣе: говоря о вопросахъ, стоящихъ на очереди, онъ пошелъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, прямо въ разрѣзъ съ своими союзниками, назвавъ ихъ „особенной сектой патріотизма", убѣжденной въ томъ, что „чѣмъ хуже иновѣрцамъ и инородцамъ въ Россіи, тѣмъ ей лучше и тѣмъ больше выигрываетъ она въ своей національной силѣ и въ своемъ престижѣ". „Принесли ли эти патріоты особеннаго свойства пользу Россіи",—продолжаетъ кн. Мещерскій,—„не знаю, но какой они вредъ приносили и приносятъ Россіи—это, къ сожалѣнію, доказываютъ факты... Не будь этихъ ультра-патріотовъ, представителей нетерпимости, среда русскихъ людей, въ мѣру и разумно отстаивающихъ интересы и задачи русской государственности, была бы несравненно шире и вліятельнѣе на правильный ходъ въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ исповѣданій и народностей". Не поздоровится „патріотамъ особеннаго свойства" отъ такой характеристики, именно потому, что она идетъ изъ сосѣдняго лагеря, и дружественнаго лагеря... Въ активъ кн. Мещерскаго (по вопросу о вѣротерпимости всегда, впрочемъ, выгодно отличавшагося отъ московскихъ кликушъ) слѣдуетъ поставить и возраженія его противъ административной высылки, хотя онъ, не касаясь ея справедливости или несправедливости, доказываетъ только ея нецѣлесообразность. А въ

[1]) См. статью г. П—ва въ № 208 „Московскихъ Вѣдомостей", напечатанную 30-го іюля, т.-е. не подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія отъ страшной драмы. Замѣтимъ, что въ передовой статьѣ того же нумера „интеллигентамъ" приписывается сочувствіе къ японцамъ, ликованіе по поводу нашихъ неудачъ и замалчиваніе нашихъ побѣдъ.

еще слова, составляющія рѣзкій контрастъ съ проповѣдью „усиленной репрессіи": „ясное и твердое проявленіе власти уничтожаетъ противодѣйствіе, но не полицейскими мѣрами и не уголовными карами, а силою разума и духа... Думайте и говорите, что хотите—должно сказать сильное правительство своимъ противникамъ,—но вы мнѣ не мѣшайте дѣйствовать". Само собою разумѣется, что, какъ программа, эти слова крайне недостаточны—но они цѣнны какъ протестъ противъ стремленій, направленныхъ къ увеличенію гнета надъ мыслью и словомъ.

Характеризуя, въ главныхъ чертахъ, дѣятельность покойнаго В. К. Плеве, „Русскія Вѣдомости" констатировали, между прочимъ, его „недовѣріе къ общественнымъ силамъ". Газета г. Грингмута усмотрѣла въ этихъ словахъ чуть не выраженіе солидарности съ убійствомъ—а „Гражданинъ" пришелъ, своимъ особымъ путемъ, къ тому же выводу, какъ и „Русскія Вѣдомости". „Сколько разъ",—говоритъ кн. Мещерскій,—я слышалъ въ минуты свободной бесѣды отъ В. К. мысли о вредѣ и ядѣ бюрократіи и централизаціи и о необходимости расширить всѣ сферы мѣстной самодѣятельности. А между тѣмъ, пришлось быть свидѣтелемъ поразительнаго противорѣчія съ этими мыслями, проявившагося въ громадномъ фактѣ въ жизни министерства внутреннихъ дѣлъ. Фактъ этотъ былъ—созданіе крупнаго зданія главнаго хозяйственнаго управленія, какъ разъ въ то время, когда, по желанію Государя, всѣ министры были призваны къ работѣ децентрализаціи. А между тѣмъ, это воздвигнутое зданіе главнаго управленія оказалось небывалымъ еще въ лѣтописяхъ бюрократіи торжествомъ централизаціи, ибо отдало все земство въ Россіи и всѣ города ея подъ опеку уже не министра и директора департамента, какъ прежде, а неограниченныхъ диктаторовъ-чиновниковъ, въ лицѣ начальниковъ отдѣловъ". Въ данномъ случаѣ кн. Мещерскому нельзя не отдать преимущества не только передъ московскимъ „чтеніемъ между строкъ", но и передъ петербургскою двойственностью и половинчатостью. Приведенныя выше слова „Гражданина" встрѣтили отпоръ со стороны „Новаго Времени", указавшаго, въ защиту главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, на участіе въ немъ мѣстныхъ дѣятелей. Разбирая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]), законъ 22-го марта 1904-го года, мы пришли къ заключенію, что успѣхамъ административной децентрализаціи и развитію общественной иниціативы такія новообразованія, какъ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, способствовать отнюдь не могутъ. Отрицать, что покойному министру, какъ и его предшественникамъ, было свойственно „недовѣріе

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

къ общественнымъ силамъ"—значитъ идти въ разрѣзъ съ очевидностью. Болѣе чѣмъ страннымъ такое отрицаніе является со стороны реакціонной печати, постоянно возстающей противъ „общественныхъ силъ" и восторгающейся ихъ игнорированіемъ или подавленіемъ.

Совершенно празднымъ кажется намъ вопросъ объ образованіи кабинета, поставленный въ печати (далеко не впервые) и служившій, нѣсколько дней сряду, предметомъ довольно оживленной полемики. Мы остаемся по этому вопросу при мнѣніи, высказанномъ нами много лѣтъ тому назадъ [1]). „При измѣнившихся общихъ условіяхъ" — говорили мы тогда,—„кабинетъ образуется самъ собою; до измѣненія ихъ образованіе его нежелательно, да едва-ли и удобоосуществимо. Учрежденіе званія перваго министра, безъ цѣлаго цикла соотвѣтствующихъ реформъ, можно сравнить съ расширеніемъ власти губернатора безъ образованія при немъ правильно организованнаго губернскаго совѣта или безъ увеличенія, другимъ путемъ, значенія и власти мѣстнаго земства". Подтвержденіе этой мысли мы находили въ исторіи какъ западно-европейской, такъ и русской. Только отсутствіемъ перваго министра въ до-конституціонной Пруссіи можно объяснить тотъ фактъ, что управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ эпоху реакціи и піетизма, такъ долго оставалось въ рукахъ сравнительно либеральнаго Альтенштейна; и наоборотъ, когда Вёльнеръ, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II-мъ, сдѣлался, de facto, премьеромъ, одною изъ первыхъ мѣръ его было изъятіе учебнаго дѣла изъ рукъ Цедлица, не гармонировавшаго съ общимъ духомъ новаго *кабинета*. У насъ реакція, начавшаяся въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, скоро достигла значительной силы въ кругѣ дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ; но министерствъ юстиціи и народнаго просвѣщенія она до 1866 г. не коснулась вовсе, потому что министры не были солидарны между собою. Позже, въ эпоху торжества реакціи, ей не удалось завоевать военное министерство (при гр. Д. А. Милютинѣ). Въ восьмидесятыхъ годахъ новая, еще болѣе сильная реакція почти не отражалась на министерствѣ финансовъ, пока имъ руководилъ Н. X. Бунге... Окончательный нашъ выводъ совпадаетъ, такимъ образомъ, съ мнѣніемъ „Московскихъ Вѣдомостей", также возстающихъ противъ „кабинета"; но аргументація этой газеты, какъ и не могло быть иначе, не имѣетъ ничего общаго съ нашею. Отправляясь отъ общихъ нападокъ на „диктатуру сердца", г. Spectator идетъ къ своей цѣли путемъ извращенія фактовъ и приписыванія противникамъ так[illegible]ъ

---

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1880 г.

цѣлей, какихъ они не имѣли и имѣть не могли (припомнимъ, что первымъ заговорило о кабинетѣ „Новое Время“). Ограничимся однимъ примѣромъ. „Въ конституціонныхъ государствахъ“—говоритъ г. Spectator,—„всѣ министры, въ томъ числѣ и *первые*, являются представителями тѣхъ или другихъ политическихъ партій, непрестанно борющихся изъ-за правительственной власти. Въ этой борьбѣ одерживаетъ верхъ то одна, то другая партія, которая и захватываетъ въ свои руки министерскіе посты, замѣщая ихъ *своими* людьми, служащими не интересамъ государства, а интересамъ своей партіи“. Къ числу конституціонныхъ государствъ г. Spectator не откажется, конечно, отнести германскую имперію и прусское королевство; но развѣ имперскій канцлеръ и прусскій первый министръ является представителемъ торжествующей партіи, развѣ это званіе переходитъ изъ рукъ въ руки каждый разъ, когда измѣняется составъ большинства въ рейхстагѣ или въ прусской палатѣ депутатовъ? Мы лучшаго мнѣнія о читателяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, чѣмъ редакція этой газеты; мы не думаемъ, что имъ неизвѣстны элементарные факты современной политической исторіи.

Самымъ яркимъ доказательствомъ нравственнаго упадка, до котораго дошла, въ послѣднее время, наша реакціонная пресса, служитъ отношеніе ея къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, возвѣщенной манифестомъ 11-го августа. Что она не привѣтствовала мѣру, которую всегда провозглашала ненужной или вредной—это понятно: лицемѣріе похвалы было бы, въ данномъ случаѣ, слишкомъ очевидно. Всего проще и достойнѣе было бы молча преклониться передъ совершившимся фактомъ. Не такъ поступили „Московскія Вѣдомости“: онѣ выместили свою злобу на „общеземской агитаціи“, разумѣя подъ этимъ словомъ многочисленныя земскія ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. О нихъ вспомнило „Новое Время“, совершенно справедливо видя въ нихъ доказательство пользы, приносимой общественною дѣятельностью и работою общественной мысли. „Случайныя измышленія“, по выраженію петербургской газеты, „могутъ тонуть въ морѣ проектовъ, но освященные народнымъ сознаніемъ идеалы, выдержавъ испытаніе времени и борьбы, не могутъ не всплыть на поверхность, не могутъ не добиться торжественнаго признанія“. Эти невиннѣйшія слова г. Spectator спѣшитъ провозгласить „грубою по своей безтактности выходкой, подстрекающей наши земства къ новой, еще болѣе усиленной противозаконной дѣятельности, къ новымъ общеземскимъ ходатайствамъ по общегосударственнымъ вопросамъ“. *Общеземцамъ* приписывается надежда „вызвать въ общественномъ и народномъ мнѣніи совершенно фальшивое представленіе, будто все

добро въ государствѣ происходитъ отъ земства, а не отъ правительства". „Было бы по меньшей мѣрѣ странно", — продолжаетъ г. Spectator,—еслибы правительство игнорировало истинное значеніе всей этой вредной и лживой агитаціи и не принимало мѣръ къ возстановленію истины и къ огражденію законовъ отъ направленной противъ нихъ *злоумышленной смуты* (этотъ терминъ переноситъ аргументацію газеты на почву уголовнаго права!). А истина заключается въ томъ, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній какъ 11-го августа 1904 года, такъ и 17-го апрѣля 1863 года, была вполнѣ самостоятельнымъ актомъ Высочайшей воли самодержавнаго Государя, внушеннымъ Ему Господомъ Богомъ и постояннымъ отеческимъ влеченіемъ Его любвеобильнаго сердца ко *ввѣренной Ему Промысломъ великой семьѣ Русскаго народа*". Всякій актъ воли, хотя бы и ничѣмъ внѣшнимъ не ограниченный, имѣетъ свои внутренніе мотивы, иногда до крайности сложные. Въ государственной жизни къ числу такихъ мотивовъ принадлежитъ съ одной стороны степень выясненности обстоятельствъ, обусловливающихъ выборъ пути, съ другой стороны—настроеніе, создаваемое взаимодѣйствіемъ различныхъ умственныхъ теченій. И въ томъ, и въ другомъ безспорно играетъ роль коллективная работа отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ. Оспаривать ея вліяніе могутъ только тѣ, кто слѣпо вѣритъ—или притворяется вѣрующимъ—въ „ограниченность ума подданныхъ" (beschränkter Unterthanenverstand). На самомъ дѣлѣ этотъ умъ не только исполняетъ, но и подготовляетъ рѣшенія, принимаемыя властью. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно онъ, въ лицѣ лучшихъ людей того времени, проложилъ дорогу къ освобожденію крестьянъ, къ отмѣнѣ тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній и къ другимъ великимъ реформамъ императора Александра II-го, хотя ни одна изъ нихъ не могла быть осуществлена безъ его властнаго велѣнія. Не напраснымъ, точно такъ же, было движеніе послѣднихъ лѣтъ, направленное противъ уцѣлѣвшаго обломка старой карательной системы. Его единодушіе, его широкая распространенность свидѣтельствовали о его своевременности; свѣтъ, брошенный имъ на различныя стороны вопроса, не могъ не облегчить рѣшительнаго шага. Велико значеніе этого шага, безъ котораго все осталось бы по старому; но оно не должно заслонять собою предшествующихъ шаговъ, какъ бы ни малъ былъ каждый изъ нихъ, въ отдѣльности взятый. Кто помнитъ исторію земскихъ ходатайствъ объ отмѣнѣ розогъ, тотъ знаетъ, что они вовсе не были дѣломъ предварительнаго соглашенія между земскими собраніями, вовсе не входили въ составъ „общеземской агитаціи". Ничего другого земства этимъ путемъ не хотѣли доказать, кромѣ того, что, по ихъ глубокому убѣжденію, народная масса переросла стадію физиче-

ской расправы... Что ходатайства земствъ не были противозаконны— это мы старались доказать неоднократно; но еслибы и можно было допустить противоположное предположеніе, формальный недостатокъ слѣдовало бы забыть въ виду высокой цѣли. Что она была высока— этого теперь, послѣ манифеста 11-го августа, никто отрицать не станетъ.

Въ защитѣ розогъ „Гражданинъ" усердствовалъ еще гораздо больше, чѣмъ „Московскія Вѣдомости", и положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ манифестомъ 11-го августа, было еще болѣе затруднительное. Выходъ, найденный изъ него кн. Мещерскимъ, по истинѣ оригиналенъ: онъ „не вдается въ обсужденіе этой законодательной мѣры съ той точки зрѣнія, съ которой *Гражданинъ* неизмѣнно высказывалъ свое мнѣніе о тѣлесномъ наказаніи". Сохранивъ за собою, такимъ образомъ, видимость послѣдовательности—а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность повернуть, въ случаѣ надобности, на старую дорогу,—онъ привѣтствуетъ и благословляетъ Царскую милость. Заканчивается „Дневникъ" 11-го августа слѣдующими словами: „относительно крестьянскаго міра, къ которому подходить съ дурными внушеніями есть, увы, злонамѣренные охотники, долгъ всякаго честнаго русскаго въ печати громко и ясно говорить, что благодарность Царю должна проявляться не въ словахъ, а на дѣлѣ и въ рѣшимости каждаго добраго крестьянина мѣшать дурному за добро отплачивать зломъ и посѣву на радость народу всходить на печаль Россіи. Пусть задачею всякаго на Руси будетъ доказать міру, что тѣлесное наказаніе потому отмѣнено Царевымъ сердцемъ, что въ немъ не нуждается русскій народъ". Это звучитъ очень хорошо: но нѣтъ ли здѣсь змѣи, скрывающейся подъ цвѣтами? Слишкомъ наивно было бы думать, что непосредственнымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ отмѣны тѣлеснаго наказанія будетъ уменьшеніе проступковъ, за которые назначалось это наказаніе. Уголовная статистика удостовѣряетъ, что колебанія въ преступности происходятъ медленно; медленно измѣняются и самые источники преступности — въ данномъ случаѣ бѣдность, невѣжество, грубость нравовъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ первые годы послѣ манифеста 11-го августа волостнымъ или другимъ, ихъ замѣняющимъ судамъ придется разбирать отнюдь не меньшее, чѣмъ до сихъ поръ, число дѣлъ о кражахъ, дракахъ, квалифицированныхъ обидахъ. И вотъ, кн. Мещерскій сочтетъ себя, пожалуй, въ правѣ упрекать крестьянъ въ неблагодарности, въ неспособности понять и оцѣнить данную имъ льготу—и намекнетъ на необходимость возстановленія, въ той или другой формѣ, только-что уничтоженной кары?.. На самомъ дѣлѣ тѣлесное наказаніе отмѣнено вовсе не въ разсчетѣ на отсутствіе или уменьшеніе проступковъ, а вслѣдствіе убѣжденія, что ничего, кромѣ вреда, не можетъ принести унизитель-

ная кара—унизительная и для наказуемыхъ, и для наказывающихъ. Къ смягченію нравовъ отмѣна розогъ должна привести непремѣнно, но этотъ результатъ не можетъ сдѣлаться замѣтнымъ въ ближайшемъ будущемъ.

Больше всего разсчитывая на силу, въ самыхъ рѣзкихъ ея проявленіяхъ, реакціонная печать рекомендуетъ усиленіе уголовной репрессіи не въ одной только области государственныхъ преступленій. „Московскія Вѣдомости" (№ 213) протестуютъ противъ „новаго" законопроекта, „по которому предполагается исключить святотатство и кощунство изъ ряда особыхъ преступленій и наказывать ихъ не болѣе какъ кражу и простое оскорбленіе", и выражаютъ желаніе, чтобы законъ „исполнялъ свое служебное значеніе въ охраненіи святыни, не отнимая у безбожныхъ и безнравственныхъ преступниковъ страха наказанія". Спрашивается, прежде всего, о какомъ „новомъ" законопроектѣ идетъ здѣсь рѣчь? Можетъ ли быть, чтобы вслѣдъ за изданіемъ уголовнаго уложенія и еще до введенія его въ дѣйствіе готовилось измѣненіе нѣкоторыхъ его постановленій? Конечно—нѣтъ. Авторъ статьи говоритъ, очевидно, о самомъ уложеніи, не зная о его утвержденіи и все еще считая его только законопроектомъ. Не потрудился онъ собрать точныя свѣдѣнія и о содержаніи уложенія. Кощунство, по новому уложенію (ст. 74), какъ и по старому, является преступленіемъ противъ вѣры (или, по новой терминологіи, „нарушеніемъ ограждающихъ вѣру постановленій"). Святотатство хотя и перенесено въ главу о воровствѣ, разбоѣ и вымогательствѣ, безъ сохраненія прежняго наименованія, но карается не наравнѣ съ кражей, даже квалифицированной, а гораздо строже. По ст. 588 новаго уложенія виновный въ воровствѣ изъ церкви, ризницы, часовни или христіанскаго молитвеннаго дома принадлежащихъ церкви св. креста, св. мощей, св. иконы или иного предмета, почитаемаго священнымъ или освященнаго употребленіемъ при богослуженіи, наказывается—если не подлежитъ болѣе строгой отвѣтственности за оскорбленіе святыни [1])—каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ (т.-е. почти наравнѣ съ убійствомъ, за которое новымъ уложеніемъ назначается каторга на срокъ не ниже восьми лѣтъ). Неужели этого мало? Неужели нѣкоторое увеличеніе срока каторги можетъ уменьшить число караемыхъ ею преступленій? И что̀ сказать о газетѣ, такъ безцеремонно игнорирующей общеизвѣстные факты?

Чтобы довершить характеристику реакціонной печати, укажемъ

---

[1]) По новому уложенію (ст. 73) оскорбленіе святыни, если оно совершено въ церкви, влечетъ за собою, какъ высшее наказаніе, срочную каторгу, максимальная продолжительность которой—15 лѣтъ.

еще одну статью „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 207), озаглавленную: „Нѣчто объ австрійскомъ согласіи въ расколѣ" и подписанную г. Н. Субботинымъ. Ея цѣль — уличить „раскольническую интеллигенцію" въ отсутствіи патріотизма; средство для достиженія цѣли—ссылка на усилія „именуемыхъ епископовъ и священниковъ" австрійскаго согласія добиться освобожденія отъ воинской повинности. „Всѣ эти лица"—говоритъ г. Субботинъ—„извѣстны правительству какъ принадлежащіе къ тому или другому гражданскому обществу, т.-е. какъ крестьяне, мѣщане, цеховые, купцы, и, слѣдовательно, наряду со всѣми сословіями подлежатъ отбыванію воинской повинности, а въ настоящее время очень значительное ихъ число призывается на дѣйствительную службу". Одинъ изъ нихъ—крестьянинъ Иванъ Усовъ, называющій себя Иннокентіемъ, епископомъ нижегородскимъ,—ходатайствовалъ, „черезъ одну очень высокую особу", объ увольненіи его, какъ епископа, отъ призыва на военную службу. Въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства за нимъ, по словамъ г. Субботина, должны были послѣдовать аналогичныя ходатайства другихъ раскольническихъ поповъ,—но „дерзкая просьба" была отклонена. „Важно"—восклицаетъ г. Субботинъ—„важно, разумѣется, не то, что чрезъ исполненіе раскольническихъ ходатайствъ стало бы въ нашемъ доблестномъ воинствѣ меньше сотней, даже нѣсколькими сотнями солдатъ, которые при томъ были бы по всей вѣроятности плохими солдатами; для насъ важно именно то, какъ наши хвалящіеся патріотизмомъ старообрядцы австрійскаго согласія, въ годину кровавой борьбы отечества съ дерзкимъ и коварнымъ врагомъ, хлопочутъ о нарушеніи для нихъ даже обязательнаго для всѣхъ подлежащихъ ему закона объ отбываніи воинской повинности". Удивительна, по истинѣ, узкость взгляда, выразившагося въ этихъ словахъ! Что отказъ въ ходатайствѣ Усова вытекалъ логически изъ отношенія правительственной власти къ раскольническому духовенству—этого мы не отрицаемъ; но самое ходатайство, съ психологической точки зрѣнія, совершенно понятно и основаніемъ для упрека въ отсутствіи патріотизма служить отнюдь не можетъ. Какъ бы ни смотрѣли оффиціально на „именуемыхъ епископовъ и священниковъ", они сами несомнѣнно считаютъ себя духовными лицами, съ званіемъ и призваніемъ которыхъ несовмѣстно ношеніе и употребленіе оружія. Исключенія возможны всегда и вездѣ: въ средѣ раскольническихъ поповъ есть, быть можетъ, такіе, которые не вѣрятъ въ дѣйствительность своего посвященія—но нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній приписывать цѣлой средѣ неискренность и систематическое притворство. Стоитъ только припомнить эту простую истину, чтобы отнестись совершенно иначе къ образу дѣйствій Усова

и его единовѣрцевъ и понять всю несправедливость взводимаго на нихъ обвиненія.

Только недавно, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, намъ пришлось прочесть „Хронику внутренней жизни“ въ іюньской книжкѣ „Русскаго Богатства“, авторъ которой оспариваетъ мысль, выраженную въ нашемъ апрѣльскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи“. Мы отстаивали правомѣрность и цѣлесообразность земскихъ и городскихъ ассигнованій на нужды военнаго времени; нашъ уважаемый противникъ признаетъ ихъ формально незаконными и неправильными по существу. Онъ удивляется тому, что „Вѣстникъ Европы“ защищаетъ „отношеніе къ закону, какъ къ чему-то пригодному только въ спокойныя времена, а въ критическіе моменты народной жизни составляющему лишь ненужное препятствіе“. Такой мысли мы вовсе не проводили, совершенно опредѣленно указывая тѣ основанія, по которымъ спорныя ассигновки могутъ быть признаны противными только *буквѣ*, но отнюдь не *смыслу* закона. Въ особыхъ обстоятельствахъ военнаго времени мы видѣли лишь побудительную причину къ возможно болѣе широкому толкованію закона —толкованію, за которое мы высказывались и при обсужденіи многихъ другихъ земскихъ вопросовъ. Мы думали и продолжаемъ думать, что было бы чрезвычайно жаль, еслибы земскій опытъ въ больничномъ и санитарномъ дѣлѣ остался безъ примѣненія на театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ такъ необходима хорошо устроенная помощь, во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ. Чрезвычайно важной казалась и кажется намъ, дальше, обусловливаемая земскими пожертвованіями возможность общеземской организаціи, не случайно же встрѣтившей такой усиленный отпоръ со стороны систематическихъ ненавистниковъ земства... Намъ были ясны подводные камни, лежащіе на избранной большинствомъ земскихъ собраній дорогѣ; мы знали, что она можетъ привести къ чрезмѣрному напряженію земскихъ платежныхъ силъ, къ направленію земскихъ средствъ не туда, гдѣ въ нихъ есть дѣйствительная надобность,—но столкновеніе съ этими камнями не было неизбѣжно, и ихъ на самомъ дѣлѣ благополучно обошли многія земства. Не обрисовались еще конечные результаты земскихъ ассигнованій,—но мы не теряемъ надежды, что они приведутъ къ отмѣнѣ закона о фиксаціи земскихъ смѣтъ и вообще къ давно желанной перемѣнѣ въ положеніи земскихъ учрежденій.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1905 г.

Золотая медаль, учрежденная 1878 г. С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ въ память заслугъ вице-предсѣдателя этого Общества, члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Воронова, нынѣ находящаяся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Общества Грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ 1905 г. автору лучшаго сочиненія, посвященнаго одной изъ слѣдующихъ темъ:

1) *Исторія возникновенія и развитія Обществъ с дѣйствія начальному народному образованію въ Россіи и общій обзоръ ихъ дѣятельности.*

Трудъ этотъ долженъ быть написанъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и дать по возможности полную и безпристрастную картину дѣятельности этихъ Обществъ на пользу народнаго просвѣщенія; при этомъ должно быть выяснено значеніе частной иниціативы въ связи съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла и общимъ состояніемъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ, обращая должное вниманіе на примѣнявшіяся мѣропріятія для доставленія какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія, автору слѣдуетъ выяснить значеніе имѣющагося въ этомъ дѣлѣ опыта и указать желательныя средства, способы и задачи для наиболѣе плодотворнаго развитія дѣятельности Обществъ.

2) *Книга для чтенія по отечественной географіи и исторіи.*

Желательно имѣть популярно изложенный систематическій очеркъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній о Россіи для читателя, имѣющаго образованіе лишь начальное. Выборъ матеріала предоставляется автору, однако при изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду религіозное міросозерцаніе православнаго народа русскаго, необходимо преимущественно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ жизни Россіи. Весьма желательны соотвѣтственно подобранныя иллюстраціи къ тексту.

3) *Сочиненіе, посвященное вопросу о введеніи сельско-хозяйственныхъ занятій въ начальной школѣ и устройству школьныхъ хозяйствъ.*

Вопросъ этотъ долженъ быть по возможности всесторонне освѣщенъ и разсмотрѣнъ отчасти на основаніи опыта Французской и Германской школы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни. Здѣсь должно быть принято во вниманіе не столько утилитарное, сколько общепедагогическое значеніе такихъ занятій, основанныхъ на наблюденіи и ознакомленіи съ природою. Съ другой стороны, слѣдуетъ выяснить какъ общественное значеніе такихъ школьныхъ хозяйствъ, такъ и ихъ практическое значеніе для жизни сельскаго учителя. Сочиненіе это, однако, не должно ограничиваться одними общими разсужденіями академическаго характера, но заклю-

чать въ себѣ наглядные примѣры и факты, взятые изъ русской школьной жизни, а конечные выводы формулировать въ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ тезисахъ.

Всѣ представляемыя на конкурсъ сочиненія должны удовлетворять требованіямъ литературнаго изложенія. Труды эти могутъ быть какъ печатные, такъ и рукописные.

Условія присужденія медали въ память А. С. Воронова:

1) Согласно правилъ о медали въ память А. С. Воронова, таковая можетъ быть присуждена за сочиненіе, явившееся въ предшествующіе два года предъ послѣднимъ присужденіемъ медали; а такъ какъ медаль была присуждена въ текущемъ 1904 г., то нынѣ таковая можетъ быть присуждена лишь за сочиненія, появившіяся не раньше 1901 года.

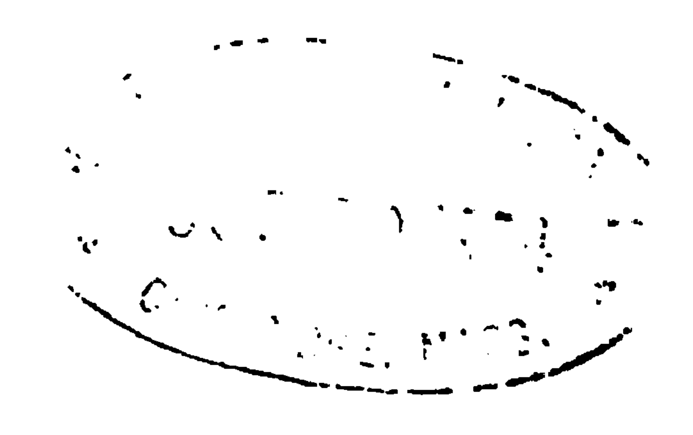
2) Сочиненіе должно быть представлено въ Правленіе С.-Петербургскаго Общества Грамотности (С.-Пб., Театральная ул., д. № 5), или избранную для присужденія медали Воронова особую коммиссію, не позже 1 декабря сего 1904 года, причемъ до этого срока каждый дѣйствительный членъ Общества имѣетъ право письменно заявить о тѣхъ трудахъ, которые, по его мнѣнію, имѣли бы право на присужденіе медали.

3) Если признано будетъ удостоеннымъ медали рукописное сочиненіе, то таковое, по соглашенію Правленія С.-Петербургскаго Общества Грамотности съ авторомъ, можетъ быть издано за счетъ Общества, съ уплатою автору вознагражденія по соглашенію.

ПОПРАВКА.

Въ августовской книгѣ „Вѣстника Европы“, на стр. 781, въ послѣдней строкѣ, напечатано: „В. Бунинъ“; слѣдуетъ читать: „Ю. Бунинъ“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ЗАКАСПІЙСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

1881—1885.

Окончаніе.

VII *).

Третья поѣздка въ Мервъ и его занятіе.

Оставивъ за собою еще разъ пустыню, отдѣляющую Теджен-скій оазисъ отъ Мервскаго, я съ своимъ конвоемъ расположился въ Топазѣ, а депутацію распустилъ по домамъ, съ приказаніемъ снова собраться ко мнѣ черезъ три дня для встрѣчи русскаго отряда. Каждому изъ четырехъ хановъ было поручено при этомъ привести съ собою не менѣе ста наиболѣе представительныхъ всадниковъ своего колѣна.

Послѣ ихъ отъѣзда, мой словоохотливый хозяинъ, уже знакомый читателямъ, старикъ Абдалъ-сардаръ, присѣлъ къ очагу въ срединѣ кибитки и выложилъ мнѣ всѣ новости Мерва. Слухъ о прибытіи генерала на Теджень и о предстоящемъ на-дняхъ появленіи въ Мервѣ русскихъ войскъ уже проникъ въ среду населенія. Каракули-ханъ и „правитель" Атаджанъ бѣжали поэтому въ Хиву. Населеніе совершенно спокойно. Не унимается только Каджаръ-ханъ, подстрекаемый Сіяхъ-пушемъ.

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 73.

— Онъ, говорятъ, поклялся, что не пуститъ русскихъ въ Мервъ,—сообщилъ Абдалъ, едва сдерживая смѣхъ.

— Какъ думаютъ мервцы,—спрашиваю,—кто такой Сіяхъ-пушъ?

— Да кто его знаетъ!—былъ отвѣтъ.—Одни называютъ его авганцемъ, другіе—индусомъ. Человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати. Выдаетъ себя за святого... Ходитъ въ остроконечной шапкѣ дервиша, съ длинными, до плечъ волосами и съ завѣшаннымъ лицомъ... Говорятъ, что его постоянно снабжаетъ деньгами какой-то проживающій здѣсь еврей изъ Мешеда, по порученію тамошняго англійскаго консула...

— Чего же онъ добивается?

— Раньше говорилъ все объ авганскомъ эмирѣ, а теперь подстрекаетъ людей противъ русскихъ...

— Что же, есть у него сторонники?

— Какіе тамъ сторонники?!.. Глупый Каджаръ-ханъ, да, можетъ быть, нѣсколько десятковъ голодныхъ крикуновъ изъ его аула, которымъ Сіяхъ-пушъ обѣщалъ по верблюжьему вьюку англійскаго золота...

Разсказы Абдалъ-сардара, по которымъ можно было бы написать цѣлую эпопею мервскихъ аламановъ, сдѣлали то, что два дня въ Топазѣ пролетѣли незамѣтно, а на третій съ утра начали съѣзжаться ханы съ своими людьми. Въ этотъ же день нарочный привезъ мнѣ письмо генерала Комарова и сообщилъ между прочимъ, что вечеромъ отрядъ подойдетъ къ озеру Карибъ-ата, находящемуся верстахъ въ двѣнадцати отъ Топаза. Полученное письмо столько же порадовало меня первою своею частью, сколько удивило второю. Вотъ чтò писалъ генералъ 26 февраля, изъ Кумъ-япа:

„Князь Дондуковъ-Корсаковъ, телеграммой отъ 22 февраля, сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ изволилъ пожаловать вамъ чинъ маіора. Отъ души поздравляю васъ съ этимъ и радуюсь, что теперь не будетъ препятствія къ утвержденію васъ въ должности начальника Мервскаго округа.

„На Карибъ-ата я пріѣду, вѣроятно, завтра къ вечеру, а можетъ быть послѣ-завтра. Обдумавъ хорошенько, я первую стоянку намѣренъ сдѣлать въ Порсу и пройти туда съ Карибъ-ата, черезъ Сичмазъ, степной дорогой. Сообразно съ этимъ и дѣлайте ваши распоряженія. До свиданія.—А. Комаровъ“.

Письмо это я могъ объяснить только недостаточнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями, а потому черезъ нѣсколько минутъ послалъ генералу слѣдующій отвѣтъ:

„По поводу вашего намѣренія пройти, съ отрядомъ, не входя въ оазисъ, прямо изъ Карибъ-ата, степной дорогой, и расположиться въ Порсу, давно заброшенныя развалины котораго находятся совершенно на отлетѣ отъ населеннаго района, считаю своимъ долгомъ доложить вашему превосходительству слѣдующее: Расположиться въ Порсу, или гдѣ бы то ни было внѣ оазиса, не значитъ „занять Мервъ"; такой шагъ не вызывается необходимостью и можетъ произвести впечатлѣніе нежелательное. Для занятія Мерва надо идти прямо къ его сердцу и стать твердой ногой въ Коушутъ-ханъ-калѣ, чему обстоятельства считаю вполнѣ благопріятными. Завтра встрѣчу васъ съ представителями Мерва".

Къ вечеру уже собрались всѣ ханы и, въ числѣ ихъ, вошелъ ко мнѣ, въ сумеркахъ, сынъ знаменитаго Коушутъ-хана, невзрачный на видъ и слѣпой на одинъ глазъ, Баба-ханъ. На вопросъ— что новаго?—онъ отвѣчалъ:

— Новаго ничего нѣтъ, а продолжается старое: Каджаръ-ханъ дуритъ, какъ всегда. По пути сюда, я наткнулся въ одномъ аулѣ на шайку оборванцевъ, человѣкъ въ двѣсти, собранную этимъ сумасбродомъ и галдѣвшую, что не пустятъ въ Мервъ русскихъ...

— Ты хорошо знаешь Каджаръ-хана?

— Какъ же,—родственникъ...

— А моему слову ты вѣришь?—спрашиваю.

— Конечно...

— Такъ слушай. Я очень сожалѣлъ, что болѣзнь помѣшала тебѣ участвовать въ депутаціи и лишила несомнѣнной награды. Поэтому предоставляю тебѣ сегодня первый представившійся случай оказать услугу и... вернуть потерянное [1]): Поѣзжай сейчасъ и, какими угодно способами, уговори Каджара пріѣхать ко мнѣ сегодня же, хоть на нѣсколько минутъ. Мнѣ нужно сказать ему нѣсколько словъ... А затѣмъ, если ему не угодно будетъ послѣдовать моему совѣту,—онъ свободенъ уѣхать отсюда во всякую минуту. Въ этомъ даю тебѣ слово, вотъ, въ присутствіи всѣхъ хановъ!

Баба-ханъ немного замялся.

— Я попытаюсь,—отвѣтилъ онъ наконецъ,—но думается, что легче будетъ доставить сюда голову этого сумасброда, чѣмъ его живымъ.

---

[1]) И дѣйствительно, по моему ходатайству передъ начальникомъ области, Баба-ханъ получилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого чинъ прапорщика милиціи и явилъ себя въ слѣдующемъ году, въ бою на Кушкѣ, лихимъ командиромъ сотни мервскихъ текинцевъ.

— Нѣтъ, головы мнѣ не надо!.. Увѣрь его, что я желаю ему добра. Если же онъ окажется неспособнымъ понять это,—передай ему отъ меня, что онъ весь остатокъ жизни будетъ кусать свои пальцы...

Баба-ханъ уѣхалъ и, часа черезъ три, когда я оставался одинъ, занятый своимъ дневникомъ, явился снова и произнесъ лаконически: „привелъ"!.. Едва я успѣлъ придвинуть ближе къ себѣ револьверъ и положить его такъ, чтобы былъ виденъ „званому гостю", какъ въ кибитку вошелъ туркменъ огромнаго роста, съ мрачно-надменной физіономіей, точно отлитой изъ темной бронзы. Этотъ Голіаѳъ, котораго не особенно пріятно было бы встрѣтить и на Невскомъ среди бѣлаго дня, еще представлялъ собой живой арсеналъ въ полутемной кибиткѣ. Помимо кривой сабли на боку, у него были за поясомъ „акъ-бичакъ" [1]) и два пистолета, а за спиною—двустволка. Въ такомъ видѣ предсталъ предо мною Каджаръ, бывшій недавно ханомъ всего Мерва, продававшій при этомъ за пятьсотъ рублей англичанина О'Донована, а теперь—пресловутый сторонникъ Сіяхъ-пуша, мечтавшій съ жалкой толпой мервскихъ босяковъ задержать наступленіе русскихъ...

— Добро пожаловалъ Каджаръ-ханъ. Садись!—указалъ я ему мѣсто противъ себя, не поднимаясь съ сидѣнья и не протягивая руки, изъ опасенія, чтобъ она не осталась непринятою. Онъ, однако, не рѣшился опуститься на коверъ возлѣ очага и сѣлъ на какой-то сундукъ, видимо предпочитая, въ своей подозрительности, сохранить болѣе удобное оборонительное положеніе.

— Слышалъ, что ты умный человѣкъ, и радъ случаю познакомиться съ тобою,—началъ-было я въ минорномъ тонѣ, какъ вдругъ Каджаръ грубо прервалъ меня вопросомъ:

— Зачѣмъ русскіе идутъ сюда? Чтò вамъ нужно?..

Это заставило меня перемѣнить тонъ и отвѣтить:

— Русскіе идутъ сюда по желанію всего мервскаго народа, чтобы положить конецъ царившимъ здѣсь волчьимъ нравамъ, сторонникомъ которыхъ остался теперь ты одинъ. Это ты можешь услышать отъ любого изъ четырехсотъ слишкомъ лучшихъ представителей страны, которые окружаютъ меня въ эту ночь, чтобы выѣхать завтра на встрѣчу русскимъ войскамъ... А теперь ты отвѣчай мнѣ: чего ты, считающій себя умнымъ человѣкомъ, думаешь достигнуть, отдѣлившись отъ своего народа и слѣдуя глупымъ совѣтамъ какого-то бродяги, Сіяхъ-пуша?!.. Подумай объ

[1]) „Акъ-бичакъ" — большой ножъ, въ серебряныхъ ножнахъ, замѣняющій у туркменовъ кинжалъ.

этомъ; завтра уже будетъ поздно... Мнѣ извѣстно, какъ нельзя лучше, что въ Мервѣ всегда найдется одна-другая сотня голодныхъ воришекъ, которая послѣдуетъ за тобою и за кѣмъ угодно, и разбѣжится послѣ первой же встрёпки. Неужели у тебя не хватаетъ ума сообразить, что подобные оборвыши, сколько бы ихъ ни было, не въ силахъ выдержать и одного дня борьбы,— куда тамъ съ государствомъ! — даже съ одной тысячью его воиновъ!.. Въ какую же бездну ты хочешь кинуться внизъ головой и вмѣстѣ съ собою безплодно погубить горсть темныхъ, безумныхъ людей, которые если и пойдутъ за тобою, то только повѣривъ твоимъ обманамъ?!.. Какой ты отвѣтъ дашь за это передъ Богомъ?!.. Скажу тебѣ больше: мы и бороться съ вами не станемъ. Если это понадобится,—сами мервцы перевяжутъ и выдадутъ васъ поголовно...

Каджаръ, не проронившій до сихъ поръ ни слова, вдругъ поднялся и хотѣлъ уйти.

— Подожди немного. Самое главное еще не сказано,— остановилъ я.—Ты вынудилъ меня произнести эти горькія слова. Но моя цѣль была иная. Я пригласилъ тебя потому, что искренно желаю тебѣ добра... Ты ошибся и сталъ на ложный путь. Но я готовъ забыть это разъ навсегда, если ты послѣдуешь моему совѣту. Поди, переговори, посовѣтуйся съ своими собратьями и выѣзжай съ ними завтра въ Карибъ-ата, гдѣ я представлю тебя русскому генералу, какъ бывшаго хана всего Мерва. Повѣрь, что ты не будешь разочарованъ... А затѣмъ, если останешься при прежнихъ мысляхъ, ты свободенъ, какъ и сегодня, уѣхать, когда и куда угодно и приняться за свое дѣло... Теперь,—съ Богомъ!..

Каджаръ всталъ и ушелъ безъ всякаго отвѣта. Черезъ часъ пришелъ Баба-ханъ и заявилъ съ улыбкой, что „сумасбродъ“ остается и поѣдетъ завтра на встрѣчу генерала.

Такъ кончился послѣдній день февраля. Слѣдующій день оказался чреватымъ всякими неожиданностями.

Выѣзжая изъ Топаза, я оставилъ здѣсь бывшихъ со мною дѣлопроизводителя маіора Ляшевскаго и повара Карапета. Упоминаю объ этомъ потому, что, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, имъ суждено было попасть въ этотъ день въ трагикомическую обстановку и пережить такія минуты, послѣ которыхъ первый оказался нервно разстроеннымъ настолько, что черезъ годъ покончилъ самоубійствомъ; второй же посѣдѣлъ въ нѣсколько часовъ...

Когда я выѣхалъ къ длинной линіи конницы, выстроившейся

по дорогѣ въ Карибъ-ата, туземный письмоводитель представилъ мнѣ отдѣльно стоявшую небольшую группу всадниковъ, назвавъ ее „депутаціею іолотанскихъ сарыковъ, съ Гусейнъ-ханомъ во главѣ“.

— Вы какимъ образомъ здѣсь?—спрашиваю.

— Мы, сарыки, сосѣди Мерва, небольшой народъ въ тридцать —сорокъ тысячъ душъ, живемъ въ Іолотанскомъ оазисѣ,—объяснилъ Гусейнъ-ханъ, тучный, коренастый мужчина съ обросшимъ лицомъ и съ заплывшими жиромъ добродушными глазами.—Узнавъ, что Мервъ принялъ подданство Бѣлаго Царя, народъ нашъ рѣшилъ послѣдовать этому примѣру и прислалъ насъ извѣстить объ этомъ.

— Прекрасно сдѣлали,—отвѣтилъ я,—такъ какъ это должно было случиться рано или поздно. Видно, что во главѣ сарыковъ стоятъ люди благоразумные... Поѣзжайте съ ними. Я васъ представлю генералу.

Затѣмъ мы тронулись и около полудня прибыли въ Карибъ-ата. Остановивъ и выстроивъ конницу въ полуверстѣ отъ озера, я помчался съ казаками и джигитами въ лагерь отряда, палатки котораго бѣлѣли на берегу самаго озера. Не успѣлъ я соскочить съ коня передъ ставкою командующаго войсками, какъ уже изъ палатки вышелъ генералъ Комаровъ и, не разглядѣвъ хорошо мчавшуюся за мною группу всадниковъ, встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Это и есть ваша мервская депутація?!..

— Нѣтъ, ваше превосходительство, это—казаки и джигиты. Мервская депутація со всѣми ханами, къ которой присоединилась сегодня еще и іолотанская, въ числѣ болѣе четырехсотъ всадниковъ, ждетъ васъ въ полуверстѣ отсюда.

Генералъ, повидимому не ожидавшій такого успѣха, прояснился и, потребовавъ дипломатическаго чиновника Таирова, поручилъ ему озаботиться приготовленіемъ всего необходимаго для угощенія пловомъ, бараниной и сластями всей массы прибывшихъ со мною людей. Затѣмъ генералъ выѣхалъ къ мервской конницѣ, предшествуемый джигитами, сопровождаемый казаками и окруженный пестрой свитой офицеровъ и чиновниковъ, между которыми были также камеръ-юнкеръ Чарыковъ и инженеръ Лессаръ, нынѣшніе посланники въ Сербіи и въ Китаѣ. По мѣрѣ движенія нашего кортежа по фронту мервцевъ, я представлялъ изъ нихъ командующему войсками болѣе выдающихся и, между прочимъ,—іолотанскую депутацію и Каджаръ-хана. Вся эта процедура кончилась привѣтливою рѣчью генерала, который въ заключеніе пригласилъ всѣхъ быть „сегодня“ его гостями. Послѣ этого мы вернулись въ лагерь. Мервцы также послѣдовали за

нами и расположились на краю лагеря, гдѣ вскорѣ началось ихъ угощеніе...

Подъ вечеръ мнѣ сообщили, что „сумасбродъ“ Каджаръ-ханъ скрылся; а еще часа черезъ два, когда уже совершенно стемнѣло, за лагеремъ начали раздаваться угрожающіе крики какого-то сборища, продолжавшіеся до девяти часовъ и прекратившіеся сразу послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашихъ джигитовъ... На слѣдующій день отрядъ передвинулся къ Топазу, гдѣ мы узнали слѣдующее.

Наканунѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашего выѣзда изъ этого аула, къ нему начали приближаться толпы, вооруженныя всякимъ хламомъ и предводимыя Сіяхъ-пушемъ и его сторонникомъ Дурды-Ходжа. Оставшіеся въ Топазѣ маіоръ Ляшевскій и Карапетъ, видя грозящую имъ опасность, не догадались вскочить на коней и мчаться вслѣдъ за нами. Гроза между тѣмъ надвигалась. Тогда прибѣжала къ нимъ въ кибитку съ двумя своими замужними дочерьми энергичная старуха, жена Абдалъ-сардара, выѣхавшаго съ нами, и тономъ, не допускающимъ возраженія, приказала своимъ гостямъ лечь. Едва Ляшевскій и Карапетъ исполнили это требованіе, три женщины разбросали между ними подушки, накинули сверху кошму, поставили сбоку ткацкій станокъ и, усѣвшись тутъ же, принялись, за работу ковра, какъ ни въ чемъ не бывало... Чрезъ нѣсколько минутъ на дворѣ послышались возгласы „гдѣ русскіе?“—и съ этимъ же вопросомъ толпа подошла вскорѣ къ дверямъ кибитки Абдалъ-сардара.

— Опоздали,—спокойно отвѣтила старуха:—русскіе съ утра уѣхали въ Карибъ-ата. Отправляйтесь туда,—тамъ ихъ сколько угодно...

Толпа отхлынула, но черезъ нѣсколько минутъ подходитъ другая, и нѣкоторые переступаютъ даже порогъ кибитки. Старуха вскакиваетъ тогда съ мѣста, хватаетъ у очага желѣзные щипцы и кидается на вошедшихъ съ крикомъ:

— Убирайтесь, голодные псы! Какихъ вы русскихъ ищете среди женщинъ?!.. Не русскіе вамъ нужны, а норовите, нельзя ли стянуть что-либо... Убирайтесь, говорю, если не хотите, чтобъ я размозжила кому-нибудь голову!..

Подобныя сцены повторялись нѣсколько разъ, пока вечеромъ не прибылъ въ Топазъ Каджаръ-ханъ, который повелъ весь этотъ сбродъ въ сторону Карибъ-ата. Не трудно себѣ представить, что̀ испытывали во все это время Ляшевскій и Карапетъ, задыхаясь подъ кошмой, не смѣя пошевельнуться и ежеминутно слыша

назойливыя приставанія шайки, разыскивавшей ихъ по всему аулу?!.. О послѣдствіяхъ пережитого ими я уже говорилъ...

Переночевавъ въ Топазѣ, отрядъ нашъ вступилъ на другой день въ густо населенный районъ оазиса. Предшествуемый блестящей мервской конницей, онъ двигался довольно торжественно между садами и аулами, поминутно переправляясь, въ бродъ или по жидкимъ мосткамъ, черезъ оросительныя канавы, и возбуждая любопытство населенія, тѣснившагося по сторонамъ дороги почти непрерывной шпалерой. Такъ мы прошли верстъ пятнадцать и расположились для ночлега на равнинѣ, недалеко отъ аула Сары-батыръ-хана. Вечеръ здѣсь прошелъ спокойно. Но ночь готовила намъ сюрпризъ и довольно непріятнаго свойства...

Было около полуночи, я еще не спалъ. Надъ соннымъ отрядомъ царила мертвая тишина, и возлѣ догорѣвшихъ костровъ бодрствовали только ночные, когда къ моей палаткѣ подскакалъ одинъ изъ конныхъ текинцевъ рода Бахши, которымъ было поручено наблюденіе за ближайшими аулами.

— Вставай, баяръ!—произнесъ онъ сдержаннымъ голосомъ, не слѣзая съ коня.

— Что̀ случилось?—спрашиваю, выскочивъ изъ палатки.

— Идутъ,—коротко отвѣтилъ бахшинецъ.

— Кто такіе идутъ?.. Говори толкомъ.

— Да все тѣ же... толпы Каджара.

И дѣйствительно, едва я успѣлъ разбудить генерала и полковника Закржевскаго и объяснить имъ въ двухъ словахъ, что предстоитъ нападеніе, какъ уже противъ западнаго фаса лагеря, расположеннаго въ каре, послышались обычные и на этотъ разъ довольно многочисленные возгласы нападающихъ туркменовъ, которые, подражая какому-то звѣрю, оглашаютъ воздухъ пронзительными криками: „кыу, кыу, кыу“!.. Не прошло и минуты послѣ этого, какъ уже весь отрядъ былъ на ногахъ и въ полной готовности. Моментально прискакали къ намъ и ханы изъ своего бивака.

Крики между тѣмъ быстро приближались. Судя по голосамъ, нападающіе были не далѣе 150—200 шаговъ. Темные силуэты передовыхъ уже начали слегка вырисовываться при тускломъ свѣтѣ луны. Раздались наконецъ два-три выстрѣла въ нашу сторону, и среди стрѣлковъ кто-то громко и отрывисто крикнулъ: „ой“! Пуля попала несчастному въ животъ, и онъ свалился мертвымъ. Пора была образумить Каджара.

— Ваше превосходительство,— не выдержалъ я,—позвольте открыть огонь!

— Открывайте!

Вслѣдъ за этимъ, по командѣ полковника Закржевскаго, какъ одинъ выстрѣлъ грянулъ залпъ цѣлаго фаса, и... точно все пало замертво передъ нами: ни звука!.. Одинъ за другимъ раздались еще два залпа,—но это было больше „для очищенія совѣсти",—и бой кончился.

— Давно надо было,—заговорилъ какъ бы про себя, когда все стихло, стоявшій возлѣ меня Сары-батыръ-ханъ. — Кричите теперь, безумные!.. Они забыли, что стоятъ передъ ними не персы, которыхъ можно было запугивать ночными криками...

Какъ выяснилось впослѣдствіи, крикуны дорого поплатились за свое безразсудство: семь человѣкъ изъ нихъ оказались убитыми и десятка два ранеными. Каджаръ и Сіяхъ-пушъ бѣжали изъ Мерва въ ту же ночь, а шайка ихъ разбрелась по ауламъ.

На слѣдующій день утромъ, пока отрядъ торжественно хоронилъ вблизи дороги, на возвышеніи, осѣненномъ нѣсколькими деревьями, убитаго ночью молодого стрѣлка,—единственную нашу жертву при занятіи Мерва,—я съ нѣсколькими джигитами прискакалъ, по приказанію генерала, до ограды мервской крѣпости и, вернувшись, доложилъ, что путь свободенъ. Тогда войска двинулись въ дальнѣйшій путь и, переправившись около полудня черезъ Мургабъ, подошли къ сердцу Мерва,—къ чудовищной оградѣ Коушутъ-ханъ-калы. Это было 4-го марта 1884 года.

Внутри Коушутъ-ханъ-калы располагался тогда небольшой аулъ колѣна Геокча, на краю котораго валялись сорокъ-два орудія, двѣ мортиры и нѣсколько фальконетовъ,—народные трофеи мервцевъ, свидѣтельствовавшіе о пораженіи ими персидской арміи въ 1860 году. Затѣмъ, все внутреннее пространство крѣпости, представляющее площадь около ста десятинъ, было занято посѣвами и, большею частью, рисовыми полями, которыя въ извѣстное время года уподоблялись сплошнымъ болотамъ, развивавшимъ лихорадки и тучи мошекъ. Да и помимо этого, крѣпостная ограда, имѣющая около семи верстъ протяженія, представила бы огромныя неудобства для гарнизона въ четыре роты, двѣ сотни и два горныхъ орудія. По всѣмъ этимъ причинамъ было рѣшено расположить нашъ маленькій отрядъ, на первое время, внѣ ограды, на узкой полосѣ земли между крѣпостнымъ валомъ и Мургабомъ, такимъ образомъ, чтобы мы командовали внутреннимъ пространствомъ калы, чтобы на всякій случай оно было подъ нашими выстрѣлами. Въ первые же дни, площадь занятая отрядомъ, была обнесена—рабочими изъ мервцевъ, подъ руководствомъ сапернаго офицера Затеплинскаго—небольшимъ валикомъ со рвомъ. Возник-

шее такимъ образомъ крошечное русское укрѣпленіе на Мургабѣ, заставленное внутри рядами кибитокъ и палатокъ, послужило зародышемъ будущаго города Мерва, который, благодаря нахлынувшимъ со всѣхъ сторонъ искателямъ наживы, выросталъ настолько по-американски, что, менѣе чѣмъ черезъ два года, уже представлялъ на обоихъ берегахъ рѣки 16 широкихъ улицъ, массу красивыхъ зданій и желѣзнодорожныхъ сооруженій, два капитальныхъ моста и до 15 тысячъ пришлаго населенія, помимо войскъ, численность которыхъ также значительно возросла... Но возвратимся къ началу занятія Мерва.

На третій день, когда были уже установлены въ укрѣпленіи заказанныя для меня кибитки, я устроилъ нѣчто въ родѣ „новоселья“ и пригласилъ къ себѣ командующаго войсками съ его окружающими и мѣстныхъ хановъ. Въ серединѣ обѣда меня вызвалъ „по важному дѣлу“ тотъ самый старикъ Дурды-Ніязъ, который въ Асхабадѣ, подносилъ генералу просьбу мервцевъ на Высочайшее имя.

— Мнѣ сейчасъ дали знать,—сообщилъ онъ шопотомъ,—что Каджаръ-ханъ, Сіяхъ-пушъ и ихъ приближенные возвратились сегодня изъ Іолотана и находятся теперь въ крайнемъ аулѣ рода Бахши, возлѣ кургана Геокъ-Тепе, не болѣе какъ въ двухъ часахъ пути отсюда, даже для пѣшехода.

— Спасибо, другъ, за извѣстіе,—сказалъ я старику,—и немедленно доложилъ новость генералу, съ разрѣшенія котораго вызвалъ хановъ и приказалъ имъ скакать въ указанномъ направленіи съ своими всадниками и во что̀ бы то ни стало захватить названныхъ людей, обѣщая, въ случаѣ успѣшности выполненія этого порученія, тысячу рублей вознагражденія.

Ханы помчались точно на праздникъ и часа черезъ три вернулись сіяющіе, ведя передъ собою связанныхъ Каджаръ-хана, Сіяхъ-пуша, муллу Дурды-ходжа и *джадида* Мамедъ-Рагима [1]).

Нужно было видѣть еще недавно надменную, а теперь жалкую, избитую фигуру Каджара, который до того растерялся при внезапномъ нападеніи своихъ соплеменниковъ, что даже не нашелся взять что-либо изъ своего грознаго „арсенала“!..

---

[1]) Меня увѣряли, что, при посредствѣ этого джадида, англійскій консулъ въ Мешедѣ снабжалъ деньгами Сіяхъ-пуша на дѣло возбужденія мервцевъ противъ русскихъ.

Джадидами называются въ Персіи евреи-торговцы, которые, оставаясь въ сущности послѣдователями религіи Моисея, формально принимаютъ исламъ, гарантирующій ихъ отъ преслѣдованія мѣстныхъ фанатиковъ. Сотни подобныхъ „мусульманъ“, въ первый же годъ занятія нами Мерва, перебрались сюда изъ священнаго Мешеда и выстроили здѣсь *синагогу*...

— Ну, что̀, Каджаръ, вѣрно я предсказывалъ или нѣтъ?.. Я старался сравнять тебя вотъ съ ними,—говорю, указывая на хановъ, бывшихъ верхами въ своихъ капитанскихъ погонахъ.— Ты не внялъ моему доброму совѣту, и вотъ что̀ вышло!.. Теперь пеняй, другъ, на одного себя...

— *Кысматъ* (судьба)!—едва слышно отвѣтилъ Каджаръ дрожащимъ голосомъ...

Сіяхъ-пушъ [1]) держалъ себя съ гораздо бо̀льшимъ достоинствомъ. Это былъ замѣчательно красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати-трехъ, съ матово-блѣднымъ лицомъ, съ большими выразительно-задумчивыми глазами, съ маленькой бородкой и съ длинными, распущенными по плечамъ волосами. На головѣ онъ носилъ тюрбанъ, повязанный вокругъ высокой, остроконечной тюбетейки, какъ его повязываютъ только индусы и авганцы. Глаза также были насурмлены по обычаю этихъ народовъ. Вообще же вся внѣшность и костюмъ его напоминали аскета-дервиша. По-персидски онъ говорилъ прекрасно, по-туркменски—съ акцентомъ авганца, и писалъ на этихъ языкахъ изящнымъ почеркомъ.

Въ срединѣ 1882 года Сіяхъ-пушъ точно изъ земли выросъ въ Іолотанскомъ оазисѣ. Онъ вскорѣ привлекъ тамъ общее вниманіе и сдѣлался предметомъ толковъ, проникшихъ и въ Мервъ. Для достиженія своей цѣли, въ чемъ бы она ни состояла, ему нужно было пріобрѣсти вліяніе на туркменовъ, и онъ рѣшился, повидимому, эксплоатировать ихъ для этого на почвѣ религіи, окружая свою личность ореоломъ святости. Онъ показывался не иначе, какъ съ завѣшаннымъ лицомъ, говорилъ загадочно и съ длинными цитатами изъ корана. Для характеристики приведу нѣкоторые изъ его отвѣтовъ.

— Кто ты, какъ тебя зовутъ, какой ты національности?— ставлю вопросы, усадивъ его въ своей кибиткѣ.

— Я—созданіе Бога; зовутъ—человѣкомъ; моя нація— человѣчество.

— Изъ какой ты страны, гдѣ родился, сколько тебѣ лѣтъ?

— Я изъ той страны, куда назначенъ Богомъ. Родился тамъ же. Лѣтъ мнѣ столько, сколько нужно для прославленія Бога.

— Съ какою цѣлью ты явился среди туркменовъ?

— Цѣль извѣстна одному Богу. Я—не разсуждающій исполнитель Его воли...

---

[1]) *Сіяхъ-пушъ* значитъ по-персидски „чернорясникъ". Это названіе носятъ воинственные горцы-язычники, населяющіе такъ называемый *Кяфиристанъ*, на границѣ Индіи и Авганистана.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ въ такомъ же родѣ, съ поразительнымъ спокойствіемъ смотря мнѣ прямо въ глаза. Ничего болѣе яснаго я не могъ добиться, и это вывело меня, наконецъ, изъ терпѣнія.

— Послушай, ты—просто шарлатанъ!—разразился я.—Выбирай: или ты отвѣтишь по-человѣчески на всѣ мои вопросы, и тогда... ступай на всѣ четыре стороны; или же—я велю тебя повѣсить!

— Отвѣчаю, какъ велитъ Богъ,—продолжалъ Сіяхъ-пушъ съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ.—Если буду повѣшенъ, то также по волѣ Бога...

Я крикнулъ джигитовъ и приказалъ имъ взять этого нахала и повѣсить его на первомъ деревѣ, если черезъ полчаса онъ не изъявитъ согласія отвѣтить на всѣ мои вопросы... Еще ранѣе получаса явился урядникъ и передалъ слѣдующее:

— Сіяхъ-пушъ говоритъ, что онъ сказалъ все, и что если его потребуютъ вторично,—онъ не раскроетъ и рта.

Его, конечно, не повѣсили...

Камеръ-юнкеру Чарыкову было поручено спеціально заняться Сіяхъ-пушемъ и выяснить вопросъ,—чьимъ интересамъ служила эта темная личность? Но и онъ, сколько помнится, въ результатѣ своихъ трудовъ, остался при однѣхъ догадкахъ, между которыми болѣе вѣроятною казалась присылка Сіяхъ-пуша въ Мервъ извѣстнымъ претендентомъ на авганскій престолъ, Эюбъ-ханомъ, мечтавшимъ поднять туркменовъ и, при ихъ содѣйствіи, свергнуть эмира Абдурахмана. Когда же туркмены не выразили никакого желанія рисковать своими головами ради голоднаго авганскаго претендента, Сіяхъ-пушъ сдѣлался орудіемъ англійскаго консула въ Мешедѣ и сталъ возбуждать мервцевъ противъ русскихъ...

Такъ или иначе, но Сіяхъ-пушъ и три его клеврета высидѣли подъ арестомъ въ Мервѣ около недѣли и затѣмъ были высланы въ Россію. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. Съ ихъ удаленіемъ, населеніе Мерва избавилось по крайней мѣрѣ отъ явныхъ нашихъ недруговъ, и дѣло устройства новаго края пошло затѣмъ безпрепятственно.

Но жизнь Мерва подъ властью Россіи уже не входитъ въ программу моихъ разсказовъ. Ограничусь поэтому нѣсколькими словами о первыхъ дняхъ этого періода.

Первымъ послѣдствіемъ занятія Мерва было уничтоженіе здѣсь невольничества и освобожденіе всѣхъ плѣнныхъ персовъ. Послѣднихъ оказалось около семисотъ человѣкъ разныхъ возра-

стовъ и положеній, не исключая и персидскихъ офицеровъ, захваченныхъ еще въ 1860 году. Въ теченіе двухъ недѣль всѣ они были доставлены, нѣсколькими партіями, персидскимъ властямъ Саракса и Дарайгеза.

Вторымъ памятнымъ событіемъ тѣхъ же дней послужилъ пріѣздъ въ Мервъ, черезъ два мѣсяца послѣ его занятія, главноначальствовавшаго тогда на Кавказѣ, генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова. Князь пріѣхалъ съ блестящей свитой, въ сопровожденіи цѣлаго казачьяго полка, и въ трехъ переходахъ отъ Мерва былъ встрѣченъ мѣстной конницей въ числѣ двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ. Кортежъ получился чисто царскій. Да и шесть дней, проведенныхъ княземъ въ нашемъ маленькомъ укрѣпленіи, въ разъѣздахъ по оазису и въ посѣщеніи развалинъ древнихъ городовъ, долго вспоминались въ Мервѣ, какъ непрерывный рядъ празднествъ для войскъ и народа. Широкая, истинно барская натура князя тутъ обнаружилась вполнѣ: угощенія войскъ и народа слѣдовали день за днемъ. Награды и подарки сыпались точно изъ рога изобилія... Посѣтивъ, между прочимъ, и ханшу Гюль-Джамалъ, князь торжественно вручилъ ей подарки, присланные, съ особымъ курьеромъ, изъ Кабинета Его Величества: пару массивныхъ золотыхъ браслетъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, такой же поясъ и роскошный соболій халатъ, крытый золотою парчей. Сверхъ того, и отъ себя лично князь подарилъ ханшѣ дорогое ожерелье и объявилъ, что, за оказанныя услуги, „Бѣлый Царь" назначилъ ей пожизненную пенсію, по двѣ тысячи, а ея сыну, Юсуфъ-хану, по 1.200 рублей. Такимъ образомъ, издержки ханши на „генгешъ" были возвращены ей сторицею...

Къ этому считаю не лишнимъ прибавить, что, благодаря какъ политическому, такъ и стратегическому значенію, которое англійскіе публицисты издавна придавали Мерву, присоединеніе его къ Россіи подняло цѣлую бурю въ англійскомъ парламентѣ и въ прессѣ. Между прочимъ, по порученію своего правительства, великобританскій посолъ при Высочайшемъ дворѣ, сэръ Э. Торнтонъ, заявилъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что включеніе Мерва въ предѣлы Россіи признается несогласнымъ съ принятыми, будто бы, ею обязательствами по отношенію къ Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посолъ освѣдомлялся о томъ, „какія предложенія русскій кабинетъ могъ бы сдѣлать Англіи съ тѣмъ, чтобы предупредить осложненія, которыя можетъ повлечь за собою вновь совершившееся расширеніе предѣловъ русскаго владычества по направленію къ границамъ Авганистана"?

Наше правительство отвѣтило въ томъ смыслѣ, что оно никогда не брало на себя обязательства воздерживаться, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, отъ занятія Мерва; а условія, при которыхъ неожиданно совершился этотъ фактъ,—ведущій за собою прекращеніе туркменскихъ разбоевъ и безусловно благотворный для будущаго положенія дѣлъ въ Средней Азіи,—не таковы, чтобы могли служить поводомъ къ оспариванію свободы дѣйствій Россіи и къ заявленію какихъ-либо притязаній со стороны Англіи... Въ то же время, во избѣжаніе въ будущемъ всякихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ, Россія подняла вопросъ о необходимости разграниченія сферы нашихъ притязаній съ владѣніями авганскаго эмира, что̀ повело къ столкновенію на Кушкѣ... Но объ этомъ рѣчь впереди.

VIII.

Присоединеніе Іолотана.

Въ послѣдніе дни своей независимости, туркмены довольно часто повторяли мнѣ ходячій афоризмъ своего народа: „Мервъ—крѣпость; остальные наши оазисы—только отдѣльныя башни. Взяли Мервъ,—значитъ, взяли всю Туркменію“... Изреченіе это, дѣйствительно, оказалось пророчествомъ, перешедшимъ въ область реальныхъ фактовъ не позже нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ занятія Мерва. Кахка, населенное туркменами рода Алили, и Тедженъ, находившійся въ рукахъ текинцевъ, были заняты нами еще по пути къ Мерву. Затѣмъ, послѣ Мерва, наступила очередь *Іолотана*.

Довольно обширная кала подъ этимъ названіемъ, съ разбросанными вокругъ аулами и базарными постройками, лежала тогда на лѣвомъ берегу Мургаба, на юго-востокѣ отъ Мерва и въ шестидесяти верстахъ отъ послѣдняго; а самый оазисъ, съ населеніемъ отъ тридцати до тридцати-пяти тысячъ душъ туркменъ-сарыковъ, начинался верстахъ въ двадцати отъ послѣднихъ мервскихъ посѣвовъ и тянулся по прибрежью рѣки верстъ на семьдесятъ. Это промежуточное пространство между двумя оазисами,—хотя и покрытое сѣтью старыхъ ирригаціонныхъ каналовъ и остатками кирпичныхъ построекъ осѣдлаго иранскаго населенія, жившаго здѣсь до конца XVIII столѣтія,—не было занято ни текинцами, ни сарыками только потому, что служило

ареной постоянныхъ схватокъ между этими враждовавшими тогда племенами. Помимо земледѣлія, іолотанцы занимались въ довольно широкихъ размѣрахъ скотоводствомъ, чему способствовала захваченная ими на лѣвомъ берегу Мургаба обширная степная площадь около 4.000 кв. верстъ.

Вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Мервомъ, сравнительно слабое населеніе Іолотана должно было, конечно, ранѣе другихъ послѣдовать примѣру текинцевъ. И дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ февраля 1884 года, черезъ три дня послѣ моего прибытія въ Мервъ въ качествѣ начальника округа, сарыки уже прислали ко мнѣ депутацію, съ Гусейнъ-ханомъ во главѣ, и съ заявленіемъ, что, по примѣру мервцевъ, они также просятъ о принятіи ихъ въ подданство Бѣлаго Царя. Какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, это было въ то время, когда мы уже выѣзжали изъ Топаза на встрѣчу нашего отряда. Депутація эта послѣдовала съ нами въ Карибъ-ата, гдѣ и была представлена генералу Комарову. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней послѣ занятія нашими войсками Мерва, генералъ отправилъ въ Іолотанъ, съ порученіемъ позондировать дѣйствительное настроеніе тамошнихъ сарыковъ, маіора Мехтемъ-кули-хана, который вернулся съ извѣстіемъ, что сарыки ждутъ къ себѣ русскихъ и будутъ очень рады избавиться, наконецъ, отъ безначалія и раздоровъ, такъ долго препятствующихъ ихъ благосостоянію...

Въ началѣ апрѣля того же года депутація сарыковъ, въ числѣ двѣнадцати уполномоченныхъ, съ двумя ханами, была отправлена въ Асхабадъ, гдѣ ихъ прибытіе совпало съ пріѣздомъ туда же генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, въ присутствіи котораго, 21 апрѣля, она и приняла присягу на подданство русскому императору. Оставалось только ввести у сарыковъ наше управленіе. Съ этою цѣлью я выѣхалъ въ Іолотанъ въ сопровожденіи мервской милиціи и сотни казаковъ, черезъ два дня послѣ отъѣзда изъ Мерва князя и начальника области. Конные сарыки, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, встрѣтили насъ на границѣ своего оазиса, а все остальное мужское населеніе—на базарной площади передъ оградой своего укрѣпленія. Здѣсь, на другой день послѣ пріѣзда, я торжественно объявилъ собравшемуся народу о его присоединеніи къ Россіи и къ Мервскому округу, и, утвердивъ избранныхъ ими аульныхъ старшинъ, а также казія и членовъ народнаго суда, объяснилъ имъ ихъ права и обязанности. Въ заключеніе было также объявлено, что, впредь до назначенія русскаго офицера

начальникомъ іолотанскаго участка, управленіе этого оазиса ввѣряется Сары-хану, который являлся главою наиболѣе крупнаго изъ сарыкскихъ родовъ, да и вообще человѣкомъ болѣе вліятельнымъ въ народѣ.

До этого момента все шло какъ нельзя лучше. Но не успѣлъ я окончить послѣднюю фразу о Сары-ханѣ, какъ точно ужаленный вскочилъ съ своего мѣста глава другого изъ сарыкскихъ родовъ, Гусейнъ-ханъ, и съ чисто туркменскою необузданностью заговорилъ чуть не съ пѣною у рта:

— Я такой же глава сарыковъ, какъ Сары-ханъ, и никогда ему не подчинюсь!.. Если уже назначать одного изъ насъ правителемъ всего Іолотана, то на эту должность я имѣю не меньше правъ, чѣмъ мой противникъ и врагъ...

— Эту глупую выходку,—отвѣтилъ я,—готовъ тебѣ простить только потому, что ты не знаешь русскихъ порядковъ. У насъ нельзя требовать должностей. Право выбора того или другого лица принадлежитъ поставленному свыше начальству, въ данномъ случаѣ—мнѣ. Поэтому, успокойся, ступай на свое мѣсто и впредь будь умнѣе.

Гусейнъ-ханъ, однако, не унялся и продолжалъ настаивать на своемъ, указывая на то, что четыре хана въ Мервѣ назначены правителями своихъ родовъ. Тогда я крикнулъ джигитовъ и приказалъ взять Гусейнъ-хана подъ стражу, что̀ моментально и было исполнено. Его заключили въ какую-то саклю и поставили караулъ. Но въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ явилась цѣлая депутація сѣдобородыхъ сарыковъ, съ Сары-ханомъ во главѣ, съ просьбою простить на этотъ разъ Гусейнъ-хана, который поступилъ по туркменской привычкѣ, глубоко раскаивается и т. д. Онъ, конечно, былъ освобожденъ, и инцидентъ исчерпанъ [1].

Такъ 12 мая 1884 года совершилось образованіе іолотанскаго приставства Мервскаго округа. Назначенный управлять имъ Сары-ханъ, мѣсяца черезъ два послѣ того, получилъ чинъ капитана, а черезъ нѣсколько лѣтъ и его глухой родинѣ суждено было дождаться благихъ послѣдствій появленія паровоза, окрещеннаго туркменами „русскимъ верблюдомъ“...

---

[1]) Этотъ Гусейнъ-ханъ оказался впослѣдствіи настолько разумнымъ и рьянымъ служакой, что, года черезъ полтора, былъ назначенъ пендинскимъ ханомъ и произведенъ въ офицеры милиціи.

IX.

Занятіе Саракса и переселеніе изъ Персіи туркменъ-салыровъ.

Въ главѣ VI-ой настоящихъ воспоминаній я говорилъ, что, по прибытіи изъ Мерва на Карры-бентъ съ мервскою депутаціею и до выѣзда отсюда въ Асхабадъ, мнѣ пришлось совершить еще поѣздку, продолжавшуюся около недѣли, для рекогносцировки Саракса. Результаты этой поѣздки, вмѣстѣ съ планами Новаго Саракса и Рукнабада, были представлены мною въ особой запискѣ генералу Комарову, въ февралѣ того же года. Для ясности дальнѣйшаго повѣствованія, считаю необходимымъ привести здѣсь вкратцѣ нѣкоторыя изъ свѣдѣній, заключавшихся въ упомянутой запискѣ, и дополнить ихъ позднѣйшими свѣдѣніями...

Обширный и всегда славившійся въ Средней Азіи необыкновеннымъ плодородіемъ, земледѣльческій районъ Саракса, снабженный цѣлой системой ирригаціонныхъ каналовъ изъ Герируда, иначе называемаго Тедженомъ, даже въ началѣ прошлаго столѣтія непосредственно прилегалъ къ послѣднимъ полямъ мервцевъ, пользовавшихся орошеніемъ изъ Мургаба. Довольно значительной пустыни, лежащей въ настоящее время между Мервомъ и Сараксомъ, не существовало тогда. Дорога, соединяющая оба эти пункта, была снабжена на всемъ протяженіи цистернами, каравансараями и даже помильными курганами [1]), и служила важнѣйшею торговою артеріею между Ираномъ и Тураномъ. Благодаря такимъ сосѣдству и связи, Сараксъ во всѣ времена дѣлилъ судьбу Мерва. Это же случилось и въ 1884 году.

Городъ Сараксъ, когда-то цвѣтущій и сильно укрѣпленный, какъ свидѣтельствуютъ его развалины, и называемый теперь *Старымъ*, лежалъ на высокомъ курганѣ, въ пяти верстахъ отъ праваго берега Герируда, и почти въ равномъ, сто двадцативерстномъ, разстояніи отъ Мешеда и Мерва. Послѣдній разъ онъ былъ разрушенъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія войсками Аббасъ-Мирзы, и тогда же, подъ руководствомъ европейца-инженера, персы выстроили въ двухъ верстахъ отъ лѣваго берега Герируда *Новый Сараксъ*, представляющій собою сомкнутое глинобитное укрѣпленіе, стѣны и рвы котораго имѣютъ очертаніе 12 бастіонныхъ фронтовъ расположенныхъ по эллипсису.

[1]) Остатки всего этого въ заброшенномъ видѣ свидѣтельствуютъ и теперь о процвѣтавшей здѣсь культурѣ.

Правый орошаемый берегъ Герируда, какъ я уже говорилъ, до 1857 года занимали текинцы, а послѣ ихъ ухода въ Мервъ и до 1884 года онъ оставался безъ населенія, какъ подверженный постояннымъ наѣздамъ грабителей изъ Мерва. Послѣ паденія Геокъ-Тепе, вслѣдствіе временного прекращенія аламанства, персы рѣшились снова занять правый берегъ рѣки и возвели здѣсь, въ четырнадцати верстахъ отъ Новаго Саракса, укрѣпленіе, названное *Рукнабадомъ*, въ честь брата покойнаго Насреддинъ-шаха, принца Рукнад-довле, бывшаго тогда намѣстникомъ Хорасана и лично руководившаго работами. Но это новое укрѣпленіе вскорѣ было брошено персами, вслѣдствіе возобновившихся въ 1882 году грабежей мервскихъ аламановъ...

Занимая почти центральное положеніе между Мешедомъ, Мервомъ и Гератомъ, Сараксъ имѣлъ всегда важное стратегическое значеніе, почему именно отсюда, какъ изъ пункта ближайшаго, всего чаще проникали, между прочимъ, и арміи арабовъ въ долину Герата и къ Мешеду, въ тѣ отдаленныя времена, когда Мервъ былъ столицею хорасанскаго намѣстничества багдадскихъ халифовъ. Это значеніе Сараксъ не утратилъ и въ наши дни, такъ какъ изъ четырехъ нашихъ аванпостовъ на авгано-хорасанскомъ фронтѣ [1]) онъ представляетъ наибольшія удобства для наступательныхъ дѣйствій въ сторону Авганистана и Персіи. Отсюда, конечно, вытекаетъ совершенно основательное мнѣніе Реклю, что „городъ Сараксъ, построенный на Герирудѣ, при входѣ этой рѣки въ равнину туркменовъ, можетъ считаться еще болѣе, чѣмъ Мервъ, „дверью въ Индію"... „Сараксъ будетъ когда-нибудь или пунктомъ обороны для Англіи, или пунктомъ нападенія для Россіи",—утверждалъ посѣтившій эту мѣстность, въ 1875 году, англійскій полковникъ Макъ-Грегоръ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились настолько, что первое изъ этихъ предположеній уже не можетъ осуществиться; второе же болѣе чѣмъ вѣроятно, въ случаѣ, конечно, разрыва съ Англіею и при условіи проведенія изъ Душака на Сараксъ вѣтви закаспійской желѣзной дороги...

Такъ или иначе, но занятіе русскими Мерва и Іолотана имѣло своимъ послѣдствіемъ немедленное прекращеніе аламанства и водвореніе полнаго спокойствія во всей Туркменіи. Плодами этого умиротворенія воспользовались въ извѣстной мѣрѣ всѣ наши сосѣди въ Средней Азіи, а особенно — авганцы и персы.

---

[1]) Керки, Пенде, Сараксъ и Асхабадъ.

Первые заняли Пендинскій оазисъ, на который не имѣли никакого права и изъ-за котораго произошло впослѣдствіи столкновеніе на Кушкѣ, окончившееся такъ бѣдственно для авганцевъ и для престижа англичанъ. Но рѣчь объ этомъ впереди. Вторые, т.-е. персы, задумали болѣе прочно водвориться въ районѣ Стараго Саракса, и съ этою цѣлью намѣрены были снова занять войсками Рукнабадъ.

Нечего и говорить, что осуществленіе этого плана могло привести немалый ущербъ нашимъ интересамъ въ Средней Азіи. Помимо важнаго стратегическаго пункта, Саракса, мы лишились бы на неопредѣленное время и всей территоріи южнѣе этого пункта до границы Авганистана, т.-е. площади почти въ 12.000 квадратныхъ верстъ. „Но этого, т.-е. занятія хотя бы пяди земли на правомъ берегу Герируда, въ районѣ туркменовъ, гдѣ спокойствіе водворилось вслѣдствіе присоединенія Мерва, отнюдь не слѣдуетъ позволить персамъ,—заключилъ я свою записку, представленную генералу Комарову относительно Саракса, —такъ какъ вмѣстѣ съ Мервомъ къ Россіи по праву долженъ отойти весь районъ, въ которомъ господствовали мервцы“...

Въ началѣ мая 1884 г. разнесся слухъ, что персы приготовили въ Хорасанѣ отрядъ изъ трехъ родовъ оружія для занятія Рукнабада. Удержать ихъ отъ этого шага путемъ дипломатическаго сношенія уже не было возможности. При отсутствіи телеграфа, на это потребовалось бы много времени; а между тѣмъ персы могли весьма быстро пройти разстояніе въ сто-двадцать верстъ, отдѣляющее Сараксъ отъ Мешеда. Оставалось одно—предупредить ихъ...

Передъ разсвѣтомъ 22 мая 1884 года, нарочный-туркменъ привезъ мнѣ въ Мервъ изъ Асхабада экстренное предписаніе командующаго войсками о томъ, чтобы, съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи, немедленно выступить въ сторону Саракса и постараться занять Рукнабадъ ранѣе отряда персовъ. Проѣхать, хотя и по безводной пустынѣ, сто-двадцать верстъ, отдѣляющихъ Мервъ отъ Саракса, было дѣло весьма обыкновенное. Серьезная сторона порученія заключалась въ томъ, что отъ Мешеда до Саракса—тоже сто-двадцать верстъ, и путь тянется все время по населенной странѣ. Персы, слѣдовательно, могли пройти это пространство еще легче, чѣмъ мы, даже при условіи одновременнаго выступленія отрядовъ изъ Мерва и Мешеда. Дѣло тогда сводилось бы къ выигрышу каждаго часа. Между тѣмъ, въ полученномъ мною предписаніи говорилось, что, по слухамъ, персидскій отрядъ въ 1.600 человѣкъ выступаетъ изъ Мешеда

20 мая, т.-е. двумя днями раньше, чѣмъ я получилъ приказаніе. Это обстоятельство уже дѣлало нашу задачу, на первый взглядъ, почти невыполнимою...

Собрались мы, конечно, съ лихорадочною поспѣшностью, и въ тотъ же день, въ 8 часовъ утра, я пустился въ путь съ двумя сотнями казаковъ кавказскаго полка и съ сотнею туркменовъ. Мы шли весь день и всю ночь, за исключеніемъ двухъ небольшихъ приваловъ, и утромъ 23 мая домчались до воротъ персидскаго укрѣпленія Рукнабадъ, который, къ нашему счастью, оказался никѣмъ незанятымъ. Поблагодаривъ казаковъ и туркменовъ за лихой маршъ, я слѣзъ съ измученнаго коня, и въ ту же минуту, какъ убитый, заснулъ на буркѣ, разостланной тутъ же, передъ воротами укрѣпленія...

Легко себѣ представить мое удивленіе, когда, проснувшись около полудня, я увидѣлъ надъ воротами Рукнабада персидскаго часового, а внизу, у входа, — офицера и человѣкъ пятнадцать солдатъ въ оборванныхъ персидскихъ мундирахъ!.. Что̀ за притча, откуда они взялись?!.. — Говорятъ, что только-что пришли изъ Новаго Саракса.

Подозвавъ къ себѣ персидскаго офицера, я принялъ его со всѣми тонкостями восточнаго этикета: усадилъ, предложилъ чаю и справился о здоровьи не только его, но и его начальства. Выполнивъ такимъ образомъ обязанности гостепріимства, я спокойно обратился къ своему неожиданному компаньону съ такой фразой:

— Очень радъ, что при самомъ моемъ появленіи на нашей новой территоріи встрѣчаю здѣсь офицера сосѣдней дружественной страны. Но не сочтите это за неделикатность, если я спрошу васъ,—по какой причинѣ вы здѣсь?

— По приказанію сартиба Али-Марданъ-хана, сараксскаго губернатора, мы занимаемъ постоянный караулъ въ Рукнабадѣ.

— Но сегодня утромъ, когда мы прибыли сюда, васъ здѣсь не было...

— Мы ходили въ Сараксъ за провіантомъ... Въ виду прекращенія здѣсь туркменскаго аламанства, я полагалъ, что не рискую укрѣпленіемъ, оставляя его на какія-нибудь сутки безъ охраны.

— Въ минуту нашего прибытія, здѣсь не было никакого караула,—отвѣчалъ я,—мы заняли пустой Рукнабадъ. Поэтому, васъ, явившихся сюда послѣ насъ, я могу признать только своими гостями, такъ какъ въ персидскомъ караулѣ теперь уже нѣтъ надобности. Вамъ, слѣдовательно, остается только вернуться

съ вашей командой въ Сараксъ и доложить о случившемся сартибу. Ему, если понадобится, я готовъ дать всякія объясненія.

Персъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Я прошу васъ,—отвѣчалъ онъ въ сильномъ волненіи,—разрѣшить мнѣ остаться здѣсь до полученія приказанія сартиба. Иначе я погибну...

— Переведите вашу команду на лѣвый берегъ Теджена, гдѣ она можетъ ожидать приказанія сартиба до сегодняшняго вечера. Вы же лично можете остаться здѣсь моимъ гостемъ.

Было прибавлено къ этому, въ утѣшеніе моего собесѣдника, что и самъ сартибъ принужденъ былъ бы поступить точно такъ же, такъ какъ сила на нашей сторонѣ...

Пока происходило это объясненіе, подошли наши офицеры и намъ подали завтракъ, за которымъ мы узнали между прочимъ, что персидскій отрядъ, предназначенный для занятія Рукнабада, ожидается въ Сараксѣ только черезъ нѣсколько дней... Нашъ случайный гость ѣлъ, и въ особенности пилъ, весьма исправно, и послѣ нѣсколькихъ рюмокъ коньяка, всталъ, распростился съ нами и нетвердыми шагами направился къ своей командѣ. Черезъ нѣсколько минутъ оборванные сарбазы столпились вокругъ единственнаго осла, навьюченнаго солдатскимъ скарбомъ, и тронулись, не ожидая и вечера, прямо въ Сараксъ вмѣстѣ съ своимъ офицеромъ...

Впослѣдствіи я узналъ, что Али-Марданъ-ханъ варварски расправился съ этимъ персомъ за оставленіе Рукнабада. Несчастнаго привязали къ столбу вверхъ ногами и, послѣ изряднаго количества палочныхъ ударовъ по пяткамъ, оставили въ такомъ видѣ подъ палящими лучами солнца...

Въ тотъ же день вечеромъ губернаторъ Саракса прислалъ ко мнѣ своего помощника съ запросомъ,—какъ объяснить внезапное вторженіе русскаго отряда на территорію, составлявшую со временъ Афросіаба достояніе Персіи? Я отвѣчалъ кратко, что мнѣ нѣтъ дѣла до историческихъ правъ Персіи, что я исполнилъ приказаніе своего начальства и объявляю теперь занятымъ русскими войсками весь правый берегъ Теджена до авганскихъ предѣловъ, и наконецъ,—что не уполномоченъ ни на какіе переговоры съ ними; что за этимъ слѣдуетъ обратиться къ русскому послу въ Тегеранѣ...

Итакъ, предупредивъ персидскій отрядъ, мы заняли Рукнабадъ. Этимъ, въ сущности, и исчерпывалось полученное мною приказаніе. Но обстоятельства позволили сдѣлать больше; а потому, не останавливаясь передъ отвѣтственностью, я пошелъ дальше...

Въ дни нашего появленія, обширная территорія Саракса представляла мертвую пустыню, хотя на каждомъ шагу видны были слѣды нѣкогда процвѣтавшей здѣсь жизни,—ирригаціонные каналы, развалины построекъ, ограды укрѣпленій, мечети и гробницы прекрасной архитектуры и т. д. Недоставало только рукъ для того, чтобы вновь воскресить эту страну. Но откуда взять населеніе?..

Мнѣ было извѣстно, что районъ Саракса, издавна славившійся своимъ плодородіемъ и обращенный въ пустыню только враждою мервскихъ текинцевъ къ персамъ, считался въ глазахъ туркменовъ благодатной страной, куда охотно устремилось бы любое ихъ племя при водворившемся теперь спокойствіи. Я и рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

Сравнительно малочисленное туркменское племя салыровъ, вытѣсненное въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія сарыками и текинцами съ береговъ Мургаба, нашло себѣ убѣжище въ сѣверо-восточномъ углу Хорасана. Персы водворили ихъ, въ числѣ около 20 тысячъ душъ, южнѣе Саракса, на лѣвомъ берегу Герируда, въ неблагодарныхъ, въ агрикультурномъ отношеніи, окрестностяхъ Зирабада, главнымъ образомъ какъ даровой пограничный заслонъ со стороны Авганистана. Мнѣ также было извѣстно, что эти салыры тяготятся своимъ положеніемъ, что персидскіе ханы эксплоатируютъ ихъ на всѣ лады, и что поэтому они сочли бы за великое счастье быть хозяевами плодородныхъ полей Саракса, въ особенности подъ защитой могущественнаго Акъ-Падишаха. Принявъ все это въ соображеніе, въ ту же ночь съ 23 на 24 мая, я послалъ съ нѣсколькими туркменами своего туземнаго письмоводителя, прапорщика Молла-Саата, въ Зирабадъ, къ салырамъ, для переговоровъ съ ихъ главарями, а главнымъ образомъ для того, чтобы онъ склонилъ хановъ и старшинъ этого племени пріѣхать ко мнѣ въ Рукнабадъ „по весьма важному дѣлу"... Молла-Саатъ блистательно исполнилъ это порученіе и возвратился поздно вечеромъ 26 мая съ Теке-ханомъ и съ шестнадцатью другими представителями салыровъ. По мѣстному обычаю, ихъ предварительно угостили на бивакѣ туркменской милиціи, а затѣмъ ввели ко мнѣ въ кибитку. Здѣсь, въ общихъ чертахъ, имъ было сказано слѣдующее:

„Вы, салыры, въ числѣ трехъ—четырехъ тысячъ семействъ, уже нѣсколько лѣтъ бѣдствуете въ Персіи, въ безплодныхъ окрестностяхъ Зирабада. Я знаю, что тамъ немыслимо развитіе ни земледѣлія, ни скотоводства. Вы обѣднѣли тамъ еще и потому, что васъ немилосердно обираютъ персидскіе ханы. Неоднократ-

ныя и справедливыя ваши жалобы убѣдили васъ только въ томъ, что и въ высшихъ сферахъ Персіи только глумятся надъ правосудіемъ. Мнѣ нечего выставлять вамъ достоинства Саракса, который на вашей еще памяти кормилъ съ избыткомъ до сорока тысячъ текинскихъ семействъ, и знаю очень хорошо, что вы были бы безконечно рады переселиться на эти земли. Вопросъ лишь въ томъ, какъ устроить это переселеніе?.. Добровольно персы васъ не отпустятъ; напротивъ, будутъ противодѣйствовать этому; слѣдовательно, ихъ и спрашивать нечего. Русское правительство не вмѣшивается въ это дѣло,—это не въ порядкѣ вещей. По моему, остается одно,—внезапно подняться всѣмъ населеніемъ и броситься на нашъ правый берегъ Теджена. Но... это дѣло рискованное, какъ вы сами поймете. Если, сохрани Богъ, персы провѣдаютъ о такомъ вашемъ намѣреніи,—они примутъ свои мѣры, и многимъ изъ васъ не сдобровать тогда. На успѣхъ можно разсчитывать только въ случаѣ быстрой рѣшимости и немедленнаго исполненія"...

Пока я развивалъ эту тему, вдаваясь и въ нѣкоторыя детали, салыры молчали.

— Да... дѣло хорошее, но и опасное,—заговорилъ первымъ сѣдобородый старикъ, казій.—Бѣда наша въ томъ, что нѣтъ единства у насъ: каждый родъ тянетъ въ иную сторону. Мы всѣ одинаково ненавидимъ персовъ; тѣмъ не менѣе, ихъ шпіоны есть въ каждомъ нашемъ колѣнѣ...

— Мы этимъ шпіонамъ заложимъ глотки!—воскликнулъ вдругъ, прерывая казія, Магомедъ-Теке-ханъ, старшина главнаго рода салыровъ, мужчина необычайнаго роста, за поясомъ котораго красовался *бехбутъ* [1]) въ золотой оправѣ, недавно пожалованный шахомъ „за преданность".—Я или погибну, или подниму салыровъ съ Зирабада!.. Кто не захочетъ идти съ нами, пусть остается умирать съ голоду, пресмыкаясь передъ персами!.. Жаль,—прибавилъ онъ,—время немного неудобное: Тедженъ въ разливѣ; трудно будетъ переправить женъ, дѣтей, имущество и скотину, но... Богъ милостивъ!

— Не горячись, Теке-ханъ!—снова началъ казій:—серьезное дѣло нужно обсудить со всѣхъ сторонъ. Мы всѣ слышали, что изъ Мешеда идутъ персидскія войска,—они могутъ выйти намъ въ тылъ. Если въ то же время гарнизонъ Саракса загородитъ намъ дорогу, а Тедженъ не позволитъ переправу,—на что

---

[1]) Родъ кинжала.

мы можемъ тогда рѣшиться, имѣя на рукахъ женъ, дѣтей, стариковъ, скотъ и все имущество?!..

— Не дѣло говоришь, казій!—возразилъ ханъ.—Проживши шестьдесятъ лѣтъ, ты точно не знаешь персовъ. Они никогда не осмѣливались столкнуться даже съ равнымъ числомъ туркменовъ. На чтò же они рѣшатся, когда увидятъ, что каждаго изъ нихъ ожидаетъ не менѣе 10 вооруженныхъ салыровъ, готовыхъ на все?...

— Во всякомъ случаѣ,—заключилъ я эти дебаты салырскихъ главарей,—предупреждаю, что вы не должны разсчитывать на нашу поддержку, если на томъ берегу Теджена, т.-е. на персидской территоріи, заварится какая-либо каша между вами и персами. Но, переступивъ на русскую почву, вы станете неприкосновенными для персовъ: тогда наша обязанность защитить васъ, еслибъ даже пришлось для этого прибѣгнуть къ оружію. Но, зная персовъ, полагаю, что они не доведутъ до этого... Подумайте, впрочемъ. Но если рѣшитесь—не теряйте времени и будьте осмотрительны...

Съ этимъ напутствіемъ салыры встали, и въ два часа утра 27-го мая пустились обратно въ Зирабадъ...

Прошли три дня. На разсвѣтѣ 30-го мая ко мнѣ прискакали три конныхъ салыра съ извѣстіемъ, что все ихъ племя, поднявшись наканунѣ вечеромъ изъ окрестностей Зирабада и провозившись до полуночи съ переправою черезъ рѣку, потянулось въ Сараксу, по правому берегу Теджена, и будетъ слѣдовать безостановочно всю ночь и весь день. Они сообщили также, что персидскій отрядъ, слѣдующій изъ Мешеда, ночевалъ въ трехъ часахъ пути отъ Саракса и южнѣе этого пункта, на лѣвомъ берегу Теджена.

— Персы,—добавляли они,—вѣроятно, уже извѣщены теперь о бѣгствѣ салыровъ. Чтò они предпримутъ—Аллахъ вѣдаетъ...

Немедленно поднявъ всѣ три сотни, я выступилъ съ ними въ сторону Саракса, чтобы, въ случаѣ нужды, оградить салыровъ отъ враждебныхъ дѣйствій персовъ. Мы шли большею частью на рысяхъ. Было около одиннадцати часовъ утра, когда на горизонтѣ передъ нами начала обрисовываться картина, которой никогда не забуду!.. На встрѣчу къ намъ несся точно ураганъ. Въ страшныхъ облакахъ пыли вскорѣ, однако, начали выясняться фигуры людей и животныхъ, перегонявшихъ другъ друга. Теперь казалось, что мы встрѣтили объятый ужасомъ цыганскій таборъ,—но какой таборъ?!.. Весь горизонтъ застилали

слишкомъ двадцать тысячъ пѣшихъ и конныхъ салыровъ, перемѣшавшись съ стадами овецъ, между которыми, то тамъ, то здѣсь, колыхались на верблюдахъ группы женщинъ и дѣтей. Въ воздухѣ стоялъ оглушительный звонъ, въ который соединились всѣ разнородные звуки криковъ и движенія, рева, блеянья и ржанья десятковъ тысячъ живыхъ существъ. Подъ раскаленными лучами солнца все это составляло въ высшей степени характерную живую картину, съ тысячами возбужденныхъ лицъ, среди яркихъ нарядовъ, лохмотьевъ и всякаго скарба...

Но, вотъ, мы почти сошлись съ передовыми группами салыровъ, и тогда между ихъ возгласами послышались обращенные къ намъ крики: „Койма, койма, баяръ!“ [1]), причемъ многіе указывали на лѣвый берегъ Теджена, скрывавшійся въ облакахъ пыли. Теке-ханъ, вскорѣ подскакавшій ко мнѣ съ толпою всадниковъ, объяснилъ значеніе этихъ криковъ. Оказалось, персидскій отрядъ, шедшій изъ Мешеда, только-что остановился на лѣвомъ берегу Теджена, на одной высотѣ съ нами, и, угрожая салырамъ, выкатилъ къ берегу четыре орудія. Въ виду этого, снова тронувшись на рысяхъ, мы развернулись и стали на берегу рѣки между персами и салырами, заслоняя собою послѣднихъ. Внезапное появленіе нашихъ сотенныхъ значковъ произвело свое дѣйствіе на обѣ стороны: персы, простоявъ передъ нами въ безсильной злобѣ около часа, снялись и медленно потянулись къ Сараксу; а салыры, продвинувшись версты на двѣ отъ берега, остановились и начали разбивать свои кибитки, устроивать шалаши и разворачивать для просушки имущество, промокшее на переправѣ. Сотни расположились тутъ же.

Въ этотъ день, вечеромъ, вторично пріѣхалъ ко мнѣ изъ Саракса какой-то сартибъ, помощникъ губернатора, чтобы, по порученію своего начальника, Али-Марданъ-хана, выразить мнѣ „удивленіе по поводу случившагося“ и просить моихъ объясненій.

— Передайте хану,—былъ отвѣтъ,—что удивляться тутъ нечему: вѣроятно, салырамъ жилось плохо въ Персіи, что они рѣшились бѣжать на русскую территорію. Совершился фактъ, весьма обыкновенный въ этихъ краяхъ, въ особенности среди номадовъ, которые ищутъ, гдѣ имъ лучше... Ваши теперешніе подданные темуры, теймапы и джемшиды бѣжали къ вамъ изъ Авганистана, а цѣлыхъ сорокъ-тысячъ семействъ текинцевъ, изъ этого самаго Саракса, какъ вы, конечно, помните, бѣжало

[1]) Не пускай, не пускай, баяръ!

отъ васъ въ Мервъ... Какъ отнесется русское правительство къ внезапному переселенію салыровъ,—прибавилъ я,—мнѣ неизвѣстно: быть можетъ, имъ и прикажутъ вернуться. Но до выясненія этого вопроса путемъ дипломатическихъ сношеній—салыры должны быть неприкосновенны. Вотъ и всѣ мои объясненія...

Этимъ, однако, дѣло не кончилось. Сартибъ уѣхалъ, но на слѣдующій день пожелалъ со мной видѣться и объясниться самъ губернаторъ, Али-Марданъ-ханъ. Я его принялъ очень любезно, но новаго отъ меня онъ ничего не услышалъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ въ восторгѣ, что на берегу рѣки его встрѣтила сотня мервскихъ текинцевъ, и что у кибитки моей его ожидалъ почетный караулъ изъ полусотни казаковъ съ обнаженными шашками... Бесѣда наша, длившаяся около часа, была въ сущности переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Но когда мой гость всталъ, чтобы проститься, я не могъ удержаться, чтобы не спросить его:

— Помните, ханъ, четыре мѣсяца тому назадъ, у васъ въ Сараксѣ, на ваше мнѣніе,—что изъ постановленія мервцевъ о принятіи русскаго подданства ничего не выйдетъ,—я отвѣтилъ, что русскіе не позволятъ себя обмануть. Не убѣдили ли васъ теперь событія, что я былъ правъ?..

— Да. Такъ должно было поступить „настоящее" государство, сознающее свое достоинство,—произнесъ персъ, выходя изъ кибитки.—Но не всѣмъ это по силамъ, къ сожалѣнію...

Послѣ свиданія съ Али-Марданъ-ханомъ, отправивъ въ Асхабадъ донесеніе о совершившемся въ Сараксѣ, я принялся за устройство салыровъ при содѣйствіи ихъ представителей и по образцу другихъ частей Мервскаго округа. Дѣло это пошло такъ быстро, что черезъ нѣсколько дней пустынный Сараксъ былъ неузнаваемъ. Населеніе раздробилось на аулы, и каждый изъ нихъ расположился на указанномъ мѣстѣ. Оросительные каналы приведены въ дѣйствіе. Назначены должностныя лица, учрежденъ народный судъ и т. д. Черезъ три недѣли изъ Асхабада прибыли для постояннаго здѣсь расположенія двѣ роты, а впослѣдствіи и батальонъ стрѣлковъ, на одного изъ офицеровъ котораго были возложены обязанности мѣстнаго пристава.

Такъ возникло саракское приставство Мервскаго округа, а на мѣстѣ первой нашей встрѣчи съ салырами и бивачнаго расположенія маленькаго нашего отряда, менѣе чѣмъ въ три года, выросъ „*Новый* или *Русскій Сараксъ*", опрятный городокъ съ постройками по сторонамъ правильныхъ улицъ, съ прекрасными

казармами, съ телеграфомъ, съ церковью, съ военнымъ собраніемъ и съ оживленною торговлею. Салыры въ этомъ благодарномъ районѣ обрѣли такую степень благосостоянія, о которой едва ли мечтали. Придя изъ Зирабада едва съ нѣсколькими десятками клячъ, они оправились такъ быстро въ матеріальномъ отношеніи, что, послѣ первой же уборки хлѣба, риса и хлопка, нашли возможнымъ выставить для встрѣчи начальника области около шестисотъ всадниковъ, съ вновь пожалованнымъ капитаномъ Теке-ханомъ во главѣ.

Наши „друзья"-англичане находили впослѣдствіи, что въ дѣлѣ переселенія салыровъ изъ Персіи и мирнаго присоединенія Мерва были, якобы, пущены въ ходъ дипломатическіе пріемы „не высокой пробы". Уже не говоря о томъ, что „коварному Альбіону" менѣе, чѣмъ кому бы то ни было, пристало заводить рѣчь о достоинствѣ дипломатическихъ пріемовъ, но вполнѣ нравственная и культурная цѣль, которую мы преслѣдовали относительно текинцевъ и салыровъ, блистательно осуществилась въ небываломъ у нихъ благоденствіи, которое окружаетъ теперь эти народности.

X.

Столкновеніе съ авганцами.—Бой на Кушкѣ и присоединеніе Пенде.

Послѣ нашествія на Мервъ, въ 1842 году, бухарскаго эмира Маасума, весь лѣвый берегъ Мургаба, на двухсотъ-верстномъ протяженіи отъ Мерва и до авганскихъ предѣловъ, былъ брошенъ древнимъ иранскимъ населеніемъ и представлялъ пустыню до 1857 года, когда его заняло племя туркменъ-сарыковъ, вытѣсненное изъ Мерва текинцами. Сарыки, насчитывавшіе тогда около шестидесяти тысячъ душъ, принуждены были, по недостатку земли, раздѣлиться на двѣ половины и занять два оазиса: Іолотанъ, по сосѣдству съ Мервомъ, и Пенде, на границѣ Авганистана. Хотя территоріи этихъ оазисовъ отдѣлялись необитаемымъ пространствомъ на протяженіи около ста верстъ, тѣмъ не менѣе обѣ половины сарыковъ продолжали представлять одну вполнѣ солидарную общину, преслѣдовавшую свои общіе интересы какъ въ дни мира, такъ и во время вражды съ сосѣдями. „Мы рѣшили принять русское подданство не отдѣльно, а совмѣстно съ нашими пендинскими собратьями",—говорили представители іолотанскихъ сарыковъ, когда мы вводили у нихъ русское управленіе.

И дѣйствительно, послѣ присоединенія Іолотана, естественное занятіе Пенде составляло только вопросъ времени. Къ сожалѣнію, имѣя къ тому полную возможность, мы почему-то не поспѣшили занять Пенде вслѣдъ за Іолотаномъ, а этимъ воспользовались наши сосѣди, авганцы...

Выше уже было говорено, что спокойствіемъ, водворившимся въ Туркменіи вслѣдствіе занятія нами Мерва и Іолотана, вздумали воспользоваться между прочими и авганцы. Въ срединѣ 1884 года они заняли своими войсками Пендинскій оазисъ, и затѣмъ начали выдвигать свои посты по Мургабу все ближе и ближе къ передовому нашему посту въ Имамъ-Баба.

Но на захватъ не только этой сѣверной территоріи, но даже и Пендинскаго оазиса авганцы не имѣли ни историческаго, ни нравственнаго права: они, во-первыхъ никогда не владѣли Пендинскимъ оазисомъ, а его населеніе никогда, даже номинально, не признавало надъ собою власти авганскаго эмира. Только одни пендинскіе скотоводы, въ рѣдкіе годы, когда у нихъ чувствовался недостатокъ подножнаго корма, выгоняли свои стада къ авганскимъ предгорьямъ и, за эту пастьбу, платили авганцамъ незначительную сумму, для сбора которой обыкновенно являлся въ Пенде одинъ изъ чиновниковъ гератскаго губернатора. Этимъ ограничивались всѣ сношенія авганцевъ съ пендинскими сарыками. Затѣмъ,—и самое главное,—переговоры съ Россіею относительно средне-азіатскихъ дѣлъ, начавшіеся въ 1869 году и затѣянные Англіею, имѣли главною цѣлью выяснить взаимное положеніе въ этой странѣ обѣихъ державъ, для того, чтобы предупредить на будущее время недоразумѣнія между ними и, такъ сказать, устранить недовѣріе и тревогу, вызванныя въ Англіи нашимъ наступательнымъ въ то время движеніемъ въ сторону Бухары, Ферганы и Туркменіи. Лучшимъ къ тому средствомъ было признано Англіею установленіе между обоюдными владѣніями нейтральной территоріи, неприкосновенность которой была бы одинаково обязательна для обѣихъ державъ.

Давая на это свое согласіе, наше правительство выразило готовность признать такою страною Авганистанъ, *только въ тѣхъ, однако, предѣлахъ, которые состояли въ дѣйствительномъ владѣніи эмира Ширъ-Али-хана.* Добавлялось при этомъ, что авганскій эмиръ не будетъ стараться распространять свое вліяніе и вмѣшательство за эти предѣлы, и что Англія будетъ употреблять всѣ свои старанія, чтобы отклонять его отъ какихъ бы ни было наступательныхъ и завоевательныхъ замысловъ. Въ такомъ смыслѣ состоялось въ 1873 году между обѣими державами соглашеніе,

которое, само собою разумѣется, поставило Пенде въ положеніе во всякомъ случаѣ неприкосновенное для авганскаго эмира. Въ силу этихъ обстоятельствъ, оазисъ становился естественнымъ достояніемъ Россіи, и сарыки, по тогдашнимъ слухамъ, ждали со дня на день, что наши войска займутъ ихъ территорію. Между тѣмъ, случилось нѣчто неожиданное...

Въ іюнѣ 1884 года въ Мервъ пріѣхалъ докторъ Регель, путешествовавшій по нашимъ окраинамъ и пожелавшій посѣтить, между прочимъ, и Пендинскій оазисъ. Я его снабдилъ письмомъ къ вліятельному среди пендинскихъ сарыковъ Кулъ-батыръ-хану и отправилъ съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ туркменовъ. Дней черезъ десять послѣ отъѣзда Регеля, пронесся слухъ, что въ Пенде онъ *арестованъ*. Но кѣмъ же?—недоумѣвалъ я. Сарыки не дерзнули бы на это, я былъ въ этомъ увѣренъ. Вскорѣ оказалось, что—авганцами, которые незадолго передъ тѣмъ появились въ странѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Это было первое и, конечно, поразившее насъ извѣстіе о томъ, что авганцы заняли Пенде. Я написалъ довольно рѣзкое письмо ихъ начальнику,—Регель былъ немедленно освобожденъ, и этимъ кончилось это частное дѣло. Но самый фактъ захвата авганцами Пендинскаго оазиса, помимо того, что шелъ въ разрѣзъ съ нашими интересами въ Средней Азіи, являлся явнымъ нарушеніемъ соглашенія 1873 года, и тѣмъ болѣе для насъ неподходящимъ, что авганцы не могли рѣшиться на этотъ шагъ безъ вѣдома—или даже одобренія—Англіи. Подобный фактъ не могъ быть оставленъ безъ должнаго вниманія, и на него наше правительство отвѣтило сформированіемъ особаго отряда для движенія вверхъ по Мургабу до авганскихъ предѣловъ. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ отрядъ не могъ быть быстро собранъ: гарнизонъ только-что занятаго Мерва былъ столь малочисленъ, что могъ выдѣлить въ поле развѣ какую-нибудь роту. Рѣшено было поэтому двинуть по батальону изъ Асхабада и Самарканда, отстоящихъ отъ Пенде на 550 и 700 верстъ. Войска эти могли прибыть къ мѣсту не ранѣе средины марта 1885 года, а между тѣмъ еще въ концѣ предыдущаго года мы получали извѣстія о томъ, что авганскіе посты и разъѣзды продвинулись какъ по Мургабу, такъ и по Герируду почти на сто верстъ отъ Меручака и Кусана, т.-е. отъ пунктовъ, ниже которыхъ они никогда не проникали въ Туркменію до занятія нами Мерва. Цѣль этихъ движеній была очевидна: эмиръ Абдурахманъ, извѣщенный англійскимъ правительствомъ о предстоящемъ разграниченіи его владѣній съ Россіею, старался, до прибытія на мѣсто русскаго

и англійскаго делегатовъ, явиться фактическимъ хозяиномъ возможно большей территоріи по Мургабу и Герируду.

Въ видахъ противодѣйствія этимъ захватамъ, мною было получено приказаніе занять немедленно *Пули-Хатунъ* при сліяніи мешедской рѣчки Кашавъ-Рудъ съ Герирудомъ и расположить тамъ сотню казаковъ; а съ двумя другими сотнями и съ мервскою конницею очистить отъ авганцевъ все пространство по Мургабу до *Дашъ-Кепри* [1]), т.-е. до самаго лагеря авганцевъ, и держаться въ такомъ положеніи до прибытія нашего мургабскаго отряда. Предписывалось, такимъ образомъ, наступательное движеніе съ нашей стороны, да еще безцеремонное отбрасываніе авганскихъ постовъ, что̀, однако, являлось вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ поведенія авганцевъ...

Первую часть порученія я возложилъ на своего помощника, подполковника Тарарина, который безпрепятственно занялъ Пули-Хатунъ, въ шестидесяти верстахъ на югъ отъ Саракса, и расположилъ тамъ сотню казаковъ. Вторую часть я принялъ на себя и, сформировавъ въ три дня конную сотню изъ текинцевъ и сарыковъ, выѣхалъ въ Имамъ-Баба, гдѣ стояли сотни казаковъ.

„Въ Имамѣ начальникъ поста заявилъ мнѣ [2]), что очистить пространство—не только до Дашъ-Кепри, но даже до Аймакъ-Джара—отъ авганскихъ постовъ невозможно путемъ разъѣздовъ, такъ какъ авганцы или оказываютъ пассивное сопротивленіе, будучи увѣрены, что русскіе не прибѣгнутъ къ оружію, или же вновь занимаютъ своими постами очищенныя мѣста, вслѣдъ за удаленіемъ нашихъ разъѣздовъ. Въ виду этого и для того, чтобы фактически выполнить инструкцію, я выступилъ сегодня утромъ въ Аймакъ-Джаръ съ тремя сотнями. Не доѣзжая пяти верстъ до этого пункта, въ Сары-Язы, меня настигъ нарочный, доставившій предписаніе вашего превосходительства, обязывающее меня оставаться съ казаками въ Имамъ-Баба и дѣйствовать только разъѣздами милиціонеровъ. Возвращаться въ ту же минуту назадъ я счелъ неудобнымъ, какъ потому, что пришлось бы утомить людей и лошадей, сдѣлавъ въ одинъ день два большихъ перехода, такъ и потому, что это произвело бы невыгодное для насъ впечатлѣніе среди авганцевъ и нашихъ милиціонеровъ. Да и кромѣ того, разъѣздами, какъ уже сказано, цѣль не до-

---

[1]) *Дашъ-Кепри* по-туркменски и *Пули-Хишти* по-персидски значитъ „каменный мостъ“; построенъ арабами въ VIII столѣтіи на Кушкѣ, при впаденіи его въ Мургабъ, и служитъ акведукомъ, по которому воды другой пендинской рѣки, Каша, направляются на сѣверъ для орошенія лѣваго прибрежья Мургаба.

[2]) Изъ моего рапорта командующему войсками, отъ 6 февраля 1885 г.

стигается. Я рѣшилъ поэтому дойти и расположиться въ Аймакъ-Джарѣ, гдѣ, между прочимъ, занялъ прекрасную позицію, съ которой авганцы насъ не выбьютъ до прихода отряда, еслибы и рѣшились на это.

„Съ приближеніемъ нашимъ всѣ авганскіе посты отступили, при чемъ капитанъ ихъ, Магомедъ-Эминъ-ханъ, уходя изъ Аймакъ-Джара съ послѣдними сорока всадниками, оставилъ здѣсь записку, на персидскомъ языкѣ, такого содержанія:

„Русскіе силою вытѣснили наши караулы изъ Сары-Язы и Аймакъ-Джара. Данныя намъ нашимъ генераломъ приказанія обязываютъ насъ, избѣгая съ ними столкновенія, противиться ихъ наступленію. Поэтому я предупреждаю русскаго офицера, что, въ случаѣ дальнѣйшаго его напора въ сторону *Акъ-Тепе* [3]), онъ будетъ остановленъ силою нашихъ сабель, пушекъ и ружей".

По пути въ Аймакъ-Джаръ мнѣ также доставили письмо англійскаго подполковника Риджуэ. Онъ пишетъ по-персидски слѣдующее:

„Дорогой, любезный другъ полковникъ Алихановъ, да увеличится его благорасположеніе.

„По выраженію живѣйшаго желанія имѣть съ вами радостное свиданіе, сообщаю вамъ, что я уполномоченъ генераломъ сэромъ Питэромъ Лёмсденомъ войти съ вами въ дружественное соглашеніе, въ силу котораго разъѣзды и пикеты обѣихъ сторонъ воздерживались бы отъ перехода извѣстныхъ границъ впредь до рѣшенія имѣющею собраться смѣшанною коммиссіею вопроса о границѣ между Россіею и Авганистаномъ.

„Собранныя мною свѣдѣнія доказываютъ, какъ мнѣ кажется, что постоянныя встрѣчи русскихъ войскъ съ авганскими неизбѣжно повлекутъ за собою серьезныя недоразумѣнія. Въ виду этого, я предложилъ бы вамъ прислать офицера, уполномоченнаго войти со мною въ соглашеніе относительно разъѣздовъ.

„Въ настоящее время у авганцевъ оспаривается, повидимому, право переходить за Аймакъ-Джаръ. Еслибы вы сдѣлали обязательное распоряженіе о томъ, чтобы войска ваши не переходили за Сандукъ-Качанъ, находящійся въ приличномъ разстояніи отъ вашего поста въ Имамѣ, то я принялъ бы, съ своей стороны, необходимыя мѣры, чтобы авганскіе посты и разъѣзды не переходили за предѣлы Аймакъ-Джара. Само собою разумѣется, что

---

[3]) *Акъ-Тепе* — небольшое возвышеніе около моста Дашъ-Кепри, на которомъ былъ раскинутъ лагерь авганцевъ.

таковое соглашеніе будетъ лишь временнымъ и что оно нисколько не будетъ предрѣшать права, которыя могутъ быть заявлены обѣими сторонами смѣшанной коммиссіи.

„Я возвращаюсь въ настоящее время изъ Аймакъ-Джара въ Акъ-Тепе, разстояніе между которыми, какъ вамъ извѣстно, можно проѣхать верхомъ въ нѣсколько часовъ. Я былъ бы весьма вамъ обязанъ, еслибы вы приняли на себя трудъ какъ можно скорѣе прислать мнѣ въ послѣдній пунктъ вашъ отвѣтъ, такъ какъ мнѣ необходимо явиться къ главному коммиссару ея величества ранѣе его свиданія съ его коллегой, генералъ-маіоромъ Зеленымъ. Въ случаѣ согласія вашего выслать мнѣ на встрѣчу офицера, я готовъ вернуться въ Сары-Язы или въ другое мѣсто, которое вы признаете удобнымъ для свиданія.

„Имѣю честь и пр.—Дж. Риджуэ, подполковникъ коммиссаръ ея британскаго величества".

Сдѣлавъ маленькую остановку на пути, я отвѣтилъ на приведенное письмо въ томъ же стилѣ, по-туркменски, такъ какъ мой туземный письмоводитель недостаточно хорошо владѣетъ иранскою рѣчью:

„Дорогой любезный полковникъ Риджуэ, да увеличится его благорасполож[illegible]

„Гонецъ вашъ прибылъ въ добрый часъ и обрадовалъ меня вашимъ дружественнымъ письмомъ.

„Такія же чувства, питаемыя нашимъ правительствомъ къ англичанамъ и авганцамъ, позволяютъ мнѣ думать, что всякія здѣшнія недоразумѣнія будутъ разрѣшены разумными доводами обоюдныхъ коммиссаровъ, безъ всякаго, конечно, участія оружія. Во всякомъ же случаѣ отвѣтъ, который могу дать вамъ, заключается въ томъ, что, имѣя ясное приказаніе моего начальства, я не уполномоченъ ни на какіе переговоры и не имѣю права входить въ какія-либо новыя соглашенія, даже относительно взаимнаго расположенія нашихъ и авганскихъ постовъ.

„Мнѣ приказано принять мѣры къ тому, чтобы ни одинъ авганецъ не проникалъ изъ Дашъ-Кепри въ нашу сторону. Какъ служащій также своему Государю, вы хорошо знаете, конечно, что долгъ мой заключается въ выполненіи даннаго мнѣ приказанія. Если, по полученіи настоящаго письма, авганскіе караулы будутъ отодвинуты на указанное мѣсто,—всякіе переговоры явятся лишними. Въ противномъ случаѣ, мнѣ придется заставить ихъ удалиться. Да будетъ это извѣстно.—Подполковникъ Алихановъ, начальникъ округовъ: Мерва, Саракса и Іолотана".

„Утромъ 8 числа [1]) мнѣ дали знать, что авганскіе посты приблизились снова и, между прочимъ, заняли Урушъ-Душанъ. Вслѣдствіе этого я немедленно выступилъ изъ Аймакъ-Джара съ сотнею милиціи, прогналъ авганцевъ и на ихъ плечахъ прибылъ къ мосту Дашъ-Кепри на Кушкѣ, отстоящему въ семидесяти верстахъ отъ Имама и въ полуверстѣ отъ авганскаго лагеря. Здѣсь я имѣлъ ночлегъ и расположилъ нашъ постъ,—тридцать милиціонеровъ-сарыковъ подъ комадной урядника Аманъ-Клычъ-хана [2]).

„Со стороны авганцевъ никакой вражды я не встрѣтилъ; напротивъ, джарнейль Гоусуддинъ-ханъ немедленно доставилъ мнѣ лошадь одного джигита, которая вырвалась и бѣжала въ ихъ лагерь у Акъ-Тепе. Въ этомъ пунктѣ, на высокомъ курганѣ, стоитъ пѣшихъ и конныхъ авганцевъ до 350 человѣкъ.

„Въ эту же ночь къ джарнейлю явилась депутація почетныхъ сарыковъ съ предложеніемъ, чтобы авганцы удалились изъ Пенде, въ виду приближенія русскихъ, такъ какъ они „не желаютъ отдѣлиться отъ своихъ братьевъ, іолотанскихъ сарыковъ, и испытать на себѣ геокъ-тепинскіе дни“. Подполковникъ Риджуэ просилъ два дня на отвѣтъ и донесъ о случившемся генералу Лёмсдену въ Калеи-Моръ.

„Черезъ часъ выступаю обратно и по пути оставлю на посту, въ Урушъ-Душанѣ, всю милицію съ прапорщикомъ Баба-ханомъ, а самъ отправлюсь въ Аймакъ-Джаръ, гдѣ расположены сотни казаковъ.

„Вчера вечеромъ я имѣлъ честь получить довольно грозное письмо отъ самого генерала Лёмсдена, члена индійскаго совѣта и адъютанта королевы, назначеннаго главнымъ коммиссаромъ ея величества для опредѣленія сѣверо-западной границы Авганистана. Вотъ этотъ документъ, приписывающій мнѣ *замыслы*, могущіе вызвать, ни больше, ни меньше, какъ разрывъ между Россіей и Англіей [3]):

„Подполковникъ Риджуэ представилъ мнѣ полученное имъ вчера отъ васъ письмо. Я не могу не высказать своего удивленія

---

[1]) Изъ моего рапорта командующему войсками отъ 8 февраля 1885 г. изъ Дашъ-Кепри.

[2]) Постъ этотъ былъ расположенъ у самаго моста Дашъ-Кепри. Но оказалось, впослѣдствіи, что черезъ нѣсколько дней урядникъ отвелъ его назадъ около версты и расположилъ на курганѣ Кизилли-Тепе, во избѣжаніе постоянныхъ перебранокъ черезъ рѣку, происходившихъ между авганцами и сарыками, въ особенности во время водопоя.

[3]) Письмо это и мой отвѣтъ приведены цѣликомъ въ оффиціальномъ изданіи министерства иностранныхъ дѣлъ „*Авганское разграниченіе*“, стр. 189—193.

по поводу тона, въ которомъ оно написано, и долженъ прибавить, что, послѣ вчерашняго объясненія моего съ представителемъ эмира, я нахожу, что мною исчерпаны всѣ средства къ удержанію авганцевъ отъ принятія мѣръ, которыя они могутъ признать необходимыми для защиты своихъ правъ.

„Какъ сообщилъ вамъ о томъ въ письмѣ своемъ подполковникъ Риджуэ, мнѣ удалось склонить авганское военное начальство отодвинуть свои передовые посты къ Урушъ-Душану, и приказанія по этому предмету будутъ сегодня отправлены къ начальнику передового авганскаго поста, причемъ ему будетъ вмѣнено въ обязанность не высылать даже разъѣздовъ далѣе означенной мѣстности.

„При всемъ томъ, считаю долгомъ предупредить васъ, что я нахожусь въ невозможности побуждать авганцевъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ или же долѣе ихъ сдерживать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заявить вамъ, что, въ случаѣ наступательныхъ движеній русскихъ разъѣздовъ или войскъ за Аймакъ-Джаръ, неминуемо произойдетъ столкновеніе. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы въ то самое время, когда, какъ явствуетъ изъ полученной вчера ночью телеграммы, правительство Государя Императора ведетъ дружественные переговоры съ англійскимъ, Его Величество могъ разрѣшить вамъ воевать въ мирное время съ Авганистаномъ, такъ какъ хотя этого и не случилось, благодаря письму, съ которымъ обратился къ вамъ подполковникъ Риджуэ, но намѣреніе ваше открыть непріязненныя дѣйствія безъ предупрежденія и безъ указанія причинъ тому—было очевидно.

„Въ заключеніе имѣю честь увѣдомить васъ, что въ посланной въ Лондонъ телеграммѣ я указалъ на серьезный кризисъ, вызванный вашими замыслами, и что во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что вы не рѣшитесь вступить на путь, который, помимо столкновенія между Россіей и Авганистаномъ, могъ бы вызвать и разрывъ между находящимися нынѣ въ дружественныхъ отношеніяхъ Россіей и Англіей.

„Я приказалъ подполковнику Риджуэ остаться въ Пенде и относиться съ особымъ вниманіемъ ко всякому сообщенію, которое вы пожелали бы ему сдѣлать.

„Имѣю честь и пр.

„П. Лёмсденъ, генералъ-лейтенантъ".

„Отвѣчать на это посланіе мнѣ пришлось подъ проливнымъ дождемъ, остановившись на нѣсколько минутъ среди дороги и въ грязи по колѣно. Поэтому я ограничился слѣдующимъ:

„Глубокоуважаемый генералъ Лёмсденъ, коммисаръ ея величества королевы великобританской.

„Привѣтствуя васъ, сообщаю, что имѣлъ честь получить ваше письмо. Отвѣтъ мой коротокъ. Будете ли вы довольны, или нѣтъ, но мнѣ приказано занять русскими войсками Дашъ-Кепри, и приказаніе это я выполню. Мы не желаемъ вражды, но если другіе начнутъ воевать съ нами, то, съ своей стороны, мы готовы и къ этому... Я человѣкъ служивый, съ политическими дѣлами не знакомъ, и потому не имѣю ничего иного сообщить вамъ".

„Получилъ я еще и второе, при семъ представляемое, письмо отъ подполковника Риджуэ, который снова проситъ о свиданіи для переговоровъ. Но я ему не отвѣтилъ, чтобы не повторяться.

„Въ заключеніе считаю долгомъ доложить вашему превосходительству, что настроеніе авганцевъ и положеніе дѣлъ здѣсь—совершенно иное, чѣмъ это рисуютъ Лёмсденъ и Риджуэ. Наши милиціонеры-сарыки ѣздили въ пендинскіе аулы, а оттуда пріѣзжалъ ко мнѣ, ночью, Кулъ-Батыръ-ханъ съ двумя старшинами. Всѣ ихъ разсказы сводятся къ тому, что, по словамъ самихъ авганцевъ, они тяготятся своимъ положеніемъ въ Пенде и были бы несравненно покладистѣе, еслибы не подстрекательства; англійскихъ офицеровъ, которые будутъ такимъ образомъ единственными виновниками, если произойдетъ болѣе или менѣе серьезное столкновеніе между нами и авганцами.

„Въ Акъ-Тепе ожидаютъ со дня на день значительныхъ изъ Герата подкрѣпленій съ артиллеріею".

Послѣ расположенія нашего поста у Дашъ-Кепри, англичане, конечно, убѣдились въ безполезности дальнѣйшей переписки о занимаемыхъ пунктахъ и прекратили ее. Авганскіе разъѣзды также перестали появляться на лѣвомъ берегу Мургаба и Кушка, за исключеніемъ сторожевого поста изъ нѣсколькихъ всадниковъ, охранявшихъ западную оконечность акведука.

При такихъ условіяхъ мы провели въ Аймакъ-Джарѣ, въ шалашахъ, устроенныхъ изъ хвороста и бурьяна, ровно мѣсяцъ, въ ожиданіи отряда, который, благодаря распутицѣ, двигался крайне медленно. Авганцы же на правомъ берегу Кушка усиливались въ это время съ каждымъ днемъ, и къ 8-му марта, когда подошелъ генералъ Комаровъ съ двумя батальонами, съ 4-мя горными орудіями и сотнею казаковъ, силы нашихъ противниковъ у Акъ-Тепе уже простирались до четырехъ тысячъ штыковъ и сабель съ 8-ю полевыми орудіями, да сверхъ того

лагерь ихъ былъ уже обнесенъ солиднымъ валомъ и снабженъ значительными запасами продовольствія и боевыхъ припасовъ.

На другой день послѣ прибытія мургабскаго отряда въ Аймакъ-Джаръ, генералъ отправилъ на рекогносцировку авганскаго расположенія начальника своего штаба, подполковника Закржевскаго, который, вернувшись черезъ сутки, подтвердилъ уже имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія и добавилъ, что укрѣпленный лагерь авганцевъ представляетъ преграду довольно сильную. Затѣмъ, 12 марта, отрядъ выступилъ изъ Аймакъ-Джара и на слѣдующій день расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу Мургаба, не доходя около четырехъ верстъ до Дашъ-Кепри, чтобы излишнею близостью къ нашимъ противникамъ не возбудить въ нихъ напрасной тревоги. Эта предосторожность, однако, не помогла дѣлу.

Авганцы точно ждали только появленія нашего отряда въ виду Дашъ-Кепри, для того, чтобы перейти на лѣвый берегъ Кушка и этимъ самымъ создать поводъ почти къ неизбѣжному столкновенію. Въ самый день прихода отряда они переправили на нашу сторону рѣки часть своихъ войскъ и артиллеріи и начали укрѣплять здѣсь возвышенное плато̀, лежащее передъ самымъ мостомъ. Работы эти продолжались и въ слѣдующіе дни, причемъ и цѣпь передовыхъ авганскихъ постовъ подходила къ намъ все ближе и начала охватывать съ обоихъ фланговъ нашъ лагерь...

Утромъ 14-го марта англійскій капитанъ Іэтъ, назначенный генераломъ Лёмсденомъ для наблюденій въ Пенде, прислалъ изъ авганскаго лагеря адресованное на имя начальника русскихъ войскъ письмо, которымъ просилъ „свиданія, необходимаго для выясненія взаимнаго положенія“. На это свиданіе въ условленное время съѣхались, на срединѣ между лагерями, съ нашей стороны подполковникъ Закржевскій, а со стороны англичанъ— капитаны Іэтъ и Лассё и докторъ Оуэнъ. Сущность разговоровъ, происходившихъ при этомъ, послѣ взаимныхъ представленій, заключалась въ слѣдующемъ:

— Вы писали, между прочимъ, г. капитанъ,—началъ Закржевскій,—что, по словамъ авганскаго генерала, кто-то изъ русскихъ начальниковъ, будто бы, пожелалъ съ нимъ видѣться. Надо полагать, что это—недоразумѣніе, такъ какъ съ нашей стороны никто не выражалъ подобнаго желанія.

— Если произошла даже ошибка, то мы ей очень рады, какъ причинѣ пріятнаго знакомства съ вами,—поспѣшно отвѣтилъ Іэтъ.

Затѣмъ, сообщивъ, что между русскимъ и британскимъ правительствами состоялось соглашеніе относительно сохраненія status quo въ сарыкскомъ населеніи Пенде, англичанинъ продолжалъ:

— Мы чувствуемъ необходимость высказать съ полною откровенностью, что соглашеніе это ставитъ намъ весьма трудную задачу, которая еще усложняется возростающею съ каждымъ днемъ возможностью столкновенія русскихъ съ авганцами. Быть можетъ, мы могли бы способствовать устраненію конфликта; но для этого безусловно необходимо, чтобы мы были въ курсѣ русскихъ намѣреній...

— Я не уполномоченъ на оффиціальные переговоры,—отвѣчалъ Закржевскій, — и по интересующему васъ вопросу могу, если угодно, высказать только свое личное мнѣніе. По моему, окружающая насъ обстановка самымъ очевиднымъ образомъ говоритъ за то, что русскіе не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія атаковать авганцевъ; въ противномъ случаѣ, ничто не мѣшало намъ уничтожить ихъ, хотя бы въ первый же день нашего появленія здѣсь... Но, однако, нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что поведеніе авганцевъ—крайне вызывающее. Вмѣсто того, чтобы устранять всякую возможность столкновенія, оставляя между двумя лагерями рѣку, какъ естественную преграду, и продолжать занимать правый берегъ Кушка до рѣшенія вопроса о границѣ смѣшанною коммиссіею, авганцы въ послѣдніе дни, и безъ всякаго повода съ нашей стороны, позволяютъ себѣ почти наступленіе на насъ: они переправились на нашъ берегъ, возводятъ передъ нашими глазами укрѣпленіе, все болѣе и болѣе выдвигаютъ впередъ свои посты и даже охватываютъ ими наши фланги!.. Имъ не мѣшало бы подумать,—къ чему можетъ привести такой образъ дѣйствій?..

— Въ исходѣ могущаго произойти столкновенія мы, конечно, нисколько не сомнѣваемся,— отвѣчали англичане. — Но, въ виду крайне тяжелаго нашего положенія здѣсь, будемъ весьма вамъ обязаны, если предупредите насъ о могущихъ возникнуть осложненіяхъ...

Въ отвѣтъ на это, Закржевскій выразилъ готовность быть къ ихъ услугамъ, насколько это позволитъ положеніе русскаго офицера,—и свиданіе кончилось.

На слѣдующій день капитанъ Іэтъ прислалъ подполковнику Закржевскому копію съ телеграммы лорда Гранвиля къ генералу Лёмсдену о томъ, что по соглашенію, послѣдовавшему между петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами, русскія войска

не пойдутъ далѣе занимаемыхъ ими нынѣ позицій, если только авганцы не подвинутся впередъ и не атакуютъ сами. Англійскій офицеръ увѣдомлялъ при этомъ, что авганцы получили отъ своего эмира приказаніе, какъ только сдѣлана будетъ попытка заставить ихъ очистить занимаемую ими позицію, *открыть огонь*. „Я вполнѣ понимаю,—добавлялось въ письмѣ,—что, съ военной точки зрѣнія, къ этому обстоятельству вы отнесетесь равнодушно. Но съ политической точки зрѣнія дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ, и столкновеніе, какъ бы оно ни было незначительно, не замедлитъ прискорбнымъ образомъ помѣшать переговорамъ, успѣшнаго окончанія которыхъ мы такъ желаемъ". На это генералъ Комаровъ приказалъ отвѣтить, что онъ безусловно не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній относительно авганцевъ, и лишь во избѣжаніе столкновенія съ ними требуетъ удаленія ихъ на правый берегъ Кушка.

Вслѣдствіе этого письма, капитанъ Іэтъ просилъ о новомъ свиданіи съ Закржевскимъ. Оно состоялось, но нисколько не способствовало улаженію дѣла, такъ какъ англійскій капитанъ, конечно, не сочувствовалъ удаленію авганцевъ за Кушкъ, и стоялъ за сохраненіе ими своихъ новыхъ позицій...

„Видя, что дерзость авганцевъ, оставаясь ненаказанной, все возростаетъ,—говоритъ генералъ Комаровъ въ своемъ донесеніи о боѣ на Кушкѣ,—и что если такъ будетъ продолжаться, то черезъ нѣсколько дней придется самому быть атакованнымъ,—предположеніе, которому впослѣдствіи явились подтверждающія обстоятельства,—замѣчая возбужденное состояніе всего отряда и наконецъ броженіе и даже какъ бы умаленіе русскаго обаянія между окружавшими меня туркменскими ханами, почетными людьми и милиціонерами,—я нашелъ, что такое положеніе продолжаться не можетъ, а потому почелъ необходимымъ предпринять крайнюю мѣру".

Утромъ 17-го марта генералъ послалъ съ разъѣздомъ, подъ командою сотника Кобцева, слѣдующее письмо къ Наибъ-Салару-Теймуръ-шаху, начальнику авганскихъ войскъ:

„Требую, чтобы сегодня до вечера всѣ подчиненные вамъ военные чины до единаго возвратились въ прежнія стоянки свои на правый берегъ Кушка, чтобы посты ваши на правомъ берегу Мургаба не спускались ниже соединенія рѣкъ. Переговоровъ и объясненій по этому вопросу не будетъ. Вы обладаете умомъ и проницательностью, и, вѣроятно, не допустите, чтобы я свое требованіе привелъ въ исполненіе самъ".

Хотя со стороны авганцевъ, въ отвѣтъ на это письмо, было

замѣтно только новое усиленіе войскъ на лѣвомъ берегу Кушка и лихорадочная работа по возведенію укрѣпленій, но генералъ все еще не терялъ надежды на мирное соглашеніе.

„Отвѣтъ Наибъ Салара заключался въ томъ,—говорится далѣе въ донесеніи генерала Комарова,—что, получивъ приказаніе отъ гератскаго Наибъ-уль-Гукуме совѣтоваться о всѣхъ пограничныхъ дѣлахъ съ капитаномъ Іэтомъ, онъ не преминулъ это сдѣлать, и затѣмъ онъ прежде всего долженъ исполнять приказанія своего эмира.

„Желая еще разъ сдѣлать попытку къ мирному окончанію дѣла, я дружескимъ, полу-оффиціальнымъ письмомъ извѣстилъ Наибъ-Салара, что отъ своего требованія отступить не могу, и что отвѣтственность за послѣдствія столкновенія, происшедшаго отъ дурныхъ совѣтовъ, падетъ на него, такъ какъ я всѣми возможными мѣрами старался о сохраненіи дружественныхъ отношеній.

„Затѣмъ, убѣдившись, что ни переговоры, ни категорическія требованія не привели ни къ чему, я рѣшилъ, что необходимо привести въ исполненіе поставленное мною авганцамъ требованіе немедленно, и для этого, въ тотъ же день вечеромъ, собралъ начальниковъ частей мургабскаго отряда, полковниковъ Казанцева и Никшича и подполковника Алиханова, которымъ изложилъ сущность нашего положенія и отдалъ необходимыя приказанія".

По нашимъ свѣдѣніямъ, авганскія войска у Акъ-Тепе простирались до четырехъ тысячъ и состояли, приблизительно, изъ 2.400 пѣхотинцевъ и 1.600 всадниковъ, при четырехъ полевыхъ и четырехъ горныхъ англійскихъ орудіяхъ.

На лѣвомъ берегу Кушка, обращенный въ Кизилли-Тепе фронтъ передовой авганской позиціи былъ усиленъ окопомъ, который тянулся по краю такъ называемаго Дашъ-Кепринскаго плато и, прикрывая доступъ къ мосту, упирался своимъ загибомъ на правомъ флангѣ въ берегъ Кушка. Какія части авганцы перевели изъ лагеря на эту передовую позицію и какъ онѣ расположены,—мы не имѣли свѣдѣній, такъ какъ окончательная разстановка ихъ войскъ послѣдовала только въ ночь передъ боемъ, послѣ полученія Наибъ-Саларомъ категорическаго требованія генерала Комарова. Въ самый же день боя оказалось, что за амбразурами, саженяхъ въ пятидесяти отъ лѣвой оконечности фронтальнаго окопа, были поставлены четыре орудія; на такомъ же разстояніи правѣе отъ нихъ—еще два орудія и, наконецъ, одно—противъ самаго моста. Все пространство между

этими тремя батареями было занято пѣхотой. Лѣвый флангъ этой передовой позиціи оставался открытымъ. Здѣсь авганцы или не успѣли окопаться, или, вѣрнѣе, оставили эту часть неогражденною, для свободнаго выхода кавалеріи, которая, въ числѣ около 1.200 всадниковъ, и была расположена подъ прямымъ угломъ между окопомъ и берегомъ Кушка. Небольшая часть пѣхоты авганцевъ и восьмое ихъ орудіе были оставлены въ укрѣпленномъ лагерѣ на Акъ-Тепе, на правомъ берегу Кушка. Здѣсь же, въ тылу общаго расположенія, стояла джемшидская кавалерія Ялантошъ-хана, въ числѣ около 400 всадниковъ, съ цѣлью охранять лагерь отъ ожидаемаго нападенія сарыковъ. Авганскія войска, состоя по преимуществу изъ людей рослыхъ и здоровыхъ, имѣли весьма внушительный видъ; а кавалерія, къ тому же, сидѣла на превосходныхъ лошадяхъ.

Нашъ мургабскій отрядъ составлялъ силу около 1.400 штыковъ и 500 сабель при четырехъ горныхъ орудіяхъ. Войска эти, по диспозиціи генерала Комарова, были раздѣлены на три колонны. Правую изъ нихъ составилъ 3-й туркестанскій линейный батальонъ подъ начальствомъ полковника Казанцева, которому приказывалось совершить обходное движеніе по пескамъ, лежащимъ правѣе Кизилли-Тепе, и неожиданно выйти на лѣвый флангъ и тылъ непріятельской позиціи. Лѣвая колонна, состоявшая изъ своднаго батальона закаспійскихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ полковника Никшича, должна была, чтобы тоже не сразу обнаружить себя, нѣсколько задержаться за Кизилли-Тепе и, затѣмъ, наступать противъ фронта авганцевъ. Наконецъ, кавалеріи, состоявшей изъ трехъ сотенъ 1-го кавказскаго коннаго полка и сотни туркменовъ, подъ моимъ начальствомъ, было приказано двинуться на крайній лѣвый флангъ. Горныя орудія, по диспозиціи, должны были слѣдовать съ туркестанцами; но, въ виду трудности ихъ движенія среди сыпучихъ песковъ, они также присоединились къ кавалеріи.

На другой день, 18 марта, полковникъ Казанцевъ выступилъ изъ лагеря въ два часа утра и, углубившись въ пески по бездорожью и среди непроглядной тьмы, въ теченіе цѣлыхъ пяти часовъ преодолѣвалъ страшныя трудности, представленныя движенію его колонны песчаными барханами на протяженіи 5—6 верстъ. Полковникъ Никшичъ и я вышли двумя часами позже и, какъ было приказано, остановились за Кизилли-Тепе. Было темно, холодно и моросилъ дождь, когда, около пяти часовъ утра, къ намъ подъѣхалъ генералъ Комаровъ и приказалъ мнѣ вести колонну. Я направился прямо на лѣвый флангъ авганцевъ, под-

нялся, въ началѣ шестого часа, на Ташъ-Кепринское плато и, разглядѣвъ здѣсь темную массу авганской конницы, остановился передъ нею приблизительно въ 400 шагахъ и выстроилъ фронтъ. Вскорѣ начало свѣтать, и тогда обрисовалась передъ нами густая колонна непріятельской кавалеріи, занимавшая въ нѣсколько линій почти все пространство между оконечностью пѣхотнаго окопа и берегомъ Кушка. Въ исходѣ шестого часа передъ фронтомъ этой конницы пронесся Наибъ-Саларъ-Теймуръ-шахъ, привѣтствуя ее словами: „Подвизайтесь во славу Божію!“ Въ отвѣтъ на это раздались громкіе и нѣсколько разъ повторявшіеся крики авганцевъ, что будутъ сражаться во имя Аллаха, причемъ вся масса ихъ заволновалась на мѣстѣ, потрясая въ воздухѣ высоко поднятыми саблями и карабинами. Мнѣ казалось, что наступаетъ моментъ атаки, и если бы она послѣдовала въ ту же минуту, то, несомнѣнно, масса въ 1.200 всадниковъ раздавила бы четыре наши сотни. Но, къ счастію, этого не случилось, а казаки наши, прежде чѣмъ смолкли крики авганцевъ, по командѣ: „къ пѣшему строю!“ быстро соскочили съ коней и, выбѣжавъ впередъ, еще шаговъ на сто приблизились къ непріятельскому фронту и образовали передъ нимъ густую цѣпь въ 300 берданокъ [1]) и безъ всякаго резерва, чтобы сразу огрѣть противника возможно сильнымъ огнемъ. Въ конномъ строю осталась только туркменская сотня, какъ не имѣвшая ружей.

Туркестанцы все еще не выходили изъ песковъ. Закаспійцевъ также не было видно на равнинѣ. А между тѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ объѣзда Наибъ-Салара, со стороны авганцевъ раздались одиночные выстрѣлы въ нашу сторону; нѣсколько пуль провизжало надъ нашими головами и шлепнулось среди коноводовъ. Однако, въ виду строгаго приказанія не открывать огонь первыми, я не придалъ значенія этимъ выстрѣламъ, полагая ихъ случайными, что легко могло произойти въ большой неорганизованной конной массѣ, имѣвшей въ рукахъ готовыя ружья. Но черезъ минуту, когда послѣдовали новые выстрѣлы, ко мнѣ прискакалъ командовавшій коноводами есаулъ Фальчиковъ и заявилъ, что у казака ранена лошадь. Кровь, слѣдовательно, была пролита у насъ. Болѣе нечего было ждать.

— Ну, теперь валяй, братцы!—крикнулъ я казакамъ, ожидавшимъ этого приказанія съ давно заряженными ружьями. Въ

[1]) По этому поводу авганцы, кавалерія которыхъ не знаетъ спѣшиванія, а стрѣляетъ съ коня, пораженные внезапнымъ появленіемъ передъ собою пѣшей части, объясняли впослѣдствіи свое пораженіе, говоря между прочимъ, что русскіе обманули ихъ, скрытно подведя пѣхоту за кавалеріею...

ту же секунду, подобно внезапному раскату грома, раздался оглушительный залпъ всѣхъ трехъ сотенъ, и въ ту же секунду испуганный мой конь взвился, какъ свѣча, и опрокинулся навзничь вмѣстѣ со мною. Но не до боли было въ эту минуту; я поднялся и снова вскочилъ на сѣдло... Этотъ эффектный залпъ, послѣ котораго казаки продолжали учащеннымъ огнемъ разстрѣливать передъ собою кавалерію противника, послужилъ сигналомъ къ общему бою. Вслѣдъ за нимъ выстрѣлы затрещали со всѣхъ сторонъ, какъ барабанная дробь. Вся позиція авганцевъ задымилась сразу; всѣ ихъ окопы и батареи разразились огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ. Загремѣли и наши орудія. Стрѣлки Никшича, быстро выдвинувшись изъ-за Кизилли-Тепе, также опоясались дымомъ и начали наступать густою цѣпью.

Дружный казачій залпъ сразу произвелъ полное смятеніе среди авганской конницы, а черезъ минуту она представляла передъ нами картину, почти не поддающуюся описанію... Огромная масса всадниковъ, столпившись на небольшомъ пространствѣ, служила такою цѣлью на разстояніи 300 шаговъ, что едва ли пропадала даромъ хоть одна пуля. А казаки поддерживали такой огонь, что менѣе чѣмъ въ десять минутъ выпустили всѣ свои восемнадцать тысячъ патроновъ!.. Въ результатѣ такого непрерывнаго свинцоваго дождя, являвшагося стрѣльбою почти въ упоръ, въ самомъ началѣ боя образовался передъ нами какой-то безобразный, но живой еще конгломератъ людей и лошадей, свалившихся въ общую груду, падающихъ и распластанныхъ, борющихся и умирающихъ, и все это — среди адской музыки грома выстрѣловъ, криковъ людей, храпа и ржанія коней... За этимъ первымъ планомъ виднѣлась другая картина. Смѣшавшись тоже въ какую-то хаотическую, оторопѣлую массу, авганскіе всадники метались во всѣ стороны и цѣлыми толпами кидались въ воду съ берега Кушка, или мчались назадъ, къ переправѣ на правый берегъ. Число ихъ таяло съ каждой минутой. Но, однако, прежде чѣмъ совершенно очистить поле битвы, до трехъ сотъ этихъ всадниковъ дружной толпой ринулись въ нашу сторону, но, встрѣченные новыми залпами казаковъ, спустились съ плато и заскакали въ тылъ нашихъ коноводовъ. Эти храбрецы попали на своемъ пути сперва подъ фланговый огонь двухъ ротъ Никшича, потомъ ихъ встрѣтили и провожали выстрѣлами прямо съ коней наши коноводы и головная рота только-что выходившаго изъ песковъ туркестанскаго батальона. Къ довершенію несчастія, на нихъ обрушилась туркменская сотня. Текинцы и сарыки, еще не вполнѣ усвоившіе дисциплину, а быть

можетъ, не понявъ или не расслышавъ команду, нѣсколько замялись-было передъ атакой. Видя это, я подскакалъ къ нимъ и крикнулъ по-туркменски: „Умрите тутъ всѣ, или истребите ихъ!“—Этого напоминанія было достаточно, и сотня, дружно бросившись въ сабли, смяла авганцевъ, отняла полковое ихъ знамя [1]) и загнала бо̀льшую часть въ Кушкъ. Несчастные въ полномъ разстройствѣ бросались въ воду съ кручъ и, толпясь густыми массами у глубокаго брода, понесли огромныя потери отъ огня туркестанцевъ...

Пока все это происходило въ тылу, остатки главной массы авганской кавалеріи обратились въ бѣгство и совершенно скрылись изъ виду, оставивъ передъ казаками только груды убитыхъ людей и лошадей. Тогда, направивъ огонь во флангъ и въ тылъ пѣхоты, занимавшей окопы, наша колонна перешла въ наступленіе. Авганцы—медленно и отстрѣливаясь, но отступали по мѣрѣ нашего приближенія. Они сдѣлали только одну попытку задержаться около первой своей батареи. Но на нее казаки бросились съ крикомъ „ура!“—и четыре полевыхъ орудія, изъ коихъ два оказались заряженными, и вокругъ которыхъ валялась перебитая прислуга, сдѣлались трофеями нашей колонны. Получивъ здѣсь отъ туркестанцевъ патроны и присоединивъ къ себѣ одну изъ ротъ, мы двинулись далѣе, и черезъ нѣсколько минутъ въ наши руки перешла и вторая непріятельская батарея изъ двухъ совершенно новыхъ горныхъ орудій, съ шестью мулами въ щегольской англійской сбруѣ. Затѣмъ, къ седьмому непріятельскому орудію, стоявшему передъ мостомъ, мы подошли одновременно съ батальономъ полковника Никшича. Пѣхота авганская была въ это время уже въ полномъ бѣгствѣ, и только послѣднія ея части, съ массой раненыхъ, еще тѣснились на мосту, причемъ, пробивая себѣ дорогу подъ выстрѣлами, довершали свою гибель, срываясь въ рѣку съ узкихъ парапетовъ, или сбивая съ ногъ другъ друга въ глубокой водѣ акведука... Видно было, что авганцы особенно упорно обороняли доступъ къ Дашъ-Кепри, къ которому одновременно надвигались, подъ прямымъ угломъ, съ фронта стрѣлки, а съ фланга — казаки и туркестанцы. Здѣсь, позади окопа, заслонявшаго мостъ, образовался цѣлый валъ изъ двухъ-трехъ сотенъ окровавленныхъ труповъ. Мѣстами десятки тѣлъ лежали въ общей кучѣ, и между ними, судя по мундирамъ, виднѣлись офицеры. Особенно врѣзалось въ моей памяти спокойное

---

[1]) Знамя взялъ урядникъ милиціи, сарыкъ Аманъ-Клычъ, свалившъ знаменщика двумя сабельными ударами въ голову.

выраженіе лица молодого красавца корнейля (полковника), который, съ раскрытою и простреленною грудью, лежалъ надъ тремя другими тѣлами и казался только-что заснувшимъ...

Цѣль нашего боя, такимъ образомъ, была достигнута вполнѣ: на лѣвомъ берегу Кушка уже не оставалось ни одного вооруженнаго авганца. Тѣмъ не менѣе, движеніе наше продолжалось точно по инерціи. Встрѣтившись около Дашъ-Кепри съ полковникомъ Никшичемъ, мы рѣшили немедленно переправиться на правый берегъ рѣки и идти на лагерь въ Акъ-Тепе, гдѣ была оставлена, по свѣдѣніямъ, часть авганцевъ. Пѣхота при этомъ начала вытягиваться по мосту; а наша колонна, для выигрыша времени, поднялась нѣсколько выше и переправилась въ бродъ. Развернувъ затѣмъ на правомъ берегу всѣ четыре сотни, мы на рысяхъ взобрались на Акъ-Тепе и, проѣхавъ черезъ весь лагерь, остановились на южной его оконечности, на пути въ Пенде. Сюда же, черезъ полчаса послѣ кавалеріи, подошли остальныя части отряда вмѣстѣ съ генераломъ Комаровымъ, который, подъѣхавъ къ нашей колоннѣ, благодарилъ ее „за молодецкія дѣйствія"...

Укрѣпленный лагерь авганцевъ, обнесенный солиднымъ валомъ и рвомъ, оказался брошеннымъ. Занимавшія его войска покинули здѣсь послѣднее свое орудіе и присоединились, вмѣстѣ съ джемшидской конницей, къ общему бѣгству съ передовой позиціи. Только нѣсколько пѣхотинцевъ, вѣроятно не успѣвшихъ выбѣжать до нашего появленія, прятались еще подъ мостомъ и во рву, и стрѣляли по нашимъ, упорно отказываясь сдаться, пока не были перебиты...

По всему было видно, что авганцы не ожидали такого исхода столкновенія. Лагерь ихъ представлялъ всѣ признаки того, что хозяева разсчитывали скоро вернуться сюда. Въ походныхъ очагахъ еще тлѣлъ огонь; кое-гдѣ варилась пища. Ничто не было уложено или прибрано въ шатрахъ и кибиткахъ, въ которыхъ оставались массы платья, ковры и постели, мѣдная посуда, оружіе, книги, кальяны, сундуки, сумки и весьма оригинальные музыкальные инструменты [1]). Помимо всего этого, быстро разо-

---

[1]) Въ шатрѣ авганскаго генерала были найдены, между прочимъ, его расшитый парадный мундиръ, щегольская каска, кальянъ, сабля, двустволка, панталоны съ золотымъ лампасомъ и новые лакированные ботфорты съ клеймомъ „London". Полагая, что ботфорты эти принадлежали одному изъ англійскихъ офицеровъ, мы передали ихъ джигиту, съ приказаніемъ догнать бѣглецовъ и вручить ихъ хозяину. Джигитъ исполнилъ приказаніе. Но англичане сапогъ не приняли, говоря, что ихъ хозяинъ – Наибъ-Саларъ...

браннаго, конечно, побѣдителями, въ рукахъ нашихъ остались огромный лагерь, вся ихъ артиллерія въ числѣ восьми орудій съ зарядными ящиками, большой бунчукъ Наибъ-Салара, два знамени и множество значковъ, барабаны и трубы, всѣ ихъ продовольственные и боевые запасы, и около полутораста транспортныхъ верблюдовъ.

Въ окопахъ передовой позиціи авганцы оставили болѣе пятисотъ своихъ убитыхъ и до двадцати тяжело раненыхъ. Но это только небольшая часть ихъ потерь. По разсказамъ пендинскихъ сарыковъ, въ числѣ бѣжавшихъ авганцевъ болѣе половины были ранены. Наибъ-Саларъ считалъ свою потерю убитыми болѣе тысячи человѣкъ, а самъ эмиръ Абдурахманъ говоритъ въ своей автобіографіи, что, послѣ пораженія его войскъ въ Пенде, „только небольшое число ихъ достигло Герата". Изъ числа офицеровъ авганскихъ убиты: командовавшій гезаринской конницей Ширъханъ; затѣмъ одинъ полковникъ, два капитана и младшіе офицеры, число которыхъ неизвѣстно. Самъ Наибъ-Саларъ раненъ двумя пулями [1]).

Мы потеряли на Кушкѣ убитыми одного офицера, прапорщика милиціи Сеидъ-Назара, и десять нижнихъ чиновъ, и ранеными—двухъ офицеровъ [2]) и двадцать-девять нижнихъ чиновъ.

„Такую полную побѣду,—говоритъ генералъ Комаровъ въ своемъ донесеніи о боѣ,—я приписываю доблестному поведенію всѣхъ чиновъ отряда. Начальники колоннъ выказали въ превосходной степени духъ почина, предупреждая приказанія, когда нужно было одной части поддержать другую, для достиженія общей цѣли. Всѣ гг. офицеры служили прекраснымъ примѣромъ беззавѣтной храбрости и исполнительности для нижнихъ чиновъ. Нижніе чины исполняли каждую команду безъ замедленія такъ дружно и стройно, какъ не всегда и на ученьи. Во все время

[1]) Этотъ Наибъ-Саларъ, или командующій войсками, Теймуръ-Шахъ, оказывается, былъ весьма крупною личностью въ авганской служебной іерархіи, занимавшій, между прочимъ, и постъ военнаго министра. О его дальнѣйшей судьбѣ мы находимъ слѣдующія строки въ „Автобіографіи эмира Абдурахмана":

„Теймуръ-шахъ, гильзаецъ, который былъ у меня военнымъ министромъ, обвиненъ былъ въ небрежности еще въ 1885 году въ бою у Пенде, но былъ мною прощенъ; онъ теперь обвинялся въ участіи въ возстаніи гильзаевъ, точно также какъ одинъ капитанъ и одинъ мой ординарецъ. Этотъ Теймуръ былъ арестованъ и доставленъ въ Кабулъ, гдѣ я приказалъ на смерть побить его камнями за это высшее предательство. Эта казнь должна была служить урокомъ для людей военныхъ—что ждетъ такихъ высокопоставленныхъ людей, какъ военный министръ, который столько лѣтъ ѣлъ мою хлѣбъ-соль и затѣмъ поднялъ оружіе противъ своего же господина".

[2]) Сотникъ Кобцевъ и подпоручикъ Хабаловъ.

боя ни одинъ человѣкъ не ступилъ ни шагу назадъ. Джигиты употребляли всѣ усилія стать достойными государевыми слугами и своею кровью заслужили право на братское товарищество съ регулярными войсками".

Англійскіе офицеры съ своими бенгальскими уланами, непосредственно въ бою не участвовали; они находились все время въ тылу, внѣ сферы выстрѣловъ, и послужили примѣромъ авганцамъ развѣ только въ дѣлѣ бѣгства... По окончаніи боя, около полудня, мы завтракали въ шатрѣ авганскаго генерала, когда одинъ изъ сарыковъ привезъ адресованную на имя подполковника Закржевскаго записку капитана Іэта, которая гласила: „При настоящихъ обстоятельствахъ, положеніе наше не безопасно, и мы просимъ васъ о покровительствѣ и конвоѣ". Нечего и говорить, что въ этомъ случаѣ нужно было исполнить просьбу даже „друзей". По приказанію генерала, Закржевскій и я немедленно бросили завтракъ и съ джигитами проскакали шесть верстъ подъ проливнымъ дождемъ, стараясь настигнуть англичанъ. Но, благодаря утомленію коней, это удалось намъ только отчасти. Завидя въ нѣкоторомъ отдаленіи толпу всадниковъ, съ которою, по словамъ сарыковъ, удалялись и англійскіе офицеры, мы отправили двухъ джигитовъ извѣстить ихъ, что конвой прибылъ... Толпа ли увлекла англичанъ, или же сами они не рѣшились положиться на нашу охрану, но суть въ томъ, что бѣглецы только прибавили ходу и не дали джигитамъ никакого отвѣта... Таковъ былъ результатъ нашей погони за англійскими офицерами, которые, за эту бѣшеную скачку въ ихъ интересахъ, вскорѣ „отблагодарили" меня самымъ неожиданнымъ образомъ. Ровно черезъ десять дней послѣ разсказаннаго случая, великобританскій посолъ, на основаніи донесенія капитана Іэта, сообщилъ между прочимъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что „англійскіе офицеры, *соблюдавшіе нейтралитетъ*, выѣхали изъ Пенде потому, что полковникъ Алихановъ подстрекалъ сарыковъ напасть на нихъ и предлагалъ по тысячѣ крановъ за голову"... Нечего и говорить, что подобная нелѣпость никогда и въ голову мнѣ не приходила, и наше министерство совершенно основательно отвѣтило на нее, что „Императорскій Кабинетъ можетъ только съ негодованіемъ отвергнуть направленное противъ полковника Алиханова обвиненіе въ томъ, что, будто бы, онъ обѣщалъ денежное вознагражденіе за головы англійскихъ офицеровъ, находившихся въ Пенде. Поступки такого рода совершенно неизвѣстны въ русской арміи"...

Приказаніемъ военнаго министра намъ воспрещенъ былъ

переходъ за Дашъ-Кепри. Поэтому, къ вечеру того же дня, отрядъ нашъ переправился на лѣвый берегъ Кушка и сталъ здѣсь, недалеко отъ мѣста боя, болѣе просторнымъ и пестрымъ лагеремъ, такъ какъ къ нашимъ палаткамъ прибавились еще шатры и кибитки авганцевъ. Между прочимъ расположилась въ палаткахъ и вся сотня джигитовъ, не имѣвшая раньше никакого укрытія... Изъ этого же лагеря генералъ Комаровъ отправилъ на слѣдующій день первое свое донесеніе военному министру такого содержанія:

„Нахальство авганцевъ вынудило меня, для поддержанія чести и достоинства Россіи, атаковать 18-го марта сильно укрѣпленныя позиціи ихъ на обоихъ берегахъ рѣки Кушка. Полная побѣда еще разъ покрыла славою войска Государя Императора въ Средней Азіи.

„Авганскій отрядъ регулярныхъ войскъ, силою въ 4.000 человѣкъ, при 8-ми орудіяхъ, разбитъ и разсѣянъ, потерявъ до 500 человѣкъ убитыми, всю артиллерію, два знамени, весь лагерь, обозъ и запасы. Англійскіе офицеры, руководившіе дѣйствіями авганцевъ, но не принимавшіе участія въ бою, просили нашего покровительства; къ сожалѣнію, посланный мною конвой не догналъ ихъ; они были увезены въ Бала-Мургабъ бѣжавшею авганскою кавалеріею. Авганцы сражались храбро, энергично и упорно; оставшіеся въ крытыхъ траншеяхъ даже по окончаніи боя не сдавались; всѣ начальники ихъ ранены или убиты. У насъ убитъ одинъ офицеръ, туркменъ Сеидъ-Назаръ-Юзбаши; контуженъ двумя пулями полковникъ Никшичъ; ранены сотникъ Кобцевъ и поручикъ Хабаловъ; контуженъ въ голову подпоручикъ Косминъ; нижнихъ чиновъ, казаковъ и туркменовъ убито десять, ранено двадцать-девять. Вся тяжесть боя выпала на долю четырехъ ротъ закаспійскихъ стрѣлковъ подъ командою полковника Никшича, и трехъ сотенъ кавказскаго казачьяго полка и сотни мервской милиціи подъ общимъ начальствомъ подполковника Алиханова, шедшихъ въ атаку на укрѣпленіе съ фронта [1]). Колонною полковника Никшича взяты знамя и одно орудіе, подполковника Алиханова—знамя и шесть орудій. 3-й туркестанскій линейный батальонъ и полубатарея 6-ой горной батареи, обошедшіе лѣвый флангъ авганцевъ, мѣткимъ огнемъ и своевременнымъ переходомъ въ наступленіе довершили побѣду. Хладнокровіе, порядокъ и храбрость, выказанные войсками въ бою,

---

[1]) Тутъ, вѣроятно, пропущены слова: „и съ фланга", такъ какъ кавалерія дѣйствовала только во флангъ и въ тылъ.

выше всякой похвалы. Милиція Мервскаго округа, вооруженная одиѣми саблями, геройски сражалась рядомъ съ казаками въ первой линіи. По окончаніи боя, я перешелъ на лѣвый берегъ Кушка. Сегодня ко мнѣ явится депутація отъ пендинскихъ сарыковъ, ищущихъ покровительства Россіи".

Представители сарыковъ, о которыхъ говорится въ этомъ донесеніи, дѣйствительно явились въ тотъ же день и просили о присоединеніи ихъ къ Россіи наравнѣ съ іолотанскими ихъ собратьями. Просьба, конечно, была принята, и правителемъ новой русской окраины былъ тогда же назначенъ почтенный пендинскій сарыкъ, Овезъ-ханъ, вышедшій на встрѣчу нашего отряда еще въ февралѣ и оказывавшій намъ на пути всевозможныя услуги. Такимъ образомъ, первымъ послѣдствіемъ боя на Кушкѣ было присоединеніе Пендинскаго оазиса съ 30-ти-тысячнымъ населеніемъ сарыковъ и фактическое расширеніе нашихъ предѣловъ до границъ Авганистана, хотя временно, до окончанія работъ разграничительной коммиссіи, эта новая территорія была объявлена нейтральною. Но, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она была присоединена формально и составила пендинское приставство Мервскаго округа.

Черезъ два дня послѣ боя, генералъ поручилъ мнѣ рекогносцировку путей отступленія авганцевъ, или, другими словами, объѣхать наши новыя владѣнія. Часть авганцевъ, преимущественно кавалерія, бѣжала послѣ боя по кратчайшей дорогѣ, черезъ аулы сарыковъ. Главная же ихъ масса, опасаясь враждебнаго отношенія пендинцевъ, направилась по болѣе кружному пути, пролегающему по окраинѣ оазиса и среди авганскихъ предгорій. Выступивъ утромъ 22 марта съ сотней казаковъ и съ нѣсколькими джигитами, я проѣхалъ по этой горной дорогѣ до послѣднихъ сарыкскихъ посѣвовъ около Меручака и, переночевавъ въ аулѣ новаго пендинскаго хана, вернулся на другой день по населенной части оазиса. На пространствѣ этихъ шестидесяти верстъ, пройденныхъ нами за два дня, мы видѣли по сторонамъ дороги, какъ печальный слѣдъ поспѣшнаго бѣгства авганцевъ, болѣе сотни ихъ свѣжихъ могилъ... Сарыки разсказывали, что этихъ могилъ еще болѣе около Меручака и далѣе по пути къ Бала-Мургабу. Придя къ первому изъ этихъ пунктовъ и не найдя здѣсь ни крова, ни пищи, голодные и большею частью раненые авганцы потянулись въ тотъ же день далѣе, гдѣ, къ довершенію бѣдствія, подверглись въ горахъ жестокому холоду съ снѣжною мятелью... При такихъ условіяхъ, конечно, „Герата достигло только небольшое

число ихъ", какъ говоритъ эмиръ Абдурахманъ. Вся эта катастрофа произошла, буквально, изъ-за клочка голой земли, не составляющаго даже половины квадратной версты. Не желая уступить его, авганцы рискнули на безумный бой и, помимо другихъ потерь, очистили въ тотъ же день пространство около пятидес.ти верстъ, которое и перешло въ наши руки. Вотъ поучительный для авганскаго эмира результатъ посредничества и „дружескихъ" совѣтовъ англичанъ!..

Абдурахманъ, впрочемъ, оцѣнилъ по достоинству участіе на Кушкѣ англичанъ, хотя причину нашего движенія къ Пенде объясняетъ болѣе чѣмъ наивно. Онъ говоритъ въ своей „Автобіографіи", что, будто бы, русское правительство было озлоблено на него за то, что онъ повернулся спиною къ Россіи и завязалъ дружбу съ Англіею; за то, что, затѣявъ разграниченіе, онъ осмѣлился положить предѣлъ наступательному движенію русскихъ въ Средней Азіи, и наконецъ,—за дружественное его свиданіе въ Риваль-Пинди съ вице-королемъ Индіи. „По этимъ причинамъ,—продолжаетъ далѣе Абдурахманъ свое курьезное описаніе столкновенія,—отрядъ русскихъ войскъ двинулся къ Пенде. Предвидя эту опасность, я призналъ благоразумнымъ послать значительныя силы, чтобы удержать русскихъ отъ наступленія и овладѣнія Пенде и чтобы предупредить ихъ тамъ, какъ я успѣлъ занять Шугнанъ и Рошанъ, прежде чѣмъ туда вступилъ русскій офицеръ. Но чѣмъ больше я старался убѣдить англичанъ въ чрезвычайной важности и необходимости посылки значительныхъ силъ для защиты Пенде, тѣмъ менѣе они обращали вниманія на мои доводы. Полученный мною отвѣтъ англійскаго правительства гласитъ слѣдующее: „Какое бы мѣсто ни было занято авганскими войсками, русскіе *не посмѣютъ* тронуть его". И не только этотъ отвѣтъ, но увѣренія англичанъ вообще относительно безопасности Пенде меня совершенно успокоили, тѣмъ болѣе, что и сэръ Питэръ Лёмсденъ писалъ мнѣ, что онъ предотвратитъ столкновеніе между русскими и авганскими войсками.

„Тѣмъ временемъ русское войско быстро подвигалось впередъ и, сосредоточившись въ Кизилли-Тепе, укрѣпило это мѣсто. Авганская армія была расположена въ Акъ-Тепе по направленію къ лѣвому берегу Аму-Дарьи (!). 29 марта, генералъ Комаровъ прислалъ сообщеніе авганскому генералу, чтобы онъ отодвинулъ свои войска по направленію къ правому берегу рѣки,—иначе будетъ сраженіе и русскіе атакуютъ авганскую армію. До послѣдней минуты англійскіе офицеры разграничительной коммиссіи

и солдаты всячески увѣряли офицеровъ моей арміи, что русскіе не посмѣютъ атаковать ихъ до тѣхъ поръ, пока они останутся на занимаемой ими позиціи; что если русскіе атакуютъ моихъ солдатъ на ихъ позиціи, которую они уже занимаютъ, то это будетъ нарушеніемъ конвенцій, существующихъ между Россіею и Англіей, и тогда русскіе будутъ *привлечены къ отвѣту*. Мой генералъ, которому я строго приказалъ ничего не дѣлать противъ совѣта офицеровъ англійской коммиссіи, оставался на своей позиціи, удовлетворенный обѣщаніями англійскихъ офицеровъ.

„На слѣдующій день *цѣлая бригада* русскихъ войскъ атаковала небольшой отрядъ авганскій. Узнавъ объ этомъ, англійскіе офицеры *сейчасъ же бѣжали* въ Гератъ, совмѣстно со всѣми своими войсками и свитой. Генералъ мой и другіе офицеры авганскіе напоминали англійскимъ офицерамъ объ ихъ увѣреніяхъ, что русскіе не посмѣютъ атаковать авганскую позицію, и что если это случится, авганцамъ останется только обратиться за помощью къ англичанамъ. Въ виду этихъ увѣреній, англичане не должны были оставить авганцевъ встрѣчать русскихъ одинъ-на-одинъ. Но все это не остановило бѣгства англичанъ. Тогда авганцы просили англичанъ одолжить имъ хотя бы ихъ винтовки, потому что имъ невыгодно было стоять противъ русскихъ винтовокъ, заряжающихся съ казны, со своими ружьями, заряжающимися съ дула. Кромѣ того, винтовки и порохъ у авганцевъ были испорчены сыростью и дождемъ. Но англичане, обѣщавшіе стоять вмѣстѣ съ авганцами, отказались одолжить свои винтовки и покинули небольшой отрядъ храбрыхъ авганцевъ, предоставивъ имъ однимъ сражаться и быть убитыми на полѣ сраженія. Англичане бѣжали къ Герату, не выждавъ ни одного момента. Англійскія войска и офицеры были до такой степени испуганы и нервозны, что бѣжали въ дикомъ замѣшательствѣ, не будучи въ состояніи отличить друзей отъ враговъ; вслѣдствіе сильнаго холода, многіе изъ бѣдныхъ туземныхъ „спутниковъ" англійской коммиссіи лишились жизни при паденіи съ лошадей во время бѣгства.

„Нѣкоторые офицеры англійскіе были сброшены съ лошадей во время бѣгства; я не желаю упоминать ихъ имена. Но храбрые солдаты авганской арміи, гордые престижемъ своего народа, чувствовали себя обязанными поддержать его; вслѣдствіе чего они сражались съ такой яростью, что большое число ихъ было убито и ранено. Но—увы!—благодаря испорченнымъ винтовкамъ, которыя у нихъ были, и небольшой числительности по сравне-

нію съ силами непріятеля, они могли сдѣлать немного; небольшое только число ихъ достигло Герата послѣ пораженія.

„Это надменное отношеніе англичанъ произвело такое дѣйствіе на авганскій народъ, что уронило англійскій престижъ въ его глазахъ навсегда“...

Прибавимъ къ этому свидѣтельству эмира Абдурахмана, что „кушкинскій бой нанесъ жестокій ударъ англійскому престижу не только въ Авганистанѣ, но во всей Средней Азіи“, какъ въ свое время доносилъ своему правительству генералъ Лёмсденъ, и это было вторымъ послѣдствіемъ нашей побѣды, еще болѣе важнымъ, чѣмъ присоединеніе Пенде...

М. Алихановъ-Аварскій.

ВЪ
МУРАВЕЙНИКѢ

РОМАНЪ.

I.

Небольшая пріемная зала госпиталя была превращена на этотъ разъ въ аудиторію. Были разставлены плотными рядами стулья; въ глубинѣ залы, на временно устроенномъ помостѣ, стоялъ столъ, за нимъ мягкое кресло—изъ дежурной комнаты. Столъ былъ покрытъ зеленой скатертью, на которой красовался графинъ съ водою и стаканъ.

Зала была освѣщена довольно тускло, и члены мѣстнаго медицинскаго общества, иначе говоря, врачи небольшого губернскаго города, собирались вяло на это засѣданіе. Они всегда собирались вяло на засѣданія, потому что каждый изъ нихъ жилъ долго въ городѣ, обзавелся своими интересами, которые удалялись отъ научныхъ, состоя въ обратномъ отношеніи къ продолжительности обывательскаго пребыванія врача въ городкѣ: мелкіе городскіе интересы становились врачу ближе, научные — дальше.

И всѣ они холодно относились къ этимъ засѣданіямъ, на которыхъ читались рефераты, давно уже переставшіе интересовать ихъ; рефераты отнимали время у этихъ врачей, занятыхъ городской практикой, или игрой въ винтъ въ клубѣ, или своими домашними дѣлами.

Тѣмъ не менѣе, первые ряды стульевъ были заняты; врачи все еще входили, осматривались, здоровались другъ съ другомъ

я отыскивали тѣхъ, съ которыми ихъ что-нибудь сближало. Они разсаживались группами.

Когда всѣ размѣстились и всѣ пріумолкли, на эстраду взошелъ врачъ въ военномъ сюртукѣ, щегольски одѣтый; на правой сторонѣ мундира у него былъ докторскій значокъ, на шеѣ—орденъ; шпоры его издавали мягкій, пріятный звонъ, когда онъ всходилъ на возвышеніе, покрытое солдатскимъ сукномъ; онъ выправилъ широкимъ, округлымъ жестомъ бѣлоснѣжныя маншеты изъ-подъ рукавовъ сюртука; потомъ, загнувъ голову, онъ также выправилъ бѣлый воротничокъ, расправилъ великолѣпно выкрашенные длинные усы и выразительно крякнулъ, какъ бы приглашая общество ко вниманію.

Усѣвшись въ кресло, онъ нѣсколько разъ пощелкалъ шпорами и положилъ въ выжидательной позѣ руки на зеленую скатерть.

Земскій врачъ въ сильно потертомъ и лоснящемся пиджакѣ, сидѣвшій во второмъ ряду, наклонился къ сосѣду и слегка тронулъ его локтемъ.

— Это, если не ошибаюсь, Обрядовъ? — спросилъ онъ и указалъ глазами на лектора.

— Онъ,—отвѣтилъ сосѣдъ.

— И онъ читаетъ рефератъ?

— Собирается, какъ видите.

— Ну, зналъ бы, не тратилъ попустому время,—недовольнымъ голосомъ проговорилъ земскій врачъ.

— А отчего вы не знали? Заглянули бы въ повѣстку.

— Mea culpa! не догадался. Знаете, насидишься въ деревнѣ, хочется нюхнуть городского воздуха... общенія съ товарищами... Повидаться кое съ кѣмъ, поучиться чему-нибудь. У насъ—одиночество, тьма; здѣсь, знаете, свѣтъ, ex urbe lux. И вдругъ—рефератъ Обрядова! И какъ это вы, Григорій Зиновьевичъ, городской врачъ, имѣете время ходить сюда?

Григорій Зиновьевичъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

Обрядовъ, несмотря на то, что врачи говорили шопотомъ, демонстративно выжидалъ, пока они кончатъ, и выразительно смотрѣлъ на нихъ.

— Вниманія требуетъ,—съ выраженіемъ насмѣшки въ голосѣ сказалъ земскій врачъ и замолчалъ.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!.. — началъ Обрядовъ.

Врачи переглянулись: въ заднихъ рядахъ стульевъ, въ плохо

освѣщенной части залы, пріютились двѣ женщины-врачи, которыхъ никто сначала не замѣтилъ.

— Ага, и дамы здѣсь,—проговорилъ земскій врачъ, обернувшись и поглядѣвъ въ глубину залы.

— Я хотѣлъ бы,—продолжалъ Обрядовъ,—предложить сегодня вашему вниманію нѣсколько вопросовъ, не имѣющихъ отношенія, въ узкомъ смыслѣ слова, къ медицинской наукѣ, но тѣсно соприкасающихся съ дѣятельностью врача, съ его общественнымъ служеніемъ. Это—вопросы врачебной этики...

Кое-гдѣ въ рядахъ кашлянули; кое на какихъ лицахъ появились улыбки, тотчасъ же подавленныя.

Всѣ знали въ городѣ Обрядова; это былъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, любившій ухаживать за городскими „дамочками", повинтить довольно крупно въ клубѣ, хорошо поѣсть, разыгрывать роль свѣтскаго человѣка. Онъ хорошо одѣвался, хорошо красилъ усы, еще лучше звенѣлъ шпорами; любилъ, какъ бы машинально, потрогать орденъ на шеѣ, съ которымъ не разставался никогда, и поговорить о чемъ угодно, кромѣ медицины, отъ которой онъ давно отсталъ, и къ которой никогда не питалъ особеннаго пристрастія. Съ тѣхъ поръ какъ онъ получилъ мѣсто дивизіоннаго врача, онъ сталъ вращаться среди высшихъ кавалерійскихъ офицеровъ, пріобрѣлъ много ихъ внѣшнихъ привычекъ и серьезно считалъ себя кавалеристомъ болѣе, чѣмъ врачомъ, потому что завелъ хорошую карабахскую лошадь, на которой долго учился въ манежѣ ѣздить, подъ руководствомъ эскадроннаго командира.

Обрядовъ обладалъ хорошими наслѣдственными средствами, въ практикѣ не нуждался, не искалъ ея, да и она его не искала; лечить ему никого не приходилось, потому что функціи дивизіоннаго врача—чисто административныя, а не врачебныя. Но онъ любилъ бывать въ недавно сложившемся въ городѣ медицинскомъ обществѣ, объединившемъ всѣхъ губернскихъ врачей, и красоваться на эстрадѣ въ дни засѣданій. Ни о какихъ чисто медицинскихъ вопросахъ онъ не могъ читать рефератовъ, за полной отсталостью въ этихъ вопросахъ. Поэтому онъ избралъ для своихъ сообщеній безобидные вопросы врачебной этики, въ которой мнилъ себя очень остроумнымъ и сильнымъ.

Коллеги слегка подсмѣивались надъ этой его слабостью, но такъ какъ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени милый, то къ нему „снисходили" и относились съ внѣшней почтительностью.

Обрядовъ продолжалъ:

— Въ послѣднее время, господа, стали раздаваться усилен-

ные голоса общества противъ врачей... съ одной стороны, а съ другой—недовольство врачей обществомъ. Создалось, такъ сказать, взаимное непониманіе, а взаимное непониманіе влечетъ къ взаимному недовѣрію...

Обрядовъ остановился, выпилъ глотокъ воды, щелкнулъ шпорами подъ кресломъ и продолжалъ:

— Роль врача въ нашемъ обществѣ не только весьма почтенная, я бы сказалъ—священная роль, но и... отвѣтственная.

— Господи, какую онъ несетъ банальщину! — прошепталъ одинъ изъ врачей, полный, даже грузный человѣкъ, съ огромной растительностью на головѣ и лицѣ; густые усы и борода закрывали треть его лица, а упрямые, жесткіе волосы словно шапкой покрывали его голову.

— Вы непочтительны къ начальству, Ѳаддей Ѳаддеевичъ,— сказалъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ врачъ.

Ѳаддей Ѳаддеевичъ запустилъ пальцы въ бороду и сталъ выщипывать изъ нея волосы. Онъ съ конфузливымъ и робкимъ выраженіемъ взглянулъ на лектора и опустилъ сейчасъ же глаза.

— Существуетъ такой анекдотъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Обрядовъ:—при одномъ изъ европейскихъ дворовъ, короля посѣщалъ ежедневно его лейбъ-медикъ; но, вотъ, однажды, онъ пришелъ, и ему доложили, что король не можетъ его принять, потому что боленъ... Это съ одной стороны; съ другой стороны... говорятъ, что въ Китаѣ платятъ врачу за „дни здоровья“ паціента, а за „дни болѣзни“ долженъ платить врачъ...

Въ залѣ раздались смѣшки, нетерпѣливыя движенія стульями; кто-то сдержанно зѣвнулъ.

Обрядовъ оглядѣлъ присутствующихъ, но не сконфузился.

Онъ потрогалъ орденъ на шеѣ, позвякалъ шпорами и продолжалъ:

— Я очень извиняюсь, что привожу здѣсь эти анекдоты. Но анекдотъ цѣненъ иногда тѣмъ, что въ немъ сконцентрированы характерныя стороны извѣстнаго явленія. Это, такъ сказать, иллюстрація къ тексту. Разобраться въ причинахъ, создавшихъ это взаимное недовѣріе между врачами и обществомъ... не только не трудно, но даже очень легко. Для этого слѣдуетъ, съ одной стороны, освѣтить аналитически положеніе врача, а съ другой стороны... требованія, предъявляемыя къ нему обществомъ. Если до сихъ поръ этого не было сдѣлано...

Обрядовъ говорилъ долго, длинно, вставляя, въ затруднительныхъ мѣстахъ, неизбѣжное „э“, которое, видимо, помогало ему, и разсматривая вопросъ то „съ одной стороны“, то „съ

другой". Кое-гдѣ онъ вставлялъ анекдоты, кое-гдѣ запутывался въ дебряхъ аргументаціи, и въ эти моменты тревожилъ свой орденъ, позвякивалъ шпорами и глоталъ воду; но видъ сохранялъ изящный и старался держаться опытнымъ лекторомъ.

Вниманіемъ залы завладѣть ему, однако, не удалось; напротивъ, онъ нагналъ на слушателей невѣроятную тоску; шопоты стали раздаваться все чаще и чаще и въ разныхъ углахъ; къ этимъ шопотамъ присоединились неудержимый кашель и сморканье; двигали стульями, зѣвали.

Обрядовъ и самъ радъ былъ бы кончить свое сообщеніе, но запутался и не зналъ, какъ достойно вывернуться.

Въ залу вошелъ молодой врачъ въ военномъ сюртукѣ, съ густыми эполетами; на довольно мясистомъ носу его сидѣло золотое pince-nez; надъ нѣсколько толстыми губами красовались густые рыжеватые усы; лицо его было гладко выбрито, и голубые ясные глаза его смотрѣли весело и оживленно; онъ нѣсколько смутился, войдя въ залу, потому что не ожидалъ, что такъ сильно запоздаетъ; сдѣлавъ неловкій и торопливый поклонъ въ пространство между слушателями и лекторомъ, онъ сѣлъ на первый попавшійся ему стулъ и замеръ въ неподвижной позѣ.

Во взглядѣ Обрядова мелькнуло укоризненное выраженіе, но онъ воспользовался наступившимъ перерывомъ, собрался съ мыслями и сдѣлалъ переходъ къ заключительнымъ словамъ лекціи.

— Я говорилъ передъ почтеннымъ собраніемъ товарищей лишь объ общихъ, такъ сказать, предварительныхъ чертахъ и вопросахъ врачебной этики. Я не коснулся частностей и деталей, каковы, напримѣръ, врачебная тайна, такъ называемые безнравственные способы леченія... сословные вопросы... и многое другое. Боясь утомить вниманіе почтенныхъ и уважаемыхъ слушателей, удостоившихъ мое сообщеніе... мое сообщеніе... своимъ посѣщеніемъ, я, съ вашего позволенія, коснусь всего этого въ слѣдующій разъ...

Обрядовъ всталъ, звякнулъ шпорами и поклонился.

Нѣсколько жидкихъ апплодисментовъ раздалось въ залѣ. Сзади апплодировали сильнѣе и звонче—это женщины-врачи выражали свое удовольствіе... лекціей или ея окончаніемъ—неизвѣстно.

Шумно задвигались стулья; раздались облегченные вздохи и разрѣшительные зѣвки.

Обрядовъ, перемолвившись двумя-тремя словами съ коллегами изъ перваго ряда, сказалъ, что не останется дольше, такъ какъ его ждетъ начальникъ дивизіи, у котораго вечеръ и которому Обрядовъ обѣщалъ составить пульку.

Дивизіонный врачъ всегда чувствовалъ нѣкую торжественную эмоцію послѣ лекціи, какъ бы она ни была неудачна; поэтому лицо его сохраняло выраженіе довольства; быстро пожавъ коекому руку, онъ, мягко звеня шпорами, удалился.

— Юлій Ксаверьевичъ, здравствуйте!—подойдя къ опоздавшему врачу, сказалъ старый врачъ съ низко подстриженной клинообразной бородкой.

— Здравствуйте, Кесарь Максимиліановичъ, — отвѣтилъ тотъ.—Я немного опоздалъ...

Старикъ засмѣялся.

— Какъ—немного? Вы, счастливецъ, явились во-время: къ заключительнымъ словамъ. Отчего въ такомъ парадѣ?

— Эполеты? Я думаю ѣхать отсюда въ клубъ; тамъ танцовальный вечеръ.

— Молодежь!—потрепавъ его по плечу, сказалъ старикъ.— Люблю тѣхъ, кто пользуется жизнью... И самъ когда-то былъ первымъ танцоромъ въ городѣ, откалывалъ мазурку. Вы хорошо танцуете мазурку? Какъ дѣла? — не дожидаясь отвѣта, спросилъ онъ.

— Ничего себѣ, благодарю васъ...

— Практика ростетъ?

— Ничего себѣ... благодарю васъ.

— Мазурка иногда весьма помогаетъ практикѣ... Знакомишься съ обществомъ, пріобрѣтаешь связи.

Онъ это сказалъ тѣмъ преувеличенно-добродушнымъ тономъ, за которымъ есть всегда основаніе заподозрить ехидство или зависть. Онъ и всегда говорилъ такъ, что нельзя было разобрать, какія именно чувства руководятъ его словами.

Юлій Ксаверьевичъ улыбнулся.

— Значитъ, и у васъ хорошая практика,—сказалъ онъ.

— Ну, у меня... Почему?

— Да вѣдь вы только-что сказали, что были первымъ мазуристомъ въ городѣ. А вы живете здѣсь лѣтъ двадцать.

— Тридцать - два, молодой коллега. Была практика, это вѣрно. Но не мазурка въ томъ виною. Тогда врачей-то здѣсь почти-что не было. Одинъ я на весь городокъ. Ну, конечно, я былъ нарасхватъ. А теперь смотрите... насъ сколько!

Онъ сдѣлалъ широкій жестъ рукой, обернулся, но въ залѣ уже никого не было.

— Эге! — сказалъ онъ. — Пошли чай пить. Отправимся-ка и мы.

Онъ взялъ Юлія Ксаверьевича подъ-руку и отправился съ

нимъ въ дежурную комнату, которая была превращена въ буфетъ. Служителя подавали чай, печенье, бутерброды.

Комната была небольшая; но такъ какъ врачей явилось немного въ этотъ вечеръ, то въ ней было нетѣсно; дымъ отъ папиросъ стоялъ, однако, столбомъ.

— Нѣтъ, съ практикой нынче плохо,—продолжалъ старый врачъ, входя въ комнату.—Молодежь перебиваетъ. Богъ съ ней! Я не обижаюсь и не гоняюсь за практикой, какъ это у многихъ теперь водится. Съ меня довольно старшаго ординаторства и домика, который я нажилъ прежней практикой. Вотъ, думаю открыть зубоврачебный кабинетъ...

— Вы?—съ удивленіемъ спросилъ Юлій Ксаверьевичъ.

— Да, я... Отчего? Эффектно: „зубной врачъ—докторъ медицины Кесарь Максимиліановичъ Царинскій". Вѣдь я докторъ медицины, а развѣ есть зубные врачи доктора медицины? Довѣріе будетъ.

— Безусловно; но зачѣмъ вамъ это, разъ вы говорите, что не нуждаетесь въ практикѣ?

— Надо же что-нибудь дѣлать? Ординаторства мнѣ мало. Я еще бодрый человѣкъ. Многимъ изъ вашихъ молодыхъ сто очковъ впередъ дамъ...

— Не спорю...

— А вы вотъ что̀, молодой коллега, посылайте-ка мнѣ вашихъ паціентовъ, у которыхъ зубы... А?

Онъ ласково нажалъ руку Юлію Ксаверьевичу, повыше локтя, и еще ласковѣе заглянулъ ему въ глаза.

— Кабинетъ оборудовалъ, всякіе препараты и инструменты выписаны отъ лучшихъ фирмъ... Методы будутъ самые научные, самые послѣдніе, выработанные американской зубоврачебной практикой... вы не думайте, я много теперь занимаюсь и хочу это дѣло поставить на высоту... Пойдетъ—оно, выйду въ отставку... Такъ какъ же?

— Что̀ это?

— Насчетъ паціентовъ?

— Непремѣнно.

— И товарищамъ скажите. Знаете, рекомендація товарищей это кое-что значитъ...

— Да, да, конечно...

— Такъ я на васъ надѣюсь, Запольскій...

Онъ опять нажалъ на его руку и заглянулъ ему въ глаза.

— Да, да, надѣйтесь. Постараюсь.

Запольскій высвободилъ руку и юркнулъ въ толпу.

— „Какой противный старикашка!“—подумалъ онъ.

Въ комнатѣ стоялъ шумъ.

Врачи разбились на кружки, пили чай, неистово курили и разговаривали.

Земскій врачъ, худощавый и юркій человѣкъ, въ стоптанныхъ сапогахъ не первой чистоты и въ брюкахъ не первой свѣжести, вынималъ періодически кожаный портсигаръ и дѣлалъ толстѣйшія папиросы-самокрутки; онъ забиралъ табакъ крючковатыми пальцами, вкладывалъ его, разминая, въ бумагу и, обильно послюнивъ ее, склеивалъ; пальцы его были по бокамъ коричневато-желтые, отъ вѣчнаго держанія папиросы, которую онъ докуривалъ до послѣдней возможности, обжигая себѣ губы и опаливая усы.

— Нѣтъ, знаете, — говорилъ онъ, — мнѣ здѣсь у васъ не нравится... Не нравится мнѣ здѣсь. А вы, вотъ, ничего, живете. И какъ вы только можете жить здѣсь?

— „Левченко ораторствуетъ“, — подумалъ, проходя мимо, Запольскій.

— А отчего не жить?—басомъ спросилъ Ѳаддей Ѳаддеичъ.

— Потому что здѣсь нѣтъ настоящей жизни!—продолжалъ Левченко, стараясь вытянуть послѣдній дымъ изъ окурка, обжигавшаго ему пальцы. — Настоящая жизнь — въ деревнѣ. И настоящіе больные. Здѣсь городскіе больные, и болѣзни ихъ—отъ бездѣлья или неумѣренности. Мало настоящихъ болѣзней, знаете. У насъ—коли больной, такъ ужъ болѣзнь его ненадуманная. И у врача—практика: я и хирургъ, и терапевтъ, и акушеръ, и дѣтскій врачъ, знаете. Все, что̀ хотите. И жнецъ, и на дудѣ игрецъ. Энциклопедистъ. А у васъ — спеціалисты. Одинъ изъ васъ умѣетъ лечить почки, другой—желудокъ, и тотъ, кто умѣетъ лечить почки, не умѣетъ лечить желудка... Служитель, дай-ка мнѣ стаканъ чаю еще!

Ѳаддей Ѳаддеевичъ ухмыльнулся.

— А вы, небось, все умѣете лечить?

— Приходится,—заклеивая новую папиросу, отвѣтилъ Левченко.—Васъ не спросятъ, знаете, что̀ вы умѣете, а что̀—нѣтъ. Работы — во̀! — онъ махнулъ рукой повыше головы.—А жалованье скудное и частнаго заработка нѣтъ. А у васъ тутъ практика: деньги лопатами загребаете. Вотъ, знаете, увѣренъ, что этотъ фокусникъ Обрядовъ—и онъ здѣсь знаменитый врачъ.

— Ну...—протянулъ городской врачъ.—У него и практики-то нѣтъ.

— Зато онъ практикъ въ лекціяхъ и сообщеніяхъ. А видъ

у него—эскадроннаго командира, а не врача. И этотъ вотъ!—сказалъ Левченко, кивнувъ головой по направленію къ Запольскому, который разговаривалъ съ женщинами-врачами. — Развѣ это врачъ? Офицеръ какой-то въ густыхъ эполетахъ, знаете... А только иногда скучно, знаете! Восемь лѣтъ сижу въ деревнѣ, и даже не въ деревнѣ, а на перекладной; трясетъ тебя, трясетъ—такой массажъ кишкамъ! Ну, и потянетъ въ городъ освѣжиться. А пріѣдешь въ городъ—и попадешь на лекцію Обрядова! Съ души прётъ,—и захочется опять къ своимъ мужикамъ. Проще тамъ, натуральнѣе, балагана нѣтъ, знаете.

Ѳаддей Ѳаддеевичъ и городской врачъ помолчали.

Левченко поглядѣлъ на нихъ, ожидая сочувствія, но, не получивъ его, продолжалъ:

— Погляжу я такъ день-два на жизнь городскихъ коллегъ, и такъ больно станетъ на душѣ. Всѣ вы здѣсь заняты не медициной, а практикой.

— Это не одно и то же?—спросилъ городской врачъ.

— Нѣтъ, Григорій Зиновьичъ, не одно и то же. Одно даетъ знаніе, другое—обезпеченное положеніе. Я про васъ не говорю, вы городской врачъ—это почти-что земскій. А другіе?

Онъ махнулъ рукой и съ ожесточеніемъ закурилъ.

— Служитель! А дай-ка мнѣ еще чаю! Послабѣе, да съ лимономъ,—заявилъ онъ проходящему служителю.

— Слушаю-съ.

Левченко затопталъ сапогомъ папиросу и принялся съ шумомъ прихлебывать чай, вытягивая губы въ трубку. Чай врывался въ эту трубку со свистомъ, послѣ котораго раздавалось кряканье Левченко отъ внутренняго самоудовлетворенія.

Напившись чаю, онъ продолжалъ:

— А земскихъ врачей большая недоимка. Всѣ хотятъ жить въ городѣ. По моему, знаете, вотъ на нашъ городъ — одной четверти врачей довольно; а остальныхъ—разселить по деревнямъ, ежели кто волей не хочетъ. Есть же государственныя повинности. Ну, вотъ, и сдѣлать для каждаго врача обязательствомъ пребываніе на земской службѣ, хотя извѣстное число лѣтъ, знаете. Деревня гибнетъ безъ врачебной помощи. А то выходитъ—вамъ практика, намъ—недоѣданье, а мужику—безпомощность. Suum cuique. И женщинъ-врачей намъ давайте, потому что бабы неохотно лечатся у нашего брата, развѣ ужъ въ самомъ крайнемъ случаѣ. А то, глядите, ваши женщины-врачи чѣмъ занимаются?

— А чѣмъ?—пробасилъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ.

— А флиртомъ,—вотъ съ этимъ, затянутымъ въ корсетъ, Запольскимъ. Тоже къ городу паденіе имѣютъ.

— Отчего-жъ, я бы пошелъ въ земство,—сказалъ густымъ басомъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ, — будь условія другія. Служба въ полку тоже не сласть. Вѣчныя препирательства съ командиромъ полка и съ офицерами. У нихъ, вишь, солдаты не могутъ болѣть,—все симулянты. Ты его уволишь, а начальникъ тебѣ выговоръ,—зачѣмъ, молъ, уволилъ. Конфликтъ! У вахмистра—трахома. Натурально, въ госпиталь даешь билетъ, а эскадронный злится: „у васъ, говоритъ, все трахома, а я безъ вахмистра какъ безъ рукъ". Вотъ! „И какая—онъ же говоритъ—трахома? Просто глаза красны, потому вчера былъ праздникъ, и вахмистръ нализался". Командиръ полка такъ и говоритъ: „Инославскій, Ѳаддей Ѳаддеевичъ, мнѣ только солдатъ портитъ". Вотъ! Служи послѣ этого. И жаловаться некому.

— А Обрядову?—сказалъ городской врачъ.

— Эка! Этотъ всегда за военнаго начальника. Положеніе наше—угрюмое. Ни мы тебѣ офицеры, ни врачи. Ни рыба, ни мясо; мы ни во что не мѣшайся, а къ намъ всѣ носъ суютъ. И подчиненіе двойственное. Медицинскому начальству и военному. Вотъ!

Инославскій говорилъ тяжело, съ трудомъ нанизывая слова, какъ бы отыскивая ихъ гдѣ-то далеко и съ большимъ трудомъ извлекая ихъ изъ-подъ спуда. Рѣчь его была грузная, какъ онъ самъ.

— А вы бы бросили службу и шли къ намъ,—сказалъ ему Левченко.

— Къ вамъ? Легко сказать!

— А что̀?

— Сима моя—женщина слабая... институтка. И дѣтей у меня семеро. Вотъ! Воспитывать, обучать надо. А у васъ что̀?.. Одни малы, другія подростаютъ—въ гимназію надо. А у васъ что?

— Сима, Сима!—грубо передразнивая его, проговорилъ Левченко.—У всякаго, знаете, есть своя Сима. Институтка! Ха! Институткой она была до выхода замужъ, а по выходѣ—докторесса, сирѣчь, жена врача. Нѣтъ, знаете, гражданскаго мужества у васъ тутъ, у всѣхъ, нѣту и любви къ отечеству. А на Симу-то всякій можетъ сослаться...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и подмигнулъ Ѳаддею Ѳаддеевичу на уходившаго городского врача.

— Виссаріоновъ на утекъ,—сказалъ онъ.—Ему, вотъ, полезно послушать врачебную этику, даже въ изложеніи Обрядова. Город-

скій врачъ! Дѣло святое, знаете. А много ли ихъ, соотвѣтствующихъ этому дѣлу? Всѣ дружбу водятъ съ лавочниками да всякими базарниками. А потому булочники спятъ на столахъ, а въ тѣстѣ—тараканы и прочія насѣкомыя, и на базарѣ—такой вольный духъ...

— Ну, ужъ этого, кажется, про Виссаріонова нельзя сказать, —опротестовалъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ.

— А я этого и не говорю. Соблазнъ великъ; Виссаріоновъ молодъ, а дойти можетъ, знаете. У насъ этихъ соблазновъ нѣту. Наше дѣло чистое, святое. Да и про Виссаріонова уже поговариваютъ...

— Озлобленности въ васъ много, вотъ чтò!—заговорилъ, послѣ нѣкотораго раздумья, Ѳаддей Ѳаддеевичъ.—Чтò жъ! Оно понятно. Одиночество. Товарищей отсутствіе. Опять же необезпеченность положенія. Понятно. Вотъ чтò!

— Левченко скосилъ на него глаза и презрительно замолчалъ.

Оба посидѣли молча, прислушиваясь къ шуму разговоровъ, происходившихъ въ залѣ въ разныхъ углахъ.

Но Левченко еще не все высказалъ, чтò у него скопилось на душѣ за время долгаго отсутствія изъ города, и продолжалъ:

— Борьба нужна. Вездѣ, знаете, борьба. И безъ борьбы нѣтъ жизни. А врачу особливо.

— Само собой,—подтвердилъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ.—Для того и болѣзнь, чтобы врачъ боролся съ нею.

— И вовсе я не то говорю!—визгливо вскрикнулъ Левченко. —Болѣзнь—болѣзнью, а борьба нужна съ людьми. Мы боремся съ земскими управами, а вы должны бороться съ полковымъ командиромъ, а городскіе врачи—съ думами. Служитель!—крикнулъ онъ въ догонку мчавшемуся мимо него вахтеру:—а дай-ка, другъ мой, мнѣ еще стаканъ чаю, а?—И, обратившись къ Ѳаддею Ѳаддеевичу, продолжалъ:—Пора, знаете, врачу выбраться изъ-подъ всякихъ опекъ и завоевать себѣ положеніе въ обществѣ и государствѣ. Нѣтъ науки болѣе нужной для общества и государства и нѣтъ дѣятельности болѣе святой, какъ наша... Поставь-ка сюда, на столикъ!—сказалъ онъ служителю, принесшему чай.

За стуломъ Левченки, при его словахъ о медицинской наукѣ, раздался короткій, отрывистый смѣхъ, въ которомъ было что-то въ высшей степени непріятное и жесткое.

И Левченко, и Ѳаддей Ѳаддеевичъ оглянулись.

И тотчасъ же передъ ними сталъ небольшой, широкоплечій человѣкъ и разставилъ ноги, словно онъ стоялъ на палубѣ, стараясь сохранить равновѣсіе во время воображаемой качки.

— Это *вы* говорите о медицинской *наукѣ?* — спросилъ онъ глухимъ голосомъ съ какими-то придыханіями, словно ему недоставало воздуха.—Вы, врачи?...

— Здравствуйте, Гаврила Егорычъ!—сказалъ ему Ѳаддей Ѳаддеевичъ и представилъ его Левченкѣ.—Гаврила Егорычъ Кабѣевъ... старшій врачъ городской психіатрической больницы... Михей Герасимовичъ Левченко—земскій врачъ.

— Очень пріятно,—проговорилъ Левченко, потрясая новому знакомому руку.

— Да, да, здравствуйте, коллеги. Не въ томъ дѣло! Ежели вы говорите, что врачебная наука—наука, то вы не врачи, а авгуры. Да-съ!

Левченко въ удивленіи вскинулъ на него взоръ.

Кабѣевъ стоялъ все въ той же позѣ. Лицо его было не изъ пріятныхъ: землистый цвѣтъ кожи казался слишкомъ блѣднымъ въ рамкѣ черной, какъ деготь, бороды и прямыхъ, гладко прилизанныхъ, блестящихъ волосъ на головѣ. Глаза его были скрыты за темно-синими стеклами очковъ въ роговой оправѣ; и когда онъ говорилъ, то нижняя губа его какъ-то странно, судорожнымъ движеніемъ, раздвигалась, обнаруживая нижній рядъ желтоватыхъ и неровныхъ зубовъ; а когда онъ молчалъ, то брови его, тоже очень черныя, изрѣдка приподнимались непроизвольнымъ движеніемъ и кожа на лбу его, вмѣстѣ съ ушами, двигалась. Это производило непріятное впечатлѣніе; да и во всей фигурѣ его, въ лицѣ, въ манерѣ говорить, въ глухомъ голосѣ было что-то жуткое, непріятное; въ особенности же непріятны были эти таинственныя, синія пятна стеколъ, за которыми не видно было выраженія его глазъ.

— Почему мы авгуры?—спросилъ Левченко, который вдругъ почувствовалъ, что ему не по себѣ.

— Развѣ есть медицинская *наука?*—отвѣтилъ Кабѣевъ, и Левченко догадался, что онъ въ упоръ смотритъ на него невидимыми глазами.—Есть медицинская *догадка*! Но отъ догадки до науки, какъ отъ земли до неба. Да-съ! Не въ томъ дѣло! Десять работниковъ, работая въ день по восьми часовъ, выдѣлываютъ на кирпичномъ заводѣ семьсотъ-восемьдесятъ-два кирпича въ день. Сколько кирпичей сдѣлаетъ двѣсти работниковъ въ тридцать дней, работая въ день по семи часовъ? Сдѣлайте задачу—получится точное число, точный отвѣтъ. Ни больше, ни меньше; и какими бы способами вы задачу ни дѣлали, какъ бы вы ее ни переворачивали, отвѣтъ у всѣхъ народовъ міра будетъ одинъ. И другого быть не можетъ, хоть лобъ тресни!

Ѳаддей Ѳаддеевичъ и Левченко съ недоумѣніемъ переглянулись.

— Да-съ!—Ежели вы не можете отличить ангины отъ дифтерита и, установивъ наличность гревсовой болѣзни, не знаете, чѣмъ ее лечить, такъ это, извините, не наука, а такъ, какое-то волхвованіе...

Левченку стѣснялъ этотъ слѣпой взглядъ синихъ стеколъ, упорно устремленныхъ на него, и онъ вдругъ почувствовалъ озлобленіе.

— Послушайте, да вы врачъ?—грубо спросилъ онъ.

— Врачъ?.. да, врачъ.

— Такъ какъ же вы такъ говорите?

— Я—не авгуръ. Та̀къ, вотъ, и говорю.

— Если вы не вѣрите въ науку,—вамъ надо, знаете, уйти изъ нея.

— Уйти? Не въ томъ дѣло! Медицинской науки нѣтъ. Она не нужна, потому ея и нѣтъ.

Ѳаддей Ѳаддеевичъ съ любопытствомъ глядѣлъ на обоихъ. Онъ не разъ уже, встрѣчаясь съ Кабѣевымъ, слышалъ его рѣчи, но, вѣчно занятый своими семейными и полковыми дѣлами, плохо обращалъ на нихъ вниманіе; теперь онѣ заинтересовали его, въ особенности потому что онъ успѣлъ наблюсти озлобленность Левченки.

— Какъ не нужна?—яростно спросилъ Левченко.

— Не нужна—и баста! Знаете вы, для чего родятся люди? И для чего умираютъ? Не знаете! Не въ томъ дѣло! А знаете вы, что всѣ люди должны умереть? Знаете. Ну, такъ и пущай себѣ умираютъ. Ежели желтые листья падаютъ осенью съ вѣтокъ дерева, развѣ мы ихъ привязываемъ насильно ниточками? Здоровый организмъ, пораженный случайной болѣзнью, выздоровѣетъ; а больной организмъ погибнетъ. Безсовѣстно лечить безнадежно больныхъ, поддерживать ихъ жизнь, чтобы они занимали мѣсто здоровыхъ. Пораженную вѣтку садовникъ отстригаетъ, чтобы дать мѣсто и соки здоровымъ вѣтвямъ, чтобы хорошо было жить живымъ силамъ организма... Да-съ! Не въ томъ дѣло! Легкаго больного лечи, коли умѣешь! А безнадежному облегчай переходъ въ лучшій міръ, коли онъ существуетъ! А не задерживай его зря, когда онъ стремится уйти. И я стремлюсь уйти,—прощайте! —неожиданно добавилъ онъ, сдвинулъ ноги, круто повернулся и затерялся среди врачей, словно растаялъ въ облакахъ табачнаго дыма, клубами носившагося теперь по залу.

— Это что̀ же за типъ?—спросилъ Левченко у Ѳаддея Ѳаддеевича.

Тотъ развелъ руками, вывернувъ внаружи толстые, короткіе пальцы, что означало у него выраженіе недоумѣнія.

— Вотъ ужъ и не знаю,—отвѣтилъ онъ.—Что-то когда-то слышалъ, будто онъ не тово... А не обращалъ вниманія. Однако и мнѣ пора. Досадно, вечеръ зря пропалъ. Мало вечеровъ-то свободныхъ. А у меня семеро и Сима. Въ семьѣ никогда не бываешь.

Онъ протянулъ свои мясистые пальцы коллегѣ и стиснулъ его руку, а потомъ, грузно повернувшись, унесъ свое тяжелое тѣло на короткихъ ногахъ.

И какъ только Левченко остался одинъ, Инославскій сдѣлался ему невыразимо противнымъ.

— Сима, семеро!—проворчалъ онъ.—Тоже, вишь врачъ! Обожаетъ свою семью и своихъ дѣточекъ. Нянькой ему быть, а не врачомъ. Подвига они не знаютъ! Кол-ле-ги! Подвигъ—украшеніе жизни, а они только слюни распускаютъ, и ни одинъ вѣдь не вѣритъ въ свое дѣло!.. Правъ, пожалуй, этотъ... Кабѣевъ... авгуры!..

Въ группѣ, которую составляли женщины-врачи и Запольскій, шелъ оживленный разговоръ, прерываемый смѣхомъ.

Веселый, жизнерадостный Запольскій болталъ безъ умолку, какъ-то особенно эффектно встряхивая своими густыми эполетами; а когда онъ смѣялся, то носъ его сморщивался, и золотое pince-nez, державшееся у него за ухо на тонкой цѣпочкѣ, соскакивало съ носу, и Запольскій ловко ловилъ его на лету, чтобы водворить снова на прежнее мѣсто.

Собесѣдницы его были не первой молодости; одна изъ нихъ, невысокая и приземистая женщина, чрезвычайно полная, была откровенной не первой молодости, а вторая—замаскированной; у этой были острижены волосы и завиты крутыми кольцами, барашкомъ. И платье ея, темно-вишневаго цвѣта, было хотя просто, но довольно изящно сшито въ талью, и юбка съ небольшимъ трэномъ; у подруги ея была короткая юбка, обнажавшая всю ступню до щиколотки, а вмѣсто лифа у нея была какая-то тужурка, широкая, безъ таліи и безъ всякаго покроя; ноги ея были обуты въ грубыя ботинки, а давно немытые жирные волосы были небрежно закручены на затылкѣ и кое-какъ придерживались шпильками; когда она смѣялась, вся эта прическа дрожала, словно зданіе во время землетрясенія, и казалось, вотъ-вотъ, разсыплется.

Левченко прошелъ мимо этой группы, и не могъ удержаться, чтобы не подумать съ озлобленіемъ:

— „Гдѣ женщины, тамъ и этотъ шутъ гороховый Запольскій! Женщины!.. Одна—съ Лысой горы. Фаустъ въ эполетахъ. Ха!"

Онъ прошелъ мимо, не будучи въ состояніи не окинуть ихъ раздраженнымъ взглядомъ, и по пути пріостановился и скрутилъ толстѣйшую папиросу.

Женщины-врачи оглядѣли его, но не остановили.

Онѣ видѣлись съ нимъ рѣдко и избѣгали разговоровъ съ нимъ, потому что, при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ говорилъ имъ, что если ужъ допускать „въ природѣ" существованіе женщинъ-врачей, то ихъ прямое мѣсто не въ городѣ, а въ деревнѣ.

— Такъ это правда,—спросила Запольскаго толстая женщина-врачъ,—что вы получаете мѣсто театральнаго врача? Или это городская сплетня?

— Истина, почтеннѣйшая Марья Ивановна, истина! Мѣсто! Тоже сказали! Это не мѣсто, а синекура. Артисты не болѣютъ; а когда болѣютъ, то не обращаются къ театральному врачу, а къ какому-нибудь другому.

— А жалованье какое? — спросила стриженая женщина-врачъ.

— А жалованья, уважаемая Евгенія Еремѣевна, никакого-съ. Кресло во второмъ ряду. C'est tout.

— Не много!—сказала Марья Ивановна.—Роняете достоинство врачебнаго сословія. Мужчины! Если вы не цѣните своего труда, кто же его оцѣнитъ?

— Вы всегда ненавидите мужчинъ!—ловя pince-nez, проговорилъ Запольскій, засмѣявшись.—А почему вы ихъ ненавидите? Вѣрно, неудовлетворенная любовь?

Евгенія Еремѣевна хихикнула, а Марья Ивановна притворно разозлилась.

— Будетъ вамъ врать-то! Ей Богу, вы вовсе не походите на врача. Въ васъ нѣтъ серьезности.

— Ну...—протянулъ Запольскій.—Это мы предоставляемъ женщинамъ, серьезность. Вы ужъ за насъ серьезничайте. А по моему, жизнь—это такая микстура, въ которой серьезности должно быть очень немного, а веселости—quantum satis, что̀ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: „сколько влѣзетъ". И никогда и ничему еще веселость не вредила. Возвращаясь, mesdames, къ оцѣнкѣ мѣста театральнаго врача, скажу, что его можно считать рублей въ двѣсти, если ужъ вы хотите непремѣнно перевести все на деньги.

— Отчего двѣсти?—дѣловитымъ тономъ спросила Марья Ивановна.

— Я считаю сезонъ около четырехъ мѣсяцевъ,—что даетъ, приблизительно, сто спектаклей. Кресло стоитъ по два рубля. Перемножьте.

— Ну, вздоръ! Вы же не станете продавать свое кресло?

— Конечно, нѣтъ. Зачѣмъ продавать-то?

— Ну, тогда это—фикція. Кому охота каждый разъ ходить въ театръ? Вы бы никогда не истратили сами двухсотъ рублей на театръ; слѣдовательно, ихъ нельзя считать и экономіей. Это ужъ такъ, самоутѣшеніе.

— Да вовсе нѣтъ! Вы же потребовали денежной оцѣнки моего труда. Ну, я и сообразилъ.

— И неужели же вы будете посѣщать каждый спектакль?

— Непремѣнно. Обязанъ. И даже репетиціи.

Марья Ивановна махнула головой снизу вверхъ, и прическа ея заколебалась; лицо ея скривилось въ презрительную улыбку.

— И вамъ не зазорно называться опереточнымъ врачомъ?— спросила она.

— Отчего—опереточнымъ?

— Потому что у насъ—оперетка.

— Такъ что жъ? Оперетка вѣдь въ театрѣ, а я—врачъ театральный; потомъ можетъ быть драма, и я буду, все-таки, театральнымъ врачомъ, а не драматическимъ.

— А когда надоѣстъ, будете давать намъ мѣсто?

— Вамъ? Попросите хорошенько...

Евгенія Еремѣевна жеманно засмѣялась и перебила Марью Ивановну, которая намѣревалась отвѣтить Запольскому.

— Юлію Ксаверіевичу никогда не надоѣстъ, а потому не разсчитывайте.

— Отчего никогда не надоѣстъ?—спросилъ Запольскій.

— По многимъ причинамъ.

— Однако, очаровательная?

— Во-первыхъ, вы сами сочиняете романсы и вѣчно дружите со всякими капельмейстерами; во-вторыхъ, вы танцуете; въ-третьихъ, вы написали какой-то водевиль... вообще, васъ влечетъ къ театру, музыкѣ и всякимъ искусствамъ...

— Кромѣ медицины, вы хотите сказать?—засмѣявшись и поймавъ соскочившее pince-nez, перебилъ ее Запольскій.—Коллеги давно на меня косятся. Меня считаютъ несерьезнымъ врачомъ. Но ничего! Я лечу. У меня есть практика,—и паціенты, несмотря на мое леченіе, иногда выздоравливаютъ. Такъ три пункта? Больше ничего?

Евгенія Еремѣевна подумала.

— Есть еще пунктъ,—нерѣшительно сказала она.

— А именно?

— Да ужъ не знаю, сказать ли?

— Дерзайте, очаровательная. Дамамъ все разрѣшается. И хотя вы не дама...

— Какъ это не дама?—обиженнымъ тономъ вступилась за подругу Марья Ивановна.

— Да такъ, почтеннѣйшая Марья Ивановна,—третій полъ. Вотъ этотъ значокъ—и тотъ свидѣтельствуетъ о среднемъ мѣстѣ, которое вы занимаете между двумя полами. „Женщина"—имя существительное несомнѣнно женскаго рода; „врачъ"—имя существительное несомнѣнно мужескаго рода. И даже я не знаю, какъ съ именами прилагательными и съ глаголами быть? „Сюда *пришелъ* или *пришла*, *хорошій* или *хорошая* женщина-врачъ"?

Обѣ снисходительно засмѣялись.

— Такъ какой четвертый пунктъ?—спросилъ онъ у Евгеніи Еремѣевны.

— А вы хоть и несомнѣнно мужчина, но любопытны какъ женщина,—скрививъ губы, сказала Марья Ивановна.

— Мы, русскіе, лѣнивы и нелюбопытны, сказалъ, кажется, Пушкинъ,—возразилъ ей Запольскій.—Ну, такъ вотъ, я стараюсь избавиться отъ этого недостатка. Четвертый пунктъ, Евгенія Еремѣевна?

— Ахъ, да извольте! Вотъ пристали! Четвертый пунктъ — Денницына,—сказала она.

Марья Ивановна опустила глаза, и лицо ея приняло сконфуженное выраженіе.

— Ну, что̀ вы это, Авчарова!—обратилась она къ подругѣ, но самъ Запольскій нисколько не казался сконфуженнымъ. Онъ бодро встряхнулъ эполетами, ловко поймалъ на лету pince-nez, водворилъ его на свой мясистый носъ и улыбнулся.

— Что жъ Денницына... Актрисочка невредная и преснмпатичная эта Ольга Ефимовна. Музыканту можетъ доставить удовлетвореніе голосомъ... небольшой, но искренній какой-то. Модуляціи этакія есть... И художникъ ею залюбуется—красива и сложена... Ну, и для врача есть чѣмъ восхищаться: здоровая натура...

Марья Ивановна фыркнула и лицо ея выразило неудовольствіе.

— Странно, конечно, врачу восхищаться здоровьемъ! Это—самоупраздненіе. Если бы всѣ были здоровыми натурами, такъ на свѣтѣ не было бы врачей. Врачъ долженъ восхищаться больной женщиной и проходить мимо здоровой.

— Merci. Больныя женщины мнѣ и такъ надоѣли въ лицѣ моихъ уважаемыхъ паціентовъ.

Марья Ивановна вдругъ покраснѣла; она всегда краснѣла, когда сердилась.

— Вы несерьезны,—сказала она Запольскому.—Смотрите, какъ бы вамъ эта театральная авантюра не повредила въ городѣ. И потомъ...

Она запнулась.

— Что—потомъ?

— Какъ на это взглянетъ Елена Васильевна?

Пустивъ эту стрѣлу, она выжидательно посмотрѣла на Запольскаго.

— Жена-то?—смущенно проговорилъ онъ, и въ первый разъ съ его лица сбѣжала улыбка, которая вѣчно украшала его.—Вы всѣ странно смотрите на жизнь,—вдругъ горячо заговорилъ онъ и, видимо, подыскивалъ, что бы ему сказать поубѣдительнѣе.—Жена есть жена... И кто, наконецъ, рѣшилъ, что я измѣнять ей собираюсь? Богъ знаетъ что!..

Онъ, видимо, почувствовалъ себя очень неловко подъ этими любопытными взглядами своихъ собесѣдницъ. И, какъ всегда, многословіемъ старался прикрыть постепенно овладѣвавшее имъ смущеніе.

— Жена у меня курсистка... женщина не глупая. Ревность, въ особенности безсмысленная—удѣлъ глупыхъ женщинъ. Дѣтей у насъ нѣтъ, она скучаетъ, это правда, но что же дѣлать? Я не знаю, право, у насъ какой-то странный взглядъ на врачей. Я иногда танцую въ клубѣ, люблю поиграть въ карты, сочиняю романсы, ну и прочее... Развѣ это преступленіе? А коллеги косятся. Будируютъ. Какъ будто врачъ—какой-то сектантъ, принявшій схиму и отрѣшившійся отъ всѣхъ благъ жизни, доступныхъ остальному человѣчеству... Я вовсе ни отъ чего не отрекался и хочу прежде всего жить какъ человѣкъ, а потомъ уже какъ врачъ.

Онъ перевелъ дыханіе; хорошее расположеніе духа испарялось изъ него, какъ паръ, несмотря на всѣ его усилія удержать его. Онъ чувствовалъ, что теряетъ обычное равновѣсіе духа, и этого состоянія онъ страшно недолюбливалъ, потому что оно, хотя ненадолго, но интенсивно его разстроивало.

— Что, въ самомъ дѣлѣ! Я вовсе не хочу походить ни на маніака Кабѣева, ни на Инославскаго, обложеннаго теплой ватой семейной жизни, ни на ехиднаго старикашку Царинскаго, ни на озлобленнаго Левченку... Это все—узкіе профессіоналы.

— А Обрядовъ?—спросила Евгенія Еремѣевна.

— Что-жъ Обрядовъ? Онъ почти не врачъ, а потому ему нравится врачебная поза. И Виссаріоновъ почти не врачъ... Позвольте мнѣ быть тѣмъ, что̀ я есть. Я никому не мѣшаю, противъ профессорской этики не поступаю. Зачѣмъ это кружковое рабство? Я пишу романсы, я люблю общество, театръ, танцы,—скажите, пожалуйста, какое преступленіе! И вообще, никому не позволяю вмѣшиваться въ мои частныя дѣла,—вдругъ загорячился онъ.—И самъ ни въ чьи не вмѣшиваюсь...

Онъ еще что-то хотѣлъ добавить, но у него больше не хватало ни словъ, ни мыслей.

Онъ вдругъ замолчалъ.

— Ахъ, Боже мой!—надутымъ тономъ сказала Марья Ивановна:—никто и не имѣетъ поползновеній ограничивать вашу свободу. Меньше всего—мы, женщины. Не правда ли, Авчарова?

Авчарова кивнула, молча, головой. Она была нѣсколько сконфужена, что неудачно завела разговоръ про Денницыну и что изъ-за нея Запольскій разволновался.

Марья Ивановна продолжала:

— Я нахожу, что и такъ въ жизни много ограниченій. Ужъ мало ли ограничивали насъ, напримѣръ, женщинъ? Каждый долженъ жить какъ хочетъ. Вы въ клубъ?

И не дожидаясь отвѣта, она сунула Запольскому руку и вышла изъ залы. За ней пошла и Авчарова.

Запольскій оглядѣлся.

Зала уже была почти пуста. Воздухъ стоялъ невыносимый, и табачный дымъ какъ-то сконцентрировался по срединѣ и держался туманной пеленой, придавая расплывчатыя очертанія предметамъ. На полу валялись окурки, раздавленныя пустыя коробки спичекъ, просыпанный табакъ.

У одного изъ столиковъ сидѣлъ еще Левченко и ловилъ служителей, которые убирали съ буфета.

— Служитель!—кричалъ онъ.—Ну-ка, спроворь еще стаканчикъ чаю! Послабѣе и съ лимономъ. А вы танцовать?—обратился онъ къ проходившему Запольскому.

— Вы угадали!—вызывающимъ тономъ отвѣтилъ тотъ.—А вы чай пить?

— Именно.

— Пріятнаго аппетита.

— И вамъ того же.

II.

Зимній день подходилъ къ концу; мутный свѣтъ догоравшаго дня боролся съ наступавшей ночью, какъ бы нéхотя уступая ей поле дѣйствія; улицы города наполнялись сумерками, которыя были не свѣтомъ и не тьмою, а той промежуточной свѣтовой средой, въ которой предметы кажутся безформенными массами и въ которой линіи домовъ и перспективы улицъ точно съѣдаются надвигающеюся тьмою.

Одинъ за другимъ зажигались на улицахъ фонари; блѣдное желтое пламя ихъ не въ силахъ было разогнать сумерки.

Въ комнатахъ квартиры Кабѣева было еще мрачнѣе, чѣмъ на улицахъ. Квартира эта была небольшая и вся помѣщалась въ маленькомъ домѣ-особнячкѣ на одной изъ глухихъ улицъ губернскаго городка, въ разстояніи двухъ кварталовъ отъ городской психіатрической больницы. Зимнія сумерки наползли и въ эти комнаты съ невысокимъ потолкомъ, темными обоями и дешевыми шерстяными драпировками.

Анна Николаевна Кабѣева не зажигала лампъ. Она любила это время между днемъ и ночью, когда все какъ-то утихало въ домѣ и когда на душѣ ея тоже становилось тихо, какъ въ могилѣ; только-что она уложила дочь, дѣвочку семи лѣтъ, а сама подсѣла къ піанино и стала перебирать клавиши въ глубокомъ раздумьи.

Мужа не было дома.

Только когда его не бывало дома, она могла заниматься музыкой; онъ же этого не допускалъ. Онъ находилъ, что музыка сильно дѣйствуетъ на организмъ; музыка—одинъ изъ „ядовъ интеллекта", и „изводитъ" человѣка этимъ ядомъ безсовѣстно: это все равно, что кого-нибудь стали бы поить опіумомъ.

И она должна была мало-по-малу отстать отъ игры, отказаться отъ единственнаго удовольствія въ ея жизни, отъ единственной потребности ея души.

Восемь лѣтъ тому назадъ она кончила ученье въ консерваторіи и вышла замужъ за Кабѣева; ему было тогда тридцать-пять лѣтъ, и это былъ человѣкъ полный жизни; онъ любилъ жизнь и полюбилъ ее; музыки онъ и тогда не любилъ, вѣрнѣе сказать, не понималъ ея, но относился равнодушно къ ея увлеченію этимъ искусствомъ. По крайней мѣрѣ, онъ не мѣшалъ ей играть.

Сидя въ этотъ вечеръ за піанино и наигрывая грустныя мелодіи, пришедшія ей въ голову, она вспоминала о своей не-

удачно сложившейся жизни; она жила съ матерью, вдовою чиновника министерства финансовъ, на скудную пенсію покойнаго отца; съ большими жертвами и трудомъ удалось ей поступить въ консерваторію; она пробивалась грошовыми музыкальными уроками, когда жизнь поставила на ея пути врача Кабѣева; у него былъ всегда оригинальный складъ ума и его взгляды на жизнь всегда были парадоксальны; можетъ быть, это-то обстоятельство и привлекло ее къ нему.

Она вышла за него замужъ; вскорѣ онъ получилъ предложеніе взять къ свое завѣдываніе городскую психіатрическую лечебницу въ губернскомъ городѣ, далеко отъ Петербурга, и они пріѣхали туда на жительство. За эти восемь лѣтъ произошло много перемѣнъ: умерла ея мать, родилась у нея дочка, и жизнь ея замкнулась въ странный, угрюмый кругъ. Характеръ мужа круто мѣнялся; онъ становился хмурымъ, несообщительнымъ и постепенно замыкался отъ нея въ недоступныя ея пониманію глубины. Съ каждымъ годомъ онъ какъ будто уходилъ отъ нея все въ дальнюю и дальнюю комнату и запиралъ за собою двери на тяжелые замки. Въ первое время она хотѣла слѣдовать за нимъ въ эти темныя дебри его омраченнаго духа, но онъ не пускалъ ее за собою, тщательно оберегая отъ постороннихъ вторженій ту пустыню, въ которую удалялся.

Тогда она оставалась одинокой, потому что дочь ея была еще маленькой; ей не съ кѣмъ было подѣлиться мучительными сомнѣніями, унылыми думами.

И когда эти сомнѣнія и думы приступали къ ней вплотную, она садилась за піанино и изливала въ звукахъ наболѣвшую скорбь своей души.

Въ этотъ вечеръ она играла сонату Бетховена, этого таинственнаго генія, въ мелодіяхъ котораго она находила какіе-то туманные отвѣты на запросы ея души. Ей казалось, что она бесѣдуетъ съ геніально-умнымъ человѣкомъ, который изъ таинственной сферы несознаннаго выдвигаетъ вдругъ передъ нею огромные символы жизни.

Анна Николаевна играла тревожно, прислушиваясь къ шорохамъ и звукамъ въ квартирѣ, и когда послышался шумъ отворяемой въ передней двери, быстро оборвала игру, испуганно встала и осторожно закрыла крышку инструмента.

Она отошла къ столу и торопливо зажгла лампу; комната наполнилась свѣтомъ, но оттого не стало веселѣе на ея душѣ. Вотъ, сейчасъ войдетъ мужъ съ его мрачнымъ, страннымъ видомъ и заговоритъ своимъ глухимъ голосомъ странныя, мрачныя

вещи, которыя она уже давно отъ него слышитъ, старается понять... и не можетъ.

Кабѣевъ больше молчитъ, но по вечерамъ, придя изъ лечебницы, любитъ иногда поговорить. Онъ говоритъ особенно: отрывисто, какъ бы прислушиваясь не то къ смыслу своихъ словъ, не то къ звуку своего голоса, не обращая никакого вниманія на собесѣдника, словно говоря съ самимъ собою. И она принуждена сидѣть терпѣливо и слушать, слушать безъ конца тѣ смутныя рѣчи, которыя производятъ на нее удручающее впечатлѣніе и нагоняютъ безотчетный страхъ.

Кабѣевъ вошелъ точно растерянный, и движенія его были странныя, точно некоординированныя. Въ послѣднее время, жена его вообще замѣчала какое-то разстройство въ его походкѣ и жестахъ.

— Опьянялась?—спросилъ онъ, глухо зазвенѣвшимъ голосомъ, указывая на піанино.—Играла? И, конечно, Бетховена...

— Я была одна,—попробовала она оправдаться.—Я никому не мѣшала; я и то почти совсѣмъ отказалась отъ музыки, потому что ты ея не переносишь. Но когда я одна...

— Не въ томъ дѣло!—раздраженно сказалъ онъ.—Если человѣкъ хочетъ отравляться—мое правило не мѣшать ему. Я—другое дѣло. Если нужно отравиться—чѣмъ угодно, только не этимъ. Когда я слышу музыку, у меня нѣмѣетъ лѣвая рука, а на голову мнѣ точно надвигается шлемъ. И сердце падаетъ...

Онъ сѣлъ на диванъ, въ недоумѣніи посмотрѣлъ на шапку, которую держалъ въ рукахъ, и бросилъ ее на стулъ.

— Эти мерзавцы чуть меня не убили,—просто сказалъ онъ.

— Анна Николаевна вздрожала.

— Опять?—чуть слышно спросила она.

— Опять. Былъ въ собраніи идіотовъ. Да нѣтъ!—раздраженно крикнулъ онъ и уставился на нее стеклами своихъ синихъ очковъ, на которыхъ игралъ свѣтъ лампы,—не въ лечебницѣ, а въ госпиталѣ: одинъ идіотъ читалъ какую-то околесную объ этикѣ. Какъ будто есть какая-то этика на самомъ дѣлѣ! А другіе идіоты слушали, хлопая ушами. Они только по недоразумѣнію пока на свободѣ, а не въ моей лечебницѣ...

Анна Николаевна хотѣла перемѣнить разговоръ.

— Ты былъ въ собраніи? Кто читалъ? Навѣрное, Обрядовъ?

— Натурально...

— Такъ кто же могъ на тебя тамъ покуситься?

Ей сдѣлалось страшно и показалось, что онъ заговаривается, путаетъ событія.

— Какъ это ты ничего не понимаешь!—вскрикнулъ онъ, какъ будто ощутилъ какую-то физическую боль.—У тебя музыкальный туманъ въ головѣ... Потомъ пошелъ въ лечебницу. Одинъ изъ этихъ безнадежныхъ мерзавцевъ подкрался сзади и ударилъ меня по головѣ.

Анна Николаевна вскрикнула.

— Сильно? Скажи, сильно?

— Нѣтъ. Служитель вô-время схватилъ его за руку, и ударъ вышелъ слабый.

Анна Николаевна помнила, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ больной ударилъ ея мужа острымъ краемъ тяжелаго мѣднаго кофейника, Богъ знаетъ какъ попавшаго въ его руки, и сдѣлалъ ему глубокую разсѣченную рану на затылкѣ. Рану пришлось зашить, и Кабѣевъ долго пролежалъ съ высокой температурой и въ лихорадочномъ бреду.

Администрація больницы предложила ему отпускъ, но онъ отказался. Инцидентъ этотъ не имѣлъ, повидимому, никакихъ послѣдствій, кромѣ развѣ жестокихъ головныхъ болей, которыми сталъ страдать Кабѣевъ.

— Говорилъ въ собраніи съ однимъ врачомъ,—продолжалъ Кабѣевъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ,—о томъ, что медицинская наука не существуетъ,—но этотъ идіотъ, кажется, не понялъ меня. Они не могутъ понять, что, въ сущности, ничего не существуетъ. То-есть, существуетъ, но лучше бы, ежели бы не существовало...

— Гаврюша!—въ полголоса, осторожно попробовала Анна Николаевна остановить его, но онъ дико замахалъ на нее руками, точно испугавшись, что она сгонитъ его мысли, которыя иногда ему представлялись черными птицами, слетавшимися неизвѣстно изъ какихъ странъ и усаживавшимися ему на мозгъ.

— Не въ томъ дѣло!—продолжалъ онъ и уставился очками на свѣтъ лампы.—Все существуетъ, что̀ мы видимъ и ощущаемъ. Но все это черно. Ну, конечно, гдѣ тебѣ понять это. Жизнь—вещь нестоющая, а здоровье людей—ничтожная вещь. Та жизнь, которая у насъ вотъ теперь, какова она есть? а?

— Если мы не можемъ измѣнить ее...—начала Анна Николаевна и почувствовала, какъ дрожь завладѣла ею. Эта внутренняя дрожь всегда начиналась у нея, когда мужъ ея возвращался въ такомъ состояніи и принимался говорить съ нею.

Но онъ не далъ ей кончить и опять рѣзко махнулъ рукой.

— Я мечтаю не о такой жизни,—снова, словно отвѣчая себѣ, проговорилъ онъ ровнымъ голосомъ,—не о такой. Я мечтаю

о мірѣ сильномъ, съ яркимъ свѣтомъ, и о людяхъ сильныхъ, которые могли бы смотрѣть на этотъ свѣтъ вотъ безъ этихъ темныхъ очковъ. Міръ мраченъ, а сквозь темныя стекла—еще мрачнѣе. Я мечтаю о мірѣ сильномъ и здоровомъ, когда жизнь будетъ продолжительной, люди здоровыми, когда не будетъ врачей, медицины и больницъ.

Аннѣ Николаевнѣ становилось все жутче и жутче, и она хотѣла прервать рѣчь мужа.

— Гаврюша!—сказала она и положила свою руку на его руку.

Онъ вдругъ замолчалъ, точно прислушался къ незнакомому ему голосу, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, оторвавъ взоръ отъ пламени лампы.

— Ахъ, это ты...—сказалъ онъ.—Зачѣмъ ты мнѣ мѣшаешь?.. Я говорю, что всѣ науки, настоящія науки, должны развиваться, идти впередъ, потому что все идетъ впередъ вмѣстѣ съ землею, которую невѣдомыя силы тоже уносятъ впередъ, въ невѣдомую даль эѳира. Но медицина должна погибнуть. Ежели медицина не погибнетъ, погибнетъ міръ. Или люди должны быть сильными и здоровыми—и тогда не нужно врачей,—или ихъ вовсе не нужно, людей, то-есть.

Анна Николаевна невольно поддавалась вліянію его рѣчей, и ей хотѣлось выяснить для себя самой и для него ихъ основанія. Очевидно, онъ давалъ только выводы, конечныя формулы цѣлаго ряда мыслей и разсужденій. Гдѣ ихъ начало? Отчего эти основныя мысли приводятъ его къ такому печальному выводу?

— Откуда же взяться этимъ сильнымъ людямъ?—спросила она

— Онъ наклонилъ голову, словно прислушиваясь къ ея вопросу и давая ему время проникнуть въ его сознаніе.

— Откуда? Не въ томъ дѣло! Они придутъ сами собой, Нюра.

Она вздрогнула отъ радости. Онъ такъ рѣдко называлъ ее этимъ именемъ, и когда называлъ, то это свидѣтельствовало о томъ, что уже нѣтъ больше этой страшной отчужденности отъ реальнаго существованія, этого удаленія отъ земного, и что его сознаніе и мысль спустились къ землѣ.

— Откуда?—продолжалъ онъ.—Не нужно только заботиться о больныхъ, и они явятся. Заботиться о леченіи безнадежно больныхъ, длить ихъ никому не нужную жизнь—варварство. Это—преступленіе передъ этими больными и передъ новой, сильной жизнью, которая должна придти, и которую мы должны ждать,

какъ Мессію. Лечить безнадежно больныхъ, стараться продлить никому ненужные дни ихъ—это такая ложная добродѣтель, такая фальшивая сантиментальность!

— Но что же дѣлать?—всплеснувъ руками, спросила Анна Николаевна. – Я не вижу, когда придетъ эта жизнь? Слабыхъ и больныхъ становится больше и больше, а здоровыхъ и сильныхъ—меньше.

— Такъ я-жъ про то и говорю!—сердито возразилъ онъ, опять наклонивъ къ ней голову.—Про то вѣдь и говорю. Слегка заболѣвшихъ людей нужно лечить... а безнадежныхъ...

Широко раскрытыми отъ страха глазами она взглянула на мужа. Но передъ нею блистали стекла его очковъ, за которыми не было возможности увидѣть его взгляда.

— А безнадежныхъ?..—спросила она, замирая.

— Умерщвлять,—глухо отвѣтилъ онъ.

— Что ты говоришь, что ты говоришь!—покачивая головой, проговорила она въ отчаяніи.

Но онъ твердо повторилъ:

— Ихъ нужно умерщвлять. Безъ думъ, безъ размышленій, безпощадно, твердой рукой. Больные —это сорная трава. Ее нужно выпалывать, чтобы она не глушила здоровые злаки. Вотъ у меня ихъ сколько! Ходятъ безсмысленные, съ жижой вмѣсто мозга, говорятъ глупости, дѣлаютъ гадости. А живутъ! Ѣдятъ чужой хлѣбъ, занимаютъ чужое мѣсто. Деньги на нихъ идутъ общественныя. А другимъ нѣтъ мѣста. Отказываешь. Безсмысленно. Есть больные, которыхъ легко вылечить и возвратить къ обществу здоровыми, сильными и полезными. А имъ отказываютъ, потому что, видите ли, мѣста нѣтъ... потому что на мѣстахъ сидятъ эти безнравственные мерзавцы, у которыхъ и мозговъ-то настоящихъ нѣтъ. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что новыхъ мозговъ медицинская наука не вставитъ, что идіоты обречены на гибель. Такъ что же съ ними возиться? Родственники ходятъ:—„Живъ ли?“—„Живъ!“—И на лицахъ родственниковъ видно изумленіе и разочарованіе. Имъ они въ тягость. Не нужны они ни жизни, ни людямъ. А держимъ, кормимъ, лечимъ, тянемъ ихъ паскудную жизнь. Для чего? Гдѣ смыслъ? Умертви!!—грозно выкрикнулъ Кабѣевъ.—Умертви! И имъ лучше будетъ, и всѣмъ лучше.

Анну Николаевну взяла оторопь. Она почувствовала безпокойство.

— Но вѣдь ты не говоришь же этого въ обществѣ? Это только твои тайныя мысли? Вѣдь какого мнѣнія будутъ о тебѣ, о врачѣ, если ты такъ станешь говорить?

— Говорилъ. Сегодня даже говорилъ. Но они или смѣются, или не понимаютъ. До этого надо возвыситься. Врачи! Они воображаютъ, что медицина—наука. Я доказывалъ сегодня, что это вздоръ! Это—искусство. А для искусства надо быть художникомъ. А развѣ у насъ есть художники? Поѣздъ вышелъ со станціи со скоростью тридцати верстъ въ часъ; между станціями шестьсотъ верстъ и четырнадцать остановокъ по десяти минутъ. Черезъ сколько времени онъ придетъ на станцію? Это—наука, потому что отвѣтъ одинъ. А найти извѣстный тонъ въ картинѣ, и извѣстное лекарство въ болѣзни—для этого надо фантазію, воображеніе. Надо быть художникомъ. И надо быть художникомъ, чтобы мужественно стереть съ картины грязное пятно, исправить которое нельзя...

Онъ вдругъ замолчалъ, побарабанилъ пальцами о столъ и уставился снова на свѣтъ лампы.

— Но вѣдь, если ты такъ будешь говорить со всѣми,—сказала Анна Николаевна,—тебя лишатъ мѣста, Гаврюша. Подумай! Это—единственный нашъ ресурсъ жизни! Подумай о себѣ, о нашей дочери...

Онъ, очевидно, не слыхалъ ея, потому что ни одинъ мускулъ лица его не шевельнулся и онъ не отводилъ взора отъ огня.

— Наше время, для красоты слога, называется гуманнымъ,—заговорилъ онъ снова.—Жестокое время, а не гуманное. Страданія людей надо прекращать, а не длить ихъ съ безполезной и безпощадной жестокостью. Когда Павелъ, апостолъ, былъ въ Римѣ,—вдругъ отвернувшись отъ лампы, продолжалъ онъ,—то среди многочисленныхъ алтарей разнымъ языческимъ идоламъ увидѣлъ алтарь безъ идола, съ надписью: „Алтарь невѣдомому Богу“... Постой, что я хотѣлъ сказать? Я хотѣлъ сказать, что мы, безсмысленные язычники, воздвигли алтарь... невѣдомый Богъ и есть наша медицина. Да... такъ вотъ! Этому невѣдомому Богу нужны человѣческія жертвы! Умерщвлять надо!—твердо закончилъ онъ.

Кабѣевъ замолчалъ. Анна Николаевна смотрѣла на него съ тяжелымъ, горестнымъ чувствомъ. Она сравнивала его съ тѣмъ молодымъ врачомъ, какимъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: онъ вѣрилъ въ науку, съ восторгомъ принялъ мѣсто въ лечебницѣ, интересовался больными.

Что сдѣлалось съ нимъ теперь? И куда ихъ приведутъ его новые взгляды, его отношеніе къ дѣлу?

Прежде у нихъ былъ обширный кругъ знакомыхъ. Они бывали у мѣстныхъ врачей, и врачи бывали у нихъ. Потомъ все

это постепенно измѣнилось; Гавріилъ Егоровичъ все больше и больше сталъ замыкаться въ заколдованномъ кругу своихъ больныхъ грёзъ, все тщательнѣе и тщательнѣе ограждалъ свой внутренній міръ отъ посторонняго вторженія; онъ сознательно дѣлалъ вокругъ себя пустыню, и пустыня врывалась въ ихъ скучную и страшную жизнь.

И вотъ они теперь одни; врачи не бываютъ у нихъ больше; врачи избѣгаютъ ихъ и давно уже замѣтили странную перемѣну, происшедшую съ ея мужемъ. И паціенты отъ нихъ ушли. А онъ, Гавріилъ Егоровичъ, какъ будто ничего этого не замѣчаетъ, не хочетъ замѣчать, и даже словно радуется, что въ ихъ квартирѣ стало глухо и безмолвно, какъ въ могилѣ...

— Что̀ будетъ дальше?

Этотъ страшный вопросъ часто вставалъ передъ нею во всемъ своемъ грозномъ значеніи, и она не находила ничего лучшаго, какъ зажмуривать глаза и затыкать уши передъ нимъ, потому что боялась найти прямой отвѣтъ.

И эти послѣдніе годы она жила словно на краю вулкана, ежедневно ожидая взрыва. Иногда ей хотѣлось, чтобы этотъ взрывъ произошелъ скорѣе,—все лучше, чѣмъ это невыносимо-тягучее ожиданіе!

Гавріилъ Егоровичъ вдругъ всталъ и, ни слова не говоря, ушелъ къ себѣ.

Она не послѣдовала за нимъ; они давно уже не жили общей жизнью и сходились рѣдко, чтобы поговорить о тѣхъ странныхъ вещахъ, которыя въ послѣднее время гвоздили мозгъ ея несчастнаго мужа.

Анна Николаевна осталась одна. Еслибы можно было сѣсть за піанино и вылить тоску души своей въ мелодіи звуковъ! Она знала, что тотчасъ же почувствовала бы облегченіе, ушла бы отъ тяжелой дѣйствительности въ очаровательный міръ грёзъ.

У каждаго человѣка есть такой міръ, есть такое убѣжище! У каждаго, даже самаго обездоленнаго. И только у нея его не было, потому что Гавріилъ Егоровичъ не переносилъ музыки.

Анна Николаевна подошла къ окну.

Теперь на улицахъ стояла ночь. Торжественная и безмолвная звѣздная ночь, въ которой скрыты были какія-то тайны.

Она поглядѣла на небо, виднѣвшееся за низенькими домами, на эту безконечную, темно-синюю долину эѳира, усѣянную, какъ поле, яркими серебристыми цвѣтами-звѣздами.

И ей такъ захотѣлось жить! Такъ захотѣлось вернуть прошлое, то прошлое, которое никогда у нея не было блестя-

щимъ, но по крайней мѣрѣ тихимъ и спокойнымъ, и которое казалось ей теперь такимъ далекимъ и такимъ счастливымъ по сравненію съ унылымъ настоящимъ.

Все въ жизни относительно, и дѣйствительная цѣнность вещей, дѣяній и событій постигается лишь изъ сравненія ихъ другъ съ другомъ.

Тускло горѣли фонари, съ трудомъ разсѣевая тьму; улица была пустынна, и Аннѣ Николаевнѣ показалось, что эта улица— символъ ея жизни. Такая же узкая, такая же длинная, монотонно-скучная, уныло-провинціальная, освѣщенная рѣдкими, тусклыми огнями...

Ей сдѣлалось больно, и она отошла отъ окна, вглубь комнаты, и очутилась передъ зеркаломъ, вдѣланнымъ въ кафельную печь.

Невольно взглянула она на себя въ это зеркало.

И стекло отразило въ себѣ какую-то чужую, постороннюю ей женщину. Больное, блѣдное лицо съ большими сѣрыми, испуганными глазами. И въ глазахъ, и въ низко опущенныхъ углахъ губъ, и во всей этой словно надломленной фигурѣ было столько усталости!

— Она была красивой. Вотъ этотъ портретъ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Какое полное лицо и какой ясный, бодрый взглядъ, и какая хорошая, свѣтлая улыбка! А теперь? Куда, куда это все дѣвалось?

Она еще разъ взглянула въ зеркало и испуганно отошла отъ него.

Изъ-подъ плотно запертой двери мужняго кабинета, узкой полоской черезъ щелку, пробивался свѣтъ.

Она знала, что Гаврюша не будетъ теперь спать до разсвѣта. Всю ночь онъ ходитъ по своему небольшому кабинету,— о чемъ онъ только думаетъ и какъ ему не страшно оставаться наединѣ съ самимъ собою? А съ первымъ слабымъ огнемъ разсвѣта онъ ляжетъ и проспитъ часовъ до десяти.

Она постояла въ нерѣшительности, не зная, что̀ дѣлать, куда пойти. Вѣдь и она спать не будетъ. Она тоже останется сама съ собой, и нѣтъ ничего страшнѣе для человѣка, когда, съ горемъ на душѣ, онъ остается наединѣ съ собою въ долгую безсонную ночь...

Она подошла къ піанино, почти свалилась на стулъ, положила руки на плотно запертую крышку инструмента, опустила на нихъ голову и безсильно зарыдала.

III.

Запольскій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ—довольно большой комнатѣ въ два окна, выходившихъ на улицу, и ждалъ паціентовъ. Это былъ его пріемный день и часъ.

Какъ всегда, очень аккуратно и чисто одѣтый, причесанный и выбритый, Запольскій, поминутно сбрасывая съ носа pince-nez, снова надѣвалъ его; но постоянно веселое и оживленное расположеніе духа, составлявшее отличительное свойство его характера, въ этотъ день какъ-то не проявлялось. Изрѣдка хмурая тѣнь безпокойства набѣгала на его лицо и въ движеніяхъ его было много несвойственной ему нервности.

Вотъ уже нѣсколько пріемныхъ дней прошло, а паціентовъ что-то не являлось; приходило по одному, по два человѣка, но изъ новыхъ, а старые не показывались. Сначала онъ не обращалъ на это вниманія, предполагая простую случайность или ту полосу, которая наблюдается въ практикѣ каждаго врача, когда вдругъ паціентовъ становится меньше, чтобы потомъ снова увеличиться. Но теперь явленіе это начинало его тревожить. Ужъ что-то очень долго тянется эта полоса, и явленіе принимаетъ характеръ хроническаго.

Запольскій старался выяснить себѣ причину; онъ долго думалъ надъ этимъ явленіемъ, и вдругъ его осѣнила мысль: да вѣдь убыль паціентовъ стала замѣчаться со дня принятія имъ должности театральнаго врача!

Онъ началъ разсуждать. Городъ, въ которомъ ему приходилось практиковать, хотя и губернскій, но безъ университета, безъ высшаго учебнаго заведенія и довольно захолустнаго характера; здѣсь всѣ знаютъ другъ друга, всѣ слѣдятъ другъ за другомъ, интересуются интимной жизнью обывателей и, по выраженію Царинскаго, каждый знаетъ что̀ у попа сегодня на обѣдъ готовится. Интересы города мелки, сплетни крупны. Обыватели, какъ всѣ провинціальные обыватели, сурово относятся къ легкомыслію и въ особенности сурово къ опереткѣ, которую, однако же, посѣщаютъ охотно. Ужъ не въ томъ ли дѣло, что онъ принялъ должность театральнаго врача, или, какъ выразилась одна изъ его женщинъ-коллегъ, „опереточнаго“ врача?

Онъ поморщился. Можетъ быть, можетъ быть! И онъ представилъ себѣ выраженіе лицъ своихъ паціентовъ, которые, покачивая головами, говорятъ своимъ провинціально-укоризненнымъ тономъ:

— Запольскій сдѣлался театральнымъ врачомъ и вѣчно торчитъ за кулисами. Я не могу довѣрить ему свое здоровье.

И достаточно, чтобы одинъ сказалъ такую фразу, какъ „провинціальные бараны" стали бы повторять эту фразу дружнымъ хоромъ.

А тутъ еще Марья Ивановна и Евгенія Еремѣевна—его коллеги—навѣрное подъ шумокъ пустили инсинуацію относительно его увлеченія Денницыной. Ну, и тогда ему, конечно, крышка.

Запольскій вытянулъ шею и взглянулъ въ окно: не идетъ ли кто изъ паціентовъ. Ну, хотя бы одинъ, для приличія, что-ли? А то, право же, неловко передъ горничной. Она и то съ недоумѣніемъ и вопросомъ посматриваетъ на него. Если онъ лишается своего гонорара, то вѣдь и она лишается своего двугривеннаго.

Это было ему очень непріятно. И потомъ еще жена, Елена Васильевна, эта „кисловатая" женщина съ выраженіемъ вѣчной обиды на лицѣ, словно застывшей на немъ!

Но нѣтъ! Никто по улицѣ не шелъ, кто бы былъ похожъ на паціента. Шелъ фруктовщикъ, ѣхалъ водовозъ, прошелъ городовой. Это не паціенты. Одну минуту у Запольскаго мелькнула мысль отворить форточку и зазвать къ себѣ городового, чтобы спросить, какъ его здоровье, и, въ случаѣ нужды, подать ему хотя бы безплатную медицинскую помощь. Все-таки онъ могъ бы сказать себѣ и женѣ, что у него былъ паціентъ.

Но у проходившаго мимо городового былъ удивительно здоровый видъ, и его красное и полное лицо съ бѣлокурыми усами рѣшительно протестовало противъ всякой идеи о медицинской помощи. Не нуждался въ ней до очевидности и мальчикъ изъ лавочки, который несъ въ рукахъ свертокъ съ товарами и черезъ каждые два шага, присѣдая на одну ногу, подкидывалъ этотъ свертокъ надъ головою, ловко ловя его въ руку.

Но, вотъ, мальчикъ споткнулся о камень. „Хоть бы растяженіе жилъ получилъ, что-ли,—подумалъ Запольскій, съ любопытствомъ слѣдя изъ окна за его эквилибристикой,—или носъ бы расквасилъ..." Но съ мальчикомъ не приключилось ни того, ни другого; онъ просто потерялъ балансъ, выпустилъ изъ рукъ пакетъ, описавшій неожиданную траекторію надъ его головой, и изъ пакета, шлепнувшагося на землю, выкатились мятные пряники. Мальчишка поднялъ ихъ, съ философскимъ видомъ запихалъ ихъ обратно въ свертокъ, за исключеніемъ трехъ; два изъ нихъ онъ отправилъ въ карманъ, а одинъ въ ротъ; взялъ па-

кетъ подмышки и уже спокойно, съ дѣловитымъ видомъ, отправился дальше.

Запольскій привелъ шею въ ея естественное положеніе и уже больше не смотрѣлъ на улицу, а сталъ съ надеждой прислушиваться къ звонку въ передней; но звонокъ безмолвствовалъ, и, вмѣсто радостныхъ его звуковъ, слышалась изрѣдка тягучая и сонливая зѣвота горничной Маши.

Тогда, отъ нечего дѣлать, Запольскій взялъ нотную бумагу и сталъ сочинять мазурку на слова какого-то стихотворенія Верлэна, которое онъ самъ же перевелъ на русскій языкъ.

Онъ началъ эту работу давно, еще въ первые дни знакомства съ Денницыной, которой обѣщалъ отдать эту мазурку, а она обѣщала ему вставить ее въ оперетку и спѣть публично. Ему страстно хотѣлось послушать свое собственное произведеніе со сцены, да еще въ исполненіи очаровательной Денницыной. Но бѣда была въ томъ, что кромѣ первыхъ пяти тактовъ, вышедшихъ очень удачно, остальные никакъ у него не выходили. Когда жены не было дома, онъ старался взять ихъ, такъ сказать, силой, на рояли. Садился къ инструменту, игралъ бравурное начало мазурки, думая, что дальнѣйшіе такты „выльются" сами собой, но увы!—пальцы его останавливались послѣ пяти тактовъ и дальше ничего не выходило. Конечно, онъ могъ бы обратиться за помощью къ Карлу Ивановичу Шульцу, театральному капельмейстеру, который охотно придѣлалъ бы продолженіе къ его мазуркѣ; но его удерживало, во-первыхъ, самолюбіе композитора; во-вторыхъ, онъ былъ увѣренъ, что Карлъ Ивановичъ придѣлалъ бы какое-нибудь продолженіе, позаимствованное изъ чужихъ музыкальныхъ произведеній безъ указанія источника. По крайней мѣрѣ, Карлъ Ивановичъ въ сочиненіяхъ, выдаваемыхъ имъ за свои, всегда являлся, по мнѣнію Запольскаго, самымъ беззастѣнчивымъ плагіаторомъ.

Запольскій набросилъ нѣсколько нотныхъ знаковъ, въ безплодномъ ожиданіи паціентовъ, постарался мысленно воспроизвести ихъ, но тотчасъ же съ отвращеніемъ зачеркнулъ ихъ карандашомъ.

Да и самое стихотвореніе, переведенное имъ, ему теперь какъ-то не нравилось:

Помнишь, мы съ тобою по лѣсу гуляли,
Солнце такъ свѣтило, птички щебетали,
Все дышало нѣгой и томленьемъ ласки,—
На меня смотрѣли дорогіе глазки...

Здѣсь было что-то нескладное, несовсѣмъ ловкое, не говоря уже о приторной банальности мысли и словъ. И потомъ, дернуло же его начать писать музыку съ пятью діезами!..

Онъ сердито сложилъ нотную бумагу и всунулъ ее въ выдвинутый ящикъ стола.

Онъ хотѣлъ уже задвинуть ящикъ, какъ вдругъ изъ полутемнаго, потайного его угла выглянули на него „дорогіе глазки". Запольскій безпокойно двинулся въ креслѣ, поглядѣлъ тревожно на двери и, быстро вынувъ фотографію, взглянулъ на нее.

Это былъ портретъ женщины лѣтъ двадцати-восьми. Запольскій тотчасъ же умственно прикинулъ: Еленѣ Васильевнѣ тридцать шесть; разница, все-таки, большая въ лѣтахъ, а какая огромная—въ наружности! Елена Васильевна уже почти пожилая. Морщинки около глазъ и на лбу; волосы съ большой просѣдью. И худая она такая, точно „ходячій нервъ". И выраженіе губъ у нея не молодое, а какое-то страдальческое, уязвленное. Какъ будто кто-то ее оскорбилъ когда-то, да такъ это выраженіе оскорбленія навсегда и запечатлѣлось на ея лицѣ. Глаза ея тоже смотрѣли утомленно и недоброжелательно. Вотъ Денницына—другое дѣло! Радостная улыбка нѣсколько большого рта; полныя губы, красивой рамкой окружающія два ряда крупныхъ зубовъ; вздернутый носикъ, большіе сѣрые глаза, въ которыхъ сидитъ выраженіе жажды жизни, и прекрасные волосы цвѣта „спѣлой ржи". Запольскій со дня рожденія жилъ въ городѣ и никогда воочію не видѣлъ спѣлой ржи, но ему нравилось это сравненіе, потому что казалось поэтичнымъ, а онъ мнилъ себя въ душѣ больше поэтомъ, чѣмъ врачомъ. Онъ еще долго любовался портретомъ и восхищался улыбкой и выраженіемъ глазъ Денницыной.

„Да, — подумалъ онъ, — женщина невредная! Главное—жизни много! Радости бытія—le bonheur de vivre... ненасытная жажда жизни... и сложена, въ особенности когда играетъ роли travesti; анатомическое сложеніе—модель для скульптора и отрада для врача, которому приходится, въ большинствѣ случаевъ, имѣть дѣло съ деформированными сложеніями и угнетеннымъ духомъ... Каждый ищетъ въ жизни то, чего ему не хватаетъ, такъ сказать ариѳметическое дополненіе ея. Мнѣ, вотъ, именно не хватаетъ красивой женщины и радостей бытія... Врачи не должны жениться на курсисткахъ, женщинахъ-врачахъ, массажисткахъ и тому подобное, потому что эти женщины имѣютъ много общаго съ нами, и изъ совмѣстной жизни получается нѣкій утомительный унисонъ, совпаденіе созвучій. Это скучно. Мы

должны жениться на актрисахъ, пѣвицахъ, на женщинахъ артистическаго темперамента. Тогда получаются аккорды и благозвучное ихъ разрѣшеніе...“

Онъ хотѣлъ-было еще пофилософствовать, но въ это время раздался осторожный стукъ въ дверь.

Запольскій нервно вздрогнулъ, быстро сунулъ карточку въ щель ящика и задвинулъ его; потомъ поймалъ на лету pince-nez и водрузилъ его на носъ.

— Можно!—сказалъ онъ.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла неслышной, крадущейся походкой Елена Васильевна.

Запольскій чуть-чуть поморщился.

— Ахъ, это ты, Лена!.. Что̀?

— Ничего, Юликъ... Я пришла узнать, можно ли давать обѣдать.

Онъ терпѣть не могъ, когда она звала его этимъ „глупымъ“ именемъ Юликъ, которое по созвучью напоминаетъ ему „столикъ“; въ особенности онъ не любилъ, когда она называла его такъ при постороннихъ, но всѣ его усилія отъучить ее отъ этого не привели ни къ чему.

Онъ мелькомъ взглянулъ на нее.

Елена Васильевна имѣла все тотъ же удрученный, утомленный и обиженный видъ. Глаза ея смотрѣли усталымъ взоромъ, а на губахъ лежала скорбная улыбка; когда она говорила, то губы какъ-то неестественно широко раздвигались и обнажали пломбированные зубы.

„Въ ней рѣшительно нѣтъ ни на гранъ кокетства,—подумалъ Запольскій,—а то бы она выучилась передъ зеркаломъ, по крайней мѣрѣ, улыбаться, чтобы не обнаруживать дефектовъ“.

— Если хочешь ѣсть, вели подавать,—сказалъ онъ ей.

— Нѣтъ, особенно не хочу. А только вѣдь теперь ждать ужъ некого. Никто не придетъ. Мнѣ Маша сказала, что сегодня никто изъ больныхъ не былъ?..

Она придала этимъ словамъ вопросительный тонъ, который мгновенно озлобилъ почему-то Запольскаго.

— Ну?—сказалъ онъ. — Такъ что же? Ты будто спрашиваешь меня... Если Маша сказала, такъ это такъ. Не могъ же я принять больного сквозь форточку.

— Но вѣдь это ужасно, Юликъ!—скорбнымъ тономъ проговорила она.

Его передернуло.

— Что̀ именно?—спросилъ онъ.

— Помилуй, который пріемный день—и нѣтъ больныхъ. Что̀ это можетъ значить?

— Только то, что̀ значитъ, милая.

— Что̀ же именно?

— Именно то, что если нѣтъ больныхъ, то, значитъ, ихъ нѣтъ. То-есть, они, конечно, существуютъ въ природѣ, но ихъ нѣтъ здѣсь, у меня.

— Но вѣдь это ужасно!—воскликнула она.

— У тебя нѣтъ денегъ?—спросилъ ее серьезно Запольскій.

— Ахъ, совсѣмъ не въ этомъ дѣло, Юликъ! Я говорю—это ужасно съ нравственной стороны, какъ симптомъ. Вѣдь были же у тебя паціенты и порядочно...

— Ну? — уставясь на нее черезъ pince-nez, проговорилъ Запольскій.—Были, а теперь нѣтъ. Что̀ изъ этого? Это симптомъ, ты говоришь; вѣрно. Но симптомъ чего? По моему, очень хорошій симптомъ.

— Какъ хорошій? Почему хорошій?

— Непремѣнно. Это значитъ, что, несмотря на мое леченіе, больные мои выздоравливаютъ. Ergo—я весьма хорошій врачъ. Всѣ эти выздоравливающіе внезапно субъекты разнесутъ славу о моемъ чудодѣйственномъ леченіи, и къ дверямъ моей квартиры привалятъ скоро толпы недужныхъ. Я тогда повышу „систему гонорара“, и мы купимъ домъ-особнякъ или уѣдемъ за границу. Вотъ тебѣ симптомъ, а по симптому—діагнозъ этого положенія.

— Ты все шутишь, Юликъ,—кислымъ тономъ проговорила Елена Васильевна.

— А отчего мнѣ не шутить,—скажи, пожалуйста?

— Я и то удивляюсь тебѣ,—продолжала она, и въ голосѣ ея стали звучать нотки уязвленнаго самолюбія,—четвертый десятокъ на исходѣ, а сколько въ тебѣ легкомыслія! Ты—настоящій гимназистъ! Ты все шутишь, все шутишь...

Запольскій сразу разсердился. Онъ терпѣть не могъ, прямо не выносилъ, когда его укоряли легкомысліемъ.

— А отчего мнѣ не шутить? — рѣзко сказалъ онъ.—Четвертый десятокъ на исходѣ? Выражаясь точнѣе, мнѣ тридцать-семь лѣтъ. Это для нашего брата-мужчины—молодость. Я чувствую въ себѣ силы и бодрость, и вовсе не желаю смотрѣть на жизнь съ той кислотой, съ которой ты на нее смотришь. Если я всегда бодръ, жизнеспособенъ, такъ это не значитъ, что я легкомысленъ. И что̀ за глупое слово! Мысль человѣческая должна быть легка. У кого она не легка, тотъ тяжелодумъ; а кто тяжелодумъ, тотъ несчастенъ или тупица. Я вовсе не хочу быть ту-

пицей. Подумаешь, какое страшное словно: легкомысліе! Да каждый живой человѣкъ обязанъ быть легкомысленнымъ, милая супруга. Легкомысленны были всѣ знаменитые художники, поэты и музыканты, — потому что были талантливы. Наши врачи — большинство—тяжелодумы, въ родѣ почтеннѣйшаго маньяка Кабѣева или полупочтеннѣйшаго земца Левченко, а потому тупицы. У нихъ нѣтъ выдумки, нѣтъ фантазіи, нѣтъ игры воображенія, а безъ этихъ данныхъ нельзя поставить правильнаго діагноза и набрести на правильное леченіе. Только, вотъ, такія застарѣлыя въ своихъ теоретическихъ взглядахъ и „принципахъ“ курсистки, какъ ты, смотрятъ на легкомысліе какъ на преступленіе и „нечестное“ отношеніе къ жизни. Я смотрю иначе. Всякій талантливый человѣкъ легкомысленъ! Гдѣ талантъ, тамъ и легкомысліе... Развѣ Дарвинъ не обнаружилъ легкомыслія, когда вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ему *мелькнула* мысль о происхожденіи видовъ путемъ отбора?.. Вѣдь мелькни эта мысль тебѣ,—ты бы, вопервыхъ, испугалась, во-вторыхъ, поспѣшила бы прогнать ее за ея легкомысліе, за ея необоснованность, за самую ея новизну, которая шла въ разрѣзъ всѣмъ тремъ-стамъ-тридцати-тремъ незыблемо установленнымъ научнымъ законамъ...

Онъ тяжело отдышался, откинувшись на спинку кресла.

Онъ рѣдко говорилъ такъ много и только тогда, когда что-нибудь его выводило изъ себя.

Лицо Елены Васильевны приняло удрученно-оскорбленное выраженіе. Она поджала губы и часто замигала глазами.

— Я не понимаю, почему въ принципіальномъ вопросѣ надо непремѣнно оскорбить меня, — сказала она тономъ укушенной мухой женщины.— У тебя черезъ два слова въ третье—„курсистка“, какъ будто это бранное слово?! Ну да, я получила высшее образованіе, но вѣдь и ты получилъ его. Что̀ же тутъ предосудительнаго для женщины?

Онъ продолжалъ сердиться и никакъ не могъ успокоить своихъ расходившихся нервовъ.

— Многое!—твердо сказалъ онъ, и сбросилъ pince-nez.— Многое...

— Ахъ, даже многое?

— Да, даже! Во-первыхъ, ну, вотъ ты получила это пресловутое высшее образованіе. Я полагаю, всякій учится для того, чтобы сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ и примѣнять свои научныя знанія. Для чего учится женщина?

— Для того же, я полагаю.

— Неправда, вздоръ!

— А для чего, по твоему?

— Да я не знаю! Для честолюбія, что-ли? Для того, чтобы кончить курсъ, выскочить замужъ за молодого врача, вотъ какъ ты, напримѣръ. Ну, гдѣ же твоя наука? Гдѣ она? Къ чему ты примѣнила свои знанія? Ты сдѣлалась „женой";—такъ вѣдь это каждая женщина можетъ и безъ прохожденія курсовъ. Вы ихъ проходите, очевидно, для того, чтобы потомъ, выйдя замужъ, какъ и всѣ выходятъ, угнетать мужа своимъ скучнымъ ученымъ видомъ и упрекать его въ недостаточной серьезности. Но пойми же, Лена, не все же счастье въ жизни — въ серьезности. Напротивъ! Чѣмъ легче смотрѣть на жизнь, тѣмъ легче и жить. У васъ, у курсистокъ, все только на языкѣ „долгъ мужа", „долгъ врача", „долгъ гражданина" и прочее. Все долгѝ и долгѝ. Слишкомъ много долгòвъ! И ужъ очень скученъ и жестокъ этотъ кредиторъ — жизнь, который повѣрилъ намъ столько въ долгъ. Но вѣдь иногда и кредитора пріятно надуть.

— Богъ знаетъ, чтò ты говоришь! Даже какъ-то не идетъ серьезному человѣку.

Запольскій стукнулъ ладонью по столу такъ, что на немъ затанцовали предметы, а Елена Васильевна болѣзненно вздрогнула.

— Да кто тебѣ сказалъ, что я серьезный человѣкъ? Да не хочу я вовсе быть серьезнымъ человѣкомъ! Да плевать я хочу на твоихъ серьезныхъ человѣковъ! Когда я при исполненіи обязанностей, пусть я—серьезный человѣкъ; и когда я у постели больного, пусть я тоже серьезный человѣкъ. А внѣ этого—не хочу я быть серьезнымъ человѣкомъ. Вотъ, просто-таки не хочу, да и полно! А вы всѣ: „жизнь—серьезная вещь", „жизнь — не шутка"... А вотъ же шутка! И вовсе даже не серьезная вещь...

— Оттого она у тебя такъ и складывается, что ты смотришь на нее какъ на шутку...—перебила его Елена Васильевна.

— Непремѣнно,—упорнымъ тономъ возразилъ онъ.—Жизнь—кратковременное удовольствіе. Пришелъ какой-то расточительный богачъ и роздалъ намъ свои цѣнные подарки. Ну, такъ надо умѣть пользоваться этимъ щедрымъ даромъ, а не стонать и не скулить и не вертѣть имъ въ рукахъ, не зная, чтò дѣлать и куда бы его тщательнѣе спрятать. Чтò толку вѣчно ныть, вздыхать, охать, ахать и творить одну добродѣтель? Отъ этого перепроизводства добродѣтели сырость заводится въ душѣ, а гдѣ сырость, тамъ—мохъ и плѣсень. Вотъ въ томъ-то и дѣло: дали намъ цѣнную вещь, а вы и не знаете, чтò съ нею дѣлать...

— А ты знаешь?

— А я знаю.

— Что же именно?

— Я знаю, что есть люди, которые смотрятъ на жизнь какъ на трагедію. А я смотрю на нее какъ на комедію... Да, да, у каждаго свой взглядъ, моя милая, и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Я смотрю на жизнь какъ она есть: со всѣми ея слабыми, смѣшными, больными людьми. Кабѣевъ все увѣряетъ, что будетъ какая-то новая, свѣтлая жизнь, въ которой всѣ люди будутъ сильными, могучими и здоровыми. Я не вѣрю въ эту утопію. Я вѣрю въ безплодность одинокихъ усилій, а потому люблю общество... А Кабѣевъ все твердитъ: „трагизмъ безволія". Надо брать жизнь какъ она есть, со всѣми ея радостями и горестями. И повѣрь, что жизнь формируетъ людей, а не люди— жизнь. Повторяю, въ общемъ, жизнь—драгоцѣнная бездѣлушка, подаренная человѣку невѣдомымъ щедрымъ богачомъ. Ну, однихъ этотъ навязанный подарокъ оскорбляетъ, какъ, напримѣръ, тебя и Кабѣева, а другихъ—радуетъ, какъ напримѣръ...

— Тебя?

— Да, меня. Онъ радуетъ меня потому что я не придаю особенной цѣнности человѣческому существованію. Ну, ужъ извини, разъ дѣло пошло на сравненія... Еще одно—не очень новое, но вѣрное: жизнь—безпредѣльный, безконечный океанъ... Океанъ никогда не станетъ приспосабливаться къ ладьѣ, а ладья къ нему должна приспособиться. Умѣнье жить и заключается въ томъ, чтобы умѣть плавать по океану жизни съ возможной безопасностью, возможными удобствами и возможной безпечностью, потому что если ты все время будешь думать, сидя въ лодкѣ, о пучинѣ, которая находится подъ тобой, то ты непремѣнно отравишь себѣ существованіе, а потомъ отъ испугу потонешь.

— А ты думаешь, что никогда не потонешь?—криво усмѣхнувшись, проговорила Елена Васильевна.

— Непремѣнно. Потону. Но когда придетъ время хлебнуть этой соленой воды, то надо это сдѣлать легкомысленно. Тогда будетъ легко тонутъ. А почему надо это дѣлать безропотно, безъ трагическаго барахтанья и безсильныхъ выкриковъ?

— Почему?

— Да потому именно, что мы не знаемъ конечнаго смысла жизни. Мы не знаемъ, куда черезъ милліарды одинокихъ существованій направляется равнодѣйствующая жизни. Если жизнь— кратковременный сонъ, то гдѣ и въ чемъ дѣйствительность? Если жизнь — дѣйствительность, то въ чемъ сонъ, грёза жизни? Мы не знаемъ. Ну, а гдѣ нѣтъ знаній, тамъ суррогатомъ ихъ должно

царить легкомысліе. Итакъ, да здравствуетъ легкомысліе, которое ты считаешь моимъ самымъ тяжкимъ грѣхомъ! Ты требуешь принципа. Ну, ужъ если у такого безпринципнаго человѣка, какъ я, все-таки долженъ быть принципъ, такъ вотъ онъ: Легкомысліе—съ большой буквы. Dixi et animam levavi.

Елена Васильевна слушала спокойно разглагольствованія мужа и съ сожалѣніемъ смотрѣла на него. Онъ ей показался такимъ жалкимъ, съ его взглядами на жизнь, съ ея точки зрѣнія, преступными. Но онъ считаетъ ихъ чуть ли не добродѣтелью и называетъ эти предосудительные взгляды принципами. Хороши принципы! Послѣ этого, всякій мошенникъ, легкомысленно растрачивающій ввѣренный ему капиталъ, — дѣйствуетъ по принципу. Жалкія разсужденія, жалкое самооправданіе безвольнаго человѣка!

Она такъ думала, но ничего не сказала мужу. Зачѣмъ? Говорить съ нимъ — все равно, что говорить съ глухой стѣной. Они говорили на разныхъ языкахъ и имъ было не понять другъ друга. И давно уже они говорятъ такъ. Отчужденіе началось давно между ними и съ годами все росло и росло. И по мѣрѣ того какъ оно росло, расшатывалась ихъ семейная жизнь и разстояніе между ними становилось шире и шире, а въ послѣдній годъ уже стало напоминать пропасть, ничѣмъ незаполнимую.

Время идетъ быстро, несмотря на прозябаніе въ этомъ захолустномъ городишкѣ, безъ высшихъ общественныхъ и политическихъ интересовъ, въ тинѣ злободневныхъ мелкихъ интригъ и сплетенъ, которыми существуетъ огромное большинство провинціальныхъ обществъ. Давно ли миновали тѣ дни, когда Елена Васильевна жила счастливо съ мужемъ? Оба были молоды и обладали высокими взглядами на жизнь, на общественное служеніе... Но годы шли, а съ годами высокіе взгляды на жизнь становились все ниже и ниже и сдѣлались, подъ конецъ, совсѣмъ низенькими. У него, по крайней мѣрѣ. Общественное служеніе было имъ быстро переведено на общедоступный языкъ болѣе понятными словами — „погоня за гонораромъ“. И вотъ, жизнь стала для него не подвигомъ, а какимъ-то масломъ, въ которомъ онъ катался какъ сыръ.

Но она все еще стоитъ на прежней точкѣ, и онъ—нѣтъ-нѣтъ—и упрекнетъ ее за отсталость, за „тупую принципность“. Она вышла за него замужъ въ розовыхъ мечтахъ. Онъ будетъ облегчать страждущее человѣчество; она будетъ ему помощницей и другомъ, облегчающимъ его самоотверженные труды, утѣшающимъ его въ дни скорбей, поддерживающимъ его въ дни

ослабленія воли и усталости. И всю жизнь она искала какого-нибудь реальнаго подвига жизни, но такъ и не отыскала его. Жизнь шла какъ-то мимо нея, вертѣлась, словно огромное маховое колесо передъ ея глазами, движеніемъ воздуха, отмахивало, отдувало ее отъ себя. И она прозябала въ этой пыли, подымаемой струей воздуха, и эта пыль порошила ея глаза и покрывала тусклымъ, сѣрымъ налетомъ все, что̀ ей когда-то казалось яркимъ и блестящимъ. Пожалуй, онъ правъ, что не человѣкъ руководитъ жизнью, а она приспосабливаетъ его къ себѣ.

Въ первые года она мечтала сдѣлаться матерью. Вѣдь и въ материнствѣ можно отыскать подвигъ. Но маховое колесо отдунуло ее и отъ этого подвига. Мечта не осуществилась, и она стала тосковать. Никто и ничто не требовало отъ нея ни жертвъ, ни подвига, и жизнь постепенно, но неутомимо превратилась для нея въ безцѣльное прозябаніе. И мало-по-малу она превращалась въ то банальное существо, которое на добродѣтельно-буржуазномъ языкѣ называется „хозяйкой дома". Но развѣ это подвигъ—слѣдить за приготовленіемъ обѣда и за тѣмъ, чтобы хорошо вытиралась пыль на мебели? И тѣни подвига въ этомъ нѣтъ!

Тогда въ ея душу забралась горечь. Она считала себя обиженной, обойденной судьбой, отброшенной за бортъ. Душа ея омрачалась, настроеніе окислялось, и, выражаясь медицинскимъ языкомъ, въ ея организмѣ образовался какой-то нравственно-кислый діатэзъ, противъ котораго она не знала лекарства, да и онъ, ея супругъ - врачъ, не зналъ никакого дѣйствительнаго средства.

Она увядала. Увядала физически и душевно; она это чувствовала, хотя не хотѣла еще себѣ въ этомъ признаться. Но это бы еще ничего, если бы они увядали вдвоемъ, параллельно, одинаково. Такъ нѣтъ же! Онъ, напротивъ, расцвѣталъ; онъ становился съ каждымъ годомъ жизнерадостнѣе и имъ овладѣвала какая-то жажда жизни и удовольствій. Съ тайнымъ, ревнивымъ чувствомъ слѣдила она за этой метаморфозой въ характерѣ мужа, и она начала терять къ нему прежнее уваженіе, чувствовать къ нему какую-то брезгливость, и онъ сталъ ей чуть-чуть смѣшонъ.

Къ серьезнымъ болѣзнямъ онъ относился недоброжелательно и всячески старался избѣгать лечить ихъ; совершенно не переносилъ малѣйшихъ даже операцій и всячески отклонялъ ихъ отъ себя. Зато женщинъ лечилъ съ удовольствіемъ и постепенно сталъ спеціализироваться не на женскихъ, а на „дамскихъ" болѣзняхъ, по ея озлобленному выраженію.

Елена Васильевна съ грустью замѣчала, какъ ея мужъ прочно

акклиматизировался въ этомъ городишкѣ, какъ его стали удовлетворять мѣстный клубъ и театръ, и мѣстныя дамы общества и театра, какъ онъ увлеченно посѣщалъ танцовальные вечера въ клубѣ и, „напяливъ“ эполеты, носился въ вихрѣ вальса или лихой мазурки; какъ товарищи стали подшучивать и подсмѣиваться надъ нимъ; какъ онъ увлекался сочиненіемъ романсовъ и прочей дребедени, которую весьма охотно, ради знакомства, исполнялъ на клубскихъ музыкальныхъ вечерахъ капельмейстеръ городского оркестра; какъ мужъ ея сталъ отставать отъ науки, ничего не читалъ, оставляя покрываться пылью неразрѣзанный „Врачъ“ и „Медицинскій Журналъ“, и, наконецъ, какъ онъ сталъ небрежно писать рецепты. Не разъ приходилось ей наблюдать, что мѣстный аптекарь являлся къ мужу съ только-что прописаннымъ имъ рецептомъ, исполнить который не было возможности вслѣдствіе неосторожно или незаконно назначенныхъ сильно дѣйствующихъ средствъ. И тогда Юлій Ксаверіевичъ конфузливо исправлялъ написанное и угощалъ аптекаря сигарой. Хорошо, пока аптекарь будетъ, ради своихъ интересовъ, покрывать эти промахи врача. Но если объ этомъ пойдутъ слухи по городу? А вѣдь слухи здѣсь рождаются Богъ вѣсть какъ и распространяются съ быстротою молніи, потому что мѣстное общество—великолѣпный проводникъ для всякаго рода инсинуацій и сплетенъ.

Но хуже всего было то, что Юлій Ксаверьевичъ вдругъ превратился въ этомъ сезонѣ въ театральнаго врача! Это уже былъ предѣлъ. И не въ серьезнаго театральнаго врача, каковыхъ, кажется, не существуетъ „въ природѣ“, по любимому выраженію Запольскаго, а въ типичнаго опереточнаго. До Елены Васильевны даже доходили слухи—пока еще темные и неоформленные—о какой-то Денницыной. Чтò это за Денницына—она не знала, потому что никогда не бывала въ театрѣ въ дни опереточныхъ спектаклей. Да и мужъ никогда не звалъ ее туда. Однажды только, по приглашенію своей подруги, Кати Серединской, жены полкового кавалерійскаго врача, она собралась послушать оперетку, но и тутъ мужъ сталъ такъ ее отговаривать, что сразу возбудилъ въ ней подозрѣніе.

А Юлій Ксаверьевичъ продолжалъ посѣщать спектакли, и не только спектакли, но и репетиціи, и не только репетиціи, но даже считки и спѣвки, и серьезно увѣрялъ ее, что это—его обязанность, что онъ не можетъ манкировать „службой“. И въ то же время весьма охотно манкировалъ своей настоящей военной службой, такъ что нѣсколько разъ уже получилъ „товарищеское

замѣчаніе“ отъ старшаго полкового врача, хмураго и мрачнаго Ермолая Евграфовича Серединскаго, а одинъ разъ—даже выговоръ отъ командира полка.

Елена Васильевна пробовала поговорить „по душѣ“ съ Серединскимъ и просить его повліять товарищески на мужа. Но съ Серединскимъ трудно было говорить о чемъ бы то ни было. Это былъ человѣкъ въ высшей степени серьезно относящійся къ своему дѣлу, страшно занятый службой, увлекавшійся полковой медициной; постоянно онъ возился съ солдатами, измѣрялъ ихъ ростъ, ширину грудной клѣтки, провѣрялъ таблицами ихъ зрѣніе и все это тщательно записывалъ, собираясь писать какое-то обширное изслѣдованіе по военно-медицинской статистикѣ. Небольшія замѣтки и статьи онъ отправлялъ въ „Военно-Медицинскій Журналъ“, иногда во „Врачъ“, и подбиралъ матеріалы для капитальнаго труда. Кромѣ того, собирался ѣхать въ Петербургъ, на курсы, тогда открытые при военно-медицинской академіи для военныхъ врачей, ради усовершенствованія ихъ въ выбранной спеціальности. Вслѣдствіе всего этого, онъ довольно разсѣянно выслушивалъ жалобы Елены Васильевны, тѣмъ болѣе, что она говорила пока еще намеками, какъ бы ощупывая почву и стараясь не повредить репутаціи мужа.

Серединскій былъ несчастенъ въ своей семейной жизни. Ему было уже совсѣмъ около пятидесяти лѣтъ, а его женѣ—тридцать. Громадная разница въ двадцать лѣтъ, которую онъ, въ рѣдкія минуты угрюмаго юмора, называлъ „амплитудой“, и была горемъ его интимной жизни, которое, кажется, и толкнуло его на увлеченіе своей дѣятельностью полкового врача. Онъ уходилъ въ свое дѣло цѣликомъ, словно стараясь опьяниться имъ, забыться въ немъ, заглушить имъ тѣ голоса обиды и сомнѣній, которые звучали въ его оскорбленной душѣ. У Кати Серединской былъ длительный романъ съ офицеромъ Вихоревымъ. Изъ этого романа были уже прочитаны первыя главы, но, повидимому, онъ быстро подвигался къ развязкѣ. Это былъ романъ страсти, романтическаго колорита, со всѣми аксесуарами ярко вспыхнувшей любви. Вихоревъ былъ старше Кати лѣтъ на пять, и потому являлся по отношенію къ мужу, и даже безъ всякихъ отношеній, молодымъ человѣкомъ. Серединскій же казался значительно старше своихъ лѣтъ, вслѣдствіе своихъ усиленныхъ занятій и гнетущаго его тайнаго горя. Онъ, конечно, зналъ объ этомъ увлеченіи его жены и молча, стоически, переживалъ свою семейную драму.

И въ первый же разъ, когда Елена Васильевна пришла къ

нему съ туманной жалобой на мужа, онъ отвѣтилъ ей просто и опредѣленно:

— Да, да... у каждаго человѣка есть печаль... гм!.. Надо стоически переносить жизнь, Елена Васильевна. Да! Терпѣть сколь возможно, а затѣмъ уступить и отойти въ сторону. Гм... Сопротивленіе ведетъ къ поломкѣ частей жизни или всего механизма. Утѣшенія мало! Да... Я никогда не вмѣшиваюсь во внутреннюю жизнь человѣка—даже близкаго. Почему? Потому что, во-первыхъ, чужая душа — потемки, которыхъ даже не въ состояніи освѣтить спеціалистъ, какъ нашъ уважаемый Кабѣевъ, а во-вторыхъ, потому что чужая душа—это sancta sanctorum человѣка, въ которую нѣтъ доступа даже другу, если человѣкъ плотно затянулъ занавѣси этого святилища. Гм...

Елена Васильевна не согласилась съ этимъ взглядомъ, потому что въ ней всегда жило активное желаніе борьбы съ жизнью, вѣра въ то, что жизнь можно направить по извѣстному руслу.

И она очень жалѣла, что Серединскій не раздѣляетъ ея взглядовъ, и что онъ эту милую, но безвольную, по ея мнѣнію, Катю предоставляетъ ея участи, вмѣсто того, чтобы постараться запрудить потокъ, властно уносящій ее.

Но, вотъ, она сама старается запрудить тотъ же потокъ, который уноситъ ея мужа.

А что̀ же выходитъ? Развѣ она достигла чего-нибудь? Потокъ съ силой или медлительной, но явной постепенностью прорываетъ плотины, которыя она старается изрѣдка нагромоздить въ этотъ потокъ.

Запольскій сидѣлъ у стола и то сбрасывалъ съ носу pince-nez, то водружалъ его на прежнее мѣсто.

Онъ пристально смотрѣлъ на жену, ожидая отъ нея реплики, возраженія, чего-нибудь, къ чему бы онъ могъ привязаться и снова начать говорить, потому что чувствовалъ сегодня потребность говорить, чтобы заглушить тѣ голоса, которые раздавались и перекликались у него на душѣ, какъ въ лѣсу.

Ему было, кромѣ того, скучно. Убійственно скучно было сидѣть два часа въ этомъ кабинетѣ, въ тщетномъ ожиданіи паціентовъ, и еще скучнѣе видѣть передъ собою жену съ ея кислымъ и оскорбленнымъ выраженіемъ лица.

И глядя на нее неопредѣленнымъ взоромъ, онъ задавалъ себѣ весьма опредѣленные вопросы:

Какъ могъ онъ когда-то увлечься ею? Что̀ онъ нашелъ въ этой худенькой и неинтересной женщинѣ привлекательнаго? Съ

внѣшней стороны—ничего. Съ внутренней? Да тоже — ничего. Еслибы что-нибудь было, развѣ бы онъ ушелъ отъ нея?

Этотъ вопросъ, поставленный въ такой опредѣленной формѣ, засталъ его врасплохъ и удивилъ его. Въ первый разъ за все это время онъ такъ опредѣленно, такъ точно, такъ ясно формулировалъ его. Да развѣ же онъ *ушелъ* отъ нея? И сейчасъ же внутренній голосъ отвѣтилъ ему: „а развѣ нѣтъ"?

И ему представилась Денницына. И сердце его забилось какимъ-то страннымъ чувствомъ, въ которомъ, по зрѣломъ анализѣ, не было ничего радостнаго; такъ, скорѣе, какое-то раздраженіе отъ любопытства передъ таинственной неизвѣстностью. Вѣдь онъ вовсе не знаетъ Денницыной. Чтò она представляетъ собою какъ человѣкъ? Да, красивый экземпляръ человѣка женскаго рода. Но—какъ женщина? Terra incognita! Но она дѣйствуетъ на его воображеніе, она возбуждаетъ въ немъ фантазію; она кажется ему тѣмъ свѣтовымъ пятномъ жизни, которое необходимо ближе изслѣдовать, чтобы жизнь не казалась даромъ прожитой и безъ котораго она кажется скучнымъ и ненужнымъ даромъ,—даромъ, съ которымъ не знаешь, чтò дѣлать. Это та мелодія, очаровательная и яркая, какую человѣкъ долженъ хоть разъ въ жизни услышать, чтобы потомъ вѣчно вспоминать ее. Еслибы онъ былъ свободенъ—женился ли бы онъ на Денницыной? Нѣтъ! — твердо прозвучало въ его душѣ. Но тогда къ чему же все это? И почему его такъ неудержимо тянетъ къ ней? И вотъ теперь, сейчасъ, онъ не живетъ, а прозябаетъ; и начнетъ жить только съ наступленіемъ вечера, когда пойдетъ на репетицію въ театръ.

И вспомнивъ о репетиціи, онъ сказалъ женѣ:

— Ты, кажется, хотѣла обѣдать? Пришла звать обѣдать, а сама расфилософствовалась. И такъ всегда. Смотри, уже темно.

На улицѣ, противъ одного изъ оконъ кабинета, горѣлъ фонарь, и въ окнахъ противоположныхъ домовъ загорѣлись огни.

Запольскій хотѣлъ зажечь лампу, но Елена Васильевна остановила его:

— Не стоитъ. Мы пойдемъ обѣдать. Или ты думаешь вечеромъ заниматься? — съ тайной надеждой въ голосѣ, спросила она.

Онъ угадалъ эту тайную надежду и поспѣшно вставилъ стекло обратно въ горѣлку.

— Нѣтъ, не думаю,—торопливо сказалъ онъ.

— Ты развѣ уходишь?

— Непремѣнно.

— Куда?

Запольскій раздражился.

— Ахъ, Боже мой! У тебя все еще осталась эта манера гувернантки спрашивать: куда? Я не мальчикъ, а ты не гувернантка. Я не рабъ, наконецъ, и ты не плантаторъ. Если я ухожу —значитъ, нужно.

— Несомнѣнно,—съ насмѣшкой сказала она,—но я не понимаю, отчего ты разсердился? Въ моемъ вопросѣ, кажется, ничего не было, что̀ бы могло разсердить нормальнаго человѣка.

— Нормальнаго,—вдругъ весь закипѣвъ отъ какой-то внутренней досады, проговорилъ онъ,—нормальнаго—да! Ну, я, значитъ, ненормальный, съ чѣмъ тебя и поздравляю.

— Меня? Меня не съ чѣмъ,—ты вѣрно хотѣлъ сказать: себя?..

— Ну, себя. Я не хочу быть нормальнымъ! — продолжалъ онъ съ возростающимъ раздраженіемъ. — Не хочу! Нормальная кухня, или, тамъ, нормальное бѣлье,—это я понимаю. Но нормальнаго человѣка—этого я не понимаю.

— Вотъ какъ! Это ново...—сказала она, вставая.

— Ново или старо̀—не знаю. Но нормальный человѣкъ—это манекенъ у портнихи или художника, и на этотъ манекенъ можно напяливать всевозможные костюмы. Только тотъ настоящій человѣкъ, у котораго есть какая-нибудь анормальность. И только та женщина привлекательна, у которой есть какой-нибудь дефектъ. А не та, у которой снутри и снаружи одна безупречная добродѣтель. Отъ такой неизбѣжно отдаетъ скукой и камфарой.

Направляясь къ двери кабинета, Елена Васильевна пріостановилась, полуобернулась къ мужу и процѣдила сквозь зубы:

— Это—въ мой огородъ?

— Ни въ чей,—слѣдуя за ней, возразилъ онъ,—ни въ чей. Это вообще, теорія...

Они вошли въ столовую.

Елена Васильевна велѣла Машѣ подавать супъ. Они ѣли молча, скучно, сосредоточенно. Ему, очевидно, не хотѣлось больше говорить, но ее что-то грызло. На душѣ остался осадокъ оскорбленнаго женскаго чувства, ощущеніе неотпарированной обиды, желаніе встать на свою защиту, на защиту попраннаго женскаго самолюбія.

Но она дала ему спокойно доѣсть супъ, изъ добродѣтельнаго побужденія не отравлять ссорами обѣденнаго часа.

Когда подали курицу подъ бѣлымъ соусомъ, сдерживаемое чувство обиды уже дало достаточно густую накипь на ея душѣ,

и никакія добродѣтельныя разсужденія, ни голосъ благоразумія не помогли и не помѣшали страстному желанію дальнѣйшей пикировки.

— Женщины съ дефектомъ, — вдругъ начала она, — обрѣтаются, очевидно, въ театрахъ?

Онъ чуть вздрогнулъ. Никакъ не ожидая такого смѣлаго выпада, онъ слегка растерялся.

„Она хочетъ сцены, — подумалъ онъ,—ну, что жъ! Да будетъ ей сцена"!

— Непремѣнно, — отвѣтилъ онъ, съ наружнымъ спокойствіемъ.—Въ театрѣ,—ты не ошиблась.

— И этотъ заманчивый дефектъ заключается въ отсутствіи добродѣтели?

— Именно.

— И потому тебя такъ тянетъ къ театру и театральнымъ женщинамъ?

Онъ выпятилъ нижнюю губу.

— Ты, очевидно, хочешь ссоры,—сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.—Но я не расположенъ къ ссорамъ и сценамъ сегодня.

— Странно,—прервала она его.—Ты такъ часто теперь бываешь на сценѣ, что долженъ былъ бы привыкнуть къ сценамъ.

Запольскій поморщился, какъ будто проглотилъ что-то кислое.

— Чудеса!—сказалъ онъ, стараясь сдѣлать веселое лицо.— Ты начинаешь острить. И хотя первый опытъ не особенно удаченъ, потому что острота невысокой пробы, но для перваго раза и это уже недурно. Еслибы ты подумала объ этомъ раньше, то, можетъ быть, усовершенствовалась бы къ сегодняшнему дню. Во всякомъ случаѣ, пріятнѣе видѣть передъ собой женщину, способную острить, чѣмъ женщину, способную только киснуть.

Раздраженіе сразу упало въ Еленѣ Васильевнѣ.

Она поняла, что домашняя сцена на этотъ разъ не выйдетъ. Вѣроятно, въ ихъ семейной жизни накопилось еще недостаточно горючихъ элементовъ, чтобы могъ произойти взрывъ.

И вдругъ ей показалось, что этотъ взрывъ необходимъ, какъ необходима гроза послѣ долгаго затишья и во время удушливой жары; сильный, грозный порывъ или сокрушитъ все, чего ей уже не жаль и чѣмъ она не дорожитъ больше, или пронесется вихремъ и очиститъ воздухъ отъ застоявшейся въ ней гнили.

Но время еще не настало и нужно ждать.

Въ молчаніи они окончили обѣдъ и оба разошлись по своимъ комнатамъ.

Она слышала, какъ мужъ ея одѣвался въ кабинетѣ. Въ последнее время онъ одѣвался необыкновенно долго, тщательно соображая свой туалетъ, долго причесываясь передъ зеркаломъ и расправляя прическу въ видѣ бабочки на головѣ.

Уходя изъ дому, онъ всегда сообщалъ Машѣ адресъ того мѣста, гдѣ предполагалъ быть, на случай, если его потребуютъ къ паціенту.

Запольскій зашелъ проститься съ женой, и прощаніе вышло болѣе чѣмъ сухо; онъ какъ-то старался не глядѣть на нее, точно опасаясь встрѣтиться съ ея недоброжелательнымъ взглядомъ.

Она тоже нехотя протянула ему руку, и онъ вышелъ.

Въ передней Запольскій сказалъ Машѣ:

— Еслибы кто-нибудь сталъ меня спрашивать, скажите, что не знаете, куда я пошелъ.

Онъ захлопнулъ за собой дверь, потомъ постучался, и на вопросительный взглядъ горничной, снова отворившей дверь, быстро проговорилъ:

— И неизвѣстно, когда я вернусь...

Елена Васильевна улыбнулась съ злымъ чувствомъ.

„Это значитъ,—объяснила она себѣ слова мужа, — что онъ не хочетъ, чтобы его ждали и чтобы его могли потревожить на репетиціи. Напрасно только безпокоится. Паціенты—люди чуткіе, и не станутъ звать врача, который бо̀льшую часть жизни сталъ проводить за опереточными кулисами".

Она позвала Машу, велѣла ей зажечь лампу и усѣлась читать книгу.

Ей предстоялъ длинный, нудный вечеръ полнаго одиночества, того состоянія, когда отъ одиночества поднимается шумъ въ ушахъ, дающій ощущеніе каскада, гдѣ-то по близости низвергающагося съ огромной высоты въ темную пропасть.

Сколько такихъ вечеровъ уже было въ ея жизни и сколько ихъ предстоитъ еще впереди!

IV.

Запольскій окончательно и совершенно превратился въ театральнаго врача; какъ только наступалъ вечеръ, его неудержимо тянуло въ театръ, на который онъ охотно мѣнялъ теперь паціентовъ, танцовальные вечера въ клубѣ, игру въ винтъ и всѣ остальныя удовольствія жизни, не говоря уже объ удовольствіи сидѣть дома съ женой.

Онъ вошелъ во вкусъ театральной жизни и не столько театральной, сколько закулисной; перезнакомился рѣшительно со всѣми; опереточныхъ актрисъ называлъ „другъ мой" и осторожно похлопывалъ по плечу; хористокъ называлъ „дитя мое" и слегка обнималъ при удобномъ случаѣ за талію; тѣмъ и другимъ охотно давалъ свидѣтельства о болѣзни, несмотря на частые выговоры по этому поводу со стороны антрепренера и режиссера. Съ наиболѣе видными мужскими представителями труппы сошелся на „ты".

На своемъ креслѣ онъ почти никогда не сидѣлъ, а слонялся по сценѣ за кулисами, къ великому озлобленію плотниковъ, которые чуть не придавили его однажды боковой кулисой, и режиссера, который однажды рѣзко зарычалъ на него за то, что „путается подъ ногами". Былъ случай, когда онъ такъ увлекся разговоромъ съ Денницыной, что остался на сценѣ при поднятіи занавѣса и, при дружномъ хохотѣ публики, какой-то вздрагивающей рысцой удалился за кулисы.

Но онъ не только мѣшалъ своимъ присутствіемъ на сценѣ, а иногда и помогалъ поставленнымъ въ затрудненіе артистамъ: такъ, однажды, суфлеръ, передъ самымъ спектаклемъ, „заболѣлъ",—что̀ у него всегда служило символическимъ выраженіемъ для опредѣленія пьянаго состоянія. Оперетка была большая, сложная и вся труппа была занята; даже нарядили въ костюмы двухъ портнихъ и перемѣшали ихъ съ хористками для того, чтобы сцена была полнѣе.

Суфлировать было рѣшительно некому, и режиссеръ—опереточный комикъ — впопыхахъ прибѣжалъ въ первую кулису къ Запольскому. Тотъ стоялъ съ Денницыной и по обыкновенію оживленно болталъ съ нею, не спуская глазъ съ тѣхъ частей ея бюста, которыя не были достаточно прикрыты укороченнымъ сверху и снизу и со стороны рукавовъ опереточнымъ костюмомъ.

Режиссеръ сталъ передъ ними и развелъ руками.

— Какой ты никчёмный человѣкъ, Юлій!—сказалъ онъ Запольскому.—Труппа въ затрудненіи, а ты тутъ напѣваешь свои мотивы очаровательной Ольгѣ: „ахъ, Ольга я тебя люблю!"—пропѣлъ онъ на мотивъ изъ „Евгенія Онѣгина".—И что̀ за человѣкъ, право! То его придавитъ плотникъ, то онъ останется на сценѣ при поднятіи занавѣса, то въ люкъ провалится... А ты бы, вотъ, лучше въ будку суфлерскую спрятался—тамъ безопасно, тепло и не дуетъ, а между прочимъ открываются иногда такія перспективы для любителей изящнаго...

— Что ты врешь? Зачѣмъ въ будку? — спросилъ въ недоумѣніи Запольскій.

— А затѣмъ, мамочка, что суфлеръ „заболѣлъ". Ежели бы ты былъ настоящій врачъ, а не театральный, такъ ты бы его вылечилъ отъ дурной этой привычки наглатываться алкоголемъ передъ спектаклемъ. А какъ ты этого не способенъ сдѣлать, то и полѣзай въ будку,—суфлировать будешь.

Эта мысль чрезвычайно понравилась Запольскому. Режиссеръ думалъ, что онъ обидится или разсердится, но, къ его удовольствію и удивленію, врачъ охотно согласился.

— Не ходите,—сказала ему Денницына,—наглотаетесь тамъ пыли.

— А тебя, Ольга, оштрафую,—проговорилъ полусерьезно-полушутливо режиссеръ.—Человѣкъ, можно сказать, выручаетъ товарищей, а ты мѣшаешь. Кто жъ суфлировать будетъ? Сама же будешь врать.

— Ты только не наври, а за меня не безпокойся; я никогда не расхожусь съ оркестромъ, а ты всегда версты на двѣ позади или впереди.

— Ну-ну! Я—комикъ, а не примадонна. Можетъ быть, я это нарочно для комизма дѣлаю. Ну, нечего разсуждать, — полѣзайте-ка!

И Запольскій полѣзъ. Ему поставили двѣ лампы по бокамъ подставки, на которой лежала рукопись, и отъ этихъ лампъ было необыкновенно жарко; онъ влѣзъ въ будку прямо со сцены и стукнулъ себѣ затылокъ о край будки. Въ будкѣ было тѣсно, жарко и приходилось сидѣть, согнувъ спину, отчего у него заболѣли лопатки. А когда на сценѣ появился хоръ, то поднялась такая пыль отъ этихъ нѣсколькихъ десятковъ ногъ, что онъ сталъ чихать безсчетное число разъ, сбился и перепуталъ всѣ реплики и слова; его голосъ казался ему какимъ-то дикимъ, и онъ боялся, что его слышно въ залѣ; но Денницына, бывшая на сценѣ, топнула слегка ногой передъ самымъ его носомъ, отчего перевернулись листки рукописи, и, выбравъ паузу, шепнула ему:

— Громче!

Онъ никакъ не могъ найти настоящаго звука, и то кричалъ, то шепталъ, тщетно стараясь говорить такъ, какъ нужно. Сердце его билось учащеннымъ темпомъ, и въ общемъ это несвойственное его профессіи дѣло ему понравилось.

Изъ будки онъ видѣлъ красивыя ноги Денницыной, затянутыя въ шолковое трико свѣтло-сиреневаго цвѣта, и любовался ими, забывая о своей обязанности „подавать" ей начала разговоровъ и арій.

Но все прошло благополучно вслѣдствіе того, что оперетка была трудная и было сдѣлано множество репетицій, такъ что всѣ знали свои роли на зубокъ и даже онъ не въ состояніи былъ ихъ сбить.

Запольскій очень любилъ бывать на репетиціяхъ, когда театральный залъ погруженъ во тьму, а сцена освѣщена весьма слабо; онъ забирался въ темную директорскую ложу и просиживалъ въ ней часами, подпѣвая артистамъ подъ аккомпаниментъ оркестра; незанятыя актрисы заходили къ нему и болтали; онъ имъ говорилъ всякія глупости, рядъ анекдотовъ изъ театральной и медицинской жизни, смѣшилъ ихъ, тутъ же оскультировалъ и выслушивалъ въ случаѣ жалобы на нездоровье, но, не довольствуясь этимъ, всегда говорилъ, что заѣдетъ на другое утро на домъ.

И заѣзжалъ. Если актриса лежала въ кровати, то онъ садился на краешекъ кровати и тотчасъ же начиналъ говорить о театрѣ. Названія и содержанія оперетокъ онъ зналъ наизусть и говорилъ о нихъ актерскимъ жаргономъ; потомъ переходилъ къ закулиснымъ сплетнямъ и дрязгамъ, ругалъ вскользь антрепренера и режиссера, зная, что всегда этимъ доставитъ несказанное удовольствіе актрисѣ, въ особенности маленькой, и всю свою игривую, легкую рѣчь иллюстрировалъ по пути музыкальными и либретными цитатами.

Затѣмъ онъ вдругъ вспоминалъ о болѣзни своей паціентки и разсѣянно слушалъ ея жалобы, стараясь ихъ сократить, по возможности. Мимоходомъ щупалъ пульсъ, видимо даже не считая его и продолжая въ это время болтать, потомъ приказывалъ высунуть языкъ,—что̀ требовалъ всегда, даже если болѣзнь заключалась въ ушибѣ колѣна,—но и на языкъ взглядывалъ мелькомъ, не переставая болтать, и затѣмъ, окончивъ болтовню, уходилъ, забывъ дать совѣтъ или прописать рецептъ.

Повидимому, его интересовало рѣшительно все, что̀ касалось театра, и ничто, что̀ касалось медицины; онъ нисколько не обижался, когда въ серьезныхъ случаяхъ звали не его, а „настоящаго врача“, и, смѣясь, говорилъ актрисамъ, что, по его мнѣнію, хорошенькій мотивчикъ полезнѣе дрянной микстуры.

Очень онъ любилъ посѣщать артистокъ въ уборныхъ, если его туда пускали; а если не пускали, то съ терпѣніемъ ожидалъ у дверей или заглядывалъ въ щелочку. Такъ, однажды, онъ увидѣлъ у большого зеркала Денницыну, одѣтую въ трико и юбку, но безъ лифа, въ одномъ корсетѣ; ея полное, довольное лицо, подъ тонкимъ слоемъ гриммировочныхъ красокъ, казалось

еще красивѣе, чѣмъ всегда; она „додѣлывала“ карандашомъ стрѣлки у глазъ и таращила глаза, примѣряя выраженіе; ея волосы цвѣта „спѣлой ржи“ роскошными волнами падали на обнаженныя полныя и круглыя плечи и давали великолѣпную „симфонію свѣтлорозоваго съ золотомъ“, какъ мысленно выразился Запольскій, любуясь просвѣтами плечъ и спины сквозь густую сѣть волосъ. Этотъ вечеръ и былъ, кажется, рѣшающимъ моментомъ въ его амурной исторіи.

Онъ тихонько отворилъ дощатую дверь, вошелъ на цыпочкахъ и внезапно напечатлѣлъ поцѣлуй въ затылокъ Денницыной; она вскрикнула, но не такъ громко, чтобы быть услышанной; давняя привычка къ эфемернымъ уборнымъ сдѣлала ее осторожной. Она хотѣла въ первую минуту разсердиться; она и разсердилась, но не въ такой степени, чтобы онъ могъ это принять за окончательное желаніе разрыва; потомъ она улыбнулась и слегка ударила его по щекѣ.

— Кто вамъ позволилъ врываться ко мнѣ? — полу-строго, полу-шутливо спросила она.—Какъ называется такое поведеніе?

— Это называется политикой „открытыхъ дверей“,—пошутилъ Запольскій. — Я не виноватъ, что вы не запираетесь. Я хотѣлъ посмотрѣть въ щелку, но нечаянно навалился, и дверь отворилась. Остальное сдѣлалось помимо меня, само собой. И вы бы сочли меня за человѣка безъ вкуса или за разварного судака, еслибы я могъ устоять противъ такого соблазна.

— Я не виновата,—возразила она,—что у меня двери не запираются; крючокъ вѣчно отскакиваетъ, и этотъ балаганъ, который называется у васъ театромъ, совершенно не ремонтируется. А кто вамъ позволилъ засматривать въ щелку? Вы— врачъ, а не гимназистъ.

— Совершенно вѣрно. Только почему вы думаете, что любоваться хорошенькими женщинами составляетъ привилегію гимназистовъ? Что касается меня, то я обязанъ слѣдить за своими паціентами, даже помимо ихъ воли.

Такъ шелъ у нихъ легкій опереточный разговоръ, и съ этого вечера ухаживанье Запольскаго сдѣлалось болѣе активнымъ. Онъ сталъ посѣщать Денницыну на ея квартирѣ; писалъ для нея романсы съ посвященіемъ; ссорился изъ-за нея съ режиссеромъ, котораго поилъ и кормилъ въ ресторанѣ, когда хотѣлъ чего-нибудь существеннаго добиться для Денницыной, и даже подарилъ ему серебряный портсигаръ съ русской тройкой на верхней крышкѣ, который купилъ у мѣстнаго закладчика; затѣмъ уговорилъ редактора мѣстной газеты взять его рецензентомъ и

сталъ писать „статьи“ о спектакляхъ; редакторъ ничего не платилъ за эти отчеты, но, кромѣ того, пользовался въ случаяхъ нужды для себя и для своей семьи даровыми врачебными совѣтами Запольскаго, отъ которыхъ, впрочемъ, не видѣлъ никакой пользы.

Такъ текла жизнь Запольскаго въ этомъ маленькомъ губернскомъ городишкѣ. Идеаломъ его жизни сдѣлалось: возможно больше времени проводить въ театрѣ и возможно меньше—дома; какъ можно короче и скорѣе отдѣлываться отъ скучныхъ паціентовъ и еще короче и скорѣе—отъ полковыхъ служебныхъ обязанностей, и все остальное время—проводить въ пріятномъ обществѣ очаровательной Денницыной.

Иногда находили на него мгновенья раздумья, но именно только мгновенья. Чтò-жъ такое? Надо жить какъ живется, и веселиться—такъ веселиться. Жизнь коротка; быстро, какъ горный ручей, текутъ молодые годы; незамѣтно подкрадывается сѣдая и холодная старость; будетъ еще время въ серьезнымъ обязанностямъ жизни; и когда настанетъ это время, будетъ чѣмъ вспомнить молодость. А пока—Wein, Weib und Gesang! Это была его философія, принципъ, не хуже всякой другой философія и всякаго другого принципа—по его мнѣнію.

Поэтому онъ, нисколько не смущаясь, безъ малѣйшихъ угрызеній своей совѣсти, просиживалъ часами у Денницыной и говорилъ, говорилъ ей все, чтò ему приходило на умъ, въ то время, когда она, склонивъ свою златокудрую головку на его плечо, дѣлала видъ, что жадно и наивно внимала его словамъ любви. Онъ прерывалъ свою рѣчь, чтобы запечатлѣть поцѣлуй на ея полной, надушенной рукѣ, и обнималъ ее за талію.

— Но вѣдь ты женатъ?—сказала ему однажды Денницына.

Она въ первый разъ задала ему этотъ вопросъ, и онъ смутился.

— Ну да,—отвѣтилъ онъ. Чтò изъ этого?

— Отчего я ее никогда не видала? Ты скрываешь ее отъ меня? Она не бываетъ въ театрѣ? Ты ее не пускаешь?

Онъ попробовалъ уклониться отъ этого разговора.

— Ахъ, Боже мой! Сколько вопросовъ... Оставь, пожалуйста... Чтò за интересъ?

— Какіе вы всѣ мужчины—негодяи!—сказала она.

— Ну вотъ!

— Да, да, подлецы,—повторила она съ убѣжденіемъ.—Хорошенькая твоя жена?

Запольскій поморщился.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣлъ...

Денницына перебила его и расхохоталась:

— „Я тайно вдругъ возненавидѣлъ и практику, и женушку свою“?—докончила она.

— Нѣтъ, не то! Но я потерялъ критерій красоты. Нѣтъ! Лучше сказать, я нашелъ его. И по сравненію съ тобой, мнѣ всѣ женщины кажутся уродами.

— Merci. Но потомъ ты увлечешься Прудниковой, нашей второй пѣвичкой, и будешь въ ней находить критерій. Она—добрая?—вдругъ сдѣлала переходъ Денницына.

— Кто? Прудникова?

— Да нѣтъ же! Жена...

— Ахъ, опять...—Ему не хотѣлось говорить о женѣ, онъ чувствовалъ какую-то неловкость, остатокъ порядочности женатаго человѣка. Но видя, что Денницына, все равно, не оставитъ его въ покоѣ, такъ какъ ее, очевидно, одолѣвало жгучее любопытство, онъ рѣшился разомъ сказать ей все по этому поводу.—Видишь ли, Ольга, она очень хорошая женщина, очень добродѣтельная, и это—ея главный недостатокъ. Она не понимаетъ меня. У меня натура художественная, требующая смѣны впечатлѣній...

— Постой, постой! Значитъ, я одно изъ этихъ смѣнныхъ впечатлѣній? Вотъ и проговорились, милостивый государь.

— Да нѣтъ же!—поспѣшилъ онъ поправиться.—Я говорю о смѣнѣ впечатлѣній до тѣхъ поръ, пока настоящее, сильное впечатлѣніе не завладѣетъ окончательно... — Онъ слегка запутался.—Видишь что̀,—поспѣшилъ онъ вернуться къ вопросу о женѣ.—Она меня любитъ,—и это другой ея существенный недостатокъ. Мало̀ любить, нужно понимать человѣка. А этого нѣтъ!

— Зачѣмъ вы, мужчины, женитесь?—прервала она его изліянія.—Надо раньше взвѣсить всѣ радости и всѣ горести семейной жизни, а потомъ ужъ...

— Ну да, это хорошо говорить, но какъ это сдѣлать? Еслибы мы другъ друга хорошо узнали до свадьбы, то, конечно, не сдѣлали бы этой глупости. Вообще бракъ—величайшая глупость. И непоправимая...

— Отчего непоправимая? А разводъ?

— Ну, это—длинная и трудная канитель. И вообще, этотъ институтъ устарѣлъ; нужно было бы что-нибудь другое: бракъ на срокъ, или просто свободная любовь... лѣтъ до пятидесяти. Потомъ можно разрѣшать и браки. А то мы клянемся въ церкви

въ вѣчной любви. Во-первыхъ, самое это понятіе—абсурдъ, потому что вѣчнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ и менѣе всего вѣчно—чувство; а во-вторыхъ, это—клятвопреступленіе, и съ этой точки зрѣнія обязывать людей бракомъ—безнравственно. И потомъ, несходство характеровъ: я, напримѣръ, люблю музыку, пѣніе, красивыя формы, свѣжій майскій вечеръ, ароматъ цвѣтовъ и жгучую трель соловья, уединившагося въ кустѣ розы въ темный весенній вечеръ. Ты понимаешь меня? Ну, а она любитъ свою квартиру, сидѣнье вдвоемъ подъ абажуромъ лампы, скучные и длинные разговоры о прочитанной книгѣ и общество скучныхъ гостей, какихъ-нибудь врачей съ ихъ профессіональными интересами и профессіональными сплетнями. Бр... „Не можно впречь въ одну телѣгу коня и трепетную лань"... Вотъ и выходитъ: „чуть проглянетъ лучъ денницы—охай да вздыхай", какъ говоритъ Менелай. Ну, для меня зажглась яркая красивая денница,—Запольскій запечатлѣлъ поцѣлуй на рукѣ актрисы,—но я вовсе не хочу по этому случаю охать и вздыхать. Бери дары жизни, какими они являются тебѣ. Никогда не оглядывайся на прошлое, потому что тебѣ сдѣлается тошно. И никогда не смотри на будущее, потому что тебѣ сдѣлается жутко. Смотри на настоящее. Прелесть мгновенья — да вѣдь это самый радостный моментъ жизни. Иногда моментъ замѣняетъ собой вѣчность. „Я помню чудное мгновенье!" — запѣлъ онъ и восторженно взглянулъ на Денницыну.—Уфъ! Ты меня утомила, радость моя. Но мнѣ легко! Мнѣ пріятно! Ты очень интересная собесѣдница!

Денницына расхохоталась.

— Да вѣдь я почти все время молчала!—сказала она.

— Развѣ? Ну, это все равно, — возразилъ Запольскій.—Я называю интереснымъ собесѣдникомъ того, кто возбуждаетъ желаніе говорить. А ты во мнѣ именно возбуждаешь это желаніе. Пеняй на себя. Слушай же! Жизнь моя текла уныло и тоскливо въ этомъ захолустьи, среди легкихъ будничныхъ дрязгъ, среди городскихъ сплетенъ, среди конкурренцій съ почтенными коллегами и погони за грошевыми гонорарами. Скучно было! Лечишь да лечишь всякихъ солдатъ, купчихъ, чиновниковъ; и все одно и то же; у одного печень, у дрогого нервы, у третьяго почки и у всѣхъ нытье. Одному пропишешь одно, другому—другое, третьему—третье. Одни выздоравливаютъ—лишаешься практики; другіе умираютъ отъ твоего леченія—тогда тебя ругаютъ, и опять ты лишаешься практики. Придешь домой усталый, измученный, а тутъ только и разговору, что о больныхъ да о коллегахъ. Придутъ коллеги—и опять тѣ же разговоры: одинъ коллега не-

доволенъ паціентами, которые мало платятъ; другой недоволенъ начальствомъ, которое много бранится. И всѣ устали, и всѣ клянутъ жизнь, и всѣ ругаютъ вотъ этотъ нашъ городишко. Скучно! А кто имъ мѣшаетъ развлекаться? Выйти изъ этого заколдованнаго круга больницъ, лечебницъ, паціентовъ? Вотъ я танцую въ клубѣ, посѣщаю театръ и музыкальные вечера, играю въ карты, словомъ, показываю достопочтеннымъ коллегамъ, что есть еще въ жизни рессурсы противъ микроба скуки... такъ, видишь ли, они же на меня косятся. Какой же врачъ, который танцуетъ мазурку, да еще въ эполетахъ? Они предпочитаютъ скучать. Развѣ я имъ мѣшаю? Но оставьте же меня въ покоѣ!— патетически воскликнулъ Запольскій, какъ бы обращаясь къ цѣлой невидимой аудиторіи.—Я лечу, потому что нужны средства къ жизни! Я служу, потому что надо непремѣнно числиться въ какомъ-нибудь вѣдомствѣ для полученія чиновъ и орденовъ.

— Почему надо?—незамѣтно зѣвнувъ, спросила Денницына, которой надоѣлъ этотъ длинный и мало ее интересовавшій монологъ.

— Какъ почему? Потому что въ Россіи принято быть генераломъ. Это глупо, но разъ это принято...

— И ты будешь генераломъ?—засмѣялась она, но смѣхъ опять перешелъ у нея въ судорожную зѣвоту.

— Непремѣнно. Надѣюсь.

И онъ продолжалъ говорить, а она продолжала зѣвать, потому что всегда скучала, когда говорилось не о ней и не о театральныхъ дѣлахъ. Все внѣ театра ей казалось скучнымъ и неинтереснымъ. Напротивъ, ему все внѣ его профессіи казалось яркимъ, заманчивымъ и колоритнымъ.

Но оба думали, что они очень интересны другъ для друга, несмотря на то, что Денницына стала все чаще и чаще позѣвывать въ его присутствіи, а Запольскій сталъ замѣчать, что, въ сущности, онъ увлекается своими рѣчами и, какъ соловей, закрывши глаза, опьяняется своими пѣснями.

Но анализъ еще не коснулся сознательно его увлеченія, и онъ продолжалъ говорить:

— Вѣрь мнѣ, Ольга, нужно пользоваться жизнью и молодостью. Это можетъ показаться банальнымъ, такъ какъ это часто говорятъ, и многіе это говорятъ. Но, увѣряю тебя, немногіе умѣютъ поступать по этому совѣту. Жизнь должна быть свободной. Люди выдумали какія-то нормы, какъ бракъ; какія-то клѣтки, какъ профессія. Ничего этого нѣтъ въ природѣ. Надо брать образцы изъ природы. Развѣ звѣри женятся? Но они любятъ.

Денницына опять засмѣялась.

— Но люди—не звѣри?—сказала она.

— Конечно звѣри, только одаренные не инстинктомъ, а разумомъ; а кто въ сущности знаетъ, что̀ инстинктъ и что̀ разумъ, и такъ ли они далеки другъ отъ друга, какъ намъ кажется. Милая! Надо жить и пользоваться жизнью во всемъ ея объемѣ и на всемъ ея протяженіи. Въ этомъ — законъ и пророки. Я люблю тебя—и пусть я тебя люблю. Тебѣ не должно быть дѣла, женатъ я или нѣтъ, какъ мнѣ не должно быть дѣла до того, любишь ли ты меня перваго; если любишь,—улыбнулся онъ,—или я у тебя *энное* увлеченіе. Вотъ у меня товарищъ Серединскій, Ермолай Евграфовичъ, а у него жена—Екатерина Ивановна. Онъ старъ, ему, можетъ быть, за пятьдесятъ; она молода, ей тридцать. Она блондинка, съ большимъ ртомъ, но хорошенькая и шепелявитъ, что̀ очень идетъ къ ней; у нихъ ребенокъ. Серединскій сѣдъ и хмуръ и достаточно некрасивъ. Онъ влюбленъ въ медицину, а она—въ офицера. Что̀ между ними общаго? Казалось бы—возьми и разбѣгись въ разныя стороны...

Денницына какъ будто заинтересовалась разсказомъ.

— Ну, а они?

— А они страдаютъ. Страдаетъ Ермолай, страдаетъ она, страдаетъ офицеръ Вихоревъ. Зачѣмъ? Для чего? Когда можно разбѣжаться? Разъ цементъ—любовь—выкрошился, кирпичи брака разлетаются, и нѣтъ надобности искусственно сдерживать ихъ, когда уже нѣтъ между ними связи.

— А дѣти?—спросила Денницына.

Запольскій отъ неожиданнаго вопроса заморгалъ глазами и уронилъ pince-nez. Онъ его тотчасъ же поймалъ и водрузилъ на носъ.

— Ахъ, да, дѣти!—нѣсколько растерянно проговорилъ онъ.— У меня нѣтъ дѣтей, и потому я о нихъ не вспомнилъ.—И онъ тотчасъ же нашелся.—Ну дѣти! Это очень просто для Серединскихъ, потому что у нихъ одинъ. Пусть бросятъ жребій—и квитъ. Еслибы было двое—еще проще: осталось бы подѣлиться— и только.

— Какъ яблоками?

Онъ засмѣялся и замолчалъ.

Она протяжно, сладко и, на этотъ разъ, откровенно зѣвнула. Запольскій понялъ, что утомилъ ее и что она соскучилась, и такъ какъ было уже поздно, то онъ, наговоривъ ей на прощанье обычныхъ комплиментовъ, удалился.

V.

Серединскій сидѣлъ дома въ своемъ большомъ, но мало уютномъ кабинетѣ, составляя полковыя вѣдомости и требованія со спискомъ лекарствъ для полкового лазарета, когда къ нему вошелъ Овиновъ.

Серединскій нехотя оторвался отъ бумагъ и, прищуривъ глаза, вглядѣлся въ вошедшаго; онъ терпѣть не могъ, когда его отрывали отъ его любимаго дѣла, и не особенно жаловалъ частныхъ паціентовъ. Поэтому заработокъ его былъ чрезвычайно малъ и онъ довольствовался однимъ жалованьемъ.

— Ага, да!—наконецъ проговорилъ онъ.—Здравствуйте, Семенъ Егорычъ; опять пожаловали? Садитесь.

Онъ не всталъ, а сидя протянулъ гостю руку и указалъ на кресло.

Овиновъ сѣлъ.

— Да, пожаловалъ,—сказалъ онъ,—и къ вамъ къ первому.

Серединскій попытался улыбнуться, но улыбка не шла къ его строгому и серьезному лицу.

— Значитъ, кромѣ меня будетъ обходъ и другихъ коллегъ? —спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—горячо запротестовавъ, отвѣтилъ Овиновъ и сталъ защищаться:—что за вздоръ! Это такъ только говорятъ мои недоброжелатели.

Овиновъ былъ очень богатый помѣщикъ. Онъ жилъ безвыѣздно большую часть года въ своемъ имѣніи, верстахъ въ шестидесяти отъ города, и занимался хозяйствомъ. Былъ онъ совершенно одинокъ, доходъ съ имѣнія получалъ солидный, а жилъ чрезвычайно скромно и наращалъ свой и безъ того большой капиталъ. Много ѣлъ и еще больше спалъ въ долгіе зимніе мѣсяцы, когда не было ни полевыхъ, ни иныхъ работъ въ имѣніи. Пользовался завиднымъ здоровьемъ, о которомъ самъ былъ, впрочемъ, невысокаго мнѣнія, и, обладая мнительностью, вѣчно трепеталъ за него и заботился о немъ. Разъ въ годъ, къ концу зимы, неизбѣжно появлялся въ городѣ и дѣлалъ обходъ врачей, съ каждымъ тщательно совѣтуясь о своемъ здоровьи. Врачи давно уже другъ другу сообщили объ этой маніи Овинова.

— Гм... — сказалъ Серединскій:—на что же вы нынѣ жалуетесь?

Овиновъ подумалъ съ минуту, принявъ чрезвычайно серьезный и озабоченный видъ.

— Вотъ, я пришелъ къ вамъ, Ермолай Евграфовичъ, потому что считаю васъ самымъ серьезнымъ врачомъ въ городѣ. Будьте добры, осмотрите меня тщательно.

— Да... Но на чтò вы жалуетесь?

„Нѣтъ, братъ, не скажу! — подумалъ Овиновъ.—Если ты хорошій врачъ—самъ найдешь“.

— Да ни на что особенное...

— Такъ! А на неособенное?

„Нѣтъ, братъ, врешь, не скажу“,—опять подумалъ паціентъ.

— Да ни на что...

„Паціентъ изъ улавливающихъ врачей,—подумалъ въ свою очередь Серединскій,—и провѣряющій ихъ другъ другомъ“.

— Ладно. Но вѣдь человѣкъ, который ни на что не жалуется—здоровъ. Гм... да!.. Здоровъ.

— Это, по моему, неправильно. Могутъ быть скрытыя болѣзни, Ермолай Евграфовичъ. Наконецъ, можетъ быть, что болѣзнь готовится. Нужно предупредить ее вò-время.

— А если скрытая, такъ пусть она обнаружится,—тогда и лечить ее будемъ. А какъ предупредить болѣзнь, которой еще нѣтъ въ организмѣ, гм? Этого мы не знаемъ. Ну, хорошо, давайте постукаемъ и послушаемъ, если вамъ это доставляетъ удовольствіе. Да! гм... у всякаго своя манера веселиться...

Серединскій сталъ слушать ему грудь и спину; слушалъ въ трубку, стучалъ молоточкомъ; попробовалъ колѣнные рефлексы, помялъ тщательно животъ, пощупалъ печень, почки. Дѣлалъ онъ это съ сосредоточеннымъ, серьезнымъ видомъ, какъ все, чтò онъ дѣлалъ, и при каждомъ стукѣ прибавлялъ: — Гм... да, — чѣмъ чрезвычайно пугалъ паціента. Потомъ спросилъ объ анализахъ, которые у Овинова всегда были при себѣ, и притомъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ отъ разныхъ аптекъ и лабораторій, потому что онъ и аптеки съ лабораторіями такъ же провѣрялъ, какъ и врачей.

Наконецъ Серединскій усѣлся, окончивъ осмотръ и чтеніе анализовъ, пристально взглянулъ на Овинова и сказалъ:

— Гм... чтò же вы хотите? У васъ все въ порядкѣ и вы здоровы, какъ только можетъ быть здоровъ хорошій русскій помѣщикъ.

Овиновъ недовѣрчивымъ и недовольнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на врача.

— А отчего же я такъ много сплю?—спросилъ онъ и подумалъ:—„А чтò? Вотъ теперь я скажу тебѣ, на что я жалуюсь, и поймаю тебя“.

— Гм... спите много? Не знаю... Отъ скуки, вѣрно, или отъ спокойной жизни. А какъ много?

— Часовъ восемь ночью, да часа полтора послѣ обѣда.

— Спите лучше до обѣда, а послѣ обѣда гуляйте.

— А отчего же я много ѣмъ?

— Да, вѣроятно, отъ хорошаго аппетита. Ѣшьте себѣ на здоровье...

— Но я очень много ѣмъ,—обидчиво возразилъ помѣщикъ.

— Ну, такъ ѣшьте умѣреннѣе. Да... умѣренность никогда ни въ чемъ не вредитъ...

— Больше вы мнѣ никакихъ совѣтовъ не дадите?

— А нѣтъ же, никакихъ.

— И не пропишете ничего?

Серединскій развелъ руками.

— Ничего. Гм... нѣчего прописывать.

Овиновъ остался очень недоволенъ. У него было приготовлено въ правомъ карманѣ три рубля, а въ лѣвомъ—два. Изъ праваго кармана онъ давалъ только тогда, когда врачъ находилъ у него какую бы то ни было болѣзнь и прописывалъ какой бы то ни было рецептъ, а изъ лѣваго—когда результатъ визита его не удовлетворялъ.

Онъ полѣзъ въ лѣвый карманъ и, прощаясь съ врачомъ, далъ ему два рубля.

И немедленно поѣхалъ къ Инославскому, хотя отлично зналъ, что, объѣхавъ наиболѣе видныхъ врачей губернскаго города, онъ, все-таки, поѣдетъ еще въ сосѣдній университетскій городъ и объѣдетъ въ немъ наиболѣе видныхъ профессоровъ и доцентовъ. А затѣмъ, исполнивъ этотъ ежегодный долгъ передъ самимъ собою, отправится домой и займется съ новой интенсивностью хозяйствомъ.

У Инославскаго сидѣлъ уже въ кабинетѣ паціентъ, а другой—въ пріемной. Квартира у Инославскаго была большая; въ пріемной стояла старая мебель краснаго дерева, обитая вылинявшимъ красно-вишневымъ бархатомъ, вытертымъ по краямъ. Столъ съ лампой и растрепанными книгами качался и покрытъ былъ вязаной скатертью; длинный, хвостатый рояль стоялъ подъ клеенчатымъ чехломъ, выкрошившимся на сгибахъ. И скатерти, и бумажные цвѣты на стеклянномъ абажурѣ лампы, и плато изъ кожи подъ лампой, и всякіе антимакассары, вязаные кружочки и подставочки изъ выпиленнаго орѣховаго дерева—все это было домашняго, кустарнаго производства и являлось работой его Симочки и многочисленныхъ дѣвочекъ.

Въ квартирѣ было шумно; черезъ пріемную пробѣгала то нянька, то горничная, то деньщикъ; издали до паціентовъ доносился то визгъ, то хохотъ, то плачъ дѣтей и уговаривающій голосъ матери и прислугъ. И въ воздухѣ квартиры стоялъ какой-то густой, насыщенный жилой запахъ, какъ всегда пахнетъ въ квартирахъ, гдѣ много старой мебели и дѣтей.

Овиновъ сидѣлъ, перелистывая какой-то старый журналъ съ картинками, въ сильно растрепанномъ переплетѣ краснаго цвѣта съ позолотой. На переплетѣ были слѣды пролитыхъ жидкостей, а на картинкахъ—слѣды дѣтскихъ упражненій въ рисованьи. У хорошенькой женской головки были придѣланы усы, а рядомъ, на текстѣ, стоялъ кривобокій домикъ, на которомъ была выведена труба со штопоромъ. Штопоръ изображалъ, конечно, дымъ. Обиліе дѣтей сказывалось рѣшительно во всемъ: въ перевернутомъ, но не поставленномъ обратно стулѣ; въ забытомъ на полу мячикѣ; въ валявшейся въ углу куклѣ съ разодраннымъ туловищемъ; въ сбитомъ на углу пріемной коврѣ, о, который всякій входившій неизбѣжно спотыкался.

Овинову вдругъ сдѣлалось скучно ждать.

— Вы тоже лечитесь у Инославскаго?—спросилъ онъ, наконецъ, у паціента, который, ничуть не стѣсняясь, курилъ папиросу за папиросой.

Тотъ предупредительно отвѣтилъ:

— Я васъ не задержу,—сказалъ онъ, не отвѣчая прямо на вопросъ. — Я только пришелъ попросить его ко мнѣ заѣхать. Самому надо повидаться, потому что...—онъ нагнулся къ уху Овинова, хотя въ комнатѣ никого больше не было, и понизилъ голосъ: — потому что, видите ли, у насъ есть постоянный домашній врачъ, а мы ему какъ-то перестали вѣрить. Такъ, вотъ, жена просила позвать Инославскаго, но непремѣнно въ такой день и часъ, чтобы онъ не встрѣтился съ нашимъ. Вотъ и нужно лично столковаться.

— Это, значитъ, за спиной врача лечитесь?—подмигнувъ лѣвымъ глазомъ, проговорилъ Овиновъ.

Собесѣдникъ его развелъ руками.

— А что же дѣлать?! Отказать прежнему, знаете, неловко. А съ другой стороны, домашній врачъ очень ужъ привыкаетъ къ паціенту и теряетъ остроту діагноза.

— Существуетъ другой взглядъ: домашній врачъ хорошо знаетъ организмъ паціента и его образъ жизни, привычки и прочее. Это важно. Вотъ у меня никто изъ нихъ не можетъ угадать болѣзни, потому что видятъ меня рѣдко и не успѣваютъ

ознакомиться съ организмомъ. А это важно. Вотъ я много ѣмъ и сплю, и никто не скажетъ мнѣ, отчего?

Онъ въ недоумѣніи растопырилъ пальцы.

Собесѣдникъ покачалъ съ сочувствіемъ головой и, весь занятый своей мыслью, продолжалъ:

— Да, конечно... но у присмотрѣвшагося врача нѣтъ свѣжести... остроты догадки.

— А кто вашъ постоянный врачъ, если не секретъ?

— Запольскій...—И какъ бы оправдываясь, быстро прибавилъ:—человѣкъ ужъ очень симпатичный и не старый. У него было то, чего не было у другихъ: находчивость, острота... Однако, въ послѣднее время онъ сталъ разсѣянъ, торопливъ... его репутація у насъ упала. Вы пріѣзжій?

— Да...

— Ну, такъ вы не знаете.—И опять, наклонившись къ уху Овинова, онъ шопотомъ сказалъ:—Тутъ актриса эта... Денницына его сбила съ толку. Жаль, хорошій врачъ былъ. Не слыхали?

— Про что?

— Про Денницыну. Опереточная. Запутался Запольскій. Жаль. Мы не отказываемъ ему, у меня достаточно средствъ,— пусть продолжаетъ лечить. Но приходится долечиваться у другого.

— Такъ что, вы думаете, мнѣ къ нему не обращаться?

Тотъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Зачѣмъ же вамъ обращаться къ нему, если вы пришли къ Ѳаддею Ѳаддеевичу?

— Я ихъ провѣряю, знаете, одного другимъ. А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?

Собесѣдникъ его привсталъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ Швецовъ,—сказалъ онъ,—домовладѣлецъ нѣсколькихъ доходныхъ домовъ.

— Очень пріятно,—отвѣтилъ Овиновъ и тоже назвалъ себя.

— Слыхалъ, какъ-же-съ! Удивляюсь, что не знакомы до сихъ поръ были.

— Я рѣдко бываю въ городѣ. Такъ, вы говорите, къ Запольскому не стоитъ? Позвольте, я его вычеркну изъ списка.

Овиновъ досталъ списокъ и карандашъ и вычеркнулъ Запольскаго.

Швецовъ заглянулъ однимъ глазомъ въ списокъ.

„Ого, сколько!“ — съ явнымъ удивленіемъ подумалъ онъ, и сталъ разсуждать: не принять ли и ему эту систему повѣрки докторовъ. Но вскорѣ онъ ее отринулъ: убыточно и, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ сумбуру.

— А, кстати, позвольте ужъ воспользоваться пріятнымъ знакомствомъ и извлечь пользу,—проговорилъ Овиновъ.—У меня записаны Царинскій, Обрядовъ и Виссаріоновъ. Стоитъ ли къ нимъ ѣхать?

— Царинскаго вычеркните. Старъ, ехиденъ, слащавъ и превратился въ зубного врача. Если насчетъ зубовъ, такъ пожалуй: все-таки—докторъ медицины. А такъ—не стоитъ. И Обрядова вычеркните: этотъ больше по лекціямъ; звенитъ шпорами, краситъ усы и играетъ въ винтъ. Да никто у насъ и не лечится у него. Я думаю, онъ и самъ удивился бы, еслибы къ нему пришелъ паціентъ. Онъ отсталъ отъ этого. Къ Виссаріонову?—Швецовъ подумалъ и послѣ паузы сказалъ:—а пожалуй! Этотъ больше санитаръ, чѣмъ врачъ. Но... пожалуй. Да, да, даже непремѣнно подите къ нему, и я вамъ дамъ карточку.

Онъ быстро досталъ карточку и написалъ на ней нѣсколько словъ. Къ счастью, онъ во-время спохватился рекомендовать Вассаріонова, потому что Виссаріоновъ былъ городскимъ санитарнымъ врачомъ и имѣлъ близкое отношеніе къ его домамъ, содержимымъ не особенно санитарно. Швецовъ зналъ, что Виссаріоновъ дѣлаетъ частые набѣги на базары, рынки и лавки, отчего, впрочемъ, базары и рынки не становились чище, а продукты въ лавкахъ—лучше. Но зато благосостояніе Виссаріонова отъ этихъ набѣговъ улучшается и притомъ весьма значительно. И еще недавно Виссаріоновъ придрался къ его выгребнымъ ямамъ и грозилъ протоколомъ; хорошо, что онъ во-время послалъ ему двухъ хорошихъ паціентовъ—а вотъ и третій!—да еще шесть бутылокъ стараго превосходнаго коньяку, по поводу десятилѣтняго „юбилея" Виссаріонова въ качествѣ городского врача. И юбилей-то случился кстати, а то, пожалуй, коньякъ былъ бы не у мѣста. Съ тѣхъ поръ, однако, Виссаріоновъ какъ будто совершенно забылъ адреса его домовъ и ни разу не дѣлалъ набѣговъ.

Швецовъ передалъ Овинову карточку.

— Непремѣнно пойдите,—съ настойчивостью повторилъ онъ,—непремѣнно. У него, знаете ли, нюхъ есть... фантазія, этакая проникновенность.

Онъ помахалъ пальцами передъ носомъ.

— Да, да, нюхъ,—еще разъ повторилъ онъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Овиновъ и бережно уложилъ карточку въ бумажникъ.—Побываю. И даже сегодня же.

— Онъ какъ разъ дома вечеромъ отъ пяти часовъ.

Овиновъ кивнулъ головой и вычеркнулъ изъ списка Царинскаго и Обрядова.

— А по нервнымъ болѣзнямъ?—вдругъ вспомнивъ, спросилъ онъ.—Мнѣ говорили о Кабѣевѣ. Хорошъ?

Швецовъ опять задумался, и не успѣлъ отвѣтить, потому что Инославскій отворилъ дверь кабинета, загородилъ все ея отверстіе своей грузной, тяжелой фигурой и сказалъ:

— Пожалуйте. А!—увидѣвъ Овинова, крикнулъ онъ.—Вотъ и вы. Хорошо. Подождите. Здравствуйте.

И вмѣстѣ со Швецовымъ онъ исчезъ за дверью.

Овиновъ сейчасъ же вынулъ бумажникъ. Въ одномъ отдѣленіи у него лежали трехрублевки, въ другомъ—рублевки, заранѣе приготовленныя. Онъ досталъ одну трехрублевку и положилъ ее въ правый карманъ. Двѣ рублевки—въ лѣвый. Но вдругъ взоръ его упалъ на прожженную вязаную скатерть, потомъ перешелъ на остальные предметы убогой обстановки, и онъ рѣшилъ спрятать трехрублевку въ бумажникъ и заготовить въ правомъ карманѣ два рубля, а въ лѣвомъ—одинъ.

„И безъ того дорого стоитъ,—оправдалъ онъ себя,—вонъ еще къ сколькимъ нужно ѣхать“.

Вскорѣ открылась завѣтная дверь.

— Вотъ... Пожалуйте.

Они вошли въ кабинетъ. И кабинетъ, какъ пріемная, имѣлъ тоже запущенный видъ.

— Ну что?—началъ Инославскій нанизывать съ трудомъ слова.—Больны? Ну, посмотримъ... Главное—почки. Вотъ! Если у человѣка почки здоровы, остальное,—полгоря. Ну-те-ка, взглянемъ. Эге-ге!—щупая ему бока, проговорилъ онъ.—Вотъ оно что!..

— Что?—съ испугомъ спросилъ Овиновъ.—Развѣ есть что?

— А какъ же не быть?! Найдите мнѣ человѣка съ здоровыми почками въ наше время! Вотъ, вотъ... Какъ можно меньше алкоголя...

— Да я вовсе не пью.

— И не нужно. Не пейте. И близко не подходите.

— Ой!—вскрикнулъ Овиновъ.

— Что?

— Больно...

— Ну, вотъ! Видите, какая болѣзненность? Обратить вниманіе слѣдуетъ.

Овиновъ съ испугомъ смотрѣлъ на него. Инославскій такъ чамялъ ему бока своими крупными, короткими и толстыми пальцами, что онъ чувствовалъ дѣйствительную боль.

— Надо попить литій, вотъ... Я вамъ напишу.

— А что... это опасно?—спросилъ Овиновъ.

— Чтò—литій? Ничуть.

— Нѣтъ, болѣзнь?

— Всякая болѣзнь опасна. Кашель превращается въ воспаленіе, прыщъ—въ нагноеніе, ревматизмъ—въ порокъ сердца, недостатокъ функцій почекъ—въ діатэзъ. Главное—ухватить вò-время и не запускать... вотъ!

Инославскій подошелъ къ столу и написалъ рецептъ; писалъ онъ долго, и подъ его тяжелой рукой сломалось перо.

Овиновъ ожидалъ, что Инославскій обратитъ вниманіе и на другіе органы, но этого не случилось; врачъ твердилъ все свое: почки да почки, и больше знать не хотѣлъ ничего. Овиновъ пожаловался ему еще на сонъ и аппетитъ, но это не произвело никакого впечатлѣнія на Инославскаго, и Овиновъ считалъ себя обиженнымъ.

Онъ заплатилъ за визитъ изъ лѣваго кармана и отправился въ дальнѣйшее паломничество.

Виссаріоновъ былъ нѣсколько удивленъ и даже какъ будто озадаченъ, когда къ нему явился съ карточкой Швецова Овиновъ.

Онъ выхватилъ карточку изъ рукъ горничной, прочиталъ и ворчливымъ голосомъ пробормоталъ:

— Дуракъ Швецовъ! Лучше бы что-нибудь посущественнѣе прислалъ, чѣмъ паціента!

Но, дѣлать нечего, онъ принялъ Овинова.

Осматривалъ онъ его неумѣло; выстукивалъ и выслушивалъ поверхностно.

По окончаніи осмотра, онъ сказалъ паціенту:

— Да, такъ что же? Я ничего не нахожу.

Злорадное чувство овладѣло Овиновымъ.

— А мнѣ какъ-то давно говорили, что у меня почки не въ порядкѣ.

— Почки? Позвольте-ка... да, дѣйствительно, немножко есть. Чтò вы принимали?

— Литій.

— Литій... Прелестно! Продолжайте. Я ничего не имѣю противъ литія.

— И еще совѣтовали діэту.

— Какую діэту?

— Меньше ѣсть и пить.

— А вы какъ думаете? Помогаетъ это?

— Я думаю, что да.

— Прелестно! И я такъ думаю. Умѣренность—лучшее лекарство. Такъ сказать, естественный методъ леченія. Воздухъ,

прогулка и пища—это лучше всякой аптечной кухни. Продолжайте ѣсть и пить, то-есть, я хотѣлъ сказать, умѣренно ѣсть и пить.

— Я хотѣлъ бы еще обратить ваше вниманіе на чрезвычайную воспріимчивость моего организма къ простуднымъ заболѣваніямъ. Чуть легкая простуда—сейчасъ же температура поднимается чуть не до сорока градусовъ.

— Да?.. Что-жъ, это естественно... Вы что̀ тогда дѣлаете?

Овиновъ замялся.

— Да, видите ли,—робко проговорилъ онъ.—У насъ есть помѣщица, большая поклонница гомеопатіи... конечно, это вздоръ, и я не вѣрю... но такъ какъ хины я не могу принимать—у меня распухаютъ губы, то она посовѣтовала мнѣ бріонію.

— Да, такъ что же?—равнодушно спросилъ Виссаріоновъ.—Помогаетъ?

— Раза два помогло дѣйствительно... какъ это ни странно.

— Прелестно! Продолжайте бріонію... я ничего противъ нея не имѣю. Рѣшительно ничего.

Овинову это не понравилось. Что̀ это, въ самомъ дѣлѣ! Во-первыхъ, выспрашиваетъ о томъ, что̀ другіе прописали, а во-вторыхъ, со всѣмъ рѣшительно соглашается. Шутъ какой-то гороховый, а не врачъ! Да и этотъ Швецовъ, должно быть, мерзавецъ порядочный, и просто подшутилъ надъ нимъ...

— Перваго аллопата вижу, который рекомендуетъ гомеопатическое средство,—сказалъ онъ, съ насмѣшкой глядя на врача.

— А что-жъ! Если помогаетъ... Главное, чтобы помогало. Я безъ предразсудковъ.

Овиновъ протянулъ ему руку.

Виссаріоновъ ловко вытянулъ изъ его руки бумажку и опустилъ глаза. Желтый цвѣтъ, мелькнувшій ему, сильно разочаровалъ его. Но онъ опустилъ бумажку въ карманъ брюкъ и даже не проводилъ Овинова до дверей кабинета.

„Вотъ дуракъ этотъ Швецовъ!—подумалъ Виссаріоновъ съ озлобленіемъ.—Рекомендовать такого толстаго, здороваго паціента! Да еще съ рублемъ. Времени у меня взялъ пропасть, а заплатилъ рубль! Вотъ я ужо̀ нагряну къ Швецову со своими санитарами на задній дворъ“.

Овиновъ отправился къ Кабѣеву, заѣхавъ предварительно въ клубъ пообѣдать.

Уже темнѣло, когда онъ подъѣзжалъ къ угрюмому дому психіатра.

Въ передней врача было неосвѣщено, какъ и въ слѣдующей комнатѣ, и вообще отъ всего дома вѣяло какой-то вымороченностью.

Овинова встрѣтила жена Кабѣева. У нея былъ странный, испуганный видъ, что-то растерянное въ движеніяхъ и во взглядѣ.

— Вамъ кого?—спросила она, и голосъ ея дрожалъ.

— Мнѣ доктора. Мнѣ говорили, что его можно видѣть по вечерамъ.

— Да, онъ днемъ въ больницѣ. Вамъ—по дѣлу?

— Я—паціентъ. Хотѣлъ бы посовѣтоваться.

Ея глаза сдѣлались еще больше, и она съ недовѣріемъ взглянула на Овинова, какъ будто удивилась такой странной идеѣ, пришедшей въ голову нормальному человѣку.

— Войдите, пожалуйста. Я сейчасъ зажгу лампу и скажу мужу. Сейчасъ я пришлю горничную... помочь вамъ.

Овинова нѣсколько удивилъ такой странный пріемъ. Онъ уже былъ утомленъ и измученъ за цѣлый день; но такъ какъ отличался упрямствомъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, то не хотѣлъ отступать и, раздѣвшись, еще до прибытія горничной, вошелъ въ гостиную.

Комната была тускло освѣщена керосиновой лампой.

Крадущимися, неслышными шагами вошелъ въ гостиную Кабѣевъ, и когда очутился передъ Овиновымъ, то испугалъ его неожиданнымъ появленіемъ.

Овиновъ почувствовалъ на себѣ упорный взоръ врача; въ этомъ взорѣ чувствовалась насмѣшка, недоброжелательность. Овиновъ пристальнѣе всмотрѣлся въ Кабѣева. Врачъ имѣлъ больной, удрученный видъ. Они поздоровались.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ у Овинова Кабѣевъ.

— Я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами относительно своего здоровья,—сказалъ Овиновъ.

Улыбка Кабѣева сдѣлалась еще болѣе насмѣшливой.

— Вы такъ дорожите вашимъ здоровьемъ?—спросилъ онъ.

Овиновъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я думаю, каждый человѣкъ дорожитъ здоровьемъ,—недовольнымъ тономъ отвѣтилъ онъ,—и такой вопросъ страненъ въ устахъ врача...

— Не въ томъ дѣло,—перебилъ его Кабѣевъ,—страненъ онъ или нѣтъ,—но здоровые любятъ лечиться отъ болѣзней, которыхъ у нихъ нѣтъ, а больные не любятъ. Если человѣкъ здоровъ—ему не отъ чего лечиться; а если бо... боленъ, то ему надо не лечиться, а умирать, чтобы освободить мѣсто здоровому.

Кабѣевъ говорилъ какъ-то тяжело, точно онъ обдумывалъ прежде, что̀ онъ скажетъ, а потомъ уже говорилъ; и слова выходили у него не съ прежней свободой, а съ какими-то запи-

ками, словно языкъ встрѣчалъ на своемъ пути задержку, которую ему надо было сначала преодолѣть.

Овиновъ былъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи.

— Я хотѣлъ посовѣтоваться относительно нервовъ... вы спеціалистъ,—съ какой-то растерянностью заявилъ онъ.

— На что вы жа... жалуетесь?—спросилъ Кабѣевъ.

Овиновъ представилъ ему какія-то туманныя объясненія. Кабѣевъ осмотрѣлъ его съ небрежно-грубоватыми движеніями.

— Ничего у васъ нѣтъ,—наконецъ проговорилъ онъ,—кромѣ одной болѣзни...

— Ага... значитъ, что-то есть?—съ тревогой въ голосѣ сказалъ Овиновъ.

— Непремѣнно есть: возмутительная жажда жизни. Но отъ этого нѣтъ у меня для васъ лекарства. Оно есть, но не для всякаго пригодно. Это—философскій взглядъ на жизнь.

— Но позвольте,—ничего не понявъ, началъ-было Овиновъ. Однако Кабѣевъ не далъ ему кончить и, совершенно не слушая его, продолжалъ, уставившись своими темными очками въ свѣтъ лампы:

— Міръ полонъ здоровыми и больными людьми... Больные люди безполезны для жизни: имъ надо какъ можно скорѣе умирать, чтобы очистить мѣсто здоровымъ—это моя теорія, съ которой большинство несогласно: не доросли... Позвольте! Я не кончилъ. Но и большинство здоровыхъ безполезно для жизни, потому что разводитъ вокругъ себя плѣсень; живутъ неизвѣстно для чего. У меня была тетка... можетъ быть, и теперь она гдѣ-нибудь существуетъ. У нея дѣти—Миша и Катя; дрожала она надъ ними, какъ осиновый листъ; кутала, берегла, не позволяла бѣгать. Чуть прихворнутъ—за... за мной. Я и говорю: тетушка, вы сидите и разводите вокругъ себя плѣсень: „Миша сиди! Катя—не двинься“. И они обростаютъ мхомъ; а гдѣ мохъ, тамъ плѣсень. Что̀ нужно въ жизни?

Не переводя на Овинова взора, онъ помолчалъ, выжидая отвѣта, но такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то Кабѣевъ продолжалъ, отвѣчая на свой вопросъ:

— Порывъ нуженъ, порывъ. Только тѣ, кто способенъ къ порыву, имѣютъ право жить. Остальные должны исчезнуть. И смерть должна закрыть имъ на пути дверь жизни. Представьте себѣ міръ, состоящій изъ людей съ порывомъ. Ихъ, конечно, не много. Но зато какъ хорошо въ этомъ мірѣ жить! Свѣтло, воздушно, радостно! Въ порывѣ—сила; въ прозябаніи—гниль. Теперь мало мѣста, мало простора. Плѣсень тѣмъ ужасна, что

она постепенно забираетъ все бо́льшіе и бо́льшіе участки, заражаетъ сыростью воздухъ. Больные и безполезные люди, люди безъ порыва, давятъ сильныхъ людей своей массой, не даютъ имъ простора, а безъ простора нѣтъ свободы движеній и поступковъ. Вы меня понимаете? Все это пробные люди, вотъ какъ бываютъ пробные нумера газетъ. Дадутъ въ пробномъ нумерѣ все, что̀ только есть у нихъ мало-мальски хорошаго, а потомъ—труха... Каждый изъ насъ—пробный человѣкъ. Не... не въ томъ дѣло, чтобы жить, а въ томъ, чтобы умереть... для того, чтобы могли жить люди сильные; тогда жизнь будетъ сильная, и тѣмъ, кто будетъ жить, будетъ хорошо жить. А намъ съ вами надо умереть...

Онъ перевелъ свой взглядъ съ огня лампы на Овинова и съ безмолвнымъ вопросомъ уставился на него.

Овинову дѣлалось жутко. Ему хотѣлось уйти, посорѣе встать и бѣжать отъ этого страннаго доктора и отъ его странной философіи. Но какая-то внутренняя сила приковывала его къ креслу, не давала ему двигаться, и ему казалось, что ноги его налиты свинцомъ.

И этотъ тяжелый взглядъ Кабѣева, покоившійся на немъ, давилъ его, держа его въ оцѣпенѣніи.

Кабѣевъ молчалъ; Овиновъ вырвался, наконецъ, изъ-подъ его взгляда и оглядѣлъ комнату, ища выхода. За окномъ установилась ночь; улица была тускло освѣщена керосиновыми фонарями; какой-то темный туманъ стоялъ за окномъ, точно непроницаемая тяжелая занавѣсь отдѣляла этотъ домъ отъ міра. Комната наполнялась тѣнями; что-то страшное и жуткое медленно, какъ змѣя, вползало въ душу Овинова.

Онъ сдѣлалъ надъ собой героическое усиліе и всталъ; кресло жалобно пискнуло при его движеніи, а Кабѣевъ началъ тихо смѣяться, врядъ ли даже видя Овинова, какъ бы отвѣчая своимъ мыслямъ, еще невысказаннымъ, еще не оформившимся въ слова.

Овиновъ забылъ даже заплатить врачу и, быстро схвативъ изъ рукъ горничной пальто и шапку, выбѣжалъ изъ дома Кабѣева.

Вал. Свѣтловъ.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

въ

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ

Окончаніе.

VIII *).

Къ крайнему сожалѣнію, даже и къ юбилею не появилось почти совершенно никакихъ данныхъ, касающихся наиболѣе туманныхъ полосъ въ жизни Гоголя, а именно его ранняго дѣтства и первыхъ годовъ жизни его въ Петербургѣ. Какъ въ исторіи народовъ, постепенно удаляясь въ глубь минувшихъ вѣковъ, изслѣдователь вступаетъ наконецъ въ область миѳологіи, такъ точно и въ жизни выдающихся людей встрѣчаются легендарные періоды, для освѣщенія которыхъ недостаетъ надежныхъ источниковъ и гдѣ много неизвѣстнаго и неяснаго. Такой именно ощутительный недостатокъ даетъ себя чувствовать при изученіи ранняго дѣтства Гоголя; чрезвычайно мало сохранилось также свѣдѣній о театрѣ Трощинскаго и о многомъ другомъ. Трудно, конечно, и ждать какихъ-нибудь новыхъ документальныхъ данныхъ въ этой области, но именно въ юбилейной литературѣ нерѣдко всплываютъ сюрпризомъ неожиданныя и цѣнныя новинки, нарочно до этого времени сохраняемыя подъ спудомъ. Покойный Кулишъ, полстолѣтія назадъ, по свѣжимъ, сравнительно, слѣдамъ собиравшій

*) См. выше: сент., стр. 143.

относящіяся сюда свѣдѣнія, *уже тогда*, несмотря на всѣ усилія, не могъ отыскать въ этой сферѣ почти никакихъ удовлетворительныхъ данныхъ. Намъ лично извѣстно, что во время собиранія матеріаловъ о Гоголѣ онъ близко познакомился съ его матерью и всей семьей, и даже около года прожилъ въ Васильевкѣ, гдѣ выстроилъ себѣ маленькій флигель. Казалось бы, такимъ образомъ онъ былъ вполнѣ обезпеченъ со стороны возможности разузнать изъ ближайшаго источника о дѣтствѣ нашего писателя, тѣмъ болѣе что мать Гоголя была женщина искренняя и правдивая. Притомъ она была далеко не стара и обладала полной памятью, а „Никошу" своего любила до обожанія и съ гордостью любила о немъ разсказывать всѣмъ и каждому. Оказывается, однако, что Кулишу почти ровно ничего не удалось извлечь изъ ея разсказовъ о дѣтствѣ сына, хотя она, какъ это доказываютъ ея напечатанныя записки, владѣла даромъ даже письменнаго изложенія [1]). Какая же причина такого непонятнаго, повидимому, явленія? Быть можетъ, Кулишъ не очень полагался на ея разсказы, въ виду ея необычайной наклонности фантазировать, а особенно когда рѣчь заходила объ ея знаменитомъ сынѣ. Проф. Чижъ справедливо замѣчаетъ, что „материнская любовь даже и болѣе уравновѣшенныхъ, чѣмъ Марья Ивановна, матерей, лишаетъ ихъ возможности критически относиться къ дѣтямъ. При томъ же Марья Ивановна имѣла полное право гордиться своимъ сыномъ и мало (?) преувеличивала его славу" [2]). Недовольный, подобно другимъ, крайней скудостью свѣдѣній о раннемъ дѣтствѣ Гоголя, онъ полагаетъ, что „нужна крайняя осторожность въ отношеніи къ этимъ скуднымъ даннымъ"; „даже правдивый и образованный Данилевскій",—продолжаетъ онъ,—повидимому смѣшивая друга и школьнаго товарища Гоголя, А. С. Данилевскаго, съ извѣстнымъ писателемъ Григ. Петр. Данилевскимъ, котораго слова онъ приводитъ и который въ сущности почти не зналъ семьи Гоголя и не имѣлъ даже никакой возможности помнить о его дѣтствѣ, такъ какъ онъ родился лишь въ 1829 г.,—„даже правдивый и образованный Данилевскій пи-

[1]) Записки эти живо рисуютъ ее, какъ женщину чрезвычайно умную и симпатичную; особенно обращаютъ на себя вниманіе неподдѣльное чистосердечіе и наивность, чуждая всякой рисовки, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она говоритъ о своемъ горѣ послѣ смерти мужа: „Когда я осталась одна, то разсуждала такъ (видно, повреждена была въ разсудкѣ): — Богъ такъ милосердъ, что если бы зналъ, какъ я приму это несчастье, то не наказалъ бы меня такъ ужасно; пусть же теперь посмотритъ!—Мнѣ казалось, что Богъ раскаивается уже, что такъ жестоко наказалъ меня" („Русскій Архивъ", 1902, IV, стр. 722).

[2]) „Вопросы философіи", 1903, книга 67, стр. 271.

салъ, что Гоголь трехъ лѣтъ отъ роду, не учась у учителя, уже бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ" [1]). Но, всего вѣроятнѣе, Г. П. Данилевскій слышалъ это отъ безконечно увлекавшейся славой и геніальностью сына Марьи Ивановны.

Но могла быть и другая причина указаннаго факта. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно перечитать сохранившіяся въ двухъ редакціяхъ автобіографическія записки М. И. Гоголь (одна изъ нихъ напечатана нами въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя", т. I, стр. 38—43 и 45—57; другая—въ „Русскомъ Архивѣ", 1902, IV, стр. 706—724), чтобы убѣдиться, что, какъ она ни боготворила своего любимаго Никошу, какъ ни восторженно гордилась имъ, но воспоминанія ея, какъ по магниту, всегда устремлялись къ давно умершему, но не забываемому и все еще горячо любимому мужу, который и былъ собственно настоящимъ героемъ ея воспоминаній. По крайней мѣрѣ мы дважды испытали сильнѣйшее разочарованіе, когда въ первый разъ читали ея записки въ той и другой редакціи; но и о мужѣ она любила вспоминать лишь нѣкоторые, все одни и тѣ же, особенно глубоко запавшіе въ ея душу, эпизоды, о его любви и сватовствѣ и о его смерти, послѣ чего въ обѣихъ редакціяхъ записокъ она рѣзко обращаетъ разсказъ къ сыну, и думаешь, что тутъ-то и начнется самое интересное, а вмѣсто того находишь всего нѣсколько вялыхъ и незначительныхъ строкъ, изъ которыхъ ровно ничего не выжмешь. О мужѣ она умѣла разсказывать и обстоятельно, и краснорѣчиво, о сынѣ — нѣтъ. Повидимому, какъ это нерѣдко случается замѣчать у немолодыхъ женщинъ съ ограниченнымъ образованіемъ, у нея были любимыя темы для воспоминаній, своего рода „коньки", какъ и вообще при разговорахъ,— и на другія темы, можетъ быть, ее не очень легко было навести. Извѣстно, что про воображаемыя изобрѣтенія сына по части новѣйшаго техническаго прогресса и разныя подобныя фантазіи и небылицы она любила разсказывать и, вѣроятно, многократно излагала ихъ и Кулишу, какъ и многимъ другимъ, но этимъ онъ не могъ воспользоваться, а того, что̀ ему было нужно, добиться онъ не могъ, а потому и собралъ такъ мало свѣдѣній о раннемъ дѣтствѣ Гоголя.

Проф. Чижъ даже выводитъ такое заключеніе, что „если бы до отъѣзда въ Нѣжинъ Николай Васильевичъ Гоголь чѣмъ-либо выдѣлялся, его наблюдательная мать обратила бы на это вни-

[1]) „Вопросы философіи и психологіи", тамъ же, стр. 279.

маніе и запомнила бы ею подмѣченное" [1]). Но это едва ли вѣрно: вѣдь и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ Гоголь ни въ какомъ случаѣ не былъ посредственностью, и Марья Ивановна до страсти любила говорить о немъ и восхвалять его, но и объ этомъ времени она тоже ничего не передаетъ [2]).

Другой прискорбный пробѣлъ и, кажется, столь же безнадежный, касается подробностей домашняго быта Трощинскаго и особенно его театра. И опять, казалось бы, какъ не найти о такомъ крупномъ фактѣ совершенно никакихъ воспоминаній у лицъ, которыя нерѣдко бывали въ Кибенцахъ у Трощинскаго и хорошо его знали. Сколько намъ извѣстно, о театрѣ его въ печати совсѣмъ не появлялось сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній. Странно, что даже такой близкій человѣкъ къ средѣ, окружавшей Гоголя въ дѣтствѣ, какъ А. С. Данилевскій, до старости сохранившій превосходную память, не могъ ничего разсказать о театрѣ Трощинскаго, а равно и покойная сестра Гоголя, Анна Васильевна, и оба они также совсѣмъ мало сообщили о Василіи Аѳанасьевичѣ Гоголѣ. Все, что̀ разсказала мнѣ о немъ Анна Васильевна, я включилъ въ „Матеріалы для біографіи Гоголя", въ главу о его родителяхъ; несообщенными остались только такія мелочи, какъ, напр., разсказъ о томъ, какъ однажды Василій Аѳанасьевичъ, недовольный любезнымъ до неумѣстности обращеніемъ съ нимъ, человѣкомъ семейнымъ и горячо любящимъ жену, одной знакомой,—настолько безтактнымъ, что многіе стали уже обращать на это вниманіе, неожиданно при всѣхъ сказалъ, чтобы обрѣзать эту особу:

„То думаешь, дурню,
Що я тебя люблю,
А я тебя, дурню,
Словами голублю".

Вотъ и все, что̀ могла разсказать Анна Васильевна.

Данилевскій же былъ еще мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, когда скончался Василій Аѳанасьевичъ, а Аннѣ Васильевнѣ въ это время не было даже и года, а во время смерти Трощинскаго ей было всего четыре года. Какъ ребенокъ, она только и удержала въ памяти, что всегда у него была „неотолченая труба"

---

[1]) „Вопросы философіи", тамъ же, стр. 279.

[2]) Проф. Чижъ говоритъ, между прочимъ, о Марьѣ Ивановнѣ: „Она была хорошо образована, принимая во вниманіе условія ея жизни" (тамъ же, стр. 270). Эта оговорка дѣйствительно необходима, въ чемъ можно убѣдиться изъ ея писемъ, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

гостей, что было людно и весело, постоянно играла музыка. Данилевскій же нерѣдко заѣзжалъ вмѣстѣ съ Гоголемъ къ Трощинскому, когда они были подростками и учились въ Нѣжинѣ, но важный вельможа совершенно не удостоивалъ ихъ вниманія, и они, конечно, очень этимъ стѣснялись. „Часто, — разсказывалъ намъ Данилевскій, — мы заѣзжали съ Гоголемъ дѣтьми по дорогѣ въ Нѣжинъ къ Трощинскому въ Кибенцы. Мы много разъ бывали въ Кибенцахъ и Яресвахъ и гостили подолгу, но Трощинскій держалъ себя недоступно и едва ли промолвилъ съ нами даже слово“ [1]). Вотъ и разгадка упомянутой странности: отроки не свободно чувствовали себя въ домѣ Трощинскаго, передъ которымъ, съ своей отчасти провинціальной точки зрѣнія, преувеличивая мнимую неизмѣримую высоту бывшаго петербургскаго сановника, благоговѣйно склонялись и трепетали и пожилые и болѣе или менѣе заслуженные люди [2]).

Изъ сообщеній же Кулиша о театрѣ Трощинскаго мы знаемъ единственно, что Василій Аѳанасьевичъ Гоголь былъ въ этомъ театрѣ режиссеромъ, актеромъ и даже драматургомъ [3]).

IX.

Новый яркій свѣтъ на школьные годы Гоголя проливаютъ краткія воспоминанія его лицейскаго однокашника Любича-Романовича, напечатанныя въ февральской книгѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1902-й годъ. Явно враждебное отношеніе автора къ Гоголю и желаніе повредить его памяти въ потомствѣ требуютъ разъясненія. Но есть одно обстоятельство, которое заставляетъ признать извѣстную цѣнность и за этими крайне пристрастными и недоброжелательными воспоминаніями. Въ нихъ мы находимъ новыя цѣнныя указанія на одну существенную черту въ Гоголѣ, давно хорошо извѣстную, но получающую въ этихъ воспоминаніяхъ новое яркое освѣщеніе. Дѣло въ томъ, что Любичъ-Романовичъ не былъ собственно клеветникомъ; онъ

---

[1]) „Матеріалы для біографіи“, I, 101.

[2]) Кстати, по поводу разсказовъ Данилевскаго и А. В. Гоголь, замѣтимъ, что г. Коробка, указывая на маленькое разногласіе въ сообщенныхъ нами въ „Матеріалахъ“ свѣдѣніяхъ о женитьбѣ Аѳанасія Гоголя на Татьянѣ Семеновнѣ Лизогубъ, вѣрно догадался, что одно изъ этихъ сообщеній передано со словъ Данилевскаго, а другое слышано отъ А. В. Гоголь.

[3]) „Записки о жизни Гоголя“, I, 12. Немногія относящіяся сюда воспоминанія покойный Кулишъ получилъ отъ М. И. Гоголь (см. тамъ же).

злостно сгущалъ краски, но не выдумывалъ и не лгалъ; видно только, что личность Гоголя была ему не по душѣ и что онъ его недолюбливалъ.

Черта, указанная Любичемъ, о которой мы говоримъ,—замѣчательная самобытность натуры, та оригинальность, отсутствіе которой такъ мучительно грызло Тургеневскаго „Гамлета Щигровскаго уѣзда". По разсказу Любича-Романовича, Гоголь рѣшительно во всемъ—въ поведеніи, взглядахъ, поступкахъ—отличался отъ другихъ и даже непремѣнно хотѣлъ отличаться [1].

Особенность эту скоро подмѣтили его школьные товарищи, не взлюбившіе его за то, что онъ держался особнякомъ, удалялся отъ всѣхъ и поражалъ своей несвойственной возрасту скрытностью, за чтѝ и получилъ прозвище „таинственнаго карлы". Нѣкоторые изъ нихъ принимали это за оригинальничанье и ломанье,—чтѝ, разумѣется, не могло нравиться,—но они жестоко ошибались. На самомъ дѣлѣ эта черта (оригинальность и скрытность) глубоко коренилась въ натурѣ Гоголя и въ зрѣлые годы отдаляла отъ него искренно расположенныхъ къ нему людей. „Я не знаю, — говорилъ С. Т. Аксаковъ, — любилъ ли кто-нибудь Гоголя исключительно какъ человѣка" [2]), и въ другомъ мѣстѣ: „Гоголя, какъ человѣка, знали очень немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, чтѝ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ" [3]).

И въ дѣтствѣ Гоголь жилъ замкнутой жизнью и развивался своеобразно и самостоятельно и во всемъ былъ оригиналенъ и непохожъ на другихъ. Нѣсколько примѣровъ, приведенныхъ Любичемъ-Романовичемъ, весьма любопытны и цѣнны. По нашему мнѣнію, особенно высокое значеніе уже имѣетъ одна сохраненная въ воспоминаніяхъ Любича Романовича фраза Гоголя, что „люди учатъ всегда тому, чтѝ противно природѣ" [4]). Эта фраза и весь слѣдующій приведенный Любичемъ-Романовичемъ разговоръ Гоголя съ садовникомъ заключаютъ въ себѣ цѣлое озареніе и ярко рисуютъ Гоголя-юношу; они глубоко согласны со всѣми извѣ-

---

[1]) Однажды совершенно такое же сужденіе пришлось намъ слышать лично отъ Фета о графѣ Л. Н. Толстомъ. Объ этомъ мнѣніи Фета разсказалъ подробно присутствовавшій тутъ же г. Георгъ Бахманъ въ нѣмецкой газетѣ „Moskauer Zeitung".

[2]) „Русскій Архивъ", 1890, VIII, 199.

[3]) Тамъ же, стр. 201. Но, конечно, Аксаковъ ошибался: Гоголя любили искренно и Данилевскій, и Смирнова, и княгиня Репнина, и многіе другіе.

[4]) „Историческій Вѣстникъ", 1903, II, стр. 557.

стными намъ данными и въ нихъ такъ легко узнать будущаго Гоголя. Ср., напр., въ статьѣ „О движеніи журнальной литературы въ 1834—1835 годахъ“ слѣдующія слова Гоголя: „Сколько людей судятъ, говорятъ и толкуютъ, потому что сужденія, почти готовыя, поднесены къ ихъ глазамъ и очкамъ, какъ приготовленныя блюда къ ихъ рту, какъ правильно сдѣланный абрисъ рисовальнымъ учителемъ подносится лѣнивому ученику, и которые всѣ не толковали бы, не судили, не говорили сами собою“. [1]). Также въ „Театральномъ Разъѣздѣ“: „У него есть умъ, но сейчасъ, по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего“ [2]). Напротивъ, Гоголь не нуждался въ возбужденіи мысли извнѣ и былъ одаренъ способностью сильнаго ума смотрѣть прямо въ корень вещей. Онъ поэтому никогда не могъ быть слѣпымъ поклонникомъ кого бы то ни было и во всю жизнь преклонялся единственно передъ геніальной личностью Пушкина. Онъ былъ органически неспособенъ жить чужими мнѣніями и чужимъ умомъ и всѣмъ своимъ огромнымъ умственнымъ капиталомъ былъ обязанъ себѣ, всю жизнь питая отвращеніе къ воспринимаемой извнѣ мудрости. Г. Овсянико-Куликовскій мѣтко охарактеризовалъ свойства ума Гоголя и, называя его „плохимъ ученикомъ“, отмѣчаетъ, что онъ равнодушно относился къ усвоенію „новыхъ завоеваній науки, философіи, искусства“ [3]). Г. Чижъ съ своей стороны говоритъ: „По складу своего ума, въ теченіе всей своей жизни Гоголь могъ хорошо усвоивать лишь то, что̀ его интересовало лично, что̀ имѣло для него непосредственный интересъ и прямое значеніе; все остальное онъ усвоивалъ и переработывалъ очень плохо, хуже, чѣмъ лица среднихъ способностей. Поэтому онъ учился плохо въ школѣ, былъ сквернымъ профессоромъ, очень умнымъ человѣкомъ, съ весьма неполнымъ образованіемъ“ [4]).

X.

При богатыхъ природныхъ способностяхъ Гоголь съ дѣтства обнаруживалъ крайнюю самоувѣренность во взглядахъ и сужденіяхъ. Какъ видимъ изъ разсказа Любича-Романовича, онъ уже въ дѣтствѣ любилъ обо всемъ судить самостоятельно, не сооб-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 327.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 488.

[3]) „Н. В. Гоголь“, Москва, 1903, стр. 46.

[4]) „Вопросы философіи“, тамъ же, стр. 281—282.

ражаясь съ чужими мнѣніями и, во всемъ привыкъ полагаться на собственныя силы. На большинство другихъ людей онъ смотрѣлъ свысока, сильно возмущаясь глупой и самодовольной посредственностью. Еще подросткомъ онъ чувствовалъ въ своей душѣ широкіе запросы богато одаренной натуры, и, конечно, это обстоятельство, а не унаслѣдованное отъ предковъ честолюбіе [1]),—какъ полагалъ Кояловичъ,—было тому причиной. Гораздо основательнѣе объясненіе г. Котляревскаго. Одна мысль въ его дѣтскихъ письмахъ останавливаетъ преимущественно на себѣ вниманіе. Это—мысль о томъ, что я—избранная натура, иначе, чѣмъ другія, созданная, думающая и чувствующая иначе; куда идти мнѣ и какой избрать родъ дѣятельности, соотвѣтствующій той силѣ, которую я чувствую [2])? „Это та же мысль,—говоритъ г. Котляревскій,—съ которой онъ легъ въ могилу".

Объ отчужденіи Гоголя отъ товарищей намъ говорилъ и Данилевскій и разсказывалъ, что „надъ нимъ смѣялись, подтрунивали", и что онъ платилъ за это саркастическими прозвищами [3]). Другой лицейскій товарищъ Гоголя, Артыновъ, утверждалъ даже, что Гоголь казался своимъ соученикамъ просто „посредственностью" [4]), а одинъ изъ комнатныхъ надзирателей Гоголя, впослѣдствіи перешедшій на службу въ Одессу, услышавъ о славѣ Гоголя сказалъ: „Странно! не можетъ быть!" О Гоголѣ, какъ ученикѣ, онъ далъ такой отзывъ: „Онъ былъ очень лѣнивъ; плохо занимался по всѣмъ предметамъ, пренебрегалъ изученіемъ языковъ, особенно по моему предмету (французскому языку). Учился онъ плохо; поведенія же былъ прекраснаго; смирнѣе его не было, хотя товарищи часто жаловались на него; онъ всѣхъ копировалъ, передразнивалъ, клеймилъ прозвищами, но характера былъ добраго и дѣлалъ это не изъ желанія обидѣть, а такъ, по страсти. Н. В. Гоголь любилъ страстно рисованіе [5]), литературу, но было бы слишкомъ смѣшно, что Гоголь будетъ Гоголемъ" [6]). По переданнымъ намъ словамъ товарища Гоголя Гороновича, одинъ изъ профессоровъ Гоголя однажды горячо говорилъ, показывая на свою звѣзду, что онъ ручается, что изъ Гоголя ничего не выйдетъ, что это такъ же вѣрно,

---

[1]) „Московскій Сборникъ", подъ редакціей С. Шарапова, 1887, стр. 218.

[2]) Н. Котляревскій, „Н. В. Гоголь", стр. 4.

[3]) „Матеріалы для біографіи", т. I, стр. 102.

[4]) „Русскій Архивъ", 1877, 191.

[5]) Странно, почему проф. Чижъ утверждаетъ, что Гоголь былъ „плохимъ рисовальщикомъ" („Вопросы философіи", 1903, книга VI, стр. 287).

[6]) „Историч. Вѣстникъ", 1902, II, 680.

какъ то, что онъ имѣетъ эту звѣзду [1]). Кромѣ того, по сообщеннымъ намъ словамъ того же Гороновича, „однажды Гоголь во время одной изъ своихъ частыхъ прогулокъ по коридорамъ во время лекцій, проходя мимо класса, въ которомъ торжественнымъ тономъ проф. Никольскій возглашалъ что-то изъ курса реторики, въ тонъ ему прокричалъ въ отворенную дверь: „Здѣсь Парѳенъ Никольскій!"—на что послѣдній опять тѣмъ же тономъ продекламировалъ: „А тамъ дуракъ Яновскій" [2]).

Вообще, въ Гоголѣ, въ концѣ его школьной жизни, замѣчалась нѣкоторая заносчивость и значительное пренебреженіе къ окружающимъ. Объясняя эту черту, г. Чижъ говоритъ: „Какъ всегда бываетъ у лицъ съ патологической организаціей, у Гоголя „существователи" вызываютъ враждебное отношеніе не потому, что они только существуютъ, а потому, что они непочтительны и нелюбезны. Вина существователей всегда состоитъ въ томъ, что презирающій ихъ очень требователенъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, очень обижается, что „дураки" его мало уважаютъ, а потому считаетъ себя напрасно оскорбляемымъ и даже презираемымъ" [3]). Поэтому Гоголь, вѣроятно, имѣлъ основаніе съ своей точки зрѣнія жаловаться: „врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч." [4]). Даже домашнимъ и боготворившей его матери онъ казался одно время „своенравнымъ, несноснымъ педантомъ, воображающимъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей" [5]). Поэтому иной разъ Марья Ивановна считала нужнымъ ему „писать по нѣскольку листовъ морали" [6]), и онъ не ожидалъ отъ нея пониманія своихъ плановъ на будущее и излилъ ихъ въ письмѣ къ дядѣ Петру Петр. Косяровскому, причемъ это письмо принесъ матери уже запечатаннымъ и не хотѣлъ разсказать содержанія, отговорившись тѣмъ, что онъ забылъ, что̀ написалъ [7]). „Очевидно, — говоритъ проф. Чижъ, — что Гоголю не удалось скрыть свои мысли о своемъ превосходствѣ, и онъ видѣлъ, что мать любящимъ сердцемъ, хотя отчасти, поняла заблужденія сына" [8]).

---

[1]) См. „Вѣстникъ Воспитанія", 1902, сентябрь, отдѣлъ второй, стр. 22, примѣч.
[2]) Тамъ же.
[3]) „Вопросы философіи", тамъ же, стр. 293.
[4]) „Письма", I, стр. 27.
[5]) „Письма", I, 98.
[6]) „Матеріалы", т. I, стр. 116, примѣч, 1-ое.
[7]) Тамъ же, стр. 147, примѣч. 3-ье.
[8]) „Вопросы философіи", тамъ же, стр. 297.

Далѣе г. Чижъ говоритъ: „Конечно, послѣдующая дѣятельность автора „Мертвыхъ Душъ“ даетъ право на такое заключеніе“ (о томъ, что Гоголь провидѣлъ свое великое призваніе); „но вѣдь самъ Гоголь никоимъ образомъ не могъ въ 1827 г. понимать, что онъ надѣленъ своеобразнымъ геніемъ. Вѣдь, если бы Гоголь случайно не занялся литературой, онъ не измѣнилъ бы своего мнѣнія о себѣ, своего отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности, и когда онъ завоевалъ себѣ право на величіе, онъ основывалъ высокое о себѣ мнѣніе не на своихъ дѣйствительныхъ заслугахъ, которыя цѣнилъ очень низко“ [1]). Однако нельзя отрицать, что Гоголь могъ прекрасно чувствовать и сознавать въ себѣ исключительную умственную силу, не дожидаясь пріобрѣтенія на это фактическихъ правъ и основаній и признанія его генія массой.

Относительно здоровья Гоголя, въ нѣжинскую пору, сопоставляя рядъ показаній Гоголя, разсѣянныхъ въ его письмахъ, г. Чижъ приходитъ къ заключенію, что во время пребыванія въ гимназіи высшихъ наукъ оно, благодаря прекраснымъ условіямъ помѣщенія и великолѣпному саду, значительно улучшилось. Болотистое мѣстоположеніе Нѣжина онъ, очевидно, въ разсчетъ не принимаетъ, какъ и многіе, судящіе a priori. Гноетеченіе изъ ушей золотушнаго мальчика, по мнѣнію г. Чижа, въ связи съ другими данными, даетъ поводъ предположить его происхожденіе отъ чахоточнаго отца. Въ этомъ отношеніи не лишено интереса недавнее сообщеніе г. Мошина о томъ, что, по словамъ нынѣ здравствующей сестры Гоголя, Ольги Васильевны Головни, ея врожденная глухота также объясняется сильной золотушностью въ дѣтствѣ [2]).

Нѣжинскому періоду жизни Гоголя и выясненію вліянія на него тамошняго лицея посвящена брошюра М. Сперанскаго, указывающаго на скудость свѣдѣній объ этомъ періодѣ и подтверждающаго наше заключеніе о томъ, что собственно школа мало дала Гоголю по своему слишкомъ энциклопедическому характеру, но что хорошая сторона ея была въ томъ, что она

[1]) Тамъ же, стр. 299. Мнѣніе это, однако, слѣдуетъ принять съ оговоркой. Г. Венгеровъ говоритъ напротивъ: „Крупный успѣхъ, выпавшій на его долю почти съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, укрѣпилъ его въ самоувѣренности и даже сообщилъ его поведенію налетъ надменности“ („Русск. Богат.“, 1902, IV, 240).

[2]) „Вокругъ Свѣта“, 1903, № 34, стр. 544.

„не тормазила развитія личности“ и что „искра Божія въ условіяхъ тогдашней школы не погасала, а разгоралась, ее не тушили, да, къ счастью, не умѣли тушить даже самые закоренѣлые педагоги—педанты или иноземцы“ [1]). Г. Сперанскій повторяетъ также тотъ общеизвѣстный фактъ, что при всѣхъ недостаткахъ нѣжинскаго лицея въ немъ „получили охоту къ самостоятельной дѣятельности“ многіе люди съ талантомъ или способностями. (Подъ редакціей того же М. Н. Сперанскаго въ 1902 г. былъ выпущенъ Гоголевской коммиссіей при Нѣжинскомъ Институтѣ кн. Безбородко довольно богатый матеріалами Гоголевскій сборникъ).

XI.

Остается до сихъ поръ незаполненнымъ пробѣлъ въ отношеніи душевной жизни Гоголя въ его школьное время, и онъ едва ли можетъ быть устраненъ изученіемъ оффиціальныхъ документовъ, касающихся Нѣжинскаго лицея. Гоголь въ школѣ жилъ особнякомъ и таилъ про себя свои горячія, завѣтныя думы. Отдаляясь отъ товарищей и чувствуя, въ свою очередь, нравственную тяготу отчужденія, юноша, рано почувствовавшій „бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни“ [2]), сталъ держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ и былъ, по выраженію Любича-Романовича, „не отъ міра нашего“. При своемъ болѣзненномъ самолюбіи нося глубокую рану въ сердцѣ своемъ, онъ жилъ среди однокашниковъ особенной, замкнутой жизнью, и, конечно, это была богатая внутренняя жизнь, но для сужденія о ней намъ остаются только догадки. Разсказы Любича-Романовича лишь отчасти приподнимаютъ завѣсу и то съ одной стороны. Въ жизни человѣка, безспорно, огромное значеніе имѣетъ роковая встрѣча съ первыми жизненными толчками и съ сумрачной стороной жизни, съ которой рано или поздно приходится знакомиться каждому если не изъ собственнаго опыта, то изъ опыта старшихъ. Это очень важная страница въ жизни. Но разсказы Любича могутъ только до извѣстной степени служить свидѣтельствомъ о томъ, какое впечатлѣніе производилъ *Гоголь* на товарищей, тогда какъ намъ еще важнѣе было бы знать, какой осадокъ товарищескія отношенія оставляли въ *его* душѣ и какое на него производили впечатлѣніе товарищи. О

[1]) М. Сперанскій. „Гимназія высшихъ наукъ. Нѣжинскій періодъ жизни Гоголя“), стр. 17; „Матеріалы для біографіи“, I, 102, 103.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 287.

послѣднемъ мы можемъ достаточно судить по письмамъ Гоголя къ Г. И. Высоцкому, но первое остается пока тайной. Будучи взрослымъ, Гоголь нерѣдко, въ свои беззаботныя и веселыя минуты въ интимномъ кругу, любилъ вспоминать о далекой школьной порѣ, любилъ комически изображать своихъ бывшихъ учителей, но никто не оставилъ слѣдовъ этихъ воспоминаній въ печати. Притомъ это были *анекдоты*, а намъ интересна *внутренняя жизнь* Гоголя въ отрочествѣ. За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, мы позволимъ себѣ высказать *предположенія*, правда, но вполнѣ подтверждаемыя извѣстными фактами.

Замкнувшись въ себѣ, сторонясь отъ товарищей, Гоголь долженъ былъ тѣмъ горячѣе чувствовать обаяніе красотъ природы, и не злоба или зависть закипала въ его сердцѣ, не грустное чувство сиротливости и отчужденности, а пламенное сочувствіе къ *другимъ* людямъ и къ *другой* жизни, о которыхъ онъ узнавалъ изъ книгъ и преданій. Привыкая удаляться отъ окружающихъ, онъ съ тѣмъ большей горячностью идеализировалъ въ своемъ воображеніи призраки лицъ, плѣнившихъ его юную фантазію. Судя по его раннимъ литературнымъ опытамъ, онъ еще въ отрочествѣ съ любовью уносился во времена козачества и съ восторгомъ услаждался мелодіями родныхъ украинскихъ пѣсенъ, а потомъ его тайнымъ юношескимъ мечтамъ, быть можетъ, стала грезиться женщина. Слова, сказанныя имъ объ Андріи, что „женщина стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ видѣлъ ее поминутно, свѣжую, черноокую, нѣжную“ [1]), судя по поразительному сходству описаній женской красоты во всѣхъ произведеніяхъ Гоголя, вѣроятно, были почерпнуты изъ личныхъ впечатлѣній въ раннемъ возрастѣ, чѣмъ и объясняется недостатокъ земныхъ, реальныхъ чертъ въ женскихъ образахъ Гоголя: ранняя юность любитъ страстныя мечты о далекомъ и идеальномъ. Очень вѣроятно, что восторженный лиризмъ Гоголя и его страстное сочувствіе запорожской доблести и обаянію женской красоты вытекаютъ изъ одного источника съ презрѣніемъ ко всему пошлому и къ „существователямъ“.

Само собой разумѣется, что въ болѣе ранніе годы, на порогѣ юности, мечты Гоголя должны были носить характеръ болѣе фантастическій и отвлеченный, и по самому его возрасту были еще далеки отъ непосредственнаго приложенія къ жизни. Быть можетъ (это, конечно, *только предположеніе)*, Гоголь подросткомъ представлялъ себя въ мечтахъ будущимъ бравымъ за-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 260.

порожцемъ, мечталъ о запорожской удали и возвышенныхъ идеалахъ козачества (все это залегло въ его душу на всю жизнь). Но эти идеалы, по своей несложности доступные даже очень раннему возрасту, должны были потомъ приближаться къ дѣйствительности и уступить мѣсто болѣе прозаическимъ мечтамъ о службѣ въ Петербургѣ и проч. Но для разграниченія смѣны этихъ періодовъ его интимной юношеской жизни мы не имѣемъ пока данныхъ. Путеводной нитью здѣсь должны служить художественные образы въ его раннихъ произведеніяхъ. Въ своихъ прежнихъ работахъ мы не разъ имѣли случай показывать, какъ Гоголь, оставляя безъ дальнѣйшей обработки какое-нибудь изъ начатыхъ произведеній, тѣмъ не менѣе пользовался долго сложившимися въ его фантазіи образами въ болѣе зрѣлыхъ и совершенныхъ созданіяхъ. Такъ обратимъ вниманіе на слѣдующія строки въ „главѣ изъ историческаго романа" (о старухѣ): „Казалось, передъ нимъ стояла жертва могилы, въ которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человѣку всю ничтожность его долголѣтія, къ коему такъ жадно стремятся его желанія. *Могильное равнодушіе* разливалось въ усѣянныхъ *морщинами* чертахъ ея" [1]). Въ „Остраницѣ": „Представьте себѣ длинное, все *въ морщинахъ*, почти безчувственное лицо; глаза черные, какъ уголь, нѣкогда—огонь, буря, страсть, нынѣ неподвижные; губы какого-то мертваго цвѣта, но, однакожъ, онѣ были когда-то свѣжи, какъ румянецъ на спѣющемъ яблокѣ. И кто бы подумалъ, что эти, слившіяся въ сухія руины, черты были когда-то чертовски очаровательны, что движеніе этихъ, нѣкогда гордыхъ и величественныхъ, бровей дарило счастіе, необитаемое на землѣ" [2]). Въ „Сорочинской Ярмаркѣ": „Еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы" [3]). Продолжимъ сравненіе. Въ „главѣ изъ историческаго романа": „Дни за три до Купала каплетъ съ этого дерева, день и ночь, роса. *Теща* разсказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встрѣтила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ" [4]). Здѣсь любопытно не только упоминаніе о днѣ Ивана Купала, но и мелкія подробности, напр.,

---

1) Тамъ же, т. V, стр. 139.

2) Тамъ же, т. V, стр. 93.

3) Тамъ же, т. I, стр. 35. Сравн. въ повѣсти „Страшный Кабанъ" (т. V, стр. 52).

4) Тамъ же, т. V, стр. 137.

о тещѣ, которой въ повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала" соотвѣтствуетъ не разъ упоминаемая „тетка покойнаго дѣда", а дьяволъ въ красномъ жупанѣ невольно напоминаетъ разсказъ о красной свиткѣ въ „Сорочинской Ярмаркѣ" и о превращеніяхъ Басаврюка въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала". Разсказъ о звѣрскомъ убійствѣ дьявола и о чудесной соснѣ сродни разсказамъ въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала", причемъ отчасти замѣчается даже совпаденіе мелкихъ подробностей. Такъ, въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала" читаемъ: „Тетка моего дѣда именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтѣ не согласилась бы принять отъ Басаврюка подарковъ. Опять, какъ же и не взять? всякаго проберетъ страхъ, когда нахмуритъ онъ, бывало, свои *щетинистыя брови* и пуститъ исподлобья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги, Богъ знаетъ куда; а возьмешь, такъ на другую же ночь и тащится въ гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента, Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! *Но вотъ бѣда, и отвязаться нельзя:* бросишь въ воду—плыветъ чертовскій перстень, или монисто поверхъ воды, и къ тебѣ же въ руки" [1]). Сравн. въ „главѣ изъ историческаго романа": „*Чего ужъ не дѣлали:* и погребли съ честью тѣло дьякона, и *принимались было рубить сосну,—такъ сѣкира не беретъ*" [2]). И тутъ, и тамъ упоминается о щетинистыхъ волосахъ или бровяхъ и проч. Такъ же, какъ въ „Страшной Мести", здѣсь есть дѣйствующее на воображеніе описаніе схимника, который въ одномъ изъ этихъ разсказовъ представленъ неизвѣстно куда пропавшимъ. Наконецъ блужданіе отъ бѣсовскаго навожденія рисуется весьма сходными чертами. Въ „главѣ изъ историческаго романа": „Ѣдутъ, ѣдутъ съ самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ куда заѣхали! остановятся ночевать — смотрятъ, знакомыя всѣ мѣста: опять тотъ же дикій лѣсъ, тѣ же хоромы" [3]). Подобныя же блужданія, какъ извѣстно, занимаютъ видное мѣсто въ „Пропавшей грамотѣ" и особенно въ „Заколдованномъ Мѣстѣ". Также въ „Страшной Мести": „Ѣдетъ онъ (колдунъ) день, другой, а Канева все нѣтъ. Дорога та самая, пора бы ему уже давно показаться; но Канева не видно" [4]). Въѣздъ Лапчинскаго въ усадьбу

[1]) Соч. Гоголя, т. I, стр. 39.
[2]) Т. V, стр. 136.
[3]) Тамъ же.
[4]) Т. I, стр. 179.

Глечика и встрѣча его женщиной въ накинутомъ на плечи тулупѣ, сопровождаемой лаемъ собакъ и нестройными звуками, издаваемыми домашними птицами, напоминаетъ частью сходную картину въ „Мертвыхъ Душахъ", именно при пріѣздѣ Чичикова къ Коробочкѣ (также ночью), частью описаніе впечатлѣній Чичикова, на другое утро послѣ пріѣзда, когда онъ выглянулъ въ окно и увидалъ курятникъ, наполненный птицами и всякой домашней тварью" [1]).

XII.

Въ числѣ наиболѣе самостоятельныхъ и серьезныхъ юбилейныхъ работъ по Гоголю особеннаго вниманія заслуживаетъ небольшая работа г. Каманина: „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи", представляющая отдѣльный оттискъ изъ XVI книги „Чтеній историческаго общества Нестора лѣтописца". Г. Каманинъ занялся обстоятельнымъ изученіемъ поставленной темы, но, къ сожалѣнію, былъ слишкомъ увлеченъ желаніемъ сказать новое слово, давъ вопросу новое освѣщеніе. При этомъ онъ охотно полемизируетъ съ предшествующими изслѣдователями и самоувѣренно вооружается противъ установившихся взглядовъ и мнѣній, что̀ придаетъ особенный интересъ его работѣ. Остановимся подробнѣе на разборѣ ея, оставляя пока въ сторонѣ ея положительныя достоинства, для правильной оцѣнки которыхъ необходима тщательная провѣрка данныхъ по многимъ источникамъ [2]); поэтому по неволѣ ограничимся теперь указаніемъ кое-какихъ недоразумѣній.

Главный недостатокъ брошюры—ея тенденціозность, стремленіе во что бы ни стало доказать научную компетентность и цѣнность ученыхъ трудовъ Гоголя по исторіи Малороссіи. Обстоятельно и усердно группируя относящіяся къ этому вопросу данныя, г. Каманинъ не стѣсняется присоединять къ нимъ спорныя утвержденія и догадки и нерѣдко прибѣгаетъ къ натяжкамъ и преувеличеніямъ, а также, съ цѣлью придать своей работѣ характеръ большей документальности, приводитъ иногда данныя, совсѣмъ не относящіяся къ дѣлу, или—при недостаткѣ доказательствъ—дополняетъ ихъ произвольными соображеніями. Полагаться безъ провѣрки на его указанія отнюдь не слѣдуетъ; его пристрастіе къ гипотезамъ выдаютъ уже его частыя „*должно*

---

[1]) Т. III, стр. 44.

[2]) По исторіи Малороссіи.

быть", „*могло бы*" и проч. Приведемъ примѣры: „Лекція профессора Бѣлоусова по содержанію своему *должны были* касаться западно-европейской исторіи и *могли* направить мысль и желаніе Гоголя изучать обстоятельно тотъ періодъ исторіи Европы, когда то и другое только-что зарождалось" [1]). Подобныя предположенія могли бы быть не безполезны, наводя на провѣрку, и въ иныхъ случаяхъ способствовать изученію, вызывая на болѣе разностороннее и обстоятельное выясненіе дѣла; г. Каманинъ возбуждаетъ новые вопросы, что было бы опять очень важно, еслибы для разрѣшенія ихъ имѣлось достаточно данныхъ; иначе это—лишнее отвлеченіе вниманія въ сторону. Такъ г. Овсянико-Куликовскій высказываетъ совершенно противоположный взглядъ на интересъ Гоголя къ исторіи и степень научности его трудовъ, основываясь не на гипотезахъ, а на твердо установленныхъ данныхъ [2]), а также г. Чижъ въ своей прекрасной статьѣ „Болѣзнь Н. В. Гоголя" [3]). Впрочемъ, дѣйствительно, въ послѣдніе годы ученія въ Нѣжинѣ, Гоголь охотно занимался подъ руководствомъ Бѣлоусова, бывалъ у него на дому и былъ имъ отличаемъ [4]); но заключеніе г. Каманина, только *возможное*, выражено имъ почти категорически. Еще отважнѣе г. Каманинъ увѣряетъ, что такъ какъ Гоголь въ письмѣ къ родителямъ въ октябрѣ 1823 г. [5]) просилъ прислать ему „Вѣстникъ Европы", а потомъ просилъ прислать книгъ изъ Кибинецъ, т.-е. изъ библіотеки Д. Пр. Трощинскаго, то „*обиліе* (?) прочтенныхъ книгъ *не могло* не расширить умственный кругозоръ юноши и не возбудить его генія къ творчеству". „Намъ кажется",—продолжаетъ г. Каманинъ,—нельзя отрицать (?) того, что „Вѣстникъ Европы", издававшійся вначалѣ знаменитымъ русскимъ историкомъ Карамзинымъ, а позже поэтомъ Жуковскимъ, и заключавшій въ себѣ большое количество статей (?) по русской, часто (?) по южно-русской (!) и западно-европейской исторіи, *долженъ былъ* (?!) положить свою печать на впечатлительную душу и горячее воображеніе Гоголя и возбудить въ немъ интересъ къ разработкѣ какъ родной, такъ и общей исторіи" [6]). Но въ томъ-то и дѣло, что все это только

---

[1]) Каманинъ, стр. 5.

[2]) Н. В. Гоголь, стр. 60.

[3]) „Вопросы философіи и психологіи", 1903, книга 68, стр. 432, и книга 70, стр. 775. Тамъ же, „Этюды и характеристики" Алексѣя Ник. Веселовскаго, 2 изд., стр. 588.

[4]) „Матеріалы для біографіи", I, 102.

[5]) „Письма", т. I, стр. 17.

[6]) Каманинъ, стр. 4.

могло быть, а было ли такъ и въ какой степени—неизвѣстно. Поэтому попробуемъ хотя отчасти провѣрить эти предположенія. Въ письмѣ отъ 3 октября 1823 г. Гоголь въ самомъ дѣлѣ просилъ родителей прислать ему „Вѣстникъ Европы", а черезъ два мѣсяца отослалъ книги обратно. Въ ту пору ему было четырнадцать лѣтъ и возможно конечно, что онъ прочелъ ихъ съ интересомъ и не безъ пользы, но несомнѣнно, что предположенія г. Каманина слишкомъ категоричны, и, напримѣръ, имъ можно было бы противопоставить извѣстныя слова Гоголя въ „Авторской Исповѣди": „У меня не было влеченія къ прошедшему" [1]. Что касается книгъ, выписанныхъ изъ Кибенцевъ, то вотъ подлинныя слова Гоголя: „Сдѣлайте милость, пришлите намъ [2]) *на дорогу, для прогнанія скуки* долго оставаться на постоялыхъ дворахъ, нѣсколько книгъ изъ Кибинецъ" [3]); и въ другомъ письмѣ по тому же поводу: „Прошу васъ, дражайшій папенька, прислать мнѣ къ праздникамъ *хотя нѣсколько* книжекъ на прочетъ, ибо здѣсь на праздникахъ такая скука, что ужасъ; я самъ не знаю, что̀ дѣлать. Вообразите себѣ—сидѣть одному, поджавши руки и повѣся голову; хоть кому придетъ тоска поневолѣ" [4]). И такъ, пока Гоголь выписывалъ эти книги *отъ скуки*, и получается совершенно другая картина, нежели какую самоувѣренно рисуетъ г. Каманинъ. Подобныя натяжки и преувеличенія и дальше идутъ на каждомъ шагу. Напримѣръ, будто бы „Пушкинъ одинаково (?!) входилъ въ научные (?) и художественные интересы Гоголя, побуждая его къ труду и служа для него лучшимъ образцомъ и совѣтникомъ" [5]). Но что̀ можетъ быть приведено въ подтвержденіе этихъ словъ, что Пушкинъ входилъ въ научные интересы Гоголя наравнѣ съ художественными интересами? Такимъ образомъ, шатко и это утвержденіе г. Каманина, и слѣдовательно лишается опоры и все, что̀ дальше на немъ основано.

XIII.

Но съ особенной осторожностью слѣдуетъ относиться къ тѣмъ внушительнымъ перечнямъ именъ, на которые такъ щедръ г. Каманинъ. На страницѣ 11-ой своей брошюры онъ сыплетъ цѣлой

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 259.
[2]) Гоголю и Данилевскому.
[3]) „Письма", т. I, стр. 21.
[4]) Тамъ же, стр. 22.
[5]) Каманинъ, стр. 8.

картечью именъ ученыхъ этнографовъ, научные интересы и труды которыхъ еще до личнаго знакомства съ ними Гоголя, будто бы, поддерживали или хотя бы *могли* поддерживать въ немъ увлеченіе исторіей; изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ заключить, что все это происходило около 1826 года, т.-е. „за два года до окончанія нѣжинской гимназіи" [1]). Но что же? Невѣроятность такого утвержденія сразу бросилась намъ въ глаза, но еще больше насъ поразили вопіющіе хронологическіе абсурды... Названные здѣсь этнографы выступили съ своими трудами *къ концу сороковыхъ годовъ*, когда Гоголь давно пересталъ интересоваться исторіей Украйны, а г. Каманинъ рѣшается приписывать имъ вліяніе на возбужденіе къ ней интереса въ бытность его *еще ученикомъ Нѣжинской гимназіи*, т.-е. приблизительно *лѣтъ за двадцать до появленія ихъ трудовъ* (!). Только сборники пѣсенъ Цертелева и Максимовича были тогда уже извѣстны Гоголю, на что указываетъ и г. Сперанскій, не нагромождая другихъ, не идущихъ къ дѣлу именъ [2]). Г. Сперанскій, на основаніи записной „Книги всякой всячины", заключаетъ: „несомнѣнно одно, что Гоголь еще на скамьѣ серьезно изучалъ, хотя и не всегда правильно, малорусскую исторію, малорусскій бытъ, малорусскую поэзію, интересовался малорусскимъ говоромъ" [3]). Это до извѣстной степени вѣрно, но не слѣдуетъ все это преувеличивать. А г. Каманинъ смѣло говоритъ: „Гоголь былъ увлеченъ этимъ научнымъ движеніемъ по изученію родной исторіи и этнографіи *гораздо раньше*, чѣмъ онъ лично узналъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣятелей науки и литературы. Онъ началъ еще въ 1826 г. заниматься собираніемъ историческаго и этнографическаго матеріала" [4]). Затѣмъ слѣдуетъ вѣрное указаніе на существованіе записной книжки Гоголя съ этнографическими замѣтками, дѣйствительно относящейся къ 1826 г., но все это раздуто и представлено въ извращенномъ видѣ [5]).

---

[1]) Каманинъ, стр. 17.

[2]) „Гимназія высшихъ наукъ", стр. 22.

[3]) Тамъ же.

[4]) Каманинъ, стр. 11.

[5]) Кого же разумѣетъ г. Каманинъ, говоря, что нѣкоторыхъ изъ названныхъ этнографовъ Гоголь *послѣ зналъ лично*? Онъ зналъ изъ нихъ Бодянскаго, еще когда послѣдній студентомъ жилъ у Максимовича („Письма", I, 231, примѣч. 5-ое) и только готовился къ ученой карьерѣ, а названный г. Каманинымъ Лукашевичъ былъ самъ *школьнымъ товарищемъ* Гоголя, а свое „Чаромутіе" издалъ *только въ 1846 г*. Надъ нимъ Гоголь много смѣялся („Письма", I, 579, примѣч.). Съ Срезневскимъ онъ познакомился въ 1839 г., а съ сборникомъ его и Ходаковскаго въ 1834 г. Имя Евецкаго уже прямо приплетено не кстати.

XIV.

Еще неудачнѣе соображенія г. Каманина объ отрывкахъ „Гетманъ“ и „Плѣнникъ“, причемъ, рѣшаясь поправлять Н. С. Тихонравова, г. Каманинъ заявляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи, что этотъ отрывокъ не былъ напечатанъ при жизни Гоголя (?), и что, слѣдовательно, Гоголь не могъ имѣть его въ виду въ своемъ примѣчаніи къ первому отрывку изъ такъ называемой „ненапечатанной повѣсти“ (какъ полагалъ Н. С. Тихонравовъ), „говоря, что двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщены въ собраніи „Арабески“. — „Не могъ же, — возражаетъ г. Каманинъ, — Гоголь разумѣть подъ второй главой отрывокъ „Плѣнникъ“, такъ какъ онъ не былъ особо напечатанъ, ни перепечатанъ въ общемъ собраніи своихъ сочиненій самимъ авторомъ“ [1]).

И на цѣломъ рядѣ такихъ натяжекъ и ошибочныхъ соображеній г. Каманинъ устанавливаетъ слѣдующее положеніе: „*Что же удивительнаго*, что до насъ не дошла исторія Малороссіи, начатая Гоголемъ, быть можетъ, еще въ Нѣжинѣ (?!) и позже, въ 1834 г., передѣлывавшаяся заново“ [2]). Въ пользу этого „*неудивительно*“ г. Каманинъ приводитъ слова Гоголя, что „введеніе въ исторію Малороссіи было написано очень давно“ [3]), и что *это* сочиненіе начато писаться гораздо позже“ (т.-е. послѣ первой редакціи малороссійской исторіи), „гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ“ [4]). Въ своемъ заключеніи о существованіи малороссійской исторіи Гоголя въ полномъ видѣ и притомъ въ двухъ редакціяхъ г. Каманинъ основывается на предположеніи, что исторія Малороссіи, будучи написана Гоголемъ, была имъ уничтожена, по обыкновенію сжигать неудовлетворявшіе его труды [5]). Это еще можно было бы въ угоду ему допустить, въ виду общеизвѣстныхъ фактовъ сожженія Гоголемъ „Ганца Кюхельгартена“, драмы „Выбритый усъ“ и второго тома „Мертвыхъ Душъ“; но трудно не считать фантазіей его мнѣніе, будто Гоголь началъ въ достаточно серьезной обработкѣ исторію Мало-

---

[1]) Каманинъ, стр. 25, примѣч. 2.—Но все это невѣрно: „Плѣнникъ“ *былъ напечатанъ при жизни Гоголя* и *именно* въ „Арабескахъ“ (стр. 159; въ виду рѣдкости этой книги, цитирую по „Соч. и письмамъ Гоголя“, изд. Кулиша, т. VI, стр. 552).

[2]) Каманинъ, стр. 15.

[3]) „Письма“, т. I, стр. 298.

[4]) Тамъ же, стр. 300.

[5]) Каманинъ, стр. 15.

россіи, еще будучи ученикомъ въ Нѣжинѣ, и очень сомнительно, чтобы онъ уничтожилъ уже вполнѣ готовый трудъ. Г. Каманинъ, далѣе, съ увѣренностью причисляетъ къ оконченнымъ, но уничтоженнымъ трудамъ Гоголя и сочиненіе „Земля и Люди“, которое никогда не было написано, и комедію „Владиміръ 3-ей степени“, распавшуюся на „драматическіе кусочки“, и еще онъ позабылъ назвать „Учебную *книгу* теоріи словесности“, дошедшую въ видѣ маленькой тетради. О самомъ написаніи „Исторіи Малороссіи“ [1]) Гоголь говоритъ лишь однажды и мелькомъ, и уже а priori трудно допустить, чтобы Гоголь изъ оконченнаго и обработаннаго труда печаталъ не казовые отрывки, а даже „носившіе на себѣ печать младенческаго несовершенства“ [2]). Объ отрывкѣ „Гетманъ“, къ которому относятся эти слова, Гоголь писалъ матери: „это была та статья, которую я писалъ, бывши еще въ нѣжинской гимназіи“ [3]). Здѣсь любопытно, что отрывокъ этотъ онъ называетъ отдѣльной статьей, а слова его, что издатели говорятъ, что они давно ее получили отъ неизвѣстнаго, и если бы знали, что моя, то не помѣстили бы, не спросивъ прежде меня“, не заслуживаютъ слѣпого довѣрія, какъ и вообще увѣренія Гоголя, что то или другое сочиненіе писано имъ давно, что̀ неоднократно и положительно было доказано Н. С. Тихонравовымъ. Но г. Каманинъ, возражая Тихонравову, прямо утверждаетъ, что Тихонравовъ ошибался, отвергая написаніе Гоголемъ „Исторіи Малороссіи“ [4]), и идетъ дальше, говоря: „Но въ какой формѣ начата была Гоголемъ обработка (Исторіи Малороссіи), беллетристической или научной, трудно (?) рѣшить“ [5]).

Въ виду этого остановимся на его соображеніяхъ по данному предмету подробнѣе.

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 401.

[2]) „Письма“, т. I, стр. 184.

[3]) Тамъ же. Самый псевдонимъ „Глечикъ“ (имя полковника въ „главѣ изъ неоконченнаго романа“), которымъ Гоголь подписалъ повѣсть „Страшный Кабанъ“, показываетъ, что мысль о продолженіи историческаго романа уже была имъ оставлена. Но всего важнѣе здѣсь для Гоголя была́ обрисовка польскаго шляхетства съ его обстановкой въ лицѣ беззаконнаго пана и панской челяди и, какъ противоположность казацкихъ типовъ и казацкаго быта. Но Гоголь пока еще не владѣлъ искусствомъ создавать изъ отрывочныхъ узоровъ фантазіи цѣльные сюжеты. Весь интересъ разсказа пока сосредоточенъ на томъ затрудненіи, въ которое, несмотря на предостереженія, попалъ Лапчинскій, благодаря лукавой хитрости Глечика. Но и при всемъ томъ слишкомъ чувствуется, что разсказъ о чудесной соснѣ присоединенъ чисто внѣшнимъ образомъ.

[4]) Каманинъ, стр. 22.

[5]) Тамъ же, стр. 12.

XV.

Г. Каманинъ присоединяется къ моему мнѣнію, что отрывокъ „Гетманъ“ былъ писанъ Гоголемъ еще въ нѣжинской гимназіи“ [1]), но я никогда не рѣшился бы на такомъ шаткомъ и недостаточномъ основаніи утверждать, что „обработка собраннаго Гоголемъ историческаго матеріала начинается весьма рано, еще на ученической скамьѣ“ [2]), тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ предыдущаго, г. Каманинъ имѣетъ здѣсь въ виду обработку не художественную, а именно *научную*. Продолжая развивать свою мысль, г. Каманинъ ссылается на извѣстную публикацію Гоголя объ изданіи „Исторіи Малороссіи“ [3]), опять забывая, что въ такомъ случаѣ мы должны соотвѣтствующее значеніе придать и другимъ подобнымъ объявленіямъ Гоголя, напримѣръ объ изданіи русскаго словаря [4]), и его утвержденію, что у него уже былъ приготовленъ къ печати *обширный* собранный матеріалъ.

Занятія Гоголя словаремъ не подлежатъ сомнѣнію, но несомнѣнно также и то, что въ своемъ (оставшемся ненапечатаннымъ) объявленіи онъ весьма сильно ихъ преувеличивалъ. Наконецъ, г. Каманинъ говоритъ: „Какъ можно сомнѣваться въ написаніи Гоголемъ исторіи намъ, когда въ нее вѣрили современники и близкіе друзья поэта“ [5]). Но дѣло въ томъ, что Гоголь весьма часто, увлекаясь, говорилъ о своихъ планахъ и надеждахъ, какъ о чемъ-то уже осуществившемся (а иногда при этомъ имѣлъ заднюю мысль—получить или вызвать доставку интересовавшихъ его матеріаловъ). Такъ, въ письмѣ къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года, онъ увѣренно говоритъ о задуманномъ имъ сборникѣ „Земля и Люди“, который якобы долженъ былъ возникнуть изъ обработки замѣтокъ, записанныхъ за нимъ ученицами Патріотическаго института: „Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не двухъ (sic) томахъ“ [6]). Далѣе онъ

---

[1]) „Матеріалы“, т. I, стр. 251.

[2]) Каманинъ, стр. 12.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 106.

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 433—434.

[5]) Каманинъ, стр. 17—18.

[6]) „Письма“, I, стр. 236.—Кстати сказать, мы слышали отъ Л. Ф. Маклаковой (Л. Нелидовой), что мать ея, учившаяся у Гоголя въ Патріотическомъ институтѣ, на просьбу дочери разсказать о Гоголѣ, какъ преподавателѣ, отозвалась о его урокахъ, какъ крайне скучныхъ. (Гоголь не разъ говорилъ самъ, что онъ не родился педагогомъ). См. „Матеріалы“, I, 332, и „Письма“, I, 516. Никакихъ подробностей сооб-

говоритъ, что этотъ сборникъ онъ уже „*приготовляетъ къ печати*“, а изъ слѣдующаго письма оказывается, что „корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ его, и онъ остановилъ печатаніе“; а г. Каманинъ всякое предположеніе, высказанное Гоголемъ, склоненъ принимать за совершившійся фактъ. Правильнѣе смотритъ на дѣло г. Венгеровъ: „Пока Гоголь не попалъ на настоящій путь, онъ кидался въ разныя стороны и былъ занятъ *планами* самыхъ разнообразныхъ предпріятій: то *затѣвалъ исторію Малороссіи*, и печаталъ въ газетахъ просьбы о присылкѣ ему матеріаловъ, то собирался „дернуть“ исторію среднихъ вѣковъ въ восьми томахъ, и т. д. Послѣ „Ревизора“ всѣ эти затѣи разсѣялись какъ дымъ, и Гоголь *даже не вспоминалъ о своихъ многочисленныхъ проектахъ*“ [1]).

Въ виду множества такихъ неосуществившихся предположеній у Гоголя, покойный О. Ѳ. Миллеръ безусловно несправедливо готовъ былъ признать Гоголя просто хвастуномъ, основываясь притомъ на мнимомъ сознаніи самого Гоголя: „право, есть во мнѣ что-то хлестаковское“ [2]) и: „поэты лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая сами себя“ [3]).

XVI.

По поводу этой черты Гоголя мы подробно высказали раньше свой взглядъ [4]), и между прочимъ и объ его неудачной профессурѣ, такъ какъ оба эти вопроса тѣсно связаны и объясняются одной и той же психологической чертой: „Сдѣлавшись на короткое время профессоромъ, Гоголь, во всякомъ случаѣ, не ожидалъ той убійственной неудачи, которая заставила его такъ скоро оставить избранное поприще. Рискованное притязаніе его возбуждало строгія порицанія и упреки въ недобросовѣстности, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ немаловажную роль играли обычныя грандіозныя его иллюзіи, и что онъ не столько обманывалъ другихъ, какъ обыкновенно полагаютъ, сколько обманывался самъ въ своихъ широкихъ замыслахъ“ [5]). Гоголь самъ

щить она не могла, кромѣ курьёза: въ классной комнатѣ выходная дверь была рядомъ съ другой дверью—въ какой-то шкапъ, и Гоголь постоянно ошибался дверями, такъ что ученицы кричали ему вслѣдъ: „Monsieur Гоголь, это шкапъ!“

1) „Русское Богатство“, 1902, III, 240.

2) „Письма“, III, 399.

3) Тамъ же, IV, стр. 115.

4) „Матеріалы“, т. IV, стр. 617 и слѣд.

5) „Матеріалы“, т. IV, стр. 657 и слѣд., и т. II, стр. 118.

сознавалъ это въ себѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его „письма къ одному литератору“: „Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться: и ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, *и нашъ братъ, грѣшный литераторъ*, окажется подчасъ Хлестаковымъ“ [1]). Въ Гоголѣ всегда жила свойственная геніальнымъ натурамъ потребность широкаго розмаха. Онъ, какъ и подобаетъ генію, шелъ въ жизни крупными шагами, и не способенъ былъ къ прозябанію на одной точкѣ; въ жизни его было много неудачъ, но все-же наличность блестящихъ, необыкновенныхъ дарованій постоянно обезпечивала ему видныя мѣста въ литературѣ и общественной средѣ; если его грандіозныя мечты часто обманывали его, то въ его жизни были и тріумфы, и она отнюдь не представляла собой безразсвѣтныхъ сѣренькихъ будней. Достаточно того, что онъ сразу занялъ почетное положеніе въ кругу первоклассныхъ литературныхъ свѣтилъ, а Бѣлинскій сразу провозгласилъ его занявшимъ „коронное мѣсто въ литературѣ, оставленное Пушкинымъ“ [2]), и это было сказано уже въ 1834 году. Вездѣ ему были открыты двери, и геній пробивалъ ему широкую дорогу. О планахъ и намѣреніяхъ Гоголя мы судимъ, конечно, по результатамъ, что̀, казалось бы, и основательно, но и здѣсь есть опасность ошибки: осуждая Гоголя за неудачную профессуру и прославляя его какъ художника, мы упускаемъ изъ виду, что намъ легче разсуждать объ этомъ теперь, post factum и на досугѣ, нежели ему рѣшать трудную задачу жизни.

XVII.

Такое же убѣжденіе въ заблужденіи Гоголя относительно ученой карьеры и правъ на профессуру высказываетъ и г. Венгеровъ въ своей статьѣ: „Писатель-гражданинъ“, но, къ сожалѣнію, онъ становится на ложную почву, оправдывая Гоголя тѣмъ, что въ его время и *другіе* профессора были не лучше, и что весьма часто они были плохо подготовлены и читали по иностраннымъ учебникамъ. По мнѣнію г. Венгерова, Гоголь имѣлъ право на каѳедру, и если профессура принесла ему, по

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 287.
[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 294.

собственному его сознанію, безславіе, „то, главнымъ образомъ, потому, что отъ него, съ такимъ блескомъ выступившаго на литературномъ поприщѣ, ожидали такого же блеска и на научномъ“ [1]). Но главное-то, все-таки, то, что самъ Гоголь, вслѣдствіе своихъ литературныхъ успѣховъ, ожидалъ того же и отъ профессуры. Но нельзя не согласиться съ слѣдующими словами г. Венгерова: „Обычное отношеніе къ профессорству Гоголя, какъ къ чему-то близко граничащему съ нахальствомъ и даже, по выраженію Ореста Миллера, „позорному“, страдаетъ отсутствіемъ исторической перспективы“ [2]), потому что въ болѣе близкое къ намъ время едва ли могло бы произойти что-либо подобное: ни Гоголь не заявлялъ бы такъ смѣло научныхъ притязаній, ни оффиціальныя лица не предоставили бы ему такъ легко каѳедру. Притязанія Гоголя были основаны на самообольщеніи и такой глубокой и вполнѣ искренней увѣренности въ себѣ и своихъ силахъ, которая невольно импонировала и другимъ. Эту черту теперь прекрасно разъяснилъ проф. Чижъ, невольно сразу разрушая цѣлый рядъ гипотезъ г. Каманина [3]). Странно, что, увлекаясь своей тенденціей и приводя въ подтвержденіе ея отзывы о Гоголѣ, какъ историкѣ, Погодина и Максимовича, г. Каманинъ упустилъ изъ виду, что Погодинъ говоритъ только, что Гоголь „подаетъ большія *надежды* для разработки малороссійской исторіи“, а именно разстояніе между дѣйствительностью и колоссальными призрачными надеждами нерѣдко у Гоголя было необъятное, и онъ былъ такъ созданъ, что передъ его умственнымъ взоромъ носились грандіозныя перспективы. Эта черта обнаруживалась въ его характерѣ съ ранняго дѣтства, когда онъ рисовалъ себѣ блестящую перспективу на поприщѣ государственной службы. И черта эта не покидала его до самаго конца, такъ что даже послѣ фіаско „Переписки съ друзьями“ Анненковъ хотя нашелъ его „гораздо осторожнѣе во мнѣніяхъ, но все еще *оптимистомъ* въ высшей степени и едва понятнымъ“ [4]). Г. Каманинъ ссылается еще на то, что Максимовичъ назвалъ Гоголя даже „новымъ историкомъ Малороссіи“, но вѣдь и это были опять *только мечты, надежды*. Вѣдь это мнѣніе основано на словахъ письма Гоголя къ Максимовичу отъ 9 ноября 1833 года: „Теперь я *принялся* за исторію нашей

---

[1]) „Русское Богатство“, 1902, III, 224.

[2]) Тамъ же, стр. 225.

[3]) См. „Вопросы философіи и психологіи“, книга 68, стр. 426 и слѣд.

[4]) „П. В. Анненковъ и его друзья“, стр. 515.

единственной, (нашей) бѣдной Украйны“ [1]), и къ Погодину отъ 8 мая 1833 г., гдѣ онъ говоритъ о своей *надеждѣ* написать „увѣсистую вещь“ [2]). Г. Чижъ по этому поводу говоритъ: „Глубокое, органическое убѣжденіе въ превосходствѣ такъ дѣйствовало на умныхъ и авторитетныхъ друзей Гоголя, что и тѣ очень скоро убѣдились, что авторъ „Вечеровъ“ можетъ писать и объ исторіи, и объ этнографіи, и объ архитектурѣ, однимъ словомъ, можетъ всему учить“ [3]). Если Гоголь въ концѣ 1833 г. лишь *принялся* за исторію Малороссіи, то это слѣдуетъ отнести къ черновой редакціи, когда были написаны „Носъ“ и „Вій“, текстъ которыхъ находится въ той же записной книжкѣ [4]), а ту обработку, въ какой напечатаны „первыя главы изъ исторіи Малороссіи“, она получила, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, въ февралѣ или мартѣ 1834 года [5]). Притомъ въ письмѣ къ Погодину отъ 19 марта 1834 г. Гоголь сообщаетъ, что болѣзнь помѣшала ему обработать обѣщанный отрывокъ изъ исторіи; что „исторія у него въ такомъ забытіи и *такою облечена пылью*, что онъ боится подступиться къ ней, и чтобы вырвать изъ нея отрывокъ для печати, нужно ее хорошенько перечистить“ [6]).

Но г. Каманинъ пытается опровергнуть всѣ доводы Н. С. Тихонравова, говоря: „если записная тетрадь № 3 сохранилась, то это позволяетъ лишь предположить дѣло случая, а не то, что другихъ записныхъ книгъ не существовало“ [7]). Но эти слова показываютъ только, что г. Каманинъ въ данномъ пунктѣ совсѣмъ не въ курсѣ дѣла. Да кто же это можетъ предполагать, что другихъ записныхъ книгъ не существовало, когда, напротивъ, *положительно извѣстно*, что онѣ *существовали*, и подробное ихъ описаніе г. Каманинъ могъ бы найти въ седьмомъ томѣ оконченнаго нами Тихонравовскаго изданія. Если же утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Каманинъ, что Гоголь могъ исторію Малороссіи, какъ большой трудъ, вести въ особой, уничтоженной потомъ, тетради или книгѣ, „которая, *можетъ быть*, погибла въ огнѣ камина“ [8]), то почему бы не предположить заодно, что Гоголь написалъ и всеобщую исторіи тоже въ особыхъ, не со-

[1]) „Письма“, I, 263.
[2]) Тамъ же, стр. 250.
[3]) „Вопросы философіи и психологіи“, 1903, книга 68, стр. 421—422.
[4]) См. объясненія Н. С. Тихонравова, Соч. Гоголя, изд. X, т. II, 566; т. VII, 905, и т. I, 692.
[5]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 579.
[6]) „Письма“, т. I, стр. 285.
[7]) Каманинъ, стр. 22.
[8]) Каманинъ, стр. 23.

хранившихся и погибшихъ въ огнѣ камина тетрадяхъ; вѣдь 23 декабря 1833 г. онъ писалъ Погодину: „Я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи. Я начну исторію Украйны и юга Россіи и напишу всеобщую исторію“ [1]). Гоголь утверждалъ даже, что пишетъ „исторію всю отъ начала до конца. Она будетъ въ шести малыхъ или въ четырехъ большихъ томахъ“ [2]), и что ему кажется, что онъ сдѣлаетъ „кое-что не общее во всеобщей исторіи“ [3]), и, наконецъ, что „присяжные знатоки“ ошибаются, потому что глядятъ на этотъ кусокъ („Взглядъ на составленіе Малороссіи“) какъ на полную исторію Малороссіи, забывая, что еще впереди цѣлыхъ восемьдесятъ главъ“ [4]). Но, наконецъ, пусть это все такъ, но все же эти главы могли писаться приблизительно въ промежуткѣ отъ 9 ноября 1833 г. до 29 марта 1834 г., и во всякомъ случаѣ эти главы не могли не уступать напечатаннымъ.

Кстати отмѣтимъ и увлеченіе г. Венгерова, который нѣсколько наивно полагаетъ, что, будто бы, „Гоголю стоило только написать Брадке, что онъ беретъ предлагаемую каѳедру въ Кіевѣ, и его тотчасъ же назначили бы экстраординарнымъ профессоромъ“ [5]), тогда какъ Гоголю случалось жаловаться на неисполненіе обѣщаній Брадке [6]). Нельзя также не возразить г. Чижу, когда онъ отрицаетъ общественные факты, какъ, напр., любовь Гоголя къ Украйнѣ и его огульное утвержденіе, будто Гоголь всегда былъ недоволенъ тѣмъ городомъ, въ которомъ жилъ долго [7]). Это несправедливо не только въ отношеніи къ Риму, но и къ Москвѣ. „Гоголь, — говоритъ проф. Чижъ,—ничего и никого кромѣ себя любить не могъ и не могъ любить Малороссію, а любовь Гоголя къ Риму объясняется съ точки зрѣнія спеціально-медицинской, какъ мѣсто, въ которомъ онъ чувствовалъ себя хорошо“ [8]), и энергично отрицаетъ любовь Гоголя къ природѣ и искусству, какъ и вообще художественность его натуры [9]).

---

[1]) „Письма“, I, 271.

[2]) Тамъ же, I, 277.

[3]) Тамъ же, I, 275.

[4]) Тамъ же, стр. 300.

[5]) „Русское Богатство“, 1902, III, 227.

[6]) „Письма“, I, 298.

[7]) „Вопросы философіи“, тамъ же, стр. 431.

[8]) Тамъ же, стр. 457.

[9]) Изъ мелкихъ погрѣшностей его работы отмѣтимъ его предположеніе, что, *можетъ быть*, мысль о профессурѣ въ Кіевѣ подалъ ему Максимовичъ, тогда какъ это *положительно извѣстный фактъ*.

Отмѣтимъ далѣе, что, въ противоположность г. Каманину, г. Овсянико-Куликовскій и г. Чижъ, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія, сходятся въ признаніи отсутствія у Гоголя серьезнаго влеченія къ разработкѣ малороссійской исторіи, причемъ г. Овсянико-Куликовскій замѣчаетъ: „Равнодушіе и даже отвращеніе Гоголя къ русской исторіи есть фактъ въ своемъ родѣ знаменательный и, какъ почти все у Гоголя, не лишенный своей психологической загадочности“ [1]). Г. Чижъ съ своей стороны говоритъ: „если бы Гоголь былъ здоровъ, то онъ легко бы понялъ, что для него средняя исторія, въ виду его незнанія древнихъ и новыхъ языковъ, совершенно недоступна, а русской исторіей онъ могъ заняться, и даже съ успѣхомъ, какъ великій мастеръ слова, если не научнымъ, то художественнымъ чутьемъ понимающій многое въ жизни, недоступное самымъ серьезнымъ ученымъ“ [2]). „Если бы его дѣйствительно интересовала исторія Малороссіи, если бы онъ обладалъ способностью къ научнымъ занятіямъ, хотя бы въ той же мѣрѣ, какой надѣлены обыкновенные смертные, онъ бы занялся исторіей „боготворимой“ Украйны, не написалъ бы нѣсколько томовъ, а ограничился бы нѣсколькими скромными статьями. Гоголю исторія Малороссіи, когда онъ увидѣлъ, что онъ не можетъ написать ни одного тома, опостылѣла, онъ совершенно ее забросилъ, не хотѣлъ даже занять каѳедры русской исторіи, заѣхать къ Срезневскому“ [3]).

XVIII.

Г. Каманинъ, относя начало малороссійской исторіи Гоголя даже къ годамъ его ученичества, полагаетъ, что въ 1834 г. она была уже вторично обработана, причемъ онъ опирается на слова Гоголя, что извѣстная статья „Взглядъ на составленіе Малороссіи“ была имъ написана „очень давно“. Въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова по обыкновенію обстоятельно объяснена причина такого сомнительнаго утвержденія (особенно въ связи съ множествомъ твердо установленныхъ фактовъ такого же характера. По поводу выноски Гоголя къ этой статьѣ онъ говоритъ: „на самомъ дѣлѣ этотъ эскизъ составляетъ не первую главу „Исторіи Малороссіи“, которая *не была написана*, а обра-

[1]) Овсянико-Куликовскій, стр. 60.

[2]) „Вопросы философіи“, тамъ же, стр. 432. Ср. мнѣніе Венгерова („Русск. Богатство“, 1902, III, 227).

[3]) „Вопросы философіи“, кн. 68, стр. 433.

ботку отрывковъ и замѣтокъ, набросанныхъ въ записной тетради № 3".

Дѣйствительно, статья „Взглядъ на составленіе Малороссіи" представляетъ въ сущности какъ бы первоначальный набросокъ того отрывка „Тараса Бульбы", который начинается словами: „Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы" [1]). Это было уже указано Тихонравовымъ [2]).

Оставивъ мысль объ исторіи Малороссіи уже въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, Гоголь рѣшился перенести, въ вновь измѣненномъ видѣ, эти отрывки въ поэму „Тарасъ Бульба". Существенное различіе представляетъ здѣсь лишь замѣна сравненія вольности запорожскихъ казаковъ другимъ, смягченнымъ и опоэтизированнымъ—съ кругомъ школьныхъ товарищей—и устраненіе менѣе умѣстнаго въ поэмѣ, чѣмъ въ исторіи, противоположенія ихъ западно-европейскимъ рыцарямъ. Контрастъ этотъ въ поэмѣ опущенъ, но слѣды его сохранились: „Это, однакожъ, не были строгіе рыцари католическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣтовъ, никакихъ постовъ" [3]); въ „Тарасѣ Бульбѣ": „вся Сѣчь готова была защищать церковь до послѣдней капли крови, хотя слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи" [4]). Само собой разумѣется, что въ „Тарасѣ Бульбѣ" опущена также чудная характеристика Украйны, составляющая III отдѣлъ статьи „Взглядъ на составленіе Малороссіи", и многое другое, не имѣющее прямого отношенія къ разсказу. Но въ остальномъ сходство поразительное, вплоть до отдѣльныхъ выраженій; напр., во „Взглядѣ": „Толпа (азіатскихъ завоевателей), разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, колоритъ на всю Украйну, сдѣлавшій чудо—*превратившій мирныя славянскія племена въ воинственныя*, извѣстныя подъ именемъ казаковъ" [5]); въ „Тарасѣ Бульбѣ": „браннымъ пламенемъ объялся древлемирный славянскій духъ и завелось казачество"; поразительное сходство представляетъ также описаніе разнородной толпы, составлявшей ядро Запорожской Сѣчи. При такомъ повтореніи цѣлыхъ картинъ и отдѣльныхъ выраженій не легко повѣрить, чтобы въ данномъ случаѣ мате-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 251.

[2]) Тамъ же, стр. 659—660.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 205.

[4]) Тамъ же, стр. 270.

[5]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 203.

ріалъ, извлекаемый Гоголемъ изъ черновыхъ набросковъ, былъ неистощимъ, какъ могло бы казаться [1]). И вѣдь, если думать, что Гоголь могъ безслѣдно уничтожить обширный и уже совсѣмъ готовый трудъ по исторіи Малороссіи по извѣстной, свойственной ему, авторской неудовлетворенности, на томъ основаніи, что онъ предалъ огню также и „Мертвыя Души“, то такой смѣлой гипотезѣ, опирающейся на некритическое отношеніе къ словамъ Гоголя, можно противопоставить равносильную: „какъ, издавая своего „Ганца Кюхельгартена“, Гоголь писалъ, что „многія изъ картинъ, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли“, и въ видѣ captatio benevolentiae ссылается на восемнадцатилѣтній возрастъ автора; такъ и въ данномъ случаѣ указаніе приводимыхъ г. Каманинымъ словъ автора о томъ, что статья „Взглядъ на составленіе Малороссіи“ будто бы представляла первую главу Исторіи Малороссіи, не можетъ быть безъ критики принято на вѣру. Кто внимательно читалъ примѣчанія Тихонравова, для того лишнее приводить еще доказательства.

XIX.

Въ отрывкѣ „Плѣнника“ мы снова находимъ много картинъ и выраженій, вошедшихъ потомъ въ поэму „Тарасъ Бульба“. Напр., въ „Плѣнникѣ“: „Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, пробравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся подъ ними вызубренный (карнизъ), покрытый небольшими, своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестѣли и казались огнями или золотою надписью на бѣломъ карнизѣ“ [2]); въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „Обгорѣлый черный монастырь стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе; тамъ горѣлъ монастырскій садъ. Казалось, слышно было, какъ деревья шипѣли, обвиваясь дымомъ, и когда выскакивалъ огонь, онъ вдругъ освѣщалъ фосфорическимъ, лилово-огненнымъ свѣтомъ гроздія сливъ, или обращалъ въ червонное золото тамъ и тамъ желтѣвшія груши“ [3]). Въ „Плѣнникѣ“: „въ

---

[1]) Ср. въ „Матеріалахъ“ (I, 370): „Въ бѣглыхъ историческихъ замѣткахъ Гоголь блещетъ роскошью красокъ, разсыпанныхъ съ увѣренностью неистощимаго богатства, заставляющаго предполагать за выставленнымъ на видъ обширный скрытый запасъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было“.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 313.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 289.

той землѣ, гдѣ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, никто не строилъ крѣпкихъ строеній и зàмковъ, зная, какъ непрочно ихъ существованіе" [1]). Въ „Тарасѣ Бульбѣ": „вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, выжжена до тла неукротимыми набѣгами монгольскихъ хищниковъ; лишившись дома и кровли, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ; въ виду сосѣдей и вѣчной опасности, поселился онъ на пожарищахъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ ли какая боязнь на свѣтѣ" [2]). Въ „Плѣнникѣ" мы находимъ описаніе православнаго монастыря съ византійской архитектурой; описаніе входа въ подземелье подъ мрачными сводами, шествіе въ темнотѣ, и описаніе мелькающаго блеска свѣтильни, представляющаго рѣзкій контрастъ съ окружающей густой тьмой; въ „Тарасѣ Бульбѣ" то же самое переносится въ обстановку католическаго костела; и тамъ, и здѣсь описаніе сырости и могильнаго мрака подземелья, неожиданная непріятная встрѣча съ католическимъ монахомъ или польскимъ стражникомъ [3]).

Указанныхъ сопоставленій, намъ кажется, достаточно, чтобы подчеркнуть соотношеніе между разбираемыми картинами, и уже нетрудно будетъ доказать,—чтò собственно было уже почти высказано покойнымъ Трушковскимъ,—что „Остраница" есть въ сущности какъ бы первоначальный эпизодъ, изъ котораго впослѣдствіи возникъ „Тарасъ Бульба" [4]).

Разница между художникомъ-поэтомъ и живописцемъ въ обработкѣ сюжетовъ та, что послѣдній уже съ самаго начала выбираетъ сюжетъ и потомъ уже расширяетъ и обогащаетъ его, тогда какъ первый не только обставляетъ созданную имъ картину новыми эффектными и интересными подробностями,—разумѣя здѣсь, конечно, не *внѣшній* эффектъ,—но зачастую существенно измѣняетъ и самую рамку, и общій планъ повѣствованія, пользуясь, впрочемъ, въ иной группировкѣ тѣми подробностями и òбразами, которые особенно поразили его воображеніе; вотъ эти-то подробности, переносимыя изъ одного черноваго наброска

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 315.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 251.

[3]) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 314—315, и т. I, стр. 295—296.

[4]) Въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя" мы указали множество примѣровъ повторяемости типовъ у Гоголя. Кромѣ того, другіе примѣры указаны въ книгѣ А. Н. Веселовскаго „Этюды и характеристики", изд. 2, Москва, 1903, стр. 581—583 и 598—599, 601. Теперь мы приводимъ еще нѣсколько прежде не указанныхъ примѣровъ.

въ другой, являются потомъ нерѣдко зерномъ будущаго крупнаго созданія. Такъ, по крайней мѣрѣ, бывало у Гоголя. Такъ, сначала воображеніе Гоголя, еще, вѣроятно, въ дѣтствѣ, было сильно потрясено слышанными разсказами о неистовствахъ и жестокостяхъ поляковъ во время борьбы ихъ съ казаками, также—восторженнымъ, сильно идеализированнымъ прославленіемъ геройской стойкости и благороднаго мужества послѣднихъ, и разными возмущающими душу фактами, когда презираемые казаками евреи брали на откупъ святыя церкви и ставили мѣломъ значки на пасхахъ и т. п. Именно эти и подобныя картины мы и встрѣчаемъ въ „Плѣнникѣ", и едва ли не подъ вліяніемъ ихъ, и другихъ такихъ же, зародился потомъ у Гоголя интересъ къ исторіи Украйны; ихъ же находимъ мы неизмѣнно и въ другихъ раннихъ Гоголевскихъ набросвахъ; но для цѣлаго поэтическаго созданія и для полной картины они служили только смутнымъ предчувствіемъ, которое все-таки предрасполагало его и въ исторіи *не къ точному изслѣдованію, а къ художественному воспроизведенію* прошлыхъ вѣковъ, успѣшность котораго, въ свою очередь, обусловливала степень дальнѣйшаго интереса къ историческимъ трудамъ, угасавшаго при болѣе вялой работѣ воображенія.

Какъ мы сказали, уже Трушковскій тонко подмѣтилъ близкое, какъ бы родственное сходство между „Остраницей" и „Тарасомъ Бульбой". Послѣ того, Кулишъ по слѣдамъ вырѣзанныхъ листовъ, на которыхъ были занесены черновые наброски „Остраницы", и ихъ соотвѣтствія съ оставшимися въ записной тетради корешками, убѣдился, что эти главы „неоконченной повѣсти" были вырѣзаны Гоголемъ передъ отъѣздомъ за границу съ цѣлью, какъ онъ предполагалъ, тамъ на досугѣ ихъ обработать; только не получившіе художественной отдѣлки, по мнѣнію Кулиша, были потомъ оставлены за штатомъ, вслѣдствіе почти исключительнаго погруженія Гоголя въ работу надъ „Мертвыми Душами". Въ этихъ словахъ Кулиша покойный Тихонравовъ справедливо отмѣтилъ неточность, что будто, предаваясь работѣ надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ", Гоголь за границей совсѣмъ забросилъ другіе сюжеты, и пришелъ къ заключенію, что отрывки эти были написаны въ 1831—1834 годахъ. Мы должны теперь съ своей стороны прибавить, что всѣ три названные изслѣдователя, основательно изучившіе Гоголя, были правы, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился прямо признать эти отрывки ученическими этюдами къ „Тарасу Бульбѣ", не заброшенными Гоголемъ по забывчивости или недостатку времени, но уже такъ или иначе въ значительной степени использованными.

XX.

Сдѣлаемъ сличеніе. Въ „Остраницѣ“ типы казаковъ описаны въ рѣшительныя, роковыя минуты ихъ жизни. „Странно было глядѣть на это море головъ, почти не волновавшееся. Благоговѣйное чувство обнимало зрителя. Все здѣсь собравшееся было характеръ и воля; но то и другое было тихо и безмолвно“ [1]). Въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурею, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа: волновались все характеры тяжелые и пылкіе“ [2]). Строки эти слѣдуютъ непосредственно за разсказомъ о томъ, что церкви были взяты на откупъ жидами и что послѣдніе ставили значки на пасхахъ. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ дерзкимъ и нахальнымъ начальникомъ польскаго отряда, о которомъ была рѣчь раньше, причемъ этотъ отвратительный ругатель и насильникъ употребляетъ именно ту самую брань и тѣ же самыя грубыя выраженія, которыя встрѣчаемъ и въ отрывкѣ „Плѣнникъ“: тѣ же „теремтете“, „мазенята“, „борода поповская“ и, кромѣ того, „гунство“ [3]). Типъ, очевидно, тотъ же самый. Какъ гайдукъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“, онъ также обладаетъ неизмѣримой величины усами, также бранитъ „холопскую вѣру“ [4]). Всѣ подобные эпизоды, повидимому, съ ранняго дѣтства трогали наивное религіозное и національное чувство Гоголя. Слѣдующее затѣмъ изображеніе стодвадцатилѣтняго старика, подвергшагося глумленію и оскорбительнымъ ругательствамъ со стороны безчеловѣчнаго „блюстителя порядка“, введенъ, очевидно, для усиленія впечатлѣнія, какъ и описаніе тѣхъ ужасныхъ истязаній, долженствующихъ возбудить въ читателяхъ гнѣвъ и состраданіе, которыя изображены въ „Плѣнникѣ“ и краткое описаніе которыхъ повторяется потомъ въ XI главѣ „Тараса Бульбы“, и для этого-то описанія, вѣроятно, и созданъ былъ весь отрывокъ „Плѣнникъ“. Любопытно, что при изображеніи „начальника отряда“, умильно поглядывавшаго на дѣвушекъ и оскорбительно-нахально обращавшагося съ ними, онъ называетъ ихъ тѣми же именами, которыя явятся вскорѣ въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 71.

[2]) Соч. Гоголя, т. I, стр. 280.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 313, и т. V, стр. 73.

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 352, и V, 14.

„Вечерѣ накануне Ивана Купала“ (именно Параска и Пидорка) [1]), а говоря о своей безпредѣльной, безумной любви къ Галѣ, Остраница называетъ ее: „серденько мое Галя, Галюночка, Галочка, Галюня, душка моя, крошка моя“ [2]), и ласки его напоминаютъ страстныя ласки Левка къ Ганнѣ въ „Майской Ночи“. Онъ говоритъ о своей любви: „Лучше бы пропалъ, не живши“ [3]). Ср. слова Гоголя объ Андріи: „И погибъ казакъ“ [4]) и проч. Вообще, въ любовномъ діалогѣ Остраница въ моментъ спокойной ласки соотвѣтствуетъ Левку, а въ безумномъ, страстномъ порывѣ—Андрію. Онъ такъ говоритъ о своей любви: „Увидѣлъ хорошую дивчину—и все позабылъ, все къ чорту! Охъ, очи, черныя очи! Захотѣлъ Богъ погубить людей за беззаконья и послалъ васъ“ [5]). Въ той же повѣсти: „Что за соромный народъ бабы! Пришла жъ охота Господу Богу породить этакое племя! Или ему недосугъ тогда было, или Богъ его знаетъ, что Ему тогда было!“ [6]). Въ „Сорочинской Ярмаркѣ“: „Господи Боже мой! И такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!“ [7]) Въ „Остраницѣ“: „Гдѣ любовь такая настоящая, такая, какъ слѣдуетъ, тамъ нѣтъ ни брата, ни отца“ [8]). Ср. въ „Майской Ночи“: „Что мнѣ до матери? ты у меня мать и отецъ и все, что есть дорогого на свѣтѣ“ [9]). Ср. въ „Тарасѣ Бульбѣ“ слова Андрія: „А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна!“ [10]). Далѣе, мать Гали въ „Остраницѣ“, повидимому, соотвѣтствуетъ матери Остапа и Андрія въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „для нея нѣтъ и не будетъ ужъ ничего въ мірѣ, когда не будетъ ея дочери“ [11]). Описаніе роскошныхъ, чарующихъ формъ Гали соотвѣтствуетъ такому же описанію другихъ молодыхъ дѣвушекъ [12]). Изъ мелкихъ чертъ сходства отмѣтимъ разспросы Тараса о казакахъ и

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 74. „Ай да Параска! Ай да Пидорка!“

[2]) Тамъ же, стр. 90.

[3]) Тамъ же, стр. 89.

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 306.

[5]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 90.

[6]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 86.

[7]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 18. По свидѣтельству П. В. Анненкова, когда Гоголь работалъ надъ пьесой „Выбритый усъ“, онъ увидѣлъ, что на бумажкѣ у него было написано: „И зачѣмъ это Господь Богъ создалъ бабъ на свѣтъ? Развѣ для того, чтобъ казаковъ рожала баба?“

[8]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 89.

[9]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 167.

[10]) Тамъ же, стр. 305.

[11]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 89.

[12]) „Матеріалы“, т. I, стр. 269—270, и т. II, стр. 89.

полученные имъ отвѣты [1])—и разспросы встрѣчнымъ казакомъ Остраницы объ участи Дигтяя, Кузубіи и проч., и отвѣтъ на него: „Дигтяй твой сидитъ на колу у турецкаго султана, а Кузубія гуляетъ съ рыбами на днѣ Сиваша и тянетъ гнилую воду вмѣсто горилки“ [2]). Безсвязныя рѣчи пьянаго запорожца, подложившаго подъ голову боченокъ, и описаніе крѣпкаго, глубокаго сна казаковъ послѣ пирушки въ „Остраницѣ“ также имѣютъ параллель въ „Тарасѣ Бульбѣ“ [3]). Наконецъ можно упомянуть, что есть нѣкоторое, хотя и отдаленное сходство между присказкой о школярѣ въ „Остраницѣ“ и присказкой о школьникѣ или латынщикѣ въ предисловіи къ первой части „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“ [4]). До извѣстной степени имѣетъ значеніе даже сходное упоминаніе разныхъ принадлежностей костюма казачки, какъ, напр., плахты, кобеняка и проч., потому что, какъ видно изъ записныхъ книжекъ Гоголя, эти названія были Гоголемъ только-что незадолго передъ тѣмъ узнаны [5]) и записаны имъ въ „Книгѣ всякой всячины“ на стр. 225, причемъ въ концѣ выписки значится, въ припискѣ сверху: „изъ письма ко мнѣ отъ 4-го іюня 1829 г.“ [6]). Можетъ быть, и имя Кузубія, упомянутое въ „Остраницѣ“, взято изъ другой выписки въ той же „Книгѣ всякой всячины“, въ текстѣ одного изъ приводимыхъ тамъ документовъ, хотя тамъ, можетъ быть, не совсѣмъ разборчиво, написано: „Кузубиею“ (sic) [7]). Кромѣ того, мѣстами встрѣчаются даже почти тождественныя выраженія съ выраженіями въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ того же приблизительно времени; напр., „молодая ночь давно уже *обнимала* землю“ въ „Остраницѣ“ и въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „ночь еще только-что *обняла* землю“ [8]). Эти мелочныя указанія, оставляя нѣкоторыя другія, позволяемъ себѣ привести въ виду того, что именно множество мелочныхъ совпаденій и мелкихъ чертъ сходства могутъ окончательно утвердить въ убѣжденіи, что въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ эти сходныя черты не составляютъ случайности, но попадаются въ нихъ также мелкія совпаденія и съ другими, болѣе поздними произведеніями; такъ раз-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 267.

[2]) Соч. Гоголя, т. V, стр. 76.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 88, и т. I, стр. 275.

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 18, и т. I, стр. 6.

[5]) См. соч. Гоголя, изд. X, т. VII, стр. 884 и 885.

[6]) Тамъ же, стр. 885 и примѣч. 2-ое къ этой страницѣ.

[7]) Тамъ же, стр. 875.

[8]) Т. V, стр. 71, и т. I, стр. 254. Ср. также упоминаніе о буколической наукѣ, въ V, 137 и I, 224.

говоръ Пудька съ лошадью напоминаетъ въ „Мертвыхъ Душахъ" разговоръ Селифана съ Чубарымъ и засѣдателемъ: „убаюкиваемый его розсказнями, конь развѣсилъ уши и сталъ ступать уже шагомъ" [1]).

XXI.

Такое же несомнѣнное и поразительное сходство замѣчается и между статьей „Взглядъ на составленіе Малороссіи"—и нѣкоторыми мѣстами изъ „Тараса Бульбы". Напр. во „Взглядѣ": „Народъ, какъ бы понимая самъ свою ничтожность, оставлялъ тѣ мѣста, гдѣ разновидная природа начинаетъ становиться изобрѣтательницею..., оставлялъ эти мѣста и столплялся въ той части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно гладкое и ровное, вездѣ почти болотистое, истыканное печальными *елями* и *соснами* [2]), показывало не жизнь живую, исполненную движенія, но какое-то прозябаніе, поражающее душу мыслящаго. Какъ будто бы этимъ подтверждалось правило, что только народъ сильный жизнью и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній" [3]).

Въ „Тарасѣ Бульбѣ": „Русскій характеръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность" [4]). Во „Взглядѣ: „Это была земля страха, и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, котораго вся жизнь была бы повита и взлелѣяна войною" [5]). Въ „Тарасѣ Бульбѣ": „всякій приходящій сюда позабывалъ и бросалъ все, чтò дотолѣ его занимало", и далѣе длинный перечень: „здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка [6]) и проч. Во „Взглядѣ": „всякій имѣлъ волю приставать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непремѣнно принять греческую религію" [7]). Нѣсколькими строками ниже: „Нужно было видѣть этого обитателя пороговъ въ полутатарскомъ, полупольскомъ костюмѣ, на которомъ такъ рѣзко отпечаталась пограничность

---

[1]) Соч. Гоголя, т. V, стр. 79. Параллели въ „Страшной Мести" и „Тарасѣ Бульбѣ" были уже давно указаны мною (см. „Матеріалы", т. II, стр. 61—67.

[2]) Ср. т. V, стр. 656: „Чтó это за виды? Въ воздухѣ туманъ, въ землѣ кочки; обгорѣлые *пни*, *сосны*, *ельникъ*". Ср. въ первонач. ред. „М. Д." (VII, 372).

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 199.

[4]) Т. I, стр. 253.

[5]) Т. V, стр. 203.

[6]) Т. I, стр. 268.

[7]) Т. V, стр. 205.

земли, азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшемъ въ густой травѣ" [1]), и проч., и сходное описаніе въ „Тарасѣ Бульбѣ" [2]).

XXII.

Какъ истинный художникъ, Гоголь и въ исторіи не могъ мириться съ заурядным, вялымъ изложеніемъ и, чувствуя въ душѣ богатый запасъ яркихъ, художественныхъ ѻбразовъ, надѣясь и впредь найти ихъ въ изобиліи, представлялъ свою задачу въ томъ видѣ, какъ онъ ее характеризуетъ въ статьѣ „О преподаваніи всеобщей исторіи": „Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить величественную, полную поэму" [3]).

Въ нѣкоторыхъ, наиболѣе обработанныхъ лекціяхъ, напечатанныхъ въ „Арабескахъ", онъ дѣйствительно до извѣстной степени достигъ желаемыхъ результатовъ. Въ письмѣ къ Погодину отъ 11-го января 1834 г. онъ говоритъ: „Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна?" [4]) Но провести послѣдовательно черезъ весь обширный трудъ такой необычайный подъемъ вдохновенія было бы немыслимо, и для созданія *такой* исторіи потребовалась бы масса времени, особенно при довольно скромной предварительной подготовкѣ.

Г. Каманинъ ставитъ въ большую заслугу Гоголю, что въ своей исторіи онъ хотѣлъ излагать жизнь народа, а не описывать подвиги его вождей, и это совершенно вѣрно. Считая такой пріемъ правильнымъ, онъ говоритъ: „вотъ чего хотѣлъ Гоголь—указать мѣсто малороссійскаго народа въ міровой исторіи" [5]). Опять глубоко вѣрно, но дѣло-то вѣдь въ томъ, что при геніальной прозорливости Гоголь могъ стоять въ отношеніи общаго взгляда на задачи исторіи выше многихъ современныхъ ему историковъ; допустимъ это; но отъ пониманія задачи до ея осуществленія—цѣлая пропасть, и самъ г. Каманинъ тутъ же дѣлаетъ слѣдующее вполнѣ справедливое замѣчаніе, что „для 1834 г.

---

[1]) Т. V, стр. 205.

[2]) Т. I, стр. 264—265.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 141.

[4]) „Письма", т. I, стр. 275.

[5]) Каманинъ, стр. 12.

это была неисполнимая идея", а поэтому „неудивительно, если Гоголь былъ подавленъ великостью своей задачи, если онъ былъ всегда недоволенъ своими историческими трудами, и они не увидѣли свѣта" [1]). Далѣе г. Каманинъ основательно продолжаетъ: „Мы сомнѣваемся, чтобы даже въ наши дни могла появиться такая исторія, въ которой героемъ былъ бы народъ, а не отдѣльныя лица" [2]). Да, но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что *такую* исторію Гоголь могъ только задумать, но не написать. Потомъ онъ зачѣмъ-то прибавляетъ: „Гоголь глубже Пушкина понималъ исторію Малороссіи" [3]). Но это нисколько не странно и ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ для Гоголя это была заповѣдная область, которую онъ хотѣлъ избрать спеціальностью, тогда какъ Пушкинъ, повидимому, только случайно и мимоходомъ набросалъ ту программу, которую указываетъ Каманинъ. Онъ говоритъ далѣе: „Гоголь, благодаря историческому чутью своего генія, близко подходилъ къ истинѣ. Онъ вполнѣ основательно считалъ, что запустѣніе южной Руси было кратковременно, и возвратившееся населеніе заняло свои прежнія мѣста жительства. Это положеніе впослѣдствіи было прочнѣе обосновано проф. Максимовичемъ и Антоновичемъ. Гоголь также вѣрно *угадывалъ* время возникновенія казачества" [4]). Все это вѣрно, но самое слово *угадывалъ* указываетъ на геніальную прозорливость Гоголя и его даръ пророчества въ прошедшемъ, но отнюдь не на глубокое изученіе [5]). Отмѣтимъ еще одно вполнѣ вѣрное замѣчаніе г. Каманина: „если научныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи были малочисленны, то они выигрывали въ качествѣ, въ глубокомъ пониманіи исторической правды, которое свойственно лишь необыкновенно чуткой и впечатлительной душѣ поэта. Это глубокое пониманіе правды сказалось не только во „Взглядѣ на составленіе Малороссіи", но еще болѣе въ повѣстяхъ рисующихъ бытъ казачества" [6]).

XXIII.

Такимъ образомъ, въ маленькой, но содержательной брошюрѣ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Каманинъ, стр. 19.

[4]) Тамъ же, стр. 21

[5]) См. объ этомъ подробнѣе въ „Матеріалахъ для біографіи", т. II, стр. 265 и слѣд.

[6]) Каманинъ, стр. 23.

г. Каманина сказано много цѣннаго, при чемъ мы считаемъ долгомъ повторить, что, въ виду необходимости тщательной и неспѣшной провѣрки, мы многое, требующее спеціальнаго знакомства съ украинскими думами и лѣтописями, оставляемъ пока въ сторонѣ. Жаль только, что авторъ не уберегся отъ увлеченій и произвольныхъ предположеній, иногда совершенно невѣрныхъ,— напримѣръ, что въ семьѣ Гоголя *не могли* (?!) не упоминать объ Остапѣ Гоголѣ, что̀, какъ мы видѣли, вполнѣ отрицается приведеннымъ нами сообщеніемъ покойной Анны Васильевны Гоголь.

Такъ же рискованно и бездоказательно предположеніе г. Каманина, будто отрывокъ „Плѣнникъ", вопреки утвержденію біографовъ, „*долженъ быть признанъ* (?) остаткомъ несохранившагося романа съ совершенно отдѣльнымъ сюжетомъ" [1]). „Второй главой отрывка романа „Гетманъ",—говоритъ онъ,—мы болѣе склонны считать не „Плѣнника", а небольшой безвѣстный отрывокъ, изображающій ставку казацкаго полковника. Быть можетъ, эту главу и разумѣлъ Гоголь, говоря о двухъ напечатанныхъ отрывкахъ „Гетмана" [2]). Но основаніе для такого заключенія черезчуръ недостаточное и чисто внѣшнее: „Передъ ставкой стоитъ сторожевой казакъ, — читаемъ мы въ *безвѣстномъ отрывкѣ*, — не допускающій молодого человѣка въ кунтушѣ проникнуть къ полковнику". „Безвѣстный отрывокъ" начинается словами: „Мнѣ нужно видѣть полковника" [3]). По мнѣнію г. Каманина, подъ полковникомъ въ данномъ случаѣ разумѣется не кто другой, какъ полковникъ Глечикъ изъ отрывка „Гетманъ", но такому смѣлому предположенію, кромѣ выше указаннаго соображенія по поводу фамиліи Глечикъ, противится то обстоятельство, что „безвѣстный отрывокъ", занесенный въ своемъ черновомъ и отрывочномъ видѣ въ записную тетрадь № 2 [4]), могъ быть написанъ только въ промежуткѣ отъ 1831 до 1834 гг., тогда какъ отрывокъ „Гетманъ", какъ признаетъ и г. Каманинъ, относится къ нѣжинскимъ ученическимъ годамъ Гоголя. Мы же замѣтили бы съ своей стороны, что типъ грубаго сторожевого казака, повидимому, явно соотвѣтствуетъ типу грубаго начальника отряда въ „Остраницѣ" и гайдуку въ „Тарасѣ Бульбѣ".

---

[1]) Каманинъ, стр. 25.

[2]) Тамъ же, стр. 26.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 99.

[4]) См. примѣч. Тихонравова, т. V, стр. 549. Замѣтимъ, что Тихонравовъ нигдѣ не называетъ этотъ отрывокъ „второй главой", какъ говоритъ г. Каманинъ (Каманинъ, стр. 25, примѣч. 2-е).

XXIV.

Высказавъ много вѣрнаго объ идеалахъ Гоголя, какъ историка, г. Каманинъ упустилъ изъ виду, что напечатанныя выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ представляютъ отнюдь не трудъ знатока-спеціалиста, а напротивъ, обличаютъ въ Гоголѣ человѣка недостаточно подготовленнаго, но вооружившагося иностранными, именно французскими пособіями, на что повсюду указываетъ уже самая транскрипція именъ. Приведемъ данныя.

Въ лекціи седьмой Гоголь говоритъ о мужествѣ Тарика, „который разбилъ совершенно готовъ при Ксересѣ (читай: Хересѣ) и Гвадалетѣ". Употребляя по обыкновенію названіе извѣстнаго Хереса де-ла-Фронтера въ иностранной формѣ, Гоголь, кажется, не подозрѣвалъ, что Хересъ находится при рѣкѣ Гвадалетѣ и, быть можетъ, думалъ, что рѣчь здѣсь шла о двухъ разныхъ битвахъ [1]). Въ десятой лекціи Гоголь говоритъ: „Магометъ до сорока лѣтъ своего возраста былъ бѣденъ, путешествовалъ съ чужими караванами" [2]). Между тѣмъ Магометъ двадцати-пяти лѣтъ поступилъ на службу къ богатой сорокалѣтней вдовѣ купеческой, (Хадиджѣ), на которой и женился" [3]). Спеціалисты. конечно, могли бы указать и другіе промахи.

XXV.

Чтобы ближе ознакомиться съ пріемами задуманнаго Гоголемъ историческаго труда по сохранившимся черновымъ выдержкамъ изъ его лекцій, разберемъ вторую лекцію „О движеніи народовъ германскихъ, причинившихъ разрушеніе западной римской имперіи".

Принявъ за образецъ Гердера, Шлёцера и Миллера, Гоголь задается цѣлью придать своимъ лекціямъ прагматизмъ. Онъ стремится вездѣ выяснять вліяніе естественныхъ условій страны на судьбу ея народа, вліяніе религіи и степени культуры, и кромѣ

---

[1]) См., напр., руководство ко всеобщей исторіи Лоренца, ч. II, отд. 2, стр. 322. Впрочемъ, у насъ въ XVIII в. вообще была въ ходу форма *Ксересъ*. См. Соч. Гоголя, изд. т. VI, стр. 693.

[2]) Т. VI, стр. 311.

[3]) Т. VI, стр. 694, примѣч. къ стр. 311.—Березинъ, „Русскій Энциклопедическій Словарь", М.—Н., стр. 426, и Брокгауза и Ефрона, 99-й полутомъ, стр. 47.

того, по укоренившейся въ немъ съ дѣтства привычкѣ въ каждомъ шагѣ личной жизни усматривать перстъ Провидѣнія, дѣлаетъ попытки разгадывать и объяснять таинственные пути Провидѣнія, какимъ оно ведетъ народы къ предназначенной имъ миссіи. Въ началѣ лекцій Гоголь беретъ слишкомъ широкій масштабъ для развитія темы, выясняя историческую необходимость движенія готовъ въ славянскія равнины Европы, и все это излагаетъ обстоятельно и художественно.

При обработкѣ лекцій Гоголь заботился и о художественныхъ эффектахъ, для чего, по торопливости и спѣшности работы, не имѣлъ достаточно времени, но врожденный инстинктъ художника побѣждалъ въ немъ ученаго, вовлекая его въ риторическія украшенія рѣчи отборными эпитетами и сравненіями. Такъ онъ называетъ Гензериха „нумидійскимъ львомъ“ и „вѣнчаннымъ пиратомъ“ [1]; у него не рѣдкость такія выраженія, какъ „вся Европа, несмотря на то, что уже, повидимому, казалась неподвижною, двигалась и шевелилась, подобно огромному рынку [2]).

Но если сравнить лекціи Гоголя по всеобщей исторіи съ его отрывками изъ исторіи Малороссіи, то въ первыхъ все-таки бросается въ глаза сравнительная бѣдность художественныхъ образовъ, объясняемая тѣмъ, что въ данномъ направленіи воображеніе его раньше работало сравнительно мало, и потому такого обильнаго готоваго запаса художественныхъ образовъ у него въ этой сферѣ не было [3]).

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 338.

[2]) Тамъ же, т. V, ст. 343.

[3]) Сдѣлаемъ подробное сличеніе лекціи и статьи.

Отдѣлъ статьи „О движеніи народовъ“, начинающійся словами: „Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный міръ отъ римскаго“ (V, 321) соотвѣтствуетъ въ лекціи „О движеніи народовъ“ отдѣлу: „Всѣ эти германскія племена имѣли фамильное между собою сходство и рѣзко отличались физическимъ образованіемъ своимъ“ (VI, 281). Этотъ отдѣлъ представляетъ значительное распространеніе соотвѣтствующаго отрывка въ лекціи, начинающагося словами: „религія ихъ, какъ народа не вполнѣ осѣдлаго“... (VI, 282). Здѣсь есть даже тождественныя выраженія: „они собирались на народныя собранія, стекавшіяся при новолуніи и полнолуніи каждаго мѣсяца“ (V, 324, и VI, 282). Далѣе, въ статьѣ объ образѣ жизни древнихъ германскихъ народовъ (V, 323): „германскіе народы долго сохраняли первоначальный образъ жизни“; въ лекціи: „жили они разсѣянно, племенами“ (VI, 282). О пиршествахъ ср. стр. 326-ую V тома и т. VI, стр. 282; въ лекціи: „потрясеніе, произведшее первое большое движеніе народовъ, было сдѣлано племенами Оденова происхожденія“ (VI, 283). Ср. далѣе о гуннахъ VI, 282 и V, 331; раздѣленіе германскихъ племенъ (V, 326 и VI, 281 и 282). Наконецъ, послѣдняя часть представляетъ въ статьѣ и въ лекціи рѣзко бросающееся въ глаза сходство, потому что эта часть статьи осталась гораздо менѣе обработанной и близкой къ первоначальному черновому наброску.

XXVI.

Въ нѣкоторой связи съ разсмотрѣннымъ вопросомъ находится не совсѣмъ до сихъ поръ разъясненное душевное состояніе Гоголя въ 1833 году. Уже Кулишъ обратилъ вниманіе на загадочный застой въ литературной дѣятельности его въ этомъ году. Защитники историческихъ трудовъ Гоголя и гипотезы о сочиненіи имъ вполнѣ готовой обширной исторіи Малороссіи, если бы догадались, могли бы ухватиться за этотъ фактъ, но необходимо найти ему не гадательное, а основанное на прочныхъ данныхъ объясненіе. „Въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ 1833 г.,—говоритъ Кулишъ [1]),—съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были непріятности по службѣ, или по предмету его литературныхъ занятій; но едва ли не будетъ вѣрнѣе, что то была „забота юности—любовь". Это заключеніе, какъ видно изъ подчеркнутыхъ Кулишемъ строкъ, онъ основывалъ на слѣдующихъ словахъ письма Гоголя къ Максимовичу отъ 9 ноября 1833 г.: *„Еслибы вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я перенесъ, сколько перестрадалъ!"* [2]). Но здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ произвольной, ни на чемъ не основанной догадкой, не имѣющей за себя ровно никакихъ положительныхъ данныхъ. Въ настоящее время, когда вопросъ объ отношеніяхъ Гоголя къ женщинамъ хотя нѣсколько разъясненъ, догадки Кулиша должны быть отвергнуты. Въ своихъ „Матеріалахъ" мы указали, также въ видѣ вѣроятнаго предположенія, иную причину,—именно болѣзненное состояніе Гоголя въ этотъ промежутокъ времени [3]), а затѣмъ отмѣтили непосредственно послѣ этого наступившее въ 1834 г. „повышенное настроеніе", особенно ярко выразившееся въ статейкѣ „1834 годъ" и, главнымъ образомъ, въ концѣ: „Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество. *Я совершу"* [4]).

Спеціалисты-психіатры предлагаютъ теперь болѣе обстоятельныя разъясненія занимающаго насъ факта. Смѣна психиче-

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя", т. I, стр. 123—124.

[2]) „Письма", т. I, стр. 263.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 106.

[4]) „Матеріалы", т. II, стр. 159—260. Плетневъ въ одномъ письмѣ къ Жуковскому говоритъ о страданіяхъ Гоголя въ это время отъ холодной квартиры (Соч. Плетнева, т. III, стр. 528).

скихъ настроеній у Гоголя, по мнѣнію доктора Баженова, была почти правильно періодическая. Кстати здѣсь замѣтить, что если доктору Баженову ставили въ упрекъ, что статья его несвободна отъ профессіональнаго увлеченія, то надо имѣть въ виду, что вопросъ о душевномъ состояніи Гоголя въ ней поставленъ нѣсколько прямолинейно; это произошло отъ того, что докторъ Баженовъ строго держится рамокъ спеціальнаго изслѣдованія, въ отличіе отъ доктора Чижа, тщательно разсматривающаго душевную болѣзнь Гоголя въ связи со всей совокупностью извѣстныхъ біографическихъ фактовъ. Въ частности необходимо отмѣтить, что докторъ Баженовъ слишкомъ преувеличенное значеніе придаетъ вліянію на психическую жизнь Гоголя смерти Пушкина, что̀ впрочемъ дѣлали и до него С. Т. Аксаковъ, Кулишъ, Авенаріусъ и другіе [1]). Подобное крайне одностороннее преувеличеніе можно указать также въ статьѣ Будде („Русск. Мысль“ 1901, кн. 12), гдѣ *всѣ рѣшительно* несчастія и неудачи въ жизни Гоголя и, наконецъ, сильное развитіе его болѣзни приписываются исключительно цензурнымъ придиркамъ и стѣсненіямъ (!).

XXVII.

Еще одинъ вопросъ довольно большой важности мимоходомъ и невзначай затрогиваетъ г. Каманинъ своимъ рискованнымъ утвержденіемъ, будто бы Пушкинъ съ *одинаково* живымъ интересомъ относился какъ къ литературнымъ, такъ и къ научнымъ трудамъ Гоголя. Такое мнѣніе ровно ничѣмъ не подтверждается и вообще представляетъ слишкомъ мало вѣроятія; но возникаетъ вопросъ: какъ же именно относился Пушкинъ къ научнымъ трудамъ Гоголя? Такъ какъ извѣстно изъ „Авторской Исповѣди“, что именно Пушкинъ окончательно открылъ глаза Гоголю на его истинное призваніе и что раньше передачи сюжета „Мертвыхъ Душъ“ онъ не разъ безуспѣшно склонялъ Гоголя приняться за крупный литературный трудъ, то можно было бы заключить, что, оцѣнивъ по достоинству геній Гоголя, Пушкинъ задался мыслью направить его дарованіе въ надлежащую сторону и что, слѣдовательно, онъ не могъ одобрять разбросанность трудовъ и замысловъ Гоголя. Но это было не совсѣмъ такъ: Пушкина не только не смущала эта разбросанность, но ему случалось и са-

[1]) Противъ этого мнѣнія справедливо высказывался покойный Г. З. Елисѣевъ („Русское Богатство“, 1902, I, 33).

мому отвлекать Гоголя отъ намѣченной задачи то совѣтомъ приняться за исторію русской критики, то—въ пору изданія „Современника"—привлеченіемъ его къ журнальной дѣятельности. 7-го апрѣля 1834 г., какъ видно изъ дневника Пушкина, Гоголь читалъ ему „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" [1]), и тутъ же Пушкинъ прибавляетъ: „Гоголь, *по моему совѣту*, началъ исторію русской критики". „Мертвыя Души", по мнѣнію Н. С. Тихонравова, были начаты Гоголемъ „во второй половинѣ 1835 года", а неоднократные совѣты Пушкина приняться за крупный трудъ, конечно, относились къ нѣсколько болѣе раннему времени, а между тѣмъ, въ 1835 г., Гоголь передаетъ Пушкину, для напечатанія въ „Современникѣ", „Коляску" и „Утро дѣлового человѣка" [2]). Можно догадываться, что незначительная сцена, поразившая Пушкина, послѣ прочтенія которой Гоголемъ Пушкинъ передалъ ему сюжетъ „Мертвыхъ Душъ" и о которой Гоголь упоминаетъ по этому поводу въ „Авторской Исповѣди", была именно сцена изъ „Утра дѣлового человѣка", такъ какъ въ „Арабескахъ" нѣтъ никакой подобной сцены, а „Женитьба" уже была окончена раньше, между тѣмъ какъ „Утро дѣлового человѣка" въ 1835 г. очень занимало Пушкина, и около этого времени онъ не разъ упоминаетъ объ этой пьесѣ въ письмахъ [3]). Во всякомъ случаѣ, надо полагать по сопоставленію данныхъ, что совѣтъ писать исторію русской критики немного предшествовалъ совѣту приняться за „Мертвыя Души", и уже въ концѣ 1835 г. Пушкинъ совѣтуетъ Гоголю не выпускать, во избѣжаніе цензурныхъ придирокъ, въ „Невскомъ Проспектѣ" сѣкуцію, прибавляя: „Авось Богъ вынесетъ" [4]), и только 7-го октября 1835 года Гоголь извѣщаетъ Пушкина: „Началъ писать „Мертвыхъ Душъ" [5]).

Такимъ образомъ, объ отношеніи Пушкина къ литературнымъ работамъ Гоголя въ промежуткѣ отъ 1831 до 1835 года можно приблизительно установить слѣдующее. Сначала Пушкинъ восхищается „Вечерами на хуторѣ" [6]), потомъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе сочувственно и другія произведенія Гоголя [7]); на-

[1]) Соч. Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, V, 205.
[2]) Тамъ же, т. V, стр. 385.
[3]) Тамъ же, т. VII, стр. 385, 396.
[4]) Тамъ же, т. VII, стр. 391, № 439.
[5]) „Письма", т. I, стр. 353.
[6]) Соч. Пушкина, т. V, стр. 290, и т. VII, стр. 297.
[7]) Напр. „Носъ" (т. V, стр. 395), „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ" и проч. (V, 205).

конецъ, передаетъ ему сюжетъ „Ревизора“, а затѣмъ уже совѣтуетъ приняться за большое произведеніе и передаетъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“. Въ пору изданія „Современника“ Пушкинъ очень дорожитъ сотрудничествомъ Гоголя. Такимъ образомъ, съ любовью слѣдя за успѣхами и дѣятельностью младшаго собрата по перу, Пушкинъ лучше Гоголя провидѣлъ и понималъ его призваніе, и хотя желалъ сосредоточить его на чемъ-нибудь крупномъ, но былъ далекъ отъ требованія *исключительнаго* погруженія въ переданный имъ Гоголю сюжетъ, что̀ съ другой стороны подтверждается хотя бы слѣдующими словами въ одномъ письмѣ Гоголя къ Пушкину: „Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдо̀тъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію“ [1]). Съ другой стороны, еслибы въ 1837 году не умеръ Пушкинъ и Гоголь не уѣхалъ передъ тѣмъ за границу, то, безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ бы, хотя и не такъ дѣятельно, какъ прежде, участвовать въ „Современникѣ“. Конечно, по отъѣздѣ за границу, Гоголь сразу оторвался отъ круга тѣхъ интересовъ, которые его поглощали въ бытность въ Петербургѣ, но это не мѣшало ему подумывать и объ участіи въ „Современникѣ“. „Даже съ Пушкинымъ, — пишетъ онъ Жуковскому изъ Гамбурга 28-го (16) іюня 1836, — я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ, онъ въ этомъ виноватъ. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ нѣмецкой жизни“ [2]). Въ это время и Гоголь, слѣдовательно, также вовсе не считалъ необходимымъ безраздѣльно посвятить свои силы поэмѣ, да и долго послѣ того, до самаго 1842 г., такъ какъ въ промежутокъ отъ 1836 до 1842 г. онъ много работаетъ и надъ многими прежними своими произведеніями, которыя явились потомъ въ новой редакціи въ 1842 г., и задумываетъ новыя произведенія, какъ напримѣръ, неудавшуюся комедію „Выбритый усъ“.

Итакъ, казалось бы, почему не допустить, что Пушкинъ, относившійся одобрительно къ мелкимъ литературнымъ замысламъ своего друга, хотя и желалъ, чтобы, кромѣ нихъ, онъ сосредоточился (но не исключительно на чемъ-нибудь крупномъ, достойномъ великаго таланта), чтобы Пушкинъ не относился съ равной благосклонностью и къ историческимъ трудамъ Гоголя? Собственно говоря, нельзя доказать абсолютную невозможность этого,

---

[1]) „Письма“, I, 354.

[2]) Тамъ же, стр. 385—386.

но самъ Пушкинъ больше склонялся въ область литературы по свойствамъ своего призванія, хотя именно въ тридцатыхъ годахъ сильно интересовался и исторіей; но мы находимъ въ письмахъ его къ Гоголю и Гоголя къ нему не мало указаній на его живое участіе къ литературнымъ трудамъ Гоголя и рѣшительно ничего объ участіи къ его научнымъ трудамъ (если не считать посѣщеніе имъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ одного университетскаго чтенія Гоголя). Мнѣ кажется, что отъ допущенія возможности нѣкотораго интереса Пушкина къ историческимъ трудамъ Гоголя до вышеуказаннаго смѣлаго и вполнѣ категорическаго утвержденія Каманина очень далеко.

XXVIII.

Въ заключеніе остановимся еще немного на брошюрѣ Маркевича: „Гоголь въ Одессѣ", и на статьѣ г. Кочубинскаго: „Будущимъ біографамъ Гоголя" („Вѣстникъ Европы", 1902, II—III).

Въ брошюрѣ покойнаго А. И. Маркевича чрезвычайно тщательно собраны и сгруппированы всѣ самомалѣйшія данныя, касающіяся жизни Гоголя въ Одессѣ, причемъ особенное значеніе имѣетъ то, что Маркевичъ помогаетъ разобраться,—что до сихъ поръ было не легко,—между знакомствами Гоголя въ Одессѣ въ 1848 и въ 1850—1851 годахъ. Но, какъ всѣ коллекціонеры, Маркевичъ, дорожа всякой мелочью, иногда преувеличиваетъ значеніе нѣкоторыхъ приводимыхъ имъ фактовъ. Такъ, по вѣрному замѣчанію Маркевича, въ 1826—1827 годахъ, въ Одессѣ жилъ любимый дядя Гоголя, П. П. Косяровскій, отъ котораго, будто бы, Гоголь много узналъ объ Одессѣ, когда въ 1827 году, П. П. Косяровскій жилъ лѣтомъ въ Васильевкѣ. Это возможно, но сильно нуждается въ подтвержденіи, такъ какъ Косяровскій былъ лишь временный житель Одессы, а притомъ и новичокъ въ ней. Гораздо сомнительнѣе утвержденіе, будто Гоголя заочно могъ познакомить съ Одессой его дядя, Андрей Андр. Трощинскій, переѣхавшій въ Одессу въ тѣ годы, когда Гоголь давно уже жилъ за границей и уже не могъ съ нимъ встрѣчаться. (Судя по письму Гоголя къ матери отъ 14-го ноября 1846 г., Трощинскій еще и тогда былъ въ Петербургѣ [1]) и потомъ уже переселился въ Одессу). Во всякомъ случаѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь видался съ А. А. Трощинскимъ, по-

[1]) „Письма", т. III, стр. 254.

слѣднiй жилъ въ Петербургѣ, а не въ Одессѣ. Маркевичъ приводитъ даже тотъ, не имѣющiй никакого значенiя, фактъ, что сынъ А. О. Смирновой, Михаилъ Николаевичъ, кончилъ курсъ въ новороссiйскомъ университетѣ и, будто бы, скончался въ Одессѣ въ восьмидесятыхъ годахъ [1]). На самомъ дѣлѣ, онъ жилъ больше въ Тифлисѣ, но Гоголь его, родившагося въ 1847 г., если и видѣлъ, то маленькимъ, трехъ-четырехъ-лѣтнимъ ребенкомъ, и слѣдовательно, пребыванiе М. Н. Смирнова въ Одессѣ гораздо позже смерти Гоголя не имѣетъ ровно никакого значенiя и совершенно не идетъ къ дѣлу [2]).

---

1) „Вѣстникъ Европы", 1889, XI, 126, примѣчанiе.

2) Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя невѣрныя замѣчанiя Маркевича о датахъ нѣкоторыхъ писемъ Гоголя. Относя два письма (безъ годовой даты) А. О. Смирновой и сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, начинающiяся словами: „Христосъ воскресе", къ 1850 г., Маркевичъ, возражая противъ моей даты (1851 г.), указываетъ на то, что день св. Пасхи въ 1851 г. былъ 8-го апрѣля, тогда какъ въ письмахъ этихъ отъ 3-го апрѣля, Гоголь уже поздравлялъ своихъ корреспондентовъ съ праздникомъ, который какъ будто бы уже наступилъ. Къ 1850 г. („Письма", т. IV, стр. 381) на томъ же основанiи онъ относитъ и начинающееся тѣми же словами („Христосъ воскресъ") письмо къ матери („Письма", IV, 379). Но на этомъ письмѣ къ матери самимъ Гоголемъ выставлена дата 1851, а по содержанiю письма къ матери и къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ должны быть признаны одновременными. Кромѣ указаннаго обстоятельства, въ письмѣ къ Ольгѣ Васильевнѣ мы находимъ указанiе на заботы послѣдней объ одной бѣдной сиротѣ Эмилiи, прiемышѣ ея старшей сестры, Елизаветы Васильевны, въ 1851 г. лѣтомъ вышедшей замужъ и передъ этимъ передавшей Эмилiю на попеченiе сестрѣ Ольгѣ.

Маркевичъ при этомъ ошибочно утверждаетъ, будто бы эти три письма, писанныя изъ Москвы, я отнесъ къ одесскимъ. Но это невѣрно: Маркевичъ, смотря на все съ своей „одесской" точки зрѣнiя, предполагаетъ ее обязательной и для меня, тогда какъ я просто, слѣдуя прiему Кулиша, въ случаѣ невозможности точнаго выясненiя даты, помѣщалъ такiя письма или въ началѣ, или въ концѣ предполагаемаго года или мѣсяца. Такъ же несправедливо навязываетъ мнѣ Маркевичъ отнесенiе къ одесскимъ письма Гоголя къ матери о родовыхъ грамотахъ и документахъ („Письма", IV, 368), хотя я оговорился въ примѣчанiи, что письмо это, вѣроятно, было написано въ концѣ 1850 г. или въ началѣ 1851 г., такъ какъ въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1851 г. читаемъ: „Удивляюсь я тому, что вы не получили письма моего, писаннаго *мѣсяца полтора тому назадъ*, въ которомъ есть кое-что по поводу вопросовъ о герольдiи" и проч. Въ виду совершеннаго отсутствiя датъ, я это письмо помѣстилъ между письмами 1850 и 1851 г. на указанныхъ выше основанiяхъ; а такъ какъ Гоголь около этого времени переѣхалъ въ Одессу, то Маркевичъ и навязываетъ мнѣ отнесенiе этого письма къ одесскимъ, хотя я этого не могу ни отрицать, ни утверждать, потому что единственное основанiе для опредѣленiя города, откуда писано письмо, представляетъ упоминанiе о совѣтѣ, данномъ Иваномъ Васильевичемъ Капнистомъ Гоголю, очевидно, во время пребыванiя Гоголя въ Москвѣ, но Гоголь могъ написать это письмо уже по прiѣздѣ въ Одессу, что̀ было бы согласно съ приведенными строками изъ письма отъ 3 апрѣля 1851 г.

По вопросу о датахъ еще маленькое замѣчанiе. Г. Кочубинскiй говоритъ,

Въ свою очередь, какъ Маркевичъ, такъ и г. Кочубинскій справедливо указываютъ на невѣрность моего сообщенія, что Гоголь видѣлся въ Одессѣ съ Д. М. Княжевичемъ въ 1848 г., такъ какъ Д. М. Княжевичъ умеръ въ 1844 г.: здѣсь слѣдуетъ разумѣть его однофамильца [1]). Проф. Кочубинскій опровергаетъ также переданное мною сообщеніе Н. М. Языкова о томъ, что будто Гоголь совершилъ поѣздку по Далмаціи въ 1841 г. съ Княжевичемъ, и обстоятельно разсказываетъ о поѣздкѣ въ этомъ году въ Далмацію Надеждина и Княжевича, но это свѣдѣніе мало касается Гоголя и относится преимущественно къ двумъ другимъ поименованнымъ лицамъ. Это сообщеніе Языкова дѣйствительно невѣрно, какъ я въ томъ убѣдился еще передъ изданіемъ „Матеріаловъ", куда поэтому это свѣдѣніе и не внесено; что же касается того, что оно осталось въ статьѣ моей о Языковѣ, то это объясняется тѣмъ, что статья эта была уже сдана въ редакцію, хотя и появилась нѣсколько позже 4-го тома „Матеріаловъ" [2]). Но искренняя благодарность г. Кочубинскому за разъясненіе происхожденія этого слуха, именно: „предварительно путешествія по Военной Границѣ и Далмаціи, Княжевичъ и Надеждинъ сдѣлали небольшую экскурсію въ Италію—„кратковременную прогулку", и тогда-то могло явиться предположеніе, что ихъ могъ сопровождать и Гоголь" [3]).

Относительно степени серьезности болѣзненнаго состоянія Гоголя въ 1845 г. можно согласиться съ г. Кочубинскимъ, что Гоголь могъ, какъ человѣкъ крайне мнительный и нервный, значительно преувеличивать серьезность своего положенія. На фактъ двукратнаго его говѣнія въ этомъ году, какъ на признакъ весьма плохого состоянія его здоровья, особенно въ связи съ другими данными, обратилъ вниманіе и Н. С. Тихонравовъ: „Гоголь въ Веймарѣ говѣлъ во второй разъ и пріобщался" [4]).

что „на первой недѣлѣ великаго поста 1841 г. Гоголь говѣлъ и пріобщался въ римской посольской церкви" („Вѣстникъ Европы", 1902, III, 674), но онъ былъ введенъ въ заблужденіе ошибочной датой Кулиша, такъ какъ письмо къ Шереметевой, на которомъ основываетъ свое заключеніе г. Кочубинскій, должно быть отнесено не къ 1841, а къ 1843 г. (см. „Письма", т. II, 286, примѣч. 1-е).

[1]) Такіе промахи иногда трудно устранимы; такъ, на стр. 17 Маркевичъ путаетъ отчество одного школьнаго товарища Гоголя, Пащенко, обозначая его иниціалами И. І. вмѣсто И. Г. (стр. 7). На стр. 9 Маркевичъ смѣшиваетъ Ив. Сем. Орлая съ однимъ изъ его сыновей.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1897, XII, стр. 650.

[3]) „Вѣстникъ Европы", 1902, II, 12.

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 676. Г. Кочубинскій, возражая мнѣ, доказываетъ, что въ первый разъ въ 1845 г. Гоголь съ Жуковскимъ говѣли въ *Висбаденѣ*, а не въ Штутгардтѣ, но сначала они думали говѣть въ Штутгардтѣ („Письма", III, 20).

Объ этомъ вопросѣ лучше предоставимъ судить врачамъ. Докторъ Баженовъ полагаетъ, что въ это время Гоголь испытывалъ усиленные приступы періодической меланхоліи, а г. Чижъ говоритъ: „Болѣзнь Гоголя крайне сложно складывается изъ многихъ симптомовъ, изъ которыхъ только нѣкоторые намъ извѣстны, и притомъ не всѣ извѣстные намъ симптомы понятны" [1]). Однажды, въ 1845 г., Гоголь вдругъ почувствовалъ себя такъ дурно, что написалъ протоіерею И. И. Базарову во Франкфуртѣ: „Пріѣзжайте ко мнѣ причастить: я умираю" [2]). Но г. Кочубинскій приводитъ въ видѣ возраженія фактъ посѣщенія Гоголемъ въ Прагѣ знаменитаго Вячеслава Ганки и текстъ его „привѣтственной грамотки" [3]), за что ему нельзя не сказать большое спасибо, такъ какъ этотъ фактъ очень ярко рисуетъ мнительность Гоголя и проливаетъ лишній свѣтъ на симптомы его болѣзненности, давая цѣнный матеріалъ для общей характеристики его душевной неуравновѣшенности.

Затѣмъ г. Кочубинскій поправляетъ въ моихъ „Матеріалахъ" нѣсколько мелочныхъ погрѣшностей. Конечно, въ приведенномъ мною разсказѣ Пашкова о посѣщеніи Гоголя И. И. Дмитріевымъ въ газетѣ „Берегъ" вкралась неточность: онъ названъ у г. Пашкова министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто: юстиціи, и это слѣдовало исправить. Затѣмъ, управляющій имѣніемъ Языкова у меня, на основаніи писемъ Гоголя и Языкова, названъ *Балдовъ* [4]), тогда какъ дѣйствительная его фамилія была *Балдинъ*, какъ свидѣтельствуетъ его сынъ, бывшій инспекторъ новороссійскаго университета. Впрочемъ, это недоразумѣніе уже исправлено въ изданіи „Писемъ" [5]), хотя въ текстѣ письма Гоголя оставлено такъ, какъ стоитъ въ подлинномъ письмѣ его [6]).

Наконецъ, по вопросу о „змартвыхвстанцахъ" я и теперь, за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ, не рѣшаюсь сказать окончательное заключеніе, но полагаю, что можно признать за несомнѣнное только то, что они желали своей пропагандой втянуть Гоголя въ католицизмъ, на что одно время и имѣли надежды, но что успѣха они въ сущности не имѣли; степень же

[1]) „Вопросы философіи и психологіи", 1903, книга 70, стр. 778.

[2]) См. „Письма", III, 58, и „Русск. Стар." 1901, II, 294.

[3]) „Вѣстникъ Европы", 1902, III, 19.

[4]) См. „Письма", т. II, стр. 144.

[5]) „Письма", т. IV, стр. 484.

[6]) Также въ „Письмахъ" уже раскрыты и объяснены иниціалы въ одномъ изъ писемъ Гоголя: О. М. Павловскій (= отецъ Михаилъ (Карповичъ) Павловскій); см. „Письма", III, 353 и даже былъ раскрытъ еще въ „Матеріалахъ" (IV, 825—826).

колебаній Гоголя между православіемъ и католицизмомъ опредѣлить *невозможно*.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Въ брошюрѣ г. Вартаньянца „Гл. Успенскій и Н. В. Гоголь" послѣдній названъ „однимъ изъ виднѣйшихъ апологетовъ крѣпостного права", которое, будто бы, было для него „священнымъ", причемъ, разумѣется, напоминается выраженіе: „ахъ, ты, невымытое рыло!" По этому поводу не лишнее указать, что въ этомъ выраженіи слѣдуетъ видѣть вовсе не апоѳеозъ *собственно крѣпостного права*, такъ какъ Гоголь считалъ полезнымъ и даже иногда необходимымъ вообще поощрять бранью русскаго человѣка, а также и вообще человѣка какой бы ни было націи, *не исключительно крестьянскаго, но и другихъ сословій*, какъ это ясно изъ слѣдующихъ строкъ Гоголя въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 21 декабря 1844 года: „если мы узнаемъ природу человѣка вообще и потомъ въ особенности природу русскаго человѣка, и если вслѣдствіе этого узнаемъ, какъ его попрекнуть, пожурить и даже ругнуть такимъ образомъ, что онъ еще самъ скажетъ спасибо,— и онъ сдѣлаетъ много добра" [1]). Взглядъ этотъ, конечно, нельзя одобрить, но изъ приведеннаго указанія можно видѣть, что несправедливы слова г. Вартаньянца, что „въ тайникахъ своей души Гоголь вычиталъ то, что̀ вложила туда *узко-сословная* общественная среда, его воспитавшая" [2]). Вообще же подобныя заключенія слишкомъ преувеличенны и бездоказательны, такъ что на такихъ шаткихъ основаніяхъ можно дѣлать діаметрально противоположные выводы. Такъ, другой писатель полагаетъ, что если бы Гоголь остался вѣренъ той почвѣ, на которой выросъ, то ему „надлежало бы быть отличнымъ, честнымъ и удачливымъ чиновникомъ, составить и благосостояніе, и гордость родителей, потомъ сдѣлаться *отцомъ-благодѣтелемъ* своихъ крестьянъ" [3]), а г. Чаговецъ [4]) недавно старался доказать, что Гоголь и вся его семья идеально прекрасно относились къ своимъ крестьянамъ. Подобныя противорѣчія должны были бы служить предостереженіемъ противъ мало обоснованныхъ догадокъ.

Влад. Шенрокъ.

---

1) „Письма", т. II, стр. 565.

2) Вартаньянцъ, стр. 15.

3) „Научное Слово", 1903, III, ст. Ив. Иванова, стр. 79.

4) „Кіевская Газета", 1901.

ТЕОДОРЪ МОММЗЕНЪ

КАКЪ

ИСТОРИКЪ И ПОЛИТИКЪ

ОЧЕРКЪ.

Потрясеніе, испытанное Германіей въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, въ сопровождавшій его могучій подъемъ національнаго чувства, имѣло, между прочимъ, то послѣдствіе, что страна, порождавшая до тѣхъ поръ только философовъ и поэтовъ, стала дарить крупныхъ историковъ. Никогда еще не являлось въ одно и то же время такой блестящей плеяды корифеевъ исторической науки, какъ въ первую половину прошлаго вѣка въ Германіи. Всѣ они либо вполнѣ сознательно переживали разгромъ и обновленіе Германіи, какъ Нибуръ, Дальманъ,—либо юношами были свидѣтелями того и другого, какъ Ранке,—либо воспитались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ событій, какъ Гизебрехтъ, Зибель, Моммзенъ, Гейссеръ и самый младшій изъ всѣхъ—Трейчке.

Политическія событія оказали на всѣхъ перечисленныхъ нами историковъ огромное и многостороннее вліяніе. Разсматривать его здѣсь во всѣхъ деталяхъ невозможно, но одна черта должна быть отмѣчена, ибо безъ того невозможно понять Моммзена.

Національное униженіе отражается въ обществѣ всегда одинаково—вспышкой національнаго чувства. Вспышка эта бываетъ обыкновенно такъ сильна, что съ трудомъ успокоивается даже послѣ устраненія ея причины, и слѣдующее за національнымъ

униженіемъ національное торжество, вмѣсто того, чтобы умиротворить общество, часто еще болѣе разжигаетъ страсти. Для того требуется только одно условіе—чтобы нація живо ощущала боль отъ нанесенныхъ ей ударовъ, ясно видѣла опасность, грозящую ей, и всѣмъ существомъ переживала облегченіе послѣ ея минованія.

Наполеонъ хотѣлъ окончательно раздробить Германію—вышло наоборотъ. Страна стала стремиться къ объединенію и потянулась со всѣхъ сторонъ къ своему естественному центру. Ульмъ почти не произвелъ впечатлѣнія на нѣмецкое общество. Іена потрясла его сверху до низу. Опасность, угрожавшая Пруссіи, въ глазахъ общества, угрожала всей Германіи. Въ противоположность реакціонной Австріи, въ Пруссіи оцѣнили серьезныя попытки реформъ; въ ней видѣли ядро Германіи, и ея разгромъ представлялся національнымъ бѣдствіемъ. Вотъ почему „Іена" сдѣлалась исходнымъ пунктомъ возрожденія, и вотъ почему у лучшихъ людей Германіи стремленіе къ единству вылилось въ формулу: „Малая Германія".

Реакція двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ не ослабила этой сильно насыщенной атмосферы національнаго подъема; ее вдыхалъ всякій, кто росъ и формировался въ это время, и у Моммзена національзмъ остался до конца его жизни существеннѣйшей частью его міровоззрѣнія. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что онъ не былъ кореннымъ нѣмцемъ.

I.

Подобно Прудону, Моммзенъ могъ съ гордостью указать на цѣлый родъ поколѣній предковъ-крестьянъ. Они съ давнихъ временъ поселились на Эйдерштедскомъ полуостровѣ въ Шлезвигѣ и тутъ вели упорную борьбу съ тощею почвой и бурнымъ моремъ. Въ этихъ суровыхъ и трудолюбивыхъ хлѣбопашцахъ воспитывались тѣ черты, которыя создали ихъ именитому потомку славу: воля, твердая какъ скалы Шлезвига, энергія, не признававшая трудностей, ни передъ чѣмъ не останавливающееся упорство въ достиженіи цѣли, острый умъ, глубокое, воспитавшееся среди меланхолической сѣверной природы чувство, и темпераментъ, бурный, какъ прибой осенней волны.

Отецъ Теодора Моммзена, Іэнсъ Моммзенъ, былъ пасторомъ въ небольшомъ шлезвигскомъ мѣстечкѣ Гардингѣ. Здѣсь 30 ноября 1817 года увидѣлъ впервые свѣтъ будущій нѣмецкій историкъ. Приходъ его отца былъ небогатъ, и пасторъ, обремененный семьей,

съ трудомъ сводилъ концы съ концами; съ большими лишеніями для себя могъ онъ давать образованіе дѣтямъ. Къ счастью, дѣти были очень способны и любили учиться. Особенно старшій, Теодоръ, былъ богато одаренъ. Въ 1834 году, когда ему было семнадцать лѣтъ, онъ блистательно выдержалъ экзаменъ въ альтонской гимназіи, прямо въ старшіе классы. Мальчикъ скоро обратилъ на себя своими способностями и любовью къ древнимъ языкамъ вниманіе учителей, которые умѣли внушить дѣтямъ любовь къ античному міру. Ученики не ограничивались обязательнымъ чтеніемъ классиковъ, а добровольно изучали внѣ класса древнихъ писателей, не входившихъ въ школьную программу. Самостоятельная мысль не считалась ересью, внѣ-классныя занятія литературой и собственныя литературныя попытки учениковъ не преслѣдовались, а поощрялись; у учениковъ былъ собственный кружокъ, гдѣ они читали классиковъ и писали сочиненія. Моммзенъ былъ душою такого кружка: онъ выбиралъ древнихъ авторовъ для изученія, и былъ самымъ дѣятельнымъ референтомъ [1]). Въ альтонской „Christianeum" Моммзенъ положилъ, такимъ образомъ, основаніе своимъ познаніямъ, окончилъ блестяще курсъ, получилъ стипендію и вмѣстѣ съ нею возможность вступить въ университетъ. Онъ избралъ Киль. Его привлекла туда популярность молодого профессора-филолога Отто Яна, и хотя Моммзенъ записался на юридическій факультетъ, но работалъ у Яна очень много, тѣмъ болѣе, что его ближайшій учитель, юристъ Озенбрюггенъ, самъ бывшій филологъ, дѣятельно поощрялъ его къ этому. Придя къ убѣжденію въ огромной важности филологіи для права, Моммзенъ прошелъ въ университетѣ длинную чисто-филологическую школу. Его докторская диссертація, защищенная по окончаніи курса (1843), была посвящена вопросу по римскому государственному праву, и одинъ изъ тезисовъ гласилъ: „Юристъ можетъ учиться у филолога, и наоборотъ, филологъ у юриста". И первый же его трудъ—небольшая, но сразу пріобрѣвшая руководящее значеніе работа о римскихъ коллегіяхъ [2]), показала, по замѣчанію одного изъ его учениковъ, Цангемейстера, что у Моммзена будутъ учиться и филологи, и юристы.

Но одна наука не удовлетворяла юнаго ученаго. Въ немъ крѣпко сидѣла—рядомъ съ душою, увлекавшеюся античнымъ мі-

[1]) Въ альтонской гимназіи сохранились три такихъ рукописи Моммзена на слѣдующія темы: „Чѣмъ должна быть хорошая біографія"; „Геній—необходимое зло": „Почему вредна чрезмѣрная критика".

[2]) De collegiis et sodaliciis urbis Romae. 1843.

ромъ—другая душа, душа поэта. Въ университетѣ онъ жилъ въ одномъ домѣ со своимъ младшимъ братомъ Тихо и съ другомъ Теодоромъ Штормомъ. Всѣ трое ощущали въ себѣ потребность поэзіи, сближались поэтому тѣснѣе и тѣснѣе, часто собирались вмѣстѣ, „варили кофе и ловили риѳмы". Въ томъ же году, когда вышла латинская работа Моммзена, вышла отдѣльная книжка, въ которой собраны были плоды юношескаго вдохновенія трехъ друзей [1]). Теодоръ Моммзенъ далъ около шестидесяти „пѣсенъ", Штормъ — около сорока, а Тихо — четырнадцать. Повидимому, стихи юнаго ученаго заслуживали наибольшаго вниманія, ибо въ сочувственномъ отзывѣ, котораго удостоилъ книжку тогдашній присяжный критикъ „молодой Германіи" Винбаргъ, рѣчь шла главнымъ образомъ о старшемъ изъ трехъ друзей. Винбаргъ хвалилъ богатство чувства, романтическую жилку, обиліе мыслей, легкій полетъ ироніи. Но позднѣйшіе критики говорили, что стихи Теодора Моммзена уступаютъ Штормовскимъ. Мыслей въ нихъ больше, но онѣ постоянно ведутъ борьбу съ формою, риѳма и размѣръ не выливаются у него свободно,—видно, что въ стихи втиснуты мысли, давно взрощенныя въ головѣ въ формѣ прозы. Но для Моммзена „ловля риѳмъ" не прошла безслѣдно. Онъ привыкъ слѣдить за тѣмъ, чтобы слову было тѣсно, а мысли просторно, и это искусство сильно пригодилось ему впослѣдствіи.

Моммзенъ, вообще, не чуждъ былъ романтизма, и, какъ всякаго романтика, его очень интересовала народная поэзія. Вмѣстѣ съ тѣмъ же Штормомъ онъ затѣялъ издать собраніе шлезвигъгольштейнскихъ сагъ и сказокъ. Оба друга много бродили по деревнямъ, собирая преданія, но довести предпріятіе до конца имъ не удалось по чисто внѣшнимъ причинамъ. Его докончилъ ихъ общій другъ, извѣстный германистъ Мюлленгофъ.

Такъ, Моммзенъ одновременно дебютировалъ и какъ ученый, и какъ поэтъ. Поэтическій огонекъ никогда не угасалъ въ немъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не одни мастерскіе переводы въ „Римской исторіи" и выпущенные имъ вмѣстѣ съ зятемъ, Меллендорфомъ, переводы изъ Кардуччи. Моммзенъ былъ вмѣстѣ и первоклассный художникъ, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ превосходныя характеристики новыхъ нѣмецкихъ дѣятелей, набросанныя Моммзеномъ въ его академическихъ рѣчахъ, и еще болѣе краснорѣчиво говоритъ вся „Римская исторія"; нѣкоторыя главы ея принадлежатъ къ числу перловъ нѣмецкой прозы.

---

[1]) Liederbuch dreier Freunde, Theodor Mommsen, Theodor Storm, Tycho Mommsen". 1843.

II.

Въ томъ же 1843 году, Моммзенъ получилъ изъ Парижа приглашеніе сотрудничать въ предполагаемомъ французскими учеными колоссальномъ предпріятіи—Corpus inscriptionum latinarum. Необходимость такого собранія надписей ощущалась еще съ тѣхъ поръ, какъ Бёкъ выпустилъ въ 1825 году первый томъ своего „Корпуса греческихъ надписей". Въ 1836 году, датчанинъ Келлерманъ обратился къ ученому міру съ мемуаромъ, въ которомъ доказывалъ необходимость „Корпуса" вообще и въ частности требовалъ непосредственнаго собиранія надписей на мѣстахъ, ссылаясь на ненадежность печатныхъ текстовъ. Бёкъ, собиравшій свою греческую коллекцію по печатнымъ источникамъ, не сочувствовалъ новому плану; поэтому берлинская академія, гдѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ, отнеслась къ дѣлу довольно холодно, несмотря на горячую защиту Келлермановской программы такими учеными, какъ Лахманъ, Отто Янъ и другіе. Келлерманъ вскорѣ умеръ, и дѣло совсѣмъ остановилось. Тогда-то парижскимъ ученымъ пришла въ голову счастливая мысль возложить на Моммзена задачу собиранія надписей. Заручившись стипендіей датскаго правительства—Киль тогда принадлежалъ Даніи — и небольшимъ пособіемъ, выхлопотаннымъ ему Лахманомъ отъ берлинской академіи, полный надеждъ и широкихъ плановъ, отправился молодой ученый въ Италію, чтобы приняться за довѣренное ему дѣло.

Моммзенъ тамъ пробылъ четыре года. Пользуясь нравственной поддержкой главы тогдашней эпиграфики, Бартоломео Боргези, и помощью такихъ даровитыхъ и знающихъ людей, какъ Де-Росси и Генценъ, онъ собралъ больше семи тысячъ надписей на мѣстахъ, напечаталъ по-нѣмецки и по-итальянски почти цѣлую сотню статей, представилъ берлинской академіи обстоятельный мемуаръ, въ которомъ до мельчайшихъ подробностей былъ разработанъ планъ Corpus'а,—но онъ не убѣдилъ ученый ареопагъ столицы Пруссіи,—и создалъ планъ нѣсколькихъ крупныхъ работъ, выполненныхъ имъ въ слѣдующее десятилѣтіе.

Еще и теперь въ южной Италіи жива память о первой ученой экскурсіи Моммзена въ этихъ областяхъ (1845—1847). Старики еще отлично помнятъ оригинальнаго маленькаго человѣка, который, странствуя изъ деревни въ деревню, все разспрашивалъ о камняхъ съ надписями, радовался, какъ ребенокъ, когда ему ихъ показывали, часто просилъ проводить его въ какое-нибудь

опредѣленное мѣсто, напередъ зная, что найдетъ тамъ надпись, карабкался на утесы, что-то теръ, что-то скрёбъ, что-то записывалъ—и спускался, иногда въ разорванной одеждѣ, но радостно возбужденный удачею. Появленіе его въ глухихъ углахъ было цѣлымъ событіемъ, и старые патеры, прожившіе вѣкъ въ своемъ захолустьи, долго не забывали ученаго „тедеско", искавшаго надписей.

Первое продолжительное пребываніе въ Италіи сдѣлалось началомъ близкаго знакомства Моммзена со страною. Онъ полюбилъ новую Италію не такъ сильно, какъ любилъ ту, другую, исчезнувшую уже Италію; но если онъ долго не былъ тамъ, его одолѣвала тоска и начинало тянуть подъ знойное солнце и яркое небо юга, къ роднымъ развалинамъ и памятникамъ. И Италія любила Моммзена. Едва ли какой-нибудь другой ученый пользовался тамъ такой огромной популярностью, какъ Моммзенъ. Въ послѣдніе годы его знали всѣ, къ нему привыкли, изучили его привычки. Муниципалитетъ Рима всегда, когда Моммзенъ жилъ въ „вѣчномъ городѣ", ставилъ подъ окнами занимаемаго имъ въ археологическомъ институтѣ помѣщенія особую стражу—спеціально, чтобы отгонять голосистыхъ римскихъ мальчишекъ, мѣшавшихъ ученому заниматься. Ему доставлялись всѣ удобства, ему открывались всѣ двери. Когда появился новый переводъ „Римской исторіи",—на Piazza Colonna нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ оповѣщала городъ объ этомъ событіи огненная надпись.

Но Моммзена знали не только въ Римѣ и не только въ интеллигентныхъ кругахъ. Швейцарскій писатель Видманъ [1]) передаетъ такую сцену. На желѣзнодорожной станціи, на которой слѣзаютъ и садятся туристы, выѣхавшіе изъ Рима въ экскурсію на Тиволи и Villa Hadriana, сидѣлъ какъ-то въ ожиданіи поѣзда Моммзенъ, будучи уже совсѣмъ старикомъ (дѣло происходило въ 1888 году). Къ нему подошелъ мальчикъ, продавецъ монетъ и античныхъ мраморныхъ осколковъ,—одинъ изъ тѣхъ, которые одолѣваютъ туристовъ въ окрестностяхъ Рима,—и сталъ предлагать ему свой товаръ. Моммзенъ, конечно, не купилъ ничего, но такъ какъ времени до поѣзда оставалось много, то онъ вступилъ съ продавцомъ въ бесѣду, перебирая его монеты и безошибочно опредѣляя эпоху и цѣнность каждой. Мальчикъ воспользовался словоохотливостью иностранца и началъ разспрашивать его о разныхъ вещахъ, которыя могли ему пригодиться, о вѣроятномъ мѣстоположеніи исчезнувшихъ городовъ и проч.,

---

[1]) J. V. Widmann. Johannes Brahms' Erinnerungen.

и когда на всѣ его вопросы получился опредѣленный и точный отвѣтъ, онъ задумчиво замѣтилъ, что, вотъ, въ Римѣ, говорятъ, теперь живетъ одинъ нѣмецкій ученый, illustrissimo Mommsen, который все это отлично знаетъ.—„Son' io",—просто, со спокойной улыбкой произнесъ Моммзенъ, и среди мальчиковъ-продавцовъ и въ публикѣ пронесся шопотъ: „Вотъ онъ, великій Моммзенъ, знаменитый нѣмецкій ученый!"

Хотя подъ конецъ жизни отношенія Моммзена къ Италіи были омрачены разными недоразумѣніями,—итальянская печать и итальянская наука оплакивали его смерть, какъ потерю, понесенную Италіей.

III.

Пока Моммзенъ бродилъ по горамъ и ущельямъ южной Италіи, отыскивая римскія надписи и подвергаясь опасности быть пристрѣленнымъ калабрійскими бандитами, въ Германіи наростала волна новаго общественнаго подъема.

Два десятилѣтія гнета и репрессій утомили даже столь усердную въ этихъ дѣлахъ реакцію, и, какъ всегда бываетъ, едва только почувствовалось небольшое облегченіе, настроеніе общества стало все болѣе и болѣе шумно выливаться наружу. Изъ разрозненныхъ вначалѣ и слабыхъ на первый взглядъ протестовъ противъ реакціи создалось цѣлое движеніе, которому недоставало немногаго, чтобы превратиться въ революцію. Движеніе охватило и вернувшагося изъ Италіи Моммзена. Не оставляя лихорадочной работы надъ накопленнымъ матеріаломъ, онъ сдѣлался редакторомъ газеты „Schleswig-Holsteinische Zeitung", издававшейся въ Рендсбургѣ, и сталъ на ея столбцахъ проповѣдывать идеи свободы, носившіяся въ воздухѣ. Для него это не было простой данью молодому увлеченію, а наоборотъ, отвѣчало самымъ дорогимъ его убѣжденіямъ. Потомокъ свободолюбивыхъ суровыхъ дитмаршенцевъ, онъ всегда былъ врагомъ произвола, но только теперь получилъ возможность громко высказать свое политическое credo. И его голосъ, энергичный и выразительный, какъ всегда,—не затерялся даже въ то время, когда въ Германіи столько первоклассныхъ талантовъ съ трибуны церкви св. Павла, превращенной въ парламентъ, съ университетскихъ каѳедръ, на столбцахъ періодической печати, въ звучныхъ пѣсняхъ и страстныхъ памфлетахъ—неустанно говорили одно и то же, требовали одного и того же. Въ франкфуртскій парламентъ Моммзенъ не попалъ, профессоромъ еще не былъ. Газета

замѣняла ему до поры, до времени и трибуну, и каѳедру. Вскорѣ, однако, оказалось, что постъ профессора опаснѣе, чѣмъ постъ публициста.

Уже стали затихать горячіе порывы революціонной бури, когда Моммзенъ, осенью 1848 года, получилъ приглашеніе занять каѳедру римскаго права въ лейпцигскомъ университетѣ. Въ культурномъ центрѣ Саксоніи собрался въ это время очень интересный кружокъ. Онъ группировался вокругъ собственниковъ извѣстной Вейдмановской издательской фирмы: Карла Реймера и Соломона Гирцеля. Тутъ были и двое ученыхъ съ большимъ именемъ: Морицъ Гауптъ—классикъ и германистъ, оставившій прочный слѣдъ въ исторіи обѣихъ своихъ спеціальностей, и прежній учитель Моммзена, теперь сдѣлавшійся его товарищемъ, Отто Янъ, филологъ съ очень широкимъ кругомъ интересовъ, живо интересовавшійся вопросами искусства и написавшій біографію Моцарта; были въ кружкѣ и другіе выдающіеся люди: извѣстный баденскій политикъ Карлъ Мати, видный дѣятель франкфуртскаго парламента; физіологъ Карлъ Людвигъ, одинъ изъ основателей современной научной физіологіи; историкъ искусства, англичанинъ Джозефъ Кроу, авторъ составленныхъ въ сотрудничествѣ съ Кавалькаделле лучшихъ трудовъ по исторіи итальянской живописи, и много другихъ. Почти одновременно съ Моммзеномъ въ Лейпцигъ прибылъ знаменитый впослѣдствіи романистъ Густавъ Фрейтагъ, приглашенный туда, чтобы раздѣлить съ Юліаномъ Шмидтомъ редактированіе вліятельнаго въ то время органа „Grenzboten“ и газеты „Grüne Blätter“.

Гауптъ, Янъ и Моммзенъ сдѣлались центромъ кружка „Вейдмановъ“ и вдохновителями его общественнаго настроенія. Кружокъ былъ вполнѣ солидаренъ по всѣмъ политическимъ вопросамъ, волновавшимъ въ то время нѣмцевъ. Оба пункта программы, объединявшей лучшихъ людей Германіи, воодушевляли и лейпцигскій кружокъ. Его члены всѣ были сторонниками объединенія, всѣ стояли за мало-германскую идею и всѣ были страстными энтузіастами свободы. Разсматриваемая объективно, эта программа представляется программою націоналъ-либераловъ; но не слѣдуетъ забывать, что въ то время подъ этой программой подписывалась и наиболѣе радикальная часть демократовъ, и большинство рабочихъ, поскольку они принимали тогда участіе въ политикѣ.

Моммзенъ съ друзьями и съ каѳедры, и на страницахъ изданій Фрейтага проповѣдывали эту идею. Саксонское правительство смотрѣло на все это очень косо, но довольно долго терпѣло. Какъ

патріоты обще-нѣмецкаго отечества, всѣ они принимали участіе въ одномъ нѣмецкомъ ферейнѣ. Но саксонское правительство ни о Германіи, ни объ обще-нѣмецкихъ дѣлахъ никакого оффиціальнаго увѣдомленія не получало, а потому оно и считало существованіе ферейна вреднымъ, а участіе въ немъ профессоровъ—незаконнымъ. Тутъ еще подоспѣлъ небольшой coup d'état, устроенный министромъ Бейстомъ, котораго мало-германцы очень не любили за его австрійскія симпатіи,—и возмущенные тѣмъ, что были уничтожены главныя пріобрѣтенія революціи, трое друзей энергично протестовали — Моммзенъ, конечно, соотвѣтственно своему темпераменту. Немедленно было наряжено дисциплинарное слѣдствіе противъ профессоровъ, и они были удалены отъ занимаемыхъ должностей. Поводомъ для ихъ исключенія было названо то, что „означенные профессора своими поступками вызываютъ общественное неудовольствіе и служатъ весьма дурнымъ примѣромъ для академической молодежи".

Лейпцигскій періодъ жизни Моммзена, несмотря на свою непродолжительность, былъ необычайно плодотворенъ для его духовнаго развитія. Научная производительность его была, правда, нѣсколько слабѣе; онъ мало печаталъ. Это объясняется тѣмъ, что онъ работалъ надъ болѣе крупными вещами, выпущенными позднѣе, и много времени отдавалъ подготовкѣ къ лекціямъ и журналистикѣ. Но—что̀ гораздо важнѣе—общеніе съ кружкомъ „Вейдмановъ", борьба съ правительствомъ, выдержанная рука объ руку съ друзьями во имя идеаловъ свободы, сочувствіе лучшихъ людей Германіи по поводу постигшаго ихъ дисциплинарнаго наказанія—все это сформировано человѣка и сдѣлало его такимъ, какимъ онъ оставался въ теченіе всей своей долгой жизни.

Лейпцигскіе годы знаменательны еще по одной причинѣ. Въ Лейпцигѣ Моммзену была подана мысль о томъ трудѣ, который разнесъ славу о немъ по всему образованному міру. Для большинства Моммзенъ—прежде всего авторъ „Римской исторіи". Ея первый томъ появился только въ 1854 году, но зародилась книга гораздо раньше.

Реймеръ и Гирцель въ то время стояли во главѣ одной изъ крупнѣйшихъ издательскихъ фирмъ Германіи. Ихъ дѣло отличалось отъ большинства подобныхъ предпріятій тѣмъ, что оно велось не только на коммерческихъ началахъ. Оба Вейдмана, постоянно вращавшіеся въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ, хорошо знали, какое изданіе стоитъ на очереди, знали, кто изъ нѣмецкихъ писателей съумѣетъ лучше выполнить ту или другую работу. Такъ, послѣ того, какъ ганноверское правительство—тоже

за строптивость—удалило въ 1838 г. изъ геттингенскаго университета семь лучшихъ профессоровъ—Göttinger Sieben [1])—„Вейдманы“ немедленно предложили братьямъ Гриммамъ заняться колоссальнымъ предпріятіемъ—словаремъ нѣмецкаго языка. Дальманъ написалъ для нихъ свои яркія картины по исторіи революцій. А въ сороковыхъ годахъ они затѣяли другое большое дѣло. Вотъ тутъ-то имъ понадобился Моммзенъ, хотя въ молодомъ ученомъ еще ничто не обличало такого крупнаго историка, которому можно было бы ввѣрить отвѣтственную задачу составленія исторіи Рима. Да и самъ Моммзенъ былъ бы удивленъ больше, чѣмъ всякій другой, если бы ему сказали въ 1848 году, что онъ будетъ историкомъ. Но онъ сталъ историкомъ, и заслуга въ этомъ принадлежитъ въ значительной степени двумъ скромнымъ „Вейдманамъ“. Вотъ какъ много лѣтъ тому назадъ разсказывалъ самъ Моммзенъ исторію своего превращенія [2]).

„Знаете ли вы, какъ я пришелъ къ мысли писать римскую исторію? Въ мои молодые годы у меня въ головѣ были всевозможныя задачи: обработка римскаго уголовнаго права, изданіе римскихъ юридическихъ памятниковъ, компендіумъ по пандектамъ во всякомъ случаѣ; но ни о чемъ я не думалъ меньше, чѣмъ о томъ, чтобы сдѣлаться историкомъ. Тутъ со мною приключилась извѣстная болѣзнь, столь часто поражающая молодыхъ профессоровъ, — я вздумалъ прочесть интеллигентному Лейпцигу, къ обоюдной докукѣ, лекцію на какую-нибудь тему, и такъ какъ я въ то время занимался аграрными законами, то я и прочелъ политическую лекцію о Гракхахъ. Публика приняла ее, какъ и всѣ подобныя вещи, и должна была примириться съ мыслью, что у нея и впредь будетъ весьма смутное представленіе о знаменитыхъ братьяхъ-трибунахъ. Но среди публики находились Реймеръ и Гирцель, и черезъ два дня они пришли ко мнѣ и стали спрашивать, не возьмусь ли я написать „Римскую исторію“ для ихъ серіи. Для меня это предложеніе было совершенно неожиданно, ибо эта возможность никогда не приходила мнѣ въ голову; но вы знаете, какъ дѣлались дѣла въ ту смутную пору и какъ мы преисполнены были вѣрой въ собственныя силы. Когда профессора манили, не хотите ли сдѣлаться министромъ народнаго просвѣщенія,—онъ обыкновенно соглашался. Согласился и я, но согласился я и потому еще, что и Гирцель, и Реймеръ, пользовались большимъ моимъ уваженіемъ, и я думалъ: если они

[1]) Яковъ и Вильгельмъ Гриммы, Эвальдъ, Вильгельмъ Веберъ, Гервинусъ, Дальманъ, Альбрехтъ.

[2]) Въ письмѣ къ Густаву Фрейтагу, отъ 13 марта 1877 года.

тебѣ довѣряютъ, то ты и самъ можешь довѣрять себѣ. Кому изъ нихъ впервые пришла мысль объ этомъ, я не знаю... Но если справедливо то—я долженъ этому вѣрить,—что моя историческая работа нашла признательныхъ читателей, то добрая часть этой признательности—можетъ быть, лучшая—принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые поставили передо мною эту задачу".

Быстро согласившись на предложеніе „Вейдмановъ", Моммзенъ и не подозрѣвалъ, съ какими огромными затрудненіями придется ему бороться. Затрудненія были такъ велики и такъ многочисленны, что юношеская вѣра въ себя одно время покинула его, и онъ пробовалъ развязаться со взятой на себя задачей. Къ счастью для науки, замѣститель, котораго онъ предложилъ „Вейдманамъ", былъ ими отвергнутъ, и Моммзену самому пришлось справляться съ дѣломъ.

IV.

Опала, налагаемая саксонскимъ правительствомъ, была тогда почти равносильна изгнанію изъ предѣловъ Германіи, ибо отдѣльныя ея государства, постоянно ссорившіяся между собою, проявляли необыкновенную солидарность, когда дѣло касалось искорененія вредныхъ по ихъ мнѣнію ученій.

При такихъ условіяхъ, Моммзену было бы напрасно стучаться въ двери другихъ нѣмецкихъ университетовъ. Разлука съ Лейпцигомъ, конечно, огорчала его, но онъ былъ не изъ тѣхъ, которые приходятъ въ уныніе. Онъ перебрался въ Швейцарію, въ Цюрихъ, и въ тиши своего кабинета принялся наверстывать время, потерянное для науки въ пылу политическихъ увлеченій. Четыре года (1850—1854) пробылъ онъ въ Цюрихѣ, и эти годы были однимъ изъ плодотворнѣйшихъ періодовъ его жизни. Изъ крупныхъ работъ за это время появились „Unteritalische Dialekte",—книга, положившая основаніе научной разработкѣ древне-италійской діалектологіи; фоліантъ „Inscriptiones Regni Neapolitani", который имѣлъ то значеніе для Моммзена, что уничтожилъ наконецъ равнодушіе берлинской академіи къ проектированному имъ колоссальному эпиграфическому предпріятію и доставилъ ему званіе члена-корреспондента этой академіи. За это же время Моммзенъ успѣлъ набрать и издать еще „Корпусъ" латинскихъ надписей изъ Швейцаріи, нѣсколько мелкихъ нумизматическихъ, филологическихъ и юридическихъ работъ; небольшое сочиненіе „Die Schweiz in römischer Zeit" (1854), въ

которомъ уже виденъ будущій авторъ „Римской исторіи“, и почти совершенно закончилъ въ рукописи первый томъ самой „Римской исторіи“.

Первые два года онъ прожилъ въ Цюрихѣ въ качествѣ частнаго лица, зимою сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, лѣтомъ охотился за надписями. Въ 1852 году, онъ принялъ приглашеніе на каѳедру римскаго права въ цюрихскомъ университетѣ; но ему не долго пришлось жить въ Швейцаріи. Его тянуло въ Германію, которую онъ любилъ, несмотря на все, пламенной любовью патріота, и съ радостью согласился послѣдовать зову прусскаго правительства, предложившаго ему каѳедру римскаго права въ бреславльскомъ университетѣ. Въ Бреславлѣ написано предисловіе къ первымъ тремъ томамъ „Римской исторіи“, какъ къ первому, такъ и ко второму изданію [1]).

Впечатлѣніе, произведенное „Римской исторіей“, было громадно. Книга была откровеніемъ для однихъ, возмутительнымъ памфлетомъ для другихъ, но она заставила говорить о себѣ одинаково какъ поклонниковъ, такъ и враговъ. Одни, инстинктомъ почуявшіе въ книгѣ отголоски сорокъ-восьмого года, набрасывались на нее съ жадностью и просиживали надъ чтеніемъ ночи; настоящіе историки поднимали Моммзена на щитъ и привѣтствовали его, какъ своего вождя; образованные люди съ изумленіемъ узнали, что римляне были живыми людьми и довольно близко напоминали людей современныхъ; педагоги на урокахъ римской исторіи прочитывали цѣлыя страницы изъ Моммзена; филологъ Ричль писалъ одному пріятелю: „однимъ духомъ проглотилъ я „Римскую исторію“ Моммзена. Скажите, неужели это—человѣкъ изъ плоти и крови, какъ и мы всѣ? Я бы хотѣлъ говорить его языкомъ, чтобы изобразить словами то удивленіе, тотъ восторгъ, который охватываетъ при чтеніи его книги!“

Но были и другія мнѣнія, а именно, что исторію нужно писать серьезнымъ языкомъ, что сухой пересказъ источниковъ—самый правильный методъ исторіи. Одинъ изъ такихъ писалъ, что стиль „Римской исторіи“ — „pessimus actorum diurnorum stylus“, т.-е.—жалкій стиль газетнаго фельетона! И далеко не всѣ филологи были одного мнѣнія съ Ричлемъ. Моммзенъ безжалостной рукою разбилъ ихъ кумиръ—Цицерона, а это былъ въ ихъ глазахъ такой грѣхъ, который не искупается ничѣмъ.

Но всѣ эти нападки заглушались восторженнымъ хоромъ

[1]) „Römische Geschichte“: I т.—1854, II—1855, III—1856; 2-е изд. I т.—1855, II—III—1857 г.

похвалъ, гремѣвшихъ по адресу Моммзена повсюду, какъ въ Германіи, такъ и за границею. Скромный юристъ, мало кому знакомый внѣ непосредственныхъ круговъ его дѣятельности, сдѣлался всемірно-извѣстнымъ историкомъ. Въ Бреславлѣ его популярность выросла до невѣроятной степени. И Моммзенъ не имѣлъ основанія жаловаться на составъ кружка своихъ ближайшихъ друзей. Тутъ были: даровитый философъ Бранисъ, одинъ изъ самыхъ остроумныхъ людей Бреславля, нашедшій въ Моммзенѣ побѣдоноснаго соперника; историкъ Финикій Моверсъ, знатокъ Аристотеля Бернай, филологъ Гаазе. Въ этомъ кружкѣ Моммзенъ любилъ отдыхать отъ работы и всегда находилъ себѣ умнаго и знающаго собесѣдника. Четыре года провелъ онъ въ Бреславлѣ, постоянно заваленный работою, неустанно трудясь надъ цѣлымъ рядомъ новыхъ изданій. Въ 1858 году онъ получилъ новое приглашеніе.

Лучшей наградою за „Римскую исторію“ было для Моммзена приглашеніе на каѳедру римской исторіи въ берлинскій университетъ—на ту каѳедру, которую онъ прославилъ и которая была его первой исторической каѳедрою, ибо до тѣхъ поръ онъ преподавалъ римское право. Въ томъ же году онъ былъ избранъ ординарнымъ членомъ берлинской академіи.

Ученая карьера, собственно говоря, была кончена, но научная дѣятельность, можно сказать, только-что начиналась. Когда Моммзену въ 1887 году исполнилось 70 лѣтъ, его ученикъ и сотрудникъ по „Corpus'у“, Цангемейстеръ, выпустилъ довольно большую книгу: „Th. Mommsen, als Schriftsteller“, въ которой перечислены были всѣ его труды, появившіеся до 1887 года. Всѣхъ фоліантовъ, простыхъ томовъ, брошюръ, статей, статеекъ и замѣтокъ его ученикъ насчиталъ 980; изъ нихъ только 180 появились до 1858 года. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. До Берлина Моммзенъ странствовалъ, подвергался гоненіямъ, училъ не тѣмъ предметамъ, которые любилъ.

Въ Берлинѣ закончились его „Wanderjahre“. Здѣсь онъ прожилъ до самой смерти (18 окт. 1903 г.), здѣсь нашелъ и тихую пристань гдѣ могъ свободно отдаться какъ наукѣ, такъ и всякой иной дѣятельности; а эту страстную натуру увлекала далеко не одна наука.

V.

О нѣмецкомъ ученомъ господствовало представленіе, какъ о существѣ, совершенно безучастномъ ко всему, кромѣ своей науки, и классическимъ типомъ его считали того синолога, который

узналъ о франко-прусской войнѣ много лѣтъ спустя изъ старыхъ китайскихъ газетъ. Моммзенъ былъ полной противоположностью такого чудака, и всегда считалъ „очень большой ошибкой, если кто находилъ нужнымъ снимать съ себя тогу гражданина изъ боязни скомпрометтировать халатъ ученаго“. Трудно сказать, что̀ больше увлекало его: судьбы ли древняго Рима, изученію которыхъ онъ посвятилъ себя, или животрепещущіе вопросы современности.

Въ теченіе всей своей долгой жизни Моммзенъ занимался почти исключительно римской стариною, и онъ зналъ и любилъ эту старину, какъ какой-нибудь римскій патріотъ. Для него Римъ не былъ простой исторической категоріей, чѣмъ-то такимъ, что̀ было давнымъ-давно и чего уже нѣтъ. Для него Римъ со своей культурой продолжалъ жить полной жизнью; онъ говорилъ ему ясно и отчетливо каждою полустершейся надписью, найденной гдѣ-нибудь въ Нумидіи, каждымъ обломкомъ стариннаго фронтона, выкопаннымъ на римскомъ форумѣ. Недостающія буквы надписи немедленно возстанавливались, кусокъ камня разростался въ цѣлое зданіе, и все это тотчасъ же занимало свое мѣсто въ той величественной картинѣ, которая не покидала его сознанія никогда, и которую онъ, несмотря на весь свой художественный талантъ, могъ представить своимъ современникамъ лишь отчасти.

Онъ разбирался въ сложныхъ явленіяхъ римской общественной жизни, какъ не всякій рядовой политикъ разбирается въ явленіяхъ жизни современной. Въ каждую эпоху у него тамъ были друзья и враги,—друзья, которымъ онъ воздвигалъ памятники своими великолѣпными характеристиками,—враги, которыхъ онъ умѣлъ такъ заклеймить своимъ ѣдкимъ сарказмомъ, что читавшій „Римскую исторію“ уже не могъ отдѣлаться отъ навязаннаго ему сужденія. Моммзену всегда лучше удавались тѣ эпохи, которыя волновали его больше всего; во всей „Римской Исторіи“ нѣтъ болѣе блестящихъ страницъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ разсказывается конецъ республики. Тутъ Моммзенъ кидается въ самый круговоротъ борьбы партій, поражаетъ одного, помогаетъ другому, точно онъ живетъ не два тысячелѣтія спустя, а въ тотъ самый моментъ, и пишетъ эту исторію не ученый, собиравшій фактъ за фактомъ, по сотнямъ книгъ, а современникъ, бывшій свидѣтелемъ изображаемыхъ явленій.

Въ кругахъ оппозиціи во Франціи XVII-го вѣка одно время идеею убійства тиранновъ увлекались. Такъ, одинъ ученый въ компаніи единомышленниковъ сказалъ, что еслибы онъ присут-

ствовалъ въ римскомъ сенатѣ въ мартовскія иды 44 года, то онъ нанесъ бы Цезарю двадцать-четвертый ударъ. У француза это было только эффектной фразою, а будь въ тотъ день въ сенатѣ Моммзенъ, онъ, кажется, сталъ бы между Цезаремъ и кинжаломъ Кассія. Но между идами марта и Моммзеномъ легли вѣка, и потому онъ защищаетъ Цезаря не грудью, а словомъ. Какими жалкими становятся у него всѣ враги Цезаря: какимъ убогимъ доктринеромъ представляется благородный и искренній Катонъ, какимъ пустымъ болтуномъ и трусомъ дѣлается Цицеронъ, и ничего не остается отъ доблести Помпея! Зато какими яркими красками обрисована фигура Цезаря! Превосходный художникъ вообще, Моммзенъ исчерпалъ всѣ краски, чтобы дать достойный портретъ своего героя. Для него Цезарь былъ лучшимъ, самымъ великимъ, благороднымъ и геніальнымъ представителемъ правильно понятой верховной власти.

Пробѣгая нѣсколько десятковъ страницъ „Римской исторіи", вы сейчасъ же замѣтите въ ней одну особенность: Моммзенъ уясняетъ себѣ и своимъ читателямъ факты и лица древности, чрезъ сопоставленіе ихъ съ фактами и лицами новой и современной исторіи. Онъ говоритъ о Суллѣ—ему приходитъ въ голову Кромвель и даже отчасти Вашингтонъ; актеръ Росцій, съ которымъ любилъ развлекаться Сулла—это Тальма; Сципіонъ—это Веллингтонъ; этолійцы, которые ведутъ войну для того, чтобы ограбить своихъ и чужихъ—ландскнехты Греціи; Лабіенъ, легатъ Цезаря, измѣнившій ему—наполеоновскій маршалъ; Ѳессалоники, главная квартира помпеянцевъ — новый Кобленцъ; Амилькаръ, умершій наканунѣ того, какъ созрѣли плоды его дѣятельности—Шарнгорстъ, не дожившій до Бауцена; аристократы послѣднихъ временъ республики—прусскіе юнкеры; катилиновцы—анархисты, и т. д.

„Модернизируя" такимъ образомъ исторію, Моммзенъ далекое дѣлаетъ близкимъ; дѣлая его близкимъ,—насквозь пропитываетъ духомъ собственной индивидуальности, налагаетъ на него яркій отпечатокъ своихъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ.

VI.

Однимъ изъ самыхъ любимыхъ соціально-философскихъ положеній Моммзена было то, что развитіе народовъ совершается всегда съ огромными, часто болѣзненными усиліями. Въ „Римской исторіи" эта мысль воспроизводится постоянно, но наи-

болѣе выпуклое и общее ея выраженіе, повидимому, находится въ академической рѣчи 1884 года, гдѣ говорится: ...„Съ нашими духовными предками у насъ обще какъ многое другое, такъ прежде всего то, что великое національное развитіе у грековъ, у римлянъ, и не въ меньшей степени у насъ, было дѣтищемъ тяжелой необходимости. Первоначальная тѣсная и эгоистическая общественная ячейка, первобытный партикуляризмъ,—если позволено примѣнить современный политическій терминъ къ совершенно инымъ отношеніямъ,—никогда не были побѣждены любовью, свободно дѣлающей свою созидательную работу, и направлены къ великому общественному дѣлу. Въ рудѣ таится и золото, и желѣзо; но нужна сила огня, чтобы добыть оттуда какъ желѣзо, такъ и золото. Подобно тому, какъ нужда и напоръ жизни выковываютъ изъ человѣка мужа; подобно тому, какъ индивидуумъ, не испытавшій на себѣ и въ себѣ опасностей и мукъ существованія, никогда не сдѣлается господиномъ жизни и никогда не добудетъ себѣ полнаго счастія дѣйственнаго бытія, такъ и нація выростаетъ только изъ трудной борьбы и послѣ побѣды надъ опасностями".

Моммзенъ всегда помнилъ этотъ законъ, и, быть можетъ, этимъ объясняется та суровая историческая философія, тотъ своеобразный фатализмъ, сдѣлавшій себѣ силу кумиромъ, которымъ насыщена вся „Римская исторія". Всюду, гдѣ Моммзену приходится изображать борьбу, онъ заранѣе на сторонѣ побѣдителя; въ этихъ случаяхъ онъ немедленно вступаетъ въ тѣсный союзъ съ сильной стороной, весь трепещетъ отъ боевой страсти, весь опьяненъ предвкушаемой заранѣе побѣдой. Побѣжденнымъ нечего ждать отъ него ни сочувствія, ни пощады; павшаго, безпомощнаго онъ безжалостно уничтожаетъ и осыпаетъ сарказмами. Ему все равно, если болѣе слабая сторона проявляетъ самое высокое геройство, если она, зная свою участь, изъ послѣднихъ силъ борется за самыя дорогія для человѣчества идеи, за идеи дорогія самому Моммзену, за свободу, за родину, за честь. Онъ холодно обзываетъ безумцемъ и глупцомъ Филопемена, одного изъ благороднѣйшихъ людей Греціи, и не находитъ ни одного слова состраданія, разсказывая о смерти младшаго Катона. Зато сильнымъ и счастливымъ онъ прощаетъ многое: снисходительнымъ тономъ, скрасивъ иное, повѣствуетъ о различныхъ похожденіяхъ Цезаря, оправдываетъ преслѣдованіе Римомъ разбитаго Аннибала и готовъ выступить адвокатомъ Суллы предъ исторіей и утверждать, что его проскрипціи были необходимы. Читатель напрасно будетъ искать тутъ страстныхъ діатрибъ, какими разражается Моммзенъ по гораздо болѣе незначительному поводу; онъ найдетъ

только равнодушную отписку:—было большой ошибкой со стороны Суллы такъ открыто выражать свое презрѣніе къ человѣчеству!... И только! Зачѣмъ волноваться изъ-за нѣсколькихъ тысячъ убитыхъ, когда они побѣждены и, слѣдовательно, утратили право на жизнь! А Сулла—побѣдитель, на его сторонѣ—сила.

Такой философіи, обоготворявшей силу, пришлось выдержать серьезное испытаніе, когда Моммзену случилось встрѣтиться съ такимъ олицетвореніемъ силы, которое жило съ нимъ вмѣстѣ, а не двѣ тысячи лѣтъ назадъ, и которое било, не разбирая, по самымъ дорогимъ для Моммзена предметамъ. Когда греки бились за свободу—ими можно пренебречь, потому что ихъ свобода осуждена на гибель, и никакой Филопеменъ ихъ не спасетъ; но когда о свободѣ хлопочутъ нѣмецкіе либералы и еще неизвѣстно, каковъ будетъ исходъ ихъ борьбы, тогда всякій врагъ свободы—преступникъ, котораго необходимо пригвоздить къ позорному столбу, хотя бы то былъ самъ Бисмаркъ.

Вотъ тутъ-то и обнаруживается, что исторія и дѣйствительность у человѣка съ горячимъ темпераментомъ — не всегда одно и то же; что какъ бы мы хорошо ни понимали исторію, какъ бы живо мы ни ощущали въ себѣ душу римлянина, мы всегда будемъ оцѣнивать факты прошлаго иначе, чѣмъ факты настоящаго, ибо тамъ мы все знаемъ до конца, а тутъ живемъ въ незавершившемся кругу явленій. Въ пылу увлеченія намъ можетъ показаться, что на насъ надѣта тога, а на ногахъ сандаліи, но это—увы!—иллюзія, ибо мы сидимъ за письменнымъ столомъ въ рабочемъ сюртукѣ и въ туфляхъ.

Мы остановились на этихъ примѣрахъ для того, чтобъ показать, что пользоваться „Римской исторіей" для характеристики общественныхъ и политическихъ взглядовъ Моммзена нужно съ нѣкоторой осторожностью. Надобно думать, что та жестокая философія борьбы, которая проводится въ книгѣ, такъ же мало характеризуетъ настоящіе политическіе взгляды Моммзена, какъ и нѣкоторые изъ его столь же суровыхъ манифестовъ. Страсть, темпераментъ увлекали его, онъ могъ дѣлаться отчаяннымъ шовинистомъ, требовать самыхъ суровыхъ мѣръ, но au fond онъ оставался всегда культурнымъ человѣкомъ и горько упрекалъ себя за невоздержность своего языка, когда проходили приступы шовинистической или какой-нибудь другой лихорадки.

VII.

Моммзенъ любилъ больше всего—могущественную единую Германію и царство свободы въ этой Германіи. Все его политическое міровоззрѣніе покоилось на этихъ двухъ основахъ, которыми объясняется все остальное. Націонализмъ и либерализмъ—доминирующіе пункты его политической программы, но послѣдняя далеко не вполнѣ покрывалась программой націоналъ-либеральной партіи. Моммзенъ съ сочувствіемъ смотрѣлъ на то, какъ въ 1866 году, послѣ Садовой, отъ прогрессистовъ откололась группа, рѣшившая даровать Вильгельму и Бисмарку испрашиваемый ими „индемнитетъ" за систематическое нарушеніе прусской конституціи въ эпоху конфликта. Когда, въ 1873 году, Моммзенъ былъ избранъ депутатомъ [1]), онъ безъ колебанія примкнулъ къ націоналъ-либераламъ, которые изъ небольшой группы успѣли къ тому времени вырости въ сильную партію. Вмѣстѣ съ нею онъ поддерживалъ всѣ мѣры Бисмарка, направленныя къ усиленію боевой готовности Германіи, и всѣ его внутреннія мѣропріятія; „Kulturkampf", напримѣръ, Моммзенъ считалъ однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ начинаній Бисмарка; онъ горячо ратовалъ за законы противъ іезуитовъ, и потомъ былъ очень недоволенъ, когда ихъ понемногу стали отмѣнять. Но когда, въ 1879 году, Бисмаркъ вступилъ на путь аграрнаго и промышленнаго протекціонизма, Моммзенъ, какъ и многіе изъ выдающихся вождей націоналъ-либераловъ (Бамбергеръ, Риккертъ, Форкенбекъ), нашелъ невозможнымъ оставаться долѣе въ рядахъ націоналъ-либераловъ, большинство которыхъ въ угоду Бисмарку отказалось отъ прежнихъ фритредерскихъ принциповъ. Въ 1880 году, изъ рядовъ партіи вышла довольно большая группа въ 45 человѣкъ („сецессія"). Нѣкоторое время она занимала самостоятельное положеніе, потомъ (1884 г.) слилась съ „свободомыслящими", а позже (1893 г.) ея остатки ушли и изъ этой партіи, не сойдясь съ большинствомъ во взглядахъ на военные планы правительства (такъ называемый свободомыслящій союзъ покойнаго Риккерта и Барта, нынѣ (1903 г.) слившійся съ демократами). Но Моммзена уже не было въ числѣ ихъ. Вскорѣ послѣ раскола среди націоналъ-либераловъ, онъ оставался еще депутатомъ (1882 г.) и только со стороны слѣдилъ за политикою, постоянно поддерживая тѣсное общеніе съ

---

[1]) Отъ округа Kalau, по поводу котораго Гельмгольцъ какъ-то съострилъ, что Моммзенъ былъ—weder kahl noch lau.

друзьями; особенно близокъ онъ былъ съ Бамбергеромъ, который высоко цѣнилъ колоссальныя познанія и острый умъ своего ученаго пріятеля.

Парламентская карьера Моммзена—довольно заурядная, да и парламентаристъ онъ былъ довольно заурядный. Гораздо интереснѣе политическія идеи этого замѣчательнаго человѣка, логическій процессъ ихъ развитія, наконецъ, та убѣжденность и юношеская страстность, съ которыми онъ всегда ихъ защищалъ. Въ рейхстагѣ были ораторы, далеко превосходившіе Моммзена, зато онъ всегда дѣйствовалъ увѣреннѣе и лучше, когда былъ одинъ, когда не чувствовалъ надъ собою стѣсненій партійной дисциплины.

Моммзенъ—мы сказали—любилъ больше всего единую могущественную Германію и въ ней — царство свободы. Одно изъ этихъ положеній идетъ отъ освободительной эпохи, другое—если не возникло, то стало боевымъ кличемъ подъ звонъ оружія борцовъ сорокъ-восьмого года. Былъ въ программѣ Моммзена еще третій пунктъ, логически вытекающій изъ перваго и не противорѣчащій второму. Это—монархизмъ.

Моммзенъ—страстный патріотъ обще-нѣмецкаго отечества, страстный партизанъ объединенія, но онъ знаетъ, что объединеніе можетъ совершиться лишь цѣною большихъ усилій, что единая Германія не можетъ явиться на сцену безъ кровавыхъ жертвъ, что ей будутъ мѣшать. И онъ ненавидитъ враговъ объединенія и не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы заклеймить ихъ, показать полное историческое безсиліе и полную логическую несостоятельность ихъ точки зрѣнія.

Вотъ почему Моммзенъ—націоналистъ.

Какъ большинство патріотовъ обще-нѣмецкаго отечества, Моммзенъ—мы уже знаемъ—приверженецъ мало-германской идеи, и ждетъ объединенія со стороны Пруссіи. Чтобы объединеніе сдѣлалось фактомъ, онъ считаетъ необходимой сильную Пруссію, въ Пруссіи—сильную власть, на прусскомъ престолѣ—сильнаго монарха, которому была бы по плечу огромная задача объединенія.

Вотъ почему Моммзенъ—монархистъ.

Націонализмъ и монархизмъ постоянно переплетаются у Моммзена съ третьимъ пунктомъ его программы—съ либерализмомъ, и это обстоятельство спасаетъ Моммзена отъ многихъ весьма рискованныхъ логическихъ выводовъ. Правда, доктринеромъ Моммзенъ не былъ никогда: для этого онъ былъ слишкомъ чутокъ къ біенію пульса общественной жизни, но темпераментъ увлекалъ его иногда на довольно скользкую почву, и біографу не разъ

приходится сталкиваться съ непріятной необходимостью—разсказывать о крупныхъ моральныхъ промахахъ—не практическихъ, конечно — вызванныхъ стремительностью политической логики. Ихъ было бы гораздо больше, если бы за нимъ, какъ флейтистъ за столь же бурнымъ Каемъ Гракхомъ, не стоялъ почитаемый имъ геній свободы; какъ молодой трибунъ задыхался отъ страсти и запутывался въ словахъ, пока его не успокаивала нѣжная мелодія, такъ и старый ученый путался въ мысляхъ и начиналъ говорить жестоко и грубо, пока до ушей его не долеталъ мягкій шопотъ, напоминавшій ему объ идеяхъ свободы.

Либерализмъ Моммзена вначалѣ былъ чистымъ и однороднымъ съ либерализмомъ Вильгельма Гумбольдта; былъ даже вполнѣ чуждъ классоваго характера. Онъ былъ убѣжденнымъ фритредеромъ и никогда не давалъ себя увѣрить, что пошлины полезны для народнаго хозяйства. На этомъ поприщѣ разгорѣлась и его борьба съ Бисмаркомъ въ 1881 году. Въ соціальныхъ взглядахъ Моммзенъ вначалѣ раздѣлялъ заблужденіе большинства всѣхъ „Achtundvierziger“ относительно противогосударственнаго характера современнаго пролетаріата и склоненъ былъ поэтому отожествлять его съ римской plebs, дѣйствительно содѣйствовавшей упадку государства. Поэтому съ обычной своей рѣшительностью онъ высказывался за продленіе исключительнаго закона противъ соціалистовъ въ 1882 г., и это, конечно, является однимъ изъ самыхъ темныхъ пятенъ на его памяти. Тѣмъ не менѣе, когда Моммзенъ умеръ, его больше называли даже демократомъ, чѣмъ либераломъ, и въ этомъ было много правды. Онъ убѣдился, что въ Германіи либерализмъ бываетъ иногда удивительно близорукъ, а рабочая партія вовсе не есть „Umsturzpartei“; потомъ онъ убѣдился, что ни у одной партіи нѣтъ такой дисциплины, какъ у соціалъ-демократовъ, и что, слѣдовательно, она болѣе, чѣмъ всякая другая, способна бороться за прогрессъ. Поэтому въ послѣдніе годы Моммзенъ даже убѣждалъ своихъ товарищей относиться съ довѣріемъ къ рабочей партіи и идти съ ней объ руку въ борьбѣ съ реакціей.

Въ этомъ отношеніи очень характерно его обращеніе къ избирателямъ передъ послѣдними выборами (дек. 1902 г.) подъ заглавіемъ: „Что̀ насъ можетъ спасти?“ Оно было вызвано извѣстнымъ предложеніемъ Кардорфа голосовать en bloc по поводу проекта автономнаго тарифа. Моммзенъ говорилъ, что реакція замышляетъ государственный переворотъ, отнимая у депутатовъ право голоса; что прежній прусскій абсолютизмъ былъ мягкой и гуманной формой правленія въ сравненіи съ тѣмъ, который гро-

зитъ Германіи, съ абсолютизмомъ юнкерства и капланократіи. Онъ считалъ необходимымъ единеніе тѣхъ либераловъ, которые еще не утратили права на такое наименованіе, съ рабочей партіей, приглашалъ на перебаллотировкахъ голосовать за соціалъ-демократа и учиться у рабочихъ партійной дисциплинѣ.

VIII.

Посмотримъ теперь, какъ переплетались въ дѣятельности Моммзена тѣ три основные принципа его міровоззрѣнія.

Больше всего говорятъ о національзмѣ Моммзена; онъ бросается въ глаза; да и по этому поводу было такъ легко говорить о шовинизмѣ и о странныхъ выходкахъ Моммзена.

Шовинистомъ Моммзенъ, несомнѣнно, порою бывалъ. Но нельзя съ легкимъ сердцемъ осуждать такого человѣка, какъ Моммзенъ, закрывъ глаза на все, что если не оправдываетъ, то хоть нѣсколько объясняетъ его поступки.

Моммзенъ не любилъ враговъ Германіи, какими онъ считалъ французовъ и славянъ,—а мы уже видѣли, какъ онъ умѣлъ отдѣлывать тѣхъ, кого не любилъ.

Въ „Римской исторіи“ онъ характеризуетъ галловъ почти исключительно словами Катона, Цезаря, Ливія, и получается ѣдкая сатира на общество „второй имперіи“. Но этого мало: Моммзенъ переноситъ вражду къ французамъ до извѣстной степени на романскіе народы вообще, и въ главахъ „Римской исторіи“, посвященныхъ поэзіи и искусству, подвергаетъ такой злой критикѣ художественный геній романцевъ, что читатель можетъ и на самомъ дѣлѣ подумать, что Данте, Петрарка, Аріосто, Корнель, Гюго, Мольеръ — никуда не годятся въ сравненіи съ какимъ-нибудь Клопштокомъ: Моммзену желательно доказать, что монополія художественнаго генія принадлежитъ эллинскому и германскому духу.

Когда, въ 1870 году, вспыхнула франко-прусская война, отъ исхода которой зависѣло, оправдаются чаянія Моммзена или нѣтъ,— онъ не могъ удержаться. Дѣла нѣмцевъ съ самаго начала пошли хорошо, и французская дипломатія употребляла неимовѣрныя усилія, чтобы убѣдить Италію вступить въ союзъ съ Франціей. Тутъ-то и выступилъ Моммзенъ. Пользуясь тѣмъ, что въ Италіи его знали и почитали, онъ напечаталъ въ миланской газетѣ „Perseveranza“ манифестъ, въ которомъ приглашалъ итальянцевъ соблюдать нейтралитетъ, пророчилъ близкое пораженіе Франціи

и взывалъ къ закрѣпленному Кустоццей братству по оружію итальянцевъ и пруссаковъ.

„Я не знаю,—писалъ онъ,—ведется ли эта война противъ французской націи или противъ той шайки наглыхъ авантюристовъ, которые, съумѣвъ завладѣть французскимъ правительствомъ, хотятъ теперь подчинить свѣтъ полу-свѣту.... Развѣ нѣмецкая нація тяготѣетъ надъ Италіей? Неужели вы думаете, что мы встрѣтимъ безъ большой радости изгнаніе изъ Капитолія такъ называемаго „непогрѣшимаго"? Вспомните крики удивленія, раздававшіеся у насъ по адресу бойцовъ Новары; вспомните нашъ энтузіазмъ, когда Ломбардія сбросила свои оковы, и то братство по оружію, которое привело въ одно и то же время Пруссію на Майнъ, а Италію—къ Венеціи. Не мы навязали народу съ древней и прекрасной культурою литературу, грязную какъ воды Сены въ Парижѣ, которая портитъ молодежь и развращаетъ достаточные классы націи"...

Далѣе говорится еще о томъ, что „блестящая и поверхностная французская культура привлекаетъ легкомысленныя головы и неглубокіе умы"; предвидится захватъ Эльзаса и доказывается невозможность оставленія французамъ Меца.

Съ годами, однако, когда единство Германіи стало уже совершившимся фактомъ и о реваншѣ перестали серьезно думать, отношеніе Моммзена къ Франціи дѣлалось все болѣе и болѣе спокойнымъ, а подъ конецъ его жизни перешло даже въ дружелюбное. Воспоминаніе о его манифестѣ 1870 года даже очень стѣсняло его. Показателемъ такой перемѣны служило пребываніе старца на парижскомъ международномъ конгрессѣ академій въ 1900 году. Правда, онъ и тамъ вспоминалъ старое, но это дѣлалось исключительно для краснаго словца, одного изъ тѣхъ, которыя такъ часто срывались съ его языка [1]). Въ общемъ же старецъ былъ очень доволенъ и Парижемъ, и пріемомъ, оказаннымъ ему тамъ. Особенно растрогало его вниманіе, оказанное ему всѣми безъ различія представителями парижской науки. Когда онъ, по обыкновенію не желая терять времени даромъ, въ каждый свободный часъ заходилъ въ „Національную Библіотеку" и зарывался въ грудѣ древ-

[1]) Сюда относится, напр., слѣдующій эпизодъ. Моммзена спросили на одномъ банкетѣ, какого онъ мнѣнія о современной французской литературѣ.—„О *современной* французской литературѣ!—воскликнулъ Моммзенъ.—Но я знакомъ съ французской литературой только до Авзопія"!.. Авзоній—галло-римскій поэтъ IV в. За эту бутаду старому ученому пришлось выслушать нѣсколько непріятныхъ замѣчаній отъ нѣмецкой прессы. Ему дали понять, что выходка была безтактна, а въ его сочиненіяхъ сейчасъ же нашли нѣсколько мѣстъ, показывающихъ, что Моммзенъ знаетъ французскую литературу и—главное—отлично умѣетъ ее цѣнить.

нихъ рукописей, предоставлявшихся въ его распоряженіе, вокругъ него немедленно собиралась почтительная толпа, и онъ потомъ добродушно разсказывалъ, какъ забавлялъ парижанъ старый ученый, рывшійся въ книгахъ. А вотъ что̀ онъ говорилъ одному французскому журналисту, по возвращеніи въ Берлинъ [1]):

„Италію всегда покидаешь съ грустью; но мнѣ кажется, что германскій характеръ не вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ итальянскимъ, съ чистымъ латинскимъ духомъ. Во Франціи наблюдается своего рода сліяніе между двумя характерами, и въ Парижѣ, несмотря на всѣ различія, мы находимъ кое-что родное (quelque chose de chez nous). Я думаю, что въ Парижѣ можно было бы отлично жить постоянно; гораздо труднѣе жить въ Римѣ... Берлинъ многимъ обязанъ французамъ, гугенотамъ, которыхъ прислалъ намъ Людовикъ XIV. Это французскій городъ—нашъ Берлинъ. Но и вся Германія многимъ обязана французамъ. Мы были созданы, чтобы понимать другъ друга, и ужасно жаль, что ваша печать упорно хочетъ насъ разъединить. Я прекрасно знаю, что не слѣдуетъ смѣшивать сердце Франціи съ парижскими газетами. Но онѣ стѣсняютъ насъ, и когда мы ихъ читаемъ, то, право, не знаешь, что̀ дѣлать: улыбаться или *проклинать*".

Былъ другой эпизодъ, котораго Моммзенъ даже не любилъ вспоминать. Это—инцидентъ съ чехами. Къ славянамъ Моммзенъ всегда относился дурно, особенно къ австрійскимъ славянамъ, которые, какъ ему казалось, стоятъ поперекъ дороги побѣдоносному шествію духа германскаго единства. Въ октябрѣ 1897 г., когда въ Австріи кипѣла борьба изъ-за языковъ между славянскимъ большинствомъ и нѣмецкимъ меньшинствомъ рейхсрата, когда нѣмцы усиливались провалить симпатизирующее чехамъ министерство Бадени, а Лехеръ произнесъ свою пресловутую 12-часовую обструкціонную рѣчь, въ дѣло вмѣшался Моммзенъ и напечаталъ въ „Neue Freie Presse" манифестъ, которымъ дѣйствительно не имѣлъ бы права гордиться ни одинъ культурный человѣкъ. Онъ писалъ, обращаясь къ австрійскимъ нѣмцамъ: „Вѣрьте мнѣ, что подобно тому, какъ австрійцы взираютъ на Германію, такъ и мы, нѣмцы,—на Австрію, что и у насъ сердце обливается кровью при видѣ этихъ подлостей и насилій (Ehrlosigkeiten und Gewalttaten). Для насъ, имперскихъ нѣмцевъ, невыразимо больно смотрѣть на самоубійство этой монархіи, на цислейтанское безуміе, на тупоуміе транслейтанскихъ

[1]) „Le Temps", 1903, novembre.

такъ называемыхъ либераловъ, на безчеловѣчность католиковъ, которымъ чотки дороже родины, — смотрѣть и не имѣть права сдѣлать попытки чѣмъ-нибудь помочь. Вы знаете, что мы этого не можемъ. Австрія, пока держитъ ее нѣмецкая спайка, великая держава. Будьте тверды. Разумныхъ увѣщеваній не принимаетъ чешская голова, но для ударовъ и она доступна (Vernunft nimmt der Schädel der Czechen nicht an, aber für Schläge ist auch er zugänglich). Несвоевременной уступчивостью въ Австріи много грѣшили и много напортили. На карту поставлено все. Сдаться—значитъ уничтожить себя. Австрійскихъ нѣмцевъ нельзя выселить, какъ евреевъ изъ Россіи, изъ областей, которыя они матеріально и культурно привели въ цвѣтущее состояніе"...

Такой манифестъ, очевидно, былъ написанъ въ одну изъ тѣхъ вспышекъ, которыя у Моммзена бывали такъ часты, и во время которыхъ убѣжденіе молчало, а говорилъ одинъ его темпераментъ. Спустя нѣкоторое время послѣ опубликованія этого манифеста, Моммзенъ, получивъ письмо отъ извѣстнаго слависта г. Ягича, уже высказывалъ сожалѣніе о вырвавшихся у него грубыхъ словахъ и старался загладить этотъ непріятный инцидентъ.

Въ глазахъ лучшихъ представителей австрійскаго славянства научныя заслуги Моммзена съ избыткомъ искупали моменты такого ослѣпленія. Въ некрологѣ Моммзена, напечатанномъ въ „Deutsche Revue", тотъ же г. Ягичъ перечисляетъ цѣлый рядъ заслугъ великаго историка предъ славянствомъ и славянской наукой, указываетъ на то, что единственный ученый журналъ по славистикѣ, „Archiv für Slawische Philologie", возникъ и поддерживался только благодаря Моммзену [1]).

Мы далеки отъ желанія оправдывать Моммзена въ подобныхъ „эксцессахъ". Но, намъ кажется, всякій признаетъ, что наиболѣе рѣзкія выходки его не были подсказаны серьезнымъ чувствомъ и серьезнымъ убѣжденіемъ. Его ревнивая и страстная любовь къ Германіи и всему германскому порождали такія чисто берсеркскія вспышки, но въ общемъ она была частью міровоззрѣнія культурнаго человѣка и всегда признавала цѣлый рядъ ограниченій.

IX.

Въ томъ же манифестѣ 1870 года, обращенномъ къ Италіи,

---

[1]) Впрочемъ, за эту статью г. Ягичу пришлось выслушать подъ своими окнами кошачій концертъ отъ славянскихъ націоналистовъ.

Моммзенъ говоритъ: „Въ теченіе трехъ вѣковъ государства, сосѣднія съ Германіей, увеличивались на нашъ счетъ. Въ Австріи, въ Россіи, въ Швейцаріи, живутъ, какъ и во Франціи, милліоны нѣмцевъ. Однако мы не требуемъ ихъ возвращенія, мы не имѣемъ желанія передѣлывать и поворачивать назадъ исторію. Конечно, мы не съ очень большимъ удовольствіемъ смотримъ на то, какъ въ Ливоніи воюютъ съ нашими соотечественниками; но мы остерегаемся имъ помогать или подавать имъ напрасныя надежды. Время крестовыхъ походовъ миновало“...

Для настоящаго шовиниста все равно,—возможно или невозможно то, чего онъ требуетъ. Ослѣпленный своимъ чувствомъ, онъ кричитъ „ура!“ или „караулъ!“—смотря по тому, что̀ ему нужно, и знать больше ничего не хочетъ. У такихъ людей обыкновенно вовсе не бываетъ общественныхъ убѣжденій, а если они имѣются, то весьма сомнительнаго свойства. Они проповѣдуютъ въ этихъ случаяхъ не свободу, а ненавистничество, не миръ, а вражду.

Моммзенъ никогда не былъ такимъ шовинистомъ. Гуманность, миръ, свобода—все это было для него слишкомъ дорого, чтобы онъ могъ со спокойной совѣстью выступить пророкомъ ненавистническихъ ученій.

Послѣднимъ изъ его памятныхъ дѣлъ былъ манифестъ, напечатанный за нѣсколько недѣль до смерти въ новооснованномъ англійскомъ журналѣ „Independent Review“. Тамъ онъ приглашаетъ нѣмцевъ и англичанъ забыть взаимныя недоразумѣнія и дружески протянуть другъ другу руки. Онъ прибавляетъ тутъ же: „Когда я оглядываюсь назадъ, я вижу длинный рядъ прожитыхъ годовъ. За это время исполнилось лишь немногое, о чемъ я мечталъ для своей націи и для человѣчества. Но священный союзъ народовъ былъ цѣлью моей юности и до сихъ поръ остается звѣздой старика“. За два года передъ этимъ, въ отвѣтномъ открытомъ письмѣ къ Максу Мюллеру въ „Deutsche Revue“ (прилож. къ апр. книжкѣ) онъ писалъ, что Англія сдѣлалась палачомъ буровъ, этихъ запоздалыхъ потомковъ Вильгельма Телля, и это вовсе не значило, что онъ ненавидитъ Англію. Наоборотъ, онъ былъ горячимъ поклонникомъ свободныхъ англійскихъ учрежденій и любилъ англичанъ, но героевъ въ родѣ Чемберлена и Родса онъ дѣйствительно ненавидѣлъ, и въ сущности перуны противъ Франціи и славянъ были направлены противъ наглости Наполеонидовъ и непріятныхъ сторонъ чешскаго хозяйничанія при Бадени. Дворъ Наполеона и чешскіе „дѣльцы“ далеко не принадлежали къ симпатичнымъ политическимъ дѣятелямъ.

Выступая противъ Чемберлена, Моммзенъ громкимъ голосомъ сказалъ то, что̀ говорилъ весь міръ, сочувствующій бурамъ, и его слова были далеко не самыми рѣзкими среди направленныхъ противъ Англіи обвиненій. Только Моммзенъ опредѣленно указалъ на Чемберлена съ его присными. Въ самый разгаръ поднятаго Штекеромъ антисемитическаго движенія въ Германіи (конецъ 70-хъ и 80-хъ годовъ), къ которому примкнули нѣкоторые изъ націоналъ-либераловъ, Моммзенъ всегда съ тою же страстью, съ какой бичевалъ враговъ Германіи, выступилъ противъ добровольцевъ реакціи и человѣконенавистничества; онъ громилъ подстрекателей къ расовой и религіозной борьбѣ и съ присущей его аргументамъ пластичностью доказывалъ всю неосновательность гото движенія, которое Бисмаркъ на своемъ своеобразномъ языкѣ называлъ „соціализмомъ дураковъ". „Провидѣніе, — отвѣчалъ Моммзенъ по адресу придворнаго проповѣдника,—поняло лучше, чѣмъ господинъ Штекеръ, почему германскій металлъ для формовки нуждается въ нѣсколькихъ процентахъ Израиля".

Момзенъ вообще былъ слишкомъ сложной и слишкомъ богатой натурой, чтобы можно было опредѣлить его міровоззрѣніе какой-нибудь шаблонной этикеткой. У Трейчке, напримѣръ, все было гораздо проще,—и тѣмъ, кто находитъ „Римскую исторію" партійной, можно было бы посовѣтовать прочесть „Нѣмецкую исторію XIX вѣка", гдѣ отъ нѣкоторыхъ страницъ пахнетъ кровью, а ненависть и безпощадность къ врагамъ, притомъ придуманная, въ противоположность Моммзену, а не явившаяся, какъ у него, плодомъ увлеченія,—наводитъ ужасъ. У Трейчке весь міръ дѣлится на Пруссію и не-Пруссію. Одну онъ любитъ съ ограниченностью стараго юнкера, другую разноситъ съ усердіемъ іезуита-проповѣдника. Вотъ гдѣ букетъ чистѣйшаго шовинизма, приправленный изрядной долею смрадныхъ испареній реакціи. Моммзена даже неудобно сравнивать съ такими „бардами Гогенцоллерновъ".

Идеалы гуманности, солидарности народовъ умѣряли его націонализмъ. Не переставая быть патріотомъ, онъ былъ въ то же время космополитомъ по широтѣ своего кругозора. Онъ любилъ родину, но чтилъ и человѣчество. Точно такъ же культъ свободы умѣрялъ его монархизмъ.

X.

Гастонъ Буассье сказалъ какъ-то, что въ Цезарѣ Моммзенъ заранѣе привѣтствуетъ того популярнаго монарха, которому суждено было завершить дѣло объединенія Германіи. И въ портретѣ Цезаря, писанномъ съ необыкновенной любовью, вылился весь монархизмъ Моммзена. Но ошибся бы тотъ, кто поспѣшилъ бы сдѣлать заключеніе о слѣпой приверженности Моммзена къ цезаризму или вообще какой-нибудь формѣ абсолютизма. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ „Римской исторіи“, которыя разъяснятъ многое въ этомъ отношеніи: „Цезарь оставался демократомъ даже тогда, когда сдѣлался монархомъ... Его монархія такъ мало шла въ разрѣзъ съ демократіей, что казалось, будто послѣдняя получила осуществленіе и законченность, благодаря первой. Цезарева монархія не была восточнымъ деспотизмомъ милостью Божіей... Это было народное представительство, воплотившееся въ лучшемъ и ничѣмъ не ограниченномъ довѣренномъ лицѣ“... (русск. пер., т. III, стр. 413). „Цезарь вовсе не являлся упразднить свободу, но дополнить ее и прежде всего сломить невыносимый гнетъ аристократіи“ (русск. пер., стр. 420). Такимъ, а не инымъ, т.-е. не деспотомъ, а конституціоннымъ монархомъ, представлялъ Моммзенъ Цезаря, и какъ бы для того, чтобы не оставить никакого сомнѣнія относительно своихъ взглядовъ на монархію, онъ прибавляетъ къ характеристикѣ Цезаря и его правленія (русск. пер., стр. 414): „Исторія Цезаря и римскаго цезаризма является по истинѣ болѣе рѣзкой критикою современнаго единовластія, чѣмъ все, что могло бы быть написано человѣческой рукой. На основаніи того же закона природы, въ силу котораго ничтожнѣйшій организмъ несравненно выше самой художественной машины, каждая, даже самая несовершенная форма правленія, дающая просторъ свободному самоопредѣленію большинства гражданъ, несравненно выше геніальнѣйшаго и гуманнѣйшаго абсолютизма, такъ какъ первая способна къ развитію, жизненна, второй же остается, чѣмъ онъ былъ, и слѣдовательно онъ мертвъ“. Это—одно изъ лучшихъ теоретическихъ оправданій конституціонной монархіи; въ ней и видѣлъ Моммзенъ наилучшій способъ правленія; для него это былъ синтезъ идеи свободы и идеи сильнаго государства.

Но не всякое конституціонное правленіе оправдываетъ Моммзенъ. Онъ былъ поклонникомъ силы до тѣхъ поръ, пока она направляется противъ враговъ внѣшняго величія страны.

Во внутреннемъ управленіи онъ считалъ политику „сильной руки" совершенно недопустимою. Въ этомъ вопросѣ потому онъ неоднократно сталкивался съ Бисмаркомъ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда Бисмаркъ повернулъ на путь протекціонизма, Моммзенъ, какъ и всѣ либералы, почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своихъ фритредерскихъ идеяхъ и по своему обыкновенію разразился противъ канцлера рѣзкой рѣчью, въ Тэмпельгофѣ, гдѣ назвалъ его политику политикою надувательства народа (Schwindelpolitik). Бисмаркъ, вообще мало чувствительный къ такимъ нападкамъ, при столкновеніяхъ съ Моммзеномъ въ рейхстагѣ, относился прежде къ нему довольно свысока и выражалъ удивленіе, какъ понимаютъ иногда современность геніальные историки,—но тутъ не стерпѣлъ и притянулъ Моммзена къ суду. Почти семидесятилѣтній ученый защищался самъ, и судъ, который, очевидно, состоялъ не изъ лицъ, готовыхъ исполнять каждое приказаніе министра, имѣлъ мужество оправдать его [1]).

Моммзенъ не только умѣлъ осаживать политическія увлеченія такихъ безусловныхъ рыцарей монархизма, какимъ былъ Бисмаркъ, но, самъ преданный идеѣ монархіи, онъ далеко не всегда переносилъ преклоненіе передъ этой идеей на ея носителей. Въ его академическихъ рѣчахъ передъ нами проходитъ цѣлая галерея Гогенцоллерновъ; это тоже своего рода „Аллея побѣдъ", по которой читатель, рѣшившійся пробѣжать подъ-рядъ всѣ мастерскія характеристики великаго историка, проникается тѣмъ же смѣшаннымъ чувствомъ, какое охватываетъ туриста, проходящаго въ „Тиргартенѣ" мимо этого нѣмого памятника славы Гогенцоллерновъ. Въ этомъ чувствѣ есть піетэтъ, но есть и нѣчто иное. Среди всѣхъ Гогенцоллерновъ Моммзенъ чтитъ больше всего три фигуры: стараго Фрица, перваго императора единой Германіи, и мать его, прекрасную,

[1]) Расходясь въ политическихъ взглядахъ, Бисмаркъ и Моммзенъ, однако, не могли не чувствовать другъ къ другу уваженія. Оно прорывалось иногда невольно. Во время преній все по тому же вопросу о таможенной политикѣ, Бисмаркъ однажды воскликнулъ: „Не могу же я ждать двѣ тысячи лѣтъ, пока явится второй Моммзенъ и объяснитъ низкими пошлинами на хлѣбъ паденіе стараго Рима!" Это былъ намекъ на „Римскую исторію", въ которой дѣйствительно Моммзенъ считаетъ упадокъ крестьянства одною изъ причинъ гибели Рима. Но онъ на этотъ разъ очень хорошо съумѣлъ показать Бисмарку, почтившему въ немъ великаго историка, всю разницу между прошлымъ и настоящимъ. Съ своей стороны и Моммзенъ, въ которомъ порою говорила врожденная ненависть крестьянина къ юнкеру, чувствовалъ къ Бисмарку піетэтъ и, какъ разсказываетъ англичанинъ Уитмэнъ (Cont. Rev. 1903, 17), однажды даже громко высказалъ сожалѣніе, что политическая рознь лишаетъ противниковъ Бисмарка удовольствія имѣть общеніе съ такимъ человѣкомъ.

самоотверженную королеву Луизу. Судьбѣ не было угодно, чтобы къ нимъ присоединилась четвертая фигура — „побѣдителя при Кенигрецѣ и Вертѣ“. Только однажды, въ годъ смерти императора Фридриха, Моммзенъ помянулъ и его теплымъ словомъ въ обычной Festrede. Особенно много и охотно расточалъ онъ хвалы тому счастливому монарху, которому, какъ онъ думалъ, пришлось воплотить въ себѣ идеи Юлія Цезаря, любимое созданіе его научной и политической мечты. Вильгельму I посвящены самыя вдохновенныя изъ академическихъ характеристикъ Моммзена; его онъ считаетъ истымъ типомъ современнаго монарха и къ нему возвращается съ особеннымъ удовольствіемъ, каждый разъ находя въ немъ новый поводъ для прославленія. Не то совсѣмъ отношеніе Моммзена къ современному носителю славнаго имени, нынѣшнему императору.

Его вступленіе (1889) Момзенъ встрѣтилъ въ академической рѣчи почтительными пожеланіями, но потомъ совсѣмъ въ немъ разочаровался. Ему не нравилась молодая страсть къ перемѣнамъ въ новомъ монархѣ. Старый ученый никогда не могъ примириться съ измѣненіями на Unter-den-Linden и въ „Тиргартенѣ“. „Я знавалъ царство живого лѣса; теперь я узналъ царство мертваго камня“, говорилъ онъ по поводу „Siegesallee“. Однажды въ пріятельской бесѣдѣ съ однимъ изъ товарищей, ученымъ латинистомъ, когда рѣчь зашла о Вильгельмѣ II, Моммзенъ сказалъ: „Слишкомъ умный у насъ императоръ“.—„Rara avis, felix culpa“, задумчиво замѣтилъ на это латинистъ на своемъ родномъ языкѣ. Главная причина, почему Моммзенъ не любилъ Вильгельма II—абсолютистскія стремленія императора. Старый „Achtundvierziger“ съ тревогою взиралъ, какъ режимъ все болѣе проникается не-конституціонными началами, и горько твердилъ, что будь живъ императоръ Фридрихъ, все было бы по другому.

По той же причинѣ Моммзенъ не любилъ патентованныхъ друзей и защитниковъ всякой реакціонной мѣры въ Пруссіи— „юнкеровъ“. Онъ относился къ нимъ съ уничтожающей насмѣшкой и не оставлялъ ихъ въ покоѣ ни въ римской исторіи, гдѣ онъ вышучиваетъ ихъ въ лицѣ римскихъ аристократовъ, ни въ жизни. Тамъ и тутъ это—„старыя дубины, упрямство которыхъ въ глазахъ наивныхъ людей сходитъ за энергію убѣжденныхъ консерваторовъ“; тутъ и тамъ—это „жалкая камарилья защитниковъ трона и алтаря“. И въ упомянутомъ выше декабрьскомъ манифестѣ Моммзена, 1902 г., прусскимъ „юнкерамъ“ пришлось прочесть оскорбительную замѣтку на свой счетъ: „Въ Германіи всякій знаетъ, что содержанія одной такой головы, какъ у Бебеля, хва-

титъ на то, чтобы наполнить дюжину восточно-эльбскихъ юнкерскихъ головъ, и тогда ихъ обладатели будутъ даже блистать между своими".

Итакъ, доктринеромъ монархизма въ Пруссіи Моммзенъ не былъ, и всегда зналъ, что̀ онъ цѣнитъ въ монархіи и до какихъ предѣловъ онъ будетъ защищать монархію. Такъ же мало былъ похожъ на неподвижную доктрину, какъ мы видѣли, и его націонализмъ. Идеалы свободы и гуманности всегда облагораживали его міровоззрѣніе, а тонкое чутье дѣйствительности заставляло его постоянно пересматривать свои политическіе и общественные взгляды и держать ихъ вровень съ жизнью.

Моммзенъ былъ искренній и культурный политикъ, и такого должны въ немъ уважать даже враги его и противники.

XI.

Моммзена чаще всего называютъ историкомъ, но съ одинаковымъ правомъ его можно назвать юристомъ, филологомъ, эпиграфистомъ, ибо его дѣятельность во всѣхъ этихъ областяхъ была также плодотворна, также—„epochemachend, bahnbrechend", какъ и въ сферѣ исторической науки. Самъ Моммзенъ охотнѣе всего называлъ себя филологомъ, но подъ филологіей онъ подразумѣвалъ не ту узкую дисциплину, которая такъ основательно и такъ заслуженно дискредитирована вездѣ, а нѣчто въ родѣ энциклопедіи классической древности. Для него въ филологію, какъ въ родовое понятіе, входятъ и исторія, и право, и эпиграфика, поскольку они имѣютъ дѣло съ древностью. Эта своеобразная, чисто нѣмецкая классификація наукъ, конечно, характерна для Моммзена, но совершенно не обязательна при оцѣнкѣ его дѣятельности. Она можетъ придать этой оцѣнкѣ ложный масштабъ, ибо въ дѣятельности Моммзена какъ разъ то и замѣчательно, что онъ съ одинаково колоссальными результатами работалъ хотя и въ родственныхъ, но самостоятельныхъ научныхъ сферахъ. Если Моммзенъ брался за какой-нибудь вопросъ, то можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что, при данномъ состояніи источниковъ, другимъ тамъ останется не много работы. Онъ исчерпывалъ вопросъ такъ, какъ будто бы всю жизнь онъ ничѣмъ другимъ и не занимался. А между тѣмъ въ немъ не было и тѣни узкости и односторонности спеціалиста, у котораго все, какъ извѣстно, перекашивается въ сторону подъ вліяніемъ излюбленнаго вопроса. Наоборотъ, Моммзенъ съ необычайной ясностью видѣлъ,

что въ спеціализаціи нѣтъ спасенія, что наглухо замыкаться въ раковину своей спеціальности для ученаго значитъ сознательно лишать свою работу широкаго и плодотворнаго вліянія на науку. Этотъ взглядъ проходитъ красною нитью черезъ всѣ его академическія рѣчи, черезъ всѣ привѣтствія, которыми онъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго секретаря, долженъ былъ встрѣчать вновь вступающаго коллегу. Всюду онъ говоритъ о томъ, что самое глубокое и пристальное спеціальное изученіе не должно затмѣвать для ученаго областей, лежащихъ внѣ его спеціальности; что спеціальность должна быть средствомъ для широкаго научнаго міровоззрѣнія. Въ рѣчи 1880 года онъ даетъ совершенно мимоходомъ такую формулу своей основной мысли: „Die rechte Einseitigkeit die wahre Vielseitigkeit ist", и она могла бы служить не только эпиграфомъ большинства его сочиненій, но и девизомъ всей его дѣятельности.

Вотъ почему любимымъ героемъ мысли для Моммзена является Лейбницъ, этотъ энциклопедистъ по своимъ познаніямъ. Ему неоднократно приходилось въ своихъ рѣчахъ вспоминать о Лейбницѣ, какъ о духовномъ отцѣ академіи, и никогда онъ не пропускалъ случая, чтобы не вернуться къ своей любимой мысли. Онъ преклонялся передъ Лейбницемъ и потому, что онъ былъ цѣлою академіею для своего времени (рѣчь 1883 г.), что если бы онъ жилъ въ наше время, то было бы нелегко рѣшить, къ какому классу академіи его причислить, ибо онъ могъ съ честью занимать кресло какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, притомъ заразъ по всѣмъ спеціальностямъ (рѣчь 1874 г.); Моммзенъ хотѣлъ показать на примѣрѣ Лейбница, все въ себѣ объединившаго, „какъ малъ и узокъ міръ того человѣка, для котораго во всемъ царствѣ духа существуютъ одни латинскіе или греческіе писатели, одни геологическіе пласты и математическія проблемы" (тамъ же). Имя Лейбница для Моммзена—„знамя", и подъ этимъ знаменемъ работалъ онъ.

Кто такъ смотритъ на науку, тотъ, разумѣется, далекъ отъ формальнаго отношенія къ ней; тотъ ее любитъ и почитаетъ, тотъ считаетъ заботу о наукѣ одною изъ самыхъ важныхъ функцій государства; и дѣйствительно, въ большинствѣ рѣчей Моммзена мы встрѣчаемъ этотъ взглядъ на отношеніе науки къ государству. То въ видѣ признательности Вильгельму (рѣчь 1880 г.), то въ видѣ пожеланій (рѣчь 1874 г.), то въ видѣ восхваленія Фридриха Великаго (особ. рѣчь 1895 г.), Моммзенъ всюду говоритъ о томъ, что то, что̀ государство дѣлаетъ для науки, не только не потеряно, но принадлежитъ къ числу самыхъ выгодныхъ видовъ помѣщенія

капитала. И онъ могъ считать себя въ этомъ отношеніи очень счастливымъ. Послѣ его первыхъ неудачъ съ „Корпусомъ латинскихъ надписей", ему никогда не приходилось жаловаться на недостатокъ средствъ у академіи и на скупость правительства.

Больше непріятныхъ минутъ доставлялъ ему вопросъ объ обезпеченіи науки съ другой—не съ матеріальной стороны. Наука—слишкомъ могущественное оружіе, чтобы у друзей реакціи всякаго рода не возникло желанія помѣшать ей быть тѣмъ, что̀ она есть, и воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Правда, одинъ изъ параграфовъ прусской конституціи гласитъ, что „наука и ея ученія свободны", но бывали и въ исторіи Пруссіи такіе случаи, когда очень охотно забывали о существованіи этого параграфа, и дѣятелямъ науки, особенно если она подкапывалась подъ укоренившіеся предразсудки, ставили всевозможныя препятствія. Моммзенъ, конечно, всегда осуждалъ такое усердіе не по разуму, не встрѣчавшее, впрочемъ, большого сочувствія и у правительства. Серьезнѣе складывалось дѣло, когда противъ чистой, нефальсифицированной науки выступалъ, съ громкими фразами на устахъ, ея естественный врагъ—клерикализмъ. Моммзенъ особенно ненавидѣлъ лицемѣрныхъ представителей клерикальной науки и незадолго до смерти получилъ возможность заклеймить какъ ихъ, такъ и потакавшихъ имъ властей. Въ 1901 году въ Страсбургѣ освободилась каѳедра исторіи, которую немедленно занялъ молодой Мартинъ Шпанъ: онъ былъ сынъ одного изъ вождей центра, а потому преисполненъ былъ величайшаго усердія „ad majorem Dei gloriam"—и написалъ очень плохую, единогласно осужденную критикою книгу о великомъ курфюрстѣ. Весь академическій міръ былъ въ негодованіи, и выразителемъ мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ выступилъ Моммзенъ въ „Münchener Neueste Nachrichten".

„По нѣмецкимъ университетскимъ кругамъ,—писалъ онъ,—проносится чувство униженія (Degradirung). Нашъ жизненный нервъ—это непредубѣжденная (voraussetzungslose) наука. Конфессіонализмъ—заклятый врагъ университетскаго духа. Въ томъ жалкомъ свидѣтельствѣ объ убожествѣ, которое обнаруживаютъ клерикалы, запрещая своимъ сторонникамъ слушать исторію и философію у профессоровъ другихъ исповѣданій, кроется также опасность, грозящая всѣмъ. Ракъ излечимъ, если захваченъ въ началѣ; если же упустить время, то будетъ уже поздно... Пусть всякій, имѣющій вліяніе при назначеніи профессора на каѳедру, помнитъ, что непредубѣжденное изслѣдованіе, т.-е. честность и правдивость изслѣдователя, является палладіумомъ университетскаго преподаванія, и пусть онъ остерегается того, что̀ не можетъ

быть прощено,—вовлеченія въ грѣхъ противъ святого Духа"... Съ великимъ энтузіазмомъ было встрѣчено тогда это заявленіе; нѣмецкіе университеты признали въ Моммзенѣ своего оратора и одинъ за другимъ обратились къ нему съ выраженіями солидарности.

XII.

Не скоро будутъ оцѣнены во всемъ объемѣ обширныя научныя заслуги Моммзена. Чествуя Моммзена въ 1893 году, берлинская академія отказалась дать полную оцѣнку трудамъ Моммзена, чтò, по ея словамъ, казалось, было подъ силу только цѣлымъ поколѣніямъ ученыхъ.

Разсматривать Моммзена, какъ „филолога" въ томъ особенномъ смыслѣ, въ какомъ онъ самъ понималъ это слово, неудобно уже потому, что въ филологію входитъ цѣлый рядъ дисциплинъ съ особыми методами; а такъ какъ характеристика спеціалиста есть прежде всего характеристика его научнаго метода, то мы и будемъ говорить по порядку только о томъ, чтò онъ сдѣлалъ въ исторіи, правѣ, эпиграфикѣ, чистой филологіи.

Моммзена-историка знаютъ лучше всего, ибо „Римская исторія"—наиболѣе популярная изъ всѣхъ написанныхъ имъ книгъ; но въ его особенностяхъ, какъ историка, чаще обращаютъ вниманіе на тѣ, которыя бросаются въ глаза,—на стиль, на яркія характеристики, словомъ—на художественный элементъ. Хотя Юліанъ Шмидтъ правъ, говоря, что красокъ, которыми располагаетъ Моммзенъ, хватило бы на дюжину беллетристовъ, но въ историческихъ трудахъ Моммзена есть и помимо красокъ много такого, на чтò стоитъ обратить вниманіе.

Уже въ первой своей прагматической попыткѣ, въ небольшой работѣ о Швейцаріи при римскомъ господствѣ, Моммзенъ высказалъ свой взглядъ на исторію. Это было въ 1853 году; но и теперь еще его соотечественники не могутъ съ нимъ освоиться, и многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и лучшій изъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ, Эдуардъ Мейеръ, считаютъ такіе взгляды непростительной ересью. А Моммзенъ говорилъ вотъ чтò: „Настоящая исторія не пытается съ посильной полнотой возстановить дневникъ міра; она не хочетъ быть и зерцаломъ нравовъ; она стремится къ высотамъ и ищетъ удобныхъ пунктовъ для широкихъ обзоровъ. Оттуда, въ удачный моментъ, ей удается бросить взоръ внизъ на незыблемые законы необходимаго, которые будутъ стоять вѣка, подобно Альпамъ, и на многообразныя

страсти людскія, которыя вращаются вокругъ нихъ, не измѣняя ихъ, какъ облака вокругъ Альпъ"...

Когда Моммзенъ писалъ эти строки, у него уже былъ готовъ планъ „Римской исторіи", въ которой это теоретическое положеніе было осуществлено такъ блистательно. Нетрудно указать тѣ общіе принципы, которые легли въ основу его труда. Моммзенъ вовсе не считаетъ незаконченной исторію безъ лицъ, исторію, какъ говорятъ иногда теперь, состояній (Zustände). Вся первоначальная исторія Рима у Моммзена написана такъ, что въ ней вовсе не видно красокъ. Если читатель, наслышавшись о художественныхъ достоинствахъ „Римской исторіи", примется читать ее съ начала, то ему придется одолѣть около четырехсотъ страницъ, прежде чѣмъ онъ доберется до красокъ. Краски начинаютъ мелькать лишь съ момента галльскаго нашествія, и только съ Пирра становятся уже постояннымъ элементомъ разсказа. Около двухсотъ-пятидесяти страницъ (по русскому переводу) занимаетъ первая книга, посвященная характеристикѣ періода царей. Тутъ говорится о древнѣйшихъ народныхъ передвиженіяхъ, дается характеристика италійскихъ племенъ, изображаются зачатки Рима, его первоначальное государственное устройство, политическая реформа, юридическій строй, экономическія отношенія, образованность, искусства, религія; не говорится только о самихъ царяхъ. Всѣ эти систематическіе отдѣлы воспроизводятся и въ слѣдующихъ книгахъ, съ той только разницею, что они тамъ обширнѣе и подробнѣе, и что наряду съ ними занимаетъ мѣсто и прагматическій элементъ. Такимъ образомъ, трудъ Моммзена удовлетворяетъ одному главному научному требованію, которое предъявляетъ къ исторіи современная наука: онъ даетъ полную, исчерпывающую картину римскихъ соціальныхъ отношеній въ различные періоды. Удовлетворяетъ она и другому главному требованію, ибо даетъ *эволюцію* этихъ отношеній. По книгѣ Моммзена можно прослѣдить за развитіемъ любого изъ соціальныхъ или соціально-психическихъ явленій римской исторіи, земледѣлія, торговли, языка, религіи, поэзіи, краснорѣчія; для этого стоитъ только просматривать соотвѣтствующіе отдѣлы въ каждой „книгѣ". Но „Римская исторія" даетъ картину эволюціи и болѣе сложной,— картину перехода республики въ монархію. Сюда присоединилось уже немного политики; если бы ея не было, то, быть можетъ, Моммзенъ не произнесъ бы своего приговора надъ республикой тотчасъ же послѣ блестящей побѣды надъ Аннибаломъ, когда Римъ находился хотя не въ зенитѣ своего могущества, но когда уже былъ сметенъ его главный, самый сильный врагъ. Зато съ

эпохи Гракховъ начинаетъ звучать все яснѣе и яснѣе приговоръ надъ республикой, съ необыкновеннымъ мастерствомъ подбирается нота къ нотѣ въ этой величественной научной симфоніи,— и читатель съ необыкновенной отчетливостью познаетъ всю логику фактовъ и видитъ финалъ этой эволюціи, которую начертала передъ нимъ эрудиція ученаго, вступившая въ союзъ съ художественной мощью поэта. Торжество монархіи ясно представляется неизбѣжнымъ и необходимымъ.

Цѣлью исторіи – по Моммзену—является культура, а содержаніемъ ея—борьба. Вотъ гдѣ мѣсто той суровой философіи исторіи, которая переходитъ въ политику и которая требуетъ, чтобы слабые были раздавлены въ поступательномъ движеніи великой колесницы временъ: „Въ стремительномъ, бурномъ вихрѣ исторія безжалостно ломаетъ и пожираетъ тѣ народы, которые не обладаютъ твердостью и гибкостью стали". Культура тутъ является уже результатомъ отбора, который самъ обусловленъ своего рода борьбой за существованіе; такой взглядъ сближаетъ Моммзена съ нѣкоторыми соціологами-дарвинистами, и въ настоящее время не имѣетъ серьезныхъ защитниковъ.

XIII.

Если трудъ Моммзена начнетъ читать человѣкъ, знакомый съ римской исторіей только по учебникамъ, онъ по всей вѣроятности будетъ удивленъ, не встрѣтивъ тамъ не только упоминанія о Ромулѣ, Ремѣ, добромъ Нумѣ и прочихъ царяхъ [1]), но и о первоначальной исторіи, полной драматизма (война съ Порсенною, Регильское сраженіе и мн. др.). Онъ все это прямо устраняетъ. Въ первыхъ изданіяхъ онъ начинаетъ разсказъ съ 510 года до Р. X., когда былъ заключенъ, по его предположенію, первый римско-кареагенскій договоръ; потомъ онъ убѣдился [2]), что эту дату нужно отодвинуть на цѣлыя сто лѣтъ впередъ—на 406 г. до Р. X. Прагматическій разсказъ начинается въ послѣднихъ изданіяхъ съ этрусскихъ войнъ начала V вѣка до Р. X., да и то Моммзенъ не рѣшается вполнѣ согласиться съ традиціями и дѣлаетъ оговорки. Въ сущности говоря, „Римская исторія" начинается съ роста Рима, какъ торговаго и стратегическаго пункта.

[1]) О нихъ говорится только въ отдѣлѣ о литературѣ, слѣдующаго періода.

[2]) Доводы см. „Römische Chronologie", 320 и слѣд.

Читатель не узнаетъ причинъ такого радикализма, потому что Моммзенъ предусмотрительно удалилъ изъ книги почти весь предварительный ученый аппаратъ. Съ критическими основаніями „Римской исторіи“ знакомитъ другая книга, не менѣе замѣчательная, хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ первая — „Изслѣдованія по римской исторіи“ [1]). Остроумнѣйшія комбинаціи, прямо микроскопическій анализъ, тончайшія наблюденія, данныя, привлеченныя изъ всѣхъ областей римской старины — тутъ все на своемъ мѣстѣ, все тамъ, гдѣ должно быть, гдѣ не можетъ не быть, и кажется только удивительнымъ, какимъ образомъ до этого не додумались раньше. На первый взглядъ критика Моммзена какъ будто бы мало отличается отъ критики другихъ изслѣдователей, работавшихъ надъ вопросомъ о достовѣрности римскихъ традицій, но стоитъ сравнить блестящія страницы „Forschungen“ съ анализомъ какого-нибудь Бреккера, и разница станетъ очевидной. Тутъ — движеніе ощупью: читатель постоянно опасается, что, вотъ-вотъ, оборвется слабая нить и съ трескомъ рушится вся система; тамъ — твердая увѣренная рука мастера, который свободно разбирается въ фактахъ, беретъ изъ „корзины, полной данными о старинѣ“, безошибочно то, что нужно для изслѣдованія. „Forschungen“ Моммзена останутся навсегда памятникомъ изумительной критической остроты.

Моммзенъ, впрочемъ, не былъ піонеромъ въ области исторической критики; у него былъ предшественникъ. Не будь трудовъ Нибура, онъ едва ли рѣшился бы такъ смѣло наложить руку на весь первоначальный періодъ римской исторіи. Какъ извѣстно, Нибуръ первый покончилъ съ господствомъ ненаучной исторіи, исторіи-разсказа, исторіи-моральнаго кодекса, исторіи-матеріала для философскихъ обобщеній, словомъ — такой, гдѣ фактъ прошлаго привлекался къ дѣлу не какъ самодовлѣющая цѣнность, а какъ орудіе для чего-нибудь посторонняго. Нибуръ далъ историкамъ ихъ категорическій императивъ — работать такъ, чтобы историческій фактъ разсматривался не какъ средство, а какъ цѣль. Осуществляя это правило, онъ создалъ историческую критику. Его работа надъ исторіей Рима распадается на двѣ части: въ первой онъ уничтожаетъ традицію, во второй пытается возстановить истинный ходъ начальной исторіи Рима. Насколько первая часть богата объективными результатами, настолько вторая, несмотря на весь блескъ проницательности и остроуміе догадокъ,

[1]) „Römische Forschungen“, т. I—1864, т. II—1879. Къ ней примыкаютъ такія статьи, позднѣе написанныя, какъ „Remuslegende“ („Hermes“, 16), „Tatiuslegende“ (тамъ же, 21).

неубѣдительна. Моммзенъ принялъ результатъ критики Нибура и отвергъ его перестройку. Происхожденіе же римской традиціи, для объясненія котораго Нибуръ построилъ свою знаменитую теорію народнаго эпоса, Моммзенъ объяснилъ по своему. Въ его умозаключеніяхъ много аналогіи съ теоріями двухъ критиковъ, работавшихъ одновременно съ нимъ: Швеглера и Джорджа Корнуэля Льюиса. Англичанинъ—рѣшительный скептикъ; онъ говоритъ, что разъ нѣтъ вплоть до нашествія Пирра данныхъ, которыя опирались бы на современныя свидѣтельства,—нужно всю традиціонную римскую исторію до Пирра признать недостовѣрною. Льюисъ возсталъ противъ Нибуровскаго гипотетическаго метода, справедливо находя, что если гипотеза допустима въ естественныхъ наукахъ, гдѣ она можетъ быть провѣрена путемъ опыта, то въ исторіи она совершенно незаконна. Швеглеръ также ополчается противъ Нибуровыхъ догадокъ и его теоріи народнаго эпоса. Онъ думаетъ, что первоначальныя преданія не поэтическое творчество, а разсудочное, что это не болѣе какъ „этіологическіе миѳы", т.-е. миѳы, сочиненные для объясненія какихъ-нибудь фактовъ, происхожденіе которыхъ было забыто.

Въ „Римской исторіи", какъ мы знаемъ, Моммзенъ и сдѣлалъ то, что̀ считалъ нужнымъ Льюисъ, и если онъ началъ прагматическій разсказъ до Пирра, то обставилъ его существенными оговорками. Въ „Изслѣдованіяхъ" онъ сошелся со Швеглеромъ, хотя сильно расширилъ его точку зрѣнія. Швеглеръ не только обнаружилъ нѣкоторую нерѣшительность въ проведеніи критической точки зрѣнія, что̀ сказалось, напримѣръ, въ томъ, что и онъ считаетъ дѣйствительно существовавшими нѣкоторыхъ царей, но самые критическіе принципы его часто недостаточны. Моммзенъ привлекъ другіе.

Римскіе миѳы онъ считаетъ выдуманными, и вотъ какъ оцѣниваетъ онъ ихъ въ чудесной заключительной страничкѣ этюда объ Аккѣ Ларенціи (R. F. II. 21): „Когда въ чертогахъ Кліо началось толковое полицейское управленіе и когда весь старый вздоръ былъ выметенъ вонъ метлою разума и особенно толковой этимологіи, то обѣ басни [1]) должны были сознаться въ томъ, что онѣ не болѣе, какъ бабьи розсказни; съ ихъ тѣла не только подѣломъ былъ сорванъ золотой уборъ сагъ, но въ заключеніе онѣ были притянуты къ отвѣтственности: почтенная кормилица основателя города—за приписываемые ей грѣхи молодости, а особа легкаго поведенія—за свою будущую службу въ нянькахъ"...

---

[1]) Рѣчь идетъ о двухъ варіантахъ сказки объ Аккѣ Ларенціи.

Моммзенъ былъ убѣжденъ, что „метла разума и толковой этимологіи" вымететъ въ концѣ концовъ изъ чертоговъ Кліо весь старый вздоръ, и очень не одобрялъ ту разновидность людей, которая „ищетъ въ миѳахъ логоса". Отметая всѣ эти выдумки, онъ находилъ, однако, что тутъ дѣйствовало не только этіологическое и этимологическое творчество, а что, кромѣ того, тутъ имѣются слѣды менѣе безобидной тенденціозной фальсификаціи исторіи. По его мнѣнію, въ эпоху обострившейся со времени Гракховъ борьбы партій было составлено много политическихъ памфлетовъ, которымъ былъ приданъ видъ историческихъ изслѣдованій. Этимъ путемъ хотѣли заставить прошлое свидѣтельствовать въ пользу настоящаго и показать римскому народу прецедентъ, на которомъ римляне были помѣшаны едва ли не въ такой же степени, какъ теперь англичане: mos majorum былъ для нихъ аргументомъ почти неотразимымъ. Вотъ иллюстрація къ этому—блестящій этюдъ о трехъ демагогахъ: Сп. Кассіѣ, Сп. Меліѣ и Манліѣ Капитолійскомъ, одинъ изъ лучшихъ въ „Forschungen" (II, 153 и слѣд.). По традиціи, консулъ Спурій Кассій внесъ предложеніе о раздѣленіи государственной земли (ager publicus) между римскими гражданами и латинами. Моммзенъ ясно доказалъ, что это—явный анахронизмъ, что латинскій вопросъ принимаетъ такую острую форму только съ Кая Гракха; что вся исторія либеральнаго консула начала V в. до Р. Х. измышлена въ послѣдней четверти II в.; что портретъ его писанъ не болѣе и не менѣе, какъ съ самого Кая Гракха. Нѣсколько позже выдуманъ разсказъ о благородной, стоившей даже жизни иниціатору, Манлію, попыткѣ добиться погашенія долговыхъ обязательствъ, что опять-таки точно соотвѣтствуетъ фактамъ 89 и слѣдующихъ годовъ до Р. Х. Политическій урокъ, заключающійся въ разсказѣ объ убійствѣ Манлія, можно было формулировать такимъ образомъ: убійство тиранна, даже коварно подготовленное—обязанность и право гражданина. И мы видимъ впечатлительнаго ученика, на котораго былъ разсчитанъ этотъ урокъ любви къ отечеству: то былъ Брутъ, убійца великаго Цезаря.

Много значенія придаетъ Моммзенъ и греческимъ образцамъ, изъ которыхъ прямо черпали составители римской традиціи. Въ этюдѣ о Коріоланѣ (R. F., II, 113 и слѣд.) Моммзенъ безъ колебанія указываетъ на легенду о Ѳемистоклѣ, как на источникъ той—самой популярной—версіи разсказа о Коріоланѣ, въ которой говорится, что вольски убили бывшаго римскаго полководца, вернувшагося ни съ чѣмъ.

Достовѣрнымъ источникомъ римской исторіи Моммзенъ счи-

таетъ городскую хронику, которую онъ называетъ Liber annalis, и которая, по его мнѣнію, мало-по-малу выросла изъ простого календаря. Календарь сначала превратился въ списокъ должностныхъ лицъ; къ списку должностныхъ лицъ стали прибавлять коротенькія замѣтки, и постепенно онѣ разрослись въ настоящіе анналы. Для Моммзена это фактъ, находящійся внѣ сомнѣнія, и онъ прямо отожествляетъ то и другое: „Magistrattafel, d. h. die ältesten Annalen“ (R. F., II, 210). Они начали вестись правильно съ послѣдней четверти IV в. до Р. X., и такъ какъ съ III в. понтификальная коллегія уже перестала носить на себѣ печать партійной окраски, то къ извѣстіямъ, восходящимъ къ этимъ городскимъ анналамъ, можно относиться съ довѣріемъ, чего нельзя сказать о частныхъ хроникахъ, существованіе которыхъ Моммзенъ также допускаетъ; въ нихъ, по его мнѣнію, много вымышленнаго въ хвалебныхъ цѣляхъ. Такимъ образомъ, главная положительная критическая опора Моммзена—это магистратскіе и тріумфальные списки и примыкающіе къ нимъ анналы.

Но, вообще говоря, римская традиція крайне скудна, особенно для древнѣйшихъ временъ, и Моммзену пришлось искать другія подспорья для изслѣдованія со стороны. И онъ указалъ наукѣ новые пути.

У Моммзена особенно превосходны вступительныя главы, въ которыхъ разсказъ по Ливію и Діонисію объ Энеѣ замѣненъ имъ лингвистическими и археологическими изслѣдованіями, бросающими яркій свѣтъ на доисторическія судьбы Рима. Для современнаго читателя все это не представляется уже чѣмъ-то поразительнымъ, но въ то время, когда Моммзенъ писалъ свой первый томъ, это открывало совершенно новые пути. Теперь всякій историкъ, занимающійся начальными стадіями цивилизаціи, знаетъ, что безъ археологіи и лингвистики ему не обойтись; теперь историки Рима широко разработали завѣщанные Моммзеномъ методы [1]) и исправили его ошибки. Но у Моммзена на эти орудія исторической науки никто не обращалъ вниманія.

XIV.

Итакъ, „Римская исторія“ въ цѣломъ представляетъ новую картину эволюціи римскаго общества, въ которой не забыта ни

[1]) См. у насъ: „Введеніе въ римскую исторію“ проф. Модестова и „Археологія, какъ источникъ для первоначальной римской исторіи“ проф. В. И. Герье во II т. „Сборника Московскаго Историческаго Общества“.

одна область, гдѣ читатель не только можетъ навести справку, но и составить себѣ полное представленіе о любой сферѣ римской жизни. И не только римской. Всякая культура, съ которой приходилъ въ соприкосновеніе Римъ: греческая, этрусская, кельтская, кареагенская, германская, изображена съ монографической детальностью, и видно, что она изучена съ такимъ же вниманіемъ, какъ и римская.

Исторію Рима много хвалили за ея художественность и еще больше осуждали за субъективность. И то, и другое заслуженно. Какъ художественное произведеніе, книга навсегда сохранитъ свое мѣсто въ исторіи нѣмецкой литературы. И Моммзенъ, который до третьяго изданія включительно исправлялъ то, что находилъ въ ней неточнаго и ошибочнаго, съ четвертаго—она выдержала восемь—оставилъ ее какою она есть, чтобы не портить того художественнаго единства, которое бываетъ удѣломъ только сочиненія, написаннаго сразу, и утрату котораго не искупаетъ самая большая точность [1]). Кто хоть разъ читалъ такія страницы, какъ характеристика старшаго Сципіона, Аннибала, младшаго Гракха, особенно Суллы и Цезаря, такія живописныя описанія, какъ разсказы о тріумфѣ Павла Эмилія, о битвѣ при Каннахъ, битвѣ при Фарсалѣ—тотъ непремѣнно долженъ отдать справедливость Нобелевскому комитету, присудившему Моммзену *литературную* премію.

Что сказать о субъективности „Римской исторіи“? Безспорно, это—великое научное произведеніе и въ то же время одна изъ самыхъ субъективныхъ книгъ по исторіи, какія только имѣются. Безспорно, политическія и національныя симпатіи часто заставляли автора давать такія оцѣнки лицамъ и событіямъ, съ которыми согласится не всякій. Безспорно, похвала и порицаніе не всегда уравновѣшиваются съ заслугами и преступленіями. Но, не въ обиду будь сказано строгимъ объективистамъ, тутъ грѣха большого нѣтъ. Когда партійность такъ бросается въ глаза, какъ у Моммзена, она не опасна, ибо она видна даже самому близорукому глазу. Вѣдь вполнѣ не-субъективныхъ исторій—объ этомъ теперь, кажется, больше не спорятъ—не бываетъ. А выборъ между различными видами субъективизма не очень труденъ.

Во много разъ хуже тотъ субъективизмъ, который искусно замаскированъ; чтобы его открыть, нужно внимательно присматриваться. А читая Моммзена, всякій знаетъ, чего хотѣлъ и что

---

[1]) Первый томъ, больше всего исправлявшійся, больше всего и пострадалъ. Третій, почти нетронутый—лучшій въ художественномъ отношеніи.

любилъ авторъ. Фальсификаціи тутъ нѣтъ никакой. У кого другіе взгляды, тотъ съ нимъ не согласится. Только и всего. А для историка эта манера писать cum ira et studio представляетъ огромное преимущество. Ни для кого не секретъ, что наиболѣе популярными историками всегда были и будутъ тѣ, которые пишутъ съ увлеченіемъ, то-есть пристрастіемъ. Это понятно. Только тамъ получается выпуклое и живое изложеніе, гдѣ авторъ живетъ между своими дѣйствующими лицами, гдѣ онъ любитъ и ненавидитъ, почитаетъ и презираетъ. Все равно, *какая* тутъ тенденція, прогрессивная или реакціонная: не она важна, а то, что̀ она сдѣлала. Всякій читатель, какого бы образа мыслей онъ ни держался, будетъ съ одинаковымъ наслажденіемъ читать англійскаго либерала Маколея, прусскаго ретроградa Трейчке, французскаго народника Мишле, потому что ихъ тенденціозность дѣлаетъ ихъ разсказъ живымъ и увлекательнымъ. Въ самой тенденціи онъ разберется очень легко, и она нисколько не повредитъ тому представленію, которое у него сложится и которое тоже будетъ субъективнымъ, хотя и на иной, его собственный ладъ.

Моммзенъ этимъ и силенъ. Его историческая философія часто жестока до грубости, также какъ и многіе его приговоры; политическія предилекціи у него часто вредятъ научной конструкціи, но читатель это ясно видитъ, и обращаетъ свое главное вниманіе не на это, а на то, что̀ этимъ вызвано. Вотъ почему человѣку, интересующемуся стариною и желающему приступить къ изученію римской исторіи, руководитель его долго еще будетъ давать ему Моммзена, а не другую какую-нибудь книгу.

XV.

То, о чемъ шла рѣчь до сихъ поръ, это были первые три тома „Римской исторіи“, въ которыхъ разсказъ доведенъ до битвы при Тапсѣ, т.-е. до окончательнаго торжества Юлія Цезаря надъ республиканской партіей. Четвертаго тома, въ которомъ должна была бы быть изображена имперія,—нѣтъ. Почему? Никто того не знаетъ въ точности, и Моммзенъ умеръ, не разъяснивъ этого вопроса. Возникла даже цѣлая легенда объ этомъ четвертомъ томѣ, будто онъ сгорѣлъ во время пожара и не былъ написанъ вновь. Но онъ никогда не былъ написанъ. Вотъ что̀ говорилъ по этому поводу самъ Моммзенъ недавно умершему Французу, который упрекалъ его за то, что онъ оставилъ неоконченнымъ художественное произведеніе:

— Это безчеловѣчно! Не хватаетъ жизни, не хватаетъ силъ, чтобы наряду съ тѣмъ, что мы должны сдѣлать, сдѣлать еще и то, что мы могли бы сдѣлать. Мнѣ было 68 лѣтъ, когда я кончилъ V-й томъ. Гдѣ же мнѣ было начинать четвертый! Что бы тогда сталось со вторымъ томомъ „Forschungen", съ изданіемъ „Дигестъ", со всѣмъ тѣмъ, что я еще долженъ сдѣлать, пока дѣло идетъ... Художественное произведеніе! Не будемъ объ этомъ спорить, хотя по этому поводу можно было бы сказать очень много. Изслѣдователь долженъ руководиться художественной точкой зрѣнія только до тѣхъ поръ, пока можетъ и находитъ нужнымъ"...

Это, конечно, не есть объясненіе, какъ не есть объясненіе и та элегія, которую Моммзенъ поднесъ друзьямъ задолго до приведеннаго разговора, въ 1877 году. На обложкѣ оттиска одной статьи по исторіи имперіи было напечатано: „Römische Geschichte. IV Band", и тутъ же эпиграфъ изъ Гёте: „Gerne hätt'ich fort geschrieben, aber es ist liegen blieben",—а на обратной сторонѣ—нѣмецкіе гекзаметры, кончающіеся слѣдующими стихами:

Ob das, was euch gefiel, die grauen Haare vollenden
Oder ein braunes Gelock,—Freunde, was liegt nur daran?

Старца ль сѣдая глава, темнокудрый ли юноша кончитъ
То, что понравилось вамъ—други! не все ли равно?

Но, очевидно, были серьезныя причины, которыя не позволяли Моммзену приняться за четвертый томъ. Во-первыхъ, онъ считалъ совершенно невозможнымъ писать исторію имперіи, пока не было надписей, а „Corpus" не конченъ до сихъ поръ. Затѣмъ—это предположеніе высказалъ проф. Отто Зеекъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ учениковъ Моммзена [1],—тутъ Моммзену пришлось бы поработать надъ такой областью, которой онъ не занимался и не любилъ заниматься,—исторіей христіанства. Дѣло въ томъ, что по своимъ религіознымъ взглядамъ Моммзенъ былъ скорѣе язычникъ, чѣмъ христіанинъ, и онъ никогда не могъ постигнуть историческаго смысла морали самоотреченія и смиренія. А когда ему приходилось говорить о христіанствѣ по его связи съ другими работами, онъ старался ограничиваться внѣшними вопросами (гоненія и проч.) и притомъ трактовалъ ихъ какъ истый протестантъ-раціоналистъ [2]. Если бы ему пришлось писать исторію имперіи, ему нужно было бы углубиться въ бого-

[1]) „Deutsche Rundschau", 1904, Jan.

[2]) Въ 1890 году онъ напечаталъ въ „Hist. Zeitschr." статью: „Religionsfrevel nach römischen Recht", которая произвела огромную сенсацію, какъ по новизнѣ точекъ зрѣнія, такъ и по общему міровоззрѣнію автора.

словскую литературу первыхъ вѣковъ христіанства, что при привычкѣ Моммзена изучать вопросъ самымъ основательнымъ образомъ надолго оторвало бы его отъ обычнаго круга занятій. Но это только предположенія, которыя мало утѣшаютъ потомство, лишенное четвертаго тома.

Зато, въ 1885 году, когда всѣ уже потеряли надежду на то, что „Римская исторія" будетъ закончена, вышелъ въ свѣтъ V-й томъ, въ которомъ были описаны главнымъ образомъ на основаніи „Корпуса латинскихъ надписей" римскія провинціи отъ Августа до Діоклетіана. Съ научной стороны, этотъ томъ былъ нужнѣе, чѣмъ четвертый, ибо его могъ написать только Моммзенъ. Уже и въ первыхъ трехъ томахъ Моммзенъ отводилъ очень большое мѣсто провинціямъ, по мѣрѣ того, какъ ему приходилось говорить о все расширявшемся могуществѣ Рима, а въ эпоху имперіи,—какъ теперь, послѣ Моммзена, стало извѣстно всякому съ полной очевидностью,—провинціи сдѣлались самостоятельными, въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ, частями цѣлаго, и поэтому вполнѣ заслуживали отдѣльнаго разсмотрѣнія. Такой компетентный судья, какъ проф. Отто Гиршфельдъ [1]), преемникъ Моммзена по завѣдыванію „Corpus"'омъ, считаетъ пятый томъ по богатству и глубинѣ содержанія и по значительности результатовъ выше первыхъ трехъ томовъ, и это мнѣніе вполнѣ справедливо въ томъ отношеніи, что въ пятомъ томѣ обработано гораздо больше новаго матеріала, чѣмъ въ первыхъ, и слѣдовательно онъ открываетъ больше новыхъ горизонтовъ наукѣ. Но онъ не произвелъ того впечатлѣнія, которое было произведено исторіей республики. Въ немъ недоставало того, что такъ привлекало читателя въ первыхъ томахъ — красокъ, увлеченія, и—sit venia verbo—доли пристрастія. Моммзенъ самъ это понималъ, когда заключалъ предисловіе слѣдующими словами: „Здѣсь читатель не найдетъ ни привлекательныхъ подробностей, ни описанія общаго настроенія умовъ, ни характеристики отдѣльныхъ личностей... Эта книга написана съ самоотреченіемъ (mit Entsagung) и читать ее нужно тоже съ самоотреченіемъ". Онъ понималъ, что у читателя невольно будетъ напрашиваться сопоставленіе съ первыми томами, и что рядовой читатель не найдетъ въ себѣ достаточно „Entsagung", чтобы простить *художнику* добровольное отреченіе отъ палитры и кисти.

---

[1]) „Zeitgeist", № 48, 1903. Предостерегаемъ читателей отъ плохого перевода этой превосходной статьи въ сборникѣ газеты „Курьеръ"—„Итоги".

Теперь не время вдаваться въ подробный анализъ „Римской исторіи". Какъ во всякомъ человѣческомъ произведеніи, въ ней могутъ быть недостатки, тѣмъ болѣе неизбѣжные, что эта область была мало разработана. Моммзену много возражали при его жизни. Нѣкоторые нѣмецкіе ученые съ особеннымъ удовольствіемъ выискивали неточности въ книгѣ. Но въ концѣ-концовъ всѣ нападки на Моммзена больше были направлены противъ его тона и его оцѣнокъ, чѣмъ противъ его научныхъ конструкцій. Мы ограничимся указаніемъ только нѣкоторыхъ самыхъ важныхъ пунктовъ, по которымъ „Римская исторія" является нынѣ нѣсколько устарѣлою. Большинство ихъ приходится на первый томъ.

Послѣ того, какъ Шрадеръ и Шлейхёръ нѣсколько дискредитировали значеніе лингвистики для сравнительно-историческихъ умозаключеній и послѣ того какъ археологія дала такъ много новаго матеріала, выводы Моммзена, много опиравшагося на лингвистику и не имѣвшаго возможности воспользоваться данными археологіи, добытыми позднѣе, должны быть нѣсколько исправлены... Самымъ крупнымъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи является несомнѣнно его излишній скептицизмъ во взглядѣ на зависимость римской культуры отъ этрусской. Раскопки доказали существованіе этрусскаго вліянія съ несомнѣнностью. Другой недостатокъ—черезчуръ осторожное отношеніе къ традиціи въ изложеніи запутанныхъ перипетій сословной борьбы. Если сопоставить съ Моммзеномъ его итальянскаго ученика Паиса или нѣмецкаго радикальнаго критика Низе, или даже Ине, то придется признать ихъ пониманіе болѣе точнымъ, потому что они сводятъ традицію къ минимуму. Изъ трехъ сецессій теперешняя наука склонна признавать подлинной только послѣднюю (273 до Р. Х.), въ то время какъ Моммзенъ вѣрилъ еще первой (494 до Р. Х.). Онъ вѣритъ также въ Лициніевъ аграрный законъ, который очевидно измышленъ тогда же, когда былъ измышленъ аграрный законъ Спурія Кассія, какъ это доказали Низе и Эд. Мейеръ. Вообще, въ этомъ отдѣлѣ Моммзена легко мѣстами исправлять, равно какъ и въ другомъ—въ отдѣлѣ военной исторіи первыхъ временъ всѣхъ этихъ однооообразныхъ латинскихъ и самнитскихъ войнъ. Это — сфера, въ которой особенно любилъ вращаться Ине, постоянно указывавшій на мелкія неточности и недомолвки, несообразности—въ разсказѣ Моммзена.

Но послѣ всего того, что̀ было сказано выше, едва ли нужно прибавлять, что всѣ эти недочеты нисколько не умаляютъ значенія „Римской исторіи". Ея значеніе—не въ отдѣль-

ныхъ изслѣдованіяхъ, а въ цѣломъ, не въ изображеніи эпизодовъ, а въ картинѣ эволюціи, и поэтому у Паиса и Ине читатель напрасно будетъ искать того, что вѣетъ съ каждой страницы у Моммзена—живого духа старины.

XVI.

Только Моммзенъ могъ написать „Римскую исторію" и вмѣстѣ „Римское государственное право" [1]). Обѣ книги хотя представляютъ необыкновенно счастливое соединеніе остраго анализа со всеобъемлющимъ синтезомъ, но онѣ глубоко между собою различны, и съ трудомъ вѣрится, что обѣ вышли изъ-подъ одного пера. „Римская исторія" увлекаетъ своей красотой, своей жизненностью; „Римское государственное право" — прежде всего своей стройностью и глубиной. Для науки „Государственное право" дало несравненно больше, чѣмъ „Исторія". Какъ историкъ, Моммзенъ имѣлъ предшественника; систему же римскаго государственнаго права создалъ онъ самъ.

Конечно, и раньше изучалось римское государственное право, но изучалось, какъ одинъ изъ отдѣловъ „древностей", этой наиболѣе странной дисциплины, какую только могла изобрѣсти ограниченность взгляда филологовъ-антикваровъ. „Государственныя древности" были нужны всегда и нужны были главнымъ образомъ, конечно, какъ пособіе при чтеніи классиковъ. По этому масштабу онѣ и составлялись, и были въ лучшемъ случаѣ чѣмъ-то въ родѣ объяснительнаго свода терминовъ, составленнаго по какой-нибудь вполнѣ произвольной системѣ. Юридическаго пониманія, конечно, въ нихъ не было и слѣда; хорошо, если тамъ было вообще что-нибудь кромѣ ремесленной сноровки. Одинъ добросовѣстный нѣмецкій ученый [2]), вздумавшій перерыть всю эту литературу „жидкихъ октавъ и громоздкихъ квартъ и фоліантовъ", пришелъ къ тому заключенію, что можно указать только двухъ писателей, которые „далеко возвышаются надъ кучею (Tross) изготовителей древностей и намѣчаютъ направленіе, по которому насъ ведетъ къ цѣли Моммзенъ". Это—итальянецъ Carolus Sigonius въ его книгѣ „О древнемъ правѣ римскихъ гражданъ", и французъ Луи Бофоръ въ его работѣ „La République

---

[1]) Römisches Staatsrecht, т. I—II (три части 1871), т. III, ч. I (1887), ч. II (1888).

[2]) Проф. Jacob Bernays въ статьѣ: „Die Behandlung des Römischen Staatsrechts bis auf Theodor Mommsen" („Deutsche Rundschau", т. II, 1875).

Romaine"; одинъ жилъ въ XVI вѣкѣ, другой — въ XVIII-мъ. Но ни того, ни другого нельзя серьезно считать предшественниками Моммзена. Даже Бофоръ въ этомъ направленіи сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ въ области критики римской традиціи, въ которой онъ несомнѣнно расчистилъ дорогу для Нибура. Единственно, чѣмъ отличаются оба ученыхъ отъ „кучи антикваровъ", это—то, что у нихъ построеніе ихъ книги обусловливается внутренней идеей, и что имъ самимъ книга не представляется главнымъ образомъ пособіемъ для чего-то, внѣ ея предмета лежащаго. Оба они не были юристами: первый вмѣсто системы пользовался схоластической рубрикаціей; второй, учившійся на „Духѣ законовъ", ищетъ философскихъ вѣхъ для своей системы.

Моммзенъ же въ своей книгѣ прежде всего юристъ, и какъ юристъ онъ приступаетъ и къ своей задачѣ. Старый лейпцигскій, цюрихскій и бреславльскій профессоръ права сказался тутъ во всемъ и сказался прежде всего въ системѣ. Какъ извѣстно, государственное право — одна изъ трехъ составныхъ частей „Учебника римскихъ древностей", основаннаго В. А. Беккеромъ и продолжавшагося I. Марквардтомъ. Раньше въ томъ же учебникѣ отдѣлъ „государственныхъ" древностей былъ составленъ Беккеромъ. Весь учебникъ къ началу семидесятыхъ годовъ уже устарѣлъ; Марквардтъ взялся за переработку своей части (административное устройство и частная жизнь Рима), а часть, составленная Беккеромъ, была предложена для переработки Моммзену. Моммзенъ согласился, но вмѣсто переработки далъ нѣчто совсѣмъ новое, гдѣ и слѣда не осталось отъ старинной антикварной манеры Беккера. Моммзенъ совершенно отбросилъ нѣкоторыя части, умѣстныя въ „древностяхъ", но лишнія въ „государственномъ правѣ" (топографія Рима) и написалъ заново отдѣлы о магистратурѣ и магистратахъ, народномъ собраніи и сенатѣ. Получилось то, чего раньше не было,—*система* государственнаго права древняго Рима. Римскіе политическіе институты впервые были охарактеризованы такъ, какъ доселѣ не характеризовалъ ихъ ни одинъ римскій памятникъ, по принципамъ, выработаннымъ юридической логикой, изощрявшейся, еще со временъ Ирнерія и Аккурсія, на римскомъ гражданскомъ правѣ.

Излишне говорить, какъ была выполнена эта задача, которую самъ Моммзенъ формулируетъ какъ характеристику каждаго института въ его внутренней юридической сущности и по его связи съ цѣлымъ организмомъ. Все, что можно было найти въ современныхъ памятникахъ, что помогло бы установить правильную точку зрѣнія, было принято въ разсчетъ; не было забыто ни

одного, самаго незначительнаго свидѣтельства. И все это съ такимъ изумительнымъ мастерствомъ распредѣлено по отдѣламъ и рубрикамъ, такъ основательно продумано и объяснено, что по неволѣ читатель преклоняется передъ силою ума, вмѣщавшаго въ себѣ такъ много сырого матеріала, распорядившагося имъ такъ свободно и классифицировавшаго его съ такой поразительной ясностью мысли.

Было бы трудно перечислить всѣ тѣ новыя точки зрѣнія, которыя дало наукѣ „Римское государственное право". Въ сущности говоря, старыхъ точекъ зрѣнія не осталось совсѣмъ, ибо книга упразднила всѣ прежнія попытки въ этомъ родѣ. Но какъ бы высоко мы ни цѣнили характеристики республиканскихъ магистратуръ, едва ли не наиболѣе плодотворнымъ отдѣломъ книги была часть (II, 2) о „принципатѣ". Она не только возмѣщала отчасти отсутствіе четвертаго тома исторіи, но впервые съ полной ясностью давала представленіе объ устройствѣ имперіи. Вся эволюція наиболѣе важнаго періода римской исторіи только теперь сдѣлалась ясна во всѣхъ подробностяхъ, — только теперь стала она понятна и близка всѣмъ, интересующимся ею.

„Государственному праву" дѣлалось много упрековъ, и главный изъ нихъ заключается въ томъ, что оно слишкомъ систематизируетъ все; что въ немъ оказалась, притомъ, система, которой не сознавали и не формулировали сами древніе; что эта система слишкомъ оттѣснила моментъ исторической эволюціи и смѣны институтовъ. Указаніе справедливо, но оно едва ли можетъ служить упрекомъ. Моммзенъ коснулся завѣсы, передъ которой остановились сами древніе—дать систему римскаго государственнаго права. Система несомнѣнно существовала, хотя и не была формулирована. Говорить о томъ, что ея не было, исходя изъ того, что ея не сознавали римляне, значитъ, по остроумному выраженію Зеека, отрицать именительный и родительный падежи у Гомера, ибо, несомнѣнно, старецъ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго представленія. Слѣдовательно, ее нужно было возстановить, т.-е. конструировать институты такимъ образомъ, чтобы при этомъ былъ повторенъ процессъ юридическаго мышленія, совершавшійся въ головѣ ихъ создателей. Это само по себѣ отодвигало на второй планъ историческую задачу, и какъ бы ни высоко цѣнить историческую обоснованность при трактованіи вопросовъ государственнаго права, но въ данномъ случаѣ едва ли можно признать Моммзена виновнымъ. Во-первыхъ, никто не станетъ утверждать, что у Моммзена ростъ институтовъ скрадывается совершенно: внимательному читателю не стоитъ

ни малѣйшаго труда слѣдить за нимъ. Во-вторыхъ, Моммзенъ долженъ былъ перенести центръ тяжести на болѣе трудное, хорошо понимая, что если онъ справится съ построеніемъ системы,—дать настоящую исторію будетъ уже нетрудно. И дѣйствительно, теперь это сдѣлаетъ самый обыкновенный профессоръ римскаго права [1]).

Если въ „Государственномъ правѣ" Моммзену нужна была вся его филологическая эрудиція, то тѣмъ болѣе она была нужна ему, когда онъ, приближаясь къ восьмидесятилѣтнему возрасту, взялся писать „Римское уголовное право" [2]). Старыя работы на эту тему были очень плохи, ибо въ нихъ хромала или филологическая сторона, или юридическая. Задача была очень неблагодарная, источники разбросаны и потому труднѣе поддавались сводкѣ и оцѣнкѣ. Но для Моммзена не было ничего труднаго. Тамъ, гдѣ въ необъятной области науки о римской старинѣ чувствовался пробѣлъ, передъ которымъ въ нерѣшительности останавливались самые смѣлые, туда спѣшилъ онъ и вновь и вновь давалъ доказательства неувядающей свѣжести своей мысли, неослабѣвающей силѣ своей памяти. Такъ было и здѣсь. Изъ ничего онъ создалъ классическую книгу о римскомъ уголовномъ правѣ, гдѣ не только описаны матеріальное уголовное право и уголовный процессъ древняго Рима, но то и другое освѣщено въ связи съ общими условіями римской общественной и политической жизни.

Въ обоихъ своихъ большихъ трудахъ по римскому праву Моммзенъ опирается почти исключительно на результаты собственныхъ изслѣдованій, очень рѣдко принимаетъ во вниманіе чужія работы, и если пользуется чѣмъ-нибудь, то только монографіями по наиболѣе спеціальнымъ вопросамъ. Ему не нужно брать ни у кого: ему самому доступны и извѣстны лучше, чѣмъ кому бы то ни было, источники, а чужихъ гипотезъ онъ не любитъ потому, что съ ними нужно спорить, а это увеличиваетъ безъ нужды объемъ книги. Въ предисловіи къ „Уголовному праву" онъ говоритъ объ этомъ съ трогательной простотой: „съ источниками я пытался кое-какъ справиться, но не могъ сдѣлать того же съ литературой. Нужда—достаточно краснорѣчивое оправданіе. Еслибы я считался съ литературою, книга несомнѣнно выиграла бы, но, во-первыхъ, выросла бы вдвое... а главное, навѣрное никогда не была бы доведена до конца. Все имѣетъ свое время, и человѣкъ въ томъ числѣ. Писателю должно

---

[1]) Система еще яснѣе и логически опредѣленнѣе выступаетъ въ небольшомъ учебникѣ: „Abriss des römischen Staatsrechts" (1893).

[2]) „Römisches Strafrecht", 1899.

быть позволено сообразоваться съ тѣмъ, что̀ ему еще остается прожить"... Невозможно безъ глубокаго волненія читать эти строки, и едва ли „обиженные" ученые были въ большой претензіи на стараго мастера, который умѣлъ экономить свое столь драгоцѣнное для науки время.

XVII.

Самъ Моммзенъ считалъ самымъ своимъ крупнымъ дѣломъ свои собранія латинскихъ надписей, и онъ любилъ это свое дѣло больше, чѣмъ исторію, больше, чѣмъ право, и тамъ, гдѣ ему приходилось выбирать между двумя работами, какъ бы интересна ни была одна, онъ никогда не колебался, если вторая имѣла отношеніе къ надписямъ.

Мы видѣли, какъ возникли первыя его собранія: „Inscriptiones Regni Neapolitani" и „Inscriptiones Confoederationis Helvetiae. Это были два пробные камня, и когда, наконецъ, берлинская академія согласилась принять подъ свою эгиду изданіе полнаго свода „Corpus Inscriptionum Latinarum", у Моммзена, ставшаго во главѣ дѣла, былъ не только готовый планъ, но и большой опытъ.

Важно было прежде всего установить методъ собиранія надписей, чтобы предохранить „Corpus" отъ вторженія фальшивыхъ и искаженныхъ надписей, которыя въ большомъ количествѣ фигурировали въ прежнихъ коллекціяхъ. И Моммзенъ выработалъ цѣлую дисциплину эпиграфической критики, которая заключалась въ томъ, чтобы тамъ, гдѣ это можно, доходить до камня, а тамъ, гдѣ нельзя,—до древнѣйшаго списка; печатныя собранія Моммзенъ исключилъ, въ виду безцеремоннаго отношенія издателей къ текстамъ. Но доходить до камня, если онъ сохранился, было легче, чѣмъ искать первый списокъ съ утерянной надписи. Для этого требовалась неустанная работа, разъѣзды по всякимъ захолустьямъ, сравненія сотни редакцій одного и того же текста. Естественно, одному человѣку, хотя бы то былъ и Моммзенъ, такая ужасающая по своей громадности работа была не подъ силу, и онъ распредѣлилъ ее между своими учениками, оставивъ себѣ все самое трудное и сохранивъ за собою общее руководство.

Планъ изданія былъ таковъ. Немногочисленныя, сравнительно съ позднѣйшими, надписи республиканской эпохи были выдѣлены въ отдѣльный томъ (I общаго порядка). Надписи императорскаго періода были раздѣлены на томы по провинціямъ, причемъ на долю Италіи и Галліи досталось по нѣскольку томовъ; каждый

томъ былъ раздѣленъ на части соотвѣтственно городскимъ округамъ каждой провинціи, и тутъ уже надписи распредѣлялись въ систематическомъ порядкѣ по содержанію. При каждомъ томѣ имѣлись карты, съ указаніемъ мѣстонахожденія надписей, вступительныя статьи, гдѣ даются подробныя географическія разъясненія, краткіе комментаріи къ каждой мало-мальски важной надписи, необходимый критическій аппаратъ и превосходные указатели, которые даютъ возможность пользоваться надписями для какихъ угодно научныхъ цѣлей.

Самъ Моммзенъ издалъ томъ I-ый (1863), обѣ части III-го (1873), въ которомъ собраны надписи восточной половины имперіи, обѣ части V-го (1876), въ которомъ напечатаны надписи сѣверной Италіи; IX-ый и X-ый, въ которыхъ заключаются надписи южной Италіи. Въ изданіи остальныхъ томовъ (всѣхъ 15) принимали участіе Генценъ, знаменитый итальянскій ученый де-Росси, Гюбнеръ, первые сотрудники Моммзена; Отто Гиршфельдъ, къ которому перешла и каѳедра Моммзена, и завѣдываніе „Корпусомъ"; двое рано умершихъ эпиграфистовъ Вильмансъ и I. Шмидтъ; Дессанъ, Цангемейстеръ, Домашевскій, Шене, Гюльзенъ, Мау, Дрессель, французъ Канья (Cagnat), итальянецъ Эрроре Паисъ, авторъ упоминавшейся выше извѣстной „Римской исторіи". Вся эта даровитая компанія работала надъ дорогимъ для каждаго дѣломъ и, подъ руководствомъ почитаемаго учителя, не жалѣла силъ; ученые разъѣзжали по провинціямъ римской имперіи въ поискахъ за камнями, перенося всевозможныя лишенія, часто подвергая опасности жизнь, составляли томы, потомъ дополненія къ нимъ. А старый учитель работалъ больше всѣхъ. Онъ въ молодости уже отходилъ и отъѣздилъ свою долю, а потому теперь могъ ограничиться общимъ завѣдываніемъ. Ни одна страница огромнаго собранія не была напечатана, не побывавъ въ видѣ гранки въ его рукахъ, и въ каждомъ томѣ пользующійся то-и-дѣло наталкивается на всевозможнаго рода примѣчанія, отмѣченныя буквою „М.". Это Моммзенъ приходилъ на помощь къ менѣе опытнымъ и менѣе знающимъ товарищамъ.

Трудно объяснить не-спеціалисту читателю, какое огромное значеніе для науки получилъ „Corpus". Если такому читателю предъявить томъ „Corpus"'а, онъ, пожалуй, придетъ въ мистическій ужасъ передъ его размѣрами, а раскрывъ его, будетъ удивляться, чѣмъ однако занимаются господа ученые. Часто въ „Corpus"'ѣ цѣлыми страницами идутъ могильныя надписи, содержащія обыкновенно одно какое-нибудь имя. Кому оно нужно? Не все ли равно, какъ зовутъ покоящагося полторы тысячи лѣтъ въ землѣ римскаго

гражданина—Помпоніемъ или Луциліемъ? Однако, даже такія лаконическія надписи имѣютъ свое значеніе для науки. Прежде всего каждая надпись есть сама по себѣ культурный фактъ. Чѣмъ чаще надписи въ странѣ, тѣмъ многочисленнѣе, культурнѣе и зажиточнѣе населеніе. Африка, богатая и благоденствующая, оставила около 20.000 надписей, малокультурная Британія—всего 1.500. Затѣмъ, могильный камень даетъ указанія на распространенность имени, часто на движеніе населенія и проч. Нечего и говорить, какой интересъ пріобрѣтаютъ камни, если они содержатъ болѣе или менѣе обширную надпись. Достаточно сказать, что экономическая исторія римской имперіи безъ надписей была бы совершенно невозможна. Это знаетъ всякій, кто хоть однажды держалъ въ рукахъ книги Шультена, Макса, Вебера и другихъ крупныхъ авторитетовъ въ этой области.

Кипучая энергія Моммзена не была насыщена даже такимъ кропотнымъ и труднымъ дѣломъ, какъ завѣдываніе „Корпусомъ". Ему хотѣлось поскорѣе привести въ извѣстность всѣ тѣ *безспорныя* средства, помощью которыхъ мы можемъ познавать древній міръ. Въ 1894 году, ему, по поводу пятидесятилѣтія его доктората, поднесли 28.000 марокъ. Онъ немедленно передалъ ихъ нумизматической коммиссіи въ качествѣ начала фонда для изданія полнаго „Corpus Nummorum". Въ девяностыхъ годахъ изъ Египта полилась въ Европу волна древнихъ папирусовъ, которые обѣщали познакомить насъ съ древностью во много разъ ближе, чѣмъ мы знакомы теперь. Моммзенъ съ понятнымъ волненіемъ накинулся на рѣдкіе доселѣ свитки и тотчасъ же пришелъ на помощь со своей опытностью къ спеціалистамъ. Быстрое и дешевое опубликованіе берлинскихъ папирусовъ было организовано не кѣмъ инымъ, какъ Моммзеномъ.

Моммзенъ любилъ вообще заниматься вещественными памятниками старины. У него не оставалось времени для занятій археологіей, но онъ зналъ ее хорошо, особенно въ послѣдніе годы, когда раскопки на римскомъ форумѣ и въ другихъ городахъ Италіи дали такъ много свѣжаго и неожиданнаго. Его опытность въ этой сферѣ блистательнымъ образомъ сказалась въ томъ искусствѣ, съ какимъ онъ намѣтилъ планъ раскопокъ, задуманныхъ Вильгельмомъ II и имѣвшихъ цѣлью точно установить limites, границы римскаго пограничнаго вала. Теперь въ Заальбургѣ, центрѣ этихъ раскопокъ, красуется бюстъ Моммзена, сооруженный послѣ его смерти по заказу императора.

Но, мало занимаясь археологіей въ собственномъ смыслѣ, Моммзенъ много отдавалъ времени римской нумизматикѣ, и его

книга [1]) является въ своемъ родѣ замѣчательной работой. До него, въ рукахъ его знаменитаго предшественника, Іозефа Экгеля, выпустившаго свое изслѣдованіе еще въ концѣ XVIII-го вѣка, нумизматика была частью археологіи, пожалуй—эпиграфики, не больше. Моммзенъ взглянулъ на монеты и съ иной точки зрѣнія. Для него это—деньги, денежные знаки, дающіе драгоцѣннѣйшія указанія для исторіи обмѣна древняго міра, для исторіи его хозяйства вообще.

Такъ, вездѣ, въ каждой области, которую захватывалъ въ своемъ полетѣ этотъ геніальный умъ, онъ умѣлъ открывать что-нибудь такое, чего раньше не видѣли и не подозрѣвали.

XVIII.

Стремясь охватить въ своихъ изслѣдованіяхъ всю необъятную сферу римской старины, Моммзенъ долженъ былъ въ совершенствѣ владѣть главнымъ орудіемъ для того, языкомъ. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что за что̀ бы онъ ни брался, чѣмъ бы онъ ни занялся, онъ прежде всего обращался къ источникамъ, не довѣряя никому изъ своихъ предшественниковъ. Въ самомъ началѣ своей ученой карьеры онъ эмансипировался отъ наиболѣе сильнаго вліянія, вліянія Нибура. Онъ говорилъ по этому поводу: „Я приступилъ къ изслѣдованію съ самой твердой вѣрою въ блестящія фантазіи Нибура, и кто бы не захотѣлъ, иногда, не заблуждаться вмѣстѣ съ Нибуромъ? А что̀ заставило меня все-таки, хотя и медленно и неохотно, но окончательно и рѣшительно отказаться отъ сдѣлавшихся родными представленій великаго учителя, — то была сила истины“. Отряхнувъ съ себя обаяніе такого предшественника, какъ Нибуръ, Моммзенъ не зналъ больше никакихъ авторитетовъ, и, какъ мы видѣли, часто писалъ огромныя изслѣдованія исключительно на основаніи источниковъ. Для этого нужно было знать латинскій языкъ, какъ родной, и Моммзенъ зналъ его настолько, что его латинскія произведенія оказались лучшими изъ всего написаннаго на языкѣ римлянъ за послѣдніе четыре вѣка. Онъ зналъ не только цицероновскую латынь, латынь классическаго вѣка, онъ зналъ ее на всемъ протяженіи ея исторіи отъ тѣхъ зачатковъ, которые извѣстны намъ въ грубой пѣсни арвальскихъ братьевъ и вплоть до Авзонія. Онъ зналъ не одинъ языкъ обитателей Лаціума. Въ

[1]) „Römisches Münzwesen“ (1860).

одной изъ своихъ первыхъ крупныхъ работъ—„Die Unteritalischen Dialekte“ (1850), онъ первый обратилъ вниманіе и положилъ основу изученію остатковъ нижнеиталійскихъ нарѣчій: оскскихъ, сабельскихъ, умбрійскихъ, мессалійскихъ,—остатковъ, которые онъ нашелъ все на тѣхъ же камняхъ, во время своихъ странствованій по Италіи. Конечно, за полвѣка наука ушла уже впередъ и во взгляды Моммзена внесены многія исправленія и дополненія, но его трудъ навсегда сохранитъ значеніе перваго плодотворнаго шага въ этой области.

И позднѣе Моммзенъ никогда не отказывался отъ такихъ работъ, гдѣ были нужны его чисто филологическія познанія.

Время, когда Моммзенъ начиналъ свою дѣятельность, совпало со временемъ оживленія въ изданіи древнихъ авторовъ. Моммзенъ попалъ поздно въ эту струю, и по поговоркѣ: „tarde venientibus ossa“,—ему достались такіе писатели, которые стоятъ на порогѣ между хорошей латынью и ея средневѣковымъ искаженіемъ. Истые филологи постоянно открещивались отъ этихъ писателей, но они представляли, тѣмъ не менѣе, интересъ историческихъ источниковъ, и поэтому нуждались въ хорошихъ изданіяхъ. На такихъ полу-варварскихъ „классиковъ“, какъ, наприм., Іорданъ, Кассіодоръ, Сидоній Аполлинарій, Руфинъ, охотниковъ не было, но великій ученый не считалъ для себя унизительнымъ браться за черную работу свѣрки рукописей и установленія правильнаго ихъ чтенія. Въ корректурахъ онъ прочитывалъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ издавалъ самъ, и не только охотно приходилъ на помощь къ нуждавшимся, но часто снабжалъ указателями чужія изданія. Такъ было и съ приготовленными имъ изданіями въ „Monumenta Germaniae Historica“. Ему былъ порученъ отдѣлъ „Auctores antiquissimi“, и онъ вмѣсто того, чтобы переиздавать имѣющихся въ хорошихъ изданіяхъ классиковъ Цезаря, Тацита, Амміана Марцеллина, сталъ издавать полу-варваровъ Авзонія, Симмаха, которые были изданы плохо.

Но была одна область, въ которой, въ качествѣ издателя нуженъ былъ именно Моммзенъ и никто другой, такъ какъ ни въ комъ нельзя было найти такого счастливаго сочетанія юридическихъ знаній съ филологическими. Рѣчь идетъ объ изданіи „Дигестъ“, выпущенномъ въ 1868 году, и объ изданіи Өеодосіева Кодекса“, за которымъ Моммзена застигла смерть. Особенно важно было первое, ибо „Дигесты“—важнѣйшій памятникъ римскаго права—до тѣхъ поръ не имѣли хорошаго критическаго изданія. Задача считалась чѣмъ-то въ родѣ геркулесовскаго подвига,—за нее не отваживался браться ни одинъ филологъ и ни одинъ

юристъ; и когда за нее взялся Моммзенъ, то даже и его громкое имя не разсѣяло скептицизма. Но Моммзенъ сдѣлалъ то, что̀ казалось почти невозможнымъ, и далъ классическое изданіе памятника въ томъ его видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ въ знаменитой флорентинской рукописи VI-го вѣка [1]), освободивъ его отъ всѣхъ накопившихся въ теченіе вѣковъ искаженій и ошибокъ.

Изъ числа другихъ филологическихъ работъ необходимо упомянуть еще одну, которая касается очень спеціальнаго предмета, но которая важна для всякаго, интересующагося римской стариною. Это—„Римская Хронологія" [2]), трудъ, въ которомъ сдѣлана очень удачная попытка хотя бы нѣсколько освободить результаты той календарной путаницы, которая господствовала у римлянъ.

Маколей какъ-то сказалъ про Нибура, что онъ былъ бы величайшимъ историкомъ новаго времени, еслибы его способности находить истину соотвѣтствовала его способность сообщать ее другимъ. Именно Моммзену такой титулъ историка принадлежитъ по всей справедливости. Но онъ былъ не только историкъ. Исполненный глубокаго убѣжденія въ томъ, что хотя отдѣльныя науки живутъ самостоятельною жизнью и ростутъ каждая отдѣльно, но всѣ онѣ, подобно вѣтвямъ, исходятъ изъ одного корня [3]), Моммзенъ старался объединить въ себѣ всѣ отрасли науки о древностяхъ. Въ наукѣ о древнемъ Римѣ онъ былъ учителемъ всѣхъ учителей, но онъ не замыкался въ ней, и въ своемъ кабинетѣ никогда не забывалъ того, что у него есть и общественныя обязанности. Вотъ почему не было крупнаго факта ни въ научной, ни въ общественной сферѣ, который не нашелъ бы отклика въ душѣ этой замѣчательной личности, и на который душа Моммзена не отозвалась бы страстнымъ и убѣжденнымъ возгласомъ.

А. Джживелеговъ.

Москва.

---

[1]) Нынѣ издается fac-simile фотографическимъ путемъ итальянскимъ правительствомъ.

[2]) „Die Römische Chronologie", 1858.

[3]) Академическая рѣчь 1874 года.

НАУКА ЖИЗНИ

РОМАНЪ.

— *Gustave Geoffroy*. L'apprentie. Roman. Paris, 1904 (Eug. Fasquelle, éditeur).

I.

Война.

Маленькая, семилѣтняя дѣвочка бродитъ по кладбищу Père-Lachaise. Ея тоненькая фигурка скользитъ едва замѣтной тѣнью по дорожкамъ большого, занесеннаго снѣгомъ кладбища, возвышающагося темнымъ холмомъ надъ Парижемъ. Безмолвное царство смерти не пугаетъ дѣвочку, но все-же она невольно притихла среди торжественнаго молчанія природы.

Сецилія озирается темно-сѣрыми глазками, и ей кажется, что она узнаетъ мѣста, гдѣ гуляла минувшимъ лѣтомъ. Большая каштановая аллея, лугъ, на которомъ ростутъ сосны,—все это напоминаетъ парки и лѣса, окружающіе деревню Андильи, гдѣ Сецилія провела лѣто у своей тёти, лавочницы и содержательницы постоялаго двора. Вотъ только такихъ дорожекъ съ рядами маленькихъ домиковъ—могилы кажутся дѣвочкѣ домиками—съ неразборчивыми надписями на нихъ, дѣвочка никогда не видѣла. Она быстро идетъ мимо нихъ, увидавъ свѣтъ въ глубинѣ аллеи. Изъ-за деревьевъ передъ нею открывается за городомъ мертвыхъ городъ живыхъ—тоже какъ въ Андильи, на опушкѣ лѣса Монморанси, передъ большой дорогой, ведущей въ деревню. Но гдѣ то голубое небо, золотое солнце, зелень, бѣлые домики? Здѣсь передъ глазами городъ, окутанный туманомъ, придавленный низ-

кимъ, угрюмымъ небомъ,—странный городъ, какъ бы продолжающій кладбище, доводя его до самаго горизонта. Острія и куполы мавзолеевъ и памятниковъ повторяются въ главахъ и шпицахъ церквей и дворцовъ: вотъ Notre-Dame de la Croix; вотъ тоже по близости Saint-Ambroise; а дальше, поверхъ сливающейся массы домовъ, вырисовываются на туманномъ декабрьскомъ небѣ Пантеонъ и башни парижской Notre-Dame.

Становится темно, и уже почти ничего нельзя различить въ воздухѣ. Небо опускается еще ниже, окутывая бѣлымъ саваномъ Парижъ и весь мертвый снѣжный пейзажъ. Черная стая галокъ поднимается на колокольню Менильмонтана, нарушая тишину зловѣщимъ шумомъ черныхъ крыльевъ,—потомъ все снова утихаетъ.

Вдругъ, среди глубокаго безмолвія, раздались съ юга и съ запада звуки пушечной пальбы, и протяжное эхо донесло раскаты до кладбищенскаго холма. Казалось, что нарушился порядокъ чередованія временъ года, и среди снѣжнаго зимняго пейзажа разразилась гроза.

Дѣвочка прислушивается—передъ ея невиннымъ дѣтскимъ взоромъ разыгрывается великая драма войны,—но она ничего не подозрѣваетъ.

„Громъ“! думаетъ она, прикладывая палецъ къ виску.

Въ это время ее окликаетъ звонкій дѣтскій голосокъ, внося дыханіе весны въ эту безотрадную зимнюю атмосферу.

— Сецилія! Сецилія! Гдѣ ты?

— Я здѣсь!

Изъ за-деревьевъ выбѣгаетъ дѣвочка и нагоняетъ Сецилію. Это старшая сестра ея—двѣнадцатилѣтняя Селина. Съ перваго взгляда дѣвочки кажутся очень похожими другъ на дружку: у обѣихъ тонкія, правильныя лица, каштановые волосы, но у Селины они болѣе свѣтлаго оттѣнка, и черты лица болѣе мягкія, неопредѣленныя, линіи лба и подбородка слегка срѣзанныя. Глаза у нея тоже не темно-сѣрые, какъ у Сециліи, а синіе. Она беретъ сестру за руку рѣшительнымъ, матерински-заботливымъ движеніемъ и говоритъ:

— Идемъ, милая, пора домой. Мама насъ ждетъ.

— Идемъ,—покорно отвѣчаетъ Сецилія.

Онѣ еще стоятъ на мѣстѣ нѣсколько минутъ и глядятъ вдаль, — хотя за черными деревьями ничего не видно, кромѣ бѣлой туманной бездны, изъ которой доносятся зловѣщіе раскаты, не предшествуемые ни единой вспышкой молніи.

— Лина, слышишь—громъ!—говоритъ Сецилія.

— Это не громъ, а пушки,—авторитетно возражаетъ Селина. — Пушки пруссаковъ и пальба съ нашихъ фортовъ,—поясняетъ она въ отвѣтъ на удивленный взглядъ младшей сестры.

Дѣвочки идутъ домой черезъ кладбище такъ же спокойно, какъ если бы онѣ шли по деревенскимъ улицамъ. Обвязанныя платками, съ капюшонами на головахъ, онѣ похожи на крестьянокъ, собирающихъ въ лѣсу хворостъ. Онѣ останавливаются, пробираются между могилъ, среди вѣнковъ изъ бисера и иммортелей, завядшихъ букетовъ, сѣрыхъ и порыжѣвшихъ листьевъ. Сециліи хочется собрать букетъ цвѣтовъ. Она вырываетъ сухія травы, обламываетъ нѣсколько вѣтокъ съ кустовъ и сжимаетъ ихъ въ покраснѣвшей отъ холода ручкѣ. Селина смѣется.

— Зимой нѣтъ цвѣтовъ, Сецилія,—говоритъ она. — Идемъ скорѣе!

Сецилія разочарованно бросаетъ собранный пучокъ на землю и слѣдуетъ за сестрой. Но вскорѣ и она смѣется вмѣстѣ съ Селиной надъ своей глупостью.—Конечно, зимой нѣтъ цвѣтовъ!

Въ самомъ дѣлѣ вокругъ дѣвочекъ не видно ничего, кромѣ бѣлаго и чернаго: снѣгъ сверкаетъ бѣлизной сквозь жесткій переплетъ голыхъ вѣтокъ и рѣшетокъ. Розы цвѣтутъ только на лицахъ дѣвочекъ, только ихъ глаза синѣютъ какъ васильки; только ихъ взгляды трепещутъ жизнью среди этой скованной холодомъ природы, въ этомъ царствѣ смерти.

Выйдя изъ воротъ кладбища, дѣвочки идутъ знакомой дорогой, сначала вдоль высокой сѣрой кладбищенской стѣны, потомъ мимо пустырей, заборовъ, мусорныхъ кучъ, покрытыхъ снѣгомъ, и приходятъ наконецъ на Rue des Amandiers. Тамъ онѣ живутъ въ неприглядномъ домѣ, въ убогой квартиркѣ. Рядомъ съ входной дверью помѣщается съ одной стороны питейное заведеніе, съ другой овощная лавка. Лѣстница и корридоръ узкіе и темные. Поднявшись въ первый этажъ, Селина толкаетъ дверь, не запертую на ключъ, и дѣвочки входятъ въ первую комнату. Въ углахъ стоятъ двѣ складныя кровати; по срединѣ круглый обѣденный столъ подъ висячей бѣлой фарфоровой лампой. На стѣнѣ висятъ книжныя полки, уставленныя книгами-романами въ перемежку съ политическими брошюрами и журналами. Полъ чисто вымытъ, на обояхъ ни пятнышка. Чувствуется заботливая рука женщины, которая слѣдитъ за чистотой у себя въ домѣ. Эта женщина, мать дѣвочекъ, тутъ же въ комнатѣ. Она еще молода; у нея задумчивые сѣрые глаза, тонко очерченный ротъ, привѣтливая, но грустная улыбка. Она родомъ изъ Бретани, но

прожила всю жизнь въ Парижѣ, и долгіе годы заботъ и труда преждевременно состарили ее.

— Вотъ вы наконецъ... Гдѣ вы пропадали?

— Мы гуляли по Père Lachaise,—весело отвѣчаетъ Селина.

— Напрасно вы такъ далеко пошли—ужъ стемнѣло. Въ другой разъ, не ходите дальше чѣмъ до церкви, гуляйте около лавокъ по улицѣ, или подождите Жана и идите съ нимъ... Живѣй, Селина, раздѣнь сестру, сними съ нея башмаки, дай ей картинки и приходи въ кухню помочь мнѣ готовить обѣдъ.

Мать и обѣ дѣвочки проходятъ во вторую комнату, гдѣ стоятъ двѣ кровати, большая и маленькая. Оба окна выходятъ на улицу. Столовая же и кухня обращены окнами на дворъ. Сецилія не долго разсматриваетъ картинки; вскарабкавшись на старое кресло, стоящее у окна, она прижимаетъ лицо къ стеклу и смотритъ на улицу, гдѣ зажигаются огни и гдѣ двигающіяся фигуры и неподвижные предметы расплываются въ сумеркахъ. Мать и старшая дочь накрываютъ на столъ и заканчиваютъ всѣ приготовленія къ обѣду какъ разъ въ тотъ моментъ, когда раздаются на лѣстницѣ тяжелые шаги и стукъ ружей. Едва заслышавъ шаги, Селина бѣжитъ отворять дверь, и въ комнату входятъ трое мужчинъ. Отецъ—типичный парижскій рабочій, маленькаго роста, худощавый, съ густой бородой, съ мягкими, какъ у его дочери Селины, чертами лица и смѣющимся взглядомъ. У обоихъ сыновей болѣе серьезныя лица—какъ у матери. Всѣ трое ставятъ ружья въ уголъ. Отецъ Помьé и старшій сынъ Юстинъ очень утомлены и сейчасъ же садятся за столъ. Жанъ, младшій, идетъ во вторую комнату, беретъ на руки Сецилію, сажаетъ ее себѣ на плечо и носитъ ее по комнатѣ. Дѣвочка сіяетъ отъ счастья.

— Иди обѣдать, Жанъ!—окликаетъ его мать.—Супъ уже на столѣ.

Миска съ супомъ дымится подъ висячей лампой. Супъ изъ чернаго хлѣба, приправленный саломъ, мало питателенъ, но столъ накрытъ очень чисто, тарелки сверкаютъ, ложки и вилки старательно вытерты, и при мягкомъ свѣтѣ лампы скатерть, фаянсъ, и металлическіе приборы какъ бы улыбаются своей бѣлизной и блескомъ; лица обѣдающихъ тоже улыбаются. Жанъ кормитъ Сецилію и слушаетъ ея дѣтскій лепетъ. Селина входитъ и выходитъ изъ комнаты, подавая къ столу. Мать разливаетъ супъ, нарѣзываетъ ломти плохого хлѣба, который кажется всѣмъ очень хорошимъ, наливаетъ въ стаканы вино съ водой. Издали слышны, когда затихаютъ разговоры, раскаты пушечной пальбы.

— Наши не дремлютъ у фортовъ,—говоритъ Юстинъ.— Сегодня ночью пруссаки не возмутъ Парижа!

— Куда имъ!.. Къ тому же вѣдь сегодня мы на стражѣ у Ромэнвильскихъ воротъ,—полушутливо замѣчаетъ отецъ.

— Я сегодня вамъ не товарищъ,—говоритъ Жанъ.—Я остаюсь сторожевымъ псомъ дома.

— Ты останешься со мной, Жанъ!—радостно восклицаетъ Сецилія, хлопая въ ладоши.

— Да, дѣвочка! Я уложу тебя спать, убаюкаю, завтра утромъ принесу тебѣ кофе въ постель, какъ маленькой принцессѣ. А въ другой разъ все это сдѣлаетъ Юстинъ.

— Онъ тоже славный, Юстинъ,—говоритъ дѣвочка веселымъ голосомъ.

Она глядитъ на обоихъ братьевъ по очереди и чувствуетъ себя вполнѣ счастливой и защищенной отъ всѣхъ опасностей. Она знаетъ, что ее всѣ любятъ—и строгая мать, и добродушный отецъ, и братья, и Селина. Къ послѣдней она относится съ особымъ уваженіемъ за то, что она такъ быстро бѣгаетъ, такъ ловко прыгаетъ черезъ веревочку, ходитъ одна въ лавки за покупками. Всѣ эти совершенства кажутся Сециліи образцомъ того, чѣмъ и она станетъ, когда выростетъ.

Семья съѣдаетъ свою очень маленькую порцію мяса, затѣмъ блюдо риса, по ломтику сыра и допиваетъ остатокъ вина. Отецъ закуриваетъ трубку, сыновья скручиваютъ папиросы въ то время какъ мать и Селина убираютъ со стола. Сецилія заснула на колѣняхъ у Жана. Мужчины говорятъ о политикѣ, обсуждаютъ положеніе дѣлъ. Выбраны мэры. Поднятъ вопросъ о перемиріи. Пруссія отказала въ просьбѣ о продовольствіи. Организованы наконецъ батальоны національной гвардіи для вылазокъ; они составляются изъ добровольцевъ — холостяковъ, вдовцовъ, а въ случаѣ надобности и женатыхъ людей отъ двадцати до сорокапятилѣтняго возраста. Въ общемъ все обстоитъ недурно. Гамбетта полонъ энергіи. Провинція готовится къ оборонѣ. Можно надѣяться, что скоро данъ будетъ настоящій отпоръ осаждающимъ, и нѣмцевъ прогонятъ за Рейнъ.

— Да, если бы у насъ стояли настоящіе люди во главѣ войскъ!—возражаетъ Юстинъ, не раздѣляющій оптимизма отца.— Но все дѣлается не такъ, какъ слѣдуетъ. Продовольствіе плохое, приготовленія идутъ слишкомъ медленно,—особенно въ провинціи. Гамбетта молодъ, это правда, и онъ съумѣетъ поднять духъ націи, создать нѣчто въ родѣ арміи. Но все-таки, съ тѣхъ поръ,

какъ Мецъ взятъ нѣмцами, они располагаютъ всѣми силами— и намъ плохо придется. Помяните мое слово!

Съ улицы доносится призывный бой барабана. Отецъ и старшій сынъ надѣваютъ кэпи, берутъ ружья и, поцѣловавъ мать и Селину, спускаются на темную улицу, покрытую густымъ слоемъ снѣга. Жанъ осторожно уноситъ заснувшую Сецилію въ другую комнату, раздѣваетъ ее и укладываетъ въ постель, не разбудивъ. Потомъ онъ возвращается въ столовую, приготовляетъ себѣ постель на одной изъ складныхъ кроватей и ложится, пододвинувъ сперва къ кровати столъ и поставивъ на него лампу. Онъ читаетъ газеты и полученные новые выпуски романа „Misérables", въ то время, какъ мать и Селина, кончивъ уборку кухни, тоже присаживаются къ столу съ шитьемъ и тихо разговариваютъ промежъ себя.

— За хлѣбомъ завтра пойду я,—говоритъ мать.

— Нѣтъ, я!—возражаетъ Селина, всегда готовая бѣгать за покупками.

— Ни мать, ни ты не пойдете,—говоритъ Жанъ съ напускной суровостью. Надоѣли вы мнѣ: женщины должны сидѣть дома. Я за всѣмъ схожу—за хлѣбомъ, за мясомъ и за углемъ. У меня другого дѣла теперь нѣтъ. Я завтра не иду на службу.

— Но вѣдь ты выбьешься изъ силъ, милый!

— Мнѣ нравится стоять и ждать очереди. Я произношу рѣчи, подбиваю женщинъ къ сопротивленію... Идите спать и заберите лампу. Я не буду больше читать.

Мать рада тому, что Жанъ отдохнетъ и будетъ спать. Она намѣревается тихонько уйти за хлѣбомъ въ четыре часа, если онъ не проснется; обнявъ рослаго, здороваго юношу, какъ ребенка въ колыбели, она уходитъ съ Селиной. Ночь спускается на городъ, на дома; маленькая квартирка рабочей семьи теряется среди мрака и тишины, какъ лодка среди моря. Пальба не смолкаетъ всю ночь, и стекла звенятъ отъ раскатовъ.

Въ четыре часа мать встаетъ и тихонько выходитъ изъ комнаты. Но кровать сына уже пуста. Жанъ въ кухнѣ; онъ ѣстъ корку хлѣба, обмокнувъ ее въ водку, и собирается уходить.

— Тсс... не буди дѣтей. Я вернусь къ кофе.

Вечера и ночи этой семьи проходили во время осады почти всегда одинаково. Кто-нибудь изъ мужчинъ, а иногда и всѣ трое отсутствовали. Мать уходила на зарѣ въ булочную или въ мясную, или же посылала Селину, прося кого-нибудь изъ сосѣдокъ слѣдить за нею. Но дѣвочка обыкновенно убѣгала изъ-подъ надзора и вела себя самостоятельно, какъ взрослая, бол-

тала и смѣялась съ мальчишками, громко разсуждала, подражая брату, кричала, что парижане никогда не сдадутся.

— Вотъ, какая шустрая!—говорили женщины, столь же возбужденныя и воинственно настроенныя, какъ она.

У всѣхъ въ то время было только одно на умѣ: воевать и говорить о войнѣ. Отецъ, маляръ, и его сыновья, Юстинъ и Жанъ, машинисты, перестали заниматься своимъ ремесломъ; они зарабатывали каждый по полтора франка въ день, служа въ національной гвардіи, и очень добросовѣстно исполняли свои обязанности. Жизнь ихъ—какъ и всего парижскаго населенія—была поглощена военной службой съ тѣхъ поръ, какъ Парижъ, внезапно отрѣзанный отъ всего міра, превратился въ военный лагерь. Съ 4-го сентября, съ начала осады, въ сѣрую осеннюю погоду и подъ мрачнымъ зимнимъ небомъ, отецъ и двое сыновей ходили по улицамъ своего предмѣстья, преобразившись въ солдатъ. Одежда ихъ измѣнилась; кэпи національной гвардіи непохожи на рабочія фуражки, а красныя полосы на панталонахъ и красная выпушка на курткахъ пришиты къ темной матеріи, замѣнившей рабочую блузу. Но самое главное—это то, что у нихъ въ рукахъ ружья—знакъ начавшейся военной драмы и въ то же время другой подготовлявшейся трагедіи—революціонной. Политическія убѣжденія этихъ трехъ парижанъ опредѣлились въ послѣдніе годы имперіи. Отецъ разсказывалъ сыновьямъ, еще когда они были дѣтьми, о событіяхъ 1848 года, а послѣ выставки 1868 года, когда началось общее броженіе умовъ въ Парижѣ, Помье́ и его сыновья стали принимать участіе во всѣхъ уличныхъ манифестаціяхъ, ходить на народныя собранія; они устроивали вмѣстѣ съ другими оваціи журналистамъ и ораторамъ оппозиціоннаго лагеря, примыкали къ уличной толпѣ, читавшей и обсуждавшей вслухъ газетныя извѣстія, жили возбужденной жизнью тогдашняго Парижа, выражавшейся въ такихъ стихійныхъ вспышкахъ мятежнаго духа, какъ грандіозные похороны Виктора Нуара. И эти-то наэлектризованные рабочіе съ рѣшительными, угрожающими лицами, эти участники народныхъ сборищъ и манифестацій ходили теперь въ военныхъ кэпи и съ ружьями въ рукахъ. Казалось, что и Помье́ съ его двумя сыновьями, и другіе рабочіе поглощены теперь единственнымъ желаніемъ сражаться противъ нѣмцевъ. Война была для нихъ неожиданностью, отвлекла ихъ недовольство и накопившуюся энергію въ другую сторону. Передъ парижскими рабочими очутился новый врагъ—нѣмецкій солдатъ, и они готовы были употребить свою энергію пока противъ него... Потомъ виднѣе будетъ!

Братья Помьé и ихъ отецъ раздѣляли общее настроеніе и роптали только противъ бездѣйствія, на которое были обречены. Начальство не хочетъ перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не хочетъ воспользоваться для этого рабочей арміей...

— Насъ считаютъ лѣнтяями, думаютъ, что для настоящаго дѣла мы непригодны!—кипятится Юстинъ.—На насъ не смотрятъ, какъ на солдатъ, а посылаютъ охранять укрѣпленія, на которыя никто не нападаетъ... Это дѣлается для того, чтобы занять насъ мнимымъ дѣломъ, игрой въ солдаты. Когда все будетъ кончено, мы будемъ думать, что тоже воевали—и будемъ этимъ утѣшаться... Они насъ не знаютъ, и потому не довѣряютъ намъ. Если бы насъ повели прямо на врага, мы бы живо справились и съ Бисмаркомъ, и съ Вильгельмомъ!

Юстинъ вѣрно передавалъ въ этихъ словахъ настроеніе рабочаго Парижа. Если бы Трошю, Винуа и Дюкро побродили въ одинъ изъ ноябрьскихъ или декабрьскихъ вечеровъ по рабочимъ кварталамъ и услышали разговоры мѣстнаго населенія, они узнали бы то, о чемъ не подозрѣвали до самаго конца войны,—узнали бы, что парижскіе рабочіе относились съ большимъ довѣріемъ къ военному начальству и очень свѣтло смотрѣли на будущее. Многіе были увѣрены, что пруссаковъ прогонятъ сейчасъ же послѣ первой стычки. Всѣ трудности казались вполнѣ одолимыми легкомысленнымъ парижанамъ, и всѣ—мужчины, женщины и дѣти—не сомнѣвались ни на минуту въ побѣдѣ. На темныхъ улицахъ, у дверей булочныхъ и мясныхъ лавокъ блѣдные, лихорадочно возбужденные люди провозглашали гнѣвнымъ или заносчивымъ тономъ свою увѣренность въ конечномъ торжествѣ Франціи. Такой подъемъ духа самъ по себѣ составлялъ несомнѣнную силу, но она пропадала безслѣдно, потому что вожди не умѣли пользоваться ею.

Въ эти холодные снѣжные декабрьскіе дни рабочіе парижскихъ предмѣстій были уже близки къ агоніи, не подозрѣвая этого. Они еще считали себя живыми, а между тѣмъ холодъ и бездѣйствіе подточили ихъ силы. Ихъ спасало только то, что они постоянно ораторствовали, создавая себѣ всяческія иллюзіи. Ихъ жажда дѣйствія, ихъ патріотическій пылъ, возмущеніе противъ инертности вождей, боязнь измѣны—все это выливалось въ слова, говорилось всюду, въ строю, на бивуакахъ, на улицахъ, гдѣ рабочіе останавливались группами у фонарей для чтенія и обсужденія газетъ, а затѣмъ дома, за обѣдомъ, въ постели, до тѣхъ поръ, пока сонъ не успокоивалъ, наконецъ, на время возбужденіе осажденныхъ.

Нерѣдко матери и обѣимъ дѣвочкамъ приходилось видѣть въ окно, какъ кто-нибудь изъ трехъ мужчинъ, или всѣ они вмѣстѣ, стояли у дверей съ кѣмъ-нибудь изъ провожавшихъ ихъ до дому товарищей и оживленно спорили, въ то время какъ супъ перекипалъ на плитѣ и жаркое подгорало. Онѣ стучали въ окно, звали ихъ, но разгоряченные спорщики не трогались съ мѣста; или же, сдѣлавъ шагъ, чтобы войти въ домъ, они снова возвращались, возобновляя споры и разсужденія по поводу слуховъ, вѣрныхъ или выдуманныхъ, которыми жилъ какъ въ бреду осажденный Парижъ. Тогда Селина сходила внизъ за братьями и отцомъ; но кто-нибудь изъ нихъ бралъ ее за руку, и она тоже не двигалась, слушая съ раскрытымъ ртомъ и загорѣвшимися глазами разсказы о дѣйствительныхъ или выдуманныхъ страшныхъ событіяхъ дня. Наконецъ, мужчины поднимались къ себѣ, нѣжно обнимали мать, хвалили скверный супъ и начинали снова обсуждать планы Шанзи и Орель де Паладина, Фэдерба и Кремера, критиковать Трошю, угрожать Мольтке.

Среди такихъ впечатлѣній просыпалось сознаніе Сециліи. Она слушала, не понимая, а то, что отпечатлѣвалось въ ея дѣтскомъ умѣ изъ разговоровъ старшихъ, казалось ей продолженіемъ волшебныхъ сказокъ, слышанныхъ отъ Селины и матери, или же игръ съ Жаномъ, пугавшимъ ее иногда въ шутку букой. Она и вѣрила, и не вѣрила въ сказочные ужасы, блѣднѣла и задыхалась, когда ей грозили появленіемъ буки, но знала заранѣе, что все кончится веселымъ смѣхомъ.

Эти нѣмцы, о которыхъ постоянно говорили вокругъ нея, но которые никогда не появлялись, а только палили изъ пушекъ днемъ и ночью, представлялись ей какими-то великанами, чудовищами съ волчьими головами, людоѣдами, живущими гдѣ-то далеко-далеко за городомъ, можетъ быть въ Андильи, около дома тёти, которая не хотѣла пріѣхать къ нимъ въ Парижъ.

Стоило Сециліи подумать о домикѣ, гдѣ она провела лѣто, чтобы сейчасъ же разрыдаться. Ей дѣлалось страшно за тётю, которая угощала ее такими вкусными леденцами и овсянымъ сахаромъ. За себя она не боялась. Конечно, она такая же безпомощная, какъ мальчикъ съ пальчикъ или Красная Шапочка, и можетъ стать добычей людоѣда и волка, но она знала, что ее защититъ отъ всѣхъ опасностей прежде всего мама, которой стоитъ погладить ее по головѣ и поцѣловать ее, чтобы разсѣять всѣ страхи, а затѣмъ Селина, такъ увѣренно заявлявшая:—„Я имъ скажу, этимъ пруссакамъ: проваливайте!“—Сецилія преклонялась передъ ея храбростью. А затѣмъ она знала, что ее за-

щитятъ отъ всего въ мірѣ отецъ и братья. Когда они возвращались втроемъ домой, въ темной одеждѣ, съ красными лампасами на панталонахъ, въ солдатскихъ кэпи, и ставили ружья въ уголъ, Сециліи казалось, что въ комнату вошли непобѣдимыя существа. Она бросалась имъ на встрѣчу, а они поднимали ее на воздухъ мощными руками, сажали ее къ себѣ на колѣни, и всѣ ея страхи мгновенно разсѣивались. Она съѣдала свою тарелку супа съ сіяющимъ отъ довольства лицомъ и послѣ обѣда спокойно засыпала; во снѣ она видѣла, что тетѣ изъ Андильи удалось спрятать въ надежное мѣсто банки съ леденцами, и что она спокойно сидитъ въ своей лавочкѣ, скрытая отъ всѣхъ взоровъ, какъ старуха-волшебница, и подсмѣивается надъ нѣмцами.

Такимъ образомъ, въ семь лѣтъ, когда впечатлѣнія внѣшняго міра воспринимаются непосредственно, безъ контроля разсудка, маленькая Сецилія была свидѣтельницей грозныхъ событій, переживавшихся ею какъ сонъ на яву. Въ ея дѣтской головкѣ запечатлѣлись слова, особенно часто повторявшіяся старшими въ ея присутствіи: война, пруссаки, Бисмаркъ, Баденгэ, осада... Слова эти произносились всегда сокрушеннымъ, взволнованнымъ тономъ. Ни о работѣ, ни о развлеченіяхъ не было и помину. Заработковъ не было, и никто не искалъ ихъ. Немногіе знакомые, приходившіе къ матери Сециліи, или освѣдомлялись у нея, надолго ли ей хватитъ еще запасовъ, или сокрушались о томъ, что женщины и дѣти не уѣхали во-время изъ Парижа, или разспрашивали, нужно ли будетъ во время бомбардировки заставлять окна тюфяками.

Сецилію поражало, что всѣ говорятъ постоянно объ опасности, угрожающей чему-то таинственному и важному, называемому отечествомъ, Франціей. Она обратилась съ разспросами къ Жану и узнала отъ него, что отечество—это все, что она видитъ подлѣ себя, и все, что существуетъ въ ея странѣ и чего она не видитъ, а также всѣ люди, живущіе въ этой странѣ: папа, мама, братья, сосѣди, и тетя изъ Андильи, и родственники изъ Бретани, о которыхъ часто говорила мать,—и вся Франція съ ея городами, домами, лѣсами и рѣками... Жанъ сказалъ ей, что для защиты всего этого, всѣхъ этихъ людей, призваны къ оружію всѣ мужчины,—даже отцы семействъ. Дѣвочка дрожала, слушая объясненія брата. Ей представлялись матери, такія же, какъ ея мать, и маленькія дѣти въ родѣ нея самой, покинутыя отцомъ—такимъ же, какъ ея папа: онъ ушелъ отъ нихъ и упалъ въ яму, изъ которой уже не встанетъ и не вернется домой. Таково было представленіе Сециліи о смерти.

Каждый день случалось какое-нибудь новое событіе; дѣвочка слышала, какъ сосѣди кричали другъ другу изъ окна въ окно непонятныя фразы о битвахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ. Иногда мать одѣвала ее какъ можно теплѣе, укутывала голову шерстяными платками, надѣвала ей толстыя шерстяныя перчатки и отпускала въ такомъ видѣ съ Селиной въ булочную и въ мясную. Дѣвочки приносили домой сѣрый, почти заплеснѣвшій хлѣбъ и кусокъ конины. Онѣ скорѣе получали свою порцію, чѣмъ другія, потому что солдату національной гвардіи, наблюдавшему за порядкомъ, становилось жалко продрогшихъ дѣвочекъ, и онъ просилъ взрослыхъ пустить ихъ не въ очередь. Къ счастью, хлѣбъ и мясо, отпускаемые осажденнымъ, не составляли единственной пищи семьи Помьé. Предусмотрительная мать успѣла сдѣлать кое-какіе запасы; у нея былъ рисъ, сало, мука, картофель, коробки консервовъ и даже яйца, тщательно упакованныя въ опилки. Но необходимо было соблюдать крайнюю бережливость въ пользованіи всѣмъ этимъ; въ случаѣ еслибы осада еще долго длилась, могъ наступить полный голодъ. Нужда сосѣдей, однако, такъ удручала мать Сециліи, ей было такъ тяжело глядѣть на страданія и взрослыхъ, и въ особенности дѣтей, что она не могла сдержать себя и отъ времени до времени посылала Сецилію къ голодающимъ сосѣдямъ съ какими-нибудь драгоцѣнными для того времени съѣстными припасами.

Разъ она спекла большую булку и подала ее къ обѣду вмѣсто пирожнаго. Булка удалась на славу—корка отлично подрумянилась, мякоть оказалась бѣлой какъ снѣгъ. Вся семья сначала разглядывала булку, радуясь столь рѣдкостному въ осадное время лакомству, потомъ съ особымъ наслажденіемъ съѣла ее. Мать попросила только оставить кусочекъ для Сециліи къ кофею на слѣдующее утро.

Среди бесѣды за обѣдомъ мать сообщила, что у нихъ въ домѣ есть тяжко больной; онъ вѣроятно умретъ, не увидавъ болѣе бѣлаго хлѣба, какъ онъ самъ съ грустью сказалъ женѣ.

На слѣдующее утро Сецилія, не говоря никому ни слова, кладетъ оставленный ей кусокъ булки на тарелку и поднимается на третій этажъ къ больному. Дверь полуоткрыта; дѣвочка толкаетъ ее и входитъ. Въ комнатѣ тихо и темно. На столикѣ у кровати горитъ свѣча. На кровати лежитъ человѣкъ. Лица его не видно—оно покрыто полотенцемъ. Тѣло неподвижно вытянуто подъ одѣяломъ. Дѣвочку пугаютъ холодъ и мракъ комнаты, и она произноситъ робкимъ, едва внятнымъ голосомъ:

— Здравствуйте... мама прислала вамъ кусокъ булки.

Никакого отвѣта. Въ комнатѣ никого нѣтъ. Сецилія отъ страха стоитъ не двигаясь. Она начинаетъ догадываться... подъ полотенцемъ обрисовываются черты лица, острая линія носа, впадины глазъ и рта. Такъ вотъ что̀ такое мертвецъ... и она наединѣ съ нимъ въ комнатѣ! Ей хотѣлось бы поскорѣе уйти, но она не рѣшается пошевелиться и смотритъ испуганными глазами на бѣлую постель и на тѣло, вытянувшееся подъ одѣяломъ.

Наконецъ, въ комнату входитъ жена умершаго. Она и не подозрѣваетъ о томъ, какія страшныя минуты пережила дѣвочка. Она благодаритъ ее и ея мать за доброту, открываетъ лицо мужа и говоритъ, что онъ уже не будетъ больше ѣсть хлѣба, ни бѣлаго, ни чернаго. Сециліи становится еще страшнѣе; она убѣгаетъ внизъ, спотыкаясь на лѣстницѣ. Ей кажется, что мертвецъ гонится за нею.

Въ теченіе декабря Парижъ становился все болѣе мрачнымъ, небо опускалось все ниже. Шелъ снѣгъ, земля обледенѣла. Всѣ страдали отъ холода, отъ голода. Въ семействѣ Помье́ мать творила истинныя чудеса бережливости и изобрѣтательности, чтобы доставить пищу дѣтямъ и мужу. Жанъ и Юстинъ приносили изъ пригородныхъ мѣстъ все, что̀ только могли раздобыть изъ съѣстныхъ припасовъ. Такимъ образомъ въ домѣ еще не чувствовалось крайности; каждый день всѣ ѣли горячій супъ, пили горячій кофе и подогрѣтое вино. Отецъ и сыновья, похудѣвшіе, измученные заботами и тяжелой службой, произносили за обѣдомъ грозныя рѣчи, выражая свое недовольство, причемъ каждый говорилъ на свой ладъ; отецъ, какъ всегда, впадалъ сейчасъ же въ насмѣшливый тонъ; Юстинъ разсуждалъ логично и твердо. Жанъ—болѣе добродушно и спокойно. Въ сочельникъ подана была за ужиномъ тощая курица; при появленіи ея мужчины разсмѣялись, думая о томъ, какъ они ее раздобыли,—освободивъ изъ плѣна въ чьемъ-то птичникѣ на окраинѣ города. Въ день Новаго года Жанъ сдѣлалъ подарки матери и сестрамъ: шерстяной платокъ матери, пелеринку—одной сестрѣ, голубой шарфикъ —другой. Поздравляя другъ друга съ Новымъ годомъ, всѣ выражали надежду на то, что онъ будетъ болѣе счастливымъ, чѣмъ предшествовавшій.

— На это надежды мало!—сказалъ Юстинъ.—Самое худшее еще впереди. Парижъ не продержится больше мѣсяца.

Наконецъ рѣшено выступить изъ осажденнаго города и дать сраженіе. Призываются добровольцы батальоновъ, предназначенныхъ для похода. Отецъ Помье́ не зачисленъ въ ряды—онъ

слишкомъ старъ; Жана тоже не берутъ—онъ слишкомъ молодъ. Изъ семьи Помьé идетъ только Юстинъ.

— Иди, сынъ мой, — говоритъ отецъ, — и прогони ихъ до Версаля!

Юстинъ уходитъ изъ дому 18-го января вечеромъ, когда барабанный бой возвѣщаетъ о сборѣ войскъ. Онъ уже выпилъ кофе, положилъ чистый платокъ въ карманъ, вычистилъ ружье, приготовилъ патроны и жметъ на прощанье руки брату и отцу крѣпче обыкновеннаго, затѣмъ нѣжно цѣлуетъ мать и сестеръ. Но мать говоритъ, что ей еще нужно сходить въ лавку за керосиномъ и за сахаромъ,—она дойдетъ съ сыномъ до перваго угла. Юстинъ понимаетъ, что это только предлогъ, но онъ не въ состояніи выговорить ни слова и, молча, взявъ мать за руку, уходитъ вмѣстѣ съ нею. Они спускаются внизъ, ничего не говоря. Остальная семья стоитъ наверху лѣстницы, у перилъ.

— До свиданія! Задай имъ перцу! — говоритъ отецъ на прощаніе.

— Держись молодцомъ!—кричитъ Жанъ.

— Принеси мнѣ что-нибудь, когда вернешься! — проситъ Селина.

— До свиданія, Жюстинъ!—кричитъ Сецилія, посылая воздушный поцѣлуй.

На улицѣ мать беретъ подъ руку сына, и они идутъ молча по направленію, откуда слышенъ барабанный бой. Подходя къ мѣсту сбора, они останавливаются. Ружье дрожитъ въ рукѣ Юстина. Онъ обнимаетъ мать и долгимъ, пристальнымъ взглядомъ глядитъ на ея рано состарившееся отъ работы и заботъ лицо, на ея посѣдѣвшіе волосы, усталые глаза и блѣдный ротъ. У него тяжело на душѣ, но лицо его не выдаетъ волненія. Мать тоже глядитъ на него безъ слезъ. Они крѣпко обнимаютъ другъ друга.

— Ничего, моя старушка!—говоритъ Юстинъ.—Не бойся!

— Я не боюсь, дорогой!

Онъ дѣлаетъ героическое усиліе надъ собой, чтобы улыбнуться, и опять долго цѣлуетъ ея лицо, глаза, волосы, руки. Она тоже цѣлуетъ ему лицо и руки, и потомъ, взглянувъ на него въ послѣдній разъ, уходитъ, не оборачиваясь. Тогда только и мать, и сынъ даютъ волю чувствамъ. Крупныя слезы катятся изъ глазъ Юстина, а мать идетъ, сгорбившись, вдоль мрачныхъ домовъ на своей улицѣ, и все ея тѣло дрожитъ отъ рыданій.

„Я его больше не увижу!“—думаетъ она, и еще долго бро-

дитъ по улицамъ, чтобы подавить свое волненіе, осушить слезы и придти домой со спокойнымъ лицомъ.

Она увидѣла еще разъ сына, но уже не живымъ. Юстинъ палъ при Бузенвалѣ,—вмѣстѣ съ другими несчастными, принесенными въ жертву воинственному пылу національной гвардіи. Онъ выступилъ со своимъ батальономъ съ площади Hôtel de Ville; они шли вдоль Елисейскихъ-Полей бодро, съ пѣснями, быстрымъ и правильнымъ маршемъ хорошо обученныхъ строевыхъ солдатъ. Утромъ онъ ринулся въ Бузенвальскій паркъ, гдѣ сидѣли въ засадѣ пруссаки. Пуля, попавшая ему прямо въ лобъ, уложила его. Его снесли на кладбище Père-Lachaise вмѣстѣ съ другими товарищами. Туда пришла искать его тѣло мать вмѣстѣ съ Жаномъ. Отецъ остался дома съ дѣвочками. Мать съ сыномъ прошли мимо ряда носилокъ, на которыхъ лежали мертвые солдаты въ саванахъ, съ открытыми лицами. У нѣкоторыхъ были проломлены головы, и лица ихъ были неузнаваемы. Другіе, казалось, спали съ очень блѣдными лицами; а у иныхъ были открытые глаза, точно они бодрствовали. Среди мертвыхъ были и старики, и молодые.

— Вотъ онъ!—тихо произноситъ мать.

Жанъ поддерживаетъ ее. Она нагибается и узнаетъ Юстина; онъ не измѣнился. Лицо у него кроткое и грустное, ироническое и доброе... лобъ пробитъ пулей; прядь волосъ приклеилась къ ранѣ. Мать проводитъ рукой по его лицу, смотритъ въ мертвые глаза и читаетъ въ нихъ послѣднія мысли сына во время веселаго, бодраго марша по Елисейскимъ-Полямъ, во время трагическаго боя въ Бузенвалѣ. Она наклоняется къ Юстину и цѣлуетъ мертвое лицо безъ криковъ, безъ слезъ, безъ шумныхъ проявленій скорби. Жанъ въ свою очередь тоже цѣлуетъ старшаго брата и, нагибаясь къ его уху, точно произноситъ какой-то тайный обѣтъ. Потомъ мать и Жанъ идутъ домой, прижавшись другъ къ другу и не говоря ни слова.

— Я его видѣла,—говоритъ мать мужу и дѣвочкамъ.—Всѣ мы должны всегда помнить о немъ.

Селина прижимается къ отцу; Сецилія усаживается, какъ бы ища защиты, на колѣни къ Жану. Мать возвращается къ исполненію обычныхъ обязанностей, подаетъ супъ оставшимся членамъ семьи. Только ночью она плачетъ въ темнотѣ—и то тихо, чтобы не разбудить дѣвочекъ.

На слѣдующій день, 22 января, Жанъ не вышелъ изъ дому утромъ, соблюдая трауръ по умершемъ братѣ, и слишкомъ поздно узналъ о томъ, что̀ произошло въ Hôtel-de-Ville. Онъ пришелъ

на Place de Grève уже послѣ обмѣна выстрѣлами между войскомъ и національной гвардіей, которая сдѣлала послѣднюю отчаянную и безполезную попытку измѣнить судьбу Парижа. Жанъ вернулся домой въ состояніи неописуемаго возбужденія, съ яростью говорилъ о томъ, что̀ произошло, потомъ впалъ въ угрюмое молчаніе. Мать съ тревогой поглядѣла на него и съ трудомъ смогла его успокоить.

Въ слѣдующіе дни жизнь семьи Помьé стала входить въ обычную колею, несмотря на тревожное ожиданіе неминуемой скорой сдачи Парижа. Мать и дѣвочки были такими же, какъ всегда: мать скрывала свои мысли, Селина развлекалась всѣмъ, что̀ попадалось ей на глаза, а у Сециліи было чувство, точно кто-то уѣхалъ на время и можетъ вернуться съ минуты на минуту.

— Онъ вернется, мама?—спрашиваетъ она мать однажды утромъ.

— Да, но еще не скоро.

— Когда кончится война, да? Скажи, мама!

Мама ласкаетъ ее и старается занять чѣмъ-нибудь ея вниманіе. Дѣвочка видимо старается вдуматься во что-то ей непонятное, но скоро отвлекается, бѣжитъ къ окну и наблюдаетъ съ интересомъ за собакой, которая погналась за птицей. Мать съ улыбкой смотритъ на ея невинныя забавы. Отецъ и сынъ сильно подавлены горемъ. Отецъ чувствуетъ себя совершенно безпомощнымъ безъ Юстина, а у Жана, обыкновенно такого спокойнаго и кроткаго, появилось на лицѣ выраженіе сосредоточеннаго, упорнаго гнѣва.

И Жанъ, и отецъ, теперь меньше говорятъ, не разсуждаютъ о событіяхъ, не критикуютъ и не шутятъ, какъ прежде,—имъ недостаетъ разсудительнаго Юстина, который все зналъ и все предвидѣлъ. Теперь онъ лежитъ въ братской могилѣ съ товарищами, но Жанъ помнитъ его слова о томъ, что одной только расправой съ нѣмцами дѣло не кончится, что, имѣя пушки и ружья въ рукахъ, нужно ими пользоваться, а не давать имъ ржавѣть. Жанъ повторяетъ эти слова однажды дома, ударяя кулакомъ по столу. Отцу кажется, что онъ снова слышитъ своего старшаго сына, и онъ соглашается съ Жаномъ. Мать помнитъ 22-ое января, и ей становится страшно отъ словъ сына.

— Лучше жить смирно, работать, думать о своей семьѣ,—говоритъ она.

Но Жанъ такъ возбужденъ, какъ никогда.

— Если Франція не будетъ спасена,—кричитъ онъ,—если

Парижъ сдадутъ, то Юстинъ безполезно сложилъ свою голову... Вѣдь ты вмѣстѣ со мной видѣла его въ гробу съ проломленной головой. Я ему сказалъ, что отомщу за него,—и я выполню свое обѣщаніе!

Мать беретъ сына за руку. Рука его дрожитъ какъ въ лихорадкѣ. Онъ встаетъ и уходитъ крайне возбужденный. Вернувшись домой поздно вечеромъ, онъ застаетъ мать, поджидавшую его. Отецъ и дѣвочки уже спятъ.

— Я хотѣла поговорить съ тобой, Жанъ,—обращается къ нему мать. — Ты у меня теперь одинъ. Отецъ твой старъ и слабъ, какъ ребенокъ. Онъ сильно потрясенъ всѣмъ, что̀ мы пережили, и на его благоразуміе нельзя разсчитывать. Что̀ же будетъ со мной, если вы оба дадите волю гнѣву? Я вижу, до чего всѣ возмущены, и понимаю, что нельзя не возмущаться. Насъ обманули, какъ обманываютъ всегда довѣрчивыхъ людей. По моему тоже, ужасно сдаться теперь, послѣ того какъ мы перенесли столько горя и лишеній. Я готова была бы еще на бо̀льшія страданія, лишь бы не сдаваться. Но что̀ же дѣлать—это не отъ насъ зависитъ. Вы хотите поднять бунтъ, но ни къ чему хорошему онъ не приведетъ... А что̀ станется со мной и дѣвочками, если ты и отецъ попадете въ тюрьму... и, можетъ быть, надолго... Съ Селиной у меня будетъ еще много горя,—я это предвижу. А Сецилія еще ребенокъ. Я, конечно, буду работать безъ устали, но все-таки насъ ждетъ черная нужда. Одного сына я уже потеряла, — неужели этого не достаточно? Еслибы Юстинъ былъ живъ, онъ бы образумилъ тебя.

— Еслибы онъ былъ живъ...—говоритъ Жанъ, и глаза его сверкаютъ.

Мать останавливаетъ его, закрывая ему ротъ рукой:

— Подумай о моихъ словахъ. Старайся успокоить товарищей, а не возбуждай ихъ. У нихъ у всѣхъ есть жены, дѣти, матери, сестры. Они должны прежде всего позаботиться объ этихъ женщинахъ. Этотъ долгъ выше всякаго другого.

— Еслибы всѣ говорили, какъ ты,—никогда бы ничего не дѣлалось, никакихъ перемѣнъ не добивались бы, и не было бы конца горю и нуждѣ.

— Силой вы ничего не добьетесь,—говоритъ изстрадавшаяся мать, стараясь убѣдить сына политическими доводами.—Вѣдь вы сможете потомъ, когда заключатъ миръ, заниматься тѣмъ же, что̀ вы дѣлали прежде, читать газеты, устроивать собранія, голосовать...

— Мы должны воспользоваться тѣмъ, что у насъ теперь ружья въ рукахъ.

— За пользованіе ружьями васъ разстрѣляютъ—вотъ все, чего вы добьетесь. И ты очень ошибаешься, полагая, что всѣ пойдутъ на проломъ. Такія горячія головы, какъ ты, конечно, не остановятся ни передъ чѣмъ, но другіе отстанутъ—и васъ же предадутъ. Умоляю тебя, сынъ мой, останься дома, займи мѣсто брата, не покидай насъ. Ты поможешь мнѣ воспитать сестеръ, ты женишься, будешь имѣть семью, которая, быть можетъ, когда-нибудь будетъ счастливѣе насъ.

Она долго говорила въ этомъ тонѣ въ тускло освѣщенной столовой. Ежеминутно раздавались съ улицы шаги и оклики городской стражи. Жанъ молча слушалъ мать и смотрѣлъ на стоявшую въ углу складную кровать брата. Ему хотѣлось объяснить матери свою правоту, доказать ей необходимость рѣшительныхъ дѣйствій, но онъ видѣлъ по ея лицу, до чего она встревожена, и не хотѣлъ еще болѣе разстроивать ее. Онъ взялъ въ руки ея голову, и въ первый разъ взглянулъ съ особымъ чувствомъ—какъ Юстинъ передъ уходомъ въ бой — на поблекшее лицо матери, ея мягкую, тонкую кожу, опустившуюся у висковъ, у угловъ рта, покрытую тонкими и глубокими морщинами на лбу, въ ея сѣрые глаза, отуманенные печальными воспоминаніями. Онъ поцѣловалъ эти глаза и лобъ съ неизъяснимымъ чувствомъ грусти.

„Онъ цѣлуетъ меня какъ Юстинъ!“—подумала бѣдная женщина.

— Я постараюсь не огорчать тебя, — проговорилъ Жанъ, не будучи въ состояніи сдержать слезъ.

И мать еще долго сидѣла, склонивъ голову на плечо девятнадцатилѣтняго сына и не произнося ни слова. Такъ закончился этотъ длинный январьскій вечеръ.

Вскорѣ, однако, мать убѣдилась по словамъ, вырвавшимся у Жана, что онъ не могъ не внимать призывамъ товарищей и единомышленниковъ. Въ тотъ день, когда пруссаки вступили въ Парижъ, 28 февраля, и когда по улицамъ предмѣстій раздался барабанный бой, призывавшій къ общему сбору, Жанъ отправился со своей ротой; онъ вернулся лишь на слѣдующій день и сказалъ:

— Ничего нельзя было сдѣлать. Вышла бы рѣзня...

Жизнь начала входить на время въ обычную колею. Въ свѣтлые мартовскіе дни улицы приняли болѣе оживленный видъ; парижское населеніе облегченно вздохнуло, освобожденное отъ

кошмара бомбардировки, отъ ужасовъ осады. Недостатка въ съѣстныхъ припасахъ уже не было, и лица женщинъ и дѣтей принимали прежній здоровый видъ. Недавнія страданія уже были забыты; забывали даже о тѣхъ, кто умеръ за время осады.

Жанъ отправился однажды съ обѣими дѣвочками въ Андильи, къ теткѣ, звавшей ихъ къ себѣ. Онъ вернулся домой вечеромъ, раздраженный видомъ пруссаковъ, расположившихся въ деревнѣ какъ дома и входившихъ въ дружбу съ крестьянами. Селина и Сецилія провели недѣлю у тетки; она откармливала ихъ молокомъ, масломъ, яйцами, птицей, возила ихъ кататься на осликахъ по лѣсу Монморанси. Другія деревенскія дѣвочки, толстенькія и краснощекія, съ удивленіемъ смотрѣли на блѣдненькихъ парижанокъ и жалѣли ихъ... Когда нужно было увезти ихъ домой, Жанъ отказался поѣхать за ними въ Андильи. Вмѣсто него поѣхали родители; они застали дѣвочекъ здоровыми и веселыми. Селина и Сецилія играли передъ домикомъ тети, подъ отеческими взглядами прусскихъ солдатъ, сидѣвшихъ въ беретахъ на головахъ, покуривая фарфоровыя трубки. Въ садахъ распускалась сирень; дуновеніе весны нѣжно касалось лицъ, усыпляя злобныя чувства, возвѣщая о наступленіи мирныхъ дней послѣ ужасовъ войны.

Отецъ и мать не сообщили своихъ впечатлѣній Жану, но дѣвочки стали разсказывать о своихъ прогулкахъ и говорить о томъ, какъ милы были съ ними прусскіе солдаты.

— Тсс!—остановила ихъ мать.

Жанъ, казалось, думалъ о другомъ. Онъ становился съ каждымъ днемъ все болѣе молчаливымъ и озабоченнымъ. Мать знала, что онъ проводитъ дни и вечера въ обществѣ воинственно настроенныхъ товарищей, въ рабочихъ клубахъ или въ трактирахъ, гдѣ велась политическая агитація. Жанъ не пилъ вина, но его опьяняли рѣчи, и онъ возвращался домой молчаливый, съ сосредоточеннымъ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, и тщательно осматривалъ ружье и патроны, отправляясь на службу. Отецъ былъ уже видимо на его сторонѣ, но предпочиталъ шататься безъ дѣла, довольствуясь заработкомъ въ полтора франка и оппозиціей правительству—на словахъ.

18-го марта, когда разнеслось извѣстіе, что Тьеръ попытался захватить монмартрскія пушки, и это ему не удалось, Жанъ уже не могъ болѣе скрывать своей радости; онъ тотчасъ же принялся вмѣстѣ съ товарищами вынимать камни изъ мостовой и устроивать баррикаду на углу Rue des Amandiers, противъ церкви. Съ первой же минуты армія инсургентовъ оказалась готовой; сей-

часъ же вождями выбраны были предводители и данъ былъ боевой сигналъ. Одни заняли посты на фортификаціяхъ, другіе спустились въ Парижъ и завладѣли, наконецъ, зданіемъ Hôtel de Ville, которое тщетно пытались захватить во время прежнихъ схватокъ, въ октябрѣ и въ январѣ. Начали обнаруживаться роковыя послѣдствія осады. Громадное рабочее населеніе, обманутое въ своихъ надеждахъ на побѣду, жаждущее отомстить за вчерашнее и, быть можетъ, подготовить будущее, затѣяло страшное рискованное предпріятіе; какъ и во время осады, всѣ были настроены оптимистически, опьяненные побѣдой 18-го марта, доставшейся безъ боя, такъ какъ войска отступили въ Версаль.

— Мы сразимся съ ними тамъ,—говорили перешедшіе на сторону коммуны, служившіе въ національной гвардіи. — Насъ не повели въ Версаль, когда тамъ были Бисмаркъ и Вильгельмъ. Теперь мы сами отправимся туда—за Тьеромъ. А потомъ сведемъ счеты и съ нѣмцами!

Жанъ говорилъ то же, чтò всѣ другіе, и переубѣдить его не было возможности. Онъ участвовалъ въ первомъ же сраженіи, неудачномъ для коммунаровъ, и вернулся домой, весь черный отъ пороха, почти обезумѣвшій отъ ужаса. Онъ дрожалъ отъ негодованія, разсказывая родителямъ о гибели схваченныхъ или убитыхъ на мѣстѣ товарищей. Мать поняла, что ей готовится новое, еще болѣе тяжкое испытаніе,—опять ею овладѣла непрерывная тревога и предчувствіе неминуемой близкой катастрофы. О походѣ въ Версаль уже не было рѣчи. Опять началась осада Парижа, и весенняя бомбардировка вполнѣ напоминала зимнюю. Коммуна только защищалась; наступающей стороной она уже, очевидно, не могла стать.

Мать собралась съ духомъ и сказала это Жану, доказывая ему, что вступленіе версальскихъ войскъ въ Парижъ неминуемо.

— Тѣмъ лучше!—отвѣтилъ Жанъ.—На парижскихъ улицахъ мы съ ними легче справимся.

Мать содрогнулась. Она понимала, чѣмъ это кончится.

Апрѣль былъ, по горькой ироніи судьбы, особенно прекрасенъ въ этотъ страшный годъ. Парижское населеніе казалось празднично настроеннымъ; по воскресеньямъ улицы запружены были гуляющими. Отецъ стоялъ обыкновенно на караулѣ на Вандомской площади. Онъ повелъ однажды жену и дочерей на Елисейскія-Поля и показалъ имъ строящуюся на площади „Согласія“ баррикаду — истинный образчикъ фортификаціоннаго искусства. Приготовленія къ бойнѣ становились съ каждымъ днемъ все болѣе грозными.

Жанъ сталъ пропадать по цѣлымъ днямъ и вечерамъ—онъ проводилъ все время на аванпостахъ въ Нейльи. Возвращался онъ оттуда почти неузнаваемый, съ всклокоченной бородой, стремительными жестами, съ видомъ человѣка, несогласнаго ни на какія уступки. Но дома, вымывшись и обчистившись, онъ садился за столъ уже болѣе кроткимъ, по прежнему игралъ съ Сециліей, и дѣвочка, которая пугалась его, когда онъ входилъ въ комнату тяжелой поступью, опять узнавала въ немъ прежняго Жана, готоваго такъ рѣзвиться съ нею, точно и ему было семь лѣтъ.

„Можетъ быть, она удержитъ его дома въ рѣшительный день!“ —думала мать съ тайной надеждой.

Но Сецилія не удержала Жана. Его влекла въ бой непобѣдимая сила. Въ маѣ ряды инсургентовъ порѣдѣли: одни прятались отъ товарищей и были глухи къ призывамъ, другимъ удалось убѣжать за городъ, несмотря на бдительность стражи. Мать стала просить Жана, чтобы онъ свезъ сестеръ въ Андильи.

— Въ Парижѣ опять неспокойно,—говорила она,—Богъ знаетъ, чтò еще ожидаетъ насъ. Нужно хоть дѣвочекъ спасти. Уѣзжай съ ними, а мы съ отцомъ останемся здѣсь; я ничего не боюсь.

— Какъ это я уѣду?!—возражаетъ Жанъ.—Вѣдь это было бы бѣгствомъ. Предположимъ, что мнѣ удалось бы пробраться въ Андильи,—это не такъ легко, какъ тебѣ кажется.—Какъ бы отнеслись къ этому другіе?

Онъ называетъ матери своихъ товарищей, рѣшившихъ, какъ и онъ, твердо выполнить свой долгъ до конца.

— Я увѣренъ въ побѣдѣ,—продолжаетъ Жанъ,—но не это руководитъ теперь мною. Чтò бы ни случилось, мы должны довести дѣло до конца. Если бы Юстинъ былъ живъ, онъ былъ бы въ нашихъ рядахъ. Вспомни его смерть! Я долженъ отмстить за нее.

Жанъ дрожитъ отъ возмущенія, ругаетъ версальцевъ и, глядя на мать сверкающими глазами, кричитъ:

— Неужели ты хотѣла бы, чтобы я измѣнилъ товарищамъ, которые вѣрятъ мнѣ, также какъ я имъ?

Бѣдная мать блѣднѣетъ, слушая сына, и тяжело вздыхаетъ.

Она много разъ возобновляла этотъ разговоръ, надѣясь все-таки повліять на сына и удержать его дома. Но Жанъ или упрямо молчалъ въ отвѣтъ на ея слова, или мѣнялъ разговоръ. Отецъ Помьè не помогалъ женѣ уговорить сына; онъ относился къ готовящимся событіямъ легкомысленно, не думая о завтрашнемъ днѣ, возвращался иногда вечеромъ слегка навеселѣ, громко ораторствовалъ за столомъ, а потомъ ложился спать.

Жанъ сталъ все рѣже и рѣже приходить домой, захваченный всецѣло волнующими его событіями: его неудержимо влекло къ опасности. Мать была въ ужасѣ отъ его упрямства, но въ глубинѣ души сочувствовала ему. Она понимала, что онъ поступаетъ честно, не отставая отъ товарищей въ начатомъ сообща опасномъ дѣлѣ, и понимала также его нравственныя страданія и его гнѣвъ: она испытала на себѣ всѣ печали, за которыя Жанъ выступалъ теперь мстителемъ. Но, какъ женщина, она страшилась насилія и хотѣла бы, чтобы все разрѣшилось мирнымъ путемъ, безъ кровопролитія.—Лишь бы онъ только осторожнѣе велъ себя,— молила она судьбу, тревожась о Жанѣ,—лишь бы онъ поспѣшилъ домой, когда увидитъ, что все погибло!

Версальскія войска вступили въ Парижъ въ воскресенье 21-го мая, и въ тотъ же день исчезъ Жанъ. Въ понедѣльникъ мать оставила мужа съ дѣвочками дома, а сама пошла искать сына. Дальше ближайшихъ улицъ она не могла пробраться; она шла сначала какъ въ пустынѣ мимо запертыхъ лавокъ и безмолвныхъ домовъ, потомъ ей преградилъ дорогу устроенный посреди улицы бивуакъ: тамъ били въ набатъ, коммунары бѣжали вслѣдъ за своими вождями въ обшитыхъ галунами шапкахъ и курткахъ, маркитанки разъѣзжали верхомъ съ бочонками вина. Мертвая тишина опустѣвшихъ улицъ смѣнялась здѣсь неописуемымъ гамомъ, лошадинымъ топотомъ и криками возбужденной до крайности толпы. Мать Жана тщетно искала отрядъ своего сына—его нигдѣ не было видно. Вскорѣ несчастную женщину остановили, не пуская дальше:—Тамъ сражаются!—объявили ей.

Ей пришлось вернуться домой; во вторникъ она съ самаго утра отправилась опять на поиски, послѣ мучительной безсонной ночи, проведенной ею у окна въ ожиданіи возможнаго возвращенія Жана. Въ это утро уже было опасно ходить по улицѣ: туда долетали бомбы съ Монмартра, занятаго войсками. Семейству Помьè пришлось, вмѣстѣ съ другими обитателями ихъ дома, поселиться въ погребѣ, снести туда кровати и жить тамъ какъ въ подземной пещерѣ. Всѣ мирились съ этими необыкновенными условіями жизни, ѣли, пили, разговаривали и терпѣливо ждали конца осаднаго положенія. Будь Жанъ дома, мать его находила бы эту новую жизнь сносной.

Наступила среда. Вернувшись изъ булочной, Селина разсказала о разорвавшейся совсѣмъ по близости отъ нея бомбѣ. Она едва успѣла закончить разсказъ, какъ раздался взрывъ на дворѣ; упавшая туда бомба снесла сарай, и цѣлый градъ камней скатился къ входу въ погребъ.

Четвергъ и пятница были ужасны. Мать вышла одна изъ дому и шла по улицѣ подъ градомъ бомбъ. Въ пятницу раздался вдругъ дикій гулъ бѣснующейся толпы: вели группу арестантовъ-заложниковъ, попавшихъ въ руки коммунаровъ. Толпа сопровождала ихъ яростными угрозами и криками. Мать Жана прислонилась къ стѣнѣ, пропуская мимо себя бурный потокъ людей. Къ счастью, Жана не было среди нихъ. Но она видитъ издали объятый пламенемъ Парижъ.

„Онъ тамъ!"—думаетъ она и плачетъ.

Вечеромъ раздались торопливые шаги и появился Жанъ. Опьяненный сраженіемъ, онъ былъ полонъ самыхъ радужныхъ надеждъ.

При видѣ семьи, ожидавшей его съ такой тревогой, его охватила безграничная нѣжность, но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы не поддаться мягкимъ чувствамъ. Онъ быстро обнялъ родителей и сестеръ, отвѣтилъ рѣзкостью сосѣдямъ, пытавшимся удержать его дома, и сталъ предсказывать близость побѣды, гибель арміи среди охваченнаго пламенемъ Парижа; кричалъ, что скоро наступитъ день отмщенія; разсказывалъ о страшныхъ событіяхъ—ожидаемыхъ ли, или уже свершившихся, этого нельзя было понять изъ его словъ,—о разстрѣленныхъ заложникахъ, объ уничтоженіи всего Парижа пушками, приготовленными на Père-Lachaise. Туда-то онъ и направлялся, охваченный воинственнымъ пыломъ, и только по пути зашелъ къ роднымъ. Онъ убѣжалъ такъ же быстро и неожиданно, какъ пришелъ: взявъ на руки маленькую Сецилію, онъ поглядѣлъ на нее пламеннымъ взоромъ, потомъ передалъ дѣвочку матери, протянувшей къ ней руки, и выбѣжалъ изъ комнаты... Мать кинулась за нимъ на улицу, но не могла нагнать разъяренную толпу, бѣжавшую съ громкими призывами къ оружію. Цѣлый потокъ мужчинъ и женщинъ, потрясающихъ ружьями, отдѣлилъ ее отъ сына, ушедшаго на бойню. Ее толкнули, и она упала. Мужъ, побѣжавшій вслѣдъ за нею, поднялъ ее и повелъ домой.

— Идемъ, дѣти зовутъ тебя... Жанъ придетъ домой завтра, какъ и сегодня. Нельзя ему отставать отъ товарищей. Мнѣ бы тоже слѣдовало пойти съ нимъ...

Мать не рѣшается попросить, чтобы онъ побѣжалъ за Жаномъ, защитилъ его, вернулъ его домой. Она сама не знаетъ, какъ ей быть. Вся ея душа рвется къ сыну, а нужно оставаться съ дѣвочками. Она снова проводитъ безсонную ночь. Въ субботу на зарѣ она поднимается на самый верхній этажъ дома; крыша

мѣстами пробита осколками бомбъ; снаряды летятъ градомъ, слышенъ ихъ свистъ и трескъ.

Несчастная женщина глядитъ въ слуховое окно и видитъ на кладбищѣ приготовленія къ битвѣ, озаренныя мягкимъ весеннимъ солнцемъ майскаго утра.

На скатѣ, обращенномъ къ Монмартру, передъ гробницей Морни, расположены орудія коммуны противъ орудій регулярнаго войска. Она видитъ новыя бронзовыя пушки, не бывшія въ дѣлѣ во время осады, видитъ артиллеристовъ, занятыхъ у орудій, видитъ огонь и дымъ залповъ. Жанъ навѣрное тамъ, подлѣ пушекъ.

Она не въ силахъ покинуть свой обсерваціонный пунктъ, и уходитъ только тогда, когда Селина приходитъ звать ее къ рыдающей отъ страха Сециліи.

Бомбардировка кончилась. Вскорѣ появляются на улицахъ солдаты, медленно двигающіеся въ два ряда вдоль домовъ, съ ружьями на готовѣ, со взведенными курками. Они не встрѣчаютъ сопротивленія: ближайшую баррикаду никто не защищаетъ, и войска продолжаютъ путь къ кладбищу. Остается только часть солдатъ для караула; они входятъ въ дома, все обыскиваютъ, велятъ открыть ставни, снять занавѣси съ оконъ. Капралъ, вошедшій въ квартиру Помьé, беретъ въ руки ружье отца и оглядываетъ его. Всѣ ружья сваливаютъ въ кучу на улицѣ. Многихъ рабочихъ арестовываютъ и уводятъ только потому, что у нихъ черныя руки, или за то, что они дерзко отвѣчаютъ солдатамъ. Но отецъ Помьé, который опять сталъ носить рабочую блузу, не произноситъ ни слова, и его оставляютъ въ покоѣ; его сѣдая борода внушаетъ почтеніе солдатамъ.

Весь кварталъ занятъ войскомъ. На углахъ улицъ блестятъ каски конныхъ солдатъ, слышенъ топотъ лошадей. Отряды солдатъ въ походной формѣ располагаются бивуаками на улицахъ. Рабочіе смотрятъ на солдатъ съ любопытствомъ, и на улицахъ замѣчается особое оживленіе. Группы гуляющихъ бродятъ по улицамъ или стоятъ и глядятъ на солдатъ до тѣхъ поръ, пока не раздается приказъ разойтись. Небо все еще покрыто заревомъ со стороны Парижа. Отецъ Помьé съ дѣвочками тоже стоятъ на улицѣ. Каждую минуту раздаются трубные звуки и появляются новые отряды солдатъ, лихорадочно возбужденныхъ жарой, долгимъ маршемъ и битвой. Уставшіе раненые солдаты раздражены и способны на всякую жестокость; среди общаго смятенія обнаруживается различіе характеровъ. Нѣкоторые начальники дѣйствуютъ осторожно, другіе безгранично дерзки.

Какой-то человѣкъ, прислонившійся къ церковной оградѣ на

площади, не можетъ спокойно видѣть проходящіе мимо него ряды солдатъ и кричитъ почти безсознательно:

— Долой войско!

Тогда изъ рядовъ дефилирующаго полка отдѣляется офицеръ, схватываетъ крикнувшаго за горло, валитъ его на землю и убиваетъ его двумя выстрѣлами изъ револьвера въ ухо. Потомъ онъ спокойно нагоняетъ свой отрядъ—онъ далъ урокъ толпѣ. Присутствовавшіе при этой сценѣ возвращаются домой блѣдные отъ ужаса. Селина нервно возбуждена, Сециліи страшно. Отецъ весь дрожитъ отъ бѣшенства, но молчитъ. На улицѣ водворяется мертвая тишина. Трупъ убитаго лежитъ подлѣ расположившихся лагеремъ солдатъ—его не убираютъ.

Отецъ и дочери не застаютъ матери дома. Она ушла, сказавъ одной изъ сосѣдокъ, что скоро вернется. Она побѣжала на Père-Lachaise искать Жана—застанетъ ли она въ живыхъ второго сына тамъ, гдѣ нашла перваго уже мертвымъ? Она пробирается, сама не зная, какъ—на кладбище. Битва кончилась. Воздухъ пропитанъ ужаснымъ запахомъ пороха; могилы разрыты, памятники и плиты опрокинуты. Въ часовняхъ съ взломанными дверями лежатъ трупы коммунаровъ, спрятавшихся тамъ и убитыхъ нагнавшими ихъ солдатами. Всюду видны трупы—можно подумать, что могилы выкинули мертвецовъ изъ нѣдръ земли. Всюду солдаты. Мать смѣло продолжаетъ свой путь.

— Куда она идетъ?—спрашиваетъ молодой офицеръ съ полудѣтскимъ лицомъ; оглядѣвъ несчастную женщину жестокимъ взглядомъ, онъ прибавляетъ:

— Это поджигательница! Къ стѣнѣ ее—вмѣстѣ съ другими!

И онъ дѣлаетъ жестъ рукой по направленію къ глубинѣ кладбища, откуда слышны непрерывные ружейные залпы.

Мать съ отчаяніемъ бросается къ офицеру:

— Да, вмѣстѣ съ другими, съ моимъ сыномъ, съ моимъ Жаномъ!

Она мечется какъ безумная; лицо ея искажается судорогой.

— Къ стѣнѣ ее!—повторяетъ офицеръ.

Солдаты собираются повиноваться, но приказъ офицера услышанъ капитаномъ; это высокій, худощавый человѣкъ съ сѣдыми усами, съ рѣшительнымъ взглядомъ и грустнымъ лицомъ солдата, состарившагося на службѣ. Онъ смотритъ на женщину и говоритъ офицеру строгимъ тономъ:

— Вы съ ума сошли! Развѣ вы не видите, что она обезумѣла отъ горя? Я запрещаю вамъ давать такія приказанія!

Офицеръ взбѣшенъ. У него такое выраженіе лица, какъ у

злой кошки, у которой отняли птицу, попавшуюся ей въ когти. Капитанъ обращается къ женщинѣ и мягко говоритъ ей:

— Уходите, сударыня, вамъ здѣсь не мѣсто.

— Мой сынъ... я хочу видѣть моего сына... пустите меня къ сыну!

— Уходите, сударыня. Ваши просьбы безполезны... никто не можетъ помочь вамъ. Прошу васъ—уходите!

Онъ самъ провожаетъ ее; она шатается и рыдаетъ.

— У васъ никого не осталось дома?

— Мои дѣвочки ждутъ меня.

— Ну, такъ идите скорѣе къ нимъ. Онѣ навѣрное безпокоятся.

Она машинально уходитъ. Капитанъ провожаетъ ее глазами до самыхъ воротъ кладбища, потомъ возвращается на свое мѣсто и долго стоитъ, не двигаясь, опершись обѣими руками на саблю.

На слѣдующій день мать опять отправилась на кладбище, но туда не пускали. Когда же, черезъ нѣсколько дней, открыли ворота, то тамъ уже не было видно слѣдовъ битвы; только вдоль стѣны была взрыта земля. Мать Жана вернулась домой спокойная, скрывая свое горе отъ другихъ. Она стала наводить справки въ Парижѣ и въ Версалѣ, чтобы узнать, нѣтъ ли ея сына въ числѣ заключенныхъ. Всѣ розыски оказались тщетными—отъ Жана не получилось никакихъ извѣстій. Значитъ, онъ палъ на кладбищѣ, неподалеку отъ брата, надъ трупомъ котораго произнесъ обѣтъ,—выполненный имъ теперь.

Мать повела своихъ двухъ дочерей къ стѣнѣ, у которой былъ разстрѣлянъ ихъ братъ вмѣстѣ съ товарищами. Она не плакала, не говорила дѣтямъ прочувствованныхъ словъ, не брала съ нихъ никакихъ клятвъ. Она взяла ихъ ручки въ свою руку, сѣла на скамейку и посадила ихъ около себя. Сецилія съ изумленіемъ оглядывала густую зелень вѣтвей и слушала пѣніе птицъ. Какъ трудно было узнать въ этомъ лѣтнемъ уборѣ кладбище, которое она видѣла въ декабрѣ, занесенное снѣгомъ и оглашенное отзвуками бомбардировки!

II.

Мать.

Несчастная женщина напрягла всѣ свои силы, чтобы не пасть духомъ. Она вспомнила свой разговоръ съ Жаномъ и знала теперь, что ей неоткуда ждать помощи. Мужъ ея сильно

опустился. За время войны и осады онъ утратилъ привычку къ правильному труду, а потеря обоихъ сыновей, на которыхъ онъ возлагалъ столько надеждъ, окончательно пошатнула его. Теперь это былъ старикъ, обезсиленный однообразнымъ трудомъ долгихъ лѣтъ.

Помьé началъ работать съ двѣнадцати лѣтъ, какъ тысячи подобныхъ ему тружениковъ. Работа дала ему возможность жениться, кормить и обучать дѣтей. Силой характера онъ не отличался; напротивъ того, онъ съ нѣкоторой легкостью относился къ жизни, ни надъ чѣмъ серьезно не задумывался, говорилъ и разсуждалъ какъ всѣ,—но все-таки онъ многое сдѣлалъ и многое испыталъ въ жизни. Онъ былъ простымъ рядовымъ въ арміи идущаго неустанно впередъ человѣчества и смиренно исполнялъ свой незамѣтный долгъ, — но были моменты, когда и онъ возносился надъ толпой. Когда по воздуху пронеслось вѣяніе свободы, онъ почувствовалъ ея полетъ. Въ 1848 году его молодая душа встрепенулась, и онъ тоже произносилъ съ упоеніемъ громкія слова и пѣлъ гимны свободѣ. Онъ былъ въ числѣ февральскихъ побѣдителей и іюньскихъ побѣжденныхъ.

Скромный пролетарій сохранилъ навсегда юношескую вѣру въ торжество справедливости, передалъ ее своимъ сыновьямъ, и въ дни осады и коммуны готовъ былъ еще сражаться рядомъ съ сыновьями. Но смерть ихъ лишила его прежней жизнерадостности. Это видно было по его исхудавшему, обросшему бородой лицу, по безпомощному взгляду его дѣтскихъ голубыхъ глазъ, по нерѣшительности тона въ разговорѣ.

Теперь ему нечего было ждать отъ жизни. Прежде онъ мечталъ, какъ всѣ парижскіе рабочіе, обзавестись на старости домикомъ на окраинѣ города и жить тамъ среди куръ и кроликовъ. Мечта эта разсѣялась,—одинъ, безъ сыновей, онъ не могъ отложить достаточно денегъ для постройки дома,—и Помьé ни къ чему не стремился. У него остались еще дочери, но прежняя полнота жизни исчезла. Онъ охотно баловалъ дѣвочекъ, водилъ ихъ гулять, возился съ ними, причемъ то слишкомъ подчинялся ихъ капризамъ, то ворчалъ на нихъ, пока, наконецъ, жена не останавливала его. Онъ слушался теперь во всемъ жены, какъ прежде Юстина. Подъ ея вліяніемъ онъ снова взялся за малярное ремесло, разыскалъ своихъ прежнихъ заказчиковъ, которые помнили его, какъ хорошаго работника, и рады были помочь ему изъ сочувствія къ его горю.

Онъ и теперь еще былъ хорошимъ маляромъ; никто не умѣлъ такъ хорошо смѣшивать краски и разводить ихъ клеемъ, какъ

Помьé. Являясь въ своей бѣлой блузѣ, въ бѣлой шапочкѣ съ голубыми полосами, съ малярной кистью въ рукахъ, онъ съ любовью брался за дѣло. Стоя на приставной лѣстницѣ или сидя на полу, когда нужно было красить самый низъ стѣны, онъ даже забывалъ на время о своихъ несчастіяхъ и громко распѣвалъ республиканскія пѣсни, хранившіяся въ его памяти съ 1848 года. Товарищи отвѣчали ему пѣсенками изъ тогдашняго репертуара кафе-шантановъ. Къ несчастью, пѣніе и работа вызывали жажду, и Помьé часто откладывалъ кисть, чтобы пойти выпить стаканъ вина и выкурить трубку.—Это необходимо въ нашемъ дѣлѣ!—говорилъ онъ.

Все же это время было очень благополучнымъ—насколько возможно было послѣ всего пережитого—для Помьé и его семьи. Отецъ аккуратно приносилъ домой всѣ деньги, полученныя за работу, и старался поддерживать въ домѣ веселое настроеніе духа; его шутки и остроты становились все менѣе и менѣе удачными, но во всемъ, что̀ онъ говорилъ и дѣлалъ, сказывалось его доброе сердце. Въ немъ было что-то дѣтское, и жена обращалась съ нимъ какъ съ старымъ ребенкомъ, стараясь угодить ему чистотой и уютностью домашней обстановки, вкусно сваренными обѣдами; къ воскресенью она ему всегда приготовляла свѣже-выглаженную сорочку, чистый галстухъ и платокъ, чистила ему сапоги,—словомъ, старалась обставить ему жизнь какъ можно пріятнѣе съ внѣшней стороны. Въ общемъ они не могли теперь жаловаться на нужду. Денегъ у нихъ пока было меньше, чѣмъ прежде, но скоро уже Селина сможетъ зарабатывать, да и мать, если нужно будетъ, найдетъ какую-нибудь платную работу. Можно будетъ также взять квартиру подешевле,—словомъ, есть возможность сводить концы съ концами.

Мать думаетъ съ нѣкоторой тревогой о характерѣ Селины. Она не злая дѣвочка, но очень разсѣянная, занятая или собой, или какими-нибудь пустяками, мыслями о ленточкахъ и тряпкахъ. Кокетство проснулось въ ней, какъ только она увидѣла въ первый разъ себя въ зеркалѣ, какъ только научилась брать предметы въ руки. Она легкомысленна, какъ ея отецъ, всегда готова бѣгать, прыгать, танцовать, или же дуется по цѣлымъ часамъ, если ей дѣлаютъ какое-нибудь замѣчаніе; у нея появляется тогда на лбу упрямая складка, а губы слегка дрожатъ. Выраженіе ея лица такое, точно она хочетъ сказать:—я поступлю такъ, какъ захочу.. и если мнѣ будутъ мѣшать, то это плохо кончится.

Сецилія не внушала такихъ опасеній за будущее, какъ ея

сестра. Въ ней мать видѣла какъ бы повтореніе самой себя, своей мягкости и кротости, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней чувствовалась спокойная сила и твердость характера, отличавшая Юстина, а также Жана—до охватившаго его безумія. Оба брата были увлечены силой, противъ которой не могли бороться, силой, подобной урагану, опрокидывающему лодки на морѣ. Если бы не осада Парижа и не коммуна, они прожили бы всю жизнь спокойно и добросовѣстно выполняя свои семейныя обязанности. Сецилія казалась похожей на нихъ, судя по ея правильно очерченному лбу, внимательному взгляду и спокойному характеру, съ которымъ, однако, у нея связанъ былъ очень живой и воспріимчивый умъ. Но всѣ эти задатки были еще очень неопредѣлившимися, и дѣвочка была такой хрупкой, что матери становилось страшно за нее. „Лишь бы мнѣ успѣть выростить ее, подготовить ее къ жизни!—думала она.—Хорошо, если бы Селина могла мнѣ помочь въ этомъ“!

Трудность и сложность домашнихъ обязанностей усиливала энергію матери. Она вставала съ зарей, готовила завтракъ мужу, отправляла его на работу, отводила Селину въ школу, обучала Сецилію домашнимъ работамъ—самымъ легкимъ, чтобы не утомлять ее, потомъ учила ее читать. Остальное время она посвящала хозяйству и шитью, починкѣ платья и бѣлья; затѣмъ нужно было еще пойти за покупками, зайти за Селиной въ школу; иногда она успѣвала даже погулять съ обѣими дѣвочками до обѣда.

Всѣ заботы о домѣ и о дѣтяхъ лежали всецѣло на матери. Этотъ типъ женщинъ очень распространенъ въ рабочемъ классѣ. Въ отдаленныхъ предмѣстьяхъ въ обыкновенные дни на улицахъ видны только женщины. Есть, конечно, продавцы за прилавками и рабочіе, прикрѣпленные къ опредѣленному мѣсту своимъ ремесломъ. Но ежедневно съ самаго утра происходитъ отливъ населенія отъ окраинъ къ центру; потокъ уноситъ и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Но главнымъ образомъ уходятъ съ утра длинныя вереницы мужчинъ-рабочихъ, приказчиковъ, ремесленниковъ, направляющихся на фабрики, въ мастерскія и магазины Парижа.

Улицы и дома становятся царствомъ женщинъ; утромъ и днемъ снуютъ онѣ мимо лавокъ, ждутъ у школьныхъ дверей, ведутъ гулять дѣтей. Всѣ эти женщины уже устроили свою жизнь, миновали опасный поворотный пунктъ, когда нужда подстерегала ихъ молодость, ихъ невѣдѣніе, будила гнѣвъ и зависть въ молодыхъ сердцахъ, охваченныхъ жаждой веселья и счастья.

Многія покинули навсегда улицы предмѣстій и сдѣлались жертвами разгула; онѣ полагали, что счастье—въ томъ, чтобы носить богатыя платья и брилліанты, и не могли примириться съ скромной трудовой жизнью, которая можетъ дать только внутреннее удовлетвореніе.

Но зато тѣ женщины, которыя не ушли, не поддались соблазнамъ, дѣйствительно совершаютъ подвиги и достойны преклоненія. Онѣ сами не знаютъ, сколько героизма и красоты въ ихъ жизни. И онѣ были въ шестнадцать лѣтъ хорошенькими дѣвушками, невинно кокетливыми, носили красные и голубые бантики въ волосахъ, любили слушать музыку и пѣніе по вечерамъ въ праздничные дни. Но потомъ вдругъ все измѣнялось въ ихъ жизни. Конецъ нарядамъ и музыкѣ:—начиналась тяжелая трудовая жизнь. У нихъ—свой собственный уголъ; онѣ—жены и матери; удаченъ ли бракъ или неудаченъ, но отвѣтственная роль въ семьѣ лежитъ на нихъ, и эту отвѣтственность онѣ принимаютъ, забывъ о всемъ другомъ, о всѣхъ личныхъ радостяхъ, составляющихъ смыслъ большинства человѣческихъ жизней. Мать Селины и Сециліи принадлежитъ къ числу подобныхъ женщинъ, отказавшихся отъ личной жизни. Она живетъ только для своей семьи, всегда заботилась и продолжаетъ заботиться объ удобствахъ мужа и хотѣла бы устроить своимъ дочерямъ счастливую жизнь. А сыновья!.. Ея требованія отъ судьбы для нихъ были безграничны, и они едва ли подозрѣвали, цѣной какого ежечаснаго самоотреченія, какихъ жертвъ, какой преданности и желѣзной воли она создавала отрадную обстановку ихъ дѣтства и юности.

Жизнь этой женщины, забывшей о себѣ среди заботъ о семьѣ, полна особой, интимной поэзіи, которая свѣтится въ преждевременно состарившихся чертахъ ея лица, въ грустной улыбкѣ ея свѣтлыхъ глазъ. Заботы и печали утомили ее, но въ душѣ ея живетъ непобѣдимая сила, порожденная сознаніемъ исполненнаго долга, жизни, посвященной другимъ. Напряженность и красота ея внутренняго міра пріобщаютъ ее къ высшимъ типамъ человѣчества.

Каждое простое дѣло ея жизни становится значительнымъ, благодаря ея вдумчивому, любвеобильному отношенію къ окружающему; эта смиренная женщина исполняетъ работы по дому такъ, какъ будто бы она священнодѣйствовала. По утрамъ, когда еще всѣ спятъ въ домѣ, она отправляется за хлѣбомъ. Булочная—это центръ жизни всего квартала, гораздо болѣе, чѣмъ мясная или овощная лавки. Только въ питейныхъ заведеніяхъ

по извѣстнымъ днямъ больше народа, чѣмъ въ булочной; но туда заходятъ уставшіе рабочіе лишь иногда поболтать и выпить лишнюю рюмку по пути домой, — въ булочную же заботливая мать семьи никогда не забудетъ зайти. Ея первая мысль утромъ направлена на то, чтобы купить булку въ четыре фунта, изъ лучшей бѣлой муки, съ хорошо подрумяненной золотистой коркой; такой хлѣбъ въ ея глазахъ лучше всѣхъ пирожныхъ: она бережно несетъ его домой, кладетъ на столъ, и не можетъ достаточно налюбоваться на него.

Она иногда вспоминаетъ о томъ времени, когда ее провожали утромъ въ булочную Юстинъ и Жанъ дѣтьми; они держались за ея передникъ и съ аппетитомъ уплетали хлѣбъ, прибавленный къ большой булкѣ для точнаго вѣса. И тогда, какъ теперь, хлѣбъ казался ей простымъ и поэтичнымъ символомъ жизни. Она выросла въ деревнѣ и помнила видъ полей съ созрѣвшей рожью, жатву, молотьбу, мѣшки съ зерномъ и мукой и веселую суетню, сопровождавшую печеніе хлѣба, а также запахъ свѣжаго хлѣба по всему дому.

Какъ ни грустна жизнь для матери, потерявшей сыновей при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ, она не забываетъ о дѣвочкахъ и старается разнообразить ихъ жизнь развлеченіями, праздниками. Онѣ еще достаточно настрадаются, когда выростутъ, — пусть онѣ повеселятся хоть въ дѣтствѣ.

Съ этой цѣлью празднуются дни рожденія и именины Селины и Сециліи, празднуются Рождество и Новый годъ. Дѣвочкамъ покупаютъ конфеты и какіе-нибудь скромные наряды. Въ концѣ декабря и въ началѣ января, когда во всѣхъ магазинахъ выставляются рождественскіе подарки, ихъ водятъ вечеромъ осматривать витрины. Отецъ и мать умѣютъ доставлять имъ радость подарками и развлекать ихъ, какъ это дѣлали прежде Юстинъ и Жанъ. Отецъ ходитъ передъ Рождествомъ по улицамъ съ веселымъ лицомъ, хотя у него въ карманѣ и дома очень мало денегъ. Онъ ищетъ дешевыхъ подарковъ — въ тринадцать су, не болѣе — для своихъ дѣвочекъ. Его доброта и любовь къ семьѣ особенно ясно обнаруживаются въ эти праздничные дни, когда онъ притворяется веселымъ и счастливымъ. Вчерашнее горе еще далеко не зажило въ его сердцѣ, а мысли его заняты заботами о завтрашнемъ днѣ, но онъ дѣлаетъ усиліе надъ собой и является домой съ радостнымъ видомъ обезпеченнаго человѣка, принесшаго рождественскіе подарки женѣ и дѣтямъ. Онъ открываетъ дверь и смѣется, выгружая свои пакеты, какъ добрый волшебникъ, готовящій нескончаемыя радости своимъ близкимъ.

Завтра—сроки платежей и всяческія заботы. Первое января—веселый праздникъ, но черезъ недѣлю наступитъ восьмое—срокъ платежа за квартиру... Хозяинъ ждать не будетъ. Ну, да чтò горевать объ этомъ прежде времени! Помьè рѣшаетъ забыть на день о всемъ печальномъ и старается привести въ веселое настроеніе духа и свою семью. Разъ навсегда установленная программа требуетъ, чтобы обѣдъ въ день Новаго года былъ болѣе роскошнымъ и чтобы дѣвочки получили подарки: лакомства, заводныя игрушки, куклы. Отецъ свято выполняетъ программу, за что жена благодаритъ его улыбкой. Онъ самъ принимаетъ живое участіе въ радости дѣтей, восхищается вмѣстѣ съ ними деревянной игрушкой со скрытой внутри пружиной, фарфоровой куклой, коробкой конфетъ, пестрыми, мишурными бездѣлушками, купленными за грошъ.

Онъ пользуется праздничнымъ досугомъ также для того, чтобы повести дѣвочекъ смотрѣть на игрушки въ витринахъ дорогихъ магазиновъ. Тамъ выставлены кукольные дома съ роскошной обстановкой; разряженныя въ шолкъ и бархатъ куклы имѣютъ видъ свѣтскихъ дамъ. На нихъ тонкія кружева, мѣха, драгоцѣнные уборы. Онѣ дѣлаютъ визиты другъ дружкѣ, играютъ на рояли, пьютъ чай, сидятъ съ книжками модныхъ романовъ въ рукахъ. Это—аристократки въ мірѣ дѣтскихъ игрушекъ, и когда передъ окнами останавливаются бѣдныя дѣти, можно подумать, что нарядныя куклы глядятъ на нихъ нѣсколько свысока, какъ изящныя дѣвочки смотрятъ въ паркахъ и скверахъ на удивленныя лица нищенокъ, оглядывающихъ ихъ наряды и слѣдящихъ за ихъ изящными играми.

Но дѣти, которымъ не дарятъ этихъ разряженныхъ куколъ съ усовершенствованнымъ механизмомъ, одинаково восторгаются болѣе скромными игрушками. Для того чтобы возбудить интересъ въ дѣтяхъ,—къ какому классу общества они ни принадлежали бы,—не нужно ни сложныхъ механизмовъ, ни игрушекъ изъ дорогого матеріала. Ярко раскрашенная картинка на деревѣ или картонѣ, царскія мантіи изъ дешевой матеріи, фестоны изъ золотой бумаги — этого достаточно для дѣтскихъ взоровъ, любящихъ пестрыя зрѣлища, для неискушенныхъ душъ, питающихся иллюзіями. Поэтому дѣти заглядываются на улицѣ и на дешевыя игрушки, которыя блестятъ какъ золото и брилліанты.

Наплывъ любопытствующихъ замѣчался и на главной улицѣ Менильмонтанскаго квартала въ послѣдній день декабря 1871 года. Тамъ происходилъ рождественскій торгъ. Дѣти выходили изъ школы нѣсколько возбужденными, какъ всегда нака-

нунѣ праздниковъ, останавливались ежеминутно на людной и шумной улицѣ и глядѣли въ нѣмомъ восторгѣ, переходившемъ потомъ въ шумную болтовню, на цѣлый рядъ выставленныхъ чудесъ: на пылающія маленькія свѣчки, на оловянныхъ солдатиковъ, синихъ и красныхъ, на фермы, бѣлые деревянные домики, на лѣса изъ деревьевъ, выкрашенныхъ въ ядовитую зеленую краску, на куколъ и полишинелей,—на весь этотъ фантастическій міръ, заключающій въ себѣ символы природы, славы, красоты и радости.

Если всѣ дѣтскія лица сіяютъ счастьемъ, то нельзя сказать этого про лица уличныхъ торговцевъ. Двое изъ нихъ, мужъ и жена, стоятъ рядомъ на краю тротуара передъ корзиной съ деревянными и картонными игрушками. Долгія недѣли упорнаго труда, безсонныя ночи, проведенныя за работой, воплощены въ этихъ заводныхъ игрушкахъ, разставленныхъ вдоль тротуара на соблазнъ такихъ же бѣдняковъ, какъ и сами торговцы: покупатели обходятъ ряды, сжавъ въ рукѣ деньги, и долго выбираютъ, прежде чѣмъ найдутъ подходящій подарокъ дѣтямъ. Бѣдные продавцы дѣтскихъ радостей! Они хмуро заводятъ самодѣльныя механическія игрушки, мысленно подсчитывая свой скудный дневной заработокъ. У нихъ такой же мрачный и ветхій видъ, какъ у продавщицъ тонкихъ сладкихъ лепешекъ, называемыхъ „радостью". Дѣти, которыя восхищаются игрушками, не задумываясь о томъ, изъ чего и какъ онѣ сдѣланы, еще менѣе обращаютъ вниманія на озабоченныя, печальныя лица владѣльцевъ этихъ сокровищъ.

Сецилія очень любила созерцать весь этотъ игрушечный міръ. Куклы, солдаты, паяцы, звѣринцы и фермы изъ дерева и папки, корабли и пароходы, локомотивы, театры, роскошные салоны, сверкающія кухни, прекрасныя дамы, разливающія чай и предлагающія пирожное гостямъ,—все это безконечно занимало ее. Закутанная въ платки, обутая въ теплыя галоши, она стояла какъ завороженная передъ игрушками, держа за руку Селину, или отца, или мать; сердце ея усиленно билось, и она указывала покраснѣвшимъ отъ холода пальцемъ на разные предметы, называя ихъ задыхающимся голосомъ. Мама не могла отказать ни въ чемъ своей любимицѣ, и Сецилія уходила изъ лавки съ какой-нибудь игрушкой, выкрашенной въ линючія краски, слѣды которыхъ оставались на пальцахъ и губахъ. У Сециліи было цѣлое семейство куколъ; изъ нихъ каждая имѣла свое имя и каждой приписывался особый характеръ. Дѣвочка обзавелась постепенно—какъ бѣдные люди обзаводятся понемногу домашней обстановкой—мебелью для своей кукольной семьи, для ново-

рожденныхъ,—т.-е. только-что полученныхъ въ подарокъ—младенцевъ, и для взрослыхъ дѣвицъ, которыхъ уже нужно выдавать замужъ. Былъ у Сециліи и обѣденный сервизъ изъ фаянсовой и оловянной посуды. Среди этого кукольнаго хозяйства, составлявшаго копію обстановки взрослыхъ людей, у Сециліи имѣлась маленькая лошадка, очень свирѣпая съ виду, выкрашенная въ сизый цвѣтъ, съ прямой гривой и широкими ноздрями. Сецилія очень любила уродливую лошадку—не менѣе, чѣмъ куколъ Лили и Лолоту, чѣмъ полишинеля и паяца. Лошадка называлась Бишонъ, и Сецилія, обнимая ее своими тонкими ручками, называла это почему-то „ѣздить въ омнибусѣ". Дѣвочекъ водили также иногда на гулянья. Ихъ кварталъ понемногу оправлялся отъ опустошенія; минувшія печали забывались, и жизнь входила въ свои права, требуя развлеченій въ свободные часы. Устроивались гулянья съ каруселями и балаганами, и радость дѣвочекъ, когда ихъ водили на эти празднества, заражала и родителей.

Больше всего Селина и Сецилія любили карусели—такія красивыя и соблазнительныя. Быстро кружиться подъ звуки танцевъ—что̀ можетъ быть пріятнѣе? То были карусели изъ настоящихъ деревянныхъ лошадокъ, грубо обтесанныхъ, выкрашенныхъ въ дикую красную краску, съ короткой гривой, выгнутой шеей и подобраннымъ крупомъ, какъ на фризахъ Пареенона. Напрасно потомъ вздумали замѣнить этихъ примитивныхъ коней уродливыми звѣринцами, уступавшими во всемъ прежнимъ наивнымъ скакунамъ: львами, похожими на желтыхъ собакъ, дромадерами, слонами, страусами, казуарами въ блестящихъ сѣдлахъ и стременахъ, драконами, гидрами, всѣми звѣрями Апокалипсиса, извивающимися какъ улитки, въ перемежку съ носилками, гондолами, каретами, парусными лодками подъ занавѣсками съ золотой бахромой и серебряными галунами. Въ серединѣ такого звѣринца помѣщается оркестръ по близости отъ бѣлой лошади съ завязанными глазами, которая приводитъ въ движеніе механизмъ. Куда заманчивѣе были прежнія деревянныя лошадки и шарманка съ ея бурной и въ то же время столь грустной мелодіей! Пріятно было глядѣть на дѣвочекъ, несущихся какъ во снѣ на этихъ сказочныхъ коняхъ куда-то къ невидимой цѣли; платья маленькихъ амазонокъ развѣвались по воздуху, глаза блестѣли; эта бѣшеная скачка по одному и тому же повторяющемуся пути, безъ всякой цѣли впереди, казалась полной символическаго значенія: музыка сопровождала веселымъ ритмомъ начало пути, порывы и надежды; веселые звуки становились потомъ ироническимъ аккомпаниментомъ иллюзій и разочарованій и, на-

конецъ, замирали съ остановкой безцѣльнаго круженія на мѣстѣ. Къ счастью, дѣвочки, несущіяся галопомъ на деревянныхъ лошадкахъ, не думаютъ обо всемъ этомъ. Селина опьянена быстротой движенія. Сецилія закрываетъ глаза, крѣпко держится за шею лошадки и ищетъ глазами отца и мать, стоящихъ поодаль. Дѣвочки возвращаются домой уставшія, но веселыя и счастливыя, и сейчасъ же засыпаютъ.

Потомъ наступаютъ весенніе дни, приходитъ Пасха—праздникъ радости, колокольнаго звона, возрожденія природы, солнечнаго свѣта. Послѣ мрака страстной недѣли, траурнаго убранства церквей въ страстную пятницу, темноты, прорѣзанной огоньками свѣчей, пасхальное воскресенье кажется ослѣпительнымъ праздникомъ свѣта: двери церквей раскрываются настежъ; свѣтъ вливается широкими волнами, озаряя цвѣтныя стекла оконъ; полные звуки органа славятъ Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ. Это — праздникъ воскресшей плоти, обновленныхъ надеждъ. Отправляясь въ церковь, женщины надѣваютъ новыя платья и шляпки. И въ домахъ послѣ рыбной пищи послѣдней недѣли поста снова появляется на столѣ жаркое, дымящееся въ кровавомъ соку. Всѣхъ охватываетъ чувство обновленія, всѣ рады концу поста, воздержанія, похоронной музыки.

Пасха—начало прогулокъ за городъ. Всѣ начинаютъ справляться о часахъ отхода поѣздовъ, говорятъ о завтракахъ подъ открытымъ небомъ, о яичницѣ, рагу и красномъ винѣ. Воспоминанія о прежнихъ прогулкахъ занимаютъ мысли рабочихъ, родители которыхъ тоже въ свое время спѣшили въ свободные часы подышать свѣжимъ воздухомъ и насладиться видомъ зелени. Наслѣдственная любовь парижанина къ загороднымъ прогулкамъ проявляется особенно тогда, когда въ лѣсахъ созрѣваетъ земляника и цвѣтутъ ландыши. Небо тогда блѣдно-голубое, солнце такое ласковое, въ сердцахъ оживаютъ надежды; всѣмъ хочется гулять, праздновать возвращеніе тепла. Взрослыя дѣвушки мечтаютъ о любви, о танцахъ, о прогулкахъ вдвоемъ. Дѣвочки поютъ пѣсни и танцуютъ, держась за руки.

Въ понедѣльникъ на святой Помьé ведетъ жену и дочерей на балаганы въ предмѣстьи Saint-Antoine. Рѣшено пообѣдать тамъ же въ скромномъ кабачкѣ и вечеромъ пойти на гулянье. Селина радостно хлопаетъ въ ладоши, Сецилія смѣется; она тоже очень довольна. Мать запираетъ на ключъ квартиру, и всѣ отправляются на прогулку.

Они приходятъ на гулянье еще засвѣтло. Публики пока мало. Только мѣстные обыватели, вышедшіе погулять мелкіе рантьé

ходятъ вокругъ запертыхъ балагановъ и открытыхъ сценъ. Семейство Помьé наблюдаетъ интересное для нихъ зрѣлище: закулисную жизнь балаганныхъ актеровъ и цирковыхъ „этуалей". Большія зеленыя телѣги, кочевыя кибитки изъ двухъ половинъ стоятъ на покоѣ за полотняными или дощатыми балаганами; тощія лошади отдыхаютъ, лежа на голой землѣ. Мужчины заняты на сценѣ, устанавливаютъ декораціи или обучаютъ гимнастикѣ дѣтей, выворачивая имъ члены на всяческіе лады. Женщины въ короткихъ юбкахъ, расшитыхъ блестками, варятъ обѣдъ.

Вечеромъ, пообѣдавъ въ кабачкѣ, Помьé возвращаются на гулянье и уже застаютъ тамъ большую толпу; она наполняетъ театры и танцовальныя залы, тѣснится около гадалокъ, катается на каруселяхъ. Старый рабочій кварталъ полонъ шумнаго веселья. Запахъ медовыхъ пряниковъ носится по воздуху. Въ маленькихъ лавочкахъ разложены рядами пряники съ миндалемъ и пестрые длинные леденцы. Прилавки украшены блестящими шарами, въ которыхъ отражается толпа въ смѣшномъ миніатюрномъ видѣ, фестонами изъ красной и золотой бумаги. Маріонетки, разставленныя для стрѣльбы въ цѣль, привлекаютъ вниманіе прохожихъ и вызываютъ ихъ шутки своими костюмами монаховъ, судей, военныхъ, священниковъ.

— Вотъ живые кролики!—восклицаетъ Селина.

Бѣдные испуганные звѣрки неподвижно сидятъ на столахъ, мечтая о травкѣ родного луга; подлѣ нихъ вертится колесо лотереи, которое должно рѣшить ихъ участь. Передъ балаганами бьютъ въ барабанъ и въ литавры, трубятъ въ трубы, собирая публику. Танцуютъ ученыя собачки; шуты непрерывно потѣшаютъ народъ каламбурами, потомъ вдругъ на публику наводятъ свѣтъ, вызывая дружный смѣхъ. Но, вотъ, объявляютъ о началѣ представленія, и публика спѣшитъ занять мѣста въ залѣ; первыя мѣста, отдѣленныя отъ вторыхъ веревкой, освѣщены маленькими лампочками; вторыя, въ глубинѣ залы, погружены въ полный мракъ. Тамъ смутно мелькаютъ блѣдныя и розовыя лица, темные или свѣтлые волосы, свѣтлыя шляпы, блескъ золотыхъ брошекъ и сережекъ. Публика перекликается, подпѣваетъ оркестру, играетъ на дудкахъ, пускаетъ въ ходъ трещотки. На сценѣ идутъ драмы, водевили, оперы—каждая пьеса разыгрывается въ полчаса, и публика вставляетъ свои замѣчанія во время представленія, вмѣшиваясь въ дѣйствіе на подобіе античнаго хора.

Помьé ведетъ свою семью на представленіе „Женевьевы Брабантской", а потомъ—„Сороки-воровки". Дѣвочки чувствуютъ

себя перенесенными въ какой-то волшебный міръ, дрожатъ при появленіи злодѣя Голо, апплодируютъ, когда обнаруживается невинность служанки. Лѣтомъ Помьé уѣзжаютъ по воскресеньямъ за фортификаціи, взявъ съ собой корзинку съ провизіей, садятся прямо на землю, глядятъ на разстилающіеся передъ ними пустыри, заваленные мусоромъ, потомъ идутъ дальше, заходятъ выпить вина, любуются загородными домиками съ птичьимъ дворомъ, съ садикомъ, гдѣ по срединѣ стоитъ блестящій шаръ, отражающій подсолнечники, проходятъ мимо фабрикъ, мимо шумныхъ трактировъ, изъ которыхъ выходятъ шайки подозрительныхъ лицъ.

Разъ отецъ устроилъ большую экскурсію. „Мы поѣдемъ въ Венсень“,—сказалъ онъ. Рѣшено взять съ собой завтракъ и обѣдъ и провести весь день, съ утра и до самаго вечера, въ лѣсу, на травѣ. Согласились поѣхать въ понедѣльникъ, когда отецъ не былъ занятъ работой. Венсенскій лѣсъ—излюбленное мѣсто прогулокъ трудового люда по воскресеньямъ и понедѣльникамъ, послѣ упорнаго труда цѣлой недѣли.

Поѣздъ желѣзной дороги довозитъ Помьé и его семью въ Венсенъ и высаживаетъ ихъ вмѣстѣ съ многочисленными другими пассажирами неподалеку отъ увеселительныхъ заведеній противъ тюрьмы. Оттуда они идутъ пѣшкомъ; отецъ несетъ корзину съ провизіей. Селина и Сецилія смѣются и болтаютъ. Особенно далеко идти нѣтъ надобности. Вблизи крѣпости разстилается лужайка съ нѣсколькими тощими деревьями, у корней которыхъ ростутъ полевые цвѣты; этого достаточно, чтобы усѣсться въ кругъ и завтракать. На травѣ еще остались слѣды чужого завтрака: пустая бутылка, кости, пропитанныя жиромъ бумажки. Издали видны другія группы: влюбленныя парочки сидятъ въ сторонѣ отъ всѣхъ; семьи завтракаютъ, пьютъ вино, перебрасываются хлѣбными шариками, напѣваютъ романсы. Сквозь зелень деревьевъ мелькаютъ красныя панталоны, бѣлыя перчатки и плюмажи артиллеристовъ. Воздухъ полонъ чириканьемъ воробьевъ.

— Селина, гдѣ ты?—кричитъ отецъ.—Иди сюда, озорница, или я самъ пойду за тобой!

Селина что-то напѣваетъ, дѣлаетъ видъ, что возвращается, но опять исчезаетъ куда-то.

— Да иди же сюда скорѣе, не то влетитъ тебѣ!

— Говори съ нею помягче!—проситъ мать.

— Селина!—зоветъ Сецилія ласковымъ голосомъ.

Но Селина возвращается только тогда, когда отецъ подни-

мается съ угрожающимъ жестомъ; она ходила по дорожкамъ у ручья, гдѣ расположились группы странныхъ, подозрительныхъ молодыхъ людей, съ блѣдными толстыми лицами и слишкомъ напомаженными волосами; они лежатъ на травѣ и курятъ папиросы.

— Эй, дѣвочка!—зоветъ ее одинъ.

— Ты ничего... ты мнѣ нравишься,—говоритъ ей съ улыбкой другой.

— Смазливая мордочка,—восхищается третій.

Селина кокетливо улыбается, срываетъ вѣтки съ кустарниковъ и подноситъ ко рту, кусая ихъ своими хорошенькими бѣлыми зубками. Видя, что ею восхищаются, она охорашивается и кокетничаетъ съ этими подонками парижскаго населенія, юношами въ слишкомъ короткихъ курткахъ, узкихъ панталонахъ, цвѣтныхъ рубашкахъ, съ кольцами на всѣхъ пальцахъ, въ фуражкахъ на-бекрень,—костюмѣ, свидѣтельствующемъ объ ихъ лѣни и распущенности.

Отецъ уводитъ дѣвочку, наказывая ее шлепками за непослушаніе. За его спиной слышны циничныя замѣчанія и дерзкій смѣхъ.

— Вотъ видишь,—говоритъ отецъ, нѣсколько дней спустя,— въ Венсенскомъ лѣсу совершено было преступленіе. Негодяи въ родѣ тѣхъ, которыхъ мы встрѣтили въ прошлое воскресенье, напали толпой въ четырнадцать человѣкъ на несчастную женщину, уличную торговку, связали ее, избили и потомъ убѣжали, поджегши ея платье. Она теперь умираетъ въ больницѣ. Видишь, Селина, до чего нужно быть осторожной!.. Девять человѣкъ уже арестовано.

— Мы больше не поѣдемъ туда,—говоритъ мать.

Селина разсѣянно выслушиваетъ все это. Она не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что̀ собственно произошло,—воображеніе не рисуетъ ей никакихъ о̀бразовъ. Во всякомъ случаѣ она увѣрена, что съ нею ничего подобнаго не случилось бы,—что никто не захотѣлъ бы причинить ей зло.

Сецилія, напротивъ того, угадываетъ своимъ чуткимъ воображеніемъ, что много злого таится за красивой декораціей города и лѣса. Она не вполнѣ понимаетъ изъ словъ отца, что̀ собственно произошло въ Венсенскомъ лѣсу; для нея ясно только, что случилось нѣчто ужасное, что никто не явился на помощь несчастной торговкѣ и что негодяи, напавшіе на нее, поступили съ нею страшно жестоко.

Съ этихъ поръ Помье́ перестали ѣздить въ Венсенъ. Мать

предпочитала болѣе далекое путешествіе въ Андильи, гдѣ состарившаяся тетка всегда очень радушно принимала ихъ.

— Здѣсь настоящая деревня! — восхищался отецъ.—Жаль только, что вино очень кислое.

Ему доставляли истинное наслажденіе прогулки въ обществѣ жены и двухъ дѣвочекъ по дорогѣ, залитой солнцемъ, по огромному парку, въ которомъ водились фазаны и козы, по лѣсу, откуда они возвращались съ большой корзинкой свѣжей, душистой земляники и съ букетами ландышей.

Они ѣздили въ Андильи нѣсколько разъ осенью, любовались золотистой листвой парка и вдыхали бодрящій свѣжій воздухъ, побывали тамъ еще разъ зимой—и уже болѣе не возвращались: старая тетя умерла, завѣщавъ семейству Помьѐ все свое состояніе—тысячу франковъ.

Въ этотъ годъ Селину отдали въ ученье къ портнихѣ, а Сецилія стала ходить въ школу. Это было для нея очень важнымъ событіемъ. Мать ей много разъ говорила, что прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ въ школѣ она можетъ обезпечить себѣ нѣкоторый достатокъ на будущее. Если она будетъ хорошо учиться, говорила мать, она сможетъ быть кассиршей, конторщицей и вообще образованной молодой дѣвушкой, которую всѣ будутъ уважать. У дѣвочки создалось со словъ матери убѣжденіе, что блестящая будущность и положеніе въ свѣтѣ принадлежатъ тѣмъ, которые были прилежны и послушны въ школѣ. Поэтому Сецилія серьезно берется за работу съ самаго дня поступленія въ школу. Ни смѣха, ни лишнихъ разговоровъ она не разрѣшаетъ себѣ. Всѣ мысли ея направлены на выполненіе школьныхъ обязанностей, и она становится одной изъ лучшихъ ученицъ. Способности у нея хорошія; читать и писать она научилась очень легко, и теперь напрягаетъ всѣ свои умственныя силы, чтобы преуспѣть во всемъ остальномъ. Она учитъ наизусть странныя исторіи, смыслъ которыхъ понимаетъ лишь смутно, ломаетъ себѣ голову, чтобы сложить, вычесть или раздѣлить тысячу кулей муки, проданныхъ купцу, обмѣненныхъ съ фермеромъ за масло на ту же сумму денегъ, и т. д. Всѣ эти задачи кажутся ей чрезвычайно важными; стремленіе быть первой въ классѣ и получать какъ можно больше наградъ и хорошихъ балловъ измѣнили характеръ дѣвочки: она никогда не показываетъ ничего, не помогаетъ своимъ подругамъ; ее не трогаетъ, какъ прежде, малѣйшее горе другихъ,—она занята жизненной борьбой и хочетъ выйти изъ нея побѣдительницей.

Она напрягаетъ съ этой цѣлью свою память, стараясь за-

помнить исторіи всѣхъ войнъ, знать всѣ историческія даты, которыя считаетъ необходимыми для обезпеченія своей будущности. Ариѳметика становится для нея какимъ-то кошмаромъ: милліоны и милліарды, которые она подсчитываетъ у себя въ тетрадкѣ, мучатъ ее потомъ во снѣ; она ищетъ среди всѣхъ этихъ нулей „точнаго рѣшенія“, требуемаго школьной учительницей.

Сецилія возвращается однажды къ обѣду вся въ слезахъ: она не получила награды за сочиненіе. Задано было описать день въ деревнѣ, и Сецилія просто разсказала объ одной изъ своихъ прогулокъ за городъ. Всѣ высмѣяли ее за то, что она не поняла заданной темы, и награда досталась другой дѣвочкѣ, которая описывала въ своемъ сочиненіи танцы поселянъ передъ зàмкомъ и знатную владѣлицу зàмка, раздающую пирожныя деревенскимъ жителямъ.

Сецилія была очень огорчена своей неудачей—несправедливой по ея мнѣнію—и даже нѣсколько разочаровалась въ школѣ; но окончательнаго мнѣнія на этотъ счетъ она не успѣла себѣ составить, потому что обученіе ея не долго длилось. Она вынесла, однако, изъ своего школьнаго пребыванія нѣчто очень существенное—любовь къ чтенію, способствовавшую дальнѣйшему развитію ея яснаго отъ природы ума и ея чуткому пониманію жизни. Въ этомъ заключалась намѣчавшаяся уже въ раннемъ возрастѣ разница между двумя сестрами. Селина, хотя ей уже четырнадцать лѣтъ, ничего не видитъ, не слышитъ, не понимаетъ. Она научится шить, отдѣлывать корсажи—и больше ничего. Истинную науку жизни пройдетъ не она, а ея младшая сестра, которой теперь всего девять лѣтъ. Сецилія умѣетъ все замѣчать, запоминать и входить въ близкое соприкосновеніе со всѣмъ, что ее окружаетъ.

По вечерамъ мать, отецъ и дѣвочки собираются, какъ въ прежнее время, вокругъ лампы, и тогда особенно замѣтно отсутствіе старшихъ сыновей. Семья сдѣлалась такой маленькой!

— Конечно, Юстинъ и Жанъ женились бы и покинули насъ, —говоритъ мать.—Но еслибы жены у нихъ были хорошія, мы бы постоянно видались, собирались бы то у нихъ, то у насъ; у нихъ были бы дѣти...

Она умолкала, думая о томъ, какъ бы это было хорошо для отца. Онъ бы не засиживался по субботамъ въ кабакѣ, оставляя тамъ часть полученныхъ за работу денегъ. И дѣвочкамъ было бы лучше: онѣ вполнѣ пріучились бы къ семейной жизни, нянчились бы съ маленькими племянниками и племянницами и научи-

лись бы семейнымъ обязанностямъ на примѣрѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ.

— Но что же дѣлать! — продолжала она вслухъ, переходя отъ мечтаній къ дѣйствительности: — прошлаго не воскресишь; то, что умерло, не вернется... Грѣхъ жаловаться на судьбу—мы вѣдь все-таки кое-какъ да живемъ!

Она подумала о другихъ; всѣ, кого она знала, пережили такія же испытанія, какъ и она. Сколько матерей потеряли своихъ сыновей, сколько женъ потеряли мужей во время осады и коммуны! Вотъ тотъ молодой человѣкъ, который жилъ вмѣстѣ съ ними недѣлю въ погребѣ, былъ разстрѣлянъ при вступленіи войскъ; онъ былъ солдатъ и отказался идти противъ коммуны. У женщины, которая живетъ насупротивъ, мужъ и два сына убиты въ одной изъ часовенъ на Père-Lachaise,—можетъ быть, вмѣстѣ съ Жаномъ... И такихъ случаевъ она знаетъ безъ конца! Во всѣхъ домахъ на ихъ улицѣ оплакиваютъ утрату кого-нибудь изъ близкихъ. У нѣкоторыхъ женщинъ мужья и сыновья не убиты, но все равно потеряны для семьи, отправлены въ Каледонію, куда нужно плыть три мѣсяца, или же они въ изгнаніи, въ Лондонѣ, въ Брюсселѣ, въ Женевѣ. Это уже считается счастьемъ. Если бы Юстинъ и Жанъ попали за границу, они бы навѣрное выписали къ себѣ отца, мать и сестеръ. Вся семья устроилась бы на чужбинѣ, работала бы и была бы счастлива. А можетъ быть, когда-нибудь можно было бы вернуться во Францію —но только не въ Парижъ, страшный городъ нужды и преступленій, губящій людей всѣми способами — и непосильнымъ трудомъ, и отравой мятежныхъ страстей...

Съ франц. З. В.

КООПЕРАТИВНОЕ ПРОИЗВ(

и

ЕГО БУДУЩЕЕ

I.

Производительными товариществами называють союзы людей одной и той же профессіи,—напр., портныхъ, сапожник совыхъ дѣлъ мастеровъ,—имѣющихъ цѣлью работать со общими орудіями и подъ избраннымъ самими ими же р тельствомъ. Члены производительнаго товарищества с работать въ собственной мастерской, чтобы не идти і принимателю. При этомъ они, конечно, надѣются удер собою прибыль, которую обыкновенно получаетъ предп тель. Производительное товарищество также нуждаетс ректорѣ, являющемся его руководителемъ и представите жалованье ему не поглощаетъ всей прибыли товар Остальная, большая часть прибыли распредѣляется слѣ образомъ: одна часть идетъ на образованіе резервнаг который является недѣлимымъ и неприкосновеннымъ ка товарищества и въ коллективное владѣніе которымъ в всѣ старые и новые члены; вторая часть достается і т.-е. акціямъ, пріобрѣтеннымъ членами, путемъ денежн совъ; наконецъ, третья часть распредѣляется между чле образно ихъ заработкамъ, такъ что „кооперативные" ра лучають за свой трудъ больше того, что дается въ предпріятіяхъ.

Вотъ въ немногихъ словахъ сущность организаціи

дительныхъ товариществъ, являющейся противоположностью организаціи производительныхъ отдѣленій потребительныхъ обществъ.

Производительныя отдѣленія потребительнаго общества,—напримѣръ, огромная сапожная фабрика шотландскаго союза потребительныхъ обществъ, находящаяся въ Шильдголлѣ около Гласго,—не принадлежитъ рабочимъ, занятымъ на этой фабрикѣ, и не содержится на ихъ счетъ. Напротивъ, она принадлежитъ потребительному обществу, союзу потребителей и содержится на ихъ средства. Сообразно съ этимъ, всѣ производимые фабрикой товары принадлежатъ потребительному обществу. Рабочимъ не приходится продавать товаръ,—они скорѣе продаютъ свой трудъ или рабочую силу. Съ ними обходятся, по крайней мѣрѣ внѣшне, такъ же, какъ съ рабочими частнаго предпріятія,—напримѣръ, акціонерной компаніи. Они не работаютъ подъ наблюденіемъ избраннаго ими самими правленія. Собственникъ предпріятія, потребительное общество, назначаетъ имъ директоровъ и мастеровъ, и они получаютъ обычную плату. Рабочіе сапожной фабрики въ Шильдголлѣ, напримѣръ, получаютъ плату, сообща установленную профессіональнымъ союзомъ сапожниковъ и союзомъ сапожныхъ фабрикантовъ. Такимъ образомъ, при производствѣ потребительными обществами прибыль, получаемая отъ устраненія частнаго предпринимателя, достается не рабочимъ производительнаго отдѣленія, а потребителямъ производимыхъ продуктовъ. Эта прибыль распредѣляется между послѣдними въ формѣ потребительскаго дивиденда. Извѣстно, что англійскія потребительныя общества продаютъ по мѣстнымъ цѣнамъ отчасти, чтобы не очень раздражать лавочниковъ, а главнымъ образомъ потому, что продажа каждаго предмета по собственной цѣнѣ требуетъ сложныхъ вычисленій. Продажа по своей цѣнѣ косвенно достигается тѣмъ, что чистая прибыль возвращается потребителямъ пропорціонально ихъ закупкамъ. Ясно, что величина потребительскаго дивиденда зависитъ отъ того, что потребительное общество или союзъ потребительныхъ обществъ не покупаетъ или мало покупаетъ товаровъ у фабрикантовъ, а производитъ ихъ на своихъ хорошо поставленныхъ фабрикахъ. При производствѣ потребительными обществами стоимость товаровъ уменьшается двоякимъ образомъ. Товаръ освобождается не только отъ наложенія коммерческой, но и предпринимательской прибыли. Цѣны уже не заключаютъ въ себѣ прибылей розничныхъ торговцевъ, оптовыхъ коммерсантовъ и фабрикантовъ. Англійскія потребительныя общества выдаютъ потребителямъ, въ среднемъ, на 4—5% дивиденда больше, чѣмъ потребительныя

общества континента, и это почти всецѣло благодаря значительнымъ размѣрамъ собственнаго производства.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что противоположность между производительнымъ товариществомъ и производительнымъ отдѣленіемъ потребительнаго общества огромна. Передъ нами два конкуррирующихъ принципа соціальной реформы. Перейдемъ теперь къ изложенію того, какъ производство потребительныхъ обществъ сказалось болѣе жизненнымъ и побѣдоноснымъ принципомъ.

II.

Идея производительныхъ товариществъ впервые была практически проведена во Франціи. Профессоръ Бюше, бывшій въ 1848 году президентомъ французскаго національнаго собранія, еще при Луи-Филиппѣ, въ тридцатыхъ годахъ, пропагандировалъ среди парижскихъ ремесленниковъ производительныя товарищества. Послѣднія размножились при второй республикѣ, но потомъ вскорѣ опять исчезли, отчасти благодаря дурному отношенію правительства, во главѣ котораго стоялъ Луи-Наполеонъ, впослѣдствіи императоръ. Во время непродолжительнаго цвѣтущаго состоянія французскихъ производительныхъ товариществъ, въ Парижъ пріѣхалъ одинъ англичанинъ съ цѣлью перенести идею соціальной реформы къ себѣ на родину. Это былъ Лэдлоу, членъ клуба „христіанскихъ соціалистовъ", учрежденнаго духовными и аристократами. Возвратившись изъ Парижа въ Лондонъ, Лэдлоу сдѣлалъ докладъ о французскихъ производительныхъ товариществахъ въ кругу своихъ друзей. Послѣднимъ показалось, что они открыли панацею отъ всѣхъ соціальныхъ золъ, и рѣшили тотчасъ приняться за насажденіе производительныхъ товариществъ. При этомъ они не ограничивались словами, а пустили въ ходъ и деньги. Они два раза принимались за распространеніе производительныхъ товариществъ: первый разъ въ началѣ пятидесятыхъ, а второй разъ въ шестидесятыхъ годахъ. На югѣ Англіи ими были учреждены производительныя товарищества, состоящія изъ ремесленниковъ, а на сѣверѣ—фабрики, напримѣръ бумагопрядильня на кооперативныхъ началахъ. Энергичные рабочіе сѣвера Англіи и самостоятельно старались провести идею коопераціи въ жизнь. Какъ въ пятидесятыхъ, такъ и въ шестидесятыхъ годахъ возникали по иниціативѣ самихъ рабочихъ производительныя товарищества, въ особенности заводы для приготовленія инструментовъ и машинъ. Въ этихъ

предпріятіяхъ принимали участіе, путемъ крупныхъ вкладовъ, англійскіе профессіональные союзы, а именно профессіональный союзъ машиностроительныхъ рабочихъ. Однако, всѣ филантропическія жертвы важныхъ покровителей и вся энергія и организаторская школа рабочихъ сѣвера Англіи не могли предотвратить неудачи производительно-кооперативнаго движенія. Правда, тамъ и самъ можно прочесть о томъ, какъ въ центрѣ англійской хлопчатобумажной промышленности, въ графствѣ Ланкаширъ, кооперативныя бумагопрядильныя фабрики быстро развились и играютъ теперь значительную роль. Благодаря имъ, въ семидесятыхъ годахъ, когда угрожала иностранная конкурренція, англійская хлопчатобумажная промышленность снова получила рѣшительный перевѣсъ надъ заграничной: кооперативныя бумагопрядильни ввели новыя машины и усовершенствовали организацію производства. Эти факты неоспоримы; жаль только, что названныя фабрики—кооперацiи лишь по имени; въ дѣйствительности, онѣ не что иное какъ акціонерныя компаніи, хотя и особаго рода. Во-первыхъ, стоимость акцій необычайно низка, отъ одного до восьми фунтовъ стерлинговъ, и во-вторыхъ, на общихъ собраніяхъ акціонеровъ соблюдается принципъ: одинъ человѣкъ долженъ обладать правомъ только одного голоса, между тѣмъ какъ въ обыкновенныхъ акціонерныхъ компаніяхъ каждая акція даетъ право голоса, такъ что владѣющій многими акціями имѣетъ и нѣсколько голосовъ. Сообразно съ этимъ, крупный капиталъ держитъ себя вдали отъ этихъ бумагопрядиленъ. Акціи большею частью находятся въ рукахъ рабочихъ. Но не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы рабочіе приведенныхъ фабрикъ пользовались самоуправленіемъ. Фабрика управляется правленіемъ, выбраннымъ общимъ собраніемъ, и дирекціей, избранной или правленіемъ, или общимъ собраніемъ. Самоуправленія рабочихъ настолько страшатся, что лишаютъ членскихъ правъ въ общемъ собраніи акціонера, когда онъ поступаетъ на свою фабрику въ качествѣ рабочаго. Поэтому ланкаширскіе рабочіе нарочно избѣгаютъ работы на фабрикѣ, акціонерами которой состоятъ. Прибыль, получаемая этими „кооперативными“ бумагопрядильнями, достается не занятымъ на нихъ рабочимъ, а акціямъ, курсъ которыхъ повышается и понижается въ зависимости отъ хода дѣлъ. Акціонеры-рабочіе не устояли даже противъ соблазна спекулировать на повышеніе и пониженіе своихъ бумагъ. Нѣкоторые, посѣщаемые рабочими, трактиры въ Вольдгемѣ превратились, какъ говорятъ, въ маленькія биржи. Конечно, нельзя привѣтствовать такой поворотъ вещей. Привлеченіе рабочихъ

къ участію въ прибыляхъ практиковалось недолго. Прядильщики попросту получаютъ обычную нормальную плату, совмѣстно установленную профессіональными союзами бумагопрядильщиковъ и фабрикантовъ. Заработная плата, конечно, высока, ибо рабочимъ сѣвера Англіи удалось создать удивительно хорошо функціонирующіе профессіональные союзы. Тѣмъ не менѣе, привыкшимъ къ организаціи рабочимъ не удалось осуществить идеи производительнаго товарищества въ ея первоначальной чистотѣ. Ихъ „кооперативныя" фабрики уцѣлѣли потому, что измѣнили кооперативнымъ принципамъ.

Иначе выродились южно-англійскія и французскія производительныя товарищества, образованныя ремесленниками. Когда дѣла какого-нибудь изъ названныхъ товариществъ шли хорошо, члены замыкали его, т.-е. принимали новыхъ рабочихъ не какъ равноправныхъ членовъ, а какъ наемныхъ, становясь такимъ образомъ ихъ хозяевами. Нельзя даже сказать, чтобы они всегда являлись благородными работодателями,—иногда они эксплоатировали своихъ сотоварищей, также какъ цеховые мастера—своихъ подмастерьевъ.

Вырожденіе, постигшее производительныя товарищества, отчасти было вырожденіемъ очень плохого рода. Впрочемъ, такая участь постигла только незначительное количество ихъ. Бо̀льшую часть производительныхъ товариществъ ожидала еще болѣе печальная участь. Много погибло ремесленныхъ товариществъ въ южной Англіи, столько же кооперативныхъ фабрикъ въ сѣверной Англіи. При этомъ отъ одной такой фабрики, основанной христіанскими соціалистами на правильныхъ кооперативныхъ началахъ, матеріально много потерялъ Эдуардъ Ванситартъ Нилъ, герой коопераціи [1]), а соединенному обществу машиностроителей подобные же эксперименты, но только съ заводами для постройки машинъ, обошлись почти въ милліонъ рублей.

При внимательномъ наблюденіи, неуспѣхи производительныхъ товариществъ ничуть не должны удивлять. Имъ недоставало необходимыхъ условій коммерческаго преуспѣянія. Они не обладали ни достаточной дисциплиной для рабочихъ, ни достаточнымъ капиталомъ, ни сбытомъ для своихъ продуктовъ. Индустрія, подобно военной службѣ, требуетъ строгаго руководительства сверху и внимательной исполнительности снизу. Одинъ англійскій политико-экономъ увѣрялъ даже, что дисциплина на бумагопрядильной фабрикѣ превосходитъ дисциплину пѣхотнаго полка. Ясно,

---

[1]) S. Gurney. Sixty years of co-operation. London, 1902, стр. 5.

что тамъ, гдѣ директора и мастера будутъ бояться, что ихъ забаллотируютъ рабочіе, уволенные за лѣнь, не можетъ быть дисциплины. Въ виду этого бывали случаи, когда директоръ того или другого англійскаго производительнаго общества заставлялъ выбирать себя пожизненно. Кромѣ дисциплины, производительнымъ обществамъ недоставало и матеріальныхъ средствъ. Деньги, собранныя рабочими, учреждающими коопераціи, не давали образоваться на ряду съ постояннымъ капиталомъ капиталу оборотному. Наконецъ, и сбытъ бывалъ плохъ. Кооператоры часто вербовались среди хорошо обученныхъ и опытныхъ рабочихъ, но у нихъ не было коммерческихъ связей и ловкости завязать ихъ. Даже псевдо-коопераціи Ланкашира не осмѣлились взяться за ткацкое производство, такъ какъ оно разсчитано на отдаленные рынки и зависитъ отъ погоды и измѣненій моды. Онѣ ограничиваются прядильнями, сбывающими свой товаръ сосѣднимъ ткацкимъ фабрикамъ.

III.

Такова печальная исторія производительныхъ обществъ. Исторія потребительныхъ обществъ совсѣмъ не походитъ на нее. Потребительныя общества Англіи и Шотландіи уже съ давнихъ поръ идутъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ впередъ. Потребительныя общества появились въ Англіи очень рано. Первыя англійскія потребительныя общества сразу открыли производительныя отдѣленія. Когда въ концѣ восемнадцатаго или въ началѣ девятнадцатаго столѣтій мельники стали заниматься повышеніемъ цѣнъ и фальсификаціей, обученные рабочіе портовыхъ англійскихъ городовъ принялись за устройство собственныхъ мельницъ, приготовлявшихъ муку для членовъ общества. Интересно констатировать, что и въ Швейцаріи одно изъ первыхъ потребительныхъ обществъ имѣло въ серединѣ сороковыхъ годовъ въ Женевѣ собственную мельницу. Мельницы англійскихъ потребительныхъ обществъ покоились на прочныхъ основаніяхъ. Часть ихъ пережила даже кооперативный кризисъ тридцатыхъ годовъ, уничтожившій потребительныя лавки, возникшія въ двадцатыхъ годахъ. Кризисъ произошелъ отчасти отъ недостатка внутренней организаціи потребительныхъ обществъ, отчасти отъ того, что вниманіе рабочихъ было привлечено сильно развивавшимся профессіональнымъ движеніемъ, а затѣмъ политическимъ движеніемъ, т.-е. чартизмомъ.

Въ 1844 году кооперативное движеніе началось снова. Въ

декабрѣ приведеннаго года въ Рочделѣ 28 знаменитыхъ ткачей открыли кооперативную торговлю. Организація ихъ потребительнаго общества отличалась отъ старой тѣмъ, что они распредѣляли чистую прибыль не пропорціонально паямъ, а пропорціонально закупкамъ членовъ. Это незначительное съ перваго взгляда нововведеніе оказалось крайне благодѣтельнымъ. Оно было яйцомъ Колумба въ проблемѣ кооперативной организаціи. Распредѣленіе чистой прибыли сообразно величинѣ вложеннаго каждымъ капитала таило въ себѣ зародышъ капиталистическаго вырожденія, зародышъ противоположности интересовъ. Наоборотъ, новый способъ распредѣленія прибыли придалъ потребительнымъ обществамъ притягательную силу. Благодаря ему, число членовъ потребительныхъ обществъ стало быстро увеличиваться, отдѣльныя же общества одного и того же города стали соединяться въ одно [1]). Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ уже существовали сотни потребительныхъ обществъ рочдельскаго образца. Онѣ стали также распространяться вокругъ Гласго въ Шотландіи. Въ 1863 году англійскія потребительныя общества соединились въ одинъ большой союзъ, союзъ для оптовыхъ операцій, чтобы такимъ путемъ закупать часть товаровъ en gros. То же самое сдѣлали шотландцы въ 1863 году. Производство тоже было уже начато. Первымъ долгомъ взялись опять-таки за мукомольное дѣло. Кооперативными мельницами обладаютъ теперь отдѣльныя потребительныя общества, небольшіе союзы потребительныхъ обществъ и оба большихъ союза для оптовыхъ операцій. На ряду съ мукомольнымъ дѣломъ заведены и другія отрасли производства: бумагопрядильное дѣло, приготовленіе мыла, консервовъ, какао, одежды, обуви и т. д. Число рабочихъ и служащихъ, занятыхъ въ производствѣ, какъ отдѣльныхъ потребительныхъ обществъ, такъ и ихъ союзовъ, превосходитъ 38.000 [2]).

Подъ вліяніемъ христіанскихъ соціалистовъ, оказавшихъ большія услуги также и потребительнымъ обществамъ, послѣднія долго носились съ мыслью привлечь къ участію въ прибыляхъ рабочихъ, занятыхъ въ производительныхъ отдѣленіяхъ и на фабрикахъ. Прибыль вычислялась слѣдующимъ образомъ. Напримѣръ, для опредѣленія прибыли, которая должна быть получена шотландскимъ оптовымъ союзомъ отъ сапожной фабрики въ Шильдголлѣ, нужно было вычислить сумму, которую дали бы частные пред-

---

[1]) I. Bösch. Produktiv-Genossenschaft und produzirende Genossenschaft. Vortrag. Winterthur, 1900, стр. 7.

[2]) Wochen-Bericht der Grosseinkaufs-Gesellschaft deutscher Consumvereine. № 48 29 November 1902.

приниматели при оптовой закупкѣ продуктовъ этой сапожной фабрики. Часть этой прибыли должна была достаться рабочимъ упомянутой фабрики. Такъ разсуждали христіанскіе соціалисты. Однако, англійскія потребительныя общества не осуществили этой идеи; шотландцы также отклонились отъ нея. Потребительныя общества поступаютъ иначе и не хуже. Ихъ рабочіе получаютъ нормальную заработную плату, установленную профессіональными союзами; если же они хотятъ принимать участіе въ прибыли, то должны сдѣлаться членами потребительнаго общества путемъ внесенія одного шиллинга. Тогда они получаютъ право на дивиденды, изъ которыхъ вычитаютъ сначала сумму ихъ пая, а затѣмъ они получаютъ ихъ на руки наличными. Поступая такимъ образомъ, потребительныя общества увеличиваютъ количество своихъ членовъ.

Постоянный матеріальный успѣхъ производства потребительныхъ обществъ такъ же понятенъ, какъ неуспѣхъ производительныхъ обществъ. Въ первомъ случаѣ дисциплина рабочихъ сохраняется, такъ какъ они не руководятся правленіемъ, избраннымъ ими самими, а получаютъ дирекцію отъ потребительныхъ обществъ. Кромѣ того,—чтò очень важно,—они имѣютъ постоянный рынокъ для сбыта, такъ какъ собственники производимыхъ товаровъ, потребительныя общества, представляютъ изъ себя въ то же время покупателей этихъ товаровъ. Наконецъ, потребительныя общества гораздо легче добываютъ въ кредитъ деньги, вносимыя ихъ членами въ видѣ добавочныхъ паевъ или въ другой формѣ. Англійскія потребительныя общества такъ богаты деньгами, что банкъ оптоваго общества вкладываетъ часть денегъ въ государственныя бумаги.

IV.

Ознакомившись съ исторіей производства потребительныхъ обществъ, приступимъ теперь къ обсужденію вопросовъ, касающихся будущаго потребительныхъ обществъ. Въ предъидущемъ изложеніи мы указали на то, что производство потребительныхъ обществъ освобождаетъ цѣны товаровъ отъ отягощенія прибылью фабрикантовъ. Такимъ образомъ, производство потребительныхъ обществъ дѣйствуетъ уравнивающе въ имущественномъ отношеніи. Онъ умѣряетъ, насколько ему позволяютъ силы, крупные доходы въ пользу мелкихъ. Но производство потребительныхъ обществъ полезно необезпеченнымъ классамъ еще въ другомъ отношеніи, такъ что при этомъ выигрываютъ и зажиточные

классы. Уже неоднократно говорилось о томъ, что крупные доходы, достающіеся теперь небольшому количеству богачей, не такъ ужъ виноваты въ бѣдности большей части народа. Главная причина бѣдности заключается въ безпорядочности современнаго народнаго хозяйства, въ которомъ рабочая сила или совсѣмъ не примѣняется, или расточается неразумно. Наиболѣе острымъ проявленіемъ этой безпорядочности является разстройство дѣлъ, кризисы, постигающіе иногда сразу нѣсколько отраслей промышленности, такъ что рабочіе принуждены сидѣть сложа руки, голодать и мерзнуть, въ то время какъ магазины полны непродающимися и портящимися пищевыми продуктами и платьями.

Надъ объясненіемъ кризисовъ ломало прежде голову не мало ученыхъ. Послѣдніе предсказывали въ началѣ девятнадцатаго столѣтія совсѣмъ другой ходъ вещей. Они думали, что въ хозяйственной жизни все придетъ въ порядокъ само собой; они были увѣрены, что производство въ каждой отрасли соотвѣтствуетъ спеціальному спросу. Ни въ одной отрасли промышленности—какъ утверждали многіе—производство не можетъ надолго и въ нежелательной мѣрѣ превзойти спросъ или отстать отъ него. Обѣ эти неправильности таятъ въ себѣ средство для устраненія самихъ себя. Если производство опережаетъ спросъ, то излишекъ произведеннаго товара приходится сбывать по пониженнымъ цѣнамъ, прибыль фабрикантовъ уменьшается, охота открывать предпріятія такого рода пропадаетъ, производство сокращается. Наоборотъ, когда производство не поспѣваетъ за спросомъ, то цѣны товара и прибыль фабрикантовъ повышаются, предпріятіе расширяется такъ, что производство скоро нагоняетъ спросъ. Такимъ образомъ, человѣческій эгоизмъ, стремленіе за болѣе высокой прибылью и заработной платой направляютъ человѣческія силы туда, гдѣ онѣ нужны, и правильное распредѣленіе производства совершается безъ вмѣшательства государственной власти. Такъ гласитъ манчестерская доктрина, предоставляющая теченіе хозяйственной жизни самому себѣ.

Между тѣмъ, фактическій ходъ міровото хозяйства съ его кризисами не оправдалъ предположенія манчестерцевъ. Мало-по-малу стало выясняться, почему стремленіе промышленниковъ получить возможно высокую прибыль не можетъ регулироват[illegible] производство, почему оно не можетъ пріостановить перепроизвод[illegible]ства въ какой-нибудь отрасли до кризиса. Дѣло въ томъ, чт[illegible] когда прибыль въ какой-нибудь отрасли промышленности велика, то возникаетъ стремленіе воспользоваться благопріятной конъюнктурой путемъ расширенія и основанія новыхъ предпріятій. Н[illegible]

могутъ ли знать эти предприниматели, въ какой мѣрѣ допускается расширеніе производства данной отрасли промышленности, могутъ ли они знать, когда перепроизводство понизитъ цѣны товара такъ, что предпріятіе станетъ невыгоднымъ? Предприниматели той или другой отрасли промышленности обыкновенно или совсѣмъ, или только приблизительно знаютъ спросъ на данный товаръ. И даже, еслибы они точно знали о размѣрѣ спроса, то развѣ это знаніе помогло бы имъ? Развѣ двое или трое изъ этихъ предпринимателей могутъ сказать: вотъ такое-то расширеніе производства вынесетъ эта отрасль, и мы его расширимъ; остальные же пусть не дѣлаютъ этого. При господствующей теперь системѣ свободной конкурренціи, эти остальные скажутъ своимъ сотоварищамъ: мы имѣемъ такое же право на расширеніе производства, какъ и вы, и мы еще увидимъ, кто сдѣлаетъ это первымъ. Такимъ образомъ, расширеніе производства перейдетъ всякія границы; начинающееся же перепроизводство можетъ долгое время остаться скрытымъ, особенно въ тѣхъ отрасляхъ, которыя разсчитаны на далекій экспортъ и находятся въ связи съ сильно спекулирующей и долго хранящей товары торговлей. Даже тогда, когда перепроизводство становится замѣтнымъ, фабрики и заводы не перестаютъ производить въ прежнихъ размѣрахъ. Одинъ изъ собственниковъ фабрики дѣлаетъ это для того, чтобы не поколебать кредита; другой не желаетъ, чтобы его машины стояли безъ употребленія, и при этомъ надѣется, что его конкурренты сократятъ производство подъ угрозой банкротства. Въ концѣ концовъ, необычайное напряженіе рынка оканчивается сильнымъ паденіемъ цѣнъ. Наступаетъ паника. Банкротства сваливаются купцами, занимающимися сбытомъ того или другого товара и пользующимися кредитомъ, на фабрикантовъ, фабрикантами—на поставщиковъ сырья и т. д.; слѣдствіемъ всего этого является пріостановка производства. Пріостановка и сокращеніе производства могутъ быть также добровольными, предпринятыми изъ предосторожности. Если данная отрасль промышленности займетъ видное мѣсто въ производствѣ страны или міра, то послѣдствія ея кризиса переносятся очень далеко, такъ что спросъ на товаръ, работу и средства существованія сокращается повсюду и переживается нѣчто въ родѣ общаго кризиса.

Вотъ наиболѣе простое объясненіе кризисовъ. Это объясненіе дополняется соціалистами съ одной стороны и защитниками капиталистическаго строя съ другой. Соціалисты говорятъ, что за періодическими кризисами въ современномъ хозяйствѣ скрывается постоянное и все увеличивающееся затрудненіе сбывать количе-

ство производимыхъ товаровъ. При незначительности доходовъ народной массы, послѣдняя не въ состояніи скупить товаровъ, все увеличивающихся отъ непрерывнаго техническаго усовершенствованія индустріи. Говоря словами Родбертуса, современный соціальный строй препятствуетъ повышенію потребленія въ той степени, въ какой повышается производство. Наоборотъ, защитники капиталистическаго строя увѣряютъ, что послѣдній мало виноватъ въ кризисахъ. Вѣдь въ качествѣ причинъ кризисовъ фигурируютъ также война и неурожаи, а причиною послѣднихъ является не современный строй. И послѣднее утвержденіе не лишено нѣкоторой доли правды. Тѣмъ не менѣе ясно, что еслибы не было экономическихъ, а были бы только политическія и естественныя причины кризисовъ, міровое хозяйство все-таки не избавилось бы отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока производители работаютъ, не зная спроса и не соединившись между собою. Поэтому все настоятельнѣе и настоятельнѣе становится требованіе положить конецъ анархіи „хозяйственной свободы", положить конецъ путемъ опредѣленія спроса, регулировки производства и приспособленія его къ спросу. Вотъ это-то и называется организаціей труда или регулированіемъ производства.

V.

Послѣдній терминъ въ ходу не только среди рабочихъ, но и среди предпринимателей, которые стремятся осуществить идею регулированія на свой ладъ. Такимъ образомъ, мы подошли къ вопросу о картеляхъ и трёстахъ. Картели суть соединенія индустріальныхъ предпринимателей одной и той же отрасли и по обыкновенію одного и того же государства. Онѣ образуются для того, чтобы воспрепятствовать производству и сбыту продукта данной отрасли въ такомъ количествѣ, которое можетъ повліять на цѣны понижающимъ образомъ. И при невозможности точнаго опредѣленія спроса при капиталистическомъ производствѣ всетаки иногда приблизительно отгадываютъ, насколько можно развить производство и предложеніе товара, чтобы сбыть его по желанной цѣнѣ. По опредѣленіи размѣра общаго производства, устанавливается доля участія въ немъ каждаго фабриканта пропорціонально величинѣ его предпріятія. Для того, чтобы тотъ или другой фабрикантъ не произвелъ больше того количества, которое ему предписано, картель устроиваетъ общій складъ для продажи товара всѣхъ участвующихъ фабрикантовъ. Иногда бы-

ваетъ также, что предпріятія одной и той же отрасли промышленности объединяются въ одно акціонерное общество, или, вѣрнѣе, въ трёстъ. Такимъ образомъ, трёстъ охватываетъ отдѣльную отрасль промышленности какой-нибудь страны и фактически владѣетъ монополіей производства и продажи того или другого товара. Въ распоряженіи картели много средствъ для того, чтобы избавиться отъ конкурренціи фабрикантовъ, не принимающихъ въ ней участія. Конкуррентовъ такого рода разоряютъ внезапнымъ пониженіемъ цѣнъ или бойкотированіемъ, которое выражается въ данномъ случаѣ воспрещеніемъ поставщикамъ сырья имѣть дѣло съ посторонними фабрикантами подъ угрозой потери заказовъ картели. Въ Англіи (Бирмингамъ) дѣло организаціи производства подвинулось впередъ въ томъ смыслѣ, что картели предпринимателей стали заключать альянсы съ профессіональными союзами рабочихъ той же отрасли промышленности. При этомъ профессіональный союзъ обѣщаетъ не позволять своимъ членамъ работать у некартелированныхъ предпринимателей, за что предприниматели даютъ такимъ рабочимъ повышенную плату. Высокія таможенныя пошлины очень содѣйствуютъ развитію картелей, защищая ихъ отъ внѣшней конкурренціи; поэтому-то онѣ и размножились въ Соединенныхъ Штатахъ и Германіи. Всѣ картели и трёсты хвалятся тѣмъ, что если они и не платятъ рабочимъ такой высокой заработной платы, какъ альянсы, то, по крайней мѣрѣ, гарантируютъ имъ постоянную работу. Однако потребителямъ картели приносятъ огромный вредъ, ибо не довольствуются умѣренной прибылью. Конечно, и картели не повышаютъ цѣнъ до крайняго ихъ предѣла, ибо въ этомъ случаѣ уменьшается потребленіе товара и понижается прибыль. Онѣ ищутъ золотой середины и находятъ ее. Картели устраиваютъ такъ, что одновременно достигаютъ высокихъ цѣнъ и большого сбыта, такъ что получаютъ возможно высокую прибыль. Такимъ путемъ образовались колоссальныя богатства въ Соединенныхъ Штатахъ.

Поэтому, въ интересахъ общаго блага регулировка производства, приноровленіе предложенія къ спросу должны пойти другимъ путемъ. Часто высказывается мысль, что потребительныя общества призваны для лучшей организаціи производства. Однако, въ теперешней стадіи своего развитія онѣ не могутъ справиться съ такой трудной задачей. У нихъ нѣтъ еще перспективы относительно народнаго спроса на какой бы то ни было продуктъ. Дѣло въ томъ, что потребительныя общества удовлетворяютъ только часть потребленія, между тѣмъ какъ другая, гораздо болѣе зна-

чительная, часть его удовлетворяется частными магазинами, сбыть которыхъ не вычисляется точно. А даже если бы теперешнія потребительныя общества могли точно опредѣлить размѣръ спроса, то развѣ могли бы онѣ согласовать съ нимъ производство? Даже въ Англіи та часть производства, которой владѣютъ не онѣ, а частные предприниматели, значительно больше. Для опредѣленія спроса на какой-нибудь продуктъ и приспособленіе къ нему производства потребительнымъ обществамъ нужно имѣть монополію сбыта даннаго продукта и рѣшающую силу въ дѣлѣ его производства.

Для болѣе яснаго представленія послѣдней мысли или кооперативнаго производства вообразимъ условія, при которыхъ оно можетъ быть проведено въ наиболѣе совершенномъ, законченномъ и потому понятномъ видѣ. Вообразимъ изолированное государство, содѣйствующее образованію монополіи на какой-нибудь продуктъ, монополіи, принадлежащей потребительнымъ обществамъ, такъ чтобы послѣднія не только продавали, но и производили на своихъ фабрикахъ этотъ продуктъ. При такомъ положеніи дѣлъ не трудно предположить, какимъ образомъ въ этой народно-кооперативной индустріи производство приспособится къ спросу. Правленіе этой отрасли промышленности, положимъ суконной, можетъ сбывать каждый сортъ сукна, будь онъ приготовленъ на выгодной или невыгодной фабрикѣ, только по одной средней цѣнѣ, въ которую обходится производство этого сорта сукна себѣ. Приведенная средняя стоимость не можетъ, конечно, быть постоянной, а измѣняется сообразно съ временемъ. Она будетъ, напримѣръ, понижаться при удешевленіи сырья, увеличеніи производительности машинъ и при пониженіи процента, который народная кооперація должна будетъ уплатить частнымъ лицамъ, одолжившимъ свои капиталы для названной отрасли промышленности. Наоборотъ, стоимость производства себѣ повысится, когда рабочимъ будетъ, напримѣръ, выплачиваться болѣе значительная заработная плата. Измѣненіе стоимости будетъ идти параллельно съ колебаніемъ потребленія. Оно будетъ увеличиваться при пониженіи и уменьшаться при повышеніи цѣнъ. Въ короткое время можно будетъ настолько выяснить размѣръ вліянія цѣнъ на потребленіе, что даже ежемѣсячно можно будетъ путемъ учета продажи отдѣльныхъ потребительныхъ обществъ опредѣлить, какое количество товара куплено по такой-то доминирующей цѣнѣ. Такимъ образомъ, получится возможность точно вычислить напередъ, какое количество товара будетъ потреблено, напримѣръ, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ и по какой цѣнѣ. Послѣдняя будетъ взи-

маться съ потребителей, сообразно стоимости производства. Предвидѣніемъ подобнаго рода могутъ обладать и картели, но онѣ не пользуются такими точными свѣдѣніями, какія будутъ находиться въ распоряженіи народно-кооперативной индустріи. Опредѣливъ спросъ, народная кооперація приноровитъ къ ней производство, находящееся въ ея вѣдѣніи. Когда она будетъ ожидать небольшого увеличенія потребленія, ею немного будетъ удлинено рабочее время; въ случаѣ же значительнаго увеличенія потребленія, производство будетъ расширяться, а число рабочихъ увеличиваться. Пока народонаселеніе будетъ рости въ такой мѣрѣ, какъ теперь, будетъ увеличиваться и спросъ на большинство товаровъ. Ростъ этого спроса будетъ прерываться только во время повышенія цѣнъ, какъ слѣдствіе вздорожанія сырья отъ неурожаевъ. Такому временному уменьшенію спроса будетъ соотвѣтствовать и временное сокращеніе рабочихъ часовъ.

Народная кооперація первымъ долгомъ возьметъ на себя производство продуктовъ массоваго потребленія и не будетъ торопиться захватить тѣ отрасли промышленности, которыя удовлетворяютъ роскошь и моду. Чѣмъ менѣе она будетъ торопиться сдѣлать послѣднее, тѣмъ менѣе останется ей взять. Кооперативное развитіе поведетъ къ тому, что приходы и потребленіе будутъ не столь разнообразны. При предварительномъ вычисленіи стоимости производства и спроса въ индустріи, организованной кооперативно, могутъ быть ошибки. Послѣдствія этихъ ошибокъ будутъ устраняться запасами товаровъ и денегъ [1]).

Изображеніе будущаго кооперативнаго производства мы упростили двумя предположеніями. Удержимъ пока одно изъ нихъ и оставимъ другое. Перестанемъ предполагать, что государство изолировано, ибо таковымъ не можетъ быть даже наиболѣе защищенное пошлинами государство. Государство съ кооперативной индустріей также не можетъ отказаться отъ интернаціональнаго хозяйственнаго обращенія. Во избѣжаніе потерь и оно должно производить въ большемъ, чѣмъ требуетъ собственный спросъ, количествѣ тѣ товары, для производства которыхъ его условія болѣе благопріятны. Вывозомъ этихъ товаровъ оно должно оплачивать ввозъ другихъ, которыхъ не можетъ производить само. А не будетъ ли хозяйство государства съ кооперативнымъ производствомъ сильно тормазиться сосѣднимъ, въ которомъ господствуетъ капиталистическое производство? Отъ ввоза оно не будетъ

---

[1]) I. Bösch. Produktiv-Genossenschaft und produzirende Konsum-Genossenschaft-Vortrag. Winterthur, 1900, стр. 14.

сильно тормазиться. Количество необходимыхъ заграничныхъ товаровъ можно довольно легко опредѣлить. Вѣдь органы народной кооперацiи, задача которыхъ снабжать потребителей въ предѣлахъ своей страны тѣмъ или другимъ продуктомъ, сначала вычислятъ размѣры внутренняго производства даннаго продукта и на основанiи этого опредѣлятъ размѣръ ввоза изъ-за границы. Послѣднiй можно предоставить или частнымъ предпринимателямъ, или органамъ народной кооперацiи, что уже отчасти имѣетъ мѣсто въ Англiи, какъ дѣло рукъ директоровъ союзовъ оптовыхъ операцiй. Иначе будетъ обстоять дѣло съ вывозомъ. Онъ сдѣлаетъ невозможнымъ полное регулированiе кооперативнаго производства. Дѣло въ томъ, что, при вывозѣ въ страну съ частно-капиталистическимъ хозяйствомъ, этого вывоза нельзя согласовать съ заграничнымъ спросомъ, ибо послѣднiй не можетъ быть точно опредѣленъ. Поэтому, производство для экспорта придется предоставить частнымъ предпринимателямъ. Народная кооперацiя могла бы взять производство для экспорта только тогда, когда сосѣднее государство тоже выработало бы регулярное хозяйство. Тогда пришлось бы имѣть дѣло не съ частными предпринимателями, а съ народной кооперацiей. Однимъ словомъ, народы отчасти замѣнятъ теперешнiе торговые договоры договорами по поставкѣ того или другого товара.

VI.

Все вышеизложенное не покажется уже столь невѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, что уже теперь существуютъ трѐсты, производство которыхъ по внѣшней формѣ похоже на изображенное нами кооперативное. Только духъ въ нихъ совершенно другой. Трѐстъ представляетъ собственность небольшой кучки капиталистовъ и управляется такъ, что приноситъ имъ наивысшую прибыль. Напротивъ, кооперативная индустрiя есть собственность всего народа и будетъ управляться имъ такъ, что массовыя потребности будутъ удовлетворяться хорошо и дешево и въ то же время положенiе людей, занятыхъ въ производствѣ, облегчится.

Это сравненiе трѐста съ народно-кооперативной индустрiей даетъ намъ поводъ снова взяться за проведенiе параллели между производительнымъ обществомъ и производствомъ потребительнаго общества. Послѣднее является первымъ шагомъ на пути, которымъ завершается народно-кооперативная индустрiя. Наоборотъ, производительныя общества выродились бы, если бы они были способны къ дальнѣйшему развитiю—въ трѐсты.

Но освободитъ ли вышеописанное регулированіе индустріи отъ кризисовъ? Устранитъ ли оно дисгармонію между производствомъ цивилизованныхъ народовъ и покупательной способностью ихъ широкихъ массъ? Наконецъ, не сократитъ ли оно необходимость работать для экспорта? Утвердительно отвѣтить можно почти на всѣ эти вопросы. Новый хозяйственный строй устранитъ многіе безпорядки, неблагопріятно дѣйствующіе на производительность народнаго труда. Его слѣдствіемъ будетъ то, что при такой же затратѣ народнаго труда размѣръ потребленія увеличится, или при такомъ же потребленіи будетъ затрачиваться меньше труда. Какъ производство товаровъ, такъ и ихъ распредѣленіе между потребителями, будетъ обставлено практичнѣе. Уже и теперешнія потребительныя общества сокращаютъ издержки, отъ чего получается повышеніе потребительнаго дивиденда. Послѣдній представляетъ отчасти чисто хозяйственное сбереженіе. Это сбереженіе будетъ гораздо значительнѣе при болѣе совершенной кооперативной организаціи. Издержки по содержанію помѣщенія могутъ еще болѣе сократиться, объявленія могутъ быть упрощены, коммивояжеры могутъ быть совсѣмъ не посылаемы, ибо не придется отбивать покупателей у конкуррентовъ. Транспортъ облегчится, такъ какъ продукты каждой фабрики будутъ отправляться въ ближайшія потребительныя общества, что̀ не всегда бываетъ при современномъ капиталистическомъ строѣ. Въ виду правильнаго сбыта товаровъ, не придется держать такихъ большихъ складовъ. Крупное производство, преимущество котораго извѣстно всѣмъ, вытѣснитъ всякое другое. При этомъ приготовленіе различныхъ сортовъ одного и того же товара можетъ быть распредѣлено между отдѣльными фабриками данной отрасли производства, такъ что каждая изъ этихъ фабрикъ ограничится приготовленіемъ одного только сорта. Такъ, напримѣръ, одна бумагопрядильня не будетъ больше прясть нѣсколько различныхъ сортовъ бумаги, такъ какъ это требуетъ частаго передвиженія машинъ и, слѣдовательно, потери времени и труда. Открытія и изобрѣтенія тотчасъ примѣнялись бы на всѣхъ фабрикахъ той или другой отрасли промышленности, между тѣмъ какъ теперь они часто составляютъ привилегію и тайну какой-нибудь одной, конкуррирующей съ другими, фабрики. Если бы производительность труда почему бы то ни было уменьшилась, то можно было бы ввести господствующую теперь поштучную заработную плату, которая при кооперативномъ производствѣ потеряла бы свой эксплоататорскій характеръ.

Конечно, существуютъ отрасли національной работы, которыя

не могутъ уложиться въ рамки потребительныхъ обществъ. Эти отрасли—мы имѣемъ въ виду желѣзныя дороги, каналы, почту, телеграфъ, водопроводы, трамваи, освѣщеніе городовъ и канализацію—не могутъ быть организованы кооперативно и ихъ нужно или оставить въ рукахъ частныхъ предпринимателей, или же лучше сдѣлать достояніемъ государства и муниципалитетовъ. Тамъ, гдѣ потребленіе всеобще и фактически принудительно, какъ въ почтовомъ дѣлѣ или въ дѣлѣ городского водоснабженія, приходится выбирать или между замкнутой корпораціей обогащающихся монополистовъ, или между принудительной коопераціей гражданъ муниципалитета, или потребителей, организованныхъ государствомъ [1]). Большинство же другихъ индустрій можетъ быть легко организовано вольными потребительными обществами. Чѣмъ быстрѣе будутъ развиваться потребительныя общества, чѣмъ больше они будутъ вытѣснять частно-капиталистическія предпріятія, тѣмъ скорѣе государственная власть рѣшительно приметъ ихъ сторону. Однако, при своемъ вмѣшательствѣ въ экономическую жизнь она обязана будетъ соблюдать мѣру.

Такимъ образомъ, теперь мы достигли того пункта, когда можемъ опустить и послѣднее предположеніе, облегчившее намъ изображеніе кооперативной организаціи индустріи. Мы предположили, что народная кооперація возьметъ для согласованія спроса съ производствомъ всю данную отрасль промышленности въ свои руки. Но это не такъ ужъ необходимо. Она можетъ получить господство надъ производствомъ и тогда, когда сбытъ какого-нибудь товара принадлежитъ ей цѣликомъ, а производство его—только отчасти. Народная кооперація можетъ удовлетвориться этимъ. Она сознательно откажется отъ случая законодательнымъ путемъ устранить въ производствѣ частную конкурренцію. Такимъ образомъ, она создастъ для себя гарантію того, что кооперативное производство безпрерывно будетъ контролироваться и напрягаться подъ вліяніемъ частно-капиталистической конкурренціи.

Итакъ, замѣна частно-капиталистическаго производства кооперативнымъ должна въ общихъ чертахъ совершиться такъ же, какъ совершилось вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ, т.-е. путемъ конкурренціи. Производство вольныхъ потребительныхъ обществъ должно въ широкихъ размѣрахъ практиковать это средство для вытѣсненія частнаго производства. Государство должно вмѣшаться въ эту борьбу только тогда, когда кооперативное произ-

---

[1]) Der Socialismus in England geschildert von englischen Socialisten. Göttingen, 1898, стр. 254.

водство приметъ большіе размѣры, и притомъ вмѣшаться не для того, чтобы уничтожить конкурренцію между двумя противоположными началами законодательнымъ порядкомъ, а для того, чтобы поставить ее на новыя, болѣе правильныя основанія. Вотъ уже прошло болѣе столѣтія, какъ работающее при помощи машинъ крупное производство выступило противъ мелкаго. Оно захватило въ настоящее время обширное поле дѣятельности. Однако, другая часть этого поля все еще остается за мелкимъ производствомъ, и изъ нѣкоторыхъ видовъ труда оно едва ли будетъ скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не будетъ вытѣснено [1]). Мы не осмѣливаемся предсказывать, что кооперативное производство захватитъ хозяйственное поле скорѣе, и его побѣда будетъ полнѣе, чѣмъ побѣда крупнаго производства.

В. Тотоміанцъ.

---

[1]) Въ одной изъ своихъ лекцій извѣстный нѣмецкій экономистъ К. Шмидтъ сказалъ, что подобно тому какъ ремесленное производство клиномъ врѣзывается въ капиталистическій строй, такъ и капиталистическое производство врѣжется въ соціалистическій строй.

* * *

Я пѣснь пою блестящему закату,
Я пѣснь пою смолкающему дню,
Воздушныхъ тучъ расплавленному злату,
Зари вечерней алому огню;
Палящій полдень мнѣ не дастъ отрады,
А свѣжій часъ разсвѣта—далеко,
Но въ этотъ мигъ покоя и прохлады
Вновь дышется привольно и легко.

Какъ утра упоительная сладость,
Невѣрная умчалась юность прочь;
Еще манитъ измѣнчивая радость,
Но впереди таинственная ночь...
Я не прошу минувшихъ лѣтъ возврата
И не ропщу, законъ судьбы кляня, —
Я пѣснь пою сіянію заката
И красотѣ угаснувшаго дня.

Л. Кологривова.

МНИМЫЕ РЕАЛИСТЫ

— Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Спб., 1904.

Противъ новѣйшихъ проповѣдниковъ философскаго идеализма, о которыхъ мы говорили въ прошломъ году [1], выступили въ походъ непреклонные мыслители-реалисты, рекомендующіе себя не только какъ суровыхъ и сильныхъ бойцовъ за правду, но и какъ призванныхъ охранителей русской „интеллигенціи" отъ всякихъ умственныхъ заблужденій, слабостей и увлеченій. Эта двойственная роль нашихъ мыслящихъ реалистовъ весьма краснорѣчиво обрисована въ небольшомъ предисловіи къ объемистой книгѣ, предназначенной служить отвѣтомъ на „Проблемы идеализма".

Обращеніе къ „призрачному міру метафизики" объясняется, будто бы, особыми соціальными и экономическими условіями, въ какихъ находятся искатели научной и жизненной правды. „Тотъ общественный классъ, къ которому принадлежитъ большинство людей теоріи и печатнаго слова,—профессіональная интеллигенція, — говорятъ авторы реалистической программы,—есть классъ несамостоятельный по своему положенію среди общества, нервный и впечатлительный по своей организаціи. Жизненныя бури и грозы производятъ на интеллигенцію тяжелое, угнетающее дѣйствіе; и если при этомъ она сразу не находитъ для себя твердой опоры въ окружающей средѣ, или прежняя опора оказывается неподходящею къ ея стремленіямъ и интересамъ,

---

[1]) См. сентябрьскую книгу „Вѣстника Европы" за 1903 г., стр. 313—325.

то бѣгство отъ жизни — въ практикѣ и въ познаніи — становится среди интеллигенціи общимъ явленіемъ. Тогда наступаетъ время увлеченія метафизикой, съ ея воздушными зàмками, съ тѣми фиктивными опорами, которыя предлагаетъ она для живой жизни, съ ея идолами, замѣняющими идеàлы. Все это разыгрывалось на нашихъ глазахъ, за послѣдніе годы, и не закончилось еще до сихъ поръ. Въ такіе моменты передъ реализмомъ выступаетъ новая важная задача: *не допустить*, чтобы идейное разслабленіе, чтобы умственная деморализація глубоко проникла въ психику мыслящихъ элементовъ общества, обличить безсиліе и безполезность старыхъ фетишей, вновь вытащенныхъ на Божій свѣтъ изъ подземелій и гробницъ прошлаго, *помѣшать* вредному наркозу расшатать интеллектуальное здоровье трудовой интеллигенціи... Противъ спутанности и произвола метафизически-больного мышленія реализмъ долженъ выставить отчетливость и строгость своей точки зрѣнія... Истинная сила не измѣняетъ себѣ, и до конца проводитъ свою тенденцію. Неуклонная послѣдовательность въ познаніи и неуклонная послѣдовательность въ жизни—это два проявленія одного и того же принципа. Теоретическій реализмъ, какъ выраженіе этого принципа въ сферѣ познанія, и практическій идеализмъ, какъ выраженіе его въ сферѣ жизни, – родные братья по духу". Для реализма „наиболѣе совершеннымъ и могучимъ познаніемъ должно являться познаніе единое и стройное; это значитъ, что истина монистична. Современный реализмъ враждебенъ эклектизму; онъ считаетъ его признакомъ слабости, выраженіемъ жалкой, дисгармоничной жизни. Эклектизмъ есть своего рода профессіональная болѣзнь интеллигенціи. Группа, занимающая промежуточное мѣсто среди сильныхъ общественныхъ классовъ, постоянно колеблющаяся въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ,—интеллигенція отражаетъ эти черты своего бытія въ своемъ мышленіи... Покончить съ этимъ эклектизмомъ въ послѣднихъ его убѣжищахъ, поставивши его на очную ставку съ реальною жизнью и точными методами науки,—такова одна изъ главныхъ задачъ современнаго реализма въ общественной наукѣ" [1]).

Смѣлые проповѣдники такого прямолинейнаго и энергическаго реализма, очевидно, не могутъ принадлежать къ безсильному, колеблющемуся, безпочвенному классу профессіональной интеллигенціи; они стоятъ внѣ и выше ея, презрительно откре-

---

[1]) Краткій отчетъ о содержаніи этого „реалистическаго" сборника см. въ „Литературномъ Обозрѣніи" „Вѣстника Европы" за сентябрь, стр. 376—381.

щиваются отъ ея недостатковъ и твердо берутъ ее подъ свою опеку. Но самоувѣренный тонъ этихъ притязаній плохо прикрываетъ ихъ внутреннюю несостоятельность и произвольность. Откуда же явились наши новѣйшіе реалисты, какъ не изъ рядовъ той же колеблющейся, промежуточной, безсильной общественной группы, которую принято называть интеллигенціею? Составители реалистической profession de foi заранѣе объявляютъ себя единственными обладателями истины, а всѣхъ несогласныхъ съ ними относятъ къ категоріи разслабленныхъ невѣждъ, стремящихся, будто бы, возстановить старинныя суевѣрія. Желаніе унизить или уязвить противниковъ составляетъ, къ сожалѣнію, обычную черту нравовъ въ значительной части печати, но оно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами научной правды и справедливости. Никто не мѣшаетъ реалистамъ развивать, обосновывать и распространять свое міровоззрѣніе; почему же они хотѣли бы „не допустить" столь же свободной пропаганды противоположныхъ идей и „помѣшать" ихъ свободному распространенію въ обществѣ и литературѣ? Примѣнимы ли вообще подобные полицейскіе термины къ отвлеченнымъ философскимъ спорамъ? Самая цѣль—не допустить дальнѣйшихъ успѣховъ метафизики и помѣшать ея росту посредствомъ обстоятельной и безпощадной полемики—имѣетъ въ своей основѣ какое-то недоразумѣніе. Всѣ научные и философскіе доводы, какіе могутъ быть выставлены приверженцами строго-позитивныхъ воззрѣній, хорошо извѣстны сторонникамъ идеализма, и дальнѣйшее повтореніе этихъ доводовъ, разумѣется, нисколько не повліяетъ на умы, склонные къ метафизикѣ. Въ обществѣ по разнымъ причинамъ все болѣе расширяется кругъ людей, не удовлетворяющихся готовыми формулами реалистической философіи, и это направленіе умовъ не исчезнетъ отъ того, что противъ него будутъ возставать мыслители другого типа, для которыхъ высшіе вопросы бытія и мышленія давно уже разрѣшены окончательно. Можно быть врагомъ метафизики и доказывать ея безплодность съ научной точки зрѣнія; но метафизическія идеи имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и реалистическія, и совмѣстное, одновременное распространеніе ихъ въ различныхъ слояхъ общества показываетъ только, что не всѣ умы подходятъ подъ одну мѣрку. Это естественное разнообразіе умственныхъ наклонностей и направленій есть преимущество, а не недостатокъ, и видѣть въ немъ опасность и угрозу для успѣховъ дѣйствительной истины—значитъ обнаруживать непониманіе коренныхъ условій всякаго развитія и движенія впередъ. Нетерпимость не должна

имѣть мѣста въ области науки и литературы, и возгласы о недопущеніи и преграждевіи не должны срываться съ устъ писателей, хотя бы и такихъ, которые чувствуютъ себя стоящими внѣ и выше безпочвеннаго класса профессіональной интеллигенціи. Увлеченіе нѣкоторыхъ передовыхъ кружковъ метафизикой и мистицизмомъ—явленіе, быть можетъ, печальное, но въ то же время несомнѣнно любопытное и достойное вниманія, какъ симптомъ: его нужно понять и объяснить, а не высмѣивать въ высокомѣрномъ тонѣ. Притомъ, если дѣло идетъ лишь о продуктахъ жалкаго умственнаго безсилія и малодушія, какъ характеризуютъ философскій идеализмъ его обличители,—то стоило ли предпринимать противъ него серьезную борьбу и издавать ради этого обширный сборникъ философскихъ трудовъ?

Въ „Очеркахъ реалистическаго міровоззрѣнія“ мы находимъ, съ одной стороны, рѣзкое теоретическое отрицаніе метафизики и самой области непознаваемаго, а съ другой—настойчивую защиту анти-реалистическихъ доктринъ и предвзятыхъ, многократно опровергнутыхъ взглядовъ, проповѣдь неопредѣленнаго, безпочвеннаго идеализма и фантазерства, нападки на несомнѣнныхъ реалистовъ, приверженцевъ свободнаго развитія нашего землевладѣльческаго крестьянства, и, наконецъ, явныя симпатіи къ декадентству и къ идеѣ „сверхъ-человѣка“. Эта своеобразная смѣсь разнородныхъ теорій и тенденцій не только не даетъ матеріала для созданія цѣльнаго міровоззрѣнія, но, напротивъ, спутываетъ и затемняетъ самые элементарные вопросы. Въ наиболѣе важныхъ отдѣлахъ сборника проводится узко-сектантская точка зрѣнія ортодоксальнаго марксизма, выродившагося на русской почвѣ въ нѣчто совершенно каррикатурное, хотя и необыкновенно живучее. Наши вѣрующіе послѣдователи Маркса никакъ не могутъ понять, что его экономическая теорія имѣетъ не научное, а чисто практическое значеніе, въ качествѣ научно-обставленной авторитетной программы для рабочаго класса тѣхъ передовыхъ культурныхъ странъ, гдѣ рабочій классъ состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ; для Россіи же, съ ея преобладающею массою землевладѣльческаго крестьянства, нужна совсѣмъ другая теорія-программа, въ которой на первомъ планѣ стояли бы вопросы поземельнаго строя и хозяйства, а не капитализма. Такъ какъ система Маркса основана почти исключительно на анализѣ спеціальныхъ условій англійскаго промышленнаго быта, то подводить подъ нее, безъ разбора, экономическія явленія другихъ странъ, совершенно не похожихъ на Англію,—значило бы, очевидно, нарушать первыя правила реальнаго научнаго метода.

Такимъ же грубымъ нарушеніемъ реальной научной логики слѣдуетъ считать примѣненіе къ деревенской Россіи практическихъ выводовъ и требованій, выработанныхъ путемъ изученія англійской или нѣмецкой крупной промышленности. И это прямое отрицаніе элементарныхъ основъ реализма принимается за основу истинно-реалистическаго міровоззрѣнія! Нынѣшній русскій марксизмъ есть дѣйствительно плодъ „больного мышленія"; его нельзя объяснить иначе какъ подражательнымъ гипнозомъ, неодолимо дѣйствующимъ на слабые умы. Если извѣстная теорія усвоена доктринерами рабочаго движенія въ Германіи, то она должна быть признана самою передовою и, слѣдовательно, обязательною для всѣхъ, желающихъ быть передовыми: таковъ основной внутренній мотивъ нашего марксизма. Такъ какъ между нѣмецкими руководителями и теоретиками германской соціально-демократической партіи образовался расколъ по поводу доктрины Маркса, то и у насъ появились „ортодоксы" и „бернштейніанцы", усердно подражающіе партійнымъ пререканіямъ своихъ нѣмецкихъ образцовъ; и наши мнимые мыслители-реалисты съ серьезнымъ видомъ повторяютъ жестокіе упреки подлинныхъ марксистовъ по адресу воображаемыхъ отщепенцевъ, заразившихся, будто бы, духомъ мелко-буржуазнаго филистерства и вольнодумства.

Эта забавная подражательная полемика противъ отечественныхъ вольнодумцевъ, истолковывающихъ по своему ученіе Маркса, занимаетъ очень много мѣста въ „Очеркахъ реалистическаго міровоззрѣнія" и придаетъ имъ крайне странный оттѣнокъ. Какъ бы въ насмѣшку надъ истиннымъ реализмомъ, наши позитивные философы старательно занимаются безконечнымъ обсужденіемъ и пережевываніемъ чисто-схоластической части ученія Маркса, относящейся къ вопросу о цѣнности товаровъ,—причемъ спеціальные и въ сущности безсодержательные промышленные споры выдвигаются на степень чрезвычайно важныхъ, фундаментальныхъ, теоретическихъ задачъ. Существуютъ уже цѣлыя горы сочиненій и статей о цѣнности, и непрерывно прибавляются къ нимъ новые трактаты,—между прочимъ, и въ нашей скудной экономической литературѣ; однако, предметъ никогда не будетъ и не можетъ быть исчерпанъ, ибо онъ всецѣло входитъ въ область безнадежной схоластики, не имѣющей ничего общаго ни съ какою реальною наукою. Одинъ изъ участниковъ „реалистическаго" сборника, г. А. Богдановъ, разобравъ подробно одну изъ модныхъ теорій по этому фантастическому предмету, говоритъ не безъ основанія: „Передъ нами, очевидно, мнимая теорія, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть,

потому что самые критеріи истины и заблужденія къ ней непримѣнимы. Ее никогда нельзя будетъ ни прямо, ни косвенно провѣрить никакими объективными опытами и наблюденіями, и въ этомъ ея „преимущество": она неуязвима, какъ тѣнь или привидѣніе. Естествоиспытатель просто оскорбился бы, если бы ему предложили такую теорію". Но, вмѣсто того, чтобы приложить эту справедливую оцѣнку ко всѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ цѣнности и особенно къ теоріи Маркса, авторъ дѣлаетъ неожиданный выводъ въ пользу послѣдней и въ то же время высказываетъ весьма интересное общее сужденіе о достоинствѣ всей политической экономіи, не признающей научныхъ основъ марксизма. „Поразительное незнакомство громаднаго большинства ученыхъ экономистовъ съ точными научными методами, выработанными въ болѣе развитыхъ областяхъ науки", составляетъ, по его мнѣнію, „весьма благопріятное условіе для сохраненія такихъ экономическихъ теорій", какъ отвергаемая г. Богдановымъ; „но основная причина ихъ фактическаго господства въ мірѣ каѳедры—это сила классовыхъ интересовъ, подчиняющихъ себѣ психику людей". Казалось бы, что незнакомство громаднаго большинства ученыхъ экономистовъ съ точными научными методами должно бы удерживать насъ отъ пассивнаго довѣрія къ авторитету спорныхъ экономическихъ доктринъ; между тѣмъ оказывается, что марксизмъ не нуждается въ точныхъ научныхъ методахъ и имѣетъ значеніе самъ по себѣ, независимо отъ какой бы то ни было науки. „Что касается принятой нами теоріи,—поясняетъ г. Богдановъ,—то она, какъ теорія глубоко-жизненная, ведетъ насъ гораздо дальше своихъ непосредственныхъ задачъ. Она не только указываетъ намъ надежный путь къ познанію экономической дѣйствительности, но и исполняетъ великую организующую роль въ идейной жизни цѣлыхъ классовъ общества". Другими словами, теорія принимается не потому, что она истинна и правильно обоснована въ научномъ смыслѣ, а потому, что она открываетъ, будто бы, какіе-то горизонты въ области будущихъ практическихъ задачъ. Впрочемъ, и эти горизонты, какъ видно изъ другихъ статей сборника, откроются для насъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда многомилліонная масса нашего крестьянства уподобится нѣмецкому или англійскому промышленному пролетаріату. Очень можетъ быть, что безсознательные „классовые интересы, подчиняющіе себѣ психику людей", заставляютъ г. А. Богданова и его единомышленниковъ проповѣдывать подобныя идеи; но мы предпочитаемъ думать, что ложные взгляды и нелѣпыя теоріи всегда

будутъ находить безкорыстныхъ сторонниковъ, помимо какихъ бы то ни было классовыхъ или личныхъ интересовъ.

„Психика людей", мечтающихъ о русскомъ пролетаріатѣ по Марксу, проявилась съ особеннымъ шумомъ въ литературѣ девяностыхъ годовъ, и великія заслуги этого подражательнаго движенія громко превозносятся въ разныхъ мѣстахъ разбираемаго сборника. До появленія критическихъ опытовъ нашихъ марксистовъ русское образованное общество блуждало во тьмѣ, не зная истинныхъ путей экономической эволюціи; оно вѣрило еще въ возможность помочь ослабѣвающему крестьянству, поддержать народные промыслы, противодѣйствовать торжеству крупнаго и мелкаго кулачества надъ хозяйственною жизнью страны, и оффиціальное поощреніе этого кулачества, прикрываемое заботами объ отечественной промышленности и торговлѣ, настойчиво осуждалось въ лучшей части нашей печати. Мучительные вопросы, порожденные ошибочною экономическою политикою, казались неразрѣшимыми при установившемся и прочномъ господствѣ покровительственной системы; добросовѣстные публицисты указывали на опасное противорѣчіе между постепеннымъ обѣдненіемъ народной массы и колоссальнымъ возростаніемъ государственнаго бюджета, но не могли придумать практическій выходъ изъ запутаннаго положенія. Но явились марксисты, и всѣ недоумѣнія разсѣялись какъ дымъ: мучительные вопросы были тотчасъ же разрѣшены самымъ благополучнымъ образомъ; хищное кулачество получило свое оправданіе, какъ неизбѣжная законная форма капитализма; упадокъ народнаго земледѣлія и крестьянскаго хозяйства превратился въ нѣчто желательное и необходимое, какъ существенное условіе капиталистическаго прогресса; систематическое разореніе народной массы перестало быть печальнымъ искусственнымъ явленіемъ, а сдѣлалось благотворнымъ продуктомъ естественной дифференціаціи крестьянства, послѣдствіемъ разслоенія его на составные элементы — зажиточныхъ хозяевъ, капиталистовъ и пролетаріевъ. Нѣкоторымъ представляется даже, что марксисты создали новѣйшіе успѣхи капитализма и очистили поле для его окончательнаго торжества. „Въ девяностыхъ годахъ,—говорится въ сборникѣ,—хаосъ проясняется. Процессъ капиталистическаго развитія пережилъ первую, предварительную стадію, ранніе дни своей весны, свой Sturm-und Drang-Periode. И когда отшумѣли его вешнія воды, картина общественныхъ отношеній предстала предъ глазами интеллигенціи въ обновленномъ видѣ. Хозяинъ исторической сцены изъ „буржуя", казавшагося безроднымъ авантюристомъ, неизвѣстно от-

куда и зачѣмъ пришедшимъ, преобразился въ буржуа, имѣвшаго за собою родословную, дѣйствующаго по опредѣленному, строго разсчитанному плану. Фабрично-заводская промышленность организовалась. Въ общественныхъ низахъ сформировались новыя настроенія; общественные горизонты раздвинулись. Смыслъ и цѣль жизни, утерянные восьмидесятниками, были найдены". Неопредѣленныя народническія стремленія смѣнились „признаніемъ неуклонно прогрессирующаго хода исторической эволюціи... Реалистическое міропониманіе торжествуетъ. Но въ его торжествѣ -принимаетъ участіе далеко не вся интеллигенція. Часть ея продолжаетъ жить отзвуками минувшаго. „Одинокія души" и „аристократы духа" не сметены еще дыханіемъ новой жизни, не объявлены диковинными типами, подлежащими поступленію въ музей археологическихъ древностей". Если идеалисты еще существуютъ и заявляютъ о себѣ коллективными философскими изданіями, то этотъ „культурный анахронизмъ" объясняется, будто бы, „групповымъ эгоизмомъ такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата", классовыми интересами борьбы за существованіе (стр. 629—630). Все ясно и просто для марксиста;— всѣ сложныя явленія окружающей жизни укладываются въ готовыя успокоительныя формулы, группируются по немногимъ общимъ шаблонамъ и обозначаются извѣстными терминами, вызывающими въ наивномъ читателѣ иллюзію научности. Дѣйствительное изученіе реальныхъ фактовъ, ихъ причинъ и условій, становится уже излишнимъ; факты подводятся подъ теорію и обобщаются ею, безъ всякаго предварительнаго анализа, и если имъ придаютъ значеніе, то только въ видѣ иллюстраціи къ сдѣланнымъ заранѣе выводамъ. Крайне упрощенный взглядъ на жизнь очень далекъ, однако, отъ „реалистическаго міропониманія"; напротивъ, онъ граничитъ часто съ пустымъ и холоднымъ резонерствомъ, въ которомъ нѣтъ и подобія сознательной мысли. Модныя слова и понятія—въ родѣ „эволюціи", и „классовой борьбы"—замѣняютъ всякія объясненія соціальныхъ проблемъ, и послѣднія даже какъ бы исчезаютъ для марксиста. Народъ обнищалъ, и на его счетъ обогащаются промышленники;— это значитъ, что развивается капитализмъ и вырабатывается рабочій пролетаріатъ, согласно непреклоннымъ законамъ экономической эволюціи. Какія бы бѣдствія ни обрушивались на народъ, они всегда могутъ быть признаны необходимыми для ускоренія того процесса, который составляетъ сущность человѣческой исторіи съ точки зрѣнія марксизма,—и что̀ бы ни происходило вокругъ, марксистъ всегда можетъ сказать: все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Насколько фантастично это упрощенное пониманіе жизни, легко убѣдиться при болѣе внимательномъ разборѣ основныхъ посылокъ и предположеній нашего марксизма. Для того, чтобы имѣть право ссылаться на естественный и неуклонный ходъ экономической эволюціи, нужно было бы прежде всего провѣрить, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ эволюція имѣетъ характеръ естественный, а не искусственный, зависящій отъ произвольнаго внѣшняго вмѣшательства. Въ этомъ смыслѣ у насъ не можетъ быть и рѣчи объ естественномъ процессѣ экономическаго развитія, такъ какъ наша крупная промышленность была издавна любимымъ дѣтищемъ государственной власти, отчасти даже создавалась и поддерживалась на казенный счетъ, обставлялась всевозможными покровительственными мѣрами, льготами и привилегіями, вся тяжесть которыхъ ложилась на массу земледѣльческаго населенія. Крестьянское хозяйство и народные промыслы искусственно подавлялись въ теченіе многихъ лѣтъ во имя интересовъ крупной промышленности и торговли, истощались непосильными налогами и пошлинами для поощренія фабрично-заводскихъ предпріятій, приносились въ жертву финансовымъ потребностямъ государства и пользовались лишь весьма малою долею тѣхъ правительственныхъ заботъ и услугъ, ради которыхъ взимаются подати съ народа. При столкновеніи интересовъ земледѣлія и фабрично-заводской промышленности безусловное преимущество всегда отдавалось промышленнымъ капиталистамъ; всѣ законы, судебные и административные порядки неизмѣнно дѣйствовали и примѣнялись въ пользу промышленниковъ, независимо отъ доброй воли исполнителей. Крестьянство уплачивало налоги, превышавшіе доходъ съ земли, и часть этихъ налоговъ шла на поддержку и устройство промышленныхъ дѣлъ, иногда сомнительныхъ или безнадежныхъ; все населеніе, преимущественно сельское, облагалось данью для того, чтобы покровительствуемые фабриканты и заводчики могли получать обезпеченный крупный дивидендъ безъ всякихъ усилій съ своей стороны. Даже необходимыя для земледѣлія желѣзныя и сельскохозяйственныя орудія искусственно повышались въ цѣнѣ крупными охранительными пошлинами для увеличенія выгодъ фабрикантовъ, въ ущербъ земледѣльческимъ интересамъ. Удивительно ли при такихъ условіяхъ, что крестьянство неудержимо клонилось къ упадку и что промышленный капитализмъ постепенно водворялъ свое господство во всѣхъ главнѣйшихъ отрасляхъ народнаго хозяйства? Нельзя называть это развитіе естественнымъ и обязательнымъ, если руководствоваться реальнымъ анализомъ фактовъ, а не предвзятыми идеями. Вмѣсто

неуклонныхъ естественныхъ законовъ экономической эволюціи, мы видимъ здѣсь систему принудительныхъ искусственныхъ мѣръ; эволюція замѣняется здѣсь политикою, о которой возможны разныя мнѣнія. Почему государство столь заботливо удовлетворяло требованія крупной промышленности, затрачивая на нее средства, добываемыя съ земледѣлія и крестьянства, — это другой вопросъ, который нуждался бы въ особомъ разсмотрѣніи; но говорить тутъ о „борьбѣ классовъ“ было бы болѣе чѣмъ странно. Никто не скажетъ, что купечество, какъ классъ, стоитъ ближе къ правительству и пользуется болѣе значительнымъ на него вліяніемъ, чѣмъ, напримѣръ, классъ крупныхъ землевладѣльцевъ; понятія о политическомъ господствѣ всего менѣе примѣнимы къ нашему купечеству, отчасти еще некультурному, невѣжественному и мало предпріимчивому. Чиновничество и бюрократія не могутъ быть послушными орудіями этого промышленнаго класса, какъ цѣлаго, — хотя отдѣльные вліятельные чиновники могутъ находиться въ близкихъ отношеніяхъ съ отдѣльными промышленными дѣятелями и капиталистами. Отдаленность властвующихъ лицъ отъ нуждъ и бѣдствій народной массы, отсутствіе законныхъ способовъ публичнаго выраженія преобладающихъ потребностей страны, обычная доступность органовъ власти для крупныхъ коммерсантовъ и предпринимателей при фактической невозможности частныхъ ходатайствъ за интересы народнаго земледѣлія и крестьянства,—все это невольно сказывается въ общемъ ходѣ экономической и финансовой политики государства; въ томъ же одностороннемъ направленіи дѣйствуютъ и установившіеся теоретическіе взгляды, заимствованные изъ популярныхъ иностранныхъ учебниковъ политической экономіи. Такъ какъ главнѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ остается у насъ земледѣльческая промышленность и жизненныя потребности государства тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ благосостояніемъ крестьянства, то правительство съ своей стороны не имѣетъ и не можетъ имѣть самостоятельнаго интереса въ томъ, чтобы усиливать капитализмъ и обогащать промышленниковъ на счетъ сельскаго населенія. „Естественная эволюція“, „классовые интересы“ и „борьба классовъ“, очевидно, ничего не объясняютъ въ мірѣ реальныхъ явленій и фактовъ нашей экономической политики, и постоянное повтореніе этихъ словъ и фразъ нисколько не свидѣтельствуетъ о „реалистическомъ міропониманіи“ марксистовъ.

Съ непонятнымъ раздраженіемъ относятся наши мнимые реалисты къ добросовѣстнымъ друзьямъ и защитникамъ крестьян-

ства, отвергающимъ наивную вѣру въ спасительность побѣдоносной эволюціи капитализма. „Послѣ той критической работы, которая была совершена поколѣніемъ девяностыхъ годовъ,—жалуется одинъ изъ участниковъ сборника,—можно было ожидать, что установленныя тогда общія положенія относительно экономики крестьянства лягутъ въ основу дальнѣйшаго изученія крестьянскаго хозяйства, и намъ не придется быть свидѣтелями реставрированія народническихъ взглядовъ, казалось бы давно опровергнутыхъ и жизнью, и литературой... Между тѣмъ именно въ послѣдніе годы въ нашей литературѣ появляется рядъ произведеній, пытающихся,—правда, еще недостаточно смѣло,—воскресить народническія утопіи относительно соціально-экономической роли крестьянства“ (стр. 457). Марксисты стремятся „хоть немного разсѣять туманъ народническихъ фантазій, которымъ нѣкоторые авторы такъ усердно заволакиваютъ въ сознаніи современнаго интеллигентнаго поколѣнія вопросъ о крестьянствѣ“ (стр. 517). Борьба съ народниками—этими въ сущности невиннѣйшими и добродѣтельнѣйшими людьми—считается серьезной и важной задачей; на нее тратится много умственныхъ усилій и полемическаго задора,—и все это только изъ-за того, что народники сочувствуютъ основамъ самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія, обреченнаго марксистами на гибель. Симпатіи къ крестьянской общинѣ и къ кустарнымъ промысламъ выставляются какъ зловредныя заблужденія, и жестоко преслѣдуются проповѣдниками и хвалителями предстоящаго царства капитализма. Прогрессъ, по мнѣнію марксистовъ, несовмѣстимъ съ существованіемъ и развитіемъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, и потому послѣднее должно исчезнуть или принять капиталистическія формы. „Надежды на лучшее будущее,—какъ утверждаетъ г. П. Масловъ,—нужно основывать не на прочности стараго уклада жизни, а на его шаткости... Если нѣтъ надежды на хозяйственный прогрессъ страны, то продовольственному хозяйству мы можемъ предсказывать дальнѣйшее развитіе на счетъ капиталистическаго, и обратно... Искать выхода для массы крестьянскаго населенія нужно въ общихъ соціальныхъ условіяхъ страны; измѣненіе ихъ, благопріятное для развитія производительныхъ силъ, даетъ, правда, толчокъ къ развитію капитализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ вытолкнетъ изъ пассивнаго и безнадежнаго состоянія и голодающихъ собственниковъ и арендаторовъ“ (стр. 432). Мелкія продовольственныя хозяйства, питающія многомилліонную массу крестьянства, сохраняются, будто бы, только „при отсутствіи техническаго прогресса и при обѣднѣніи населенія“ (стр. 451),—хотя до сихъ

поръ не дѣлалось еще никакихъ попытокъ облегчить для крестьянъ доступъ къ этому техническому прогрессу, и, слѣдовательно, нѣтъ еще матеріала для правильныхъ выводовъ. Грѣхъ народниковъ—въ томъ, что они слишкомъ мягкосердечны. „Присутствуя при зачаткахъ распаденія устоевъ натуральнаго хозяйства въ деревнѣ, не видя изъ-за хаоса падающихъ обломковъ—дали будущаго, эти пасынки разночинной интеллигенціи считають единственнымъ выходомъ изъ трагическаго положенія починку и укрѣпленіе разрушающагося зданія. Но такой выходъ означалъ лишь осложненіе трагизма. Если мелкое хозяйство въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами (въ томъ числѣ и съ тягостными проявленіями односторонней экономической политики?) держится лишь нечеловѣческимъ напряженіемъ производителя, то желать дальнѣйшаго сохраненія старыхъ аграрныхъ устоевъ—значило лишь привѣтствовать послѣднія отчаянныя усилія гладіатора-мелкаго земледѣльца, гибнущаго въ безнадежной борьбѣ" (стр. 597). Намъ кажется, что стремленіе избавить „гладіатора" отъ смерти, помочь мелкому земледѣльцу спастись отъ гибели и облегчить для него условія борьбы за существованіе—вполнѣ законно и симпатично, каковы бы ни были предположенія о туманной „дали будущаго". Марксисты стоятъ за „борьбу классовъ", превозносятъ ее, какъ нѣчто желанное, — только потому, что она рисуется имъ въ неясномъ туманѣ будущаго и ни къ чему не обязываетъ ихъ въ настоящемъ; а отчаянныя усилія крестьянства, стремящагося выпутаться изъ цѣпкихъ лапъ капитализма, вызываютъ у нихъ жесткія насмѣшки и приравниваются къ безнадежному гладіаторству, какъ будто крестьянамъ не полагается вовсе бороться за жизнь. Проходить равнодушно мимо чужихъ бѣдствій подъ тѣмъ предлогомъ, что эти бѣдствія вытекаютъ изъ естественнаго хода исторической эволюціи и подготовляютъ лучшее будущее для потомства,—это философія, которую желающіе могутъ свободно примѣнять въ своей личной дѣятельности; но было бы слишкомъ смѣло навязывать такое міропониманіе другимъ и нападать на людей, не обладающихъ подобною „психикою".

Впрочемъ, въ теоріи равнодушіе и пассивность совершенно несвойственны марксизму; даже художникамъ предлагается „рисовать сіяющія счастьемъ и совершенствомъ картины будущаго, а рядомъ—отвратительное зло настоящаго, развивать чувство трагическаго, радость борьбы и побѣдъ, Прометеевскихъ стремленій, упорной гордости, непримиримаго мужества, объединять сердца въ общемъ чувствѣ порыва къ сверхчеловѣку" (стр. 180). „Са-

мое великое и драгоцѣнное въ человѣчествѣ,—говорится въ другой статьѣ сборника,—это героизмъ, руководимый правильной идеей,—героизмъ, проникнутый яснымъ сознаніемъ идеала развитія. Въ этомъ свѣтломъ героизмѣ осуществляется единство поэзіи, мудрости и гуманности; въ немъ находятъ свое живое выраженіе всѣ человѣческія стремленія къ совершенству жизни, какъ высшему благу" (стр. 111). Противъ кого же могутъ быть направлены героическіе подвиги, вдохновляемые правильными, т.-е. марксистскими, идеями? При твердой вѣрѣ въ законность и неизбѣжность совершающейся исторической эволюціи нѣтъ мѣста для борьбы во имя высшихъ идеаловъ, и героизмъ былъ бы только напраснымъ, безцѣльнымъ самоотверженіемъ. Не совершать же героическіе подвиги для ускоренія торжества капитализма и обезземеленія массы крестьянства!

Если судить по общему содержанію и тону „Очерковъ реалистическаго міровоззрѣнія", то главными и опаснѣйшими врагами правильнаго развитія Россіи являются противники слѣпого подражанія нѣмецкимъ марксистамъ, публицисты-народники и философы-идеалисты; но для борьбы съ ними едва ли потребовалось бы совершеніе героическихъ подвиговъ...

Л. Слонимскій.

НА КРАЮ СВѢТА

Изъ записной книжки.

...Мнѣ было сегодня не по себѣ. Я нѣсколько разъ принимался за чтеніе, прочитывалъ двѣ-три страницы и потомъ бросалъ книгу; брался потомъ за карандашъ, пробовалъ набросать безотрадную картину зимняго полувечера за окномъ, но рука двигалась неохотно, какъ-то черезъ силу, и я долженъ былъ отложить въ сторону и рисованіе.

— Не то!...

Съ этимъ страннымъ чувствомъ я зашагалъ по своей небольшой горницѣ; при этомъ неловко запутывался въ простомъ пестромъ половикѣ; грубыя половицы досадно скрипѣли подъ ногой, и я, пройдя горницу разъ, другой, самъ не знаю зачѣмъ, угрюмо остановился передъ окномъ. За перегородкой, на половинѣ моихъ хозяевъ, слышалась тихая бесѣда. До меня изрѣдка долетали отдѣльныя слова подвыпившаго Михайлы, моего хозяина. Онъ о чемъ-то спорилъ со своей „бабой". Я не слышалъ, о чемъ собственно они тамъ ворчали другъ на друга, не слышалъ только потому, что не слушалъ.

Уже нѣсколько дней меня преслѣдовало опредѣленное по происхожденію, но непонятно тяжелое настроеніе. Я ни за что не могъ взяться, не было охоты ровно ни къ чему. Чего-то не хватало, душу саднило отъ чего-то. Стоило мнѣ за что-либо взяться, какъ отъ начатой работы дѣлалось противно, руки опускались, и я въ какой-то нравственной тошнотѣ начиналъ бродить по горницѣ. Но и отъ этого мнѣ стало еще гаже на душѣ: раньше мнѣ удавалось хоть нѣсколько вышагать свое

настроеніе. Я ходилъ часами, утомлялъ себя дѝ-нельзя, до головокруженія, и достигалъ подъ конецъ хотя тупого, но все-же приблизительно спокойнаго состоянія духа...

На этотъ разъ я и шагать не могъ.

— Чтѝ же это будетъ лѣтъ черезъ пять?—звучалъ гдѣ-то мучительный вопросъ. Я слышалъ каждый звукъ этихъ словъ вполнѣ отчетливо, но не узнавалъ въ нихъ голоса собственнаго сознанія и относился къ нимъ какъ къ чему-то, доходившему до моего слуха откуда-то извнѣ, и потому почти вслухъ отвѣчалъ:

— А я не знаю, чтѝ это будетъ; да и самъ чортъ одинъ развѣ знаетъ про то...

Я еще очень недавно прибылъ въ эту жалкую, затерянную въ глубокихъ таежныхъ снѣгахъ деревушку, и мнѣ предстояло прожить здѣсь нѣсколько лѣтъ безвыѣздно. Я боялся взглянуть въ грядущую даль годовъ, не могъ примириться съ мыслью, что они, эти года, протекутъ здѣсь. А между тѣмъ это было неизбѣжно, и меня глухо раздражало сознаніе, что я въ сущности нелѣпо маюсь у какой-то фиктивной точки.

— Такъ уходи!..—звучалъ откуда-то все тотъ же голосъ еще незамученнаго напраснымъ томленіемъ разсудка,—уходи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!...

Мое имя, произнесенное за перегородкой, на минуту вырвало меня изъ нуднаго круга.

— Спитъ, надо быть!..—услышалъ я. Это предположеніе тоже относилось ко мнѣ. Такъ какъ я надолго застылъ у окна, то хозяева и рѣшили, что я уснулъ, по обыкновенію, послѣ нѣкоторой порціи шаговъ. Я не двинулся и сталъ внимательнѣе прислушиваться: мнѣ вдругъ захотѣлось узнать, чтѝ думаютъ обо мнѣ эти простые люди. Скоро я былъ вполнѣ удовлетворенъ въ этомъ смыслѣ.

— Ты, Матрёшка, за нимъ вѝ какъ доглядывай... и-й!... чтобъ ни съ глазу! Староста мнѣ сейчасъ въ кабакѣ ладно пужалъ: ты,—гритъ,—паря, за нимъ вѝ какъ гляди, не то уйдетъ, храни Богъ; товды земскій мнѣ рыло вѝ какъ вздуетъ, и-й!... гляди,—гритъ,—доглядывай и бабѣ своей накажи, чтобъ доглядывала, и сусѣдямъ,—не то,—гритъ,—храни Богъ уйдетъ, товды баринъ съ тебя семь шкуръ спуститъ, а восьмую запоретъ... и-й!... Нну нѝ, выпей!

Послышалось бульканье жидости, а затѣмъ уже Матренинъ голосъ, очевидно, смоченный какъ слѣдуетъ и поэтому достаточно сиплый, отвѣтилъ:

— Куды уйти-то ему: снѣгъ-отъ въ тайгѣ по-брюхо, дорогъ-отъ отсюды нѣту, окромя одной; а по ней недалеко ушагнетъ, хоть и долгоногой,—не уйдетъ, небось, Михайла!

Жидкость снова забулькала. Михайла выразительно крякнулъ за перегородкой.

— А ты, дура-баба, умъ свой короткій спрячь-ко, а знай доглядывай, какъ сказано; онъ вѣдь въ родѣ какъ казенный человѣкъ, за него ба-а-льшой отвѣтъ!... запорютъ....

Мнѣ представилось, что Михайла послѣ этихъ словъ усиленно заскребъ зачесавшуюся спину.

— Вотъ и уходи!..—заворошилось у меня что-то злобное. Въ сознаніи „простыхъ людей" я былъ казеннымъ имуществомъ, этимъ все исчерпывалось,—отнынѣ я могъ быть увѣренъ въ своей полной сохранности.

Я все еще стоялъ у мутнаго, вспотѣвшаго окна. Теперь я увидѣлъ за нимъ глубокіе сугробы снѣга и черный, непроглядный лѣсъ вдали. Неширокая, плохо укатанная дорога, та самая, „окромя" которой, другой „отсюды" не было, все съуживаясь и съуживаясь, неясными бороздками пропадала гдѣ-то у лѣса. Да, по ней трудно было уходить отсюда; Матрена была права.

Сумерки сходили съ раздражающей медлительностью. Муть неба давила на все, и мнѣ дѣлалось душно. Я мысленно перебросилъ свой взглядъ за темную стѣну тайги и нашелъ волнистую, тоже сугробистую, безконечную пустынную равнину. Я и ее торопливо перебѣжалъ взглядомъ и потонулъ въ новомъ лѣсу, гдѣ снѣгу было тоже чуть не выше „брюха"; я съ усиліемъ гналъ свой взглядъ дальше и дальше: лѣсъ смѣнялся равниной, равнина—лѣсомъ, и такъ безъ конца, безъ надежды на конецъ... Надъ головой шла все та же давящая сумеречная муть неба, а кругомъ холодомъ лежалъ глубокій, невылазный снѣгъ... Это былъ какой-то кошмаръ на яву; я чувствовалъ боль въ глазахъ и ноги ныли; страшное безсиліе охватывало не спѣша весь организмъ... Но разъ начавъ свое мысленное путешествіе, я не могъ уже остановиться и напрягалъ всѣ силы, чтобы перебросить свои мечты и взглядъ далеко, далеко назадъ...И вотъ, вдругъ какъ-то на меня откуда-то словно тепломъ пахнуло, обдало и на одинъ мигъ согрѣло. Передъ взглядомъ ярко развернулась широко синяя гладь родного моря; надъ нимъ смѣялось все въ солнцѣ высокое небо, и рядъ кипарисовъ, почти черныхъ, безмолвно тихо склонялъ свои остроконическія верхушки... Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу, но картина мгновенно пропала, и я опустился куда-то, въ конецъ обезсиленный... Я сѣлъ на стулъ

все у того же мутнаго окна, за которымъ немедленно же увидѣлъ опять и сѣрое небо, и снѣгъ, и совсѣмъ уже черный лѣсъ въ снѣгу. Я упалъ опять въ дѣйствительность — толчокъ былъ страшный, и, должно быть, отъ него внутри, въ душѣ, что-то съ болью порвалось,—словно какой нарывъ лопнулъ.

Мгновенно созрѣло опредѣленное и незыблемое рѣшеніе.

Темнѣло. По отпотѣвшимъ стекламъ начали ложиться первые стрѣльчатые узоры мороза. Я не хотѣлъ отходить отъ окна и внимательно, но уже вполнѣ спокойный, слѣдилъ за этой работой ледяной кисти вечерняго художника. Стрѣлочки скоро превратились въ неясно очерченные листочки какого-то экзотическаго цвѣтка. Мало-по-малу этотъ цвѣтокъ убирался разнообразными затѣйливыми деталями, получалъ матово-голубоватый оттѣнокъ. Скоро все окно представляло изъ себя сплошной смѣлый эскизъ, необыкновенно простой въ основѣ, но сложно красивый въ развитіи оригинальной орнаментики. Все, что было за окномъ, чуть синѣло въ небольшихъ прорѣзахъ стихійнаго рисунка, а онъ самъ дѣлался уже пушисто-бѣлымъ и дышалъ холодомъ, но далеко не мертвымъ.... Откуда-то издали донеслись звонки приближающейся тройки; эти звуки музыкальной дрожью застряли въ обмерзшихъ стеклахъ, и казалось мнѣ, что это звенитъ весь этотъ серебристый лѣсъ морозныхъ узоровъ.

Черезъ минуту я уже сидѣлъ у зажженной лампы и писалъ письма. Первое изъ нихъ я начиналъ такъ: „Только-что пережилъ маленькій психическій кризисъ, но, кажется, онъ миновалъ вполнѣ благополучно, въ настроеніи произошелъ переломъ; сейчасъ я себя какъ-то полнѣй и лучше ощущаю, словно бы между моимъ сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ лопнула какая-то проклятая плёнка, мѣшавшая видѣть и слышать... А долго же она меня мучила, и какъ незамѣтно она образовалась; мнѣ кажется, что я угадываю моментъ ея рожденія: онъ—тамъ, гдѣ впервые за моей спиной звякнули запоры... Великія слова написаны въ старой Библіи: „и вдунулъ ему Богъ душу свободную и разумную“; эти слова опредѣлили на всю жизнь человѣчества первооснову всякаго бытія...“

Письмо это я закончилъ словомъ: „До свиданія“. Писалось оно все подъ тѣ же звуки приближавшейся тройки. Иногда я оставлялъ перо, поднималъ голову и прислушивался, и въ моемъ воображеніи мелькала другая тройка, бѣшено несущаяся среди снѣговъ и лѣса въ иную сторону, и, само собой разумѣется, эта тройка уносила меня отсюда.

Пьяный Михайла храпѣлъ за перегородкой, а Матрена еще продолжала чѣмъ-то булькать тамъ же.

Я улыбался и продолжалъ писать.

Звонки тройки затихли подъ моими окнами. Я отложилъ письмо. Ничего не было невѣроятнаго въ томъ, что судьба посылала мнѣ неожиданнаго товарища. Мнѣ стало даже непріятно отъ этой мысли; я настроилъ себя въ очень опредѣленномъ смыслѣ, и мнѣ не хотѣлось никого разочаровывать, а это было бы неизбѣжно: человѣкъ ѣхалъ-ѣхалъ и, наконецъ, пріѣхалъ, уже узналъ, что онъ здѣсь будетъ не одинъ, съ радостью подкатилъ къ моему крыльцу и вдругъ... Я даже всталъ изъ-за стола въ волненіи, а въ избѣ уже чей-то тоненькій, надтреснутый, удивительно знакомый мнѣ голосъ допытывался у Матрены:

— А скажите, пожалуйста: здѣсь живетъ крестьянинъ Михаилъ Непомнящій?... А, здѣсь!.. А скажите: жилецъ вашъ дома?.. А, дома!.. Очень вамъ благодаренъ... А гдѣ бы мнѣ эти... шкуры снять съ себя?

Я вздрогнулъ: это былъ, несомнѣнно, онъ, мой дорогой Сидоръ, цѣнное воспоминаніе юности. Менѣе всего я могъ ожидать этой встрѣчи здѣсь. Сидоръ въ тайгѣ?!.. Я готовъ былъ съ ума сойти. Сидоръ въ ссылкѣ?!—Я, какъ безумный, бросился къ дверямъ. Но тамъ уже торчало пурпурное лицо Матрены, глупо изумленное и любопытное; за ней я увидѣлъ цѣлую гору всякаго звѣринаго мѣха, среди которой чуть улыбалась крошечная физіономія Сидора.

— Какими судьбами?—вотъ все, что̀ я могъ сказать на встрѣчу пріятелю, котораго не видѣлъ уже нѣсколько лѣтъ.

— По волѣ судебъ... Помоги мнѣ, братъ, прежде всего снять эти... шкуры...

Сидоръ при этомъ дѣлалъ напрасную, слабосильную попытку освободиться отъ тяжелой и теплой дохи.

Я поспѣшилъ его освободить; подъ дохой была романовская шуба,—я извлекъ Сидора и изъ этого одѣянія. Оставалось пальто, и Сидоръ мнѣ предупредительно протянулъ рукава.

— Пожалуйста... я чувствую себя безъ силъ.

Пальто было снято, но подъ нимъ оказалась еще какая-то широкая теплая куртка.

— Благодарю тебя... это уже я самъ смогу.

Онъ нѣсколько сконфуженно отстранилъ меня и, сбросивъ куртку, предсталъ предо мной во всей своей хрупкой миніатюр-

ности. Одѣтъ онъ былъ въ свой любимый кофейный пиджачокъ; на немъ была измятая крахмаленная сорочка; сдвинувшійся галстучекъ дополнялъ его видъ. Я расхохотался до слезъ и поспѣшилъ обнять пріятеля.

— Сидоръ, голубчикъ, такъ-то мы путешествуемъ по здѣшнимъ дебрямъ?

Онъ вяло улыбнулся.

— Не говори!.. Всю дорогу я себя чувствовалъ тюкомъ какимъ-то... Меня снимали съ подводы и клали снова. Понимаешь, что̀ это получалось?.. Всѣ хохотали—ямщики эти.

Я тоже хохоталъ, а Сидоръ неувѣренно переступалъ въ глубокихъ томскихъ пимахъ.

— Тоже, обувь называется!..

Онъ чуть не упалъ и недружелюбно поглядывалъ на свои ноги.

— Могу тебѣ немедленно предложить пару ботинокъ, если хочешь,—поспѣшилъ я къ нему на встрѣчу.

— Нѣтъ, не надо, у меня есть свои; только укажи мнѣ мѣсто, гдѣ переобуться и вообще немного привести себя въ порядокъ. У тебя нѣтъ другой комнаты?

— Не имѣется, къ сожалѣнію: все здѣсь,—и спальня, и кабинетъ, и что̀ ты хочешь—все.

Сидоръ разставилъ руки, сдѣлалъ гримаску и неувѣренно оглядывался.

— Такъ какъ же я?..

„M-lle Isidore“, какъ любилъ звать Сидора старый французъ нашей гимназіи, въ эту минуту такъ ярко выглянула изъ помятаго путешествіемъ товарища, что я вновь расхохотался, снова обнялъ его и поспѣшилъ вывести его изъ затруднительнаго положенія.

— Ничего, милый, я выйду и оставлю тебя одного; можешь дѣлать твой туалетъ.

— А, очень благодаренъ тебѣ, но постой: у тебя есть и умывальникъ, и мыло, и гребенка,—все это есть?

— Все, все, пользуйся, моя Европа. Вонъ тамъ, въ углу, чашка глиняная безъ края; это—умывальникъ; кусокъ въ родѣ камня на окнѣ—мыло; три зубца рядомъ—гребенка; есть даже зеркало...—Я указалъ Сидору на треугольникъ грязнаго, чуть блестѣвшаго, вмазаннаго въ стѣнку стекла. Сидоръ слѣдилъ за моей рукой и, наконецъ, сокрушенно вздохнулъ. Я же продолжалъ:

— А воды тебѣ сейчасъ хозяйка подастъ, прямо изъ проруби водичка, холодная-холодная, съ ледяными иголочками.

Сидоръ испуганно замахалъ руками и плечи его передернуло какъ бы отъ сквозника.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога... тепленькой изъ самоварчика!

— И это можно, дѣва моя красная!

Я хохоталъ, но уже на хозяйской половинѣ. Тамъ Матрена уже раздувала самоваръ. Здѣшнія хозяйки не ждутъ приказаній. Отойдя отъ печки, эта здоровенная баба, взявшись за могучіе бока увѣсистыми кулаками, сердобольно сжала губы и мотнула головой на горницу:

— Какіе они слабенькіе!

Я присѣлъ на край Михайлова ложа. Надъ нимъ висѣлъ запахъ перегорѣвшей сивухи. Михайла пьяно стоналъ и дышалъ какъ мѣхъ. Его здоровенное тѣло было неподвижно. Я оглядѣлъ его не безъ нѣкотораго недружелюбія. Мнѣ стало грустно. Сознаніе возвратилось къ нарушенной линіи прежнихъ ощущеній, и я подумалъ: „Какъ я могу теперь уѣхать отсюда и оставить этого младенца въ этой таежной ямѣ, среди этихъ полузвѣрей?" При одной мысли о возможности этого у меня сердце переворачивалось. Мало-по-малу радость встрѣчи со школьнымъ товарищемъ потихоньку уступила мѣсто инымъ чувствамъ.

— И чтой-то вы стали сурьезный такой эти дни?

Матрена поднялась надъ столомъ, гдѣ готовила что-то изъ закуски, и въ упоръ глядѣла на меня.

— „Доглядываешь?.."—подумалъ я и вслухъ прибавилъ:— Нездоровится что-то: въ ногахъ колетъ.

— Баньку развѣ вамъ истопить пожарчѣй, попариться бы вамъ...

— Поможетъ ли?

— Отъ всѣхъ хворей помогаетъ; какъ, поди, не поможетъ!— поможетъ; велите, такъ я хоть завтра истоплю.

Матрена двинулась снова къ печкѣ, закопалась въ ней и добавила:

— И погляжу я на васъ: молодые вы, а все хворые... э хе-хе...

Она еще что-то тамъ лепетала, но я уже не слушалъ. Я снова думалъ о Сидорѣ. Какъ онъ могъ сюда попасть? Въ извѣстныхъ смыслахъ, въ моихъ глазахъ онъ былъ такъ чистъ и невиненъ, что я могъ только диву даваться. Я сталъ ревизовать свои воспоминанія, въ надеждѣ найти тамъ разгадку неожиданнаго появленія Сидора здѣсь.

Мы учились вмѣстѣ въ гимназіи. Я помнилъ Сидора еще слабенькимъ, крохотнымъ мальчикомъ, котораго ранецъ, нагруженный латинянами и греками, чуть назадъ не валилъ. Въ моихъ

ушахъ живо звучали насмѣшки класса по этому поводу: „Сидоръ, Сидоръ, не сломайся!“ Смѣялись мы всѣ; вообще, онъ давалъ много поводовъ похохотать, и этихъ поводовъ товарищество не упускало, конечно; смѣхъ и шутки, однако, не мѣшали всѣмъ, рѣшительно всѣмъ его очень любить. Я лично питалъ къ Сидору особую нѣжность. Этотъ смѣшной, недоразвившійся физически мальчикъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ товарищемъ; школяръ безупречный, онъ, не принимая активнаго участія въ нашихъ подвигахъ, неизмѣнно былъ съ нами въ моментъ расплаты. Этотъ чудный и чудной человѣкъ за всю свою школьную карьеру ни разу не сказалъ: „это не я“; на него взводились всевозможныя преступленія; классные надзиратели были увѣрены, что Сидоръ есть тотъ тихій омутъ, въ которомъ всѣ черти живутъ. „Кто разбилъ окно?“—„Сидоръ“.—„Кто налилъ чернилъ на стулъ нѣмца учителя?“—„Сидоръ“. Сидоръ былъ демонъ шалости въ сознаніи педагогическаго совѣта, и поэтому не выходилъ изъ двоекъ по поведенію. Дѣйствительные же виновники посмѣивались себѣ на своей камчаткѣ, видя, какъ Сидоръ твердо стоитъ передъ неожиданнымъ и несправедливымъ обвиненіемъ и лишь маншетки обдергиваетъ. „Ай да Сидоръ!“—одобрительно гудѣло ему вслѣдъ изъ гурьбы товарищества, когда онъ за чужой грѣхъ путешествовалъ въ карцеръ. Словомъ, это былъ герой совсѣмъ особаго рода, и герой, несомнѣнно, очень большой.

Моя личная дружба съ Сидоромъ началась очень оригинально. Однажды я, взбѣшенный до-нельзя гувернеромъ—„Поллуксомъ“—рѣшилъ жестоко отомстить ему. Эта злая, никого не любившая, несправедливая и безпощадная натура, имѣла одну для нея совершенно непонятную страсть: Поллуксъ былъ ярый и нѣжный цвѣтоводъ; небольшой цвѣтникъ передъ его квартирой на нашемъ гимнастическомъ дворѣ полонъ былъ чудныхъ розъ. Одна изъ нихъ и сдѣлалась жертвой моего мщенія; Сидоръ былъ случайнымъ того свидѣтелемъ. Когда онъ увидѣлъ роскошную розу въ воздухѣ, съ корнемъ выдернутую и потомъ снова на землѣ подъ моей ногой, онъ испустилъ какое-то рычаніе. Я остановился и съ удивленіемъ глядѣлъ на товарища. Сидоръ былъ блѣденъ и такъ глядѣлъ на меня, что мнѣ стало неловко, а я, не окончивъ своего дѣла, выпрыгнулъ изъ цвѣтника и побѣжалъ прочь. Сидоръ же остался тамъ и все глядѣлъ на истерзанную, измятую розу,—на этомъ и засталъ его подошедшій инспекторъ. Преступленіе было на лицо. Поллуксъ не захотѣлъ искать далеко и преступника: Сидоръ еле вырвался изъ его рукъ. Тутъ-то и произошло нѣчто для меня долго бывшее за-

гадкой; Сидоръ показалъ инспектору на меня. Я былъ немедленно приведенъ „Касторомъ“—старшимъ надзирателемъ на мѣсто происшествія, и Сидоръ, привычнымъ жестомъ обдергивая маншетки, твердо произнесъ въ присутствіи всѣхъ: „Это ты сдѣлалъ!“

Само собою разумѣется, что я дорого поплатился за свою продѣлку: она мнѣ въ значительной степени испортила все мое дальнѣйшее пребываніе въ гимназіи; я попалъ на очень худой счетъ и даже семидневнымъ карцеромъ не искупилъ вполнѣ своей вины. Сидору тоже эта исторія не прошла даромъ,—товарищество отвернулось отъ него, и онъ молчаливой тѣнью забродилъ по корридорамъ; иногда къ нему подходилъ инспекторъ, который почему-то и какъ-то сразу сталъ его очень жаловать, и тогда-то отъ одного класса до другого въ рядахъ школьниковъ гудѣло: „Новые Касторъ и Поллуксъ, друзья нѣжные!.. тютю... тю-тю!..“ Дѣло кончилось для Сидора злѣйшимъ нервнымъ припадкомъ среди бунтующаго класса, который однажды весь застоналъ криками: „Долой новаго Кастора“!.. Сидоръ не вынесъ новой, несомнѣнно обидной клички, такъ какъ къ старому „Кастору“ онъ питалъ глубокое презрѣніе; неожиданно для всѣхъ онъ затрепеталъ всѣмъ своимъ тѣломъ у каѳедры на полу въ жестокихъ судорогахъ истерики. Все это произошло въ мое отсутствіе: я еще отсиживалъ. Освободившись, я скоро примирился съ Сидоромъ; примирилось и товарищество съ нимъ: слишкомъ ужъ твердо стояла его школьная репутація. Послѣ этого случая мои отношенія съ Сидоромъ стали даже болѣе близкими и интимными. У Сидора между прочимъ я открылъ страсть къ музыкѣ; обнаружилось, что онъ очень незаурядно для своихъ лѣтъ играетъ на скрипкѣ. Я тоже очень любилъ музыку, но, не играя самъ ни на чемъ, окрестилъ Сидора „талантомъ“ и заставлялъ его цѣлыми часами играть для меня.

Впослѣдствіи, когда мы стали постарше, наши дороги разошлись. Изъ класса выдѣлилась небольшая группка съ повышенными умственными требованіями; мы стали читать и заговорили о Луи-Бланѣ, Миртовѣ, а Сидоръ все болѣе и болѣе уклонялся въ свою музыку, и мы его стали звать: „Сидоръ съ нотами“, и окончательно махнули на него рукой.

Все это быстро теперь промелькнуло у меня въ головѣ, но воспоминанія эти не помогли мнѣ рѣшить загадки: какъ могъ попасть Сидоръ въ тайгу?

Сидоръ тѣмъ временемъ неутомимо чистился за перегородкой.

— Сидоръ, скоро ли?..

— Сію минуту!..

Эта минута тянулась еще десять минутъ.

Когда я наконецъ получилъ разрѣшеніе войти въ горницу, Сидоръ уже совершенно окончилъ свой туалетъ. Я нашелъ его помолодѣвшимъ, свѣженькимъ; галстухъ былъ подвязанъ какъ слѣдуетъ, и все лицо Сидора сіяло отъ удовольствія; очевидно наслаждаясь, заложивъ руки въ карманы, онъ прогуливался по горницѣ въ мягкихъ лакированныхъ туфелькахъ—тяжелыя пимы стояли неуклюже въ углу.

Я, улыбаясь, показалъ ихъ Сидору:

— Освободился?

— Ахъ, чтобъ ихъ... Ты не можешь представить себѣ, какъ онѣ меня измучили; но зато теперь очень хорошо; очень тебѣ благодаренъ, прости за безпокойство... я, кажется, немножко долго мылся?

Я засмѣялся и отвѣтилъ:

— По обыкновенію.

— Ну, прости!—Онъ даже мнѣ руку подалъ въ знакъ извиненія. Руку эту я взялъ и засыпалъ его интересующими меня вопросами. Всѣ они были выслушаны, и затѣмъ я получилъ на все сразу одинъ общій отвѣтъ:—такова была ужъ манера пріятеля,—онъ не умѣлъ торопиться.

— Ѣду я сюда, привлекаясь по вашему же дѣлу... Это тебя удивляетъ? сейчасъ разъясню. Когда васъ всѣхъ взяли... Ты хочешь что-то спросить?

— Да... куда ты назначенъ?—Я спросилъ это не безъ нѣкоторой тревоги.

— Не помню,—волость какая-то мудреная,—но я пока остановлюсь въ Киренскѣ... Ну, такъ вотъ, когда васъ всѣхъ взяли я былъ уже въ Питерѣ и консерваторію посѣщалъ. Разъ ночью они пришли ко мнѣ; ничего, разумѣется, не нашли, кромѣ твоей карточки и нѣсколькихъ твоихъ писемъ. Все это они взяли съ собой и меня тоже пригласили...

Я только руками всплеснулъ.

— Сидоръ, такъ ты, значитъ, попадаешь сюда по...

— По ошибкѣ?.. не вполнѣ. Слушай дальше. Не помню, сколько дней я просидѣлъ въ одиночкѣ, только наконецъ вызвали меня на допросъ; тамъ предъявили твои карточки и о знакомствѣ спросили. „Знакомъ, знакомъ, знакомъ",—говорю. „Ну, а къ тайному сообществу принадлежите?"—спрашиваетъ

кто-то. Я съ минуту подумалъ, и такъ какъ нравственно я никогда отъ васъ себя не отдѣлялъ, то и отвѣтилъ: „Принадлежу“. — „Что̀ еще можете добавить?“ — „Ничего!“ — „Ну, отправляйтесь, посидите—надумаетесь: мы во всякое время къ вашимъ услугамъ!..“—Только и всего.

Говоря все это, Сидоръ выпрямилъ свою фигурку, какъ въ былое время, подъ градомъ незаслуженныхъ упрековъ класснаго наставника по поводу не имъ, Сидоромъ, сдѣланной шалости, и, какъ встарь, только манжетки обдернулъ.

— Это все... и ты здѣсь?!

— Почти все. Потомъ, черезъ два мѣсяца, меня снова вызвали и спрашиваютъ: „Успѣли поскучать?“—„Немножечко“,—отвѣчаю.—„А сказать что̀ имѣете?“—„Кое-что“.—„Пожалуйста, говорятъ, чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ лучше!“—и даже бумагу мнѣ подсунули. Я имъ тогда и написалъ очень откровенно: „Не имѣя чего сообщить, прошу оставить меня въ покоѣ“.

Я былъ внѣ себя отъ этого разсказа и нѣкоторое время даже не могъ словомъ выразить того смѣшаннаго чувства, которое во мнѣ подняла вся эта нелѣпая исторія. Сидоръ же продолжалъ говорить:

— Еслибъ ты видѣлъ ихъ въ то время! Они всѣ заговорили: „Напрасно вы шутите; мы вашимъ шуткамъ ровно никакого значенія не придаемъ, ровно никакого... Но за это вы все-таки прогуляетесь куда слѣдуетъ“... Вотъ я и прогуливаюсь... ха-ха-ха!

Я могъ только взяться за голову и, возмущенный до глубины души, стоялъ и смотрѣлъ на школьнаго товарища, а онъ себѣ, посмѣиваясь, „прогуливался“ по моей горницѣ.

— И долго ты въ „домѣ“ просидѣлъ въ качествѣ „преступника“?...

— Одиннадцать мѣсяцевъ. Потомъ заболѣлъ—грудь разстроилась и нервы расшатались. Докторъ объявилъ мое положеніе опаснымъ; мнѣ предложили выйти изъ тюрьмы подъ поручительство. Я согласился и поѣхалъ къ матушкѣ—ожидать „приговора“. Приговоръ пришелъ, и я, „въ виду болѣзненнаго состоянія“, поѣхалъ на собственный счетъ... Оригинальный я злоумышленникъ... не такъ ли?.. ха-ха-ха!

Сидоръ продолжалъ шагать по горницѣ и смѣялся, но въ тонѣ его начинала слышаться все рѣзче нервная нотка. Я подошелъ къ нему.

— Слушай: вѣдь ты совершилъ самоубійство; вѣдь ты въ значительной степени самъ виноватъ во всей этой безсмыслицѣ. Меня, напримѣръ, спрашивали о тебѣ, но я не могъ предпо-

ложить, что ты взятъ, и поэтому отвѣтилъ, что знакомство съ тобой не выходило изъ предѣловъ знакомства съ другими гимназическими товарищами... Еслибъ я зналъ!.. я бы съумѣлъ тебя выдѣлить... Сидоръ, Сидоръ!

— Да ты напрасно волнуешься,—развѣ твоя обязанность была выдѣлять меня?.. Это они были обязаны безъ достаточныхъ основаній не включать меня; а разъ включили... я уже не имѣлъ силъ сказать: я.. я не причемъ! Развѣ я не съ тобой учился, развѣ не я тебѣ досталъ томъ Луи-Блана тогда, когда вы только-что начинали думать... Я его, этого Луи-Блана, не читалъ, это особь-статья, но все-таки я не имѣлъ силъ умыть руки и отречься, когда ты уже сидѣлъ...

Въ это время Матрена внесла самоваръ и стала ставить закуску. Сидоръ умолкъ и снова загулялъ по горницѣ. Я угрюмо слѣдилъ за нимъ; мнѣ было обидно за эту большую душу, непосильно великую для своего маленькаго тѣла, такъ зря наскочившую на одну изъ самыхъ жестокихъ нелѣпостей жизни. Я думалъ—какъ все это просто вышло: „Принадлежите?“—„Принадлежу“!.. Никакихъ фактовъ, даже слѣдовъ ихъ, и въ результатѣ въ лучшемъ случаѣ—испорченная жизнь, вывихнутая жизнь... А почему?

Сидоръ спокойно прогуливался. Матрена уже накрыла столъ. Рыжики, картошка въ маслѣ, омуль, запеченный въ пирогѣ, объемистый графинчикъ—расположились на приблизительно чистой скатерти, а надъ всѣмъ этимъ величественно пыхтѣлъ пузатенькій самоварчикъ.

— Кушайте! — Матрена кланялась и, сложивъ руки подъ передникомъ, стала выжидательно у дверей. Я поспѣшилъ ее услать въ лавочку за свѣчкой; она стѣсняла насъ.

Когда мы остались одни, Сидоръ выпилъ рюмку и принялся за ѣду.

— Видишь, я сталъ водку пить... Это я въ дорогѣ уже постигъ: все-таки грѣетъ. Ну и холодина же здѣсь!—Онъ опять нервно двинулъ плечами.

— Холодъ консервируетъ!

— Какъ кого...—Сидоръ это сказалъ очень тихо и такъ же тихо засмѣялся.—Отчего ты не ѣшь?

— Не голоденъ; вотъ чаю я выпью. А скажи: ты у меня погостишь, конечно?

Сидоръ, давившійся въ это время картошкой, только головой замоталъ; наконецъ, проглотивъ ее и наливая себѣ вторую рюмку, добавилъ:

— Только до утра, мой другъ, только до у

Я удивился.

— Вотъ въ чемъ дѣло. Послѣ долгихъ хлопотъ наконецъ, какъ особую милость, ѣхать на соб по опредѣленному маршруту. Но я уже немножк изъ желанія повидать тебя... Ну, ты мнѣ разрѣ рюмку выпить?

Я пододвинулъ ему графинъ. Онъ пытливо меня и сталъ наливать.

— Не правда ли, я сталъ много пить?.. Но т умѣю; эта мудрость ко мнѣ еще въ „домѣ" прии Скрипки мнѣ не дали; читать я не умѣю; писат ничего не люблю. А письма писать могъ одной слалъ одно для тебя, такъ его назадъ оборотил что переписка между заключенными не разрѣ его... Ты замѣчаешь: я сталъ ругаться!.. ха-ха... скрипка—нельзя, письмо другу—нельзя... Что ж

Сидоръ съ несвойственной ему энергіей сту ладонью; невыпитая рюмка опрокинулась.

— Ну чортъ... пусть такъ! Значитъ, больше я уже дебоширить началъ, ты меня извини!..

Онъ сконфуженно улыбался и принялся за с

— Такъ ты очень скучалъ?

— О, да!.. А тебѣ развѣ не скучно было шаг стѣнкахъ?

— Не очень. У меня вѣдь были и тамъ ин за развитіемъ дѣла, сносился съ товарищами, с чѣмъ занять досугъ.

Я сталъ довольно подробно разсказывать о заключеніи времени. Когда я окончилъ, Сидоръ, очень внимательно, грустно вздохнулъ, и на ми хмельно поникъ головой — водка дѣйствовала. как-то спохватившись, онъ снова, хотя и конфу рюмку.

— Эхъ, налей мнѣ и пожалуйста себѣ, а то я не хотѣлъ больше пить, но очень ужъ у меня душѣ отъ твоего разсказа... Я еще въ гимназіи чувствовалъ: вы, тамъ, другіе, въ лапту играли, куда я годился?.. „Сидоръ, Сидоръ, не сломайся Помнишь, всѣ надо мной смѣялись... ха-ха-ха... смѣшно попалъ, и въ тайгу смѣшно иду... ха-

здѣсь смѣшно... За что?—спросятъ и посмѣются... ха-ха-ха... ха-ха-ха!..

Онъ несомнѣнно хмелѣлъ, и я тихонько отставилъ отъ него водку; его смѣхъ и слова жутко ударили меня по нервамъ.

— Тебя, Сидоръ, всѣ любили въ классѣ!—проговорилъ я, чтобъ его немножко разсѣять.

Онъ поднялъ голову, утвердительно мотнулъ ею и тихо отвѣтилъ:

— Знаю... всѣ любили!..

Онъ замолчалъ, потомъ попросилъ чаю.

— Очень горячаго!.. чтобъ обожгло...

Это онъ произнесъ, криво улыбнувшись, и потомъ, взявъ меня за руку, тихо спросилъ:

— Такъ меня всѣ любили?

— Конечно, и не любить тебя нельзя было!

— Отчего же... отчего же я-то самъ себя не любилъ и не люблю?..

Я пожалъ плечами, но сердце мое облилось чѣмъ-то горячимъ отъ глубоко трагическаго тона его словъ, а онъ еще болѣзненнѣе повторилъ:

— Да... не люблю.

Онъ глубоко задумался и словно бы глядѣлъ себѣ въ душу. Къ чаю онъ не притронулся. Вдругъ онъ быстро поднялъ голову и мотнулъ ею.

— Э... чортъ... музыки!..—явилось у него неожиданное желаніе.

Въ это время какъ разъ вошла Матрена со свѣчкой.

— Хозяюшка, нѣтъ ли у васъ на седѣ скрипача какого?

Сибирячка усмѣхнулась на этотъ вопросъ Сидора.

— Какъ нѣтъ,—поди, тоже пляшемъ,—заявила она, но, какъ учтивая баба и привыкшая къ „рюмочнымъ“ фантазіямъ, сочла необходимымъ посмотрѣть и въ мою сторону. Я кивнулъ головой въ знакъ того, что съ моей стороны препятствій нѣтъ.

— Такъ развѣ Алёшку цыгана созвать,—знатно играетъ!.. Я мигомъ добѣгу: онъ въ кабакѣ, сейчасъ его тамъ видѣла.

Она торопливо убѣжала. Сидоръ подошелъ близко ко мнѣ и спросилъ:

— Ты не сердишься?

Я взялъ его руку и, сколько могъ ласково, успокоилъ его:

— Полно, что́ ты!.. Я вѣдь знаю, что̀ для тебя музыка!

— Ты не сердись. Вѣдь ты меня видишь въ послѣдній разъ... Я не шучу: я умирать ѣду,—видишь это?

Онъ нерѣшительно вынулъ изъ кармана
Я пригдядѣлся и вздрогнулъ: на красной
были другія, еще болѣе красныя пятна, темны

Сидоръ поспѣшилъ спрятать платокъ въ

— Такъ не сердись... и повѣрь мнѣ. Я вѣрилъ!

Въ голосѣ его что-то дрогнуло. Я же бы ломленъ.

Сѣлъ Сидоръ, положилъ голову на руку,
воцарилось молчаніе, тяжелое, могильное. На
Сидоръ. Онъ налилъ себѣ рюмку и, не гляд
ее, потомъ заговорилъ:

— Вотъ, я ѣхалъ сюда, къ тебѣ... и хо
рить, поговорить, поговорить... поговорить!.. А
говору нѣтъ,—я вѣдь вообще плохо говорю,
этого, обидѣлъ, какъ и въ другомъ... а говорить охота... Я хочу
сказать, что не только я, но и *ты*, и всѣ *вы* т...
значенія" не имѣете... но гдѣ-то глубоко, совсѣм
отвуда не достанешь, родилось нѣчто, что имѣетъ
оно ростетъ и выростетъ...

Въ это время дверь въ избу скрипнула. Кто
тѣмъ донесся тихій звонъ струнъ, по которымъ
Сидоръ поднялъ голову и самъ поднялся.

— Она!..—шепнулъ онъ, съ какой-то дѣтск
скрипка!..—добавилъ онъ, почти съ нѣжностью.

Дѣйствительно въ дверяхъ показалось бронзов
глаза его обѣжали горницу, и зубы привѣтливо
говоря долгихъ словъ, онъ кивнулъ намъ и нем
нялся за настройку скрипки. Сидоръ, вытянувъ
нымъ видомъ жадно ловилъ отдѣльные звуки
струнъ. Наконецъ, лицо его засіяло; чѣмъ-то он
видно, вполнѣ удовлетворенъ.

Алёшка началъ играть; игралъ онъ небрежн
хотя съ цыганскимъ шикомъ и вывертами. Пѣсня
Пока она длилась, я часто взглядывалъ на Сидора
поклясться чѣмъ угодно, что онъ ничего не слы
безучастно было теперь это вполнѣ охмелѣвшее,
лицо. Когда музыкантъ окончилъ и выжидательн
поглядывая на столъ, Сидоръ быстро поднялся
нему.

— Покажите-ка скрипку!

Скрипка очутилась у Сидора. Я понялъ након

товарища и поманилъ Алёшку къ столу. Графинъ сталъ кланяться. Сидоръ же тѣмъ временемъ тихонько подтягивалъ струны. Алёшка, промочивъ горло, на-скоро перехвативъ отъ рыжиковъ, омуля и картошки, обернулся, чтобы исполнять съ новымъ запасомъ силъ свое дѣло, но было уже поздно: скрипка была уже на своемъ мѣстѣ, только у Сидора, и смычокъ, высоко поднятый, готовъ былъ на нее опуститься.

При видѣ такой узурпаціи, что-то ревнивое пробѣжало по цыганскому лицу; онъ сдѣлалъ шагъ и остановился: тихой струйкой отъ скрипки побѣжалъ первый, необыкновенно чистый и тонкій звукъ...

— Ну, пускай самъ...—Алёшка не безъ недовѣрчивой ироніи ухмыльнулся и присѣлъ на корточки у стѣны.

Первый звукъ, не прерываясь, далекимъ стономъ, чуть поднимаясь, то опускаясь, волнуясь въ незамѣтныхъ колебаніяхъ, почти дробяхъ тона, сдѣлалъ какой-то кругъ и замеръ. Затѣмъ родился второй, бросившій меня въ дрожь. Дологъ былъ этотъ звукъ; высота его какъ-то незамѣтно росла... Смычокъ дрожалъ надъ струной, почти не двигаясь, и только лѣвая рука Сидора тихо поплыла безъ скачковъ по грифу вверхъ ладовъ. Стонъ росъ, набиралъ въ себя силу и наконецъ острымъ крикомъ нечеловѣческой боли замеръ въ широкой волнѣ неожиданно развившихся побочныхъ звуковъ.

— Ребромъ теперь... ребромъ наддай!..—шепталъ Алёшка, превратившись уже весь въ слухъ и вниманіе; иронія сошла съ его губъ. Сидоръ товарищески улыбнулся ему въ отвѣтъ, смычокъ въ рукѣ дѣйствительно склонился къ струнѣ. Музыканты поняли другъ друга. Въ хорѣ бушующихъ звуковъ опять что-то кричало почти живыми словами... Но, вотъ, тише сталъ ихъ звукъ, круглѣй и мягче, а зато шумно запѣли его спутники, словно буря ихъ трепала, могучая, широкая, и скоро основной голосъ погибъ почти подъ общимъ ропотомъ... Руки Сидора дѣлали чудеса; скрипку онъ держалъ почти однимъ подбородкомъ; остро-сосредоточенный взглядъ поднимался выше и выше.

Не помню, долго ли игралъ Сидоръ, но когда онъ кончилъ, я въ изнеможеніи отбросился на спинку стула, а Алёшка перевелъ духъ и только произнесъ: „Вай!..“ Сидоръ передалъ ему скрипку и какую-то бумажку, но Алёшкѣ, видимо, не хотѣлось уходить, глаза его разгорѣлись.

— Будемъ еще играть!.. чего?.. будемъ!—настаивалъ онъ, нетерпѣливо трогая струны.

Онъ отсталъ лишь послѣ того, какъ я ему довольно сердито махнулъ на дверь.

По его уходѣ, Сидоръ подошелъ ко мнѣ и, положивъ мнѣ руку на плечо, ничего не говоря, сталъ глядѣть мнѣ прямо въ лицо. Наконецъ онъ шепнулъ:

— Помнишь, я тебѣ шутя обѣщалъ, что ты, а не кто другой, услышитъ мою послѣднюю пѣсню... вотъ!..—Глаза его при этихъ словахъ увлажились, и онъ продолжалъ мнѣ глядѣть ими прямо, какъ мнѣ казалось, въ душу, и больно мучилъ меня этимъ скорбнымъ, но чуднымъ взглядомъ. Наконецъ, я не выдержалъ и, чтобы сказать что-нибудь, спросилъ:

— А скрипку свою ты везешь, разумѣется, съ собой?

— Нѣтъ.. вѣдь я съ тѣхъ поръ, какъ меня взяли, уже не игралъ. Когда, при моемъ освобожденіи, мнѣ выдали изъ цейхгауза мою скрипку, на которой оставалась одна струна, а другія кто-то порвалъ или онѣ сами лопнули, я ее такъ и отвезъ домой и такъ же ее повѣсилъ въ матушкиной комнатѣ, на стѣнкѣ... пусть!.. Мнѣ она не нужна больше: вѣдь я не имѣю „никакого значенія"... это я глубоко чувствую. Было время, жизнь до меня доходила почти только въ этомъ: „ми, ре, соль"... тогда я имѣлъ значеніе; а теперь я уже заглянулъ за ширму, сотканную изъ мелодій, увидѣлъ за музыкой жизнь, сумму всяческаго горя и оскорбленій, не ищущихъ музыки; мнѣ захотѣлось пріобщиться къ этой ужасной чашѣ, и вотъ я... причастникъ, смѣшной, достойный жалости, но все-же причастникъ... по ошибкѣ... но все же не хуже другихъ... Не правда ли?

Онъ снова заглянулъ мнѣ въ глаза. Я схватилъ его руки, но онъ тихонько ихъ высвободилъ.

— Погоди, между нами еще есть что-то... я до сихъ поръ не могу забыть тебѣ твоего насилія надъ той розой—тамъ, въ цвѣтникѣ Поллукса... помнишь?.. Эта роза!.. это—моя первая и послѣдняя любовь! Ты, вырывая ее изъ земли, конечно, не подозрѣвалъ, что я, Сидоръ, ежедневно хожу, какъ влюбленный, къ этой розѣ на свиданіе?.. О, ты совершилъ тогда злое дѣло... Поллуксъ—гадокъ, но роза ни при чемъ... Поллуксъ—негодный, но поражать его слѣдовало не въ то мѣсто его души, которое было единственно чистое и красивое... Скажи, вѣдь ты тогда виноватъ былъ?..

Сидоръ снова близко склонился ко мнѣ и снова и ласково и укоризненно, и скорбно глядѣлъ мнѣ въ глаза.

Онъ настаивалъ молчаливо на отвѣтѣ, и я отвѣтилъ. Лицо его тогда сразу оживилось, и тогда онъ взялъ обѣ мои руки.

— Такъ помни, братъ, не забывай этой розы,—а моей последней пѣсни, я знаю, ты не забудешь: это была пѣсня все той же розѣ, погибшей по жестокости... недоразумѣнія. Ну, а теперь спать будемъ,—я вѣдь велѣлъ ямщику завтра раненько утромъ заѣхать... Я отправлюсь... Гдѣ же ты меня положишь?

Я предложилъ ему свою постель. Онъ не протестовалъ, и скоро Сидоръ уже ёжился подъ одѣяломъ и улыбался. Я присѣлъ къ нему; мы еще поговорили немного, но скоро его глаза стали слипаться, и онъ уснулъ.

Мнѣ не хотѣлось спать, и я не ушелъ; сидѣлъ тамъ на краю постели и глядѣлъ на эту странно отжившую жизнь. Сидоръ часто просыпался; увидѣвъ меня, онъ спрашивалъ:

— Отчего не спишь? иди спать!..

Я поправлялъ ему подушку; онъ ловилъ мою руку и, не выпуская ея, снова засыпалъ. Дышалъ во снѣ онъ хрипло и очень ужъ коротко. Я не сомнѣвался больше въ томъ, что на его скрипкѣ, оставшейся висѣть тамъ, далеко, на стѣнкѣ у бѣдной старушки, скоро, даже очень скоро, въ одну тихую ночь, съ жуткимъ стономъ лопнетъ послѣдняя струна...

Зимняя ночь двигалась медленно; медленно двигались и мои думы, а тишина кругомъ, какъ странное чудовище, мистически шевелилась...

И. Емельянченко.

НОВОЕ

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВА

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ департаментомъ ок
ровъ выпущенъ большой статистическій трудъ, состоя
таблицъ, тома діаграммъ и картограммъ и текста, закл
речень источниковъ и пособій, имѣвшихся въ виду пр
таблицъ, характеристику этихъ источниковъ, описаніе
использованія и обзоръ цифрового матеріала, заключе
первомъ томѣ изданія. Изданіе имѣетъ длинный загол
котораго мы узнаемъ, что оно посвящено вопросу о дв
состоянія сельскаго населенія и назначено для пользовані коммиссіи,
разсматривавшей вопросъ объ упадкѣ черноземнаго центра. Изданіе
это, конечно, могло быть очень полезно коммиссіи, д
предназначалось, но не потому, что оно спеціально посвя
вопросу о движеніи благосостоянія сельскаго населенія.
во второмъ его заголовкѣ, а потому что оно заключает
условіяхъ и нѣкоторыхъ результатахъ дѣятельности
десяти губерній Европейской Россіи въ области главнѣй
страны. Здѣсь мы встрѣчаемъ прежде всего свѣдѣнія
сленности сельскаго населенія съ 1861 по 1900 г.,
каждой губерніи и площади облагаемой въ ней земли, о
послѣдней между отдѣльными категоріями владѣльце
1875 по 1900 гг., о движеніи земельной собственнос

[1]) „Матеріалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. ком
ванію вопроса о движенія съ 1861 по 1900 г. благосостоянія с
средне-земледѣльческихъ губерній, сравнительно съ другими мѣс
ской Россіи". (Матеріалы по вопросу о движеніи благосостоянія сел
1861-1900 гг.).

словій съ 1863 по 1897 г., о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ съ 1861 по 1900 гг. на надѣльныхъ и владѣльческихъ земляхъ, о мѣстныхъ цѣнахъ главнѣйшихъ хлѣбовъ за 1871-1900 гг., о заработной платѣ при сельско-хозяйственныхъ работахъ съ 1871 по 1900 гг. Эти основныя свѣдѣнія разсматриваемаго изданія, какъ видитъ читатель, рисуютъ главнѣйшіе факторы хозяйственной дѣятельности какъ крестьянъ, такъ и частныхъ владѣльцевъ, и можно только пожалѣть, что въ отношеніи еще одного важнаго элемента сельско-хозяйственнаго имущества—скота—сдѣлано отступленіе отъ этого правила, и свѣдѣнія приведены лишь для крестьянскаго скотоводства.

Другой рядъ таблицъ разсматриваемаго изданія посвященъ уже отношеніямъ лишь крестьянскаго населенія и хозяйства. Этими таблицами,—а именно, свѣдѣніями о численности скота въ 1870, 1880, 1890 и 1900 гг., о крестьянскихъ арендахъ земли, о покупкѣ земли при посредствѣ крестьянскаго банка, о количествѣ паспортовъ, выданныхъ въ теченіе 1861-1900 гг., и о переселеніи крестьянъ съ 1885 по 1901 гг.—полнѣе рисуется въ отношеніи крестьянскаго населенія картина условій хозяйственной дѣятельности, намѣченная данными первой категоріи для всѣхъ земледѣльческихъ классовъ Россіи.

Тѣ и другія свѣдѣнія представляютъ лишь сырой матеріалъ, и для выясненія при ихъ помощи различныхъ экономическихъ вопросовъ требуются соотвѣтствующія надъ ними манипуляціи. Такъ какъ задачей разсматриваемаго изданія было подготовить матеріалы для выясненія вопросовъ крестьянскаго благосостоянія, то въ немъ и предлагается нѣкоторая разработка вышеуказанныхъ данныхъ, отвѣчающая этой задачѣ. Сюда относится, во-первыхъ, рядъ таблицъ, касающихся одного момента времени: о соотвѣтствіи надѣловъ рабочему составу и потребительнымъ нуждамъ сельскаго населенія, о заработкахъ крестьянъ внѣ собственнаго хозяйства въ общей суммѣ и по разсчету на одного человѣка и составленныя на основаніи земскихъ изслѣдованій таблицы крестьянскихъ бюджетовъ и средней доходности крестьянскихъ надѣловъ. Сюда принадлежатъ, во-вторыхъ, разсчеты средняго душевого размѣра крестьянскаго надѣла въ 1860, 1880 и 1900 гг., и количества скота и сбора хлѣбовъ на тысячу душъ сельскаго населенія въ различные моменты пореформеннаго періода. Только эти послѣднія выводныя числа прямо отвѣчаютъ задачѣ выясненія того, какъ *измѣнялось* положеніе крестьянъ въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ; и такъ какъ ихъ очевидно недостаточно для того, чтобы судить о движеніи благосостоянія сельскаго населенія, то для умноженія показателей даннаго рода составители разсматриваемаго нами труда включили въ него нѣсколько таблицъ, которыя могутъ имѣть косвенное значеніе въ дѣлѣ выясненія вопроса. Это суть свѣдѣнія о потре-

бленіи спирта съ 1870 по 1899 г., о движеніи і
тельнымъ кассамъ, о забракованныхъ и получивш
возмужалости при военныхъ наборахъ 1874-190
окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель за 18

Особо отъ этихъ таблицъ стоитъ таблица
залоговъ по дворянскому земельному банку, имѣ
лить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о сравнителы
рянскаго землевладѣнія въ различныхъ губерніях
моменты времени.

Изъ этого бѣглаго обзора содержанія разсм
читатель можетъ усмотрѣть, что ему мало соотвѣ
подчеркивающій, въ качествѣ главнаго предмета
стоянія сельскаго населенія. Это есть просто св
матеріаловъ по экономикѣ сельскаго, преимуществ
хозяйства, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ посте
зать, таблицъ,—подобный, напримѣръ, своду, изд
назадъ комитетомъ министровъ. Періодическое и
довъ имѣетъ весьма важное значеніе, потому чт
одномъ изданіи массы постоянно умножающихся
теріаловъ экономическаго характера значительн
ихъ использованія. Жаль только, что—по затратѣ
данія доступны у насъ лишь правительственны
послѣднія относятся къ нимъ, какъ къ канцеляр
скаютъ ихъ въ продажу, вслѣдствіе чего пріобр
только лицамъ со связями. Важнымъ недостатк
сматриваемаго изданія является еще то, что,
въ учрежденіи, не имѣющемъ статистическаго ха
зываетъ и лицо, руководившее предпріятіемъ и ру
зать, за его научную состоятельность. Изъ объ
видно, что хотя департаментъ окладныхъ сборов
гія мѣры къ тому, чтобы привлечь къ работѣ к
но это удавалось ему далеко не всегда и испол
ходилось затѣмъ дополнять и передѣлывать. Руко
тентнаго лица пріобрѣтаетъ при такихъ обстоят
значеніе, которое усугубляется еще тѣмъ, что ра
изданіе не есть простая сводка общеизвѣстныхъ
лежащую оцѣнку матеріаловъ. Въ нѣкоторыхъ о
самостоятельный и весьма отвѣтственный трудъ,
ніе котораго лишаетъ всякаго значенія многія т

Самостоятельный характеръ разсматриваемаг
прежде всего въ томъ, что онъ не довольствуетс
извѣстныхъ матеріаловъ, разбросанныхъ во мн

ственно правительственныхъ и земскихъ изданій, отвѣтственность за которыя падаетъ на опубликовавшія ихъ учрежденія и достоинство которыхъ получило уже надлежащую оцѣнку въ литературѣ. „Матеріалы по движенію благосостоянія сельскаго населенія“ стремятся утилизировать также непубликуемые во всеобщее вѣдѣніе всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ, донесенія учрежденій, подвѣдомственныхъ департаменту окладныхъ сборовъ, архивныя дѣла различныхъ правительственныхъ учрежденій и т. п. Матеріалы же, заключающіеся въ этихъ источникахъ, зачастую не только не отличаются желательной достовѣрностью, но и не представляются однородными и полными, и часто не соотвѣтствуютъ программѣ разсматриваемаго изданія. Такіе матеріалы, однако, не отбрасывались, какъ негодные, а подвергались „предварительной обработкѣ, въ цѣляхъ полученія изъ нихъ данныхъ, возможно болѣе отвѣчающихъ требованіямъ“ программы. „Этимъ достигалась возможность использованія этого матеріала, путемъ включенія его въ общій оборотъ сопоставленій, сравненій и дальнѣйшихъ сводокъ всего матеріала. Въ противномъ случаѣ эта часть данныхъ, часто весьма цѣнныхъ, осталась бы совсѣмъ неиспользованною, а весь, вообще, матеріалъ по извѣстному вопросу получился бы весьма отрывочнымъ и во многихъ случаяхъ мало надежнымъ для конечныхъ обобщеній“. Не будемъ говорить о томъ, насколько можетъ быть сохранена „надежность“ извѣстныхъ отдѣловъ интересующаго насъ изданія, послѣ включенія въ нихъ матеріаловъ, заимствованныхъ изъ мало надежныхъ источниковъ. Удовольствуемся пока объясненіемъ издателей, что „Матеріалы по движенію благосостоянія сельскаго населенія“ не ограничивались извлеченіемъ изъ различныхъ источниковъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ цифръ, а допускали переработку и измѣненіе цифръ, почему-либо непригодныхъ для непосредственнаго заимствованія, и включали, такимъ образомъ въ таблицы цифры новыя, не имѣющіяся въ источникахъ и не вытекавшія непосредственно изъ послѣднихъ, но составляющія въ извѣстной мѣрѣ продуктъ усмотрѣнія составителей. Самостоятельность даннаго труда, при составленіи таблицъ сырого, такъ сказать, матеріала, заключается, поэтому, не только въ выборѣ источниковъ и въ начертаніи плана таблицъ, но и въ измѣненіи и дополненіи цифръ источниковъ, и вслѣдствіе этого разсматриваемое изданіе какъ бы включается въ число изслѣдованій, дополняющихъ тѣ работы, которыя нѣкогда предпринимались для установленія цифръ заработной платы, крестьянскихъ арендъ и разныхъ другихъ предметовъ. Терминъ: „изслѣдованіе“—примѣнимъ къ разбираемому труду и на другомъ основаніи. Задачей его было не только свести, исправить и дополнить различныя статистическія данныя, но и разъяснить, путемъ спеціаль-

ныхъ вычисленій, нѣкоторые важные вопросы эконо
тера. Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ такихъ вычи
напомнимъ опять о грандіозной попыткѣ учесть с
сельскаго населенія Россіи внѣ собственнаго хозяй
важное значеніе имѣло бы удачное разрѣшеніе др
теріаловъ"—учета того, въ какой мѣрѣ рабочія сил
ленія каждой губерніи находятъ производительное
наблюдается ли у насъ избытка или недостатка раб
шительно съ требованіями промышленности. Это—п
по самому, притомъ, больному мѣсту нашего эконом
сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе поста
или хотя бы указаніе того, какимъ путемъ, при наст
промышленной статистики, можно приблизиться къ
было бы немаловажной заслугой передъ русскимъ о

Всѣ эти особенности разсматриваемаго изданія
къ заключенію, что „Матеріалы по движенію благосо
населенія" имѣютъ смѣшанный характеръ: сводной
стоятельнаго изслѣдованія, и что для надлежащаго
двойной задачи имѣло особенное значеніе руковод
трудомъ совершенно компетентнаго лица. Между
неизвѣстно—было ли здѣсь общее руководительство
а ближайшее знакомство съ содержаніемъ „Матеріал
ясно обнаруживаетъ отсутствіе общаго опытнаго
съ одной стороны и неодинаковую статистическую
торовъ разныхъ его отдѣловъ—съ другой. Въ крат
замѣткѣ мы можемъ, однако, лишь въ самыхъ общих
теризовать съ этой стороны огромный трудъ департа
сборовъ.

Мы говорили о канцелярскомъ происхожденіи
это обстоятельство оставило на нихъ ясный отпечат
задались цѣлью характеризовать положеніе пяти
Европейской Россіи за возможно длинный періодъ в
составленной программѣ. Свойства источниковъ не п
выполнить это съ намѣченной точностью и желател
въ составленныхъ таблицахъ мы естественно должн
чать отсутствіе тѣхъ или другихъ свѣдѣній для нѣк
и замѣну въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, или для нѣкот
тѣхъ моментовъ времени, которые намѣчены прог
для которыхъ оказались въ наличности заслуживаю
ріалы. Между тѣмъ, на протяженіи триста большихъ
разнообразнаго, какъ мы видѣли, содержанія, за не
ніями, мы имѣемъ дѣло съ совершенно полными

однородными рядами цифръ, указывающими на совершенно точное, будто бы, выполненіе программы. И этотъ блестящій результатъ достигнутъ былъ не путемъ спеціальныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ для пополненія недостающихъ матеріаловъ, а тѣмъ, что ради сохраненія внѣшняго единообразія и полноты таблицъ составители допускали заголовки графъ, не соотвѣтствующіе содержанію, и замѣняли отсутствующія для какой-либо губерніи или сомнительныя цифры вычисленными, хотя бы за основаніями для такихъ вычисленій приходилось обращаться не только къ даннымъ отношеніямъ въ той же губерніи за другой періодъ времени, для котораго имѣются надежныя свѣдѣнія, но и къ цифрамъ и отношеніямъ другой губерніи, которая иногда принадлежала даже къ другому географическому району. Примѣненіе этого пріема является далеко не исключеніемъ, а въ нѣкоторыхъ таблицахъ вычисленныя цифры считаются десятками. И такъ какъ всѣ такія цифры, за единственнымъ, кажется, исключеніемъ, не отличаются особымъ шрифтомъ, то лицу, обращающемуся къ „Матеріаламъ“ съ научными цѣлями, предстоитъ не легкій предварительный трудъ—руководствуясь объясненіемъ къ таблицамъ—отмѣтить различными знаками заимствованныя и вычисленныя цифры.

Согласно программѣ изданія, отдѣлъ о заработной платѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, напр., долженъ показать, каково было вознагражденіе послѣднихъ, въ среднемъ, по цѣлымъ десятилѣтіямъ, и соотвѣтственно этому въ таблицы включены графы съ заголовками: 1871—1880 гг., 1881—1890 гг., 1891—1900 гг. Но цифры графы о цѣнѣ годовыхъ рабочихъ въ 1871—1880 гг. основаны на данныхъ, относящихся не къ цѣлому десятилѣтію, а лишь къ самому началу семидесятыхъ годовъ, а цѣны подесятинной уборки хлѣба въ 1891—1900 гг.—на данныхъ лишь для трехъ первыхъ лѣтъ этого десятилѣтія. Отдѣлъ XVIII-й, согласно программѣ, долженъ заключать свѣдѣнія о количествѣ крестьянскаго скота въ 1870, 1880, 1890 и 1900 гг. Но для многихъ губерній, по отсутствію матеріаловъ, вмѣсто этихъ моментовъ пришлось взять свѣдѣнія за разные промежуточные годы; тѣмъ не менѣе, въ таблицѣ при этихъ губерніяхъ неизмѣнно повторяются заголовки: 1870, 1880, 1890 и 1900 гг. Отдѣлъ XIX-й имѣетъ задачей показать сумму заработковъ крестьянъ въ мѣстныхъ и отхожихъ промыслахъ „около 1900 г.“. Для исчисленія этихъ суммъ служили, главнымъ образомъ, данныя земскихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства. А такъ какъ бо̀льшая часть этихъ изслѣдованій относится къ восьмидесятымъ годамъ истекшаго вѣка, то отношенія этого момента и фигурируютъ въ таблицѣ подъ рубрикой „1900 г.“. Отдѣлъ VIII-й, согласно программѣ, долженъ заключать свѣдѣнія о категоріяхъ земельныхъ владѣній за разные годы.

Но для одного изъ подраздѣленій этого отдѣла, за недостаткомъ матеріаловъ, вмѣсто конца 1897 г. приведены свѣдѣнія за начало 1896 г.; тѣмъ не менѣе, въ соотвѣтствующей графѣ значится заголовокъ „1897 г.", и т. д.

Болѣе важнымъ отрицательнымъ результатомъ канцелярскаго формализма слѣдуетъ, однако, считать обиліе въ разсматриваемомъ изданіи цифръ, полученныхъ путемъ довольно сомнительныхъ пріемовъ.

Намѣтивъ опредѣленную програму сводки статистическихъ данныхъ по различнымъ предметамъ, составители „Матеріаловъ по движенію благосостоянія сельскаго населенія" рѣдко задавались, затѣмъ, вопросомъ о томъ, можно ли выполнить ее цѣликомъ и не слѣдуетъ ли допустить пробѣлы и сокращенія для отдѣльныхъ районовъ, моментовъ времени и т. п. Разъ даны рубрики—онѣ должны быть по возможности заполнены, хотя бы и мало надежнымъ матеріаломъ, а за неимѣніемъ дѣйствительныхъ цифръ, отведенныя для нихъ мѣста занимались фиктивными. Статистика допускаетъ употребленіе приблизительно исчисленнаго числа вмѣсто дѣйствительнаго въ качествѣ дополнительнаго даннаго, которое, при выводѣ средней, затеряется среди другихъ, полученныхъ болѣе точными методами. Но разсматриваемое изданіе наполняетъ такими числами цѣлыя графы, чуть не цѣлые отдѣлы, и получаетъ иногда нужныя ему числа путемъ мало надежныхъ пріемовъ.

Такъ, болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о заработной платѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ имѣются въ литературѣ лишь для двухъ послѣднихъ десятилѣтій, когда министерство земледѣлія и нѣкоторыя земства стали собирать эти свѣдѣнія черезъ посредство добровольныхъ корреспондентовъ. „Матеріалы по движенію благосостоянія сельскаго населенія" воспользовались этими свѣдѣніями и составили таблицы среднихъ поденныхъ въ различные сельско-хозяйственные періоды платъ за десятилѣтія 1881—1890 и 1891—1900 гг. Но въ распоряженіи департамента окладныхъ сборовъ находился еще одинъ источникъ свѣдѣній о заработныхъ платахъ—всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ. Свѣдѣнія эти, по оцѣнкѣ самого департамента,—довольно сомнительнаго свойства,—о чемъ можно судить уже потому, что въ нихъ—въ противность показаніямъ прочихъ источниковъ—цифры изъ года въ годъ понижаются, какъ бы свидѣтельствуя о томъ, что заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ съ теченіемъ времени падаетъ, а не поднимается. За самые послѣдніе годы, впрочемъ, губернаторскія данныя близко сходятся со свѣдѣніями министерства земледѣлія, и составители „Матеріаловъ" полагаютъ, что это служитъ доказательствомъ улучшенія пріемовъ регистраціи. Улучшеніе это наи болѣе исправило, повторяемъ, лишь данныя за самые послѣдніе годы

для которыхъ и безъ того имѣются надежные матеріалы. Для этихъ лѣтъ губернаторскія показанія, поэтому, излишни, а для болѣе раннихъ періодовъ они негодны. Всего резоннѣе, въ виду этого, было бы оставить губернаторскіе отчеты въ сторонѣ и ограничиться свѣдѣніями для двухъ послѣднихъ десятилѣтій. „Матеріалы", однако, поступили иначе и взяли губернаторскіе отчеты за основаніе для исчисленія среднихъ заработныхъ платъ въ 1871—1880 гг., не смущаясь тѣмъ, что данныя отчетовъ касаются не всѣхъ лѣтъ этого десятилѣтія, а нѣсколькихъ—и притомъ различныхъ для разныхъ губерній,—что для двѣнадцати губерній, за отсутствіемъ прямыхъ данныхъ, пришлось выставить предположительныя цифры, по соображенію съ высотою платъ въ сосѣднихъ губерніяхъ, а для половины губерній вычисленіемъ должна быть опредѣлена заработная плата въ нѣкоторые сельско-хозяйственные періоды. Но и пополнивъ, путемъ описанныхъ пріемовъ, недостающія въ губернаторскихъ отчетахъ свѣдѣнія о заработной платѣ, составители таблицъ—послѣ сдѣланной ими самими оцѣнки губернаторскихъ матеріаловъ—не могли прямо перенести ихъ показанія въ графу платъ за 1871—80 гг., а подвергали ихъ предварительно исправленію, соотвѣтственно отношенію между платами этого источника и данными министерства земледѣлія за прочіе годы. „Введеніе поправки,—поясняютъ составители,—основывалось на допущеніи, что разница или ошибка, опредѣленная для названныхъ источниковъ за девяностые годы, была та же и для другихъ десятилѣтій"; между тѣмъ, какъ нами уже сказано, болѣе раннія показанія губернаторскихъ отчетовъ ошибочнѣе позднѣйшихъ свѣдѣній по тому же предмету. Продѣлавъ всѣ эти манипуляціи, составители „Матеріаловъ" и сами сообразили, что полученныя цифры для отдѣльныхъ губерній не заслуживаютъ большого довѣрія и объясняютъ, что „искусственные пріемы, служившіе для пополненія пробѣловъ въ извлеченныхъ изъ источниковъ матеріалахъ, имѣли единственной цѣлью возможность сочетанія однородныхъ губернскихъ данныхъ таблицы въ районные (болѣе крупные) итоги". Но если всѣ эти вычисленія были только средствомъ для полученія средняго районнаго итога, то зачѣмъ, спрашивается, отдѣльные этапы вычисленій помѣщены въ таблицы, въ качествѣ платъ за 1871—80 гг., относящихся къ соотвѣтствующимъ губерніямъ, и какъ бы рекомендуются читателямъ, наряду со свѣдѣніями за послѣдующія десятилѣтія?

Еще менѣе можетъ быть оправдано употребленіе вычисленныхъ цифръ въ отдѣлѣ XV-мъ—о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ. Согласно программѣ, таблицы этого отдѣла должны дать для каждаго изъ четырехъ послѣднихъ десятилѣтій свѣдѣнія о средней площади посѣва озимыхъ, яровыхъ хлѣбовъ и картофеля въ каждой губерніи, о сред-

немъ количествѣ посѣянныхъ и собранныхъ хлѣбовъ въ крестьянскомъ и владѣльческомъ хозяйствѣ въ отдѣльности. Болѣе или менѣе опредѣленныя (не скажемъ—вѣрныя) свѣдѣнія по этому предмету, публикуемыя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, можно имѣть лишь для двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Что же касается семидесятыхъ годовъ—для нихъ можно было пользоваться лишь данными губернаторскихъ отчетовъ, въ которыхъ пропускались цѣлые уѣзды, не производилось строгаго отдѣленія крестьянскихъ отъ владѣльческихъ посѣвовъ, и гдѣ въ сумму хлѣбныхъ посѣвовъ включались, вѣроятно, иногда и торгово-промышленныя растенія, не входившія въ програму разсматриваемаго нами изданія. Всѣ эти недостатки матеріала не смутили, однако, составителей таблицъ. Они произвели многочисленныя вычисленія для пополненія и исправленія губернаторскихъ цифръ, прилагая къ даннымъ годамъ отношенія, опредѣлившіяся для другихъ лѣтъ того же или даже для слѣдующаго десятилѣтія, ошибочно полагая, что отношенія посѣвовъ и сборовъ между разными уѣздами, между разными хлѣбами и между крестьянскими и владѣльческими хлѣбами все время остаются неизмѣнными. Данныя о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ въ шестидесятыхъ годахъ установлены проще—не потому, однако, чтобы для этого десятилѣтія имѣлись болѣе надежные матеріалы, а въ силу того обстоятельства, что, по скудости послѣднихъ, составителямъ таблицъ не представлялось никакой возможности примѣнять хитрыя манипуляціи. Для этого десятилѣтія имѣлись лишь весьма сомнительныя показанія о суммѣ посѣяннаго и собраннаго зерна; но вмѣсто того, чтобы совершенно отбросить эти цифры, составители не только внесли ихъ въ таблицы, но еще и подраздѣлили ихъ на озимыя и яровыя—по среднимъ отношеніямъ между тѣми и другими, выведеннымъ по даннымъ семидесятыхъ годовъ, „хотя,—прибавляютъ составители,—цифры эти и сами не могутъ претендовать на особую точность".

„Матеріалы по движенію благосостоянія сельскаго населенія" не удовольствовались этими длинными рядами фиктивныхъ цифръ, выражающихъ какъ бы количества высѣвавшихся и собиравшихся хлѣбовъ. Въ программѣ отдѣла XV значатся еще графы „площади посѣва", подлежащія тоже заполненію. Между тѣмъ въ губернаторскихъ отчетахъ не имѣется ни прямыхъ свѣдѣній по этому предмету, ни данныхъ о количествѣ высѣваемаго на десятину зерна, пользуясь которыми можно было бы опредѣлить площадь посѣва по количеству высѣяннаго хлѣба. „Матеріалы", однако, не смутились ни тѣмъ, ни другимъ обстоятельствомъ, и для заполненія назначенныхъ для даннаго предмета графъ опредѣлили площадь посѣва хлѣбовъ въ шестидесятые и семидесятые годы по нормѣ высѣва (на десятину), выведеннаго

для восьмидесятыхъ годовъ. Эти новыя выводныя числа, замѣтимъ, для дѣла совершенно не нужны, такъ какъ для сужденія объ измѣненіяхъ хлѣбной производительности достаточно и тѣхъ основныхъ данныхъ (о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ), изъ которыхъ они выведены. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ простыхъ и сложныхъ ариѳметическихъ упражненій, цѣлью которыхъ было нарисовать стройную статистическую картину, при отсутствіи надлежащихъ матеріаловъ, явились выводы, признанные самими составителями „совершенно недопустимыми", чѣмъ и произносится надлежащій приговоръ относительно всей этой части разсматриваемаго отдѣла. И дѣйствительно, изъ данныхъ отдѣла слѣдуетъ, будто площадь посѣва хлѣбовъ въ черноземныхъ губерніяхъ, въ теченіе разсматриваемаго сорокалѣтія, не увеличилась, а уменьшилась; между тѣмъ—разъясняютъ „Матеріалы"—въ этихъ мѣстностяхъ, „подъ вліяніемъ естественнаго роста населенія и увеличившейся потребности въ хлѣбѣ, крестьянскія запашки должны были постоянно увеличиваться, и въ настоящее время распахано все, что возможно". Выводъ о сокращеніи запашекъ показываетъ, что данныя о посѣвѣ хлѣбовъ въ шестидесятые и семидесятые годы (на основаніи которыхъ опредѣлены площади посѣвовъ) не согласованы, такъ сказать, съ послѣдующими свѣдѣніями по тому же предмету; а такъ какъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ была измѣнена система текущей регистраціи урожаевъ, то при оцѣнкѣ заключеній, вытекающихъ изъ цифръ даннаго отдѣла, нельзя было не принять во вниманіе это измѣненіе, которое могло отразиться на итогахъ посѣва и сбора хлѣбовъ. Второе измѣненіе въ системѣ регистраціи урожаевъ послѣдовало въ началѣ девятидесятыхъ годовъ; измѣненіе это также должно было бы быть принято во вниманіе, потому что результатомъ его было завѣдомое сокращеніе опредѣляемой новымъ способомъ площади посѣва, а слѣдовательно и количество высѣваемаго и собираемаго зерна. Эти измѣненія въ способахъ собиранія данныхъ совершенно, однако, не остановили на себѣ вниманія „Матеріаловъ".

Отсутствіе опытнаго руководительства въ разсматриваемомъ трудѣ замѣчается и во многихъ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ пониманіи того, какимъ условіямъ должно удовлетворять правильно выведенное среднее число. Примѣромъ можетъ служить дополненіе I къ отдѣлу XIV—„Измѣненіе цѣнъ при денежной арендѣ внѣнадѣльныхъ земель съ 1881 по 1901 гг.". Для вывода средней арендной цѣны земли, снимаемой подъ яровые и озимые посѣвы въ 1901 г., служили показанія волостныхъ правленій, относящіяся въ большинствѣ случаевъ къ десяткамъ или сотнямъ десятинъ на всю губернію. Цѣны этихъ показаній, конечно, совершенно случайны, и только этимъ и можно объяснить удивительные прыжки цифръ таблицы „Матеріаловъ",

свидѣтельствующіе, будто бы, объ огромной разницѣ цѣнъ пахотной земли, арендуемой подъ озимые и яровые посѣвы, объ огромной разницѣ цѣнъ въ сходныхъ губерніяхъ и объ огромныхъ, будто бы, измѣненіяхъ высоты арендныхъ платъ въ теченіе разсматриваемаго періода.

Въ тѣхъ случаяхъ, которые приведены выше для примѣра того, какъ заполнялись нѣкоторыя таблицы „Матеріаловъ", мы видимъ злоупотребленіе пріемомъ, составляющимъ характерную черту разсматриваемаго изданія,—пріемомъ составленія какой-либо таблицы путемъ заимствованія данныхъ не изъ одного, а изъ многихъ источниковъ и передѣлки ненадежныхъ матеріаловъ. Мысль о составленіи свода статистическихъ матеріаловъ, передѣланныхъ сравнительно съ источниками, возникаетъ естественно въ виду отсутствія полныхъ и одинаково достовѣрныхъ свѣдѣній; и въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой пріемъ составленія таблицъ вполнѣ умѣстенъ. Въ разсматриваемомъ изданіи такой случай мы имѣемъ въ отдѣлѣ VIII, о распредѣленіи облагаемыхъ земель по категоріямъ владѣній. Отдѣлъ этотъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній учрежденій, вѣдающихъ обложеніе; самъ департаментъ окладныхъ сборовъ составляетъ такое центральное учрежденіе, имѣетъ въ распоряженіи весь относящійся къ вопросу матеріалъ, постоянно обращается съ данными объ облагаемыхъ угодьяхъ и можетъ считаться совершенно подготовленнымъ къ тому, чтобы взять на себя составленіе таблицы земель разныхъ категорій владѣнія, слагая самостоятельно заимствуемые тамъ и здѣсь элементы вычисленія, дополняя и исправляя таковые. Не въ такомъ положеніи департаментъ окладныхъ сборовъ находится по другимъ вопросамъ своего изданія. По большей части ихъ онъ не имѣетъ ни достаточныхъ матеріаловъ для самостоятельныхъ заключеній, ни научныхъ силъ, которымъ можно было бы поручить такое отвѣтственное дѣло. Оттого-то, вмѣсто тщательнаго, напримѣръ, разбора сравнительнаго достоинства цифръ земства и отдѣла сельскохозяйственной экономіи о высотѣ платъ за сельскохозяйственныя работы, мы встрѣчаемъ въ „Матеріалахъ" огульное заключеніе о предпочтительности первыхъ и введеніе земскихъ свѣдѣній, имѣющихся лишь для 9—10 губерній, въ таблицу о 50 губерніяхъ, составленную на основаніи иныхъ источниковъ. Не будемъ повторять здѣсь сказаннаго выше о введенныхъ въ эту же таблицу передѣланныхъ показаніяхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ и останавливаться на другихъ недоразумѣніяхъ, вызываемыхъ ею. Такъ же мало обстоятельно и ненаучно отнеслись „Матеріалы" къ даннымъ о крестьянскомъ скотоводствѣ; они не провѣряли полицейскія свѣдѣнія (главные ихъ источники) земскими и данными военноконскихъ переписей и, хватая числа изъ того или другого источника, составили таблицу, съ цифрами, прыгающими *вверхъ* на 50% (уфимская, оренбургская, московская, минская, волынская губерніи), не ду-

мая о томъ, что если неурожаи и эпизоотіи могутъ вести къ быстрому сокращенію скотоводства, то не можетъ быть причинъ, въ силу которыхъ число крестьянскихъ лошадей или рогатаго скота поднялось бы временно на 40—50°/о надъ обычнымъ уровнемъ. Составляя затѣмъ дополненіе VI къ отдѣлу XIV, поставившее задачей „учесть хотя бы приблизительно общее количество земли, находящейся въ арендѣ у крестьянъ", и прибѣгая для этого къ пріему извлеченія поуѣздныхъ данныхъ (для составленія губернскихъ итоговъ) изъ источниковъ съ максимальными для каждаго уѣзда показаніями,—„Матеріалы" мотивируютъ этотъ пріемъ тѣмъ „что количество арендуемой крестьянами внѣнадѣльной земли съ теченіемъ времени не уменьшается, а скорѣе увеличивается", забывая, что одна часть губерній въ основныхъ земскихъ изслѣдованіяхъ крестьянскаго хозяйства имѣетъ гораздо болѣе полный матеріалъ, нежели другая, для которой существуютъ лишь полицейскія свѣдѣнія, и что примѣненіе указаннаго пріема, поэтому, дѣлаетъ всю таблицу непригодной для сравнительныхъ выводовъ.

Ознакомившись съ статистическими пріемами изданія департамента окладныхъ сборовъ, мы естественно заражались сомнѣніемъ въ томъ, чтобы этому изданію удалось удовлетворительно выполнить поставленную имъ весьма важную задачу учета промышленныхъ заработковъ и занятій крестьянъ и выясненія вопроса объ избыткахъ или недостаткахъ въ каждой губерніи рабочихъ силъ сравнительно съ требованіями промышленности. Задача эта естественно возникаетъ въ виду распространеннаго у насъ мнѣнія, что бѣдность крестьянъ зависитъ, между прочимъ, отъ недостатка производительнаго примѣненія ихъ труда. Многіе авторы пытались освѣтить этотъ вопросъ, но останавливались на полупути, за недостаткомъ данныхъ о занятіяхъ населенія. „Матеріалы по движенію благосостоянія" оказались болѣе рѣшительными и обѣщаютъ дать чуть не полный учетъ производительной затраты труда крестьянскаго населенія Россіи. По отношенію къ земледѣльческому промыслу затрата труда опредѣляется ими прямымъ разсчетомъ того, какое количество рабочихъ рукъ требуется въ каждой губерніи для обработки владѣльческой и крестьянской земли. Затрата рабочихъ силъ въ фабрично-заводской промышленности опредѣлялась уже не вычисленіемъ, а заимствованіемъ данныхъ о числѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, причемъ принималось, что весь контингентъ фабрично-заводскихъ рабочихъ поставляется крестьянами. Такъ какъ фабрики и заводы, за немногими исключеніями, стремятся дѣйствовать круглый годъ, то число фабричныхъ рабочихъ можно тоже считать выражающимъ приблизительно потребность крупной промышленности въ рабочей силѣ.

Но если по отношенію къ земледѣлію и фабрично-заводской про-

мышленности „Матеріалы по движенію благосостоянія“ близко держались пріема учета рабочихъ силъ, *нужныхъ* для выполненія соотвѣтствующихъ работъ, то по отношенію къ другимъ занятіямъ,— за отсутствіемъ аналогичныхъ данныхъ,—они принимали во вниманіе не число силъ, требующихся для выполненія извѣстнаго дѣла, а число *лицъ, участвующихъ* въ этихъ дѣлахъ, хотя бы участіе это было непродолжительно и данный промыселъ оказывался побочнымъ при главномъ, земледѣльческомъ занятіи и не требовалъ, поэтому, особаго отъ земледѣльцевъ контингента рабочихъ. Данныя этого рода заимствовались изъ различныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, причемъ не принималось мѣръ къ тому, чтобы даваемыя этими изслѣдованіями числа крестьянъ, имѣющихъ заработки внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, исправлялись соотвѣтственно произведенному уже учету затраты труда въ земледѣліи и фабрично-заводской промышленности. Все число лицъ, имѣющихъ такіе заработки на мѣстѣ и въ отходѣ, соединялось съ числомъ фабрично-заводскихъ рабочихъ и съ суммою силъ, требующихся, согласно разсчету, для обработки помѣщичьихъ земель, и полученный такимъ образомъ итогъ принимался за выраженіе спроса на трудъ со стороны мѣстнаго рынка (исключая земледѣльческаго хозяйства самого крестьянина), безъ вниманія къ тому обстоятельству, что наемные земледѣльческіе и фабрично-заводскіе рабочіе сосчитывались при такомъ способѣ два раза. Общій запросъ на наемный трудъ въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи опредѣленъ такимъ образомъ въ 14.155 тысячъ рабочихъ. Эта цифра слагается изъ 3 милл. 771 тысячи человѣкъ, необходимыхъ, согласно разсчету, для обработки помѣщичьихъ земель; изъ 1 милл. 990 тысячъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, изъ 4 милл. 619 тысячъ, значащихся занятыми въ кустарныхъ, ремесленныхъ и другихъ промыслахъ, но въ составъ которыхъ, какъ мы видѣли, вошли наемные земледѣльческіе и фабрично-заводскіе рабочіе; наконецъ, изъ 3 милл. 775 тысячъ отхожихъ промышленниковъ, значительная часть которыхъ тоже, какъ извѣстно, идетъ на фабрики и заводы и на земледѣльческія работы.

Если указанныя выше 14.155 тысячъ принимать за число крестьянъ, занятыхъ внѣ собственнаго хозяйства, то, для полученія всего запроса на трудъ въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи, къ этому числу слѣдуетъ прибавить 11.306 тысячъ рабочихъ, требующихся для обработки надѣльныхъ земель. Общій расходъ труда опредѣлится тогда въ 25.461 тысячъ рабочихъ единицъ. Въ отдѣлѣ же XXIII „Матеріаловъ“, относящихся къ данному вопросу, значится лишь 21.686 рабочихъ, или на 3.775 тысячъ менѣе. Объясненіе этого разногласія заключается въ томъ, что „Матеріалы“ не включали въ разсчетъ крестьянъ, занятыхъ въ отхожихъ промыслахъ. Устра-

неніе отхожихъ промышленниковъ сдѣлано, вѣроятно, потому, что присоединеніе ихъ къ земледѣльческимъ, фабрично-заводскимъ и другимъ мѣстнымъ рабочимъ той губерніи, откуда они происходятъ, дало бы преувеличенное понятіе о запросѣ этой губерніи на трудъ. Распредѣленіе же отхожихъ промышленниковъ по мѣстностямъ приложенія ихъ труда—не представляется возможнымъ по отсутствію соотвѣтствующихъ данныхъ. Отбрасываніе милліонныхъ чиселъ, однако, есть уже черезчуръ простой способъ разрѣшенія статистическихъ затрудненій; а дилемма, передъ которой очутилось разсматриваемое изданіе — завѣдомо преувеличить или преуменьшить искомыя величины—показываетъ лишь, насколько безнадежна поставленная имъ задача—болѣе или менѣе полнаго порайоннаго учета спроса на трудъ. Безнадежность этой задачи обусловливается, впрочемъ, не однимъ лишь затрудненіемъ, о которомъ мы только-что говорили. При извѣстной всѣмъ неполнотѣ и разновременности мѣстныхъ экономическихъ изслѣдованій, взять на себя задачу учета производительнаго примѣненія рабочихъ силъ каждой губерніи Европейской Россіи, значитъ завѣдомо идти на гадательныя предположенія. И дѣйствительно, для большей части губерній обнимаемаго „Матеріалами" района, число лицъ, занятыхъ въ мѣстныхъ и отхожихъ промыслахъ, исчислено приблизительно на основаніи данныхъ о трехъ-четырехъ уѣздахъ, или даже данныхъ, относящихся совсѣмъ къ другимъ районамъ.

Но и независимо отъ полноты матеріаловъ, выполненіе департаментомъ окладныхъ сборовъ задачи учета расхода труда сельскаго населенія каждой губерніи достигалось такими пріемами, которые не могли не привести къ совершенно несообразнымъ результатамъ. Объ этомъ можно судить хотя бы по примѣру четырехъ новороссійскихъ губерній. Въ 1901 г. подъ посѣвами здѣсь состояло 10.637 тыс. десят., для уборки которыхъ требовалось, по разсчетамъ „Матеріаловъ", лишь 926 тыс. человѣкъ. На лицо же одного мѣстнаго сельскаго населенія было 2.918 тыс. рабочихъ обоего пола, т.-е. слишкомъ втрое болѣе, чѣмъ нужно для производства самой спѣшной сельско-хозяйственной операціи. Изъ этихъ разсчетовъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ, что южныя степныя губерніи не только не привлекаютъ лѣтомъ, какъ мы привыкли слышать, сотни тысячъ рукъ изъ другихъ губерній, но сами должны отпускать на сторону огромное число рабочихъ. Такой результатъ изслѣдованія получился вслѣдствіе того обстоятельства, что „Матеріалы по движенію благосостоянія" крайне поверхностно отнеслись къ вопросу объ установленіи основныхъ посылокъ для вывода сельско-хозяйственной производительности рабочаго въ каждой губерніи. Достаточно указать для примѣра на тотъ фактъ, что для опредѣленія продолжительности періода уборки хлѣбовъ „Матеріалы" не пользовались многочисленными мѣстными изслѣдованіями, а удовольствова-

лись показаніями сельско-хозяйственнаго календаря Баталина, относящимися, притомъ, не къ отдѣльнымъ губерніямъ, а къ цѣлымъ географическимъ районамъ. Перенося эти порайонныя показанія въ отдѣльныя, входящія въ составъ районовъ, губерніи, „Матеріалы" дали несообразности въ родѣ той, что костромская или нижегородская и пермская губерніи имѣютъ, будто бы, одинаково продолжительные періоды уборки хлѣбовъ, а костромская и ярославская—различные. Другой ошибкой „Матеріаловъ" въ данномъ вопросѣ было то, что роль женщины въ промышленной дѣятельности они считали равноцѣнной участію мужчины, забывая, что въ сельскомъ хозяйствѣ женщина, какъ общее правило, работаетъ лишь при уборкѣ хлѣбовъ и травъ, и что если промысловая дѣятельность населенія вообще изслѣдована у насъ недостаточно, то промышленныя занятія крестьянскихъ женщинъ— тѣмъ болѣе. Привлекая женщинъ на одинаковыхъ, такъ сказать, правахъ съ мужчинами, къ учету избытка рабочихъ рукъ, сравнительно съ требованіями промышленности, „Матеріалы", кромѣ того, упустили изъ виду, что производительное значеніе женщины далеко не одинаково съ мужчиною, и что отсутствіе промысловаго занятія для женщинъ, на которыхъ лежатъ заботы по домашнему хозяйству, далеко не имѣетъ того отрицательнаго значенія, какъ безработица мужского населенія. Въ виду высказанныхъ соображеній „Матеріаламъ" надлежало бы—по примѣру другихъ начинаній этого рода—ограничиться учетомъ избытка или недостатка, сравнительно съ требованіями промышленности, лишь мужскихъ рабочихъ рукъ. Этимъ были бы предупреждены хотя бы несообразности въ родѣ той, что новороссійскія губерніи имѣютъ, будто бы, болѣе милліона избыточнаго земледѣльческаго населенія.

Заканчивая этимъ характеристику „Матеріаловъ по движенію благосостоянія сельскаго населенія", мы должны замѣтить, что высказаннаго выше далеко не достаточно для того, чтобы составить совершенно опредѣленное понятіе объ этомъ изданіи. Мы разсматривали только пріемы работы, но вопросъ о пригодности даннаго труда и весьма цѣнныхъ, сосредоточенныхъ въ немъ, матеріаловъ, зависитъ отъ фактическаго осуществленія намѣченнаго плана. Кое-какія указанія по этому вопросу приводились въ нашей замѣткѣ. Но подробному изслѣдованію такого предмета не мѣсто въ общемъ журналѣ; да оно и не можетъ быть выполнено силами одного лица. Безъ такого изслѣдованія, однако, не можетъ быть высказано окончательное сужденіе относительно весьма интереснаго по его задачѣ труда департамента окладныхъ сборовъ.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1904.

Перемѣна въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Обзоры трудовъ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ.—Редакціонная коммиссія по крестьянскому дѣлу и волостной судъ.—Мѣстные комитеты и крестьянскій правопорядокъ.—Именной Высочайшій указъ 11-го августа.—Еще новелла о земскихъ начальникахъ.—Московское совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ.—Волынская земская смѣта.

Въ теченіе послѣдней четверти вѣка до крайности расширилась сфера дѣйствій и, сообразно съ этимъ, возрасло значеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1880 г. оно унаслѣдовало функціи Третьяго отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи; въ 1889 г. оно сосредоточило въ своихъ рукахъ главную массу такъ-называемыхъ мелкихъ, но отнюдь не маловажныхъ судебныхъ дѣлъ; съ 1890 и 1892 г.г. ему подчинены, въ значительной степени, органы мѣстнаго самоуправленія. Каждый новый законъ, касавшійся этого вѣдомства, увеличивалъ его власть, раздвигалъ его полномочія, открывалъ бо̀льшій просторъ административному усмотрѣнію; въ томъ же направленіи вліяла и практика, болѣе двадцати лѣтъ сряду—со времени назначенія, въ 1882 г., гр. Д. А. Толстого,—не знавшая никакихъ колебаній. Одинъ только разъ, въ 1895 г., возникло ожиданіе поворота если не въ цѣляхъ, то въ средствахъ дѣйствія—но ожиданіе это не оправдалось: управленіе И. Л. Горемыкина ничѣмъ существенно не отличалось отъ управленія его предшественника. Съ тѣхъ поръ каждая перемѣна въ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ означала собою обостреніе однажды принятой системы. Нѣчто другое предвѣщаетъ, по всеобщему ожиданію, назначеніе кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго. Характерно уже то, что оставлена мысль о передачѣ фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ [1])

---

[1]) О значеніи такой передачи см. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1903 г.

и возстановлена прерванная дѣятельность обще-земской организаціи помощи больнымъ и раненымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Еще болѣе знаменательны слова новаго министра. „Мы не можемъ избѣжать прогресса"—сказалъ онъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ парижской газеты.—„Еслибы мы боролись противъ него, онъ все-таки насъ окружитъ и къ намъ вторгнется. Не предпочтительнѣе ли принять его и помочь ему осуществиться"? Въ той же бесѣдѣ указаны и нѣкоторые пути къ такому осуществленію: хорошая организація городскихъ и земскихъ учрежденій, предоставленіе имъ широкой свободы и возможно бо̀льшаго авторитета, возможно полная свобода совѣсти. Выслушавъ, при прощаньѣ съ Вильной, привѣтствіе представителя мѣстной печати, кн. Святополкъ-Мирскій отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: „Я придаю большое значеніе печати, особенно провинціальной. Я всегда думалъ, что печать, служа искренно и благожелательно дѣйствительнымъ нуждамъ населенія, можетъ принести громадную пользу, содѣйствуя правительству въ трудномъ дѣлѣ управленія. Я всегда былъ другомъ провинціальной печати; буду и впредь, если она выражаетъ откровенно, искренно и благожелательно истинныя потребности населенія". Первое условіе откровенности—обезпеченная закономъ свобода; безъ нея слишкомъ легко могутъ оставаться втунѣ самыя лучшія намѣренія. Больше всего нуждается въ ней, конечно, провинціальная печать, безправная, зависимая, сплошь и рядомъ вынужденная молчать именно тогда, когда особенно важно самостоятельное слово; но и столичная печать, значительная часть которой до сихъ поръ подчинена предварительной цензурѣ, на каждомъ шагу встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ исполненіи своей задачи. Положеніе печати во многомъ сходно съ положеніемъ всего русскаго общества: и для него нужны болѣе прочныя гарантіи самодѣятельности и свободы, и оно томится отъ недостатка законности, отъ несовершенства законовъ. Приверженцемъ законности и справедливости кн. Святополкъ-Мирскій провозгласилъ себя при самомъ вступленіи въ должность виленскаго, гродненскаго и ковенскаго генералъ-губернатора. Законность требуетъ охраны существующихъ правъ отъ усмотрѣнія и произвола; справедливость требуетъ ихъ расширенія, соотвѣтственно степени развитія, достигнутой обществомъ и народомъ.

Когда, два года тому назадъ, шла полнымъ ходомъ работа мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, интересъ къ ней въ средѣ общества былъ очень великъ, хотя содержаніе ея было извѣстно только изъ случайныхъ, отрывочныхъ газетныхъ сообщеній. Значеніе ея больше чувствовалось, чѣмъ сознава-

лось—но чувствовалось такъ сильно, что совершенно безслѣдно проходили попытки ее умалить или унизить. Теперь открывается возможность болѣе полной ея оцѣнки. Одновременно съ систематическими сводами, выходящими въ свѣтъ по распоряженію Особаго Совѣщанія, появляется обширное частное изданіе, озаглавленное: „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности". Преждевременной, такимъ образомъ, была отмѣченная въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи радость газетныхъ „фарисеевъ", благодарившихъ Бога за то, что „болтовня" мѣстныхъ комитетовъ не имѣла никакихъ послѣдствій. Къ чему она, въ концѣ-концовъ, приведетъ—это вопросъ будущаго; но стоитъ только раскрыть любую изъ названныхъ нами книгъ, чтобы увидѣть, сколько въ мнимой „болтовнѣ" поучительнаго и важнаго, какой яркій свѣтъ она проливаетъ на глубоко коренящіеся недуги народной жизни. Ее не могутъ ни замѣнить, ни затмить работы губернскихъ совѣщаній, предпринятыя съ иною цѣлью и шедшія, бо́льшею частью, при иной обстановкѣ. Исходной точкой и, во многихъ отношеніяхъ, руководительною нитью этихъ послѣднихъ работъ служили законопроекты, составленные редакціонною коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—составленные не только безъ соображенія со взглядами мѣстныхъ комитетовъ, но въ направленіи и духѣ прямо противоположномъ. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о волостномъ судѣ и посмотримъ, какъ разрѣшаетъ его съ одной стороны практическій смыслъ большинства мѣстныхъ людей, съ другой стороны—предвзятое мнѣніе петербургской бюрократіи. Заимствовать цитаты мы будемъ изъ той части *оффиціальнаго* свода (составленной А. А. Риттихомъ), которая имѣетъ предметомъ „Крестьянскій правопорядокъ",—останавливаясь, притомъ, преимущественно на отзывахъ такихъ лицъ, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи и тенденціозности.

„Болѣе безотрадное учрежденіе, чѣмъ волостной судъ"—говоритъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ черниговской губерніи,—„едва ли можно найти на землѣ... Никакого уваженія населенія къ этому суду я нигдѣ не замѣчалъ, а полнаго пренебреженія и оскорбительнаго отношенія много видѣлъ. Пьянство судей и подкупъ судей и свидѣтелей—обычное явленіе. Надзора не можетъ быть при такихъ условіяхъ. Есть среда и нравы. Эта среда даетъ судей и судящихся. Земскій начальникъ можетъ удалить порочныхъ судей, но найти новый, достойный судъ—онъ не въ силахъ". По словамъ глуховскаго (черниговской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства, „нынѣшній составъ волостныхъ судовъ ведетъ къ сведенію на нуль основныхъ принциповъ всякаго суда, безпристрастности и свободы совѣсти". „Самая организація процесса"—читаемъ мы въ запискѣ смоленскаго уѣзднаго

предводителя дворянства—„способна подрывать въ населеніи чувство законности и уваженія къ суду... Нестроенія въ волостныхъ судахъ стали весьма обыденнымъ явленіемъ и породили въ населеніи убѣжденіе, что можно добиться всего за взятку". Одинъ изъ земскихъ начальниковъ минской губерніи признаетъ, что „народные судьи нерѣдко берутъ взятки и спаиваются тяжущимися; преступное дѣяніе судей не почитается даже предосудительнымъ, и поэтому остается въ большинствѣ случаевъ безнаказаннымъ". „Въ своемъ сословномъ волостномъ судѣ"—удостовѣряетъ рузскій (московской губерніи) уѣздный предводитель,—„вербующемся изъ той же темноты, гдѣ часто не различаютъ кражи отъ самоуправства и простого гражданскаго правонарушенія, гдѣ рѣшенія основываются иногда на выдуманныхъ пьяными свидѣтелями обычаяхъ, крестьянинъ не находитъ удовлетворенія". Семнадцатилѣтнее близкое знакомство съ волостными судами привело одесскаго уѣзднаго предводителя дворянства къ убѣжденію, что „дѣятельность ихъ подрываетъ всякое довѣріе и уваженіе вообще къ суду, а отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, все больше и больше замѣчаемый упадокъ нравственности въ народѣ"... „Кто не знаетъ, каковъ крестьянскій волостной судъ и какія безобразія въ немъ иногда творятся"!—восклицаетъ предсѣдатель винницкаго (подольской губерніи) съѣзда мировыхъ посредниковъ. А вотъ мнѣнія крестьянъ: „писарь и старшина совершенно уничтожаютъ всякую самостоятельность волостного суда... О вліяніи земскихъ начальниковъ на упорядоченіе веденія дѣлъ въ волостныхъ судахъ нѣтъ фактическихъ данныхъ; но и самый идеальный земскій начальникъ не можетъ совершить того, что̀ не въ силахъ человѣческихъ"... „Ни одно сословіе такъ не обижено правосудіемъ, какъ крестьяне. Что̀ такое представляетъ изъ себя волостной судъ? Нерѣдко состоитъ онъ изъ кулаковъ и заправилъ деревенскихъ; они ни передъ чѣмъ не стоятъ, лишь бы достигнуть судейской карьеры. Подходитъ выборъ судейскаго кандидата; тутъ они болѣе крикливыхъ поятъ водкой, а добросовѣстнымъ грозятъ отомстить, если тѣ откажутъ имъ въ выборѣ,—и вотъ такая заранѣе задобренная толпа является на сходъ и въ одинъ голосъ указываетъ на какого-нибудь міроѣда. Что̀ побуждаетъ добиваться этого? Неужели тѣ 60 рублей, которые получитъ отъ правительства судья? Нѣтъ, не могутъ эти деньги оправдать упущенныхъ, вслѣдствіе суда, рабочихъ дней, если причислить сюда еще и тѣ расходы, которые являются у нихъ послѣ каждаго засѣданія суда (у нихъ принято посѣщать ренсковой погребъ). Имѣя такую профессію къ существованію, онъ уже плохо обработываетъ свою земельку; чаще, и совсѣмъ даже, ему работаетъ судящійся кліентъ. И вмѣсто того, какъ прежде работая и все-таки во всемъ имѣя нужду, теперь живется ему припѣваючи. Правда, не всѣ судьи таковы, но

предсѣдатели суда почти всѣ одинаковы"... „Кто близко знакомъ съ дѣятельностью волостныхъ судовъ, тотъ хорошо знаетъ, какъ, съ одной стороны, не обезпечены личные и имущественные интересы крестьянина и какая неувѣренность и даже страхъ овладѣваютъ имъ, если ему приходится защищать свои нарушенные интересы при помощи своего сословнаго суда, а съ другой—съ какимъ самоувѣреннымъ нахальствомъ возбуждаются въ волостныхъ судахъ самые неосновательные иски безцеремонными въ нарушеніи чужихъ правъ людьми". Крестьяне, участвовавшіе въ гродненскомъ уѣздномъ комитетѣ, единогласно заявили, что „въ крестьянскихъ судахъ нѣтъ правды: кто богаче, тотъ и выигрываетъ дѣло". Такихъ отрицательныхъ отзывовъ о волостномъ судѣ очень и очень много—а указанія на положительныя его стороны встрѣчаются весьма рѣдко..

Исходя изъ убѣжденія, что несправедливо оставлять массу населенія безъ гарантій правосудія, значительное большинство сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, высказавшихся по вопросамъ крестьянскаго правопорядка, признаетъ желательнымъ упразднить сословно-крестьянскій судъ и замѣнить его всесословнымъ судебнымъ органомъ. Изъ тѣхъ комитетовъ, которые, не ограничиваясь выраженіемъ пожеланія, стараются указать путь къ его осуществленію, одни предлагаютъ передать всѣ дѣла, подсудныя теперь волостному суду, въ вѣдѣніе низшей изъ общесудебныхъ инстанцій (при чемъ всего чаще слышатся голоса за возстановленіе мировыхъ судей); другіе высказываются за образованіе особаго низшаго суда, выборнаго и всесословнаго, совершенно независимаго отъ администраціи. Нерѣдко въ видѣ примѣра приводится дѣйствующій въ привислянскомъ краѣ гминный судъ. Низшіе всесословные суды—единоличные или коллегіальные—проектируются даже такими комитетами, которые допускаютъ сохраненіе въ силѣ обычнаго права. Они находятъ, что всесословная организація низшаго суда привлечетъ въ его составъ болѣе культурную часть населенія и устранитъ тотъ произволъ, который, въ существующихъ крестьянскихъ судахъ, прикрывается ссылкою на обычай. Можно было бы, при этомъ, принять за правило, чтобы въ коллегіальномъ судѣ не менѣе извѣстнаго числа судей избиралось изъ среды крестьянъ, а къ единоличному суду крестьяне присоединялись, въ опредѣленныхъ случаяхъ, въ видѣ засѣдателей или присяжныхъ. Среднее положеніе занимаютъ по данному вопросу тѣ комитеты, которые, не измѣняя, въ существѣ, предѣлы вѣдомства волостныхъ судовъ, считаютъ нужнымъ поднять ихъ умственный уровень, путемъ введенія въ ихъ составъ образованныхъ людей, хотя бы и не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Сюда же можно отнести комитеты, предлагающіе сохранить сословную компетенцію и организацію волостныхъ судовъ только для самыхъ

маловажныхъ дѣлъ, передавъ всѣ остальныя въ вѣдѣніе всесословныхъ судебныхъ органовъ,—или даже вовсе изъять изъ подсудности волостныхъ судовъ всѣ уголовныя дѣла. Улучшить волостной судъ, не затрогивая его сословнаго характера и не съуживая его компетенціи, признаютъ возможнымъ только немногіе комитеты. Улучшенія, ими намѣчаемыя, касаются увеличенія содержанія волостныхъ судей, бо́льшей самостоятельности въ ихъ избраніи, освобожденія ихъ отъ дисциплинарной власти земскаго начальника, а иногда—и установленія для нихъ невысокаго образовательнаго ценза (напр. окончанія курса въ начальной школѣ или простой грамотности).

Проектъ положенія о волостномъ судѣ, составленный редакціонною коммиссіею, остается позади скромныхъ предложеній незначительнаго меньшинства комитетовъ. Сельскимъ обществамъ по прежнему предоставляется только выборъ *кандидатовъ* въ волостные судьи; судьи *назначаются*, изъ числа кандидатовъ, уѣзднымъ съѣздомъ (теперь ихъ назначаетъ земскій начальникъ, но фактически власть его осталась бы неприкосновенной и при новомъ порядкѣ, потому что уѣздный съѣздъ, за самыми рѣдкими исключеніями, назначалъ бы судей согласно съ указаніями земскаго начальника); дисциплинарныя взысканія, доходящія до увольненія отъ должности, налагаются на судей также уѣзднымъ съѣздомъ (и здѣсь, конечно, уѣздный съѣздъ руководствовался бы, бо́льшею частью, представленіями земскаго начальника, которому—какъ и уѣздному предводителю дворянства—дается право дѣлать замѣчанія и выговоры *всему составу* волостного суда); образовательнаго ценза отъ волостныхъ судей (кромѣ предсѣдателя, который долженъ быть „хорошо грамотнымъ") не требуется никакого. Между тѣмъ, предѣлы власти волостного суда редакціонная коммиссія не только не сокращаетъ, но значительно расширяетъ. Теперь ему подсудны споры и тяжбы на сумму до трехсотъ рублей (кромѣ дѣлъ о надѣльной землѣ, подвѣдомственныхъ волостному суду независимо отъ цѣны иска, и вовсе не подвѣдомственныхъ ему дѣлъ о правѣ на недвижимость, основанномъ на крѣпостномъ или явочномъ актѣ); проектъ коммиссіи повышаетъ предѣльную цѣну иска до *пятисотъ* рублей. Теперь дѣла о наслѣдствѣ, не входящемъ въ составъ надѣла, подсудны волостному суду на сумму до *пятисотъ* рублей; проектъ повышаетъ эту сумму до *двухъ тысячъ* рублей. Теперь отъ волостного суда зависитъ назначеніе только одного вида лишенія свободы,—ареста, на срокъ до тридцати дней; проектъ (вопреки мнѣнію меньшинства самой коммиссіи) прибавляетъ къ этому заключеніе въ тюрьмѣ, на тотъ же срокъ [1].

[1]) Благодаря всемилостивѣйшему манифесту 11-го августа, вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, налагаемомъ приговорами волостныхъ судовъ, потерялъ свою недавнюю жгучесть. Замѣтимъ только, что и здѣсь редакціонная коммиссія кореннымъ обра-

Болѣе рѣзкаго противорѣчія, чѣмъ открывающееся, такимъ образомъ, между сельско-хозяйственными комитетами и редакціонною коммиссіею —нельзя себѣ и представить.

Что привело коммиссію къ рѣшенію оставить въ силѣ сословный волостной судъ, безъ измѣненія его состава и съ расширеніемъ его компетенціи—это отчасти объяснено въ „Очеркѣ" ея работъ, подробно разобранномъ нами въ февральскомъ внутреннемъ обозрѣніи. Дополненіемъ къ „Очерку" служитъ введеніе къ проекту положенія о волостномъ судѣ, напечатанному въ т. III-мъ „Трудовъ" редакціонной коммиссіи. Коммиссія находитъ, что коль скоро установлена необходимость сохраненія для крестьянства особаго гражданскаго матеріальнаго права, то тѣмъ самымъ выяснена и неизбѣжность существованія и впредь сословнаго крестьянскаго волостного суда. „Постановлять рѣшенія на основаніи особыхъ кодексовъ, допускающихъ, въ развитіе содержащихся въ нихъ правилъ, примѣненіе обычаевъ, могутъ—по мнѣнію коммиссіи—исключительно лица, принадлежащія къ средѣ, выработавшей эти обычаи, и по всему складу своего міросозерцанія не отрѣшившіяся отъ первоисточника народнаго правового творчества, которое ихъ создало. Примѣненіе къ данному конкретному случаю спеціальныхъ крестьянскихъ законовъ, построенныхъ въ значительной своей части на обычно-правовомъ воззрѣніи народа, мыслимо лишь при условіи, что оно будетъ производиться самими крестьянами". Таковъ фундаментъ, на которомъ коммиссія возводитъ зданіе проектируемаго ею волостного суда. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что въ немъ нѣтъ ни одного прочнаго камня. Орудія для его разрушенія даетъ, отчасти, сама коммиссія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласить утвержденіе коммиссіи, что обычаи, выработанные въ крестьянской средѣ, могутъ быть примѣняемы только крестьянами—съ включеніемъ въ составъ волостного суда лицъ бывшихъ податныхъ состояній (мѣщанъ, ремесленниковъ, посадскихъ, цеховыхъ), если они владѣютъ въ предѣлахъ волости участкомъ полевой земли (проектъ полож. о вол. судѣ ст. 12, пр. полож. о обществ. управл. ст. 84 и 85)? Не ясно ли, что крестьянскіе обычаи, въ выработкѣ которыхъ ни эти лица, ни родители ихъ и предки никакого участія не принимали, могутъ быть имъ настолько же незнакомы и чужды, какъ и лицамъ не-податныхъ состояній?... Коммиссія предпола-

---

зомъ разошлась съ большинствомъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ—большинствомъ, въ данномъ случаѣ близкимъ къ единогласію. Проектъ положенія о волостномъ судѣ назначалъ тѣлесное наказаніе (до достиженія тридцатипятилѣтняго возраста) не только за квалифицированное буйство, оскорбленіе родителей, угрозу оружіемъ, но и за неисправимое пьянство или мотовство, разстроивающія хозяйство, т.-е. за поступки, по общему правилу вовсе не влекущіе за собою уголовной кары.

гаетъ, что лица бывшихъ податныхъ состояній, если они владѣютъ полевой землей, „въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличаются по всему складу ихъ умственныхъ и нравственныхъ понятій отъ крестьянскаго населенія". Еслибы это и было такъ, отъ сходства понятій нельзя было бы еще заключать къ быстрому и полному усвоенію обычаевъ; но на самомъ дѣлѣ самое сходство вовсе не такъ распространено, какъ думаетъ коммиссія. Недостаточно купить клочокъ полевой земли, чтобы стать земледѣльцемъ въ душѣ; недостаточно перебраться въ деревню, чтобы промѣнять городской промыселъ на сельскій и забыть привычки, сложившіяся на городской почвѣ. Болѣе легкимъ, чѣмъ для ремесленника или торговца, приспособленіе къ особенностямъ деревенской жизни можетъ оказаться для образованнаго человѣка: путемъ изученія и размышленія онъ можетъ дойти до пониманія того, что̀ дается крестьянину силою привычки. Въ средѣ самой коммиссіи было высказано желаніе открыть доступъ въ волостной судъ дворянамъ, купцамъ и потомственнымъ гражданамъ, какъ элементамъ, способнымъ обезпечить правомѣрную и безпристрастную его дѣятельность. Большинство коммиссіи не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, опасаясь нарушенія „цѣльности сужденій" волостныхъ судовъ, нынѣ „безусловно существующей". Намъ кажется, что эта цѣльность отошла въ прошедшее, вмѣстѣ съ былымъ единообразіемъ сельскаго быта—а послѣднимъ ея остаткамъ, если они кое-гдѣ сохранились, былъ бы положенъ конецъ волостными судьями-мѣщанами, ремесленниками и цеховыми.

Возможность постановленія рѣшеній на основаніи обычаевъ коммиссія совершенно ошибочно пріурочиваетъ къ однородному—или, лучше сказать, мнимо-однородному составу суда. Примѣръ коммерческихъ судовъ, въ которыхъ рядомъ съ купцами засѣдаютъ юристы, показываетъ съ полною ясностью, что примѣнять обычаи могутъ, безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій, и лица, чуждыя сферѣ происхожденія обычнаго права. Не безъ причины, слѣдовательно, составители судебныхъ уставовъ уполномочили мировыхъ судей рѣшать дѣла, при извѣстныхъ условіяхъ, на основаніи обычая. Если соотвѣтствующая статья устава гражданскаго судопроизводства оставалась, бо̀льшею частью, мертвою буквой, объясненіе этому нужно искать въ изъятіи изъ вѣдѣнія мировыхъ судей главной массы крестьянскихъ дѣлъ и въ неразработанности обычнаго права... Еще менѣе основательно мнѣніе коммиссіи, что только крестьяне могутъ справиться съ примѣненіемъ „спеціальныхъ крестьянскихъ законовъ, построенныхъ въ значительной своей части на обычно-правовомъ воззрѣніи народа". Оставляя, пока, въ сторонѣ вопросъ о внутреннемъ достоинствѣ этихъ „спеціальныхъ законовъ" (т.-е. кодексовъ, выработанныхъ редакціон-

ною коммиссіею спеціально для волостного суда), замѣтимъ, что они построены не на „обычно-правовомъ воззрѣніи народа“, тщательно выясненномъ и точно установленномъ, а на тѣхъ представленіяхъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, которыя составила себѣ о немъ редакціонная коммиссія.

Необходимость существованія сословнаго крестьянскаго суда редакціонная коммиссія выводитъ, далѣе, изъ многочисленности волостныхъ судовъ и изъ недостатка, на мѣстахъ, людей, обладающихъ образовательнымъ цензомъ. „Въ предѣлахъ тѣхъ сорока шести губерній“—читаемъ мы въ введеніи къ проекту положенія о волостномъ судѣ,—„на которыя предположено распространить выработанные коммиссіей проекты, дѣйствуютъ нынѣ 9.390 волостныхъ судовъ, при чемъ въ среднемъ каждый изъ нихъ обслуживаетъ территорію въ 350 кв. верстъ. Очевидно, что уменьшить число этихъ судовъ невозможно, безъ явнаго ущерба для самыхъ жизненныхъ народныхъ интересовъ. Народъ и нынѣ во многихъ мѣстностяхъ страдаетъ отъ слишкомъ большой удаленности суда, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ, притомъ, однако, исключительно тамъ, гдѣ волости отличаются обширностью своей территоріи, наряду съ волостными судами продолжаютъ дѣйствовать закономъ непризнанные сельскіе суды и такъ называемые суды стариковъ. Очевидно, что вопросъ можетъ идти не объ уменьшеніи числа низшихъ судебныхъ мѣстъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, а лишь объ увеличеніи ихъ“. Что это вовсе не очевидно—о томъ свидѣтельствуетъ ст. 8-я проекта положенія о волостномъ судѣ, по которой волостной судъ учреждается въ каждой волости, но губернскому присутствію предоставляется, на основаніи представленій уѣздныхъ съѣздовъ, соединять по двѣ или нѣсколько мелкихъ волостей въ вѣдѣніи одного волостного суда. Текстъ проекта находится, такимъ образомъ, въ явномъ противорѣчіи съ разсужденіями, ему предпосланными. Безспорно, близость суда удобна для населенія—но ей нельзя приносить въ жертву другихъ, болѣе важныхъ его интересовъ. Лучше проѣхать нѣсколько лишнихъ верстъ, но найти судъ, достойный этого имени. Триста-пятьдесятъ квадратныхъ верстъ—цифра страшная только съ перваго взгляда: она выражаетъ собою, при сколько-нибудь правильномъ очертаніи волости, около двадцати верстъ протяженія въ длину и ширину, т.-е., при болѣе или менѣе центральномъ положеніи волостного суда—около десяти верстъ наибольшаго разстоянія отъ него. Мы очень хорошо знаемъ, что обѣ эти условія встрѣчаются далеко не всегда; помнимъ и то, что за умѣренной средней цифрой скрываются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, весьма высокія; но вѣдь и двадцати-, даже тридцати-верстное разстояніе не можетъ считаться, при нашихъ

русскихъ привычкахъ, трудно преодолимымъ затрудненіемъ обращенія къ суду. Въ достовѣрности свѣдѣній, пріурочивающихъ существованіе сельскаго суда или суда стариковъ *исключительно* къ обширнымъ волостямъ, мы позволяемъ себѣ усомниться: въ большинствѣ случаевъ такіе суды ускользаютъ отъ оффиціальнаго наблюденія, да и не было, кажется, предпринимаемо особаго изслѣдованія по этому предмету. Гораздо вѣроятнѣе, что причины переживанія внѣ-законныхъ судовъ слѣдуетъ искать отчасти въ недовѣріи къ волостному суду, отчасти—въ томъ желаніи разобраться по совѣсти, по душѣ, которое въ другихъ общественныхъ сферахъ вызываетъ обращеніе къ третейскому судьѣ или третейскимъ судьямъ.

Допустимъ, однако, что низшая судебная инстанція должна непремѣнно быть на лицо въ каждой волости: развѣ это аргументъ въ пользу сословнаго суда? Составъ сельскаго населенія уже теперь настолько разнообразенъ, что найти въ его средѣ болѣе или менѣе развитыхъ людей, способныхъ и готовыхъ принять участіе въ волостномъ судѣ, въ большинствѣ случаевъ было бы вполнѣ возможно. Редакціонная коммиссія указываетъ на затрудненія, съ которыми сопряжено замѣщеніе должностей земскаго начальника, на громадные расходы, которые повлекло бы за собою назначеніе сельскому судьѣ жалованья хотя бы равнаго окладу городского судьи (2.200 руб.); но вѣдь въ земскіе начальники назначаются только изъ числа дворянъ, между тѣмъ какъ въ волостной судъ могли бы избираться лица всѣхъ сословій,—а въ крупныхъ окладахъ для члена или хотя бы предсѣдателя волостного суда никакой надобности не предстоитъ. Какъ земскій начальникъ, такъ и городской судья должны имѣть довольно высокій образовательный цензъ, пріобрѣтеніе котораго доступно для сравнительно немногихъ; какъ тотъ, такъ и другой должны отдавать службѣ бо́льшую часть своихъ силъ и своего времени. Совершенно иныя требованія предъявлялись бы къ члену—или предсѣдателю—нормально организованнаго волостного суда. Образовательный цензъ его, какъ мы увидимъ ниже, могъ бы быть невысокъ; дѣлъ у него было бы немного (засѣданія волостного суда и теперь происходятъ не чаще одного раза въ недѣлю), и они были бы вполнѣ совмѣстимы съ его обычными занятіями; соотвѣтственно этому и содержаніе могло бы быть ему опредѣлено весьма скромное. Покрывалось бы оно, притомъ, изъ сборовъ со всѣхъ земель данной волости, независимо отъ сословій, къ которымъ принадлежатъ землевладѣльцы.

Сильнымъ аргументомъ въ пользу сохраненія крестьянскаго волостного суда служитъ, въ глазахъ редакціонной коммиссіи, „приверженность сельскаго населенія къ своему исконному сословному суду". Доказательства этой приверженности заимствуются, главнымъ обра-

зомъ, изъ работъ коммиссій сенатора Любощинскаго (1873—1875) и статсъ-секретаря Каханова (1881—1885). Со времени закрытія последней изъ этихъ коммиссій прошло почти двадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ измѣнилось очень и очень многое, какъ въ составѣ сельскаго населенія, такъ и въ характерѣ сельскаго быта. По словамъ самой редакціонной коммиссіи, „экономическая дѣятельность крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ усложнилась до неузнаваемости". Увеличилось неравенство положеній, состояній и степеней развитія; къ прежнимъ занятіямъ прибавились новыя; повысились требованія, предъявляемыя къ жизни. Въ деревняхъ появились новыя профессіи, новыя категоріи дѣятелей. Наплывъ мѣщанъ и ремесленниковъ въ сельскія мѣстности заставилъ законодателя раздвинуть рамки волостной юрисдикціи, подчинивъ ей массу людей, не имѣющихъ ничего общаго съ завѣтами и традиціями крестьянства. Параллельно съ этимъ росла компетенція—и ограничивалась самостоятельность волостного суда. Задачи, ему предлежавшія, дѣлались все труднѣе и труднѣе— а силы его оставались тѣ же. Установленный надъ нимъ надзоръ связывалъ его инициативу, не предупреждая его злоупотребленій. Понятно, что сообразно съ этимъ не могло не измѣниться и отношеніе населенія къ волостному суду. Если и допустить, что коммиссіямъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ оно представлялось не въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ (а въ этомъ позволительно усомниться, такъ какъ крестьяне уже тогда очень охотно обращались къ мировымъ судьямъ, даже по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду), то съ тѣхъ поръ „приверженность" къ волостному суду во всякомъ случаѣ должна была поколебаться или прямо уступить мѣсто нерасположенію и недовѣрію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стòитъ только припомнить приведенныя нами выше мнѣнія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Мы не станемъ утверждать, что отразившійся въ нихъ взглядъ распространенъ повсемѣстно — но основаній для него съ каждымъ годомъ становится все больше и больше. Къ противоположному заключенію могутъ привести, повидимому, отзывы призываемыхъ въ губернскія совѣщанія крестьянъ - должностныхъ лицъ (въ особенности волостныхъ старшинъ), неблагопріятные, въ большинствѣ случаевъ, отступленіямъ отъ дѣйствующаго порядка; но при оцѣнкѣ этихъ отзывовъ не слѣдуетъ забывать, что обладаніе властью не располагаетъ къ перемѣнамъ, ограничивающимъ ея объемъ или уменьшающимъ ея силу.

Аргументацію, направленную „ad majorem gloriam" нынѣшнихъ волостныхъ судовъ, редакціонная коммиссія старается подтвердить статистическими данными о количествѣ обжалованныхъ и отмѣненныхъ рѣшеній. Доказательной силы за этими данными признать нельзя,

какъ въ виду крайней ихъ неполноты (они обнимаютъ собою только 16 уѣздовъ, въ восьми губерніяхъ), такъ и вслѣдствіе недостаточно подробной ихъ разработки. Мы видимъ общую цифру гражданскихъ дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами того или другого уѣзда, но не узнаемъ, сколько изъ нихъ прекращено миромъ или по формальнымъ причинамъ (напр. по неподсудности). Въ текстѣ введенія процентъ отмѣненныхъ уѣздными съѣздами рѣшеній опредѣленъ не по отношенію къ числу дѣлъ, перенесенныхъ, по жалобамъ, въ съѣзды, а по отношенію къ общему числу дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами. Понятно, какъ сильно должны были понизиться, вслѣдствіе этого, процентныя цифры: для гражданскихъ дѣлъ онѣ составляютъ (по губерніямъ) отъ 13,9 до 31,3, а въ среднемъ — 16,4%, для уголовныхъ—отъ 8,9 до 17,8, а въ среднемъ—11,4%. Совсѣмъ другія цифры мы находимъ въ вѣдомости, приложенной къ III-му тому трудовъ коммиссіи, потому что тамъ показано отношеніе числа отмѣненныхъ рѣшеній къ числу дѣлъ, поступившихъ на съѣзды: для гражданскихъ дѣлъ это отношеніе равно 51,1%, для уголовныхъ—57,4%. Итакъ, впечатлѣніе получается совершенно другое—и правильное, потому что о степени основательности рѣшеній низшей инстанціи можно и должно судить именно по образу дѣйствій высшей инстанціи относительно тѣхъ изъ нихъ, которыя поступаютъ на ея разсмотрѣніе. Болѣе половины отмѣненныхъ рѣшеній—это очень много; благопріятнаго для волостныхъ судовъ заключенія отсюда вывести никакъ нельзя. Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду, что рѣшенія волостныхъ судовъ часто остаются необжалованными за отсутствіемъ у тяжущихся и подсудимыхъ всякой юридической помощи, а иногда и вслѣдствіе боязни возбудить противъ себя, подачею жалобы, гнѣвъ властнаго или вліятельнаго лица. Замѣтимъ, наконецъ, что на приговоры по дѣламъ уголовнымъ жалобы приносятся гораздо чаще подсудимыми, чѣмъ потерпѣвшими (которыхъ иногда и нѣтъ вовсе); между тѣмъ, изъ упомянутой нами вѣдомости видно, что между рѣшеніями волостныхъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ оправдательные приговоры составляютъ болѣе 38%.

Послѣднее соображеніе, приводимое редакціонною коммиссіею въ защиту сословнаго волостного суда, состоитъ въ томъ, что здѣсь не допускается участіе адвокатуры, составляющей язву сельскихъ мѣстностей. Изъ того, что лица, профессіонально занимающіяся ходатайствомъ по дѣламъ, не могутъ являться въ засѣданія волостного суда, еще не слѣдуетъ, однако, чтобы они оставались безъ вліянія на ходъ дѣлъ; наоборотъ, это вліяніе бываетъ иногда очень велико—и очень вредно именно вслѣдствіе своего негласнаго, закулиснаго характера. Гораздо лучше было бы регулировать сельскую адвокатуру, чѣмъ

устранять адвокатовъ отъ явки въ волостной судъ, увеличивая, этимъ самымъ, фактическое неравенство между тяжущимися... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что была, до недавняго времени, еще одна причина, затруднявшая, de facto, упраздненіе сословнаго волостного суда. Пока крестьяне подлежали тѣлесному наказанію, до тѣхъ поръ нельзя было и думать о преобразованіи низшей судебной инстанціи въ нормально составленный и организованный судъ, съ достоинствомъ и призваніемъ котораго назначеніе позорной кары было бы совершенно несовмѣстно. Освободивъ русскій народъ и русское общество отъ этого кошмара, всемилостивѣйшій манифестъ 11-го августа устранилъ одно изъ главныхъ препятствій къ дѣйствительному упорядоченію нашего судебнаго строя.

Возвратимся теперь къ исходной точкѣ разсужденій редакціонной коммиссіи. Неизбѣжность существованія и впредь сословнаго крестьянскаго (правильнѣе было бы сказать—крестьянско-мѣщанскаго) волостного суда коммиссія выводитъ прежде всего, какъ мы видѣли, изъ необходимости сохраненія для крестьянства особаго матеріальнаго гражданскаго права. Намъ кажется, что слѣдовало бы начать не съ того конца: нужно было бы спросить себя, можетъ ли волостной судъ, въ его настоящемъ—или хотя бы нѣсколько усовершенствованномъ—видѣ, считаться судомъ, достойнымъ этого названія, способнымъ осуществлять задачи правосудія. При отрицательномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ—отвѣтѣ, авторитетно и убѣдительно данномъ большинствомъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ—падаютъ сами собою всѣ искусственныя подпорки, создаваемыя для сословнаго волостного суда особыми кодексами гражданскимъ, уголовнымъ и процессуальнымъ. Какія бы ни были преподаны руководства суду, не удовлетворяющему самымъ элементарнымъ условіямъ судейской работы, онъ не можетъ оказаться на высотѣ своего призванія. Поддерживать его во что бы то ни стало нѣтъ, притомъ, никакого основанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ остается только разсмотрѣть различные способы замѣны сословныхъ волостныхъ судовъ.

Существуетъ мнѣніе, что въ особомъ мѣстномъ судѣ для разбора мелкихъ дѣлъ, по возможности близкомъ къ сельскому населенію, вовсе нѣтъ надобности: всѣ дѣла, подсудныя теперь волостному суду, безъ всякаго неудобства могутъ быть переданы въ вѣдѣніе общаго суда, т.-е. того единоличнаго судьи—все равно, какъ бы онъ ни назывался,—который будетъ стоять на первой, низшей ступени судебной іерархіи. Въ одномъ изъ губернскихъ совѣщаній это мнѣніе мотивировалось такъ: въ данной губерніи 126 волостныхъ судовъ, ежегодно рѣшающихъ, въ общей сложности, около 46 тысячъ дѣлъ. На каждый волостной судъ приходится, въ среднемъ, около 365 дѣлъ—въ томъ

числѣ немало такихъ, которыя оканчиваются миромъ или вообще требуютъ отъ суда минимальной затраты труда и времени. Если допустить, что въ составъ судебнаго участка войдутъ, въ среднемъ, три или четыре волости, то участковому судьѣ, какъ преемнику волостного суда, придется разрѣшать ежегодно около 1.500 дѣлъ, что, вмѣстѣ съ остальными подсудными ему дѣлами, вовсе не составитъ непосильнаго для него бремени. Между тѣмъ, сосредоточеніе всѣхъ такъ называемыхъ мелкихъ дѣлъ въ рукахъ одного судьи, юридически образованнаго и подготовленнаго къ своей задачѣ, сразу полагаетъ конецъ всѣмъ затрудненіямъ, возникающимъ изъ недостаточной компетенціи волостного суда. Падаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ собою вопросъ объ особыхъ кодексахъ для земледѣльческаго населенія: ничто не мѣшаетъ подчинить всѣ дѣла, гдѣ бы, между кѣмъ и о чемъ бы они ни возникали, одному общему для всѣхъ матеріальному и процессуальному праву... Эта аргументація насъ не убѣждаетъ. Главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она слишкомъ мало принимаетъ въ разсчетъ почти повсемѣстную у насъ громадность разстояній и рѣдкость населенія. Вмѣстѣ съ дурными, часто неудобопроѣздимыми дорогами, это сильно затрудняетъ обращеніе къ общему суду, органы котораго не могутъ не быть сравнительно малочисленными и, слѣдовательно, не такъ легко доступными. Въ особенности чувствительной эта трудность была бы для тяжущихся по наиболѣе мелкимъ дѣламъ, цѣнность которыхъ поглощалась бы вся или почти вся издержками дальней поѣздки и сопряженной съ нею потерей труда и времени. Передача этихъ дѣлъ въ вѣдомство участковаго судьи была бы иногда равносильна отказу въ правосудіи—или вызову на самоуправство. Какъ ни плохъ нынѣшній волостной судъ, онъ имѣетъ достоинство близости—и нежелательно было бы лишать сельское населеніе привычнаго для него удобства: это значило бы сразу уменьшить популярность реформы. На сельскій судъ или судъ стариковъ разсчитывать нельзя, да и не слѣдуетъ: это—вымирающія учрежденія, соотвѣтствовавшія патріархальному фазису народнаго быта, но не находящія для себя мѣста среди новыхъ условій жизни.

Для самыхъ мелкихъ гражданскихъ дѣлъ (примѣрно—цѣною до тридцати рублей) и очень небольшого числа уголовныхъ дѣлъ (влекущихъ за собою, напримѣръ, арестъ не болѣе какъ на семь дней или штрафъ не свыше пяти рублей) слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, сохранить волостной судъ, но *всесословный* какъ по своему составу, такъ и по своему кругу дѣйствій [1]). Предсѣдатель и члены волостного суда могли бы быть избираемы всесословнымъ волостнымъ схо-

---

[1]) Возможнымъ, конечно, было бы при этомъ соединеніе двухъ или болѣе волостей въ вѣдѣніи одного волостного суда.

домъ, подъ условіемъ грамотности—для членовъ, и нѣсколько болѣе высокаго образовательнаго ценза (напр. окончанія курса въ городскомъ или двухклассномъ училищѣ) — для предсѣдателя. Второю инстанціею для дѣлъ, подсудныхъ волостному суду, могъ бы служить участковый судья, вмѣстѣ съ двумя или тремя предсѣдателями волостныхъ судовъ. Всѣ остальныя дѣла, теперь подвѣдомственныя волостному суду, могли бы быть переданы въ вѣдѣніе участковаго судьи, съ присоединеніемъ къ нему, по нѣкоторымъ категоріямъ гражданскихъ дѣлъ, нѣсколькихъ предсѣдателей волостныхъ судовъ. При такомъ устройствѣ мѣстной юстиціи не было бы никакой надобности въ изданіи особыхъ кодексовъ для сельскаго населенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ открывалась бы возможность сохранить, въ извѣстныхъ предѣлахъ, дѣйствіе обычнаго права, пока все, что̀ въ немъ есть цѣннаго и важнаго, не будетъ включено въ составъ общаго гражданскаго уложенія. Подробное развитие этой мысли мы представимъ въ другой разъ, вмѣстѣ съ разборомъ уставовъ о наказаніяхъ и о договорахъ и наслѣдованіи, составленныхъ редакціонною коммиссіею.

Весьма поучителенъ и интересенъ общій обзоръ заключеній сельскохозяйственныхъ комитетовъ по вопросамъ крестьянскаго правопорядка, составляющій послѣднюю часть упомянутаго нами систематическаго свода. Вообще за устраненіе правовой обособленности крестьянъ высказались *пять* губернскихъ и *семьдесятъ четыре* уѣздныхъ комитета; на сторонѣ противоположнаго мнѣнія оказались только *два* губернскихъ и *три* уѣздныхъ комитета. За устраненіе обособленности крестьянъ въ правахъ личныхъ и по состоянію, въ порядкѣ управленія и суда, подали голосъ *десять* уѣздныхъ комитетовъ; за устраненіе обособленности крестьянъ въ правахъ гражданскихъ—*шесть* губернскихъ и *восемь* уѣздныхъ комитетовъ (противъ—*одинъ* губернскій комитетъ); за устраненіе обособленности крестьянъ въ отношеніи уголовной отвѣтственности—*четыре* губернскихъ и *десять* уѣздныхъ комитетовъ [1]). Чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо помнить, что вопросъ о крестьянскомъ правопорядкѣ не входилъ въ програму комитетовъ и самая его постановка, особенно въ губернскихъ комитетахъ, часто встрѣчала непреодолимыя препят-

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что за сохраненіе тѣлеснаго наказанія большинство голосовъ (9 противъ 7) оказалось только въ *одномъ* уѣздномъ комитетѣ (подольскомъ, московской губерніи), а противъ него высказались *восемь* губернскихъ и *тридцать-девять* уѣздныхъ комитетовъ (причемъ въ счетъ не введены тѣ комитеты, которые, не касаясь прямо тѣлеснаго наказанія, осудили его косвенно, выражая пожеланіе равноправности крестьянъ и другихъ сословій).

ствія. Между уѣздными комитетами было, притомъ, немало такихъ, предсѣдатели которыхъ поняли свою задачу очень узко, пригласили къ участію въ работѣ весьма немногихъ мѣстныхъ дѣятелей и дали ей характеръ чисто формальной отписки. Важно то, что, однажды поставленная на очередь, полу-запретная тема въ огромномъ большинствѣ случаевъ получала широкое развитіе и правильное освѣщеніе.

Въ сводѣ заключеній комитетовъ по вопросамъ, касающимся спеціально волостного суда, мы замѣтили нѣсколько небольшихъ погрѣшностей. Отвѣты, въ сущности однородные, разнесены иногда по различнымъ рубрикамъ—и наоборотъ, въ одну группу соединены не совсѣмъ одинаковыя или даже совсѣмъ не одинаковыя рѣшенія даннаго вопроса. Къ числу комитетовъ, высказавшихся за замѣну волостного суда общими судебными установленіями, отнесенъ, напримѣръ, елецкій (орловской губерніи) уѣздный комитетъ, который на самомъ дѣлѣ призналъ желательнымъ рѣшеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ споровъ, возникающихъ въ средѣ крестьянъ, съ участіемъ мѣстнаго элемента, въ качествѣ экспертовъ или въ качествѣ засѣдателей при коронномъ судьѣ, по образцу гминныхъ судовъ. Съ другой стороны, въ группу комитетовъ, желающихъ сохранить сословный крестьянскій судъ, включены комитеты, стоящіе за полную или частичную безсословность его состава, а также комитетъ, предложившій *назначеніе* волостныхъ судей. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: за оставленіе волостного суда въ нынѣшнемъ его видѣ подали голосъ весьма немногіе комитеты (два губернскихъ—пермскій и нижегородскій, и четыре уѣздныхъ—смоленскій, макарьевскій, подольскій и новооскольскій), а расширеніе его круга дѣйствій ни однимъ комитетомъ предложено не было. За упраздненіе или коренное преобразованіе волостного суда высказались *десять* губернскихъ комитетовъ (волынскій, кіевскій, костромской, курскій, новгородскій, орловскій, псковской, рязанскій, таврическій и черниговскій) и *девяносто два* уѣздныхъ. Трудно предположить, чтобы такое распредѣленіе голосовъ могло быть оставлено безъ вниманія при окончательномъ разрѣшеніи вопроса о крестьянскомъ судѣ. Оно сохранило бы свое значеніе даже въ такомъ случаѣ, еслибы на сторону нынѣшняго волостного суда стали всѣ или почти всѣ губернскія совѣщанія—но и въ средѣ послѣднихъ проектъ положенія о волостномъ судѣ, составленный редакціонною коммиссіею, вызвалъ немало принципіальныхъ возраженій... Замѣтимъ, въ заключеніе, что систематическій сводъ по вопросамъ крестьянскаго правопорядка обнимаетъ собою только 49 губерній Европейской Россіи, не касаясь, между прочимъ, ни остзейскаго края, ни Донской области, ни Туркестана, ни Сибири; между тѣмъ, и здѣсь въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ

слышались голоса за равноправность крестьянъ съ другими сословіями и, спеціально, за коренное преобразованіе волостного суда [1]).

11-го августа состоялся именной Высочайшій указъ правительствующему сенату, установляющій, впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ, нѣкоторыя измѣненія въ постановленіяхъ о правѣ жительства евреевъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Изъ подробнаго разбора этихъ измѣненій, сдѣланнаго „Правомъ" (№ 35), видно, что они почти всѣ сводятся или къ возстановленію сравнительно благопріятныхъ для евреевъ толкованій, только недавно уступившихъ мѣсто другому пониманію закона, или къ подтвержденію толкованій, до сихъ поръ общепринятыхъ на практикѣ. Существенно важнымъ нововведеніемъ является только разрѣшеніе повсемѣстнаго жительства въ имперіи воинскимъ чинамъ-евреямъ, которые, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ. По мнѣнію „Права", слѣдовало бы установить точнѣе, что̀ именно должно считаться доказательствомъ безпорочной службы; неопредѣленность закона можетъ подать поводъ къ ограничительному толкованію, столь обычному въ дѣлахъ о евреяхъ. Основаніе для подобныхъ опасеній безспорно существуетъ, но въ данномъ случаѣ, какъ намъ кажется, законъ достаточно точенъ: безпорочность службы доказывается всегда и вездѣ не какими-нибудь положительными данными, а просто отсутствіемъ взысканій, явствующимъ изъ самаго увольнительнаго документа... Небольшія сами по себѣ, льготы, дарованныя евреямъ указомъ 11-го августа, съуживаются еще тѣмъ, что дѣйствіе ихъ не распространяется на такія мѣстности имперіи, гдѣ относительно евреевъ установлены особыя ограничительныя правила. Почти совершенно закрытой для евреевъ остается, слѣдовательно, Москва... Надежду на новую, болѣе рѣшительную перемѣну къ лучшему въ положеніи евреевъ приходится, такимъ образомъ, пріурочить къ обѣщанному указомъ 11-го августа общему пересмотру законодательства о евреяхъ, а также къ заявленіямъ по еврейскому вопросу, сдѣланнымъ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Недавно обнародованъ законъ, предоставляющій губернскимъ присутствіямъ отмѣнять своею властью окончательныя постановленія земскихъ начальниковъ, если они состоялись съ превышеніемъ власти

[1]) См. „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности", т. I, стр. 425—6.

или съ явнымъ нарушеніемъ закона и касаются, притомъ, одного изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) удаленія отъ должности неблагонадежныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, 2) заключенія подъ стражу лицъ, удаляемыхъ по приговорамъ крестьянскихъ обществъ за порочное поведеніе, 3) утвержденія полевыхъ, лѣсныхъ и охотничьихъ сторожей, и 4) дополненія списковъ дѣлъ, назначенныхъ къ разсмотрѣнію на волостномъ сходѣ. Не зная мотивовъ закона, мы не можемъ опредѣлить, почему право отмѣны, предоставленное губернскимъ присутствіемъ, ограничено перечисленными случаями. Несомнѣнно только одно: обнаружились такія неудобства безконтрольнаго пользованія дискреціонною властью, которыя потребовали вмѣшательства законодателя. Трудно предположить, однако, чтобы злоупотребленіе властью проявлялось только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ новымъ закономъ. Если вся обстановка учрежденія благопріятствуетъ произволу, онъ неизбѣжно захватываетъ широкую область, останавливаясь только передъ прямо намѣченнымъ предѣломъ. Если земскіе начальники допускали превышеніе власти при утвержденіи сторожей, при увольненіи писарей, то еще больше поводовъ къ тому представляло примѣненіе ими ст. 61-ой, уполномочивающей ихъ налагать, по своему усмотрѣнію, административныя кары. И дѣйствительно, извѣстно немало случаевъ, когда эта статья становилась источникомъ очевидно неправильныхъ распоряженій; извѣстно также, съ какимъ трудомъ достигается отмѣна подобныхъ распоряженій [1]). Нельзя не пожалѣть, поэтому, что губернскому присутствію не предоставлено право отмѣнять *всѣ вообще* окончательныя постановленія земскихъ начальниковъ, состоявшіяся съ превышеніемъ власти или съ явнымъ нарушеніемъ закона. Конечно, это былъ бы только палліативъ, и палліативъ крайне недостаточный, такъ какъ между губернскимъ присутствіемъ и земскими начальниками существуетъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе или менѣе полная солидарность: но все-же увеличились бы нѣсколько шансы предупрежденія наиболѣе крайнихъ проявленій произвола.

Говоря, мѣсяцъ тому назадъ, о ревизіи московскаго губернскаго земства, произведенной товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, мы упомянули о совѣщаніи предсѣдателей земскихъ управъ, устроенномъ, по мнѣнію Н. А. Зиновьева, не только безъ санкціи закона, но и безъ санкціи губернскаго земскаго собранія, и способствующемъ подчиненности уѣздныхъ земствъ. Намъ казалось, что для учрежденія, ничего не рѣшающаго, ограничивающагося обмѣномъ мыслей и работой

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1894 г.

подготовительнаго свойства, не нужно никакой санкціи, а самостоятельности уѣздныхъ земствъ оно нимало не угрожаетъ. Къ аналогичному выводу пришло, какъ мы узнаемъ теперь, и само совѣщаніе [1]). Новымъ въ его заключеніи является для насъ то обстоятельство, что нѣкоторые вопросы вносились на его обсужденіе по порученію губернскаго земскаго собранія, санкціонировавшаго, этимъ самымъ, его существованіе. „Дѣятельность совѣщанія по исполненію такихъ порученій" —читаемъ мы въ постановленіи совѣщанія— „должна быть признана не только не противорѣчащей закону, но и прямо предусмотрѣнною ст. 72-ою полож. о зем. учрежд., по которой земское собраніе можетъ возлагать предварительное разсмотрѣніе подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ на особыя коммиссіи изъ гласныхъ, при чемъ, согласно разъясненіямъ сената, подъ гласными въ данномъ случаѣ разумѣются не только гласные въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и прочіе члены собранія" (т.-е., между прочимъ, предсѣдатели управъ). Совѣщаніе предсѣдателей управъ, когда оно дѣйствуетъ по уполномочію собранія, является именно такою коммиссіею. „Въ качествѣ постояннаго органа совѣщаніе существуетъ съ 1893 года, но первоначальное возникновеніе его нужно отнести къ болѣе раннему времени, такъ какъ еще задолго до 1893 г. въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи установился обычай поручать предварительное разсмотрѣніе протестовъ губернатора на уѣздныя смѣты и раскладки коммиссіи, состоящей изъ предсѣдателей управъ [2]). Въ законности существованія совѣщанія не возбуждалось никогда сомнѣній и мѣстною администраціей, ибо ни одно изъ постановленій собранія, касающихся совѣщанія, не было опротестовано губернаторомъ, а въ одномъ случаѣ совѣщаніе получило даже прямое оффиціальное признаніе со стороны губернскаго начальства, предложившаго предсѣдателю губернской земской управы объявить въ совѣщаніи предсѣдателямъ уѣздныхъ управъ Высочайшее повелѣніе о недопущеніи цѣнныхъ подношеній Его Императорскому Величеству. Что касается другой стороны дѣятельности совѣщанія, выражающейся въ подготовительныхъ бесѣдахъ по возникающимъ въ служебной практикѣ предсѣдателей управъ вопросамъ, то подобныя бесѣды, а равно и формулировка результатовъ ихъ въ видѣ опредѣленныхъ выводовъ, нигдѣ закономъ не воспрещены и по существу дѣла являются совершенно необходимыми. Уважая и оберегая самостоятельность уѣздныхъ земствъ, совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ не ограничиваетъ и не можетъ ограничивать этой само-

---

[1]) См. № 239 „Русскихъ Вѣдомостей".

[2]) Такой же обычай существуетъ съ давняго времени и въ с.-петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, а по всей вѣроятности—и во многихъ другихъ.

стоятельности ни путемъ нравственнаго давленія, ни какимъ бы то ни было инымъ образомъ" [1]). Мы убѣждены, что столь же неопровержимыми окажутся отвѣты московскихъ земскихъ дѣятелей на многіе другіе пункты ревизіоннаго отчета.

Газета „Волынь" сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о смѣтѣ, составленной волынскою губернскою управою по дѣламъ земскаго хозяйства. На содержаніе различныхъ отдѣленій канцеляріи управы предположено ассигновать 34.980 рублей, причемъ жалованье дѣлопроизводителямъ назначается въ бо̀льшемъ размѣрѣ (1.200 руб.), чѣмъ ветеринарнымъ врачамъ (900 руб.). Въ шесть тысячъ рублей обойдется, кромѣ того, наемъ помѣщенія для канцеляріи. „Всего курьёзнѣе"—говоритъ газета—„ассигнованіе лицу, управляющему земскимъ имуществомъ, 900 руб. въ годъ. Что̀ же это за земское имущество? Изъ объяснительной записки губернской управы видно, что имущество это составляетъ земля частью въ Житомірѣ, частью въ Ковелѣ, всего въ общемъ 16 десятинъ и 1.865 кв. саж. Земля въ Ковелѣ находится въ арендномъ пользованіи у мѣщанъ и приноситъ дохода 15 руб. въ годъ. Сколько даетъ дохода земля въ Житомірѣ—не извѣстно, но, вѣроятно, не больше, такъ какъ изъ той же объяснительной записки видно, что имущество это находится частью въ арендѣ, частью занято самовольно разными лицами, а частью пустуетъ и не приноситъ никакого дохода". Для земскаго дѣла такое развитіе канцеляризма представляетъ опасность гораздо болѣе серьезную, чѣмъ усиленіе „третьяго элемента". Впрочемъ, „дѣла земскаго хозяйства" въ западномъ краѣ — нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ „земское дѣло" въ земскихъ губерніяхъ.

---

[1]) Постановленіе совѣщанія принято большинствомъ всѣхъ членовъ противъ одного, который, вполнѣ признавая необходимость совѣщанія, полагалъ, что оно во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности должно носить характеръ неоффиціальной товарищеской бесѣды.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 (14) октября 1904.

Результаты послѣднихъ событій на театрѣ войны.—Оффиціальный отчетъ о лаоянскомъ боѣ.—Газетныя у насъ фантазіи и реальные факты.—Новая наша армія въ Манчжуріи.

Восьмидневная битва подъ Лаояномъ, окончившаяся отступленіемъ нашей манчжурской арміи къ Мукдену, встрѣтила разнородную оцѣнку въ заграничной печати. На первыхъ порахъ впечатлѣніе было вполнѣ опредѣленное: мы потерпѣли жестокую неудачу, несмотря на обычное геройство нашихъ войскъ, и всѣ надежды на скорое окончаніе войны и на освобожденіе Портъ-Артура оказались напрасными. Расположенныя къ намъ нѣмецкія и французскія газеты не скрывали своего разочарованія и недоумѣнія; враждебная пресса ликовала, предвѣщая уже неминуемое полное торжество Японіи надъ Россіею. Въ сущности, и друзья, и враги, были озадачены: никто не ожидалъ, что весьма значительная русская армія, старательно собранная въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и занимавшая превосходно укрѣпленныя позиціи, будетъ принуждена отойти на сѣверъ, подъ напоромъ японскихъ силъ, хотя бы даже при численномъ перевѣсѣ ихъ. Но послѣ взятія Лаояна японцами иностранные военные корреспонденты и обозрѣватели высказывались уже въ другомъ тонѣ, точно успѣхъ японцевъ заранѣе подразумѣвался самъ собою и не могъ вообще возбуждать никакихъ сомнѣній; вопросъ былъ только въ томъ, удастся ли японцамъ окружить и уничтожить русскую армію, а послѣдняя должна, будто бы, почитаться счастливою, если она избѣгла окончательнаго разгрома. Съ этой своеобразной точки зрѣнія заговорили о неудачѣ японскаго плана и о великой заслугѣ своевременнаго ухода нашихъ войскъ; намъ оставалось только радоваться успѣшному отступленію, совершившемуся съ замѣчательнымъ искусствомъ, и хвалебные заграничные отзывы объ этомъ искусствѣ отступленія отчасти удовлетворяли наше патріотическое чувство. Послѣ того уже не трудно было утверждать, что очищеніе Лаояна входило въ первоначальныя намѣренія главнокомандующаго и было сознательнымъ результатомъ задуманнаго плана; мы отступили, будто бы, не потому, что были вынуждены отступить, а потому, что желали увлечь японцевъ на сѣверъ съ цѣлью позднѣйшаго ихъ истребленія. Насколько всѣ эти толки оправдываются дѣйствительностью, можно видѣть изъ подробной телеграммы генералъ-адъютанта Куропаткина, отъ 29 августа,—теле-

граммы, представляющей точный оффиціальный отчетъ о сраженіяхъ, веденныхъ различными корпусами арміи подъ Лаояномъ. Приводимъ здѣсь цѣликомъ это подробное описаніе главнѣйшихъ моментовъ грандіознаго боя:

„Къ 13 августа манчжурская армія занимала тремя группами позиціи у Пегоу и Аньпина на лѣвомъ флангѣ, у Ляньдясяня въ центрѣ и у Аньшаньчжана на правомъ флангѣ. 13 августа японцы перешли въ наступленіе по всему фронту. Въ центрѣ у Ляньдясяня всѣ атаки японцевъ были отбиты; на лѣвомъ флангѣ послѣ упорнаго боя мы удержали за собой главную позицію у Аньпина, но японцы овладѣли позиціей у Пегоу и этимъ стали угрожать пути отступленія лѣвофлангового корпуса по долинѣ рѣки Танхе. Въ то же время обозначился обходъ значительными силами лѣваго фланга нашей позиціи у Аньшаньчжана. Использовавъ позиціи у Ляньдясяня и Аньпина въ смыслѣ выигрыша времени и нанесенія противнику весьма большихъ потерь, я отвелъ всѣ корпуса арміи на передовыя позиціи у Лаояна. Вслѣдствіе гористой мѣстности на восточномъ фронтѣ и распустившихся отъ дождя дорогъ на южномъ фронтѣ, двухдневный маршъ къ Лаояну былъ весьма труденъ и только благодаря самоотверженной работѣ всѣхъ чиновъ войскъ на восточномъ фронтѣ совершился въ полномъ порядкѣ, причемъ съ неимовѣрными трудностями были протащены черезъ перевалы вся безъ исключенія артиллерія и всѣ обозы; при этомъ часть орудій пѣхота протащила черезъ горы на рукахъ. Какъ ни труденъ былъ переходъ подъ напоромъ противника черезъ горы, но движеніе по равнинѣ оказалось еще затруднительнѣе; въ лѣвой и средней колоннахъ намъ удалось благополучно отвести къ Лаояну всю артиллерію и обозы. Путь правой колоны, проходившей по наиболѣе затопленной мѣстности западнѣе желѣзной дороги, былъ особенно тяжелъ. Между тѣмъ противникъ въ значительныхъ силахъ наступалъ на наши аріергарды, которые вели съ нимъ упорный бой. Одна изъ батарей, снявшись съ позиціи, при дальнѣйшемъ отступленіи попала на топкое мѣсто и ее начало засасывать. Отрядомъ были употреблены всѣ усилія спасти батарею; въ одно орудіе впряглось до 24-хъ лошадей, роты пѣхоты старались на лямкахъ сдвинуть орудія, но лошади и люди сами завязали настолько, что многіе нижніе чины не могли сами высвободиться изъ топи и имъ приходилось подавать помощь. Съ цѣлью дать время вытащить батарею, аріергардъ генералъ-майора Рутковскаго задержался на позиціи больше, чѣмъ бы то слѣдовало, и черезъ это понесъ значительныя потери; при этомъ были убиты самъ генералъ Рутковскій и командовавшій 4-мъ восточно-сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ подполковникъ фонъ-Раабенъ. Несмотря на всѣ эти усилія и жертвы, завязнувшую почти на всю высоту колесъ батарею пришлось оставить.

„16-го августа армія сосредоточилась у Лаояна; при этомъ одинъ корпусъ занялъ позицію на правомъ берегу Тайцзыхе, а остальные корпуса—на лѣвомъ. 17-го и 18-го августа японцы съ большой энергіей атаковали наши передовыя позиціи, но были всюду отбиты съ огромными потерями. Упорный бой на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ,

сопровождавшійся многочисленными контръ-атаками, доходившими до удара въ штыки, потребовалъ расхода какъ частныхъ резервовъ, такъ и части моего общаго резерва. Въ теченіе 18-го августа вполнѣ обозначилась переправа на правый берегъ Тайцзыхе значительныхъ силъ изъ арміи Куроки. Такъ какъ въ теченіе 17-го и 18-го августа на нашъ лѣвый флангъ, противъ котораго должна была дѣйствовать армія Куроки, атаки велись, сравнительно съ атаками на позиціи центра и праваго фланга, весьма слабо, то съ полнымъ основаніемъ можно было предположить, что главныя силы Куроки предназначены были для обхода лѣваго фланга нашего расположенія и для дѣйствія на наши сообщенія. При такой обстановкѣ я рѣшилъ, отведя войска съ передовыхъ позицій на главную, сосредоточить значительныя силы противъ арміи Куроки и попытаться прижать эту армію къ рѣкѣ Тайцзыхе, проходимой въ бродъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Принятое рѣшеніе было приведено въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ. Съ наступленіемъ темноты, совершенно не тревожимые японцами, мы начали очищать передовыя позиціи, которыя уже сослужили намъ большую службу, обезсиливъ противника нанесеніемъ ему тяжелыхъ потерь. Благодаря принятымъ мѣрамъ, достаточному числу мостовъ, правильному распредѣленію ихъ, устройству дорогъ къ мостамъ, несмотря на темную ночь, утромъ 19-го августа всѣ наши войска, назначенныя для наступленія, переправились на правый берегъ Тайцзыхе. Непріятель только къ вечеру 19-го августа занялъ оставленныя нами передовыя позиціи и открылъ артиллерійскій огонь по Лаояну. Въ руки непріятеля не досталось рѣшительно никакихъ трофеевъ.

„Планъ дѣйствій переправившихся на правый берегъ войскъ мною принятъ былъ слѣдующій: развернуть армію между д. Сыквантунъ и высотами у Янтайскихъ каменноугольныхъ копей, кои долженъ былъ занять отрядъ ген.-майора Орлова изъ 13-ти батальоновъ. Принявъ, затѣмъ, за ось позицію у Сыквантуна, произвести захожденіе арміи лѣвымъ плечомъ впередъ, дабы взять во флангъ позиціи японцевъ, кои тянулись отъ рѣки Тайцзыхе у селенія Квантуна по направленію къ Янтайскимъ копямъ. Наступленіе началось 20-го августа. Когда всѣ распоряженія были уже сдѣланы, въ ночь на 20-е августа командиръ правофланговаго корпуса прислалъ донесеніе, что японцы, перейдя въ наступленіе, ночью овладѣли весьма важнымъ для насъ сѣверо-восточнымъ участкомъ позиціи у Сыквантуна, вынудивъ къ отступленію занимавшій этотъ участокъ полкъ. Приходилось измѣнить планъ дѣйствій и первоначальной задачей на 20-е августа поставить обратное овладѣніе потерянною нами позиціей. Только къ вечеру 20-го августа весь горный массивъ у д. Сыквантунъ и самая деревня были въ нашихъ рукахъ. Съ 6 час. пополудни началось наступленіе и на высоту къ сѣверо-востоку отъ Сыквантуна, съ которой наканунѣ ночью были сбиты наши войска. Первоначально наши атаки не имѣли успѣха; наступала полная темнота, но упорный бой все продолжался; мы нѣсколько разъ овладѣвали высотой, но затѣмъ вынуждены были отступить; части перемѣшались и руководство боемъ крайне затруднилось. Тѣмъ не менѣе, по почину частныхъ начальниковъ разрозненныя атаки все повторялись, и, наконецъ, мы успѣли овладѣть по-

зиціей, и такимъ образомъ поставленная на 20-е августа задача на правомъ флангѣ была выполнена.

„На лѣвомъ флангѣ расположенія арміи въ сторонѣ Янтайскихъ копей 20 августа произошло слѣдующее: отрядъ генералъ-майора Орлова занялъ на высотахъ къ югу отъ Янтайскихъ копей весьма сильную позицію фронтомъ на югъ, выставивъ двѣ батареи и вступивъ въ артиллерійскій бой съ артиллеріей противника, занимавшаго позицію нѣсколько верстъ южнѣе. Въ это время голова лѣвофлангового корпуса уже находилась въ 6 верстахъ отъ праваго фланга отряда Орлова. Генералъ Орловъ, чтобы оказать содѣйствіе нашимъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Сыквантуна, спустилъ часть отряда съ горъ и началъ наступать по направленію на селеніе Сахутунъ. Войска должны были двигаться по мѣстности, сплошь покрытой гаоляномъ. Встрѣченныя огнемъ съ фронта и съ фланга, наступавшія части, потерявъ въ высокомъ гаолянѣ направленіе, начали отходить. Части войскъ оставшіяся на горахъ, тоже отошли въ западномъ направленіи. Въ это время голова наступавшаго лѣвофлангового корпуса уже находилась отъ войскъ генерала Орлова всего въ 2 верстахъ. Въ этомъ дѣлѣ раненъ генералъ-майоръ Орловъ и уже умершій отъ полученной раны генералъ-майоръ Фоминъ. Съ оставленіемъ этой позиціи на высотахъ, которая должна была служить опорою для нашего наступленія съ лѣваго фланга, японцы распространились къ сѣверу и къ 5-ти часамъ пополуни заняли всю гряду высотъ и Янтайскія копи. Спѣшенныя сибирскія казачьи сотни генералъ-майора Самсонова самоотверженно защищали наши позиціи, но вынуждены были къ отступленію. Такимъ образомъ наступавшему лѣвофланговому корпусу, дабы продвинуться впередъ, предстояло штурмовать весьма сильныя позиціи противника на горахъ, что для этого корпуса, полки котораго въ теченіе послѣднихъ пяти дней понесли большія потери, было трудной задачей, и онъ отошелъ къ д. Лиліангоу.

„Въ виду того, что въ ночь съ 20 на 21 августа наши войска, занимавшія позиціи у д. Сыквантунъ, на которую опирался правый флангъ наступавшей арміи и которая такимъ образомъ являлась осью ея захожденія, вынуждены были очистить эту важную позицію, я рѣшилъ отступить къ Мукдену и привелъ это рѣшеніе въ исполненіе къ 25 августа. Очищеніе Лаояна началось 21 августа днемъ и окончилось къ утру 22 августа. Всѣ запасы войсковые вывезены полностью, а изъ интендантскихъ не могли быть вывезены и были уничтожены запасы примѣрно на 8 дней на всю армію. Мосты понтонные разведены и отступили съ войсками, а вновь построенные временного типа сожжены; у желѣзнодорожнаго моста снята настилка. Войска отошли въ полномъ порядкѣ. Преслѣдованіе, начатое противникомъ, было отражено.

„21 и 22 августа принимались мѣры для обезпеченія обхода арміи съ востока. Противникъ съ южнаго фронта преслѣдовалъ не упорно, а съ восточной стороны войска арміи Куроки перешли въ наступленіе. Нашимъ частямъ, занимавшимъ позицію у Таліенгоу, особенно въ ночь на 23 августа, пришлось выдержать упорный ночной бой съ противникомъ. Мы удержали свои позиціи, но потери въ одномъ изъ полковъ, выдержавшемъ наиболѣе горячій бой, были до 500 человѣкъ.

Къ вечеру 23 августа опасность одновременнаго удара съ фронта и съ лѣваго нашего фланга миновала. Съ неимовѣрными трудностями по продвиганію артиллеріи и обозовъ войска отходили къ Мукдену и къ 25 августа закончили отступательный маршъ. Сильные аріергарды и конница прикрывали отступленіе. За всѣ бои, начиная съ 17 августа, противнику не оставлено никакихъ трофеевъ. Саперныя части, самоотверженно работавшія во время всѣхъ боевъ, оказали арміи огромную услугу и при отступленіи, производя починку дорогъ, устраивая переправы и помогая движенію обозовъ".

Можно предполагать, что до извѣстнаго момента существовала для насъ возможность нанести сильный ударъ арміи Куроки, отдѣлившейся отъ остальныхъ японскихъ войскъ; но намъ этотъ планъ не удался, и вмѣсто того, чтобы оттѣснить Куроки, наши отряды сами были оттѣснены, причемъ наша же армія сама попала въ крайне опасное положеніе. Пришлось волей-неволей очистить Лаоянъ, позаботиться о спасеніи арміи, и эта печальная часть задачи была исполнена съ неимовѣрными трудностями, но безъ большихъ потерь,—что̀ зависѣло не только отъ твердости войскъ и распорядительности начальниковъ, но и отъ крайняго утомленія непріятеля, истощившаго свои силы въ непрерывныхъ аттакахъ. Болѣе сорока тысячъ человѣкъ погибло подъ Лаояномъ,—около семнадцати или восемнадцати тысячъ съ нашей стороны, и значительно больше у японцевъ; но эта страшная бойня ничего не рѣшила окончательно, не привела ни къ какому очевидному результату,—и обѣ стороны стали готовиться къ дальнѣйшимъ, столь же кровопролитнымъ битвамъ. Японцы не окружили нашей арміи, но и мы не остановили наступленія японцевъ; злосчастный же гарнизонъ Портъ-Артура остался предоставленнымъ своей собственной судьбѣ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторая часть нашей печати, принимающая лживое самообольщеніе за непремѣнную принадлежность патріотизма, усердно стала превозносить „блистательный бой", отдалившій насъ отъ Портъ-Артура; а жестокія сцены необходимаго отступленія цѣлой арміи давали такимъ газетамъ матеріалъ для умилительнаго и восторженнаго краснорѣчія, которое въ сущности представляется весьма дешевымъ. Эти „патріоты" серьезно проводятъ параллель между Лаояномъ и Бородиномъ (!) и смѣло предсказываютъ скорую гибель непріятельскихъ войскъ, для которыхъ послѣдній кажущійся успѣхъ былъ только началомъ ихъ конца. Эти „дни радостнаго и многознаменательнаго затишья на театрѣ войны,—восклицаетъ одинъ изъ такихъ патріотовъ въ „Новомъ Времени" (отъ 3 сентября),—до очевидности ясно указываютъ, кто и какъ разбитъ въ этомъ нерѣшительномъ ни для той, ни для другой арміи сраженіи. Обратите же вниманіе на это прекрасное, по истинѣ умиляющее затишье въ дѣй-

ствіяхъ японскихъ стремительныхъ наступленій послѣ Лаояна!“ Точно такъ же, какъ Наполеонъ почувствовалъ изнеможеніе и безсиліе послѣ Бородинскаго боя, такъ и японцы совершенно ослабѣли послѣ крайняго напряженія своихъ силъ; мы же „отошли отъ Лаояна съ такимъ величавымъ спокойствіемъ, съ такою выдержкою, съ такимъ детально разработаннымъ искусствомъ, предъ которыми должны поблѣднѣть и умалиться всѣ историческія легендарныя отступленія древнихъ грековъ. Нѣтъ, подъ Лаояномъ мы одержали великую побѣду, и напрасно въ этотъ день нашего истиннаго народнаго торжества, нашей мощной, но не кичливой силы, мы не звонили торжественно въ колокола, не радовались радостью общенародною, не заставили въ честь боевого огня сверкать огни веселаго салюта, въ честь тѣхъ нашихъ братьевъ, кто такъ умѣло, такъ прекрасно и величественно довели дѣло русское до желаннаго конца“.

Можно подумать, что этотъ „патріотъ“, вспомнившій даже Наполеона и отечественную войну, предлагаетъ намъ очистить Манчжурію и заманить непріятеля въ сибирскую тайгу! Положительно, такіе патріоты глумятся надъ патріотизмомъ и даже не отдаютъ себѣ отчета въ значеніи своихъ собственныхъ словъ. Ихъ усердныя старанія перетолковывать факты навыворотъ и придавать событіямъ какой-то совершенно невѣроятный смыслъ — представляются тѣмъ болѣе странными, что не имѣютъ никакой точки опоры въ строго-фактическихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ съ театра войны. Сами наши руководители военныхъ дѣйствій вполнѣ трезво относятся къ событіямъ и не пытаются прикрасить ихъ какими-либо фантазіями;— отступленіе они не называютъ побѣдою, и въ уходѣ отъ Лаояна они не приглашаютъ насъ видѣть наше полное торжество надъ японцами.

Важнымъ практическимъ послѣдствіемъ лаоянскаго боя является рѣшеніе образовать вторую манчжурскую армію, подъ начальствомъ генерала О. К. Гриппенберга. Это рѣшеніе ясно мотивировано въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 11 сентября, которымъ признана необходимость „значительно увеличить на театрѣ военныхъ дѣйствій наши вооруженныя силы, дабы въ скорѣйшее по возможности время достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ“. Такъ какъ — сказано далѣе —„при этомъ число войсковыхъ единицъ достигнетъ той цифры, при которой оставленіе ихъ въ составѣ одной арміи не можетъ быть допущено безъ ущерба удобствамъ управленія, маневрированія и подвижности войскъ“, то постановлено „подраздѣлить войска, назначенныя для дѣйствій въ Манчжуріи, на двѣ арміи, сохранивъ командованіе первою изъ нихъ въ рукахъ генералъ-адъютанта Куропаткина“. Въ рескриптѣ указывается на „крайнее напряженіе, съ которымъ ведетъ

настоящую войну Японія", и на „проявленныя японскими войсками упорство и высокія боевыя качества", — такъ что предвидится еще продолжительная кампанія на Дальнемъ Востокѣ. Генералъ-адъютантъ Гриппенбергъ, призванный дѣйствовать въ Манчжуріи на равныхъ правахъ съ генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ подъ общимъ руководствомъ намѣстника, адмирала Алексѣева, какъ главнокомандующаго, — занималъ до послѣдняго времени постъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа и хорошо извѣстенъ, какъ опытный боевой генералъ, участвовавшій во всѣхъ нашихъ войнахъ, начиная съ пятидесятыхъ годовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1904.

I.

— Мих. Лемке. Ник. Мих. Ядринцевъ. Біографическій очеркъ къ десятилѣтію со дня кончины, 1894—1904. Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. Попова. Изданіе редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе". Спб. 1904.

Мы говорили недавно о крупной и цѣнной работѣ г. Лемке по новѣйшей исторіи нашей цензуры. Передъ нами новый трудъ, болѣе частнаго характера, но опять имѣющій отношеніе къ нашей общественной исторіи: новая книга г. Лемке исполнена съ тѣмъ же историческимъ взглядомъ и съ тѣмъ же внимательнымъ подборомъ матеріала. Это—біографія Н. М. Ядринцева.

Нѣтъ сомнѣнія, что память этого замѣчательнаго сибирскаго патріота, много поработавшаго для изученія и объясненія исторической и современной сибирской жизни, что эта память должна была быть сохранена въ подробной біографіи, и г. Лемке исполнилъ эту задачу весьма обстоятельно,—хотя въ предисловіи указывается, что близость времени и недостатокъ въ нѣкоторыхъ личныхъ матеріалахъ еще не давали возможности изложить біографію съ тою полнотой, какая была бы желательна. Скажемъ, однако, что и въ томъ видѣ, какъ есть, книга г. Лемке даетъ вѣрное освѣщеніе лица, и интересъ книги простирается не только на это лицо, но и на цѣлую общественную атмосферу времени, въ какое ему привелось дѣйствовать.

Н. М. Ядринцевъ (1842—1894), по его роду, не былъ сибирякъ, но онъ родился и выросъ въ Сибири, къ которой онъ привязался какъ самый преданный аборигенъ. Его образованіе, съ которымъ явились и научные интересы, закончено было въ петербургскомъ университетѣ; здѣсь же окончательно сложились и его общественные взгляды, и самый сибирскій патріотизмъ. Это было въ шестидесятыхъ годахъ. Біографія Ядринцева, между прочимъ, можетъ служить любопытнымъ

фактомъ нравственнаго значенія этихъ годовъ во внутреннемъ развитіи нашего общества. Ядринцевъ былъ юношей, живымъ и воспріимчивымъ, когда въ эти годы началась для него пора университетскихъ вліяній. Время было чрезвычайно одушевленное: совершалось практическое исполненіе крестьянской реформы; были въ ходу другія знаменательныя преобразованія; литература, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какимъ она подвергалась, отражала давно созрѣвшія надежды общества; въ молодыхъ поколѣніяхъ эти надежды сливались съ ожиданіями для ихъ собственной дѣятельности (всего чаще преувеличенными, что̀ для юности было вполнѣ естественно) и порождали въ нихъ чувство солидарности и потребность единства. Тогдашній петербургскій университетъ сталъ почти открытымъ; лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ (напр. Костомарова) становились какъ бы публичными лекціями. Между студентами развилось стремленіе ко взаимному сближенію, что̀ и выразилось образованіемъ „землячествъ". У „земляковъ", опять совершенно естественно, складывалось и укрѣплялось желаніе служить прежде всего благу своей ближайшей родины.

Появилось и сибирское землячество. Началось оно съ отдѣльнаго частнаго собранія, участники котораго рѣшили собираться и впредь (были здѣсь не одни студенты-сибиряки, но и другая сибирская молодежь).

„Рѣшившись собираться, — разсказывалъ потомъ Ядринцевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—никто не задавалъ вопроса: „зачѣмъ и для чего"? Этотъ вопросъ казался молчаливо рѣшеннымъ „земляками" — стало быть, какъ же не видѣться. Наиболѣе заинтересованные судьбою этого сближенія, однако, чувствовали потребность мысли, идеи, и даже какой-нибудь практической задачи; понемногу и они начали являться, но не вдругъ... Между сибиряками были люди неглупые и начинали думать о судьбѣ своей родины, ея интересахъ и будущей дѣятельности въ краѣ. Конечно, трудно было въ молодой студенческой семьѣ явиться опредѣленнымъ задачамъ и, сидя въ Петербургѣ еще на школьной скамьѣ, изобрѣтать практическое дѣло. Помню, однако, что на этихъ собраніяхъ впервые раздался вопросъ о значеніи въ краѣ университета и необходимости его для Сибири... Здѣсь же въ товарищескихъ разговорахъ развивалась мысль о необходимости подготовки къ будущей дѣятельности въ Сибири, о необходимости изучать край... Говорили о будущемъ журналѣ, газетѣ—словомъ, вопросы росли. Въ концѣ, все соединилось на убѣжденіи и вѣрѣ, что нашей отдаленной окраинѣ предстоитъ блестящая будущность".

Въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній Ядринцевъ живо рисуетъ одушевленіе, какимъ проникались въ ту пору земляки-патріоты—и ко-

торому лучшіе изъ этихъ людей оставались вѣрны до конца,—немногіе уже и донынѣ остаются.

„Когда мы развивались,—говоритъ Ядринцевъ,—когда другой воздухъ окружилъ насъ, когда страстное біеніе жизни коснулось и насъ, то мы не могли не проникнуться болѣе сознательнымъ отношеніемъ къ судьбѣ нашей родины. Когда все жило общественными вопросами русской жизни, русскаго народа, когда такъ мечталось, такъ вѣрилось, и мысль высоко парила въ грядущемъ, могли ли мы не подумать о своемъ забытомъ краѣ, съ которымъ связаны были рожденіемъ, родствомъ, всѣми нашими симпатіями?! Вотъ въ это-то время въ молодомъ кружкѣ товарищей-земляковъ появилась мысль о служеніи нашей родинѣ, о возвращеніи домой. Доселѣ большинство окончившихъ курсъ въ университетахъ не думало возвращаться и избирало выгодныя мѣста внѣ родины. Ихъ не влекло сюда ничто; они съ содроганіемъ вспоминали невѣжественное общество, отсутствіе умственной жизни. Лучшія образованныя силы, ученые, таланты уже не возвращались болѣе на родину. Мы поняли тогда, что̀ такое абсентеизмъ.

„Пылкіе и горячіе, мы давали клятвы возвратиться на родину, служить ей беззавѣтно и, окончивъ или не окончивъ курсъ въ университетѣ, возвратились назадъ домой не случайно, но вполнѣ сознательно".

Въ ихъ мечтахъ и вѣрѣ, ихъ родина представлялась въ радужномъ свѣтѣ, не пустынной, бѣдной и невѣжественной, а цвѣтущей, богатой и просвѣщенной. „Мы назвали эту страну „страною будущаго" прежде, чѣмъ этими словами началъ книгу мой другъ, профессоръ Петри: Sibirien ist eine Zukunftsland" (стр. 38—44).

Но въ понятіяхъ тогдашней администраціи ни эти мечты, ни вѣра не умѣщались, и прошло не много времени, а именно въ 1865, возникло формальное уголовное дѣло о „сибирскомъ сепаратизмѣ",—онъ былъ приравненъ къ настоящему государственному преступленію.

Это „дѣло" подробно изложено въ особой главѣ біографіи Ядринцева. Какъ ни были молоды юноши, на голову которыхъ оно свалилось (въ результатѣ были многолѣтнія ссылки и даже каторжныя работы), можно было впередъ предположить, что юноши въ дѣйствительности вовсе не были такъ ребячески малоумны, чтобы предпринять „отдѣленіе Сибири отъ Россіи и образованіе республики, подобно Соединеннымъ-Штатамъ" (ср. стр. 62 и 67). Въ дѣйствительности этого и не было. „Долженъ сказать,—говоритъ Ядринцевъ въ воспоминаніяхъ,—что дѣло было опредѣленно не столько въ задуманномъ намѣреніи, сколько въ *обвиненіи*, которое склонно было *формулировать* это намѣреніе", т.-е. сдѣлать изъ мухи слона. „Подлинное дѣло, возвращенное въ 1868 г. изъ сената, хранится въ омскомъ архивѣ; оно

состояло изъ нѣсколькихъ томовъ и представляло запутанныя показанія и дѣтскія признанія"...

„...Что мы могли отвѣчать на вопросы слѣдственной коммиссіи? Въ нашемъ сердцѣ было искреннее желаніе мирнаго блага нашей забытой родинѣ; нашею мечтою было ея просвѣщеніе, гражданское преуспѣяніе. Въ юношескихъ мечтахъ и желаніяхъ многіе мѣстные вопросы еще были смутны и получили извѣстную форму только впослѣдствіи. Мы отвѣчали, что желаемъ Сибири новаго, гласнаго суда, земства, бо̀льшей гласности, поощренія промышленности, бо̀льшихъ правъ для инородцевъ. Что тутъ было преступнаго? Что было преступнаго въ горячей любви къ своей родинѣ? Но здѣсь патріотизмъ былъ принятъ за сепаратизмъ" (стр. 65).

Почти невѣроятно, но этотъ патріотизмъ былъ дѣйствительно принятъ за сепаратизмъ, опасный для цѣлости Россійской имперіи...

Мнимые сепаратисты жестоко поплатились за юношескія мечты; но Ядринцевъ, и его ближайшіе друзья, остались вѣрны юношескимъ идеаламъ; ихъ жизнь прошла въ неустанномъ трудѣ для родины въ разныхъ областяхъ науки, литературы и общественной жизни.

Въ концѣ своего разсказа авторъ замѣчаетъ, что „энтузіазмъ и горячность Ядринцева были ясны каждому не-сибиряку" (къ сожалѣнію, однако, не „каждому"), и приводитъ слова другого энтузіаста—современника Ядринцеву, также уже умершаго. „Старикомъ я встрѣтилъ его,—писалъ В. П. Острогорскій, — черезъ много лѣтъ, и онъ оставался, несмотря на весь горькій опытъ, несмотря на всѣ претерпѣнныя горести, все тѣмъ же горячо убѣжденнымъ, восторженнымъ человѣкомъ, пламеннымъ поклонникомъ науки, общественнаго служенія на пользу родины. Его личность, иногда многими непонимаемая или, вѣрнѣе, недостаточно оцѣненная при жизни — живой и благой примѣръ знанія, энергіи и любви не только для сибиряковъ, для которыхъ онъ всегда останется первымъ крупнымъ проводникомъ культуры, но и всѣмъ намъ русскимъ,—примѣръ того, что̀ и ка̀къ нужно работать на пользу просвѣщенія" (стр. 200).

Въ теченіе многихъ лѣтъ, изрѣдка, но постоянно видавъ Ядринцева, мы замѣчали въ немъ одну черту: онъ всегда былъ серьезенъ; его не занимали обыденныя новости (предметъ обычныхъ разговоровъ), не занимала и не развлекала шутка, — онъ всегда былъ поглощенъ близкими ему вопросами литературы, общественности, и только говоря о нихъ, онъ одушевлялся—очевидно, здѣсь только и были его интересы.

Книга г. Лемке, одинъ изъ любопытныхъ біографическихъ эпизодовъ о людяхъ „шестидесятыхъ годовъ", составлена очень обстоятельно; кромѣ біографіи лица, она даетъ и характерныя черты времени. Въ концѣ приведенъ и аккуратно составленный перечень лите-

ратурныхъ трудовъ Ядринцева. Приложено также нѣсколько портретовъ.

Жаль, что попало нѣсколько ненужныхъ опечатокъ. Замѣтимъ одну: на стр. 52, совсѣмъ некстати поставлено имя „Слѣпцова"; читай: Словцова.—А. П.

II.

— В. Богучарскій.—Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904.

Книга г. Богучарскаго вводитъ читателя въ чрезвычайно интересную область еще недавней исторической жизни, въ которой упорными усиліями и борьбой вырабатывались и развивались освободительные идеалы. Въ первомъ изъ своихъ живыхъ и содержательныхъ очерковъ авторъ дѣлаетъ попытку дать характеристику братьевъ Бестужевыхъ, столь извѣстныхъ, какъ по своему участію въ передовыхъ общественныхъ движеніяхъ, такъ и литературной дѣятельностью; ихъ трагическая судьба составляетъ одну изъ мрачныхъ страницъ русской исторіи, страницъ, въ которыхъ ихъ имена встрѣтились съ именами благороднѣйшихъ и талантливѣйшихъ людей, отдавшихъ свою жизнь служенію высшимъ идеямъ блага своей родины. Едва ли, однако, Бестужевы играли ту слишкомъ видную роль въ движеніи декабристовъ, какую склоненъ отводить имъ авторъ, но что вліяніе ихъ и степень участія каждаго изъ братьевъ были недостаточно разъяснены предыдущими изслѣдователями,—не подлежитъ сомнѣнію: въ этомъ отношеніи работа автора чрезвычайно полезна. Что касается вопроса объ отношеніи одного изъ Бестужевыхъ къ Пушкину, то онъ гораздо сложнѣе, чѣмъ представляется на первый взглядъ, и можетъ быть рѣшенъ лишь послѣ того, какъ будетъ окончательно выяснено, насколько въ Пушкинѣ дѣйствительно произошла та перемѣна взглядовъ, относительно которой высказываются самыя противоположныя мнѣнія.

Во второмъ очеркѣ авторъ даетъ перечень декабристовъ-литераторовъ и останавливается на дѣятельности А. О. Корниловича, арестованнаго, какъ извѣстно, въ числѣ первыхъ участниковъ въ событіи 14-го декабря, а до того снискавшаго себѣ извѣстность изданіемъ, совмѣстно съ Сухоруковымъ (историкомъ донского казачьяго войска), альманаха, подъ заглавіемъ „Русская Старина". Корниловичъ былъ серьезно образованный и начитанный, особенно въ исторической литературѣ, человѣкъ, свѣдѣніями котораго правительство дорожило даже при исключительныхъ обстоятельствахъ. Г. Богучарскій приводитъ разсказъ одного генерала, весьма характерный для лицъ въ немъ упоминаемыхъ, о томъ, какъ въ казематъ Петропавловской крѣпости,

куда былъ заключенъ Корниловичъ, вошелъ однажды знаменитый Бенкендорфъ и обратился къ нему съ такими словами: „Любезный Корниловичъ! Государь императоръ, зная вашъ умъ, ваши обширныя познанія и вашу горячую любовь къ общественному благу, пожелалъ предоставить вамъ возможность быть полезнымъ отечеству. Его величеству благоугодно, чтобы вы излагали на бумагѣ ваши мнѣнія, по какимъ вы найдете нужнымъ предметамъ государственнаго благоустройства. Записки ваши будутъ передавать мнѣ для представленія его величеству". Въ то же время Корниловичу было запрещено входить съ кѣмъ бы то ни было въ какія-либо сношенія, даже со сторожемъ, который прислуживалъ ему. Корниловичъ горячо принялся за работу и нѣкоторыми изъ своихъ записокъ обратилъ особенное вниманіе государя, что удостовѣрялось собственноручными письмами Бенкендорфа, въ которыхъ послѣдній объявлялъ за ту или иную работу—каторжному Корниловичу благоволеніе его величества.

Весьма удачной представляется намъ попытка автора разобраться въ мало разъясненномъ пока, но давно назрѣвшемъ вопросѣ о причинахъ столкновенія между Тургеневымъ и Добролюбовымъ, кончившагося разрывомъ Тургенева съ редакціей „Современника". Г. Богучарскій не исчерпалъ всего относящагося сюда матеріала, но сдѣланныя имъ заключенія представляются вполнѣ убѣдительными и соотвѣтствующими, какъ намъ думается, истинному положенію дѣла. Конечно, не личныя причины вызвали разрывъ, не небрежность обращенія Тургенева къ Добролюбову, и не заносчивость послѣдняго, какъ объ этомъ разсказываетъ Головачева-Панаева,—источникъ лежалъ гораздо глубже. Добролюбовъ и Чернышевскій, какъ люди новаго прогрессивнаго теченія, естественно должны были смѣнить Тургенева, въ основныхъ вопросахъ руководительства общественной мыслью; между поколѣніемъ идеалистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, наложившимъ свой слишкомъ сильный отпечатокъ на міросозерцаніе и духовный складъ Тургенева, и выразителями новыхъ, болѣе широкихъ освободительныхъ стремленій возникало нѣкоторое взаимное непониманіе, легко переходившее въ личную непріязнь. „Дѣло въ томъ,—говоритъ по этому поводу г. Богучарскій, — что прогрессисты типа Тургенева, привѣтствуя отъ всей души паденіе крѣпостного права и мечтая о широкихъ реформахъ, не могли, однако, смотрѣть на массу иначе, какъ нѣсколько, а многіе даже и не нѣсколько, сверху внизъ. Они могли признать девизомъ своей дѣятельности формулу — „tout *pour* le peuple", но всѣмъ складомъ своей психики были чужды формулы „tout *par* le peuple. На этомъ-то центральномъ пунктѣ и столкнулось міросозерцаніе старыхъ баръ и новыхъ разночинцевъ".

„Требуя настоящаго дѣла, — говоритъ авторъ далѣе, — и задѣвая

нерѣдко за живое дряблое русское общество, Добролюбовъ становился, разумѣется, мишенью самыхъ ожесточенныхъ нападокъ и крайне односторонних статей. Дѣло дошло до того, что по адресу Добролюбова и Чернышевскаго появилась статья Герцена „Very Dangerous!!!“ (Очень опасно). Эта, воспроизводившаяся неоднократно въ выдержкахъ въ нашей литературѣ, статья служитъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій того „столкновенія двухъ теченій общественной мысли“. Это столкновеніе какъ нельзя болѣе было ясно Некрасову, участіе котораго въ „разрывѣ“, къ сожалѣнію, не выяснено г. Богучарскимъ.

Къ тому же кругу идей относится интересная работа — „Очерки изъ исторіи русской журналистики XIX вѣка“, гдѣ авторомъ высказано много цѣнныхъ замѣчаній,—напримѣръ по вопросу о вліяніи Фейербаха и философіи лѣваго гегеліанства вообще на Чернышевскаго и Добролюбова. Въ статьѣ „Гоголь, какъ учитель жизни“ авторъ окончательно рѣшаетъ вопросъ о томъ, что такимъ учителемъ жизни былъ исключительно Гоголь-художникъ, но никакъ не авторъ переписки съ друзьями.

Статьи, вошедшія въ книгу г. Богучарскаго, были напечатаны въ различное время въ разныхъ журналахъ; собравъ ихъ и нѣкоторыя переработавъ, авторъ сдѣлалъ несомнѣнно полезное дѣло. Къ книгѣ приложено нѣсколько снимковъ.

III.

— Астонъ, В. Г. Исторія японской литературы. Переводъ съ англійскаго слушателя Восточнаго института, подъесаула В. Мендрина. Подъ редакціей и. д. профессора Е. Спальвина. Владивостокъ. 1904.

Появленіе этой книги на русскомъ языкѣ слѣдуетъ привѣтствовать прежде всего потому, что оно совпало съ моментомъ наибольшаго интереса, пробужденнаго въ русскомъ обществѣ неожиданной войной съ Японіей ко всему, что относится къ этой мало знакомой намъ странѣ. Японскій публицистъ нашего времени Хача Яици въ одной изъ своихъ лекцій о культурномъ прогрессѣ Японіи такъ объясняетъ быстрые успѣхи японцевъ: „Такой необыкновенно быстрой цивилизаціи, такого быстро шагающаго прогресса нѣтъ ни въ одной странѣ, нѣтъ нигдѣ въ мірѣ,—и европейцы поражаются. Однако, совсѣмъ нечего удивляться этому. Если европейцы поражаются, то это потому, что они считаютъ Японію страною варварскою. Но для Японіи, которая уже три тысячи лѣтъ тому назадъ блистала своей литературой, для Японіи, которая собрала въ себѣ индійскую религію, китайскую моральную философію и все великолѣпіе цивилизаціи Востока, для Японіи, въ которую уже триста лѣтъ тому назадъ стала

проникать культура Запада,—для нея прогрессъ послѣднихъ двадцати-тридцати лѣтъ является дѣломъ вполнѣ естественнымъ". Въ этихъ словахъ,—какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ,—есть несомнѣнная доля восточнаго хвастовства, но если отбросить ее и обратить вниманіе на исторію Японіи, то высказанная японскимъ публицистомъ мысль не кажется столь далекой отъ истины, какъ объ этомъ принято думать. Уже въ очень давнія времена историческая жизнь Японіи выработала тѣ условія, при которыхъ политическая, умственная и вообще духовная жизнь націи можетъ называться культурной. Развиваясь въ теченіе долгаго періода времени изолированно отъ всего остального міра, Японія естественно выработала свою особую культуру, выразительницей духовныхъ идеаловъ которой явилась оригинальная литература, уже въ девятомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова переживавшая свой классическій періодъ. Въ литературѣ прежде всего находится доказательство того, что такъ называемые быстрые, съ точки зрѣнія европейцевъ, успѣхи японцевъ, явились естественнымъ результатомъ многовѣкового культурнаго же развитія, шедшаго только по другому пути.

Исторію японской литературы Астонъ дѣлитъ на нѣсколько періодовъ, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ древнѣйшія произведенія до VIII в. по Рождествѣ Христовѣ, а послѣдній опредѣляется какъ по-реформенный періодъ, уже отмѣченный явными признаками европейскаго вліянія. Различныя вліянія вообще играли видную роль въ исторіи японской литературы, при чемъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, Китай, отразившій черты своей матеріальной и духовной культуры на всѣхъ областяхъ политической и умственной жизни. Въ другомъ родѣ сказалось вліяніе Индіи, которая внесла въ Японію буддизмъ съ его мягкимъ, гуманитарнымъ направленіемъ, сыгравъ по отношенію къ Японіи ту же роль, какую играло христіанство по отношенію къ западному міру. „Нельзя, однако, забывать,—говоритъ г. Мендринъ въ предисловіи,—и о національномъ японскомъ геніи, который, несмотря на всѣ постороннія вліянія, сохранилъ все-таки свою оригинальность. Японцы никогда не довольствуются простымъ только заимствованіемъ. Въ искусствѣ, политическихъ установленіяхъ, даже религіи они, не стѣсняясь, приспособляютъ на свой ладъ все, чѣмъ заимствуются отъ другихъ, и на все это кладутъ свой національный отпечатокъ. То же самое можно наблюдать и въ литературѣ. При всей своей зависимости отъ Китая, при безотчетномъ довѣріи къ чужому руководительству, она все-таки сохранила несомнѣнные признаки національнаго генія. Это литература храбраго, вѣжливаго, веселаго, любящаго удовольствія, сентиментальнаго скорѣе, чѣмъ страстнаго, смѣшливаго и остроумнаго, быстро, но не глубоко понимающаго

народа; народа изворотливаго и изобрѣтательнаго, но врядъ ли способнаго къ высшей интеллектуальной дѣятельности; народа, одареннаго воспріимчивымъ умомъ, жадностью къ знаніямъ, наклонностью къ чистотѣ и изяществу въ выраженіяхъ, но рѣдко, или даже никогда не доходящаго до возвышенности въ этомъ отношеніи".

Изложеніе Астона страдаетъ отрывочностью или, лучше сказать, отсутствіемъ общихъ характеристикъ, которыя устанавливали бы историческое развитіе основныхъ идей и литературныхъ формъ. Недостаточны также и историческія свѣдѣнія, безъ которыхъ многія литературныя явленія, особенно древнѣйшихъ періодовъ, не вполнѣ понятны. По пересказамъ отдѣльныхъ произведеній можно заключать только, что въ нихъ нашли себѣ поэтическое изображеніе возвышенныя и оригинальныя идеи морали, религіи и поэзіи. Съ большимъ интересомъ читается глава, гдѣ изображается культурное вліяніе новой, конституціонной, организаціи 1867 года. По словамъ г. Астона, она отличается такими административными удобствами и политическими качествами, какихъ Японія никогда прежде не знала, и она же подняла ее на небывалую высоту могущества и процвѣтанія, свободы и просвѣщенія. Съ этого времени начинается вліяніе европейской литературы, изъ которой Японія стала почерпать новые моральные, религіозные и политическіе принципы. Сначала великая политическая реформа не вызвала значительныхъ перемѣнъ въ литературѣ. На первой очереди стояли реорганизація государственныхъ установленій, реформа законовъ, созданіе арміи и флота, устройство путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ, маяковъ, телеграфовъ, установленіе національной системы образованія юношества. Но видимое превосходство Европы въ этихъ областяхъ повело къ переводамъ европейскихъ, особенно англійскихъ, книгъ, сначала спеціальнаго, ученаго характера, а затѣмъ и литературнаго. Въ числѣ произведеній одного изъ позднѣйшихъ писателей Судо (Нансуй) приводится изложеніе довольно типичнаго для европеизированнаго японца политическаго романа. Его заглавіе „Дамы новаго типа" (1887 г.). „Это романъ будущаго,—говоритъ авторъ,—когда Токіо сдѣлается великимъ портомъ со всѣми принадлежностями передовой цивилизаціи, какъ-то: верфи, доки, трамваи и дымящіяся фабричныя трубы. Его героиня, прелести которой описаны обильно разукрашеннымъ слогомъ,—молочница. Пусть не предполагаетъ читатель, что занятіе молочницы имѣетъ въ виду намекнуть на пасторальную простоту, напротивъ—оно указываетъ японской публикѣ, что эта госпожа стоитъ въ первыхъ рядахъ культурнаго движенія. Дѣло въ томъ, что прежде молоко не употреблялось въ Японіи въ пищу, и въ то время, когда появился романъ, никто, за исключеніемъ дѣйствительно просвѣщенныхъ лицъ, не рѣшался

преступить вѣковѣчныхъ предубѣжденій противъ него. Любимымъ чтеніемъ этой молочницы служитъ разсужденіе о воспитаніи Герберта Спенсера. Она состоитъ членомъ женскаго клуба, въ которомъ играютъ въ крокетъ и въ лаунтеннисъ и разсуждаютъ о правахъ женщинъ. Другіе типы романа—это: приспѣшникъ Араби-паши, который послѣ пораженія его предводителя „великимъ воиномъ, генераломъ Іолслеемъ" былъ изгнанъ изъ Египта и поступилъ на службу къ одному японскому джентльмену; китайскій поваръ, которому натурально отводится роль подчиненнаго, низшаго существа, и извѣстное число политическихъ дѣятелей консервативной и либеральной партій. Въ числѣ происшествій фигурируютъ: поднятіе воздушнаго шара, споры на выборахъ и динамитный взрывъ, не причинившій вреда, благодаря прозорливости собаки европейской породы. Все это, надо замѣтить, указываетъ на высокую цивилизацію.

„Въ послѣдней главѣ молочница выходитъ замужъ за выдающагося политическаго дѣятеля, который по такому торжественному случаю надѣваетъ чистый стоячій воротничокъ, бѣлый шолковый галстукъ и бѣлыя перчатки, а въ лѣвую петлицу сюртука продѣваетъ маленькій бѣлый цвѣтокъ флеръ-д'оранжа.

„Этотъ романъ не лишенъ значительныхъ достоинствъ. Въ немъ изобиліе происшествій и связное дѣйствіе. Авторъ не только въ состояніи цитировать Спенсера и Милля, но, что̀ болѣе существенно, свободно владѣетъ своимъ роднымъ языкомъ, особенно его китайскимъ элементомъ, который въ настоящее время занимаетъ такое выдающееся положеніе".

Во всякомъ случаѣ русскіе читатели будутъ признательны переводчику за его трудъ, исполненный при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Какъ сказано въ предисловіи редактора, переводчикъ, вслѣдствіе начавшейся войны, принужденъ былъ оставить восточный институтъ и былъ отозванъ на театръ военныхъ дѣйствій. Онъ вынужденъ былъ бросить на произволъ владивостокскихъ наборщиковъ и разнаго рода случайностей военнаго времени цѣлый рядъ уже набранныхъ, но еще не прокорректированныхъ листовъ изданія. Работа перешла къ г. Спальвину, который, несмотря на всѣ трудности редактированія въ отсутствіе автора, довелъ ее до конца, сопроводивъ примѣчаніями и объясненіями. Къ книгѣ приложенъ азбучный указатель именъ и предметовъ, а также списокъ словарей, грамматикъ и другихъ книгъ, полезныхъ изучающимъ японскій языкъ.

IV.

— Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1724 — 1762. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полка. Составленъ подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1901—1904. 2 тома.

„Сборникъ біографій кавалергардовъ" ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ „Исторіи Кавалергардовъ", о которой уже была рѣчь въ свое время, и находится въ связи съ недавно исполнившимся столѣтіемъ существованія кавалергардовъ, какъ войсковой части. Сборникъ этотъ долженъ охватить, по плану редакціи, біографическіе очерки кавалергардовъ, начиная съ 1724 года и до позднѣйшаго времени. Настоящія двѣ книги обнимаютъ время службы въ кавалергардахъ съ 1724 по 1801 годъ. Біографіи расположены по старшинству поступленія лицъ въ кавалергарды на основаніи списковъ, за немногими исключеніями, когда этихъ списковъ не сохранилось.

Составляя необходимѣйшее дополненіе къ исторіи кавалергардовъ, испытавшей въ своемъ развитіи различные моменты и вліянія, біографическіе очерки являются чрезвычайно цѣнными и съ общей исторической точки зрѣнія, заключая въ себѣ рядъ статей детально обработанныхъ на основаніи богатыхъ и въ большинствѣ случаевъ впервые появляющихся въ печати матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Собственныхъ Ея Величества библіотекъ, государственныхъ и семейныхъ архивовъ. Особенное значеніе эти очерки пріобрѣтаютъ отъ того, что они не ограничиваются годами лишь кавалергардской службы, но исчерпываютъ всѣ свѣдѣнія о жизни того или другого лица, причемъ по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ оказалась примѣненной не только недоступная прежде полнота біографическихъ свѣдѣній, но и извѣстная широта историческаго взгляда. Послѣднее могло быть достигнуто лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ—о дѣятеляхъ наиболѣе замѣчательныхъ; другимъ же лицамъ могли быть посвящены лишь конспективные очерки, которые послужатъ исторической канвой для будущихъ біографовъ. Изъ отдѣльныхъ біографій перваго тома отмѣтимъ наиболѣе крупныя: работы А. А. Голомбіевскаго о Ягужинскомъ, Меншиковѣ; Н. Я. Совѣтова о Бутурлинѣ (Александрѣ Борисовичѣ, племянникѣ „князя-папы"); Н. П. Чулкова о Воронцовѣ (Михаилѣ Илларіоновичѣ), Шуваловѣ (Петрѣ Ивановичѣ); В. В. Шереметевскаго о Трубецкомъ (Никитѣ Юрьевичѣ).

Во второй книгѣ отмѣтимъ очерки: Н. П. Чулкова о Зубовѣ (Платонѣ Александровичѣ), о графѣ де Виттъ (Иванѣ Осиповичѣ), вел. кн. Николая Михаиловича о князьяхъ Долгорукихъ (Владимірѣ Петровичѣ

и Михаилѣ Петровичѣ); А. А. Голомбіевскаго—о графахъ Орловыхъ (Алексѣѣ и Григоріи); безъ подписи автора—о князѣ Потемкинѣ (Григоріи Александровичѣ) и маркизѣ д'Оттишанъ (d'Autichamp). Въ мелкихъ очеркахъ разсѣяно множество любопытныхъ бытовыхъ подробностей и документальныхъ данныхъ.

Все изданіе художественно выполнено въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и снабжено множествомъ иллюстрацій, фототипически воспроизведенныхъ съ оригиналовъ и портретовъ, по преимуществу составляющихъ собственность частныхъ лицъ.

Съ интересомъ будемъ ждать продолженія этого полезнаго изданія.

V.

— Марковъ, Евгеній. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и исторіи. Съ одной акварелью, 310 картинами и рисунками. Изданіе—второе—Товарищества М. О. Вольфъ. Спб. [1904].

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ новому изданію давно уже вышедшей изъ продажи книги покойнаго Маркова о Кавказѣ. Она продолжаетъ сохранять свой интересъ не только какъ одно изъ лучшихъ описаній Кавказа, но и какъ литературное произведеніе, въ которомъ тонкая наблюдательность высоко-образованнаго человѣка соединилась съ изяществомъ и поэтичностью кисти впечатлительнаго художника. Марковъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ у насъ писателей, которые рѣшили трудную задачу сдѣлать занимательнымъ изображеніе края, читателю неизвѣстнаго. Этого онъ достигъ, благодаря столько же своему природному дарованію, живописательному, яркому, сколько и добросовѣстному изученію страны въ различныхъ отношеніяхъ. Богатый запасъ свѣдѣній историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ давалъ возможность Маркову дѣлать свои описанія содержательными, дававшими обильную пищу для любознательнаго ума, а чувство мѣры въ связи съ благородной простотой изложенія спасало автора отъ излишнихъ длиннотъ и подробностей, зачастую превращающихъ живую книгу въ спеціальный трактатъ. У Маркова читатель встрѣчаетъ счастливое сочетаніе научныхъ свѣдѣній съ непосредственными впечатлѣніями, согрѣтое свойственной автору теплотой и мѣстами задушевностью разсказа. Если книги Маркова и не могутъ быть названы трудами по изученію той или иной страны, то онѣ служатъ превосходнымъ введеніемъ къ изученію, возбуждающимъ серьезный интересъ къ странѣ и доставляющимъ непосредственное высокое наслажденіе. Въ предисловіи къ первому изданію авторъ говорилъ о назначеніи своей книги, имѣющей цѣлью набро-

сать общую картину кавказской природы, исторіи и жизни: онъ не имѣлъ въ виду ученыхъ изслѣдователей или сухихъ житейскихъ практиковъ, но отдавалъ ее—„подъ ласковый покровъ тѣхъ теплыхъ сердцемъ друзей природы и исторической любознательности, воображеніе которыхъ еще не утратило своихъ молодыхъ порывовъ, которые еще способны, отбросивъ на время въ сторону прозаическія заботы дня, искать новыхъ впечатлѣній въ столкновеніи съ незнакомыми имъ племенами и невѣдомою страною. Живая и поэтическая школа путешествій издревле была для человѣка и лучшею школою знанія".

Съ полнымъ успѣхомъ могъ бы повторить авторъ и то, что̀ онъ говорилъ по поводу путешествій вообще и изученія Кавказа въ частности. „Въ наше время жгучихъ очередныхъ вопросовъ экономической и соціальной жизни, мало мѣста остается для спокойнаго изученія природы, исторіи и быта многочисленныхъ и крайне интересныхъ народностей, составляющихъ стомилліонный народъ русскій. Вкусъ къ путешествіямъ, къ изученію памятниковъ древности и своеобразныхъ особенностей племенъ, постепенно исчезающихъ подъ уравнивающимъ вліяніемъ времени, — когда-то живой и у насъ, до сихъ поръ очень живой въ Европѣ и Америкѣ,—все болѣе теряется среди современнаго русскаго общества, слишкомъ односторонне погруженнаго въ заботы дня. А между тѣмъ эта отчужденность читающаго общества отъ объективнаго знакомства съ своею страною—отъ спокойныхъ интересовъ исторіи, археологіи, природы и этнографіи неизбѣжно приводитъ къ убыли знанія, къ упадку истинной образованности.

„Кавказъ — это безцѣнный по богатству и разнообразію музей этнографическихъ, археологическихъ и естественно-историческихъ сокровищъ всякаго рода.

„Путешествіе на Кавказъ, живое знакомство съ нимъ лицомъ къ лицу—въ состояніи доставить глубокое наслажденіе и глубокое поученіе наблюдающему и мыслящему человѣку. Но многіе ли у насъ, даже среди просвѣщенной части общества, знаютъ что-нибудь о Кавказѣ, кромѣ нѣсколькихъ ходячихъ общихъ мѣстъ?"

Очерки Кавказа въ настоящемъ изданіи представляютъ большой и изящно изданный томъ, снабженный множествомъ иллюстрацій съ фотографій и рисунковъ и картинъ Горшельта, Гагарина, Киселева, Судковскаго, Грузинскаго. Виллевальде и др. Въ этомъ видѣ книга можетъ представить цѣнный вкладъ въ любую юношескую библіотеку.

VI.

— **Вёрманъ, К. профессоръ, директоръ Дрезденской галереи. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова. Спб. 1903.**

Русскій переводъ прекрасной книги Вёрмана является весьма желательнымъ въ нашей литературѣ. Удачно соединивъ обширную эрудицію съ цѣлями широкой популяризаціи, авторъ сумѣлъ придать своему сочиненію черты серьезнаго по содержанію и привлекательнаго по характеру изложенія труда. Въ зависимости отъ этого онъ менѣе всего стремился къ подробностямъ и полнотѣ въ перечнѣ памятниковъ искусства, предпочитая дать общую картину развитія художественныхъ идей и творчество художественныхъ формъ у всего человѣчества. Это указываетъ на тотъ кругъ читателей, для которыхъ по преимуществу назначается книга; удовлетворяя самымъ строгимъ требованіямъ обыкновеннаго образованнаго читателя, она вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ послужить превосходнымъ введеніемъ для лицъ, желающихъ заняться той или другой художественной областью. Авторъ видитъ основное отличіе своей исторіи искусства отъ другихъ подобныхъ же сочиненій въ объективности, съ которой исторія искусства изслѣдуется, какъ самостоятельный предметъ, независимо отъ какихъ бы то ни было апріорныхъ взглядовъ и философскихъ воззрѣній; другое, болѣе частное, отличіе можно видѣть въ томъ, что въ этой книгѣ впервые систематически (хотя очень кратко) разсмотрѣны проявленія художественнаго творчества у первобытныхъ и некультурныхъ племенъ. Особенную же цѣнность придаетъ ей огромное количество превосходно выполненныхъ иллюстрацій въ текстѣ, геліогравюръ и хромолитографій.

Настоящій первый томъ заключаетъ въ себѣ обзоръ искусства первобытныхъ народовъ, искусства древняго Востока, искусства греческаго, древне-италійскаго, языческаго искусства въ сѣверной Европѣ и западной Азіи, индійскаго и восточно-азіатскаго, наконецъ—искусства ислама. Въ концѣ находимъ алфавитные указатели литературныхъ пособій и художественныхъ произведеній упоминаемыхъ сочиненій. Дальнѣйшее развитіе искусства авторъ относитъ ко второму и третьему томамъ. Насколько замѣтно въ авторѣ стремленіе сдѣлать свой трудъ при отмѣченныхъ свойствахъ научно-современнымъ и чуждымъ всякаго догматизма, можно судить изъ его же словъ, высказанныхъ имъ въ предисловіи. Говоря о содержаніи перваго тома съ его обзоромъ общаго движенія и взаимной связи—насколько послѣднюю можно пока установить—художествъ у

доисторическихъ и нехристіанскихъ народовъ отъ незапамятныхъ временъ, авторъ говоритъ: „Должно замѣтить, что именно въ тѣхъ обширныхъ областяхъ, которыя разсматриваются въ этомъ первомъ томѣ, изслѣдованія еще далеко не закончены. Новыя раскопки и новыя открытія чуть ли не каждый день порождаютъ новые взгляды. Такъ, напримѣръ, когда печатаніе настоящей книги уже приходило къ концу, новыя раскопки англичанъ на Критѣ и Кипрѣ доставили данныя, которыя хотя и подтверждаютъ сказанное въ ней о „микенскомъ искусствѣ", но проливаютъ болѣе яркій свѣтъ на значеніе Крита и Кипра для исторіи этого искусства. Каждый, кто пытается уже теперь составить себѣ общее понятіе обо всѣхъ этихъ областяхъ, не долженъ забывать, что нѣкоторыя изъ его представленій и многія изъ заключеній суть только предварительныя. Если я, несмотря на то, осмѣлился взяться за подобную работу, то къ тому побудили меня особыя обстоятельства. Съ одной стороны, уже давно я чувствовалъ сердечное влеченіе еще разъ возвратиться къ искусству древняго міра—въ область, къ которой, какъ знаютъ то мои товарищи по спеціальности, относились мои первыя изслѣдованія и изданія. Съ другой стороны, я ощущалъ нѣкоторую внутреннюю потребность облечь, наконецъ, при помощи изученія нашихъ коллекцій по народовѣдѣнію, въ плоть и кровь воспоминанія, сохранившіяся во мнѣ отъ прежнихъ путешествій моихъ въ отдаленныя части свѣта и на морскіе острова. Читатель этого тома, надѣюсь, ясно увидитъ, что у меня было достаточно опытности для того, чтобы провѣрить и усвоить результаты чужихъ изысканій, на которые, само собой разумѣется, я долженъ былъ опираться".

Слѣдуетъ ожидать, что русскій переводъ книги проф. Вёрмана встрѣтитъ въ обществѣ самый сочувственный пріемъ.—Евг. Л.

VII.

— **Карлъ Каутскій. Торговые договоры и торговая политика. Переводъ съ нѣмецкаго Θ. Шипулинскаго и А. Финна. Спб. 1904. Ц. 1 р.**

Вопросы внѣшней торговли, таможенныхъ пошлинъ и торговыхъ договоровъ привлекаютъ въ послѣдніе годы особенное вниманіе европейскихъ обществъ, благодаря, главнымъ образомъ, двумъ причинамъ: истеченію въ 1903 г. срока главнѣйшихъ торговыхъ договоровъ Германіи и возрожденію протекціонистскихъ тенденцій въ странѣ классическаго фритредерства—Англіи. Литература, трактующая объ этомъ предметѣ, касается, конечно, по преимуществу вопросовъ, имѣющихъ, прямо или косвенно, практическое значеніе; но среди многочислен-

ныхъ книгъ, брошюръ и статей, посвященныхъ данному предмету, встрѣчаются такія, которыя имѣютъ задачей разсмотрѣніе вопроса о внѣшней торговлѣ, преимущественно съ общей точки зрѣнія экономической эволюціи, и уясненіе того, какое значеніе имѣетъ международный обмѣнъ при современныхъ условіяхъ промышленнаго развитія. Такія произведенія представляютъ, конечно, наибольшій интересъ для обыкновеннаго читателя; а къ числу ихъ принадлежитъ и названная въ заголовкѣ нашей замѣтки книжка хорошо извѣстнаго русскому читателю теоретика нѣмецкой соціалъ-демократіи, К. Каутскаго. Хотя работа эта составлена въ виду пересмотра торговыхъ договоровъ Германіи, имѣетъ опредѣленную практическую цѣль „приготовленія орудій борьбы непосредственно предъ рѣшительной битвой", но главное ея содержаніе, повторяемъ, касается не частныхъ вопросовъ нѣмецкой торговой политики, а общаго смысла внѣшней торговли въ прежнія и настоящія времена. Интересъ даннаго труда усугубляется для насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „по отношенію къ общей защищаемой имъ точкѣ зрѣнія авторъ считаетъ себя солидарнымъ съ таковой своей партіи". Мы здѣсь имѣемъ, поэтому, не только опредѣленное научное воззрѣніе, но и взглядъ на весьма важный вопросъ современной экономической политики одной изъ сильнѣйшихъ политическихъ партій Германіи.

Товарный обмѣнъ въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ ранѣе всего сдѣлался извѣстенъ человѣчеству во внѣшней, а не во внутренней торговлѣ. Это очень просто объясняется тѣмъ, что, при неустройствѣ первобытныхъ путей сообщенія, гужевая перевозка товаровъ была затруднена до крайности, а для торговли съ иностранными государствами пользовались преимущественно водными путями сообщенія. Внѣшняя торговля основывалась въ это время на „различіи продуктовъ отдѣльныхъ мѣстностей, которое покоится на различіи природномъ" (стр. 7). Правительства торгующихъ государствъ облагали купцовъ особыми данями и пошлинами, и такъ какъ это приносило имъ крупные доходы, то они принимали рядъ мѣръ для развитія внѣшней торговли и прибыли торговцевъ. „Изъ этого возникла систематическая торговая политика, научное обоснованіе которой меркантилистами въ XVII-мъ столѣтіи послужило началомъ научной національной экономіи". Прибыльной торговлей считалась такая, при которой много продавалось и мало покупалось. „Это было тогда частнымъ торговымъ принципомъ буржуа, который жилъ какъ можно скромнѣе и при этомъ накоплялъ богатства... Разумная торговая политика должна была слѣдовать буржуазному примѣру, а масштабомъ для измѣренія такой политики былъ торговый балансъ. Если ввозъ былъ больше вывоза, то считалось, что торговая политика ведетъ

страну къ обѣдненію" (стр. 12). Торговая политика прежняго времени, поэтому, имѣла задачей по возможности содѣйствовать вывозу и препятствовать ввозу; сдѣлать внутренній рынокъ совершенно независимымъ отъ заграничнаго производства и открыть неограниченный сбытъ мѣстнымъ товарамъ въ иностранныя государства. Успѣшное достиженіе этой цѣли естественно вело къ широкому развитію капиталистическаго производства, которое, въ свою очередь, требовало расширенія внѣшнихъ рынковъ для сбыта мѣстныхъ фабрикатовъ, ввоза изъ-за-границы сырыхъ матеріаловъ для переработки на мѣстныхъ фабрикахъ и жизненныхъ средствъ для содержанія мѣстнаго населенія, все болѣе и болѣе отвлекаемаго отъ земледѣлія къ фабрично-заводской дѣятельности. Естественнымъ послѣдствіемъ успѣшной покровительственной политики въ передовыхъ промышленныхъ государствахъ было поэтому подраздѣленіе участвующихъ въ международной торговлѣ странъ на индустріальныя и земледѣльческія. „Это интернаціональное раздѣленіе труда—совершенно другого характера, чѣмъ первобытное. Послѣднее покоится на природныхъ различіяхъ географическаго положенія, состава и богатства почвы, и т. д., и никогда не исчезнетъ. Новое международное раздѣленіе труда возникаетъ наряду съ первымъ; его происхожденіе не природное, а соціальное... Свою первую форму оно находитъ въ раздѣленіи труда между городомъ и деревней. Капиталистическое производство воспроизводитъ это раздѣленіе труда въ колоссальныхъ размѣрахъ на интернаціональной почвѣ; оно указываетъ однѣмъ странамъ хозяйственныя задачи города, другимъ—таковыя деревни" (стр. 27).

Когда это раздѣленіе труда впервые установилось, наиболѣе развитыя страны перестали бояться заграничной конкурренціи и провозгласили начало свободной торговли, которое могло лишь содѣйствовать дальнѣйшему распространенію ихъ товаровъ. Къ этому ранѣе и рѣшительнѣе всѣхъ перешла Англія; съ болѣе или менѣе значительными ограниченіями это начало было, затѣмъ, допущено во Франціи и Германіи.

Земледѣльческія государства, однако, скоро сами начали заботиться о развитіи національной промышленности и прибѣгали для этого къ испытанному уже средству таможеннаго покровительства. Это имѣло послѣдствіемъ распространеніе капиталистическаго производства на новыя страны и умноженіе товаровъ, ищущихъ помѣщенія на внѣшнихъ рынкахъ; при чемъ нерѣдко мѣстами сбыта товаровъ служили для молодыхъ странъ слабо защищенные пошлинами рынки ихъ ранѣе развившихся сосѣдей. Такое положеніе дѣлъ приводитъ къ измѣненію взглядовъ на торговую политику: передовыя государства начинаютъ возвышать пошлины на ввозимые къ нимъ товары. Этимъ они не

только оберегають свои рынки отъ наплыва чужихъ издѣлій, но и дозволяютъ повышать цѣны мѣстныхъ произведеній внутри страны и за счетъ мѣстнаго потребителя понижать цѣны продуктовъ, отправляемыхъ за границу. Эта покровительственная политика, идущая на смѣну болѣе или менѣе послѣдовательно проведенной системы свободной торговли, рѣзко, однако, отличается отъ той, которая господствовала въ прежнія времена. Старая покровительственная система „стремилась поставить мѣстную промышленность на одномъ уровнѣ съ заграничной"; новая система, примѣняемая тѣми государствами, гдѣ эта цѣль уже достигнута, „призвана помочь не отсталости производства, а перепроизводству". „Если при старой системѣ на таможенныя пошлины смотрѣли какъ на воспитательныя, охраняющія юную, едва начавшую рости промышленность, то въ современной системѣ онѣ играютъ роль костыля, на который опирается дряхлѣющій старикъ" (стр. 64). Принимая спеціальныя мѣры, чтобы продавать за границей свои товары, хотя бы по пониженнымъ цѣнамъ, современныя капиталистическія общества, съ ихъ покровительственной системой, „какъ разъ содѣйствуютъ усугубленію того зла, противъ котораго хотятъ бороться: ускоряютъ международное перепроизводство и ростъ иностранной конкурренціи". Промышленно развитыя государства вывозятъ въ настоящее время за границу преимущественно такія издѣлія, которыя служатъ для сооруженія фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., такъ какъ эти издѣлія охотнѣе допускаются иностранными государствами, нежели товары, назначенные для непосредственнаго потребленія. Вывозя же эти издѣлія и давая даже (путемъ займа) средства для ихъ пріобрѣтенія, промышленная страна тѣмъ самымъ способствуетъ развитію индустріи въ чужихъ государствахъ и избавляетъ понемногу послѣднія отъ необходимости пріобрѣтать ея собственные продукты. „Мы такимъ образомъ приближаемся къ моменту, когда раздѣленіе труда между промышленными и земледѣльческими государствами все болѣе и болѣе съуживается, такъ какъ число первыхъ ростетъ на счетъ вторыхъ. Когда переходъ земледѣльческихъ странъ въ промышленныя достигнетъ такихъ размѣровъ, что остатокъ земледѣльческихъ странъ уже не будетъ въ состояніи потреблять весь вывозъ промышленныхъ и доставлять имъ необходимое количество съѣстныхъ припасовъ и сырого матеріала, тогда это раздѣленіе труда достигнетъ крайняго предѣла". „Тогда неизбѣжно наступитъ моментъ, когда нынѣшняя торговая система рухнетъ, какъ рухнуло манчестерство во вторую половину семидесятыхъ годовъ" (стр. 132). Что ожидаетъ цивилизованныя государства послѣ такого кризиса? Отвѣтъ на вопросъ Каутскій находитъ въ томъ стремленіи къ насильственному захвату земледѣльческихъ странъ и къ политикѣ насильствен-

наго имперіализма, который съ такою силою проявился въ послѣдніе годы. „Разъ вступивъ на этотъ путь, уже трудно остановиться",— говоритъ авторъ, и современному промышленному строю остается одна дорога: борьба уже не между промышленными и аграрными государствами, а „кровопролитная война между крупными промышленными государствами". Война... или переходъ къ „будущему обществу", въ которомъ, по ученію соціалъ-демократіи, будутъ устранены всѣ противорѣчія, свойственныя современному порядку вещей! Этимъ заключеніямъ Каутскаго нельзя отказать въ извѣстной логичности. Но не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что историческій процессъ не открываетъ заранѣе тѣхъ средствъ, помощью которыхъ онъ болѣе или менѣе удачно справляется съ непреодолимыми, повидимому, затрудненіями на пути прогрессивнаго развитія общества, и наши по этому предмету предположенія оказываются сплошь и рядомъ неосуществившимися.

VIII.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 годъ. Спб. 1904.

Первый опубликованный отчетъ о дѣятельности нашей фабричной инспекціи по надзору за выполненіемъ соотвѣтствующихъ узаконеній относился къ первому же году (1885) существованія этого учрежденія въ полномъ составѣ. Затѣмъ публикаціи отчетовъ прекратились, и до насъ доходили лишь отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлаютъ и что̀ сдѣлали наши фабричные инспектора, и съ какою быстротою измѣняются, подъ ихъ вліяніемъ, порядки и безпорядки нашего фабричнаго быта. Печатаніе отчетовъ возобновилось въ 1900 г., и названное въ заголовкѣ этой замѣтки изданіе составляетъ, такимъ образомъ, третій отчетъ о современной дѣятельности фабричной инспекціи. Отчетъ этотъ носитъ совершенно формальный характеръ и заключаетъ, поэтому, очень мало матеріаловъ для детальной характеристики фабричнаго быта и отношеній, существующихъ между фабрикантами и рабочими. Напрасно, поэтому, мы будемъ въ немъ искать и того богатаго матеріала, какой накопляется въ рукахъ инспекторовъ и касается различныхъ сторонъ фабричнаго быта (продолжительности рабочаго дня, высоты заработной платы, способовъ содержанія рабочихъ и т. п.); изъ этой категоріи данныхъ, въ отчетѣ приводятся лишь свѣдѣнія (въ погубернскихъ итогахъ) объ общемъ числѣ подчиненныхъ фабричному надзору промышленныхъ заведеній, и рабочихъ на нихъ, о распредѣленіи этихъ заведеній на шесть группъ, по числу рабочихъ, и о распредѣленіи рабочаго персонала всѣхъ производствъ каждой губерніи

въ совокупности на малолѣтнихъ, подростковъ и взрослыхъ мужескаго и женскаго пола.

„Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г." состоитъ изъ 25-ти таблицъ и 28-ми страницъ текстоваго обзора заключающагося въ нихъ матеріала. Данными той или другой части отчета дѣятельность фабричной инспекціи въ 1902 г. рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ 1902 г. подъ надзоромъ фабричныхъ инспекторовъ состояло больше 17-ти тыс. промышленныхъ заведеній и болѣе 1,7 милліоновъ рабочихъ, изъ коихъ 31 тыс., или 2%, были въ возрастѣ 12—15 лѣтъ, 150 тыс., или 9%, въ возрастѣ 15—17 лѣтъ, и больше 1,5 милл. старше 17 лѣтъ. Женщинъ рабочихъ было 470 тыс., или 28% общаго числа послѣднихъ. Дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ заключалась въ разсмотрѣніи жалобъ предпринимателей на рабочихъ и обратно, въ посредничествѣ между тѣми и другими по просьбѣ одной изъ сторонъ и въ самостоятельномъ наблюденіи за выполненіемъ фабричныхъ законовъ. Разсмотрѣніе жалобъ и просьбъ о содѣйствіи поглощало большую часть времени инспекторовъ. Со стороны предпринимателей поступило въ 1902 г. 1.169 жалобъ на 3.665 рабочихъ. 80% жалобъ относилось къ случаямъ нарушенія рабочими правилъ о срокахъ или условіяхъ оставленія ими работы, на какую они подрядились. 36% этихъ жалобъ признаны были инспекціей лишенными основанія; въ 29% послѣдовало примиреніе сторонъ, и больше 20% обвиняемыхъ рабочихъ привлечены къ судебной отвѣтственности. Просьбъ о содѣйствіи и посредничествѣ со стороны завѣдывающихъ промышленными заведеніями поступило 278, касающихся 16.306 рабочихъ. Между ними преобладали просьбы, вызванныя требованіями рабочихъ объ измѣненіи различныхъ условій найма. Въ 86% поводовъ къ этимъ просьбамъ было достигнуто миролюбивое соглашеніе сторонъ.—Что касается рабочихъ, то они плохо различаютъ случаи, могущіе быть предметомъ жалобъ на хозяевъ, и такіе, гдѣ инспекторъ можетъ вмѣшаться лишь въ качествѣ посредника, и ихъ просьбы о посредничествѣ обыкновенно поступаютъ къ инспекторамъ въ видѣ жалобъ. Жалобы въ строгомъ смыслѣ этого слова, единоличныя и коллективныя, принесены были 57 тыс. рабочими, принадлежащими къ 5.631 заведеніямъ съ милліономъ рабочихъ. Посредниками по просьбѣ рабочихъ фабричные инспектора выступали въ 6.520 случаяхъ, касавшихся 25,4 тыс. рабочихъ. Жалобы рабочихъ отличаются значительно бо́льшимъ разнообразіемъ, сравнительно съ жалобами фабрикантовъ. 25% поводовъ къ жалобамъ относились къ случаямъ неправильнаго исчисленія фабрикантами или пониженія ими заработка, 15%—къ задержанію заработка, 10%—къ отказу отъ работы до срока, 10%—къ нарушенію условій

найма, касающихся продолжительности рабочаго дня, или къ принужденію работать сверхурочно, $4^0/_0$—къ дурному обращенію и побоямъ, по $3^0/_0$—къ случаямъ сокращенія рабочаго времени, неправильнаго штрафованія, незаконныхъ вычетовъ. Въ $23^0/_0$ (считая по числу жалующихся) жалобы рабочихъ признаны были неосновательными; въ $65^0/_0$ состоялось миролюбивое соглашеніе или устранены поводы жалобъ; въ $10^0/_0$ завѣдующіе привлечены инспекторомъ къ суду или рабочимъ предложено самимъ обратиться къ защитѣ суда. Какое число случаевъ касается того и другого способа привлеченія завѣдующихъ фабриками къ судебной отвѣтственности, въ отчетѣ, къ сожалѣнію, не говорится, между тѣмъ какъ по отношенію къ жалобамъ фабрикантовъ на рабочихъ объясняется, что въ $2,3^0/_0$ жалобщикамъ предложено обратиться въ судъ, и въ $18,9^0/_0$ рабочіе привлечены къ судебной отвѣтственности самой инспекціей. Степень основательности различныхъ жалобъ рабочихъ была далеко не одинакова. Тогда какъ жалобы на невыдачу и задержаніе заработка и на дурное обращеніе и побои въ $85—88^0/_0$ признаны были неосновательными, жалобы на принужденіе къ сверхурочнымъ работамъ были основательны въ $71^0/_0$ случаевъ, — жалобы на неправильное исчисленіе заработка и незаконные вычеты признаны были неосновательными въ $63^0/_0$, а жалобы на неправильное штрафованіе—даже въ $82^0/_0$. Крупный процентъ неосновательныхъ претензій рабочихъ въ отчетномъ году сравнительно, напримѣръ, съ годомъ предшествующимъ „Отчетъ“, объясняетъ „нѣкоторымъ движеніемъ среди рабочихъ въ этомъ году, наиболѣе рѣзко обнаружившимся въ московской губерніи и, повидимому, бывшимъ причиною возникновенія цѣлаго ряда однородныхъ, не существовавшихъ ранѣе и не всегда основательныхъ требованій, предъявлявшихся рабочими къ управленіямъ промышленныхъ заведеній“. Вліяніемъ этого таинственнаго движенія „Отчетъ“ объясняетъ и сильное возростаніе жалобъ на дурное обращеніе и побои. Подъ вліяніемъ этого движенія „рабочіе стали строже относиться къ поведенію завѣдывающихъ заведеніями и ихъ владѣльцевъ, и начали приносить жалобы на такія ихъ дѣйствія, которыя въ прежнее время оставлялись ими безъ вниманія“. Таинственность оффиціальнаго отчета въ указаніи на важныя движенія въ рабочей средѣ кажется намъ не совсѣмъ умѣстной. Пора уже открыто признать то, что и безъ того всѣмъ извѣстно, и не бояться прежнихъ жупеловъ, въ родѣ: „рабочее движеніе“, „рабочій вопросъ“ и т. п. Посредническая дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ, по просьбѣ рабочихъ, была не особенно успѣшна: соглашеніе между сторонами при ихъ содѣйствіи достигнуто было въ $45^0/_0$ поводовъ къ посредничеству. Причиной этого неуспѣха служитъ нежеланіе фабрикантовъ поступаться своими интересами. Многіе завѣдывающіе фабриками „проявляютъ

даже крайнюю неуступчивость и создаютъ всевозможныя препятствія, видя въ посредничествѣ инспектора подрывъ ихъ авторитета въ глазахъ рабочихъ и посягательство на умаленіе ихъ правъ и власти". Такіе завѣдующіе ищутъ случая удалить со своихъ заведеній рабочихъ, обращающихся къ посредничеству инспектора. Рабочіе же толкуютъ отрицательный результатъ вмѣшательства инспектора по ихъ „жалобѣ" въ томъ смыслѣ, что инспекторъ не желаетъ рѣшить вопросъ въ ихъ пользу. Посредничество инспекторовъ привело, между прочимъ, къ предотвращенію стачекъ въ 84 случаяхъ столкновенія фабрикантовъ и рабочихъ, касавшихся 15,3 тыс. рабочихъ. Непредотвращенныхъ стачекъ было 123 на 107 заведеній; участвовало въ нихъ 32,2 тыс. рабочихъ. 72% стачекъ продолжалось не болѣе 3 дней; больше недѣли продолжалось лишь пять забастовокъ; всѣ онѣ относятся къ г. Батуму и охватываютъ 2.529 рабочихъ. О причинахъ и результатахъ стачекъ свѣдѣній въ отчетѣ не имѣется.

Помимо описанной дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ, вызывавшейся обращеніемъ къ нимъ фабрикантовъ и рабочихъ, фабричной инспекціей въ 1902 г. было обнаружено 28.606 нарушеній фабриками и заводами законовъ и обязательныхъ постановленій (не считая нарушеній правилъ о паровыхъ котлахъ). Болѣе 2/3 этихъ нарушеній относится, впрочемъ, къ несоблюденію формальностей, установленныхъ для облегченія надзора, и только 1/3 заключалась въ нарушеніи законовъ по существу. Составленіе протоколовъ, для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности, имѣло мѣсто въ 1.603 случаяхъ, или 5,6% всѣхъ нарушеній. Въ большей части случаевъ замѣченныхъ нарушеній инспектора ограничились разъясненіями и предупрежденіями, съ занесеніемъ ихъ въ книгу замѣчаній; по многимъ нарушеніямъ законовъ не установлено вовсе отвѣтственности, или инспекторамъ не предоставлено право возбуждать преслѣдованія.

Въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ находятся еще свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. Сводъ этихъ данныхъ, по примѣру прошлаго года, изданъ будетъ особо.—В. В.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авилова, Л.—Общее дѣло. Спб. 904. Стр. 15, in 16°. Ц. 5 к.

Барановъ, Евгеній. Легенды. Баку, 904. Стр. 41. Ц. 15 к.

Беневитскій, Ил.—Стихотворенія. Каз. 904.

Берло, А.—Арсеній Берло, епископъ переяславскій и бориспольскій. Біографич. очеркъ. Кіевъ. 904. Стр. 56.

Богучарскій, В.—Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 901. Стр. 406+XII. Ц. 2 р.

Большой, А.—Изъ недавняго прошлаго. Маленькіе разсказы о мировыхъ судьяхъ. Харьк. 904. Стр. 102, in 16°. Ц. 40 к.

Борисякъ, А. — „Pelecypoda“ юрскихъ отложеній Европ. Россіи. Вып. I: Nuculidae. Съ 3 таблицами. (Труды геологич. комитета, новая серія, вып. 11). Спб. 904. Стр. 49, in f°. Ц. 1 р. 20 к.

Бородкинъ, М.—Война 1854—1855 г.г. на финскомъ побережьѣ. Историч. очеркъ съ 197 иллюстрац. Спб. 904. Ц. 4 р.

Босъ, А., и *Ребьеръ*, А. — Курсъ элементарной геометріи. Перев. Н. де-Жоржъ. Изд. 3-е. Спб. 904. Стр. 391. Ц. 1 р. 50 к.

——— Элементарная алгебра. Перев. и дополн. Н. де-Жоржъ. Спб. 904. Ц. 2 руб. 50 к.

Будиловичъ, А. С. — Академія наукъ и реформа русскаго правописанія. Спб. 904.

Бузескулъ, В., проф. — Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Изд. 2-е. Харьк. 904. Ц. 3 р.

Васильевъ, Н.—Тоска по вѣчности. Стихотворенія. Каз. 904. Стр. 156+II. Ц. 1 руб.

Видеманъ, К. И.—Курсъ торговой бухгалтеріи. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Виллъманъ, Отто.—Дидактика, какъ теорія образованія въ ея отношеніяхъ къ соціологіи и исторіи образованія. Съ нѣм. перев. проф. Казан. духовн. академіи свящ. А. Дружининъ. Т. I: Введеніе—Историческіе типы образованія. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Врадій, В. П.—Пищевые продукты китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и др. инородцевъ Дальняго Востока. Спб. 904.

——— Опьяняющіе напитки китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и инородцевъ Уссурійскаго края. Спб. 904. Съ нѣкоторыми дополненіями.

Гамбаровъ, Ю. С., проф.—Политич. партіи въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Изд. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 904. Стр. 56. Ц. 20 к.

Ганько, Мих.—Якъ дбаешь, такъ и маешь. Спб. 904. Стр. 32. Ц. 3 к.

Гельмольтъ, Г., редакторъ. — Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составл. профессорами-спеціалистами. Полный переводъ съ значит. дополн. для Россіи. Съ иллюстраціями, рисунками и картами. Т. II, вып. I. Перев. подъ ред. акад. В. В. Радлова. Спб. 904. Изд. тов. „Просвѣщеніе“. Стр. 48. Цѣна каждаго вып. 50 к.

Голубевъ, П. А.—Двухсотлѣтіе русской горной промышленности. Изд. Пермскаго научно-промышл. музея. Пермь, 904. Стр. 93+XV.

Гольденвейзеръ, С. М.—Памяти Т. Герцля. Одесса, 904. Стр. 16. Ц. 8 к.

Гольцевъ, В. А.—Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Съ 2 портретами. М. 904. Стр. 23. Ц. 6 к.

Гречушкинъ, В.—Краткая географія съ рисунками и картами. Для низшихъ училищъ. М. 904, Стр. 116. Ц. 30 к.

Дунинъ-Горкавичъ, А. А. — Очеркъ народностей тобольскаго сѣвера. Спб. 904. Стр. 47. (Оттискъ изъ „Извѣстій Имп. Р. Геогр. Общ.“).

Елачичъ, Евг. — Происхожденіе видовъ и дарвинизмъ. Спб. 904. Ц. 75 к.

Желѣзновъ, В.—Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Кіевъ, 904. Ц. 2 р. 50 к.

Зеестъ, Ф. А., и *Игнатьева-Александрова*, П. П.—Пища больныхъ въ военныхъ лазаретахъ и госпиталяхъ. Краткія наставленія. Съ двумя таблицами. Спб. 904. Стр. 31. Ц. 25 к.

Ивановскій, В. В.—Учебникъ административнаго права (Полицейское право —Право внутренняго управленія. Каз. 904. Ц. 3 р.

Ивановъ, В. И. — На память о русско-японской войнѣ. Стихотворенія. Харьк. 904. Ц. 40 к.

Казаковъ, Т. — Отецъ и сынъ, и другіе разсказы. Варшава, 904. Стр. 233. Цѣна 1 р.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга новой исторіи: съ историческими картами. Изд. 5-е. Ученымъ Комит. Мин. Народ. Просвѣщенія допущена для старш. класс. муж. гимназій, а Учебн. Отдѣлъ Мин. Финанс.—для коммерческихъ училищъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 20 к.

——— Исторія Западной Европы въ новое время. Т. I: Переходъ отъ среднихъ вѣковъ въ новое время. Изд. 3-е. Т. II: Исторія XVI и XVII вѣковъ. Изд. 3-е. Т. III: Исторія XVIII вѣка. Изд. 3-е. Спб. 904. Ц. 2 р., 3 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

Кашкадамовъ, В. П.—Основы и будущее біологич. очистки стоковъ. Спб. 904. (Оттискъ). Стр. 9, in f°.

Ковалевъ, П. А.—Ближайшія задачи современной музыки. Оттискъ изъ „Вѣстника Знанія". Спб. 904. Стр. 16.

Красильниковъ, Ф. С.—Малороссія и малороссы. Географическо-этнографическій очеркъ. Съ 19 рисунками. М. 904. Стр. 56. Ц. 25 к.

Лебедевъ, Е. Е.—Единовѣріе въ противодѣйствіи русскому обрядовому расколу. Новг. 904. Ц. 1 р.

Левенфельдъ, Л., д-ръ мед.—О духовной дѣятельности геніальныхъ людей вообще и великихъ художниковъ въ частности. Пер. съ нѣм. Э. М. Зиновьевой подъ ред. А. А. Крогіуса. (Вопросы психо-неврологіи въ общедоступныхъ очеркахъ. Прилож. къ журн. „Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма" за 1904 г.). Стр. 122.

Лисенко, С. И. — Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи. Вып. III: Промыслы Лохвицкаго уѣзда. Полт. 904.

Лучинскій, Н. Ф.—Основы тюремнаго дѣла. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Мамонтовъ, В. В.—Несчастные случаи съ рабочими въ горной промышленности Урала, ихъ значеніе и расходы, вызываемые ими. Екатеринбургъ, 904, стр. 88.

Михайловскій, Н. К.—Отклики. Т. I и II. Изд. Редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 904. Ц. 3 р.

Моревъ, Д. Д.—Руководство политической экономіи. Изд. 7-е. Спб. 904.

Мошинъ, Алексѣй.—Ясная Поляна и Васильевка. Съ 2 портретами. Стр. 75. Ц. 50 к.

Нагуевскій, Д.—Петръ Цеплинъ, первый профессоръ Казанскаго университета (1772—1832). Каз. 904. Ц. 3 р.

Новиковъ, Александръ.—Записки о городскомъ самоуправленіи. Спб. 904. Цѣна 1 р.

Новицкій, В. Ф.—Поѣздка въ хребетъ Петра Великаго 1903 года. Спб. 904. Стр. 30.

Парамоновъ, А. С.—О законодательствѣ Анны Іоанновны. Опытъ систематич. изложенія. Съ двумя портретами. Спб. 904. Стр. 171. Ц. 1 р. 30 к.

Пименова, Э.—Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. Спб. 904. Стр. 288. Ц. 2 р.

Пилипенко, Г. М.—На Дальній Востокъ. Путевые очерки. Спб. 904. Съ портретомъ. Стр. 88. Ц. 40 к.

Платоновъ, С. Ѳ., проф.—Лекціи по русской исторіи. Издалъ на правахъ рукописи И. Блиновъ. Спб. 904. Стр. 606. Ц. 3 р. 20 к.

Плетневъ, Алексѣй.—Жизнь и мечты. Очерки, путевыя замѣтки, критика и публицистика. Спб. 905. Стр. 112. Ц. 75 к.

Позняковъ, Н. И. — Соловьиный садъ—и др. разсказы. Изд. 2-е. Спб. 905. Цѣна 1 р.

Покровскій, I. А.—Программа лекцій по исторіи римскаго права. Спб. 904.

Поляковъ, Р. Н., зубной врачъ.—Зубы, ротовая полость и ея заболѣванія. Одесса, 904. Стр. 123. Ц. 75 к.

Пржевалинскій, Вл.—Разсказы. (Крѣпкая башка. — Ферапонтъ Варѳоломеевичъ). Спб. 904. Стр. 88. Ц. 50 к.

Радоиновъ, Н. Н.—Огородъ. Руководство къ правильному его устройству и доходному веденію. Ч. I. Общее огородничество. Съ 34 рисунками въ текстѣ. 2-ое изд. Спб. 904. Стр. 99. Ц. 30 к.

Ратцель, Ф., проф.—Земля и жизнь. Сравнительное землевѣдѣніе. Полный переводъ прив.-доц. Г. А. Клюге, подъ ред. и съ дополненіями проф. П. И. Кротова. Т. I. Вып. 1—7. Спб. 904. Изд. тов. „Просвѣщеніе". Стр. 320. Съ 264 рисунками въ текстѣ, 9 картами и 23 таблицами. Ц. вып. 50 к.

Риманъ, Г.—Музыкальный словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ. Подъ ред. Ю. Энгеля. М. 904. Вып. XVIII. Стр. 1361—1440 (Фроммъ—Шпоръ).

Рожковъ, Н. А.—Городъ и деревня въ русской исторіи. Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи. Изд. 2-е. М. 904. Ц. 40 к.

——— Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Изд. 2-е, доп. и исправл. М. 904. Ц. 60 к.

Семевановъ, А. В.—Первое прибавленіе къ книгѣ: „Фарфоръ и фаянсъ Россійской имперіи". Владиміръ, 904. Стр. 43 и прилож. Ц. 1 р.

Скибневскій, А. И.—Фарфорово-фаянсовое производство Гжельскаго района Москов. губ. въ санитарномъ отношеніи. М. 904.

Склодовская-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества. Изслѣдов. радіоактивныхъ веществъ. Диссерт. на степень доктора физики. Перев. со 2-го франц. изд. С. П. Петрова, подъ ред. проф. А. С. Попова. Спб. 904. Стр. 126. Ц. 1 р.

Снегиревъ, Л. Ѳ.—Подставные акціонеры. Процессъ акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка съ г.г. Рябушинскими и Кореневыми. М. 904.

Тихомировъ, В. В.—Новая русская народная азбука. Вильна, 904. Ц. 25 к.

Томсонъ, А. И., проф.—Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Одесса, 904. Стр. 36. Ц. 30 к.

Фаасъ, А.—Матеріалы по геологіи третичныхъ отложеній Криворожскаго района. Съ картой и 2 таблицами. (Труды геологич. комитета, новая серія, вып. 10). Спб. 904. Стр. XX+140 in f°. Ц. 3 р.

Франке, Куно.—Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. Съ V в. до настоящаго времени. Перев. съ англ. П. Батина. Съ 30 портр. Спб. 904. Ц. 3 р.

Шепелевичъ, Л.—Историко-литературные этюды. Серія I. Спб. 904. Цѣна 1 р. 70 к.

Шидловскій, К. И.—Сводка ходатайствъ Пироговскаго Общества врачей передъ правительственными учрежденіями за 20 лѣтъ (1883—1903 г.).

Ярмонкинъ.—Письма идеалиста. 3-я серія, письмо I. Спб. 904. Стр. 20.

Ячевскій, Л.—Къ вопросу объ образованіи рѣчного льда и о его вліяніи на скульптуру береговъ рѣкъ. Спб. 904.

— Die Klinische Ausbildung der Aerzte in Russland. Von Prof. Dr. Carl Posner und Dr. Philipp M. Blumenthal. Jena, 904. Стр. 42.

— Атласъ картограммъ и діаграммъ къ Своду статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка. Изд. М. З. и Гос. Им. Спб. 1903.

— Ветеринарный отчетъ по елисаветградскому уѣзду за 1903 годъ. Елисаветградъ, 904. Стр. 35+97.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Енисейскій золотоносный районъ. Вып. V. Съ картой. Спб. 904. Стр. 132. Ц. 90 к.

— Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма, подъ общей ред. акад. В. М. Бехтерева и проф. В. С. Серебренникова. Годъ I. Вып. 6. Спб. 904. Стр. 369—447. Ц. за годъ 6 р.

— Журналъ общества счетоводовъ „Практическая жизнь" подъ ред. Ѳ. В. Еверскаго. 1904. Второе полугодіе. № 1. Стр. VII+32.

— Записки Иваново-Вознесенскаго отдѣленія Имп. Русскаго Технич. общества, 1904. Вып. II. Съ чертежами и образцами. Иваново-Вознесенскъ, 904. Стр. 58.

— Изданія благотворит. общества общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ: 1) Русовъ, О.—Пригода на хутори. Стр. 64. Ц. 5 к. 2) Загирня, М.—Якъ выгадано машыною йиздыты. Стр. 32. Ц. 3 к. 3) Мудрый учитель. Оповидання про Сократа. Стр. 64. Ц. 5 к. 4) Наймычка, поэма Тараса Шевченка. Съ портретомъ и 20 малюнками Н. Н. Каразина. Стр. 32. Ц. 3 к. 5) Немоловськый, Ф. И.—Брильныцтво. Доглядъ за звычайною и рамковою пасикою. Спб. 904. Стр. 116. Ц. 10 к.

— Изданія „Донской Рѣчи": 1) Кизеветтеръ, А. А.—Протопопъ Аввакумъ. Стр. 28. Ц. 8 к. 2) Его же.—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX в. Стр. 42. Ц. 15 к. 3) Его же.—Кузнецъ-гражданинъ (изъ 60-хъ годовъ). Стр. 47. Ц. 15 к. 4) Мельшинъ, Л.—Маленькіе люди. Стр. 40. Ц. 4 к. 5) Серафимовичъ, А.—На льдинѣ. Стр. 20. Ц. 3 к. 6) Бѣлоконскій, И. П.—Какъ живутъ японцы. Съ иллюстраціями и картой. Стр. 59. Ц. 8 к. 7) Его же.—Корея. Стр. 32. Ц. 4 к. 8) Его же. — Страшное мѣсто. Стр. 12. Ц. 1½ к. 9) Короленко, В. Г.—Соколинецъ. Стр. 59. Ц. 7 к. 10) Его же.—Мгновеніе. Стр. 20. Ц. 3 к. 11) Телешовъ, Н. Д.—Хлѣбъ-соль. Стр. 12. Ц. 1½ к. 12) Его же.—Нужда. Стр. 12. Ц. 1½ к. 13) Чириковъ, Е. Н. — Коля и Колька. Стр. 15. Ц. 2 к. 14) Елеонскій, С.—Грубіянъ. Стр. 55. Ц. 7 к. 15) Русова, С.—Братья Гракхи. Стр. 28. Ц. 3 к. 16) Толстой, графъ А. К.—Избр. стихотворенія. Стр. 32. Ц. 3 к. 17) Боженко, К. Н.—На войну. Стр. 44. Ц. 5 к. 18) Поступаевъ, Ѳ.—Пѣсни рабочей жизни. Стр. 46. Ц. 10 к. 19) Наживинъ, И. — Волосъ Мадонны. Стр. 7. Ц. 1 к. 20) Пѣсни мира. Сборникъ стихотвореній. Стр. 16. Ц. 2 к. 21) Эмиль Золя. Кровь. Стр. 19. Ц. 3 к. 22) Мирбо, О.—Бродяга. Стр. 8. Ц. 1 к.

— Иліада Гомера въ изложеніи Л. Коллинза. Перев. съ англ. З. Федоровой. Спб. 904. Стр. 108. Ц. 60 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности педагогич. музея военно-учебныхъ заведеній за 1902—1903. (Тридцать-третій обзоръ). Спб. 904. Стр. 172. Ц. 40 к.

— Краткій Указатель литературы по крестьянскому вопросу. Тула, 904. Ц. 20 к.

— Кустарные промыслы. Статистическій сборникъ по Ярославской губерніи. Яросл. 904.

— Народная литература. Сборникъ отзывовъ Библіотечной Коммиссіи Кіевскаго Общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Кіевъ, 904.

— Новыя сочиненія: № 7, 8 и 9. Генфри Уордъ, Хельбекъ изъ Бенедэля. Кн. 1, 2 и 3. Романъ, съ англ. М. Н. Дубровина.—№ 10. Разсказы, съ англ. М. Н. Дубровина. Спб. 904. Подп. ц. на годъ, 12 книгъ, 2 р. 40 к.

— Обзоръ хозяйства города Красноярска за янв.—мартъ 1904 г. Стр. 62.

— Объяснительная записка къ листку для собиранія свѣдѣній о донномъ льдѣ. Спб. 904. Стр. 7 и приложенія.

— Общій отчетъ елисаветградской уѣздной земской управы за 1903 годъ. Елисаветградъ, 1904. Стр. 42+204.

— Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества за 1903 годъ. Спб. 904.

— Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго славянскаго благотворит. Общества за 1903 годъ. Составл. Н. Э. Глокке. Кіевъ, 904.

— Отчетъ о дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1901 годъ. Харьковъ, 904 Стр. 49.

— Очеркъ дѣятельности пошехонскаго земства по народному образованію (1865—1901). Составили К. Е. Ливановъ и Ѳ. Г. Ширяевъ. Изд. Ярославскаго губернскаго земства. Ярославль, 903. Стр. 180+II.

— Повторное изслѣдованіе частно-владѣльческаго производства Саратовской губерніи, произведенное въ 1902 году. Саратовъ. 1904. VI+153+433.

— Популярное пособіе на время русско-японской войны при чтеніи телеграммъ и сообщеній съ театра военныхъ дѣйствій. Составили Н. Г. и О. К. подъ ред. И. Серебрянаго. Пятигорскъ, 904. Стр. 79. Ц. 25 к.

— Профессоръ-идеалистъ.—Сборникъ статей, посвященныхъ памяти проф. П. С. Климентова и статей проф. П. С. Климентова. Съ портретомъ. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

— Сводъ постановленій о горнопромышленности. Изд. графа А. А. Девіера и В. Р. Бредова. Т. IV. Спб. 904. Стр VI+254.

— Статистика производствъ облагаемыхъ акцизомъ. 1902-й годъ. Спб. 904.

— Труды перваго съѣзда преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (22—31 дек. 1903). Изд. Педагогическаго музея военно-уч. зав., подъ ред. Н. В. Петрова и при содѣйствіи В. Пущина, С. Переселенцева и Г. Синюхаева. Спб. 904. Стр. XX+434. Ц. 2 р.

— Труды V-го губернскаго съѣзда земскихъ врачей и представителей земствъ Симбирской губерніи, съ 13 по 29 авг. 1903 г. Вып. 1, 2 и 3 Симб. 904.

— Труды 5-го съѣзда земскихъ врачей и представителей уѣздныхъ земствъ Полтавской губ., 5—14 окт. 1903 г. Изд. полтавскаго губ. земства. Полтава, 904. Стр. 334. Съ таблицами и діаграммами.

— Тысяча-девятьсотъ-четвертый годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I. Съ раскраш. картой. Изд. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. Спб. 904. Стр. 38.

— Уставъ строевой службы скорострѣльной пѣшей артиллеріи. Батарейное ученье. Управленіе огнемъ. Спб. 904. Ц. 40 к.

— Уставъ строевой службы скорострѣльной конной артиллеріи. Орудійное ученье. Спб. 904. Изд. В. Березовскаго. Стр. 68. Ц. 25 к.

——— Уставъ строевой службы скорострѣльной пѣшей артиллеріи. Орудійное ученье. Спб. 904. Стр. 67. Ц. 25 к.

— Чеховъ, А. П., біогр. свѣдѣнія, отзывы печати и пр. Одесса, 904. Стр. 15. Ц. 10 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *Jules Bois. Hippolyte couronné.* Drame antique en quatre actes en vers. Paris, 1904. (Eug. Fasquelle, éditeur).

Жюль Буа—извѣстный писатель, авторъ драмъ, стихотвореній и публицистическихъ работъ; его книжка о мистическихъ сектахъ въ Парижѣ („Petites religions de Paris") хотя и поверхностна и нуждается въ провѣркѣ сообщенныхъ въ ней фактовъ, но обличаетъ въ авторѣ любопытствующій умъ, чуткость къ интеллектуальнымъ вкусамъ современности. Эта чуткость сказалась и въ выборѣ сюжета его античной драмы, представленной текущимъ лѣтомъ въ Оранжѣ, въ сохранившемся тамъ античномъ театрѣ. Интересъ французской публики къ ежегоднымъ представленіямъ въ Оранжѣ доказываетъ неувядаемость вѣчныхъ мотивовъ древняго театра. Каждый разъ, когда въ Оранжѣ пробуютъ ставить или французскихъ классиковъ, какъ, напр., комедіи Мольера, или пьесы современнаго репертуара, какъ, напр., „Arlesienne" Додэ, результатъ получается неблагопріятный. На этихъ представленіяхъ подъ открытымъ небомъ, въ обстановкѣ античнаго театра, публику увлекаютъ только или подлинныя греческія драмы, или современныя разработки античныхъ темъ.

Для характеристики современности наиболѣе интересенъ именно послѣдній разрядъ драмъ; по нимъ видно, какіе изъ античныхъ сюжетовъ наиболѣе близки поэтамъ и драматургамъ нашего времени и въ какомъ новомъ свѣтѣ имъ представляются судьбы античныхъ героевъ. Въ нынѣшнемъ году въ Оранжѣ шли двѣ новыя драмы на греческіе сюжеты, „Діонисъ", мистерія Іоахима Гаске, и „Ипполитъ" Жюля Буа. Въ обѣихъ пьесахъ выборъ сюжетовъ указываетъ на связь съ новѣйшей философіей. Культъ Діониса занимаетъ умы со времени Ницше, и въ предисловіи къ своей мистеріи Гаске говоритъ о необходимости дать исходъ религіозному лиризму людей своего поколѣнія.

„Ипполитъ" Жюля Буа еще болѣе современенъ. Основная мысль драмы—апоѳеозъ цѣломудреннаго жреца Діаны, мученика за свою чистоту, трагическаго дѣвственника; его славятъ на смертномъ одрѣ, какъ идеалъ, который будетъ свѣтиться всѣмъ юношамъ въ грядущемъ, какъ величайшаго героя и „мистическаго сверхъ-человѣка":

„Tu seras l'Idéal jeune homme et l'Aventure—Héroïque et le Surhumain mystérieux". Эти слова, выясняющія смыслъ драмы, очень характерны. Авторъ не безъ умысла употребляетъ слово „сверхъ-человѣкъ", хотя оно звучитъ странно и не подходитъ къ стилю античной драмы. Ницшеанскому идеалу сверхъ-человѣка, чисто позитивному, знаменующему захватъ всего земного, всѣхъ ощущеній и всѣхъ благъ для возвеличенія своей личности, ницшеанскому утвержденію жизни во имя чувственнаго „я" Жюль Буа противопоставляетъ сверхъ-человѣка, отрицающаго „блаженство страстей", покоряющаго жизнь отрицаніемъ, покупающаго свою побѣду страданіемъ и празднующаго свое мистическое торжество въ моментъ смерти. Сверхъ-человѣчество (т.-е., другими словами—идеалъ человѣчества) въ отреченіи и чистотѣ, какъ противовѣсъ сверхъ-человѣчеству, утверждающему себя въ жизни, въ позитивныхъ благахъ—таковъ замыселъ трагедіи, очень любопытный для поэта, живущаго въ разгаръ эстетизма, сатанизма и другихъ проявленій безпокойнаго, тоскующаго духа времени.

Очевидно, что на ряду съ „волей къ власти отъ міра сего" остается вѣчнымъ тяготѣніе къ противоположному идеалу свободы отъ всей суммы желаній, отъ соблазновъ страстей. Столкновеніе этихъ двухъ идеаловъ было темой вѣчно юной греческой трагедіи, изобразившей состязаніе двухъ началъ человѣческой души, и ту же тему, только въ нѣсколько иномъ освѣщеніи, разрабатываетъ Жюль Буа въ своемъ „Ипполитѣ".

Какъ поэтъ нашего времени, Жюль Буа ближе къ греческому подлиннику, чѣмъ къ знаменитой французской разработкѣ его Расиномъ. При всѣхъ огромныхъ художественныхъ достоинствахъ трагедіи Расина, она является исключительно анализомъ страстей со всей ихъ губительной силой. Для Расина пропадаетъ образъ Ипполита, какъ чистаго до трагизма юноши. Ипполитъ Расина вовсе не врагъ Афродиты, какъ у Эврипида, не представитель противоположнаго Федрѣ духовнаго міра, а такая же жертва страсти, какъ и она; и онъ попадаетъ, подобно ей, въ неразрѣшимое столкновеніе между голосомъ страсти и внушеніемъ долга. Онъ только подтверждаетъ своей судьбой роковую власть Афродиты, а не одерживаетъ надъ нею мистической побѣды, заканчивающей трагедію Эврипида и особенно выдвинутой въ драмѣ Жюля Буа. Влюбленный Ипполитъ Расина совершенно не соотвѣтствуетъ античному образу, что̀, однако, не можетъ быть поставлено въ упрекъ Расину. Этотъ поэтъ и тончайшій психологъ воплотилъ иное въ образахъ древняго миѳа. У него на первомъ планѣ безумствующая Федра, страсть которой онъ съумѣлъ облечь высокой поэзіей.

Жюль Буа ближе къ Эврипиду, потому что замыселъ Эврипида

болѣе близокъ намъ, чѣмъ замыселъ Расина. У Жюля Буа на первомъ планѣ Ипполитъ съ его мученичествомъ во имя чистоты и во славу Діаны, съ его конечнымъ мистическимъ торжествомъ, когда его, умирающаго, вѣнчаютъ тѣмъ вѣнцомъ, который онъ самъ возложилъ на челю Діаны. Но, оставаясь въ предѣлахъ основного замысла Эврипида, Жюль Буа освѣщаетъ его иначе—болѣе подчеркиваетъ антагонизмъ двухъ началъ, представленныхъ враждующими богинями—Афродитой и Артемидой. Характеръ Ипполита такой же, какъ въ трагедіи Эврипида, но мотивировка его вѣрности Артемидѣ и вражды къ Афродитѣ становится другою. У Эврипида Ипполитъ—суровый охотникъ, атлетъ, упражняющій силу своихъ мускуловъ въ быстромъ бѣгѣ и въ охотничьихъ подвигахъ; онъ ненавидитъ женщинъ и любовь, какъ препятствія къ свободѣ, какъ изнѣживающій элементъ жизни. Такимъ образомъ въ его чистотѣ и въ его служеніи Артемидѣ есть чисто земной элементъ; этотъ доблестный охотникъ, проливающій кровь звѣрей, далеко не аскетъ, и жизнь его не соотвѣтствуетъ нашему представленію о подвижничествѣ во имя святости. Но его служеніе Діанѣ, къ которой онъ сначала относится только какъ къ покровительницѣ охотниковъ, становится трагическимъ, когда вызываетъ месть Афродиты; тогда оно превращается въ борьбу двухъ началъ жизни—чувственности и святости. Трагическая судьба Ипполита дѣлаетъ его дѣйствительно мученикомъ и апостоломъ чистоты. Эту сторону Ипполита и выдвигаетъ Жюль Буа, стараясь придать мистическій характеръ влеченіямъ Ипполита.

Въ драму введено лицо, о которомъ у Эврипида только упоминается вскользь. Это—Питеосъ, дѣдъ Тезея, таинственный старецъ, обучающій Ипполита магическимъ знаніямъ и предсказывающій ему исключительно трагическую судьбу: „Вокругъ твоего чистаго чела,—говоритъ онъ,—я вижу мистическое сіяніе“. Жюль Буа злоупотребляетъ въ своей драмѣ словомъ „мистическій“, не подходящимъ къ стилю античной драмы и не всегда оправдываемымъ ходомъ дѣйствія. Авторъ хочетъ, чтобы его герой былъ мистиченъ, чтобы его чистота вытекала изъ жажды высшихъ духовныхъ радостей, и какъ бы постоянно напоминаетъ читателямъ о своемъ намѣреніи. Въ этомъ—одна изъ слабыхъ сторонъ выполненія драмы. Въ „Ипполитѣ“ Жюля Буа замыселъ гораздо интереснѣе разработки его, и потому мы главнымъ образомъ останавливаемся на основной идеѣ и на томъ, какъ въ связи съ нею освѣщены характеры дѣйствующихъ лицъ. Ипполитъ Жюля Буа—такой же ретивый охотникъ, какъ и его греческій прототипъ; и охотничьи сцены въ драмѣ — повтореніе Эврипидовскихъ, только въ болѣе пространномъ видѣ. У Эврипида Ипполита сопровождаетъ хоръ охотниковъ, а говоритъ съ нимъ только одинъ слуга. Жюль Буа раз-

виваетъ это положеніе въ реально-бытовомъ тонѣ; онъ нарушаетъ строгость античныхъ правилъ, не допускавшихъ діалога больше чѣмъ между двумя или тремя лицами. Въ двухъ сценахъ между Ипполитомъ и его охотничьей свитой выведено нѣсколько товарищей юнаго героя, разсказывающихъ каждый о своихъ охотничьихъ подвигахъ. Въ этихъ сценахъ оттѣняется нѣжный и кроткій нравъ любимца Діаны: пойманную серну онъ велитъ отпустить на волю. „Я берегу мой гнѣвъ только для хищныхъ звѣрей,—говоритъ онъ,—все граціозное должно быть свободно". Но удалой охотникъ превращается въ жреца богини цѣломудрія въ той сценѣ, гдѣ Ипполитъ приноситъ въ даръ Артемидѣ вѣнокъ изъ рѣдкихъ цвѣтовъ, сорванныхъ на недоступныхъ горныхъ лугахъ. У Эврипида въ обращеніи Ипполита къ Діанѣ выражена только безграничная и нѣжная любовь юноши къ богинѣ-покровительницѣ чистыхъ помысловъ. Жюль Буа болѣе рѣзко выдвигаетъ вызывающее отношеніе Ипполита къ соперницѣ Діаны,—Афродитѣ, придавая античному сюжету современно-мистическій характеръ. Антагонизмъ между двумя богинями, т.-е. между правдой страсти и правдой чистоты, есть у Эврипида,—но Ипполитъ Эврипида преданъ Діанѣ во имя земныхъ благъ. Новизна драмы Жюля Буа заключается именно въ томъ, что онъ приближаетъ Ипполита къ современному пониманію, дѣлая его носителемъ высшаго идеализма, враждебнаго радостямъ плоти. Отъ этого мѣняется центръ тяжести въ драмѣ Жюля Буа сравнительно съ ея греческимъ оригиналомъ. Трагедія Эврипида рисуетъ страшную силу Афродиты, владѣющей міромъ, благодатной для покорныхъ ей и грозной въ своей мести преступающимъ ея законы. И Федра, и Ипполитъ гибнутъ; Федру богиня казнитъ муками необузданной преступной страсти, а орудіемъ гибели Ипполита становится его чистота. Обѣ крайности ведутъ къ трагическому исходу, свидѣтельствующему о торжествѣ Афродиты и Эроса. Ипполитъ въ концѣ трагедіи Эврипида оправданъ въ глазахъ отца появленіемъ Артемиды, выясняющей его невинность, но трагизмъ его судьбы не смягченъ послѣднимъ утѣшеніемъ, принесеннымъ умирающему богиней, которой онъ поклоняется.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе получается отъ трагедіи Жюля Буа. Для него смыслъ трагической судьбы Ипполита—въ его мученичествѣ за культъ чистоты и въ его конечномъ мистическомъ торжествѣ. Поэтому онъ вноситъ вызывающій оттѣнокъ въ отношенія Ипполита къ Афродитѣ. Когда Ипполитъ кладетъ вѣнокъ къ подножію статуи Артемиды, онъ сравниваетъ неприкосновенность горнаго луга, на которомъ онъ сорвалъ цвѣты, съ чистотой своего сердца, „не оскверненнаго служеніемъ Венерѣ". Отойдя отъ изображенія богини, близкой его сердцу, онъ съ вызывающимъ видомъ подходитъ къ статуѣ

Афродиты и, высокомѣрно поднявъ голову, говоритъ: „Я горжусь, Венера, тѣмъ, что не угоденъ тебѣ, и вотъ на память о моемъ гнѣвѣ на тебя оставляю тебѣ мое отвращеніе и мои слезы, заслуженныя тобою“.

Вся дальнѣйшая судьба Ипполита представлена у Жюля Буа не столько местью и торжествомъ Афродиты надъ чистымъ юношей, навлекшимъ на себя ея гнѣвъ (такою рисуется судьба Ипполита у Эврипида), какъ сознательной борьбой духа противъ ненавистныхъ ему путъ земли. Для изображенія мученичества Ипполита, Жюль Буа вводитъ элементъ, совершенно отсутствующій у Эврипида и, казалось бы, противорѣчащій цѣльности образа Ипполита. Герой драмы Жюля Буа познаетъ чары любви.—Онъ выпиваетъ волшебный кубокъ, приготовленный кормилицей Федры; глаза его раскрываются для женской красоты, въ душѣ его загорается жажда любви. Но подпавшій злымъ чарамъ Ипполитъ Жюля Буа ничуть не напоминаетъ влюбленнаго Ипполита изъ Расиновской „Федры“. Тамъ любовныя воздыханія составляютъ часть души Ипполита, и этимъ совершенно искажается образъ гордаго и чистаго служителя Артемиды. Здѣсь же, въ трагедіи Жюля Буа, любовь становится одной изъ мукъ Ипполита, ниспосланной ему Венерой,—становится орудіемъ его гибели. Для него, чистаго, гордаго и неприступнаго, полюбить—величайшее испытаніе; но онъ выходитъ изъ этого испытанія нетронутымъ, и чистота его, претерпѣвъ трагическій рокъ, приводитъ его къ мистическому торжеству. Любовь, вызванная волшебнымъ напиткомъ, т.-е. исходящая не изъ его существа, а насильственно навязанная ему, обращается не на Федру, а на молодую дѣвушку, воплощающую образъ богини Артемиды на землѣ. Къ ней Ипполитъ обращаетъ нѣжныя слова любви въ то время, какъ Федра тщетно ждетъ его во дворцѣ. Гнѣвъ отвергнутой Федры становится орудіемъ мести Афродиты. Классическая трагедія посмертной мести Федры изображена въ драмѣ Жюля Буа согласно древнему миѳу, съ той разницей, что Федру приносятъ на сцену не мертвой, а умирающей, и она передъ смертью успѣваетъ еще попросить Тезея прочесть таблицу.

Измѣненъ главнымъ образомъ конецъ трагедіи, именно съ цѣлью подчеркнуть духовное торжество Ипполита. Его невинность выясняется не какъ у Эврипида—появленіемъ deus ex machina, рѣчью Артемиды, а болѣе реально—разоблаченіемъ старца Питеоса и разсказомъ кормилицы, которая, для завершенія мести Тезею, разсказываетъ ему о совершённой имъ вопіющей несправедливости. Торжество Ипполита совершается въ послѣднемъ актѣ, когда его приносятъ умирающимъ. Разсказъ одного изъ спутниковъ Ипполита о томъ, какъ совершилась гибель героя — по волѣ Посейдона, исполнившаго просьбу Тезея,—

сильно напоминаетъ знаменитое повѣствованіе воспитателя Ипполита, Терамена, въ трагедіи Расина. Но это, быть можетъ, нельзя ставить въ упрекъ Жюлю Буа, въ виду необходимости объяснить устами кого-нибудь изъ очевидцевъ катастрофу, совершившуюся съ Ипполитомъ. Передъ смертью Ипполитъ прощаетъ отцу, памятуя, что тотъ его любитъ, и осудилъ на смерть, не зная своей неправоты. Ипполитъ не винитъ никого въ своей судьбѣ; онъ всѣхъ благословляетъ — и отца, и молодую дѣвушку, къ которой обращены были его чистыя слова любви, и умираетъ всепрощающимъ, любвеобильнымъ праведникомъ, увѣнчаннымъ вѣнцомъ, принесеннымъ имъ же въ даръ Діанѣ, и теперь какъ бы возвращеннымъ ею чистѣйшему и достойнѣйшему ея жрецу, претерпѣвшему муки за свое влеченіе къ святости. На этомъ заканчивается драма Жюля Буа (для внѣшняго отличія отъ античной трагедіи „Hippolyte couronné" названъ драмой и дѣйствіе включено въ четыре акта вмѣсто пяти), интересная, какъ мы видѣли, по идейному содержанію. Съ художественной стороны драма Жюля Буа привлекаетъ красотой стиха и большимъ лирическимъ подъемомъ — въ особенности въ хорахъ. Эврипидовскіе хоры старцевъ и трезенскихъ женъ замѣнены исключительно женскими хорами: молодыхъ дѣвушекъ, замужнихъ женщинъ и старухъ. Ихъ разное отношеніе къ Ипполиту и его судьбѣ, а также къ мукамъ Федры выражено въ звучныхъ, выразительныхъ и сильныхъ стихахъ: молодыя дѣвушки молятъ Афродиту не преслѣдовать Ипполита своей местью („Sois lui clémente, ô mère, amène,—Pardonne lui, car il est beau!"), жены трезенскія всецѣло на сторонѣ Федры и ихъ защита супружеской измѣны почти слишкомъ современна—и очень во французскомъ вкусѣ. Хоръ старухъ воспѣваетъ могущество Афродиты, царящей надъ міромъ. Мѣстами въ драмѣ Жюля встрѣчаются напыщенныя риторическія фразы; онъ иногда выражаетъ устами своихъ античныхъ героевъ и хора мысли, ощущенія и вкусы слишкомъ современныя: мы уже говорили о злоупотребленіи словомъ „мистическій"; въ другомъ мѣстѣ хоръ молодыхъ дѣвушекъ воспѣваетъ, воздавая хвалу Афродитѣ, жестокость въ любви; получается оттѣнокъ сатанизма, нарушающій стильность драмы. Но, помимо такого рода недочетовъ, драма Жюля Буа несомнѣнно художественна и заслуживаетъ тотъ успѣхъ, который она имѣла въ Оранжѣ.

II.

— *Frank Wedekind.* Hidalla oder Sein und Haben. Schauspiel in 5 Akten (München, Verlag von J. Marchlewski & Co).

Новая драма Франка Ведекинда, „Hidalla", результатъ такого же вызывающаго отношенія къ пошлости и узкому эгоизму современнаго

общества, какъ и всѣ предыдущія произведенія этого оригинальнаго драматурга, соединяющаго истинный талантъ и смѣлость мысли съ какимъ-то страннымъ полу-кошмарнымъ шутовствомъ. Во всѣхъ его пьесахъ чувствуется глубокое раздраженіе противъ торжествующей буржуазности и какое-то упрямое предпочтеніе всякаго безумства, всего разбивающаго спокойствіе и самодовольство мелко живущаго общества, всего спасающаго отъ мертвящей скуки традиціонной морали. Въ каждой новой пьесѣ Ведекиндъ съ горячностью возвращается къ своей основной идеѣ, рисуетъ безумныхъ мечтателей, стремящихся всѣми средствами, добромъ и зломъ, поднять пульсъ жизни, научить каждаго жить всей полнотой души—и погибающихъ не героически, а какой-то каррикатурной, мелкой гибелью, подъ смѣхъ торжествующей пошлости. Чувствуется большой лирическій подъемъ въ драмахъ Ведекинда на эту тему: онѣ становятся исторіей оскорбленной души автора. Герои Ведекинда—разныя воплощенія его собственной раскиданности, его гордости, которая тѣшитъ себя самоуничиженіемъ. Кому случалось видѣть Ведекинда выступающимъ передъ публикой актеромъ или эстраднымъ чтецомъ, тотъ яснѣе пойметъ его героевъ съ ихъ духовнымъ подъемомъ и циничными гримасами, какими они ограждаютъ себя въ столкновеніяхъ съ людьми.

Мы имѣли случай видѣть текущимъ лѣтомъ Ведекинда въ самыхъ, казалось бы, неподходящихъ для писателя условіяхъ. Это было въ Мюнхенѣ, въ „артистическомъ кабачкѣ“ Sieben Tantenmörder. Въ теченіе полувечера передъ равнодушной публикой ужинающихъ мюнхенскихъ бюргеровъ, съ лимфатическими отъ пива лицами, проходили на сценѣ пѣвцы, разсказчики и чтицы Ueberbrettl'я съ очень банальнымъ кафешантаннымъ репертуаромъ. Потомъ, послѣ торжественнаго доклада директора труппы о появленіи Ведекинда, изъ-за складокъ занавѣси вышелъ на приготовленную для него эстраду плотный, но стройный, еще, повидимому, молодой человѣкъ, съ гладкимъ актерскимъ лицомъ, съ горящими, почти безумными глазами, угрюмый, блѣдный, съ порывистыми, гордыми движеніями. Какъ-то сразу почувствовалось, что этому человѣку не слѣдовало бы появляться во фракѣ и съ гитарой въ рукахъ на потѣху сидящихъ за столиками и ужинающихъ мюнхенцевъ, и что онъ нарочно надѣлъ маску, выражающую его отношеніе къ людямъ, какъ бы ограждающую замкнутость и неприкосновенность его личности. Онъ угрюмо прочелъ, аккомпанируя самъ себѣ на гитарѣ, поэму, очень простую и правдивую, о печальной судьбѣ молодой дѣвушки, попавшей изъ деревни въ городъ. Особенность его чтенія заключалась въ томъ, что каждая строфа заканчивалась веселымъ припѣвомъ, произносимымъ авторомъ уныло-погребальнымъ, безучастнымъ тономъ. Та же угрюмость, то же ироническое подчерки-

ваніе уродства и хаотичности жизни было и въ дальнѣйшихъ полу-прочитанныхъ, полу-пропѣтыхъ имъ стихахъ, юмористическихъ по содержанію, но не вызывавшихъ смѣха въ чтеніи этого угрюмаго чтеца. Исполнивъ свой „нумеръ", Ведекиндъ исчезъ такимъ же чужимъ и далекимъ для зрителей, какимъ явился, и нѣсколько смущенная публика съ радостью отдалась непринужденному смѣху, когда Ведекинда смѣнилъ болѣе понятный, сливающійся съ публикой своей веселостью чтецъ.

Драмы Ведекинда—такое же угрюмое высмѣиваніе жизни съ безумной тоской о какомъ-нибудь разрѣшеніи, о чемъ-нибудь, дающемъ истинную радость, истинное наслажденіе, хотя бы и среди мученій, какъ его появленіе передъ буржуазной публикой мюнхенскаго Ueberbrettl, какъ безумная тоска, звучащая въ его веселыхъ припѣвахъ къ протокольному разсказу о трагической судьбѣ Бригитты. Въ центрѣ всѣхъ его пьесъ стоитъ мечтатель, сначала гипнотизирующій окружающихъ смѣлостью своихъ замысловъ, своихъ предпріятій, которыя должны измѣнить всю жизнь людей; потомъ, въ столкновеніяхъ съ желѣзными оковами—законами общественности, мечты разбиваются, кажутся бредомъ, и герои Ведекинда погибаютъ; они становятся балаганными шутами въ глазахъ другихъ—такими же, какимъ Ведекиндъ, быть можетъ, кажется самому себѣ, когда онъ, ненавистникъ толпы, выходитъ потѣшать ее своими угрюмо-веселыми стихами.

Въ „Hidalla" Ведекиндъ изображаетъ такого же неудачнаго реформатора жизни, какими являются герои его предшествующихъ пьесъ, „Marquis von Keith", „So ist das Leben", „Frühlingstragödie". Тамъ въ роли утопистовъ, мечтающихъ объ умноженіи среди людей восторга, т.-е. глубины самоощущенія, выступаютъ то смѣлый аферистъ, то юноша съ пламенной душой, возмущенный лицемѣріемъ педагоговъ, то изгнанникъ-король, для котораго жизнь сливается съ игрой на балаганныхъ подмосткахъ. Въ „Hidalla" въ роли реформатора выступаетъ писатель, творецъ новой морали; онъ поднимаетъ бурю своимъ ученіемъ, но погибаетъ потомъ, переживъ полное крушеніе своихъ надеждъ. Въ лицѣ этого полу-философа, полу-безумца, Ведекиндъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду отчасти изобразить Ницше; ученіе героя его драмы очень близко къ ницшеанскому ученію объ аристократической морали. Отчасти же Ведекиндъ изображаетъ самого себя и вкладываетъ въ уста своего героя все свое негодованіе противъ торжествующаго въ жизни уродства. Ведекиндъ — ницшеанецъ по своему стремленію поднять въ человѣкѣ чувство личности и этимъ путемъ побороть всякій пессимизмъ. Но въ побѣду своихъ идей, въ возможность водворить дѣйствительно радость на землѣ, создавъ царство прекрасныхъ и тѣмъ самымъ счастливыхъ людей, Ведекиндъ не

вѣритъ: отъ пьесъ его вѣетъ глубокимъ пессимизмомъ, безконечной горечью, и на первомъ планѣ у него всегда обличеніе, развѣнчиваніе, а не созиданіе того свѣтлаго храма жизни, который грезится его героямъ.

Въ „Hidalla“ изображена упорная борьба между одинокимъ мечтателемъ, который сначала даже какъ будто торжествуетъ, но лишь на короткое время, и простыми, практичными людьми, будто бы подчиненными его идеямъ, а въ дѣйствительности извлекающими пользу для себя изъ его утопій. Представителемъ торжествующаго практическаго чутья является въ пьесѣ Ведекинда аферистъ Лаунгартъ. Онъ—основатель „института соціальной пропаганды“, занимающагося и издательствомъ газеты, и рекламированіемъ всякаго рода общественныхъ предпріятій. Цѣли Лаунгарта чисто коммерческія, и онъ умѣетъ привлекать на помощь себѣ довѣрчивыхъ и недалекихъ капиталистовъ, увѣренныхъ въ чисто идейныхъ цѣляхъ его дѣятельности. Генрихъ Геллингаузенъ и его невѣста, молодая красавица Фанни, отдаютъ ему и деньги, и трудъ, и онъ такъ составляетъ контракты, что взять обратно свой капиталъ въ триста тысячъ Геллингаузенъ не можетъ, а всѣ выгоды предпріятія оказываются только на сторонѣ ловкаго учредителя. Геллингаузенъ хочетъ отказаться отъ участія въ предпріятіи Лаунгарта изъ-за личныхъ причинъ. Онъ человѣкъ традиціонной морали, и узнавъ, что его невѣста до него имѣла возлюбленнаго, отказывается отъ брака съ нею. Но Лаунгартъ такъ обставилъ дѣловыя отношенія, что Геллингаузену и его бывшей невѣстѣ приходится продолжать совмѣстное дѣло подъ угрозой потерять весь внесенный Геллингаузеномъ капиталъ. Среди дѣлового обсужденія ближайшихъ проектовъ новаго учрежденія, къ Лаунгарту является съ визитомъ человѣкъ, визитная карточка котораго возбуждаетъ недоумѣніе. Это—Карлъ Гетманъ, секретарь „интернаціональнаго союза для поднятія человѣческой расы“. Онъ пришелъ завязать сношенія съ институтомъ Лаунгарта для рекламированія своего общества. Изъ дальнѣйшаго выясняется, что Гетманъ—философъ, идеи котораго приблизительно напоминаютъ ученіе Ницше. Онъ признаетъ двѣ морали: одну „для бѣдныхъ“ (т.-е. для слабыхъ), направленную на увеличеніе общаго благополучія, на взаимопомощь и т. д. Отъ этой морали не должны отказываться и богатые (т.-е. сильные). Въ отношеніи къ низшимъ и слабымъ они должны заботиться объ ихъ благополучіи и помогать имъ. Но для себя они должны признать иной долгъ, болѣе трудный, требующій жертвъ,—должны признать законъ красоты, содѣйствовать поднятію человѣческой расы въ смыслѣ красоты. Членами союза состоятъ исключительно красивые люди, мужчины и женщины; они должны отказаться отъ личной жизни въ обособленной семьѣ,

должны принести въ жертву всѣ привязанности во имя красоты будущихъ поколѣній. Самъ создатель этой химерической „морали красоты“, Карлъ Гетманъ—очень уродливъ, и потому не включаетъ себя въ члены общества—онъ только секретарь его. Гросмейстеръ союза, избирающій членовъ,—какой-то бывшій пѣвецъ, ничтожный по существу человѣкъ, нужный Гетману какъ вывѣска для его общества, такъ какъ онъ очень красивъ. Заблужденіе Гетмана заключается, конечно, въ томъ, что онъ слишкомъ идеально относится къ внѣшней красотѣ, считая ее несомнѣннымъ знакомъ духовнаго совершенства. Отъ красивыхъ людей,—т.-е. отъ членовъ вызваннаго имъ къ жизни общества,—онъ требуетъ жертвъ, полагая, что у нихъ должны быть свободныя сильныя души, что они могутъ служить идеальному будущему, забывъ себя; онъ вѣритъ, что созданный имъ союзъ красивыхъ людей искоренитъ въ будущемъ не только внѣшнее, но и внутреннее уродство, такъ какъ красота равносильна благородству, высшему благу. Вся драма—исторія послѣдовательныхъ разочарованій Гетмана. Общество распадается; Гетманъ подвергается преслѣдованіямъ, попадаетъ въ тюрьму. Но не это его смущаетъ, а полное банкротство его идей. Красота не оказывается равносильной высшимъ совершенствамъ духа: у его „прекрасныхъ людей“ оказываются „души карликовъ“, какъ ему приходится убѣдиться съ величайшей горечью. Иронія судьбы, очень сильно подчеркнутая въ пьесѣ, заключается въ томъ, что всѣ разочарованія, всѣ идейныя неудачи Гетмана, губя его, идутъ на пользу практичному Лаунгарту. Послѣдній, въ качествѣ издателя газеты, гдѣ писалъ Гетманъ, только выигралъ отъ заключенія философа въ тюрьму. Въ опасную минуту Лаунгартъ убѣжалъ, а процессъ Гетмана поднялъ тиражъ газеты, и вся прибыль пришлась на долю издателя. Когда Гетманъ вышелъ изъ тюрьмы, Лаунгартъ сталъ эксплоатировать его въ качествѣ оратора, побуждая его выступать на собраніяхъ, читать лекціи. Лаунгартъ, какъ импрессаріо его, богатѣетъ отъ всѣхъ неудачъ Гетмана,—отъ скандаловъ, сопровождающихъ его лекціи, отъ того, что безумствующаго философа окружаютъ богатыя психопатки. Гетманъ—на краю гибели; онъ окончательно понимаетъ, что его мысль о „морали красоты“—праздная мечта, когда красавица Фанни говоритъ, что предпочитаетъ его самого—его ученію. Гетманъ отказывается отъ ея любви, хотя самъ любитъ ее; его уродство кажется ему непреодолимымъ препятствіемъ, и ему больно, что онъ восторжествовалъ какъ человѣкъ, потерпѣвъ пораженіе, какъ философъ. Трагизмъ его судьбы усугубляется глубочайшей ея насмѣшкой. Къ нему приходитъ импрессаріо цирка приглашать его участвовать въ представленіяхъ въ качествѣ шута. Онъ дѣлаетъ видъ, что соглашается—и, уйдя къ себѣ въ спальню, вѣшается, чтобы положить конецъ траги-

комедіи своей жизни. А Лаунгартъ и тутъ торжествуетъ: онъ—издатель сочиненій Гетмана, и самоубійство автора увеличитъ сбытъ. Такъ кончается странная драма о мечтателѣ, создающемъ своими муками и душевными катастрофами благополучіе толпы, противъ которой онъ борется.—З. В.

III.

— *Gustav Schmoller*. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Zweiter Theil. Leipzig. 1904.

Всякій новый трудъ въ области общественныхъ вопросовъ обращаетъ на себя наше вниманіе главнымъ образомъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, съ объективной: поскольку въ немъ мы встрѣчаемъ новаго по содержанію—будь то новая мысль, новый фактъ или новое освѣщеніе и обоснованіе уже раньше затрогиваемыхъ вопросовъ. Во-вторыхъ, насъ можетъ заинтересовать субъективная сторона работы: поскольку въ ней выразилась уже знакомая намъ по прежнимъ трудамъ физіономія автора. И если вновь созданный трудъ—плодъ долгой работы, то тѣмъ цѣннѣе выступаетъ эта вторая его сторона.

Только-что вышедшая въ Германіи вторая часть „Очерковъ" Шмоллера заканчиваетъ собою обширный трудъ, создававшійся по собственнымъ словамъ автора въ теченіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ (1887—1904). Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ состоитъ изъ двухъ томовъ, заключающихъ, кромѣ обширнаго введенія, четыре книги. Введеніе и первыя двѣ книги вышли на нѣмецкомъ языкѣ въ 1901 году.

По внѣшнему распорядку матеріала этотъ трудъ нѣмецкаго экономиста нѣсколько отличается отъ обычныхъ Lehr- und Handbücher политической экономіи, издающихся по разъ установленному шаблону въ Германіи во множествѣ. Въ этомъ отношеніи вновь вышедшій трудъ Шмоллера трудно относить вообще къ *экономической* литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Вѣрнѣе его отнести къ области—еще если и не создавшейся вполнѣ, то все-же по имени получившей право на существованіе—къ области такъ называемой соціологіи, куда, напр., относится во многомъ его напоминающій трудъ недавно умершаго австрійскаго экономиста A. Schäffle: „Bau u. Leben d. Soc. Körpers".

Какъ бы отдавая дань прошлому, Шмоллеръ дѣлитъ всю свою систему на двѣ части: въ первой рѣчь должна идти объ анатоміи и морфологіи (Anatomie und Formenlehre) экономической стороны народнаго организма (des volkswirtschaftlichen Körpers); вторая, только-что вышедшая, посвящена физіологіи его силъ и органовъ (Physiologie

seiner Kräfte und Organe); собственно, въ этой части авторъ главнымъ образомъ останавливается на описаніи общественно-экономическихъ учрежденій и ихъ функцій.

Соціологическій характеръ „Очерковъ" особенно ясно выражается въ пониманіи тѣхъ основныхъ явленій и процессовъ, которые опредѣляютъ собою общественно-экономическую сторону народной жизни. Это прежде всего *массовые* явленія и процессы (Massenerscheinungen und-Prozessen), какъ училъ Шмоллеръ въ первой части своего труда. Если же подъ массовыми явленіями понимать такія, которыя обусловлены стихійной, безсознательной психикой народныхъ массъ, а не являются продуктами сознательной воли отдѣльныхъ лицъ, результатами ихъ намѣренныхъ дѣйствій и разсчетливыхъ соображеній, то въ данномъ случаѣ ученіе Шмоллера не безупречно. Выдвигая и подчеркивая всюду зависимость экономическихъ явленій отъ господствующихъ общественныхъ нравовъ, морали, права, религіи, учрежденій и проч., авторъ незамѣтно для самого себя уклоняется въ сторону индивидуализма, анализируя психическія мотиваціи и вытекающія изъ нихъ тѣ или иныя сужденія и дѣйствія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Такъ напр., на чувствѣ полезности и субъективной оцѣнкѣ экономическихъ благъ Шмоллеръ строитъ теоретическую часть своего ученія о рыночныхъ цѣнахъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ воззрѣніямъ Бемъ-Баверка. Не останавливаясь здѣсь на критикѣ ученія такъ называемой австрійской школы, мы отмѣчаемъ лишь любопытный фактъ сближенія Шмоллера съ абстрактнымъ направленіемъ въ экономической литературѣ; къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ этотъ фактъ не увеличиваетъ цѣнности воззрѣній автора на процессъ образованія цѣнъ: увлекаясь анализомъ психическихъ побужденій контрагентовъ, Шмоллеръ лишь слегка указываетъ на общественные, массовые элементы въ процессѣ образованія рыночныхъ цѣнъ. Между тѣмъ, именно отъ Шмоллера можно было бы ожидать дѣйствительной критики и указаній на недостаточность ученія Бемъ-Баверка, Визера и другихъ представителей ученія о цѣнности, какъ субъективной предѣльной полезности.

Единственнымъ объясненіемъ этого обстоятельства по нашему убѣжденію служитъ несомнѣнное отсутствіе склонности автора къ теоретическимъ построеніямъ вообще. Знакомый съ прежними его трудами и въ особенности съ методологическими воззрѣніями автора долженъ вообще удивиться появленію новаго труда Шмоллера. Специализировавшійся въ области вопросовъ по исторіи экономическаго быта, дѣйствительно крупный и авторитетный знатокъ въ нихъ, посвятившій на разработку ихъ сорокъ лѣтъ своей жизни и возвращающійся къ нимъ теперь на склонѣ своихъ лѣтъ, какъ „къ самому дорогому и

близкому" его душѣ занятію (см. „Vorrede")—авторъ вновь вышедшаго труда соблазнился общими системами, выступилъ самъ съ одной изъ нихъ и такимъ образомъ столкнулся съ необходимостью „теоретизировать". По истинѣ трагическое впечатлѣніе производитъ, когда маститый нѣмецкій ученый, изъ боязни теоретическихъ ошибокъ, вмѣсто научнаго сужденія объ окружающихъ его явленіяхъ, вынужденъ прибѣгать „къ общепринятому" ихъ пониманію, ограничиваться тѣмъ, какъ то или иное понятіе употребляется въ обыденной разговорной рѣчи среди практиковъ-спеціалистовъ—im geschäftlichen Leben (стр. 180).

Вмѣсто теоретическаго изслѣдованія авторъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается *простымъ указаніемъ* на сложность даннаго экономическаго явленія, на зависимость его отъ окружающихъ нравовъ, началъ нравственности и господствующей религіи, вовсе и не думая изслѣдовать ближе ихъ вліяніе на затронутый имъ вопросъ.

Единственно цѣннымъ, но недостаточнымъ по самому замыслу автора является историко-общественное освѣщеніе экономическихъ явленій. Въ этомъ отношеніи, новый трудъ Шмоллера если и не вполнѣ удовлетворитъ спеціалистовъ, — для которыхъ, быть можетъ, онъ и не предназначается, — то принесетъ несомнѣнную пользу всякому впервые приступающему къ серьезному изученію соціально-экономическихъ явленій и процессовъ. Наиболѣе интересными (но, конечно, далеко не оригинальными) съ этой точки зрѣнія можно отмѣтить главы, посвященныя изслѣдованію природы общественныхъ союзовъ, происхожденія семьи, общины и государства; образованія общественныхъ классовъ и характера борьбы ихъ, и нѣкоторыя другія, затрогивающія не чисто экономическую, а общественную сторону народной жизни въ ея прошломъ.

Въ этихъ главахъ, между прочимъ, вполнѣ опредѣленно рисуется и собственное міровоззрѣніе автора.

Если такимъ образомъ вѣрно, что всякій новый трудъ по общественнымъ вопросамъ обращаетъ на себя наше вниманіе съ двухъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія, то вновь вышедшій трудъ Шмоллера наиболѣе интересенъ именно съ субъективной точки зрѣнія. Во взглядахъ автора на современные вопросы и явленія сказалось пониманіе, присущее далеко не одному ему; въ этомъ пониманіи отразился почти весь ученый міръ нѣмецкихъ экономистовъ. Для примѣра достаточно отмѣтить два основныхъ положенія Шмоллера: одно относительно развитія личности, другое—о будущемъ развитіи рабочаго класса.

Свой взглядъ на индивидуализмъ Шмоллеръ развиваетъ приблизительно въ слѣдующемъ родѣ: для прогресса человѣчества необходимо, чтобы была свободная индивидуально-развивающаяся личность; но, предоставленная самой себѣ, свобода личности въ настоящее время

угрожаетъ прогрессу, потому что въ современномъ человѣкѣ еще слишкомъ сильно злое начало; а потому, въ интересахъ будущаго развитія самой личности, въ настоящее время необходимы общественныя учрежденія, обуздывающія своекорыстіе и другіе пороки современнаго человѣчества. Изъ подобнаго рода общественныхъ учрежденій наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ и должно имѣть государство и его ὀрганы.

Въ связи съ этимъ ученіемъ стоитъ взглядъ автора на будущность рабочаго класса. Шмоллеръ говоритъ о рабочемъ классѣ и рабочей партіи въ Германіи, и приходитъ къ тому заключенію, что въ будущемъ несомнѣнно рабочій классъ (Arbeiterwelt) заключитъ тѣсный союзъ съ монархіей; по убѣжденію автора, уже и теперь монархія и рабочій классъ являются наиболѣе жизнеспособными и могучими политическими силами сравнительно со всѣми остальными представителями различныхъ партій. Какъ нѣкогда либерализмъ въ эпоху Штейна и Гарденберга своимъ прогрессивнымъ развитіемъ былъ обязанъ нѣмецкой бюрократическо-военной монархіи, такъ и соціализмъ — учитъ Шмоллеръ—долженъ пойти по тому же пути.

Это, по его мнѣнію, вполнѣ совпадаетъ съ общимъ историческимъ закономъ, что лишь наиболѣе могущественныя силы, присущія государству, постепенно образуютъ центръ, въ которомъ объединяются всѣ прежде самостоятельныя общества мѐньшаго объема [1]). Такимъ образомъ,—говоритъ Шмоллеръ,— справедливы слова Вильгельма II, сказанныя имъ въ самомъ началѣ его правленія, что лишь прусское королевство оказалось въ состояніи взять въ свои руки дѣло соціальной реформы, и именно потому, что оно одно представляло изъ себя сильное монархическое учрежденіе—feste monarchische Verfassung und Verwaltung (стр. 557).

Очерки Шмоллера хотя и озаглавлены въ отличіе отъ обычныхъ курсовъ политической экономіи—*Allgemeine*, а не *National*-ökonomie, —несмотря на то, глубоко проникнуты, и по духу, и по содержанію, германской національностью. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе понятно, что авторъ, кромѣ личной своей привязанности къ „Borussia", работалъ и работаетъ по преимуществу надъ вопросами экономической жизни Германіи.—Г. Швиттау.

---

[1]) См. *Roscher*, Nationalökonomie des Ackerbaues und der verwandten Urproduktionen. Въ началѣ этого тома говорится о томъ же „законѣ". Но Schmoller почему-то на это не указалъ.

ВОПРОСЪ ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ВОЛОСТНОГО СУДА.

Письмо въ Редакцію.

Въ изданномъ Высочайше учрежденнымъ Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности сводѣ трудовъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи, составленномъ А. А. Риттихомъ, подъ названіемъ „Крестьянскій правопорядокъ", помѣщена отдѣльная глава, посвященная крестьянскому суду. Въ ней подробно и объективно сгруппированы мнѣнія и постановленія мѣстныхъ комитетовъ о волостномъ судѣ. Значительное ихъ большинство признаетъ необходимымъ уничтожить настоящіе волостные суды и замѣнить ихъ, въ томъ или другомъ видѣ, судьями-юристами, назначаемыми правительствомъ. Интересны довольно обширныя выдержки изъ немногихъ записокъ отдѣльныхъ крестьянъ, представленныхъ въ комитеты, въ коихъ доказывается неудовлетворительность волостныхъ судовъ и необходимость ихъ уничтоженія. Нельзя, однако, не замѣтить, что мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, никоимъ образомъ не можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что все многочисленное это сословіе признаетъ волостные суды неудовлетворительными. Дѣйствительность скорѣе указываетъ, что эти суды пользуются довѣріемъ мѣстнаго сельскаго населенія. Всюду количество дѣлъ въ волостныхъ судахъ постоянно увеличивается; всюду къ нимъ все болѣе обращаются лица, для которыхъ, по закону, такое обращеніе не обязательно. При такихъ условіяхъ, врядъ ли можно признать, что все мѣстное сельское населеніе считаетъ эти суды неправосудными и вредными настолько, что ихъ слѣдуетъ уничтожить.

Говоря о волостныхъ судахъ, прежде всего надо рѣшить вопросъ: зависитъ ли дѣятельность волостного, да и всякаго суда отъ апелляціонной инстанціи, коей онъ подчиненъ,—или нѣтъ? Полагаю, что апелляціонная инстанція, имѣющая не только право, но обязанность разсмотрѣть по существу всякое поступившее къ ней дѣло, т.-е. съ полнымъ его выясненіемъ тѣми путями и способами, которые признаетъ необходимыми,—тѣмъ самымъ ограждаетъ законность рѣшеній подчиненныхъ ей судовъ. Ни одинъ судъ, а также и волостной, не станетъ постановлять рѣшеній, которыя, по предыдущей практикѣ, всегда отмѣнялись или измѣнялись апелляціонной инстанціей, тѣмъ

болѣе, что это и тяжущимся сторонамъ легко можетъ быть извѣстно. При такихъ условіяхъ неправосудность волостныхъ судовъ можетъ проявиться въ дѣлахъ, которыя могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ. Необходимо пояснить, что разница между кассаціей и апелляціей весьма мало усвоена даже нѣсколько образованной публикой и еще менѣе крестьянствомъ и его доморощенными адвокатами, или, скорѣе, писателями просьбъ. Въ моей прежней практикѣ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, какъ и нынѣ предсѣдателя съѣзда земскихъ начальниковъ, кассаціонныя жалобы на рѣшенія городского судьи и земскихъ начальниковъ приходится бо̀льшею частью отклонять и утверждать рѣшенія, такъ какъ жалобы излагаютъ существо дѣла безъ малѣйшаго указанія на кассаціонные поводы, изложенные, напримѣръ, въ 174 ст. уст. гр. суд. Уставовъ Императора Александра II, а именно: нарушеніе прямого смысла закона; нарушеніе обрядовъ и формъ судопроизводства, и нарушеніе власти, предоставленной суду. Относительно волостныхъ судовъ желательно бы было совершенно устранить кассаціонный порядокъ. Существующее нынѣ вмѣшательство администраціи въ судебную дѣятельность, правомъ земскихъ начальниковъ представлять въ съѣздъ къ отмѣнѣ рѣшенія волостныхъ судовъ, признанныя ими неправосудными,—совершенно излишнее. Гораздо болѣе ограждена правосудность рѣшеній волостныхъ судовъ ничѣмъ не ограниченнымъ правомъ сторонъ обжаловать ихъ въ апелляціонномъ порядкѣ.

Нѣкоторыми мѣстными комитетами было заявлено, что въ судебномъ засѣданіи съѣзда земскихъ начальниковъ въ два—три часа разсматривается до *шестидесяти* и болѣе рѣшеній волостныхъ судовъ.— Такая быстрая дѣятельность происходила ли въ апелляціонномъ, или въ кассаціонномъ порядкѣ—не выяснено, и потому правильно судить о ней невозможно. Однородныя заявленія встрѣчались и прежде въ періодической печати. Во всякомъ случаѣ, изъ нихъ можно вывести только благопріятное заключеніе для волостныхъ судовъ. Такое быстрое разсмотрѣніе ихъ рѣшеній возможно только при ихъ одобреніи. Отмѣна рѣшенія въ кассаціонномъ порядкѣ потребовала бы нѣкоторой мотивировки, на что̀ все же надо немного времени, еще болѣе при измѣненіи рѣшенія въ апелляціонномъ порядкѣ. Наконецъ, какова бы ни была дѣятельность апелляціонной инстанціи, т.-е. съѣзда, она не можетъ служить основаніемъ для признанія необходимости уничтожить волостной судъ.

Въ чемъ должна заключаться дѣятельность всякой апелляціонной инстанціи относительно дѣла подчиненнаго ей суда, поступившаго на ея разсмотрѣніе и рѣшеніе? Кассаціонная инстанція, если признаетъ необходимымъ, отмѣняетъ рѣшеніе подчиненнаго ей суда и передаетъ

дѣло въ другой судъ, или въ тотъ же; апелляціонная же, если признаетъ подлежащее ея разсмотрѣнію рѣшеніе неправильнымъ, отмѣняетъ его всецѣло, или измѣняетъ его, т.-е. постановляетъ свое рѣшеніе. Очевидно, для такого постановленія апелляціонный судъ входитъ,—лучше сказать, обязанъ входить—въ подробную оцѣнку всѣхъ обстоятельствъ подлежащаго его разсмотрѣнію дѣла. Можетъ ли такой порядокъ остаться безъ вліянія на дѣятельность подчиненнаго суда?—Полагаю, всѣмъ извѣстно, что наши окружные суды руководствуются въ своей дѣятельности рѣшеніями судебныхъ палатъ, коимъ подчинены въ апелляціонномъ порядкѣ. Апелляція на рѣшеніе окружного суда связана съ немалыми расходами, хотя бы только по отдаленности палаты; тогда какъ обжаловать рѣшеніе волостного суда ничего не стоитъ и это, такъ сказать, дѣло совершенно домашнее. Можетъ ли дѣятельность съѣзда, при такомъ порядкѣ и услóвіяхъ, не имѣть серьезнаго вліянія на подчиненный съѣзду волостной судъ? Скажу далѣе: могутъ ли волостные суды быть настолько неправосудны, какъ это заявлено, чтобы подлежать уничтоженію, если апелляціонныя инстанціи, коимъ они подчинены, исполняютъ закономъ установленныя для нихъ обязанности?—Полагаю, отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ можетъ быть только одинъ: нѣтъ, не могутъ.

Въ упомянутомъ выше изданіи Особаго Совѣщанія, между прочимъ, (стр. 99) приведено постановленіе одного изъ мѣстныхъ комитетовъ (тверская губ.—147), въ коемъ, въ доказательство необходимости,—если волостной судъ будетъ сохраненъ,—урѣзать его компетенцію,—сказано: „Наши законоположенія, опредѣляющія сельскія отношенія, неясны даже для администраціи и юристовъ,—какъ же крестьяне-то могутъ успѣшно разобраться въ нихъ?“

Эта неясность въ самыхъ разнообразныхъ формахъ доказывается, въ упомянутомъ изданіи, многочисленными примѣрами изъ постановленій многихъ мѣстныхъ комитетовъ. Я самъ, какъ предсѣдатель мокшанскаго съѣзда съ 1-го іюля 1891 года, могъ бы представить не мало примѣровъ такой неясности; ограничусь только однимъ, но съ нѣкоторымъ разъясненіемъ прежде.

Крестьянство,—какъ вѣроятно извѣстно всѣмъ заботящимся о его благосостояніи,—лишено возможности совершать крѣпостные акты на свою не только надѣльную, но и усадебную землю. Издавна вслѣдствіе сего переходъ недвижимости отъ одного лица къ другому совершался въ крестьянствѣ записками и условіями, внесенными въ волостную книгу договоровъ и волостнымъ правленіемъ засвидѣтельствованными. Такого рода сдѣлки, съ формальной точки зрѣнія, не могутъ быть признаны крѣпостными безспорными актами, но на основаніи ихъ десятки лѣтъ владѣли и пользовались земельными участ-

ками пріобрѣвшіе ихъ указаннымъ путемъ. Въ послѣднее время въ волостныхъ судахъ не мало было предъявлено исковъ о незаконности такого рода правъ на владѣніе. Въ упомянутомъ мною изданіи (стр. 51—52) приведенъ примѣръ (по курской губ.) что крестьянинъ, купившій земельный участокъ на послѣдніе гроши, или занявъ деньги подъ огромные проценты, былъ лишенъ этого участка и совершенно разоренъ единственно потому, что губернское присутствіе измѣнило свой взглядъ на условныя рѣшенія волостныхъ судовъ, прежде всегда утверждавшіяся. Условность же заключалась въ томъ, что волостной судъ рѣшалъ такого рода дѣла такъ: „отобрать спорные земельные участки по уплатѣ денегъ, полученныхъ за нихъ". Мокшанскіе волостные суды, совершенно незнакомые съ судебной практикой такихъ же судовъ курской губерніи, рѣшали и рѣшаютъ однородныя дѣла совершенно такъ же. Мнѣ кажется, такое рѣшеніе—вполнѣ правильное, разъ сдѣлка дѣйствительно добровольно совершилась, да она собственно и не оспаривается, а выставляется только ея формальная незаконность, какъ основа ея уничтоженія. Въ сущности всякій крѣпостной актъ только подтверждаетъ дѣйствительность совершенной сдѣлки. Врядъ ли можно,—такъ сказать,—наказывать извѣстное лицо за несовершеніе акта, ему недоступнаго. Еще менѣе можно винить волостной судъ, что онъ не умѣетъ справляться съ послѣдствіями неопредѣленности въ законѣ крестьянской собственности. Тутъ не только грамота, но даже юридическія познанія крестьянину-судьѣ помочь не могутъ. Однако, мы видимъ, что темный, полуграмотный волостной судъ умѣетъ справляться съ отсутствіемъ закона, сохраняя если не законность, то справедливость.

Въ крестьянскомъ сословіи,—если такъ можно выразиться,—человѣкъ прикрѣпленъ къ семьѣ. Здѣсь, наоборотъ, законъ вполнѣ ясно и опредѣленно подчиняетъ сына отцу. Право послѣдняго разрѣшать сыну полученіе паспорта на отлучку рѣдко возбуждаетъ обращеніе сторонъ къ волостному суду; но дѣла по требованію отца или матери опредѣленнаго содержанія отъ сына, живущаго на сторонѣ, нерѣдко доходятъ до съѣзда, путемъ обжалованія рѣшеній волостного суда. Насколько помню, эти рѣшенія всегда утверждались съѣздомъ,—настолько они дѣльно были мотивированы, безъ потворства одной изъ сторонъ. Обыкновенно волостной судъ признавалъ право отца на помощь дѣтей его, но только когда она дѣйствительно необходима; когда же имущественное положеніе истца-отца было сколько-нибудь обезпечено, онъ отказывалъ, особенно если у отвѣтчика-сына имѣлась своя семья, что̀, при раннихъ бракахъ въ крестьянствѣ, почти всегда и встрѣчалось.—Въ моей долголѣтней службѣ предсѣдателя мокшанскаго воинскаго присутствія былъ одинъ случай, который меня убѣдилъ, что не въ одномъ

крестьянствѣ существуетъ полная зависимость сына отъ отца,—случай довольно интересный. Одинъ крестьянинъ мокшанскаго уѣзда, нѣкто Каменновъ, завелъ въ г. Пензѣ ассенизаціонный обозъ. Благодаря отсутствію конкуррентовъ, расширяя свое дѣло, онъ получалъ значительныя выгоды. У него былъ единственный сынъ, получившій нѣкоторое образованіе, сдѣлавшійся мало-по-малу главнымъ помощникомъ отца по веденію всего дѣла. Сына женили, и, какъ часто бываетъ, онъ, вскорѣ послѣ женитьбы, ушелъ отъ отца и завелъ свое, хорошо извѣстное ему дѣло, и тѣмъ конкуррировалъ съ отцомъ. Минуло сыну 21 годъ, онъ попалъ въ призывной списокъ; но, какъ единственный сынъ въ семьѣ, за нимъ было признано право на льготу перваго разряда, по которой онъ могъ не являться даже на призывъ. Вскорѣ послѣ повсемѣстнаго въ уѣздѣ объявленія о льготахъ, въ мокшанское воинское присутствіе поступило заявленіе отца Каменнова, что онъ, за непочтительность сына, лишаетъ его назначенной ему льготы и проситъ о зачисленіи его въ безольготные, подлежащіе исполненію воинской повинности. Въ присутствіи, хорошо знакомомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла, было общее желаніе отказать отцу, но это оказалось невозможнымъ. Законъ, предоставляющій, безъ различія сословій, всѣмъ отцамъ право лишать льготы своихъ сыновей, ничѣмъ не стѣснялъ этого права, и пришлось удовлетворить требованіе отца Каменнова. Сынъ, въ концѣ-концовъ, закрылъ свое заведеніе и присоединился къ отцу,—который отказался отъ своего заявленія. Нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ законоположеній, коими руководствуются уѣздныя коллегіи, уставъ о воинской повинности, въ своей первоначальной редакціи, отличается своей ясностью и опредѣленностью. При примѣненіи его, совѣсть всегда спокойна. Тѣмъ не менѣе желательно бы было, чтобы для лишенія льготы отцомъ требовалось судебное рѣшеніе, вполнѣ подтверждающее сыновнюю непочтительность.

Изъ семейныхъ дѣлъ, подлежащихъ волостному суду, нерѣдки такія, въ которыхъ потерпѣвшей стороной являются родители. Необходимо пояснить, что, помимо семейныхъ раздѣловъ между, такъ сказать, равноправными членами семьи, существуютъ въ крестьянствѣ раздѣлы, производимые хозяиномъ или хозяйкой между ихъ дѣтьми. Это своего рода распредѣленіе наслѣдства при жизни наслѣдодателя. Устарѣвшій, или, скорѣе, ослабѣвшій отъ старости или болѣзни хозяинъ дѣлитъ свое имущество между своими дѣтьми и переходитъ обыкновенно жить, въ сущности дожить до смерти, къ младшему сыну,—сохранивъ за собой кое-какую движимость. Къ такому старику семья, въ которой онъ поселился, къ сожалѣнію, часто относится небрежно. Уходъ за нимъ грубый; его плохо кормятъ, и онъ, потерявъ терпѣніе, переселяется къ другому сыну, или даже къ дочери. Возникаетъ граж-

данское дѣло о возвратѣ движимости, принесенной старикомъ въ первую семью. Обыкновенно, на судебномъ разбирательствѣ въ съѣздѣ, покинутый сынъ заявляетъ, что онъ всегда относился къ отцу побожески, кормилъ его тѣмъ, чѣмъ самъ питается, и нынѣ готовъ его покоить, какъ слѣдуетъ, до самой его смерти; что же касается до принесенной отцомъ движимости, то часть ея дѣйствительно истратилъ, но на содержаніе самого же отца. Тутъ сынъ дѣловито и подробно разъясняетъ сдѣланный расходъ; ему возражаетъ отецъ и опровергаетъ его показанія также дѣловито. Замѣчательно, что такой своего рода крестьянскій король Лиръ никогда не возбуждаетъ вопроса о возвращеніи всего даннаго имъ сыну имущества, а всегда строго остается въ предѣлахъ возбужденнаго иска. Судебное разбирательство на съѣздѣ значительно облегчено рѣшеніемъ волостного суда, въ которомъ выясненныя условія крестьянской жизни, ея требованія и расходы всегда подтверждаются. Приходится большею частью утверждать эти рѣшенія, или, склонивъ стороны къ мировому соглашенію, дѣлать согласно съ симъ свое постановленіе. Случается также,—если принесенная старикомъ-отцомъ въ семью сына движимость сколько-нибудь значительна, то онъ является, особенно если старъ и болѣзненъ, лакомымъ кускомъ, и тогда остальные братья и сестры стараются переманить его къ себѣ. При успѣхѣ такихъ стараній, возбуждаются также дѣла по разсчетамъ за потраченную часть первоначальной движимости. Рѣшенія волостного суда по дѣламъ послѣдняго рода тѣмъ болѣе подлежатъ обыкновенно утвержденію. Странно, что на съѣздѣ по дѣламъ такого рода нерѣдко достигается мировое соглашеніе, несмотря на то, что въ началѣ разбирательства стороны выказываютъ другъ другу нисколько не скрываемую враждебность. Происходитъ ли это отъ того, что волостной судъ исключительно ограничивается разсчетами, а публичность и нѣкоторая торжественность засѣданія съѣзда дѣйствуютъ примирительно на тяжущихся,—этого сказать не могу.

По рѣшенію мелкихъ гражданскихъ исковъ, возбуждаемыхъ въ крестьянствѣ, волостной судъ положительно незамѣнимъ. Судя по той картинѣ, которая вырисовывается на съѣздѣ при разбирательствѣ такого рода дѣлъ, можно смѣло сказать, что крестьянскій судъ съ любовью расцѣниваетъ всякія тряпки, вымѣряетъ вершками неправильно запаханную землю; вникаетъ во всѣ подробности разсчетовъ товарищей по производству какой-либо торговли или по общему владѣнію крупорушкой и вѣтрянкой-мельницей, а также по уголовнымъ дѣламъ объ оскорбленіяхъ. Все дѣла грошовыя, но крайне важныя для ведущихъ ихъ лицъ. Недостаточно одного вниманія—для правильнаго взгляда на нихъ, а также и правильнаго ихъ разрѣшенія,—требуется еще знаніе всѣхъ условій крестьянской жизни. На съѣздѣ дѣла такого рода

являются уже выясненными, и провѣрка ихъ посему не встрѣчаетъ затрудненій; первоначальное же правильное ихъ разбирательство положительно недоступно для ученаго юриста, заброшеннаго судьбой въ глухую деревню. Прежде всего, постоянная такая жизнь безспорно тяжела для такъ называемаго культурнаго человѣка, и надо имѣть желѣзный характеръ, чтобы выдержать ее безъ вреда для себя и для дѣла. Крестьянину же быть волостнымъ судьей—это почетъ и развлеченіе. Несомнѣнно, успѣшное окончаніе университетскаго курса по юридическому факультету—лучшее приготовленіе для юридической дѣятельности; но всякій дипломъ обезпечиваетъ извѣстный кругъ знанія, но нисколько не обезпечиваетъ того характера и тѣхъ духовныхъ качествъ, при которыхъ только и можно ожидать правильнаго и успѣшнаго примѣненія этого знанія. Въ упомянутомъ мною изданіи „Крестьянскій правопорядокъ" часто встрѣчается указаніе на злоупотребленія въ волостномъ судѣ. Очень можетъ быть, что и въ волостныхъ судахъ бываютъ злоупотребленія. Важнѣе же всего,—учрежденіе способствуетъ ли, вызываетъ ли и облегчаетъ ли такого рода явленія. Таковъ ли волостной судъ?

Нѣтъ ни одного суда, который бы не плодилъ недовольныхъ. Въ каждомъ судебномъ рѣшеніи всегда есть сторона недовольная, которая рѣдко въ своемъ отзывѣ о самомъ судѣ, постановившемъ это рѣшеніе, сколько-нибудь сдержана и осторожна. При бережливости, присущей нашему крестьянству на всякій расходъ, не обѣщающій вѣрно или непосредственной пользы, или непосредственнаго удовольствія, особенно при настоящемъ обѣднѣніи всего сельскаго населенія, трудно повѣрить, чтобы крестьянинъ потратилъ хоть нѣсколько копѣекъ на дѣло въ волостномъ судѣ, когда онъ знаетъ, что это дѣло можетъ быть обжаловано въ съѣздѣ и тамъ снова разобрано. Если съѣздъ исполняетъ свои обязанности, для взяточничества въ волостномъ судѣ нѣтъ основанія, нѣтъ почвы. Для полнаго же приведенія этого суда въ должный видъ слѣдуетъ изъять волостныхъ судей отъ всякихъ административныхъ взысканій, а ихъ избраніе предоставить всецѣло волостному сходу, устранивъ всякое административное вмѣшательство. Крестьяне—народъ въ высшей степени практичный, и они прекрасно понимаютъ всю для нихъ важность хорошаго состава волостного суда. Во всякой же волости, какъ бы мала она ни была, всегда найдется необходимое количество дѣльныхъ подходящихъ крестьянъ.

Въ изданіи „Крестьянскій правопорядокъ", на который я неоднократно ссылался, приведены постановленія многихъ мѣстныхъ комитетовъ объ упорядоченіи обычнаго права, коимъ нынѣ могутъ руководствоваться волостные суды въ своихъ рѣшеніяхъ, а также и о полномъ его устраненіи. Несомнѣнно, порядокъ наслѣдованія и большее

обезпеченіе крестьянской собственности настоятельно требуютъ тщательнаго изученія и опредѣленія. Это—самое важное, но не мѣшало бы также произвести пересмотръ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, улучшить ихъ редакцію и дополнить ихъ,—напримѣръ, предоставить волостному суду право обезпечивать иски. Это крайне необходимо. Нынѣ очень часто рѣшеніе волостного суда по частнымъ, даже безспорнымъ взысканіямъ обжалывается единственно для того, чтобы до рѣшенія съѣзда успѣть скрыть всю ту собственность, которая бы подлежала продажѣ для удовлетворенія взысканія. Нашлись бы и другія мелочи, именно мелочи, такъ какъ, благодаря всемилостивѣйшему манифесту 11 августа сего 1904 года, тѣлесное наказаніе, которое волостной судъ могъ опредѣлять,—слава Богу, отмѣнено.

Что касается собственно до судебной дѣятельности волостныхъ судовъ относительно гражданскихъ недоразумѣній и правонарушеній, обычай выказывается, если можно такъ выразиться, въ пониманіи и примѣненіи законности. Въ тринадцатилѣтней моей практикѣ предсѣдателя съѣзда я не запомню, именно по дѣламъ вышеупомянутымъ, такого рѣшенія волостного суда, въ коемъ, подъ предлогомъ обычая, нарушался бы кореннымъ образомъ писанный законъ. Разнообразное же примѣненіе закона встрѣчается и въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Сошлюсь только на 409 ст. уст. гр. суд. Уставовъ Императора Александра II—о допущеніи свидѣтельскихъ показаній при обсужденіи письменныхъ документовъ. Примѣненіе этой статьи породило цѣлую массу толкованій и разъясненій правительствующаго сената. Все это вполнѣ наглядно доказываетъ разнообразное примѣненіе этой статьи судебными учрежденіями, юридическая компетентность которыхъ—внѣ сомнѣнія. Сошлюсь еще на другой примѣръ. Обязанности старшихъ нотаріусовъ при окружныхъ судахъ заключаются въ регистраціи крѣпостныхъ актовъ и внесеніи ихъ въ надлежащую книгу. Казалось бы, что въ такой дѣятельности никакого разнообразія быть не можетъ; однако, мы видимъ и здѣсь, что у одного нотаріуса, скажемъ, купчая совершается такъ, а у другого—иначе. Въ такомъ простомъ дѣлѣ примѣненіе закона стѣсняется или облегчается.

Большинство мѣстныхъ комитетовъ признаетъ волостной судъ неподходящимъ и неправосуднымъ по темнотѣ и безграмотности своихъ судей. Основная идея—замѣнить такой судъ, какъ я уже сказалъ, свѣдущими юристами въ той или другой формѣ. Изъ всѣхъ такого рода предложеній выбираю то, которое какъ будто—самое практичное; впрочемъ, оно всего болѣе и встрѣчается въ постановленіяхъ комитетовъ. Предлагаютъ соединить нѣсколько волостей въ одинъ низшій судебный участокъ, въ коемъ устроить судъ изъ выборныхъ волостями судей, подъ предсѣдательствомъ юриста, назначаемаго правительствомъ. Нѣ-

которые комитеты предлагаютъ, чтобы таковые председатели избирались земствомъ; въ сущности, это мало измѣняетъ характеръ предлагаемаго суда. Прежде всего при немъ утратится значительная доля доступности настоящихъ волостныхъ судовъ. Правда, эта доступность порождаетъ дѣла вполнѣ неосновательныя, отъ которыхъ часто начавшіе ихъ отказываются; между тѣмъ, начато дѣло въ надлежащей обложкѣ, записано, гдѣ слѣдуетъ, и потрачено извѣстное количество труда и бумаги, имѣющее значеніе для скудной канцеляріи волостного правленія, и все совершенно безъ толку. Такое своего рода злоупотребленіе доступностью волостного суда легко устранимо; достаточно опредѣлить листовой сборъ въ пользу канцелярскихъ расходовъ самаго ограниченнаго размѣра, ну, копѣекъ пять—десять. Крестьянинъ, дорожащій каждой копѣйкой, навѣрное будетъ осмотрительнѣе въ своемъ обращеніи къ суду.

Мѣстные комитеты, предлагающіе такой смѣшанный судъ, указываютъ преимущественно на то, что устройство такого суда не потребуетъ никакого лишняго расхода, такъ какъ то, что̀ тратится нынѣ на пять, на шесть волостныхъ судовъ, будетъ вполнѣ достаточно на содержаніе одного предлагаемаго. Врядъ-ли этотъ разсчетъ вѣренъ, если, разумѣется, имѣется въ виду сохранить доступность смѣшаннаго суда. Надо принять въ соображеніе, что нынѣ наиболѣе усиленная дѣятельность волостного суда происходитъ во время бездорожья, когда крестьянство совершенно свободно, и наоборотъ—въ рабочую пору, т.-е. почти все лѣто, волостные суды бо̀льшею частью малодѣятельны. Положимъ, вопреки дорогамъ, рѣкамъ и оврагамъ, предполагаемые суды будутъ доступны, но что они потребуютъ увеличенія расходовъ—это весьма вѣроятно. Въ мокшанскомъ уѣздѣ девятнадцать волостей, а слѣдовательно и девятнадцать волостныхъ судовъ. Стоимость каждаго изъ нихъ зависитъ отъ величины волости, содержаніе же всѣхъ волостныхъ судовъ обходится въ 2.845 р. 40 к. (копѣйки попали благодаря одной только Черноозерской волости, въ которой судъ сто̀итъ 109 р. 40 коп.). Общая цифра стоимости волостныхъ судовъ должна быть нѣсколько увеличена, такъ какъ нынѣ расходъ на канцелярію волостного суда входитъ въ общую цифру канцелярскихъ расходовъ волостныхъ правленій. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время расходъ на низшія судебныя учрежденія въ мокшанскомъ уѣздѣ составляетъ *двѣ тысячи восемьсотъ сорокъ-пять рублей сорокъ-пять копѣекъ въ годъ.*

Вслѣдствіе удлиненной формы площади сего уѣзда, даже съ нѣкоторымъ ограниченіемъ доступности суда, потребовалось бы не менѣе шести смѣшанныхъ судовъ или, безразлично, коронныхъ юристовъ-судей для замѣны настоящихъ волостныхъ судовъ. Принимая во вни-

маніе содержаніе, получаемое нынѣ земскими начальниками, очень вѣроятно, что предсѣдатели предлагаемыхъ смѣшанныхъ судовъ будутъ получать сравнительно то же самое, т.-е. около двухъ тысячъ рублей. Итого на уѣздъ—*двѣнадцать тысячъ рублей* въ годъ. Расхода этого комитеты не предвидятъ и, какъ уже помянуто, полагаютъ, что предположенныя судебныя учрежденія его не потребуютъ. Очень можетъ быть, что въ другихъ мѣстностяхъ онъ будетъ ничтоженъ, въ другихъ же—еще значительнѣе, чѣмъ въ мокшанскомъ уѣздѣ, но во всякомъ случаѣ тотъ или другой расходъ будетъ. Возложить его на крестьянское сословіе было бы несправедливо, такъ какъ оно и безъ того непосильно обложено и прямо, и особенно косвенно; наконецъ, новые суды выйдутъ отчасти изъ сферы крестьянскаго самоуправленія. Наложить этотъ расходъ на земство было бы еще болѣе несправедливо, такъ какъ оно до сихъ поръ уплачиваетъ содержаніе упраздненныхъ мировыхъ учрежденій, только это взиманіе получило отъ правительства другое назначеніе. Притомъ нынѣ на обязанности земства лежитъ пособіе семействамъ запасныхъ чиновъ, отправившихся на войну. Судя по первому мѣсяцу, послѣдовавшему послѣ частичной мобилизаціи, бывшей въ пензенской губерніи, это пособіе представитъ собою въ текущемъ году весьма значительную цифру. Остается, значитъ, только правительство. Вообще мы въ деревнѣ всегда широко смотримъ на рессурсы государственнаго казначейства, обращаясь къ правительству за пособіемъ или вполнѣ разсчитывая на то. Мы забываемъ, что эти рессурсы слагаются изъ обложенія населенія имперіи, самая многочисленная часть котораго—сельское населеніе, и на немъ, вполнѣ естественно, сказывается всего болѣе тяжесть этого обложенія.

Разъ волостные суды такъ неправосудны, по заявленію многихъ комитетовъ, что только при прямомъ подчиненіи ихъ юристамъ они могутъ быть сохранены, то, разумѣется, было бы неразумно стѣсняться расходомъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ. Во многихъ комитетахъ было выяснено, что собственно волостного суда не существуетъ,—все вершитъ волостной писарь. Это положительно невѣрно. Во всемъ, что̀ касается редакціи журнала суда и изложенія его рѣшенія, это безусловно зависитъ отъ однихъ судей. Волостной писарь, вопреки закону, назначается земскимъ начальникомъ, но содержаніе его опредѣляется волостнымъ сходомъ. Вслѣдствіе этого, въ интересахъ волостного писаря—устраняться отъ рѣшеній волостного суда и жить со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ. Совсѣмъ другой оборотъ принимаетъ дѣло, когда судьи будутъ засѣдать подъ предсѣдательствомъ назначеннаго юриста, т.-е. своего рода начальства. Это будутъ безгласные исполнители воли начальства, совершенно излишняя мебель

за судейскимъ столомъ. Да и къ чему эта комедія коллегіальности? Мы вѣдь вѣримъ въ спеціальнаго чиновника, поучающаго-молъ деревню и направляющаго ея жизнь по должному пути,—ну, и слѣдуетъ уничтожить волостные суды и замѣнить ихъ судебными чиновниками, которые быстро введутъ въ деревнѣ законность. Въ сущности, волостные суды подходятъ къ существующей опекѣ надъ крестьянствомъ и для архитектурной гармоніи настоящаго строенія деревни судебные чиновники гораздо болѣе умѣстны при опекунахъ—земскихъ начальникахъ. Какова же опека послѣднихъ—сообщаетъ въ томъ же „Крестьянскомъ правопорядкѣ" докладъ юридической коммиссіи елецкаго уѣзднаго комитета, какъ разнообразно подвергалось крестьянство административному взысканію по 61 ст. Полож. о земск. нач. въ двухъ участкахъ (стр. 315):

	Въ одномъ участкѣ		Въ другомъ участкѣ	
	штрафу:	аресту:	штрафу:	аресту:
1899	5	133	—	—
1900	836	63	—	—
1901	846	16	1	—

Такое поразительное разнообразіе въ примѣненіи права налагать наказанія безъ формальнаго производства въ одномъ и томъ же уѣздѣ съ полной убѣдительностью доказываетъ феноменальную выносливость русскаго крестьянства. Всюду сельское населеніе считается наиболѣе консервативнымъ элементомъ, на которое можетъ вполнѣ опереться всякое управленіе. Таково оно и у насъ. Во всемъ изданіи „Крестьянскій правопорядокъ", и особенно въ двѣнадцатой его главѣ: „Административная опека", доказывается необходимость освобожденія крестьянства отъ нея. Большинство мѣстныхъ комитетовъ настолько увлекается этимъ освобожденіемъ, что признаетъ его гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ заботу объ улучшеніи экономическаго положенія крестьянства. Полагаю, что спорить о томъ, что̀ важнѣе: обезпечить ли питаніе крестьянина, или освободить его отъ ничѣмъ невызываемыхъ стѣсненій—совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что одно другому нисколько не мѣшаетъ, а напротивъ, находится во взаимной связи. Освобожденный крестьянинъ легче себя обезпечитъ въ экономическомъ отношеніи; а такимъ образомъ обезпеченный представитъ собой болѣе надежный и полезный элементъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Въ томъ же изданіи не мало встрѣчается указаній, что нынѣ въ мірскомъ сходѣ руководящую роль играютъ крикуны изъ обѣднѣвшихъ. Всюду нежелательный элементъ мѣстной жизни составляютъ люди, которымъ нѣчего терять, и потому экономическая сторона сельской жизни должна быть принята во вниманіе.

Относительно собственно волостного суда положеніе его можетъ только значительно выиграть отъ улучшенія мѣстнаго самоуправленія, которое нынѣ фактически не существуетъ. Къ нему поступятъ, вѣроятно, тѣ уголовныя дѣла о штрафахъ и арестахъ, назначаемыхъ нынѣ безъ формальнаго производства какъ г.г. земскими начальниками, такъ и другими лицами—до старостъ включительно. Было бы положительно несвоевременно уничтожить волостной судъ до улучшенія настоящаго правового положенія крестьянства, имѣющаго вліяніе и на этотъ судъ, хотя бы на его составъ.

Кн Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

Viareggio,
12 (25) сентября 1904 г.

АМЕРИКАНСКАЯ „ЗЛОБА ДНЯ".

I.—„Grafting".

Понятіе о взяткахъ и взяточникахъ, конечно, знакомо всѣмъ частямъ свѣта и всѣмъ національностямъ. Въ англійскомъ языкѣ для ихъ опредѣленія издавна существуютъ слова: bribe—взятка, и bribery—взяточничество. Въ Америкѣ же, кромѣ того, были общеупотребительны и слова: boodle и boodlery. Насколько я знакомъ съ языками французскимъ и нѣмецкимъ,—и они, какъ и русскій и англійскій, довольствуются однимъ, много двумя словами для этого опредѣленія. Но быстро идущая впередъ Америка успѣла за послѣдніе года и въ этомъ отношеніи опередить Старый Свѣтъ, и выработать особый видъ взяточничества, настолько опредѣленный и укоренившійся, что для его выраженія оказались недостаточными слова: bribe и boodle, и пришлось изобрѣсти новое слово, которое такъ же обычно здѣсь теперь, какъ новое слово: trust. Слово это—graft, съ производными отъ него: grafting, to graft, grafter. Прямое его значеніе—прививка, прививать—когда деревцо-дичокъ, посредствомъ прививки, обращается въ культурное плодовое дерево. Въ новомъ же его значеніи оно обозначаетъ взятку при извѣстныхъ условіяхъ, а именно—когда оффиціальныя лица, чины штата или города, устроиваютъ и продаютъ монополіи за извѣстное, заранѣе опредѣленное вознагражденіе по соглашенію. Это—та же взятка, конечно, но съуженная, спеціализированная, такъ сказать. Взятка газетѣ или желѣзнодорожному чину остается —boodle, а подкупъ штатной легислатуры или городского полиціймейстера, въ пользу особыхъ привилегій извѣстнымъ лицамъ, будетъ graft. Само собой разумѣется, что и boodle, и graft, въ извѣстныхъ размѣрахъ, всегда существовали въ Америкѣ—но подраздѣленіе это сдѣлалось необходимымъ и вошло въ общее употребленіе только за послѣдніе два-три года, благодаря тѣмъ многочисленнымъ скандаламъ, въ городскихъ и даже штатныхъ хозяйствахъ, которые, одинъ за другимъ, были открыты, изслѣдованы и обнародованы,—скандаламъ, успѣвшимъ принять чисто эпидемическій характеръ, и чрезвычайно взволновавшимъ наше чуткое общественное мнѣніе. Я не буду останавливаться на похожденіяхъ нью-іоркскаго Таммани Голла, этого позорнѣйшаго, живучаго нароста на всемъ общественномъ тѣлѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ еще со временъ Твида и семидесятыхъ годовъ: въ русской періодической печати, и журналахъ, и газетахъ, было не мало описаній и его дѣятелей, и его методовъ. Хотя Таммани Голлъ за по-

слѣднія двадцать лѣтъ, нѣсколько разъ былъ удаляемъ отъ власти возстававшимъ населеніемъ города Нью-Іорка, тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, одолѣвавшіе его временно реформаторы ни разу не съумѣли не только удержаться, но и доказать безусловно всю грязь и гадость Таммани Голла. Изслѣдованія, начинавшіяся съ большимъ трескомъ и шумомъ, неизмѣнно сводились въ концѣ-концовъ на нѣтъ, и къ слѣдующимъ выборамъ реформаторы эти безнадежно побивались, и Таммани Голлъ опять забиралъ всю власть въ свои руки. И въ настоящее время онъ опять царитъ въ Нью-Іоркѣ совершенно безраздѣльно; бывшій мэйоръ, Сэтъ Лоу, президентъ колумбійскаго университета, человѣкъ безспорно честный, умный и даровитый, на котораго всѣ добросовѣстные жители города возлагали огромныя надежды, оказался на практикѣ чрезвычайно слабымъ администраторомъ, возстановившимъ противъ себя всѣ даже наиболѣе преданные ему вначалѣ элементы; выбравшая его коалиція быстро распалась, и Таммани Голлъ опять выбралъ своихъ кандидатовъ на всѣ безъ исключенія городскія должности.

Въ сферѣ муниципальныхъ городскихъ безобразій особенно возмутительными оказались дѣла мэйора города Миннеаполиса, мэйора Эмса, и городского совѣта города Санъ-Луиса; въ сферѣ штатныхъ—дѣло легислатуры штата Миссури; и дабы русскій читатель могъ усвоить всю силу и значеніе новаго американскаго слова graft, я дамъ краткое описаніе этихъ дѣлъ.

Мэйоръ Эмсъ—Ames—занималъ свою должность въ городѣ Миннеаполисѣ нѣсколько тэрмовъ подъ-рядъ, и былъ удивительно популяренъ. Мнѣ самому пришлось бывать въ этомъ городѣ нѣсколько лѣтъ по нѣскольку разъ въ годъ, жить тамъ по цѣлымъ недѣлямъ; я встрѣчалъ его не разъ, и лично могу свидѣтельствовать, что онъ былъ тамъ въ сущности всемогущъ. По профессіи онъ докторъ, имѣлъ большую практику и считался человѣкомъ съ хорошими средствами. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это человѣкъ, изъ ряду вонъ выходящій по своей душевной добротѣ и великодушію;—на судѣ, сотни доброхотныхъ свидѣтелей разсказывали одинъ случай за другимъ о его всегдашней готовности помогать ближнему всевозможными средствами. Самъ онъ никогда не жилъ выше своихъ средствъ, но изводилъ сотни тысячъ долларовъ ежегодно на помощь всякому, кто бы къ нему ни обращался. Въ то же время, назначенные имъ чины городского управленія во всѣхъ его отрасляхъ самымъ систематическимъ образомъ и безъ малѣйшаго милосердія обирали городское населеніе. На судѣ, приговорившемъ Эмса къ семилѣтнему заключенію въ пенитенціарной тюрьмѣ,—наказанію, влекущему за собою потерю всѣхъ гражданскихъ правъ навсегда, было безусловно доказано самое нахальное лихоимство;—полиція, завѣдуемая роднымъ братомъ Эмса, человѣкомъ чрезвычайно

предпріимчивымъ и изобрѣтательнымъ, накладывала ежемѣсячные поборы на кабаки, игорные и публичные дома, на проститутокъ-одиночекъ, на извозчиковъ, даже на гостинницы и магазины: для плативших эту дань учрежденій и лицъ ни общіе законы, ни гражданскія постановленія не существовали, и у обобранныхъ ими всевозможными средствами лицъ, преимущественно пріѣзжихъ, не было положительно никакой защиты. Было доказано, что нѣкоторые игорные и публичные дома платили по тысячѣ слишкомъ долларовъ въ мѣсяцъ правильной дани, помимо спеціальныхъ контрибуцій за выдающіеся по своему безобразію случаи. Самое существованіе игорныхъ домовъ какого бы то ни было рода безусловно запрещено въ городѣ Миннеаполисѣ самымъ положительнымъ закономъ,—а они велись такъ же открыто, какъ любая лавка или парикмахерская, и сама полиція самымъ откровеннѣйшимъ образомъ указывала ихъ всѣмъ желающимъ играть. Въ публичныхъ домахъ опаивали и обирали посѣтителей самымъ безнаказаннымъ образомъ, — было много сомнительныхъ убійствъ, оставшихся нераскрытыми, благодаря открытому потворству властей. Кабаки торговали цѣлыя сутки, даже не запирая открытыхъ дверей на улицу. Было установлено, что поборы эти приносили Эмсу и его шайкѣ цѣлые милліоны долларовъ ежегодно, изъ года въ годъ, и хотя все это задолго до суда было досконально извѣстно всякому обывателю, все-таки Эмсъ выбирался почти единогласно нѣсколько тэрмовъ подъ-рядъ. Только случайная ссора между его сообщниками, въ одинъ прекрасный день не съумѣвшими раздѣлить полюбовно свои доходы, вывела все дѣло на Божій свѣтъ и вызвала разгромъ всей шайки. Любопытнѣе всего то, что даже послѣ того, какъ Эмсъ былъ осужденъ и заключенъ въ тюрьму, его популярность, повидимому, пошатнулась только очень мало, такъ какъ нѣкоторыя газеты города, несомнѣнно хорошо знакомыя съ общественнымъ его настроеніемъ, не стѣснялись утверждать положительно, что случись городскіе поборы послѣ этого суда, и не будь Эмсъ лишенъ правъ выбираться,—городъ опять, огромнымъ большинствомъ, выбралъ бы его своимъ мэйоромъ.

Въ штатѣ Миссури и въ городѣ Санъ-Луисѣ проворовались уже не отдѣльныя лица, а весь городской совѣтъ и вся штатная легислатура. Плохо вѣрится, чтобы въ XX-мъ вѣкѣ въ свободной Америкѣ были возможны такія возмутительныя дѣла, какія были разоблачены за послѣдній годъ прокуроромъ Фолькомъ (Folk). Разнообразное по составу, большинство какъ городского совѣта, такъ и легислатуры, составляло комбинаціи, продававшія чуть не съ публичнаго торга все, что угодно—концессіи городскимъ электрическимъ желѣзнымъ дорогамъ, газовымъ обществамъ, даже монополіи такимъ продуктамъ, какъ дрожжи, школьные учебники и т. д. Въ Миннеаполисѣ подкупали

мэйора, который назначалъ по своему усмотрѣнію полицейскихъ и другихъ чиновъ нужнаго ему сорта;—въ Миссури подкупали большинство обѣихъ палатъ законодательнаго собранія штата въ составѣ слишкомъ сотни членовъ, съ вице-губернаторомъ во главѣ. И подкупали настолько успѣшно, что милліонныя концессіи шли за жалкія тысячи, и даже уничтожалась всякая конкурренція такими предметами первой необходимости въ каждомъ домѣ, какъ дрожжи. Правда, двухъ или трехъ изъ этихъ взяточниковъ Фолькъ засадилъ-таки въ тюрьму. послѣ долгой и неимовѣрно трудной борьбы съ лучшими адвокатскими талантами всей страны,—но громадное ихъ большинство даже едва ли будетъ потревожено судомъ, такъ какъ Фолькъ уже устранился отъ своей прокурорской должности: встревоженные его свирѣпой энергіей, вожаки политическихъ силъ штата предложили ему кандидатуру въ губернаторы, которую онъ и принялъ;—продолженіе дѣлъ передано его помощникамъ, съ которыми взяточники, конечно, съумѣютъ справиться.

Уголовная процедура американскихъ судовъ такъ сложна, такъ полна техническими тонкостями, и подсудимый пользуется такими широкими правами, что добиться окончательнаго обвинительнаго приговора въ такихъ неизбѣжно темныхъ и по самой силѣ вещей запутанныхъ дѣлахъ, какія сопряжены со взяточничествомъ, чрезвычайно трудно, а почасту и невозможно. Почтовый департаментъ федеральнаго правительства, управляемый особымъ кабинетъ-министромъ, генералъ-почтмейстеромъ—Postmaster General—всегда болѣе или менѣе подвергался упрекамъ въ фаворитизмѣ и взяточничествѣ. Его бюджетъ очень великъ, свыше 150-ти милліоновъ долларовъ въ годъ, и его контракты по передвиженію почтъ и снабженію его разными припасами разбросаны по всему Союзу и трудно поддаются контролю. Уже много лѣтъ ежегодно возбуждаются десятки и сотни дѣлъ по всевозможнымъ обвиненіямъ противъ разныхъ чиновъ почтоваго вѣдомства. Но и тутъ, за послѣдніе два-три года, скандалы дошли, повидимому, до апогея. Административныя изслѣдованія, къ сожалѣнію, обыкновенно оканчиваются ничѣмъ, а до конгрессіоннаго—контролирующая обѣ палаты конгресса республиканская партія упорно не допускаетъ. Тѣмъ не менѣе, за послѣдній годъ было-таки доказано нѣсколько возмутительнѣйшихъ случаевъ самаго откровеннаго взяточничества. Особенно возбудили общественное мнѣніе дѣла федеральныхъ сенаторовъ—Дитрихса, отъ штата Нэбраски, и Бюртона, отъ штата Канзаса. Дитрихсъ обвинялся въ томъ, что назначалъ почтмейстеровъ въ своемъ штатѣ, предварительно обязавъ ихъ арендовать для помѣщеній почтамтовъ, за крайне высокую цѣну, такія зданія, въ которыхъ онъ былъ самъ непосредственно заинтересованъ. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, едва ли оставалось какое-либо сомнѣніе въ томъ, что онъ

былъ виновенъ,—но дѣло закончилось ничѣмъ, благодаря техническимъ несовершенствамъ въ обвиненіи,—можетъ быть, умышленнымъ. Бюртонъ же былъ безусловно осужденъ и приговоренъ къ тюремному заключенію за то, что, состоя федеральнымъ сенаторомъ, получалъ жалованье, и очень большое, какъ адвокатъ, отъ спекулятивной частной компаніи, которая пользовалась почтой для завѣдомо мошенническихъ продѣлокъ, что̀ воспрещено прямымъ закономъ. До сихъ поръ федеральный сенатъ Союза всегда стоялъ очень высоко въ глазахъ американскаго народа—взяточничество въ средѣ его членовъ считалось немыслимымъ, и дѣла Дитрихса и Бюртона имѣютъ громадное, далеко проникающее общественное значеніе, доказавъ, что и этотъ послѣдній пріютъ неподкупности несомнѣнно заразился за послѣднее время служеніемъ Маммону до такой степени, что даже уголовный судъ оказался въ состояніи достичь и покарать одного изъ его членовъ.

II.—Панамскій каналъ.

Прорытіе Панамскаго перешейка,—эта мечта передовыхъ людей Союза за все прошлое столѣтіе,—повидимому, сдѣлало окончательный шагъ къ своему осуществленію. Исторія этого предпріятія очень длинна и полна самыми сенсаціонными эпизодами, одинъ страннѣе и темнѣе другого. Читатель, конечно, знакомъ болѣе или менѣе съ французской ея эрой. Она только-что закончилась; къ сожалѣнію, и американская, пока, нисколько не чище французской. И въ ней встрѣчаются, одинъ за другимъ, такіе фазисы, которые не только не ясны, но и свидѣтельствуютъ о заговорахъ, подкупахъ, и всякихъ другихъ несомнѣнно грязныхъ пріемахъ. Американская коммиссія объ изысканіи наиудобнѣйшаго пути, послѣ почти трехлѣтней работы, сначала единогласно рекомендовала никарагвскій, затѣмъ внезапно, безъ какихъ бы то ни было объясненій—по крайней мѣрѣ, публичныхъ—вотировала такъ же единогласно за покупку Панамскаго канала у французской компаніи за извѣстную цѣну. Коммиссія эта была назначена еще слишкомъ четыре года тому назадъ покойнымъ президентомъ Макъ-Кинлэемъ, когда никарагвскій путь считался американскимъ общественнымъ мнѣніемъ единственнымъ осуществимымъ на практикѣ. Со вступленіемъ въ должность Рузевельта, коммиссія эта внезапно утратила свою энергію и стала замѣтно тянуть свои изслѣдованія. Въ виду послѣдовавшихъ событій, есть всякое основаніе предполагать, что ея первый докладъ въ пользу никарагвскаго пути былъ просто угрозой французской компаніи, дабы вынудить ее спустить цѣну со ста милліоновъ долларовъ на сорокъ, угрозой, которая подѣйствовала съ большимъ успѣхомъ. Пока коммиссія занималась никарагв-

скимъ путемъ, велись негласные переговоры и съ правительствомъ республики соединенныхъ штатовъ Колумбіи, и съ панамской компаніей—переговоры эти съ теченіемъ времени закончились заключеніемъ трактата съ первымъ и контракта о покупкѣ канала со второй, обусловленнаго ратификаціей перваго конгрессами обѣихъ заинтересованныхъ странъ. Трактатъ этотъ, сохраняя на словахъ всѣ сюзеренныя права надъ территоріей полосы Панамскаго канала за Колумбіей, въ дѣйствительности передавалъ ихъ цѣликомъ Соединеннымъ-Штатамъ, которые обязывались уплатить за это Колумбіи десять милліоновъ долларовъ наличными и выполнить ея обязательства относительно французской компаніи. Въ свое время онъ былъ ратификованъ американскимъ сенатомъ, но боготскій конгрессъ, послѣ продолжительныхъ преній, единогласно отвергъ его, какъ утверждала американская печать, только потому, что его вожаки не могли согласиться по предмету имѣвшейся получиться съ Союза суммы. Этотъ отказъ, повидимому, рѣшалъ все дѣло въ пользу никарагвскаго пути, не представлявшаго никакихъ политическихъ затрудненій и единогласно рекомендованнаго коммиссіей. Такой исходъ, конечно, ставилъ французскую компанію въ безвыходное положеніе; она не могла даже надѣяться ни добыть денегъ на окончаніе постройки канала, ни продать его американскому правительству. Тогда эта компанія устроила панамскую революцію—отдѣленіе штата Панамы съ нѣкоторыми смежными съ нимъ провинціями отъ союза соединенныхъ штатовъ Колумбіи и образованіе независимой республики Панамы. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что этотъ неожиданный и чрезвычайно скороспѣлый coup d'état былъ устроенъ не только съ вѣдома, но и при активной, хотя и тайной, помощи вашингтонскаго правительства, которое не только признало новую республику чуть ли не на другой же день по ея объявленіи, но и немедленно отправило въ ея воды съ обѣихъ сторонъ перешейка довольно значительныя для этихъ картонныхъ государствъ морскія силы и высадило войска подъ предлогомъ охраны порядка на панамской желѣзной дорогѣ, идущей параллельно каналу и соединяющей гавань Караибскаго моря—Колонъ—съ гаванью Тихаго океана—Панамой. Боготское правительство всячески протестовало и нѣкоторое время грозило войной и новой республикѣ, и Сѣверо-Американскому Союзу, но оно такъ безсильно, такой безповоротный банкротъ, и въ финансовомъ, и въ военно-морскомъ отношеніи, что протесты эти были оставлены безъ всякаго вниманія,—хотя несомнѣнно, что право и истина были всецѣло на его сторонѣ. Международное право давно выработало извѣстныя требованія, которыя всякое вновь испеченное государство должно удовлетворить прежде, чѣмъ можетъ разсчитывать на свое признаніе иностранными правительствами;—въ данномъ случаѣ ни одно изъ нихъ не было выполнено Панамой, не

обладавшей хоть какой-нибудь организованной властью, когда Соединенные-Штаты открыто признали ее и даже двинули свои морскія и военныя силы въ ея защиту. Какова была бы исторія Сѣверо-Американскаго Союза—да и всего міра,—еслибъ въ 1861 году Европа признала правительство конфедератскихъ штатовъ, несомнѣнно выполнившее весьма скоро всѣ требованія международнаго права на свое признаніе? Но современное вашингтонское правительство такъ заражено имперіализмомъ, что требованія справедливости и права не имѣютъ для него, повидимому, никакого значенія—кто силенъ, тотъ и правъ,—и панамская республика была не только признана, но и защищена оружіемъ отъ нападенія ея метрополіи. Дѣйствительный характеръ всѣхъ этихъ событій характеризуется всего нагляднѣе тѣмъ фактомъ, что главнымъ воротилой и душой ихъ былъ французскій гражданинъ Буно-Варилла, повѣренный панамской канальной компаніи на мѣстѣ, извѣстный авантюристъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытавшійся продать Панамскій каналъ и русскому правительству. Съ того момента, какъ панамскій coup d'état сдѣлался совершившимся фактомъ, оффиціально признаннымъ Американскимъ Союзомъ, а затѣмъ немедленно и Великобританіей, дѣла пошли какъ по маслу. Былъ быстро составленъ новый трактатъ между вашингтонскимъ правительствомъ и новой республикой, причемъ всѣ переговоры со стороны этой послѣдней велись тѣмъ же Буно-Варилла; трактатъ этотъ былъ ратификованъ обѣими сторонами—не безъ сильной, однако, оппозиціи въ сенатѣ Соединенныхъ-Штатовъ со стороны всѣхъ его членовъ, не совсѣмъ еще утратившихъ сознаніе о добрѣ и злѣ,—и каналъ оказался купленнымъ у французской компаніи за 40 милліоновъ долларовъ. Въ настоящій моментъ деньги сполна уплачены, и собственность канала уже передана въ завѣдываніе новой американской коммиссіи, только-что назначенной Рузевельтомъ для продолженія постройки канала за счетъ вашингтонскаго правительства. Отставной адмиралъ Вòкеръ—Walker,—уже лѣтъ двадцать участвовавшій во всѣхъ коммиссіяхъ, въ разное время назначавшихся для изслѣдованія никарагвскаго и панамскаго путей, состоитъ предсѣдателемъ, и уже приняты всѣ мѣры къ оздоровленію мѣстности и къ сдачѣ разныхъ участковъ работъ по контракту. Предполагаютъ, что каналъ будетъ стоить 200 милліоновъ долларовъ, и что понадобится около десяти лѣтъ на его окончаніе.

Здѣшнее общественное мнѣніе и пресса отнеслись ко всѣмъ этимъ событіямъ какъ-то необычайно апатично. Имъ преподносили, одинъ за другимъ, совершившіеся факты, а всѣ попытки оппозиціи въ конгрессѣ добраться до секретныхъ документовъ и дѣйствительныхъ мотивовъ—остались тщетными. Правительственная машина президента Рузевельта превосходно вымуштрована и представляетъ по всѣмъ подобнымъ предметамъ совершенно непроницаемый фронтъ. Органы

администраціи, конечно, восхваляли на всевозможные лады энергію и предпріимчивость президента и его совѣтниковъ, но массы публики едва ли сочувствуютъ всей этой откровенной безпринципности и, вѣроятно, опасаются за цѣлесообразность такихъ прецедентовъ для будущаго. Я лично думаю, что имперіалистическія тенденціи и весьма, со времени испано-американской войны, распространенное національное бахвальство въ весьма существенной степени притупили у насъ общественную совѣсть, и что очевидная апатія нашего общественнаго мнѣнія по поводу этихъ событій отчасти объясняется именно этимъ. Съ другой стороны, весь американскій народъ страстно жаждетъ скорѣйшей постройки канала. Трансконтинентальные желѣзнодорожные интересы тормазили его такъ долго и такъ успѣшно, что народъ этотъ былъ заблаговременно подготовленъ къ какому бы то ни было рѣшенію вопроса, лишь бы оно было въ утвердительномъ смыслѣ. Мнѣ лично приходилось слышать это десятки разъ изъ устъ несомнѣнно честныхъ и порядочныхъ людей. „Господь съ ними, съ этими неправильностями, — говорятъ они, — лишь бы каналъ былъ прорытъ. Мы дошли до того пункта въ нашей исторіи, что онъ сдѣлался абсолютной необходимостью. Онъ удвоитъ силу нашего флота, усилитъ наши экспортныя способности, измѣнитъ въ нашу пользу значеніе многихъ и западныхъ, и, въ особенности, восточныхъ современныхъ торгово-распредѣлительныхъ центровъ, и дастъ имъ въ руки громадный коммерческій престижъ. А политическая честность никогда не была въ модѣ и никогда не содѣйствовала промышленному и коммерческому процвѣтанію странъ и народовъ. Конечно, лучше было бы избѣжать всѣхъ этихъ темныхъ, секретныхъ фазисовъ,—но если они были необходимы для достиженія цѣли, и если наши представители не усомнились,—съ ними необходимо мириться. Лучше каналъ съ ними, чѣмъ никакого канала"!!

III.—Анархія въ штатѣ Колорадо.

Въ числѣ составляющихъ союзъ штатовъ есть одинъ, который за послѣдніе два-три года упорно и ежедневно напоминаетъ о своемъ существованіи всему американскому народу самыми сенсаціонными неожиданностями. Онъ невеликъ, всего съ полумилліоннымъ населеніемъ, но уже нѣсколько лѣтъ стоитъ во главѣ всѣхъ остальныхъ по производству драгоцѣнныхъ металловъ, въ особенности золота. Это—штатъ Колорадо. Онъ заключаетъ въ себѣ узелъ Скалистыхъ горъ и представляетъ собою, въ топографическомъ отношеніи, „крышу Америки", какъ Памиръ—„крышу Азіи" и Стараго Свѣта. Всѣ его значительныя поселенія расположены на огромной, сравнительно, вы-

сотѣ, отъ 5 до 9 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, и его жители дышутъ тѣмъ разрѣженнымъ, но чистымъ горнымъ воздухомъ, который, повидимому, вливаетъ въ нихъ особенную стремительность даже для вообще быстро живущаго и энергичнаго американскаго народа. Еще восемь лѣтъ тому назадъ, въ 1896 г., когда вновь возникшій серебряный вопросъ раздвоилъ Америку такъ быстро и очевидно, вожаки политической жизни штата Колорадо,—съ сенаторомъ Тэллеромъ во главѣ,—своимъ демонстративнымъ, крайне необычнымъ въ Америкѣ выходомъ изъ національной конвенціи республиканской партіи, вызвали общее осужденіе и упреки въ непримиримости и неукротимости, а бывшій въ то время губернаторомъ штата популистъ Уэйтъ заявилъ публично, что его штатъ восстанетъ открыто и не побоится „крови до узды коней его всадниковъ", если будетъ принята золотая валюта. Такая же нетерпимость и страстность характеризовали съ тѣхъ поръ и всю внутреннюю жизнь Колорадо, пока, наконецъ, на почвѣ борьбы капитала съ трудомъ, она не обратилась въ абсолютную анархію. Громадное большинство жителей занимается горнымъ дѣломъ—добываніемъ золота, серебра, каменнаго угля. Ни земледѣлія и скотоводства, ни какихъ бы то ни было промышленныхъ производствъ, кромѣ непосредственно связанныхъ съ горнымъ дѣломъ, въ немъ почти нѣтъ, если исключить незначительный сѣверо-восточный уголъ, заключающій въ себѣ всего два-три небольшихъ графства. Рудники составляютъ поэтому почти единственный raison d'être штата Колорадо, и вся его жизнь сложилась соотвѣтственно. Рабочіе союзы въ немъ особенно сильны, и „Западная федерація рудокоповъ"—Western Miners Federation—давно уже перенесла свою главную квартиру въ Колорадо, какъ признанный центръ рудокопной промышленности всего американскаго Запада. Пользуясь значительнымъ большинствомъ голосовъ во всѣхъ почти графствахъ и городахъ штата, организація эта почти повсюду выбирала своихъ представителей во всѣ общественныя должности, и, за предшествовавшее настоящему четырехлѣтіе, успѣла захватить контроль и надъ легислатурой, и надъ исполнительной властью всего штата. Никакъ нельзя сказать, чтобъ она воспользовалась этой властью хоть сколько-нибудь умѣренно,—напротивъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что ея вожаки очень скоро дошли до крайностей, и своими требованіями, часто неразумными, а иногда и прямо нелѣпыми, успѣли вызвать самую упорную оппозицію и сплоченіе всѣхъ такъ или иначе противныхъ имъ элементовъ населенія, помимо ихъ принадлежности къ обычнымъ въ Америкѣ политическимъ партіямъ. Даже въ средѣ самого союза, несмотря на его казавшееся всемогущество, стали происходить постоянные расколы,—консервативные въ немъ элементы, не одобрявшіе многихъ дѣйствій захватившихъ контроль радикаловъ, стали открыто от-

падать и присоединяться къ завѣдомой оппозиціи. Въ нѣкоторыхъ графствахъ и почти во всѣхъ рудокопныхъ центрахъ выбранныя союзомъ власти открыто пренебрегали не только законами штата, но и федеральными, образовали государство въ государствѣ и дѣйствовали съ драконовской суровостью и очевиднымъ пристрастіемъ по всѣмъ спорнымъ вопросамъ. Это было царство союзнаго террора, ничѣмъ не обузданнаго и ни передъ чѣмъ не останавливавшагося въ достиженіи всѣхъ самыхъ крайнихъ своихъ требованій. Рудокопная собственность очутилась „внѣ закона" настолько, что рѣшенія верховныхъ судовъ штата и даже союза оставались безъ исполненія, ибо подлежащія власти открыто отказывали въ повиновеніи имъ. Не будучи въ состояніи оплачивать производства, рудокопныя компаніи стали сначала урѣзывать его, а затѣмъ и совсѣмъ закрывать—появился застой въ дѣлахъ, безработица, наконецъ коммерческія банкротства. Все населеніе штата оставило въ сторонѣ свою бывшую принадлежность къ той или другой политической партіи, свои старые счеты и перекоры, и рѣзко раздѣлилось на двѣ части — союзную, поддерживавшую дѣятельность западной рудокопной федераціи, и анти-союзную, назвавшую себя партіей закона и порядка. Ея организація все усиливалась, сплочивалась, и на послѣднихъ выборахъ разбила союзъ и успѣла выбрать въ чины штата своихъ кандидатовъ, хотя этотъ послѣдній во многихъ графствахъ и въ особенности городахъ все-таки выбралъ многихъ мѣстныхъ чиновъ, шерифовъ и мэйоровъ, изъ своихъ рядовъ. Оппозиція союзу организовала повсюду „союзы гражданъ" — Citizens Alliance—и началась свирѣпая борьба, уже съ властями штата на сторонѣ послѣднихъ. Закрывшіеся рудники стали открываться съ не-союзными рабочими, и начался цѣлый рядъ преступленій и противъ собственности этихъ рудниковъ, и противъ ихъ рабочихъ. Рудничныя зданія поджигались, машины портились, шахты и штольни взрывались динамитомъ, много не-союзныхъ рабочихъ было искалѣчено и даже убито. Взрывались даже цѣлые желѣзнодорожные поѣзда, шедшіе къ рудникамъ съ припасами и рабочими. Убитъ былъ за своимъ чайнымъ столомъ, въ кругу семьи, управляющій одного рудника, англичанинъ Сюлливанъ. Ни одно изъ этихъ преступленій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ и постоянно учащавшихся, не было раскрыто;—власти утверждали, что мѣстные чины, выбранные союзомъ, всячески противодѣйствовали штатнымъ при слѣдствіяхъ, и начался настоящій терроръ. Благодаря интенсивности этой борьбы и страстному, возбужденному до-нельзя партизанству сторонъ, чрезвычайно трудно оцѣнить правильно ихъ взаимное положеніе и взаимныя обвиненія, но фактъ существованія абсолютнаго террора отрицать никакъ нельзя. Несмотря, однако, на все это, многіе рудники въ округахъ Криппль-Крика—самаго значительнаго золотоноснаго района штата—Виктора

и Теллурайда—все-таки продолжали работу, безпрекословно подчиняясь всѣмъ союзнымъ требованіямъ; эти рудники съ такимъ богатымъ, содержаніемъ металла, что они могли выносить ихъ, тогда какъ всѣ болѣе бѣдные содержаніемъ были вынуждены къ закрытію. За недостаткомъ мѣстнаго топлива, рудники эти должны были отсылать свою руду для обработки на специальные рудоплавильные заводы въ городѣ Денверѣ и другихъ трактахъ,—заводы, составляющіе отдѣльныя промышленныя предпріятія, ни въ чемъ не зависимые отъ рудниковъ и всегда работавшіе девять часовъ въ день. Однимъ изъ главныхъ требованій „Западной рудокопной федераціи" было введеніе законодательнымъ порядкомъ восьмичасового рабочаго дня для всѣхъ безъ исключенія рабочихъ штата; послѣдняя легислатура не провела подобнаго закона, и федерація рѣшила ввести его сама, своей властью, и потребовала отъ вышеупомянутыхъ рудоплавильныхъ заводовъ сокращенія ихъ девятичасового рабочаго дня на восьмичасовой, хотя рабочіе этихъ заводовъ не состояли въ числѣ ея членовъ; они составляютъ самостоятельную рабочую организацію и были, повидимому, довольны своимъ положеніемъ, такъ какъ, когда заводы отказали федераціи въ ея требованіи, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что не имѣютъ никакого къ ней касательства, рабочіе продолжали свою работу на прежнихъ условіяхъ. Необходимо при этомъ замѣтить, что всякая заработная плата въ штатѣ Колорадо необычно высока, значительно выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было во всемъ остальномъ союзѣ. Тогда федерація порѣшила остановить работу на всѣхъ рудникахъ, посылавшихъ свою руду на эти заводы, хотя бы рудники эти и выполняли всѣ предъявленныя къ нимъ самимъ союзныя требованія. У рудниковъ не было выбора—они были наказаны федераціей за грѣхи денверскихъ заводовъ, отъ нихъ абсолютно независимыхъ. Нѣкоторые, устрашенные царившимъ въ штатѣ союзнымъ терроромъ, подчинились и въ этомъ случаѣ—и закрылись; другіе, съ теченіемъ времени, вздумали пытаться начать работу съ трудомъ не-союзнымъ. Съ одной стороны, высокая заработная плата привлекала новыхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстностей; съ другой,—расколъ въ самомъ союзѣ все увеличивался, и многіе изъ его членовъ желали продолжать работу. По мѣрѣ того какъ открывались эти рудники, начались на нихъ нападенія,—и мѣсяца два тому назадъ цѣлая группа не союзныхъ рабочихъ, ожидавшая поѣзда по желѣзнодорожной станціи, была взорвана на воздухъ динамитомъ, причемъ пятнадцать человѣкъ были убиты и многіе искалѣчены на всю жизнь. Этотъ взрывъ подѣйствовалъ какъ электрическій токъ на всѣ анти-союзные элементы — они собрались съ силами и устроили настоящій бѣлый терроръ. Губернаторъ Пибоди объявилъ многія мѣстности штата на военномъ положеніи, прислалъ милицію; граждане образовали комитеты

безопасности, заставили всѣхъ мѣстныхъ чиновъ съ союзными симпатіями выйти въ отставку, замѣнили ихъ своими ставленниками—и началась самая безобразная расправа со всѣмъ, что̀ такъ или иначе принадлежало рудокопному союзу. Не только его чины и члены, но и извѣстные своими къ нему симпатіями люди другихъ профессій, адвокаты, купцы, различные ремесленники, хватались вновь учрежденными властями, содержались подъ крѣпкимъ карауломъ милиціи въ особо устроенныхъ тюрьмахъ и затѣмъ десятками и сотнями насильно вывозились съ особыми поѣздами за границу штата Колорадо. Всякая законная процедура, всѣ установленныя конституціей права человѣка были упразднены и попраны, дѣйствіе закона „Habeas corpus" пріостановлено прокламаціей губернатора, и верховный судъ штата поддержалъ его во всѣхъ этихъ исполнительныхъ распоряженіяхъ, признавъ авторитетъ исполнительной власти въ сущности безграничнымъ, разъ она нашла необходимымъ объявить военное положеніе. Обыски, аресты, секвестрація имущества, административныя высылки безъ какихъ бы то ни было церемоній или объясненій—все это было пущено въ ходъ и практикуется и по настоящій моментъ.

Само собой разумѣется, что ничто такъ не расшатываетъ чувство законности въ извѣстной мѣстности, какъ открытое попраніе закона самими установленными для его поддержанія властями. Начало настоящей анархіи въ штатѣ Колорадо, конечно, вызвано было „Западной рудокопной федераціей", ея стремленіемъ къ господству во что бы то ни стало, не разбирая методовъ и путей. Но и губернаторъ штата, и другія законныя его власти несомнѣнно преступили всякія границы, и своими дѣйствіями надолго дискредитировали свой штатъ въ глазахъ массъ американскаго народа. Насколько мнѣ извѣстно, во всей исторіи союза это первый примѣръ насильственной перетасовки состава всего населенія цѣлыхъ мѣстностей, посредствомъ массовыхъ административныхъ высылокъ. Подобное насиліе едва ли можетъ продолжаться долго. Рудокопный союзъ пользуется поддержкой, и моральной, и финансовой, отъ „Американской федераціи труда", организаціи съ слишкомъ двумя милліонами членовъ, и конечно станетъ продолжать эту борьбу и въ будущемъ. Чѣмъ бы она ни кончилась,—несомнѣнно одно, что уваженіе къ закону и общественное чувство законности въ штатѣ Колорадо—да и во всей Америкѣ — получили самый существенный ударъ, который, при настоящей общей натянутости отношеній организованнаго капитала къ организованному труду, не преминетъ отозваться вездѣ, гдѣ бы капиталъ и трудъ ни вступили въ активную борьбу.

П. А. Тверской.

Августъ 1904.
Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1904.

Періодъ ожиданій, наступившій для русскаго общества.—Законность, какъ желанное благо и необходимое условіе развитія.—Законъ и дискреціонная власть.—Форма и содержаніе.—Два противоположныя теченія.—Недоказанное обвиненіе.—Тенденція или случайность?—Отвѣтъ на возраженіе.

Отчасти подъ давленіемъ военныхъ событій, отчасти подъ вліяніемъ причинъ болѣе давнихъ и болѣе сложныхъ, русское общество вступило въ періодъ ожиданій, къ которымъ въ самое послѣднее время присоединились первые лучи надежды. Среди многоразличныхъ пожеланій, иногда высказываемыхъ прямо, еще чаще—таящихся на днѣ сердецъ, наиболѣе элементарнымъ и именно потому наиболѣе опредѣленнымъ является то, которое можетъ быть формулировано однимъ словомъ: *законность*. Это слово обнимаетъ собою неприкосновенность и постоянство правъ, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, наглядность черты, отдѣляющей дозволенное отъ недозволеннаго—короче, все то, чѣмъ обезпечивается гражданская свобода, все то, что̀ составляетъ отличительный признакъ истиннаго правопорядка. Въ благоустроенномъ государствѣ каждый долженъ знать, что̀ можетъ грозить ему отвѣтственностью, въ чемъ заключается эта отвѣтственность, въ какомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ какихъ формъ она подлежитъ осуществленію. Кто принимаетъ участіе въ общественной дѣятельности, для того должны быть ясны какъ ея границы, такъ и способы ея прекращенія; онъ долженъ быть убѣжденъ, что ему ни въ какомъ случаѣ не будетъ поставлено въ вину пользованіе его правомъ. Безъ этихъ условій столь же немыслима нормальная публичная и частная жизнь, какъ невозможно безъ чистаго воздуха здоровое физическое существованіе.

Объ одномъ изъ самыхъ обычныхъ у насъ нарушеній законности напомнило весьма кстати „Право" (№ 36), въ статьѣ В. А. Мякотина: „Отмѣна тѣлесныхъ наказаній". Чрезвычайно интересно приведенное здѣсь извлеченіе изъ записки великаго князя Константина Николаевича, относящейся къ 1862-му году и подчеркивавшей особую опасность тѣхъ тѣлесныхъ наказаній, которыя назначаются безъ суда, административною властью. Эта сторона вопроса была, къ несчастію, оставлена безъ вниманія при ограниченіи тѣлесныхъ наказаній по суду, состоявшемся въ 1863-мъ году. Массовыя экзекуціи, завѣщанныя традиціями крѣпостной эпохи, продолжали практиковаться какъ

при усмиреніи крестьянскихъ волненій, такъ и при подавленіи, въ городахъ, уличныхъ безпорядковъ. Въ особенно широкихъ размѣрахъ онѣ были допущены въ 1870 г. въ Одессѣ, по распоряженію новороссійскаго генералъ-губернатора — и на ихъ явную противозаконность вслѣдъ затѣмъ было указано на страницахъ нашего журнала [1]). Въ семидесятыхъ годахъ подобныя явленія повторялись сравнительно рѣдко и не всегда оставлялись безъ преслѣдованія [2]). Большое распространеніе они получили въ восьмидесятыхъ годахъ. Съ легкой руки нижегородскаго губернатора Баранова, тѣлесное наказаніе безъ суда стало примѣняться даже къ проступкамъ, не имѣвшимъ общеопаснаго характера. Говоря объ одномъ изъ такихъ случаевъ, мы старались показать, что ни на что подобное не уполномочиваетъ администрацію ни положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, ни общій законъ [3]). Нѣчто въ родѣ санкціи экстраординарныхъ административныхъ карь выводилось иногда изъ пун. 2 ст. 340 улож. о наказ., по которому „не почитается превышеніемъ власти, когда должностное лицо, въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, и потомъ докажетъ, что оная, въ видахъ государственной пользы, была необходима". Возражая противъ этого вывода, мы старались показать, что примѣненіе пун. 2 ст. 340 предполагаетъ, во-первыхъ, *неожиданное* и *непредвидѣнное* стеченіе обстоятельствъ, между тѣмъ какъ способы предупрежденія и прекращенія безпорядковъ заранѣе опредѣлены закономъ; во-вторыхъ, при этомъ имѣется въ виду наличность *чрезвычайныхъ условій еще длящихся, еще неустраненныхъ*, между тѣмъ какъ тѣлесное наказаніе, по самому своему свойству, всегда *слѣдуетъ* за безпорядкомъ и потому не можетъ способствовать его *прекращенію*... Все шире и шире, однако, становилась область противозаконной расправы, ничего, въ сущности, не предупреждавшей, всегда являвшейся post facto. Никогда, быть можетъ, она не пускалась въ ходъ такъ часто, какъ во время холерныхъ безпорядковъ 1892-го года—и все-таки безпорядки повторялись то тамъ, то тутъ, нимало не сдерживаемые извѣстіями о способѣ ихъ подавленія. Въ половинѣ девятидесятыхъ годовъ русское общество было потрясено слухами о жестокихъ истязаніяхъ крестьянъ въ губерніяхъ ковенской (крожское дѣло) и орловской [4]). Продолжались

[1]) См. „Итоги судебной реформы" въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1871 г.

[2]) По иниціативѣ М. Е. Ковалевскаго, ревизовавшаго, въ 1880 г., казанскую губернію, привлеченъ былъ къ отвѣтственности казанскій губернаторъ Скарятинъ, обвинявшійся въ истязаніи цѣлыхъ группъ татарскаго населенія; еще раньше было возбуждено аналогичное дѣло о минскомъ губернаторѣ Токаревѣ.

[3]) См. „Внутр. Обозр." въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

[4]) По выраженію Я. П. Полонскаго, орловская экзекуція „превзошла всѣ ужасы крѣпостного права".

экзекуціи и послѣ того какъ перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, состоявшаяся въ 1895 г., возбудила надежду на бо́льшее уваженіе къ закону. Въ февралѣ 1897 г. еврейскій погромъ въ мѣстечкѣ Шполѣ (кіевской губерніи) вызвалъ, уже по окончаніи его, репрессію, выразившуюся въ томъ, что „значительная часть виновныхъ была немедленно наказана розгами, закована въ кандалы и отправлена въ уѣздный городъ". „Одно изъ двухъ" [1])—говорили мы по этому поводу:—„или противъ лица, задержаннаго полиціей или войскомъ, имѣются улики, достаточныя для возбужденія уголовнаго преслѣдованія—въ такомъ случаѣ немедленное наказаніе его несовмѣстно съ основнымъ юридическимъ принципомъ—non bis in idem; или относительно его виновности существуетъ только смутное предположеніе—въ такомъ случаѣ наказаніе его нарушаетъ еще болѣе элементарныя требованія справедливости, типичнымъ выраженіемъ которыхъ служитъ знаменитое, но постоянно забываемое изреченіе императрицы Екатерины II-ой объ одномъ невинномъ и десяти виновныхъ... Какъ устрашающая мѣра для самихъ виновниковъ безпорядка, экзекуція является слишкомъ поздно; какъ устрашающая мѣра для другихъ, на будущее время, она не достигаетъ цѣли, потому что мало кому дѣлается извѣстной или мало кѣмъ вспоминается при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ обыкновенно возникаютъ безпорядки". Весьма часто экзекуціи примѣнялись и тогда, когда ничто не угрожало общественному спокойствію и въ виду администраціи не имѣлось ничего другого, кромѣ отказа исполнить требованіе власти или даже простого нарушенія правъ частнаго лица. Поразительнымъ примѣромъ перваго служитъ дѣло о крестьянахъ ставропольскаго уѣзда, считавшихъ себя въ правѣ распоряжаться земельнымъ участкомъ гр. Орлова-Давыдова [2]); еще болѣе поразительнымъ примѣромъ второго—дѣло еврея, наказаннаго розгами, по распоряженію могилевскаго губернатора, за оскорбленіе священника... Всѣмъ памятны еще, наконецъ, массовыя экзекуціи 1902-го года въ губерніяхъ харьковской и полтавской, въ городахъ Вильнѣ и Екатеринославѣ; памятна, быть можетъ, и газетная попытка оправдать ихъ указаніемъ на *гуманность* (!) тѣлеснаго наказанія, сравнительно съ употребленіемъ оружія [3]). Будемъ надѣяться, что теперь, когда отмѣнено тѣлесное наказаніе по суду, оно исчезнетъ безслѣдно и изъ административной практики... „Такіе пріемы, какъ *сѣченіе усмиренныхъ*—выраженіе генерала Драгомирова,—говорили мы еще въ 1897 г.—не могутъ быть исправлены, смягчены, улучшены въ частностяхъ; они могутъ только быть совершенно остав-

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1897 г.
[2]) См. „Общественную Хронику" въ №№ 4 и 5 „Вѣстника Европы" за 1900 г.
[3]) См. „Общественную Хронику" въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1902 г.

лены, и мы глубоко убѣждены, что общественное спокойствіе и порядокъ отъ того нисколько не пострадаютъ" [1]).

Гораздо менѣе обыкновенны и менѣе извѣстны, но отнюдь не менѣе крупны отступленія отъ закона, допускаемыя въ области религіозной. Заслуга обнаруженія ихъ принадлежитъ главнымъ образомъ А. С. Пругавину, посвятившему этой темѣ нѣсколько обширныхъ статей въ журналѣ „Право" за 1903 и 1904 гг. Въ суздальской монастырской тюрьмѣ томился около восьми лѣтъ нѣкто Раховъ, оправданный по суду, оставленный въ покоѣ администраціей, но въ чемъ-то заподозрѣнный архангельскимъ епархіальнымъ начальствомъ. Вся предшествовавшая жизнь Рахова была полна дѣлъ благотворенія; его доброму вліянію поддавались не только низшіе слои городского населенія, но и бродяги, преступники, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе въ тюрьмахъ и этапахъ. Изъ монастырскаго заточенія онъ вышелъ психически разстроеннымъ и неспособнымъ къ дѣятельности... Въ той же тюрьмѣ содержится уже пятый годъ Ермолай Федосѣевъ, заключенный туда по ходатайству самарскаго епархіальнаго начальства, какъ „жившій въ пещерѣ и своей *лицемѣрной* (?) праведностью привлекавшій къ себѣ массы простого народа". О третьемъ арестантѣ, Чуриковѣ, недавно освобожденномъ, г. Пругавинъ приводитъ по истинѣ невѣроятные слухи, надѣясь этимъ путемъ добиться авторитетнаго ихъ разъясненія (которое, однако, до сихъ поръ, повидимому, не воспослѣдовало): говорятъ, что онъ былъ лишенъ свободы даже не по опредѣленію св. синода, а по требованію самарской духовной консисторіи, безпрекословно исполненному полиціей... Почти десять лѣтъ провелъ въ заточеніи крестьянинъ харьковской губерніи Подгорный, заподозрѣнный въ распространеніи какого-то лжеученія, но настоятелемъ монастыря признанный ни въ чемъ не виновнымъ... Три года содержится въ тюремной кельѣ священникъ Цвѣтковъ, осуждавшій подчиненіе церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора св. синода и высказавшійся за скорѣйшій созывъ вселенскаго собора... Въ виду такихъ фактовъ, далеко не единственныхъ въ своемъ родѣ, можно ли отрицать необходимость возста-

---

[1]) Приведемъ, по поводу массовыхъ экзекуцій, любопытную историческую справку. Въ концѣ XVIII-го вѣка, въ Пруссіи временъ короля Фридриха-Вильгельма, крестьяне, отказывавшіеся работать на своихъ помѣщиковъ или вообще не исполнявшіе требованій власти, неоднократно (особенно въ Силезіи, которою управлялъ деспотъ и казнокрадъ гр. Гаймъ) подвергались, безъ суда, наказанію шпицрутенами. Это возбуждало протесты со стороны судебнаго вѣдомства, но король одобрялъ дѣйствія администраціи. Въ городахъ, однако, правительство не рѣшалось прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ. Въ XIX-мъ вѣкѣ о нихъ въ Пруссіи болѣе не слышно. Хорошо было бы если бы мы отстали отъ нея въ этомъ отношеніи не болѣе какъ на одно столѣтіе.

новить и въ этой области дѣйствіе закона и оградить его отъ дальнѣйшихъ нарушеній?

Въ одномъ изъ послѣднихъ „Дневниковъ“ кн. Мещерскаго („Гражданинъ“, № 73) приведена бесѣда его съ покойнымъ В. К. Плеве по вопросу о политическихъ арестантахъ. Вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, В. К. Плеве возмущался *рутиной*, умножающей число арестовъ: „одно непровѣренное агентурное донесеніе—и цѣлая жизнь можетъ погибнуть“. Годъ спустя онъ говорилъ кн. Мещерскому: „Мнѣ казалось, что я имѣлъ право находить число арестованныхъ, мною принятыхъ отъ Сипягина, слишкомъ большимъ—а теперь у меня ихъ больше, чѣмъ при Сипягинѣ. Вотъ отчего сердце болитъ! Тутъ есть, очевидно, какой-то скрытый порокъ: я никакихъ драконовскихъ инструкцій не даю, директоръ департамента—человѣкъ мягкій и съ очень чуткимъ сердцемъ, а аресты не уменьшаются“. Да, „скрытый порокъ“ несомнѣнно имѣется на лицо, но источникъ его лежитъ не въ одной только рутинѣ, какъ полагаетъ кн. Мещерскій, а гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что такъ-называемые политическіе аресты вызываются нерѣдко дѣйствіями, вовсе не составляющими проступковъ, производятся внѣ законнаго порядка и длятся безъ соблюденія гарантій, на которыя имѣетъ право каждый арестованный. Разсчитывать на чью-либо мягкость или сердечную чуткость, при такихъ условіяхъ, нельзя: число арестовъ неизбѣжно растетъ, какъ только въ обществѣ усиливается умственное броженіе; чѣмъ больше арестовъ, тѣмъ труднѣе разобраться въ ихъ массѣ—тѣмъ продолжительнѣе, слѣдовательно, заключеніе и тѣмъ выше общая цифра заключенныхъ. Единственный выходъ изъ положенія, отъ котораго, по словамъ кн. Мещерскаго, болѣло сердце покойнаго министра—возстановленіе (или, лучше сказать, установленіе) законности въ данной сферѣ, какъ и во всѣхъ другихъ. Оно имѣлось въ виду еще въ 1880-мъ году, при упраздненіи Третьяго отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи—имѣлось въ виду и раньше, при неоднократномъ закрытіи тайныхъ канцелярій, но никогда не доводилось до конца; старыя традиціи брали верхъ, и измѣнялись, въ сущности, только названія и формы. Ни къ чему не привела бы, конечно, и палліативная мѣра, предлагаемая кн. Мещерскимъ: учрежденіе какого-то комитета изъ „прекрасныхъ (?) личностей“, который бы служилъ посредникомъ между арестованными и ихъ родителями съ одной стороны, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—съ другой. Облеченный властью, такой комитетъ скоро обратился бы въ отдѣлъ департамента полиціи; не облеченный ею, онъ оказался бы безполезнымъ и излишнимъ.

Есть еще одна область, въ которой сильно чувствуется недостаточное распространеніе законности: это—область мѣстнаго самоуправленія. По закону право участія въ земскомъ собраніи или го-

родской думѣ, пріобрѣтенное въ силу никѣмъ не оспореннаго избранія, можетъ быть утрачено, до истеченія срока, только вслѣдствіе потери общей или спеціальной правоспособности. На самомъ же дѣлѣ оно прекращается иногда помимо этихъ условій. Это влечетъ за собою не только ограниченіе правъ, весьма тяжелое для отдѣльныхъ лицъ, но и измѣненіе состава общественныхъ собраній, отражающееся на ихъ дальнѣйшей дѣятельности. Какими усложненіями грозитъ однажды допущенное отступленіе отъ законнаго порядка—объ этомъ можно судить по слѣдующему разсказу кн. Мещерскаго („Гражданинъ", № 71), фактическую сторону котораго мы оставляемъ, конечно, на его отвѣтственности. Редакторъ „Гражданина" приписываетъ покойному министру внутреннихъ дѣлъ намѣреніе обойтись, въ текущемъ году, безъ созыва тверского губернскаго земскаго собранія, для того, чтобы не подвергать вновь назначенную губернскую земскую управу систематически-пристрастнымъ нападеніямъ со стороны большинства гласныхъ. Неутвержденіе выборнаго состава управы и замѣна его лицами назначенными—явленіе не новое въ исторіи тверского губернскаго земства; никогда, однако, оно не приводило къ перерыву въ дѣятельности губернскаго земскаго собранія. Если В. К. Плеве дѣйствительно помышлялъ о такомъ перерывѣ, то причину этому слѣдуетъ искать, очевидно, въ другихъ экстраординарныхъ мѣрахъ, принятыхъ въ началѣ нынѣшняго года, по его почину, противъ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей тверской губерніи. Только онѣ давали ему поводъ думать, что ближайшее губернское собраніе отнесется съ особеннымъ недружелюбіемъ къ отчету назначенной губернской управы. Между тѣмъ, не созывать губернскаго собранія, значило бы, вопреки буквѣ и духу положенія о земскихъ учрежденіяхъ, оставить земское хозяйство на цѣлый годъ безъ правильно утвержденной смѣты, безъ улучшеній, ежегодно вносимыхъ въ него земскимъ собраніемъ. Естественнымъ послѣдствіемъ первой отсрочки явилась бы, затѣмъ, вторая: чтобы оградить управу отъ тенденціозной критики, созывъ земскаго собранія пришлось бы отложить до 1906-го года, т.-е. до истеченія срока полномочій управы. Понятно, поэтому, что предположеніе В. К. Плеве,—если оно дѣйствительно существовало,—встрѣтило возраженія даже со стороны подчиненныхъ покойнаго министра. Въ князѣ Мещерскомъ это возбуждаетъ благородное негодованіе [1]); мы думаемъ, наоборотъ, что если главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства представило министру о неудобствахъ, сопряженныхъ съ задуманной имъ мѣрой, то оно исполнило тѣмъ са-

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что взглядъ кн. Мещерскаго на данный вопросъ даетъ понятіе о степени искренности „либеральныхъ" разсужденій, которыми, за послѣдніе два мѣсяца, довольно богаты его „Дневники".

мымъ свой гражданскій и служебный долгъ и предупредило, быть можетъ, прискорбную ошибку.

Для торжества законности, въ лучшемъ, высшемъ смыслѣ этого слова, недостаточно строгаго соблюденія дѣйствующихъ узаконеній: нужно еще, чтобы ими самими не открывался безграничный просторъ для усмотрѣнія. Законовъ, не удовлетворяющихъ этому требованію, у насъ очень много. Законъ 3-го мая 1883-го года, напримѣръ, не установилъ ничего опредѣленнаго относительно условій, при которыхъ возможно устройство или хотя бы простое исправленіе раскольническихъ молитвенныхъ зданій: все зависитъ здѣсь отъ губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ, которыми ходатайство раскольниковъ всегда можетъ быть отклонено даже безъ объясненія причинъ. Такой же дискреціонный характеръ имѣетъ власть министра внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ печати, власть губернатора или градоначальника—по отношенію къ большинству частныхъ обществъ, власть земскаго начальника—по отношенію къ большинству сельскаго населенія. Неопредѣленность законодательныхъ нормъ увеличивается многочисленностью временныхъ правилъ, издаваемыхъ внѣ установленнаго закономъ порядка и часто сохраняющихъ силу въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Таковы временныя правила о печати, обнародованныя въ 1873, 1882 и 1897 гг.; таково запрещеніе штундистскихъ молитвенныхъ собраній, состоявшееся въ 1894-мъ году. Почва, создаваемая такими правилами, почти столь же зыбка, какъ и почва внѣ-законнаго или противозаконнаго произвола; прочный правопорядокъ на ней возведенъ быть не можетъ.

Самый опредѣленный законъ, при самомъ точномъ его соблюденіи, обезпечиваетъ только формально-правильное теченіе государственной жизни; внутренняя правильность ея, направленіе ея въ ту или другую сторону, принятіе или непринятіе въ разсчетъ народныхъ взглядовъ и народныхъ нуждъ—все это обусловливается *содержаніемъ* законовъ. Въ какой мѣрѣ оно отстало у насъ отъ требованій времени—это слишкомъ хорошо извѣстно: достаточно указать на юридическое положеніе народной массы, на ограниченія вѣротерпимости, на постоянно увеличивающуюся связанность мѣстнаго самоуправленія. Въ послѣднемъ отношеніи надежду на перемѣну къ лучшему подаетъ рѣчь кн. Святополкъ-Мирскаго, произнесенная имъ при вступленіи въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. „Административный опытъ,—сказалъ министръ,—привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства“.

Вѣротерпимость, какъ одно изъ руководящихъ началъ своей будущей дѣятельности, кн. Святополкъ-Мирскій подчеркнулъ еще разъ въ бесѣдѣ, которую онъ имѣлъ въ Вильнѣ съ представителемъ американской „Associated Press". Какъ онъ смотритъ на вопросъ о крестьянскомъ правопорядкѣ—это покажетъ, въ скоромъ времени, судьба работъ редакціонной коммиссіи, главный авторъ которыхъ, А. С. Стишинскій, не состоитъ болѣе въ числѣ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ. Съ „довѣріемъ къ населенію" несовмѣстима обособленность крестьянства — обособленность, равносильная зависимости и понятная лишь при признаніи народа не столько субъектомъ правъ, сколько объектомъ нескончаемой опеки.

Политикѣ благожелательности и довѣрія извѣстные органы печати продолжаютъ противопоставлять политику подозрительности, ограниченій и стѣсненій. Неблагосклонному вниманію администраціи рекомендуется, напримѣръ, московское совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ, нормальнѣе и безвреднѣе котораго ничего нельзя себѣ и представить [1]. Въ одной передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей" доказывается его незаконность, въ другой—его опасность. Въ составъ земскихъ коммиссій—такъ разсуждаютъ эти своеобразные охранители закона—могутъ входить только лица, указанныя при выборѣ поименно, а не по занимаемымъ ими должностямъ; совѣщаніе предсѣдателей управъ является, слѣдовательно, не чѣмъ инымъ, какъ съѣздомъ частныхъ лицъ, требующимъ каждый разъ особаго разрѣшенія власти. Итакъ, все дѣло въ томъ, какъ выразилось собраніе: если оно, считая нужнымъ поручить предварительное разсмотрѣніе дѣла предсѣдателямъ управъ, назвало ихъ всѣхъ по фамиліямъ, постановленіе его законно; если оно замѣнило перечень именъ общей формулой, обнимающей тѣхъ же самыхъ лицъ и не оставляющей никакого мѣста для сомнѣній, постановленіе его незаконно... Что̀ сказать о казуистикѣ, приводящей къ такимъ безсмысленнымъ выводамъ? Съ какихъ поръ, далѣе, необходимо особое разрѣшеніе для съѣзда частныхъ—или хотя бы должностныхъ—лицъ, собирающихся непублично, обсуждающихъ одинаково близкое имъ всѣмъ дѣло и не постановляющихъ никакихъ рѣшеній? Не говоря уже о практикѣ, самый законъ создалъ множество интересовъ, общихъ губернскому и уѣзднымъ земствамъ; достаточно назвать хотя бы земское страхованіе отъ огня и губернскій дорожный капиталъ. Разсматривая сообща возникающіе отсюда вопросы, представители земствъ губерніи скорѣе исполняютъ свою обязанность, чѣмъ злоупотребляютъ своимъ правомъ. Если образъ дѣй-

---

[1]) См. выше, „Внутреннее Обозрѣніе".

ствій московскаго земства нашелъ подражаніе въ другихъ губерніяхъ, это объясняется полнѣйшимъ соотвѣтствіемъ его характеру и смыслу земскаго дѣла. Только болѣзненно разстроенному—или тенденціозно настроенному—воображенію можетъ почудиться что-то зловѣщее въ мирной бесѣдѣ 15—20 лицъ о скромныхъ нуждахъ мирнаго населенія. Скажемъ болѣе: ничего общеопаснаго не представляли бы и съѣзды предсѣдателей губернскихъ управъ, одно время (въ 1896 г.) полуоффиціально допущенные, но вслѣдъ затѣмъ оффиціально запрещенные. Ничего обязательнаго для земствъ не установляя, они двинули бы впередъ земскую жизнь, быстро дѣлая общимъ достояніемъ все то хорошее и полезное, что̀ теперь подолгу остается замкнутымъ въ предѣлахъ одной или нѣсколькихъ губерній. Не лишены значенія съѣзды губернскихъ предводителей дворянства, собирающіеся періодически съ конца девятидесятыхъ годовъ—но значеніе земскихъ съѣздовъ было бы настолько же больше, насколько земская сфера дѣйствій шире и важнѣе дворянской... Вѣрная правилу: „give the dog a bad name and then hang him“, реакціонная печать спѣшитъ объединить всѣ шаги впередъ, совершаемые или задумываемые на земской почвѣ, кличкой „вредныхъ затѣй политическаго характера“, подводя подъ нее и совѣщанія предсѣдателей, и общеземскій о̀рганъ печати, и общеземскую организацію помощи больнымъ и раненымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Эта послѣдняя организація только-что получила правительственную санкцію; будемъ надѣяться, что къ столь же счастливому концу приведутъ и другія земскія „затѣи“.

А вотъ и болѣе общая программа, предлагаемая реакціонною печатью. „Отъ правительства“—восклицаетъ одинъ изъ сотрудниковъ „Гражданина“—„народъ ждетъ суровой строгости и усиленія административной и уголовной репрессій“. И больше ничего? Правительству рекомендуется именно и только та задача, которой, въ послѣднее время, были посвящены главныя его усилія?.. Нѣсколько болѣе нова „реальная дѣятельность“, къ которой призывается дворянство. Оно должно „начать съ рѣшимости удалить изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые осмѣливаются идти противъ правительства и порицать его дѣйствія“. Отъ кого же и черезъ кого дворянство можетъ получать указанія на вредныхъ своихъ сочленовъ? Ужъ не ожидается ли отъ него организація дополнительнаго надзора и сословной обвинительной камеры?.. „Дворянство—читаемъ мы дальше—должно вмѣшаться (какимъ путемъ?) въ неправильныя дѣйствія земскихъ собраній; оно должно объявить во всеуслышаніе порицаніе агитаторамъ безпорядка всѣхъ сословій и классовъ и заставить ихъ замолчать“ (какими средствами?). Не напоминаютъ ли эти выкликанья проектъ обузданія „несогласно мыслящихъ“, внесенный Салтыковымъ, съ свой-

ственной ему прозорливостью, въ „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ"?

Какія ошибки влечетъ иногда за собою поспѣшное примѣненіе административнаго усмотрѣнія—объ этомъ даетъ понятіе любопытный докладъ комитета III-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, напечатанный въ „Запискахъ Русскаго Техническаго Общества" [1]). Извѣстно, что этотъ съѣздъ былъ закрытъ раньше окончанія его занятій, по распоряженію администраціи—и такое преждевременное закрытіе не было единственнымъ послѣдствіемъ нареканій, возбужденныхъ противъ образа дѣйствій съѣзда. Что̀ же оказывается теперь, послѣ того какъ наступило время спокойнаго сведенія итоговъ? „Въ первыхъ же засѣданіяхъ нѣкоторыхъ секцій"—читаемъ мы въ докладѣ комитета—„ясно обнаружилось нѣсколько повышенное настроеніе аудиторіи, особенно оживленное и сочувственное отношеніе къ вопросамъ общаго значенія и характера, выходившимъ изъ сферы узко-дѣловой, профессіональной. Комитетъ, озабоченный правильнымъ и успѣшнымъ веденіемъ занятій на съѣздѣ, 29-го декабря подробно разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства, относящіяся къ предмету и характеру занятій съѣзда, и нашелъ, что работа во всѣхъ секціяхъ шла удовлетворительно, а интересъ къ вопросамъ общаго образованія отнюдь не противорѣчитъ основнымъ положеніямъ съѣзда. Стремленіе одной изъ секцій (десятой) особенно подчеркнуть значеніе этихъ вопросовъ не представлялось комитету ни неожиданнымъ, ни тревожнымъ. Оно было очень сильно и на второмъ съѣздѣ (1895-го года), что̀ не помѣшало ему пройти съ полнымъ успѣхомъ"... Настроеніе, отмѣченное выше, не проявлялось въ рѣзкихъ формахъ и не требовало, по мнѣнію комитета, экстренныхъ мѣръ для обезпеченія правильнаго хода занятій съѣзда. Съ 29-го декабря по 4-ое января (послѣдній день работы съѣзда) занятія во всѣхъ секціяхъ шли, въ общемъ, правильно; недоразумѣнія, возникавшія въ отдѣльныхъ случаяхъ, не получали замѣтнаго развитія и улаживались безъ особыхъ затрудненій. Инцидентъ, происшедшій 4-го января въ корридорѣ университета (недружелюбная встрѣча одного изъ членовъ съѣзда), имѣлъ къ съѣзду чисто внѣшнее отношеніе и нимало не отразился на его работахъ; вся программа, назначенная на 4-ое января, была выполнена безъ всякихъ осложненій. „5-го января, утромъ"—продолжаетъ комитетъ,—„съѣздъ оказался закрытымъ по распоряженію и. д. градоначальника. Насколько вѣски были основанія къ такой мѣрѣ, комитетъ не можетъ судить, такъ какъ эти основанія остались ему неизвѣстными. Возможно, что комитетъ не располагалъ всѣми тѣми

---

[1]) Извлеченіе изъ этого доклада помѣщено въ № 240 „Русскихъ Вѣдомостей".

свѣдѣніями, которыя имѣются у администраціи. Но члены комитета стояли близко у самаго дѣла, они были руководителями въ рабохъ съѣзда, были свидѣтелями всего происходившаго на съѣздѣ. Для сужденія о настроеніи съѣзда особенный интересъ представляютъ резолюціи 10-ой секціи (именно той, которая всего больше останавливалась на „общихъ вопросахъ"). Разсматривая эти резолюціи, комитетъ не можетъ не отмѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ изъ рамокъ съѣзда, какъ, напримѣръ, резолюціи о введеніи мелкой земской единицы, о предѣльности земскаго обложенія и нѣкоторыя другія. Но въ то же время комитетъ считаетъ долгомъ высказать, что всѣ эти пожеланія и резолюціи не выходили за предѣлы тѣхъ сужденій, которыя распространены въ современномъ русскомъ обществѣ и которыя трактуются въ текущей прессѣ, журнальной и газетной. Именно всѣ эти пожеланія относятся къ возможному расширенію и распространенію образованія въ народѣ, къ улучшенію быта рабочихъ и расширенію общественной самодѣятельности на почвѣ развитія существующихъ формъ самоуправленія... Указанные выше общіе вопросы, быть можетъ, ослабили дѣловую, практическую сторону дѣятельности съѣзда, отразились, быть можетъ, на его дѣловыхъ результатахъ, но комитетъ держится взгляда, что всѣ эти пожеланія и резолюціи не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего преступнаго, наказуемаго, требующаго принятія экстренныхъ мѣръ пресѣченія. Точно также и въ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, насколько она проявилась открыто на съѣздѣ и была на виду у предсѣдателей секцій, не было ничего такого, что̀ заслужило бы наложеніе на нихъ какихъ-либо административныхъ взысканій". Въ заключеніе комитетъ высказываетъ увѣренность, что, „несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя условія, труды съѣзда во многихъ отношеніяхъ окажутся цѣнными и полезными для дѣла техническаго и профессіональнаго образованія въ Россіи". Совѣтъ техническаго общества, выслушавъ, въ засѣданіи 10-го мая, докладъ комитета, постановилъ представить его, съ небольшими лишь редакціонными исправленіями, министру народнаго просвѣщенія, Августѣйшему покровителю школъ общества и Августѣйшему покровителю съѣзда. Этому постановленію совѣта предшествовала, очевидно, тщательная повѣрка всѣхъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ докладѣ комитета. Еслибы такая повѣрка была произведена вслѣдъ за возбужденіемъ сомнѣній въ правильности дѣйствій съѣзда, онъ былъ бы, можетъ быть, доведенъ до конца и закрытіе его не сопровождалось бы никакими „экстренными мѣрами".

Говоря, мѣсяцъ тому назадъ, объ общихъ вопросахъ, возбуждаемыхъ ревизіею московскихъ земскихъ учрежденій, мы выразили увѣренность, что относительно отдѣльныхъ фактовъ, приведенныхъ въ

ревизіонномъ отчетѣ, будутъ даны со стороны земства надлежащія объясненія. На одномъ изъ этихъ фактовъ мы считаемъ, однако, возможнымъ остановиться уже теперь, чтобы ускорить его всестороннее освѣщеніе. „Обращаетъ на себя вниманіе"—сказано въ всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ—„дополнительный подборъ въ волоколамскомъ уѣздѣ свѣтовыхъ картинъ для народныхъ чтеній, выписанныхъ въ 1902-мъ году. По новой отечественной исторіи выписано только четыре, а именно: Пугачевскій судъ, Колодникъ временъ императрицы Екатерины II-й, Вырѣзываніе ноздрей, Наказаніе фухтелями". Что „обращеніе вниманія", въ данномъ случаѣ, равносильно осужденію—это видно изъ общаго смысла замѣчаній, касающихся внѣшкольнаго образованія въ волоколамскомъ уѣздѣ. Слѣдуетъ полагать, однако, что всѣ пріобрѣтенныя картины принадлежатъ къ числу дозволенныхъ для употребленія при народныхъ чтеніяхъ: иначе была бы отмѣчена незаконность ихъ пріобрѣтенія. Куплены онѣ были какъ дополненіе къ коллекціи, существовавшей уже раньше: о намѣреніи пріобрѣтателей можно судить, слѣдовательно, только на основаніи знакомства со *всею* коллекціей. Съ какой точки зрѣнія, далѣе, можно признать нежелательнымъ показыванье народу картинъ, изображающихъ колодника временъ Екатерины II-ой, вырѣзыванье ноздрей, наказаніе фухтелями? Вѣдь все это давно отошло въ прошедшее и можетъ внушить только радостное сознаніе, что ничто подобное не угрожаетъ теперь даже самому тяжкому преступнику. Остается, затѣмъ, одинъ „Пугачевскій судъ", составляющій, вѣроятно, иллюстрацію къ „Капитанской дочкѣ"; но вѣдь если эта картина, въ нѣкоторыхъ школахъ тверской губерніи, была обращена въ орудіе возбужденія одного сословія противъ другого, то для достиженія цѣли понадобились „соотвѣтственныя поясненія" [1]). Другими словами, значеніе факта, поставленнаго въ вину волоколамскому земству, зависитъ всецѣло отъ того, скрывалась ли за нимъ извѣстная тенденція—а на существованіе такой тенденціи въ всеподданнѣйшемъ докладѣ нѣтъ никакихъ указаній.

Какъ намъ ни непріятно отводить мѣсто, въ нашей хроникѣ, экскурсіямъ въ область учебниковъ исторіи или государственнаго права, мы должны сдѣлать это еще разъ, по поводу новой статьи г. Spectator'а („Московскія Вѣдомости" № 245). Его увѣренію, что „въ конституціонныхъ государствахъ всѣ министры являются представителями тѣхъ или другихъ политическихъ партій, непрестанно борющихся изъ-за власти", мы противопоставили указаніе на германскую имперію и прусское королевство. Опровергнуть это указаніе г. Spectator,

[1]) См. правительственное сообщеніе, перепечатанное въ „Внутреннемъ Обозрѣніи" № 2 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

конечно, не можетъ—и онъ переходитъ на другую позицію, утверждая, что Германія и Пруссія составляютъ *единственное исключеніе* (курсивъ въ подлинникѣ) изъ *общаго правила*, дѣйствующаго въ *сорока восьми* изъ пятидесяти конституціонныхъ государствъ. Другими словами, г. Spectator полагаетъ, что во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ (кромѣ двухъ, которыя онъ теперь намъ уступаетъ) господствуетъ парламентаризмъ, т.-е. управленіе находится въ рукахъ партій, измѣняясь въ своемъ составѣ въ зависимости отъ торжества то одной, то другой изъ нихъ. Итакъ, въ Австріи Керберъ служитъ представителемъ побѣдоносной партіи (желательно было бы знать, какой именно)? Въ Даніи не было еще недавно такого министерства (Эструпа), которое удерживало за собою власть въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій вопреки ясно выраженной волѣ фолькетинга? Въ Норвегіи не существовалъ, въ девятидесятыхъ годахъ, кабинетъ Станга, управлявшій безъ поддержки большинства стортинга? Въ Швейцаріи союзный совѣтъ выбирается союзнымъ собраніемъ (т.-е. обоими совѣтами, облеченными законодательною властью) на три года; члены его не могутъ принадлежать къ составу законодательныхъ совѣтовъ и безсмѣнно остаются на своихъ мѣстахъ до истеченія трехлѣтняго срока, хотя бы предложенные ими законопроекты и были отклонены парламентомъ. Въ Соединенныхъ-Штатахъ министры зависятъ не отъ конгресса, въ составъ котораго они могутъ и не входить, а исключительно отъ президента. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству смѣлыя положенія публициста „Московскихъ Вѣдомостей". Замѣтимъ, кстати, что столь же далекъ онъ отъ истины и въ характеристикѣ дѣятельности партіи. Захвативъ въ свои руки министерскіе посты, партія, по его словамъ, „замѣщаетъ ихъ своими людьми, служащими не интересамъ государства, а интересамъ партіи". Въ Англіи, значитъ, такіе министры, какъ Каннингъ и Пиль, лордъ Дж. Россель и Гладстонъ, служили партійнымъ интересамъ, служили имъ даже тогда, когда шли въ разрѣзъ съ требованіями своей партіи? Интересами торіевъ руководился Робертъ Пиль, предлагая эмансипацію католиковъ или отмѣну хлѣбныхъ законовъ? Интересы либеральной партіи имѣлъ въ виду Гладстонъ, проводя ирландскій гомруль? Можно ли представить себѣ болѣе невѣрное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе низменное пониманіе государственной жизни? И какимъ образомъ могло случиться, что „служеніе интересамъ партіи" сплошь и рядомъ оказывалось совершенно согласнымъ съ интересами государства? Даже г. Spectator едва ли рѣшится утверждать, что благосостоянію и могуществу Англіи въ XIX-мъ вѣкѣ нанесло ущербъ управленіе, исходившее отъ вождей парламентскихъ партій...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола—на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19, четвергъ и воскресенье 11—12 дня и 6—7 веч.

II.—Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1905 г.

Золотая медаль, учрежденная 1878 г. С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ въ память заслугъ вице-предсѣдателя этого Общества, члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Воронова, нынѣ находящаяся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Общества Грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ 1905 г. автору лучшаго сочиненія, посвященнаго одной изъ слѣдующихъ темъ:

1) *Исторія возникновенія и развитія Обществъ содѣйствія начальному народному образованію въ Россіи и общій обзоръ ихъ дѣятельности.*

Трудъ этотъ долженъ быть написанъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и дать по возможности полную и безпристрастную картину дѣятельности этихъ Обществъ на пользу народнаго просвѣщенія; при этомъ должно быть выяснено значеніе частной иниціативы въ связи съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла и общимъ состояніемъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ, обращая должное вниманіе на примѣнявшіяся мѣропріятія для доставленія какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія, автору слѣдуетъ выяснить значеніе имѣющагося въ этомъ дѣлѣ опыта и указать желательныя средства, способы и задачи для наиболѣе плодотворнаго развитія дѣятельности Обществъ.

2) *Книга для чтенія по отечественной географіи и исторіи.*

Желательно имѣть популярно изложенный систематическій очеркъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній о Россіи для читателя, имѣющаго образованіе лишь начальное. Выборъ матеріала предоставляется автору, однако при изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду религіозное міросозерцаніе православнаго народа русскаго, необходимо преимущественно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ жизни Россіи. Весьма желательны соотвѣтственно подобранныя иллюстраціи къ тексту.

3) *Сочиненіе, посвященное вопросу о введеніи сельско-хозяйственныхъ занятій въ начальной школѣ и устройству школьныхъ хозяйствъ.*

Вопросъ этотъ долженъ быть по возможности всесторонне освѣщенъ и разсмотрѣнъ отчасти на основаніи опыта Французской и Германской школы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни. Здѣсь должно быть принято во вниманіе не столько утилитарное, сколько общепедагогическое значеніе такихъ занятій, основанныхъ на наблюденіи и ознакомленіи съ природою. Съ другой стороны, слѣдуетъ выяснить какъ общественное значеніе такихъ школьныхъ хозяйствъ, такъ и ихъ практическое значеніе для жизни сельскаго учителя. Сочиненіе это, однако, не должно ограничиваться одними общими разсужденіями академическаго характера, но заключать въ себѣ наглядные примѣры и факты, взятые изъ русской школьной жизни, а конечные выводы формулировать въ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ тезисахъ.

Всѣ представляемыя на конкурсъ сочиненія должны удовлетворять

Книга десятая. — Октябрь.

